

Дмитрий Юрьевич Пучков Олег Валерьевич Соколов
Битва трех императоров. Наполеон, Россия и Европа. 1799
– 1805 гг.

Разведопрос –

ПРЕДИСЛОВИЕ

ДМИТРИЙ GOBLIN ПУЧКОВ

РАЗВЕД ОПРОС

ОЛЕГ СОКОЛОВ

БИТВА
ТРЕХ ИМПЕРАТОРОВ.
НАПОЛЕОН, РОССИЯ И ЕВРОПА.
1799 — 1805 гг.

Текст предоставлен правообладателем
 «О. В. Соколов, Д. Пучков. Битва трех императоров. Наполеон, Россия и Европа.
 1799–1805 гг.»: ООО Издательство «Питер»; Санкт-Петербург; 2019
 ISBN 978-5-4461-1047-6

Аннотация

Эта книга посвящена интереснейшему периоду нашей истории – первой войне коалиции государств, возглавляемых Российской империей против Наполеона.

Олег Валерьевич Соколов – крупнейший специалист по истории наполеоновской эпохи, кавалер ордена Почетного легиона, основатель движения военно-исторической реконструкции в России – исследует военную и политическую историю Европы наполеоновской эпохи, используя обширнейшие материалы: французские и русские архивы, свидетельства участников событий, работы военных историков прошлого и современности.

Какова была причина этого огромного конфликта, слабо изученного в российской историографии? Каким образом политические факторы влияли на ход войны? Как разворачивались боевые действия в Германии и Италии? Как проходила подготовка к главному сражению, каков был истинный план Наполеона и почему союзные армии проиграли, несмотря на численное превосходство?

Многочисленные карты и схемы боев, представленные в книге, раскрывают тактические приемы и стратегические принципы великих полководцев той эпохи и делают облик сражений ярким и наглядным.

Олег Соколов, Дмитрий Пучков **Битва трех императоров. Наполеон, Россия и Европа.** **1799–1805 гг.**

© ООО Издательство «Питер», 2019

© Серия «РАЗВЕДОПРОС», 2019

© Олег Соколов, 2006

© Дмитрий Goblin Пучков, 2019

* * *

Предисловие

Книгу, которую вы держите в руках, решительно хочется рекомендовать всем любителям как военной истории, так и истории вообще. Прежде всего потому, что эта книга построена на огромном количестве архивных источников, причем источников не только русских, но и французских. Нечасто можно отыскать в военно-исторической литературе книгу, автор которой является патриотом своей страны, но в то же время блистательно знает культуру, язык и обычаи страны, с которой Россия воевала. Олег Валерьевич Соколов говорит на французском языке как на родном, неплохо владеет другими иностранными языками, работал во французском военном архиве, в Национальном архиве Франции и других собраниях документов по истории этой страны. Так что книга его имеет богатейшую документальную основу.

И, несмотря на обилие документов, эту книгу никак не назовешь занудной. Она написана очень легко и читается, несмотря на всю ее серьезность, почти как роман. Один из читателей Соколова сказал следующее: «Его книги по военной истории – единственные, которые понятны даже без карты». Данное мнение глубоко разделяю. Книга читается легко,

даже самые сложные военные операции описаны ясным и простым языком.

Нельзя не отметить, что Соколов – не просто историк и теоретик. Олег Валерьевич является основателем движения военно-исторической реконструкции в нашей стране. Да, именно основателем, а не «одним из основателей». Именно он в далеком 1976 г. собрал вокруг себя совсем молодых ребят, которые впервые попытались воссоздать нечто похожее на мундиры армии начала XIX в. Изначально несколько наивное увлечение со временем переросло в нечто более серьезное, в перестройку вышло из подполья, а потом распространилось по всей стране. И теперь этим интереснейшим занятием увлечены десятки тысяч людей.

Во время реконструкций, проводимых Соколовым, ему часто приходилось решать на поле «боя» задачи, близкие к тем, которые решали боевые офицеры в наполеоновскую эпоху. Так, на поле реконструкции сражения при Ватерлоо в 2015 г. под командованием Соколова было 1,5 тыс. пехотинцев из 5 тыс. участников. Без сомнения, управление подобными массами войск, построенных и действующих как солдаты начала XIX в., может научить весьма и весьма многому. Конечно, это не участие в реальном бою, но как минимум командование маневрами в точном соответствии с регламентами наполеоновской эпохи. Именно поэтому человек, объехавший на коне поля многих наполеоновских сражений и, в частности, огромное Аустерлицкое поле, изучивший на практике многие проблемы управления батальоном или эскадроном, может гораздо глубже прочувствовать и понятней изложить то, что происходило более двухсот лет назад.

Конечно, все это имеет смысл только тогда, когда подкрепляется тщательным изучением первоисточников, долгой работой в архивах с подлинниками писем и приказов изучаемого времени. У Соколова это в наличии в самой полной мере.

И здесь я хочу обратиться к еще одному достоинству предлагаемой книги. Она практически полностью построена на изучении синхронных источников, документов, исходящих из той эпохи и несущих в себе подлинный дух того времени. Ведь для многих историков описание наполеоновских кампаний сводится к пересказу своими словами более ранних исторических работ. Ничего подобного в книге Соколова нет. Данная книга – попытка осмыслить людей и эпоху, опираясь прежде всего на документы именно того времени, очищенные от последующих наслоений, которые так часто искажают весь смысл и правду об эпохе.

Разумеется, есть в произведении и спорные моменты. Однако, каким бы неожиданным ни был для читателя образ Александра I, нельзя не сказать, что он построен исключительно на реальных документах, исходящих непосредственно от самого императора Александра. На тех документах, о которых можно сказать только то, что факт – вещь упрямая. Автор нашел ряд интереснейших бумаг, которые до него никто не вводил в научный оборот. Чего только стоит дневник австрийского военного атташе барона Штуттерхайма, который до выхода первого варианта этой книги совершенно не был известен историкам!

Вообще в данной книге политике уделено столь же много места, как и военным операциям. И в этом смысле должен сказать, что редко можно увидеть книги, где автор так умело сбалансировал вопросы политические и вопросы военные. Как известно, «война есть продолжение политики другими средствами». Вся война 1805 г. была пронизана политической составляющей, и Соколов мастерски отражает это на страницах своего произведения.

В общем же могу сказать только одно: эту книгу не должен пропустить ни профессионал от истории, ни толковый любитель. Настоятельно рекомендую к прочтению.

Дмитрий Goblin Пучков

Введение

В 2006 г. вышла в свет монография автора настоящей работы «Аустерлиц. Наполеон,

Россия и Европа 1799–1805 гг.». Сейчас она стала библиографической редкостью и возникла необходимость переиздать эту книгу. Однако за время, прошедшее с написания предыдущего исследования, было найдено немало новых документов, которые хотя и не изменяют принципиально положения вышедшей в свет работы, но серьезно их дополняют и углубляют, а часто лучше подкрепляют эти положения. Именно поэтому мы посчитали возможным издать книгу под новым названием, которое, как кажется, отражает точно тематику исследования: «Битва трех императоров. Наполеон, Россия и Европа. 1799–1805».

Серьезные исторические монографии принято начинать с историографической главы. Зачастую эту главу либо вообще не читают, либо читают по диагонали, так как она состоит из длинного и скучного перечисления книг, напоминая в общем больше всего телефонную книгу. Конечно, читать такое сложно, а зачастую и малополезно. Однако обещаем, что данный историографический обзор не будет слишком нудный.

И причина здесь вовсе не в каких-то сверхъестественных способностях автора. Все очень просто – если о войне 1812 г. написаны на русском языке тысячи книг и десятки тысяч статей, то по истории 1805 г. количество таких работ можно пересчитать по пальцам. Причина очень простая. Война 1805 г. рассматривалась большинством российских историков, во-первых, как не слишком блестящий эпизод в истории русской армии, а во-вторых, лишь как некий пролог к славной Отечественной войне 1812 г., введение, о котором необходимо написать для порядка несколько строк.

Именно так описывали эту кампанию в многочисленных дореволюционных исторических работах, посвященных правлению Александра I. Именно так она представлена в книгах ведущих советских военных и невоенных историков Е. В. Тарле, П. А. Жилина, А. З. Манфреда, именно так она выглядит в трудах современных ведущих российских историков и, в частности, одного из самых крупных из них В. М. Безотосного.

В подобном контексте война 1805 г. рассматривалась крайне упрощенно. Обычно ей было отведено несколько страниц, из которых читатель мог узнать, что Наполеон в перспективе угрожал России (что воспринимается вполне естественно, ибо через семь лет начнется Отечественная война) и поэтому Александр решил присоединиться к антифранцузской коалиции. Далее случилась небольшая война, где-то в центре Европы. Увы, она была неудачной, но это, в общем, маловажно, так как Россия вскоре возьмет убедительный реванш в «настоящей» войне 1812 г. и русские войска вступят в Париж.

Но на самом деле война 1805 г. была крупнейшим международным конфликтом, открывшим за собой череду Наполеоновских войн. Войной, которая была не маловажным эпизодом, а событием крупнейшего международного значения. Она во многом предопределила дальнейшее развитие событий на европейском континенте. Не война 1805 г. объясняется через Отечественную войну 1812 г., а как раз наоборот, война 1805 г. предопределила и во многом послужила причиной войны 1812 г.

В этом смысле война Третьей антифранцузской коалиции, вне всякого сомнения, заслуживала и заслуживает самостоятельного исследования. Для понимания этого конфликта и участия в нем России необходимо изучить международную обстановку, ту, которая сложилась накануне войны 1805 г., а не пользоваться объяснениями через последующие события.

Мало кто из российских историков занимался войной 1805 г. в подобном ключе. Тем не менее ряд исследователей посвятили свои труды этому конфликту. Так, первой крупной работой на русском языке о войне 1805 г. стала книга выдающегося русского военного историка А. И. Михайловского-Данилевского «Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 г.»¹, вышедшая в Санкт-Петербурге в 1844 г.

Александр Иванович Михайловский-Данилевский был почти что участником событий.

¹ Михайловский-Данилевский А. И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 г. 1844.

Он родился в 1789 г. Уехал для обучения за границу и, получив прекрасное образование в Геттингенском университете, вернулся на родину в 1811 г., а в 1812 г. вступил в Петербургское ополчение. Будучи широко образованным человеком, тотчас же был взят Кутузовым в адъютанты. Участвовал в сражении при Бородине, был ранен при Тарутино, участвовал в Заграничном походе русской армии, был свидетелем Венского конгресса 1815 г., хорошо лично знал императора Александра I. Так что, не будучи непосредственным участником войны 1805 г., Михайловский-Данилевский общался почти со многими главными деятелями этого времени с русской стороны. Так что книга Михайловского-Данилевского ценна именно тем, что она построена не только на документальных материалах, но и на значительном количестве устных свидетельств современников.

Но на этом достоинства книги и кончаются. Написанная в качестве сугубого официоза председателем Военно-цензурного комитета, которым Михайловский-Данилевский стал в 1835 г., эта работа, разумеется, не могла быть объективным исследованием. К тому же документы, исходящие из французского лагеря, историку были практически недоступны. К моменту написания книги Михайловского-Данилевского было издано лишь незначительное количество французских мемуаров об этом периоде, сборников документов еще не появилось, а во французских архивах автор по вполне понятным причинам не работал. Так что книга Михайловского-Данилевского является односторонним официозом, хотя и написанная человеком, хорошо осведомленным о политических событиях своего времени и, без сомнения, великолепно знающим вооружение, тактику и образ войны того времени.

Практически то же самое можно сказать о другой значительной дореволюционной работе, посвященной войне 1805 г. Это шеститомная книга генерала Модеста Ивановича Богдановича «История царствования Александра I и России его времени»², вышедшая в 1869–1871 гг. В этом произведении значительное место отводится войне 1805 г. Ей посвящена часть первого тома и половина второго. В общем можно сказать, что работа М. И. Богдановича – это вполне подробная история политической и военной составляющей войны Третьей коалиции.

Книга, написанная в эпоху царя-освободителя Александра II, конечно, значительно более свободно трактует военно-политические сюжеты начала XIX в. Автор, хотя и младший современник Михайловского-Данилевского (Богданович родился в 1805 г. и стал офицером в 1823 г.), разумеется, великолепно знает специфику русской армии того времени, которая, в общем, была довольно близка по своему составу, формированию и вооружению войскам самого начала XIX в.

При несомненных достоинствах книга Богдановича имеет те же недостатки, что и работа Михайловского-Данилевского. Автору были практически неизвестны французские документы, хотя, конечно, на недостаток мемуаров, а также французской и австрийской исторической литературы в эту эпоху нельзя было пожаловаться. Богданович также мог пользоваться «Корреспонденцией императора Наполеона», которая как раз публиковалась в эти годы. В частности, том, посвященный войне 1805 г., вышел в 1863 г., то есть за несколько лет до появления работы Богдановича. В общем же работа Богдановича при всех ее несомненных достоинствах едва ли может рассматриваться как всеобъемлющий труд в современном смысле этого слова.

Наконец, еще одна серьезная работа о войне Третьей коалиции вышла до революции. Это две небольшие книги Г. А. Леера о начале войны 1805 г. и непосредственно об Аустерлицкой операции. Книги появились в 1887 и 1888 гг.³ Генрих Антонович Леер,

² Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. 1869–1871: В 6 т.

³ Леер Г. А. Война 1805 года. Ульмская операция. 1887; Леер Г. А. Война 1805 г. Аустерлицкая операция. 1888.

генерал и профессор Академии Генерального штаба, в своей работе подчеркнута сух и внешне беспристрастен. Однако его книга, которая выглядит с виду очень научно, на самом деле построена на весьма узком круге источников. Несмотря на тяжеловесный язык, она полна фактических ошибок в отношении тактических и оперативных вопросов. Что же касается политики, автор вообще предпочитает затрагивать этот вопрос лишь чисто символически⁴.

В общем же ни работа Михайловского-Данилевского, ни Богдановича, ни Леера не может рассматриваться как серьезная научная работа с учетом современного развития исторической науки.

С тех пор до появления в 2006 г. книги автора настоящей работы «Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа 1799–1805 гг.»⁵ на русском языке не было опубликовано всеобъемлющего труда об истории войны 1805 г. Правда, в 2008 г. вышла работа Е. В. Мезенцева «Война России с наполеоновской Францией в 1805 г. (действия русской армии в составе 3-й антифранцузской коалиции)»⁶. Если почитать список источников и литературы в конце этой книги, то можно предположить, что перед нами действительно глубокое научное исследование войны Наполеона с коалицией в 1805 г. Однако, как это ни удивительно, автор, судя по всему, либо не читал перечисленные им сборники документов, либо по каким-то причинам не принял их во внимание. В описании политических причин и хода боевых действий он даже больше уходит в стиль официоза эпохи Николая I, чем Михайловский-Данилевский, зачастую повторяя просто нелепые легенды.

Так, например, Багратион у него сражается под Шенграбеном с десятикратно превосходящими силами французов! Напомним, что согласно официальной легенде, почти что принятой как постулат в русской исторической литературе, у французов было здесь пятикратное преимущество. Но Мезенцеву даже этого показалось мало.

Все остальное выстроено по этому же принципу. И эта книга, мягко говоря, не может считаться исчерпывающей историей войны Наполеона с Третьей коалицией.

Что же касается иностранной литературы и, прежде всего, французской, здесь нет недостатка в исследованиях, посвященных войне 1805 г. Для многих французских историков Аустерлиц – это некая «победа-образец», блистательное проявление военного гения Наполеона и самая яркая страница его военной биографии. Неслучайно поэтому с 20-х гг. XIX в. вплоть до сегодняшнего дня во Франции выходили подробные и не очень подробные истории этого похода, научные и не очень научные, а также книги, которые можно было бы охарактеризовать просто как бульварные.

Однако вся эта литература самого разного качества характеризуется отсутствием знаний о русской стороне. Что говорить, если даже современный французский историк, претендующий на звание самого глубокого исследователя войн наполеоновской Франции, Ален Пижар совершенно серьезно написал в своей гигантской монографии «Наполеоновская армия»⁷, что под Дюренштейном⁸ 11 ноября 1805 г. 5 тыс. французских солдат дивизии Газана разбили 30-тысячный русский корпус и нанесли ему потери в 12 тыс. убитых и

⁴ Интересно, что другой выдающийся русский военный историк, также профессор Академии Генерального штаба, трудившийся там в начале XX в., Алексей Константинович Баиов, посвятивший седьмой том истории русского военного искусства времени Александра I, вообще не говорит о войне 1805 г.! Баиов начинает описание боевого пути русского войска в эпоху Александра I сразу с кампании 1807 г.

⁵ Соколов О. В. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа, 1799–1805 гг. М., 2006.

⁶ Мезенцев Е. В. Война России с наполеоновской Францией в 1805 г. М., 2008.

⁷ Pigeard A. L'armée napoléonienne. Paris, 1993. P. 855.

⁸ В русской военно-исторической литературе – сражение под Кремсом.

раненых!

Вот уж поистине полная неосведомленность о противнике! Конечно, выдающиеся классические военные историки эпохи торжества серьезной позитивистской военной истории в начале XX в., знаменитые Аломбер и Колен, опубликовавшие громадный сборник документов о войне 1805 г.⁹, не писали подобной ереси, но и они с трудом представляли себе, что происходит по другую сторону линии, разделяющей войска, и уж точно не могли вникнуть в политические перипетии этих событий, так как не работали в русских архивах, а внешнеполитические документы российской стороны практически не были тогда еще опубликованы.

Мы не будем мучить далее читателя перечислением всех многочисленных работ русских, французских, австрийских, английских и т. д. Скажем только, что, по нашему глубокому убеждению, автор настоящей работы впервые попытался исследовать подробно источники обеих сторон конфликта, рассматривая внимательно и скрупулезно документы как русских, так и французских архивов. Сверх этого проработал тысячи опубликованных документов: письма, записки и дневники современников – и, не пренебрегая воспоминаниями, отдавал предпочтение исключительно синхронным документам, тем, которые несут гораздо более точное видение событий, чем искаженные кривым зеркалом времени мемуары.

Все эти источники читатель будет постоянно встречать в тексте книги, а также найдет в просторном списке источников и литературы, приложенном в конце данной работы. Не нам судить об успешности представленного вниманию читателей исследования, но автор может заверить, что изложенное в книге покоится на серьезном документальном фундаменте.

Глава 1. Россия и Франция в конце XVIII в.

Мы приближаемся к моменту, когда великий народ, с которым мы ведем войну, будет нам предписывать законы и заставит заключить мир; нельзя не восторгаться этим народом, вчера я взял в плен гусарского офицера, поведение которого было так благородно, что можно прийти в отчаяние, не встречая таковых у нас.

Из письма саксонского офицера Тильмана, 1796 г.

Начнем с того, с чего обычно не начинают, о чем часто просто не пишут или упоминают лишь вскользь, – с численных величин.

Выдающийся немецкий историк Ганс Дельбрюк справедливо отметил: «Военно-исторические исследования... лучше всего начать с подсчета численности войск. Числа играют решающую роль, не только для вычисления соотношения сил... но и безотносительно сами по себе. Передвижения, легко совершаемые отрядом в 1000 человек, являются уже весьма затруднительными для 10 000 человек, чудом искусства для 50 000 и невозможным для 100 000»¹⁰. То же самое можно сказать и о политических вопросах. Без знания того, каким удельным весом обладало на международной арене то или иное государство, просто невозможно исследовать его политику... а это, увы, сплошь и рядом встречается.

Итак, поговорим о числах... На рубеже XVIII–XIX вв. Европа выглядела совсем иначе, чем теперь... Эта фраза кажется банальностью, но она не столь наивна, как может показаться. Речь идет не об отсутствии автомобилей, самолетов, современных средств связи и т. п. в то время. Это вполне очевидно. Речь идет об ином соотношении сил европейских

⁹ Alombert P.-C., Colin J. La campagne de 1805 en Allemagne. Paris, 1902–1908. 4 vol.

¹⁰ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. 1994. Т. 1. С. 36.

государств, об ином весе самой Европы во всем мире. Нелишне заметить, что и менталитет людей, их понятия о добре и зле, войне и мире, свободе и справедливости также были иными.

Но оставим моральные величины на потом и обратимся к сухим цифрам. Тогда Европа для европейцев означала мир, можно сказать, весь мир. Происходившее на других континентах имело лишь малое значение для судеб этой самой главной части планеты. «Неважно, что Европа – это самая маленькая из четырех частей света¹¹ по своей протяженности, – можно прочесть в знаменитой Энциклопедии Дидро, – ибо она самая главная по плодам своей торговли, по своему развитому мореплаванию. Она самая плодородная, самая просвещенная, наиболее богатая знаниями искусств, наук и ремесел»¹².

Действительно, хотя по численности населения Европа уступала Азии, она была значительно более плотно населена, чем остальные части света, что же касается энергии, которой располагали люди для своей деятельности, то здесь превосходство Европы было абсолютным. На одного европейца приходилось в пять раз больше энергетических возможностей (лошадиных сил, сил парусов, ветряных мельниц и т. п.), чем на одного китайца, и в 10–15 раз больше, чем человека любой другой цивилизации.

В этой самой важной и густонаселенной части планеты выделялись государства, которые можно отнести к сверхдержавам того времени. Этими государствами были прежде всего Франция и Россия.

Действительно, население Франции достигло к концу XVIII в. 27 млн человек, а в эпоху консульства Наполеона Бонапарта – 30 млн, если считать только французов, и 40 млн с учетом населения присоединенных в ходе революционных войн территорий (Бельгия, левый берег Рейна, Пьемонт). Россия насчитывала в 1801 г. 36 млн жителей. Ни одно другое государство не могло равняться по силе с этими гигантами. Правда, Англия компенсировала свою слабость в количественном отношении (около 10 млн человек в первые годы XIX в.) экономическим развитием и мощью своего военного и торгового флота. Наконец, Габсбургская монархия могла еще играть заметную роль. На территории Австрии, Венгрии, Богемии, Моравии и других владений этой короны проживало около 24 млн человек.

Пруссию с ее десятиmillionным населением уважали, пожалуй, прежде всего, памятуя о славе Фридриха II, но крупной самостоятельной роли эта держава играть не могла. Что касается остальных государств, они были скорее объектами, чем субъектами для европейской политики. Так, 20 млн немцев жили на территории более 300 государств, вечно споривших между собой. 18 млн итальянцев были также разделены многочисленными границами.

Все это необходимо учитывать, чтобы понять, как и почему складывались линии напряжения на европейском континенте. Без этих цифр, которые ясно говорят о значимости Франции и России, их весе в мировой политике, просто невозможно понять, о чем будет идти речь.

¹¹ Австралии в момент написания Энциклопедии еще не знали.

¹² *Chaunu P.* La civilisation de l'Europe des Lumières. Paris, 1982. P. 37.

Европа накануне Великой французской революции

Для начала сделаем первый вывод: Россия и Франция были «сверхдержавами» того времени.

Отношение между этими странами складывались в течение XVIII в., мягко говоря, непросто. Ведь главным содержанием французской внешней политики со времен Ришелье и даже со времен Франциска I была борьба с габсбургской опасностью. Действительно, соотношение сил в XVI–XVII вв. в Европе было иным, чем то, которое сложится к концу XVIII в. Габсбурги, правившие в Австрии и Испании, словно сжимали Францию в стальных тисках. В постоянных войнах с многонациональной монархией сложилась определенная система союзов, с помощью которых французское королевство защищалось от этой опасности. Было хорошо все, что плохо для австрийцев. Так, в XVI в. впервые появился шокировавший современников союз Франции с Турцией, угрожавший Священной Римской империи германской нации с тыла. Так, в XVII в. Ришелье связал свое королевство узами шведского союза, несмотря на то что эта страна была протестантской, а великий кардинал боролся с протестантизмом у себя на родине. Все объясняется тем, что знаменитый шведский король Густав Адольф, ведя войну за господство в Северной Германии, угрожал австрийцам с севера. Наконец, Франция традиционно поддерживала дружественные отношения с Польшей. Хотя в XVII в. поляков и считали в Париже дикарями, но дикарями весьма полезными, ибо границы Речи Посполитой широким фронтом охватывали габсбургские владения и противоречий с австрийцами у поляков было предостаточно.

Так сложилась знаменитая концепция **Восточного барьера** против Габсбургов – союза со Швецией, Польшей и Турцией, призванного защищать Францию от опасности со стороны Священной Римской империи германской нации.

«Дремучая» Московия в расчет не принималась. В 1648 г. во время заключения Вестфальского мира, положившего конец Тридцатилетней войне в Европе, подпись представителя русского царя стояла в договоре чуть ли не на последнем месте среди автографов представителей мелких германских княжеств.

Как известно, в начале XVIII в. ситуация на международной арене резко изменилась. Вместо безалаберной, слабой Московии в грохоте пушек и шуме раздутых ветром парусов линейных кораблей на востоке Европы встала по воле Петра могучая империя. Французский

посол Кампредон докладывал своему правительству о силе этой обновленной монархии и о самом Петре: «При малейшей демонстрации его флота, при первом движении его войск ни шведская, ни датская, ни прусская, ни польская корона не осмелятся ни сделать враждебного ему движения, ни шевельнуть с места свои войска... Он один из всех северных государей в состоянии заставить уважать свой флаг»¹³.

Даже смерть великого реформатора и правление его жалких, бесцветных наследников не изменили этот фактор: «Оставил нас, но не нищих и убогих, – провозгласил архиепископ Феофан Прокопович на церемонии погребения императора, – Россию... сделал добрым любимую, любима и будет, сделал врагам страшную, страшная и будет, сделал на весь мир славною, славная и быти не перестанет»¹⁴.

Мощь новой державы совершенно не вписывалась в интересы Версальского двора. Ведь Россия по определению находилась во вражде как раз со всеми державами Восточного барьера. Она воевала и до Петра, и при Петре, и после него со шведами и турками, ну а военные конфликты с Польшей, как известно, в XVII в. вообще поставили Московию на грань катастрофы. Теперь Россия брала реванш в русско-польских отношениях и начала сама оказывать жесткое давление на своего западного соседа. Наконец, 6 августа 1726 г. Россия подписала союзный договор с Австрийской монархией, руководствуясь все теми же интересами борьбы со Швецией, Польшей и Турцией.

Само собой, что подобная ситуация предопределила и выбор Версаля, где вражда к Габсбургам буквально вошла в подкорку государственных мужей. На Россию смотрели с нескрываемым беспокойством и неприязнью. Даже активная поддержка французским послом трагикомичного переворота, который привел к власти в ноябрьскую ночь 1741 г. великую княжну Елизавету, объяснялась все теми же мотивами – неприязнью к силе новой Российской империи. А также надеждами на то, что «приверженица старины» (по мысли французов), новая императрица вернет свою страну в прошлое, к временам безобидной, получающей от всех оплеухи Московии. Однако этим упованиям не суждено было сбыться.

По меткому замечанию П. Черкасова, «Елизавета олицетворяла собой не старый, “московский”, а новый, “петербургский”, можно сказать, европеизированный национализм, у истоков которого стоял ее отец»¹⁵.

Однако с середины XVIII в. отношения между Россией и Францией постепенно начинают меняться. Первой причиной этого был тот факт, что габсбургская угроза, о которой так беспокоились французские политики, постепенно уходила в прошлое. Более того, в 1756 г. в Европе произошла поистине революция в дипломатических отношениях, известная под названием «переворот союзов» (*le renversement des alliances*). Усиление Пруссии и ее сближение с Англией, ослабление Австрийской державы и умелые маневры ее дипломатов привели к тому, что создается франко-австро-русский союз, направленный против чрезмерных appetites прусского короля Фридриха II.

Несмотря на совместные действия против общего врага в ходе Семилетней войны, это потепление русско-французских отношений было лишь весьма относительным вплоть до смерти короля Людовика XV в 1774 г.

Смена главных фигур у власти во Франции сопровождалась и дальнейшими значительными сдвигами в расстановке сил в Европе. Австрийская опасность все более сходила на нет, с другой стороны, Швеция, когда-то верная союзница Французского королевства, все более попадала под английское влияние. Польша окончательно превращалась во второстепенное государство. В 1772 г. три державы, Россия, Австрия и

¹³ Сборник Российского исторического общества. Т. 52. 1886. С. 146.

¹⁴ Цит. по: *Анисимов Е.* Россия без Петра. 1994. С. 59.

¹⁵ *Черкасов П. П.* Двуглавый орел и королевские лилии. М., 1995. С. 36.

Пруссия, оторвали от Речи Посполитой по жирному куску территории, совершив так называемый Первый раздел Польши, превратив это государство в пешку в их политической игре. Османская империя все больше погружалась во внутренний кризис. Впервые раздалось голоса о том, что Турция – это «больной человек», который рано или поздно умрет, так что надо думать о разделе его наследства. Наконец, франко-английские противоречия стали все более очевидными.

Какими бы сиюминутными интересами ни руководствовались дипломаты, какие бы причудливые пируэты ни выписывали они в политической игре – объективно обстановка отныне благоприятствовала для сближения двух великих держав.

Не следует также забывать, что вся Европа жила под сильнейшим культурным влиянием Франции. Сама императрица Екатерина II читала, писала и, можно сказать, думала по-французски. Она активно поддерживала переписку со знаменитыми просветителями Дидро, Вольтером, Гриммом. Российская императрица одна из первых поняла растущую роль общественного мнения и умело выявила и заставила работать на себя тех, кто это мнение во Франции создавал. Изысканной лестью и щедрыми подарками она заставила тех, кто поносил свое правительство, стать пропагандистами достоинств, действительных или мнимых, Российской империи и, конечно же, ее правительницы.

Уже во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Вольтер полностью встал на сторону России, рассматривая войну с турками как борьбу с опасными варварами: «Мадам, Ваше Императорское Величество, Вы поистине возвращаете мне жизнь, убивая турок (!), – говорил он в своем послании Екатерине при известии о победах русских войск. – Письмо, которое Вы мне написали 22 сентября, заставило меня соскочить с моей постели, восклицая: Алла! Катарина!.. Я действительно, Мадам, на вершине счастья, я восхищен, я благодарю Вас»¹⁶.

Вслед за Вольтером и изменением общей политической конъюнктуры изменилось и отношение французов к России: «Общественное мнение во Франции, которое было враждебно по отношению к России, внезапно стало крайне благоприятным. Ко всему русскому стали относиться с каким-то наивным восторгом. В театре ставились пьесы, сюжет которых был взят из русской истории: “Скифы” Вольтера, “Петр Великий” Дора, “Меншиков” Лагарпа... Повсюду в Париже возникали “Русские” гостиницы, “Северные кафе”. Торговец модными товарами открыл лавку под вывеской “У русского модника”».

Обоюдное сближение особенно стало заметно во время войны за независимость американских колоний, когда французы вступили в открытую войну с Англией. Отныне давние связи Версальского двора со Стамбулом явно отошли на второй, если не на третий, план. На повестке дня была морская война. Напрасно англичане старались склонить на свою сторону российскую императрицу. Она не только не приняла их предложение, но и, возмущенная наглыми действиями британцев, задерживавших под предлогом войны корабли под русским флагом, подписала 9 июля 1780 г. договор с Данией о вооруженном нейтралитете. К этой декларации присоединились позднее Швеция, Голландия, Австрия, Пруссия, Португалия и Неаполитанское королевство. Это был мощнейший удар по попытке бесконтрольного хозяйничанья на морях британского флота. От результатов договора выиграли русские купцы, отныне перевозившие грузы на нейтральных кораблях (часто голландских под флагом Пруссии или Австрийских Нидерландов), и, разумеется, русско-французские отношения, становившиеся все более тесными и дружественными.

Конечно, было бы наивно рисовать русско-французское сближение этих лет в исключительно розовых тонах, но очевидно, что именно изменение французской позиции в отношении Турции позволило Екатерине аннексировать Крым в 1783 г. и, наконец, еще ранее в 1779 г. совместные действия России и Франции позволили урегулировать на конгрессе в Тешене прусско-австрийский конфликт. Сближение двух великих держав

¹⁶ Voltaire, Correspondance, t. 10 (octobre 1769 – juin 1772). Paris, 1986.

континента дало возможность России не только значительно усилить свои позиции на юге, но и мирным путем добиться главенства в решении политических вопросов в самом сердце Европы. Франция же, благодаря благожелательной позиции России и ее вооруженному нейтралитету, получила впервые за долгие годы возможность взять реванш в борьбе с британским владычеством на морях.

В целом, несмотря на существование отдельных противоречий, сближение Франции и России оказалось выгодным для обоих государств. Более того, в конце 80-х гг. XVIII в. французская дипломатия поставила перед собой задачу добиться еще большего сближения с Россией и заключить русско-французский союз. Министр иностранных дел Монморен в своем мемуаре, направленном королю в самом начале 1789 г., писал: «Швеция не заслуживает более нашего доверия, впрочем, она может играть на континенте лишь второстепенную роль. Пруссия связала себя с Англией и стала нашим врагом. Германская империя – лишь разрозненные земли без всякой связи, к тому же многие из них находятся под влиянием Пруссии. Остается только Российская империя, и это тот союз, которого нам хотелось бы добиться»¹⁷.

После ряда колебаний в марте 1789 г. послу в России графу де Сегюру были посланы инструкции, предписывающие ему заключение франко-русского оборонительного и наступательного союза...

Однако всего лишь через несколько месяцев все расчеты политиков и дипломатов Европы были нарушены грандиозными событиями, которым суждено будет изменить ход мировой истории, – во Франции началась революция.

Рамки этой книги не позволяют описывать причины и ход бурных событий великой революции. Без сомнения, она стала главным событием, произошедшим на европейском континенте в конце XVIII в., и надолго предопределила ход развития не только Франции, но и всей Европы. Что же касается внешней политики европейских государств, то революционный взрыв станет главной причиной конфликтов, бушевавших на суше и морях в течение почти четверти века.

Действительно, такое мощное потрясение, каким была глобальная революция, произошедшая в крупнейшем государстве Западной Европы, на языке которого говорили все образованные люди континента, не могло не вызвать резонанса в сопредельных странах.

Вначале реакция монархических государств была, в общем, весьма умеренная, если, конечно, говорить о делах, а не о словах. Большинство европейских кабинетов рассматривали произошедшее во Франции лишь как смуту, которая ослабляла королевство Бурбонов, следовательно, помогала устранить конкурента на внешнеполитической арене. Однако скоро это отношение стало меняться.

Огромная пропагандистская сила революции начала всерьез беспокоить монархов. А первыми действиями, которые уже не на шутку взволновали правительства европейских держав, стали акты Национальной ассамблеи, декретирующие присоединение к Франции Авиньона и земель немецких князей в Эльзасе. Население этих крошечных владений, окруженных со всех сторон французской территорией, было охвачено революционным брожением и в подавляющем большинстве требовало свержения своих сеньоров и присоединения к Франции.

Тысячи французских эмигрантов, хлынувших за границу в связи с углублением революционного процесса, готовились к активным действиям. Они собирали свои полки, проникали повсюду ко дворам европейских монархов, запугивая их надвигающейся революцией и требуя активных действий. Из-за границы раздалась первая угроза в адрес Франции и бряцание оружием. 29 августа 1791 г. в замке Пильниц император Леопольд II и прусский король Фридрих-Вильгельм подписали декларацию о совместных действиях и

¹⁷ Histoire des relations internationales sous la direction de P. Renouvin. T. 4 // Fugier A. La Révolution française et l'Empire napoléonien. P., 1954. P. 19.

помощи французскому монарху. Людовик XVI и Мария-Антуанетта просили у своих коронованных родственников хорошенько припугнуть чернь. Но все же никто еще всерьез не думал о войне, речь шла скорее об угрозах и политических декларациях.

Но эмигранты и король плохо понимали психологию людей, которым пытались угрожать. Деятели революции были не функционерами, состарившимися на службе и боявшимися за свое положение. Напротив, они в большинстве своем были молоды, полны честолюбия и энергии. Им нечего было терять, зато в кипении политических страстей они надеялись завоевать славу и богатство. Наконец, не следует забывать, что Францию охватил настоящий революционный порыв. Многие искренне верили в то, что они создают новый мир, и были готовы на все, вплоть до самопожертвования.

В ответ на угрозы в головах лидеров революции родились планы превентивного удара по врагам. В ослеплении и порыве они считали, что борьба будет легкой и успешной. Знаменитый лидер жирондистов Бриссо восклицал с трибуны Ассамблеи: «Французская революция будет священным очагом, искры которого воспламят все нации, властители которых задумают к ней приблизиться!» Ему вторил другой известный деятель революции, Инар: «Твердо скажем европейским кабинетам: если короли начнут войну против народов, мы начнем войну против королей!» 29 декабря 1791 г. Бриссо снова потряс Ассамблею громовой речью: «Война – это теперь национальное благо, и есть только одно бедствие, которого надо бояться, – это то, что войны не будет!» А депутат Фоше заявил: «Посылайте же, глупые тираны, всех ваших глупых рабов, ваши армии растают, как глыбы льда на пылающей земле!.. Пусть же начнется война с князьями, которые поддерживают заговорщиков на наших границах. Война императору Леопольду, который жаждет задушить нашу свободу... Нашими послами будут пушки, штыки патриотов и миллион свободных людей!»

20 апреля 1792 г. в переполненной революционными страстями столице Франции собралась Законодательная ассамблея, чтобы обсудить вопрос о возможности войны с врагами, готовящими силы на границах. Депутаты пришли, словно охваченные порывом и опьянением, которые, как электрический импульс, передала им бушующая толпа. Даже представитель умеренного крыла Ассамблеи Пасторе воскликнул: «Свобода победит, или деспоты уничтожат нас. Никогда еще французский народ не был призван исполнить более высокое предназначение... Победа пойдет вместе со свободой!»

Что же касается якобинцев, их представитель Базир громогласно возвестил: «Народ жаждет войны! Торопитесь же исполнить волю его справедливого и благородного гнева. Быть может, сейчас вы объявите свободу всему миру!»

Нечего и говорить, что подавляющим числом голосов война «королю Венгрии и Богемии» (так был назван в манифесте об объявлении войны австрийский император) была объявлена.

Однако первые же столкновения с неприятелем оказались для лишенных организации и дисциплины французских войск роковыми. Едва увидев аванпосты австрийцев, армия, наступавшая на Монс, с криком «Измена!» бросилась бежать.

Но неудачи и вступление неприятельских войск на французскую территорию не запугали мятежную столицу, напротив, весь Париж всколыхнуло мощным импульсом. «Отечество в опасности!» – провозглашали юные ораторы, опоясанные трехцветными шарфами, под звон набатов и гром орудий, стоявших на Новом мосту. Тысячи добровольцев зашагали к границам. Они были еще не обучены, плохо вооружены, но полны решимости и энергии. Король, королева, а также эмигранты, не понимающие всей силы этого поднимающегося шквала, требовали от командования коалиции хорошенько припугнуть мятежников. Под их давлением герцог Брауншвейгский, в общем довольно мягкий и совсем не жестокий человек, подписал манифест, где он обещал, что в Париже не останется камня на камне, если хоть один волос упадет с головы монарха.

Вместо испуга этот манифест, попавший в раскаленную страстями столицу Франции, вызвал взрыв. 10 августа, спустя три дня после того, как его узнали парижане, монархия

была свергнута. Невиданный дотоле порыв охватил сотни тысяч людей. С трибуны Национальной ассамблеи Дантон громовым голосом произнес обессмертившие его слова: «...Набат, который звучит, – это не сигнал тревоги, это марш к атаке на врагов Отечества. Чтобы их победить, господа, нам нужна отвага, еще раз отвага, снова отвага, и Франция будет спасена!» Для французов с этого мгновения война стала войной не на шутку. 20 сентября в битве при Вальми они остановили атакующих пруссаков и скоро сами перешли в наступление на всех фронтах.

На севере, разбив австрийцев под Жемаппом, республиканцы заняли часть Австрийских Нидерландов (современная Бельгия). На востоке, тесня пруссаков, вошли в Майнц. На юге при ликовании народа вступили в Ниццу и Савойю. Эти успехи вскружили голову правительству республики. Радостный прием, который встретили французские войска в Савойе и части германских земель, кажется, подтверждал самые фантазмагорические проекты освобождения человечества. С трибуны Конвента Грегуар провозгласил: «Жребий брошен! Мы кинулись в борьбу! Все правительства – наши враги, все народы – наши союзники! Или мы будем уничтожены, или человечество будет свободным!» Так полушуточная война превращалась в мировой пожар.

На войну с революционной Францией собралась коалиция монархических держав: Англия, Пруссия, Австрия, Голландия, Испания, Неаполь, Сардиния, множество мелких государств Германии – все поднялись на борьбу. Отныне они понимали, что силы республики велики, и готовились теперь не к военной прогулке, а к битве не на жизнь, а на смерть. Весной 1793 г. коалиция перешла в наступление.

Нетрудно предугадать, как отреагировали крепостническая олигархия и самодержавная государыня России на известия о революционных событиях во Франции. С первыми новостями о них Екатерина похоронила все проекты русско-французского союза. Происходящее в Париже она квалифицировала не иначе как «возмутительное безобразие», а о деятелях революции высказалась вполне недвусмысленно: «Вся эта сволочь не лучше маркиза Пугачева».

Начало войны против монархической Европы означало также и разрыв дипломатических отношений между Францией и Россией. Уже в феврале 1792 г. русский посол Смолен выехал из Парижа, а в июне покинул столицу Франции последний российский представитель, «поверенный в делах» Новиков.

Известие о суде над королем и его казни 21 января 1793 г. вызвало гневное восклицание императрицы: «Нужно искоренить всех французов до того, чтобы и имя этого народа исчезло!»

Отныне был запрещен ввоз французских товаров в Россию, был установлен надзор за всеми французами, проживающими на территории империи, более того, им разрешалось оставаться в ее пределах лишь по принятию присяги, начинающейся следующим образом: «Я, нижеподписавшийся, клянусь перед всемогущим Богом и на святом Евангелии, что никогда не разделял гнусные и мятежные взгляды, которые господствуют сейчас во Франции. Я рассматриваю правительство, которое утвердилось сейчас во Франции, как узурпацию и нарушение всех законов, а смерть наихристианнейшего короля Людовика XVI как акт ужасающей подлости...»

Однако, несмотря на эти и тысячи других проклятий в адрес революции, Екатерина оставалась весьма трезвым политиком. Возмущаясь событиями во Франции и декларировав, что 20 тыс. казаков будет достаточно, чтобы дойти до Парижа, императрица не слишком спешила это делать.

Во-первых, она понимала, что дело обстоит не столь просто и остановить революционную бурю не так легко.

Во-вторых, у России было много других, куда более важных для нее дел, чем посылать свои войска для подавления революции во Франции.

Вплоть до 1791 г. продолжалась русско-турецкая война, начавшаяся четырьмя годами ранее. Интересно, что, несмотря на единение монархий в борьбе против революционной

угрозы, британское правительство не забывало и о других своих интересах, в частности о том, чтобы ни в коем случае не допустить Россию до Средиземноморья. Посол Великобритании в Санкт-Петербурге сэр Чарльз Уитворт желал видеть Россию «поставленной на то место, которое ей положено занимать среди государств Европы». На заседании 21 и 22 марта 1791 г. британский кабинет одобрил политику премьер-министра Уильяма Питта, который разделял взгляды Уитворта в российском вопросе. Был составлен ультиматум России, в котором Екатерине давали 10 дней на подписание мира с Турцией, в противном случае Англия грозила послать свои эскадры на Балтику и на Черное море с целью разгрома русского флота, а пруссаки должны были вступить в Лифляндию. Хотя в конечном итоге ультиматум не был послан, но не без помощи англичан мир на сравнительно мягких для турок условиях был подписан в декабре 1791 г. в Яссах.

Наконец, революция во Франции пробудила подъем патриотических настроений и в Польше, где 3 мая 1791 г. на заседании сейма была принята конституция. Нужно сказать, что эта конституция никоим образом не была ни революционной, ни якобинской. Она, наоборот, упрочила власть короля, установила наследственную монархию, упразднила шляхетскую анархию с ее знаменитым «*liberum veto*»¹⁸, укрепила исполнительную власть и объявила выборность представителей власти законодательной.

Подобная конституция, несмотря на всю ее умеренность, вызывала куда больше беспокойства у русской императрицы, чем события в далеком Париже. Польша была рядом, и опасность распространения «революционной заразы» куда чувствительней, наконец, это давало прекрасный повод еще более округлить границы Российской империи на западе.

Поведение Британии в турецком вопросе и польские события привели к тому, что императрица, всячески подталкивая остальные державы, и прежде всего Австрию и Пруссию, к крестовому походу против революции, сама предпочла воздержаться от далеких войн, а вместо этого стала заниматься решением куда более острых проблем в непосредственной близости от русских границ. В разговоре с кабинет-секретарем Храповицким в декабре 1791 г. Екатерина весьма недвусмысленно высказалась на этот счет: «...Есть причины, о которых нельзя говорить; я хочу вовлечь их в дела [то есть Австрию и Пруссию в войну с Францией. – *Примеч. авт.*], чтобы самой иметь свободные руки. У меня много предприятий неоконченных, и надобно, чтобы они были заняты и мне не мешали...»¹⁹

Летом 1791 г. русская армия, сражавшаяся против Турции, была переброшена к польским границам, а затем вступила в Варшаву. Польская конституция была отменена, а сама Польша в очередной раз поделена.

В результате Второго раздела Польши (в марте 1793 г.) Россия получила Белоруссию и Правобережную Украину, Пруссию – Данциг, Торн и Великую Польшу с Познанью. Что касается Австрии, занятая борьбой с революционной Францией, она не получила ничего.

Нужно сказать, что в Вене это вызвало настоящую бурю. «Неужели правда, что Россия лишь толкала нас сражаться с французами, никоим образом не желая нам помогать, и с тайным проектом использовать это, чтобы решить судьбу Польши», – возмущался известный австрийский политик, граф Кобенцель.

Расчленение Польши, ее оккупация иностранными войсками и национальное унижение поляков вызвали восстание под руководством Тадеуша Костюшко. Восстание было подавлено. 5 ноября 1794 г. войска Суворова взяли штурмом предместье Варшавы – Прагу, учинив там кровавый разгром, и в 1795 г. Польша перестала существовать. По Третьему разделу Россия получила Литву, оставшуюся часть Белоруссии и Западную Украину –

¹⁸ Правило, согласно которому все решения на сейме принимались только в случае полного единодушия собравшихся. Достаточно было одному шляхтичу произнести «*veto*» (лат. «запрещаю»), чтобы заблокировать решение.

¹⁹ Цит. по: *Черкасов П. П.* Екатерина II. Людовик XVI. М., 2004. С. 500.

территории (за исключением Литвы) с преимущественно православным населением. Варшава и значительная часть старых польских земель отошли к Пруссии. Австрия на этот раз не осталась в стороне и получила так называемую Малую Польшу с городом Люблином.

Нет сомнения, что польские и турецкие дела полностью парализовали всякое реальное вмешательство Екатерины II в войну против Франции, когда же к концу 1794 г. – началу 1795 г. «домашние» проблемы были более или менее улажены, ситуация в войне Первой коалиции против революционной Франции полностью изменилась.

Под влиянием событий на фронтах произошли важные события внутри самой Франции. В апреле 1793 г. был создан знаменитый Комитет общественного спасения из девяти членов, которым были вручены огромные полномочия по организации отпора врагу. 2 июня 1793 г. пали жирондисты и к власти пришли якобинцы – наиболее радикальное крыло революционеров.

К этому моменту ситуация на фронтах для республиканцев была просто катастрофической. На севере наступала австрийская армия герцога Кобургского, английские войска осадили Дюнкерк, прусская армия герцога Брауншвейгского, наступая с востока, овладела Майнцем, на юге пьемонтские войска оккупировали Савойю и угрожали Ницце. Испанцы перешли Пиренеи и наступали на Байонну и Перпигьян. Корсикой завладели сепаратисты под руководством Паоли, англичане блокировали все порты Франции, захватывая даже нейтральные суда, а 9 августа 1793 г. пророялистски настроенное командование военно-морской базы в Тулоне сдало крепость англичанам, которые захватили все арсеналы и весь средиземноморский флот Франции.

Наконец, 60 из 83 департаментов Франции подняли мятеж против центральной власти – Конвента. Однако правительство якобинцев и Комитет общественного спасения проявили не просто бурную, а отчаянную, яростную энергию. 23 августа по докладу Барера Конвент принял декрет о всеобщем ополчении (*levée en masse*). Он гласил: «С этой минуты и до той поры, пока неприятель не будет изгнан за пределы республики, – все французы находятся в состоянии мобилизации для службы в армии. Молодые люди пойдут сражаться; женатые будут ковать оружие и доставлять продовольствие; женщины будут изготавливать палатки, шить одежду и работать в лазаретах; дети будут щипать из старого белья корпию; старики дадут понести себя на площади, чтобы своими речами подогреть мужество бойцов и проповедовать ненависть к королям и единство республики».

Иступленная работа закипела в мастерских, где ковалось оружие, на призывных пунктах, куда приходили новобранцы, во всех учреждениях, которые руководили и направляли эту бурную деятельность.

Для тех, кто был против, для всех упорствующих был выдвинут действенный аргумент – гильотина. 17 сентября 1793 г. Конвент принял так называемый закон о подозрительных. Этот закон открыл дорогу революционному террору, объявляя «подозрительными» и отправляя на казнь всех тех людей, «которые своим поведением, либо своими связями, либо своими речами проявляют себя сторонниками тирании, федерализма и врагами свободы».

Бешеной энергией и террором революционному правительству удалось достичь невозможного: под ружье оказалась поставлена небывалая еще в истории человечества армия – почти миллион²⁰ человек! В войсках была восстановлена строгая дисциплина. Безжалостно были наказаны все генералы, у которых не хватало мужества и энергии, а оставшиеся во главе войск вместе с юными полководцами, недавно взошедшими к вершинам военной иерархии, повели республиканские отряды к победе.

Последнее время в популярной исторической литературе и тем более в средствах массовой информации очень модно описывать любую революцию (и, разумеется, Великую

²⁰ Раньше считалось, что под ружье было поставлено более миллиона человек. Современные авторы в большинстве оценивают это количество иначе – около 750 тыс. В любом случае армия достигла небывалой еще в истории численности.

французскую) как продукт деятельности неполноценных личностей, маньяков, а то и просто уголовников, обращать внимание на самые темные и грязные стороны революционных событий, патологически упиваясь описанием казней или кровавых погромов. Здесь не место вступать в полемику об облике Дантона, Робеспьера или Марата, равно как и вести дискуссию о причинах революции, до глубины потрясшей Францию и Европу, споря о том, являлась ли она неизбежным продуктом естественного исторического процесса или была произведена кучкой заговорщиков. Все это слишком удалило бы нас от темы исследования. Важно констатировать лишь один абсолютно очевидный факт – люди, ушедшие ценой своей жизни защищать революцию в рядах новой армии, к числу политических проходимцев и маньяков с патологическими отклонениями не относились. Армия была охвачена волной искреннего, идущего из самой глубины сердца энтузиазма и порыва. Этот порыв, это необычайно приподнятое состояние духа, наивной веры в то, что солдаты и офицеры, сражаясь с врагами, открывают новую эру в истории человечества, воюют за «светлое будущее», причем не только Франции, но и всего мира, надолго оставили след в сердцах и умах тех, кто в этот момент дрался под знаменами республики.

Позже бывшие офицеры Революции, став генералами и маршалами Империи, а затем Реставрации, познав за свою бурную жизнь смену многих режимов, будут очень обтекаемо писать в мемуарах о своем участии в революционных войнах, сосредотачивая внимание на сухих перечислениях маневров и чисто военных аспектах операций. Но даже сквозь страницы этих намеренно лишенных эмоций и политически осторожных произведений будут нет-нет, да прорываться фразы, выдающие чувства, которые некогда испытали их авторы, в молодости ушедшие сражаться во имя новой веры. «Вся страна взялась за оружие, все, кто был в состоянии выдержать тяготы войны, ушел сражаться. Молодой человек почувствовал бы себя неловко, если бы остался в такой момент дома... Война, которую я пытаюсь описать, была войной, участием в которой я горжусь, потому что она была одной из самых справедливых»²¹, – вспоминал о революционных войнах военный министр Людовика XVIII и, конечно, благонамеренный «роялист», маршал Гувийон Сен-Сир. А другой маршал и, по иронии судьбы, также королевский военный министр (при Луи-Филиппе) Жан-Де-Дье Сульт так писал о солдатах и офицерах французской армии 1794 г.: «Офицеры подавали пример преданности, с ранцем за спиной, без жалованья... они принимали участие в раздачах, как солдаты, и получали, как рядовые, свое обмундирование со складов... Никто, однако, не жаловался на трудности и не отвлекал свое внимание от службы, которая одна была предметом соревнования. Во всех чинах тот же порыв, то же желание идти далее того, что предписывает долг; если один отличился, то другой старался превзойти его своей храбростью, своими талантами, своими делами; посредственность нигде не находила поддержки. В штабах – бесконечная работа, охватившая все области службы, и тем не менее считалось, что ее недостаточно. Мы желали принять участие во всем, что происходит. Я могу сказать, что это период моей службы, когда я более всего работал и когда начальники казались мне более всего требовательными... Что касается солдат, здесь была та же самая преданность, то же самое самоотречение. Завоеватели Голландии переходили замерзшие реки и заливы при 17 градусах мороза босыми и в лохмотьях, и это в то время, когда они находились в самой богатой стране Европы. Перед ними были все соблазны, но дисциплина соблюдалась неукоснительно. Никогда армии не были столь послушными и наполненными таким пылом. Это была эпоха, когда я видел больше всего добродетелей среди воинов»²².

Эта новая армия ударила всей мощью по врагу. 6–8 сентября 1793 г. республиканцы разбили армию герцога Йоркского при Хонсхооте, 15–16 октября в отчаянном сражении при

²¹ *Gouvion Saint-Cyr L. de Mémoires sur les campagnes des armées du Rhin et Rhin-et-Moselle de 1792 jusqu'à paix de Campo-Formio. P., 1829. T. 1. P. LVII, XIX.*

²² *Soult J. D. Mémoires du maréchal-général Soult, duc de Dalmatie, publiés par son fils. P., 1854. T. 1. P. 198–199.*

Ваттиньи армия генерала Журдана нанесла поражение войскам герцога Кобургского. В декабре Мозельская армия под командованием юного генерала Гоша разбила австрийскую армию генерала Вурмзера при Виссембурге. Войска Келлермана выбили пьемонтцев из Савойи, республиканские отряды вступили в Марсель, наконец, 19 декабря 1793 г. был отбит Тулон. При его осаде, как известно, отличился пока еще никому не известный артиллерийский офицер Наполеон Бонапарт.

Наконец, 26 июня 1794 г. республиканская армия одержала решающую победу над австрийцами при Флерюсе и затем развернула наступление в Австрийских Нидерландах.

Нетрудно догадаться, что очень трезво мыслящая российская императрица поняла, что «двадцатью тысячами казаков» для разгона «бунтовщиков» отныне не обойтись. В феврале 1794 г., рассуждая о возможности посылки русских войск против революционной Франции, Екатерина написала барону Гримму: «Но как туда посылать? Послать немного и связаться с пачкунами, войска будут побиты, как и другие. Много же посылать я не могу, потому что с часу на час жду разрыва с турками...»²³

Тем временем события во Франции приняли новый оборот. Как известно, 9 термидора II года Республики (27 июля 1794 г.) произошел государственный переворот, свергнувший власть якобинцев. Робеспьер, Сен-Жюст и ряд их сторонников были казнены. Этот переворот поставил точку в утопическом периоде Великой французской революции. На место кровавых романтиков к власти пришли те, ради кого, собственно, и делалась революция, а именно представители буржуазии. Однако в бурный, полный опасностями и неожиданными поворотами фортуны момент обогатиться сумели не тихие почтенные коммерсанты и талантливые организаторы производства, а деляги и жулики всех мастей, нажившиеся на скупке и перепродаже земель фонда «национальных имуществ», на спекуляции продовольствием и поставке в армию некачественных предметов амуниции и гнилого хлеба. Именно эти «новые богачи»²⁴ стали хозяевами жизни, именно они отныне определяли вкусы, нравы, внутреннюю и внешнюю политику страны.

В то время как народ нищал, спекулянты сколачивали фантазмагорические состояния. Невиданная коррупция охватила весь чиновничий аппарат, стремительная инфляция ассигнатов свела на нет доходы всех зарабатывающих честным трудом людей, бандиты властвовали на дорогах. «Деньги стали богом, единственным предметом поклонения и предметом стремлений, – писал современник, – политика – базаром, где все продается». Перо свидетелей тех лет постоянно выводило слова: цинизм, пошлость, отсутствие всякой морали, развал государства, а в отношении народных масс эпитеты: разочарованность, безразличие к политике, апатия...

Антиякобинский переворот 9 термидора, результаты которого незамедлительно сказались в гражданском обществе, далеко не сразу отразился на армии. Мощный импульс II года продолжал воздействовать на войска. Вслед за победой под Флерюсом 26 июня 1794 г. французская армия снова заняла Бельгию, 27 декабря республиканские войска форсировали Маас и 20 января вступили в Амстердам. Голландский флот, вмерзший в лед бухты Тексель, был взят стремительной атакой французских кавалеристов, поддержанных горсткой пехотинцев и артиллеристов. Самбро-Маасская армия перешла Рейн и заняла Кёльн и Кобленц, осадив Майнц. На юге войска под командованием Периньона теснили испанцев и оккупировали часть Наварры и Каталонии. Армия Альп двигалась на Турин. Повсюду войска республики одерживали успехи за успехами.

Победы французских войск раскололи коалицию. 9 февраля 1795 г. первое из союзных государств подписало мир с Французской республикой – это было Великое герцогство Тосканское, затем 5 апреля того же года из войны вышла Пруссия, подписав мир в Базеле, а

²³ Русский архив. 1866. № 3. С. 460.

²⁴ Новые богачи – *pouvaux riches* – нувориши, термин появился во Франции в период термидора.

22 июля 1795 г. мир подписала и Испания. Наконец, даже Регенсбургский имперский сейм признал необходимым прекратить тягостную и бесплодную войну, уполномочив императора вступить в переговоры с республикой при посредничестве прусского короля.

В этой ситуации тем более было бы странным устремляться в борьбу, из которой выходили наиболее заинтересованные, сопредельные с Францией монархии. Екатерина ограничилась тем, что послала летом 1795 г. русскую эскадру вице-адмирала Ханыкова в составе шести линейных кораблей и шести фрегатов для совместного с англичанами крейсерства в Северном море. Учитывая состояние французского флота, который понес гигантские потери вследствие эмиграции офицеров-роялистов, значительного материального урона в ходе революционных событий, уничтожения многих баз и arsenалов (в частности, Тулонского), подобная мера представляла не более чем символический жест. Угроза, исходившая от французских военно-морских сил в Северном море, была почти что нулевая, и английского флота для противодействия ей там было более чем достаточно.

Тем не менее в 1796 г. ситуация несколько изменилась. Новое правительство французской республики – Директория, – пользуясь ослаблением коалиции, приняло решение действовать наступательно. Две республиканские армии, Самбро-Маасская (76 тыс. человек под командованием генерала Журдана) и Рейнско-Мозельская (73 тыс. человек под командованием генерала Моро), должны были форсировать Рейн и нанести удар по австрийцам в Германии. В составе этих армий республики были лучшие части. Все, что правительство могло, оно сделало для усиления войск на главном театре военных действий. Наступление армий Журдана и Моро должна была поддерживать так называемая Итальянская армия, командование которой было поручено генералу Бонапарту, только что ставшему известным после подавления антиправительственного мятежа в Париже. Силы этой армии (за вычетом людей, существующих только на бумаге, больных, гарнизонных команд и т. д.) были весьма скромными – не больше 37 тыс. человек, но ей и отводилась всего лишь вспомогательная роль. Своими действиями она должна была отвлечь какую-то часть австрийских сил от главного направления, а также по возможности потеснить пьемонтскую армию – союзника австрийцев.

Как известно, события развивались с точностью до наоборот. Именно голодная, оборванная, маленькая армия Бонапарта одержит решительные победы, в то время как Журдан и Моро будут терпеть одну неудачу за другой.

Впрочем, весной 1796 г. это было еще неизвестно, и австрийский император Франц, опасаясь наступления республиканцев в Германии, обращался с неоднократными просьбами к российской государыне оказать хоть какую-то помощь в борьбе с французами. Екатерина высказала готовность направить 60-тысячную армию под командованием знаменитого полководца А. В. Суворова для содействия австрийским войскам. Однако практичная императрица связала оказание этой помощи с выполнением со стороны союзников ряда условий. Прежде всего она настаивала на возвращении Пруссии под знамена коалиции, на участие в войне ряда других германских государств. Кроме того, Екатерина рассматривала в качестве неперемennого условия выплату англичанами субсидий для армии. И наконец, главное, она настаивала на незамедлительном принятии совместной политической декларации. Екатерина требовала, чтобы союзники официально заявили, что целью войны является восстановление монархии во Франции и что они немедленно признают находившегося в эмиграции брата казненного Людовика XVI законным королем.

Однако все эти условия встретили со стороны заинтересованных дворов, мягко говоря, прохладный прием. Пруссаки не желали воевать, англичане не хотели давать деньги. Наконец, никто не желал принимать на себя обязательства восстановить королевскую власть во Франции. Дело в том, что война коалиции, начавшаяся прежде всего как идеологическая, для Англии и Австрии плавно переросла в борьбу за сферы влияния в Европе. Эти державы, в общем, конечно, желали восстановления монархии во Франции, но отныне не хотели связывать себя какими-либо обязательствами, которые могли при заключении мира помешать выторговать территориальные приращения и коммерческие выгоды, которые

англичане и австрийцы ценили гораздо выше, чем благие пожелания о восстановлении тронов и алтарей.

В результате переговоры зашли в тупик, и золотые гинеи остались в мешках английских банкиров, а русские полки – у себя на родине.

В общем, совершенно очевидно, что Екатерина абсолютно не рвалась воевать с революционной Францией. По крайней мере, исключала для себя возможность бросаться очертя голову в борьбу, не соответствующую выгодам и геополитическим интересам России. Более того, она пророчески предсказывала, что французы сами вскоре восстановят монархию и порядок, хотя и в другой форме. В 1794 г. императрица написала: «Если Франция справится со своими бедами, она будет сильнее, чем когда-либо, будет послушна и кротка, как овечка; но для этого нужен человек недюжинный, ловкий, храбрый, опередивший своих современников и даже, может быть, свой век. Родился ли он или еще не родился? Придет ли он? Все зависит от того. Если найдется такой человек, он стопую своей остановит дальнейшее падение, которое прекратится там, где он станет, во Франции или в ином месте»²⁵.

Когда Екатерина II выводила в письме эти строки, человек, о котором она говорила, уже был бригадным генералом, а в день, когда императрица умирала, он вошел в легенду и направился по пути, который предсказала ему русская государыня.

Глава 2. За троны и алтари!

Вперед же, рыцари, и разите с неустрашимой душою врагов Христа, с уверенностью, что ничто не может лишить вас милости Божией.

Св. Бернар Клервосский

15 ноября 1796 г. неподалеку от Вероны, вокруг итальянской деревушки Ар-коле кипел отчаянный бой. Измотанная в бесконечных сражениях, маленькая армия Бонапарта сошлась в смертельной схватке с новой австрийской армией под командованием генерала Альвинци. Эту армию австрийское командование смогло снять с германского театра военных действий, где Моро и Журдан терпели неудачи. Теперь 50 тыс. австрийцев вступило на равнину Ломбардии, чтобы разгромить Бонапарта, освободить запертую в крепости Мантуе другую австрийскую армию генерала Вурмзера и совместным усилием выкинуть французов из Италии.

Накануне 12 ноября Бонапарт с горстью своих войск не смог сбить многочисленные войска противника с позиций у Кальдиеро. Ему пришлось отступить. Многим казалось, что война для французов проиграна. Однако молодой генерал так не считал. Он заставил своих солдат сделать новое усилие. 15 ноября 1796 г., засветло французы выступили из Вероны в западном, противоположном от неприятеля направлении. Всем казалось, что это начало отступления, что в скором времени армия бесславно вернется домой. Но внезапно направление движения изменилось. По приказу главнокомандующего колонны войск повернули налево в юго-восточном направлении и, обойдя австрийцев с фланга, форсировали реку Адидже и двинулись вперед на врага.

Теперь даже простые солдаты поняли – главнокомандующий решил дать бой неприятелю на таком поле, где исход боя решит не численность, а отвага. Дело в том, что местность к югу от позиций, занимаемых главными силами Альвинци, представляла собой сплошные болота, пересеченные лишь узкими дамбами-дорогами. Двигаться можно было только по дамбам шириной всего лишь несколько метров. Теперь дело должно было решить мужество бойцов, стоящих в голове колонны. Вскоре завязался отчаянный бой. Французы

²⁵ Русский архив. 1878. № 10. С. 219.

продвигались вперед, последовательно громя отдельные батальоны, которые Альвинци, еще толком не разобравшись, в чем дело, послал для прикрытия своего южного фланга.

Казалось, бой начинается для армии Бонапарта как нельзя лучше. Но вот перед правофланговой колонной возникло препятствие – на подходе к деревне Арколе дорога пересекала неширокую, зато текущую в крутых берегах речушку Альпоне. Чтобы войти в Арколе, а это было абсолютно необходимо для дальнейшего развития маневра, надо было перейти Альпоне по единственному мосту. Но позади него уже успели занять позицию два батальона хорватов на австрийской службе, отличных стрелков и храбрых солдат. Их командир, полковник Бригидо, навел также на маленький мост две пушки, бывшие в его распоряжении.

5-я легкая полубригада, которая шла в голове французских колонн, храбро двинулась на мост, но шквальный ружейный огонь и картечь из двух австрийских пушек буквально скосили идущих впереди солдат. Бригадный генерал Бон, который вел их на штурм, был ранен. Атака захлебнулась.

Тогда вслед за авангардом на мост бесстрашно двинулись основные силы. Один из самых лучших генералов Итальянской армии Бонапарта, ближайший друг главнокомандующего и человек кипучей отваги Жан Ланн устремился во главе 51-й линейной полубригады к мосту. Но огонь австрийцев был столь плотный, что, несмотря на весь порыв молодого генерала и его солдат, французы были отброшены. Дамбу покрыли сотни окровавленных тел. Сам Ланн был два раза ранен. Его солдаты кто попрятался за дамбу (она шла на подходе к мосту параллельно речке Альпоне), кто спасся бегством.

Вслед за отрядом Ланна вперед устремилась 40-я линейная во главе с генералом Верном. Но и эта атака закончилась кровавой неудачей. Голова колонны была истреблена, а сам генерал Верн смертельно ранен.

Стало ясно, что овладеть мостом можно только очень мощным ударом, тем более что к австрийцам на той стороне Альпоне подходили новые и новые силы. Вся деревня Арколе наполнилась стрелками, которые готовы были открыть огонь по мосту из-за изгородей, из окон, с крыш домов. Другие встали так, чтобы бить по мосту с флангов. Кроме того, австрийцы подтащили еще несколько пушек.

Теперь во главе французских колонн встал лично командир дивизии, генерал Ожеро. Он схватил знамя и с возгласом: «Трусые вы, что так боитесь смерти!» – бросился вперед, увлекая за собой лучших гренадер. Но из-за Альпоне обрушился на них просто ураган пуль и картечи. Сотни людей были убиты и ранены. Атака опять захлебнулась...

Теперь стало ясно, что вокруг этого ничтожного моста без перил, длиной 25, шириной 4 метра, решается исход боя, а значит, и судьба итальянского похода, а значит, и всей великой европейской войны.

И вот около 15 часов по рядам французских войск как молния пронеслась весть – сам главнокомандующий поведет солдат в атаку на этот проклятый мост. Когда солдаты и офицеры узнали об этом, все кто мог встали снова в ряды.

Генерал Ланн, которого, обливающегося кровью, везли на носилках, потребовал, чтобы его посадили на коня – пешком он идти не мог, – и снова оказался в первых рядах колонны. Главнокомандующий подъехал со своим штабом к передовым батальонам. Спрыгнув с коня и схватив знамя 51-й линейной полубригады, Бонапарт воскликнул, обращаясь к солдатам: «Вы разве уже более не победители под Лоди? Что стало с вашей неустранимостью?» С этими словами главнокомандующий двинулся по дамбе, заваленной трупами. Рядом с ним шли все его преданные офицеры и генералы Ланн, Вердье, Мюиرون, Виньоль, Бельяр, Сулковский.

На этот раз словно электрическая искра воспламенила сердца, и солдаты под ливнем свинца так же решительно пошли за своим полководцем. Но когда колонна была уже близко от моста, залп картечью угодил прямо в тех, кто шел впереди. Бонапарт должен был бы, наверное, погибнуть, но те картечные пули, которые предназначались ему, принял на себя, закрыв своего командующего и друга, молодой капитан Мюиرون. Он погиб, но спас того,

кому был так предан. Однако колонна заколебалась под шквалом огня. Кто-то из офицеров схватил Бонапарта, закричав: «Генерал, вы идете на смерть, если вы будете убиты, мы все пропадем, вы не должны идти дальше, это место не для вас!!» Остановка, пусть даже минутная, шедшего впереди штаба поколебала решимость колонны. Новые залпы свалили наземь офицеров и солдат. Толпа заколебалась и бросилась назад...

Увы, генерал Бонапарт не взял штурмом Аркольский мост, его войска вынуждены будут временно отступить, затем снова начнут отчаянный бой на плотинах и вокруг них. Бой будет продолжаться весь день 15 ноября, весь следующий день 16-го, и только к вечеру 17-го, после того как австрийцы будут измотаны трехдневной борьбой, армия Бонапарта окончательно перейдет в наступление, преодолет все преграды и разгромит наконец Альвинци...

Но какое все это имеет отношение к взаимоотношениям Франции с Россией? Самое прямое. В эти дни, 15–17 ноября, в болотах вокруг Арколе родилась наполеоновская легенда. Та необычайная популярность, которой пользовался отныне во Франции Бонапарт, тот ореол героизма, доблести, славы, который словно окутывал молодого полководца, – все это возникло в эти дни. Да, конечно, победы под Монтенотте, Дего, Мондови, Лоди, Кастильоне заставили армию поверить в своего полководца, наделали немало шума во Франции и в Европе, но только после Арколе имя Бонапарта начали произносить с каким-то восторженным трепетом, только после Арколе он превратился для своих солдат в полубога, за которым они были готовы идти хоть на край света...

«О, как шагает этот юный Бонапарт! Он герой, он чудо-богатырь, он колдун! – написал о молодом герое почти точно в тот момент, когда Бонапарт сражался при Арколе, другой великий полководец, Александр Суворов. – Он побеждает и природу и людей; он обошел Альпы, как будто их и не было вовсе; он спрятал в карман грозные их вершины, а войско затаил в правом рукаве своего мундира. Казалось, что неприятель только тогда замечал его солдат, когда он их устремлял, словно Юпитер свою молнию, сея повсюду страх и поражая рассеянные толпы австрийцев и пьемонтцев. О, как он шагает! Лишь только вступил он на путь военачальника, как разрубил гордые узел тактики. Не заботясь о численности, он везде нападает на неприятеля и разбивает его по частям. Он знает, что такое неодолимая сила натиска, и в этом все. Его противники будут упорствовать в своей вялой тактике, подчиненной кабинетным перьям, а у него военный совет в голове. В действиях свободен он как воздух, которым дышит. Он ведет полки, бьется и побеждает по воле своей!»²⁶

Предсказание Екатерины Великой сбылось. Этот «недюжинный, храбрый, опередивший свой век человек» пришел. И по иронии судьбы ровно в день и час, когда его слава засияла в Италии, в Петербурге скончалась императрица. Она умерла 17 ноября 1796 г.²⁷, в тот момент, когда за тысячи километров от Петербурга молодого генерала восторженно приветствовала после победы его молодая, энергичная, готовая на любые подвиги армия.

В Европе начиналась эпоха наполеоновская, в России – эпоха Павла.

Императору Павлу I судьбой выпало осуществить несколько крутых поворотов во внешней политике России, прежде всего в отношении Франции, сначала Директории, затем Франции эпохи Консульства Наполеона Бонапарта. Поэтому вполне уместно будет сказать несколько слов об этом человеке.

Едва только императрица испустила дух, как ее преемник подчеркнуто продемонстрировал всем, что начались иные времена. Знаменитый поэт Державин так позже опишет начало павловских времен: «Тотчас все приняло иной вид, зашумели шарфы, ботфорты, тесаки, и, будто по завоеванию города, ворвались в покои везде военные люди с

²⁶ Суворов А. В. Письма. М., 1986. С. 311–312.

²⁷ 6 ноября 1796 г. по старому стилю.

великим шумом»²⁸.

Это вполне понятно. В течение долгих лет уже более чем зрелый человек великий князь Павел Петрович был фактически отстранен от власти и даже просто от участия в управлении государством своей царственной матерью. До 42 лет Павел находился под ее неусыпной опекой, постоянно в страхе не только за свое положение, но и просто за свою жизнь, беспрестанно унижаемый фаворитами императрицы. Конечно, подобное положение не могло не сказываться на характере нового царя, на его желании как можно быстрее поменять все, что осталось от Екатерины.

Тем не менее любой серьезный современный историк вряд ли охарактеризует императора Павла I как ненормального безумца, единственным увлечением которого было гонять солдат по плацу, заставляя всех носить букли и ломать наследие предыдущего царствования. Монография Н. Я. Эйдельмана «Грань веков» впервые на основе большого фактического материала нанесла сокрушительный удар по мифу о сумасшествии Павла. За Эйдельманом последовали и другие историки.

Теперь не вызывает сомнения тот факт, что «безумие» Павла не более чем легенда, созданная теми, кто убил императора, для оправдания их гнусного злодеяния. Легенда, которую с удовольствием подхватили либеральные историки, а особенно советская пропаганда, стремящаяся в самом невыгодном свете выставить все русское самодержавие.

Сейчас с уверенностью можно сказать, что трагически погибший император, хотя был человеком импульсивным, вспыльчивым, но обладал массой достоинств. Он получил прекрасное образование, в совершенстве знал иностранные языки, но, прежде всего, обладал высокими душевными качествами: честностью, прямоотой, желанием править, исходя не только из макиавеллистской государственной необходимости, но руководствуясь принципами справедливости и благородства. Даже во внешней политике он стремился действовать «чистосердечно, открыто, презирая обычные дипломатические ухищрения: “Правдивость, бескорыстие и сила могут говорить громко и без изворотов” – так выразился сам император в инструкции одному из своих послов»²⁹.

Предыдущее царствование к тому же, несмотря на блистательную внешнюю сторону, имело и слишком неприглядную изнанку, хорошо знакомую новому императору. Без сомнения, самой темной, самой ущербной стороной России того времени являлась крепостническая система, где миллионы людей были не просто зависимым крестьянством, как это наблюдалось в странах Западной Европы, а фактически были низведены до уровня рабов или скорее рабочего скота.

С этой стороной российской действительности сложно было что-либо поделать, оставаясь в рамках существующей системы. Павел издал лишь указ от 16 февраля 1797 г., запрещающий продажу с торгов дворовых и безземельных крестьян, отменил запрещение жаловаться на помещиков, указом от 18 декабря 1797 г. повелел списать все недоимки с крестьян и мещан, запретил (указом от 16 октября 1798 г.) продажу дворовых людей и крестьян без земли, наконец, издал знаменитый закон о трехдневной барщине (5 апреля 1797 г.), ограничивавший повинности крестьян тремя днями в неделю.

Впрочем, и здесь не стоит недооценивать совершенное Павлом. Н. Эйдельман справедливо отмечал: «Современные исследователи порою только излагают поздний, более объективный взгляд на прошлое. Однако важным элементом идеологии прошлого является и его собственный взгляд на свои дела. Если же подойти с этой меркой, то заметим, что павловские законы, особенно от 5 апреля 1797 г., были первыми за много десятилетий официальными документами, по крайней мере провозглашавшими некоторые послабления

²⁸ *Державин Г. Р.* Сочинения. СПб., 1871. Т. 6. С. 701.

²⁹ *Милютин Д. А.* История войны России с Францией в царствование Павла I в 1799 году. 1852–1853. Т. 1. С. 18.

крестьянству»³⁰.

Тем не менее куда более значимой была деятельность Павла I в отношении наведения порядка в государственном аппарате, в армии и на флоте. Пользуясь тем, что императрица Екатерина в свои преклонные годы совершенно предоставила все детали исполнения на волю правящей элиты, чудовищные злоупотребления творились во всех государственных учреждениях. Воровство в армии было такое, что «многие рекруты гибли от голода по дороге к месту службы или попадали работниками в имение командира». По словам канцлера Безбородко, таких «растасканных» разными способами солдат было в 1795 г. до 50 тыс., то есть 1/10 армии.

С другой стороны, дворяне формально записывали в гвардейские полки своих отпрысков, и те, не являясь к месту службы, получали жалование, повышения и награды. К концу правления Екатерины в полку конной гвардии был, например, 1541 фиктивный офицер, и это притом, что в этой части по штатам полагалось лишь 718 рядовых и унтер-офицеров и только 82 офицера³¹.

Знаменитый военный историк XIX в. Д. Милютин отмечал: «...исчезло в армии всякое единообразие: один полк не походил на другой; не было даже верного счета наличному числу людей в полках; положенное довольствие не доходило до солдат; все было предоставлено неограниченному произволу частного начальника»³².

«Когда она (*императрица*) достигла возраста шестидесяти лет, – рассказывает в своих записках эмигрант на русской службе граф Ланжерон³³, – тогда ее здоровье ослабилось, а вместе с ним и сила ее ума, и работоспособность, у нее появилась пресыщенность наслаждениями и, быть может, угрызения совести за прошлое и страх перед будущим. Ее окружение увидело, что от нее можно легко скрыть любые злоупотребления и что у нее не было более ни силы, ни желания пресекать ужасающие несправедливости, о которых она еще могла узнавать. Тогда исчезли все преграды, никто больше ничего не боялся, и Россия явила собой печальное зрелище бесчинств самых ужасающих, воровства самого открытого, грабежа самого возмутительного, сопровождаемого бесчисленными злоупотреблениями власти, угнетением и тиранией, которые совершались всеми, у кого была хоть какая-то должность, начиная от министра центрального правительства до самого последнего чиновника. Сенат, суды, отныне благоприятствующие только знатности и богатству, предоставляли продажное правосудие, где лишь золото и титулы определяли судебное решение. Жестокость помещиков не знала больше ни границ, ни наказаний. Из народа выколачивали налоги, в два раза превосходящие те, которые были назначены, а сборщики делили доходы между собой. Всякая жалоба, всякая апелляция были бесполезны и, более того, жестоко наказуемы»³⁴.

Император взял на себя тяжелейшую задачу попытаться искоренить злоупотребления,

³⁰ Эйдельман Н. Я. Грань веков. М., 1982. С. 118.

³¹ Анненков И. В. История лейб-гвардии Конного полка, 1731–1848. 1849. С. 118.

³² Милютин Д. А. Указ. соч. Т. 1. С. 13.

³³ Ланжерон Александр Федорович (*Луи Александр*) родился в 1763 г. в Париже, умер в 1831 г. в Санкт-Петербурге. Подполковник французской королевской армии. В эпоху революции эмигрировал и был принят на русскую службу. Начиная со штурма Измаила, где он отличился своей отвагой, вплоть до Русско-турецкой войны 1827–1828 гг. Ланжерон в рядах русской армии принял участие почти во всех войнах, которые вела Россия в этот период. В 1811 г. получил звание генерала от инфантерии. Оставил интереснейшие записки, частично опубликованные.

³⁴ Рукописный отдел РНБ. Ф. 73. № 275. Langeron. Journal des campagnes faites au service de la Russie, 1790–1796. Т. 1. Р. 140–141.

пресечь чудовищную коррупцию, заставить чиновников честно работать, а офицеров – служить. Вместе с наведением в армии строгой дисциплины Павел I улучшил материальное обеспечение войск, принял все меры для устранения произвола частных начальников, дал точные правила для рекрутских наборов, для замещения вакансий, для переводов, производства в чины, увольнений, отставок и т. п., но самое главное, как отмечали многие современники, положил конец «золотому веку грабителей».

Одновременно новый император произвел решительный поворот и во внешней политике России. Он публично объявил о неучастии в войне коалиции против Франции. Канцлер Остерман так излагал побудительные мотивы этого решения в ноте, обращенной к правительствам европейских стран: «Россия, будучи в непрерывной войне с 1756 г., есть потому единственная в свете держава, которая находилась 40 лет в несчастливом положении истощать свое народонаселение. Человеколюбивое сердце императора Павла не могло отказать любезным Его подданным в... отдохновении после столь долго продолжавшихся изнурений»³⁵.

По приказу императора был отменен новый рекрутский набор, эскадре, находившейся в Северном море, было приказано возвратиться домой, войска, действовавшие за Кавказом против Персии, также были отправлены восвояси, наконец, все возможные приготовления к походу против Франции были аннулированы.

Летом 1797 г. в Берлин был даже послан граф Панин, чтобы начать переговоры о возможности подписания договора о мире и дружбе с французским посланником Кальяром. Однако, несмотря на благие пожелания, эти переговоры были бесплодны. В сентябре они вообще прекратились вследствие непредвиденного инцидента. Чтобы понять, о чем идет речь, нам нужно снова обратиться к итальянским событиям.

Победа Бонапарта вынудила Австрию стать более сговорчивой в отношениях с Французской республикой. 7 апреля 1797 г. в городе Леобен между главнокомандующим итальянской армией Бонапартом и представителями штаба эрцгерцога Карла было подписано временное перемирие, которое было затем продлено до заключения мира. Наконец, в ночь с 17 на 18 октября в местечке Пассариано был подписан окончательный мирный договор, который, впрочем, вошел в историю как Кампо-Формийский мир³⁶.

Подписание этого соглашения означало прекращение войны на континенте и, казалось, открывало перспективы к всеобщему примирению, то есть прекращению последнего франко-английского конфликта. На самом деле все было не так гладко, как могло показаться.

Кампо-Формийский мир оставлял много нерешенных вопросов и, более того, был чреват созданием новых очагов напряженности в Европе. Согласно этому документу, Габсбургская монархия отказывалась от территории Австрийских Нидерландов (до 1714 г. – Испанские Нидерланды, сейчас территория Бельгии) и своих владений на левом – западном – берегу Рейна. В Италии Австрия потеряла Миланскую область, которая вместе с несколькими другими итальянскими землями ³⁷ образовывала так называемую Цизальпинскую республику – государство, построенное по образцу французской республики. Зато в качестве компенсации австрийцы приобретали большую часть территории Венецианской республики, которую Бонапарт использовал как разменную монету в политическом торге.

Один из важнейших пунктов соглашения предполагал, что Франция получит весь

³⁵ Цит. по: *Милютин Д. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 10.

³⁶ Мир действительно предполагали подписать в местечке Кампо-Формио, но австрийские уполномоченные в спешке прибыли в резиденцию Бонапарта в Пассариано, и там был подписан договор.

³⁷ Герцогство Моденское, три папских легатства (владения): Ферарское, Равеннское, Болонское, восточная часть бывших венецианских владений с городами Кремона, Бергамо и Брешия.

западный берег Рейна за счет немецких князей, которым, в свою очередь, это будет компенсировано церковными землями. Они должны были быть «секуляризованы», иначе говоря, конфискованы, у независимых епископов и аббатств на территории Германской империи. Разумеется, вопрос был крайне непростой. Он вносил страшную путаницу в и без того запутанные германские дела. Для его решения должен был быть созван съезд германских князей в Раштадте. Тем самым Габсбургская монархия, которая стояла во главе рыхлого и неустойчивого объединения Священная Римская империя германской нации, сама нарушала имперскую конституцию и дестабилизировала и без того хрупкое политическое равновесие в Германии.

Итальянские государства. 1795 г.

Наконец, отдав Австрии венецианские владения, Франция также кое-чего получала из земель бывшей республики Святого Марка. Согласно Кампо-Формийскому миру, так называемые Ионические острова становились территорией Франции.

Часто, говоря об Ионических островах, историки и читатели даже не смотрят на карту. Однако это стоит сделать. Знаменитый архипелаг из семи островов (Корфу (*Керкира*), Закинф (*Занте*, *Закинтос*), Лефкас, Кефалиния, Итака, Паксос, Китира (*Кифера*)) находится прямо рядом с западным берегом Греции, некоторые из островов – на расстоянии всего лишь нескольких километров от материка.

Зачем главнокомандующему армии, сражавшейся в Италии, потребовались эти далекие от Франции земли?

Ответ можно найти в корреспонденции Бонапарта. В письме правительству от 29 термидора V года Республики (16 августа 1797 г.) он пишет: «Острова Корфу, Занте, Кефалиния важнее для нас, чем вся Италия (!). Я думаю, что, если нам придется выбирать, лучше было бы вернуть императору Италию [то есть владения в Ломбардии. – *Примеч. авт.*], зато сохранить острова, которые будут источником богатства и процветания нашей торговли. Турецкая империя разваливается и вот-вот рухнет; обладание этими островами позволит нам либо поддержать ее, насколько это будет возможно, либо овладеть ее частью.

Недалеко то время, когда мы ощутим со всей ясностью, что, чтобы действительно разгромить Англию, нам нужно будет захватить Египет. Состояние обширной Оттоманской

империи, которая рушится на глазах, вынуждает нас заранее подумать о сохранении нашей торговли с Левантом»³⁸.

Да, молодой полководец быстро вырос из своего мундира командующего одной из армий Республики. Теперь, хотело того правительство или нет, он начал думать о глобальных вопросах геополитики и решать их так, как считал нужным. Впрочем, у него был наставник. Этим «учителем» будет знаменитый деятель революции, а впоследствии и Империи, министр иностранных дел правительства Директории Шарль-Морис Талейран. Этот непревзойденный мастер политических интриг, хитрый и ловкий, впоследствии станет одним из тех, кто погубил империю Наполеона, однако в 1797 г. никто, конечно, не мог предсказать событий столь отдаленного будущего. Молодой генерал видел, конечно, в этом человеке его безнравственность и цинизм, однако не мог не восхищаться его умом, пронизательностью, великолепным знанием всех пружин политики европейских держав и, как это ни покажется странным, стремлением и умением защищать национальные интересы. Именно Талейран подсказал Бонапарту мысли о том, что Франция должна думать о приобретении колоний и, в частности, о том, что весьма полезно и просто (!) было бы овладеть Египтом. Это завоевание послужило бы, по мысли Талейрана, развитию французской торговли, промышленности и заодно нанесло бы удар по морскому и колониальному владычеству Англии.

Но ведь Египет, по крайней мере формально, принадлежал турецкой империи, старому союзнику Франции. Как можно сочетать поддержку союзника с желанием расчленить его государство? Это, пожалуй, самый щекотливый вопрос не только во внешней политике Франции, но также и всех других великих держав этого времени, то есть России, Англии, Австрии. Каждая из них, так или иначе, думала о расчленении Оттоманской империи и захвате ее земель, однако была готова заключать союз с турками и поддерживать их против тех, кто желал это сделать вместо нее. Точно так думал и действовал Талейран. В ноябре 1797 г. он представил рапорт Директории о необходимости союза с Турцией и защите ее целостности, и в тот же день (!) он начал писать другой доклад правительству, который начинался следующим словами: «Зачем мы будем и далее жертвовать собой ради сохранения державы, дружба которой весьма сомнительна, а состояние такое, что она вот-вот рухнет. Египет ничего собой не представляет для Турции, да и власть ее в Египте не более чем призрачная... Экспедиция в Египет может начаться не ранее 1 мессидора³⁹, но она столь легка в исполнении (!), что можно быть уверенным, что мы сумеем овладеть Египтом в конце термидора⁴⁰»⁴¹.

Овладение Египтом должно было сопровождаться, по мысли Бонапарта, освобождением Греции от турецкого владычества и установлением там если не французского господства, то, по крайней мере, французского влияния.

Наконец, в письме Талейрану, написанному буквально через несколько часов после подписания Кампо-Формийского мира, главнокомандующий итальянской армии определяет внешнеполитические приоритеты Франции, пророчески предсказывая будущее: «Англия сумеет воссоздать коалицию. Война, которая была недавно еще национальной и народной, тогда когда враг стоял у нас на границах, стала войной, безразличной народу, войной лишь правительств. В такой ситуации мы рано или поздно потерпим поражение!» Отсюда Бонапарт делает вывод: «Нужно, чтобы наше правительство разгромило английскую

³⁸ *Napoléon Bonaparte. Correspondance générale. Paris, 2004. T. 1. P. 1118.*

³⁹ 1 мессидора VI г. – 19 июня 1798 г.

⁴⁰ Конец термидора – середина августа 1798 г.

⁴¹ *Poniatowski M. Talleyrand et le Directoire, 1796–1800. Paris, 1982. P. 436–437.*

монархию, иначе оно само будет уничтожено деньгами и интригами этих деятельных островитян. Настоящий момент дает нам большие выгоды. Сосредоточим же нашу деятельность на флоте и разобьем Англию...»⁴²

Последнее письмо не было включено в многотомную корреспонденцию Наполеона, изданную в середине XIX в. Оно стало известным только относительно недавно и впервые полностью опубликовано в новой «Общей корреспонденции Наполеона Бонапарта», первый том которой вышел в свет в декабре 2004 г.

Итак, проекты раздела Турецкой империи – захват Египта, установление контроля над Пелопоннесом – как элементы главного – борьбы против Англии. Именно поэтому молодой генерал проявляет такую активность в вопросе, который, кажется, совершенно далек от его сферы деятельности: флот, острова, морские базы. Морским вопросам посвящаются десятки писем, приказов, распоряжений, относящихся к лету – осени 1797 г., именно поэтому по приказу Бонапарта французские войска захватывают все боевые корабли и морские припасы в портах и арсеналах Венеции, именно поэтому остров Корфу превращается в мощную военно-морскую базу Франции на Адриатике.

Действия французских войск не могли не обеспокоить русское правительство, хотя, конечно, вряд ли кто-либо тогда ясно отдавал себе отчет в том, насколько далеко идущие планы стояли за ними. Кроме того, в ходе операции по захвату Ионических островов французы арестовали русского консула. Это не на шутку разгневало Павла, и он приказал графу Панину прервать переговоры с французским уполномоченным.

Победы Бонапарта вскружили голову французским политикам. Они решили, что теперь им все по плечу. Одновременно победы республиканских войск вызвали в Италии брожение народных масс против отживших свой век режимов: светской власти римского папы, генуэзских олигархов, чудовищной по своей порочности Неаполитанской монархии и т. п. В Швейцарии также началось народное восстание против олигархической системы.

В результате в начале 1798 г. французские войска под командованием генералов Брюна и Шауэнбурга вступили в Швейцарию, и в апреле того же года была провозглашена так называемая Гельветическая республика, зависимая от Франции. Одновременно события в Риме, где в ходе народных волнений был убит член французской миссии генерал Дюфо, дали повод для вступления французов в Папскую область. В феврале 1798 г. войска под командованием генерала Бертье заняли Вечный город, а затем на знаменитом форуме итальянскими якобинцами было провозглашено создание Римской республики.

Таким образом, всего лишь за год с небольшим после подписания Кампо-Формийского мира вся его система была перевернута вверх дном. Причиной этого была, конечно, алчность членов Директории, узнавших впервые после итальянской кампании Бонапарта, что война, оказывается, может быть прибыльным делом и приносить деньги, много денег – по крайней мере для них. Наряду с этим успех Бонапарта вскружил головы и другим генералам. Отныне они тоже мечтали сыграть свою роль, получить луч славы – это теперь казалось так просто! – и наполнить карманы звонким трепещущим золотом.

Но было бы, конечно, неправильно все сводить только к жадности и жажде новых территориальных приобретений коррумпированного правительства и рвущихся к славе генералов. Успехи Бонапарта в Италии вызвали повсюду мощные народно-демократические движения, породили в сердцах многих итальянцев мечту о свободе, о создании великого итальянского государства, посеяли семена будущего движения за независимость Италии.

Позже на острове Святой Елены Наполеон весьма точно, хотя и с некоторой долей забавной наивности, опишет это состояние духа в Италии в те годы: «С этого момента нравы итальянцев начали изменяться; через несколько лет они превратились в совсем другую нацию. Ряса, бывшая в моде у молодых людей, была заменена военным мундиром. Вместо того чтобы проводить жизнь у ног женщины, молодые итальянцы стали часто посещать

⁴² Napoléon Bonaparte. Op. cit. P. 1257.

манежи, стрелковые тиры, учебные плацы. Дети не играли больше в богослужение, у них появились полки оловянных солдатиков, и они в своих играх подражали военным действиям. В прежних театральных комедиях и в уличных фарсах итальянца всегда представляли как большого труса, хотя и остроумного, а рядом с ним всегда был некий грузный вояка, иногда француз, а всего чаще немец, очень сильный, очень смелый, очень грубый, заканчивающий сцену нанесением нескольких палочных ударов итальянцу под громкие аплодисменты зрителей. Народ больше не выносил подобных зрелищ; теперь авторы показывали на сцене, к радости зрителей, смелых итальянцев, которые, поддерживая свою честь и права, обращали в бегство иностранцев. Национальное сознание сложилось. В Италии появились свои песни, одновременно и патриотические и воинственные. Женщины с презрением отвергали ухаживания мужчин, напускавших на себя, чтобы понравиться им, изнеженную томность»⁴³.

Но на Италии дело не остановилось. Чернила еще не успели высохнуть на текстах конституций новых итальянских республик, как Директория приняла идею Талейрана и направила армию под командованием Бонапарта на завоевание Египта.

19 мая 1798 г. морская армада вышла из Тулона. В общей сложности с присоединившимися позднее конвоями она насчитывала 43 боевых корабля (из которых 13 линейных) и около 300 транспортных судов. На борту эскадры было 35 тыс. солдат и офицеров, 167 выдающихся ученых, художников, музыкантов. Ведь экспедиция в Египте, по мысли Бонапарта, должна была быть не только военной, но и научной.

9 июня французский флот подошел к острову Мальта. На рейде Ла Валетты можно было видеть целый лес мачт, простирившихся на многие мили. Бонапарт потребовал капитуляции от рыцарей Мальтийского ордена, которым принадлежал остров. Руководство древнего ордена сдало город и крепость без малейшего сопротивления. То, о чем говорил молодой генерал еще в 1797 г., свершилось – французы овладели важнейшим опорным пунктом на Средиземноморье раньше, чем это успели сделать англичане.

1 июля на горизонте показались берега таинственного и манящего Египта. Несмотря на шторм и опасность появления английского флота, молодой главнокомандующий твердым и решительным голосом приказал начать высадку. Начиналась удивительная, небывалая эпопея...

Череда этих событий не могла не вызвать вполне понятного беспокойства в Вене, тем более что многие австрийские политики рассматривали Кампо-Формийский мир только как перемирие и искали лишь возможности взять реванш за поражение. Однако любому здравомыслящему человеку было понятно, что тягаться в одиночку на континенте с таким сильным противником, как Французская республика, для Габсбургской монархии было крайне проблематично. Для этого нужна была помощь сильного государства, способного выставить против Франции крупную сухопутную армию. Если принять во внимание, что прусское правительство решило придерживаться нейтралитета и не желало более ввязываться в борьбу с республикой, понятно, что позиция России становилась в подобной ситуации определяющей.

Под влиянием произошедших на европейском континенте перемен отношение императора Павла I к Франции стало меняться на глазах. Наряду с занятием французами Ионических островов Павла не на шутку обеспокоило появление в рядах французских войск польских легионов. Как известно, в январе 1797 г., когда итальянский поход Бонапарта уже подходил к концу, по инициативе генерала Домбровского и при поддержке главнокомандующего Итальянской армии был создан так называемый Польско-италийский легион. Под его знамена со всех сторон стекались поляки, бежавшие за границу после гибели своего отечества. Они с энтузиазмом и отвагой готовы были драться против австрийцев, чтобы отомстить обидчику за унижение Польши, но ясно было, что бить габсбургских

⁴³ Correspondance de Napoléon Ier publiée par l'ordre de l'Empereur Napoléon III. Paris, 1858–1870. Т. 29. Р. 284.

солдат в Италии – это далеко не главное и не единственное их желание. Боевой песнью польских частей была в будущем знаменитая «Мазурка Домбровского», ставшая впоследствии национальным гимном Польши.

Еще Польша не погибла,
Коль живем мы сами.
Все, что взял у нас наш недруг,
Мы вернем клинками!

Марш, марш, Домбровский,
За край наш Польский,
Чтобы нас встречал он
Под твоим началом!

Вислу перейдем и Варту,
Чтобы с Польшей слиться,
Научил нас Бонапарте,
Как с врагами биться.

Эти слова не просто боевой гимн, а целая политическая программа. Здесь ясно говорилось о том, что легионеры верят в восстановление Польши. Если они и служат Франции и Бонапарту, то не как наемники, а как люди, желающие научиться сражаться в армии самого великого полководца современности. А главная цель – отбить силой оружия «Все, что взял у нас наш недруг», то есть, как вполне понятно, далеко не только австрийцы, а русские и пруссаки, забравшие значительно большую часть территории польского государства.

Учитывая ту раздражительность, которую и тогда, и после все властители Российской империи проявляли к польскому вопросу, легко понять, как возмущен и разгневан был Павел.

В определенной степени ответом на создание Польских легионов было принятие Павлом на русскую службу эмигрантского корпуса принца Конде. Дело в том, что в рядах австрийских войск сражался против Франции довольно значительный по численности отряд французских эмигрантов. К марту 1797 г. в рядах корпуса было около 13 тыс. человек – отряды, непосредственно составленные из дворян-эмигрантов, и полки, укомплектованные из наемников под командованием французских дворян. Нужно сказать, что, хотя эмигранты сражались вместе с австрийцами, содержались эти отряды на английские деньги. После заключения Кампо-Формийского мира австрийцы, которые и до того не очень-то желали оплачивать значительное по численности иностранное войско, теперь вообще чурались его – оно могло только помешать торгу при заключении мира. Что же касается практичных британцев – они в новых условиях также не желали платить эмигрантам. Отныне континентальной войны, пусть и временно, не было. Следовательно, оплачивать 13-тысячный отряд не имело смысла – не мог же он один вести борьбу с республикой.

Перед офицерами-эмигрантами замаячили довольно мрачные перспективы, как вдруг помощь пришла издалека. Император Павел выказал готовность взять их на русскую службу и расквартировать на территории Российской империи. Правда, далеко не все солдаты и офицеры проявили энтузиазм по поводу столь дальней дороги. Многие покинули ряды корпуса. Что касается наемников, то их вообще не пожелали видеть в России (исключение было сделано только для одного, лучшего полка). Так что на русскую территорию пришли 1 января 1798 г. лишь 4320 человек.

В этот холодный туманный день корпус пересек пограничную реку Буг и, тотчас же построившись прямо на берегу, принял присягу на верность российскому императору. Полки эмигрантов должны были отныне снять белые роялистские кокарды и заменить их

оранжево-черными кокардами русской армии. Униформа также была вскоре изменена – части Конде получили мундир русского образца. Наконец, знамена, выданные корпусу, отличались своеобразием – это были знамена русского образца с двуглавым орлом в центре, однако по краям полотнищ красовались королевские лилии Франции.

Сам принц Конде был торжественно встречен в Петербурге. Ему были возданы такие почести, которых он не удостоивался ни в одной столице коалиционных государств. Павел I специально купил для принца и подарил ему роскошный дворец в центре Петербурга. Это здание возвышалось там, где ныне стоит знаменитый Мариинский дворец. На фронтоне по приказу царя был помещен герб семьи Конде, и золотыми буквами было написано: «Особняк Конде» (Hôtel de Condé).

В жесте российского императора было больше сострадания к горестной участи эмигрантов, чем политического расчета. Павлу I, который, по крайней мере, как ему казалось, стремился поступать, руководствуясь принципами справедливости и чести, льстило, что он может благодетельствовать людей, которые сражались за идею и были выброшены как использованная салфетка, едва они перестали служить интересам расчетливых политиков.

Руководствуясь теми же принципами великодушия и справедливости, Павел I предоставил убежище и гонимому отовсюду герцогу Прованскому, брату казненного короля Людовика XVI, в будущем ставшему королем Франции под именем Людовик XVIII. Местом для проживания беглого монарха была назначена Митава, а на содержание его дворца и сотни телохранителей было выделено Россией 200 тыс. рублей ежегодно. Интересно, что Павел обратился ко всем монархам Европы с предложением пожертвовать также что-нибудь на «собрата» в несчастье, однако за исключением испанского короля никто, кроме русского императора, не дал ни гроша.

Ясно, что все эти действия, какими бы возвышенными соображениями ни руководствовался Павел, не могли не вызвать вполне прозаических политических последствий. Эмигранты, нашедшие при русском дворе радушный прием, не сидели без дела. Они возбуждали повсюду среди русской знати ненависть к революционной Франции. Императрица Мария Федоровна и возлюбленная императора – фрейлина Нелидова стали горячими сторонниками идеи легитимизма и борьбы с революционной «заразой». Используя эти настроения, развернули бурную деятельность и англичане, использовавшие свое влияние и золото для того, чтобы подогреть антифранцузские настроения в среде русской знати и при дворе.

Однако ничто так не подействовало на Павла, как история с Мальтийским орденом. Еще в эпоху своей юности Павел увлекся этим рыцарским орденом, прочитав книгу Верто «История рыцарей-госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского»⁴⁴. Как известно, орден госпитальеров (впоследствии Мальтийский) явился первым духовно-рыцарским орденом в истории. Еще в 1070 г., до Первого крестового похода, на Ближнем Востоке вокруг странноприимного дома (госпиталя) Святого Иоанна возник монашеский орден, призванный помогать паломникам. С началом крестоносного движения орден, заботящийся о странниках, взял на себя миссию и их охраны и постепенно из монашеского превратился в военно-монашеский. При великом магистре Раймунде де Пюи (1120–1160) он окончательно оформился как духовно-рыцарский орден, видевший свою миссию прежде всего в войне с врагами христианства. В эти же годы (1118–1119) возник и другой знаменитый духовно-рыцарский орден тамплиеров (храмовников).

Оба эти ордена получили в скором времени огромные дары от папы, от монархов и знати Европы и стали могущественными военными организациями, ведущими непрерывную войну с мусульманским миром. Сотни замков госпитальеров и тамплиеров усеяли Палестину

⁴⁴ Vertot, René Aubert de, Histoire des chevaliers hospitaliers de Saint Jean de Jerusalem, appelez depuis les Chevaliers de Rhodes, et aujourd'hui les Chevaliers de Malte, 4 vol., Paris, 1726.

и Сирию. Один из самых грандиозных средневековых замков Крак де Шевалье был построен в Сирии и принадлежал госпитальерам.

Рыцарям Храма и госпитальерам посвятил Бернар Клервосский восторженную речь в своем знаменитом произведении «Во славу нового рыцарства» (1125 г.): «Живут они в согласии и в воздержании, без жен и детей, и, чтобы не было ущерба евангельскому совершенству, без имущества в едином доме единого духа, стремясь к миру и согласию, так что кажется, что во всех бьется одно сердце и живет одна душа. Никогда не сидят они без дела и никогда не блуждают с любопытством вокруг. Когда они отдыхают от боев с неверными, что случается редко, то, чтобы не есть даром свой хлеб, они чинят свои поврежденные или износившиеся платье и оружие... как только начинается бой, они бесстрашно бросаются на противников, презирая их, как овец; и не знают никакой боязни, как бы мало ни было их, уповая на помощь Бога...»⁴⁵

После падения Сен-Жан д'Акра – последнего оплота крестоносцев на Ближнем Востоке – в 1291 г. оба ордена вынуждены были покинуть Святую Землю. В то время как орден тамплиеров был ликвидирован в 1314 г., орден иоаннитов сумел выдержать все потрясения. Сначала его центр был перенесен на остров Кипр, затем на остров Родос. Здесь рыцари обосновались в 1309 г. и оставались более двухсот лет, так что их стали даже называть родосскими рыцарями.

Султан Сулейман Великолепный с огромной армией осадил остров в 1522 г. После героической шестимесячной обороны госпитальеры вынуждены были оставить Родос и после долгих скитаний получили наконец от императора Карла V в 1530 г. остров Мальта и прилегающие к нему острова Гозо и Комино. Здесь госпитальеры выстроили неприступную цитадель, стены которой высятся и поныне. Отныне, что вполне естественно, их стали называть мальтийскими рыцарями, хотя старые названия, разумеется, остались. Рыцари Святого Иоанна Иерусалимского прославили Мальту героической обороной против турецких полчищ в 1565 г., не менее храбро они сражались и в грандиозной битве при Лепанто в 1571 г., где христианский флот разгромил огромную турецкую армаду.

Мальтийские рыцари, таким образом, представляли собой в конце XVIII в. рыцарский орден, не только «древнейший», но и были, в определенной степени, единственным «настоящим», ведущим войну с неверными орденом.

Увлечшись историей Мальтийского ордена, Павел увлекся идеями рыцарства вообще. Именно этими идеями будут объясняться многие поступки царя, в частности на внешнеполитической арене.

Нужно сказать, что мальтийские рыцари со своей стороны также «искали» Павла I. Дело в том, что в результате Второго раздела Польши на территории России оказались владения магната Острожского, которые он после своей смерти передал во владение ордена. Теперь юридический статус земель вызывал много вопросов. Граф Литта, посланник ордена, представивший свои верительные грамоты императрице, ничего толком не смог добиться от Екатерины. Однако с восшествием на престол Павла все мгновенно изменилось. Граф Литта не только был почти тотчас по восшествии на престол принят императором, но и оказался приятно удивлен на редкость благожелательным отношением к нему со стороны Павла. Император подписал соглашение с орденом, согласно которому Великое Польское приоратство было трансформировано в Великое Российское приоратство, причем субсидии, выделенные на его содержание, увеличивались в 2,5 раза.

В знак благодарности граф Литта от имени великого магистра поднес императору прошение о принятии ордена под его покровительство. 18 ноября 1797 г. Павел I торжественно принял титул покровителя Мальтийского ордена. Так в России обосновался католический рыцарский орден, и знаки крестоносцев появились на берегах Невы.

Разумеется, все это было возможно только при очень широком видении религиозного

⁴⁵ Цит. по: Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М., 1938. Т. 3. С. 162.

вопроса. Многие исследователи сходятся на мысли, что Павел I стремился объединить католическую и православную церковь, преодолеть тысячелетний раскол христианского мира. Сам же Мальтийский орден приобретал в этой связи огромное, вовсе не игрушечное значение.

В своем письме великому магистру от 18 января 1797 г. граф Литта писал о Павле: «Этот монарх полностью предан долгу трона, все без исключения его действия служат государству и народу... Мальтийский орден является для него образцом, как по своим институтам, так и по своему поведению, для него [Павла. – *Примеч. авт.*] орден является предметом уважения и любви»⁴⁶.

Поэтому так серьезно было для Павла все, что связано с орденом. Мальтийский орден – это мечта о возрожденной и облагороженной монархической идее. Это впервые совершенно ясно подчеркнул выдающийся историк павловского царствования Н. Я. Эйдельман: «Идея рыцарства – в основном западного, средневекового (и оттого претензия не только на российское – на вселенское звучание “нового слова”), рыцарства с его исторической репутацией благородства, бескорыстного служения, храбрости... Рыцарство против якобинства (и против екатерининской лжи!), то есть облагороженное неравенство, против “злого равенства”»⁴⁷.

Так маленький скалистый остров в Средиземном море, на котором возвышалась могучая крепость госпитальеров и развевался красный флаг с белым мальтийским крестом, стал для императора всяя Руси куда большим, чем далекий заброшенный в море клочок земли, – это была воплощенная рыцарская идея.

Нетрудно догадаться, чем в данных обстоятельствах обернулись для России события на далеком острове, когда генерал Бонапарт между делом, по пути в Египет захватил крепость иоаннитов, а заодно и распустил орден! Впрочем, прежде чем говорить о событиях политических, завершим с вопросом об ордене.

Новость пришла в Петербург в июле 1798 г. Уже в августе манифестом, подписанным в Гатчине, Павел дал торжественный обет свято сохранять учреждения ордена и «его привилегии и всеми силами стараться поставить на ту высокую ступень, на которой он некогда находился». Как покровитель ордена Павел I пригласил в Россию гонимых рыцарей. Они осудили поведение магистра Гомпеша, который сдал остров и крепость французам, и 9 ноября 1798 г. собравшиеся на капитул 249 рыцарей избрали 70-м по счету великим магистром ордена госпитальеров российского императора Павла I.

Нечего и говорить, что Павел воспринял это избрание с восторгом. Отныне знаки Мальтийского ордена становятся чуть ли не высшей наградой империи, и даже на государственном гербе России, на груди двуглавого орла появился мальтийский крест.

Хотя в апреле 1799 г. папа римский Пий VI отказался признать это избрание – ведь Павел был православным, никогда не состоял (как член) в ордене и сверх того был женатым человеком, – на внешнюю политику России это уже не могло серьезно повлиять. Ибо сразу по получении известий о захвате Мальты были приняты и другие решения, куда более сказавшиеся на судьбах Европы, чем страсти вокруг титула великого магистра.

Павел немедленно направил эскадру адмирала Ушакова к Константинополю. Русскому флоту поручалось, находясь поблизости от Босфора, послать вперед одно небольшое судно с извещением о том, что русские готовы оказать Османской империи помощь против французов везде, где это потребуется.

К этому времени султан уже знал о высадке Бонапарта в Египте. Неожиданное известие о русской помощи произвело немедленный эффект. Все колебания Селима III по поводу реакции на французское вторжение сразу исчезли. Немедленно был объявлен султанский

⁴⁶ Цит. по: *Norman E. Saul. Russia and the Mediterranean, 1797–1807. Chicago and London, 1970. P. 38.*

⁴⁷ *Эйдельман Н. Я. Указ. соч. С. 71.*

рескрипт, которым правоверным объявляли о начале войны с Францией, а французский посланник, по старинному обычаю Османской империи, был отведен под стражей в тюрьму – Семибашенный замок.

Русский флот тотчас получил свободный проход через пролив, а в октябре была подписана конвенция, согласно которой турки обязались выделить крупную сумму на содержание эскадры. Наконец, 3 января 1799 г. (23 декабря 1798 г. по старому стилю) был подписан союзный договор между Россией и Турцией. Почти в это же время был подписан союзный договор с Неаполитанским королевством, которое в свою очередь подписало договор с англичанами. 28 декабря 1798 г. был подписан русско-английский договор. Англичане должны были оказать финансовую помощь России для ведения войны. Со своей стороны Российская империя должна была выставить войска для действий в Северной Италии и для вторжения в Голландию. Мальта после взятия ее союзниками должна была быть временно занята русско-англо-неаполитанским гарнизоном до того времени, пока рыцари ордена Святого Иоанна Иерусалимского не смогут вернуться на остров в достаточном количестве для его защиты.

Дольше всего колебалось австрийское правительство, тем более что австрийские уполномоченные в это время продолжали переговоры с французами и имперскими князьями в Раштадте по окончательному мирному урегулированию германских вопросов. Впрочем, сомнения австрийцев помогли рассеять сами французы. Получив известие о том, что против Франции уже сложилась новая коалиция, что русские войска движутся в Германию, что рано или поздно Австрия вступит в эту коалицию, Директория дала приказ о наступлении. 1 марта 1799 г. так называемая Дунайская армия форсировала Рейн у Келя и четырьмя колоннами двинулась навстречу австрийцам. Война началась и вскоре снова запылала по всей Европе.

Интересно, что главным детонатором этого взрыва было решение русского императора. Без его решительных и недвусмысленных односторонних действий неизвестно как повели бы себя Оттоманская империя, Неаполь и Австрия. Разумеется, что причин этого разворота русской политики было предостаточно: стремительное расширение французского влияния в Германии и Италии, перспектива появления французов на Балканах, опасения по поводу попыток восстановления Польши, активная деятельность английской дипломатии и французских эмигрантов при русском дворе и т. д., тем не менее трудно переоценить значение мальтийского эпизода в этом вопросе. Именно занятие Мальты окончательно утвердило Павла в его решении начать войну с республикой. Причем интересно, что императора беспокоил не столько захват французами стратегически выгодного пункта в Средиземноморье, сколько разгром древнейшего рыцарского ордена. Известный американский исследователь очень точно подметил этот факт: «Британцы недооценивали идеологический фактор и считали, что Павел принял титул [великого магистра. – *Примеч. авт.*], чтобы утвердить русское военное присутствие в Средиземноморье, получив стратегически важную морскую базу... Бонапарт также недооценивал то, чем для Павла была Мальта. Но царь выступал прежде всего в защиту не острова, а ордена, который Бонапарт мало ценил»⁴⁸.

Одним из важнейших пунктов в договоре с англичанами было то, что державы коалиции обязались не удерживать за собой острова, которые будут отбиты у французов, а общая цель союза была определена следующим образом: «действенными мерами положить предел успехам французского оружия и распространению правил анархических; принудить Францию войти в прежние границы и тем восстановить в Европе прочный мир и политическое равновесие»⁴⁹.

Обратим внимание, что здесь не говорится даже о реставрации монархии во Франции,

⁴⁸ Norman E. Saul. Op. cit. P. 44–45.

⁴⁹ Цит. по: Милютин Д. А. Указ. соч. Т. 1. С. 75.

хотя, конечно, такая реставрация рассматривается как положительная перспектива. Главная же цель союза – крестовый поход во имя справедливости, восстановление прежних границ и законных властей.

На этот раз соотношение сил на фронтах было явно не в пользу французов. Во Франции угас революционный энтузиазм. Бонапарт это точно подметил, вспомним его фразу: «Война, которая еще недавно была национальной и народной... стала войной, безразличной народу, войной лишь правительств». Но французское правительство – Директория – было насквозь коррумпировано, могло дать пример не самопожертвования, а лишь стяжательства и грязных махинаций. Экономика страны, снабжение армии – все было в полном развале. Хаос царил внутри страны, бандиты хозяйничали на дорогах. Такое правительство «могло тиранить, но не могло править». Нетрудно догадаться, что армия в этих условиях не могла быть ни многочисленной, ни хорошо обеспеченной. Повальное дезертирство охватило ее ряды. Если же учесть, что одновременно войска несли потери, нетрудно догадаться, что их численность резко сократилась.

Если в августе 1794 г., по рапорту военного министра Петие, в строю было 732 474 человека, то к августу 1795 г. осталось 484 363 человека, а к концу 1796 г. – 396 016 человек. Реально к началу кампании 1799 г. французы могли выставить для войны с коалицией на всех европейских фронтах всего лишь около 200 тыс. солдат⁵⁰!

Правда, здесь нужно сделать одно очень важное добавление. Если процесс развала и гниения охватил правящую верхушку, в армии наблюдались иные тенденции. В военной среде все больше зрело раздражение действиями властей и даже просто открытая вражда по отношению к правительству. В войсках, несмотря ни на что, продолжали жить остатки республиканских идеалов, но одновременно солдаты и офицеры слишком явственно видели пороки и ущербное бессилие Директории.

Мысль о том, что «отечество коррумпировано», что республика продается с молотка, стала распространяться в армии. На биваках говорили, что аристократы готовятся уничтожить завоевания Революции, что им помогает «аристократия богатства». Солдаты и офицеры, вернувшиеся из краткого отпуска, рассказывали, что в городах властвуют «мюскадены»⁵¹, что золотая молодежь избивает и убивает «патриотов» и особенно тех, кто носит военную форму.

Еще недавно рассматриваемые как «лучшие граждане», герои республики, солдаты и офицеры превратились в отверженных, презираемых нуворишами. «Едва вы покидаете военный лагерь, чтобы отдохнуть на квартирах, или, победив в одном месте, вы направляетесь в другой конец страны, как вместо уважения со стороны граждан вы испытываете только унижение и даже оскорбление, – писал лейтенант французской армии эпохи Директории. – Можно все вытерпеть, но не общественное презрение»⁵².

Отныне все более и более солдаты и офицеры республиканской армии стали рассматривать гражданское общество как противостоящую им силу, а армию – как единственную хранительницу республиканских идеалов.

Отношение солдат и офицеров к властям в период Директории ярко проявилось во время событий в Риме сразу после занятия его французами в феврале 1798 г. Младшие офицеры, поддержанные солдатами и рядом старших офицеров, организовали настоящий мятеж. Формальной его причиной была невыплата жалованья и ужасающее материальное положение войск, лишенных всякого правильного снабжения. Однако в петициях,

⁵⁰ Со вспомогательными контингентами голландцев, швейцарцев и итальянцев – около 230 тыс. человек.

⁵¹ Мюскадены – от слова «мускус» (musc), то есть «надушенные», «расфранченные», – золотая молодежь той эпохи.

⁵² Цит. по: *Bertaud J. B. La revolution armée. Les soldats-citoyens et la Révolution française.* P., 1979. P. 291–292.

адресованных командованию и одновременно распространяемых среди жителей, говорилось о возмущении простых солдат и офицеров действиями высших чиновников: «В то время как войска нуждаются во всем, расхитители на наших глазах громоздят награбленное, выставляя напоказ возмутительную роскошь; игорные дома и места разврата полны чиновниками военной администрации, скандальное расточительство которых и громкие оргии оскорбляют нужду солдат...»⁵³

Одновременно армия отныне рассматривала себя как истинную носительницу чести и республиканских идеалов: «Армия в нашем лице требует, чтобы правосудие совершилось над грабителями, которые бесчестят имя француза; она желает, чтобы были возмещены все разорения, содеянные против правил человечности в домах и церквях, принадлежащих государствам, состоящим в мире с Республикой»⁵⁴.

Мятеж с трудом удалось погасить, причем только тогда, когда генерал Массена, считавшийся солдатами и офицерами одним из главных пособников коррумпированных чиновников, покинул армию, передав командование другому генералу.

Впрочем, наряду с недоверием и враждебностью к правительству, отсутствием морального подъема и веры в правоту своего дела, армия с точки зрения чисто профессионально-технической в общем скорее улучшилась. За годы непрерывной войны солдаты и офицеры получили огромный боевой опыт. Дезертировать же было так легко, что, можно сказать, в рядах остались лишь те, кто хотел этого. В результате почти все источники сходятся на том, что французские войска того периода времени, несмотря на истрепанные, разношерстные мундиры, четко маневрировали на учебном плацу и под огнем, храбро сражались в бою.

В общем, несмотря на неспособность и коррумпированность французского правительства, коалиции навряд ли пришлось бы рассчитывать на легкую победу, если бы Бонапарт с 35 тыс. отборных солдат и целой плеядой блестящих генералов не оказался совершенно отрезанным от событий на европейском театре военных действий. Отсутствие этих элитных сил давало союзникам дополнительное преимущество.

К весне 1799 г. они смогли двинуть против республики более 330 тыс. солдат. Разумеется, эти войска были разбросаны на широком фронте от Голландии до Северной Италии, однако на ряде участков у союзников численное превосходство было полуторакратное, даже двукратное.

Еще до начала боевых действий на континенте русский флот совместно с турецким произвел успешную военно-морскую операцию. 1 октября 1798 г. русская эскадра под командованием адмирала Ушакова⁵⁵ подошла к Ионическим островам. Русские десанты быстро овладели почти всеми островами. Исключение составил остров Корфу, где французы заперлись в мощной крепости, и небольшой остров Видо, также хорошо укрепленный республиканцами. 29 февраля 1799 г. в ходе ожесточенного штурма русско-турецкий десант захватил остров Видо, а французский гарнизон на Корфу был полностью блокирован, сама крепость осаждена с помощью десантов с кораблей и нескольких тысяч албанцев, которых турки прислали на помощь Ушакову. 2 марта 1799 г. после упорной обороны генерал Шабо, комендант крепости, капитулировал. В плен попали 2930 французских солдат и офицеров. Выбив французов с Ионических островов, русский флот получил базу для дальнейших

⁵³ Service Historique de la Défense (S. H. D.) 1 B 52.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Русская эскадра: 6 линейных кораблей, 7 фрегатов, 3 легких судна, общая численность артиллерии 792 орудия, общая численность экипажей 7406 человек.

Турецкая эскадра: 4 линейных корабля, 6 фрегатов, 18 легких судов, общая численность экипажей 6000 человек.

операций в Средиземном море.

В тот момент, когда решалась судьба Корфу, боевые действия начались и на континенте. Неаполитанский король, которому англичане и австрийцы дали добрый совет поскорее проявить активность, решил разгромить Римскую республику. Неаполитанские войска под командованием австрийского генерала Макка, которому еще суждено будет не раз быть упомянутым на страницах этой книги, двинулись вперед. Малочисленные французские отряды оставили Рим 26 ноября, но уже буквально через несколько дней, усиленные подкреплением, пришедшим с севера, республиканцы перешли в стремительное контрнаступление. Войска Макка были вдребезги разгромлены, и уже через несколько дней французы оказались под стенами Неаполя. Король и королева бежали на Сицилию. Главнокомандующий французской армией генерал Шампинне вступил в Неаполь, и в скором времени королевство было также «революционизировано». В январе 1799 г. здесь была провозглашена так называемая Партенопейская республика.

Как уже отмечалось, армия Журдана форсировала Рейн 1 марта и двинулась вглубь Германии. Несколько дней спустя генерал Массена со своими войсками развернул наступление в Швейцарии. Массена на первых порах добился некоторых успехов и разбил ряд австрийских отрядов, однако 23 марта он был остановлен на сильной позиции у Фельдкирха и после неудачного боя вынужден был отойти. Что же касается Журдана, то его наступление завершилось провалом. Эрцгерцог Карл собрал свои силы и 25 марта нанес французской армии поражение в битве при Штокахе. Через несколько дней французы вынуждены были отойти за Рейн.

В Северной Италии французы также первыми начали наступление, стремясь разгромить австрийцев до подхода русских войск. Со значительным опозданием по отношению к армиям, действовавшим в Швейцарии и Германии, генерал Шерер, командующий французскими войсками на Севере Италии, перешел в наступление против австрийской армии генерала Края. Однако и здесь французское наступление захлебнулось. А через несколько дней, 5 апреля, в сражении при Маньяно австрийцы нанесли Шереру поражение, и он вынужден был отойти за реку Адду, уступив тем самым силам неприятеля значительную территорию.

Таким образом, еще до прибытия русских войск на театр войны в Северной Италии и Швейцарии дела складывались для французов не самым лучшим образом.

С подходом же русских частей и приездом на театр военных действий А. В. Суворова союзники получили решающий перевес в силах.

Впрочем, речь идет не только о численности. Отныне во главе союзных войск стоял человек, обладавший несгибаемой волей, огромной энергией и жадной победить. На смену педантизму и осторожности пришел порыв и дерзость. «Надо атаковать!!! Холодное оружие – штыки, сабли!» – гласит первая же инструкция Суворова его новым австрийским подчиненным. «Смять и забирать, не теряя мгновения, побеждать все, даже невообразимые препятствия, гнаться по пятам, истреблять до последнего человека. Казаки ловят бегущих и весь их багаж; без отдыха вперед, пользоваться победой! Пастуший час! Атаковать, смести все, что встретится, не дожидаясь остальных... Забавлять и веселить солдата всячески. Никаких сигналов, ни труб, ни барабанов. Говорить вполголоса! Не надо патрулей, берегись рекогносцировок, которые раскрывают намерения. Твердость, предусмотрительность, глазомер, время, смелость, натиск, поменьше деталей и подробностей... Колонны в атаке стремительно атакуют штыками вместе с кавалерией, если нужно, неприятельские аванпосты; головы не ожидают развертывания вправо или влево в линии или средние колонны; кавалерия нужна, чтобы рубить и гнать аванпосты и овладеть артиллерией; ...затем она, не увлекаясь далее, возвращается через интервалы на свое место: уже неприятель близок, линия формируется в мгновение ока, без педантизма, скорым шагом; если разорвана – не беда, стрелков не надо, вперед скорым шагом!»⁵⁶

⁵⁶ Золотарев В. А. Генералиссимус А. В. Суворов: вершины славы. М., 1999. С. 64–65.

Суворов принял командование союзной армией 15 апреля 1799 г. в Валеджио и тотчас распорядился о начале наступления. Австрийцы и русские под его командованием, форсированными маршами, ринулись вперед. И 26–27 апреля в серии боев на реке Адда нанесли сокрушительное поражение войскам Шерера. 29 апреля Суворов вступил в Милан, а уже 25 мая его войска были в столице Пьемонта – Турине.

Французская армия под командованием генерала Макдональда, находящаяся на юге Италии, вынуждена была оставить все свои завоевания и спешно двигаться на помощь войскам на севере. Однако Суворов стремительно бросился на части Макдональда и в упорнейшей трехдневной битве на реке Треббии 17–19 июня нанес поражение французам, несмотря на все их мужество и на умелое командование молодых талантливых генералов. Генерал Моро, который после поражения Шерера принял командование французскими войсками в Северной Италии, не успел подойти на помощь своему товарищу по оружию. В конечном итоге остатки французских войск вынуждены были отступить в Геную.

На юге, с уходом армии Макдональда, союзники получили возможность без труда установить контроль над южной частью Апеннинского полуострова. Уже незадолго перед уходом основных сил французов южнее Неаполя стали действовать банды религиозных фанатиков, которые убивали всех тех, кто поддерживал республиканцев. Нужно сказать, что, несмотря на благие намерения, методы действия этих повстанцев навряд ли могут вызвать большой восторг. Даже консервативный русский историк Милютин, автор замечательного труда по истории войны 1799 г., при всем своем сочувствии к делу контрреволюции вынужден был написать: «В числе предводителей инсургентов были и такие люди, которые именем своим позорили знамя королевское, люди, достойные быть только атаманами разбойничьих шаек. В Абрुццах ратовал некто Пронио, расстриженный аббат, осужденный на галеры за смертоубийство; Гаэтано Маммоне, приводивший в трепет самые окрестности Неаполя, прославился перед всеми прочими неслыханным зверством; современники утверждают, что он находил забаву в мучениях своих жертв и с наслаждением пил из черепа кровь человеческую. Сподвижником его был знаменитый разбойник Микеле Пецца (Michele Pezza), прозванный Фра Дьяволо»⁵⁷.

С уходом войск Макдональда отдельные отряды контрреволюционеров соединились в целую армию, которую возглавил кардинал Фабрицио Руффо. Это войско в скором времени достигло численности почти 30 тыс. человек и двинулось на Неаполь. Вместе с отрядами Руффо в Неаполь шли и 600 русских моряков под командованием капитана Белле, высадившихся на сушу с кораблей эскадры Ушакова. Если русские моряки в военном отношении придавали сплоченность нестройным толпам Руффо, то контролировать действия своих союзников они никак не могли. 13 июня 1799 г., после того как отряд Белле овладел мостом у входа в Неаполь, в город ворвались обезумевшие от ярости полчища кардинала. С 13 по 15 июня в городе продолжались бои и дикая бойня республиканцев.

Вот что об этом пишет уже упомянутый Милютин: «В продолжение нескольких дней Неаполь представлял страшную картину убийств, пожара и грабежа. Ополченцы кардинала, соединившись с буйным лаццарони, упивались кровью, придумывая казни самые мучительные: душили, жгли, терзали, не разбирая ни правых, ни виноватых. Не было пощады ни женщинам, ни детям, ни старикам. Несчастных раздевали донага, водили по улицам, провожая ругательствами и побоями, издеваясь над страданиями невинных жертв. Никому и нигде не было убежища от зверств кровожадной сволочи. Многие покушались бежать из города, переодетые в женские платья; но редким удавалось спастись. Другие прятались в подземные трубы; но изверги стерегли у выходов и тут беспощадно убивали»⁵⁸.

⁵⁷ Милютин Д. А. Указ. соч. Т. 1. С. 470–471.

⁵⁸ Там же. С. 624.

Остатки французских войск и несколько тысяч неаполитанских республиканцев заперлись в нескольких мощных фортах: Кастель-Нуово, Кастель-дель-Ово и Сант-Эльмо. Однако помощи было ждать неоткуда, и после нескольких дней обороны, положившись на слово русского офицера, гарнизоны фортов капитулировали на условии эвакуации их в Геную, занятую еще республиканскими войсками. Однако в этот момент в Неаполь прибыла эскадра адмирала Нельсона и неаполитанская королевская чета. Растоптав условия капитуляции, англичане и роялисты повесили республиканцев на реях кораблей. Более того, не удовлетвовавшись этими казнями, скоро суды, учрежденные в Неаполе, приговорили к смерти еще 40 тыс. человек!

Юг Италии, как и большая часть севера, был потерян для республиканцев. В скором времени отряды коалиции вступили также и в Рим. В руках французов оставался только клочок побережья в районе Генуи. Здесь собрались все остатки республиканских войск. Сюда Директория прислала нового командующего. Это был молодой, талантливый и отважный генерал Жубер. Он отличился в Итальянском походе Бонапарта и слыл одним из лучших его помощников. Перед отправлением в Италию он женился на молодой красавице и, выезжая в поход, пообещал своей жене вернуться с победой. Едва прибыв к армии, Жубер, горя нетерпением превзойти подвиги Бонапарта, сконцентрировал войска и сразу двинул их в наступление. Жуберу удалось собрать примерно 35 тыс. солдат. Перед ним было 52 тыс. русских и австрийцев, но молодой полководец не раздумывал. И 15 августа 1799 г. у местечка Нови он принял неравный бой. Едва только загревели первые выстрелы, как он оказался в первых рядах, и пуля тирольского стрелка сразила его, попав в самое сердце. Командование принял Моро. Несмотря на гибель своего полководца и численное превосходство союзников, французы дрались с бешеной отвагой. Но с противоположной стороны было не меньше упорства и ярости. В конечном итоге численное превосходство сыграло свою роль. Французская армия была разгромлена и вынуждена была откатиться в Генуэзскую Ривьеру.

Таким образом, в то время как на Рейне эрцгерцог Карл, несмотря на серьезный численный перевес своих войск, не сумел воспользоваться плодами своих первых успехов, в Италии всего лишь за пять месяцев были разгромлены все французские армии, и коалиция господствовала отныне на всем полуострове. Нужно сказать, что в успехах русско-австрийских войск под командованием Суворова немалую роль сыграл и политический фактор. Разделяя идеи императора Павла в этом вопросе, Суворов вел войну не во имя достижения материальных выгод, а прежде всего войну идеологическую. Главной задачей он видел восстановление погранных тронов и алтарей и борьбу с влиянием идей Великой французской революции. Это можно было сделать только при условии, что союзники будут вести войну бескорыстную, отличную от той кровавой бойни, которую устроили роялисты в Неаполе. Суворов стремился поддерживать в своих войсках строгую дисциплину и привлечь на свою сторону население итальянских государств не диким террором, а наоборот – демонстративным уважением к правам и обычаям местного населения. При въезде в Милан в воскресенье 29 апреля 1799 г., в день, который совпал с праздником Пасхи, русский полководец, подойдя к архиепископу, поцеловав руку священника, сказал: «Я прислан восстановить древний престол папский и привести народ в послушание монарху его. Помогите мне в святом деле».

«Вооружитесь, народы италийские! Стремитесь к соединению под знамена, несомые на брань за Бога и веру, – писал Суворов в обращении к итальянскому народу. – Не обременили ли вас правители Франции безмерными налогами? Не довершают ли они вашего разорения жестокостью военных поборов? Все горести, все бедствия изливаются на вас под именем свободы и равенства, которые повергают семейства в плачевную бедность, похищают у них сынов... Смотрите на героев, от севера для спасения вашего пришедших. Все зримые вами храбрые воины стремятся освободить Италию... Возобновлены будут законы, вера и всеобщее спокойствие, коих вы тщетно желали в томлении под игом трехлетнего рабства. При власти грядущей и служители божьих алтарей примут на себя священный сан свой и

обретут возвращенную им собственность»⁵⁹.

Но именно этот подход к политическим вопросам Италии вызвал серьезные разногласия в лагере союзников. Общеизвестно, что всякая коалиционная армия трудно управляется. У каждой державы, составляющей коалицию, есть свои политические цели, свои интересы. Поэтому чуть ли не по каждому поводу возникают разногласия, которые приходится решать часто в ожесточенных спорах, а многие из разногласий вообще не находят решения. (Речь идет, конечно, о «настоящей» коалиции, а не о том случае, когда союзники являются таковыми только по названию. Например, малочисленные контингенты итальянских республик, сражавшиеся на стороне французов, были всего лишь войсками вассалов. У них не было своих политических целей, а была лишь одна задача – с большей или меньшей эффективностью служить интересам державы-покровительницы.) Если же учитывать несходство характера русского полководца и австрийских генералов, различия в организации боевой подготовки и привычках русской и австрийской армии, можно предположить, что трений и противоречий избежать было бы очень сложно. Так оно в действительности и произошло.

Как только русско-австрийские войска под командованием Суворова одержали важные победы и вытеснили французов почти со всей территории Италии, сразу встал вопрос о том, что делать дальше. Каким образом использовать военный успех в сфере политической. Для императора России и точно исполняющего его волю полководца сомнений не было – война велась во имя восстановления погрязших тронов и алтарей, следовательно, первое, что необходимо было сделать, это вернуть старые, свергнутые французами власти. Все это прежде всего касалось Пьемонта (Сардинского королевства), ведь именно сардинский король Карл Эммануил явился в наибольшей степени «жертвой» французских республиканцев. Он вынужден был отречься от престола и жил вдалеке от своих континентальных владений на острове Сардиния. В соответствии с данными ему инструкциями тотчас по занятию Пьемонта Суворов пригласил свергнутого короля вернуться в свои владения, распорядился о восстановлении прежнего порядка и королевской пьемонтской армии. Сам император Павел направил любезнейшее письмо Карлу Эммануилу. Но император и полководец неожиданно встретили резкую враждебность этим планам со стороны австрийцев.

Австрийцы, которые составляли четыре пятых союзной армии, хозяйничали на территории Пьемонта как в завоеванном вражеском государстве. Австрийским командованием был назначен имперский комиссар граф Кон-чини, который стал распоряжаться всеми доходами страны. Пьемонт был буквально задавлен поборами, так что жители быстро утратили энтузиазм по поводу их «освобождения», причем все доходы направлялись только на одну цель – удовлетворять потребности австрийских войск. Даже пушки из пьемонтских арсеналов были направлены для вооружения австрийских крепостей.

Но это еще не все и не самое главное. Австрийцы потребовали высылки с территории Пьемонта уполномоченного сардинским королем графа Сент-Андре, который пытался восстановить прежние власти. А что касается самого короля, то его просто-напросто не пустили в свои владения. Несмотря на многочисленные письма Суворова и лично императора Павла, австрийское правительство осталось непреклонным: Карлу Эммануилу нечего делать у себя дома! «Пусть король совсем забудет о Пьемонте, – провозгласил после ухода русских войск из Северной Италии начальник штаба австрийской армии генерал Цах, – страна эта завоевана австрийцами, и, следовательно, главнокомандующий австрийский имеет один право распоряжаться в Пьемонте, точно так же, как он распоряжался бы, если б вступил с армией в Прованс или другую область Франции...»⁶⁰

Иначе говоря, выходило, что австрийцы воевали не за освобождение Пьемонта от

⁵⁹ Золотарев В. А. Указ. соч. С. 100.

⁶⁰ Милютин Д. А. Указ. соч. Т. 2. С. 340.

французов, а за завоевание этой страны! Становилось вообще непонятно, зачем русским сражаться в отдаленных землях. Война имела смысл для Павла и для России только в том случае, если это была война идеологическая, направленная на поддержку консервативных монархических принципов, главной целью которой был как раз не захват новых территорий, а восстановление прежних порядков. И уж тем более, русский император не собирался тратить огромные средства и жизнь своих подданных для того, чтобы завоевывать земли для иностранных держав.

В конечном итоге, не получая никакого ясного ответа на совершенно недвусмысленные требования, Павел I взорвался. Прежде всего он выразил свое возмущение графу Разумовскому, русскому послу в Вене, который настолько обавстриячился, что защищал какие угодно интересы: австрийские, английские, но только не русские. «Имея в виду поступки венского двора в последнее время, – писал император Павел I, – перемену тона его после побед, одержанных фельдмаршалом Суворовым, бесконечные интриги, препятствующие ходу военных действий, наконец, явные стремления к завоеваниям и новым приобретениям, я удивляюсь ослеплению этой державы, которая была уже раз на краю гибели, по-видимому, снова хочет ей подвергнуться... Зачем противиться устройению войск короля сардинского? Хочет ли Австрия одна бороться с врагом, который отнял у нее Милан и Нидерланды, который поколебал и разорил Италию и большую часть Германии, который подступил почти к самым воротам Вены?.. Я многое вижу и молчу. Я заключил союз с державами, которые призвали меня на помощь против нашего врага общего; руководимый честью, я поспешил на защиту человечества; я пожертвовал тысячами людей для общего блага; но, решившись низвергнуть настоящее правительство Франции, я никак не намерен терпеть, чтобы какое-либо другое стало на его место и в свою очередь сделалось ужасом для соседственных государей, присваивая себе владения их»⁶¹.

Отношения между Суворовым и австрийскими полководцами стали столь напряженными, а присутствие русских войск в Северной Италии настолько мешало планам австрийцев, что последние были готовы на все, лишь бы убрать русских из Италии. Так возник план сосредоточения всех русских войск в Швейцарии с последующим наступлением с территории этой страны на Францию. В этот момент на севере Швейцарии появился русский корпус под командованием Римского-Корсакова (около 27 тыс. человек), здесь же сражались формально приписанные к русской армии войска принца Конде. Вместе с русскими полками, действовавшими в Ломбардии и Пьемонте, общее соединение позволило бы сконцентрировать на территории Швейцарии значительные силы, которые вполне могли бы действовать самостоятельно под командованием Суворова.

Разумеется, подобная переброска сил не приводила в восторг старого фельдмаршала, тем не менее воевать совместно с австрийцами он уже больше не мог. Именно поэтому император Павел I и Суворов согласились с довольно экстравагантным планом австрийского командования, в соответствии с которым армия Суворова должна была пересечь Швейцарские Альпы, чтобы соединиться с Римским-Корсаковым в районе Цюриха. При этом находившиеся поблизости от Римского-Корсакова австрийские соединения перебрасывались севернее, чтобы действовать против французов на Рейне. Ясно, что, по мысли Суворова, переброска австрийцев на север могла произойти только с подходом к Римскому-Корсакову русской армии из Италии, так как недалеко от Цюриха французы обладали немалыми силами. Здесь было более 30 тыс. республиканских солдат под командованием одного из способнейших французских генералов Массена. 21 сентября армия Суворова (21 тыс. человек) вступила в горы. Однако соединиться с Римским-Корсаковым ему не удалось. Австрийские войска под личным началом эрцгерцога Карла (36 тыс. человек), не дожидаясь подхода войск из Италии, ушли на средний Рейн, за ними последовали и другие австрийские части.

⁶¹ Там же. С. 175.

Римский-Корсаков, таким образом, остался один на один с предприимчивым французским полководцем. Более того, русский генерал не отличался большими стратегическими талантами и разбросал свои и без того слабые силы широким кордоном. 25 сентября 1799 г. Массена перешел в наступление, форсировал реку Лимат и в ожесточенном сражении 25–26 сентября нанес сокрушительное поражение войскам Римского-Корсакова (битва под Цюрихом). Одними только пленными русские потеряли 5200 человек. Французы захватили также 26 пушек, девять знамен и весь обоз. В плен попали три русских генерала.

Суворов узнал о разгроме, когда до Цюриха оставалось уже всего 60 километров. В этой ситуации путь вперед был невозможен. 29 сентября Суворов созвал военный совет. «Корсаков, – начал свою речь полководец, – разбит и прогнан за Рейн! Готце пропал без вести, и корпус его рассеян! Елачич и Линкен ушли! Весь план наш расстроен. Теперь мы среди гор, окружены неприятелем, превосходным в силах. Что предпринять нам? Идти назад – постыдно; никогда еще не отступал я. Идти вперед к Швицу – невозможно: у Массена свыше 60 тыс.; у нас же нет и 20. К тому же мы без провианта, без патронов, без артиллерии... Помощи нам ждать не от кого... Мы на краю гибели... Теперь одна остается надежда... на храбрость и самоотвержение моих войск! Мы русские...»

То, что произошло дальше, описано с пиететом в сотнях русских военно-исторических книгах. И действительно, есть чему восторгаться. Преследуемые со всех сторон, полки Суворова, ведя ожесточенные арьергардные бои, преодолели все невообразимые препятствия и соединились в начале октября с остатками войск Римского-Корсакова и австрийцами. Однако это было слабым утешением и ничего не меняло в стратегических результатах похода. Значительная часть Швейцарии была утрачена для союзников, корпус Римского-Корсакова разбит, а от армии Суворова оставалось лишь 15 тыс. изнуренных солдат.

Практически в это же время закончилось катастрофой еще одно предприятие союзников. В конце августа 1799 г. 33-тысячный русско-английский корпус под командованием герцога Йоркского высадился в Голландии. В составе корпуса было около 11 тыс. русских солдат под командованием генерала Германа. Союзники надеялись на легкую победу, в частности рассчитывая на помощь со стороны голландцев, недовольных республикой. Однако все оказалось совсем не так. Без всякой помощи местного населения англо-русские войска были остановлены франко-батавской ⁶² армией генерала Брюна. Несмотря на то что силы Брюна были невелики (около 22 тыс.), ему удалось не только задержать союзников, но и заблокировать их. В пяти сражениях, которые произошли между войсками герцога Йоркского и республиканцами, русско-английская армия потеряла около 10 тыс. убитыми, ранеными и пленными, причем в сражении под Бергеном республиканцы не только добились успеха, но и взяли в плен самого генерала Германа.

18 октября командующий союзными войсками вынужден был подписать конвенцию с французами, согласно которой английские и русские войска очищали территорию Батавской республики, причем англичане в качестве компенсации за свободный выход из страны обязались возвратить французам всех когда-либо взятых французских пленных. Интересно, что в то время, как английские войска вернулись на родину, русских солдат в Англию не пустили. Британский флот отвез их на острова Джерси и Гернеси, где они среди зимы были брошены фактически без пропитания, без одежды и обуви на произвол судьбы.

Не слишком-то удачно складывались отношения между союзниками и на море. Адмирал Ушаков и Нельсон были явно не созданы для дружбы. Спесь и самоуверенность, с которой английский адмирал обращался с русским союзником, вызвали резкий ответ со стороны Ушакова. В своих письмах Нельсон говорил, что Ушаков «держит себя так высоко, что это невыносимо» и «под вежливой наружностью русского адмирала скрывается медведь». Нельсон был очень обеспокоен утверждением русского присутствия на

⁶² Батавская республика – название дочерней республики, образованной на территории Голландии.

Средиземноморье и всячески отклонял проекты совместных действий против французского гарнизона на Мальте. Этот остров был нужен ему как база английского флота, и он вовсе не собирался после капитуляции французов (а она рано или поздно должна была произойти, так как французский отряд на Мальте под командованием генерала Вобуа был полностью блокирован английским флотом) отдавать остров каким-то там рыцарям.

Все это вместе не могло не взбесить Павла I, и дело здесь вовсе не в неуравновешенности российского императора. Сущность войны была полностью извращена. Оказалось, что русские солдаты и моряки не жертвовали своими жизнями для того, чтобы восстановить справедливость и монархический строй, а служили орудиями захватнической политики венского двора и алчности английских купцов.

Особенно Павел был поражен событиями в Швейцарии, которые привели русские войска к настоящей катастрофе. 22 октября (11 октября по старому стилю) царь отправил жесткое и недвусмысленное письмо австрийскому императору Францу: «Вашему Величеству уже должны быть известны последствия преждевременного выступления из Швейцарии армии эрцгерцога Карла, которой по всем соображениям следовало там оставаться до соединения фельдмаршала князя Италийского [Суворова. – *Примеч. ред.*] с генерал-лейтенантом Корсаковым. Видя из сего, что мои войска покинуты на жертву неприятелю тем союзником, на которого я полагался более, чем на всех других, видя что политика его совершенно противоположна моим видам и что спасение Европы принесено в жертву желанию распространить Вашу монархию... я с тою же прямою, с которою поспешил к Вам на помощь и содействовал успехам Ваших армий, **объявляю теперь, что отныне перестаю заботиться о Ваших выгодах и займусь собственными выгодами моими и других союзников.** Я прекращаю действовать заодно с Вашим Императорским Величеством...»⁶³

Письмо русского монарха было вручено лично императору Францу новым послом в Вене графом Колычевым на специальной аудиенции 5 ноября 1799 г. и произвело эффект разорвавшейся бомбы. С трудом оправившись после шока, произведенного чтением послания, австрийский император и его первый министр барон Тугут попытались задобрить русского дипломата комплиментами. Император вообще заявил, что приложит все старания, чтобы найти виновников произошедших «недоразумений», а Тугут вдруг стал восхвалять доблесть русских войск, прося по возможности задержать их возвращение на родину. Одновременно австрийский монарх направил Суворову послание, в котором уговаривал знаменитого полководца отложить по крайней мере возвращение русских войск на родину. Еще более настоятельное письмо получил Суворов от эрцгерцога Карла. Эрцгерцог стремился сыграть на струнах честолюбия русского полководца, говоря, что французы будут теперь хвастаться повсюду, что победили русскую армию, со своей же стороны эрцгерцог клялся в верности и обещал всевозможную поддержку.

Но все было напрасно. Царь категорически запретил слушать какие-либо предложения со стороны австрийцев. 20 (9) ноября он написал Суворову: «Желаю, чтобы Вы продолжали не делать никакого внимания пропозициям [предложениям. – *Примеч. ред.*] со стороны Цесарцев для содействия наших войск с ихними и продолжали бы приближаться к пределам империи Нашей»⁶⁴.

Длинные колонны русских войск через Баварию, Богемию и Моравию потянулись назад на восток. Крестовый поход закончился, для России начиналось возвращение в мир геополитических реалий.

Глава 3. Бонапарт и Павел

⁶³ Там же. С. 345.

⁶⁴ Там же. С. 350.

История сохранит на своих скрижалях память о том, как правительство свободной страны оплакивало смерть монарха, облеченного абсолютной властью, но честного и справедливого.

Замечания о гибели Павла I. Париж, июль 1801 г.

В эти дни, когда российская политика совершала крутой разворот, на другом от Петербурга конце Европы произошли события, которым в не меньшей степени было суждено изменить судьбы мира. Узнав о глубочайшем кризисе, охватившем страну, о сплошных неудачах на фронтах, о том, что Франции угрожает вторжение иноземных войск, Бонапарт принял смелое решение. В ночь с 22 на 23 августа 1799 г. он с небольшим отрядом войск и несколькими преданными офицерами отплыл из Египта.

Два фрегата, на которых располагался маленький отряд, совершили поистине беспримерное плавание, чудом проскочив между вражеских эскадр. 9 октября Бонапарт ступил на землю Франции, а 16 октября он уже был в Париже. Хотя к этому времени ситуация на фронтах значительно улучшилась и непосредственная опасность, по крайней мере временно, миновала, прогнивший режим Директории уже окончательно обанкротился. Народ устал от анархии и нестабильности, царства спекулянтов и жуликов, разгула бандитизма и коррупции. Поэтому возвращение молодого полководца было воспринято однозначно: спаситель пришел. «Генерал, отправляйтесь же разбить врагов, – воскликнул один из ораторов, приветствовавший Бонапарта на пути следования через Прованс, – а потом мы сделаем вас королем».

Лион был весь иллюминирован в честь приезда молодого героя, люди пели и танцевали на улицах под крики: «Да здравствует Бонапарт, который приехал, чтобы спасти Отечество!»

В Париж весть о том, что Бонапарт высадился на французском берегу, пришла вечером 13 октября, а на следующий день утром была объявлена в Законодательном корпусе. Вместо того чтобы осудить генерала, самовольно оставившего армию, депутаты повскакивали со своих мест и со слезами на глазах от восторга и энтузиазма запели «Марсельезу». Через несколько мгновений эту новость знал уже весь город. Генерал Тьебо рассказывает в своих мемуарах, как в этот день он был по делам в Пале-Рояле. «Я только что вошел в большой двор, как на другой стороне сада я увидел группу людей, которая быстро росла, а потом мужчины и женщины побежали куда-то со всех ног... Без сомнения, речь шла о какой-то очень важной новости: восстание, победа или поражение... какой-то мужчина, не остановившись, на бегу прокричал мне: “Генерал Бонапарт вернулся! Он высадился во Фрежюсе”. Тогда в свою очередь меня охватил какой-то всеобщий порыв... Новость распространилась с быстротой электрической искры. На каждом углу можно было увидеть то, что я увидел в Пале-Рояле, сверх того, оркестры полков, расквартированных в Париже, пошли по улицам с музыкой, увлекая за собой потоки народа. Едва спустилась ночь, как импровизированная иллюминация зажглась во всех квартирах... на улицах, в театрах раздавались крики: «Да здравствует Республика! Да здравствует Бонапарт!»^[65]

В общем, молодому генералу не пришлось ломать голову в размышлениях на тему «Что делать?», если у него и были сомнения при отплытии из Египта, теперь от них не осталось и следа – власть сама шла к нему в руки.

Именно поэтому переворот 18–19 брюмера VIII г. (9–10 ноября 1799 г.) прошел так, в общем, легко и бескровно. Бонапарт был провозглашен первым консулом Французской республики и фактически главой всей исполнительной власти, два других консула, видные политические деятели Камбасерес и Лебрен, были не более чем статистами для создания некоего подобия коллегиального правления.

«Господа, теперь у страны есть настоящий хозяин!» – якобы провозгласил известный политик и участник событий 18–19 брюмера Сийес, после встречи с Бонапартом наутро после переворота. Даже если эта фраза выдумана позднее, тем не менее она великолепно отражает то, что произошло в эти дни. Действительно, спустя немного времени страна просто неузнаваемо преобразится. Всего за несколько месяцев молодой консул очистит

дороги Франции от бандитов, разгонит жуликов и спекулянтов, наладит нормальное функционирование административного аппарата. А самое главное – он вернет народу доверие к власти. Люди снова начнут платить налоги, опять нормально закрутятся все шестеренки государственной машины. На появление доверия к власти, предсказуемости, порядка и уверенности в завтрашнем дне экономика мгновенно ответит резким скачком. Отныне освобожденные от феодальных пут производство и торговля начнут развиваться с такой скоростью, что поразят даже тех, кто считался отчаянным оптимистом. Это в свою очередь придаст дополнительного доверия и пополнит казну новыми исправно выплачиваемыми налогами. Бонапарт создаст твердую и надежную денежную систему, откроет государственный банк. Он вернет стране свободу вероисповедания, создаст новую современную систему высшего и среднего образования, введет в стране единую систему мер и весов, будет всюду покровительствовать науке, искусству и вообще всем людям, которые работают на пользу государства и общества.

Знаменитый член Государственного совета Луи Редерер напишет в это время под впечатлением от встречи с Бонапартом: «...черта, которую я хотел бы подметить у первого консула, это его неподкупность. Я скажу больше, он принципиально недоступен подкупу... Как подкупить человека, у которого все физическое подчинено моральному, а мораль подчинена интересам общества? Как отвратить от пути добра человека, к которому можно подступиться, только разговаривая с ним об общественных интересах? Как отвлечь удовольствиями и утехами того, для кого главное удовольствие – это делать полезные вещи? Как вовлечь в порок человека, который позволяет приблизиться к себе лишь тем, кто известен своей мудростью, честностью и преданностью? Пусть негодяй и глупец не пытаются приблизиться к Бонапарту – они ничего от него не добьются... Мне кажется, что его избегают все те, у кого на совести не только недостойные дела, но даже недостойные мысли...»^[66]

Конечно, эта фраза Редерера, написанная под впечатлением от встречи с героем, идеализирует образ Бонапарта, но она тем не менее великолепно отражает настроения первых лет Консульства. Наконец после переворотов, потрясений, нестабильности и анархии в стране утвердилась власть надежная, предсказуемая и честная; власть, отвечающая чаяниям подавляющего большинства французов.

Бонапарт стал первым лицом в государстве почти что день в день с фактическим выходом России из коалиции^[67], а известия о перевороте во Франции пришли в Санкт-Петербург вместе с новостями о последних событиях на фронтах пока еще не оконченной войны. Павел узнал о последствиях голландской кампании, о том ужасном положении, в котором оказались русские войска на островах Джерси и Гернеси, наконец, в последние дни 1799 г. царь получил донесение от адмирала Ушакова, в котором рассказывалось об инциденте, произошедшем под стенами Анконы. Эту крепость и довольно важный порт в средней Италии осаждали в сентябре – октябре 1799 г. австрийские войска генерала Фрелиха. Вместе с ними действовали русские части и турецкий отряд. Когда 14 ноября крепость сдалась и французы вышли из нее на правах свободного возвращения к своим, русские офицеры подняли в гавани захваченной крепости флаги союзников – австрийский, русский и турецкий. Однако австрийцы силой обезоружили часовых у флагов и сбросили русский и турецкий стяги, а русские полки не были допущены внутрь крепости, занятой тотчас по выходе французов австрийскими войсками. Если до этого у Павла еще оставались некоторые сомнения, то эти известия из Италии и Голландии окончательно убедили императора в том, что России не по пути с коалицией.

Несколько событий, случившихся в это время, подтверждают, что на этот раз решение было принято основательно и надолго. 1 (12) февраля 1800 г. Павел I формально потребовал от английского правительства отзыва британского посла Уитворта. Этот человек был известен своими интригами и бурной деятельностью в среде русской элиты с целью вынудить Россию и дальше воевать на стороне коалиции. Император как в воду глядел, ибо Уитворту суждено будет сыграть роковую роль в его судьбе.

Несколько позже Петербург покинул генерал Дюмурье. Этот бывший республиканец, покинувший свою страну, стал фактически английским агентом и ярким сторонником короля-изгнанника Людовика XVIII. В течение двух месяцев генерал добивался аудиенции у Павла. В конечном итоге ему удалось встретиться с императором на параде, потом еще два раза он таким же образом беседовал с Павлом. Суть его предложений была такова: Россия должна не только продолжать свое участие в коалиции, но и выделить войска для совместной с англичанами высадки в Нормандии. Сам же Дюмурье брался если не возглавлять их, то, по крайней мере, сопровождать полки до Парижа, захватить власть и, сыграв роль Монка, передать ее «законному монарху» – Людовику XVIII. Какое-то время Павел колебался, думал, но к концу февраля у него созрело окончательное мнение – России все это не нужно, и генералу порекомендовали вернуться туда, откуда он прибыл.

Одновременно вести из Франции все больше и больше вызывали живейший интерес Павла I. В скором времени этот интерес приобрел черты неподдельного восторга преобразованиями и свершениями Бонапарта. Сведения об этом, вначале очень скудные, весной 1800 г. стали достигать Парижа. В Национальном архиве Франции хранится любопытнейший документ, датированный маем 1800 г. Это донесение начальника штаба Рейнской армии Дессоля об изменении настроений императора Павла, составленное на основании данных разведки. В донесении после перечисления причин, заставивших царя покинуть лагерь коалиции, говорится: «Конечно, Павел I никогда не будет разделять республиканские идеи, но он легко может быть увлечен великими людьми, которые отличились на военной стезе, у него, можно сказать, в этом существует потребность... как кажется, он все больше проникается уважением по отношению к первому консулу, и, очевидно, он благожелательно воспримет предложение о сближении с его стороны»^[68].

Автор донесения дает также и свои рекомендации о том, как требуется поступать в отношении Павла: «...Нужно укрепить всеми способами Павла I в его убеждении, согласно которому Австрия и Англия воспользовались его великодушием и доверчивостью, чтобы с помощью русских войск удовлетворить свои амбиции, показать, что обе эти державы сходятся в мысли любыми путями помешать проектам Санкт-Петербургского двора в отношении Средиземноморья и Адриатики, а также развитию русской торговли на Ближнем Востоке... Нужно возобновить переговоры о торговом соглашении между Францией и Россией, о котором уже идет речь в течение 60 лет, и все существующие представления на этот счет показывают взаимные выгоды с абсолютной очевидностью – достаточно их почитать, чтобы убедиться в этом...»^[69]

Впрочем, «укреплять» Павла I в его раздражении по отношению к Австрии и Англии не было никакой необходимости. Другой французский агент докладывал из Санкт-Петербурга: «Павел I никогда не простит двуличности венскому кабинету... Его самолюбие настолько уязвлено тем, что он стал игрушкой австрийских интриг, что немислимо, чтобы он забыл обо всех этих недостойных вещах»^[70].

В апреле 1800 г. из Лондона был отозван русский посол граф Воронцов. Семен Романович Воронцов был не просто послом. Представитель влиятельного клана Воронцовых, он в 1784 г. был назначен послом в Великобританию и за 16 лет до того «вжился» в страну своего пребывания, что стал больше англичанином, чем русским. Благоговей перед английскими политическими учреждениями, он безраздельно поддерживал все действия правительства этой страны. Воронцов, как писал граф Чарторыйский, «...поистине пустил корни в Англии, он так превозносил ее, как не мог бы это делать самый ярый тори. Он настолько восхищался господином Питтом^[71], что не мог себе позволить не только критику, не только какое-либо замечание, но даже малейшее сомнение по поводу доктрин и действий этого министра. Для графа Воронцова подобное сомнение показалось бы неприемлемым нонсенсом, глупостью или моральным уродством... Эти чувства мешали ему смотреть беспристрастно на события и понимать интересы России...»^[72] Отзыв Воронцова^[73] был важным политическим знаком, тем более что одновременно русский посол был отозван и из Вены, а на его месте не оставили даже временного поверенного.

На смену курса коалиционной войны окончательно приходили новые политические ориентиры, пока еще довольно неясные.

В то время когда Россия искала новую внешнеполитическую систему, во Франции первый консул должен был немедленно решить не только острые внутренние проблемы, с чем он блистательно справлялся, но и внешние. Самой главной из них была война с коалицией. Ведь, несмотря на то что Россия покинула де-факто ряды антифранцузского союза, Англия и Австрия не складывали оружия. Война продолжалась на суше и на море, Италия была потеряна, французские войска изгнаны с Ионических островов, блокированы в Египте, осаждены на Мальте, а границы Республики, несмотря на победы в Голландии и Швейцарии, оставались под угрозой. Франция устала от бесконечной войны, подавляющее большинство французов не только желали прекращения анархии и хаоса, но и мечтали о мире. Мира хотело и большинство европейцев: простых англичан, немцев, итальянцев, голландцев...

Бонапарт чувствовал это общее неодолимое желание и решил сделать шаг, пренебрегающий всеми формальными дипломатическими нормами. 26 декабря 1799 г., фактически едва только придя к власти, он напрямую обратился к английскому королю: «Война уже в течение восьми лет разоряет четыре части света. Неужели она должна быть вечной? Неужто нет никакого способа ее остановить? Как две нации, самые просвещенные в Европе, могущественные и сильные, даже более того, чем нужно для их безопасности и независимости, могут жертвовать во имя пустого тщеславия блага торговли, внутреннего процветания и счастье стольких семейств? Почему мы отказываемся признать, что мир – это первая необходимость для человечества и самая высокая слава...»^[74] Одновременно подобное письмо Бонапарт направил и австрийскому императору. Оно завершалось словами: «Я далек от всякой жажды пустой славы, и моим главным желанием является остановить потоки крови, которые неизбежно прольются на войне»^[75].

Ответом на эти послания было презрительное письмо английского министра иностранных дел лорда Гренвиля и концентрация австрийских войск в Италии. Война, увы, была неизбежной. Но, рассчитывая на слабость Франции, союзники забыли, что во главе ее отныне стоял полный энергии и отваги человек, вокруг которого сплотилась вся нация. Наконец, человек, профессией которого, делом, которое он знал лучше чем кто-либо, была война.

Пока австрийские генералы пытались выяснить обстановку и собирали свои войска, пока армия Меласа в Италии только начала свое движение вперед, Бонапарт уже четко наметил план действий и немедленно приступил к его исполнению. В Германии у австрийцев было 108 тыс. человек под командованием генерала Края, против них стояла 128-тысячная армия генерала Моро. Однако удар, который наносил Моро, был не главным. Бонапарт знал таланты этого человека, но также знал и его медлительность и осторожность. Сам же он не мог встать во главе Рейнской армии – этого не позволяла конституция. Рейнская армия славилась к тому же своей верностью республиканским идеалам и наличием в рядах ее командования настоящей клиентелы Моро. Эти люди не позволили бы Первому консулу взять в руки командование вопреки закону.

В Италии у французов оставалось всего лишь 35 тыс. человек, большая часть из которых находилась в Генуэзской Ривьере. Против них было 128 тыс. австрийцев генерала Меласа. Принять командование горстью войск, прижатых к морю, было физически сложно, да и бесполезно.

Бонапарт принимает смелое решение – собрать так называемую Резервную армию, во главе которой формально будет поставлен генерал Бертье. Верный штабной генерал, разумеется, не будет противиться реальному командованию первого консула, который официально будет просто «сопровождать» войска. Массена в районе Генуи упорной обороной должен сковать главные силы австрийцев, тогда Резервная армия (60 тыс. человек) стремительно форсирует Альпы и нанесет удар по врагу с тыла. Такова была идея маневра, а его исполнение станет образцовым.

Пока Мелас сосредоточил все свое внимание на Генуе, Бонапарт привел в действие план кампании. 6 мая 1800 г. в четыре часа утра он покинул дворец Тюильри, ставший его резиденцией. На следующий день он был в Дижоне, где провел смотр одной из дивизий Резервной армии, 9 мая в Женеве, 13 мая в Лозанне.

16 мая авангард армии Бонапарта двинулся на перевал Сен-Бернар, а 20 мая в 17 часов сам главнокомандующий был на вершине перевала. В несколько дней французская армия преодолела все препятствия: горы, снега, разбила австрийские отряды на выходе из гор и 2 июня снова с триумфом вступила в Милан. Австрийцы так «умело» управляли в Ломбардии, что итальянцы, которые еще год назад приветствовали войска коалиции, теперь иступленно ликовали при виде молодого полководца и его солдат...

Мелас был в растерянности, он с трудом мог поверить, что армия Бонапарта не просто пришла в Италию – она была в тылу австрийцев! Несмотря на то что к этому времени после героической обороны Генуя вынуждена была капитулировать на условиях свободного выхода французских войск, ситуация для австрийской армии стала катастрофической. Мелас собрал силы и пошел на прорыв. 14 июня 1800 г. у деревни Маренго (буквально в нескольких километрах от того места, где ровно год назад Суворов сражался с Макдональдом) произошла решающая битва.

Интересно, что, так же как Суворов под Треббией, Бонапарт допустил просчет. Слишком уверенный в своих силах, думая лишь о том, как не дать врагу уйти, и не предполагая, что последний может предпринять решительную атаку, французский полководец расплыл свои силы на театре военных действий. В результате в начале битвы при Маренго австрийцы имели решающее превосходство: 30 тыс. человек против 20 тыс. Бонапарта. Как следствие, поначалу Мелас не только отбросил французов, но, более того, был уверен, что уже одержал победу. Однако примерно в 15:30 на поле боя показались части Дезэ, любимого друга Бонапарта, который всего лишь несколько дней тому назад вернулся из Египта и теперь горел нетерпением сразиться с врагом. Несмотря на то что он с 7 тыс. солдат был послан в противоположном от поля сражения направлении, едва услышав гром канонады, он остановил войска и, получив краткую записку от главнокомандующего, устремился в бой.

«Я прибыл, мы все в полном порядке и готовы умереть, если надо!» – воскликнул верный Дезэ, обращаясь к своему командующему и другу. Войска Дезэ с ходу ринулись в бой, и битва из неудачной превратилась в блистательную победу. Австрийцы обратились в бегство, полностью разгромленные и деморализованные. Увы, молодой герой, красавец Дезэ пал на поле сражения с сердцем, пробитым австрийским свинцом. Бонапарта впервые увидели со слезами на глазах. Ведь это был не просто отличный генерал – Дезэ был горячо любимым другом. «Я скоро буду в Париже, – написал Бонапарт письмо своим коллегам, второму и третьему консулу. – Ничего не могу сказать вам более. Я испытываю самую острую боль от потери человека, которого я любил и ценил более кого-либо»^[76].

Дезэ пал на поле битвы, но победа была полной. Генерал Мелас на следующий день подписал конвенцию, согласно которой австрийцы очищали без боя большую часть северной Италии. Едва начавшись, война уже закончилась. 2 июля 1800 г., меньше чем через два месяца после своего отъезда, первый консул поднялся в свой рабочий кабинет по ступеням дворца Тюильри. Таким образом, пока армии Моро и Края еще только собирались воевать, боевые действия уже завершились. Было подписано перемирие, которое, как предполагал первый консул, должно было увенчаться переговорами и заключением всеобщего мира.

Современники были потрясены невиданными успехами молодого героя. Немецкий военный теоретик того времени фон Бюлов написал, что эти события представляют собой «череду чудес, которые являют собой результат действия неведомых, я бы сказал, сверхъестественных сил».

При дворе императора Павла известия о победе Бонапарта вызвали реакцию, которую трудно было бы вообразить еще за полгода до этого: «Новость о победе при Маренго произвела в Петербурге удивительный эффект, – доносил источник Министерства иностранных дел Франции, – Павел I не мог сдержать своей радости, не прекращая

повторять: «Ну что, видите, какую трепку задали австрийцам с тех пор, как из Италии ушли русские». Бонапарт стал отныне его героем, и, следовательно, как вы можете догадаться, героем для всего двора – какая необычная перемена!»^[77]

Подобные настроения открывали дорогу к возможному сближению России и Франции. Нужно сказать, что первые шаги, осторожный дипломатический зондаж в этом направлении был предпринят еще в самые первые месяцы Консульства. В январе 1800 г., встречаясь с Сандосом-Ролленом, посланцем Пруссии в Париже, Талейран заметил: «Нет ли способа договориться с Россией, объяснив ей, что она не получает никаких выгод, разжигая войну против Франции? Ослабляя Францию, она усиливает свою соперницу Австрию. Быть может, прусский король возьмет на себя миссию узнать мнение России на этот счет и станет посредником в нашем сближении с этой державой. Чем больше я размышляю над этим, тем более вижу выгоду для этого монарха сыграть роль в подобных переговорах»^[78].

С этого времени завязались первые осторожные русско-французские контакты в Берлине, а затем и в Копенгагене. Но эти переговоры шли через посредников и продвигались черепашным шагом. Маренго, еще больше укрепившее власть первого консула, поднявшее его политический престиж в Европе, открыло новые перспективы. Теперь Бонапарт решил, что он может сделать первый шаг навстречу недавнему противнику Франции.

18 июля 1800 г. министр иностранных дел Франции Талейран по поручению первого консула направил вице-канцлеру Российской империи графу Никите Петровичу Панину письмо следующего содержания: «Граф, первый консул Французской республики знал все обстоятельства похода, который предшествовал его возвращению в Европу. Он знает, что англичане и австрийцы обязаны всеми своими успехами содействию русских войск; и так как он почитает мужество, так как он больше всего стремится выразить свое уважение к храбрым войскам, он поспешил распорядиться, чтобы комиссарам, которым поручен был Англией и Австрией обмен пленных, предложено было включить в этот обмен и русских, находившихся во Франции...

Но это предложение, столь естественное и повторенное несколько раз, осталось без успеха. Сами англичане, которые не могут не сознаться, что они обязаны русским и своими первыми успехами в Батавии, и плодами, которые они пожали безраздельно, и своим безопасным отступлением (потому что без русских ни одному англичанину не удалось бы сесть на корабль), англичане, говорю я, имеющие в эту минуту у себя 20 тыс. пленных французов, не согласились на обмен русских.

Пораженный этою несправедливостью и не желая далее удерживать таких храбрых воинов, которых покидают коварные союзники, сперва выдав их, первый консул приказал, чтобы все русские, находящиеся в плену во Франции, числом около 6 тыс., возвратились в Россию без обмена и со всеми военными почестями. Ради этого случая они будут обмундированы заново, получают новое оружие и свои знамена»^[79].

За этим письмом последовало еще одно, также подписанное Талейраном, где подчеркивалась решимость французов защищать остров Мальту от англичан, желающих прибрать его к рукам. Наконец, Бонапарт послал в подарок императору Павлу I меч, дарованный папой Львом X одному из магистров Мальтийского ордена.

Рыцарский жест и каждая строка в письмах первого консула были «тонко рассчитаны, – справедливо отмечает известный советский историк А. Манфред, – и неназойливое напоминание о том, что Бонапарт не участвовал в минувшей войне, и стрела, как бы ненароком направленная в Англию и Австрию, и дань уважения, принесенная русским храбрым войскам»^[80]. Наконец, и сам адресат был выбран умело – хорошо знали, что Панин был горячим англофилом и сторонником коалиции. Разумеется, несмотря на формального адресата, письма в конечном итоге оказались на столе императора. Зная характер Павла I, нетрудно догадаться какое впечатление произвели на него эти смелые, простые и благородные слова и поступки.

В августе 1800 г. источник из Петербурга сообщал: «Великодушное отношение французского правительства к русским военнопленным произвело самое благоприятное впечатление в Петербурге и вообще в России...»

Русский художник написал картину, изображающую момент, когда Бонапарт устремился на мост у Лоди, чтобы во главе гренадер взять штурмом вражеские батареи^[81]. Императрица купила картину за 600 рублей.

Официальные рапорты французского правительства, опубликованные в газете *Moniteur*, теперь по приказу императора печатаются в Придворной газете, так что мы не хуже информированы о наступлении французской армии, чем в Париже.

Как кажется, французское правительство позволило вернуться во Францию многим эмигрантам. Павел I, которому сообщили об этом великодушии первого консула, пораздумав немного, сказал: «Я, разумеется, не хочу, чтобы первый консул изменил свое мнение по этому вопросу, однако боюсь, что у него с этими людьми выйдет, что и у меня. Они отплатят ему самой черной неблагодарностью^[82]. Я очень желаю, чтобы ему не пришлось раскаиваться, мигранты опасны везде, где бы они ни находились, а во Франции в особенности».

Известно, что французское правительство ведет переговоры с нашим двором в Берлине. Господин Крюденер^[83] часто видится с генералом Бернонвилем...

Англия выделила значительные суммы, чтобы склонить наш двор остаться в коалиции. Но горе тому, кто осмелится предложить это...»^[84]

Разумеется, положительная, можно сказать, восторженная реакция Павла была бы невозможна, если бы речь шла исключительно об изысканных жестах со стороны Бонапарта. Результат был столь значительным, потому что демонстрации внимания легли на прочную базу сознания близости интересов России и Франции. Неудача «крестового похода» заставила русского императора сменить стержень своей внешней политики: от идеологических соображений перейти на более твердую почву геополитики. С другой стороны, необходимость любой ценой остановить революционную войну настоятельно требовала от правящих кругов Франции найти союзника. Только с помощью прочного союза можно было раз и навсегда примирить новую Францию с Европой.

И Бонапарт, и Павел в начале 1800 г. получили от своих ближайших помощников ряд недвусмысленных соображений на этот счет. Даже министр иностранных дел Талейран, который видел в перспективе для Франции возможность и необходимость сближения с Австрией, написал в знаменитой брошюре «Состояние Франции в конце VIII года»^[85]: «Франция, возможно, единственное государство, у которого нет оснований опасаться России. У Франции нет никакой заинтересованности желать ослабления этой страны, никакой причины, чтобы не давать развития ее благосостоянию. Конечно, хотелось бы, чтобы Россия ограничила чрезмерный рост своего влияния и не повторяла более опыт активного участия в войне, которая со всех точек зрения не могла быть ей полезна. Но даже это пожелание совпадает с интересами могущества и процветания Российской империи... Улучшить отношения между Францией и Россией, сделать так, чтобы исчезли даже причины, даже случаи споров, очень просто, и Франция не должна быть ни придирчивой, ни требовательной, все, что она желает, равным образом будет полезно как России, так и ей... Русская империя может получить великолепный союз... она более не будет взирать на Францию с враждебностью и получит возможность поддерживать равновесие на севере Европы, в то время как Франция будет поддерживать это равновесие на юге. Согласие этих государств обеспечит стабильность всего мира»^[86]. Из пространной аргументации Талейран сделал вывод о приоритетах французской внешней политики. Они должны были быть следующими: «Война до победы и блокада Великобритании до тех пор, пока последняя будет безраздельно господствовать на морях. Война с Австрией, чтобы заключить с ней мир, а потом и союз. Договор с Россией, которая должна стать главным и естественным союзником Франции»^[87].

С другой стороны, подобную же записку (всего лишь через несколько месяцев после того, как Талейран составил свою) подал императору Павлу I министр иностранных дел России граф Ростопчин. Эта записка была внимательно изучена императором и подтверждена им 2 (14) октября 1800 г. Прежде всего Ростопчин считал, что Бонапарт желает мира с Россией и другими континентальными державами уже хотя бы потому, что вынужден вести борьбу с Англией: «Нынешний повелитель сей державы [Франции. – *Примеч. авт.*] слишком самолюбив, счастлив в своих предприятиях и неограничен в славе, дабы не желать мира. Им он утвердит себя в начальстве, приобретет признательность утомленного французского народа и всей Европы и употребит покой внутренний на приготовления военные против Англии, которая своею завистью, пронырством и богатством была, есть и пребудет не соперница, но злодей Франции...»^[88] Русский министр иностранных дел уверен, что Бонапарт ищет сближения с Россией: «Истина сего доказывается всем его поведением: ... сколько покушений со стороны его было... дабы вступить в переговоры и ... переменить неприязненное положение России с Францией на дружелюбное, для чего Бонапарт отменно против прочих содержал российских военнопленных и предлагал Мальту возвратить Вашему Императорскому Величеству, яко великому магистру ордена...»^[89]

Наконец, Ростопчин крайне негативно оценивал цели британской политики: «Англия, среди повсеместных своих морских успехов, возбуждая зависть всех кабинетов своею алчностью и дерзким поведением на морях, коих она исключительно хочет присвоить себе владычество, не могла сохранить ни одной из всех политических связей своих... Она в таком теперь положении есть или скоро будет, что кроме турецких и португальских портов, ни в какие другие в Европе входить не может, и по сим важным причинам она посягнет на мир... Но в каком бы она положении ни была, всегдашняя цель английского министерства, так как душевное желание всякого англичанина, будет падение Франции... Так она... вооружила попеременно угрозами, хитростью и деньгами все державы против Франции [Замечание императора Павла: “И нас грешных!”] и выпускала их на театр войны единственно для достижения собственной цели...»^[90]

Выводом Ростопчина является необходимость сближения с Францией и тесное взаимодействие с ней на международной арене. Русский министр считал, что одной из выгод подобного сближения может явиться перспектива раздела турецких владений. Османскую империю Ростопчин рассматривал как «безнадежного больного».

Император Павел I согласился с выводами своего министра и написал: «Опробуя план ваш, желаю, чтоб вы приступили к исполнению оногo. Дай Бог, чтоб по сему было»^[91].

Первым практическим шагом на пути этого сближения была посылка в Париж уполномоченного, формальной целью которого было обсуждение вопросов, связанных с возвращением русских пленных на родину. На самом деле, посланец царя, генерал Спренгпортен, должен был подготовить почву для политического сближения России и Франции. Среди документов, которые Спренгпортен повез с собой в Париж, самым важным была нота Ростопчина от 26 сентября (8 октября) 1800 г. Интересно, что эта нота противоречит по своему духу записке, которую подал сам же Ростопчин императору. В ноте в резкой и безапелляционной форме ставится пять условий, только при выполнении которых Россия готова была искать общий язык с Францией. Вот эти пять условий.

1. Возвращение острова Мальта со всеми его владениями ордену.
2. Возвращение Сардинскому королю всех его владений.
3. Неприкосновенность земель Неаполитанского королевства.
4. Неприкосновенность владений курфюрста Баварского.
5. Неприкосновенность владений герцога Вюртембергского^[92].

Можно было не сомневаться, что пункт второй станет камнем преткновения в дальнейших переговорах. После победы при Маренго французы снова заняли Пьемонт. Нужно отметить, что во время годового австрийского владычества на территории этой страны король так и не смог вернуться в свои владения, жестоко эксплуатировались ресурсы

Пьемонта, был установлен режим террора, население королевства разочаровалось и в союзниках, и в своем собственном монархе. Трудно было представить, что французы не используют это обстоятельство для того, чтобы так или иначе включить Пьемонт в орбиту своего влияния. Что же касается возвращения короля, то этот пункт, после того как коалиция сама грубо его нарушила, выглядел, по крайней мере, очень странно. Но зачем же ставилось это заведомо невыполнимое условие? Можно предположить, что его включили в определенной степени по инерции и, судя по дальнейшим действиям, император Павел I не абсолютизировал эти требования, для него главным стала идея сближения с Францией.

Что касается первого консула, то он был просто в восторге от наметившегося процесса. Узнав о посылке генерала Спренгпортена во Францию, он сделал распоряжение о том, чтобы его встретили повсюду с максимальным почетом. В первом крупном городе Французской республики, через который пролегал путь русского генерала, его ожидал торжественный прием. Этим городом был Брюссель (не следует забывать, что бывшие Австрийские Нидерланды в ходе войн революции попали в руки французов). Спренгпортена встречал гарнизон, выстроившийся в парадной форме, в честь него грохотали пушки, а дивизионный генерал Кларк со своим адъютантом прискакал галопом из Парижа для того, чтобы засвидетельствовать почтение русскому посланнику. Спренгпортен был просто изумлен неожиданными, чуть ли не царскими почестями.

Разумеется, генерал Кларк должен был написать подробный рапорт Министерству иностранных дел о встрече с русским генералом. Этот рапорт чрезвычайно благожелателен по отношению к посланнику императора. Со своей стороны Спренгпортен, согласно донесению Кларка, также был настроен оптимистически и верил, что дружба и даже союз между Францией и Россией стоят на повестке дня. «Франция – великая держава, – сказал русский генерал в беседе с Кларком, – и Россия тоже великая держава. Обе они так расположены, что решительно не могут вредить друг другу. Их преимущество состоит в том, что они разделены третьей державой, которая бессильна без поддержки той или другой из них; и как Франции, так и России нет никакой выгоды нападать друг на друга или допускать, чтобы эта третья держава обижала ту или другую или предприняла что-нибудь противное системе двух других. Ее держат в существующих пределах, и это положение представляет некоторые выгоды для спокойствия Европы»^[93]. Интересные сведения сообщает о встрече со Спренгпортемом адъютант Кларка капитан Жиро: «Это наш консул, – сказал посланник о Павле I французскому офицеру, стараясь, видимо для большей наглядности, говорить в модных республиканских терминах, – монарх, характер которого отличается верностью и честностью... Самая строгая справедливость, самое благородное великодушие отличают поведение Павла I. Однако он не свободен от предубеждений, происходящих порой от клеветников. Если у вас есть враг, который умело вам вредит, вы можете в мгновение потерять ваше звание и вашу должность...»^[94]

В разговоре с адъютантом Кларка русский генерал еще раз подтвердил свою уверенность в перспективах русско-французского сближения: «Павел I вступил в коалицию, не имея никаких мыслей о территориальных приобретениях за счет Франции. Увидев, что лондонский и венский кабинеты вместо того, чтобы способствовать общей цели, стараются лишь всеми силами захватить новые территории, увидев также, что правительство во Франции изменилось и на смену анархии пришло консульство, он принял решение отвести свои войска. Я надеюсь, что отныне французы и русские будут хорошими друзьями. Это твердое намерение Его Величества Императора»^[95].

Нетрудно догадаться, что с такими настроениями Спренгпортен был встречен в Париже с распростертыми объятиями. В своем докладе императору генерал в восторге писал: «Начиная с Брюсселя, мы ничего не платим; ни мне, ни моей свите не дают заплатить ни обола»^[96]... Здесь везде, где мы ни появимся, публика встречает нас даже с рукоплесканиями... Расположение и минута самые благоприятные, притязания самые умеренные, и дело достойно вас и ваших благородных чувств»^[97]. Посланец царя приехал в столицу Франции 20 декабря 1800 г. и буквально тотчас же был принят министром

иностранных дел и в тот же день самим Бонапартом. Собственно говоря, официальная цель визита – выдача русских пленных – была, можно сказать, забыта. И не потому, что возникли какие-то осложнения, а, наоборот, потому, что французское правительство настолько шло навстречу в этом вопросе, что само подумало обо всем и было готово сделать все, лишь бы русские остались довольны. В отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Петербурге хранятся документы, посвященные официальной части миссии Спренгпортена. Это редкий пример соглашения между двумя договаривающимися сторонами, где одна из них (французская) берет на себя все обязательства, а другая лишь великодушно на них соглашается^[98].

Вообще прием русских посланников был на редкость теплым и дружелюбным. В составе небольшой делегации был и молодой князь, полковник свиты, Петр Михайлович Долгоруков. В письмах к своей сестре он живо описал отношение французских властей к Спренгпортену и его сопровождающим. Вот что писал Долгоруков в 23 декабря 1800 г. из Парижа: «Французы обращаются с нами как нельзя лучше. Везде для нас устраивали праздники; в Брюсселе под конец обеда у префекта сыграли пословицу, и географ, уверявший, что имеет сведения вернейшие, чем величайшие ученые, спел следующий куплет, при громких рукоплесканиях всего общества:

Des géographes je me ris,
De leur methode je m'ecarte:
Berlin, Petersbourg et Paris
Sont très rapprochés sur ma carte

...

Et je maintiens que le Volga
Doit communiquer à la Seine.

Que j'aime à revoir sur ce bord
Les fiers guerriers de la Russie!
Parmi nous ces enfants du Nord
Sont encore dans leur patrie:

Redoutables dans les combats,
Grands, généreux, pleins de vaillance, —
A ces titres ne son tils pas
Les meilleurs amis de la France?^[99]

В газетах только и говорят о России, о коалиции, о скорой войне с Англией. В английских журналах забавляются, рассказывая об императоре [Павле Петровиче. – *Примеч. авт.*] анекдоты столь же забавные, сколько ложные. Во французских журналах об е. и. в-в говорят не иначе, как с полным уважением и всевозможным вниманием; даже в разговорах говорят о нем не иначе, как с хвалами его благородству, его искренности и всем его хорошим качествам. Ему дают справедливо заслуженное название великого человека».

Подобные синхронные свидетельства доказывают, что тезис о непримиримой вражде русского дворянства к Наполеону, почерпнутый из поздних источников (см. главу 6), вражде, которая якобы делала невозможным русско-французское сближение, далек от истины.

Что же касается официальных бесед, их темой стали прежде всего переговоры о сближении двух стран. В разговоре с Талейраном русский генерал заявил, что под руководством царя в скором времени будет создана Лига северных стран (см. ниже), целью

которой будет борьба против владычества Англии на морях. Что касается Бонапарта, он выразил желание, чтобы во Францию быстрее прибыл посол, который был бы уполномочен подписать полноценный договор. Пока же, несмотря на резкость ноты Ростопчина, первый консул согласился принципиально с ее положениями. «Ваш монарх и я, мы призваны изменить облик мира!» – воскликнул он, обращаясь к генералу.

На следующий день после встречи со Спренгпортенем Бонапарт написал Павлу восторженное письмо:

«Париж, 30 фримера IX г. (9 (21) декабря 1800 г.)

Вчера я встретил с огромным удовольствием генерала Спренгпортена. Я поручил ему передать Вашему Императорскому Величеству, что как по политическим соображениям, так и из уважения к Вам я желаю, чтобы две великие нации соединились как можно скорее в прочном союзе.

Напрасно в течение двенадцати месяцев я пытался дать мир и спокойствие Европе, но я не смог это сделать. Еще идет война без всякой необходимости и, как мне кажется, только из-за подстрекательства английского правительства.

Через двадцать четыре часа после того, как Ваше Императорское Величество наделит какое-либо лицо, пользующееся Вашим доверием и знающее Ваши желания, особыми и неограниченными полномочиями, – на суше и на море воцарится спокойствие. Потому что когда Англия, германский император и другие державы убедятся, что воля и сила наших двух великих наций направлены к одной цели, оружие выпадет у них из рук, и современное поколение будет благословлять Ваше Императорское Величество за то, что Вы освободили его от ужасов войны и раздоров...

Это твердое, откровенное и честное поведение может не понравиться некоторым кабинетам, но оно вызовет одобрение всех народов и потомства.

Я прошу Ваше Императорское Величество верить чувству особого уважения, которое я к Вам питаю; чувства, выраженные в этом письме, служат тому самым высшим доказательством, какое я могу Вам представить.

Бонапарт»^[100].

Это послание еще не дошло до Петербурга, как Павел I, словно чувствуя за тысячи километров настроение Бонапарта, даже не дожидаясь вестей из Парижа, написал письмо, которое поражает своей ясностью, благородством и идеями, которые опередили свой век. Это послание столь интересно, что его нельзя не привести полностью:

«Петербург, 18 (30) декабря 1800 г.

Господин Первый Консул.

Долг тех, которым Бог вручил власть над народами, думать и заботиться об их благе. Поэтому я хотел бы предложить Вам обсудить способы, с помощью которых мы могли бы прекратить те несчастья, которые уже в течение одиннадцати лет разоряют всю Европу. Я не говорю и не хочу дискутировать ни о правах человека, ни о принципах, которыми руководствуются правительства различных стран. Постараемся вернуть миру спокойствие, в котором он так нуждается и которое, как кажется, является основным законом, диктуемым нам Всевышним. Я готов слушать Вас и беседовать с Вами. Я тем более считаю себя вправе предложить это, так как я был далек от борьбы и если я участвовал в ней, то только как верный союзник тех, кто, увы, не выполнил своих обязательств. Вы знаете уже и узнаете еще, что я предлагаю и что я желаю. Но это еще не все. Я предлагаю Вам восстановить вместе со мной всеобщий мир, который, если мы того пожелаем, никто не сможет нарушить. Я думаю, что достаточно сказано, чтобы Вы могли оценить мой образ мысли и мои чувства.

Да хранит Вас Господь.

Павел»^[101].

Интересно, что Бонапарт, также еще не получив ответ Павла, твердо объявил на заседании Государственного совета 2 января 1801 г.: «У Франции может быть только один союзник – это Россия». Складывается ощущение, что обе стороны охватило какое-то радостное возбуждение, словно этого давно ждали и вот оно наконец случилось. Два могущественных народа, несмотря на различия в государственном устройстве и идеологии их стран, подали друг другу руки для того, чтобы установить в мире стабильность и спокойствие.

В это время Павел принимает одно решение за другим, целью которых является установление дружбы и контакта с Францией. По его приказу Людовик XVIII и его маленький двор должны были покинуть Россию. Со службы были уволены многие французские эмигранты. В своем кабинете царь распорядился поставить бюст Бонапарта и публично пил за его здоровье.

В тот момент, когда отношения между Францией и Россией, словно по мановению волшебной палочки, из вражды превращались в самую тесную дружбу, со стороны Англии Павел получил удар – настоящую пощечину. В сентябре 1800 г. после долгой и упорной обороны французский гарнизон на острове Мальта капитулировал. Как уже можно было догадаться из происходившего ранее, англичане не вспомнили о принципах легитимизма, о защите прав и свобод человека, о которых они так пеклись, когда это могло дать повод вести войну, прибыльную для лондонских банкиров. Над островом был поднят британский флаг, и Мальта почти на два века станет одной из главнейших баз английского флота на Средиземноморье. Это была последняя точка, которую можно было поставить в крестовом походе, когда-то начатом Павлом. Вспомним, что основным побудительным мотивом, во имя которого погибли тысячи русских солдат, было восстановление справедливости и, прежде всего, защита принципов рыцарства и чести, воплощение которых царь видел в Мальтийском ордене. Теперь эти принципы были грубо растоптаны.

Одновременно поведение англичан на море перешло все рамки международных приличий. Английские военные корабли останавливали суда всех нейтральных держав, в частности и те, которые плавали под русским флагом, и производили их досмотр. Если что-то казалось английскому капитану похожим на «военную контрабанду», то есть предметом, который принципиально мог служить французам и их союзникам для военных целей, корабль и груз конфисковывались. Как можно догадаться, трактовка понятия «военный груз» могла быть очень широкой. Так что капитан судна, везущего груз железа, пеньки или водки из России в Америку, мог не сомневаться, что встреча с англичанами для него равняется встрече с пиратами – ведь водка могла быть предназначена для французских солдат, а значит, должна была быть конфискована вместе с судном. Однако пока англичане применяли свою своеобразную концепцию прав и свобод человека только по отношению к торговым кораблям, в Европе это терпели. Но датчане приняли решение сопровождать свои торговые суда военными кораблями и настаивали на том, что заявление начальника конвоя о том, что судовые грузы не содержат ничего из военной контрабанды, должно быть достаточным, чтобы освободить караван от досмотра. 25 июля 1800 г. на входе в Ла-Манш датский фрегат «Фрейя», который сопровождал караван из шести торговых судов, остановила целая английская эскадра. Ее командир потребовал досмотреть и торговые суда, и фрегат. Датский капитан ответил гордым отказом, и его корабль принял неравный бой с врагом. В результате фрегат был захвачен и в качестве трофея доставлен в Англию. А в сентябре на рейде в Барселоне английский линейный корабль напал на шведский фрегат.

Эпизод с Мальтой и пиратские действия английского флота на море послужили детонатором для возникновения общности интересов по защите свободы торговли со стороны северных стран. По инициативе Павла был образован союз государств бассейна Балтийского моря, целью которого было возобновить вооруженный нейтралитет 1780 г. Россия и Швеция подписали в Санкт-Петербурге договор 16 декабря 1800 г. В скором времени к ним присоединились Дания и Пруссия. Этот союз получил впоследствии название Лига северных стран (или Вторая лига нейтральных государств). Главными положениями

статей союзного договора было требование о том, что нейтральные суда могут беспрепятственно плавать на всех морях, что мирный груз, шедший под нейтральным флагом, не подлежит захвату (причем все морские припасы считаются мирным грузом), а порт признается находящимся в состоянии блокады только в том случае, если он действительно окружен боевыми кораблями. Наконец, самое главное положение декларации о вооруженном нейтралитете состояло в том, что коммерческие суда нейтральных стран, следующие под конвоем военных, не подлежат ни в коем случае осмотру со стороны боевых кораблей воюющих держав.

Поскольку Великобритания нарушила условия договора по поводу острова Мальта и категорически отказалась признавать права нейтральных держав, Павел I распорядился наложить эмбарго на все английские суда, находившиеся в русских портах. Так в течение нескольких месяцев перевернулась вся европейская политика. Коалиция, которую англичане сколачивали против Франции, распалась, и вместо объединения держав в борьбе против Республики возникла антианглийская коалиция!

В это же время, в конце ноября 1800 г., австрийцы разорвали перемирие, заключенное летом в Италии на Рейне, и снова перешли в наступление. На этот раз мощный контрудар нанесла Рейнская армия. 3 декабря 1800 г. войска под командованием Моро разгромили австрийцев в битве под Гогенлинденом, одновременно в Северной Италии французы также остановили австрийский натиск и сами двинулись вперед. Австрийская монархия оказалась на краю гибели. 25 декабря в местечке Штейер австрийский главнокомандующий вынужден был подписать перемирие, и немедленно начались переговоры о мире. В тот момент, когда брат первого консула Жозеф Бонапарт и граф Кобенцель, австрийский уполномоченный, отчаянно дискутировали в Люневиле об условиях мирного соглашения, в Париж пришло письмо, написанное Павлом 18 (30) декабря 1800 г. (см. выше). В восторге Наполеон отправил послание своему брату: «Вчера прибыл из России курьер, проделавший путь за пятнадцать дней; он мне привез исключительно дружественное письмо императора [Павла. – *Примеч. авт.*], написанное им собственноручно: Россия имеет крайне враждебные намерения против Англии. Вам легко понять, что не в наших интересах спешить, так как мир с [австрийским. – *Примеч. авт.*] императором – ничто в сравнении с действиями, которые сокрушат Англию и сохранят нам Египет»^[102].

Жозефу и не пришлось спешить. Австрийцы уже знали о том, что между первым консулом и царем завязывается настоящая дружба. Кобенцель написал своему правительству в эти дни: «Это сближение с северными дворами, в особенности же с Россией, стало их коньком; они выставляют его на каждом шагу»^[103]. Теперь австрийские уполномоченные поняли, что у них нет никаких оснований затягивать переговоры. 12 февраля 1801 г. в Париже загремели пушки, возвестившие о подписании мира между Францией и Австрийской монархией^[104]. В этот день парижане веселились на карнавале. Новость о подписании мира вызвала взрыв радости в праздничной толпе. Свидетель этих событий пишет: «Тогда народ в каком-то безумном восторге хлынул внезапно... в сад Тюильри с иступленными криками: “Да здравствует первый консул!” и принялся танцевать под окнами дворца»^[105]. Праздники по поводу заключения мира продолжались целый месяц: салюты и народные гуляния, официальные церемонии и приемы следовали один за другим. «Какой великолепный мир! Какое начало века! И какая мудрость, соединенная с умеренным применением могущества и силы!» – так выразила газета «Журналь де Деба» мнения французов по поводу происходящих событий.

Никогда, наверное, глава французского правительства не находился в такой радостной эйфории, которую разделял его народ. Кажется, все самые несбыточные мечты были реализованы всего лишь за год и два месяца его правления! Внутри страны воцарились спокойствие и порядок, война на континенте была выиграна, а на море французские, голландские, испанские, русские, шведские, датские и немецкие моряки готовили свои корабли к решительному бою с англичанами. Самые головокружительные проекты казалось теперь возможным реализовать. Бонапарт, покинув Египет, никогда не забывал о

французских солдатах, оставшихся за морями. Теперь он был уверен, что благодаря дружбе с Россией он сможет спасти затерянную где-то далеко в африканских песках армию, а сам Египет сохранить для Франции. 15 января 1801 г. Бонапарт написал своему брату Люсьену: «Сейчас великое дело – это спасти Египет»^[106]. Для этого в содружестве с Испанией должна была быть подготовлена мощная армия и флот.

Едва был подписан мирный договор с Австрией, как спустя всего лишь несколько дней французскую границу пересек целый караван карет и экипажей, которые везли в Париж долгожданного российского посла и его многочисленную свиту. Этим послом был граф Степан Алексеевич Колычев, 54-летний вельможа, хорошо известный при дворе Екатерины и Павла. Трудно себе вообразить те приготовления, которые были сделаны для встречи высокого гостя. Первый консул буквально засыпал письмами префектов департаментов, через которые должен был проезжать русский посол. На границу выехал начальник штаба консульской гвардии, один из ближайших соратников Бонапарта генерал Кафарелли, чтобы организовать торжества в честь посланника. Особому почтовому комиссару было поручено позаботиться о путях следования кортежа, в городах подметали улицы и облачались в парадные мундиры гарнизоны. Вот как сообщал о встрече в Страсбурге префект департамента Нижнего Рейна в письме от 10 вантоза IX г. (1 марта 1801 г.): «Посол России прибыл сюда в час пополудни и был принят самым достойнейшим образом военными и гражданскими властями... Господин граф Колычев, как кажется, был под впечатлением встречи, которая была ему оказана, – стечение народа, который с радостью устремился к пути следования его кортежа, великолепная форма армейских частей и отрядов национальной гвардии, идеальный порядок повсюду, сведения о богатстве и благосостоянии Нижнего Рейна, которые я ему сообщил... согласие между гражданскими и военными властями, представленными вместе послу, – все это вызвало у него изумление, которое, естественно, испытывает человек, увидевший величественное здание там, где он ожидал увидеть лишь руины и развал»^[107].

К моменту приезда Колычева Бонапарт получил от царя еще два послания. Хотя даже мира еще не было подписано между Россией и Францией, Павел I писал так, как если бы обращался к союзнику. В письме от 15 (21) января 1801 г. император говорил: «Господин Первый Консул, я пользуюсь случаем, чтобы написать Вам письмо. Меня принуждает к этому поведение англичан не только по отношению к России, но и к другим северным государствам. Не мне указывать Вам, что Вам следует делать, но я не могу не предложить Вам, нельзя ли предпринять или, по крайней мере, произвести что-нибудь на берегах Англии. В тот момент, когда она оказалась изолированной, это может произвести надлежащий эффект и заставить ее раскаяться в своем деспотизме и высокомерии...»^[108]

Лучшего первый консул не мог бы и вообразить. Русский царь сам думает о том, как нанести удар англичанам. Бонапарта не надо было уговаривать, и он со своей стороны написал царю 27 февраля 1801 г.: «...Самоуверенность и наглость англичан поистине беспримерны. Я подготовлю, как Ваше Величество, судя по всему, желает, 300–400 канонерских шлюпов в портах Фландрии, где я соберу армию. Я дал приказ, чтобы в Бретани была также сконцентрирована армия, которая может быть посажена на корабли Брестской эскадры... Я послал на подкрепление Тулонской эскадры 10 кораблей из Бреста, они успешно туда прибыли. Испания собирает эскадру в Кадисе, чтобы, если обстоятельства потребуют, эти эскадры могли соединиться с Черноморской эскадрой Вашего Величества. Но для этого, мне кажется, необходимо иметь один порт на Сицилии, другой на Тарентском берегу. Однако для эскадр не будет безопасности в этих портах до тех пор, пока они не будут заняты русскими и французскими войсками. Поэтому я хотел бы, чтобы главный порт Сицилии был занят русским гарнизоном, а один из портов на берегу Тарентского залива – французским»^[109].

В последнем письме главное внимание уделялось Египту, недаром речь идет о портах на Средиземном море. Бонапарт пытался соблазнить и русского царя перспективой французского господства в Египте. В его голове уже вставали величественные планы:

«Суэцкий канал, который соединит Индийский океан и Средиземное море, уже существует в проекте. Эта задача несложная, ее можно решить в короткое время, и это без сомнения принесет неисчислимы выгоды русской торговле. Если Ваше Величество все еще разделяет мнение, которое Вы часто высказывали, что часть северной торговли могла бы переместиться к югу, то Вы можете связать свое имя с великим предприятием, которое окажет огромное влияние на будущие судьбы континента»^[110].

Павел I действительно к этому времени был пленен проектами Бонапарта. Возможно, он уже видел русский флаг, развевающийся над портами Константинополя и Средиземноморья, а русских и французов – хозяевами на морях. В его голове рождается еще одна идея – распространить влияние Российской империи далеко на юг и совместно с французами выбить англичан из Индии. Конкретный план похода появился, очевидно, в первые месяцы 1801 г. В далекую экспедицию предполагалось направить 70-тысячную армию, половину которой (35 тыс.) выделяла Россия, другую половину – Франция. Французские войска под командованием уже известного нам выдающегося полководца, генерала Андре Массена должны были спуститься на транспортных судах по Дунаю, затем пересечь Черное море и через Таганрог, Царицын дойти до Астрахани. Русская армия должна была быть собрана в Астрахани ранее и, следуя в авангарде, добраться до Астрабада (современный Горган), где русские должны были дожидаться подхода союзников.

Согласно плану «комиссары обоих правительств будут посланы ко всем ханам и “малым деспотам” тех стран, через которые армия должна будет проходить, для объявления им: “Что армии двух могущественных в мире наций должны пройти через их владения, дабы достигнуть Индии; что единственная цель этой экспедиции состоит в изгнании из Индостана англичан, поработивших эти прекрасные страны, некогда столь знаменитые, могущественные и богатые... ужасное положение угнетения, несчастий и рабства, под которым ныне стенают народы этих стран, внушило живейшее участие Франции и России; что вследствие этого эти два правительства решили соединить свои силы для освобождения Индии от тиранского ига англичан”»^[111].

Подобно египетской экспедиции Бонапарта, поход в Индию должен был быть не только военным, но и научным. План предполагал следующее: «Избранное общество ученых и всякого рода артистов должно принять участие в этой славной экспедиции. Правительство поручит им карты и планы, какие только есть о странах, через которые должна проходить союзная армия, а также наиболее уважаемые записки и сочинения, посвященные описанию тех краев»^[112]. Подобно тому как это было в Египетском походе, армию должен был сопровождать «отряд воздухоплавателей», в задачу которых входило изготовление воздушных шаров с целью произвести впечатление на «невежественные» народы. Наконец, с войсками предполагалось отправить даже «фейерверочных мастеров», а в Астрабаде устроить блистательные празднества и парады «для внушения жителям тех стран самого высокого понятия о России и Франции».

В качестве авангарда этого похода Павел решил двинуть в Индию донских казаков. 12 (24) января 1801 г. он направил атаману Войска Донского Орлову I рескрипт с предписанием немедленно собрать казачьи полки и двинуть их к Оренбургу, а оттуда прямым путем в Индию «дабы поразить неприятеля в самое сердце»^[113]. Орлов собрал 22,5 тыс. казаков с 12 пушками и 12 единорогами и выступил 27 февраля (11 марта) на Оренбург.

Индийская экспедиция вызывала и вызывает много споров у историков. Насколько реальным было это предприятие? Бонапарт считал его вполне осуществимым. Действительно, в Индии у англичан было мало войск, и их господство держалось исключительно на силе. Нет сомнений в том, что появление крупной союзной армии могло стать концом английского владычества на Индостане. Выдающийся советский исследователь, прекрасный специалист по истории России начала XIX в., Окунь считал эту операцию выполнимой: «Нельзя не признать, что по выбору операционного направления план этот был разработан как нельзя лучше. Этот путь являлся кратчайшим и наиболее удобным. Именно по этому пути в древности прошли фаланги Александра Македонского, а в

40-х гг. XVIII в. пронеслась конница Надир-шаха. Учитывая небольшое количество английских войск в Индии, союз с Персией, к заключению которого были приняты меры, и, наконец, помощь и сочувствие индусов, на которые рассчитывали, следует также признать, что и численность экспедиционного корпуса была вполне достаточной»^[114].

Согласно расчетам Бонапарта, русские и французские войска должны были дойти от Астрахани до берегов Инда за два месяца. Что же касается трудностей похода, вполне их осознавая, он тем не менее заключал: «армии, русские и французские, жаждут славы; они храбры, терпеливы, неутомимы в храбрости, и благоразумие и настойчивость начальников победят все какие бы ни было препятствия»^[115].

Так, в первые месяцы 1801 г. де-факто сложился первый в истории Европы русско-французский союз. Он не был еще оформлен ни одним официально принятым в дипломатической практике документом. Но нет никаких сомнений, что с обеих сторон существовала твердая воля к сближению. Главным вопросом является следующее: насколько этот союз был выгоден обеим странам? Что касается Франции, нет никаких сомнений, что союз с Россией давал ей неисчислимы выгоды: возможность победить Англию в морском соперничестве, добиться прочного мира со всеми державами континента, при этом занять в Европе доминирующую позицию, распространить свое влияние на весь бассейн Средиземноморья, удержать Египет или, по крайней мере, получить шанс сохранить его.

Что же касается России, выгоды ее были не столь очевидны. Действительно, Россия ввязывалась в морскую войну с Англией, в то время как Англия была главным торговым партнером Российской империи. У России также не было оснований бояться своих соседей, Пруссия была тогда слишком слаба, чтобы тягаться с Российской империей. Что касается Австрии, начиная с 1726 г. Россия постоянно находилась с этой страной в союзнических отношениях, которые диктовались общностью интересов: борьба с Турцией, борьба за господство в Польше, а с 1795 г. – необходимость заботиться об удержании польских территорий, полученных в результате раздела Речи Посполитой. Выдающийся советский историк А. Манфред, вероятно, все-таки несколько модернизирует ситуацию, когда, совершенно справедливо утверждая, что: «...вражда между Францией и Россией противоречила национальным интересам обеих стран», он добавляет: «Следующим логическим звеном в этой цепи рассуждений закономерно должно было быть признание желательности, пользы, необходимости союза между двумя державами»^[116].

Действительно, в конце XIX – начале XX в. в условиях опасности со стороны агрессивно настроенной, вооруженной до зубов Германской империи, русско-французский союз станет действительно необходим. Увы, каждый союз подразумевает «дружбу против кого-либо». В начале XX в. у русских и французоз был совершенно определенно один и тот же враг. В первые годы XIX в. такого общего «естественного» врага не было. Надо признать, что противоречия Павла с Австрией относились в значительной мере к сфере эмоций, а не к холодному политическому расчету. Что же касается Англии, нет сомнения, что вопрос был более серьезным. У России не было оснований поддерживать наглое поведение британцев на морях, и было весьма логичным несколько сбить спесь с «коварного Альбиона». Однако потери людские и материальные, которые Россия понесла бы в такой борьбе, делали ее весьма проблематичной. Совершенно ясно отдавая себе отчет в том, что выгоды русско-французского союза уравнивались для России в значительной степени неудобствами, нельзя не признать, что война с Францией была для нее еще более абсурдной и ненужной.

Заслуга Павла состоит в том, что он, признав ошибочность «крестового похода», нашел силы признаться в этом и протянуть руку дружбы стране, которая разительно отличалась по своему устройству от Российской империи. Прирожденный консерватор, ярый приверженец теории абсолютной монархии, Павел тем не менее сумел сделать то, о чем вряд ли могла подумать Екатерина и что не смог впоследствии сделать Александр.

Как дальше развивался бы русско-французский союз? Это наверняка зависело бы от тысячи обстоятельств. Вполне можно предполагать, что Россия и Франция, сокрушив

морское могущество Британии, стали бы не только доминирующими державами в Европе, но и во всем мире. А в продолжительном контакте со страной, где был принят Гражданский кодекс, не исключено, что и в России произошли бы кардинальные социально-политические изменения. Увы, это все только гипотезы. Жизнь распорядилась совершенно по-иному...

В конце 1800 г. в среде высшего российского дворянства созрел заговор против императора. Во главе этого заговора стоял известный государственный деятель, генерал-губернатор Петербурга, граф Петр Алексеевич Пален, а его ближайшим помощником был граф Никита Петрович Панин, вице-президент Коллегии иностранных дел (говоря современным языком – заместитель министра иностранных дел). Активными участниками заговора были Платон Зубов, последний фаворит Екатерины II, и его брат Николай. Причина появления заговора вполне ясна – недовольство и раздражение высшего дворянства действиями императора, неуверенность знати в завтрашнем дне. И действительно, отмечая благородство и честность Павла, наличие у него самых благих намерений, нельзя не признать, что работать с таким «руководителем» было крайне трудно. Да, Павел не был безумцем, но его раздражительность, вспыльчивость, скоропалительные решения очень пугали знать. Благодаря своим необдуманным действиям к концу 1800 г. он отдалил от себя даже тех, кто потенциально мог бы быть его сторонником. Люди преданные и исполнительные попадали в опалу часто из-за пустяков.

Полковник конногвардейцев Саблуков, автор прекраснейших по своей точности и честности записок о времени Павла I, так охарактеризовал императора: «...это был человек в душе вполне доброжелательный, великодушный, готовый прощать обиды, повиниться в своих ошибках. Он высоко ценил правду, ненавидел ложь и обман, заботился о правосудии и беспощадно преследовал всякие злоупотребления, в особенности же лихоимство и взяточничество». Но мемуарист тотчас же добавляет, что все эти высокие качества сводились на нет из-за: «...несдержанности, чрезвычайной раздражительности, неразумной и нетерпеливой требовательности беспрекословного повиновения»^[117]. Нестабильность положения любого человека на государственной службе в то время прекрасно характеризуют несколько строк Саблукова, который вспоминал: «...у нас вошло в обычай, будучи в карауле, класть за пазуху несколько сот рублей ассигнациями, дабы не остаться без денег в случае внезапной ссылки»^[118]. Конечно, при такой ситуации было бы сложно ожидать, что рано или поздно не возникло нечто большее, чем простое недовольство.

Тем не менее, для того чтобы заговор выкристаллизовался, необходим был толчок. Подобным толчком послужили действия Павла по отношению к Англии. Высшая русская знать продавала в Англию свое зерно, и поэтому война с Англией затрагивала ее прямые материальные интересы. Наконец, посол Великобритании Уитворт и его любовница Ольга Жеребцова стали людьми, которые сообщили заговору энергию и снабдили заговорщиков деньгами. Об участии английского посла в заговоре говорили уже и старые историки. Так, известный русский дореволюционный историк Валишевский считал, что Англия, вероятно, субсидировала заговорщиков^[119].

Однако именно современные исследования окончательно поставили точку в этом вопросе. Совсем недавно английский историк Элизабет Спэрроу выпустила в свет большой научный труд *Secret Service: British agents in France 1792–1815*, посвященный деятельности английской разведки в конце XVIII–XIX в. Работа написана на основе изучения огромного количества неизвестных ранее архивных документов, и она не оставляет сомнения в причастности британских спецслужб к организации заговора против Павла I^[120]. Английские агенты и английские деньги помогли заговору набрать силу. Вокруг этого стержня сконцентрировались влиятельные русские англофилы, прежде всего клан Воронцовых. Еще до разрыва с Англией Уитворт в депеше своему правительству с удовлетворением писал: «Семен Романович Воронцов и Панин – англичане», то есть сторонники проанглийской ориентации русской политики. После разрыва с Англией именно Воронцов и Уитворт заговорили о безумии Павла. В это время Воронцов, который под предлогом болезни остался в Англии после своего смещения с официального поста, писал Новосильцеву: «Мы на

судне... капитан сошел с ума, избивая экипаж... Я думаю, что судно погибнет; но вы говорите, что есть надежда на спасение, так как первый помощник капитана – молодой человек, рассудительный и мягкий, который пользуется доверием у экипажа»^[121]. Этим молодым человеком, «рассудительным и мягким», как может легко догадаться читатель, был великий князь Александр Павлович, которому предстояло сыграть роковую роль в судьбе своего отца и не только его. Но об этом у нас еще будет время побеседовать. А пока отметим, что англофильские круги тесно переплелись здесь с теми, кто с падением Екатерины потерял свой престиж и власть.

Речь идет о клане Зубовых. Как известно, Платон Зубов в 1791 г. стал последним любовником Екатерины II. В двадцать с небольшим лет^[122] никому не известный офицерик стал генерал-фельдцейхмейстером, новороссийским и крымским генерал-губернатором, сенатором, наконец, князем Священной Римской империи. «Величайшие вельможи России считали для себя обязательным присутствовать при утреннем туалете Зубова и исполнять его капризы. Будущий фельдмаршал Кутузов, случалось, наливал фавориту кофе и подавал в постель»^[123]. В ту эпоху Зубовы настолько обнаглели, что Платон позволил себе даже в развязной форме пытаться соблазнить великую княжну Елизавету, молодую жену Александра. Можно себе представить, что получили Зубовы с приходом Павла к власти. Вся их наглая спесь пропала, как и не бывало. Открыто, конечно, они не могли выступать против императора, но лютую злобу затаили. Самое интересное, что клан Зубовых сплелся в едином клубке с кланом англофилов, ибо упомянутая Ольга Жеребцова, любовница Чарльза Уитворта, была не кем иной, как урожденной графиней Зубовой, родной сестрой Платона и Николая! Именно она послужила связной между английским послом и участниками заговора.

Смутные, туманные предчувствия надвигающейся грозы терзали Павла. Саблуков рассказывает, что за несколько дней до выступления заговорщиков во время конной прогулки Павел вдруг остановил свою лошадь и, обернувшись к обер-штальмейстеру Муханову, сказал сильно взволнованным голосом: «Мне показалось, что я задыхаюсь и у меня не хватает воздуха, чтобы дышать. Я чувствовал, что умираю... Разве они хотят задушить меня?»^[124] Без сомнения, какая-то неопределенная информация о заговоре дошла до Павла, но никаких деталей он не знал. Император оказался поистине в изоляции. И хотя в первые дни марта слухи о заговоре поползли по Петербургу, Павел оставался в неведении. Граф де Санглен рассказывает, что вечером 11 (23) марта, когда он проезжал по Невскому проспекту, извозчик повернулся к нему и сказал:

- Правда ли, сударь, что император нынешней ночью умрет? Какой грех!
- Что ты, с ума сошел? – воскликнул в ответ Санглен.
- Помилуйте, сударь, у нас на Бирже только и твердят: конец^[125].

Увы, извозчик оказался лучше информирован, чем император, который, несмотря на странную нервную атмосферу в его резиденции в Михайловском замке, вечером 11 марта так и не предпринял никаких шагов для своего спасения. Около полуночи две группы заговорщиков, одна ведомая графом Паленом, другая – Беннигсенем, проникли в замок. В карауле стоял 3-й батальон Семеновского полка, большая часть офицеров которого состояли в заговоре. Кроме того, высокое звание Палена и его большие полномочия позволили заговорщикам беспрепятственно войти во дворец. В то время пока граф Пален и сопровождающие его офицеры отвлекали внимание основных караулов, «ударная» группа, ведомая Беннигсенем (10–12 человек), зарубив камердинера Аргамакова, ворвалась в спальню императора.

То, что дальше последовало, описано во многих источниках и разобрано в сотнях исследований по эпохе Павла I, впрочем, всех подробностей, наверное, установить невозможно. Показания участников событий сбивчивы. Кроме того, все описания были сделаны таким образом, чтобы изобразить действия собственной персоны в самом выгодном свете. А это значило, что в зависимости от конъюнктуры момента представить себя либо активным участником действия, либо безучастным свидетелем происшествия. К тому же

практически все «герои» переворота были пьяны и вряд ли даже спустя несколько минут могли связно объяснить, что же произошло в действительности.

Так или иначе, Павлу пытались подsunуть на подпись какую-то бумагу, по всей видимости, акт об отречении, что, естественно, император категорически отказался сделать. Тогда после «оживленной дискуссии» Николай Зубов ударил Павла в левый висок каким-то тяжелым предметом (показания свидетелей на этот счет расходятся: кто-то говорит о массивной золотой табакерке, кто-то – о мраморном предмете, кто-то – о пистолете). Император, обливаясь кровью, упал, тогда заговорщики повалили его на пол и задушили, судя по всему, офицерским шарфом офицера гвардии Скарятин. С этого момента озверевшие от вида крови пьяные заговорщики набросились на мертвое тело и стали надругаться над убитым императором...

«Крики “Павел более не существует!” – рассказывает в своих мемуарах граф Чарторыйский, – распространяются среди других заговорщиков, пришедших позже, которые, не стесняясь, громко высказывают свою радость, позабыв о всяком чувстве приличия и человеческого достоинства. Они толпами ходят по коридорам и залам дворца, громко рассказывают друг другу о своих, если так можно выразиться, подвигах, и многие проникают в винные погреба, продолжая оргию, начатую в доме Зубовых»^[126].

Утром 12 (24) марта дворянский Санкт-Петербург ликовал. Улицы наполнились повесами, одетыми во все запрещенные регламентами Павла новомодные наряды, круглые шляпы и сапоги с отворотами, а какой-то подвыпивший гусарский офицер гарцевал на коне на тротуаре с криком: «Теперь все можно!» Что же касается солдатской массы, она восприняла известие о гибели императора с угрюмым молчанием. «Строгости и ярость императора Павла били обычно по чиновникам, по генералам и по старшим офицерам. Чем более высок был чин, тем больше была опасность подвергнуться наказанию, и редко строгости касались солдат. Наоборот, в качестве награды за парад или смотр они получали щедрые раздачи хлеба, мяса, водки и денег... Солдатам нравилось видеть, как император, их знаток и ценитель, обрушивал наказания и строгости на офицеров»^[127].

Собранный рано утром на плацу лейб-гвардии Конный полк отказался присягать Александру, не убедившись в смерти Павла. Пришлось привести группу солдат во дворец, и корнет Филантьев заявил хозяйничавшему там Беннигсену, что солдатам необходимо показать покойника. «Но это невозможно! Он весь обезображен, поломан, и сейчас занимаются тем, что его подкрашивают и приводят в благопристойный вид», – ответил генерал по-французски. Но так как корнет настаивал, Беннигсен раздраженно сказал: «Черт с ним. Раз уж они так к нему привязаны, пускай на него посмотрят». Когда солдаты вернулись к полку, полковник спросил правофлангового Григория Иванова:

- Что же, братец, видел ты государя? Действительно он умер?
- Так точно, ваше высокоблагородие, **крепко умер!**
- Присягнешь ли ты теперь Александру?
- Точно так... хотя лучше покойного ему не быть... А впрочем все одно: кто ни поп – тот батька»^[128].

Так закончилось это необычное, противоречивое и в то же время удивительное царствование. Но нас интересуют прежде всего не подробности заговора, а его политические последствия. Для того чтобы их понять, нужно, в частности, четко представить себе ту роль, которую сыграл сын Павла великий князь Александр в трагических событиях ночи 11–12 марта 1801 г. Разумеется, верноподданнические историки XIX в., хоть вскользь упоминавшие об убийстве Павла, будут изображать Александра невинным агнцем, который, проснувшись, с удивлением узнал, что его отец отошел в мир иной. Конечно, эта версия не выдерживает ни малейшей критики, и большинство последующих исследователей будут писать о том, что Александр что-то знал о заговоре, но даже и вообразить себе не мог, что его организаторы осмелятся совершить такое злодеяние. Он-де наивно воображал, что его папа спокойно подпишет отречение от престола и заживет тихо и мирно в своем дворце, а он,

Александр, назначенный регентом, будет управлять государством, дабы спасти Россию от деспотизма безумца.

Даже из общих соображений можно предположить, что подобная концепция как-то не очень вяжется со многими фактами. Ведь если бы Александр твердо и ясно выразил свою волю и пояснил заговорщикам, что в случае гибели отца он строго спросит с них, неужели кто-то осмелился бы поднять руку на императора! Нет сомнений, что в подобной ситуации Александр не только мог, но и просто был бы обязан устроить суд над заговорщиками и жестоко покарать убийц. Но ничего подобного и отдаленно не было сделано. Быть может, лучше всего в косвенной, но тем не менее вполне понятной форме выразил отношение Александра к заговору его главное действующее лицо граф Пален, когда, узнав о произошедшем, Александр зарыдал или стал изображать судорожные рыдания, граф Пален строгим тоном прервал его излияния: «Перестаньте ребячиться. Ступайте царствовать». В этом резком ответе Палена и в рыданиях Александра целый спектакль. Пропливая слезы, Александр изображал публично, что он был совершенно непричастен к злодеянию, а негодяи, в частности стоявший перед ним граф Пален, во всем виноваты. Строгий ответ генерал-губернатора Петербурга был обращен не столько к Александру, сколько к другим свидетелям этой сцены и был призван намекнуть новому императору, что он вовсе не столь чист, как пытался изобразить, проливая слезы.

Самый знаменитый современный исследователь биографии Павла I Н. Я. Эйдельман на основе обработки всех источников этого времени сделал заключение о том, что Александр не только знал о существовании заговора, но и ясно представлял, чем он завершится. Нужно сказать, что Пален и не особо скрывал свои намерения. В обращении к заговорщикам, которые спрашивали у него, что нужно делать с императором, он недвусмысленно заметил: «Напоминаю, господа, чтобы съесть яичницу, нужно сначала разбить яйца». Невозможно предположить, чтобы такой искушенный в интригах и жестокости политической борьбы человек, как Александр, мог наивно воображать, что его твердый и вспыльчивый отец подпишет бумажку, которую протянут ему пьяные офицеры, вломившиеся в его спальню. И еще меньше – представить себе, каким образом и на каких основаниях будет в дальнейшем изолирован от политической жизни его отец. Декабрист Никита Муравьев, у которого не было особых оснований лстить ни одному, ни другому царю, жестко и однозначно написал по этому поводу: «В 1801 г. **заговор под руководством Александра** лишает Павла престола и жизни без пользы для России»^[129].

Таким образом, есть все основания, хотя и с некоторыми оговорками, ясно и четко сказать, что император Александр I вступил на престол в результате вполне сознательно совершенного убийства своего отца. Участие в этом ужасном преступлении не только станет жестоким проклятьем, словно тяготеющим над личной жизнью царя, но и окажет влияние на политические события и прежде всего на отношения с первым консулом, а потом и императором Франции.

Известие о гибели Павла I пришло в Париж 12 апреля 1801 г. Прусский посол написал в этот день: «Новость о смерти императора Павла была словно удар грома для Бонапарта. Получив это известие от господина Талейрана, он издал крик отчаяния и тотчас же стал говорить, что эта смерть не была естественной и что удар пришел со стороны Англии»^[130]. Первый консул, на которого совсем недавно совершили покушение оплачиваемые английскими спецслужбами роялисты (3 нивоза IX г., 24 декабря 1800 г.), сказал также с горечью: «Они промахнулись по мне 3 нивоза, но они попали в меня в Санкт-Петербурге».

Одновременно англичане нанесли удар и в другой точке Европы. На Балтику двинулась огромная английская эскадра из 18 линейных кораблей и 35 фрегатов, бригов и корветов под командованием адмирала сэра Гайд-Паркера. Авангардом эскадры командовал Нельсон. В задачу эскадры входил разгром датского флота и бомбардировка Копенгагена, чтобы добиться выхода Дании из Лиги северных стран. Затем эскадра должна была уничтожить русский флот, стоящий в Ревеле (Таллине), прежде чем ломка льда позволит ему

соединиться с главной эскадрой в Кронштадте. После этого предполагалось сделать то же самое и со шведским флотом.

Вопреки инструкциям, Нельсон стремился атаковать прежде всего русских. «Я смотрю на Северную лигу как на дерево, в котором Павел составляет ствол, – заявлял Нельсон, – а шведы и датчане – ветви. Если мне удастся добраться до ствола и срубить его, то ветви отпадут сами собою; но я могу испортить ветви и все-таки не быть в состоянии срубить дерево, и при этом мои силы... будут уже ослаблены в момент, когда понадобится наибольшее напряжение их... Получить возможность вырезать русский флот – вот моя цель»^[131].

Однако старший по должности Гайд-Паркер принял решение строго выполнять инструкцию. 2 апреля 1801 г. британский флот атаковал датские корабли на рейде Копенгагена, потопил и расстрелял их из пушек, а затем открыл ураганный огонь по городу. В столице были разрушены сотни домов и погибла масса людей. Датчане вынуждены были вступить в переговоры, сдать свои морские арсеналы британскому флоту и выйти из Лиги северных стран. Нельсон рвался дальше, чтобы реализовать свою главную идею – сжечь русский флот. «Моей заветной целью, – сказал он, – было достижение Ревеля прежде, чем таяние льда сделает Кронштадт свободным, чтобы успеть уничтожить... двенадцать линейных кораблей»^[132].

Однако громить линейные корабли в Ревеле Нельсону не потребовалось. Лига северных стран прекратила свое существование вместе с гибелью императора. «Павел I умер в ночь с 24 на 25 марта^[133], – писала в апреле официальная французская газета «Монитор», – английская эскадра прошла Зунд^[134] 31 марта. История расскажет нам, какая связь существует между двумя этими событиями»^[135].

Теперь история может ответить на этот вопрос уверенно – связь между этими двумя событиями была самой прямой. Если в Копенгагене был нанесен удар по «ветвям» Северной лиги, то в Петербурге был срублен сам «ствол». Конечно, необходимо еще раз повторить, что было бы смешно приписывать случившееся в Петербурге деятельности исключительно английских спецслужб, нельзя не отметить, однако, что заговорщики действовали в согласии и при поддержке тех, кому сближение России и Франции было как кость в горле. Ночью с 11 на 12 (23–24) марта в Михайловском замке был убит не только император Павел, но и русско-французский союз.

Глава 4. «Дней Александровских прекрасное начало»

Да что со мной? Я шороха пугаюсь!
Чьи это пальцы рвут мои глаза?
Нет, с рук моих весь океан Нептуна
Не смочит кровь. Скорей они, коснувшись
Зеленой бездны моря, в красный цвет
Ее окрасят.

У. Шекспир. Макбет

Молодой 24-летний царь, пришедший к власти в результате кровавого переворота, являл собой полную противоположность своему отцу: Павел I был некрасив – юный император, по всеобщему мнению, был красавцем; у Павла была угловатая, неловкая походка – движения его сына были грациозными и изысканными; Павел был несдержан, кричал на людей по поводу и без повода – Александр со всеми говорил любезно и всем улыбался. Однако различия на этом не кончались. Павел был человеком прямым, честным, благородным. Он говорил то, что думал, делал, что говорил. Александр I говорил одно, думал другое, а делал

третье. Все, кто приближался к нему, единодушно отмечают лукавство, неискренность, фальшь и лицемерие этого человека. Причина подобного характера достаточно очевидна – с детства будущему царю придется лавировать, изворачиваться, «выживать» в непростой обстановке. При дворе его бабки Екатерины ненавидели отца, и Александр вынужден был соглашаться и улыбаться. При маленьком Гатчинском дворе не переносили все, что делала Екатерина, и Александр также был вынужден соглашаться. Барон М. А. Корф вспоминал по этому поводу: «То в Царском Селе и Петербурге – в шитом кафтане, в шелковых чулках и в башмаках с бантами, нередкий свидетель распашных бесед Екатерины с Зубовым, сидевшим возле нее в халате, то в Гатчине и Павловске – в солдатском мундире, в ботфортах, в жестких перчатках, с ружьем, со строгой военной выправкой... юноша рано и скоро выучился являться с равным приличием и ловкостью в обеих масках»^[136]. Очень рано он познал ложь и грязную закулисную изнанку политической жизни.

Екатерина, желая воспитать того, в ком она видела своего наследника, в модных идеях просветителей, пригласила ко двору швейцарца Лагарпа, известного последователя Вольтера и Руссо. Наставник учил великого князя не только французскому языку, но и политическим идеям: свобода, равенство, народовластие, республика. Что касается религиозных концепций, то они лучше всего выражались фразой Лагарпа, которую он продиктовал своему ученику, давая ему определение Христа: «Некий еврей, именем которого названа одна христианская секта». Наставления Лагарпа принесли свои плоды. Великий князь называл нелепым наследование престола и высказывался за выборность верховной власти. Своему другу Кочубею в 1796 г. он заявил о своем твердом намерении отказаться от короны.

Либерально-атеистические поучения Лагарпа, бабушкин двор, где развязно хозяйничал молодой фаворит, Гатчина, где трещали барабаны и давали наставления в морали и нравственности, – все это смешалось в голове у Александра. Наконец, непростая для великого князя обстановка в период царствования его отца также не могла не наложить отпечаток на характер молодого человека. Как известно, Павел предчувствовал недоброе и особенно в последний год своего правления крайне подозрительно относился к сыну. Александру пришлось и здесь ловчить, стремясь доказать свою лояльность по отношению к императору.

В результате к моменту прихода к власти у молодого царя не было никаких последовательных убеждений, никакой ясной политической программы. Нужно отметить также, что Александр терпеть не мог долгую упорную работу. За свою жизнь он так и не прочитал ни одной серьезной книги до конца. Зато он не по годам был умудрен опытом интриг. Пожалуй, никто лучше не охарактеризовал Александра, чем шведский посол Лагербельк: «В политике Александр тонок, как острие булавки, остер, как лезвие бритвы, и лжив, как пена морская»^[137].

Первым желанием молодого царя было, как это часто случается при воцарении нового монарха, разом изменить всю страну. В этом желании Александру помогали его так называемые молодые друзья. Едва только он пришел к власти, как собрал вокруг себя своих любимцев. Это были Павел Строганов, Виктор Кочубей, Николай Новосильцев и Адам Чарторыйский. Все эти люди, несмотря на свою молодость, были старше Александра^[138]. Все они отличались поверхностно-либеральными убеждениями, все восхищались английской конституцией, были неопытны в политике и знали о России в основном из книг. Например, Павел Строганов провел свою молодость во Франции, а его воспитателем был настоящий якобинец Ромм. При всем при этом «он являл собой забавную смесь энциклопедиста с русским боярином, у него был французский ум и французские словечки, зато нравы и привычки русские, огромное состояние и много долгов, обширный дом с элегантно меблировкой, прекрасная картинная галерея, каталог которой он сам составил, и бесчисленное количество лакеев, рабов, с которыми хозяин хорошо обращался»^[139].

Друзья сплотились вокруг Александра в так называемый Негласный комитет, который они сами в шутку прозвали Комитет общественного спасения. Впрочем, несмотря на такое «страшное» название и то, что придворная аристократия окрестила комитет «якобинской

шайкой», его деятельность ограничилась прекраснотушными беседами о судьбах России и будущем мира. Совещания проходили в обстановке почти что секретности. После ужина во дворце, когда все гости расходились, четверо избранных проходили по длинному коридору в небольшую комнату, которая сообщалась непосредственно с покоями Александра и куда он проходил своим путем. Так комитет собирался 36 раз с июня 1801 г. по ноябрь 1803 г. Александр и его «молодые друзья» решили, как выразился Кочубей, изменить «уродливое здание империи». Однако чем больше они обсуждали внутреннее положение страны, тем яснее становилось, что основной источник отсталости страны – это крепостное право и нельзя изменить что-нибудь серьезно, не затронув этого щекотливого предмета. Было очевидно, что коснуться проблемы крепостничества означало вступить в смертный бой со всем русским дворянством, жившим за счет эксплуатации крепостного труда, перейти из сферы мечтаний в область жесточайшей борьбы. А что значило даже просто вызвать недовольство части аристократии, молодой царь уже хорошо понял на примере своего отца. В результате, несмотря на то что первые годы правления Александра I будут ознаменованы рядом реформ, все они будут относиться не к устройству здания империи, а лишь к его фасаду. В 1802 г. вместо петровских коллегий будут созданы министерства, которые просуществуют до самого падения Российской империи. В стране были основаны новые университеты, а в 1803 г. вышел Университетский устав, который обеспечил выборность руководства университетов и гарантировал им значительную автономию. Наконец, в 1803 г. был издан знаменитый указ «О вольных хлебопашцах», по которому помещикам разрешалось освобождать крестьян с землей за выкуп. Впрочем, указом помещики не очень спешили воспользоваться. За четверть века правления Александра лишь 47 тыс. «душ» мужского пола (из 10 млн!) получают свободу.

Выдающийся русский историк Ключевский весьма метко определил эти действия царя как «конституционные похоти», напоминающие «игру старых бар в свободную любовь со своими крепостными девками». Но, однако, и этими скромными реформами крепостническая аристократия была обеспокоена. В 1803 г. царь вызвал из ссылки печально знаменитого генерала Аракчеева, а Негласный комитет понемногу прекратил свои заседания.

Зато во внешней политике Александр смог развернуться, не особенно рискуя вызвать негодование знати. Уже в 1801 г. многие из заседаний Негласного комитета были посвящены внешнеполитическим вопросам. И чем дальше, тем больше внешняя политика будет вытеснять из ума царя проблемы внутренние.

Интересно, что во Франции с оптимизмом смотрели на перспективы развития дружбы с Россией, даже и с новым императором. «В настоящий момент все взгляды прикованы к русскому двору, каждый пытается понять намерения царя Александра I, который объявил миру, что он будет следовать путем Екатерины II, – можно прочесть в докладе, написанном для Министерства иностранных дел в июле 1801 г. – Быть может, русская политика будет менее враждебна к англичанам, но тем не менее она более не будет проанглийской... Горя желанием пойти по стопам великих монархов его нации, он [Александр. – *Примеч. авт.*] будет помнить, что Петр Великий рассматривал союз с Францией как полезный и необходимый для счастья его страны и увеличения ее могущества. Он будет помнить, что Екатерина II... в 1780 г. стала душой идеи вооруженного нейтралитета... Царь поймет также, что Франция особенно заинтересована в развитии русского флота, а Англия – единственная страна, которая желает его гибели...»^[140]

Первый консул прислал в Петербург своего молодого адъютанта генерала Дюрока, который должен был поздравить царя с восшествием на престол и передать ему наилучшие пожелания от главы французского правительства, а заодно, разумеется, разузнать, что за человек Александр. Молодой царь обошелся с Дюроком так же, как он будет обходиться и с другими посланниками Бонапарта, – он очаровал его. По-дружески взяв под руку красивого 29-летнего генерала, стройный, красивый 24-летний император увлек своего собеседника на прогулку по укромным аллеям Летнего сада и разговаривал с ним так, как если бы он беседовал с лучшим другом. Подчеркивая свои передовые взгляды, царь упорно называл

Дюрока «гражданин», смущая тем самым посланника, которому было не очень удобно объяснять, что в его стране подобное обращение уже выходит из употребления. Александр заявил Дюроку, что желает скорейшего заключения мира с Республикой и что необычайно уважает ее первого магистрата: «Я всегда желал видеть Францию и Россию соединенными. Эти две нации, великие и могущественные, дали друг другу доказательства уважения, и они должны найти способ прекратить раздоры на континенте... Я очень желаю вступить в непосредственный контакт с первым консулом, великодушный характер которого мне хорошо знаком... Поверьте, я говорю вам от всего сердца»^[141].

И Дюрок поверил. Из Петербурга он писал восторженные письма Бонапарту и министру иностранных дел Талейрану. Адьютант первого консула утверждал: «Я абсолютно убежден, господин министр, в добрых намерениях Санкт-Петербургского кабинета по отношению к Франции. Будучи уверенным в той пользе, которую Франция получит от согласия с Россией, я искренне желаю увидеть это согласие, и я сделал все, что от меня зависит, чтобы с помощью моего поведения дать хорошее мнение о нашей нации и постараться изменить неблагоприятное мнение, которое сложилось здесь о ней»^[142]. Что же касается Александра I, у Дюрока не хватало слов, чтобы выразить свое восхищение этим добрым, всегда улыбающимся и любезным монархом: «В императоре приятная и красивая внешность соединяется с мягкостью и вежливостью. Он, кажется, обладает хорошими правилами и образованием. У него есть вкус к военному... Его любит народ за простое обхождение и за ту большую свободу, которая так противоположна стеснительной жизни в прошлое царствование... Император отлично принял меня, и при каждой новой встрече он обязательно проявлял по отношению ко мне любезные знаки внимания. Кажется также, что в этой стране были рады моему приезду...»^[143]

Посол Бонапарта был отважным генералом, верным и исполнительным адъютантом, но, увы, человеком, совершенно не искушенным в интригах и в тонкостях дипломатической игры. Обольщенный тонкой лестью молодого царя, он совершенно не понял того принципиального изменения, которое произошло в русской политике со смертью императора Павла.

Это изменение нашло свое выражение в действиях, совершенных Александром уже в первые часы его правления. Как вспоминал управляющей Военной коллегией генерал Ливен, царь вызвал его утром 12 (24) марта и, обняв его за шею, воскликнул в слезах: «Мой отец! Мой бедный отец!» – а потом, вдруг внезапно сменив тон, спросил: «Где казаки?» Ливен все сразу понял и тотчас же направил приказ о возвращении казачьей армии, направленной на Индию, домой... Так ли произошел этот эпизод или иначе, сказать сложно, но доподлинно известно, что распоряжение о возвращении казачьих частей генерала Орлова I датировано 12 (24) марта 1801 г. Разумеется, марш казаков на Индию не являлся первой жизненной необходимостью для России, и отменить это предприятие, было, пожалуй, логичным. Однако удивляет, что молодой царь, который, согласно мемуарам многих современников, так сильно переживал случившееся, страдал и рыдал, тем не менее сразу же вспомнил о стратегических проблемах внешней политики. Более того, на следующий день, 13 (25) марта, граф Пален отправил послание Семену Воронцову в Лондон, в нем говорится: «Господин граф! В связи с кончиной его величества императора Павла I, последовавшей в ночь с 11-го на 12-е от внезапного апоплексического удара, на трон вступил любимец и надежда нации – августейший Александр. По его повелению я имею честь сообщить вашему превосходительству, что петербургский кабинет, вернувшись отныне к своим принципам, некогда снискавшим ему всеобщее доверие Европы, готов сблизиться с сент-жемским кабинетом^[144], чтобы восстановить между Россией и Великобританией единодушные и доброе согласие, которые всегда характеризовали отношения этих двух империй. Его императорское величество соизволил доверить приятное и важное поручение этого спасительного сближения вашему превосходительству»^[145].

Письмо Воронцову, так же как и приказ казакам, удивляет не столько содержанием, сколько датировкой. В предыдущей главе уже отмечалось, что для России плюсы от войны с

Англией были весьма сомнительными. И, в общем, установление мирных отношений с Великобританией было, наверное, более выгодным. Однако здесь нужно сделать серьезную оговорку: стремительное, безоглядное сближение с Англией также не отвечало ни национальным интересам, ни тем более достоинству Российской империи. Если бы по приходе к власти Александр сделал некоторую паузу, осмотрелся, обдумал происходящее, а потом в ненавязчивой форме предложил **взаимовыгодный** мир англичанам, подобные действия можно было бы рассматривать как несомненно направленные на благо России. Но о мгновенном развороте политики на 180 градусов, произошедшем буквально в день убийства и спустя сутки после него, можно сказать только одно – кто платит, тот и заказывает музыку.

Бонапарт, несмотря на то что он был удален от русской столицы на тысячи километров, мгновенно понял суть происходящего. Как уже отмечалось, он был буквально сражен известием о гибели Павла и на следующий день после его получения принял решение, которое о многом говорит. 13 апреля 1801 г. по указу первого консула Пьемонт отныне рассматривался как военный округ Республики. Это еще не юридическая аннексия, но фактическое присоединение к Франции. Несмотря на то что французские войска заняли Пьемонт после разгрома армии Меласа при Маренго, несмотря на то что население этой провинции не желало возвращения австрийского владычества, а короля, поправ все принципы легитимизма, австрийцы сами не пустили на родину, Бонапарт все-таки оставлял статус Пьемонта под вопросом в связи с недвусмысленными требованиями Павла. Ради союза с ним, ради совместной войны против англичан первый консул был готов рассматривать вопрос о возможном возвращении сардинского короля в его столицу. Бонапарт мгновенно понял, что убийство Павла не обошлось без добрых советов из Лондона.

Отныне союз с Россией в той форме, в которой он мог существовать при правлении погибшего императора, очевидно, стал невозможен. Поэтому первый консул считал, что теперь стратегические интересы в Италии важнее. Тем не менее он вовсе не отказывался от идеи не только сближения, но и союза с Россией. Он сам, наверное, понимал, что война с англичанами была для русских скорее следствием понятий Павла I о чести, чем политической необходимостью. Теперь Россия будет более бдительно относиться к своим материальным выгодам, значит, и Франция может подумать о своих. Но при всем при этом глобальные геополитические интересы обеих держав во многом совпадают, и они неизбежно должны привести если не к совместным операциям в Индии, то, по крайней мере, к установлению в Европе стабильности и прочного мира.

Впрочем, деятельность русского посла в Париже Колычева не способствовала сближению двух стран. Встреченный салютами и парадами, самодовольный вельможа прибыл в Париж 5 марта 1801 г., еще при жизни Павла I, но его первое донесение от 9 марта будет суждено читать уже Александру I. Можно сказать, таким образом, что фактическая деятельность посла развивалась уже при новом царствовании. Назначение Колычева не может не удивить. Все действия и слова Павла, а они у него, как известно, совпадали, говорят о его искреннем желании создать русско-французский союз. Поэтому выбор императора заставляет пожать плечами. С первых шагов посланника в Париже он вел себя вызывающе, никоим образом не стремился, как подобает дипломату, сгладить острые углы, а, наоборот, с каким-то патологическим наслаждением смаковал и подавал в рапортах под всеми соусами малейшие разногласия. Уже 9 марта, в тот же день, когда Колычев направил свое первое послание царю, он написал и своему непосредственному начальнику Ростопчину. Содержание этого документа заставляет раскрыть рот от удивления. Вот что пишет посол: «Я очень сомневаюсь, чтобы мы дождались чего-либо хорошего от Франции. Повторяю, она пытается нас посорить со всеми, поставить нас в затруднение с намерением, быть может, вызвать волнение в Польше. Я умоляю вас, ради Бога, господин граф, убрать меня отсюда как можно скорее. Я все вижу в черном цвете и от этого заболел. К тому же, по правде говоря, я чувствую, что моя миссия выше моих сил, и я сомневаюсь в успехе... Я никогда не свыкнул с людьми, которые правят здесь, и никогда не буду им доверять»^[146].

Когда Колычев узнал о смерти Павла, он несказанно обрадовался, потому что покойный император не мог бы одобрить многие из его действий. Отныне донесения посла представляют собой собрание враждебных консульскому правлению непроверенных слухов и болтовни, какой-то сгусток злости и старческого маразма. В своих донесениях, написанных в апреле 1801 г., он «уличал» Бонапарта в якобинизме. Первый консул оказывался и плохим политиком, и предметом всеобщего негодования во Франции. А в письме Панину от 12 (24) мая Колычев изображал Бонапарта как политическое ничтожество, живущее в постоянном страхе, под влиянием министра полиции Фуше: «Хотя это якобинец и злодей, но он имеет влияние, так как Бонапарт боится быть убитым или отравленным»^[147]. Наконец, во время своих встреч с Бонапартом и его министром иностранных дел Талейраном Колычев вел себя так, как будто разговаривал если не с холопами, то, по крайней мере, с мелкими купчишками.

Ясно, что с подобным «дипломатом» переговоры шли туго. И, в конечном итоге, Бонапарт взорвался: «Невозможно быть более наглым и тупым, чем господин Колычев!»^[148] – написал он своему министру 2 июня 1801 г. Вероятно, и сам Александр понял, что хотя бы ради приличия нужно заменить посла. В начале июля 1801 г. царь отправил в Париж нового уполномоченного. Этим дипломатом стал граф Аркадий Иванович Морков. Практически ровесник Колычева^[149], граф Морков был таким же напыщенным самоуверенным сановником, как и его предшественник. Но что особенно удивляет, что его прошлое никак не могло дать повода представить, что он послужит орудием восстановления взаимопонимания между Францией и Россией. В эпоху Екатерины он был ярким сторонником участия России в коалиции. Наконец, Аркадий Иванович, мягко говоря, не блистал приятной внешностью: «Его лицо, отмеченное оспой, постоянно выражало иронию и презрение, его выпученные глаза и рот, кончики которого были всегда опущены, делали его похожим на тигра»^[150], – вспоминал Чарторыйский, а голландский посол граф Гогендорп написал: «Более некрасивого человека я не встречал в моей жизни».

Но самое главное – не столько характер и внешность русского посла, а те инструкции, которые он получил. Эти инструкции не только представляют собой интереснейший исторический документ, но отмечают важнейший рубеж – в середине лета 1801 г. Александр самым серьезным образом взялся за внешнюю политику. Согласно запискам из архива графа Строганова, именно тогда на заседаниях Негласного комитета впервые всесторонне обсуждались внешнеполитические проблемы. Результаты этих обсуждений и размышлений легли на бумагу в виде инструкций графу Моркову от 27 июня (9 июля) 1801 г. Приводить этот документ целиком не представляется здесь никакой возможности, так как он занял бы в печатном виде примерно 20 страниц! Да и стиль документа резко контрастирует с подобными предписаниями Бонапарта или Павла. Там все коротко и ясно. Здесь все туманно и расплывчато, спрятано за пространными и трудно понимаемыми формулировками. Только после очень тщательного прочтения этой бумаги за абракадаброй корректных и ничего не значащих дипломатических фраз можно найти несколько слов, приподнимающих завесу над истинными намерениями царя.

В инструкции раз сто повторяются слова «гармония», «согласие», а особенно часто – «умеренность». Говорится о том, что нужно установить в Европе прочный мир, наладить хорошие отношения с Францией. Однако нет-нет, и в размеренном, ровно текущем тексте вдруг прорываются плохо вяжущиеся с поверхностным содержанием фразы: «...всякое нарушение обязательств, заключенных с империей, вверенной мне провидением, положит конец системе умеренности, которую я себе предначертал». Казалось бы, слова вполне логичные. Само собой разумеется, что договоры между странами не могут безнаказанно нарушаться. Однако сказанное относится исключительно к Франции, и именно ей адресована угроза. Александр пишет: «Если Первый Консул французской республики будет продолжать поддерживать и укреплять свою власть путем ссор и смут, которые сотрясают Европу... если он даст увлечь себя потоку революции... война может продолжиться... в этом случае, мой уполномоченный во Франции должен будет лишь наблюдать за действиями правительства и

развлекать его внимание, пока **обстоятельства, более удобные, не позволят мне прибегнуть к более действенным мерам (!)**».

Если перевести это все с тарабарского языка на русский, это означает, что молодой царь уже не просто угрожает войной, но говорит о ней как о деле для себя принципиально решенном, он хочет лишь дождаться «обстоятельств, более удобных». Наконец, вопрос о том, кто является другом и союзником России, по мнению Александра, также находит в этой инструкции недвусмысленное решение: «Из набросанной мной картины вытекает следующее: интерес общего блага и интересы моей империи заставляют меня желать прочного союза с венским, лондонским и берлинским двором». Подобное заявление фактически не оставляет камня на камне от всяких рассуждений о мире, общем благе и умеренности. В тот момент, когда писалась инструкция, между Францией и Англией продолжалась война, и желать прочного союза с англичанами означало желать войны с Францией. В тексте инструкций неоднократно даются недвусмысленные характеристики французской республики: «злой гений революции», «республиканский гнет» и другие. В общем и целом складывается впечатление, что документ весь наполнен злобой, хотя по форме он относительно сдержан. Нет, это уже больше не Павел, который кричит и ругается на тех, с кем хочет драться, и откровенно, с чистым сердцем протягивает руку тем, с кем хочет дружить. За ровными, гладкими, дипломатическими фразами видится молодое лицо с холодной улыбкой и затаенной ненавистью во взоре.

Практически в эти же дни сходная инструкция была отправлена послу в Берлине Крюденеру. В ней можно найти абсолютно те же самые обороты, что и в наставлениях Моркову. Например, повторяется фраза «пока обстоятельства, более удобные, не позволят мне прибегнуть к более действенным мерам», «злой гений революции» и т. д. Упомянув ситуацию в Египте, Александр называет пребывание там французов «гнетом врага». Обратим внимание, не «французским завоеванием», не «республиканским угнетением» или каким-нибудь еще эпитетом, а именно гнетом **врага**. Наконец, говоря о возможных действиях республиканского правительства, царь твердо заявляет: «Это означает вынудить меня **применить другие меры**, чтобы наложить узду на стремления, несовместимые со спокойствием Европы». Как известно, в межгосударственных отношениях кроме переговоров существует только один вид «других мер» – это сталь и свинец.

Нужно отметить, что инструкции, составленные для послов, являются персональным произведением Александра. Все выдает его руку: и стиль, и чувства, точнее одно чувство – враждебность к наполеоновской Франции. Откуда эта странная, непонятная ненависть? Во всяком случае, она никак не могла появиться ни как следствие жизненно важных интересов России, ни как результат враждебных действий со стороны Французской республики. В это время ничто не говорило и говорить не могло о каких бы то ни было проектах Бонапарта, направленных против России. Инструкции французским уполномоченным, рекомендации различным официальным лицам – везде в один голос повторялось одно и то же: Россия – это потенциальный союзник, с ней надо дружить: «Отныне ничто не нарушит отношений между двумя великими народами, у которых столько причин любить друг друга и нет поводов ко взаимному опасению...»^[151] – заявил Бонапарт, выступая 22 ноября 1801 г. с годовым отчетом «О состоянии Республики» перед законодательными учреждениями.

В наших руках все документы, которые когда-то были страшно секретными, и нигде ничего не найти, что бы выдавало какие-либо коварные замыслы нанести вред Российской империи. Да, Французская республика в ходе революционных войн получила значительные приобретения, но она и много потеряла в 1799 г. В 1801 г. Франция сохранила свою власть над левым берегом Рейна. Голландия оставалась вассальной республикой (так называемой Батавской). После изгнания австрийцев со значительной части севера Италии была воссоздана Цизальпийская республика, а Пьемонт присоединен (пока еще не окончательно) к Франции. Однако сложно было вообразить, каким образом эти владения за тысячи километров от границ России могли угрожать ее безопасности. Действительно, после победы в первой итальянской кампании в 1796–1797 гг. Бонапарт, заняв Венецию и Ионические

острова, вышел к Балканам, чем не мог не беспокоить императора Павла. Но теперь ситуация полностью изменилась. Венецианские земли на Балканах заняли австрийцы, встав на пути дальнейшего расширения французского влияния. Ионические острова вообще были заняты русскими. Мальта оказалась в руках англичан. Французская армия в Египте была на грани капитуляции. В подобной ситуации Павел, например, не видел никаких принципиальных противопоказаний не только для того, чтобы установить мир и согласие, но даже заключить союз с Францией. Не следует забывать также, что в ходе революционных войн получила приращение не только Франция: англичане захватили французские колонии, расширили свое влияние в Индии, австрийцы, не переживая по поводу принципов «умеренности», столь дорогих царю, господствовали отныне на землях Венецианской республики. Наконец, еще всего лишь за шесть лет до этого была уничтожена Польша, в результате чего Россия, Австрия и Пруссия получили громадные территориальные приобретения. Сверх того, в этом же 1801 г. к России «добровольно присоединилась» Грузия. Но ведь и Пьемонт присоединился к Франции «добровольно».

Таким образом, геополитические соображения или вопросы чести и престижа страны никак не могли диктовать Александру враждебность по отношению к Бонапарту и его державе. С другой стороны, республиканские институты, которые еще оставались во Франции, тоже не могли, по идее, вызвать раздражение царя, ведь он постоянно афишировал свои либеральные взгляды. «Александр... меньше всех походил на борца с революционной заразой, – справедливо отмечает выдающийся русский историк Н. И. Ульянов. – Он еще до вступления на престол поражал иностранцев негодующими речами против “деспотизма” и преклонением перед идеями свободы, закона и справедливости. Конечно, цена его либерализму известна, и вряд ли приходится возражать тем историкам, которые считали его маской, но такая маска годится для чего угодно, только не для борьбы с революцией. Гораздо вернее, что у него не было никаких принципов и убеждений»^[152]. Так что выражение «злой гений революции» в инструкциях послам звучит как-то не очень убедительно, и чувствуется, что оно относится совсем не к революционным идеям.

Интересно отметить, что Александр не был и англофилом. Например, поступки графа Семена Воронцова ясны, последовательны и исходили из простого принципа – все, что хорошо Англии, должно быть хорошо остальным. Царь, хотя и окруженный многими англофилами, не проявлял лично каких-либо особых восторгов по отношению к Туманному Альбиону. Но, как ни странно, он будет вести себя на международной арене так, как будто его главной мечтой было служить интересам Англии.

5 (17) июня 1801 г. между Россией и Англией была заключена конвенция, восстановившая мирные отношения и прежние договоры. Вероятно, в целях поддержания «гармонии» Россия полностью капитулировала в этой конвенции перед всеми английскими требованиями. Было восстановлено право «бумажной блокады». Это означало, что признавался блокированным не только порт, на самом деле окруженный боевыми кораблями, но и порт, который английское командование просто пожелает объявить блокированным. Было также уничтожено право неприкосновенности торговых судов нейтральных государств, сопровождавшихся военным конвоем. В интересах Англии в ущерб России была сформулирована статья 7 конвенции. Отныне признавалось нейтральным только судно, капитан которого и более половины команды были уроженцами страны, под чьим флагом оно ходило. Все дело в том, что на Средиземноморье экипажи русских торговых судов очень часто состояли почти полностью из греков. Отныне их безнаказанно могли захватывать англичане.

В Англии этот договор был встречен с восторгом, зато в России с недоумением. «На скорую руку, худо или хорошо, устроили сделку, в которой чувствовалась поспешность и желание **столкнуться во что бы то ни стало**»^[153], – написал об этой конвенции Чарторыйский. Еще более резко об этом высказался известный русский дипломат и государственный деятель Павел Григорьевич Дивов: «договор, каждое которого изречение навеки погружало в ничтожество все труды бессмертные Екатерины II, но который отверз

врата ко всем последующим злополучиям нашего отечества и всей Европы»^[154]. Подобное соглашение поистине означало политику «двойных стандартов». То, что не могли ни за что простить Франции, легко прощали англичанам и австрийцам.

Почему же Александр так резко развернул российскую внешнюю политику? Не будучи англофилом, он готов был исполнять повеления из Лондона, не будучи закоренелым консерватором, сражаться против либеральных принципов. Понимая, что Франция не только не угрожает России, но и ищет с ней союза, действовать так, как будто завтра неизбежно должна была начаться война с французами. Единственным объяснением подобного поведения может служить только одно – личная неприязнь к Наполеону Бонапарту.

Конечно, рапорты Кольчева, а затем и Моркова не могли пройти бесследно. Здесь было все, чтобы изобразить главу Франции и его державу в самых зловещих тонах. Но, быть может, другие, не имеющие столь прямого отношения к политическим проблемам события сыграли не меньшую, а быть может, и большую роль в формировании отношения молодого царя к Бонапарту.

Князь Чарторыйский рассказывает в своих мемуарах следующий эпизод. В самые первые месяцы правления Александра супруга маркграфа Баденского, мать императрицы Елизаветы (или, проще говоря, теща царя), приехала в Санкт-Петербург, чтобы увидиться со своей дочерью. Супруга маркграфа решила наставлять своего молодого зятя, как надо управлять государством, на великих примерах. И в качестве основного примера, как ни странно, выбрала первого консула Французской республики. В частности, она отметила, что церемониал во дворце недостаточно строг, а двору не хватает блеска и величия. «Она проводила параллель между ним [Александром. – *Примеч. авт.*] и Первым Консулом, который в отличие от него лучше знает людей и, чтобы его уважали, подчинялись и восхищались, окружает себя блеском и не пренебрегает ничем, что могло бы увеличить престиж его правления, без которого никакая власть не может существовать. Маркграфиня, желая пробудить честолюбие своего зятя, советовала ему использовать уроки, которые дает миру такой великий гений. Она хотела, чтобы Александр брал пример с Наполеона, не поссорившись с ним, стал его конкурентом, чтобы как Первый Консул он постоянно давал доказательства величия, силы, воли и решимости. Русские, говорила она, нуждаются в этом не меньше французов»^[155].

Быть может, именно эти речи незадачливой графини вызвали в сердце Александра жгучую зависть и раздражение по отношению к Бонапарту. А может быть, этот в отдельности взятый эпизод и не особенно сильно повлиял на отношение молодого царя к первому консулу. Зато абсолютно очевидно, что в ту пору в Санкт-Петербургском обществе только и говорили, что о Бонапарте. Кто-то его поносил, кто-то говорил нейтрально, но очень многие восхищались. Причем восхищались сверх всякой меры. Вот что, например, можно было прочесть в книге «История Первого Консула Бонапарте со времен его рождения до заключения Люневильского мира», вышедшей в это время в Санкт-Петербурге:

«Но деятельный Гений сей не токмо посреди войск блистает в полном своем сиянии; но и во время мира рождаются в нем новые силы, и он предпринимает и производит в действие те великие намерения, которые должны сделать счастливыми народы, пресечь все гражданские бедствия, приводящие их в отчаяние...

В недре покоя видим мы его, размышляющего о сих великих и важных предприятиях, которые должны освободить один народ от угнетения другого и восстановить то равновесие властей, без которых общество не что иное есть, как пустое слово...

К пылкой и непоколебимой храбрости присовокупляет он спокойное хладнокровие; к природным великим дарованиям и обширному разуму ту изобретательную хитрость, которую часто употреблял Ганнибал против Римлян; к мудрой медленности в размышлении всю скорость в исполнении; к стремительности юных лет опытность и зрелость старости; с познаниями воина соединяет он познание утонченного политика и добродетель, мудростию путеводимую; к чувствам человеколюбивого сердца и воздержанию любовь к славе и отважность победителя. Тщательное воспитание, глубокое познание инженерной науки,

обширный театр, который доставила ему Италия для военных его подвигов, – все способствовало к развитию чрезвычайных дарований сего удивления достойного мужа и к показанию Франции, что и она также имеет своего Вашингтона»^[156].

Вообще в книгах, изданных в России в первые годы правления Александра, авторы в подавляющем большинстве выказывают восхищение Бонапартом. В брошюре «Анекдоты и характеристические черты из жизни Бонапарте», вышедшей в 1803 г., можно найти такой портрет первого консула: «В наружности своей с первого взгляда имеет Б. нечто мрачное и холодное; но нужно только пробыть вблизи его несколько минут, чтобы увидеть в нем после некоторую тихость и приятность. В чертах лица его изображается особливая кротость, и взор его есть красноречивое доказательство человеколюбивого и тихого характера... Он всякому, кто с ним говорит, смотрит в глаза прямо и спокойно, ожидая, что он ему скажет. Большие голубые глаза его, блистающие кротким небесным огнем, кажется, говорят всякому: приблизься и полюби друга человеков!»^[157]

Совершенно особое место в русской публицистике этого периода занимает журнал «Вестник Европы», который с 1802 по 1803 г. включительно издавался знаменитым русским историком и литератором Н. М. Карамзиным. «Любовь к Бонапарте дошла до высочайшей степени, – пишет Карамзин в первом номере журнала. – Со всех сторон пишут к нему благодарственные письма, в которых называют его “спасителем Республики”, “первым Героем всех веков”, “единственным” и проч. и проч. Он, конечно, заслуживает признательность французов и почтение всех людей, умеющих ценить чрезвычайные действия геройства и разума. Его внешняя политика и внутреннее правление достойны удивления не менее Маренгской победы. Франция, осыпанная дарами щедрой природы, земля столь многолюдная и богатая промышленностью своих жителей, конечно, скоро загладит бедственные следы Революции, наслаждаясь тишиной под эгидой деятельного и благоразумного правления, которое печется о мудрой системе гражданских законов, о воспитании, об успехе наук, художестве и торговле, следственно о важнейших частях государственного благополучия»^[158].

«Всякой портрет и бюст сего редкого человека должны быть похожи; но никакое изображение не представит его совершенно, – писал Карамзин о внешнем облике Бонапарта. – Можно ли кистью или резцом изобразить огонь глаз и какую-то неизъяснимую любезность рта его? В приеме и в обхождении он чрезвычайно холоден и даже застенчив; на всякого человека, ему представляемого, устремляет быстрый взор – потупляет глаза в землю и редко взглядывает в другой раз; слушает с великим вниманием и всего более удивляет тем французов...»^[159]

А вот как выдающийся русский литератор оценивал внешнюю политику первого консула: «Бонапарте дал французам имя *великой нации*, которым они теперь более всего гордятся, и которое для других народов не так страшно, как их прежние Якобинские титулы... Бонапарте сделал Этрурию Королевством, и если бы Король Сардинский был учтивее против Консула, то он давно бы уже царствовал в Турине. Бонапарте после Маренгского сражения объявил ему, на каких условиях может возвратить ему Пьемонт; но Король не хотел тогда отвечать решительно, под ничтожным предлогом, что с ним не было Министра его Ст. Марсана^[160]. Самая Швейцарская Олигархия, которая всячески оскорбляла французскую Республику, удостоилась великодушного прощения. Гишпанский Король радуется дружбою своею с Наполеоном»^[161].

Не исключено, что подобные речи и сочинения не беспокоили меланхоличного императора Австрии Франца II или ограниченного, полностью находящегося под властью своей жены прусского короля Вильгельма III, но самовлюбленного, завистливого и злопамятного царя они, в конечном итоге, судя по всему, не на шутку разозлили. С первых месяцев его царствования в его речах, бумагах и действиях с очевидностью проступает раздражение, переросшее затем в злобу, в конечном итоге ставшую непримиримой ненавистью к тому, кто был слишком популярен и знаменит.

Может удивить, что в этой ситуации мирный договор с Францией был все-таки подписан. И этому не помешали ни жесткие инструкции Александра, ни огромный нос Моркова. Дело в том, что в это же время начались предварительные переговоры между англичанами и французами. От войны устали не только французы, но и простые англичане. Страна была на грани банкротства, государственный долг поднялся до гигантской суммы в 12 млрд фунтов стерлингов, цены на предметы первой необходимости взлетели, то там, то сям вспыхивали голодные бунты. Английским правящим кругам любой ценой необходимо было если не заключить настоящий мир, то получить хотя бы временную передышку для того, чтобы возобновить борьбу с новой силой. Разумеется, далекие стратегические планы английского правительства были неизвестны русскому послу, и он, несмотря на свою враждебность по отношению к Бонапарту и его стране, оказался сговорчивее Колычева. Мирный договор между Россией и Францией был заключен 26 сентября (8 октября) 1801 г. в Париже. Согласно его статьям, а также пунктам тайной конвенции, которая была подписана два дня спустя, Россия признавала территориальные приобретения Франции, а французская сторона высказала принципиальное согласие предоставить сардинскому королю компенсацию за его потерянные владения в Пьемонте. Обе стороны договорились о том, что будут действовать совместно в вопросе территориального возмещения немецким князьям, потерявшим свои владения на левом берегу Рейна.

Несмотря на то что в это время англичане сами вели мирные переговоры с Францией, Александр поспешил оправдаться перед своими англофильски настроенными помощниками и их заморскими покровителями. В письме С. Воронцову от 7 (19) ноября 1801 г. царь пишет: «Я предлагаю вам решить самому, сообщить ли английскому министерству приложенные к настоящему письму акты, заключенные в Париже, полностью или частично [имеются в виду статьи тайной конвенции! – *Примеч. авт.*]. Я хочу показать тем самым свою откровенность, надеясь, что эти секретные условия не будут разглашены другим. Я также считаю необходимым по этому случаю сообщить вам следующее: я совершенно не желаю вступать с французским правительством в какие-либо совместные действия, и выражение “последующее согласие”, употребленное Талейраном в его переговорах с графом Морковым, может быть разве что употреблено, если дело дойдет до этого, к вопросу о германских делах [имеется в виду вопрос о компенсации германских князей. – *Примеч. авт.*]»^[162].

Как видно из этого письма и из инструкций послам, Александр с самого начала своего царствования определил для себя приоритеты. Известный современный историк, специалист по русско-французским отношениям В. Г. Сироткин высказывает мнение, что резкий поворот конфронтации с Францией начался на рубеже 1803–1804 гг. и был обусловлен активностью французской дипломатии на Балканах^[163]. Да, действительно, начиная с этого времени, отношения между Россией и Францией становятся весьма натянутыми. Однако в позиции царя ничего принципиально нового ни в 1803 г., ни в 1804 г. не появится. Его ненависть к Бонапарту станет более очевидной и получит больше возможности для своих внешних проявлений. В конечном итоге, несмотря на все обсуждения и совещания с министрами, направление внешней политики определял только царь. Уже хотя бы потому, что в среде русских политиков не было единого мнения по поводу того, как действовать на внешнеполитической арене.

Целый ряд влиятельных политиков считали, что Россия должна соблюдать «свободу рук». Сторонником тактики нейтралитета был участник Негласного комитета В. П. Кочубей. Он полагал, что Россия не нуждается ни в одной из европейских держав. Если она будет держаться независимо, они будут сами заискивать перед ней. Таким образом, она сможет воздержаться от участия в ненужных ей военных авантюрах. «Россия, – говорил он, – достаточно велика и могущественна по своим размерам, населению и положению; ей нечего бояться с той или другой стороны, лишь бы она оставляла других в покое. Она слишком вмешивалась без всякого повода в дела, которые прямо ее не касались. Ни одно событие не могло произойти в Европе без того, чтобы Россия не обнаружила притязаний принять в нем участие и не начинала вести дорогостоящие и бесполезные войны... Что приносили

многочисленному населению России дела Европы и ее войны, вызывавшиеся этими делами? Русские не извлекали из них для себя никакой пользы, а только гибли на полях сражений и с отчаянием в душе поставляли все новых рекрутов, платили все новые налоги»^[164]. «Мир и улучшение нашего состояния – вот те слова, которые нужно написать золотыми буквами на дверях кабинетов наших государственных деятелей»^[165].

Другой влиятельной группой русских политиков были сторонники проанглийской ориентации. К ним относились не только Воронцовы, но также Панин, Строганов и Чарторыйский. Они настаивали на том, что единственно возможным альянсом для России является союз с Англией, и осаждали императора докладами и записками о пользе подобного союза. В своем англофильстве эти люди доходили даже до того, что утверждали, что русский народ изначально не способен к мореплаванию. «У нас никогда не будет торгового флота... – заявлял Воронцов. – Неспособность наших моряков и капитанов торгового флота такова, что мало кто пожелает нанимать и страховать наши суда по причине больших расходов, чем это требуется для судов других держав»^[166]. А граф Панин писал следующее: «Борьба, которую Великобритания ведет практически одна сегодня против Франции, имеет цель поставить пределы могуществу, опасному для спокойствия Европы. Ее [Англии. – *Примеч. авт.*] интерес является, таким образом, и интересом нашего двора»^[167].

Наконец, существовала и другая группа русских государственных деятелей, считавших выгодными для России сближение и союз с Францией. К ним относились А. Б. Куракин, Ф. В. Ростопчин, Н. П. и С. П. Румянцевы.

В общем же надо отметить, что, несмотря на наличие разных точек зрения на внешнюю политику России, большинство влиятельных лиц империи поддерживало линию независимого курса. «Господствующая партия есть партия национально-русская, – отмечал баварский поверенный в делах Ольри в 1802 г., – то есть образовавшаяся из людей, которые большею частью думают, что Россия может довольствоваться сама собою и что она должна поддерживать с европейскими великими державами лишь общие отношения и, прежде всего те, которые необходимы для вывоза ее земледельческих продуктов, что она не должна принимать никакого участия в обсуждении волнующих нас вопросов»^[168].

Таким образом, у Александра I была полная свобода в выборе внешнеполитических приоритетов. В любой ситуации, конечно, при условии отсутствия внезапных резких поворотов, которыми было ознаменовано предыдущее царствование, молодой император мог найти для себя точку опоры. Причем, разумеется, самым логичным, самым выгодным для России и самым простым с точки зрения исполнения был курс независимый, направленный не на внешнеполитические авантюры, а на укрепление благосостояния страны. Тем более что в конце 1801 г. – начале 1802 г. в Европе все шло к установлению мира и нормальных отношений между странами.

Летом 1801 г. в Египте отгремели последние выстрелы. 20-тысячная английская армия при поддержке 40-тысячного турецкого войска окружила французов в Александрии и в Каире. 27 июня 1801 г. войска под командованием генерала Бельяра вынуждены были сдать Каир, а 2 сентября генерал Мену после героической обороны капитулировал в Александрии. Впрочем, капитуляция, подписанная французами (так называемое Эль-Аришское соглашение), была исключительно почетной. Армия не сдавалась, а лишь покидала Египет на английских кораблях, сохраняя оружие и знамена. Это было, конечно, очень достойно для горсти французских солдат, сражавшихся до последнего, но равным счетом ничего не меняло в политическом смысле: Египет, как и Мальта, был утрачен. Эта параллель неслучайна: так же, как и на Мальте, англичане не очень спешили передавать отнятое ими у французов первоначальным владельцам. В Египте остались английские войска, а британские политики стали пытаться разыграть карту сепаратизма беев-мамелюков, стремясь с их помощью оторвать Египет от Османской империи и превратить его в свою колонию.

Отныне англичане, если не получили всего, что хотели, то, по крайней мере, могли найти компромисс с Бонапартом. С другой стороны, ситуация внутри страны стала поистине взрывоопасной. Сторонник войны до победного конца Уильям Питт вынужден был уйти в

отставку, его преемник на посту премьер-министра Аддингтон вступил в переговоры с французами. 1 октября 1801 г. в Лондоне были подписаны предварительные условия мирного соглашения между Францией и Англией. Переговоры продолжились во Франции в городе Амьен, и 27 марта 1802 г. представитель Англии лорд Корнуоллис и Жозеф Бонапарт подписали мирный договор. К подписанию договора присоединились также представители Испании и Голландии. Амьенский договор распространялся также и на Турцию, которая присоединилась к нему особым актом от 13 мая 1802 г.

Согласно статьям мирного договора, Англия обязалась вернуть Франции и ее союзникам – Испании и Голландии – все отнятые у них колонии, за исключением острова Тринидад и Цейлона. Юридически подтверждалась эвакуация французами Египта, с другой стороны, англичане также обязались уйти оттуда. Наконец, Англия давала обещание эвакуировать войска с острова Мальта и вернуть его рыцарям Мальтийского ордена. В договоре никак не упоминались территориальные изменения, произошедшие в это время в континентальной Европе (приобретения Франции на левом берегу Рейна и в Италии, создание Итальянской республики). Это оставляло недоговоренность, которую каждый мог в будущем трактовать по-своему. Но в тот момент никто об этом не думал.

«В этот торжественный момент представители, подписавшие мирный трактат, обнялись друг с другом... Большинство зрителей были растроганы до слез. Они были так счастливы, что их радость выразилась в бурных криках ликования»^[169], – сообщала газета «Журналь де Пари» о моменте подписания мира. Никогда еще, наверное, республика не видела такого радостного подъема, как в эти дни. «Восторженный возглас пронесся по всей Франции, на который, словно эхо, откликнулась Европа. Мы можем в этот раз полностью доверять рапортам полиции, когда она отмечает “выражение бурной радости”, которые 5 жерминаля (26 марта) проявлялись “на площадях, перекрестках и в театрах”, а особенно “в рабочих предместьях”»^[170].

Радостные чувства по поводу заключения мира охватили и англичан. Уже подписание предварительных условий было встречено здесь выражениями восторга, и приезд в Лондон посланца первого консула превратился в триумфальное шествие. Жители Лондона распрягли лошадей из кареты генерала Лористона и на руках ввезли ее в Уайтхолл при ликующих криках толпы: «Да здравствует Бонапарт!» Вечером весь город был спонтанно иллюминирован. Традиционный английский вензель G. R. (Georgius Rex – король Георг), выложенный светящимися огоньками, в этот вечер перемежался с необычным для англичан R. F. (Republique Francaise – Французская республика).

Люди устают от всего, и от ненависти тоже. Казалось, что в эти дни англичане полюбили народ, с которым сражались целые столетия. От мира все ожидали процветания и благополучия. В английских газетах можно было найти самые благожелательные статьи по отношению к Франции и первому консулу, а лоточники бойко торговали веселым незатейливым лубком, изображающим толстого добряка, раскрывшего объятия для встречи тех, кого он так долго ждал. На картинке было подписано: «Джон Буль радостно встречает своих старых друзей: белый хлеб, свежее масло, крепкое пиво и ямайский ром».

Талейран написал с гордостью в своих мемуарах: «Можно сказать без малейшего преувеличения, что в момент подписания Амьенского мира Франция получила такой престиж, могущество, славу и влияние, что самый честолюбивый ум не мог бы пожелать большего для своего отечества... Меньше чем в два с половиной года... Франция, выйдя из того ничтожества, до которого довела ее Директория, стала первой державой в Европе»^[171].

Действительно, 1802 г. стал годом великих свершений первого консула. 18 апреля, в праздник Пасхи, под сводами собора Нотр-Дам был торжественно обнародован Конкордат, соглашение с папой римским, который возвращал во Францию католическую религию, сохраняя при этом свободу совести для всех граждан республики. 26 апреля была объявлена амнистия всем эмигрантам, не запятнавшим себя преступлениями против отечества, и 150 тыс. человек, которые вынужденно покинули родину в годы революции, получили возможность вернуться домой. Всего лишь тысяча эмигрантов, те, что командовали

контрреволюционными войсками, и те, что сохраняли свои посты при дворах бежавших принцев, исключались из амнистии. Можно сказать, что актом от 26 апреля 1802 г. во Франции была завершена гражданская война. Один из вернувшихся эмигрантов, перешедший на службу к Наполеону, писал следующее: «Я проехал 60 департаментов (регионы, на которые делилась Франция) и поставил себе за цель строжайше проверить всю информацию, все то, чему я так долго не верил. Я получал информацию у префектов, у местных властей, я использовал все возможные контрпроверки, и я вынес из моих поисков лишь одно – что никогда за всю историю Франция не была столь процветающей, лучше управляемой и более счастливой».

Обращаясь к Государственному совету в мае 1802 г., Бонапарт сказал: «Теперь у нас есть правительство, есть власть, но что представляет из себя остальная часть нации? Разбросанные и не связанные между собой песчинки... Чтобы связать их между собой, необходимо заложить в основу государства фундамент из нескольких мощных гранитных глыб»^[172]. Одной из этих «гранитных глыб» стал орден Почетного Легиона, созданный декретом от 29 флореаля X г. (19 мая 1802 г.). Этот орден явился поистине удивительным учреждением. Он достойно вознаграждал тех, кто отличился на службе отечеству, а его учреждения оказались настолько жизнеспособными, что сохранились почти что в неизменной форме вплоть до наших дней. Наконец, в это время была почти завершена работа над Гражданским кодексом. Деятельность по составлению кодекса, окончательно утвержденного законом от 30 вантоза XII г. (21 марта 1804 г.), началась летом 1801 г. и была закончена к марту 1803 г. Кодекс Наполеона, как он стал называться позднее, закреплял все основные преобразования, произошедшие в обществе в эпоху Великой французской революции. «...Кодекс Наполеона, – писал К. Маркс, – берет свое начало не от Ветхого завета, а от идей Вольтера, Руссо, Кондорсе, Мирабо, Монтескье и от французской революции»^[173].

В 1801–1803 гг. была проведена кардинальная административная реформа, создавшая современный государственный аппарат. В эти же годы была создана эффективная судебная система. А знаменитый закон от 11 флореаля X г. (1 мая 1802 г.) учреждал систему высшего и среднего образования, не потерявшую своего значения вплоть до наших дней.

Никогда еще Франция не видела такого бурного экономического роста, как в эти годы. Все источники отмечают, что именно в 1802 г. начался подъем промышленности, который продолжился и в годы Империи. Если накануне прихода к власти Бонапарта валовой продукт Франции был на 40 % меньше такового в 1789 г., к началу эпохи Империи он превзойдет дореволюционный уровень почти на 50 %. Были предприняты огромные строительные работы, как в самой Франции, так и на вновь присоединенных территориях. Строились новые дороги, каналы, порты. В этом году была начата прокладка дороги через Симплонский перевал в Альпах, была открыта новая дорога от Майнца до Страсбурга, сооружались дороги от Ниццы к Генуе, от Бордо к Байонне и т. д. Особенно интенсивно развивался Париж. Первый консул объявил, что он желает сделать столицу «самым прекрасным городом, который когда-либо существовал». Рапорт полиции от 26 мая 1802 г. сообщал, что «строительные работы ведутся с такой активностью, что едва хватает рабочих»^[174]. А «Газет де Франс» писала в эти же дни: «Если судить по многочисленности и активности общественного и частного строительства, которое ведется в столице, можно подумать, что строится новый город»^[175].

Неудивительно, что свершения Бонапарта вызвали во Франции не просто энтузиазм, а восторженное чувство подъема. Страна, вышедшая из потрясений революции, словно расправила крылья, была полна энергии и веры в будущее. Помнится, как один пожилой француз, знаток наполеоновской эпохи, блистательно резюмировал состояние духа людей того времени: «В эпоху Консульства все французы словно стали молодыми». Герцог де Брольи написал в своих воспоминаниях: «Эти четыре года, подобно десяти годам правления Генриха IV, являют собой самую лучшую, самую благородную часть истории Франции»^[176].

Ясно, что политический авторитет Бонапарта в этой ситуации стал столь велик, что, несмотря на республиканские институты, он получил практически неограниченные властные полномочия. Был проведен плебисцит по поводу передачи ему власти пожизненно. Его результатами было 3 568 885 «за» и 8374 «против». Сенатским декретом от 14 термидора X г. (2 августа 1802 г.) на основе плебисцита Наполеон Бонапарт был провозглашен пожизненным консулом. А через два дня, 4 августа 1802 г., «органическим сенатус-консультом» (сенатским разъяснением конституции) была принята новая конституция, вошедшая в историю под названием конституции X г. Она фактически учреждала власть, близкую по своей сути к монархической. Бонапарт отныне был не только пожизненным консулом, но и имел право представить сенату своего преемника.

Так, буквально за несколько лет изменилась вся Франция. А события, произошедшие в 1802 г., и прежде всего мир, пришедший на землю Европы, не только не ослабили, а, наоборот, укрепили власть первого консула. Бонапарт выдвинулся за счет войны, но именно мир привел его к подножию трона. Резюмируя то, что он сделал в этот исторически удивительно короткий промежуток времени, лучше всего можно сказать словами самого Наполеона, написанными на острове Святой Елены: «Я засыпал бездну анархии и положил конец хаосу. Я очистил от грязи Революцию... Я дал возможность развиваться всем соревнованиям. Я вознаградил все заслуги и раздвинул пределы славы...»^[177]

Разумеется, внешнеполитические проблемы не были забыты первым консулом. Он все так же стремился к установлению дружественных связей с Россией. Ради этого он не пренебрегал никакими средствами и старался, чтобы ничто не могло нарушить добрых, как ему казалось, отношений с этой страной. В инструкции Талейрану Бонапарт распорядился даже проконтролировать, чтобы в печати не упоминалось название Польши как государства, чтобы не дай бог каким-то образом не обидеть Россию. Осенью 1801 г. первый консул направил в Петербург нового временного посланника, который пробыл в русской столице до августа 1802 г.

Этим человеком стал молодой блистательный офицер Арман де Колен-кур. В выборе посланника прослеживается очевидное желание произвести положительное впечатление на императорский двор и петербургское общество. Арман де Коленкур происходил из древней дворянской семьи, его предок уже в 1205 г. был одним из знаменитых героев Четвертого крестового похода. Дед и отец Армана были генералами королевской армии. С этой точки зрения никто не мог бы упрекнуть французского посланника, что он безродная выскочка, недостойный сидеть за столом с боярами. Коленкур к тому же был молод: ему исполнилось 29 лет, когда он прибыл в Петербург, и, следовательно, он был почти ровесником царя. Наконец, посланник был высок, красив, прекрасно умел танцевать и был очень любезен, а это в дипломатической деятельности далеко не последние качества. Сверх того, Арман де Коленкур был отважным воином. В последнюю кампанию (1800 г.) он сражался в рядах Рейнской армии и во главе 2-го карабинерского полка, элитной кавалерийской части, покрыл себя славой. Впрочем, у Коленкура был один «недостаток» – для посла он был слишком честен и наивен. Последнее качество тоже немаловажный фактор, показывающий отношение Бонапарта к России. В Петербург он направил не хитрого, прожженного дипломатического агента, умелого официального шпиона, а благородного, красивого душой и телом человека, который должен был расположить к себе царя и петербургский свет.

Инструкции, данные посланнику, резко контрастируют с наставлениями, которыми царь снабдил Моркова. Они очень короткие и сводятся фактически к одной фразе: «...вы постараетесь выразить ему [Александрю. – *Примеч. авт.*] от имени первого консула твердое намерение французского правительства культивировать добрую гармонию и дружественные связи, которые счастливо установлены между двумя государствами»^[178].

Александр встретил французского посланца со своей любезной улыбкой и заявил ему, что он очень хочет установления дружественных связей между государствами и «ничего не желает большего, чем сделать их вечными и более крепкими, что он очень привязан к первому консулу и всегда с большим удовольствием видит тех людей, которых он

посылает»^[179]. Царь направил также в адрес Бонапарта письмо, наполненное любезными фразами.

Увы, действия царя совершенно не соответствовали его словам. В начале 1802 г. граф Морков был официально аккредитован как полномочный посол России во Французской республике. Из того, что уже ранее упоминалось, можно легко понять, что весь внешний и внутренний облик русского посла был словно специально подобран, чтобы вернее испортить отношения между странами. Вообще, создается такое впечатление, что подобного человека можно было послать разве что с провокационными целями. С первого дня своего пребывания в Париже Аркадий Иванович сделал все для того, чтобы отрицательный настрой царя по отношению к Бонапарту перерос в настоящую ненависть. Совершенно непонятно, как посол, попавший в страну, в которой происходили гигантские позитивные сдвиги, не увидел и не услышал ничего другого, кроме брюзжания старух, вернувшихся из эмиграции.

В его донесениях все описано только в черном цвете: «Положение [Бонапарта. – *Примеч. авт.*] непрочное. Его власть еще менее надежна после двух лет узурпации, чем в первый день... революция тяготеет всей своей тяжестью, и его положение становится с каждым днем все более тяжелым... короли, которые страшатся, как бы стабильность власти узурпатора не стала опасным примером для всех народов, являются первой причиной прочности его власти, так как они обращаются с Бонапартом со слишком большим уважением... удивительная легкость, с которой он потерял свою популярность, которую дало ему подписание предварительных условий с Англией, ясно показывает тому, кто знает революцию, что есть план погубить его... считают, что конец амьенского конгресса будет тем пределом, после которого партия философов и республиканцев не даст ему более пощады... Кроме лживости и высокомерия, ставших с некоторого времени его [французского кабинета. – *Примеч. авт.*] колей, он подвержен вечной переменчивости в мыслях, которые внушаются часто капризом и произволом, составляющими характер главного правителя»^[180] и т. д.

«Нужно признать, что выбор графа Моркова никак не способствовал тому, чтобы скрепить согласие между двумя правительствами... – вспоминал князь Чарторыйский. – Он [Морков. – *Примеч. авт.*] избрал для себя язык и напыщенность старого версальского двора, добавив к ним много высокомерия. В его поведении не было ни вежливости, ни приветливости. Он прекрасно говорил по-французски, но его речь была почти всегда резкой, жесткой и неприятной, в ней не было ни грамма чувства. И этого дипломата... Россия послала Бонапарту, чтобы оставаться в дружественных отношениях с ним»^[181].

Морков не довольствовался постоянной бранью в адрес Бонапарта в своих рапортах. Он старательно посещал всех тех, кто мог быть оппозиционно настроен к существующей власти во Франции и чуть что – бежал с жалобами к английскому послу. В разговорах с дипломатами, аккредитованными в Париже, он не прекращал чернить первого консула и в начале 1802 г. перешел все рамки дипломатических приличий. В это время в Европе пронесся слух, что Морков чуть ли не участвовал в заговоре против Бонапарта. В январе 1802 г. парижская полиция задержала некоего Шарля Фулью, который был изобличен в том, что писал провокационные антиправительственные памфлеты. На допросе 10 января Фулью сознался в том, что эти памфлеты он писал по заказу русского посла. Вот фрагмент протокола допроса парижской полиции:

«– Кому вы отдавали их [памфлеты. – *Примеч. авт.*]?

– Господину графу Моркову.

– В этих листах нет ничего, кроме клеветы на первые правительственные лица и гнусных истолкований всех действий французского правительства: что могло заставить вас составлять их для иностранного посланника?

– Я составлял их, как требовал господин Морков...

– Объяснял ли он вам, какой смысл хотел видеть в издании?

– Да, тот смысл, в котором написан листок...

– Какое жалование платил он вам?

– Он дал мне всего лишь 600 ливров. Но, по правде говоря, обещал через известный срок хорошее вознаграждение...

– Как вам показалось, считает ли он далеким время принудительного принятия нового порядка вещей [антиправительственный переворот. – *Примеч. авт.*] и на что он рассчитывал?

– Время не определялось. Но он надеялся и рассчитывал на возможное несчастье с первым консулом, или на противоречия между верховными учреждениями и государственным советом, или на решительный разлад между генералами и первым консулом, или на недовольство уволенных в отставку офицеров, или на истощение казны... что, по его мнению, весьма недалеко»^[182].

Как ни странно, не желая портить отношения с Россией, Бонапарт сделал вид, что не заметил «неординарного» поведения русского посла. Более того, Морков получил от имени первого консула дорогой подарок в благодарность за работу по заключению мирного договора! Посол докладывал в Петербург, что Талейран передал ему украшение в виде оливковой ветви, усыпанной алмазами. Ювелиры заявили, что готовы заплатить за него 199 800 ливров^[183].

Впрочем, совсем оставить без последствий выходку Моркова было невозможно. И в своем письме от 16 февраля 1802 г. Бонапарт в мягкой форме позволил себе коснуться поведения Аркадия Ивановича. В самом конце письма, где в очередной раз первый консул подчеркивал выгоды русско-французской дружбы, он поместил короткое замечание: «Я прошу Ваше Величество не очень доверять разным тайным и поспешно составленным бюллетеням, которые могут послать Вам второстепенные агенты и которые могут послужить источником дурных слухов в Европе о положении во Франции»^[184].

Как всегда, ответ Александра словно был заключен на различных уровнях – он говорил одно, писал другое, думал третье, а делал четвертое. В разговоре с Коленкуром царь воскликнул: «Я слышал, что некоторые делают глупости. Черт возьми! Если я получу об этом точные сведения, я примерно накажу виновного и не потерплю, чтобы делали гнусности от моего имени»^[185]. Эта фраза была предназначена для благородного и честного офицера, без сомнения, чтобы показать ему, что Александр так же прям и честен, как он.

Что же касается главы правительства, ответ царя, направленный на его имя, был несколько иным. Он взял своего посла под защиту: «...я не придаю никакого значения тому, что могут делать ничтожные памфлетисты, которые никак не связаны с правительством, потому я и не придаю значения обвинениям, которые были возведены на графа Моркова. Этот официальный представитель слишком хорошо знает мое стремление развивать и укреплять полнейшее согласие с Францией, и поэтому невозможно, чтобы он решился потворствовать чему-либо противному интересам и планам его правительства»^[186].

Наконец, для внутреннего, так сказать, употребления, Александр лишь очень мягко упрекнул своего посла за общение с памфлетистом. Зато буквально за несколько дней до этого выразил ему свое полное доверие и поддержку: «Донесения ваши оправдывают в полной мере доверенность, которую имею я к деятельности и искусству вашему в делах. Ободряя все подвиги ваши (!!), нужным почитаю войти здесь в некоторые изъяснения для дальнейшего вашего руководства...»^[187] Не прекращал царь высказывать доверие Моркову и впоследствии.

Конечно, позиция Александра не могла полностью ускользнуть от пронизательности Бонапарта. Отправляя в Петербург своего нового представителя, на этот раз полномочного посла, генерала Эдувиля, первый консул написал в инструкции: «Необходимо предвидеть, что в Петербурге существует влиятельная группировка, которая думает лишь о том, как укрепить связь России с Австрией и Англией в ущерб связям с Францией и Пруссией. Быть может, господин Морков является двигателем этих сил, что объясняет непристойность его поведения в Париже». Впрочем, Бонапарт, очевидно, не придавал этому пока большого значения: «Но существует столько общих интересов, которые должны связывать Францию и Россию, что вам будет легко победить противное течение и с каждым днем способствовать

все большему единению наших стран». Первый консул оптимистично заявлял: «Вы должны ожидать в России наилучшего приема»^[188].

Эдувиля прибыл в Петербург 8 апреля 1802 г. и совершил торжественный въезд в столицу «с целой колонией сотрудников». Этот генерал не обладал родословной графа де Коленкура, тем не менее «производил выгодное впечатление отменной вежливостью, блестящей представительностью француза и наполеоновского генерала с придатком величавой выдержки благоразумия, которая намекала на близость монархического переворота во Франции»^[189]. Современники отмечали подчеркнутую сдержанность этого генерала: «Выбрав посла, поведение которого было благодушным, каким-то округлым, можно даже сказать, скучным, французское правительство, возможно, желало успокоить умы тех, чьей дружбы оно желало»^[190]. Что же касается самого Эдувиля, то он, уже словно по заведенному сценарию, в первом же своем послании от 19 апреля так написал об Александре: «Этот монарх является одним из красивейших людей своей империи, а на его лице написана доброта и доброжелательность»^[191].

Внешне отношения между Францией и Россией в это время соответствовали облику генерала Эдувиля. Казалось, что ничего существенного не происходит: «Насколько я помню, – писал Чарторыйский, – это был обмен ничего не значащими посланиями, поток пустых фраз, которые можно было свести к одному общему пожеланию – будем оставаться спокойными, будем избегать всяких затруднений и конфликтов»^[192]. На самом деле, спокойствие было только внешним, и если с виду отношения между Францией и Россией были достаточно ровными, в душе Александра происходили процессы, которым суждено будет нарушить это размеренное течение событий.

В июне 1802 г. Александр I встретился в городе Мемель с прусским королем Фридрихом Вильгельмом III и его супругой – королевой Луизой. От отца у Александра осталось, пожалуй, одно только качество – это любовь к прусской военной выправке, прусскому стилю мундиров и военным экзерцициям. В течение недели королевская чета ничего не жалела, чтобы царь мог вдоволь насладиться подобными зрелищами – парады, смотры следовали один за другим и сменялись непрекращающимися торжественными приемами и балами. Подобная встреча не должна удивлять, дело в том, что в это время в Европе активно обсуждался вопрос компенсации немецким князьям за потерянные ими владения на левом берегу Рейна. Главными арбитрами этих долгих и непростых переговоров были Россия и Франция. Так как Пруссия также потеряла ряд своих земель, она желала компенсаций, и, забегая вперед, нужно сказать, что она получит их с лихвой.

Вполне понятно, что королевская чета пыталась задобрить того, от кого зависело будущее Пруссии. В ход были пущены все козыри и самый главный – красота прусской королевы. Действительно, белокурая Луиза была неотразима. Ей было 26 лет, она была изысканна, грациозна и с первого взгляда влюбилась в Александра. «Я никогда не видела Альп, – писала она своему брату, – зато я видела множество людей, и мне посчастливилось встретить одного человека в полном смысле этого слова»^[193]. Александр обожал подобную игру. Хотя у него не было намерений оказаться на ложе прекрасной королевы, но ему нравилась эта кокетливая игра в любовь. Он тоже изобразил влюбленность и смотрел на Луизу грустными, томными глазами. «Бедняжка, он совершенно покорен и околдован королевой», – вздохнула, очевидно, записывая в своем дневнике, графиня Фосс. Впрочем, одному из своих «молодых друзей» император поведал, что он закрывал на ночь свою спальню на два оборота ключа на всякий случай, чтобы восторженная красавица не прервала случайно своей пылкой страстью платоническую идиллию.

Несмотря на несколько комичный характер всей этой интриги, мемельская встреча сыграла огромную роль в дальнейших политических событиях. Если до нее Россия ориентировалась прежде всего на Австрию и Англию, то с июня 1802 г. царь станет ярким сторонником еще и прусского союза. С другой стороны, если Пруссия поддерживала в первые годы консульства Бонапарта профранцузскую ориентацию в своей политике, то

после встречи в Мемеле прусская королевская чета все больше начала смотреть в сторону России.

Интересно, что любовь к Пруссии была поистине персональным чувством Александра. Правящие круги России привыкли ориентироваться скорее на Австрию, а в головах русских сановников были еще живы воспоминания о старых спорах с державой Фридриха II. Великий князь Константин Павлович, который всегда славился своей резкостью и прямыми высказываниями, воскликнул, обращаясь к Эдувилю: «Ненавижу пруссаков. Я охотно подрался бы с ними – в этом я настоящий русский»^[194].

Тем не менее в вопросе о компенсации германским князьям Россия заняла весьма благожелательную позицию по отношению к Пруссии. Обсуждение этого вопроса официально началось в августе 1802 г. на сейме властителей немецких государств в Регенсбурге. Однако куда больше эти вопросы решались в приемной Талейрана и в кабинете царя в Зимнем дворце. Дело было безнадежно запутанным, ибо речь шла о перекраивании карт сотен «государств».

Бкратце его суть такова: властители немецких земель, которые потеряли свои владения на левом берегу Рейна, должны были получить компенсацию за эту потерю на территории Германии. Но где взять землю и подданных для нищих и жадных царьков? Вопрос был решен очень просто – за все должна была заплатить церковь. На территории Германии было огромное количество земель, принадлежавших церкви: архиепископства, епископства, аббатства, при этом они были независимыми государствами. Некоторые из этих «государств» представляли собой монастырь и одну деревню, другие были обширными феодальными владениями. Вот этими землями, а также «вольными городами» и должны были получить компенсацию немецкие князья.

Можно себе представить, какие интриги и «политические» бури разгорелись вокруг этого вопроса. Ведь речь шла о богатых владениях и миллионах в звонкой монете! Для министра иностранных дел Талейрана это был поистине звездный час – ведь князья не только мешали ему работать своими глупыми просьбами, но и самые сметливые из них подтверждали эти просьбы вескими аргументами. Злые языки утверждали, что некоторые умудрялись умело «забыть» на столе блистательного, но алчного министра увесистые табакерки, наполненные золотом.

Благородный Александр, конечно, не интересовался вульгарными взятками. Зато он с каким-то неистовым усердием занялся урегулированием этого вопроса и погрузился в «лабиринт бестолковых мелочей германской конституции». Кажется, что германские дела занимали царя больше, чем что-либо другое в этот период времени. Здесь, в отличие от непробиваемых трудностей внутренней политики России, Александр чувствовал себя на коне, блистательно ориентируясь среди огромной толпы двоюродных братьев, дядей, племянников и шуринов.

Действительно, не стоит забывать, что связи по крови царя с русским народом были весьма относительными, зато с Германией – несомненными. Дед Александра I, Петр III, как известно, был урожденный герцог Гольштейн-Готторпский, его бабка – урожденная княжна Ангальт-Цербстская, мать – урожденная принцесса Вюртемберг-Штутгартская, в общем, царь был по крови русским только на 1/16. Это, конечно, не очень важно, можно родиться немцем, но быть русским патриотом. Однако матримониальные связи накладывали все же неизгладимый отпечаток на повадки Александра. Сам он, как известно, был женат на Луизе-Марии-Августе, принцессе Баден-Баденской (в замужестве приняла русское имя Елизавета... почему-то Алексеевна, хотя отца ее звали Карл-Людвиг).

У Александра было трое братьев и шестеро сестер. Следующий по старшинству за Александром брат Константин был женат на принцессе Саксен-Заафельд-Кобургской, Николай женился на принцессе Прусской, дочери Фридриха-Вильгельма III, Михаил женился на Елене, принцессе Вюртембергской. Сестры (за исключением Ольги, умершей в возрасте трех лет): Александра вышла замуж за Иосифа, эрцгерцога Австрийского, Елена – за Фридриха-Людвига Мекленбург-Шверинского, Мария – за Карла-Фридриха

Саксен-Веймарского, Екатерина – первым браком за Георга-Петера Гольштейн-Готторп-Ольденбургского, а вторым – за Фридриха-Вильгельма Вюртембергского и, наконец, Анна выйдет замуж за Вильгельма II Нидерландского... Вот такая простая русская семья!

Конечно же, нельзя было обидеть родственников, особенно, как поймет любой читатель, не стоило обижать тещу, да и дядьям надо было оказать почтение. Следовательно, Баден и Вюртемберг оказались в особенном почете. Не была забыта и возлюбленная, и потому Россия настойчиво принялась защищать обделенную, несчастную маленькую Пруссию... В этом дележе были нарушены основные принципы русской политики: сохранять в Германии достаточное количество противовесов крупным германским государствам. Нужно сказать, что и французские политики также обычно следовали этому принципу.

После длительного торга, который длился почти два года (до открытия сейма в Регенсбурге и во время его работы), удалось в итоге прийти к соглашению. Правда, оказалось, что некоторых мелких князей некуда было девать, но они не состояли в родственной связи с Александром. Да и к Талейрану, видимо, не смогли найти верный подход. И поэтому их судьба особенно никого не беспокоила, и уж меньше всего немецкий народ.

На заседании имперской депутации, собравшейся 25 февраля 1803 г., был принят план компенсации, предложенный «посредниками»: Россией и Францией. Постановление было одобрено сеймом 24 марта и утверждено императором Францем 27 апреля 1803 г. Этот важный документ вошел в историю под названием «Имперский рецесс (протокол)», или кратко, на доступном всем языке: Reichsdeputationshauptschluss. В соответствии с ним карта Германии стала значительно проще. Упразднилось 112 относительно значимых государств: три электорства, 20 епископств, 44 аббатства, 45 вольных городов. Одновременно исчезли все «вольные» деревни. Около 3 млн человек сменили одного князя на другого. Только шесть имперских городов сохранили свою самостоятельность: Аугсбург, Нюрнберг, Франкфурт, Гамбург, Бремен и Любек.

За счет этих земель были увеличены размеры более значимых государств. Больше всего получила Пруссия. Она потеряла на левом берегу Рейна 127 тыс. подданных, а взамен получила более полумиллиона! Причем это были уже не изолированные, далекие территории, а земли, прямо прилегающие к Пруссии. Но, пожалуй, больше всего досталось Бадену. Герцогство приобрело 240 тыс. подданных, а лишилось только 30 тыс., причем среди вновь приобретенных территорий был Гейдельберг с его всемирно известным университетом и крупные города, такие как Мангейм и Биберах. Ясно, что не остался в стороне и Вюртемберг, который получил тысячи новых подданных. Нетрудно догадаться, почему эти государства оказались в столь привилегированном положении. Что касается Баварии, ситуация здесь была другая. Эта страна была старым союзником Франции и также получила щедрые вознаграждения за свои потери, уступив 700 тыс. подданных, она получила 900 тыс. новых.

«Имперский рецесс» был, увы, не просто гигантским торгом. В Германии на место распыленных феодальных владений пришли значительно окрепшие государства. Особенно бросалось в глаза усиление Пруссии. Подобные изменения открывали дорогу к процессу, который ни Россия, ни Франция уже не будут контролировать. Желая любой ценой сохранить для Франции левый берег Рейна и одновременно сделать приятное родственникам царя, Бонапарт, сам, конечно, того не подозревая, бросил семена, давшие всходы значительно позднее. Также, конечно, и Александр догадаться не мог, что «Имперский рецесс» положит начало объединению Германии и сделает действительно жизненно необходимым русско-французский союз. Но это будет уже другая история...

Если, перекраивая карту Германии, Бонапарт действовал в тесном содружестве с Александром, то в Италии он распоряжался вполне самостоятельно. В начале 1802 г. по его инициативе в Лионе собрались депутаты от Цизальпийской республики. На торжественной ассамблее 26 января Бонапарт обратился к ним с речью на итальянском языке:

«Цизальпийская республика, признанная по Кампо-Формийскому миру, пережила с тех пор много потрясений... Захваченная вражескими армиями, она, кажется, должна была исчезнуть с лица земли, но французский народ силой оружия снова прогнал ваших врагов с вашей территории... Представители шести разных народов [шести бывших мелких государств, которые были объединены в одну республику. – *Примеч. авт.*], вы объединитесь под сенью одной конституции... У вас были только местные законы, теперь у вас будут законы, общие для всех. У вашего народа были только местные традиции, нужно теперь, чтобы у вас появились национальные традиции...»^[195]

После речи Бонапарта, которая была встречена бурными рукоплесканиями, на трибуну поднялся один из депутатов, который должен был зачитать текст конституции. Начиная свое выступление, он медленно произнес слова: «Конституция республики...» и сделал паузу. Зал не дал произнести ему слово «Цизальпийской», в едином порыве депутаты закричали: «Итальянской!». Все посмотрели на Бонапарта, он секунду подумал и кивнул. Так состоялось рождение Итальянской республики. Ее первым президентом единогласно был избран Наполеон Бонапарт, а вице-президентом – известный либеральный политический деятель и патриот Франческо Мельци.

Итальянские государства. 1802 г.

События, произошедшие в Лионе, получили название «Лионская консульта». Разумеется, новая республика была вассальным от Франции государством. У нее не было самостоятельной политики, и ее ресурсы отныне служили планам первого консула. Тем не менее нельзя не отметить, что гордое имя Итальянская только одним фактом своего существования открыло новую эпоху в истории. Именно республика, созданная по воле

Бонапарта, послужила основой для будущего объединения страны. В ней зародились истоки движения Рисорджименто, и ее офицеры и солдаты станут после гибели наполеоновского государства борцами за свободу Италии. Знаменитый поэт Розетти написал: «В этом необыкновенном человеке, который был нашим победителем, Италия увидела своего сына. Его великая душа, воссиявшая в мире, родилась от искры итальянского солнца»^[196].

Впрочем, «великая душа» не ограничилась созданием Итальянской республики на Апеннинском полуострове. 11 сентября 1802 г. было принято решение об аннексии Пьемонта. Де-факто это мало что меняло в положении провинции. Уже с весны 1801 г. Пьемонт управлялся из Парижа, пьемонтские войска были влиты в ряды французской армии, а молодежь подлежала отныне призыву на службу в войска наравне с французами. Однако изменение юридического статуса означало конец даже последних смутных сомнений по поводу возможности возвращения сардинского короля в свои владения. В самом Пьемонте его присоединение к Франции было воспринято почти что без эмоций. Зато при европейских дворах и, прежде всего, в Санкт-Петербурге этот акт Бонапарта вызвал бурю негодования.

Прочно укрепившись в Италии, Бонапарт не позабыл и о Швейцарии. Здесь не утихла ожесточенная политическая борьба. С одной стороны так называемые федералисты, сторонники независимости друг от друга отдельных регионов (кантонов) и олигархии, с другой стороны «унитаристы», сторонники единства страны (отныне называемой Гельветической республикой) и либерального правления. Федералистов поддерживали Англия и Австрия, «унитаристов» – Франция. После разгрома Второй коалиции французы снова заняли Швейцарию и, естественно, подержали своих сторонников.

Когда в июле 1802 г. французская армия покинула страну, там снова разгорелась гражданская война. Тогда по приказу Бонапарта в октябре 1802 г. войска под командованием Нея опять вступили в Швейцарию. Порядок был быстро наведен, и Бонапарт решил собрать в Париже представителей от обеих враждующих группировок. 19 февраля 1803 г. в Париже был подписан так называемый Акт о посредничестве. Фактически это была конституция страны, которая сохраняет свое значение и поныне. Конституция была умелым компромиссом между враждующими партиями. «Учредить единое представительное правление для всей Швейцарии, – заявил первый консул, – это означает урезать свободу мелких кантонов, которые всегда управлялись демократически... С другой стороны, учредить демократию в богатых кантонах, например в Берне, означает желать невозможного и подвергаться риску вызвать в стране смуту. Поэтому необходимы различные виды правления для этой столь разнообразной страны»^[197].

Швейцария получила название Гельветической конфедерации. Формально она сохраняла полную независимость от Франции, однако Бонапарт в недвусмысленной форме заявил депутатам, что не потерпит присутствия на территории их страны вражеских войск: «Что касается англичан, им нечего делать в Швейцарии. Я не потерплю, чтобы она стала новым островом Гернеси [маленький остров у берегов Франции, принадлежащий англичанам. – *Примеч. авт.*] на наших границах»^[198]. Гельветическая конфедерация заключила с Францией союз на 50 лет и, кроме того, возобновляя традицию эпохи старого порядка, обязалась выставить для службы Франции воинский контингент из четырех пехотных полков с артиллерией (всего 16 тыс. человек). Этот контингент оплачивался за счет французского Военного министерства и проходил службу на особых условиях. Швейцарцы скрупулезно выполняют условия договора и, оставаясь независимыми в своих внутренних делах, будут неукоснительно поддерживать союз с Францией, а швейцарские солдаты – верно и преданно сражаться на всех полях битв, вплоть до самого падения империи Наполеона.

Оценивая произошедшее в 1802 г. в Европе, справедливо задать вопрос: насколько действия Бонапарта мотивировались политической необходимостью? Существует точка зрения, что именно действия французов в Швейцарии, а также присоединение Пьемонта послужили главным толчком к формированию новой коалиции против Франции. Талейран

позже утверждал, что он предостерегал Бонапарта от аннексии Пьемонта и только неумеренная страсть к завоеваниям толкнула первого консула на этот шаг.

Ничего подобного нельзя найти в документах той эпохи. Талейран, как и многие политические деятели республики, был вполне солидарен с Бонапартом в этом вопросе. Выдающиеся историки начала XX в. Аломбер и Колен в своей монументальной публикации, посвященной войне 1805 г., отметили: «Чтобы за хитросплетениями дипломатических интриг понять сущность внешней политики того времени, нельзя терять из виду важнейший фактор... непримиримую враждебность, которую испытывала монархическая и феодальная Европа по отношению к революционной Франции... Эмигранты повсюду при европейских дворах составляли нечто подобное тайному объединению, направленному против своего бывшего отечества... Правительства, наиболее благожелательные [по отношению к Франции. – *Примеч. авт.*], были словно окутаны атмосферой ненависти, от влияния которой сложно было избавиться... Его характер [Наполеона. – *Примеч. авт.*] подталкивал его, без сомнения, к аннексиям... Но нужно учитывать, что он не должен был рассчитывать ни на какую помощь, ни на какую искреннюю объективность и наиболее мудрым, быть может, было обеспечить себя на всякий случай как можно большими ресурсами»^[199].

Бонапарт мыслил часто по-военному, и ему казалось, что оборонительный рубеж дорого стоит лишь тогда, когда обеспечена возможность перейти с него в наступление: если объяснять просто, то в защитной стене должны быть ворота, перед воротами мост, перед мостом предмостные укрепления. Когда-то знаменитый маршал XVII в. Тюренн давал такой совет: «Вы хотите оборонять левый берег Рейна? Ну что ж, тогда перейдите на правый».

В документах того времени нельзя найти никаких планов первого консула покорить Европу, а уж тем более напасть на Россию. Наоборот, все подчеркивает, что именно мир дал Бонапарту самые главные политические козыри. Тем не менее не следует забывать, что молодому герою исполнилось всего лишь 33 года. В Европе опасались его честолюбия, огромной энергии и не на минуту не утихающей бурной деятельности. «Как жаль, что этот человек не имеет хоть чуточку лени!» – однажды метко заметил Талейран. И все же предположения о дальнейших грандиозных захватнических планах Бонапарта относятся лишь к области гипотез. Главной целью первого консула было создание мощного оборонительного пояса вокруг Франции за счет присоединения территорий, которые попали в сферу французского влияния в ходе революционных войн; заключение надежного союза с могущественным государством (прежде всего речь шла о России), наконец, колониальная экспансия. В отношении последней необходимо вспомнить, что на этот путь уже давно встала Англия. И это никак не беспокоило ни Россию, ни Австрию.

Нужно сказать, что общественное мнение России, за исключением, конечно, салонов, где господствовали эмигранты, не слишком переживало из-за усиления Франции. Вот что писал, например, знаменитый журнал того времени «Вестник Европы» под редакцией Карамзина по поводу создания Итальянской республики: «Мысль созвать Консульту в Лионе была уже, как пишут, следствием его намерения, конечно, согласного со благом Итальянской Республики: ибо в самом деле она не могла найти между своими гражданами такого человека, которого имя и характер имели бы право на всеобщее уважение, необходимое для сего великого сана. Если же надлежало искать Президента во Франции, то избрание Бонапарте всего сообразнее с честью и с благодарностью Итальянской Республики; всякое другое оскорбило бы народную гордость ее. Счастье Консула во всех делах служит ей сверх того благоприятным предзнаменованием»^[200].

Если общественное мнение России вполне индифферентно восприняло события в Италии и Швейцарии, в речах и действиях Александра I произошло окончательное формирование резко негативного отношения к первому консулу. Этому способствовали и события личной жизни, о которых упоминалось, и мнимые и реальные опасения, наконец, не последнюю роль сыграла и встреча в Мемеле с прусской королевской четой. Выбор царя окончательно был сделан. Своему воспитателю и другу Лагарпу Александр в августе 1802 г. заявил: «Как и вы, любезный друг, я полностью изменил свое мнение о первом консуле. С того момента, как

было провозглашено пожизненное консульство, маска упала. Теперь дело пойдет все хуже и хуже... он решил подражать европейским дворам, растоптав конституцию своей страны. Теперь это один из самых отъявленных тиранов, которых когда-либо знала история»^[201].

Конечно, провозглашение пожизненного консульства и территориальное расширение Франции могут вызывать споры и разноречивые мнения, однако подобная фраза в устах владельца миллионов крепостных рабов звучала поистине иезуитски! Но противоречия не смущали Александра. Вообще вся его политика, начиная с этого периода, будет пронизана только одной идеей – личная ненависть по отношению к Бонапарту. Все остальное – путаная, противоречивая болтовня то о защите свободы, то о необходимости спасти троны и алтари, то трогательная забота о независимости малых государств, то планы по их аннексии, так как «они не служат... никоим образом для общего благополучия (!!))»^[202].

Внешнеполитическая ориентация царя нашла свое материальное воплощение в сентябре 1802 г., когда впервые в России были созданы министерства. На пост министра иностранных дел был назначен граф Александр Романович Воронцов (брат посла в Лондоне Семена Воронцова), его ближайшим помощником стал князь Чарторыйский. Одновременно Александр Воронцов стал канцлером Российской империи. Нет необходимости пояснять, что А. Р. Воронцов был ярким сторонником проанглийской ориентации русской политики. Подобных же взглядов придерживался и Чарторыйский. Отныне внешняя политика России сосредоточилась в руках тех, кто яро ненавидел Францию и еще больше разжигал враждебное отношение Александра по отношению к первому консулу.

В начале ноября царь написал пространное послание своему послу в Лондоне Семену Воронцову, а на следующий день министр иностранных дел граф Воронцов также написал своему брату. Эти письма от 6 (18) ноября и 7 (19) ноября можно рассматривать как программу русской политики на ближайшее время. Они были ответом на предложение антифранцузского союза, с которым в октябре 1802 г. английское правительство через своего посла в Петербурге Уоррена обратилось к России. Нужно сказать, что министр иностранных дел, несмотря на свою проанглийскую ориентацию, отнесся к предложению союза достаточно сдержанно: «Признаюсь Вам, что к такому предложению я никак приготовлен не был; да и вообще оно кажется весьма рановременно»^[203]. Однако это был вовсе не принципиальный отказ, а лишь указание на то, что Россия пока не готова к войне. В том же письме министр писал, что «интересы России и Англии столько имеют между собой общего, что и без постановления на бумаге они друг друга союзниками считать себя могут»^[204].

Что же касается Александра, то его послание было куда более сильным в выражениях. Царь отмечал с радостью, что «британское министерство заметило наконец, насколько Амьенский договор... удалил континент от Великобритании. Усилия, которые Сент-Джемский кабинет предпримет, чтобы вновь сблизиться с ним, будут мне тем более приятны, что я считаю это совершенно необходимым для поддержания равновесия и общего спокойствия в Европе». Александр опять трогательно заботился о свободе у других: «Участь, угрожающая Швейцарии, может лишь обострить внимание великих держав, а захватнические намерения, проявляемые в отношении ее, не могут не обеспокоить остальные страны Европы. По моему убеждению, каждая свободная страна имеет право избрать себе такой образ правления, который бы соответствовал ее положению, ее территории и обычаям ее жителей»^[205].

Александр восхищался господством английского флота на морях и фактически рекомендовал британцам начать войну на море, как всегда, разумеется, употребляя свои любимые расплывчатые формулировки о гармонии и умеренности: «Она [Англия. – *Примеч. авт.*] имеет в своем распоряжении также другое средство, эффективность которого не может подвергаться сомнению. Я имею в виду ее военно-морские силы. Хотя они и не могут достигнуть самой Швейцарии, однако их развертывание и несколько вовремя проведенных демонстраций непременно побудят французское правительство к умеренности. Англия дала Франции столько доказательств

своего превосходства над ней в этой области, что эффективность подобной меры не может вызывать сомнений»^[206].

И завершал декларацией своего принципиального желания вступить впоследствии в союз с Англией: «Откровенность данного объяснения послужит, как я надеюсь, для короля Англии гарантией того, как сильно я хочу прийти к соглашению с его величеством по данному вопросу, как и по всем другим вопросам, которые могли бы в дальнейшем возникнуть и привести к нарушению равновесия в Европе. Мне не нужно говорить Вам, что все эти предложения и разъяснения, даваемые в ответ на предложения и разъяснения, которые были сделаны здесь английским послом, должны быть сообщены с принятой осмотрительностью и под величайшим секретом»^[207].

Для Александра, любителя туманных, неясных выражений, было сказано уже более чем достаточно. Отныне царь взял курс на войну с Францией.

Глава 5. Why do we go to war?

С мечом в руках – о мире говорить!
Мне даже слово это ненавистно.
Как ад, как все Монтекки, как он сам!

У. Шекспир. Ромео и Джульетта

Вечером 31 декабря 1802 г. весь Париж был залит огнями. Никогда еще столица Франции так весело не праздновала Новый год, как в этот раз. Вообще-то по официальному календарю новый год нужно было бы встречать 1 вандемьера XII г. (24 сентября 1803 г.). Но с возвращением религиозных праздников республиканский календарь постепенно превращался лишь в способ датировать официальные документы. Страна искренне радовалась спокойствию и процветанию, пришедшему после более чем десятилетия войн и потрясений. «Кондитерские и продуктовые лавки, магазины предметов роскоши словно нарядились во все новое. Перед их витринами столпились зеваки... А во всех домах только и думали, что о подарках, которые нужно подарить или которые получили, о детях, которых нужно угостить, о семейном ужине, который нужно приготовить. В ночь с 31-го на 1-е все улицы были заполнены шумной и веселой толпой; вечер первого января был посвящен прежде всего праздникам с домашними...» – записал в своем дневнике известный немецкий музыкант Иоганн Фридрих Рейхардт, посетивший Париж зимой 1802/1803 г. Он же добавляет: «Можете не сомневаться, что все кондитеры ухватились за портрет Бонапарта. Они сделали его из всего, чего только можно, всех мыслимых размеров и украсили его самыми затейливыми рамками. Сходство большей частью было удачным»^[208].

Вместе с парижанами веселились и многочисленные иностранные туристы. Конечно, транспорт той эпохи сильно отличался от современного, и путешествовать за границу могли себе позволить только богатые люди, однако современники отмечают небывалое для того времени количество иностранцев во Франции, прежде всего англичан. Уже упомянутый нами немецкий путешественник написал: «Невозможно сделать шаг по улице, не встретив семьи английских буржуа... Чаше всего толстых, краснолицых, комично одетых, смешно переваливающихся с ноги на ногу, как гуси, или застывших, открыв рот, перед достопримечательностями города. Флегма и самоуверенность этих людей, уверенных в своей "почтенности", представляют собой забавный контраст с живостью французов. Лондонцы, которые никогда еще не покидали свой город и даже свою улицу, поистине непривычное зрелище здесь. Легкость и дешевизна дороги из Лондона в Париж вызвали эту миграцию. За пять гиней, считая все расходы, любой из этих славных лавочников может совершить комфортабельное путешествие... Некоторые эксцентричные туристы совершают блиц-вояжи: они приезжают 15-го числа любого месяца, чтобы увидеть парад с личным

участием первого консула или побывать на большом консульском приеме, и уезжают вечером вне зависимости от того, состоялся ли парад или прием»^[209].

Для многих визитеров посещение Франции было сюрпризом. «Они воображали найти разоренную страну, покрытую кабаками, где роскошные отели и танцевальные сборища соседствуют с игорными домами, где прогуливаются толпы полуголых женщин и разодетых “инкруаяблей”^[210], короче, банду разбойников, прожигающих на оргиях богатства, захваченные у старой Европы. А вместо этого они видели хорошо обработанную землю, многочисленный скот, чистые дома, строящиеся фабрики и повсюду порядок, работа, честный достаток, возвращение обеспеченной жизни... Они воображали встретить Первого консула как удачливого рубаку, выскочку... а вместо этого видели великого государственного деятеля»^[211], – блистательно резюмировал впечатления английских туристов от Франции выдающийся классик исторической науки Сорель.

Среди посетивших Францию англичан был и знаменитый лидер партии вигов Джеймс Фокс. Он был принят на ужин Бонапартом и, как многие, кто встретил лично первого консула, остался под впечатлением от этого свидания. Фокс с уверенностью заявил после этой встречи, что у него нет сомнений по поводу искренности Бонапарта и его желания сохранить мир.

Увы, несмотря на энтузиазм, который вызвало в Англии подписание Амьенского договора, и на дружеские визиты, мир между странами был непрочным. С первых месяцев его подписания английские купцы отметили значительное уменьшение прибыли от морской торговли. В 1801 г. Англия вывезла на экспорт 1 958 000 тонн различных товаров. В 1802 г. эта цифра упала до 1 895 000 тонн, а в 1803 г. до 1 789 000. Надежды на доходы от нового обширного французского рынка не оправдались. В начале 1803 г. во Франции был введен жесткий налоговый тариф, который особенно ударил по продукции текстильной промышленности, являвшейся, как известно, одной из главных составляющих английской индустрии^[212]. Бонапарт, желая жить в мире с Англией, заботился прежде всего о развитии французской промышленности и совершенно не желал широко открывать двери дешевым английским товарам. Более того, Франция активно завоевывала новые рынки для себя. Французские товары отныне все больше продавались в Испании и даже в Португалии, которая всегда рассматривалась как чуть ли не вассальная Англии страна, появилась продукция французских фабрик, прежде всего французское сукно. С другой стороны, мир позволил французам беспрепятственно ввозить товары из колоний. В Париже сахар, какао и кофе подешевели чуть ли не вдвое. Бонапарт нисколько не скрывал своих колониальных амбиций. Французы снова заняли Мартинику и Гваделупу, а на Сан-Доминго, где негры восстали против плантаторов, была послана мощная военная экспедиция под руководством генерала Леклерка. Двадцатитрехтысячная армия на борту огромной эскадры двинулась к острову, которым овладели восставшие под руководством Туссен-Лувертюра.

Бурное развитие французской промышленности, нежелание Бонапарта допускать на французский рынок английскую продукцию, наконец, французская колониальная экспансия и огромное усиление Франции на континенте – все это не могло не обеспокоить английскую буржуазию. В течение более чем столетия Англия была фактически одной мощной капиталистической державой в мире. Английские купцы и промышленники привыкли к тому, что у них не было опасных соперников. Везде английские дешевые и высококачественные товары легко подавляли конкуренцию слабо развитых мануфактур феодально-монархических стран. Так было, в частности, и в России, которая фактически превратилась в сырьевой придаток для английской индустрии.

И вот в Европе появилось большое государство, где глобальные социальные изменения привели к появлению рыночной экономики. Более того, Франция стала не только страной с многомиллионным населением, мощной армией, освобожденным от пут феодализма сельским хозяйством, бурно развивающейся промышленностью, но и одновременно она стала страной поистине самой передовой науки. Те, кто хоть когда-нибудь занимался высшей математикой, конечно, знают имена Лагранжа, Монжа, Карно и Лапласа; фамилии

Гей-Люссака, Кулона, Ампера, Вольта, Френеля не могут не знать физики; Бертолле, Фуркруа и Шапталъ оставили глубокий след в истории химии; Ламарк, Жоффруа Сент-Илер и Кювье поистине золотыми буквами записаны в истории биологии – и все это ученые наполеоновской Франции. Быть может, никогда ни одна страна в мире не видела такого гигантского скачка в развитии науки, какой пережила Франция в эту эпоху. И это тоже никак не следует сбрасывать со счетов. Отныне она располагала таким огромным потенциалом для победы в мирном соревновании с Англией, какой и присниться не мог Франции старого порядка.

Обычно принято писать, что английское правительство было очень сильно обеспокоено аннексией Пьемонта и посредничеством Бонапарта в швейцарских делах. Это, конечно, так, но и не совсем так. На самом деле главной причиной раздражения английских правящих кругов был страх потерять безраздельное экономическое лидерство, потерять свои барыши. Франция, выйдя из горнила революции, стала столь процветающей и богатой, что это больше пугало английских банкиров, чем пушки наполеоновской армии. Британские олигархи больше боялись мира, чем войны. Крокодиловы слезы по поводу независимости Швейцарии или Италии не более соответствовали действительности, чем демагогия о защите демократии со стороны известного всем государству в наше время. Мир приведет Англию к полному разорению – провозглашали сторонники Питта и Кэннинга.

Ясно, что мир в таких условиях не мог быть прочным, и достаточно было одной искры для того, чтобы вызвать взрыв. А таких искр, сыпавшихся со всех сторон на пороховую бочку англо-французских отношений, было предостаточно. В то время как Бонапарт отправил в Лондон в качестве посла генерала Андреосси, человека покладистого и положительно относящегося к Англии, выбор английского правительства был прямо противоположным.

Первый министр Аддингтон, желая сделать жест в сторону непримиримых тори и подчеркнуть, что, несмотря на заключение мира, он бдителен по отношению к Франции, назначил в качестве посла в Париже небезызвестного нам лорда Уитворта. Уже сам этот выбор заставил Бонапарта изумиться – ведь новый посланник был причастен к организации убийства Павла I! Уитворт был известен в Англии как ярый противник подписания Амьенского договора, а его отвращение по отношению к Франции было, по выражению современников, настоящей «патологией». Вдобавок английский посланник был женат на герцогине Дорсет – женщине, имевшей гигантский персональный доход, спесивой аристократке, которая даже в Лондоне слыла кичливой и высокомерной.

«У него была жена, герцогиня Дорсет, уродливая, старая и такая вредная, что она обратила в бегство весь город, – вспоминала в своих мемуарах мадам д'Абрантес. – Посудите сами, как она выполняла функцию жены посла, которая должна воплощать в себе согласие, мир и благодущие. Нет, воспоминания о ней меня никогда не покинут. Что особенно непростительно, это ее глупая наглость и вульгарное поведение в сочетании с претензиями на аристократизм»^[213]. Эта замечательная чета составила отличную компанию Аркадию Ивановичу Моркову, поражая всех бестактностью и враждебностью к стране, где они оказались. Рапорты Уитворта также были под стать рапортам Моркова. Так, английский посол писал, что во Франции «поведение первого консула решительно порицают девять из десяти человек»^[214], что он вынашивает проекты захватить Египет и т. д.

Одновременно в прессе развернулась активная антифранцузская кампания. Так, *Morning Post* от 1 февраля 1803 г. описывала события, произошедшие во Франции, как «насильственную узурпацию собственности богатых людей бандитами и висельниками», а самого первого консула как «существо, которое невозможно классифицировать, – полуевропеец, полуафриканец – нечто вроде средиземноморского мулата (!)»^[215]. Уильям Виндхэм, выступая в Палате общин, заявил, что французы отменили брак и превратили свою страну во всемирный бордель – теперь, используя мир, они сделают это и в Англии. Лорд Гренвиль описывал Бонапарта как тигра, готового поглотить человечество, и его правительство – как банду разбойников. А Мальсбери писал о Бонапарте, что он – это

«якобинский вождь, добившийся своей цели и осуществляющий абсолютную власть, которой он добился в качестве якобинца».

Особенно усердствовала эмигрантская пресса. Некто Пельтье выпускал в Лондоне газету, в которой осыпал Бонапарта всеми возможными оскорблениями: «жалкий прихвостень Барраса, палач Александрии, изверг Каира, авантюрист, шарлатан, вожак разбойников, узурпатор, убийца, тиран», а в одном из номеров редактор призывал к физическому устранению главы французского правительства. Пельтье в своих газетах перешел все рамки приличий, и даже английские власти вынуждены были отреагировать на его публикации. Зато газету «Таймс» бульварным листком никак нельзя было назвать. Она была близка к правительственным кругам. В начале 1803 г. в ней были опубликованы длинные цитаты из «Истории британской экспедиции в Египте» сэра Роберта Вильсона, где Бонапарт описывался как существо, упивающееся кровью. Согласно газете, он распорядился дать смертельную дозу опиума 580 солдатам, лежавшим в госпитале в Яффе.

В ответ 30 января 1803 г. в официозной французской газете *Le Moniteur* был опубликован отчет полковника Себастиани, вернувшегося из дипломатической миссии на Ближний Восток. Свой рапорт Себастиани представил первому консулу за несколько дней до этого. Бравый офицер, в будущем знаменитый кавалерийский генерал, известный своей бесшабашной отвагой, в вольном стиле описал политическую ситуацию на Ближнем Востоке и особенно в Египте. Там, по его мнению, все только и ждут появления французов. И, делая вывод, Себастиани по-кавалерийски лихо отрубил: «6000 французов сегодня достаточно, чтобы овладеть Египтом». Распорядившись опубликовать этот весьма недипломатично составленный документ, первый консул хотел припугнуть англичан. Он надеялся, что британское правительство задумается над опасностью разрыва Амьенского мира и воспримет рапорт Себастиани как предупреждение. Но Бонапарт плохо знал Англию. Публикация в «Монитере» вызвала не только резкую реакцию английского правительства, но и взрыв негодования среди широких слоев английского населения. Теперь конфронтация стала как никогда более заметной.

Именно в эти дни накалятся споры вокруг Мальты, сыгравшие огромную роль в европейской политике. Поэтому мальтийский вопрос, вокруг которого разгорелись споры между Англией, Францией и Россией, заслуживает подробного изложения.

Для начала необходимо пояснить, почему этот небольшой остров в Средиземном море вызвал отчаянные споры за него. Тот, кто хоть раз видел Мальту, легко может понять, почему британские политики уцепились за этот клочок земли. Во-первых, остров находится в самом центре Средиземного моря и уже по своему географическому положению является идеальным местом для размещения военно-морской базы, цель которой – держать под контролем средиземноморскую акваторию. Во-вторых, за долгие годы правления мальтийских рыцарей на острове были возведены грандиозные фортификационные сооружения, многие из которых стоят и поныне. Богатый орден позволил себе роскошь вырубить в скалах гигантские бастионы и казематированные батареи, которые фактически делали крепость неприступной. Конечно, при условии нахождения в ней достаточного гарнизона.

Однако у Мальты есть еще одна специфическая черта. Вглубь острова вдаются просторные, совершенно недоступные для всех штормов бухты, причем их глубина такая, что огромные линейные корабли начала XIX в. (с осадкой 7 м и более) могли подходить прямо к пирсу (!) столицы острова Ла Валетта. Лучшей военно-морской базы невозможно было бы себе вообразить.

Неудивительно, что, несмотря на условия Амьенского договора, англичане не спешили эвакуировать Мальту, и чем более ядовитыми были рапорты Уитворта, чем более поднималась антифранцузская кампания в прессе, тем меньше английские министры торопились оставить остров, ставший камнем преткновения. Интересно, что еще в сентябре 1801 г. накануне подписания мирного соглашения англичане предложили России принять на себя протекторат над Мальтой и ввести на остров русские войска. В это время дело шло к

миру, и британское правительство могло предполагать, что французы будут настаивать на эвакуации Мальты. Потому, выбирая из двух зол, они предпочитали ввести на остров русские войска, чем оставить знаменитую крепость ордену иоаннитов и тем самым подвергаться риску рано или поздно снова увидеть там французов. Этот вопрос обсуждался на заседании Государственного совета 30 сентября (12 октября) 1801 г. Интересно, что Россия отклонила это предложение по настоянию Кочубея, который, как уже упоминалось, отстаивал независимую внешнюю политику России. В этот момент еще продолжалась война между Францией и Англией, и Кочубей считал, что, если русское правительство примет на себя обязательства в отношении Мальты, оно тем самым может вовлечь Россию в ненужный ей военный конфликт.

Европа. 1805 г.

В начале ноября 1801 г. англичане снова обратились с предложением ввести русские войска на остров, а России – стать гарантом будущего англо-французского соглашения о Мальте. На этот раз русское правительство, опасаясь, что оно будет отстранено от мирных переговоров, которые шли в Амьене, принципиально согласилось принять на себя гарантию. Однако, к большому удивлению русских, в десятой статье Амьенского договора, где говорилось об эвакуации острова в течение трех месяцев после ратификации договора, русскую гарантию отодвинули на более чем скромное место. В договоре указывалось, что после вывода английских войск с острова на него будет временно введен неаполитанский гарнизон в количестве 2000 человек (до того момента, пока рыцари ордена иоаннитов не смогут обеспечить крепости надежную защиту), а гарантом данного соглашения будут

выступать Франция, Англия, Австрия, Испания, Россия и Пруссия. Подобная выходка со стороны англичан, сначала искавших русской гарантии, а потом от нее откестившихся, вызвала раздражение среди русских политиков. На заседаниях Совета в июле 1802 г. сторонники нейтралитета России, так же как и те, кто придерживался профранцузской ориентации, выступили против принятия Россией гарантии в подобных условиях. Оскорбительным показалось упоминание России на предпоследнем месте после Испании и Австрии. К тому же, считал Н. П. Румянцев, Мальта не нужна России, а ее гарантия может лишь послужить вовлечением ее в войну.

Изменение ориентации в политике России в конце 1802 г. вызвало желание дать все-таки гарантию Амьенского договора для того, чтобы ни под каким видом не допустить на остров французов. В ноябре 1802 г. русское правительство согласилось дать Англии и Франции гарантию неприкосновенности Мальты, но при условии, что будет аннулирована десятая статья Амьенского договора и будут признаны требования России о возвращении Мальты ордену и ее нейтралитете. Англичане формально заявили, что соглашаются с русскими предложениями, но на самом деле отвергли ряд статей русского проекта. В общем, можно сказать, что вопрос о статусе острова и отношении России к нему оставался в это время весьма неопределенным. Единственным подписанным, юридически принятым Англией и Францией документом был Амьенский договор.

И вот в начале 1803 г. мальтийский вопрос приобрел особую остроту. В то время как французы выполнили все свои обязательства, означенные в договоре (в частности, весной 1802 г. были выведены французские войска из портов Неаполитанского королевства: Тарента, Бриндизи и Отранто), англичане продолжали оставаться на острове. Первый консул со своей стороны все более настойчиво требовал исполнения Амьенского соглашения. Маленький остров снова, как несколько лет тому назад, приобрел огромную, несоразмерную своей площади значимость. Во-первых, Бонапарт считал его необычайно важным в стратегическом отношении, по его мнению, присутствие англичан на Мальте устанавливало их господство в Восточном Средиземноморье. Во-вторых, остров снова приобрел и огромное моральное значение. Согласиться с его оккупацией английскими гарнизонами означало признать фактически недействительным Амьенский договор, капитулировать перед грубым нажимом со стороны Великобритании. Первый консул был молод, честолюбив, горд за могущество своей страны и считал, что подобная капитуляция не только обесчестит его и Францию, но и покажет всей Европе его слабость и тем самым послужит предлогом для агрессивных действий феодально-монархических стран. И в конечном итоге, так или иначе, приведет к войне, но в менее выгодных для него условиях. Поэтому он решил любой ценой добиться выполнения английским правительством статьи десятой Амьенского договора. Так снова вокруг Мальты сошлись столь мощные линии напряжения, что могло показаться, что в Европе нет более важного пункта, чем крепость на скале, затерянной в просторах Средиземного моря.

До начала февраля 1803 г. англичане уклонялись от прямого ответа на вопрос об эвакуации Мальты. Но в первые дни февраля ситуация резко изменилась. Публикация рапорта Себастиани, вызвавшая в Англии взрыв антифранцузских чувств, почти точно совпала с получением британским Министерством иностранных дел вестей из России. С одной стороны, это было письмо министра иностранных дел А. Р. Воронцова своему брату, послу С. Р. Воронцову, с другой стороны, рескрипт Александра, также направленный послу в Англии. Нельзя сказать, что из содержания писем, полученных Семеном Романовичем, можно было сделать вывод о безапелляционной поддержке англичан со стороны России. Тем не менее их тон и направленность были явно проанглийскими, и горячий англофил граф Семен Воронцов в своих беседах с английским министром иностранных дел Хоуксбери еще более подчеркнул благожелательность России в отношении всех действий Англии. Британский министр сделал вывод, что русские одобряют действия английского правительства в отношении Мальты, а в случае войны поддержат Англию.

Нет сомнения, что произошедшее в эти дни стало главным детонатором последующего взрыва. Англия отныне заняла очень жесткую позицию, решив увязать возможность эвакуации Мальты с изменением ситуации в Европе. Отныне Англия была готова очистить остров только при условии многочисленных уступок со стороны Франции. Это в корне меняло ситуацию и ставило Европу на грань войны. Подобный разворот в английской политике мог произойти только вследствие далеко не нейтральной позиции, которую заняла Россия. Необходимо отметить, что в данном случае немалую роль сыграло не только мнение и желание самого Александра, но и инициатива русского посла в Англии. Крупный специалист по истории русско-английских отношений этого периода А. М. Станиславская на основе анализа большого количества документов справедливо отметила: «Очень двусмысленную роль и на этот раз сыграл С. Р. Воронцов, столь рьяно уговаривавший английское правительство не отдавать Мальту, что даже его англофильствующий брат, канцлер Александр Романович, остался недоволен»^[216].

Часто историки дипломатии за потоком нот, предложений, контрпредложений, следовавших в начале 1803 г., забывают этот главный и основной момент – война была фактически делом решенным в те дни. Английское правительство, ощущая за собой помощь России, явно встало на путь провокаций. Но Бонапарт был не французским правительством накануне Второй мировой войны и даже не королем Людовиком XVI. Вытирать о себя ноги английским министрам он не только не мог позволить, но и даже мысли об этом не допускал.

Сразу после получения русских предложений Хоуксбери направил английскому послу в Париже послание, в котором говорил, что Англия согласна будет очистить Мальту только в случае серьезной компенсации со стороны Франции. Эту информацию Уитворт довел до Талейрана 16 февраля 1803 г. Французский министр не дал окончательного ответа, и 21 февраля посол был принят самим Бонапартом. В этом разговоре, как можно прочесть из рапорта самого Уитворта, первый консул пытался быть сдержанным. В ненавязчивой форме он дал понять, что Франция располагает огромными силами, но не желает войны.

Вот как описал в своей депеше слова Бонапарта английский посол: «Десант после переправы через Ла-Манш является единственным способом наступления, которым он располагает... Но как можно подумать, что, достигнув вершин власти и став из простого солдата главой самой могущественной страны континента, он будет рисковать своей жизнью и репутацией в предприятии столь рискованном. Он может сделать только в случае самой крайней необходимости... Франция и Англия, если бы они договорились, могли бы управлять миром, но, сражаясь, они перевернут его вверх дном... Если Англия желала бы сохранить мир, достаточно было бы выполнить пункты Амьенского договора, если же она хочет войны, достаточно это сказать и отказаться выполнять договор...» Посол в заключение добавлял: «Его цель, как кажется, была в том, чтобы убедить меня, что от Мальты зависит мир или война»^[217].

Однако ни слова примирения, ни угрозы не подействовали на англичан. Они оставались непреклонными. «Неважно, как ворошить кочергой головешки в камине, – восклицал Нельсон, – но, если Бонапарт скажет, что это нужно делать так, мы тотчас должны требовать, чтобы это делалось прямо противоположным образом».

8 марта 1803 г. король Георг III в своем послании Палате общин заявил, что требует принятия мер, которые обеспечили бы безопасность государства, которому угрожают французские военные приготовления. На этот раз разговор первого консула с Уитвортом, состоявшийся в присутствии других иностранных послов на приеме в воскресенье 13 марта, проходил совершенно в других тонах. Бонапарт подошел решительным шагом к английскому посланнику и воскликнул:

– Значит, вы решились воевать?!

А потом громко произнес, обращаясь уже ко всем:

– Англичане хотят войны, но, если они первые вынут меч, я последний вложу его в ножны. Они не уважают договоры, теперь их нужно закрыть черным крепом!

Затем Бонапарт снова заговорил с Уитвортом и, сдерживая себя, начал с любезности, спросив у посла, где его жена. Уитворт ответил, что она осталась дома с больным ребенком. Тогда первый консул заметил:

– Вы провели здесь довольно плохое время года. Хотелось бы, чтобы вы увидели и хорошее...

Через миг он вернулся к основной теме и с жаром выпалил:

– Вы, может быть, убьете Францию, но вы ее не запугаете... Нужно уважать договоры. Горе тем, кто не уважает договоры, – они будут ответственны перед всей Европой!

Наконец Бонапарт быстрыми шагами покинул зал и почти что прокричал: «Мальта или война!»^[218]

В течение второй половины марта – начала апреля дипломаты еще обменивались нотами, консультировались со своими министрами. В конечном итоге 26 апреля 1803 г. Уитворт в ультимативной форме предъявил последние предложения английского правительства. Они были следующими.

1. Англия сохранит за собой Мальту на 10 лет, а затем остров будет передан не ордену, а его жителям.

2. Неаполитанское королевство уступит остров Лампедуза^[219] Англии.

3. Французские войска эвакуируют Голландию.

4. Англия признает аннексию Пьемонта Францией.

5. Англия не будет требовать вывода французских войск из Швейцарии.

В принципе, эти условия были в основном приемлемы для Бонапарта, и он мог пойти навстречу. Однако форма, в которой они предъявлены, была специально построена таким образом, чтобы принять их стало невозможным. Ответ нужно было дать в течение семи дней, причем английское правительство не допускало никаких контрпредложений. Первый консул был уже готов согласиться с этими требованиями, но чтобы хоть как-то спасти лицо, он предложил, чтобы англичане остались на острове не десять лет, а три-четыре года. Тогда 7 мая английское Министерство иностранных дел упрекнуло своего посла за то, что он слишком мягок, и потребовало полной капитуляции перед своими требованиями. Причем исключило даже разговоры о передаче русским Мальты.

Вечером 12 мая 1803 г. посол Англии Уитворт покинул Париж. Через четыре дня, 16 мая, Великобритания официально объявила Франции войну. А уже в полдень 18-го числа адмирал Нельсон поднял свой флаг на линейном корабле «Виктори». В этот же день английские военные корабли напали неподалеку от мыса Уэссан на французские торговые суда. Прогрели первые выстрелы пушек великой войны, которой суждено было длиться двенадцать лет.

Впрочем, какими бы мореходными и боевыми качествами ни отличались английские корабли, ясно было, что на них невозможно вступить в Париж и что англичане сделают все возможное для того, чтобы натолкнуть на Францию главные державы континента. С другой стороны, было очевидно, что для успешной борьбы на море Бонапарту потребуются далеко не только силы одного французского флота и ему придется волей-неволей пытаться расширить сферу своего влияния, получить новые военно-морские базы, новых моряков, новые ресурсы. Это, в свою очередь, с неизбежностью вызовет ответную реакцию, которая повлечет новые жесткие шаги Франции, которые приведут к еще большей конфронтации. Таким образом, раскаты залпов корабельных орудий, раздавшиеся в мае 1803 г., знаменовали собой начало не только войны на море, но и всеобщей континентальной войны. Поддержав амбиции английского правительства, Александр I и Семен Воронцов выпустили джинна из бутылки. Теперь остановить эскалацию войны было крайне сложно.

Интересно, как действия русского правительства в эти дни оценивал баварский посланник Ольбри. Вот что он написал в письме от 19 апреля (1 мая) 1803 г.: «Никогда еще для России не было столь благоприятной и важной эпохи для того, чтобы оказать полезное влияние и сыграть роль, достойную этой державы, как в настоящий момент, когда несогласия Франции и Англии грозят снова разрушить европейский мир. Так как обе эти

державы одинаково заинтересованы в том, чтобы не раздражать ее, то она одна могла бы твердым и энергическим вмешательством устранить угрозу и изменить положение, чтобы сохранить общественное спокойствие. Но, вместо того чтобы идти по этой дороге, на которую ей, по-видимому, указывают и забота о ее собственной славе, и ее главные интересы, вместо того чтобы смелой рукой взять руль среди настоящего кризиса, она своим вмешательством и непредусмотрительным образом действий, кажется, хочет дать нам ключ к своей слабости... А это забвение своих собственных интересов! Все знают то впечатление, которое произвела в Европе удивительная деятельность Павла I, и убеждение в силе его империи, которое он после себя оставил. Не было ничего проще, как пожать плоды этого посредством умной и ловкой политики»^[220].

Правящие круги Англии вступили в войну с энтузиазмом. На заседании Палаты лордов 23 мая 1803 г. можно было слышать только крики войны. «Нужно наказать Францию!» – воскликнул герцог Кларенс, лорд Спенсер декларировал: «Без войны нельзя обойтись!» – а лорд Гренвиль, вторя ему, изрек: «Война – это сейчас необходимость».

Начало войны было отмечено также триумфальным возвращением в большую политику Уильяма Питта, непримиримого врага революционной и наполеоновской Франции. Гордо поднявшись на трибуну Палаты общин 24 мая, уверенный в своей правоте Питт произнес: «Бонапарт захватил всю власть во Франции, разрушая мир жидким пламенем якобинских принципов». Он требовал войны до победного конца, и его поддержало большинство депутатов. Впрочем, были и те, кто не разделял воинственной эйфории. Голосом, поднявшимся в защиту мира, был голос лидера оппозиции Фокса: «Неужели любой успех Франции во внешней или внутренней политике, ее торговля, ее промышленность должны быть причиной войны и оскорблением для нас!» Интересно, что Фоксу аплодировали, так как он был прекрасным оратором. Однако 367 депутатов высказались за войну и только 67 против.

Фокс не был единственным сторонником сохранения мира. В Лондоне ходили по рукам памфлеты, где резко порицалась политика правительства. Один из наиболее известных назывался «Зачем мы собираемся воевать?» («Why do we go to war?»). Другой – просто «Замечания». В последнем говорилось следующее: «До революции мы рассматривали их [французов. – *Примеч. авт.*] как жалких рабов короля-деспота... Когда же мощным усилием они сбросили оковы и установили ограниченную монархию, общая вражда к ним еще больше увеличилась... За монархией последовала республика, к которой мы относились еще с большей враждебностью. И затем пришел период анархии, бойни и крови, невиданной в памяти человечества... Сменялось одно правительство за другим, но ни одно из них не заслужило нашего положительного отношения. Наконец Бонапарт добился решающего превосходства и погасил последние искры оппозиции. Можно сказать, что французы вернулись к тому подчинению, в котором они находились когда-то. Но мы сохраняем нашу враждебность... Быть может, предоставим их своей судьбе и вместо того, чтобы стенать по поводу их несчастий... успокоимся на мысли, что 10 миллионов человек не сделают счастливыми 40 миллионов против их воли... Всего лишь несколько лет тому назад Австрия, Россия и Пруссия объединились, чтобы расчленить королевство [Польшу. – *Примеч. авт.*], счастливое под властью любимого государя... Какова была реакция и где был благородный дух нашей страны, когда совершалась эта сделка? Несколько пустых деклараций – и Польша была предоставлена своей судьбе... Почему же вдруг у нас появились такие необычайные эмоции по поводу судьбы Швейцарии?»^[221]

Увы, эти доводы не доходили до английских политиков и не могли дойти, потому что это были доводы здравого смысла против крупных денежных интересов, а последние, как известно, куда более весомы.

Как отмечалось, «боевые действия» были начаты англичанами с того, что на морях были атакованы французские торговые суда, продолжавшие свои рейсы. В результате пиратских действий британского военно-морского флота было захвачено 1200 французских и

голландских торговых судов и конфисковано товаров на огромную сумму – 200 млн франков.

В ответ Бонапарт 22 мая распорядился конфисковать во всех портах английские корабли, запретил покупать и продавать английские товары и приказал арестовать всех англичан, находившихся на территории Французской и Итальянской республик. Генерал Мортье с 13-тысячным корпусом получил приказ занять Ганновер, наследственное владение английских королей на севере Германии. Несмотря на малочисленность французской армии, ее моральное превосходство было так велико, что, вступив на территорию Ганновера 26 мая 1803 г., Мортье через несколько дней вынудил капитулировать ганноверскую армию фельдмаршала Вальмодена. 16 тыс. солдат и офицеров сложили оружие и были распущены по домам. Одновременно отряды под командованием Сен-Сира вступили на территорию Неаполитанского королевства и в июле заняли порты на юге Апеннинского полуострова.

Несмотря на эти решительные действия, необходимо отметить, что Франция была не готова к войне. Численность пехоты и кавалерии вследствие сокращения штатов значительно уменьшилась. Что же касается артиллерии, то здесь ситуация была совсем неординарной. По инициативе адъютанта Бонапарта генерала Мармона была начата глобальная реформа материальной части полевой артиллерии. Для ее осуществления необходимо было перелить все существующие артиллерийские стволы. «Они были уже привезены в литейные мастерские, и их начали распиливать, чтобы бросить бронзу в печи, – вспоминает адъютант Наполеона Савари. – В общем, ни одна из составляющих армии не находилась в готовности»^[222]. Савари дальше добавляет: «Я спрашиваю себя, неужели подобное состояние [армии и флота. – *Примеч. авт.*] могло вызвать беспокойство наших соседей? Или напротив, быть может, именно это положение дел вызвало надежду наших врагов, и они снова взяли в руки оружие, которое когда-то сложили лишь с сожалением»^[223].

То, что Франция не была готова и не готовилась к войне, было широко известно. И поэтому, хотя начало боевых действий не вызвало бурного воодушевления, но общественное мнение страны было целиком и полностью на стороне первого консула. Никто не сомневался, что за разрыв мира ответственно английское правительство. Депутат Законодательного корпуса Фонтан обратился к Бонапарту от лица высших учреждений страны: Сената, Законодательного корпуса и Трибуната. «Англия не может более утверждать, что она защищает принципы справедливости и общество, потрясенное в своих основах... отныне нам предстоит защищать права народа и принципы гуманизма, отражая самую несправедливую агрессию со стороны нации, которая ведет переговоры, лишь чтобы обмануть, и заключает мир, чтобы начать войну... Гражданин первый консул, в такой момент, подобно вам, французский народ не может иметь иные мысли, кроме великих, иные чувства, кроме героических. Он победил, чтобы жить в мире, он желал его как вы, но, как и вы, он не боится войны»^[224].

Даже если в напыщенном слогe этой речи чувствуется казенный энтузиазм, нужно отметить, что в ответ на призыв Бонапарта по стране прокатилась волна искреннего патриотического подъема. Департамент Луары был первым, который заявил о том, что он жертвует сумму в 300 тыс. франков на постройку 30-пушечного фрегата. Париж не мог остаться в стороне, и его муниципалитет ответил тем, что столица жертвовала средства на постройку 120-пушечного линейного корабля. Ну а далее, в соответствии с иерархией: муниципалитет Бордо объявил о готовности дать деньги на 80-пушечный линейный корабль, Марсель – на 74-пушечный, департамент Жиронда собрал 1,6 млн франков на морское строительство, департамент Кот д'Ор – деньги на 100 орудий крупного калибра. Итальянская республика выделила 4 млн лир на сооружение двух фрегатов и 12 канонерок...

Ясно было, впрочем, что, несмотря на все эти благородные жесты, французский флот был недостаточно силен, чтобы победить англичан исключительно в морской войне. Чтобы представить себе, насколько силы отличались, достаточно взглянуть на следующую таблицу.

	Франция			Англия		
	Линейные корабли	Фрегаты	Прочие	Линейные корабли	Фрегаты	Прочие
В строю к началу войны	23	25	107	39	132	170

Примерно за три месяца французы могли значительно усилить свой флот за счет приведения в боевую готовность законсервированных судов. В результате в строй могло быть поставлено до 58 линейных кораблей. Однако англичане за этот же период времени могли усилить свой флот 130 линейными кораблями, доведя их общую численность до 169!

Даже с учетом того, что французы могли увеличить свои военно-морские силы за счет помощи голландского флота, преимущество британцев на море было неоспоримым. Необходимо было примерно десять мирных лет и огромное финансовое напряжение для того, чтобы довести численность и качество французского флота до уровня английского. Но этих десяти мирных лет у Бонапарта не было. Единственным средством для достижения победы был удар сухопутными силами прямо в сердце Англии. Для этого необходимо было перебросить через пролив мощную армию.

Идея десанта на Британские острова буквально носилась в воздухе. «Любой моряк, который знает берега пролива, скажет, что для успеха нужно лишь упорство и выдержка в ожидании благоприятного момента, чтобы нанести решительный удар. Лишь немногие мили отделяют нас от Англии, и какой бы бдительной ни была служба ее крейсеров – они не смогут при определенных обстоятельствах остановить множество легких и быстроходных судов»^[225], – писал военно-морской министр Декре.

Итак, необходимо было построить огромную флотилию, которая могла бы вместить многотысячную армию и, используя туман или штиль, осуществила бы ее переброску на берега «коварного Альбиона». Один из известных моряков того времени, адмирал Ла Кросс считал, что штиль – это то обстоятельство, которое позволит совершить десант почти наверняка. Ясно, что в штиль самые лучшие и самые быстроходные парусные корабли британского флота окажутся беспомощными, в то время как флотилия на веслах всего лишь за несколько часов сможет достичь английского берега. В штиль малые гребные суда смогут развить максимальную скорость, в штиль удобнее всего производить погрузку и выгрузку людей и материальной части, в штиль удобнее маневрировать и легко передавать приказы. Опыт показал, что малые суда без труда способны развивать на веслах скорость до трех узлов (5,5 км/ч). Учитывая, что ширина пролива в самом узком месте составляет всего 30 км, флотилия могла достичь английского берега всего за шесть часов, а с учетом того, что ее выступление будет произведено широким фронтом, нужно было располагать примерно двенадцатью часами. Подобные штили и куда более продолжительные не редкость на берегах Ла-Манша. Таким образом, идея десанта не являлась химерой, а была вполне практически осуществима.

В конце июня 1803 г. Бонапарт отправился на север Франции, чтобы произвести рекогносцировку берегов пролива. 29 июня вечером он приехал в Булонь, а на следующий день утром вместе с генералом Сультом и своим адъютантом Лористоном поднялся на стены замка, откуда он осмотрел город и порт. Вдали, в синей дымке, перед ним вставали берега Англии. Первый консул внимательно изучил все окрестности города, портовые сооружения, форты, а на следующий день он прибыл в Кале, 2 июля он уже был в Дюнкерке. В ходе осмотра берегов Ла-Манша были найдены удобные бухты для размещения малых судов, а также места для разбивки военного лагеря. В начале июля, продолжая свое турне, первый консул, двигаясь дальше по берегу моря, осмотрел Ньюпорт, Остенде, Брюгге, Гент и 18-го числа прибыл в Антверпен, где он снова главное внимание посвятил морскому делу. Результатом этого подробного осмотра береговой линии портов был подробный план,

изложенный в письме от 21 июля 1803 г. из Антверпена. План предусматривал сконцентрировать 150 тыс. человек в окрестностях Булони и перебросить их в Англию, используя 1300 легких гребных судов и 900 малых транспортных судов.

Как известно, у Бонапарта слова не расходились с делами, и тотчас по всей Франции закипела работа на верфях и в мастерских. Десантные суда строились во всех портах северо-запада и в городах по берегам рек. Пульс интенсивной деятельности чувствовался даже в самом Париже, где десантные суда строили на причалах неподалеку от площади Конкорд и на набережной Рапе. Воспитанники знаменитой парижской политехнической школы проходили здесь практику, а затем отправлялись в регионы, чтобы строить все новые и новые суда для десантной флотилии. Одновременно полки укомплектовывались новобранцами, и колонны войск потянулись со всех сторон к берегу моря...

Хотя первые выстрелы уже прогремели и повсюду шла подготовка к решительному столкновению, шанс спасти мир еще оставался. В июне 1803 г. Бонапарт обратился к российскому императору со смелым предложением: пусть Александр станет судьей во франко-английском споре. Первый консул заявил, что доверяет объективности царя и желает, чтобы его арбитраж был «как можно более неограниченный». Речь, таким образом, шла не о переговорах, а о том, чтобы Александр выступил третейским судьей и сам постановил, кто и на что имеет право. Англии и Франции оставалось лишь принять этот суд или от него отказаться и продолжить войну.

Бонапарт был готов отказаться от всех претензий на остров Мальта, если таково будет решение Александра I! Это предложение часто остается за бортом исследований об истории этого периода времени. Но нам кажется, что оно необычайно показательное для понимания внешней политики первого консула. Последний совершил смелый политический шаг, рискуя тем, что решение российского императора может быть выгодным для Англии. Однако Бонапарт надеялся, что такое доказательство безусловного доверия к Александру будет содействовать франко-русскому сближению и тем самым поможет рано или поздно создать русско-французский союз, к которому он стремился.

Однако русский арбитраж отвергла Англия, следуя, в частности, совету русского посла! Граф Семен Воронцов провел беседу с министром иностранных дел Хоуксбери, а затем сам за него сформулировал мотивы отказа англичан (!), в связи с тем, как написал Воронцов, что «он [Хоуксбери. – *Примеч. авт.*] не обладает даром выражаться определенно и ясно», а «пишет еще более туманно (!!))». Поэтому русский посол взял на себя миссию объяснить за друга английские резоны своими словами. Можно не сомневаться, что идеи, изложенные в письме С. Воронцова, являются не только мыслями английского правительства, но и его собственными. Воронцов и Хоуксбери считали, что Мальта сама по себе не представляет такой важности, чтобы только ради нее могла начаться война. Они прекрасно понимали, что Мальта только удобный повод.

Вот как говорил по этому поводу Воронцов: «...ни Мальта, ни какой-либо другой отдельный вопрос не могли бы обеспечить этот необходимый всем народам Европы покой; что урегулирование должно быть общим, чтобы не оставалось никаких спорных вопросов, которые могли бы лишь породить новые распри и тем самым нарушить спокойствие в мире... Ввиду обид и величайших оскорблений, которые Бонапарт постоянно наносит королю и английскому народу».

Иначе говоря, цель войны не отстоять английскую военно-морскую базу, а уничтожить Францию Бонапарта. По этому поводу С. Воронцов недвусмысленно выразился: «Будет ли, следовательно, безопасность Европы обеспечена тем, что на Мальте разместятся русские или английские гарнизоны? Надо спасти саму Европу от гнетущего ее ярма, которое раздавит ее, если в ней не будет установлен порядок. И именно с этой целью, – продолжал лорд Хоуксбери, – король возлагал и возлагает все свои надежды на императора России». Таким образом, спасти «Европу от гнетущего ее ярма» должны были русская пехота и английские эскадры. Воронцов иезуитски добавлял: «...благоденствие Южной Италии,

Средиземноморья и Леванта действительно требует присутствия английской эскадры в этом море»^[226].

Отказ англичан от русского арбитража был не только вызовом Бонапарту, но и неожиданностью для Петербурга. Ведь Александр и его министр иностранных дел считали, что англичане являются самыми лучшими друзьями. Не смутившись, однако, этим, царь вместо арбитража предложил посредничество в переговорах между Францией и Англией. Причем, прежде чем начать переговоры, французы должны были вывести свои войска из Ганновера и Южной Италии.

На этот раз взорвался Бонапарт. «Арбитраж мог привести к миру, – написал он своему министру иностранных дел, – потому что речь шла об обращении к справедливому человеку, решение которого можно было принять, не подвергаясь бесчестию. Переговоры же в теперешних обстоятельствах не приведут ни к чему»^[227].

Разочаровавшись в объективности царя и раздраженный враждебностью Моркова, Бонапарт сверх того узнал, что один из роялистских агентов, некто Кристин, сопровождал Моркова в Париж. Именно он служил связующим звеном между русским послом и памфлетистом Фуйу. По приказу Бонапарта Кристин был арестован и допрошен по обвинению в участии в заговоре против первого консула. Морков потребовал его освобождения. Во время дипломатического приема в Тюильри Бонапарт подошел к Моркову и отчитал его. Когда же тот попытался возразить, первый консул воскликнул: «Мы еще не настолько под башмаком России, чтобы терпеть с ее стороны подобные выходки. И не сомневайтесь, что я арестую всех, кто будет действовать против интересов Франции!»

Деятельность Аркадия Ивановича окончательно вывела первого консула из себя. В своих рапортах, которые не оставались тайной от Бонапарта, русский посол не только постоянно изображал все происходящее во Франции в самом черном цвете, но и по любому случаю вставал на сторону ее врагов, кто бы они ни были: англичане, австрийцы, эмигранты...

«До тех пор пока мир не был нарушен, в Париже терпели господина Моркова, хотя он действовал так, как будто был англичанином. Тогда это было безопасно. Но теперь, когда идет война, конца которой не видно, присутствие [в качестве посла. – *Примеч. авт.*] человека, столь отрицательно настроенного по отношению к Франции, является уже не просто предметом, вызывающим раздражение первого консула»^[228], – писал Талейран в депеше французскому послу в Петербурге, излагая мотивы, по которым Бонапарт просил отзыва графа Моркова.

Просьба первого консула вызвала буквально взрыв раздражения со стороны Александра. Впрочем, молодому царю надо отдать должное – диктуя ответ Бонапарту, он сумел, стиснув зубы от гнева, остаться в рамках дипломатических выражений: «Гражданин Первый консул, с горечью и удивлением я узнал, что граф Морков не смог заслужить Вашего доверия... Несмотря на плохое состояние здоровья графа Моркова, я всегда настаивал, чтобы он продолжал оставаться на своем посту, будучи уверен, что он способен поддерживать добрую гармонию, которая существует между двумя государствами. Содержание Вашего письма, гражданин Первый консул, вынуждает меня сегодня не противиться более многочисленным просьбам с его стороны покинуть этот пост. Я также думаю, что для него самого пребывание в Париже не будет отныне никоим образом притягательно...»^[229]

Зато, обращаясь к Моркову, царь не видел необходимости сдерживать свои эмоции. По его поручению А. Воронцов написал: «Имею честь сообщить Вашему превосходительству, что Первый консул написал Его Императорскому Величеству письмо, в котором он потребовал Вашего отзыва, и господин Талейран сопровождал его депешей по этому же поводу... Содержание последнего письма достойно его автора и представляет собой ужасающую и глупую ложь... Я сообщаю Вам, господин граф, насколько Его Императорское Величество был шокирован этими обвинениями и насколько он уверен в их лживости...»

Со своей стороны в конфиденциальном послании Воронцов также полностью поддержал Моркова: «То, как с Вами обращались во Франции, не может удивить, ибо от Первого

консула нечего ждать другого, кроме как насилия и бесстыдства. Все его поступки скорее похожи на поступки гренадера, который выбился в люди, чем на поведение главы великой нации»^[230]. Наконец, сам император направил 16 (28) октября 1803 г. рескрипт своему посланнику: «Мне особенно важно, чтобы Вы сами были глубоко убеждены в том, что клевета, с помощью которой Вас хотели очернить, не только не произвела желаемого действия, но смогла лишь дать дополнительные основания к тем, которые у меня имелись, чтобы уважать Вас и воздать Вам должное... Пока же, чтобы засвидетельствовать, что я благосклонно отношусь к Вам и доволен Вами, причем сделав это самым явным образом, так, чтобы это не прошло незамеченным французским правительством и доказало бы ему, что на мое отношение к Вам нисколько не повлияли его чувства к Вам, принимая в то же время во внимание Ваши прошлые заслуги, а также те, которые Вы оказали уже при мне, я Вам посылаю при сем знаки ордена св. Андрея Первозванного, которые Вы немедленно возложите на себя»^[231].

Аркадий Иванович, конечно же, не замедлил возложить на себя знаки самого высшего в Российской империи ордена. 8 декабря 1803 г., прежде чем покинуть Париж, он явился на прием к Бонапарту «еще более гордый и с еще более самодовольным видом, чем обычно». На груди графа Моркова сияла алмазами Андреевская звезда, а на плече красовалась голубая муаровая лента. «Мотивы частного порядка вынудили меня испросить у императора милости сменить меня на теперешнем посту, – напыщенным слогом произнес русский посол. – Его Императорское Величество соблаговолил снизить к моим почтительнейшим просьбам, и я имею честь представить Вам, генерал, документы о моем отзыве».

Нужно сказать, что петербургское общество было куда менее снисходительно к незадачливому послу, чем император и его канцлер. Дело в том, что Аркадий Иванович, несмотря на свои заносчивые манеры, не стал отказываться от очередного вознаграждения, которое ему было вручено по приказанию Бонапарта. Эти деньги граф Морков употребил «в дело». «Он купил в Париже по низкой цене много бронзы, предметов часового мастерства и других вещей, очень редких, которые нужно было в России оплатить пошлиной; но он провез все это в Петербург в виде посольской поклажи, не подлежащей оплате, – писал голландский посол в России. – Впоследствии он был настолько бессовестен, что выставил эти вещи на продажу в магазин, хотя и под чужим именем; но все так хорошо знали истину, что я часто слышал, как в обществе говорили: “Видели вы бронзу Моркова? Пойдемте посмотреть бронзу Моркова”. Императора это раздражило. Моркову пришлось уехать от стыда в свое имение, а его унизительная спекуляция так уронила его в общем мнении, что он уже более не появлялся на политическом горизонте»^[232].

Интересно, что на место Моркова не был назначен новый посол. В Париже остался лишь временный поверенный в делах Петр Яковлевич Убри. Это было не просто жестом. За ним стояли важнейшие политические демарши, которые были предприняты Александром I летом – осенью 1803 г.

Уже в июне царь обратился с предложением к прусскому королю создать военный союз, направленный против Франции: «Я не могу видеть безразлично, как весь север Германии разорен, разгромлен, перевернут вверх дном... Я могу предположить, что французское правительство сделает все возможное, чтобы успокоить Ваше Величество и помешать согласию, которое я хочу установить между нами... Если же Ваше Величество не посчитает необходимым присоединиться к предложению, которое я делаю, оно может быть уверено, что это никак не изменит мою личную дружбу, которую я испытываю по отношению к нему, но я должен сказать тогда искренне, что я буду заботиться о своих делах и приму необходимые меры для моей безопасности, а если надо, то все, что потребуется для того, чтобы спасти Европу от полной дезорганизации»^[233].

Получив уклончивый ответ, Александр 24 сентября (5 октября) 1803 г. написал прусскому королю уже угрожающее письмо: «Разумеется, не мне советовать Вашему Величеству, какое ему принять решение. Однако я не хочу скрывать от него, что с одной стороны я вижу славу, честь и настоящий интерес его короны, с другой... катастрофу

всеобщую и Вашу личную... С человеком, который не знает ни умеренности, ни справедливости [Бонапартом. – *Примеч. авт.*], нельзя добиться ничего, уступая ему. Есть много обстоятельств в жизни, личной и политической, когда спокойствие можно добыть только острием меча»^[234].

Однако Фридрих-Вильгельм совершенно не рвался в бой. Он считал, что для его государства нет в настоящий момент непосредственной опасности, зато если он влезет в драку, тогда опасность точно настигнет его. Семен Воронцов, обижаясь на то, что пруссаки не горят желанием ложиться костями на защиту Лондона, с презрением написал о прусском короле: «Этот недостойный наследник Фридриха... Этот король, осторожность которого заставляет бояться всякой войны... будет делать все, что потребует Корсиканец, который знает, насколько его бояться»^[235].

6 (18) октября 1803 г. по поручению императора канцлер и министр иностранных дел А. Р. Воронцов написал секретнейшее послание поверенному в делах в Вене И. О. Анштетту. После долгого и, как всегда, туманного вступления на многих страницах он перешел к делу: «Его Императорское Величество, постаравшись не упустить из виду самое неотложное, пытаюсь спасти Северную Германию от угнетающих ее бедствий, желает ныне с полной доверенностью объяснить по этим вопросам с германским императором... Вам поручается начать обсуждение с австрийским министерством настоящего положения дел в Европе. Мы весьма желаем знать, разделяет ли оно наше беспокойство и какие средства оно считает наиболее верным, как для того, чтобы остановить стремительный поток французской мощи, готовый выйти из берегов, так и для того, чтобы обеспечить общее благо и спокойствие Европы в будущем.

Не думает ли венский двор, что он сам может вскоре оказаться в неприятном и опасном положении?.. Мы очень желаем знать мнение австрийского министерства обо всех этих важных предметах и быть осведомленными о мерах предосторожности, которые оно предполагает принять, чтобы иметь возможность договориться по этому предмету и действовать совместно в интересах общего блага и всеобщей безопасности»^[236].

Все это было уже не просто рассуждениями об «агрессивности» Бонапарта и необходимости восстановить «гармонию», а предложение к тому, чтобы начать совместную войну. К удивлению Александра и Воронцова, австрийцы не высказали бурного восторга по поводу русских предложений. В своем рапорте от 4 (16) ноября 1803 г. поверенный в делах в Вене докладывал А. Воронцову о своей встрече с графом Кобенцелем, министром иностранных дел Австрии. Напрасно русский дипломат страшил австрийца угрозой разгрома Англии: «Однако, если французы рискнут высадить десант, – сказал Анштетт, – если они достигнут успеха, какое потрясение, какие пагубные последствия повлекло бы за собой это предприятие!» – «Действительно, они были бы ужасны. Но если десант должен быть предпринят в этом сезоне, ни мы, ни вы уже не в состоянии помешать этому из-за нашей отдаленности. К тому же серьезные совместные операции требуют подготовки, а для этого нужно время». Более того, Кобенцель весьма прохладно высказался о британской политике. Говоря о субсидиях, которые англичане обещали за военный союз, он выразился следующим образом: «Субсидии, которые Англия предложила нам, когда она хотела недавно **втянуть** нас в наступательный союз против Франции, слишком незначительны»^[237].

Осторожная политика Австрии никак не повлияла на русскую позицию. 12 (24) ноября 1803 г. министр иностранных дел канцлер А. Р. Воронцов представил царю докладную записку, где он снова настаивал на необходимости немедленных военных действий. Одним из главных мотивов, которые Воронцов выдвигал, объясняя необходимость войны, была угроза захвата французами турецких владений в Европе и расчленение Оттоманской империи. Он даже точно указывал, что «французы намереваются учинить высадку одновременно в четырех местах».

«Политически корректный» в стиле своего времени канцлер не преминул указать и на идеологический вред перспективы появления отрядов Бонапарта на Балканах: «Если по отдаленности края сего французы признают удобным для себя учредить в оном

демократическую республику, будут они тогда из смежных с нами провинций рассеивать между жителями южных областей наших плебелы развратного их учения, последствия коего бедственнее самой неудачной войны; а потому все то, что может нас от оногo предохранить, упущено быть не долженствует. Когда же допустим мы французов водвориться в соседстве нашем, то никакой надзор не будет достаточен обуздать сопутствующий им разврат умов, который с толиким ухищрением обыкли они обращать себе на пользу»^[238].

Мотив угрозы на Балканах постоянно выдвигался русскими историками как рациональное оправдание военных приготовлений против Франции. На самом деле трудно вообразить, что Бонапарт в тот час, когда судьбы Европы решались на берегах Ла-Манша, мог серьезно думать о вторжении в Турцию. Нужно сказать, что, наоборот, франко-турецкие отношения в эту эпоху после трехлетнего перерыва стали самыми тесными и дружественными. С необычайной pompой был принят в Константинополе посол Франции генерал Брюн. Великий визирь, встречая почетного гостя 15 февраля 1803 г., выслал навстречу персоналу посольства 120 прекрасных коней, чтобы французы могли достойно въехать в столицу Османской империи. Их сопровождал пышный почетный эскорт, и как сам посол, так и его сотрудники были буквально засыпаны дорогими подарками. Через несколько дней генерала Брюна с еще большей pompой принял сам султан в своем роскошном дворце. В честь французского посланника был устроен торжественный парад султанской гвардии...

Это были, конечно, жесты, но они вполне соответствовали общему настрою франко-турецких отношений. Лучше всего их характеризуют инструкции, полученные послом перед его отправлением в Константинополь. Министр иностранных дел Талейран предписывал ему следующее: «В том состоянии, в котором находится эта империя [Османская. – *Примеч. авт.*], для нас важно обеспечить ей поддержку Франции, которая могла бы послужить ей гарантией для ее сохранения. Эта безопасность – достаточная компенсация за те торговые выгоды, которые договор [франко-турецкий. – *Примеч. авт.*] закрепил за Францией».

Правда, ниже министр писал: «Однако я должен добавить для вашего сведения, что желание Франции поддержать Оттоманскую порту предполагает, что она сама сделает усилия, чтобы поддержать себя, и что она не будет увлечена в катастрофу какими-либо неотвратимыми обстоятельствами...» Иначе говоря, туркам надо помогать, но, если их империя зашатается и рухнет, необходимо не пропустить своей добычи при разделе ее владений. Однако французское правительство предполагало, что такой момент наступит не скоро. «Впрочем, это предположение [о разрушении Турецкой империи. – *Примеч. авт.*] относится к далеким от нас временам, – писал министр, – и, без сомнения, не будет скоро реализовано»^[239]. Таким образом, хотя во Франции и подумывали о разделе Османской империи, однако относили подобную возможность к отдаленному будущему, а в описываемое время старались скорее поддерживать Турцию и особенно развивать с ней торговлю. Так что «высадка в четырех местах» существовала разве что в фантазиях канцлера Воронцова.

Зато в Константинополе все с большей подозрительностью смотрели на северного соседа. Действительно, разумные политики судят по делам, а не по словам. Несмотря на союзные отношения с Турцией и бесконечные заявления о том, насколько важно спасти Оттоманскую империю от недругов, Россия продолжала развивать свое давление на юг. Она поддерживала антитурецкие выступления в Молдавии и Валахии, фактически превратив Дунайские княжества в территорию под своим протекторатом. Россия помогала борьбе сербов за национальную независимость, старалась утвердить свое влияние в Черногории, ее агенты действовали на территории Греции. Наконец, русские войска, не останавливаясь, продолжали наступление между Черным морем и Каспийским, занимая владения князьков, находившихся в вассальной зависимости от Турции и от Персии. В 1801 г. Грузия вступила в русское подданство, в 1803 г. началось присоединение Азербайджана к России, в 1804 г. была взята крепость Гянджа, в 1805 г. заняты Карабахское и Ширванское ханство, в том же

году будет занят Баку. Даже если многие из этих действий мотивировались искренним и благородным желанием помочь единоверцам, туркам от этого было не легче. Все это было куда более весомо, чем мнимые угрозы со стороны «страшного» Бонапарта.

Действительно, французские агенты действовали на Балканах. Однако главной целью этих демаршей было сбить с толку англичан насчет истинных намерений первого консула. Одновременно французские агенты проникали и в Ирландию, где, обещая скорую высадку французских войск, призывали к национально-освободительному восстанию. Однако никаких следов серьезных намерений двинуть эскадры и армию в Грецию или Ирландию нельзя найти в опубликованных документах той эпохи, не приходилось автору этих строк видеть подобные бумаги и в архивах, и сомнительно, чтобы они существовали, кроме как в виде оставленных без рассмотрения проектов. Зато существуют тысячи опубликованных и неопубликованных документов о гигантской работе по организации Булонского лагеря и десантной флотилии.

Отсутствие результатов первого зондажа австрийской позиции ничуть не обескуражили Александра и его канцлера. 20 декабря 1803 г. (1 января 1804 г.) А. Р. Воронцов написал пространнейшее послание послу Австрии в Санкт-Петербурге графу Стадиону. В этом послании старый канцлер снова живописует картину чудовищной угрозы, которая нависла над Европой и которую глупые австрийцы никак не могут себе уяснить. Не смущаясь противоречием со своим предыдущим демаршем, он уже описывает не ужас вторжения французов на Британские острова, а кошмар, который начнется из-за неизбежной неудачи десанта. «Не подлежит сомнению, что общественное мнение во Франции, которое до сих пор Бонапарту удавалось в целом заставить относиться к нему благосклонно, во многом изменится для него к худшему. Десант в Англию, в подготовке которого он зашел слишком далеко, чтобы не попытаться произвести его, и осуществление которого, как он теперь видит, связано с большими трудностями, не обещает ему никаких вероятных шансов с успехом выйти из критического положения, в котором он находится. Какими средствами может поднять Бонапарт упавший гражданский дух страдающей и обманутой нации? Как успокоит возбуждение ропщущей армии и алчных и недовольных генералов? Из всего, что было сейчас сказано, вытекает, что первый консул не может долго оставаться в своем теперешнем положении и что ему остается одно из двух: или скорее заключать мир, или продолжать осуществление своих захватнических планов. Первое решение было бы, несомненно, наиболее желательным, но сколько препятствий для того, чтобы оно могло осуществиться! Англичане теперь согласятся на мир лишь на тяжелых для Франции условиях; эта держава не может больше домогаться *status quo ante bellum*, и Бонапарт, заключая мир, рискует потерять свою славу, разрушить очарование, которое создавали ему до сих пор его удачи, и подготовить свое падение в связи с потерей им уважения внутри страны. Его характер и его положение заставляют, следовательно, предполагать, что он предпочтет пойти на самый большой риск, чтобы отсрочить катастрофу, которая, по его мнению, возможно, будет ускорена, если он начнет идти на уступки»^[240].

В этом пассаже видна не только полная необъективность, но и следы великолепных докладов Аркадия Ивановича Моркова, особенно когда автор говорит о «страдающей обманутой нации... ропщущей армии и алчных и недовольных генералах». Интересно, что канцлер и, естественно, император, обращаясь к австрийцам, проявляют прагматизм, от недостатка которого страдал наивный Павел. Зная, что в Вене небезразличны к красотам Италии, царь и его канцлер, не смущаясь противоречиями с благими намерениями будущей коалиции, походя бросают фразу о том, что в России с пониманием относятся к интересам австрийского двора: «Естественно, что Австрийский дом, будучи тогда вынужденным понести значительные расходы, пожелал бы также со своей стороны извлечь некоторую выгоду из создавшихся обстоятельств и постарался бы обеспечить себе на будущее лучшие границы в Италии (!)...»^[241]

Часто, описывая процесс складывания антифранцузского союза в эти годы, историки говорят о событиях, связанных с арестом герцога Энгиенского, и обмене жесткими нотами,

которые произошли в апреле 1804 г. (см. ниже). Якобы эти события и резкий ответ Бонапарта на протест русского царя привели к разрыву между Россией и Францией. На самом деле из представленных документов совершенно очевидно, что Александр твердо настроился на войну с Бонапартом уже в конце 1803 г.

Это полностью подтверждают интересные документы из Российского государственного исторического архива. Здесь хранится подробнейший дневник австрийского военного атташе полковника Штутерхайма, который он вел в период с января 1804 г. по апрель 1805 г. В отличие от многих старческих мемуаров, где автор часто путает одну войну с другой, а высказывания, произнесенные в 1812 г., относят к 1805 г., здесь мы видим поистине стенографический отчет о беседах, которые Штутерхайм вел с первыми лицами империи и, прежде всего, с самим Александром. Судя по характеру дневника, все записи сделаны вечером того же дня, когда велась беседа, и все выражения переданы настолько дословно, насколько это вообще возможно. Изучение этих бумаг не оставляет ни малейшего сомнения в том, когда Александр принял решение о войне с Францией. Все беседы полковника с царем в январе – марте 1804 г. вертятся исключительно вокруг того, когда же наконец Австрия даст положительный ответ на настоятельные предложения царя о военном союзе.

На балу у императрицы 16 февраля Штутерхайм долго беседовал с Александром. «Ничто не возвышает душу так, как война, – внезапно сказал царь и затем после некоторого размышления добавил: – Я знаю, что, быть может, сейчас уже не время сражаться с идеями, ставшими всеобщими, чтобы их победить. Но нужно, по крайней мере, остановить амбиции правительства, которое в конечном итоге уничтожит всех остальных, если из-за трусливого соглашательства или из слабости мы не поставим на его пути барьер». А потом император, буквально не переставая, твердил одно и то же: «Это поистине химера – надеяться на то, что мы сможем избежать общей судьбы, если мы не остановим амбиции Бонапарта. Нужно быть в такой же слепой апатии, как Пруссия, чтобы надеяться на это». Долгий разговор полковника с Александром вызвал интерес у присутствующих, и французский посланник невзначай оказался недалеко от Штутерхайма. Царь осторожно заметил: «Надеюсь, что он нас не услышал». В этот момент императрица приблизилась и произнесла: «Супруг мой, о чем вы так долго разговариваете?» – «Я говорю с господином о военных вопросах, он хорошо в этом понимает, и это поистине удовольствие – беседовать с ним на эту тему». Императрица недовольно повернулась, бросив: «Это слишком серьезно для бала»^[242].

На параде 26 февраля, где снова встретились император и австрийский полковник, Александр заявил: «Чтобы улучшить мою армию, ей нужна война, я надеюсь, что для блага обучения моих войск это будет война в союзе с вами»^[243]. 12 марта Штутерхайм записал в своем дневнике: «Уже восемь дней как император постоянно повторяет мне во время наших встреч на парадах, что ему не терпится узнать о нашем решении. Сегодня был большой бал-маскарад при дворе. Он [Александр. – *Примеч. авт.*] показался мне несколько рассерженным... более озабоченный, чем обычно, он произнес: “У вас теряют ценное время”»^[244]. 21 марта австрийский атташе опять беседовал с царем, который опять нетерпеливо спрашивал о решении австрийского правительства. Штутерхайм как мог выкручивался, отвечая, что дело, очевидно, объясняется задержкой с набором рекрутов. «Его Императорское Величество показался мне не удовлетворенным этим ответом, и я чувствую, как в его разговоре начинают проступать нотки недоверия»^[245], – записал в своем дневнике полковник.

Как можно догадаться из дневника, в Петербурге не было недостатка в парадах. Сделав маленькое отступление, отметим, что в это время в городе проживало 250 тыс. человек, из которых 50 тыс. были солдатами и офицерами гвардии и армейских частей. Так что нельзя было выйти на улицу, не увидев марширующий на смотр батальон, взвод, идущий заступить в караул, или эскадрон, направляющийся для занятий в манеж, не услышать треск барабана или свист флейты. Ну а император Александр, как уже отмечалось, в любви к «фрунту» уступал разве что своему отцу. Поэтому не случайно царь и военный атташе встречались на парадах и смотрах.

1 апреля в очередной раз Штутерхайм увидел императора во время парада, и Александр начал беседу с того, что пожаловался на плохую погоду, мешающую получать удовольствие от экзерциций. А потом вдруг, словно самое сокровенное вырвалось у него из души, ни с того ни с сего воскликнул: «Ради бога, сделайте же что-нибудь, чтобы ваш ответ быстрее прибыл!» – «Я попытался его успокоить, – записал в дневнике Штутерхайм, – сказав ему, что я точно знаю, что курьер из Вены уже выехал, но, вероятно, эта ужасная распутица задержала его в дороге». Царь, поняв, очевидно, что сказал очень эмоционально, произнес уже спокойнее: «Но он мог постараться выехать до распутицы. Я жду его с безумным нетерпением!»^[246] Тема ответа из Вены стала поистине навязчивой идеей Александра. Буквально через несколько дней на очередном параде он опять заговорил со Штутерхаймом и недовольно произнес: «Вы теряете много времени»^[247].

Таким образом, Александр не просто с конца 1803 г. думал об организации коалиции против Франции, не только делал в этом направлении конкретные шаги, но уже тогда был буквально одержим войной с Наполеоном. Он навязывал ее всем: прусскому королю, австрийскому императору, он требовал ее, несмотря на то что англичане не особенно просили русских бросаться на защиту Лондона. Он жаждал ее любой ценой, не обращая внимания на то, нужна она интересам России или нет, желает ли ее или нет большинство элиты российского общества. Он не советовался уже практически ни с кем, кроме нескольких страдавших навязчивой идеей англофилов и, прежде всего, канцлера А. Р. Воронцова.

О последнем баварский посланник Ольри очень метко заметил: «Я никогда не видел человека столь странного, как старый канцлер, которому император вверил руководство внешними делами. Набитый всякими предрассудками, спесью, предубеждениями, гордый своею мнимою опытностью, он стал, так сказать, неприступен»^[248]. Кстати, именно потому, что война совершенно не соответствовала ни желанию большинства русской элиты, ни национальным интересам страны, а решение о ней принималось в, мягко выражаясь, узком кругу, о ее подготовке никак не мог догадываться Бонапарт. И более того, его дипломатические представители в России чуть не до самого момента разрыва будут упорно твердить о миролюбивых намерениях Александра.

В Париже в это время действительно было не до России. Война с Англией становилась все более нешуточной и каждый день приносила все новые сюрпризы. 28 января 1804 г. приговоренный к смерти шуан^[249], некто Керель, в момент, когда его вели на казнь, вдруг заявил, что он может дать важные показания. Его выслушали, и вот что оказалось: уже несколько месяцев, как на английские деньги во Францию был переброшен из Лондона целый отряд головорезов под руководством знаменитого вождя вандейцев Жоржа Кадудалю. В задачу заговорщиков входило убийство первого консула и осуществление государственного переворота с целью реставрации монархии Бурбонов.

Вся парижская полиция была поднята на ноги. 8 февраля был арестован один из заговорщиков, некто Пико. Допрошенный с пристрастием, он заговорил и сообщил, что заодно с Кадудалем действует отставной генерал Пишегрю. Когда-то он был известным вождем революционной армии, но потом за контакты с роялистами был осужден на каторгу, оттуда он сбежал и переправился в Лондон, где на всякий случай английское правительство взяло его на свое содержание. Теперь, как сообщил другой арестованный заговорщик Буве де Лозье, он появился в Париже, чтобы вступить в союз с генералом Моро и обеспечить содействие последнего в государственном перевороте.

Дело стало настолько серьезным, что Бонапарт принял решение арестовать генерала Моро. Это было непростым ходом. Моро пользовался в армии огромной популярностью, все знали его военные таланты и считали человеком, преданным республиканским идеалам. Сам же генерал, уязвленный тем, что на месте главы правительства оказался другой, а не он, стал центром, вокруг которого группировались все фронтеры. Тем не менее 15 февраля он был арестован и заключен в тюрьму Тампль.

Арест Моро стал первым событием в истории консульства, которое вызвало взрыв недовольства. «Общественное мнение потрясено, как если бы произошло землетрясение», – записал в эти дни неаполитанский посол, маркиз де Галло. Никто не верил, что республиканец Моро может быть пособником шуанов. Нужно было срочно что-то делать. Полиция перекрыла барьеры на въезде в Париж и стала прочесывать всю столицу. За головы заговорщиков было назначено большое вознаграждение. И вот наконец 28 февраля жандармы схватили Пишегрю, которого выдал хозяин квартиры, где скрывался опальный генерал. Кольцо вокруг Кадудалья сжималось, и 9 марта 1804 г. знаменитый лидер роялистского движения был схвачен полицией.

Жорж Кадудаль, сын простого бретонского крестьянина, благодаря своей бешеной энергии, талантам и абсолютной преданности монархическому подполью стал непререкаемым вождем для графов и маркизов. Жорж обладал сверх того огромной физической силой. В момент ареста он убил одного из полицейских, а другого ранил. Но что интересно, простые парижане помогли полиции задержать Кадудалья. Его арест снова перевернул общественное мнение, на этот раз в благожелательном для Бонапарта направлении. Теперь всем стало понятно, что заговор действительно существовал и что Моро не столь чист и невинен, как казалось.

Кадудаль не стал заперяться, а просто и ясно рассказал, зачем он был в Париже. Его целью было убийство первого консула и возведение на престол графа Прованского, того, кого роялисты признавали за короля Людовика XVIII. В показаниях Жоржа, так же как и в показаниях его сообщников, говорилось, что в момент устранения первого консула в Париж должен был прибыть «французский принц», «но он там еще не находится». Что это был за принц, никто из заговорщиков не знал или не хотел говорить. Оставалось теряться в догадках. Наиболее известные из родственников короля находились далеко от Франции: граф д'Артуа и герцог де Бурбон в Лондоне, герцог Ангулемский в Миттаве, герцог Лилльский в Варшаве. Однако в нескольких показаниях промелькнуло имя герцога Энгиенского^[250]. Он был самым молодым из всех значимых фигур роялистского движения, но и одним из самых популярных. В ходе боевых действий с республиканской армией он зарекомендовал себя как талантливый военачальник и отважный солдат. Во время описываемых событий герцог Энгиенский жил в городе Эттенхейм на территории маркграфства Баден, всего лишь в 4 км от французской границы. «Он не замедлит вступить во Францию, что, согласно его сторонникам, будет нетрудно. Некоторые считают, что он уже там [во Франции. – *Примеч. авт.*]^[251], – показал на допросе один из заговорщиков.

Префекту департамента Нижний Рейн, который граничил с территорией Бадена, было поручено немедленно разобраться с этим делом. Тот послал на разведку переодетого унтер-офицера жандармерии Ламота, который хорошо говорил по-немецки. 8 марта 1804 г. его рапорт оказался уже на столе у первого консула. Согласно этому рапорту вокруг герцога Энгиенского собирались важнейшие фигуры роялистского движения. Здесь был и знаменитый генерал Дюмурье, и не менее известный английский агент Спенсер Смит, приезжал даже генерал Моро (!). В рапорте говорилось также, что герцог часто куда-то исчезает и отсутствует дома по несколько дней, а эмигранты, которые прибывают к нему в Эттенхейм, замышляют «что-то»...

Рапорт Ламота на самом деле был трагическим недоразумением. Желая придать важность своим действиям, унтер-офицер чуть-чуть сгустил краски, но самое главное, как «знаток» немецкого, он немножечко подправил фамилии, которые назвал ему болтливый трактирщик. Зная, что немцы произносят звонкие согласные как глухие, да и вообще коверкают все на свете, сообразительный жандарм превратил имя никому не известного эмигранта Тюмери в Дюмурье, Моруа в Моро, а Шмидта в Смита!

Получив этот рапорт, Бонапарт был потрясен. Для него все стало ясно. Именно герцог Энгиенский являлся тем принцем, который должен был повести за собой заговорщиков. «Я что – собака, которую может убить на улице каждый встречный-поперечный? – воскликнул

Бонапарт. – А мои убийцы, что – священные коровы, к которым нельзя прикоснуться? На меня нападают. Я должен ответить на войну войной!»

10 марта был собран чрезвычайный совет, на котором присутствовали все три консула (сам Бонапарт, Кабасерес и Лебрен), высший судья Ренье, министр иностранных дел Талейран и военный губернатор Парижа Мюрат. Общее мнение было – необходимо немедленно арестовать герцога Энгийенского.

На рассвете 15 марта отряд французской конной жандармерии и драгун, войдя на территорию Бадена, окружил дом, где жил герцог. Его вооруженные слуги были наготове, но, опытный солдат, он понял, что бой бесполезен, и сдался без сопротивления. Около пяти часов вечера 20 марта его привезли в Венсеннский замок под Парижем, а в девять часов вечера был собран военный трибунал под председательством генерала Юлена...

Позже, когда во Францию на штыках союзников вернутся Бурбоны, многие участники этого дела будут перекидывать ответственность за произошедшее один на другого. Так, полковники Базанкур и Баруа, заседавшие в трибунале, утверждали, что хотя и считали принца виновным, но хотели дать отсрочку в исполнении приговора. А адъютант Наполеона Савари, посланный, чтобы руководить процессом, вообще был ни при чем. «...Я вначале просто хотел встать так, чтобы лучше видеть происходящее, но так как я весь продрог из-за того, что провел ночь среди войск, на морозе, я хотел согреться у камина, перед которым стояло кресло генерала Юлена... и я оказался только на несколько мгновений (!) позади него во время слушания дела»^[252]. Члены же военного трибунала говорили, что, когда они собирались написать первому консулу письмо, Савари выхватил у них из рук бумагу и не терпящим возражений голосом отрезал: «Господа, вы сделали свое дело. С остальным я разберусь сам». Государственный советник Реаль, которому было поручено вечером 20 марта допросить герцога, не прочитав вовремя приказ и заснул спокойным сном, только наутро узнав, что ему надо ехать в Венсенн... В общем все спали, никто ничего не знал, а те, кто случайно оказались в этот вечер в Венсенне, были ни при чем...

На самом деле ответственность лежала на всех. Нужно сказать, что герцог Энгийенский был человеком, без сомнения, отважным и на процессе, на котором и так все было решено заранее, повел себя так, что вряд ли мог вызвать особое сострадание со стороны участника штурма Бастилии Юлена и офицеров республиканской армии. Он твердым голосом заявил, «что он недавно просил командный пост в английских войсках и до тех пор, пока будет продолжаться правление узурпатора, он будет использовать все случаи, чтобы встать под знамена держав, которые ведут с ним войну. Это его долг, который предписывает ему его положение и кровь, которая течет в его жилах»^[253]. Трибунал единогласно постановил: смертная казнь.

В три часа утра, когда еще было совсем темно, герцога Энгийенского вывели в широкий, выложенный камнем замковый ров. Поняв, что наступил его последний час, молодой принц попросил духовника, чтобы исповедаться. «К черту поповщину!» – раздался возглас явно не слишком набожного офицера. Командир взвода подал знак, раздался залп, и герцога Энгийенского не стало.

«Я приказал арестовать и судить герцога Энгийенского, потому что это было необходимо для безопасности, интересов и чести французского народа. В тот момент граф д'Артуа содержал, по его же признанию, 60 убийц в Париже. Если бы я оказался в подобных обстоятельствах снова, я поступил бы так же»^[254], – написал Наполеон на острове Святой Елены буквально накануне своей смерти.

Некоторые рьяные бонапартисты, желая оправдать своего кумира, позднее будут перекладывать ответственность на нерадивых помощников вроде Ламота или Реаля и вероломных советников, прежде всего Талейрана. Сам изгнанный император даже перед лицом смерти не побоялся взять на себя ответственность за совершенное. Что же касается Талейрана, который действительно был одним из самых рьяных сторонников казни принца, он с присущим ему цинизмом глубокомысленно изрек: «Это хуже чем преступление. Это ошибка»^[255].

На самом деле тогда никто так не считал. Англичане и роялисты наполнили Париж кинжалами наемных убийц. На первого консула вели самую настоящую охоту. Нужно было ответить так, чтобы больше ни у кого не возникало желания братья за ножи. Один из самых знаменитых историков этого периода, Фредерик Массон, написал по этому поводу: «Он должен был ударить так сильно, чтобы в Лондоне и Эдинбурге поняли наконец, что это не игра. Он должен был ударить открыто, так, чтобы герцоги и граф д'Артуа, видя, как течет королевская кровь, задумались на мгновение. Он должен был ударить быстро, ибо, если бы он взял представителя королевского дома в заложники, вся монархическая Европа поднялась бы, чтобы его защитить...»^[256]

Франция восприняла это известие молча. Если и поднялись голоса, то лишь для того, чтобы поддержать решение первого консула. Один из депутатов Законодательного корпуса, некто Кюре, с восторгом воскликнул: «Он действует как Конвент!» Сам же Бонапарт, словно слыша этот голос, вечером 21 марта фразами, будто заимствованными у ораторов Революции, объяснил своему окружению мотивы казни. «Эти люди хотели посеять во Франции хаос, они хотели убить Революцию в моем лице, я должен был ее защищать и отомстить за нее... Я человек государства, я – это французская Революция!»

Эту фразу и хотела услышать Франция от первого консула. Уже довольно долго среди первых лиц государства шел разговор о том, что нельзя допустить, чтобы благополучие страны покоилось лишь на жизни одного человека. Неужели, если Бонапарт будет убит другой, более удачливой группой заговорщиков, рухнет все здание, выстроенное в годы Консульства? Многие видели решение данного вопроса в установлении наследственной власти по образцу монархии. Однако страна вовсе не хотела возвращаться назад. Франция хотела быть уверена, что если она вручит корону первому консулу, все, что сделано Великой французской революцией, останется незабываемым: гражданское равенство, отмена феодальных привилегий, свобода совести, незабываемость передачи земель эмигрантов новым собственникам и, прежде всего, бывшим зависимым крестьянам, свобода производства и торговли. Казнь герцога Энгиенского первый консул показал, что между ним и Бурбонами нет ничего общего. Поворота назад не может быть. Бонапарт отныне стал таким же «цареубийцей», как и члены Конвента, осудившие Людовика XVI на смерть.

По решению Сената 18 мая 1804 г. первый консул Наполеон Бонапарт был провозглашен «императором французов» под именем Наполеон I. Началась новая эпоха, но не только во внутривосточной истории Франции, но и в истории ее отношений с Европой.

Глава 6. «Нам казалось, что мы идем прямо в Париж...»

В его природе царственной есть нечто,
Чего бояться должно. Он отважен
И мудр. Его неукротимый дух
Ведом рассудком осторожным к цели.
Кто из людей мне страшен? Только он.
Мой гений подавляет он, как гений
Антония был Цезарем подавлен.

У. Шекспир. Ромео и Джульетта

Залп ружей во рву Венсеннского замка отозвался гулким эхом при монархических дворах Европы. Но вот что удивительно: чем ближе тот или иной двор был к Франции, тем более слабыми были отзвуки события, произошедшего в ночь на 21 марта. Баденский курфюрст, которого наиболее, казалось бы, затрагивала история с герцогом Энгиенским, в осторожной форме выказал свое недовольство по поводу нарушения границ его владений, однако в его

послании было больше чувств солидарности и поддержки Бонапарту. Что же касается герцога Вюртембергского, он просто-напросто поздравил Бонапарта со счастливым избавлением от опасного заговора. Из Баварии выслали несколько эмигрантов. В Берлине и Вене возмущались, но умеренно, по крайней мере, никаких официальных заявлений на этот счет сделано не было. Зато в Петербурге выстрелы, сделанные за тысячи километров, произвели настоящий взрыв.

«Его Императорское Величество, возмущенный столь явным нарушением всяких обязательств, которые могут быть предписаны справедливостью и международным правом, не может сохранять долее отношения с правительством, которое не признает ни узды, ни каких бы то ни было обязанностей и которое запятнано таким ужасным убийством, что на него можно смотреть лишь как на вертеп разбойников», – заявил князь Чарторыйский^[257], открывая Государственный совет, собравшийся в Зимнем дворце в семь часов вечера 5 (17) апреля 1804 г.

Эти слова были прочитаны молодым князем, но на самом деле они принадлежали императору Александру. На рассмотрение Совета был поставлен вопрос о немедленном разрыве и войне с Францией. Большая часть членов Совета высказалась за разрыв отношений с Францией, как признает сам Чарторыйский, боясь не угодить царю. Однако были отважные голоса. Наиболее решительно высказался граф Николай Петрович Румянцев^[258]. Он вообще не понимал, почему Россия должна была броситься в кровавую войну из-за гибели иностранного принца: «...решения Его Величества должны подчиняться только государственным интересам, и... соображения сентиментального порядка никак не могут быть допущены в качестве мотива для действий... Произошедшее трагическое событие никак прямо не касается России, а честь империи никак не задета...»^[259]

Слова Румянцева несколько охладили пыл Александра. Было принято решение направить протест французскому правительству, однако ограничиться хотя и резкими, но дипломатическими выражениями, исключив из текста безумную фразу насчет вертепа разбойников. Одновременно при дворе объявлялся траур.

Интересно заметить, что если бы герцог Энгийский умер по какой-нибудь другой причине, вряд ли кто-нибудь его вообще вспомнил в Петербурге. Подобных принцев, состоявших в далеком родстве с тем или иным королевским домом, в Европе были сотни, и никогда по поводу их смерти не объявлялся официальный траур.

Конечно, Александру был глубоко безразличен герцог Энгийский, но его гибель дала тот долгожданный повод, который он искал. Муссируя до бесконечности этот факт, можно было изменить настроение в высших слоях русского общества, которое, как уже не раз отмечалось, прохладно относилось к идее войны с Францией. Действительно, императрица-мать, эмигранты, англофилы на все лады только и повторяли, что имя герцога Энгийского. Французского посла, который пока еще оставался в Петербурге, стали чураться. Его жена то ли по незнанию, то ли по недоразумению явилась на большое «собрание» в доме князей Белосельских в праздничном платье. «Русские дамы были в трауре, – рассказывает Гогендорп, – а некоторые из подражания моде даже в глубоком». От жены посла сторонились, ей наговорили резких слов, и она в слезах вынуждена была убежать из дворца.

Впрочем, светские разговоры были делом второстепенным. Казнь герцога Энгийского дала неожиданную возможность Александру выступить перед всей Европой поборником права, возглавить новый крестовый поход против «богомерзкого» революционного режима. Во все концы Европы полетели письма с призывом немедленно объединиться в борьбе с Наполеоном и создать военный союз против Франции. Подобные предложения были направлены в Вену, Берлин, Неаполь, Копенгаген, Стокгольм и даже Константинополь. Во всех посланиях Александр выражал гнев по поводу действий Бонапарта и взывал к защите попранной справедливости. Наверное, особенно должен был проникнуться возмущением из-за нарушения «прав человека» турецкий султан. Можно себе представить, как ломал голову Селим III, когда ему зачитали следующие строки: «Неслыханное происшествие

произошло на территории Германской империи, на земле Баденского курфюрста. Герцог Энгиенский был захвачен вооруженным французским отрядом и затем был отведен на казнь. Без сомнения, это событие наполнило Порту чувством изумления и горя, подобного тому, которое испытали все вокруг»^[260]. Так как в Турции обычно сажали на кол или рубили головы противникам султана, а незадолго до этого в Египте по приказу Селима были вырезаны вожди сепаратистского движения мамелюков, он наверняка действительно был наполнен «чувством изумления» по поводу послания русского царя.

Александр I направил также ноту протеста в адрес Сейма Германской империи в Регенсбурге. «Его Императорское Величество... убежден в том, что Имперский сейм так же, как и глава империи, отдавая должное его заботам, столь же бескорыстным, сколь и безусловно необходимым, незамедлительно присоединится к нему и, не колеблясь, заявят французскому правительству свой справедливый протест с тем, чтобы побудить его согласиться на все меры и демарши, которые оно должно будет предпринять для удовлетворения оскорбленного достоинства Германской империи и для обеспечения ее будущей безопасности»^[261].

Когда этот документ был зачитан на заседании Сейма, Баденский курфюрст предложил не тратить время на посторонние дела и заняться рассмотрением текущих вопросов. Что и было сделано.

Нетрудно предположить, что царь был задет этой черной немецкой неблагодарностью, но все же мнение германских князей не играло определяющей политической роли. Куда более важной была позиция Австрии. Во-первых, из всех держав, к которым обратился Александр, она была самой мощной, во-вторых, здесь при дворе были сильны антифранцузские настроения и живы идеи реванша за поражение в предыдущих войнах, наконец, русская армия просто физически не могла вступить в боевое соприкосновение с французами, не пройдя по территории Габсбургской монархии. Как уже отмечалось, настоятельные требования вступить с Россией в союз и даже конкретные предложения по поводу плана военных действий Венский двор получил уже в конце 1803 г., задолго до казни герцога. С тех пор царь нетерпеливо ожидал ответа.

Долгожданное письмо, собственноручно написанное императором Австрии Францем II, пришло в Петербург 22 апреля (4 мая) 1804 г., как раз в тот момент, когда высший свет только и делал, что обсуждал историю герцога Энгиенского. В своем просторном послании Франц II, как могло показаться на первый взгляд, полностью соглашался с Александром. Он говорил о том, что разделяет мнение царя по вопросам европейской политики, что готов выставить двухсоттысячную армию для борьбы с французами, и даже любезно обещал в случае успеха захватывать не слишком много земель в Италии. Однако в его письме было небольшое «но», которое полностью перечеркивало все идеи Александра. Дело в том, что австрийский император был готов на **оборонительный** союз. В его письме была фраза: «Я оставляю за собой возможность согласовать с Вашим Императорским Величеством в соответствии с требованием обстоятельств те случаи, когда потребуется использование наших общих сил ввиду неясности по поводу намерений, возможных воюющих сторон в общем и французского правительства в частности, а также степени опасности, которая может возникнуть в случае их реализации»^[262].

Иначе говоря, австрийцы не видели в настоящий момент ни действительной опасности, ни необходимости воевать с Наполеоном. Они были, конечно, очень рады тому, что в случае угрозы со стороны Франции они получают поддержку России, но только в этом случае. Никакого бурного желания устремиться в схватку у них не было. Страна была истощена предыдущими войнами, государственный дефицит достиг огромной суммы – 27 млн флоринов. Самый выдающийся австрийский государственный деятель и полководец того времени эрцгерцог Карл, младший брат императора, говорил о том, что его страна отстала от Европы на целый век, что пассивность властей «такая, что можно изумиться», а развал администрации «полный».

«Финансовое состояние Австрии – ужасающее, – писал эрцгерцог Карл. – Невозможно даже в мирное время сбалансировать расходы и доходы. Понадобится, по крайней мере, 20 млн флоринов, чтобы перевести армию на военное положение, 33 млн в год, чтобы ее содержать, и 150 млн в год, чтобы вести войну. Война приведет к немедленному банкротству... У нас будут, конечно, английские субсидии, но не следует преувеличивать их значимость... Они представляют лишь малую часть расходов (37 млн флоринов). Англичане еще и вычтут из этого долги, которые были сделаны ранее Австрией. И начислят проценты перед окончательным расчетом... Поэтому нужно любой ценой избежать войны, к тому же ее невозможно начать без союзников. Но кто же будут эти союзники? Можно надеяться только на русских... Контингент, который они обещают, – недостаточен, чтобы Австрия могла бороться наравне с противником. И можем ли мы быть уверены, что завтра под каким-нибудь предлогом, например разлад между командующими, они откажут нам в помощи? Наконец, даже если они с самым большим усердием будут поддерживать Австрию, все равно она примет на себя первый удар французов. Быть может, они даже вступят в нашу столицу до прибытия русских на Дунай»^[263].

Правда, эрцгерцог Карл считал, что рано или поздно войны с Францией не избежать. «Однако ее нужно отдалить настолько, насколько это будет возможно, – писал эрцгерцог, – и каждый год мира даст новых солдат и новые флорины австрийскому правительству»^[264].

Этого-то как раз и не мог стерпеть Александр. Он хотел войны сейчас, немедленно, а австрийская осторожность выводила его из терпения. Выразивший мнение царя фактический министр иностранных дел Чарторыйский немедленно по получении ответа из Вены встретил посла Австрии графа Стадиона и буквально отчитал перепуганного посланника за письмо его императора. «Проект, выраженный в письме, это всего лишь видимость союза... от такого союза не будет никакого толка, ибо случай, при котором он вступит в силу, никак не обозначен»^[265], – заявил Чарторыйский. Посол оправдывался как мог, пытаясь доказать самую горячую дружбу и привязанность Австрии петербургскому двору. Тогда Чарторыйский вдруг ошарашил его невиданной просьбой – он предложил послу вместе с ним откорректировать письмо императора Франца, исправив те статьи, которые не соответствовали взглядам на союз Чарторыйского и Александра I. Можно себе представить, как вытаращил глаза австрийский посол, который хотя и был ярым сторонником сближения с Россией, но и в мыслях не мог вообразить, как он будет править написанное рукой его повелителя послание!

Еще менее горел желанием вступать в войну с французами прусский король. Он также ответил на предложение Александра уклончиво. Что же касается Мадрида, здесь вообще смотрели в другую сторону. Фаворит королевы дон Годой, фактически заправлявший делами королевства, ответил на известие о гибели герцога Энгиенского ироничной фразой: «Когда есть дурная кровь, от нее надо отделаться».

Но самый жесткий ответ, самые страшные слова для Александра раздались из Парижа. В ответ на ноту, представленную 12 мая поверенному в делах Петром Убри, Бонапарт взорвался. Своему министру иностранных дел он написал: «Объясните им хорошенько, что я не хочу войны, но я никого не боюсь. И если рождение империи должно стать таким же славным, как колыбель революции, его отметит новая победа над врагами Франции»^[266]. По поручению первого консула Талейран написал, обращаясь к русскому правительству: «Жалоба, которую она [Россия. – *Примеч. авт.*] предъявляет сегодня, заставляет спросить, если бы, когда Англия замышляла убийство Павла I, удалось бы узнать, что заговорщики находятся в одном лье от границы, неужели не поспешили бы их арестовать?»^[267]

Это была настоящая пощечина царю. Хотя и в форме намека, Александру дали понять, что довольно странно выглядит в роли блюстителя европейской нравственности человек, который замешан в убийстве своего отца. «Эта кровная обида запала в сердце Александра и поселила в нем неизгладимую ненависть к Наполеону, руководствующую всеми его помыслами и делами впоследствии, – писал в своих мемуарах Греч. – Принужденный заключить с ним мир в Тильзите, Александр принес в жертву своему долгу и России

угрызавшее его чувство, но ни на минуту не терял его и, когда пришло время, отомстил дерзновенному совершенную его гибелью. Вообще Александр был злопамятен и никогда в душе своей не прощал обид, хотя часто из видов благоразумия и политики скрывал и подавлял в себе это чувство»^[268].

С этого момента смыслом жизни, мотивом всех действий Александра I будет только одно – свержение Наполеона. Этой личной ненависти будут подчинены все действия царя, ради этого, несмотря ни на какие геополитические интересы, несмотря ни на какую холодность и нежелание вступать в союз европейских монархов, несмотря на надменную, пренебрегающую всеми российскими интересами политику Англии, он будет упорно, буквально пинками, заталкивать всю Европу в коалицию против своего врага. Талантливый русский историк, работавший в эмиграции, Борис Муравьев написал: «Разумеется, меньше всего заинтересован в этих действиях Александра был русский народ, которого герцог Энгийенский, расстрелянный в Венсенском рву, заботил не больше, чем какой-нибудь мандарин, посаженный на кол по приказу Богдыхана»^[269].

Начиная с конца апреля 1804 г. русский царь буквально забрасывает своими посланиями о необходимости немедленного создания коалиции австрийский и прусский двор. Обширную дипломатическую переписку этого периода поистине можно назвать диалогом двух глухих. Александр с редким упорством повторяет в своих письмах одни и те же доводы. В ответ он в очередной раз получает письма, где с ним во всем соглашаются, кроме одного, самого главного – царю нужен союз для немедленного начала наступательной войны, австрийцы и пруссаки никак на подобную войну идти не хотят.

25 апреля (7 мая) 1804 г. Александр пишет в очередной раз послу России в Вене А. К. Разумовскому и в который раз повторяет свои доводы, которые посол должен донести до непонятливых австрийцев: «Несмотря на то что в силу местоположения моих владений мне нечего особенно опасаться французов (!), я все же счел, что не могу оставаться безразличным к опасностям, угрожающим другим государствам Европы; ...я поспешил предложить свое сотрудничество и помощь венскому двору как наиболее заинтересованному в поддержании равновесия в Европе». Царь вновь и вновь повторяет: «...я не могу согласиться с мнением, что союз подобного рода [оборонительный. – *Примеч. авт.*] мог бы гарантировать Европу от бедствий, готовых обрушиться на нее, для предотвращения которых нужны средства, более сильные, нежели то, каким является в политике простой оборонительный договор...»

Как всегда, Александра не смущают противоречия самому себе. Он пишет: «...я очень далек от того, чтобы желать войны» и тут же добавляет: «...каким бы образом ни началась война на континенте, она должна рассматриваться как оборонительная, поскольку французское правительство уже давно начало прямую агрессию против всех европейских государств». Это письмо царя, такое же пространное, как и все остальные, можно читать только между строк. Здесь постоянно лицемерно повторяется мотив «миролюбия» и тут же одно за другим следуют требования немедленно начать войну, чтобы спасти «страждущую Европу»^[270].

Определенно, Александр страдал графоманией, потому что 25 апреля (7 мая) 1804 г. он пишет еще одно письмо на многих страницах, на этот раз лично обращенное к императору Францу II, где он практически слово в слово повторяет то, что он изложил своему послу. Наконец, в этот же день огромное письмо русскому послу в Вене пишет и Чарторыйский, где он опять почти буквально перепевает на все лады те же самые доводы. Впрочем, его послание немного короче и немного откровеннее, чем письмо царя. Оно завершается плохо скрытой угрозой в адрес австрийцев: «Если, однако, вопреки всем соображениям собственной выгоды эти державы не захотят действенным образом воспротивиться пагубным предприятиям, прежде всего касающимся именно их, и способствовать спасению Европы от бездны, разверзнувшейся, чтобы поглотить ее, император, с болью глядя на то, как они стремятся к своей собственной гибели, и зная, что им не в чем упрекнуть его, без

труда наметит меры, диктуемые безопасностью и пользой его собственных владений, совершенно отделив их от интересов своих соседей...»^[271]

Но, как ни странно, незадачливые австрийцы никак не могли увидеть «разверзнувшуюся бездну» и не собирались «воспротивиться пагубным предприятиям». Император Франц заявил Разумовскому: «Французы мне ничего не сделали, и я ими очень доволен»^[272].

Одновременно общественное мнение Вены было настроено против войны. Мы уже упоминали об эрцгерцоге Карле, который был противником военной авантюры. Эрцгерцог, брат императора, полководец, победитель во многих сражениях с французами, пользовался огромным авторитетом в военных кругах австрийской монархии. Вполне понятно, что его поддерживал генералитет, но о том, насколько суждения эрцгерцога Карла о перспективе войны с Францией не были мнением лишь одного человека, а выражали характерные взгляды австрийского военного руководства, говорит интереснейший документ.

Это донесения русского секретного агента в Вене, некоего шевалье Маллиа^[273]. Они написаны в 1804–1805 гг. и отражают как позицию австрийских правящих кругов, так и столичного общественного мнения. Вот что доносил Маллиа в июне 1805 г.: «Выйдя из мастерской Кановы, я встретил несколько австрийских генералов из числа тех, которые проводят свою жизнь в Вене и не желают ни за что ее покинуть... Я вынужден был выслушать долгую проповедь, направленную против войны и против русской политики. “Сейчас идет подготовка к войне, – сказали они, – в этом никто не сомневается, но нужно сказать, что общественное мнение желает лишь мира и верит лишь в мир. Наши военные приготовления зашли так далеко, что превратились в угрозу. А Бонапарт до сего времени демонстрировал лишь миролюбие. В нашу роль не входит ему угрожать.

И что мы можем ожидать от этой новой войны, – продолжали генералы. – Разве мы сейчас более сильны, чем были раньше, тогда, когда потерпели поражение? Или, быть может, Франция стала слабее за счет того, что она чуть ли не вдвое увеличила свое население и территорию, окруженную мощными крепостями и горами?.. Говорят, что за нас Россия, но когда она придет на помощь и с каким количеством войск? Россия слишком далека от театра военных действий, ее заинтересованность слишком мала, чтобы надеяться на ее действительную помощь... мы очень удивляемся в Вене, – добавили они, – что Россия вдруг воспылала к нам такой нежностью, желая увлечь нас в войну. Зато она очень колючая и нелюбезная, когда речь идет о малейшем приобретении для нашей страны. Когда в Петербурге идет речь о Вене или Берлине, нет сомнения, к кому будут обращены все симпатии. Что касается Австрии, с ней будут спорить за каждый арпан^[274] территории, в то время как Пруссии с удовольствием отдадут целые провинции... Более того, если Пруссия должна остаться арбитром в Северной Германии, в то время, как Австрия будет подвергаться опасности, дабы воссоздать химерическое равновесие Европы, война становится для нас настоящим безумием”. Так думают, по заявлению австрийских генералов, все жители Вены от сапожника до князя...

Если Пруссия не вступит в коалицию, общественное мнение будет готово на любые жертвы, лишь бы только сохранить мир. Пусть Бонапарта признают императором хоть двух Галлий, а Бачиокки^[275] пусть хоть герцогом Венецианским, хоть князем Тирольским.

Потом генералы вспоминали о том, как повела себя Россия в войнах против турок и в войнах против революции. “Сколько было обещания от русских и сколь мало они дали! Сколько долгов мы наделали, сколько провинций потеряли... А Пруссия при этом увеличилась за счет поражения Австрии, и при этом Петербург сохранил по отношению к Пруссии ту же самую трогательную любовь. Невозможно, – считают они, – продолжать действовать подобным образом”^[276].

Пруссия же категорически не хотела вступать в коалицию. Прусский король заявил русскому послу, что желает «сохранить мир и спокойствие на континенте, сохранить процветающую Францию, а не унижать ее (!)», кроме того, «наиболее существенные интересы его монархии и его возможности призывают его ограничиться в своих заботах в этом отношении с Севером; что же касается Юга, то он может и должен предоставить заботу о нем державам, более него заинтересованным в этом, например Австрии»^[277].

Наконец, еще ранее в послании, обращенном к графу Гаугвицу, прусский король недвусмысленно декларировал: «...только непосредственные действия Франции против территории Пруссии заставят меня взять в руки оружие»^[278].

Но это еще не все. Пруссаки были готовы с оружием в руках отстаивать свое право не воевать по прихоти других держав! Во французском военном архиве хранится трофейный документ, который называется «Рассуждения о первых операциях прусской армии против австрийских войск...». Этот документ составлен в июле 1804 г. прусскими штабными офицерами на случай войны с Австрией и Россией. План войны спокойно, деловито, без всякого трепета перед предполагаемым столкновением, разбирает возможные действия на случай «войны с Австрией и Россией в союзе... с Францией»!^[279] Как ясно, несмотря на кокетство королевы Луизы и ее авансы Александру, прусское командование готовилось к войне не с Наполеоном, а с теми, кто хотел вынудить Пруссию воевать!

Таким образом, если первая и вторая коалиция против республиканской Франции сложились почти что спонтанно под влиянием форс-мажорных обстоятельств, третья коалиция не могла бы появиться на свет без упорной и целенаправленной деятельности Александра.

В этой иступленной подготовке войны против Франции царю помогало всего лишь несколько человек: уже много раз упоминавшийся Семен Воронцов, а с начала 1804 г. товарищ (заместитель) министра иностранных дел Адам Чарторыйский. Молодой польский магнат весьма откровенно пишет о событиях того времени в своих мемуарах. Он открыто признает, что согласился занять этот пост только для того, чтобы защищать **польские интересы**, а точнее, то, что он рассматривал как таковые.

Согласно его мнению, не было ничего опаснее для дела восстановления Польши, чем русско-французский союз. В этом, без сомнения, есть рациональное зерно, ведь, когда наметилось русско-французское сближение, Бонапарт запретил всякую активную политическую деятельность польских эмигрантов в Париже, а героев польских легионов, оставшихся в рядах французской армии, послал подавлять восстание негров на Сан-Доминго, подальше с глаз.

Чарторыйский считал, что война с Францией вызовет войну и с Пруссией (принимая во внимание прусский документ о готовности воевать, мнение князя было не лишено логики). «Тогда было бы провозглашено Польское королевство под скипетром Александра», – писал Чарторыйский. Молодой магнат, конечно, не говорит об этом в своих мемуарах, но он, похоже, видел не только «скипетр Александра», но и корону нового королевства на своей голове. Таким образом, все его усилия были направлены на то, чтобы любой ценой разжечь в Европе континентальную войну. Все, что сказано здесь, – не домыслы, а черным по белому написано самим князем.

В результате получилось великолепное трио: царь, желавший войны из личной ненависти, его министр, желавший войны, чтобы воссоздать Польское королевство, и посол в Англии Воронцов, желавший войны во имя защиты дорогих его сердцу британских интересов.

В течение долгого времени советские историки, как черт от ладана, бежали от рассмотрения истинных причин создания третьей коалиции. Потому что ясно, если начать поднимать документы, теория превентивной войны, защищающая интересы России, рассыпается как карточный домик. Ни о каких интересах страны ни царь, ни его подручные и не думали. В лучшем случае можно сказать, что они хлопотали о корысти тех представителей российского правящего класса, которые наживались за счет продажи зерна со своих поместий в Англию.

Это ни в коем случае не оправдывает экспансионистскую политику Наполеона, которая стала еще более заметна после провозглашения империи во Франции. Однако, чтобы хоть как-то задеть регионы, где Россия имела свои интересы, Наполеон был бы вынужден разгромить Австрию. Так как габсбургская монархия не собиралась ни в коем случае в

одиночку атаковать Францию, никакого повода у Наполеона для того, чтобы вести войну с ней, не было.

А если бы он вдруг ни с того ни с сего напал на нее, у России был бы прекрасный случай показать свою силу. В этой ситуации Австрия целиком и полностью была бы на стороне русских и сражалась бы не «для галочки», потому что ее за уши втягивают в союз, а во всю свою силу. Нет сомнений, что и пруссаки не могли бы в подобной ситуации остаться в стороне. Тогда действительно война была бы не только мотивирована, но и необходима. Это было бы очевидно для каждого простого австрийского, прусского и русского солдата. Подобная война была бы поистине священной и справедливой... но Наполеон не собирался нападать на Австрию, по крайней мере в обозримом будущем.

Как государственный человек, который мыслил интересами своей страны, он никак не мог понять политику Александра. Он не видел выгоды для России в предстоящей войне, и поэтому ему казалось, что царь окружен дурными советниками, что министров подкупает английское золото. Подобную же точку зрения разделяли и многие его сотрудники. Самое интересное, что даже те, кто находился в Петербурге, не могли проникнуть в суть происходящего.

После того как Россия и Франция обменялись жесткими нотами, французский посол Эдувиль покинул Петербург. Его место занял временный поверенный в делах Реневаль, которого в свою очередь сменил консул Лессепс. 12 октября 1804 г., когда создание коалиции шло уже полным ходом, Лессепс написал из Петербурга: «Я считаю, что господин граф фон Гольц, посол Пруссии в России, работает самым серьезным образом над сближением русского и французского дворов. Он часто встречается с князем Чарторыйским и регулярно посылает курьеров в Берлин... Все сходятся на мысли, что эти переговоры предназначены, чтобы восстановить доброе взаимопонимание между двумя самыми могущественными государствами Европы. Надежду на счастливый результат дают намерения императора (!!), который, несмотря на инсинуации проанглийской партии, сопротивляется ее влиянию и отбрасывает все предложения, которые могли бы привести к возникновению континентальной войны (!!))»^[280]. Это донесение не просто свидетельство изумительной близорукости французского дипломата, а лишь констатация факта – позицию Александра было невозможно понять с точки зрения рациональной.

В то время когда Лессепс все еще надеялся «восстановить доброе взаимопонимание между двумя самыми могущественными государствами Европы», по приказу Александра I с дипломатической миссией в Лондон отправился Н. Н. Новосильцев. Николай Николаевич Новосильцев занимал пост товарища (заместителя) министра юстиции и, казалось бы, к дипломатической деятельности не имел прямого отношения, но он относился к числу «молодых друзей»^[281] царя. Миссия же, которая была ему поручена, требовала прежде всего полного доверия со стороны Александра, ибо в задачу Новосильцева входили переговоры по непосредственному заключению военного союза между Россией и Англией.

Инструкции, данные ему 11 (23) сентября 1804 г., поражают своим объемом – около 30 тыс. знаков! Удивляют они также запутанностью, туманностью и категорическим желанием не называть вещи своими именами. Все листы обширного опуса пропитаны лишь одним – ненавистью к наполеоновской Франции, прикрытой иезуитскими, лицемерными фразами. Несмотря на то что этот документ не раз разбирался историками, он стоит того, чтобы на нем остановиться, так как здесь раскрываются все принципы политики Александра I и его помощника Чарторыйского, перу которого, кстати, по большей части и принадлежат инструкции.

Документ начинается с длинной преамбулы, где на все лады уже в тысячный раз повторяются переживания по поводу страданий Европы и Франции и делается первый вывод: «прежде чем освободить Францию, нужно сначала освободить от ее ига угнетаемые ею страны». Потом, разумеется, царь планировал заняться «освобождением» самих французов. «Мы объявим ей [французской нации. – *Примеч. авт.*], что выступаем не против нее, но исключительно против ее правительства, угнетающего как саму Францию, так и

остальную Европу. Мы укажем, что сначала имели в виду лишь освободить от ига этого тирана угнетаемые им страны; теперь, обращаясь к французскому народу... предлагаем всем партиям... с доверием отнестись к намерениям союзных держав, желающих лишь одного – освободить Францию от деспотического гнета, под которым она стонет».

Чтобы лучше объяснить собеседникам Новосильцева, отчего же «стонет» Франция, империи Наполеона даются самые чудовищные характеристики: «отвратительное правительство, которое использует в своих целях то деспотизм, то анархию». Касаясь будущего устройства побежденной страны, Александр глубокомысленно заявлял: «Внутренний социальный порядок будет основан на мудрой свободе». Рецепт «мудрой свободы», конечно же, лучше всего знали в Европе властитель 20 млн русских крепостных крестьян и английские банкиры.

«Россия и Англия распространят вокруг себя дух мудрости и справедливости», – уверенно писал Александр. Впрочем, дух мудрости и справедливости понимался довольно своеобразно. Например, говорилось: «Очевидно также, что существование слишком маленьких государств находится не в согласии с поставленной целью, потому что, не имея никакой силы... они не служат... никоим образом для общего благополучия (!!)».

После пространных рассуждений о мудрости и справедливости русский царь переходил к более приземленным задачам, которые были более доступны пониманию английских министров. По его мнению, было необходимо, «чтобы две державы-покровительницы сохранили некоторую степень господства в делах Европы, потому что они единственные, кто по своему положению неизменно заинтересован в том, чтобы там царили порядок и справедливость».

Интересно, что, «переживая» за судьбу Турции и постоянно страшая султана захватническими видами французского правительства, царь мельком замечает: «Обе державы должны будут договориться между собой, каким образом лучше устроить судьбу ее различных частей»^[282]. Что царь понимал под этим, очень хорошо и ясно изложено в письме Чарторыйского Воронцову от 18 (30) августа 1804 г.: «Возможно, станет необходимой оккупация некоторых частей Оттоманской империи со стороны наших дворов, что будет единственным средством обуздать властолюбие Бонапарта (!!)»^[283].

Даже когда хорошо знаешь лицемерие Александра, его наставления своему посланнику не могут не вызвать удивления. Готовя войну, он все время заявляет о том, что желает мира. Не решаясь и пальцем пошевелить для того, чтобы хоть как-то исправить кричащие язвы российского крепостничества, он желал осчастливить 30-миллионный народ, принеся ему на штыках власть, которую французы свергли и против восстановления которой отчаянно сражались уже в течение десяти лет. Возмущаясь произвольными аннексиями Бонапарта, он сам желал переписать карту Европы, стирая с лица земли маленькие государства, которые «никоим образом не служат для общего благополучия». Выдвигая в качестве одного из мотивов войны французскую угрозу Османской империи, он без зазрения совести планировал аннексию всех ее европейских владений. Наконец, завершал Александр свой иллюзорный политический прожект утопической идеей установления всеобщего мира и гармонии в Европе!

Удивительно, как известный французский специалист по истории эпохи Александра I Мари-Пьер Рей нашла в этой абракадабре «морально-нравственный аспект битвы, в которую вступал царь»! Согласно историку, Александр желал предложить «геополитическую систему, которая должна была победить наполеоновскую, ибо она уважала права наций и права личности (!)»^[284]. Как это должно было сочетаться с насильственным свержением власти во Франции, ради которого нужно было положить миллионы жизней, уничтожением малых государств, переделом границ других, Мари-Пьер Рей не сообщает.

Прагматичные английские политики с ходу отменили все химеры Александра. Они вынесли из прекраснотных рассуждений только один ясный и простой факт – Россия желает войны с Наполеоном. Это их более чем устраивало. Все остальное Уильям Питт, вновь ставший в мае 1804 г. первым министром, пропустил мимо ушей. Он не был утопистом, его мало

заботила концепция всеобщего блага и необходимости «распространять вокруг себя дух мудрости и справедливости», зато он четко и ясно видел интересы правящего класса своей страны. Как блистательный психолог, он нюхом почувствовал, что русский царь не просто ищет взаимовыгодного союза, а жаждет по непонятным для Питта причинам войны с Наполеоном. Поэтому английский премьер-министр повел себя с Новосильцевым с твердостью, которую можно было бы в других обстоятельствах оценить как спесивую самоуверенность, граничащую с тупостью.

Вместо того чтобы с благодарностью броситься в объятия русского союза, он в буквальном смысле продиктовал России условия договора.

Питт высокомерно отбросил все попытки русской стороны затронуть вопрос статуса Мальты. Остров в Средиземном море отныне являлся базой британского флота и точка. Так же уверенно и без малейших сантиментов английский министр разрешил проблему морской конвенции – Англия будет действовать на морях так, как ей выгодно. В русском проекте было много прекраснотушных фраз о свободе Италии. Питт перечеркнул их раз и навсегда. Он тоже считал, что Францию нужно убрать с североитальянских земель и укрепить Пьемонт. Однако ни о какой свободе для итальянского народа речи идти не могло. Англичане, желая усилить Австрию, потребовали передачи ей в будущем практически всей Ломбардии. Наконец, английского премьер-министра было сложно одурачить туманными фразами о «необходимой оккупации некоторых частей Оттоманской империи». За всей галиматьей пустых фраз он прекрасно видел желание России утвердиться на Ближнем Востоке, чего англичане боялись еще больше, чем хозяйничанья там Франции. «Помогать какой-нибудь стране означает самый удобный способ завладеть ею», – с язвительной иронией заметил Питт. Таким образом, отбросив все русские предложения, английское правительство просто-напросто наплевало как на самого царя, так и на все его искренние или притворные утопические схемы.

Уже упомянутый Борис Муравьев совершенно справедливо отметил: «В страхе, как бы не сорвался его проект, Александр оставил в руках англичан мыс Доброй Надежды и – что просто невообразимо – Мальту. В этот момент он мог бы потребовать как компенсацию за огромные жертвы, на которые он вел свою страну, по крайней мере, немедленное возвращение острова Мальты ордену под суверенитетом и протекторатом России. Ничего подобного не было сделано. Сам дающий, он действовал так, как жалкий проситель»^[285]. Даже один из самых рьяных сторонников союза с Англией, Чарторыйский, изумленный наглыми требованиями британских министров, вынужден был написать, что Англия «хочет направлять континент в своих собственных целях и не заботиться ни об общем положении вещей, ни о мнении других держав»^[286]. Но ничто не могло остановить поистине одержимую, не знающую никаких доводов разума жажду Александра воевать с Францией. Царь молча снес все оскорбительные, презирающие интересы России требования Уильяма Питта.

Известный петербургский историк Борис Кипнис утверждает, что причиной старания Александра развязать войну было стремление к «державности». Мол, Наполеон, хозяйничая в Западной Европе, оскорблял величие России, и потому царь не мог не ответить на это войной, дабы поддержать престиж и авторитет своей державы. Если кто и оскорблял честь и достоинство России, это был Уильям Питт и наглое, надменное поведение британских политиков, обращавшихся с Россией как со своей колонией. Никакого уважения, никакого малейшего, хотя бы символического жеста в отношении Российского государства, а лишь выгода Англии, которую Александр фактически сделал целью действий на международной арене, лишь бы начать войну.

Результатом миссии Новосильцева и последовавших за ней переговоров было подписание 30 марта (11 апреля) 1805 г. в Петербурге англо-русского союза. Согласно его статьям предусматривалось создание «общего союза» против Франции. Россия брала на себя обязательство выставить 115 тыс. солдат для боевых действий против Наполеона. Интересно, что, даже еще не получив согласия австрийцев, было прописано, что они выставят для

ведения войны 250 тыс. человек. Можно сказать, что все обязательства, как военные, так и послевоенные, брала на себя Россия. Англичане же обещали лишь участвовать в войне своими морскими и сухопутными силами, а также выплатить субсидии участникам коалиции. Но дело в том, что английский флот и так без всяких договоров вел войну на море, сухопутных сил англичане практически не выставили, а субсидии России были выплачены не полностью и с опозданием.

В то время когда Александр и его министр иностранных дел усиленно сколачивали коалицию против Франции, взгляды Наполеона были обращены исключительно в сторону моря. В январе 1804 г. он снова посещает Булонь, чтобы инспектировать поистине титанические работы по подготовке гребной флотилии. В конце июля император опять прибыл в Булонский лагерь. В ходе этих инспекций Наполеон проводил многочисленные консультации с адмиралами и специалистами в морском деле. Перед императором со всей очевидностью встала труднейшая техническая задача. Булонская гавань, так же как и гавани Амблетеза и Монтрея, таковы, что во время отлива суда, стоящие там, оказываются на мели. Поэтому выйти в море можно только во время прилива. Флотилия стала столь многочисленная, что оказалось, что за время одного прилива ее физически невозможно в полном составе вывести в море. В результате план, согласно которому армия должна была форсировать Ла-Манш, используя штиль, оказался весьма сомнительным. Необходимо было овладеть проливом не на 8–12 часов, а минимум на двое суток. Но надеяться на полный штиль в течение двух суток было крайне сложно.

Адмирал Гантом написал по этому поводу следующее: «...я считаю экспедицию флотилии если и не невозможной, то, по крайней мере, рискованной...» Но он вовсе не советовал отказаться от идеи десанта. Гантом добавлял далее, что для успеха предприятия необходимо «...внезапно атаковать вражеские суда перед Булонью (их здесь не более нескольких линейных кораблей и нескольких фрегатов), выбить их из пролива и сделать его свободным не на восемь часов, а на сорок восемь»^[287].

В результате Наполеон принимает решение – для того, чтобы десант стал реальным, необходимо содействие эскадр линейного флота. Они должны, прорвав английскую блокаду, войти в Ла-Манш, сковать боем английский флот и дать возможность тем самым переправиться легким судам. Увы, грандиозный маневр императора оказалось технически невозможно реализовать летом 1804 г., и силой обстоятельств операция была перенесена на следующий 1805 г. А пока, для того чтобы поддержать моральный дух войск, Наполеон объезжал полки, проводил смотры, раздавал награды.

Грандиозное военное торжество состоялось 16 августа 1804 г. Император устроил раздачу крестов Почетного Легиона лучшим воинам своей армии. На склонах естественного амфитеатра, образованного холмами у моря, выстроились 70 тыс. солдат под общим командованием маршала Сульта. По сторонам императорского трона расположились сводные оркестры. С одной стороны 2000 музыкантов, с другой – 2000 барабанщиков! В десять часов утра в окружении огромной свиты прискакал Наполеон, его появление было встречено залпами артиллерийского салюта и громовым восклицанием «Да здравствует император!», вырвавшимся из десятков тысяч солдатских глоток. Поднявшись к трону, император брал выложенные на щит знаменитого рыцаря Баярда кресты и награждал достойнейших. Празднество закончилось грандиозным парадом.

21 августа 1804 г. Наполеон покинул Булонь и отправился в большую инспекционную поездку по северу и северо-востоку Франции. Нужно сказать, что речь идет о Франции 1804 г. и потому среди городов, в которых торжественно встречали императора, были Аахен, Гент, Кельн, Кобленц, Майнц, Трир и Люксембург. Император вернулся в Париж 12 октября. Здесь полным ходом шла подготовка к самой знаменитой из всех церемоний, произошедших в ту эпоху. 2 декабря 1804 г. в соборе Нотр-Дам де Пари папа римский Пий VII благословил императорскую корону и передал ее в руки Наполеона, который от лица французской нации возложил ее себе на голову. Герольд возвестил собравшимся: «Наиславнейший и

августейший император Наполеон, император французов, повенчан на царствование и коронован!»

Принятие Наполеоном императорского титула и церемония коронации, на которой присутствовал папа римский, вызвали некоторое беспокойство в Европе – не было ли здесь претензий на нечто большее, чем власть во Франции? Тем не менее реакция европейских дворов была в общем сдержанной. Франц II признал новый титул Наполеона, а в качестве компенсации объявил себя наследственным императором Австрийской монархии^[288].

Однако установление монархической формы правления во Франции неизбежно должно было повлечь соответствующие перемены и в Итальянской республике, президентом которой был Бонапарт. Действительно, итальянские власти поспешили внести изменения и в свою конституцию. 17 марта 1805 г. в тронном зале Тюильри император принял депутатов бывшей Итальянской республики, которые официально предложили ему принять корону нового королевства. Наполеон принял это предложение и тотчас же был провозглашен королем Италии. На самом деле перед этим решение вопроса итальянской короны заняло долгие месяцы, и акт 17 марта был лишь завершением длительных переговоров. Обсуждались и уточнялись детали новой конституции и самый главный вопрос – кто должен стать королем? Первоначально Наполеон планировал передать корону своему старшему брату Жозефу, но тот отказался, так как по конституции Французской империи он был главным наследником императора в отсутствии у последнего детей мужского пола. В результате корону Италии принял сам Наполеон...

Вечером 31 марта он выехал из Парижа и, остановившись ненадолго в загородном дворце Фонтенбло, направился в Италию. В отличие от обычных стремительных перемещений Наполеона, поездка проходила неторопливо, ибо во всех городах, через которые проезжал император, его ожидал торжественный прием. В конце апреля он совершил путешествие по Пьемонту, а 5 мая 1805 г. на поле сражения при Маренго провел смотр 30-тысячной армии, там же состоялась грандиозная «реконструкция» знаменитой битвы. Наконец, 8 мая в 16 часов Наполеон торжественно въехал в Милан.

Столица Итальянского королевства встретила его ликованием. «Огромные толпы народа теснились на широкой улице, – рассказывает очевидец. – Она была засыпана цветами. Императорская гвардия и Итальянская гвардия стояли вдоль улицы шпалерами. Многочисленная кавалькада почетной гвардии, набранная среди самых знаменитых семей собственников, интеллигенции и купечества, открывала путь императору и сопровождала его вместе с конной гвардией... Появление императора вызывало взрывы ликования, которые трудно описать. С особой силой радость народа проявилась, когда он подъехал к собору, где кардинал Капрара, архиепископ Милана, встретил его вместе со всем духовенством... Император остановился, чтобы принять благословение... а толпа сотрясала воздух криками «Viva el Re!»^[289]. Все время пока двигался кортеж, раздавался грохот артиллерийского салюта, а колокола, которых в Милане великое множество, гудели, не умолкая. Итальянские дамы сыпали потоки цветов с высоты своих балконов... На улицах раздавались звуки полковой музыки и фанфары кавалерии»^[290].

Наполеон повсюду демонстрировал, что он пришел в Милан не столько как император французов, а прежде всего как король Италии. Охрану его дворца несли совместно итальянские и французские гвардейцы, а на всех церемониях его сопровождал прежде всего штат итальянских придворных. Наконец, 26 мая в миланском соборе состоялась коронация, которая если не затмила, то, по крайней мере, сравнялась с блеском церемонии в Нотр-Дам. Для торжественного ритуала из церкви Сан-Джованни в Монце была доставлена под эскортом гвардейцев священная реликвия – корона лангобардских королей. Возлагая на свою голову древнюю железную корону, Наполеон громко произнес по-итальянски, так что звуки его слов гулко отдались под сводами собора, сакраментальную фразу первых королей Италии: «Господь мне ее дал, и горе тому, кто ее коснется!»

Однако поездка на Апеннинский полуостров не ограничилась величественными празднествами в Милане. 3 июня 1805 г. император и король, как теперь официально

назывался Наполеон, принял депутацию Лигурийской республики, которая попросила принять республику в состав Французской империи.

Здесь следует сказать несколько слов по поводу этой небольшой республики. В ходе кампаний в Италии французы среди прочих государств полуострова вступили и на земли, принадлежавшие городу-государству Генуе. Под влиянием событий во Франции и Италии генуэзцы свергли власть олигархического правительства и образовали государство, которое учредило конституцию на манер французской. Это государство получило название Лигурийская республика по наименованию древних племен, когда-то живших на этой земле.

После присоединения Пьемонта к Франции, а особенно после начала франко-английской войны, положение Лигурийской республики стало очень сложным. Ведь она представляла собой всего лишь узкую полосу земли вдоль побережья Средиземного моря – знаменитую Генуэзскую Ривьеру. Сейчас это роскошные итальянские курорты, но тогда это была бедная земля, единственное богатство которой составляла морская торговля через генуэзский порт. Торговать же стало практически невозможно – англичане захватывали все генуэзские торговые суда, так как рассматривали республику как союзника Франции. Выступить на стороне англичан против Франции и Итальянского королевства было бы совершенно невыгодно – Лигурийская республика не располагала возможностью обороняться с суши. В результате не без подсказки со стороны Саличетти, представителя Франции в Генуе, сенат Лигурийской республики принял решение, что в подобном положении лучше уж просто-напросто войти в состав империи. Теряя при этом независимость, генуэзцы приобретали хотя бы некоторые выгоды, которые дает вхождение в состав могущественного государства.

Нет нужды пояснять, что Наполеон с «пониманием» отнесся к просьбе генуэзцев. Лигурийская республика была включена в состав империи, и 30 июня 1805 г. император и король торжественно вступил в ставший отныне частью его государства знаменитый итальянский город. Подобно Милану, Генуя встретила Наполеона бурным ликованием. Конечно, постарались власти, но, с другой стороны, в этой встрече присутствовала и искренняя радость. Как-никак генуэзцы покончили с двойственностью своего положения и надеялись на лучшее будущее.

В честь императора был дан праздник, который своим феерическим блеском затмил все виданное до этого. В бухте Генуи был сооружен самый настоящий плавучий храм, посвященный Нептуну. «Его огромный купол поддерживали шестнадцать ионических колонн, а промежутки между ними были украшены статуями морских божеств. Надписи на фронте возвещали, что император будет царствовать на морях, так же как он царствует на суше... Вокруг были сооружены плавучие острова, покрытые садами, где пальмы и кипарисы соседствовали с апельсиновыми деревьями, а в промежутках между ними били чистейшие фонтаны. Деревья были украшены флажками всех цветов и колокольчиками, которые звенели от движения волн. Вокруг сновали тысячи шлюпок и гондол. Из этого храма император мог наблюдать морские состязания... Когда спустилась ночь, между колоннами зажглись хрустальные люстры, и в воде тысячами цветов отражался их блеск. В воздухе летали светящиеся воздушные змеи, гондолы, наполненные огнями, сновали по бухте, а с плавучих островов раздавались прекрасные звуки музыки. По берегам стены, дома, дворцы, украшенные всеобщей иллюминацией, превратили великолепную Геную в сияющий амфитеатр. “Зрелище, с которым ничто не может сравниться ни в волшебстве, ни в величественности”. В десять часов вечера император под звуки торжественных гимнов направился во дворец Дураццо, последнего дожа Генуи, где он присутствовал на торжественном пиршестве вместе с императрицей и принцессой Элизой»^[291].

Кстати, о принцессе Элизе. Это младшая сестра Наполеона, которую император не забыл своими милостями. Во время своего вояжа в Италию он внес еще одно изменение в итальянские границы. Небольшой город-государство Лукка, где бурлили политические страсти, также обратился с совершенно «добровольной» просьбой о том, чтобы Наполеон взял его под свою опеку. Что, разумеется, и было сделано. Лукка вместе с крошечным

княжеством Пьембино были переданы под власть Элизы, а ее муж Феликс Баччиоки стал князем Лукки и Пьембино.

Звон колоколов миланской коронации отозвался сигналом тревоги в монархической Европе. Провозглашение Наполеона королем Италии, присоединение Генуи и Лукки прежде всего не на шутку обеспокоили австрийских политиков, чувствительных ко всему, что касалось итальянских дел. Большую тревогу вызвал уже сам новый титул Наполеона. Даже миролюбиво настроенные пруссаки восприняли это известие с раздражением. Посланник Франции в Берлине Антуан Лафоре написал по этому поводу Талейрану: «Вызывает сожаление, что Его Императорское Величество вместо титула точно определенного взял титул неопределенный – король Италии. В Европе привыкли называть так весь Апеннинский полуостров. Ревность, недоверие и многочисленные интриги могут возникнуть из-за этого порочного названия»^[292].

Действительно, формулировка «король Италии» допускала весьма широкое толкование, подобными словами декларировалась потенциальная возможность объединения всего полуострова под скипетром Наполеона. Интересно, что в торжественном акте провозглашения императора французов королем Италии от 17 марта 1805 г. указывалось, что итальянская и французская короны будут отдельными и потомки императора не смогут сидеть одновременно на обоих тронах. Более того, указывалось, что при определенных условиях разделение корон произойдет уже при жизни Наполеона и он передаст трон Италии одному из своих преемников.

Однако интересны те условия, при которых должно было произойти вручение власти преемнику. В статье третьей говорилось следующее: «Когда иностранные войска уйдут из Неаполитанского королевства, с Ионических островов и с острова Мальта, император Наполеон передаст наследственную корону Италии одному из своих сыновей...» Таким образом, Ионические острова, где находился в этот момент русский гарнизон, официально объявлялись зоной жизненных интересов Итальянского королевства. Здесь стоит вспомнить, что эти острова до 1797 г. были частью венецианских владений. Таким образом, это можно было воспринять за намек на необходимость возвращения всех венецианских владений итальянцам, а значит, и необходимость отторгнуть их от габсбургской монархии.

Все эти декларации и действия Наполеона стали гирей, которая склонила чашу весов в Вене в сторону участия в коалиции. С того момента, как Россия и Англия приступили к созданию военного союза, австрийский император испытывал усиленный дипломатический нажим со стороны Лондона и Петербурга. Англичане сулили большие деньги, Александр настойчиво требовал, просил и угрожал. Однако до того момента, пока Наполеон занимался лишь десантом в Англию, Франц II, как уже указывалось, всеми способами сопротивлялся этому давлению. Действия императора французов в Италии стали переломным моментом в политике Австрии.

Судьба распорядилась так, что весть о присоединении Генуи к Французской империи пришла в Вену в тот момент, когда нажим со стороны царя осуществлялся с особым напором. Подписав договор с Англией, он уже не мог отступать и в самой категоричной форме требовал от австрийского императора вступить в коалицию. «Неужели Австрия хочет спокойно, не приготовясь к войне, не приняв мер безопасности, ожидать появления Бонапарта в средоточии ее Монархии и подписать унижительный для нее мир? Неужели страх, вселяемый в нее честолюбцем, сильнее надежды на Мое содействие? – писал Александр, не скрывая своих эмоций, русскому послу в австрийской столице. – Объявите Венскому Двору, что вместо обещанных Мною 115 000 даю ему 180 000 войск. Честь Моего Государства не позволяет Мне смотреть равнодушно на молчание соседей Моих, коим способствуют они порабощению земель, сопредельных Франции. Кажется, начиная войну, выгоды которой обращаются в пользу не Мою, а союзников Моих, Я приобретаю права на их доверенность. Не усматривая, однако, тому доказательств, Я решился добровольно и без просьбы посторонней увеличить число вспомогательных войск Моих»^[293].

Таким образом, желая любой ценой вовлечь Австрию в войну, Александр бросил на чашу весов последний аргумент – увеличение численности русских войск, предназначенных для наступления. Одновременно он послал в Вену своего адъютанта генерала Винценгероде с поручением любой ценой заставить Франца II примкнуть к русско-английскому союзу.

Известия из Италии совпали по времени с новыми предложениями Александра и дали в руки Винценгероде великолепный козырь, которым он не замедлил воспользоваться. Австрийцы в результате согласились выступить против Наполеона, и 16 июля 1805 г. в Вене был принят план совместных военных действий в предстоящей кампании. Окончательно союзный трактат был подписан 28 июля (9 августа) 1805 г. австрийским послом в Петербурге графом Стадионом. Еще ранее, 14 января 1805 г., был подписан русско-шведский договор о военном союзе, а 10 сентября 1805 г. – договор между Россией и Королевством Обеих Сицилий (Неаполем). Наконец, 3 октября 1805 г. был заключен англо-шведский союзный договор. Он был подписан позже всех других, так как шведы затребовали субсидии, значительно превосходящие те, которые привыкли давать англичане, и только после долгого торга был достигнут компромисс. Третья коалиция против Франции была создана.

Таким образом, корона лангобардских королей дорого обошлась Наполеону. Напрашивается вопрос: зачем Наполеон, зная о колебаниях Австрии, пошел на рискованные шаги? Неужели помпезная церемония в Милане и узкая полоска Генуэзской Ривьеры стоили громадной континентальной войны? Или действительно, как часто утверждают историки, император французов рвался к мировому господству и для этого прежде всего стремился овладеть Италией и через нее всем Средиземноморским бассейном? Ответить на этот вопрос очень сложно и, более того, со стопроцентной уверенностью невозможно. Нападение со стороны коалиции, которое произойдет осенью 1805 г., не оставит Наполеону выбора. Ему нужно будет разгромить силы союзников на континенте и сделать так, чтобы они впредь не осмелились покушаться на его империю, – то есть снова ее расширить и усилить, тем самым спровоцировать новые войны... Совершенно невозможно утверждать, как бы он повел себя в отсутствие подобного нападения.

Трудно сказать, что было у Наполеона в голове в мае 1805 г., когда его встречала ликующая Италия. Однако известно следующее: уже в конце 1804 г. – начале 1805 г., несмотря на прекрасноразумные рапорты его дипломатов в России, он стал получать и другие донесения, где говорилось о военных приготовлениях Александра и его переговорах с англичанами и австрийцами. Правда, в начале февраля, получив крайне доброжелательное письмо от австрийского императора, Наполеон на какое-то время успокоился. 1 февраля он написал военному министру Итальянского королевства генералу Пино: «...Обстоятельства изменились. У меня больше нет никакого беспокойства. Мои отношения с Его Величеством Императором Германии приняли самый дружественный характер. Я желаю, таким образом, чтобы вместо 800 лошадей для артиллерии Вы закупили только 200 и вместо миллиона сухарей Вы ограничились заготовкой 100 тыс... Что же касается Порто-Леньяго, достаточно будет небольшого количества пушек, способных отразить нечаянный налет»^[294]. В тот же день император написал вице-президенту Итальянской республики Франческо Мельци: «...Предприятия, которые Вы предложили для выделения средств военному департаменту, могут лечь бременем на итальянский народ. Поэтому я решил ничего этого не делать. Письмо, которое я получил от Германского императора, полностью меня успокоило. Я написал военному министру в Милан, чтобы отменить все чрезвычайные меры, которые я ему ранее предписал»^[295].

Однако уже в начале февраля 1805 г. посол Франции в Баварии Луи-Гийом Отто послал несколько рапортов, в которых он передавал информацию, полученную от агентуры и из бесед с осведомленными лицами. Сведения французского дипломата говорили о неясных пока передвижениях австрийских войск. Так, в письме от 14 февраля 1805 г. он передавал следующее: «Двадцать пять полков пехоты [австрийской. – *Примеч. авт.*] и четыре кавалерийских находятся на границе... Обычно на этой линии находятся только шестнадцать пехотных полков и два кавалерийских»^[296]. С начала мая 1805 г. подобные рапорты стали

прибывать со всех сторон. Все говорило о том, что Австрия готовится к войне, и Наполеон изменил свое мнение об обстановке.

Можно предположить, что весной 1805 г. император почти не сомневался, что против него вскоре будет создана коалиция. И потому он решил не церемониться в Италии, а следовать жесткой логике войны – если не ты их, то они тебя. Поэтому он присоединял все, что можно присоединить, и, стремясь усилиться всеми возможными способами, делал ставку на национальные чувства итальянцев.

Насколько Наполеон мог рассчитывать на чувства итальянцев, видно из огромной разницы в отношении итальянского народа к австрийской оккупации и к французскому присутствию на севере полуострова. Конечно, и те и другие были в Италии иностранцами, и те и другие требовали денег и рекрутов, но все-таки разница была огромной. «Австрийцы вызывали всегда недоверие в тех краях, которые они занимали. Кажется, что они словно предчувствовали, что они здесь временные гости и скоро их попросят уйти. Потому они истощали край так, словно они были отступающим войском, опустошающим область, которую оно покидает. Они увозили в свою столицу серебро, захваченное у покоренного народа, и наполняли его страну своими ассигнациями. Никаких строительных работ, никаких полезных улучшений, а их характер был абсолютно противоположен итальянскому»^[297].

Совсем другой подход у Наполеона. Для начала заметим, что он совершенно свободно говорил по-итальянски, а это очень важно в контакте с народом. Наконец, он просто-напросто любил Италию. Не следует забывать, что его предки – это генуэзская дворянская семья, переехавшая на Корсику. В Италии он любил подчеркивать свои корни, не случайно в первую Итальянскую кампанию многие итальянцы восприняли его как предтечу освобождения всей Италии и создания единого Итальянского государства. Наконец, Наполеон создал эффективную администрацию, установил новые разумные законы, соответствовавшие духу времени, стремился всеми силами осуществить возможные улучшения и усовершенствования.

«Во время его пребывания в Милане он не на миг не прекращал заниматься всем тем, что могло украсить этот город, делая это с таким же рвением, как он делал в Париже. Все, что касалось интересов Италии и итальянцев, было его любимым занятием. Он сожалел, что никакое из предыдущих правительств этой страны не смогло закончить постройку Миланского собора... Он приказал начать работы тотчас же и выделил на это большие деньги, запретив останавливать строительство под каким бы то ни было предлогом»^[298].

Таким образом, апеллируя к национальным чувствам итальянского народа, делая лестные жесты в его сторону, он стремился заручиться поддержкой Италии в предстоящей войне. Наконец, все говорит о том, что шумными празднествами и политическими шагами, недвусмысленно показывающими его интерес к Средиземному морю, Наполеон хотел отвлечь внимание англичан от готовящейся десантной операции, которая в это время уже вступила в решающую фазу.

Сказанное выше не более чем предположение, но объяснять мотивы поведения в большинстве случаев можно только гипотетически, что же касается фактов, они ясны и неоспоримы: Россия и Англия заталкивали всеми силами австрийцев в коалицию, те сопротивлялись. Но после коронации в Милане, присоединения Генуи и Лукки они решились выступить против Франции, и третья коалиция была создана.

«Eh, bien, mon prince, Gênes et Lucques ne sont plus que des apanages, des поместья, de la famille Bonaparte. Non, je vous prévient, que si vous ne dites pas que nous avons la guerre, si vous vous permettez encore de pallier toutes les infamies, toutes les atrocités de cet Antichrist (ma parole, j'y crois) – je ne vous connais plus, vous n'êtes plus mon ami, vous n'êtes plus мой верный раб, comme vous dites»^[299], – с этой фразы, произнесенной Анной Павловной Шерер, «фрейлиной и приближенной императрицы Марии Федоровны», начинается великий роман Л. Н. Толстого «Война и мир». Как можно легко понять, этой забавной смесью «французского и нижегородского» Анна Павловна охарактеризовала политические изменения, произошедшие по воле Наполеона в Италии.

Без сомнения, роман – это не историческое произведение и тем более не источник. Однако нужно заметить, что во всем знаменитом произведении Толстого нет лучших с точки зрения исторической строк, чем те, которые посвящены описанию русского общества в самый канун войны 1805 г. Великий романист провел огромную работу с источниками и очень точно охарактеризовал суждения, которые высказывались в различных слоях русского дворянства перед войной третьей коалиции. С одной стороны – часть петербургской знати, приближенной ко двору, которая, подобно Анне Павловне, выражала казенный восторг по поводу действий Александра, энтузиазм молодых офицеров (Николай Ростов), жаждущих славы и подвигов, с другой – прохладное отношение значительных слоев дворянства и даже самый едкий скепсис. «Ерема, Ерема, сидел бы ты дома, точил бы свои веретена», – заявляет на балу у Ростовых двоюродный брат графини «старый холостяк Шиншин». Наконец, Пьер Безухов выражает мнение самой образованной части русской дворянской молодежи. В беседе со своим другом Андреем Болконским он говорит: «Теперь война против Наполеона. Ежели б это была война за свободу, я бы понял, я бы первый поступил в военную службу; но помогать Англии и Австрии против величайшего человека в мире... это нехорошо».

В русском обществе не было единого мнения по поводу предстоящей борьбы. Александра поддерживали англофилы и часть правительственных кругов. Воинственную позицию заняли ответственные дипломатические представители страны за границей: С. Р. Воронцов в Лондоне, А. К. Разумовский в Вене, Д. П. Татищев в Неаполе, А. Я. Италинский в Константинополе.

Однако заявлять, как делает В. М. Безотосный в своих исторических работах, что война была начата из-за враждебности русского дворянства к Наполеону, едва ли возможно. «Внешнеполитические устремления государства тогда полностью определялись интересами дворянства, которое уже четко определилось, что с Францией Бонапарта ему не по пути, – пишет историк. – В этом и заключалось идеологическое обоснование курса Александра I и мотивов государственного эгоизма, определяемого экономической, финансовой и политической пользой страны... можно с уверенностью говорить, что проводимая политика Александра I имела вполне внятную и логичную мотивировку, а не диктовалась его эгоистической “личной неприязнью”. Любая государственная политика – вещь весьма прагматичная, она всегда направлена на соблюдение определенных интересов. В данном случае российский император очень отчетливо определял цель государственной деятельности и геополитического позиционирования страны на самом высшем уровне, выдерживал свой курс, исходя из идеологических, социальных и экономических приоритетов русского дворянства»^[300].

Для того чтобы начинать войну, исключительно отвечая влиянию общественного мнения, нужно, чтобы его вектор был не просто направлен в определенную сторону, а ярко, совершенно однозначно обозначен. Ничего подобного в России 1803–1805 гг. не было и отдаленно!

Какой же это был вектор? Для В. М. Безотосного это не вызывает ни малейших сомнений. Отношение дворянства к Наполеону он характеризует цитатой из П. А. Вяземского: «Гнетущее давление наполеоновского режима чувствовалось во всех уголках Европы. Кто не жил в эту эпоху, тот знать не может догадаться, как душно было жить в это время. Судьба каждого государства, почти каждого лица, более или менее, так или иначе, не сегодня, так завтра зависела от прихотей тюильрийского кабинета или боевых распоряжений наполеоновской Главной квартиры. Все жили как под страхом землетрясения или извержения огнедышащей горы. Никто не мог ни действовать, ни дышать свободно» (!!). Ясно, что с подобным ужасом нельзя было смириться, и, конечно, все русские дворяне рвались в бой с Наполеоном.

Но, во-первых, всё, что написано после 1812 г., совершенно не отражает настроений первых лет XIX в., а пронизано теми чувствами, которые породила Отечественная война. Во-вторых, князю Вяземскому накануне войны 1805 г. было 12 лет, а написаны его воспоминания полвека спустя, когда Вяземский, начинавший как вольнодумец, стал ярким

ретроградом, озлобленным на всех и на всё. Нет сомнений, что подобные свидетельства не имеют ни малейшей ценности для выяснения настроений русского общества накануне начала наполеоновских войн.

Чтобы понять настроения русского дворянства в 1804–1805 гг., нам нужно обратиться не к мемуарным свидетельствам, совершенно искаженным за счет последующих событий, а к документам начала правления Александра I. Оказывается, что в период 1801–1803 гг. вообще не найти русских печатных произведений, порицающих Наполеона Бонапарта! В Российской национальной библиотеке значится 1795 печатных изданий на русском языке, вышедших в свет за этот период, среди них сотни книг и брошюр, переведенных с французского, множество книг, брошюр и журналов, воспевающих деяния первого консула, и ни одного (!) враждебного ему произведения!! А восхваляющих панегириков – сколько угодно! Яркие примеры таких апологетически настроенных работ мы привели в главе 4.

Если Александр I стал инициатором европейской войны 1805 г. под давлением дворянства, буквально истерически ненавидевшего Наполеона, можно задать законный вопрос: кто тогда покупал и читал эту печатную продукцию?

Интересные синхронные свидетельства об общественном мнении в России в этот период можно найти в донесениях ряда секретных агентов. Эти донесения хранятся, в частности, в архиве Министерства иностранных дел Франции. Вот один из таких рапортов: «Все те, кто занимаются политикой или считают себя политиками, ищут мотивы, которые могли заставить императора Александра начать войну против Франции. Те, кто не принадлежат правительству, не могут найти ни одного и честно признаются, что усилия англичан, направленные на создание новой коалиции, заставят, очевидно, сделать новую глупость Санкт-Петербургский кабинет. Спрашивают себя, как можно было так быстро забыть Голландию и Италию [имеется в виду поведение англичан по отношению к русским войскам во время голландской экспедиции и австрийцев во время итальянского похода 1799 г. – *Примеч. авт.*]?. Говорят, что Петербургскому кабинету столь же мало подходит заниматься делами Италии, как в Париже спрашивать о том, что делается на границах Персии и Грузии... Жители Москвы сожалеют о выступлении в поход московского гарнизона. Они не разделяют ослепления офицеров, считающих, что они идут прямо во Францию»^[301].

Другое донесение говорит следующее: «В Москве открыто порицают войну, потому что не видят никакой причины для нее... В августе 1805 г. сюда приехали фельдмаршал Салтыков, гн. Трошинский и министр финансов Васильев – все члены Совета. Эти господа уехали из Петербурга под предлогом состояния здоровья или семейных дел, но говорят, что это из-за того, что они открыто выразились по поводу ненужности войны. С того момента, как стало ясно, что война начнется, в Москве не скрывают недовольства: кто-то из патриотизма, а кто-то потому, что это помешает ему совершить путешествие в Париж... Париж для них первый город мира. Те, кто оттуда вернулись, дали желание другим совершить в свою очередь подобную поездку»^[302].

Источники подтверждают, что даже среди высшего общества были ярые противники вступления России в войну. К ним относились министр коммерции граф Н. П. Румянцев, министр просвещения граф П. В. Завадовский, министр юстиции князь П. В. Лопухин, министр финансов А. И. Васильев, член Непременного совета князь А. Б. Куракин, обер-гофмейстер граф Толстой, граф Ф. В. Ростопчин и многие другие. Каждый из них выдвигал свои резоны, согласно которым он считал, что России незачем ввязываться в европейскую драку. Так, А. И. Васильев говорил о плохом состоянии русских финансов, П. В. Завадовский отмечал, что война будет сопряжена с огромными расходами, а Ростопчин вообще категорически заявлял: «...Россия опять делается орудием грабительской английской политики, подвергая себя войне бесполезной»^[303].

Нельзя не отметить, что Салтыков, Трошинский, Васильев, Куракин, Лопухин были не просто богатыми сановниками. Они были членами Непременного совета, состоявшего из 12 самых знатных и влиятельных лиц Российской империи. Более того, фельдмаршал Николай

Салтыков был председателем этого совета! Нужно отметить, что Салтыков был к тому же воспитателем Александра и Константина и столь влиятельной политической фигурой, что позднее, в год Отечественной войны, с 29 марта 1812 г. он стал председателем Государственного совета и Комитета министров. А во время Заграничных походов русской армии в 1813–1814 гг., когда Александр I находился при армии, Салтыков фактически выполнял в России функции регента!

Неужели мнением этих людей можно пренебречь, если мы хотим выяснить позицию дворянства! Как можно говорить о единодушной ненависти русского дворянства к наполеоновской Франции в 1805 г., если пять из двенадцати членов высшего совета вместе с его председателем были против войны, а мнение семи других мы просто не знаем!

Наконец, наиболее образованные слои дворянства, те, которые читали произведения, отрывки откуда мы цитировали, подобно литературному герою Пьеру Безухову, были категорически против войны с Францией. Уже упоминавшийся выдающийся русский историк и публицист Н. М. Карамзин написал тогда слова, которые Толстой, немного переработав, и вложил в уста своего героя: «Россия привела в движение все силы свои, чтобы помогать Англии и Вене, то есть служить им орудием в их злобе на Францию без всякой особенной для себя выгоды... Что будет далее – известно богу, но людям известны соделанные нами политические ошибки, но люди говорят: для чего граф Морков сердил Бонапарте в Париже? Для чего мы легкомысленно войною навлекли отдаленные тучи на Россию?»^[304]

Правда, значительная часть дворянства поддерживала царя, не спрашивая, почему и зачем он начинает войну. В своем дневнике молодой чиновник Степан Петрович Жихарев записал: «Государь, вероятно, знает и без того, что мнение Москвы состоит единственно в том, чтоб не иметь никакого мнения, а делать только угодное государю, в полной к нему доверенности»^[305].

Молодые офицеры, как им и положено, храбрились. Вообще следует отметить, что в ту эпоху армия смотрела на войну совершенно иначе, чем в XX или XXI в. Относительно небольшие, по меркам современности, технические средства уничтожения той эпохи, эффектные мундиры, торжественная красота генеральных сражений с их развевающимися знаменами и военной музыкой и, наконец, возможность отличиться в бою, получить высокий социальный престиж приводили к тому, что для профессионалов война была скорее событием желанным, а не пугающим. Особенно это чувствовалось в тех армиях, которые привыкли побеждать. Русская армия, овеянная победами Суворова, не сомневалась в успехе. «Трудно представить, какой дух одушевлял тогда всех нас, русских воинов, и какая странная и смешная самонадеянность была спутницей такого благородного чувства. Нам казалось, что мы идем прямо в Париж»^[306], – вспоминал гвардейский офицер И. С. Жиркевич.

При этом какого-то серьезного антифранцузского чувства никто из этих отважных молодых людей не испытывал, впрочем, как и подавляющее большинство дворянства. Уже упомянутый Жихарев написал 3 (15) декабря 1805 г. в своем дневнике: «А между тем, пока мы деремся с заграничными французами, здешние французы ломают разные комедии и потешают Москву как ни в чем не бывало. Никогда французский театр не видал у себя столько посетителей, сколько съехалось в сегодняшний бенефис мадам Сериньи и мсье Роз. Правда, что театр невелик, но зато был набит битком; давали трехактную комедию *Les Conjectures ou le Faiseur des Nouvelles*»^[307].

Все приведенные выше цитаты (за исключением разве что Жиркевича) являются редкими свидетельствами непосредственно той эпохи, которые с трудом можно различить среди наслоений поздних мемуаров, где авторы не делают уже различия между тем, что говорили в 1805, 1807 или в 1812 г.

В общем, можно с уверенностью сказать, что подобно тому, как это было в 1801 и в 1802 гг., ничто не заставляло царя очертя голову броситься в водоворот кровопролитной войны: ни геополитические интересы, ни общественное мнение страны. Более того, хотя результирующий вектор общественного мнения дворянских кругов этого периода

определить сложно, но он все же скорее склонялся в сторону сохранения мира и проведения Россией независимой не только от Франции, но и от Англии внешней политики. Поэтому война 1805 г. была развязана прежде всего по причине желания и комплексов, обуревавших одного человека – императора России Александра I.

В тот момент, когда тучи военной грозы уже собрались над континентом, Наполеон, еще не знавший, сколь далеко зашло создание третьей коалиции, заканчивал последние приготовления к проведению своей гигантской десантной операции. 3 августа 1805 г. он снова прибыл в Булонский лагерь, где была полностью собрана армия, нетерпеливо ожидавшая заветного часа.

К этому моменту все силы гребной флотилии и сухопутной армии были доведены до желаемой императором численности и находились в полной боевой готовности. К августу 1805 г. общее количество войск, собранных на побережье Ла-Манша, было доведено до 161 215 человек. Для их транспортировки было собрано 2193 боевых и транспортных судов. Войска были распределены по десантным судам следующим образом.

	1339 десантных (парусно-гребных) судов	130 638 человек	2219 лошадей
	954 транспортных (простых) судна	30 577 человек	6480 лошадей
Всего:	2193 судна	161 215 человек	9059 лошадей

Из этого количества примерно 130 тыс. человек находились непосредственно в Булонском лагере, протянувшемся на 50 км по фронту Монтрей – Этабль – Булонь – Амблетез – Кале. В глубину лагерь был эшелонирован на расстояние до 40 км. Остальные находились в Бретани (около 10 тыс. человек под командованием маршала Ожеро) и в Голландии (20 тыс. человек под командованием генерала Мармона). Войска Булонского лагеря должны были форсировать Ла-Манш на десантных гребных судах, а войска из Бретани и Голландии – совершить переход морем на транспортных судах и больших боевых кораблях.

Гигантские работы были проведены на всем фронте лагеря. Для того чтобы английская эскадра, постоянно крейсировавшая перед Булонью, не могла нанести ущерба гребным судам, для них были сооружены специальные бухты. Вдоль по побережью были выстроены мощные форты, оштетинившиеся тяжелыми пушками. Французские инженеры придумали даже так называемые подводные батареи. Эти батареи сооружались так далеко вынесенными в море, что прилив покрывал их полностью водой, но когда вода уходила, артиллеристы возвращались на свои места и открывали огонь по врагу, если он приближался к берегу. Были устроены батареи тяжелых 24-фунтовых и 36-фунтовых орудий, ориентированных под углом, близким к 45°. При таком возвышении они стреляли на расстояние 4,5 км, что по тем временам было рекордом дальности. На берегу были установлены тяжелые мортиры для навесной стрельбы примерно на такую же дистанцию. В общей сложности около 500 орудий защищали лагерь с моря. Побережье Ла-Манша в районе Булони справедливо окрестили «Стальной берег».

Десантные гребные суда, которые со всех портов побережья стягивались к Булони, уже не раз вступали в бой с неприятелем и, как это ни странно, показали себя с хорошей стороны. Они были вооружены тяжелыми пушками, установленными в носовой части, и при соответствующей сноровке могли оказать серьезное сопротивление крупным кораблям. Один из офицеров, находившихся в лагере, записал в своем дневнике: «Несмотря на малость своего размера, наши скорлупки не всегда отступают перед врагом. Когда они собираются в большом числе и когда море достаточно спокойно, можно видеть, как они строят боевой порядок, разворачиваются носом, вооруженным тяжелой пушкой, к неприятелю и ведут огонь тем более опасный, что их ядра летят почти вдоль поверхности воды и ударяют

английские корабли в самый корпус. В то время как противостоящие им артиллеристы, стреляя сверху вниз по корабликам, едва видимым на большом расстоянии, лишь впустую тратят свои боеприпасы»^[308].

Трудно описать тот моральный подъем, который наполнял армию, собравшуюся в Булонском лагере. Всем казалось, что победа над коварным Альбионом совсем близка. Посадка на суда и высадка с них были десятки раз повторены. Полки, рвавшиеся в бой, ждали только сигнала.

Чтобы понять произошедшее дальше, необходимо перевести стрелки часов назад и вернуться в 1804 г., в тот момент, когда император принял решение о необходимости содействия крупных боевых кораблей для осуществления десанта. Проведение операции Наполеон поручил выдающемуся адмиралу Латуш-Тревилью. Этот опытный моряк, несмотря на свои 59 лет, был бодрым и решительным человеком. Он один из немногих в высшем морском руководстве твердо верил в успех высадки в Англии. В начале 1804 г. тогда еще первый консул Бонапарт поручил ему командование Тулонской (Средиземноморской) эскадрой, и 14 января того же года Латуш-Тревиль поднял свой адмиральский флаг на линейном корабле «Буцентавр», стоявшем на Тулонском рейде. Решительный адмирал вдохнул веру в победу в экипажи боевых кораблей. В июле 1804 г. он получил сведения о том, что у острова Поркероль Нельсон с отрядом линейных кораблей попытался атаковать крейсировавшие в море французские фрегаты. Латуш-Тревиль тотчас же вышел из Тулона с восьмью линейными кораблями и пошел прямо навстречу знаменитому английскому флотоводцу. У Нельсона было только пять линейных кораблей, и он, несмотря на все свое искусство и репутацию, не осмелился принять бой и вынужден был спастись от преследования французов. Этот маленький успех, как и умелые действия по подготовке команд, вернули французским морякам веру в свои силы, они прониклись мыслью, что могут и должны победить под командованием решительного флотоводца.

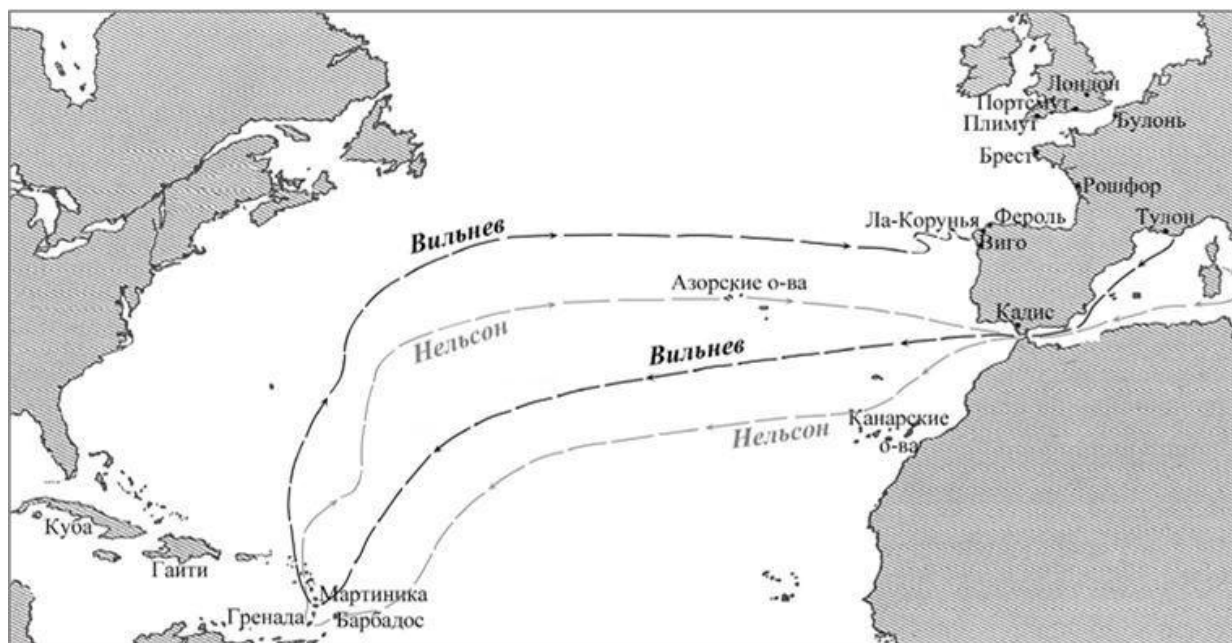
Решающая операция, которую задумали Наполеон и его отважный адмирал, приближалась. Но словно дьявол вставал на пути французов, когда речь шла о море. В августе 1804 г. Латуш-Тревиль внезапно заболел и умер. В его лице флот лишился моральной опоры, не только храбреца, не только прекрасного начальника, но и человека, верящего в победу.

На его место был назначен адмирал Пьер-Шарль де Вильнев. Он был довольно молод для подобного поста. В 1804 г. ему только исполнился 41 год. Тем не менее у него было немало боевого опыта, и он слыл хорошим моряком. Сверх того, его личная храбрость не вызвала сомнений. Однако у Вильнева был недостаток, который, как оказалось, перечеркнул все эти положительные качества, – это была нерешительность и боязнь ответственности. Кроме того, он совершенно не мог поставить себя выше трудностей обстановки. Как хороший специалист, он видел все изъяны, все недостатки вверенной ему эскадры. Но он видел их «слишком» хорошо. В любой армии, на любом флоте всегда чего-то недостает: где-то недодали провианта, у кого-то не хватает башмаков, где-то вышла из строя пушка, где-то поломалась мачта. И тем не менее, несмотря на все, когда нет другого выбора, надо идти вперед. Так поступали Цезарь, Суворов, Наполеон, Нельсон. Когда же у человека не хватает решимости, его взгляд останавливается исключительно на этих неизбежных недостатках, и он не может заставить себя смотреть дальше, а тем более понять, что на войне иногда требуется принести себя самого и свой отряд в жертву во имя достижения победы.

У Вильнева подобной силы духа не было и отдаленно. Но он был другом детства морского министра Декре, и тот устроил ему выгодное назначение.

Едва Вильнев прибыл к Тулонской эскадре, как в Париж понеслись письма с жалобами, сетования на обстоятельства, на плохое качество матросов, офицеров, кораблей. А момент был таков, что никак не допускал нытья и нерешительности. Осенью 1804 г. произошел эпизод, который приблизил возможность осуществления грандиозного военно-морского плана, задуманного императором. 5 октября английская эскадра напала на четыре испанских фрегата, перевозивших груз серебра из Мексики. На борту испанских боевых кораблей было

12 млн пиастров. Испанский адмирал Бустаменте отверг самоуверенное требование англичан сдаться и принял бой. Однако силы были неравны, и его корабли были захвачены британской эскадрой. Этот акт морского разбоя немедленно отозвался в Мадриде взрывом возмущения. Все хитроумные дипломатические шаги, предпринимаемые с тем, чтобы втянуть Испанию в коалицию, оказались совершенно напрасными. В декабре испанцы объявили войну Англии. Так в распоряжении Наполеона оказалось 29 линейных кораблей испанского флота. Эти корабли были не самыми лучшими в Европе, но вместе с голландцами у французов отныне были силы, с которыми они могли надеяться при благоприятных обстоятельствах противостоять британской армаде.

Маневры английского и французского флота в 1805 г.

Подобные обстоятельства Наполеон решил создать с помощью грандиозного, невиданного маневра на водах Атлантического океана. Для того чтобы его понять, нужно принять во внимание следующее: англичане плотно блокировали французские эскадры, стоявшие по берегам Ла-Манша, однако Тулонскую эскадру, а тем более испанцев они могли держать под контролем лишь достаточно символически. Дело в том, что осуществлять тесную блокаду крупного флота было очень сложно. Для этого необходимо было держать постоянно перед блокируемым портом огромные военно-морские силы. Если экстренность обстановки и близость Англии требовали и делали возможными такую блокаду Булони и Бреста, крупного порта вблизи британских островов, то держать постоянно в море эскадры перед другими портами было технически почти что невозможным. Кораблям необходимо было заправляться водой и провиантом, долгое пребывание в море вызывало необходимость постоянного ремонта. Поэтому перед Тулоном у англичан было всего лишь несколько небольших кораблей, которые наблюдали за французами и никак не могли помешать им выйти в море. В их задачу входило только немедленно сообщить главным силам о выходе французской эскадры. Сам же Нельсон нашел для своего флота удобную бухту на севере Сардинии. Там, в порту Кальяри, он постоянно находился в готовности выступить по первому сигналу разведывательных фрегатов.

Кроме того, английский флотоводец совершенно не представлял, какая боевая задача предназначалась французской эскадре, стоявшей в Тулоне. Многочисленные отвлекающие политические и военные маневры посеяли полную неопределенность в уме британских

адмиралов. Тем более что, желая привлечь внимание англичан к бассейну Карибского моря, где у них находились важные колонии, Наполеон послал туда в январе 1805 г. две французские эскадры. Одна, под командованием адмирала Миссиеси, вышла 16 января из Рошфора и, успешно проскочив сквозь английскую блокаду, достигла Антильских островов. Тулонская эскадра, которой также предписывалось идти к берегам Америки, вернулась в порт, потерпев значительные повреждения от сильнейшей бури, разразившейся на Средиземном море. Хотя этот маневр не удался, но у английского командования отныне в головах была абсолютная путаница. Куда собираются двинуться французы – в Египет? А быть может, в Грецию или на Антильские острова? А быть может, в Ирландию или даже в Индию? Сам Нельсон склонялся к мысли, что все приготовления в Булони не что иное, как грандиозный блеф. А главной целью Наполеона является новая экспедиция в Египет.

Исходя из всех этих обстоятельств, в начале марта 1805 г. Наполеон разработал следующий план. Тулонская эскадра адмирала Вильнева должна была выйти в море, подойти к Гибралтарскому проливу, там, отбросив мелкие английские эскадры, соединиться с испанцами и двинуться через весь Атлантический океан на Антильские острова в Карибском море. Адмиралу Миссиеси был послан приказ дожидаться подхода своих на Мартинике^[309]. Адмирал Гантом с Брестской эскадрой должен был попытаться прорвать блокаду и также добраться до Карибского моря. Там он должен был принять командование соединенными эскадрами.

Подобный маневр не мог не внести путаницы в расчеты английских адмиралов. Ведь на Антильских островах находились богатейшие английские колонии, и, конечно же, британские флотоводцы поспешили бы туда на помощь. А возможно, даже в полной неизвестности вынуждены были бы послать эскадры искать французов по пути в Индию. Количество английских кораблей у побережья Англии в таком случае сократилось бы до минимума. Тогда франко-испанская армада должна была двинуться в Ла-Манш, опрокинуть все на своем пути и, появившись перед Булонью, открыть дорогу для вторжения. Этот план был изложен в письме императора от 2 марта 1805 г. адмиралам Гантому и Вильневу. Заметим, что, догадываясь о слабых сторонах характера Вильнева, Наполеон поручил руководство операцией адмиралу Гантому. Однако последнему не удалось обмануть бдительность неприятеля. Британская эскадра под начальством Корнуолиса надежно сторожила выход из Бреста. В этой ситуации ничего не оставалось, как надеяться на Вильнева. Посланными дополнительными инструкциями Наполеон возлагал на него задачу, соединив те силы, которые возможно, на Мартинике, двинуться к Атлантическому побережью Франции, освободить от блокады французские корабли и затем во главе мощной эскадры войти в Ла-Манш. Отныне судьба Франции оказалась в руках человека, не созданного для решительных действий.

29 марта 1805 г. французская эскадра из 11 линейных кораблей и 6 фрегатов покинула рейд Тулона и двинулась вперед. Через день ее обнаружили английские фрегаты, которые немедленно направились к Сардинии, чтобы донести об этом Нельсону. Тот был наготове и ни секунды не колебался. Тотчас на кораблях была пробита боевая тревога, и английский флот вышел в море. Нельсон не сомневался – французы идут в Египет, и потому на всех парусах его эскадра устремилась к земле фараонов.

В этот момент Вильнев спокойно продолжал свой путь к Гибралтару. 9 апреля он был уже в виду знаменитого мыса, где дежурила английская эскадра адмирала Орда из пяти линейных кораблей. Англичане не посмели вступить в бой с французскими кораблями, и французы вошли в порт, где встретились с испанской эскадрой. Увы, из 16 линейных кораблей, стоявших в гавани, только шесть были готовы к выходу в море. Однако ими командовал отважный адмирал Гравина. Этот человек, несмотря на свои 58 лет, был предприимчивым и мужественным моряком. Внебрачный сын короля Испании^[310], он славился рыцарственным характером и тем, что был целиком предан идее французского союза. «Я последую за вами везде и для любого предприятия», – заявил он, не колеблясь,

адмиралу Вильневу. 3 апреля он поднял свой флаг на линейном корабле «Аргонавт», и соединенная эскадра снова двинулась в путь.

Только спустя много дней Нельсон узнал о том, что французы двинулись совершенно в другом, чем он ожидал, направлении. «Если эта новость соответствует действительности, я трепещу от мысли, сколько несчастий нам может принести враг»^[311], – написал он из Неаполя. Когда известия подтвердились, английский адмирал устремился к Гибралтару, куда он прибыл 30 апреля. Но ветер дул точно с запада и не позволял англичанам пройти пролив. «Кажется, мое счастье меня покинуло, – написал знаменитый адмирал. – Ветер не хочет дуть ни с кормы, ни с борта, он дует нам все время прямо в нос! Все время прямо в нос!»^[312] Больше недели провел Нельсон у Гибралтара и смог войти в пролив только 7 мая.

В это время франко-испанская эскадра уже подходила к Антильским островам. 13 мая на Мартинике Вильнев собрал все свои силы. У него оказалось под командой 18 линейных кораблей и 7 фрегатов. Правда, эскадры Миссиеси на островах уже не было. Приказ оставаться на Мартинике не дошел до него, и он направился в обратный путь. Напрасно Вильнев искал его в Карибском море, Миссиеси был уже снова в Рошфоре. Однако ситуация все равно была очень благоприятна для французов. На Мартинике эскадру нагнали еще два французских линейных корабля адмирала Магона. Теперь под командованием Вильнева было уже 20 линейных кораблей, в то время как Нельсон несся через Атлантику во главе эскадры из всего лишь 10 кораблей, а остальные английские командиры были в полной растерянности.

Британская эскадра достигла острова Барбадос (примерно 180 км от острова Мартиника) 4 июня. Однако там французов не было. Тогда Нельсон устремился в ту сторону, где, по его мнению, должны были находиться французские корабли. 6 июня британский флот подлетел к острову Тобаго, и по приказу адмирала на эскадре забили боевую тревогу. Однако напрасно с пушками, готовыми к битве, английские линейные корабли на всех парусах шли к острову – французов здесь не было. 4 июня Вильнев, отчаявшись найти Миссиеси, вышел с острова Мартиника и взял курс на восток.

Однако случай пришел на помощь англичанам. В то время как франко-испанская эскадра шла к берегам Европы, 19 июня ее заметили с небольшого быстроходного брига «Любознательный», который Нельсон отправил с сообщением в Англию. Капитан брига Бетсворт проявил сообразительность и инициативу. Он не стал возвращаться к своему начальнику, чтобы доложить об обстановке, а понимая смертельную опасность, нависшую над Англией, на всех парусах устремился в Плимут. 9 июля он был уже в кабинете первого лорда Адмиралтейства Бэрхэма и сообщил ему тревожную новость. Главнокомандующий английским флотом тотчас же распорядился снять блокаду Рошфора и Ферроля^[313], иначе говоря, всех важных портов, где находились французские и испанские корабли, кроме самого важнейшего – Бреста. Пятнадцать британских линейных кораблей под командованием адмирала Кальдера устремились навстречу эскадре Вильнева.

Они встретились 22 июля 1805 г. в нескольких десятках миль от мыса Финистер на северо-западной оконечности испанского побережья. При виде английской эскадры на мачте флагманского корабля Вильнева взвился сигнал – приготовиться к бою. Французские моряки с энтузиазмом встретили приказ своего командующего, и в 17:25 прогремели первые выстрелы. Закипело отчаянное морское сражение. Англичане за многие годы морской войны впервые вынуждены были больше держаться обороны, а французы бились насмерть. Когда британский флагманский корабль «Виндзор-Кэсл» попытался прорвать фронт, отважный капитан Перонн на корабле «Бесстрашный» закрыл брешь в линии и ценой своей жизни преградил дорогу врагу. Под мощным и точным огнем опытных английских артиллеристов старые испанские корабли несли большие потери. В какой-то момент линейный корабль «Фирме» оказался на грани гибели. Тогда французский капитан Космао на корабле «Плутон» совершил редкий по бесстрашию поступок. Выдающийся английский историк флота Уильям Джеймс рассказывает: «Увидев критическую ситуацию “Фирме”, следующий за ним линейный корабль “Плутон” отважно покинул строй и смог на время прикрыть испанский

корабль от разрушительного действия огня противника»^[314]. Через некоторое время ситуация повторилась, на этот раз с линейным кораблем «Эспанья». И опять французские моряки мужественно пришли на помощь. На этот раз из строя вышли сразу три корабля: «Монблан», «Атлас» и все тот же «Плутон», которые героически заслонили собой испанского товарища по оружию. Благодаря самопожертвованию французов корабль «Эспанья» был спасен. Упорный бой длился до девяти часов вечера, когда к густейшему туману, пороховому дыму от залпов сотен орудий добавилась ночная мгла, разделившая сражающихся. Впервые за долгие годы англичане не выдержали французского натиска, и Кальдер дал приказ отступить!

Да, франко-испанская эскадра была более многочисленной: 20 кораблей против 15 английских. Да, англичане, более опытные в морском деле, имея на борту отлично обученных артиллеристов, нанесли французам большие потери в личном составе. Наконец, пользуясь тем, что в густом тумане без поддержки французов остались два старых слабых испанских корабля^[315], англичане сумели захватить их. Но все это не имело никакого значения перед самим фактом отступления английского флота. Любой мальчишка знает, что тот, кто убежал из драки, – проиграл. Английский флот не имел права отступить, так как он прикрывал путь к Бресту и берегам Англии. Это была не арьергардная стычка, где малочисленный отряд, заранее зная, что он уйдет от неприятеля, ведет бой исключительно с целью задержать на некоторое время наступление врага. Это была битва за Англию...

На французских кораблях моряки ликовали. Победа была за ними, и впереди их ждала великая слава. Но Вильнев, испугавшись неизвестности и ответственности, после символического преследования приказал повернуть назад!!!

Когда огромная колонна французских боевых кораблей проходила мимо кораблей арьергарда, контр-адмирал Магон, отважный моряк, который вследствие неумолимых законов военной иерархии оказался под начальством Вильнева, понял, что означало подобное решение. Он в бешенстве прокричал в сторону флагмана все самые страшные проклятия, а потом уже совершенно не в себе швырнул в адмиральский линкор свою подзорную трубу и свой парик.

Вильнев направился в бухту Виго на испанском побережье, а оттуда ушел сначала в бухту Ферроле, а затем в порт Ла Корунья, откуда он опять направил жалостливые письма о том, что у него много поломок, плохая материальная часть, плохие экипажи и т. д.

Несмотря на абсурдное решение адмирала, результаты сражения 22 июля лучше всего доказывали правоту Наполеона, а не Вильнева. В современных исторических исследованиях, посвященных этой теме, стало почти что хорошим тоном, цитируя многочисленные письма нерешительного адмирала, доказывать, что десант был изначально обречен на провал и что победить английский флот с французскими и испанскими моряками было невозможно. Однако лучший критерий истины – это не мнение одного и к тому же очень заинтересованного человека. Направляя слезливые послания императору, Вильнев сознательно или бессознательно страховал себя на случай неудачи. Если бы эти жалобы были полностью справедливы, французы не смогли бы выдержать бой с англичанами, и не просто выдержать, а прогнать врага. Сражение с Кальдером доказало, что, имея некоторое численное превосходство, французский флот вполне может состязаться с английским.

Наконец, нужно сделать следующее важнейшее замечание – Наполеон не требовал от своих адмиралов выиграть войну на море. Он ставил перед ними только одну задачу – войти в пролив Ла-Манш и завязать бой с английским флотом, дежурившим у берегов Британских островов. Император **не требовал даже победить в этом бою, он хотел только одного: чтобы эскадра французских линейных кораблей вызвала огонь на себя** и пусть даже ценой своего поражения проложила путь десантной флотилии. Это необходимо понимать, оценивая шансы морской операции. Причем, как показали дальнейшие события, если бы Вильнев обладал достаточной решимостью, он мог в начале августа оказаться в Ла-Манше с 55 линейными кораблями против 35–40 английских. Соотношение еще более выгодное, чем в битве 22 июля. Франция вправе была надеяться, что в такой ситуации победа была совершенно реальна...

Пока Вильнев ремонтировался и жаловался, Нельсон вернулся в Англию. Однако теперь настало время совершать ошибки английским адмиралам. Нельсон остался на берегу, а эскадры, на какое-то время соединившиеся, снова разделились. Адмирал Корнуолис, сохранив под своим командованием 17 линейных кораблей, продолжал блокировать Брест, а Кальдер с 18 кораблями встал на возможном пути Вильнева.

В это время, в первых числах августа 1805 г., под командованием французского флотоводца в бухте Ла Коруньи собралось 29 французских и испанских линейных кораблей. Так как блокада Рошфора была снята, бывшая эскадра Миссиеси (теперь под командованием адмирала Лалемана) в составе 5 линейных кораблей снова вышла в море на поиски главных сил. В порту Бреста были готовы к бою линейные корабли (21) адмирала Гантома. Лучшего случая невозможно было и предположить.

В это время в Булони вся армия с жадностью всматривалась в горизонт, надеясь увидеть долгожданные паруса французских эскадр. Напряжение достигло высшего предела. В Бресте в ожидании появления Вильнева не только корабли были готовы к выходу в море, но и 10-тысячный корпус Ожеро был посажен на боевые и транспортные суда и жил ожиданием. В Голландии весь корпус Мармона был также на кораблях. Сам генерал Мармон находился на флагманском корабле «Хэрстэллер», на котором развевался флаг адмирала Винтера, «...ожидая каждый день новость о появлении в Ла-Манше французской эскадры и приказа выйти в море. Все было сделано, чтобы облегчить движение кораблей через узкий проход. Другой проход был проделан специально, чтобы служить для транспортных судов»^[316].

Офицер из корпуса Нея рассказывает, что в один из этих августовских дней они находились в Монтрейе на балу. Внезапно раздался сигнал тревоги, забили барабаны. Уверенные в том, что это сигнал к началу операции, офицеры не только без сожаления, но почти что с воплем восторга бросили прекрасных дам, с которыми они только что танцевали, и устремились бегом к своим полкам. «Погрузка людей и материальной части армии была выполнена за полтора часа, – вспоминает генерал Бигарре. – Это было зрелище одновременно удивительное и восхитительное – многочисленные колонны пехоты и кавалерии, которые со всех сторон шли к Булонскому порту и садились на корабли флотилии под звуки музыки и с криком: “Да здравствует Император!” – причем все это происходило в идеальном порядке. Интересно было видеть 200 коней, которых, поднимая на специальных ремнях, грузили на транспортные суда, в то время как на другие загружали пушки, зарядные ящики и все, что нужно для артиллерии. Булонский порт кишел как муравейник. Между моряками и солдатами не было ни малейших столкновений. Каждый думал только об отправлении, и все жаждали, чтобы император приказал поднять паруса»^[317]. «Все корпуса с удивительной слаженностью выполнили операцию по посадке на корабли... По сигналу – четыре пушечных выстрела и по приказу генералов колонны двинулись к причалам. Один громовой возглас раздавался отовсюду: “Да здравствует Император и Король!” В это время барабаны били повсюду сигнал сбора, все считали, что долгожданный день наконец наступил»^[318]. Каково же было разочарование офицеров и солдат, когда они узнали, что это была всего лишь учебная тревога.

13 августа Наполеон написал Вильневу: «Англичане не так многочисленны, как Вы думаете. Их повсюду держат в беспокойстве. Если Вы придете сюда на три дня, хотя бы на 24 часа, Ваша миссия выполнена... Никогда еще во имя более высокой цели эскадра не шла навстречу опасностям. Никогда еще воины на суше и на море не проливали свою кровь во имя цели более высокой и более благородной. Во имя того, чтобы совершить высадку на побережье державы, которая уже в течение шести веков оскорбляет Францию, мы все готовы без сожаления отдать наши жизни. Таковы чувства, которые должны наполнять Вас и всех наших солдат»^[319]. А еще через несколько дней император уже буквально в бурном порыве восклицает в письме к адмиралу: «Отправляйтесь же и, не теряя ни мгновения, с моими соединенными эскадрами входите в Ла-Манш. Англия наша! Мы все готовы, мы все стоим по местам. Покажитесь только – и все закончено»^[320].

Когда император писал эти строки, Вильнев уже вышел из Коруньи. Его могучая эскадра шла прямо на Брест. Но 13 августа вдали показались какие-то паруса. Через некоторое время передовые фрегаты остановили датское торговое судно. Капитан оказался разговорчив и подтвердил – да, впереди огромные силы английского флота, то ли 25 линейных кораблей, то ли больше. Вильнев впал вдруг в растерянность. Он ужаснулся ответственности, которую ему нужно было взять на себя. И после долгого размышления отдал приказ... повернуть назад!!!

Паруса, которые видели на горизонте, были всего лишь одним английским линейным кораблем и двумя фрегатами, а флот, о котором говорил датский моряк, был эскадрой Лалемана!..

Вильнев понимал, наверное, что его решение означало катастрофу всех двухлетних гигантских приготовлений. «Упреки, которые раздавались со всех сторон, угрызения совести привели его в самое ужасающее отчаяние»^[321]. Совершенно убитый грузом ответственности, адмирал направил свой флот на порт Кадис на юге Испании, где он окажется абсолютно бесполезным для десантной операции.

Еще 22 августа Наполеон все так же с нетерпением ждал увидеть паруса французских эскадр. В этот день он написал последнее, самое страстное послание, обращенное к Вильневу. Однако почти тотчас император получил новости с восточных границ. В письме от военного комиссара Шателена из Страсбурга говорилось, что австрийцы закупают большое количество продовольствия для армии на территории Германии. А агент из Зальцбурга писал следующее: «Это уже не предположение – это война, которой не хватает только объявления. Старые военные говорят, что никогда не видели еще в стране [Австрии. – *Примеч. авт.*] таких быстрых, таких обширных и организованных приготовлений, какие проводятся сейчас»^[322]. И наконец, с русской границы пришло следующее письмо: «Войска двигаются на запад. Офицерам приказано приобрести походные экипажи настолько быстро, насколько они могут это сделать»^[323].

Сомнений больше не оставалось. Отныне на десанте на Британские острова была поставлена жирная точка, и 23 августа император отдал первые приказы по подготовке операций на суше. Страница истории морских операций, двухлетних титанических усилий, борьбы и надежд была перевернута. Начиналась великая континентальная война...

Глава 7. «Семь потоков»

Монтекукули говорил, что для войны нужны деньги, деньги и еще раз деньги. Французские генералы требовали отваги, еще отваги и снова отваги.

Замечания о французской армии последнего времени. Санкт-Петербург, 1808 г.

В то время когда император и его солдаты, всматриваясь в горизонт, надеялись увидеть паруса французских эскадр, по дорогам Европы уже шагали на запад десятки тысяч солдат. На совещании в Вене, где принимали участие высшее командование австрийской армии и посланник русского царя генерал-адъютант Винцингероде, был принят план войны с Францией. Для борьбы с Наполеоном предполагалось выставить гигантские силы. Как уже упоминалось, конвенция между Австрией и Россией определяла силы этих держав, предназначенные для похода: 250 тыс. австрийцев и 180 тыс. русских. Одновременно план предполагал участие в войне на стороне коалиции 100 тыс. пруссаков, 16 тыс. шведов, 16 тыс. датчан, 35 тыс. войск различных немецких контингентов, 20 тыс. неаполитанцев и 5 тыс. англичан. Всего 622 тыс. человек. Впрочем, эти силы существовали в значительной степени гипотетически, так как ни пруссаки, ни мелкие германские государства, ни датчане к коалиции не присоединились. Поэтому в июльском плане речь шла о войсках, которые реально существовали на этот момент.

Пятидесятитысячная русская армия, командование которой позже будет вручено генералу Кутузову, должна была собраться на юго-западной границе России у городка Радзивиллов и двинуться в Австрию для соединения с войсками этой державы.

Примерно 90 тыс. русских солдат должны были быть собраны у прусской границы. Эти войска должны были потребовать свободного прохода через прусские земли и тем самым вынудить прусского короля вступить в коалицию. Впоследствии, после вступления на прусскую территорию, 50 тыс. из них должны были быть посланы в Богемию на помощь австрийцам, а 40 тыс. – идти на северо-запад Германии. Сюда же должны были прибыть морем и высадиться в районе Штральзунда 16 тыс. русских солдат. Они должны были объединиться с таким же количеством шведов и 40-тысячным корпусом, прошедшим через Пруссию. Русское и австрийское командование надеялось, что к ним присоединятся 60 тыс. пруссаков.

В южной Германии должны были действовать 120 тыс. австрийцев, а в северной Италии – 100-тысячная австрийская армия. Наконец, на юге Италии в районе Неаполя должны были высадиться 25 тыс. русских и 5 тыс. английских солдат и, объединившись с неаполитанцами, действовать против южного фланга французской группировки в Италии.

Таким образом, предполагалось действие по четырем основным направлениям.

1. Северная Германия. Здесь должно было собраться 72 тыс. русских и шведов (а с гипотетическими пруссаками – 132 тыс.).

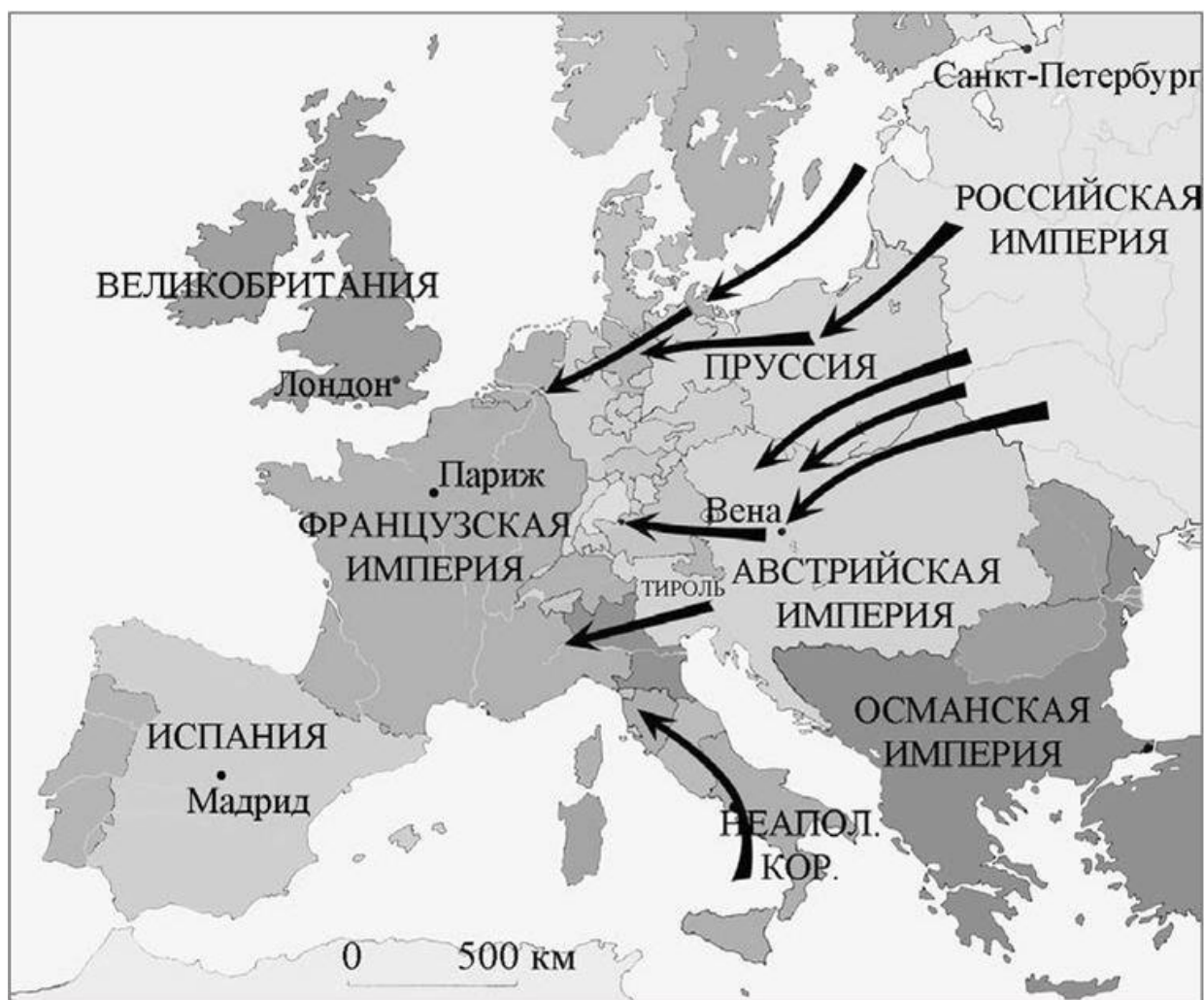
2. Южная Германия. 220 тыс. русских и австрийцев.

3. Северная Италия. 100 тыс. австрийцев.

4. Южная Италия. 45 тыс. русских, англичан и неаполитанцев.

Общая численность союзной армии, таким образом, должна была составлять 437 тыс. человек. А с пруссаками – 497 тыс. Сверх того предполагалось, что в течение короткого времени австрийцы усилят свою армию дополнительными 100 тыс. солдат, как своих собственных войск, так и контингентами немецких князей. Таков был план, намеченный в Вене 16 июля 1805 г. и утвержденный затем царем в Петербурге.

Бряцание оружием донеслось до Наполеона, полностью поглощенного подготовкой к морскому десанту. Он не мог вести войну на два фронта и поэтому, стремясь прояснить обстановку, приказал 12 августа 1805 г. своему министру иностранных дел немедленно объясниться с австрийским послом в Париже Филиппом Кобенцелем (братом вице-канцлера). «Вы должны сказать господину Кобенцелю, что они [австрийцы. – *Примеч. авт.*] зашли уже слишком далеко. Я ожидаю ответа. Если его не будет, я введу мои войска в Швейцарию, я сниму свой лагерь на берегу океана. Я не могу больше верить словам. Я не желаю видеть их армию в Тироле. Нужно, чтобы австрийские войска вернулись в свои гарнизоны, иначе я начну войну»^[324]. А на следующий день император написал Камбасересу: «Дело обстоит так, что эта держава [Австрия. – *Примеч. авт.*] вооружается. Я хочу, чтобы она разоружилась. Если она этого не сделает, я отправлюсь с 200 тыс. человек, чтоб нанести ей визит, о котором она долго будет помнить»^[325].

Планы коалиции. 1805 г.

В этот же день император потребовал, чтобы Талейран представил Филиппу Кобенцелю все документы, которые имелись в распоряжении французского правительства, где сообщалось о вооружениях Австрии, и заявил ему следующее: «Теперь, Сударь, Вы прочитали большое количество писем, я не знаю, какое они произвели впечатление на Вас, но, как Вы думаете, какое впечатление они производят на Его Величество Императора французов, когда он прочитал их в Булони, занятый подготовкой своих морских операций... Итак, император Германии уже совершил деяния в пользу англичан! Что ж. Вы получите войну через месяц; да, через месяц, говорю я Вам с горечью!.. Император не столь безумен, чтобы дать русским время прийти к Вам на помощь... Если Вы представите эти истины во всей их силе Вашему повелителю и если действительно на него только влияют, невозможно, чтобы он не увидел, что его ведут против воли к войне. Тогда все должно успокоиться. Но если, напротив, Ваш властелин желает войны, что же!.. скажите ему, что он не будет праздновать рождество в Вене...»^[326]

Читая это послание императора, легко убедиться в том, насколько серьезной была подготовка высадки в Англию. Существует мнение, согласно которому Булонский лагерь был не чем иным, как грандиозным блефом. Якобы Наполеон с самого начала понимал невозможность десантной операции и собрал лагерь лишь для того, чтобы подготовить войну на континенте, не вызывая подозрений у европейских держав. Знаменитый австрийский дипломат Меттерних утверждал, что в 1810 г. император французов в разговоре с ним якобы заявил, что Булонский лагерь был создан лишь для того, чтобы обмануть бдительность австрийцев, и что он не был настолько сумасшедшим, чтобы попытаться

произвести высадку в Англии. Эту версию позже подхватили многие историки, так как, с одной стороны, она подчеркивала коварство Наполеона, а с другой – доказывала скептический и «аналитический» ум этих исследователей, которых нельзя купить «дешевыми» демонстрациями.

Достаточно бросить взгляд на публикации документов, посвященных поистине титанической деятельности императора по организации морской операции, чтобы понять, что для демонстрации это стоило слишком дорого. Два года усиленной работы, тысячи писем и приказов, постройка более 2000 десантных и транспортных судов, сооружение мощных фортов, огромные работы по устройству гаваней – вот что такое Булонский лагерь. Морские операции линейных флотов также доказывают всю серьезность намерений Наполеона. Действительно, немыслимо вообразить, что ради простого отвлекающего маневра император готов был принести в жертву флот из 40–50 линейных кораблей, на борту которых было почти 4000 пушек и десятки тысяч моряков.

Интересно рассмотреть также дислокацию французских войск в это время. Она во всех подробностях известна из документа, который называется «Силы империи на 16 термидора XIII г.»^[327] (3 августа 1805 г.). Из этой интереснейшей бумаги следует, что в августе 1805 г., в то время когда более чем 160 тыс. человек стояли в лагерях на побережье и, сверх того, 30 тыс. человек охраняли западную береговую линию, на восточных границах Франции находились только относительно слабые соединения. На всем пространстве восточной границы от Меца до Безансона (на фронте около 250 км) было всего лишь около 22 тыс. солдат и офицеров, учитывая даже жандармерию и инвалидные команды. При этом общая численность сухопутных вооруженных сил Франции составляла по спискам 446 745 человек. Таким образом, в том месте, откуда должно было впоследствии начинаться наступление, сосредоточилось лишь менее 5 % наличной численности армии. Это было бы абсолютно немыслимо, если бы император действительно заранее собирался атаковать Австрию.

Наконец, письма к Кобенцелю еще раз подтверждают, что намерение совершить десант было абсолютно серьезным. Если бы Наполеон готовился к континентальной войне, ему было бы абсолютно невыгодно показывать австрийцам свою осведомленность в их приготовлениях. Наоборот, самым удобным для него было бы как можно долее делать вид, что он ничего не замечает, и тем самым успокоить неприятеля. Дать ему возможность совершить как можно больше самоуверенных, непродуманных действий. Но Наполеон не только не играет в наивность, но доходит до того, что раскрывает свой план на случай континентальной войны: «Император не столь безумен, чтобы дать русским время прийти к Вам на помощь...»

Все это можно оценить только однозначно – Наполеон всеми способами пытался удержать австрийцев от выступления против него. Все его мысли были направлены к одному – разгром Англии. Сами австрийцы это хорошо понимали. Вице-канцлер Кобенцель в послании графу Стадиону от 10 августа 1804 г. писал: «Всё заставляет думать, что уверения Бонапарта искренни в данный момент, и есть только одно обстоятельство, при котором он серьезно задумается о континентальной войне, это случай, когда он будет вынужден опасаться возможного нападения двух императорских дворов [Австрии и России. – *Примеч. авт.*]...»^[328]

Маршал Мармон, который в 1805 г. был генералом, командующим корпусом, расквартированным на территории Голландии, не сомневался также в намерениях своего командующего. Он написал в мемуарах: «Часто спорят, действительно ли Бонапарт намеревался совершить экспедицию в Англию? Я отвечу наверняка и с уверенностью – да, экспедиция была самым страстным желанием его жизни и самой главной надеждой в течение данного отрезка времени»^[329].

Однако бездарные действия Вильнева поставили крест на возможности совершить десантную операцию до нападения на Францию войск коалиции. Император вынужден был поменять всю свою стратегию...

В августе 1805 г. в Булони находился выдающийся французский математик Гаспар Монж. «Господин Монж... каждое утро приходил на прием к императору и обычно задерживался в его рабочем кабинете, а часто оставался и на обед. Дружба связала их еще во время Египетской экспедиции. Наполеон часто разговаривал с Монжем. Ясность ума и наивная простота этого доброго человека нравились императору, так же как и его обширные математические знания»^[330]. 13 августа Монж, как всегда, пришел утром с визитом к своему высокому покровителю. Но Наполеон, выскочив из кабинета, изумил ученого невообразимым вопросом: «Вы знаете, где Вильнев?!» Естественно, Монж и отдаленно не мог себе вообразить, где находятся французские эскадры. «Он в Ферроле!!!» – прокричал, отвечая на собственный вопрос, император и в бешенстве захлопнул дверь перед носом у изумленного математика.

Спустя некоторое время Наполеон вызвал к себе генерал-интенданта Дарю и, огорошив его таким же риторическим вопросом, вдруг приказал своему помощнику сесть за стол и писать: «Склонившись над большой картой Германии и вдруг став абсолютно спокойным и уверенным, – писал позже Дарю, – он продиктовал мне весь план австрийской кампании с тем богатством идей, которые были характерны для него, когда он был в состоянии вдохновения. Он развернул перед моими глазами обширные проекты, появившиеся у него в одно мгновение. Марш “семи потоков”, как назвал он движение корпусов, вышедших из Ганновера, из лагерей под Цейстом, Остенде, Кале, Амблетезом, Булонью и Монтрейем, чтобы соединиться на Дунае. После того как он диктовал пять или шесть часов, с порывом, который с трудом позволял мне следовать за его мыслью, он вдруг остановился и спросил меня: “Вы хорошо поняли?”»^[331] План кампании 1805 г., которому будет суждено осуществиться день в день, минута в минуту, где были продуманы все бои, все детали маршей, вплоть до времени вступления в Вену, был готов...

Впрочем, весь этот эпизод с Дарю и Монжем приведен здесь не более чем для того, чтобы показать, как возникают легенды. Дарю написал рассказ об этом событии в 1836 г., то есть спустя более 30 лет после императорской диктовки. Нет сомнения, что эмоциональная сцена с вопросом «Где Вильнев?» навечно отпечаталась в уме генерал-интенданта. Не вызывает особого сомнения и факт диктовки императором каких-то распоряжений, однако что и зачем приказывал Наполеон, почти 70-летний ветеран уже плохо помнил. К этому времени он прочитал книги о знаменитой войне, и в его голове воспоминания разных лет и прочитанное в книгах слились в одну фантастическую картину.

Никаких распоряжений о марше войск, а тем более конкретного плана войны нельзя встретить ни в одном из известных документов, написанных до 23 августа 1805 г. Первым, пока еще весьма общим распоряжением был приказ генералу Дежану, министру военной администрации, заготовить 500 тыс. сухарей в Страсбурге и 200 тыс. в Майнце. 24 августа Наполеон дает приказы о переброске на Рейн резервной кавалерии, а на следующий день определяет направление марша основной массы войск. Наконец, в приказе от 26 августа 1805 г. впервые упоминается термин Великая армия и определяется состав войск, которые должны выступить для войны с Австрией.

Некоторые детали замысла Наполеона можно наблюдать уже в приказах, отданных 25 августа. С целью рекогносцировки театра будущих военных действий в этот день он отправляет маршала Мюрата и генерала Бертрана с разведывательной миссией в Баварию. Высокопоставленные особы должны были под вымышленными именами проехать по важным коммуникационным путям, осмотреть дороги, реки и их берега, мосты, наличие бродов, замки, укрепления, города. Подробно излагался маршрут каждого из знатных путешественников.

Из маршрута миссии Мюрата и Бертрана никак не скажешь, что император проявляет к Ульму, где произойдет решающее столкновение, особое внимание. Напротив, его больше интересует Восточная Бавария, границы с Австрией, а в наставлениях Мюрату указано, что он должен внимательно исследовать районы, приграничные с Богемией, а Ульм и Вюрцбург

названы «естественным депо (!) армии», то есть считалось, что эти города вообще не будут заняты австрийцами.

В общем и целом все распоряжения императора в конце августа 1805 г. очень далеки от мифа, распространенного в популярной литературе. Для того чтобы составить точный план кампании, Наполеону нужно было бы знать, хотя бы где будет находиться австрийская армия в ближайшее время, но ничего подобного ему не было известно. Единственной более-менее точной информацией, которой он располагал, были сведения о том, что концентрация австрийских войск замечена в Богемии и в Тироле, а русские находятся еще где-то на границе с Пруссией. Исходя из этого и строится его чрезвычайно простой и ясный план. Войска должны как можно скорее двинуться на восток и выйти на берега Дуная в Баварии.

Почему именно в Баварии? Во-первых, потому что предварительные переговоры показали, что баварский курфюрст Максимилиан был готов скорее поддержать Наполеона, чем коалицию. Но если ему не оказать своевременной помощи, нельзя быть уверенным до конца в союзе с ним. Во-вторых, потому что из Баварии пролегает самый удобный путь на Вену по южному правому берегу Дуная. Это прямая и хорошая дорога, шедшая по широкой долине. Наступать на Вену по левому берегу Дуная было гораздо сложнее. Здесь была пересеченная местность и плохие дороги. Следует помнить, что дорожная сеть в начале XIX в. была развита далеко не так, как в современную нам эпоху. Дорог было не только меньше, но и качество их было весьма различным. Наряду с широкими мощеными шоссе, по которым легко могли идти повозки и пушки в три-четыре ряда, существовало великое множество грунтовых дорог, где любое движение обозов и артиллерии представляло невероятные трудности. Именно такие дороги проходили по левому берегу Дуная.

Поэтому **план Наполеона есть не что иное, как намерение направить все собранные, готовые к войне войска по кратчайшему маршруту в Баварию, а затем на Вену.** Он не знал еще, где будут находиться австрийцы, но не сомневался, что найдет их на пути к столице Габсбургской империи. Учитывая, что русские были еще далеко, Наполеон имел все шансы разгромить австрийскую армию до подхода русских войск. Вспомним фразу из письма Кобенцелю: «Император не столь безумен, чтобы дать русским время прийти к Вам на помощь...» Вот, собственно, и весь план – простой, ясный и абсолютно реальный. Все позднейшие рассказы о том, как Наполеон готовился хитроумным образом окружить австрийцев, засылал в австрийский штаб суперагентов с целью заманить неприятеля в причудливую ловушку, не что иное, как полное непонимание духа и стиля наполеоновских войн, попытка рассказать великую эпическую поэму на языке, доступном мелкому обывателю.

Этот план, как очень часто было у Наполеона, постоянно изменялся и уточнялся под влиянием приходившей информации, сохраняя при всем при этом общую линию, свою простоту и последовательность. Видоизменения не были похожи на безалаберные метания из стороны в сторону, а происходили так плавно и естественно, что сторонним наблюдателям и даже первым действующим лицам казалось, что все было так и задумано с самого начала.

Первое изменение и уточнение произошло буквально в тот момент, когда войска только еще выступали из лагеря. 28 августа Наполеон несколько изменил маршруты движения корпусов. Вместо того чтобы главные силы, шедшие из Булонского лагеря, форсировали Рейн в районе Страсбурга, они должны были перейти эту водную преграду в районе от Шпейера до Мангейма, то есть в 100–200 км севернее. Дело в том, что 26–27 августа Наполеон получил дополнительную информацию о сборах австрийцев и понял, что они значительно лучше готовы к началу войны, чем он предполагал. Так как император всегда считал своего противника разумным и решительным, он отныне несколько опасался за корпус, шедшие из Ганновера и Голландии. Согласно первоначальному распоряжению, объединение всей массы войск шло просто по самому короткому и удобному пути и должно было осуществиться на Дунае. Теперь Наполеон не исключал, что австрийцы могут оказаться в Баварии раньше него. Для того чтобы не дать даже малейшего шанса неприятелю контратаковать войска на марше, он решает теперь сдвинуть маршруты корпусов из

Булонского лагеря чуть севернее, так чтобы уже на Рейне «подать руку» идущим слева корпусам из Ганновера и Голландии.

Поэтому в этот же день, 28 августа, император посылает очередного надежного человека провести рекогносцировку уже немного другого района. Этим человеком стал верный командир элитной жандармерии генерал Савари. Ему поручено было изучить дороги от Мангейма через Хейльброн и Халл на Донауверт, а также осмотреть Штуттгарт. Как покажут дальнейшие события, это и будет тот путь, по которому действительно двинется армия.

Вечером 27 августа Наполеон посылает приказ о выступлении всем командующим корпусами, и в шесть утра 28 августа застывшим в строю с оружием и походной амуницией батальонам был зачитан приказ императора о выступлении в поход. Солдаты встретили эти слова с ликованием. Армия устала уже от двухлетнего ожидания. Она была великолепно подготовлена и рвалась в бой. Не удалось форсировать Ла-Манш – не беда. Есть другой противник, впереди ждет другая слава.

Приказом на 29 августа армия, выступившая в поход, официально получила название Великая армия. С этого момента Великая армия станет для большинства людей синонимом слов «армия Наполеона». Однако это не совсем так. Великая армия – это название войск, действующих на главном театре военных действий под личным командованием самого императора, да и то не всегда. Крупные соединения, оперировавшие на других театрах военных действий, получали название по территории, где они действовали. В 1805 г. это была так называемая Итальянская армия под командованием маршала Массена.

Приказом на день от 30 августа было объявлено о структуре и организации Великой армии. Будет разумно, прежде чем вслед за ее полками отправиться в знаменитый поход, сказать хотя бы несколько слов о ее составе (подробное расписание см. в приложении).

1-м корпусом Великой армии стала бывшая Ганноверская армия (название, как только что указывалось, давалось по месту действия или расположения армии) маршала Бернадотта из двух пехотных дивизий и одной кавалерийской – 14 668 человек^[332] при 34 орудиях.

2-й корпус – бывшее отдельное крыло Армии Берегов Океана, располагавшееся в Голландии. Командующий – генерал Мармон (три пехотные дивизии и одна кавалерийская – 20 037 человек, 26 орудий).

3-й корпус – бывшее правое крыло Армии Берегов Океана, лагерь в Амблетезе. Командующий – маршал Даву (три пехотные дивизии и одна кавалерийская – 25 161 человек, 48 орудий).

4-й корпус – бывший центр Армии Берегов Океана, лагерь в Булони. Командующий – маршал Сульт (четыре пехотные дивизии и одна кавалерийская – 28 793 человека, 36 орудий).

5-й корпус – бывший авангард Армии Берегов Океана, лагерь в Вимере. Командующий – маршал Ланн (две пехотные дивизии и одна кавалерийская – 25 689 человек, 34 орудия)^[333].

6-й корпус – бывшее левое крыло Армии Берегов Океана, лагерь в Этапле и Монтрейе. Командующий – маршал Ней (три пехотные дивизии и одна кавалерийская бригада – 21 250 человек, 30 орудий).

7-й корпус – бывшее отдельное крыло Армии Берегов Океана, дислоцировавшееся в Бретани. Командующий – маршал Ожеро (две пехотные дивизии и один полк кавалерии – 12 447 человек, 24 орудия).

Легкая кавалерия и большая часть артиллерии, как видно из расписания, были приданы этим корпусам. Тяжелая кавалерия дивизии д'Опуля и Нансути, а также все драгуны (четыре дивизии: Клейна, Вальтера, Бомона и Бурсье) были объединены под общим командованием маршала Мюрата. Он же был назначен официальным заместителем императора (*lieutenant de l'Empereur*) на театре военных действий. Общая численность резервной кавалерии – 20 950 человек, 28 орудий. Сюда же входила дивизия спешенных драгун под командованием Бараге д'Илье – 5505 человек.

Дело в том, что форсировать Ла-Манш с полным штатным количеством лошадей в полках было бы просто невыносимо. Поэтому значительная часть драгун должна была сесть

на транспортные суда без лошадей и добыть их уже непосредственно на территории Англии. Разумеется, что в течение нескольких дней было физически невозможно снабдить их лошадьми. Поэтому эти драгуны отправлялись в поход в пешем строю в надежде позже получить коней.

Часть артиллерии была сведена в отдельный резервный парк – 3349 человек, 56 орудий. И наконец, главным резервом армии являлась элита из элит – Императорская гвардия – 6265 отборных пехотинцев, кавалеристов и артиллеристов, 24 орудия.

Таким образом, общая численность Великой армии к моменту начала боевых действий составляла 178 609 человек (139 189 пехоты, 25 327 кавалерии и 14 093 артиллерии) и 340 орудий. Со штабами и жандармерией в округленных цифрах можно оценить численность армии в 180 тыс. человек. С другой стороны, необходимо учитывать, что корпус Ожеро остался далеко позади основной массы войск и не мог принять участия в первых боевых операциях. Армия должна была также неизбежно понести маршевые потери при движении от Рейна до Дуная. Поэтому реально участие в первых боях кампании могли принять примерно 165 тыс. солдат и офицеров при 316 орудиях.

Большинство источников сходится на том, что за долгое время пребывания в лагерях армия получила прекрасную боевую подготовку. Маршал Мармон так рассказывал о занятиях с войсками своего корпуса: «...два дня в неделю занимались батальонной школой и три дня в неделю маневрами целыми дивизиями. В воскресенье весь армейский корпус, составленный из трех дивизий, маневрировал вместе, а каждые две недели были большие маневры с огневой подготовкой; специальный полигон был задействован для обучения артиллерии... так что каждый день был заполнен, и даже во время отдыха солдаты приходили посмотреть, как упражняются другие. Войска быстро достигли степени обученности, которую трудно себе вообразить. Я никогда не видел французские части достигшими в боевой подготовке столь высокой степени совершенства. Полки, получившие такую отличную подготовку, сохранили ее надолго; и даже после длительных войн в них оставались следы пребывания в этих лагерях...»^[334]

«Никогда Франция не имела еще таких прекрасных войск, так хорошо подготовленных к войне, – написал адъютант маршала Сульта де Сен-Шаман. – Никогда они не были наполнены таким прекрасным боевым духом, и, видя их, можно было легко предсказать исход войны»^[335].

Действительно, если обратиться к составу армии, хорошо видно, насколько она была закаленной и боеспособной. Несмотря на то что начиная с 1798 г. армия пополнялась за счет призывников, в ее рядах было много опытных бойцов. Из 115 582 человек рядового и унтер-офицерского состава главных сил (о которых есть данные) 50 338 человек (43,5 %) уже участвовали по крайней мере в одном военном походе. А почти четверть состава имели не менее десяти лет службы. Это значило, что эти солдаты были зачислены на службу в 1795 г. или ранее и за их плечами было участие в нескольких кампаниях республиканской армии, а многие воевали с самого начала революционных войн. Наконец, в каждом полку было по крайней мере 30 унтер-офицеров, начавших службу еще в королевской армии^[336].

Наличие подобного количества старослужащих солдат и унтер-офицеров объясняется политикой Наполеона, стремившегося поощрить сверхсрочников. Наконец, несмотря на то что срок службы определялся законом в пять лет, в случае войны она становилась бессрочной – до окончания боевых действий. Как известно, в мае 1803 г. началась война, и те, кто не был демобилизован в 1802 г. – начале 1803 г., остался служить, в принципе, до самого конца войны.

Согласно закону, в армию брали тех, кто достиг 20-летнего возраста (необходимо заметить, что, так как потребности войск были невелики в первые годы Империи, на службу брали по жеребьевке – реально в ряды армии зачислялось в эти годы только 40 % от общего числа призывников данного года). Исследования, проведенные автором данной книги на основе изучения послужных списков около 10 тыс. солдат наполеоновской армии 1805–1812 гг., показывают, что закон строго выполнялся. Средний возраст призывника

равнялся 20,5 года, а средний возраст солдата в эти годы был примерно 23 года. Нет сомнения, что в армии 1805 г., где только чуть более половины солдат были недавними призывниками, средний возраст был несколько выше – примерно 25 лет.

Большинство офицеров прошли свой путь к эполетам, начав его с рядового. Специальная Военная школа была создана только в начале 1803 г., и потому среди 5 тыс. офицеров Великой армии 1805 г. только около сотни были ее выпускниками. Поэтому по современным понятиям возраст младших офицеров французской армии был на редкость зрелым. Средний возраст сублейтенантов был в это время 32 года, а лейтенантов – 37 лет! При этом полковники и генералы были необычайно молоды. Средний возраст полковников был 39 лет, а генералов – всего лишь 41 год^[337].

Это удивительное по современным понятиям сочетание легко объясняется – почти все офицеры и генералы наполеоновской армии вышли из горнила революционных войн. Бывшие генералы королевской армии либо эмигрировали, либо были казнены революционным трибуналом, либо просто тихо оставили службу. То же самое произошло и со старшими офицерами. Поэтому в ходе революционных войн произошло гигантское обновление командных кадров. Солдаты, у которых было образование, храбрость и желание служить, быстро продвигались по ступеням военной иерархии. Особенно стремительно продвинулся тот, кто до революции был уже младшим офицером или унтер-офицером. Именно эти люди к 1805 г. стали генералами. С другой стороны, младшие офицеры – это также бывшие солдаты революционной армии, но те, у кого было меньше способностей или кому просто не повезло. Их возраст почти не отличался от возраста их командиров.

Наконец, самое высшее командование было просто на редкость молодо. Императору только что исполнилось 36 лет, маршалу Бернадотту, командующему 1-м корпусом, было 42 года, генералу Мармону, командующему 2-м корпусом, 31 год, маршалу Даву (3-й корпус) 35 лет, маршалу Сульту (4-й корпус) 36 лет, маршалу Ланну (5-й корпус) 36 лет, маршалу Нею (6-й корпус) также 36 лет. «Старыми» по масштабу этой армии были только начальник ее генерального штаба маршал Бертье, которому был 51 год, и маршал Ожеро, командующий 7-м корпусом, которому в октябре 1805 г. исполнилось 48 лет.

Таким образом, Великая армия обладала изумительными возрастными характеристиками. В ней было много прошедших войну солдат, ее унтер-офицеры и младшие офицеры были все опытнейшими бойцами, имевшими за плечами десять лет победоносных войн, а ее высшее командование, также прошедшее войны, походы и лишения, было столь молодо, что сохранило порыв, дерзость и энергию юности. К этому нужно добавить полную уверенность в успехе, которую дало им участие в многочисленных победоносных войнах.

Наконец, блистательные победы Наполеона Бонапарта в его военных походах и гигантские успехи его внутривойсковых преобразований заставили армию поверить абсолютно и непререкаемо в своего императора. Она была готова за ним в огонь и в воду. Талантливый психолог, Наполеон сумел создать такую систему поощрений и наказаний, которая стимулировала желание каждого отличиться на своем посту, показать другим, что он достоин быть в рядах этих доблестных бесстрашных войск. «Я заменил страх и кнут честью и соревнованием», – сказал Наполеон. Действительно, умело разжигая благородное соревнование, поддерживая культ чести в рядах армии, он достиг действительно удивительных результатов. Один из его знаменитых офицеров легкой кавалерии де Брак, наставляя своих подчиненных, написал о том, как он понимает слово «честь»: «...это не значит презирать жизнь, предпочитая сохранение чести сохранению жизни. Это просто означает воздавать чести то, чего она заслуживает»^[338].

Высокое чувство чести требовало от солдат и офицеров беззаветно выполнять свой долг в бою, не отставать от товарищей, когда они идут под пули. Если солдаты часто ворчали, когда им приходилось совершать тяжелые марши, то едва только раздавались первые звуки выстрелов, преодолевая усталость, они рвались к тому месту, где кипел бой. «Почему эти люди, которые вчера так ворчали, ругались, проклинали все на свете, исполняя простейшие распоряжения, следствием которого было в самом худшем случае одно-два лье марша сверх

необходимого, почему сегодня эти же люди беспрекословно идут туда, где нужно ставить жизнь на карту? – писал офицер наполеоновской армии. – Потому что ворчать, когда идешь в бой, – это уже недалеко от трусости, а значит, и от бесчестья»^[339].

Жажда славы, высокое чувство чести, желание подняться по ступеням военной иерархии и, наконец, просто упоение борьбой ради борьбы пронизывали всю армию Наполеона от солдата до маршала. «Офицеры и солдаты были несравненны в искусстве войны, – писал в своих великолепных по точности мемуарах хирург дивизии Сюше д'Эральд. – Фанатизм славы был доведен до самого высшего предела. Все жаждали боя... На марше не было видно ни одного роскошного экипажа, ни одной кареты не ехало за этой великолепной армией. Только сталь и огонь. Здесь все были бойцами. Полковники ели из котла деревянной или костяной ложкой суп, который сварили им гренадеры первого взвода. Командиры батальонов, полковой адъютант, старший хирург и его помощники ели и спали на биваке рядом с полковником, в шалаше, сделанном полковыми саперами... Полковник, командир батальона или полковой адъютант могли сказать: “Когда я был grenадером...” Но дисциплина от этого не страдала, она была очень строгой и справедливой... Все офицеры носили когда-то ранец [то есть были солдатами. – *Примеч. авт.*] и потому уважали тех, кто его носил... Наконец, все солдаты и офицеры этой прекрасной армии рвались в огонь... Одна только угроза того, что солдата могли отправить в тыл, во Францию, заставляла его трепетать»^[340].

Почти точно так же запомнил армию, уходившую на войну из Булонского лагеря, капитан Жерве, тогда унтер-офицер 13-го легкого: «Мы отправились на Рейн. Наша армия была великолепна. У самых молодых солдат за плечами было два-три года службы, они были великолепно обучены, дисциплинированы. Молодые и старые – они жаждали сразиться с врагом и шли с доверием, подчиняясь приказам их высшего начальника. Все были уверены в победе»^[341].

В общем, в руках Наполеона оказалось поистине могучее оружие. Генерал Фуа, один из самых талантливых военачальников наполеоновских войск и человек, разносторонне образованный, так описал Великую армию 1805 г.: «...никогда во Франции не было столь мощной армии. Хотя храбрецы, восемьсот тысяч которых в первые годы войны за свободу поднялись по призыву “Отечество в опасности!”, были наделены большими добродетелями, но воины 1805 года имели больше опыта и подготовки. Каждый в своем звании знал свое дело лучше, чем в 1794 году. Императорская армия была лучше организована, лучше снабжена деньгами, обмундированием, оружием и боеприпасами, чем армия республики...»^[342]

Эта мощная армия, выполняя предназначение императора, семью потоками двигалась на Рейн и на Майн. Движение огромной массы войск было организовано образцово. В каждом корпусе были приняты свои правила для совершения марша. Так, в корпусе Даву пехота шла по сторонам дороги, оставляя посередине проезд для артиллерии и обозов. Каждый час войска делали остановку на пять минут, во время этих остановок обоз продолжал двигаться. В корпусе Нея войска шли в колоннах по отделениям^[343] (par section), оставляя по краям дороги только небольшое пространство для проезда отдельных всадников. В среднем одна дивизия занимала примерно 4–5 км в глубину. Расстояние между дивизиями должно было быть примерно 1 км.

Генерал Матье Дюма, заместитель начальника генерального штаба, предписывал: «Господа бригадные генералы должны следить за тем, чтобы барабанщики каждого батальона были разделены на три части. Одни должны идти в голове батальона, другие в центре, а третьи в хвосте. Эти группы барабанщиков должны по очереди бить походный марш – сначала начинают играть те, кто стоят в голове, потом те, кто в центре, потом в хвосте. Во время всех остановок должна играть полковая музыка»^[344]. Маршал Ней считал, очевидно, что музыка еще более нужна на походе, чем думали в генеральном штабе. Поэтому в наставлениях своему корпусу он предписывал: «Барабанщики и флейтисты будут находиться во время марша в голове своих батальонов, часть из них под руководством

тамбурмажора или капрала-барабанщика будет исполнять днем различные марши, но только в том случае, если войска не находятся поблизости от противника, музыканты будут идти во главе полков и время от времени исполнять воинственные мелодии. Кавалеристы будут трубить в фанфары...»^[345] В любом случае полагалось перед входом в населенные пункты остановить колонну, собрать отставших, привести в порядок строй и проходить по городу «в колоннах повзводно... и в величайшем порядке».

Нигде дивизии не перекрещивались на марше, продовольствие было заготовлено повсюду в достаточном количестве. Все рапорты говорят о том, что войска соблюдали образцовую дисциплину. Вот что докладывал 3 сентября (16 фрюктидора XIII г.) командир 4-й дивизии корпуса Сульта генерал Сюше: «...4-я дивизия выступила из лагеря на рассвете и шла в величайшем порядке и быстро. Она вовремя пришла в Сент-Омер, где пехота была полностью размещена на ночлег по домам, кавалерия расположилась на постой поблизости... Фураж поставлен хорошего качества, так же как и продовольствие для личного состава дивизии. Нет ни одного отсутствующего, солдаты идут весело и бодро, офицеры хорошо выполняют свои обязанности...»^[346]

Командир 3-й дивизии корпуса Даву генерал Гюден доносил начальнику генерального штаба 5 сентября 1805 г.: «...дивизия прибыла вчера в Лилль, где она сегодня сделала дневку. Войска шли в самом идеальном порядке, и ни одна жалоба не поступила на их поведение с момента выступления из лагеря в Амблетезе. Солдат преисполнен самого высокого боевого духа, и, несмотря на дождь, который идет почти каждый день, он весел и доволен... Раздачи продовольствия были выполнены пунктуально»^[347].

Командир 2-й дивизии корпуса Сульта генерал Вандамм докладывал своему начальнику: «...ни одна жалоба не поступала [на дивизию. – *Примеч. авт.*], величайший порядок постоянно царит в колонне. Офицеры... выполняют свой долг с большим рвением, и им легко вести солдат, которые наполнены такими же чувствами и боевым духом»^[348].

Впрочем, почти все рапорты отмечают не слишком любезный прием муниципалитетов на севере Франции. Особенно в этом отношении отличился Лилль, где отказались разместить первую дивизию корпуса Даву, а командир третьей дивизии Гюден докладывал следующее: «В городах мы встретили отказ разместить людей по квартирам, и приходится рассредоточивать дивизию по окрестным деревням, что изнуряет солдат»^[349]. Однако с приближением к восточным районам страны, где ощущалась опасность неприятельского вторжения, муниципалитеты стали куда более гостеприимными. В общем и целом при движении по территории Франции удалось избежать ночевки на биваках под открытым небом.

Необходимо отметить интересную особенность, которая хорошо обрисовывает своеобразный дух и понятие о дисциплине наполеоновской армии. Во время маршей, которые проходили иногда неподалеку от мест, откуда призывались солдаты данной части, наблюдалось явление повального «дезертирства». Солдаты убегали для того, чтобы навестить своих родственников, но в подавляющем большинстве вернулись в строй до перехода их полков через Рейн. Вот что докладывал по этому поводу генерал Дюпон, командир 1-й дивизии корпуса Нея: «32-й линейный полк, который рекрутируется в департаменте Эн (Aisne)... насчитывает много людей, отсутствующих в строю. Было невозможно помешать солдатам покинуть строй вследствие разбросанности мест постоя, но меня уверили, что эти люди, покинувшие строй с оружием и амуницией, сказали своим товарищам, что догонят полк в Ла Фере»^[350].

В некоторых полках из полутора тысяч человек осталось в строю не более 100–150 под знаменами, остальные разбежались по домам! Но что интересно, по прибытии на Рейн почти все они вернулись в строй. Маршал Сульт, например, докладывал, что не хватало только 30–40 человек, но и то недостающие солдаты догоняли свои полки на марше уже на германской территории. Армия шла на врага, и оставить своих товарищей перед лицом грядущей опасности считалось за бесчестье.

Нужно сказать, что многие высокопоставленные офицеры поступили так же, как и их солдаты, покинув на несколько дней свои части, чтобы навестить дом. Все маршалы с разрешения и даже по приказу императора заехали на несколько дней в Париж. То же самое сделал и сам Наполеон. Он вернулся в столицу из Булонского лагеря 3 сентября и оставался там двадцать дней. Конечно, целью императора было не посещение своей жены и родственников, а необходимость решить многочисленные организационные и политические проблемы перед началом боевых действий. Находясь в центральной позиции, он мог быстро получать рапорты от всех колонн, двигавшихся в сторону Рейна, и своевременно давать необходимые указания.

12 сентября в своем загородном дворце Сен-Клу Наполеон получил две срочные депеши по оптическому телеграфу^[351]. Одна из них была дана Мюратом, находившимся в Страсбурге, другая – префектом департамента Нижний Рейн. Депеши были очень лаконичны, они сообщали, что австрийская армия форсировала пограничную реку Инн и вступила в Баварию.

С этого момента семафоры оптического телеграфа, не зная усталости, сообщали с границы все новые и новые тревожные вести. В скором времени пришли и более подробные письменные рапорты. В частности, стало известно, что австрийские войска вступили в Баварию, но баварский курфюрст, отказавшись присоединиться к коалиции, покинул свою столицу – Мюнхен, а вместе с ним ушли в северо-западном направлении баварские войска. Пришел рапорт и от Дюрока, посланного с дипломатической миссией в Берлин. Донесение верного адъютанта было весьма досадным. Несмотря на все выгодные предложения Наполеона, пруссаки отказывались заключить с ним военный союз, более того, Дюрок предостерегал от прохода французских войск через прусские земли. Генерал был хорошо осведомлен о движении корпусов Великой армии. Он прекрасно знал, что на предполагаемом пути первого корпуса маршала Бернадотта лежал небольшой прусский анклав Анспах. Дюрок предупреждал, что нарушение прусского нейтралитета может вызвать серьезные последствия.

19 сентября рапорт Мюрата по оптическому телеграфу оперативно докладывал, что за два дня до этого австрийские войска, вступив в Мюнхен, вышли на рубеж реки Лех. На следующий день император получил донесение от посланника в Вюртемберге Дидло, который сообщал, что колонны австрийцев под командованием генерала Кленау перешли Лех 15 сентября и продолжили свое движение на запад. Стало ясно, что противник стремится захватить Баварию и, возможно, даже продвинуться далее.

План Наполеона окончательно вырисовывается под влиянием этой новой информации, а пока, прежде чем покинуть столицу, он решил выступить с торжественным обращением в Сенате для того, чтобы сообщить свое видение будущей войны французскому народу. Приветствуемый орудийными салютами и ликующей толпой, 23 сентября 1805 г. император во главе пышного кортежа торжественно приехал в Сенат.

Словам императора предшествовала речь министра иностранных дел Талейрана, который изложил официальный взгляд французского правительства на начавшуюся войну. «Дело, которое Франция защищала [в войне против Англии. – *Примеч. авт.*], было делом Европы. И потому было естественно думать, что ни интриги Англии, ни золото, которое она предлагала всем, кто служит ее честолюбию, ни ее лживые обещания не могут привлечь на ее сторону ни одну из континентальных держав... Англия увидела, что ей угрожает опасность, и решила отвести ее с помощью преступления. Убийцы были выброшены на французские берега... Император видел эти гнусные заговоры, он презирал их и, несмотря на все, предложил заключить мир на тех же условиях, что он был ранее заключен [в начале 1805 г. Наполеон вновь обратился с предложением мира к английскому королю. – *Примеч. авт.*]. Это великодушие не успокоило, а как кажется, еще более разожгло ярость Сент-Джемского кабинета. Его ответ показал, что он будет готов заключить мир только тогда, когда зальет континент кровью и покроет его трупами... Известно, что часть сумм, выделенных английским министерством, чтобы служить его целям на континенте, дошла до назначения и

держава, которая продала свой союз, не может более пощадить кровь своего народа, за которую она уже получила деньги... Отныне сила оружия – это единственный способ решить спор с честью»^[352].

Император взял слово после министра иностранных дел: «Сенаторы! В обстоятельствах, в которых находится Европа, я чувствую необходимость быть среди вас и выразить свои чувства.

Я покидаю мою столицу, чтобы встать во главе моей армии, оказать быструю помощь моим союзникам и защитить права моего народа.

Желание вечных врагов континента свершилось: война запылала в Германии, Австрия и Россия присоединились к Англии, и наше поколение вновь вовлечено в водоворот войны. Еще несколько дней назад я надеялся, что мир не будет нарушен. Я оставался безучастен к угрозам и оскорблениям. Но австрийская армия перешла Инн, Мюнхен захвачен, баварский курфюрст вынужден был бежать из своей столицы. Все мои надежды улетучились...

Сенаторы, когда, повинувшись вашему пожеланию и гласу всего французского народа, я принял императорскую корону, я поклялся перед вами и перед всеми гражданами сохранять ее чистой и незапятнанной. Мой народ во всех обстоятельствах давал мне заверения своего доверия и своей любви. Он пришел под знамена своего императора и своей армии, которая через несколько дней перейдет границу, чтобы сразиться с врагом...

Французы, ваш император выполнит свой долг, солдаты выполняют свой, а вы, я не сомневаюсь, исполните ваш»^[353].

В четыре часа утра 24 сентября 1805 г. Наполеон сел в свою походную карету и отправился вдогонку за войсками. 26 сентября в 17 часов он был уже в Страсбурге, где непосредственно принял командование армией.

В этот момент на огромном пространстве от Петербурга до Мюнхена и от Венеции до Штральзунда двигались колонны союзных войск. Общие силы союзников, реально приведенные в движение, были в этот момент следующими: в Южной Германии наступала австрийская армия под формальным командованием эрцгерцога Фердинанда. Эта армия насчитывала в своих рядах около 80 тыс. человек, из которых 60 тыс. шли в первом эшелоне. Император назначил эрцгерцога, которому шел 25-й год и у которого не было ни малейшего военного опыта, только для того, чтобы в случае соединения с русскими сохранить командование.

Реальное же руководство армией осуществлял генерал Карл барон Макк фон Либерих. В момент описываемых событий ему исполнилось 53 года. Макк происходил из семьи мещан и вступил в армию в 1770 г. простым солдатом. За 23 года он прошел путь до генерал-майора, а затем в 1797 г. получил звание фельдмаршала-лейтенанта^[354]. Возможно, Макк был храбрым солдатом и, быть может, неплохим командиром младшего звена, но как генерал, а тем более как полководец он оказался совершенно неспособным. В 1798 г. он получил командование над Неаполитанской армией и был практически тотчас вдребезги разбит французским генералом Шампийонне, а сам попал в плен. Несмотря на этот далеко не самый блистательный эпизод военной карьеры, в Вене почему-то считали Макка необычайно мудрым полководцем. Быть может потому, что Макк очень путано и длинно умел рассуждать на военные темы в модном тогда схоластическом стиле, распространяясь о коммуникационных линиях, операционных направлениях, стратегическом базисе и т. п.

И все же не философские рассуждения обеспечили Макку высокий пост. Как мы уже указывали в предыдущей главе, поддерживая популярного эрцгерцога Карла, против войны выступили многие известные австрийские генералы. В частности, генерал-квартирмейстер Дука написал в своем рапорте, что при всех усилиях Австрия сможет выставить для будущей войны на 60 тыс. меньше солдат, чем это было в предыдущей кампании. За это Дука поплатился своим постом и был отправлен в провинцию Темешвар, одну из самых отдаленных, которая была в Австрийской монархии. Зато Макк браво отрапортовал, что за восемь дней он берется поставить под ружье армию той численности, которую предписывал

договор с Россией. Вице-канцлер Кобенцель, который отныне взял курс на войну, был в восторге, и Макк сделал головокружительную карьеру.

«Макк заслужил хорошую репутацию в нижних чинах, эта репутация пережила даже его поражения в жалкой кампании в Неаполе и катастрофу под Капуей. Английское влияние и партия войны вывели его из безвестности и вручили ему бразды правления. Амбиции ослепили его, воображение его подвело, а неверный расчет увлек нас к гибели»^[355], – справедливо написал известный австрийский генерал граф Нейперг.

Своими самоуверенными шапкозакидательскими декларациями Макк заслужил себе такой престиж, что он практически превратился в главного руководителя австрийских вооруженных сил. По его требованию в середине августа 1805 г. эрцгерцога Карла, несмотря на то что он был братом императора, сняли с поста военного министра! Вместо него военным министром стал фельдмаршал Коллоредо. А сам Макк был назначен на пост фактического командующего австрийской армией в Германии.

Расчеты Макка были более чем оптимистичными. Он считал, что Наполеон сможет появиться на Рейне не более чем с 70 тыс. солдат, так как из 160-тысячной армии, рассуждал Макк, французский император оставит 30–40 тыс. человек в Булонском лагере, 20 тыс. в Париже, а 20 тыс. в госпиталях. Макк также рассчитывал, что баварцы перейдут на сторону союзников и австрийцы получают в Германии еще 12–18 тыс. солдат. Таким образом, по его расчетам, у союзников будет в Южной Германии почти 100 тыс. человек, к которым, по всей видимости, присоединятся и другие немецкие контингенты: баденские, гессенские, вюртембергские. Поэтому войска под его командованием в начале сентября, не колеблясь, двинулись вперед.

Одновременно в Тироле (южнее Баварии) начали выдвижение войска эрцгерцога Иоанна, около 30 тыс. человек. Для наступления в Италии выделялись огромные силы: около 100 тыс. человек под командованием эрцгерцога Карла в основной группировке и в южном Тироле 20 тыс. человек под командованием генерала Гиллера.

В это время русские войска еще только начинали свое движение на помощь австрийцам. 25 августа армия Кутузова в количестве 46 405 человек выступила из местечка Радзивилов (в 80 км к северо-востоку от Лемберга (Львова)). И 22 сентября подошла к городу Тешен, который находится в 600 км по воздушной линии от центральной Баварии, где развернутся первые драматические события войны 1805 г.

Одновременно на северо-западных границах Российской империи также собирались войска. В районе Брест-Литовска – Волынская армия Буксгевдена (48 тыс. человек), неподалеку – Литовская армия Эссена 1-го (56 тыс. человек), а от Гродно до Таурогена – Северная армия Беннигсена (48 тыс. человек). Корпус Толстого (20 тыс. человек) готовился отправиться из Кронштадта в Северную Германию по морю, а 20-тысячный корпус Торماسова должен был прикрывать развертывание русских сил со стороны Турции. Наконец, примерно 12-тысячный русский отряд готовился к отправке из Корфу в Неаполь.

Таким образом, Россия привела в движение около 230 тыс. солдат и офицеров, австрийцы также почти 230 тыс. Вместе со шведами, англичанами и неаполитанцами силы коалиции, реально выступившие против Наполеона, составили более полумиллиона человек.

В то время как французский император мог противопоставить им 180 тыс. в Германии, около 50 тыс. в Северной Италии под командованием маршала Массена и 15 тыс. в Южной Италии под командованием генерала Сен-Сира. Таким образом, в общей сложности у французов было для ведения полевой войны около 245 тыс. человек, если же считать присоединившиеся впоследствии к французам немецкие контингенты, примерно 270 тыс. человек.

Получается, что у Наполеона было почти в два раза меньше войск, чем у союзников. Однако, как видно из сказанного, армия коалиции была разбросана на гигантском пространстве Европы. В то время как ее авангарды были уже в Баварии, остальные войска были далеко позади.

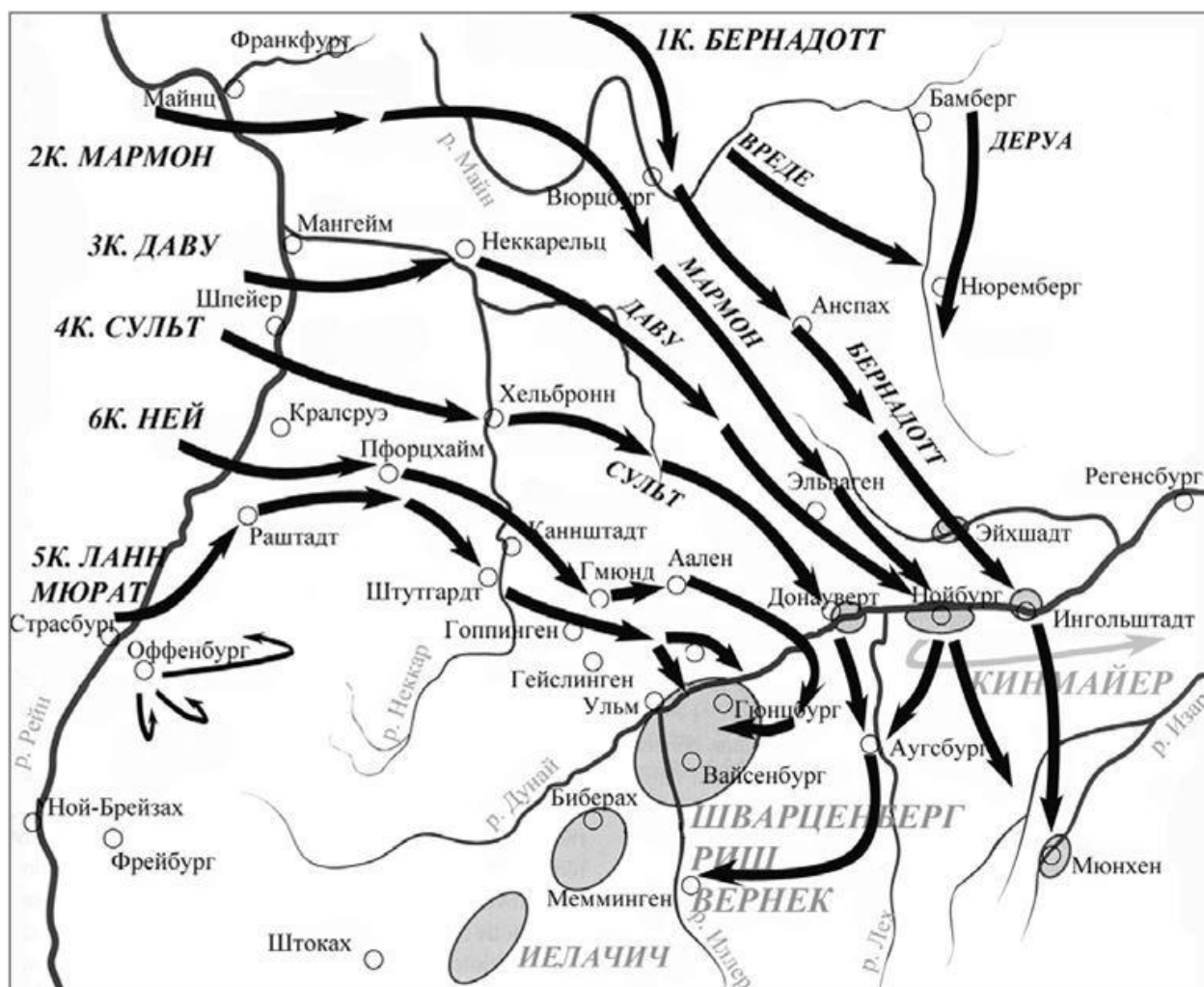
20 сентября 1805 г. император Франц прибыл в Мюнхен, а на следующий день приехал в Ландсберг (город в 50 км к западу от Мюнхена). Здесь император встретился с генералом Макком, и здесь же состоялся военный совет. Макку удалось убедить императора продолжить движение войск вперед вплоть до крепости Ульм и рубежа реки Иллер (приток Дуная, впадающий в него несколькими километрами выше Ульма по течению). Франц также подтвердил все полномочия «генерал-квартирмейстера» Макка и обязал молодого эрцгерцога подчиняться «советам» старшего товарища. Позднее, 12 октября, император подтвердит полномочия Макка письменно. Так что с этого момента он стал не только фактическим, но и формальным главнокомандующим армией.

Несмотря на то что военный опыт молодого эрцгерцога Фердинанда был, мягко говоря, невелик, он многое понял и вынес о встрече в Ландсберге тяжелое впечатление. 23 сентября Фердинанд написал: «В ходе беседы, которая продолжалась более двух часов, я убедился, насколько этот человек [Макк. – *Примеч. авт.*] ошибался с военной точки зрения, насколько он мало знал дух своей армии и армии неприятеля. Я убедился, что он не имел ни малейшего понятия, как нужно поддерживать порядок в войсках, считая мелочным и недостойным его особы заниматься подобными вопросами. Короче говоря, я увидел человека, который без всяких оснований был глубоко убежден в превосходстве своих военных талантов и который считал, что он сам по себе стоит стотысячного войска»^[356].

То, что произошло дальше, плохо поддается пониманию разума. Макк с каким-то остервенелым упрямством стал гнать свою армию вперед. «Генералы и большая часть штабных офицеров загоняли почтовых, чтобы присоединиться к своим колоннам, – рассказывает австрийский офицер, – и, в конечном итоге, доскакали до Ульма, чтобы запереться там. Артиллерия тащилась день и ночь, угробив своих жалких лошадей на больших дорогах, а понтоны с трудом продвигали вперед скелеты на копытах Вимауер и Ко^[357]»,^[358]. При этом пехоту, чтобы ускорить движение, посадили на повозки, которые, также увязая в грязи, стремились в город с роковым для австрийцев названием – Ульм.

В результате этих странных усилий в самых последних числах сентября австрийская армия достигла крепости Ульм и реки Иллер. 3 октября 1805 г. она занимала позиции от берегов Боденского озера до Ульма и от Ульма вдоль по Дунаю вплоть до Ингольштадта. В общей сложности едва 80 тыс. человек были разбросаны на фронте протяженностью примерно 160 км, а в глубину растянуты на 40–50 км (расписание австрийских войск см. в приложении).

По прибытии в Страсбург Наполеон получил сведения о перемещениях австрийцев. Конечно, он не знал всех деталей, но для него стало ясно – армия Макка необъяснимо далеко выдвинулась на запад. Теперь его план окончательно созрел. Отныне в задачу Великой армии входит не просто сокрушение австрийцев, но их полный разгром. Вечером император написал своему министру иностранных дел из Страсбурга: «Неприятель находится у входа в Шварцвальд. Дай Бог, чтобы он там остался. Я боюсь только того, что мы их сильно испугаем»^[359].

Ульмский маневр

По распоряжению Наполеона начальник штаба Великой армии написал маршалу Даву: «Неприятель находится сейчас недалеко от Ульма, где расположен его правый фланг, а левый фланг упирается в Боденское озеро, его передовые войска находятся у входа в Шварцвальд... Его Величество желает перейти Дунай между Донаувертом и Ингольштадтом раньше, чем туда сумеет подойти неприятель, который будет эвакуировать Швабию и Баварию. Задачей является атаковать его во фланг, когда он будет отходить, и как можно быстрее отвоевать Баварию».

Как очень хорошо видно из этого письма, Наполеон прекрасно предсказал действия австрийцев. На основании туманных противоречивых сведений он почти точно определил их место нахождения, ошибаясь лишь немного – он считал, что все силы Макка находятся между Ульмом и Боденским озером, в то время как здесь находился только левый фланг австрийцев. Впрочем, это было совершенно непринципиально.

Император поставил задачу – обойти вражескую армию с севера. Он не сомневался, что австрийцы не будут, подобно пням, стоять на месте, и, едва получив сведения о движении Великой армии, начнут отступать. Однако благодаря скорости и четкости движения французских войск Наполеон был уверен, что отходящего врага можно будет атаковать с фланга, а возможно, даже отрезать от пути на Вену и, прижав к Тирольским горам, разгромить. Обратим внимание, что в планы Наполеона не входила задача окружения и пленения армии Макка в Ульме. Императору и в голову не могло прийти, что незадачливый австрийский генерал будет цепляться за этот город. Для Наполеона Ульм – это всего лишь точка на карте, старая ветхая крепость, не имеющая большой самостоятельной ценности.

В отличие от плана союзников, путаного и противоречивого, план Наполеона похож на стройное классическое произведение. Здесь все просто, ясно и нет ничего лишнего. Великий полководец четко, без колебаний выбрал объект атаки и сконцентрировал против него подавляющее численное превосходство. Имея полевую армию, которая почти в два раза уступала по численности армии коалиции, он сосредоточил на решающем стратегическом участке более чем двойное превосходство и обеспечил себе практически стопроцентный успех. Еще в молодости Бонапарт гениально сформулировал основной стратегический принцип: «В боевых действиях дело обстоит так же, как и в осаде крепостей: соединить всю силу огня против одной точки, пробить брешь и тем самым нарушить равновесие, тотчас все укрепления станут бесполезными – крепость будет захвачена»^[360]. То же самое и в Ульмском маневре. Все силы сосредоточены против решающего участка, здесь он должен выбить из строя одну из главных армий врага, тем самым будет пробита «брешь», нарушено равновесие, и все «укрепления», иными словами, войска неприятеля, наступающие в Тироле, Померании или Неаполе, «станут бесполезными».

В письме к Бернадотту от 2 октября 1805 г. император коротко и ясно излагает свой замысел: «Не обращайтесь внимания на то, что может сделать неприятель в Ганновере или в других местах... Когда мы разделаемся со 100 тыс. австрийцев, которые сейчас перед нами, у нас будет возможность заняться и другими делами...»^[361]

Выполнение решающей части операции началось 25 сентября 1805 г. В три часа утра по мосту из Страсбурга в Кель загрохотали копыта сотен коней. Это были 9-й и 10-й гусарские полки бригады Трейяра, за ними двинулись стройные ряды гренадерской дивизии Удино. Уже на следующий день, прибыв в Страсбург, император, стоя под проливным дождем, наблюдал за переправой своих войск через Рейн.

Почти одновременно на 160-километровом фронте Рейн форсировали и другие соединения Великой армии. Маршал Даву во главе 3-го корпуса переправился через Рейн у Мангейма 26 сентября, маршал Султ во главе 4-го корпуса в тот же день перешел реку у Шпейера, а Ней с 6-м корпусом переправился 27 сентября у Максау. Еще ранее (22 сентября) генерал Мармон со 2-м корпусом пересек Рейн у Майнца. Маршалу Бернадотту не надо было переходить Рейн, так как он шел из Ганновера. 26 сентября его войска подходили к Вюрцбургу. Общая протяженность фронта, на котором были развернуты французские корпуса, составляла примерно 200 км.

Для того чтобы еще больше ввести Макка в заблуждение, Наполеон поставил задачу небольшой части резервной кавалерии двинуться напрямую из Страсбурга на Ульм. Это движение конных масс по дорогам Шварцвальда должно было еще более приковать внимание австрийцев к западному направлению. Под прикрытием конной завесы главные силы армии должны были совершить гигантский обходной маневр.

С этого момента больше не могло быть речи о таком же спокойном марше, как при движении по территории Франции. Полки шли сомкнутыми рядами, между дивизиями была оставлена только небольшая дистанция.

30 сентября на марше по территории Германии солдатам зачитали воззвание императора: «Солдаты! Война с Третьей коалицией началась. Австрийская армия перешла Инн, растоптала договоры, напала на нашего союзника и вторглась в его столицу...

Солдаты, ваш Император среди вас. Вы – авангард великого народа, и, если надо, он поднимется по моему призыву, чтобы разгромить новую лигу, сотканную из ненависти и золота Англии.

Солдаты, нам предстоят форсированные марши, усталость и лишения. Но какие бы препятствия ни встали на пути, мы преодолеем их и не остановимся до тех пор, пока не водрузим наших орлов на земле врага»^[362].

В первые же дни вступления на территорию Германии Наполеону нужно было срочно решить ряд политических вопросов. Эти вопросы были непростые, но, имея такой аргумент, как 165-тысячная армия, он мог надеяться на быстрый успех переговоров. Прибытие корпуса Бернадотта в Вюрцбург, куда убежал из своей столицы баварский курфюрст, устранило все

сомнения Максимилиана Иосифа. 28 сентября в Вюрцбурге был подписан союзный договор между Францией и Баварией, согласно которому баварцы должны были выставить 20-тысячный контингент для войны с Австрией. Первого октября, покинув Страсбург в три часа дня, Наполеон был принят вечером баденским курфюрстом в своей резиденции. И в тот же день Карл Фридрих Баденский подписал союзный договор с Наполеоном, согласно которому Баден должен был выставить трехтысячный контингент.

Немного сложнее дело обстояло с Вюртембергом. Вюртембергский курфюрст отказался пропустить французские войска через город Людвигсбург, где находилась его резиденция, и закрыл перед французами ворота Штутгарта – своей столицы. Наполеон послал для переговоров своего адъютанта генерала Мутона. «Ваша миссия будет непростой, – сказал император, давая инструкции Мутону. – Курфюрст вас встретит гневными криками, что случается редко – он сочетает в себе вспыльчивость и непреклонность. Так что он наделает много шума». «Не больше, наверное, чем пушка, а я к этому привык»^[363], – невозмутимо ответил храбрый Мутон.

Все случилось так, как предсказывал император. Карл Фридрих излил на посланца Наполеона весь свой гнев. Но Мутон, ничуть не смутившись, ответил, что «он приехал не для того, чтобы слушать оскорбления, и не для того, чтобы на них отвечать, а для того, чтобы вести переговоры, а непродуманные слова для него безразличны и бесполезны, потому что в любом случае он не сообщит их императору и что лучше послушать предложение, тем более что маршал Ней с 30-тысячным корпусом находится у ворот его столицы».

Спокойствие адъютанта Наполеона обезоружило вюртембергского курфюрста, и тогда от угроз он перешел к условиям. Его главным желанием было увеличить свои владения и получить королевский титул. «Ну что ж, я ничего лучшего не желаю. Пусть он будет королем, если ему так хочется»^[364], – ответил Наполеон, узнав о требованиях Карла Фридриха. Поздно вечером 2 октября император прибыл в Людвигсбург, и 5 октября был подписан «Вечный союз» между Францией и Вюртембергом. Согласно условиям этого соглашения вюртембергский курфюрст должен был выставить 7 тыс. солдат для войны с Австрией.

Единственной неприятностью был отказ ландграфа Гессен-Дармштадского выставить четырехтысячный контингент для содействия Великой армии. Гессенские власти дали разрешение на проход французских войск в течение 35 дней, однако союз не заключили.

Впрочем, это уже мало что меняло: всего лишь за несколько дней было подписано три важных договора, которые давали Наполеону дополнительный 30-тысячный воинский контингент. Конечно, не следует переоценивать значимость этих войск. По качеству они значительно уступали французским, да и задействованы могли быть только спустя некоторое время. Так что при расчете сил, которыми обладал французский император во время Ульмского маневра, немецких союзников можно не учитывать. Тем не менее союзные договоры с Баварией, Баденом и Вюртембергом имели важное стратегическое и геополитическое значение. С одной стороны, они обеспечивали тылы Великой армии, ее коммуникационную линию, с другой – окончательно вовлекали в орбиту французского влияния юго-западную Германию.

Отныне марш французских войск по территории западных германских земель не встречал никаких препятствий. Великая армия, словно стрелка гигантских башенных часов, делала захождение всем фронтом левым крылом вперед. Каждый день из штаба разлетались во все стороны десятки приказов и сообщений всем корпусам, находившимся на марше. Император заботился о том, чтобы его маршалы не только получали четкие и ясные распоряжения, но и были информированы о том, что происходит поблизости от них. Корпуса должны были, подобно солдатам в строю, ощущать слева и справа локоть своих боевых товарищей.

В распоряжениях императора, данных в эти дни, обращает на себя внимание удивительное сочетание решительности и смелости с редкой предусмотрительностью.

Например, в приказе от 2 октября Бернадотту говорилось следующее: «Если неприятель перейдет Дунай, чтобы двинуться на вас, вы его атакуете, поддерживая связь с командующим корпусом Даву, и в этом случае вся армия поддержит вас своим движением»^[365]. А на следующий день император писал Даву: «Возможно, что неприятель произведет какие-либо маневры. Он может двинуться на один из наших корпусов... Если неприятель перешел Дунай и занял Нордлинген, займите оборонительную позицию и вступите в контакт с маршалом Сультом... С помощью этого ваши корпуса будут действовать совместно, а ваша тяжелая кавалерия вам пригодится на прекрасной равнине у Нордлингена»^[366].

Таким образом, несмотря на значительное численное, моральное и техническое превосходство своих войск, Наполеон не исключает возможности контратаки неприятеля. Практически всегда он смотрит на вражеского полководца так, как если бы он был человеком, близким ему по стилю командования. Поэтому с учетом широкого фронта, на котором двигались французские войска, император вполне допускал, что противник может перейти во внезапное контрнаступление на одном из участков. Разумеется, подобная вероятность была невелика, и вокруг этой опасности не создавалось ненужной паники. Тем не менее активные действия австрийцев полагались возможными, и к ним были готовы.

В этот день, 2 октября 1805 г., Великая армия была развернута от Штутгарта до Вюрцбурга на фронте протяженностью приблизительно 120 км. При этом корпуса сконцентрировались в три большие группировки: на левом фланге Бернадотт и Мармон, в центре Даву и Сульт, на правом фланге Ланн, Ней, резервная кавалерия и гвардия.

В этот момент войска левофланговой группировки находились уже в нескольких километрах от прусского анклава Анспах, простиравшегося на 85 км с запада на восток и на 65 км с севера на юг. Прусская территория находилась прямо на пути первого и второго корпусов Великой армии. Конечно, было возможно обойти прусские земли справа или слева, но при этом произошла бы значительная задержка на марше. Дороги, особенно с запада от Анспаха, были буквально забиты войсками и обозами. Кроме того, обход пришлось бы совершать по проселкам. В результате корпуса Мармона и Бернадотта могли отстать от главных сил на несколько дней марша. Наполеон, конечно, помнил информацию, сообщенную ему Дюроком. Но «дипломатические» успехи поселили надежду, что с Пруссией можно будет решить вопрос так же, как с Баденом и Вюртембергом. Император видел, что Пруссия колеблется, но он считал, что под давлением обстоятельств пруссаки примут сторону Франции. Поэтому, не смущаясь, он отдал приказ войскам Бернадотта и Мармона идти напрямик и пересечь прусскую территорию, соблюдая строгий порядок и дисциплину.

3 октября войска Бернадотта были на границе Анспаха. В голове колонны первого корпуса шла дивизия Друэ. «Подойдя к границе княжества Анспах, – рассказывает Друэ, – я увидел два эскадрона прусских гусар, которые хотели не дать пройти моей дивизии, сообщив мне постановление прусского короля. Я пытался объяснить их командиру, что генерал Дюрок был послан в Берлин императором, чтобы устранить все проблемы. Прусский офицер не желал ничего слушать, повторяя о своих инструкциях. Напрасно я говорил ему, что я получил приказ следовать этой дорогой и что я не могу изменить направление, – офицер продолжал настаивать на своем. Нужно было что-то делать. И я сказал твердым тоном: “У вас два эскадрона, а у меня десять тысяч солдат, так что ваше сопротивление будет бесполезным”. Прусский офицер заявил, что он протестует... Я ответил ему, что он может делать все, что пожелает, и приказал дивизии двинуться вперед»^[367].

Прусские гусары не посмели вступить в бой с многочисленной колонной и пропустили ее, следуя по пятам за французами. Тем не менее ситуация оставалась напряженной в течение всего марша французов по территории Анспаха. «Мое движение по прусской территории вызвало тысячи осложнений, – докладывал Бернадотт начальнику генерального штаба. – Сегодня на подходе к городу Анспах ко мне прибыл генерал-комендант этой провинции со всем своим штабом... Он объявил мне, что получил от короля... самый

строгий приказ не давать прохода никаким иностранным войскам. Только после долгого разговора и многочисленных выражений дружбы с моей стороны генерал согласился разрешить нам продолжить наше движение... Я делаю все, что зависит от меня, чтобы сделать проход наших войск как можно менее накладным для провинции. Я располагаю войска на бивак на полях, где собран урожай, я плачу золотом за все, что нам поставляют, наконец, я не пренебрегаю ничем – деньгами, лестью и дружественными заверениями, – чтобы как можно менее настроить против нас подданных Его Величества прусского короля. Кажется, я в этом неплохо преуспел, и я не получил ни одной жалобы на войска»^[368].

Чтобы как можно меньше сердить пруссаков, Бернадотт постарался сделать так, чтобы его корпус быстро пересек нейтральную территорию, а саму «столицу» анклава – город Анспах – он приказал обойти стороной. Несмотря на все предосторожности, этот, казалось бы, малозначимый инцидент сыграл гигантскую роль в европейской политике. Последствия его оказались совершенно не такими, как представлял себе французский император. За несколько сэкономленных дней марша была заплачена чудовищно высокая цена (см. главу 9).

Вечером 6 октября Великая армия вышла к берегам Дуная позади правого фланга основных сил австрийцев. Предначертания императора были точно выполнены. Фронт 165-тысячной армии сократился до 90 км. Ее главные силы были в 20 км от реки, а авангарды уже поили лошадей в Дунае. Грандиозный стратегический охват удался.

«Маленький капрал, кажется, избрал новый способ ведения войны, – шутили солдаты, – он воюет нашими ногами, а не штыками».

В этот день на Нордлингеской равнине драгуны Клейна скрестили свои клинки с передовыми постами австрийских гусар и отбросили их к Дунаю.

Пришло время и для штыков...

Глава 8. Ульм

На войне самое плохое решение, какое можно принять, – это не принимать никакого решения.

А.-Ф. де Брак. Аванпосты легкой кавалерии

Несмотря на ненастную погоду, Великая армия почти на всем фронте своего развертывания вышла 7 октября к Дунаю. 4-й корпус Сульта и драгуны генерала Вальтера, как и было предписано диспозицией, вступили в Донауверт. Здесь был большой мост через реку. Накануне отступающие австрийские пехотинцы полка Коллоредо сожгли его, и поэтому французам необходимо было как можно быстрее восстановить переправу. Император лично прибыл на место событий...

Около часа дня пошел холодный дождь. Проклиная все на свете, генералы и офицеры свиты императора кутались в мокрые плащи. Наполеон, не обращая внимания на непогоду, молча наблюдал за работой саперов, лишь изредка отсылая адъютантов с приказами.

За несколько часов до этого один батальон 24-го легкого полка с двумя эскадронами конных егерей нашел в двух лье^[369] выше по течению у Мюнстера небольшой мост и, перейдя по нему Дунай, подошел к остаткам Донаувертской переправы с южного берега. За этим отрядом последовали драгуны 2-й дивизии генерала Вальтера, прибывшие сюда же к десяти часам утра. Австрийцев напротив Донауверта уже не было: узнав о приближении крупных сил французской армии, они поспешно ретировались.

Не дожидаясь завершения работ по восстановлению большого моста, Мюрат переправился через Дунай на лодке и отправил по дорогам на Аугсбург и Райн кавалерийские разъезды. К вечеру пехота и артиллерия двинулись по отремонтированному мосту. А ночью с правого берега в штаб, где, не покладая рук, работал Бертье, поступили первые сведения от аванпостов, столкнувшихся с вражеской кавалерией.

Ситуация выглядела следующим образом: Великая армия мощным клином врезалась в расположение правого фланга австрийской армии. Отряд Кинмайера, защищавший

Донаувертский мост, не принял боя и ушел в восточном направлении. Оставался вопрос – что будет делать основная часть неприятельских войск, расположенная западнее французского клина? Наполеон был почти уверен, как уже отмечалось, что австрийский генерал сконцентрирует войска и двинется на прорыв в восточном направлении.

В шесть утра 8 октября по поручению императора Бертье написал маршалу Нею: «Вероятно, переход через Лех и занятие Аугсбурга, которое произойдет сегодня, отрезвят неприятеля... Невозможно, чтобы противник, узнав о переходе Дуная и Леха, а также о страхе и беспокойстве, которые охватили его войска на Лехе, не решил отступить»^[370].

Наполеон почти исключал отступление австрийцев по левому берегу Дуная в северо-восточном направлении. «Его Величество не думает, что неприятель будет столь безумен, чтобы перейти на левый берег Дуная»^[371], – всего лишь через несколько часов заявил начальник штаба в очередном письме маршалу Нею.

Интересно, что австрийский главнокомандующий, получивший 7 октября сведения о переходе французами Дуная, не осознал опасность, нависшую над его армией. При этом, как ни странно, Макк понял, что французы обходят его с тыла. В этот день австрийский генерал написал: «Кажется, сейчас ясно, что неприятель возобновляет свой маневр Маренго, то есть он пытается отрезать нас от наследственных владений...»

Все дело в том, что Макк, ясно представляя себе задачу противника и направление его движения, не отдавал себе отчета в соотношении сил. Австрийскому главнокомандующему казалось, что он имеет дело с почти равной армией, численностью около 70 тыс. человек. Не понимал он и особенностей своего противника, не замечал морального превосходства французов.

В результате Макк задумал повторить маневр, который в 1800 г. совершил австрийский генерал Край против войск Моро, – держа крепость Ульм, стоящую «верхом» на Дунае, угрожать французам на левом или на правом берегу в зависимости от обстановки. Макк считал, что если армия Наполеона вся переправится на правый берег, австрийским войскам «...достаточно будет маневрировать по левому берегу, спускаясь вниз по реке, чтобы если не разбить врага, то сделать его судьбу ужасающей».

Все, что произойдет дальше, великолепно подтверждает тезис, согласно которому на войне нет абсолютных рецептов. То, что хорошо в одном случае, в другом приводит к катастрофе. Алгоритм действий Макка действительно был бы оправдан против 70-тысячной армии с невысоким моральным духом и под командованием осторожного генерала. Однако против двукратно превосходящих сил Великой армии под командованием самого Наполеона план австрийского полководца вел к катастрофе.

Но даже в осуществлении своей сомнительной схемы действий Макк был непоследователен. Вместо концентрации войск вокруг Ульма он начал с распыления сил, выделив несколько полков, чтобы «раздавить», как он выразился, авангарды французов, переправившиеся на южный берег Дуная. Для выполнения этой амбициозной задачи в сторону Донауверта был послан генерал Ауффенберг с отрядом в 4800 человек.

Пока маленькая дивизия Ауффенберга, не торопясь, шла в западном направлении, французские войска с утра 8 октября уже наводнили правый берег Дуная. Мюрат перевел на южный берег реки почти все свои дивизии. Корпус Сульта форсировал водную преграду на глазах императора в Донауверте, корпус Ланна переправлялся через Дунай у Мюнстера, Даву – у Нойбурга, за корпусом Даву продвигались Мармон и Бернадотт.

Выполняя приказ императора, Султ двинулся на Аугсбург. Перед ним шла драгунская дивизия Вальтера. Мюрат с 1-й драгунской дивизией Клейна, 3-й Бомона, кирасирами Нансути и гусарами из дивизии Трейера устремился на Цузмархаузен.

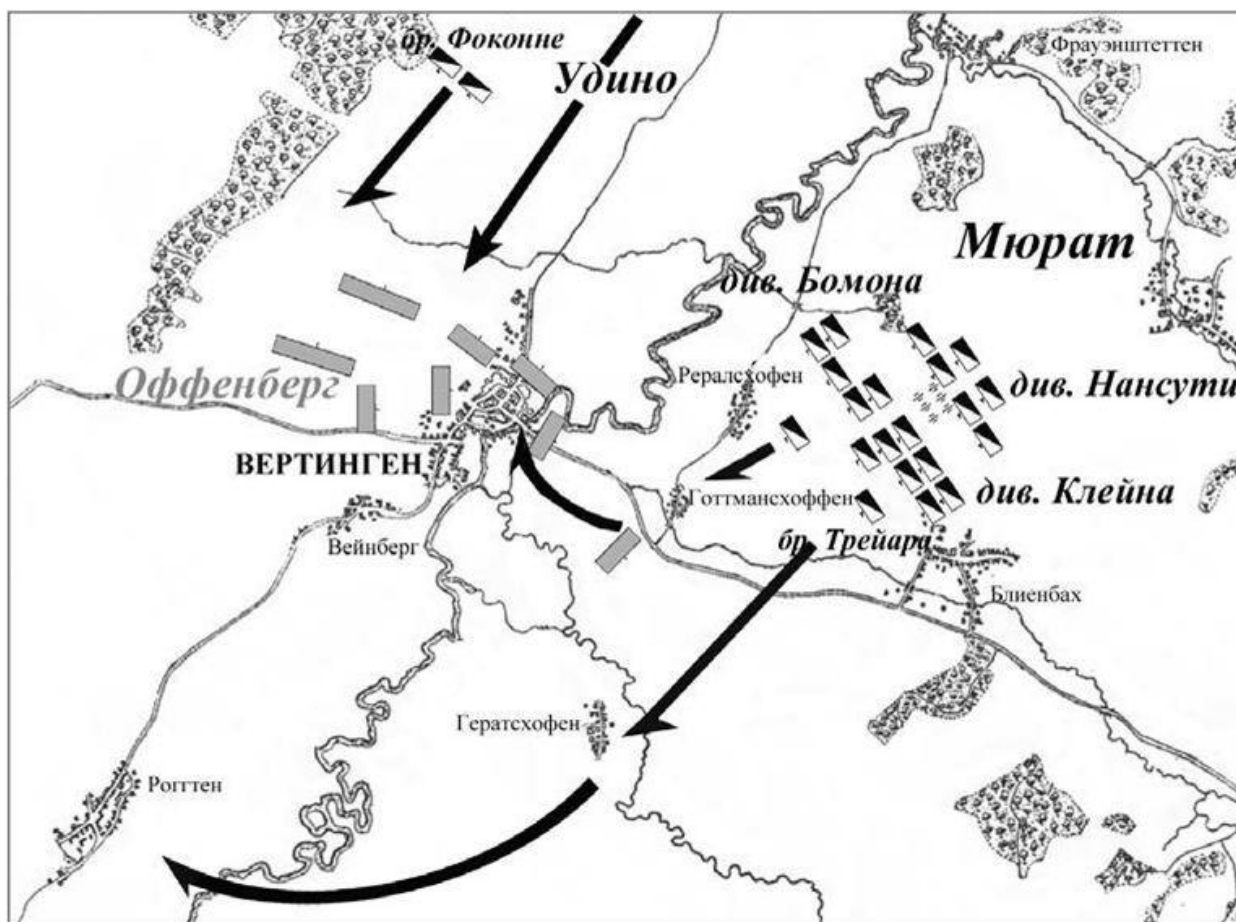
Генерал Ауффенберг в это время не спеша достиг городка Вертинген, лежащего на пути в Донауверт. Австрийские разъезды, как ни странно, не обнаружили приближающиеся с северо-востока конные массы Мюрата, зато генералу донесли, что с севера замечена неприятельская пехота. Это были гренадеры Удино, шедшие в голове корпуса Ланна. Ауффенберг выслал против них небольшой авангард под командой генерала Динерсберга и,

расположив свои войска на случай атаки, как говорят, преспокойно собирался обедать, тем более что время было вполне обеденное – около двух часов дня.

Как раз в этот момент с востока к городу подошла конница Мюрата. Не теряя ни мгновения, легендарный командир резервной кавалерии отдал приказ атаковать. Пока драгунские дивизии разворачивались в боевые порядки на равнине перед Вертингеном, 60 драгун из дивизии Клейна, ведомые адъютантом Мюрата отважным Экзельмансом, подскакали к деревушке Готтмансхофен, спешили в мгновение ока и атаковали передовые посты австрийцев. В считанные минуты неприятель был выбит из деревни.

Основная масса австрийцев была отделена от Мюрата речкой Цузам, текущей с севера на юг, поэтому, чтобы атаковать их, необходимо было овладеть городком Вертинген и находившимся в нем мостом. Эта задача была поручена дивизии Бомона.

9-й драгунский полк под командованием полковника Мопети галопом ворвался в предместье, взял мост и оказался в самом городке, рубя направо и налево растерявшихся от внезапной атаки австрийцев. Однако после первого шока австрийская пехота пришла в себя, и скоро из всех окон и дверей загрохотали ружейные выстрелы. Драгуны смешались под свинцовым ливнем.

Бой под Вертингеном

Тогда решительный командир, не потеряв самообладания, отдал приказ спешить половину полка. Драгуны соскочили с коней и накиннулись на врага, но уже не с саблями, а пустив в дело штыки и приклады. Через несколько минут дорога для всадников была проложена.

Пока спешенные кавалеристы успешно громили пехоту на улицах Вертингена, вторая половина полка в конном строю обскакала город слева, с ходу развернулась и тотчас атаковала отступающих австрийцев...

В это же время дивизия Клейна, поднявшись чуть выше по реке, нашла у деревни Роггтен маленький мост. Драгуны и 10-й гусарский полк тотчас же воспользовались случаем и переправились на противоположный берег. Поблизости стояли австрийские кирасиры. Но французы даже не дали им времени на то, чтобы подготовиться к бою, и с ходу ринулись в атаку.

Австрийская кавалерия была одной из лучших в Европе. Особенно славились полки кирасир, как слаженностью действий, так и качеством конского состава. Поэтому, несмотря на энергичные действия французов, здесь завязался упорный бой. Но через переправу подходили все новые и новые эскадроны. В результате австрийцы были охвачены со всех сторон и с большими потерями отброшены. Таким образом, тыл и правый фланг австрийской пехоты были открыты.

Как раз в этот момент с севера показались на дороге меховые шапки гренадер Удино – маршал Ланн, едва слышав начавшуюся канонаду, ускорил движение своей элитной дивизии и, смяв авангард Динерсберга, вовремя пришел на помощь Мюрату. Под угрозой охвата с обоих флангов австрийская пехота построилась в большие каре и стала отступать.

Появление французских гренадер с севера и атака драгун Клейна с юга деморализовали неприятеля. 9-й драгунский полк вместе с подоспевшими 5-м и 8-м полками из дивизии Бомона развернулись в боевой порядок и ринулись на австрийские каре. Отчаянная конная атака сломила сопротивление австрийских гренадер. Через несколько мгновений ряды пехоты дрогнули, смешались – каре были прорваны. Австрийцы побежали в лес, неотступно преследуемые драгунами и конными егерями, пришедшими с авангардом Ланна.

«Этот блистательный бой, который мы расценили как предзнаменование удачи, не был кровопролитным, – записал в своем дневнике офицер дивизии Удино. – Он был так быстро завершен, что наша артиллерия не успела даже начать стрелять. Австрийцы были устрешены порывом, с которым атаковали их наши войска»^[372].

Отряд Ауффенберга был полностью разгромлен. Согласно австрийским данным^[373], части Ауффенберга потеряли 101 человека убитыми, 233 ранеными, 1469 пленными (всего 1803 человека), а также три знамени и шесть орудий. Сам генерал Ауффенберг попал в плен. Вполне доверяя австрийским документам, нужно, однако, заметить, что потери пленными были наверняка несколько большими. Кроме того, видимо, не было учтено и некоторое количество разбежавшихся и дезертировавших после боя, потому что на следующий день в отряде оставалось не более 1600 человек (из 4800). Вероятно, цифра, которую приводит в своем рапорте Мюрат, – 2200 пленных – не слишком далека от истины. Потери победителя были относительно невелики: около 140 убитых и раненых и... двое пленных.

Скоротечность боя и значительная разница в потерях говорят о том, что бравурный рапорт командующего французской кавалерией императору, написанный вечером на месте боя, был близок к истине: «Ваша кавалерия, Сир, покрыла себя славой; трудно описать энтузиазм, с которым она атаковала, а также энтузиазм храбрых гренадер [Удино. – *Примеч. авт.*]. Все атаки были совершены с криками “Да здравствует император!”. Полковники Арриги и Мопети были ранены, ведя в атаку свои полки, первый на неприятельских кирасир, второй – на пехоту... Мой адъютант г-н Экзельманс, который будет иметь честь вручить Вам это письмо, вел себя в бою самым достойнейшим образом. Он был всегда на острие атаки... под ним было убито две лошади»^[374].

Мюрат неспроста подчеркнул, что «все атаки были совершены с криками “Да здравствует император!”». Сражение под Вертингеном было первым в истории наполеоновской империи. Боевой клич «Да здравствует император!», который, начиная с этого момента, в течение десяти лет будет раздаваться на всех полях Европы, прозвучал тогда первый раз под пулями неприятеля.

Желая отметить успех первого боя этой войны, Наполеон был щедр на награды, и капитан Экзельманс был не только произведен в следующий чин, но и получил офицерский крест Почетного Легиона. Это был первый орден Почетного Легиона, полученный непосредственно в боевой обстановке^[375].

Отмечая слаженные действия Великой армии, следует сказать, что идеальные маневры существуют разве что под пером теоретиков. Во французских войсках также не обходилось без просчетов и ошибок. В частности, один из весьма неудачных маневров произошел как раз в день Вертингенского боя.

Дивизия Сент-Илера из корпуса Сульта выступила на рассвете 8 октября вдоль левого берега реки Лех в южном направлении. В задачу корпуса Сульта входило как можно быстрее отрезать путь отступления австрийцев на восток (через Аугсбург). Дивизия уже прошла около 20 км, когда ее догнал адъютант императора Филипп де Сегюр. Он принес приказ, еще раз подтверждавший направление марша через Аугсбург на Ландсберг.

«“Ну что же, господа, – сказал нам генерал Сент-Илер, – ускорим шаг, чтобы прибыть вовремя, и оправдаем доверие императора”, – пишет в своих мемуарах генерал Тьебо, тогда командир бригады в дивизии Сент-Илера. – Войска, которым сообщили содержание письма, удвоили свой шаг, распевая веселые песни и крича “Да здравствует император!”. Так продолжалось около четверти часа, как вдруг мы увидели адъютанта Мюрата, который несся в галоп через распаханное поле. Он приближался к нам справа, размахивая рукой и крича во всю мочь, чтобы мы остановили войска. Мы остановились. Он сообщил нам, что принц [Мюрат. – *Примеч. авт.*] сражается с многочисленным вражеским корпусом и что он приказывает нам как можно быстрее прийти к нему на помощь. “Это невозможно, – ответил Сент-Илер. – Видите, вот приказы императора...” “А что вы будете делать, если принца разгромят, если Макк прорвется?” Эти доводы, уже сами по себе сильные, были подкреплены гулом канонады, который раздавался со стороны...”»

Свидетель и один из главных участников этой сцены Сегюр написал: «Генерал Сент-Илер, мужественный и благородный человек, тотчас решился. “Вы слышите, – сказал мне он, – пушки зовут нас. И каков бы ни был приказ, нужно откликнуться на их зов”. И в тот же момент он отдал приказ колоннам повернуть направо на Вертинген. Но так, как бывает в подобных случаях, едва его войска сделали сотню шагов в этом направлении, как ответственность за невыполнение приказа стала его одолевать. Он спросил меня, что я думаю. Честно говоря, я сам не знал, что сказать, и на всякий случай, считая, что так я лучше выполню свое поручение, я начал настаивать на важности приказа императора. Сомнения еще больше обуревали генерала».

Язвительный Тьебо, любивший в своих мемуарах уколоть бывших начальников, с иронией говорит: «...Сент-Илер... собрал нас снова и объяснил, что мы нарушаем письменный приказ императора и что из-за этого, возможно, будет сорван какой-нибудь блистательный маневр... “Так что, господа, надо двигаться на Ландсберг... Головы колонн налево!” Так после трех четвертей часа, потерянных напрасно... мы снова пошли по распаханному полю в том направлении, в котором мы когда-то шли по хорошей дороге... В этот момент пушки Мюрата вдруг снова загремели, на этот раз, как казалось, совсем близко. Мы слышали даже треск ружейных выстрелов... Отовсюду поднялся недовольный ропот, а несчастный Сент-Илер сам терзался сомнениями... “Мой генерал, – сказал Моран, – держу пари, что враг, который был у Ландсберга, присоединился к войскам, с которыми сражается принц”».

«“Бог мой, – сказал он [Сент-Илер. – *Примеч. авт.*], – какая ситуация. Пушки приближаются, а мы уходим в сторону! Император, наверное, ничего не знал, когда вы уезжали из Донауверта”, – на этот раз рассказывает Сегюр. – Я вынужден был согласиться. “Ведь это его шурина, а я покидаю его, когда он меня зовет, – продолжил Сент-Илер. – Его, может быть, сейчас разобьют! Нет-нет, это невозможно!”» И совершенно растерявшийся генерал опять скомандовал: «Головы колонн направо!»

Как можно легко догадаться из описания сражения при Вертингене, все кончилось гораздо раньше, чем туда пришел Сент-Илер. Появление его дивизии через несколько часов после боя было встречено без особого энтузиазма Мюратом и его кавалеристами. Принц холодно побеседовал с командующим 1-й дивизии 4-го корпуса, а несчастные пехотинцы должны были впотьмах искать место для бивака в эту холодную сырую ночь.

Пока войска Мюрата, Удино и Сент-Илера искали себе пропитание и устраивались на ночлег вокруг Вертингена, в штаб императора в Донауверте один за другим врывались забрызганные грязью с головы до ног адъютанты. Все они сообщали об успешном продвижении корпусов в заданных направлениях, об успехах в авангардных стычках.

Расположение французской армии на 8 октября 1805 г.

Конечно же, адъютанты Мюрата не преминули в ярких красках изложить обстоятельства победы под Вертингеном. Из их донесений явствовало также, что австрийцы ничего не предпринимают на левом (северном) берегу против корпуса Нея, замедлившего свой марш на подходе к Ульму. С другой стороны, очевидны были усиленные передвижения неприятеля на правом (южном) берегу.

Для императора все более очевидной становилась справедливость его предположения о том, что Макк будет прорываться напрямую через Аугсбург, оставив Ульм. Следовательно, необходимо было собрать как можно быстрее все силы вокруг Аугсбурга и перекрыть австрийцам дорогу на восток.

Эту задачу должны были исполнить 4-й корпус Сульта, 5-й корпус Ланна, гвардия и резервная кавалерия Мюрата. На помощь этим массам войск должен был быть направлен и 2-й корпус Мармона. Даву и Бернадотту Наполеон отвел роль заслона против возможного появления русской армии с востока.

С другой стороны, раз уж все австрийцы оказались на южном берегу Дуная, неразумно было оставлять без дела на северном берегу более чем 20-тысячный корпус Нея. Тем более что вместе с Неем шла дивизия спешившихся драгун Барагэ д'Илье и дивизия Газана. Император решает направить эту группировку во «фланг и тыл» неприятелю. Речь шла, конечно, не о реальном фланге и тыле, а о тех позициях, где, по мысли Наполеона, должен был находиться фланг и тыл австрийской армии в ее гипотетическом движении на Аугсбург.

Для того чтобы Ней смог нанести этот удар, ему нужно было овладеть переправами через Дунай неподалеку от Ульма. В полночь Бертье составляет распоряжение Нею: «...Одним словом, господин маршал, вы должны наблюдать за корпусом, находящимся в Ульме... Если

он будет двигаться на Аугсбург, вы должны следовать за ним, держась на его левом фланге...»^[376]

Наиболее удачными местами с точки зрения нанесения флангового удара и форсирования Дуная 6-м корпусом император и маршал Ней считали переправы у Гюнцбурга. Здесь находилось четыре моста, впрочем, о существовании одного из них не было известно во французском штабе...

В то время, когда корпуса Великой армии концентрировались для боя с решительным и целеустремленным неприятелем, Макк никак не мог остановиться на каком-либо окончательном решении. В день боя при Вертингене – 8 октября – он собирался было двинуться на Аугсбург, но, узнав о поражении Ауффенберга и о появлении крупных сил французов на правом берегу, отказался от этого проекта и вернулся к идее движения по левому берегу.

Рассказывая об этих движениях, историки обычно называют их «отступлением на Аугсбург», «отступлением по левому берегу» и т. д. Курьезность ситуации заключается в том, что в уме Макка эти возможные движения были не отступлением, а стратегическими маневрами, контрударами с целью если не полного разгрома французской армии, то, по крайней мере, достижения австрийцами ощутимого успеха.

К утру 9 октября генерал Макк снова принял решение маневрировать по левому берегу Дуная. С этой целью он приказал сосредоточить свои рассеянные на большом пространстве корпуса к Гюнцбургу, восстановить ранее разрушенные мосты, а сам со своим штабом расположился в вышеназванном городе.

В своем оправдательном сочинении, составленном год спустя, Макк напишет следующее: «Ситуация, в которой находилась армия, оказалась весьма сложной... Однако я не рассматривал ее как отчаянную. В момент, когда я узнал, что неприятель занял оба берега Леха и мост у Райна, ...когда он вынудил Кинмайера отступить и когда он мог достичь Аугсбурга раньше нас; наконец, когда его проектом было отрезать нас от русских, я решил атаковать неприятеля, обходящего нас сзади, в тыл, обрушиться на его коммуникации, сломить тем самым его превосходство и удалить его от русских...»^[377]

Маршал Ней, разумеется, не знал, что в нескольких километрах от его штаб-квартиры на другом берегу Дуная находится генерал Макк со своим штабом и что лежащие перед ним мосты должны служить переправой для наступающих главных сил австрийцев. Поэтому он направил на Гюнцбург только одну 3-ю дивизию Малера, приказав 1-й дивизии Дюпона и 2-й Луазона двигаться в сторону Ульма на Альбек и Лангенау, а приданные его корпусу дивизию Газана и пеших драгун Барагэ д'Илье оставил на своих местах.

Выполняя приказ маршала, дивизия Малера выступила утром 9 октября со своих биваков у городка Гундельфингена и двинулась по направлению к Гюнцбургу. На подходе к городу Малер разделил свои войска на три колонны. Первая под командованием полковника штаба (*adjutant-commandant*) Лефоля, состоявшая из десяти элитных рот нескольких полков, должна была атаковать мост, находившийся выше по течению, чем основная переправа. Вторая колонна под командованием бригадного генерала Марконье, состоявшая из шести батальонов (22-й и 27-й легкие и 50-й линейные полки), предназначалась к атаке центрального моста непосредственно у Гюнцбурга, при этой колонне находился командующий дивизией. Наконец, третья колонна бригадного генерала Лабассе (59-й линейный полк) должна была атаковать переправу ниже по течению.

Погода в этот день была снова скверная, время от времени накрапывал дождь, ветер гнал по хмурому небу серые тучи. Местность, по которой колонны приближались к реке, вполне гармонировала с погодой. На подходах к Гюнцбургу по левому берегу французская пехота вынуждена была идти по узким дорогам, ведущим через низину, болота, кустарники, и переправляться через несметное количество ручейков и речушек. В результате войска 2-й и 3-й колонн приблизились к назначенным пунктам только во второй половине дня, а колонна Лефоля вообще сбилась с дороги и, проплутав несколько часов среди болот, повернула назад.

Колонна Марконье атаковала на склоне дня. Ее появление оказалось для австрийцев полной неожиданностью. Части, стоящие на левом, северном берегу Дуная, были захвачены врасплох. Беспорядочно отстреливаясь, тирольские стрелки бросились бежать на небольшой островок, отделенный от левого берега лишь узким рукавом реки, который можно было перейти вброд. Французская легкая пехота на плечах врага ворвалась на островок, переколов часть тирольцев и взяв в плен остальных вместе с генерал-майором д'Аспром, в функцию которого входило обеспечение боевого охранения на северном берегу.

Французы попытались с ходу броситься в атаку на полуразрушенный мост, и действительно, часть стрелков сделала несколько десятков шагов по неповрежденным балкам, однако тотчас с правого берега загрохотали орудия и затрещала ружейная пальба. Несколько смельчаков смело с моста картечью, остальные поспешили укрыться за деревьями на островке. Генерал Марконье, который шел в авангарде вместе со своими солдатами, хотел повторить атаку, но плотный картечный и ружейный огонь с австрийского берега заставил его отказаться от этого предприятия. Более того, видя бесполезность пребывания французских пехотинцев на островке, дивизионный генерал дал приказ отойти на исходные позиции...

В этот момент, когда главная атака закончилась безуспешно, а генерал Малер, вероятно, подумывал об отходе и неприятной обязанности писать весьма безрадостный рапорт маршалу, адъютант принес известие, что на левом крыле 59-й линейный полк не только взял мост, но и уже сражается на противоположном берегу.

Дело в том, что третья колонна, как и первая, сбилась с дороги и, проблуждав по грязным тропинкам среди кустов и болот, вышла к Дунаю совсем не там, где полагалось. С удивлением офицеры, шедшие в авангарде, увидели, что в этой незнакомой местности существует неизвестная им переправа. По виду моста он был недавно разрушен, но в настоящий момент со странным упорством восстанавливался австрийскими саперами, которые, возможно, за день до того его ломали.

Австрийцы не заметили приближения неприятельской пехоты, шедшей по лесистой долине. Командиры французской колонны укрыли свои войска от взглядов неприятеля и незаметно приготовили их к атаке. Когда саперы почти восстановили мост, французская пехота ринулась вперед. Изумленные австрийцы побежали.

В мгновение ока гренадеры 59-го линейного, ведомые отважным полковником Лакюзэ, бывшим адъютантом императора, ворвались на мост и через минуту были на противоположном берегу. Неприятель так опешил от этой атаки, что нескоро перешел в контрнаступление. За это время новые роты 59-го переправились по мокрому полуразрушенному настилу моста.

Наконец, австрийцы пришли в себя и обрушились на горсть французов. Те, не успев даже построиться, почти что толпой отчаянно отбивались ружейным огнем и штыками. Подкрепления медленно шли с «французского» берега, и поэтому приходилось сражаться изо всех сил. Когда стало смеркаться, к полю боя подъехал эрцгерцог Фердинанд. Он с ходу бросил в атаку на закрепившихся в рощице перед мостом французских пехотинцев отряд гусар Бланкенштейна, а затем направил вслед за ними четыре батальона гренадер под командованием генерала Майера.

Однако храбрые французские пехотинцы не отходили ни на шаг, тем более что с наступлением темноты к ним начали подходить подкрепления. «...Мы нашли полк в сильном беспорядке, – вспоминает Фезенсак, тогда сублейтенант 59-го, – он отразил атаки кавалерии, находился под сильным огнем пехоты. Этот день делает ему честь... Я нашел офицеров в сильном беспокойстве, они старались воодушевить солдат и привести их хоть немного в порядок. Все роты перемешались, потому что... пришлось переходить мост по одному, а оказавшись на берегу, встречать атаки врага, не имея время привести подразделения в порядок... К счастью, спустилась ночь, и австрийцы не видели нашей малочисленности... Огонь прекратился, и к нам наконец подошел 50-й линейный полк. Жаль, что он не пришел раньше. Мы провели всю ночь под ружьем, не зажигая огня»^[378].

В наступившей темноте бой затих. Потери обеих сторон говорили о том, что борьба была упорной. Австрийцы потеряли около 800 человек убитыми и ранеными, оставив в руках французов около тысячи пленных (часть – утром во время отступления). Дивизия Малера также понесла серьезный урон, вероятно, около 200–300 человек. Среди убитых был и отважный полковник Лакюэ, сраженный пулей в момент атаки. Фезенсак так рассказал о его последних минутах: «...я узнал, что наш полковник получил тяжелую рану и умер в момент, когда его несли по мосту на другую сторону реки. Последними его словами был приказ офицеру, который сопровождал его, оставить его умирать и вернуться в бой»^[379]. Полковника Лакюэ похоронили с воинскими почестями на следующий день на месте боя...

Невообразимое произошло. Одна дивизия, а точнее, один полк отобрал переправу под носом у главных сил австрийской армии, главнокомандующий которой находился в самом Гюнцбурге.

Можно задать вполне резонный вопрос: что же делал генерал Макк в этот момент? Неужели он отсутствовал в рядах своих войск, испугавшись вражеских пуль? Нет, никоим образом, австрийский генерал не был трусом и буквально через день хорошо это доказал в отчаянном бою. Зато Макк был удивительным педантом, и его действия под Гюнцбургом можно характеризовать как шедевр чиновничьего формализма.

В своей записке, составленной месяц спустя после этих событий, он пишет: «...Я занимался тогда составлением приказа для ночного форсирования Дуная со всеми полагающимися подробностями; этот приказ был написан на восьми страницах, в которых нельзя было бы найти ни одной лишней строчки. Понятно, что он поглотил все мое внимание и мои мысли... (!)»^[380]

Все это происходило в то время, когда неприятель отбивал переправы, как раз необходимые для «ночного форсирования»! Удивительно то, что австрийский главнокомандующий позже оценил захват французами мостов у Гюнцбурга как событие, «действительно ужасное, решительно роковое» (!), и, несмотря на это, он не оторвался от своего пространного документа...

10 и 11 октября можно поистине назвать днями всеобщей путаницы. Вступившие повсюду в боевой контакт армии стали куда менее ясно различать контуры расположения и действий неприятеля. Растерявшийся после боя у Гюнцбурга Макк отвел значительную часть своих войск к Ульму. Наполеон также на некоторое время потерял точное видение противника. Дело в том, что император, как уже говорилось, судил о противоборствующей стороне на основании строгой логики, вполне применимой к действиям умелого и храброго полководца. Поэтому он предполагал, что поставленные в опасное положение обходом превосходящих сил австрийцы будут выходить из него только тремя возможными способами:

- 1) прорываться назад, на восток, напрямую через Аугсбург;
- 2) уходить из-под удара на юг или юго-восток, в Тироль;
- 3) прорываться на северо-восток по левому берегу Дуная.

Первый путь казался Наполеону самым предпочтительным. Избрав его, Макк имел некоторую надежду, конечно, при условии немедленных, слаженных и решительных действий, соединиться в перспективе с русской армией. Он сохранял при этом коммуникации, связывавшие его со столицей, и мог впоследствии заслонить ее от наступления французов. Поэтому французский император готовился прежде всего к противодействию подобному движению австрийской армии.

Второй, куда более безопасный для армии Макка, был крайне невыгоден в стратегической перспективе. Он вводил австрийскую армию в горы, в сторону от театра военных действий. При этом Макк терял связь с русскими и не мог более прикрыть Вену.

Наконец, третий путь Наполеон считал слишком дерзким и потому не особенно опасался, что австрийцы выберут его для своего отступления.

10 и 11 октября никаких новостей о движении австрийцев на прорыв не поступило. Равным образом спокойствие Нея на левом берегу и тем более достаточно легкое овладение

мостами под Гюнцбургом подтверждали, что неприятель безразличен как к левому берегу Дуная, так и к переправам, за которые он должен был бы стоять до последнего в случае принятия им третьего варианта. Отсюда с очевидностью вытекало, что противник принял второй, самый осторожный вариант и что он уходит в Тироль. Он выскользнул из-под удара...

Приказы, отданные императором 10–11 октября, можно резюмировать следующим образом. Великая армия делится на три группы корпусов. Первая, из корпуса Бернадотта и баварцев, должна преследовать Кинмайера и освободить столицу Баварии – Мюнхен. Вторая, из корпусов Ланна, Нея и части резервной кавалерии под общим командованием Мюрата, должна «держаться шпагу в спину» отступающего, как казалось Наполеону, в сторону Тироля Макка. Третья, самая большая, из корпусов Сульта, Даву, Мармона, двух дивизий пешей кавалерии и гвардии, должна занимать центральное положение до дальнейшего выяснения обстановки.

Что касается Ульма, то император считал, что австрийцы, уходя на юг, оставили там лишь гарнизон. Это вполне явствует из приказа Нею, отданного 10 октября: «Теперь осталось овладеть Ульмом... Его Величество оставляет за Вами право действовать, как Вы сочтете нужным для достижения этой цели... Непосредственно после взятия Ульма... Вы направитесь на Мемминген или в любое другое место, куда будет отступать неприятель, следуя за ним по пятам. Так как император отправляется в Мюнхен, куда наши войска прибывают этим вечером, он поручает командование всем правым крылом, состоящим из корпуса Ланна, Вашего и кавалерийского резерва, принцу Мюрату...»^[381]

Этот документ неопровержимо доказывает, что никакой мысли об окружении австрийской армии в Ульме у императора не было даже 10 октября 1805 г., тогда, когда его дивизии уже повсюду столкнулись с австрийскими частями. Тем более, речи быть не может о каком-то волшебном предвидении хода кампании во время диктовки Дарю в Булонском лагере.

Известный русский военный историк и теоретик Леер очень верно заметил, говоря о Макке: «...Если на войне трудно разгадать противника толкового, то еще труднее относительно бестолкового...»^[382] Наполеону и в голову не могло прийти, что австрийцы топчутся в Ульме, не предпринимая экстренных мер в катастрофической ситуации.

Но Макк, который именно в эти дни получил от императора Франца подтверждение своих фактических полномочий главнокомандующего, именно это и делал. 10 октября его войска сконцентрировались в Ульме, а в ночь с 11-го он решил их вновь перегруппировать и начать новый маневр, на этот раз опять по левому берегу...

Так, 11 октября 1805 г. произошло событие, которого ни Наполеон, ни Макк не могли предвидеть. Выполняя распоряжение императора, Ней в ночь с 10 на 11 октября послал приказ своей первой дивизии (генерала Дюпона) двинуться прямо на Ульм по северному берегу и взять город штурмом, если это потребует. Маршал, не сомневаясь в верности концепции императора, написал Дюпону: «Враг поражен ужасом, которому мало примеров, он отступает на Биберах, чтобы спастись в верхнем Тироле... Поэтому вероятно, что эрцгерцог Фердинанд оставил только слабый гарнизон в Ульме с приказом держаться до последнего. Без сомнения, наша решительность и угроза штурма вынудят коменданта сдаться, не вступая в бой»^[383].

Ней настолько не сомневался в том, что австрийцев на левом берегу не осталось, что он отдал распоряжение 2-й и 3-й дивизиям своего корпуса перейти на правый берег у Гюнцбурга и идти на Ульм с юга. Сюда же маршал направил драгунскую дивизию Бурсье, которая находилась в его оперативном подчинении, и свою собственную легкую кавалерию. Единственным отрядом, которым Ней решил подкрепить Дюпона, была дивизия спешенных драгун Барагэ д'Илье.

В три часа утра в полной темноте из штаба корпуса в Гюнцбурге выехал адъютант Нея капитан Риппер. Он должен был сначала добраться до местечка Стоцинген, где находился штаб Барагэ д'Илье, а затем направиться в Альбек, где располагался Дюпон. Обратим

внимание, что, так как генерал Дюпон находился совсем близко от крепости (деревня Альбек расположена в 11 км от Ульма), адъютант должен был сначала передать приказ драгунам, которые располагались примерно в 16 км позади дивизии Дюпона. Хотя Ней почти не сомневался в отсутствии крупных сил австрийцев в Ульме, но как опытный командир он предпочел подстраховаться и двинуть как можно раньше драгун Барагэ д'Илье, чтобы те в случае чего помогли дивизии Дюпона.

Можно себе представить задачу, которая стояла перед адъютантом, которого в глухую ночь послали по раскисшим от грязи дорогам через леса и болота передать срочный приказ! Ему, правда, дали местного провожатого, но тот, не особенно желая попасть чего доброго под пули, улизнул при первой возможности, скрывшись в непроницаемой тьме. Как не вспомнить здесь слова одного из адъютантов маршала Нея: «...Сколько сложностей, сколько трудностей приходилось испытывать нам, исполняя наши обязанности. Было мало того, что день и ночь в любую погоду, несмотря на усталость, лишения и страдания, мы отправлялись в путь с пакетами, самое главное то, что нас мучило сознание, что мы можем не исполнить задание... Нас не спрашивали, есть ли у нас лошадь, которая в состоянии передвигаться, в то время как нам нужно скакать галопом, знаем ли мы край, где нам нужно будет проехать, есть ли у нас карта (а у нас ее никогда не было). Приказ должен был быть исполнен, и никто не задумывался о средствах»^[384].

Случилось то, что должно было случиться: капитан Риппер совершенно заблудился, проплутал всю ночь и только утром смог хотя бы примерно сориентироваться. Оказалось, что он находится недалеко от Альбека. В результате капитан подумал, что будет проще передать приказ сначала Дюпону, а потом только отвести его Барагэ д'Илье. Сказано – сделано. Примерно в восемь утра Риппер вручил генералу Дюпону приказ, а затем поскакал в Стоцинген. Ясно, что лошадь капитана совсем выбилась из сил и он оказался на месте лишь где-то около половины одиннадцатого, преодолев 16 км за два с половиной часа. Таким образом, Барагэ д'Илье прочитал приказ о выступлении лишь около 11 часов утра.

В результате Дюпон выступил с бивака в 11 часов утра, а дивизия Барагэ д'Илье, которая была рассеяна на огромном пространстве, собралась только к трем часам дня и, не торопясь, направилась в сторону Альбека.

Эти, казалось бы, незначительные подробности приведены здесь потому, что они сыграли важную роль в дальнейших событиях и послужили предметом тщательного разбирательства, проведенного через несколько месяцев после окончания войны.

Пройдя примерно 6 км в сторону Ульма, Дюпон вдруг с удивлением увидел австрийские полки, идущие ему прямо навстречу. У Дюпона было только 6200 человек и 14 пушек^[385]. Силы австрийцев французский генерал определил примерно в 10–12 тыс. человек. На самом деле это были только передовые части. За ними появлялись все новые и новые полки. Всего австрийцы соберут на поле у деревни Хаслах, где столкнутся противоборствующие войска, почти 23 тыс. человек.

Дюпон правильно оценил обстановку: австрийская армия не уходит в Тироль, она прорывается на северо-восток. Отступить – значит открыть для нее дорогу на Нордлинген. Генерал решает дать бой, и не просто бой, а самому атаковать неприятеля! Он надеялся, что за ним следом где-то поблизости идет Барагэ д'Илье, а может, и другие отряды корпуса Нея и что он сможет своей дерзостью ошеломить врага...

Командир французской дивизии развернул в линии три пехотных полка между небольшими рошицами перед деревнями Обер и Унтер Хаслах, поставив в резерве драгун, а левое крыло прикрыл гусарами. Едва головные части австрийцев прошли деревню Юнгинген и попытались развернуться против правого крыла французов, как Дюпон бросил на них в атаку 96-й линейный полк, удар которого был поддержан наступлением 9-го легкого.

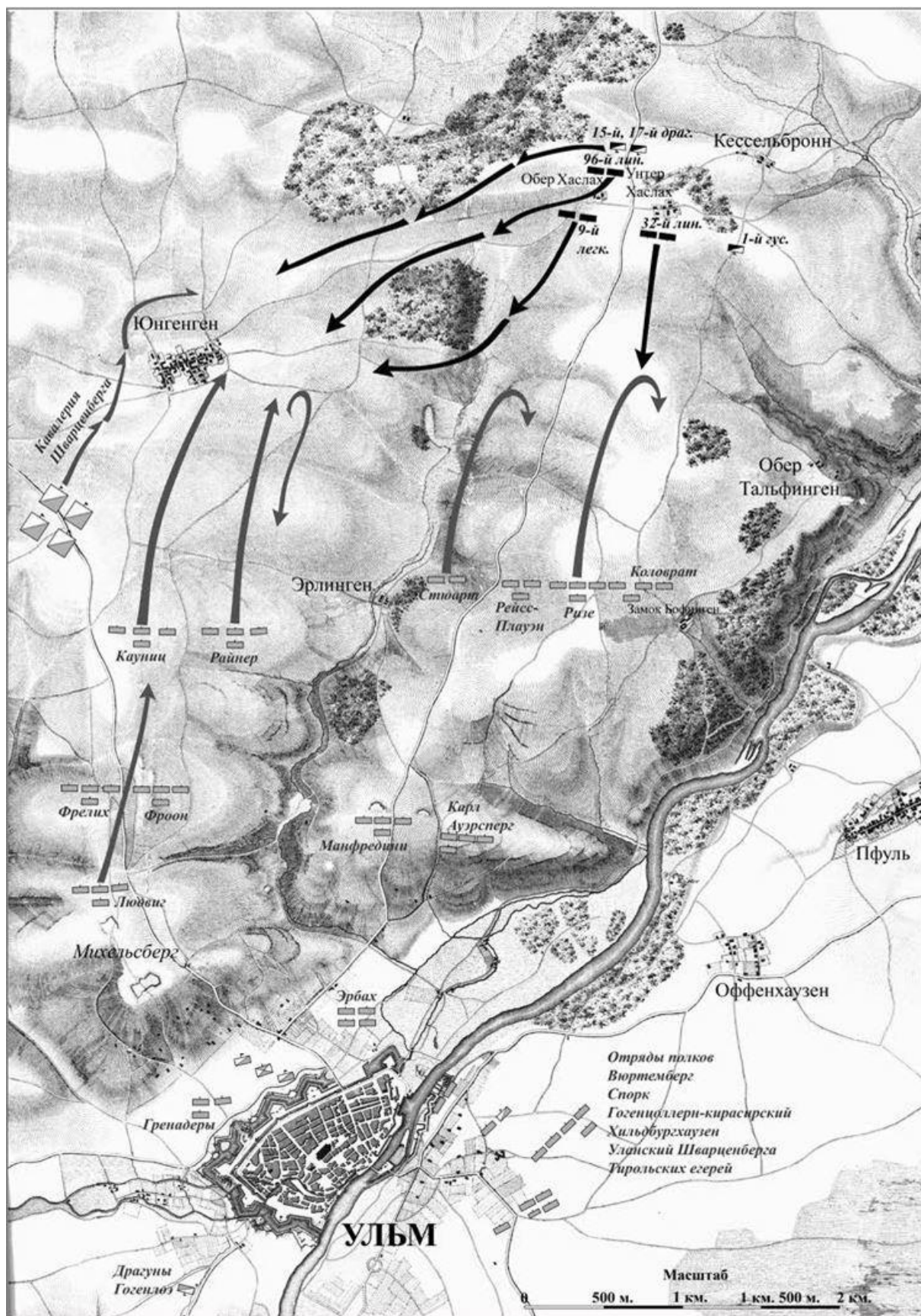
Неприятель смешался и обратился в бегство... «Батальоны полков Людвиг, Райнера и Кауница повели себя жалким образом и были взяты в плен горстью стрелков»^[386], – с горечью будет вспоминать об этом эпизоде австрийский офицер.

Дюпон избрал единственно возможную тактику: не дать неприятелю изготoвиться к общему наступлению, бить его войска по частям стремительными контратаками. В течение двух-трех часов это удавалось. Но к австрийцам подходили все новые и новые батальоны и эскадроны, отброшенные полки собирались вокруг своих знамен, артиллерия начинала наносить серьезные потери французской пехоте. Пушки Дюпона частично были сбиты с лафетов, лошади во многих упряжках убиты.

Однако французы дрались как сумасшедшие. На правом фланге 9-й легкий полк вновь и вновь бросался в контратаку, на левом 32-й линейный полк бился насмерть с наседающей пехотой и кавалерией. Однако австрийцы развернули наконец в боевые порядки большую часть своих сил, и сдерживать их стало физически невозможно. А от дивизии Барагэ д'Илье, на которую так надеялся Дюпон, не было никаких вестей.

Австрийская пехота, ведомая Лаудоном, кавалерия во главе с генералами Шварценбергом и Кленау бросились в атаку. Сам Макк вел в бой кирасир своего имени, кирасир эрцгерцога Альберта и знаменитых шеволежеров Латура. Восемнадцать эскадронов австрийцев обрушились на правое крыло Дюпона. Шесть эскадронов французских драгун отважно бросились в контратаку, на какое-то мгновение им удалось остановить австрийцев, но силы были слишком неравны.

Поток людей и коней захлестнул ряды французов. Полковник 17-го драгунского полка Сен-Дизье, окруженный дюжиной врагов, не сдался и пал, зарубленный палашами. Его солдаты, поражаемые со всех сторон, хлынули назад, к лесу...

Бой под Хаслахом, 11 октября 1805 г.

На левом фланге знаменитая австрийская конница также компенсировала нерешительность своей пехоты. Австрийские эскадроны охватили горстку пехотинцев и гусар, дравшихся здесь. Лейтенант Керморван, командир маленькой батареи из двух орудий, стоял до последнего, защищая картечью пехоту, и его канониры пали, изрубленные на лафетах своих пушек. Старые гусары 1-го полка, знаменитого еще до революции под именем полка «Бершени», иступленно дрались, но и здесь врагов было слишком много... В результате австрийские всадники прорвали фланги и вышли в тыл дивизии Дюпона, рубя обозников, отдельных артиллеристов и пехотинцев.

Однако в этой, казалось, безвыходной ситуации французы не пали духом. Пехотинцы Дюпона, кто построившись в каре, кто сгрудившись в группы по несколько десятков человек, проложили себе дорогу среди разбушевавшегося урагана конной атаки и вышли с честью с поля битвы. Более того, отразив огнем австрийских всадников, не подпуская к себе вражескую пехоту, французы сумели увести с собой даже значительное количество пленных^[387], взятых в бою.

С наступлением темноты сражение прекратилось. Его итог довольно трудно охарактеризовать одним словом. С одной стороны, победа осталась за австрийцами: они заняли поле боя, взяли 800–900 пленными, два орла драгунских полков, девять орудий, значительную часть обоза и даже личные экипажи Дюпона.

С другой стороны, малый по численности отряд задержал движение целой армии, сражаясь, по самым скромным подсчетам, с трехкратно превосходящими силами. Французам удалось нанести неприятелю не меньший урон, чем они понесли сами. Австрийцы потеряли около 1000 убитых и раненых и, вероятно, несколько сот пленными.

Сам Дюпон рассматривал или, по крайней мере, хотел, чтобы этот бой рассматривали как победу. В рапорте Нею он писал: «Я не могу Вам выразить все восхищение, которое вызывает во мне храбрость наших войск: результат битвы показывает, что не было боев, столь дерзких и столь решительных: 5100 человек сражались с армией в 25 тыс. человек и полностью ее разбили»^[388].

Объективный анализ показывает, однако, что ситуация была не совсем такой, как говорится в рапорте Дюпона. В своем отчете императору Барагэ д'Илье говорит, что когда, обогнав на марше свои части, он в 16 часов прискакал в Альбек, его глазам предстала картина, мало похожая на победное ликование. Он «...нашел дорогу, покрытую повозками, багажами, испуганных солдат и женщин [маркитанток. – *Примеч. авт.*], а прямо на улицах Альбека ему вместе с адъютантом пришлось выхватить саблю, так как они были атакованы вражескими легкоконными»^[389].

Конечно, Барагэ д'Илье тоже не следует безоговорочно доверять. Его войска вследствие нерасторопности их генерала так и не прибыли на помощь Дюпону. Поэтому Барагэ д'Илье пришлось долго оправдываться в ходе начатого разбирательства этого дела. Разумеется, что ему выгодно было несколько сгустить краски, доказывая, что прибытие его дивизии не могло спасти дивизию Дюпона в постигшей ее катастрофе.

Со всеми оговорками, рассматривая итоги этого дня, его нужно квалифицировать все-таки как успех австрийской армии, хотя он и принес славу Дюпону. Нет сомнения, что после боя под Хаслахом моральный дух, совсем было упавший в австрийских войсках, был в определенной степени восстановлен.

«Сего числа получил я известие о победе, одержанной императорско-королевскими союзными войсками при городе Ульме сего месяца 11 числа нового стилиа над французскою обсервационною армиею под командою фельдмаршала Нея, – сообщил Кутузов через несколько дней русским войскам, шедшим на помощь австрийцам. – В сем сражении два французских конных и два пехотных полка австрийскою кавалериею наголову порублены... Разбитый неприятель преследуется...»^[390]

Впрочем, «преследовать» австрийский полководец не торопился. Весь следующий день его полки простояли на месте близ Ульма. «12 октября мы провели, чистя наши ружья и обедая ульмских мещан»^[391], – писал австрийский офицер. Многие из генералов указывали

на крайнюю усталость войск, и главнокомандующий назначил выступление только на следующий день, 13 октября.

В приказе по армии было объявлено, что цель марша – преследование разбитого неприятеля! Выдвижение должно было осуществляться несколькими колоннами. На северо-восток по дороге на Хайденхайм был отправлен корпус Вернека (25 батальонов, 28 эскадронов, три роты тирольцев – всего 10 тыс. человек). Почти параллельно ему по берегу Дуная шел корпус Риша (32 батальона и 11,5 эскадрона): по правому берегу в восточном направлении (на Вайсенхорн) был отряжен корпус Шварценберга, для того чтобы произвести здесь разведку боем, вернуться в Ульм ночью с 13-го на 14-е и далее проследовать за остальными войсками. Наконец, на юг двигался отряд Иелачича (8 батальонов, 4 эскадрона, 3 роты стрелков).

В то время как войска Макка готовились «преследовать» французов, Наполеон начал наконец различать сквозь туман, окутывавший действия неприятеля, подлинные контуры дислокации австрийцев. Уже 12 октября, еще не получив сведений о бое под Хаслахом, император начал предполагать, что австрийская армия стоит под Ульмом. Но ему представлялось, что она располагается на правом берегу Дуная.

Расположение французской армии на 12 октября 1805 г.

В своем письме Мюрату от 12 октября император говорил: «Если неприятель будет оставаться на своих позициях и будет готовиться к битве, я желаю дать ее не завтра, а послезавтра, чтобы маршал Сульт и его 30 тыс. человек обошли правое крыло неприятеля и сделали успех верным и решительным... Помните, что это не стычка, это даже не атака вражеской колонны на марше, а битва с армией, которая может быть более многочисленна, чем Вы думаете о ней. От успеха этого сражения зависит многое. Я буду находиться там лично»^[392].

Однако, концентрируя войска на правом берегу Дуная западнее Ульма, Наполеон понимал, что в этих условиях невозможно пренебрегать левым берегом, и потому приказал Мюрату поддерживать связь с «отрядом у Альбека» (то есть Дюпоном и Баргае д'Илье),

навести новые мосты – словом, сделать все возможное, чтобы обезопасить маневры французской армии и здесь.

Но распоряжения императора относительно левого берега остались без внимания. Дивизии Дюпона и Барагэ д'Илье были отведены назад, открыв тем самым для австрийцев дорогу на Нордлинген вдоль Дуная. В это время французский полководец находился в Аугсбурге, откуда он руководил общим ходом операции.

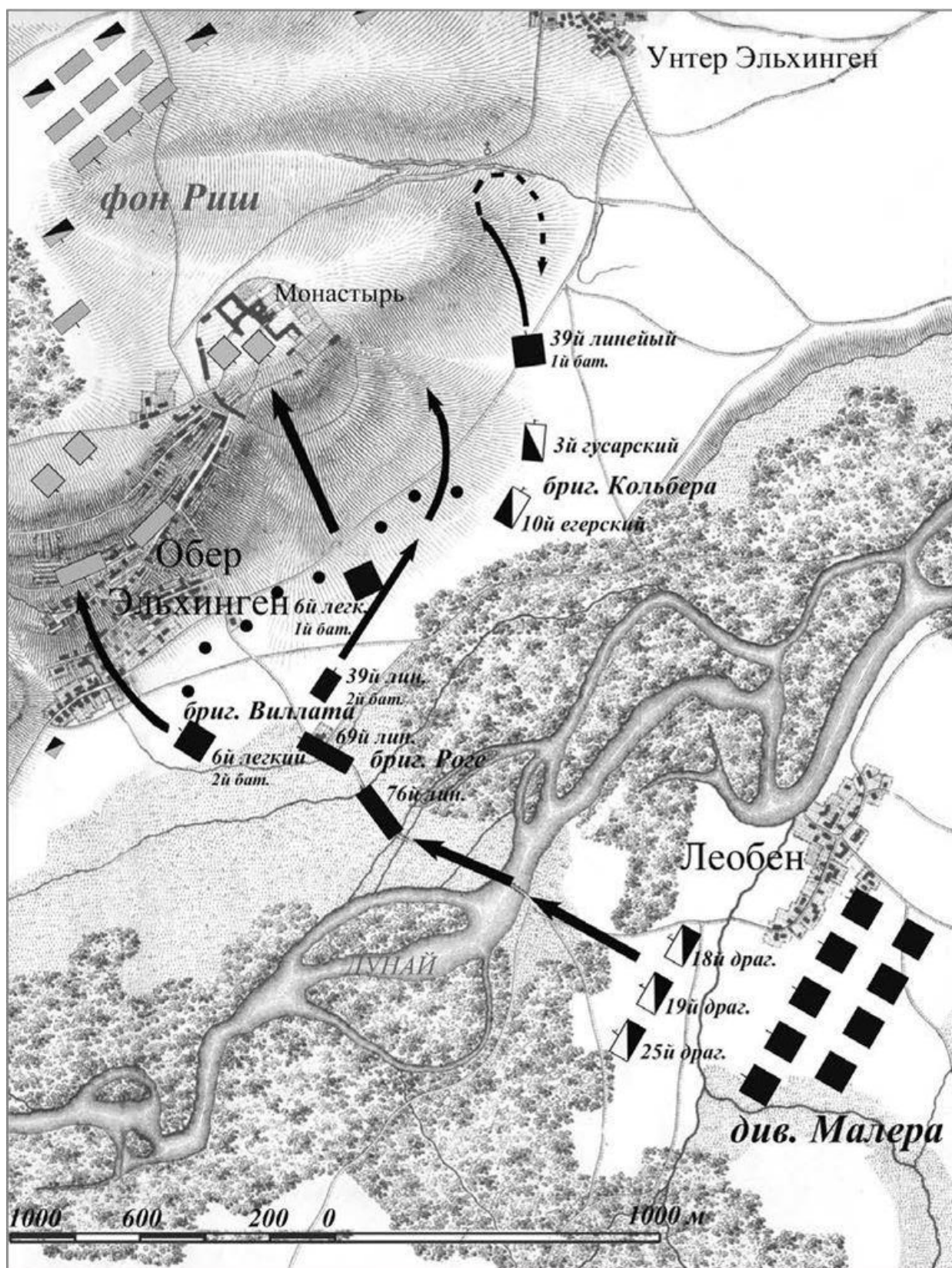
В ночь с 12-го на 13-е маршал Ланн адресует Мюрату письмо, в котором ясно указывает на допущенную ошибку: «...Вражеская армия находится на левом берегу Дуная, силы неприятеля на правом берегу малозначительны. Все, кажется, подтверждает, что противник собирается отступить во Франконию [в северо-восточном направлении. – *Примеч. авт.*], и я не сомневаюсь, что он начнет движение этой ночью. Я надеюсь, Монсеньер, что Вы, без сомнения, посчитаете необходимым прийти на помощь дивизии Дюпона и перевести значительную часть Ваших сил на левый берег Дуная...»^[393] Однако Мюрат упорствовал в решении оставить свои войска на правом берегу. «Несмотря на то что бой, данный позавчера генералом Дюпоном, открыл нашу слабость на левом берегу... я не разделяю мнение маршала Ланна...»^[394] – написал он Наполеону.

Зато с мнением Ланна полностью согласился император, прискакавший 13 октября утром из Аугсбурга в Гюнцбург. Он был поражен расхлябанностью, воцарившейся в его отсутствие. «...От Гюнцбурга до Пфаффенгофена армия предстала перед ним в страшном беспорядке. Разбитые грязные дороги были усеяны завязшими эльзасскими телегами... и павшими лошадьми... Справа и слева наши солдаты ходили по полям в поисках пропитания, другие охотились в этих полных дичи равнинах. По их непрерывным выстрелам и свисту пуль можно было подумать, что находишься на аванпостах, а нужно сказать, что опасность здесь была не меньшая»^[395], – рассказывал Филипп де Сегюр.

Нужно отметить, что немалую роль в тяжелом состоянии армии сыграла погода. Начиная с самого момента перехода Дуная сильно похолодало, полили почти непрерывные дожди. Временами дождь сопровождался мокрым снегом. Войска и обозы вязли в непролазной грязи на проселочных дорогах. Фезенсак, тогда лейтенант 59-го линейного полка, вспоминал: «Эта короткая кампания была для меня как бы обзором всего того, что я должен был претерпеть впоследствии: ужасная усталость, нехватка продовольствия, жестокая непогода, беспорядки, чинимые мародерами, – ничего не было в недостатке, и за один месяц я испытал все, что потом я испытывал последовательно в течение моей карьеры. Бригады и полки были так рассеяны на биваках, что приказ собраться в условленном месте приходил поздно, так как его передавали через несколько командных звеньев. В результате полк шел день и ночь, и что меня больше всего удивило, это то, что я первый раз видел, как люди спали на ходу, прежде я не мог в это поверить»^[396].

Сержант Рави из 32-го линейного полка полностью подтверждает эти слова: «Полк шел днем и ночью, но что меня больше всего утомляло, это марш в темноте. Самая сильная потребность человека – это сон. Я видел, как люди спали, продолжая идти, – то, что я считал невозможным. Неверный шаг приводил к тому, что спящие падали в канаву, как колода карт»^[397].

В ходе форсированных маршей огромной массы людей было совершенно невозможно обеспечить правильные выдачи рационов. В результате солдаты разбредались по окрестным деревням, переворачивая их вверх дном в поисках продовольствия. Как всегда бывает в подобных случаях, там, где начиналось мародерство с целью добыть пищу, оно вскоре перерастало и в банальный грабеж. Офицерам было сложно что-либо сделать, так как на все был неотразимый ответ: «Я голоден, я ищу хлеб».

Сражение под Эльхингеном, 14 октября 1805 г.

К несчастьям, с которыми справиться было невозможно, добавились ошибочные распоряжения Мюрата, который попался под руку разгневанному императору. Узнав, что один из важных мостов через Дунай остался без всякой охраны, Наполеон воскликнул, обращаясь к своему шурину: «Ну вот, повсюду одно и то же. Вы видите, как выполняются

наши приказы!» Сегюр написал: «Не знаю, к кому относился этот упрек – к Нею или Мюрату, но что очевидно, император увидел, что во время его пребывания в Аугсбурге вся энергия словно потухла...»^[398]

Получив сведения, что на левом берегу почти нет французских войск, что в Эльхингене аванпосты столкнулись с крупными силами австрийцев, что мосты толком не охраняются, Наполеон самым нелицеприятным образом выказал свое неудовольствие Нею и Мюрату. Теперь обстановка на «шахматной доске» была ему полностью ясна, и он брал дело в собственные руки.

Вечером 13 октября император отдал ясный приказ: необходимо было снова переправить на левый берег значительную часть войск, отрезать австрийцам дорогу вдоль Дуная и окончательно загнать их в Ульм. Так как идти на Ульм через Гюнцбург означало сделать большой крюк через Стоцинген, Лангенау и Альбек по проселочным дорогам, необходимо было найти переправу ближе к городу. Единственным мостом в подходящем месте был мост у монастыря и деревни Эльхинген. Но позади этой переправы как раз находился австрийский корпус Риша. Значит, мост надо было отбить у неприятеля. Эту задачу должен был выполнить маршал Ней с дивизиями Луазона и Малера. За ним следовали гвардия, корпус Ланна и резервная кавалерия. Мармон должен был замкнуть окружение Ульма на правом берегу, Сульт – отрезать последнюю возможность отступления неприятеля на Биберах.

На рассвете 14 октября под холодным осенним дождем Ней в полной парадной форме был уже неподалеку от Эльхингенского моста. На противоположной стороне Дуная, за полуразрушенной переправой находилась мощная позиция: обрывистый склон, на вершине которого раскинулась деревня Обер Эльхинген и аббатство с толстыми каменными стенами. От реки до плато простиралась низина шириной около километра. К счастью для дивизии Луазона, австрийские генералы пренебрегли охраной разрушенного моста. Они оставили здесь лишь два батальона с двумя орудиями. Остальные силы Риша находились позади деревни.

Император со штабом прибыл к месту будущей переправы, чтобы проследить за ходом атаки. Прежде чем начать бой, Ней подкачал к блестящей группе всадников и приблизился к Мюрату, в котором он видел главного виновника ошибки двух прошлых дней. Говорят, будто бы знаменитый командир конницы на замечания Нея ответил, что привык составлять свои планы в присутствии врага, а не на бумаге. Теперь, подъехав к Мюрату, Ней дернул его за руку и громко воскликнул так, чтобы слышал весь штаб: «Ну что же, принц! Поедемте со мной составлять ваши планы в присутствии врага!» И с этими словами, дав шпоры коню, маршал ускакал к мосту, чтобы лично руководить боем...

Одиннадцать французских пушек уже вовсю грохотали, осыпая маленькую австрийскую батарею ядрами. Однако Ней не стал дожидаться, пока неприятельские орудия замолчат. Встав рядом с мостом, он приказал начинать.

Капитан Куазель, адъютант Луазона, вместе с сапером 6-го легкого полка бросились на балки переправы, чтобы прибить первую доску. В этот момент картечь оторвала ногу саперу, но элитные роты уже устремились к мосту. В то время как одни собирали разбросанные повсюду доски и наскоро прибывали их к балкам, другие, перепрыгивая с перекладины на перекладину, в мгновение ока очутились на другом берегу и рассыпались в цепь, чтобы своим огнем прикрыть товарищей, работавших на мосту.

В этот момент встревоженные австрийцы выводили на склон холма войска, разворачивали артиллерию. Канонада загремела по всему фронту.

Едва первые доски скрепили шаткую переправу, как вперед ринулись французские гусары и конные егеря, которые, рискуя сломать себе шею на едва держащемся помосте, повисшем над бурлящим внизу холодным Дунаем, проскакали по мосту. За ними пошли батальон 39-го линейного полка и два батальона 6-го легкого полка. В сомкнутых колоннах, с рассыпавшимися впереди стрелками, французская пехота под градом ядер двинулась в атаку на плато. Маршал Ней и генерал Луазон шли в первых рядах.

Видя с холма наступление французов, Риш приказал генералам Мессери и Лаудону немедленно возвращаться в Эльхинген. Свою пехоту Риш расположил по склону холма, разместив два батальона в лесу, справа от Эльхингена, и еще два батальона он поставил в деревне. Семь эскадронов кавалерии прикрыли левое крыло.

Под градом ядер и пуль французы бесстрашно поднимались по склону холма. Первый батальон 6-го легкого полка с ходу овладел аббатством Эльхинген, ворвавшись через небольшой, плохо защищенный проход. Австрийский батальон полка Спорк, окруженный во дворе и кельях аббатства, сложил оружие. Вторая колонна 6-го легкого полка штурмом взяла деревню Обер Эльхинген, выбивая австрийцев из каждого дома. Наконец, 1-й батальон 39-го линейного полка попытался обойти аббатство справа, но, встреченный огнем трех батальонов неприятеля, атакованный кавалерией, он с потерями откатился назад.

В этот момент мост перешла вторая бригада (генерала Роге), из дивизии Луазона – 69-й и 76-й линейные в густых полковых колоннах. Наконец, на помощь подоспели и три драгунских полка (18, 19 и 25-й) из дивизии Бурсье. Маршал Ней бросил эти силы против левого крыла неприятеля между Унтер Эльхингеном и аббатством.

«Маршал Ней прибыл в тот же момент, что и я, – рассказывает участник боя генерал Роге. – Я первый раз видел этого воина перед лицом врага и в опасной ситуации. С великолепным порывом он сочетал спокойную методичность, словно он был на маневрах в Булонском лагере, а его решения были полны отваги»^[399].

Для того чтобы разбить неприятеля между аббатством и деревней Унтер Эльхинген, Ней приказал произвести опасный маневр, который могли исполнить только войска, готовые на все. Он приказал построить в глубокую колонну повзводно батальон 69-го линейного полка, пройти влево прямо перед фронтом австрийцев, затем повернуть на 90 градусов направо и стремительной атакой в лоб прорвать их боевые порядки поблизости от аббатства, а затем еще раз принять вправо и «скатать» ударом во фланг линию неприятеля.

«Этот блистательный и отважный маневр был исполнен так же методично, организованно и четко, как можно было бы потребовать только на парадном плацу, – пишет Роге. – Он увенчался полным успехом, которого заслуживало благородное вдохновение маршала, преданность и беззаветная отвага 69-го линейного под командованием полковника Лажонкьера. Мой конь был убит, мой адъютант г-н Мелль получил пулю в голову, из четырех моих гусар ординарцев под тремя были убиты кони, а четвертый погиб от пушечного ядра. Но наша дерзость произвела такое впечатление на австрийцев, что они пришли в беспорядок и бросили свои пушки»^[400].

А генерал Луазон в своем рапорте написал: «Эта атака решила участь боя, и никто лучше Вас, господин маршал, не может отдать должное командирам колонн, так как Вы все время находились под сильнейшим огнем»^[401].

Теснимые французской пехотой, преследуемые драгунами австрийские полки покатались назад. Их отступление прикрыли своими контратаками пять эскадронов кирасир генерала Германа. Кони австрийских латников шли по колено в грязи, но мужественные австрийцы обрушились на французских драгун, смяли первые эскадроны и прорвались даже до штыков пехоты. Уверенные залпы в упор остановили кирасир. В тот же миг со всех сторон их атаковали новые эскадроны французских драгун. Австрийцы дрогнули и поскакали назад. Но драгуны, окружив вражеских кавалеристов, устроили им настоящую бойню. Генерал Герман был взят в плен, а его эскадроны изрублены и рассеяны.

В это время к французам подходили новые подкрепления. Со стороны Альбека к полю боя приближалась дивизия Дюпона, а полки Малера переправлялись по мосту.

Император, буквально пробиваясь среди шедших повсюду батальонов пехоты, эскадронов кавалерии, перевернутых зарядных ящиков и разбитых упряжек, добрался до моста, чтобы личным присутствием ободрить войска. Проходившие полки приветствовали его громовым возгласом «Да здравствует император!», заглушавшим гул артиллерии на плато. Этот клич победы подхватили даже раненые, лежащие в крови и грязи неподалеку от моста.

«Среди них лежал артиллерист, которому ядро оторвало бедро. Наполеон заметил его, приблизился и, сняв со своей груди звезду Почетного Легиона, вложил ему в руку, сказав: “Возьми ее, она тебе принадлежит. Ты заслужил ее так же, как и обеспеченную старость в Доме Инвалидов. Ты сможешь еще жить счастливо”. – “Нет, нет, – ответил храбрый солдат. – Кровопускание слишком сильно, но наплевать! Да здравствует император!”

На другой стороне моста лежал на спине старый гренадер, который воевал еще в Египте. Дождь лил ему на лицо. В возбуждении боя он все еще кричал своим товарищам: “Вперед!” Император, проезжая мимо, узнал его, снял с себя плащ и, бросив ему, сказал: “Попытайся мне принести его обратно, и в обмен ты получишь награду и пенсию, который ты заслужил”»^[402].

Видя поражение своей кавалерии и приближение густых колонн дивизии Малера, Риш приказал отступить. Австрийская пехота, построившись в несколько каре, медленным шагом стала уходить в сторону Ульма. Пехота и конница Ней перешли в общее наступление. На австрийские каре, оставшиеся без поддержки кавалерии, ринулись французские драгуны и конные егеря. На левом крыле австрийцев полк Эрбаха отразил несколько атак, но, расстреливаемый в упор, атакованный в штыки, рассеялся и был почти полностью порублен и взят в плен конными егерями полковника Кольбера. Полк Ауэрсперга также был остановлен огнем, а его каре прорвано атакой французских драгун Бурсье.

Преследование отступающего неприятеля Ней прекратил только с наступлением темноты. Его войска, сражавшиеся без перерыва почти 10 часов, остановились в 5 км от Ульма, завершив славный бой взятием Кессельброннского оврага, последнего сильного рубежа на пути к крепости.

В этой битве Ней, введя в бой в общей сложности около 9 тыс. человек, нанес решительное поражение примерно равному по численности противнику (у Риша было от 9 тыс. до 10 тыс. человек при 14 орудиях). Австрийцы потеряли более 4 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными, а главное, были совершенно деморализованы и лишились путей отступления. Французские потери оказались несравнимо меньше: у Луазона 106 убитых, 623 раненых. Позже за тот блистательный бой маршал Ней получил громкий титул «герцог Эльхингенский».

В часы, когда окончательно решалась судьба австрийской армии, ее полководец все так же оставался в Ульме. В то время как 13 октября утром колонны Вернека и Риша двинулись вперед из Ульма для маневра по левому берегу Дуная, Макк принял несколько визитеров, сообщения которых во многом предопределили его поведение.

В 10 утра шпион Шульмейстер принес Макку важные сведения. Вопреки сложившемуся в популярной литературе мнению, Шульмейстер тогда работал на австрийцев и только спустя некоторое время перешел на службу к французам. Впоследствии он стал известнейшим тайным агентом Наполеона. Шульмейстер сообщил, что часть французских войск двигается на Мемминген, а другая часть собирается атаковать Эльхинген, чтобы отрезать австрийцам путь отхода.

Как видно, сведения, переданные шпионом, были совершенно точны, однако Макк не придавал им большого значения. Напротив, на сообщение приехавшего из Штутгарта оберландскомиссара Штейна Макк обратил особое внимание. Тот рассказал, что англичане высадились в Булони, а во Франции произошло восстание против империи. Этот рассказ вместе с объективной информацией Шульмейстера вызвал у Макка, прямо скажем, неожиданную реакцию.

Вот что австрийский полководец позже поведал в своей оправдательной записке: «Если бы неприятель желал захватить Ульм, он менее всего мог это сделать с правого берега, так как крепость целиком находится на левом. Если бы он хотел обложить крепость, он должен был быть на левом берегу по крайней мере столь же сильным, как и на правом. Он делает противоположное, и его марш на Иллер в нескольких колоннах и бездействие с других сторон дают скорее впечатление отступления... Погруженный в размышления о странных передвижениях неприятеля и его проектах, я принял барона Штейна, оберландскомиссара,

который рассказал мне, якобы он слышал от одного вюртембергского чиновника, заслуживающего доверия, что несколько дней тому назад за один день через Штуттгарт проехали девять официальных курьеров к императору французов и что тайно было сообщено, будто англичане высадились в Булони и захватили этот порт, и где-то началось восстание. Если бы движения неприятеля противоречили этим новостям, я рассматривал бы их как малозначительный слух, но они настолько соответствовали им, что я поверил в их истинность... С самого начала непонятный обратный марш врага показался мне странным. Если он имеет виды на Ульм и на нашу армию, почему он за несколько дней до этого поручил атаковать город одному своему корпусу? На такие жертвы идут, чтобы избежать большей опасности или полной гибели...»^[403]

В результате 14 октября утром, когда колонны Нея, круша все на своем пути, ворвались в Эльхинген, в Ульме Макком был отдан генеральный приказ, где говорилось, что французы отступают за Рейн, что необходимо преследовать эти колонны и беспрестанно атаковать отступающих, что Кинмайер обязан «держаться шпагу в спину» Бернадотту, что Вернек должен форсированными маршами гнаться за врагом и заставить его, если возможно, сложить оружие!

Звучит фантастично, но это так! Макк, а вероятно, и некоторые генералы не понимали, что почти находятся в кольце окружения. Марш Вернека и Риша – это не попытка отступить, а странное преследование наступающей армии...

Исповедь Макка была опубликована вскоре после событий, поэтому непонятно, откуда вообще взялась версия, гуляющая по страницам сотен исторических и литературных произведений о шпионе Шульмейстере, остановившем «прорыв» Макка, о каких-то специально отпечатанных французской агентурой ложных газетах с рассказом о восстании в Париже и т. п. Шульмейстер сообщил Макку верные сведения (он, очевидно, неплохо служил ему до того, пока... 14 или 15 октября не перешел на службу к Савари).

Вообще роль агентурной разведки в ходе военных операций была в те времена крайне мала. В отсутствие современных средств связи, с помощью которых «резидент» в неприятельском штабе мог бы оперативно передавать информацию своему командованию, деятельность шпионов была малоэффективной. Кроме того, этика того времени делала маловероятной вербовку штабного офицера противника. Шпионами работали в основном разнообразные маргиналы, а сведения, которые они получали, были чаще всего либо слухами, либо разговорами подвыпивших офицеров в придорожной таверне, либо просто результатами визуального наблюдения перемещающихся вдаль колонн неприятельских войск. Доставлялись же эти сведения крайне медленно, чаще всего пешком, так как приходилось использовать обходные тропы. В результате, хотя, разумеется, информацией, полученной от шпионов, не пренебрегали, относились к ней с осторожностью и рассматривали ее большей частью как второстепенную^[404].

Вечером 14 октября, когда пушки Эльхингенского боя прозвучали погребальным звоном австрийской армии, пожалуй, только Макк не расстался со своими иллюзиями. Для всех остальных генералов стало ясно, что французы окружают армию со всех сторон.

Эрцгерцог Фердинанд, не спрашивая главнокомандующего, решил прорываться из кольца французских корпусов. Он взял с собой 11 эскадронов кавалерии (около 600 человек), лучших генералов – Коловрата, Шварценберга, Штипица, Гиулая – и в 10 часов вечера, когда было уже темно, собрал небольшой отряд у подножия Михельсберга, холма, возвышающегося поблизости от крепости. Узнав об этом, Макк послал записку эрцгерцогу: «Я еще раз Вас заверяю, – писал находящийся в ослеплении генерал, – что отвечаю головой за Вашу безопасность, если Вы останетесь в Ульме!»

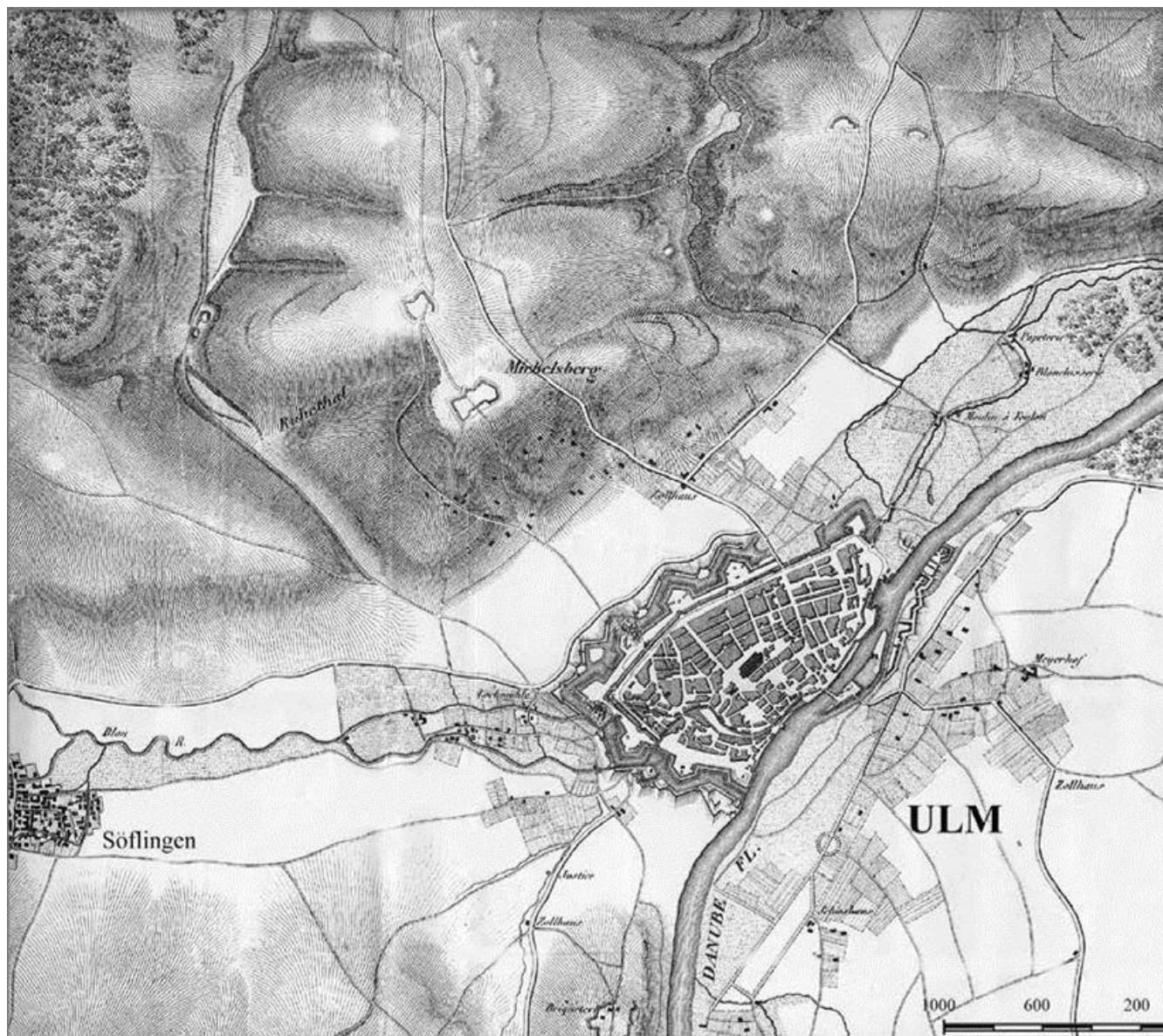
Одновременно именем императора Макк потребовал возвращения в крепость генералов Штипица, Гиулая и офицеров штаба. Генералы вынуждены были подчиниться, но юный эрцгерцог смело двинулся с горсткой всадников в ночную тьму. Он надеялся нагнать колонну Вернека, «преследующую» французов, и прорваться вместе с ним на соединение с Кинмайером, но случилось иначе.

Пока основные силы французов были заняты незадачливым Макком, Наполеон бросил на преследование вырвавшихся из окружения австрийцев кавалерию, ведомую Мюратом^[405], и дивизию Дюпона.

Измотанные, деморализованные неприятельские полки преследовались упорно и неотступно. 16 октября в плен попали 2000–2500 австрийцев, Вернек бросил часть обозов и артиллерии, был смертельно ранен генерал О’Доннел. На рассвете 17-го Мюрат снова настиг австрийцев, заставив генерала Зинцендорфа и 1200 его солдат сложить оружие. Через несколько часов французская кавалерия у Трохтельфингена догнала остатки пехоты Вернека вместе с самим генералом. Капитуляция была подписана в 11 часов утра. В плен попали генералы Вернек, Байе, Гогенфельд и Вебер, 91 офицер и 1553 рядовых...

Но неутомимый Мюрат не прекратил преследования. Загоняя лошадей, он мчался за эрцгерцогом. Пехота, багажи, артиллерия – все захватили французские кавалеристы. Недалеко от Нюрнберга были настигнуты последние остатки австрийской пехоты и артиллерийский парк – 41 орудие и 500 повозок и зарядных ящиков. Эрцгерцогу с жалкими остатками кавалерии удалось спастись: 22 октября они добрались до крепости Эгер на границе с Богемией...

В ночь с 14 на 15 октября Наполеон отдал последние распоряжения к атаке неприятельской армии под Ульмом. Корпусам Нея и Ланна поручалось овладеть высотами Михельсберг и Гайсберг, возвышающимися над крепостью, и загнать австрийцев в их укрепления. За ними должна была продвигаться Императорская Гвардия и части резервной кавалерии. Корпусу Мармона предписывалось осуществить блокирование укреплений правого берега. Корпусу Сульта, к этому моменту овладевшему Меммингеном (крепость капитулировала 14 октября, в плен сдались около 3500 австрийцев), император приказал двигаться на Биберах и Лаупхайм и перекрыть последние пути отхода австрийцев на юг.

План окрестностей Ульма

В то время когда крепость была почти окружена и французы готовились к решающей атаке, австрийский главнокомандующий все еще думал об отступлении Наполеона. «Пятнадцатого числа утром Макк все так же в убеждении, что враг находится в страшном затруднении и отступает. Он приказал нескольким офицерам штаба подняться на башню собора и следить за движением, – рассказывал австрийский офицер. – Он приказал отпечатать прокламации, которые объявляли о наших успехах и о бегстве неприятеля, он послал депеши генералам Вернеку и Кинмайеру с приказом неотступно преследовать врага и постараться захватить его артиллерию и багажи. Наверное, депеши так и остались на его рабочем столе, так как нам потребовались бы алеппские голуби, чтобы эти письма дошли до адресатов.

В 10 часов оптический телеграф сообщил, что в подзорные трубы видны лишь малые партии неприятеля на правом берегу, что враг свертывает посты на левом до Хаслаха; в соответствии с этим поступил приказ располагать армию на квартирах жителей, которым прокламация любезно предлагала разделить свой стол и постели с освободителями»^[406].

Эти бессмысленные распоряжения отдавались в тот момент, когда французские колонны уже строились к атаке. Наполеон, уставший от бессонных ночей, дурной погоды и

медленного развертывания войск, увязающих по колена в грязи, остановился у одной из ферм в Хаслахе, чтобы хоть немного отдохнуть. Офицеры штаба в не терпящей возражений форме попросили нескольких солдат, укрывшихся здесь от дождя, освободить помещение для императора. Беспрекословно, хотя и без особого восторга, фузилеры очистили ферму, лишь один юный барабанщик, как рассказывают офицеры штаба Сегюр и Тиар, примостившийся у камина, категорически отказался уходить, он ответил, «что здесь места хватит на всех, что ему холодно, что он ранен, короче, что он здесь и здесь останется».

В этот момент в комнату вошел император. Узнав предмет дискуссии, он рассмеялся и сказал: «...Пусть его оставят сидеть, раз уж он так держится за свое место»^[407]. С этими словами Наполеон уселся напротив барабанщика и сразу заснул. Император и юноша-барабанщик недолго спали в окружении почтительно стоящих генералов.

В комнату буквально ворвался маршал Ланн и разбудил императора, громко воскликнув: «Сир! Что Вы тут делаете? Вы спите, а Ней один дерется со всей австрийской армией!..» – «А почему он начал бой? – спросил, проснувшись, Наполеон, – я же сказал ему подождать, но он всегда таков, атакует неприятеля, как только его увидит...» – «Да, – согласился Ланн, – но атака одной из его бригад отбита, со мной мои гренадеры, нужно идти вперед, нельзя терять ни минуты»^[408].

Маршал увлек за собой императора, и они под дождем галопом поскакали к месту, откуда доносилась канонада. Здесь, где грохотали пушки и свистели пули, император и Ланн встретились с маршалом Неем. Последний ответил в категорической форме, что он не нуждается в войсках Ланна и не желает делить славу.

Его дивизии действительно без особого труда справились с неприятелем. Около трех часов дня Малер решительным штурмом овладел высотами Михельсберг, а чуть позже Луазон выбил неприятеля с высот Гайсберг.

«Макку донесли о катастрофе, – рассказывал австрийский офицер. – Он утверждал, что это невозможно и ничего не значит. Тем не менее отдал приказ закрыть и забаррикадировать ворота. В два часа дня все войска, которые не находились на укреплениях, столпились на улицах или переполнили до отказа дома. С той и с другой стороны раздавались выстрелы пушек. Макк в шляпе, надетой поверх ночного колпака... поддерживаемый под руку слугой, ковылял вдоль городских укреплений, убеждая всех, кто хотел его слушать, что это только ложная атака и неприятель отступает... Крыши, которые от пальбы рушились над нашими головами, были слишком веским доказательством обратного...»^[409]

Примерно в пять часов вечера на плечах бегущих австрийцев 50-й линейный полк из дивизии Малера попытался ворваться в город через ворота Фрауэнтор (Дамские ворота). Когда часть храбрых французских пехотинцев была уже под сводами ворот, австрийцы открыли огонь картечью в упор. Несколько десятков французов полегли на месте, остальных окружили и взяли в плен.

Та же участь постигла и 17-й легкий полк, который, двигаясь в голове дивизии Сюше, к вечеру прибыл на поле боя и попытался тут же атаковать вход в крепость. Ворота захлопнулись за горстой смельчаков, ворвавшихся вместе со своим полковником Веделем в крепостной равелин^[410]. Тех, кто не сдался, скосила картечь. Полк потерял 33 убитых, 128 раненых и 169 пленных.

Наполеон приказал остановить эти неподготовленные разрозненные атаки и подтянуть все войска для окружения крепости. К вечеру Ульм был полностью блокирован. На левом берегу стояли части Нея, Ланна и гвардии, на правом – корпус Мармона.

В наступившей ночи Ней послал двух парламентаров, потребовавших у Макка капитуляции. Австрийский главнокомандующий принял посланцев маршала в окружении всех своих генералов. Он заявил, что и речи не может быть о капитуляции. Макк объявил также подчиненным, что назовет изменником того, кто будет говорить о сдаче. Он составил документ, где излагал причины, по которым крепость не должна быть сдана: «Если мы останемся хозяевами Ульма... неприятель вынужден будет отойти за Рейн, и наше счастье

навсегда обеспечено. Он не сможет держать нас блокированными более восьми дней, потому что русские подойдут сюда и его участь будет предрешена»^[411].

В ответ генералы написали послание, где говорилось, что свободный выход из Ульма с оружием и знаменами куда более предпочтителен, чем бесплодное сидение в обреченной крепости. Не спросив Макка (хотя возможно, напротив, с его тайного согласия), Риш, Лаудон и Гиулай направили князя Лихтенштейна в штаб Нея с требованием предоставить гарнизону свободный выход и отступление за реку Лех. Нея тотчас обратился к Бертье, но последний сообщил, что император желает сдачи не только крепости, но и ее гарнизона.

Ночью пришел ответ австрийцев: «Гарнизон Ульма, с сожалением констатируя, что маршал не принял достойных условий, на которые гарнизон, рассчитывая на справедливость, надеялся, решил ожидать случайностей войны»^[412]. Бумага была подписана генерал-лейтенантами Ришем, Гиулаем, Лаудоном.

Новый день 16 октября 1805 г. стал еще более безрадостным для австрийцев. Все высоты вокруг крепости были заняты французскими войсками, а жерла их орудий наведены на укрепления.

Ульм, лежащий почти целиком на левом берегу Дуная, был когда-то весьма сильной крепостью, поскольку высокие холмы, опоясывающие город на расстоянии примерно километра, в Средние века не имели решающего тактического значения. Однако с появлением артиллерии ситуация изменилась. Крепость стала уязвимой. В наполеоновскую эпоху, когда вся атака и оборона фортификационных сооружений строилась на применении артиллерии, а дальнобойность тяжелых орудий достигала 2–3 км и более, ульмские укрепления уже не являлись защитой против серьезной артиллерийской атаки. Оборона могла быть успешной лишь в том случае, если бы имелось достаточно сил для защиты не только городских стен, но и укреплений на Михельсберге и Гайсберге. Но эти фортификационные сооружения были взяты французами накануне. Теперь артиллеристы Наполеона при желании могли сровнять с землей город и без особого труда пробить бреши в крепостных стенах.

Кроме того, численное соотношение и моральный дух войск были абсолютно несоразмерны. В крепости было заперто около 25 тыс. потерявших отвагу солдат, у французов только под Ульмом было не менее 70 тыс. воинов, уверенных в победе и беззаветно преданных своему полководцу.

Наполеон прекрасно понимал это и в случае отказа австрийцев от капитуляции решил штурмовать город. Впрочем, прежде чем пойти на такой шаг, император стремился сделать все, чтобы добиться нейтрализации неприятельской армии без страшного кровопролития.

Утром 16 октября артиллерия Нея открыла огонь по крепости. Эта стрельба носила в основном предупредительный характер – в городе были лишь небольшие разрушения, и погибли двое солдат гарнизона. Вскоре после этого прибыл парламентар от французов с приглашением князю Лихтенштейну прибыть к Наполеону для переговоров. Беседа Наполеона с князем, несколько писем, которыми французское командование обменялось с австрийским в этот день, ничего не дали. Макк отказывался капитулировать, утверждая, что на помощь Ульму идут многочисленные армии, а крепость прекрасно готова к обороне. Тем не менее вечером, видя нависшую опасность, Макк пошел на компромисс и предложил свой, очень странный вариант капитуляции, обратившись со следующим посланием к Нею:

«Господин маршал... я повторяю, что крепость не будет сдана никогда и никому, кроме как лично Его Величеству. Желать, чтобы гарнизон сдался в качестве военнопленных, – это значит желать его обезчестить. Мы совершенно определенно ждем помощи. Однако, желая заслужить высокое уважение Его Величества и Вашей светлости, я предлагаю сделать иначе. Буду счастлив принять Его Величество в городе, чтобы выразить ему все мое глубокое почтение и восхищение... Что же касается австрийской армии, она сложит оружие на два дня, то есть до послезавтра, когда снова возьмет оружие и сможет выйти из города»^[413].

Ночью Наполеон отправил ответ, подписанный маршалом Бертье. Под проливным дождем, остановившим все боевые действия, граф де Сегюр, адъютант императора, повез это

письмо Макку. Нарочный из штаба с трудом нашел необходимого для такой миссии «трубача артиллерии, наполовину утонувшего в грязи под зарядным ящиком, куда тот забрался от дождя», и направился к городским укреплениям. Сегюра встретил австрийский офицер, завязал ему глаза и проводил к Макку.

«Мы вошли на постоянный двор, где располагался главнокомандующий, – рассказывал Сегюр. – Было, очевидно, около трех часов ночи. Меня принял старый генерал высокого роста, он показался мне весьма бледным. По его лицу было видно, что у него богатое воображение. На нем отпечатались душевные муки, которые генерал пытался скрыть...»^[414]

К сожалению, из последующего увлекательного рассказа Сегюра о беседе с Макком можно оставить только эти несколько строк, так как остальные не подтверждаются документами следствия о капитуляции Ульма, начавшегося в Вене несколько месяцев спустя, в ходе которого были вскрыты все мельчайшие подробности этого события. И если образ трубача артиллерии, наполовину утонувшего в грязи, наверняка до конца жизни отпечатался в голове известного мемуариста, то его театрално-драматическая беседа с Макком, скорее всего, плод воображения и чтения позднейших исторических произведений.

Адъютант императора, по всей видимости, всего лишь передал письмо Наполеона, датированное 17 октября, с предложением Макку отсрочить капитуляцию на пять дней. Австрийский главнокомандующий согласился утром сдаться, но требовал большего срока. Ему были посланы новые предложения, на которые он ответил коротким письмом:

«Свободный выход гарнизона без плена. Иначе – срок восемь дней или смерть. Вот мой последний ответ. Ульм, 17 октября 1805 г. Макк».

Наполеон принципиально согласился на это предложение, и капитуляция была подписана в тот же день. По ее условиям 18 октября австрийские войска должны были передать крепостные ворота французам и «вещь, неизвестная дотоле, – рассказывал австрийский офицер, – принять в городе одну из их бригад. В девять часов утра Новые ворота были переданы французам, и мы с болью в душе видели, как под звуки музыки их бригада с маршалом Неем во главе вошла на центральную площадь, где не замедлила получить направления на расквартирование... Нужно было быть в Ульме, чтобы представить все наше унижение... Наши солдаты смешались с французскими и, зная о своей участи, с презрением смотрели на офицеров... Французские генералы с их многочисленной свитой скакали в галоп по улицам, обрызгивая нас грязью с ног до головы...»^[415]

19 октября в два часа дня Макка пригласили в Обер Эльхинген, где находился штаб императора. Австрийский главнокомандующий встретился с Наполеоном, который любезно принял своего гостя и изложил ему действительную ситуацию на театре военных действий, показав на карте расположение всех корпусов. Он рассказал, что русская армия еще стоит за Инном, Бернадотт вступил в Мюнхен, генерал Вернек капитулировал в Трохтельфингене, а Мюрат неотступно преследует эрцгерцога.

«...Эти удары судьбы потрясли несчастного главнокомандующего, силы оставили его, мы видели, как он побледнел и был готов упасть без сознания. Чтобы удержаться, ему было необходимо опереться о стену...»^[416] – рассказывал Сегюр. Макк согласился на все. На следующий день австрийская армия должна была сложить оружие.

20 октября на равнине перед крепостью Ульм состоялась одна из самых величественных и драматических церемоний военной истории. По склонам холмов, окружавших крепость, в полной парадной форме встали полки корпусов Нея, Мармона и Императорской гвардии. Погода изменилась. Из-за свинцовых туч вышло яркое солнце, заигравшее тысячами огоньков на стали штыков, начищенных касках и жерлах орудий. Впереди своих победоносных легионов на небольшом возвышении стоял император, окруженный пышным штабом, блиставшим золотом эполет и шитья генеральских мундиров, галунами шляп, увенчанных целым лесом колышущихся плюмажей.

Ровно в два часа дня забили барабаны, заиграла военная музыка. По этому сигналу ворота Фрауэнтор распахнулись, и оттуда появилась длинная колонна австрийских войск, впереди которой ехали восемнадцать генералов... Австрийские полки, выйдя из города, двинулись

вдоль всего амфитеатра французских войск и складывали оружие неподалеку от возвышения, где стоял император. Артиллеристы передавали свои орудия и упряжки французским артиллеристам, кавалеристы отдавали своих коней французской кавалерии. Затем австрийские солдаты уже без оружия и почти без строя возвращались в Ульм через Новые ворота... Церемония длилась три часа!..

«Подобное зрелище невозможно описать, – рассказывал Мармон, – и чувства, охватившие меня тогда, я помню до сих пор. В каком счастливом опьянении находились наши солдаты! Какая награда за месяц их лишений! Какой пыл, какое доверие вызвали у войск эти сцены. Для такой армии не было ничего невозможного. Любая битва ей была по плечу»^[417].

Ликование французских солдат смешалось в этой удивительной картине с отчаянием неприятельской армии: «...Австрийцы выходили с барабанным боем, с яростью в сердце и отчаянием в душе, – рассказывает австрийский офицер. – Они проходили вдоль строя французских войск, в то время как вражеская музыка угощала нас мелодией “Vogel Fanger”»^[418]. О катастрофа под Полтавой, о капитуляция под Пирной – вы ничто по сравнению с этим ужасающим выходом из Ульма! Позор подавляет нас. Грязь, которой нас испачкали, невозможно стереть...»^[419]

Во время церемонии император пригласил к себе австрийских генералов. Утешая их, он сказал, что «на войне бывают разные случайности и часто победители бывают побежденными; что эта война, в которую вовлек их государь, несправедлива, лишена мотива, и, откровенно говоря, он не знает, почему сражается и что от него хотят...».

Наполеон отпустил Макка и всех австрийских генералов и офицеров под честное слово не воевать против Франции до того момента, пока не будет произведен их обмен на соответствующих пленных французских офицеров. Так как подобная практика не существует в современную эпоху, стоит, очевидно, дать некоторые объяснения. Речь идет об обмене символическом. Если в плен попадал французский офицер, то его отпускали; при этом одному из условно пленных австрийских офицеров того же звания выдавалась бумага, согласно которой он освобождался от своего честного слова и мог снова принять участие в боевых действиях. Подразумевалось также, что честное слово действует только в ходе данной войны. После заключения мира происходило общее возвращение пленных, и, если впоследствии начиналась новая война, все снова могли принять в ней участие^[420].

В Ульме капитулировало 25 365 австрийских солдат и офицеров, перед императором было сложено 40 знамен, захвачено 63 пушки, две гаубицы, 42 зарядных ящика. Общее же число пленных, взятых во время ульмской операции (учитывая бои под Вертингеном, Гюнцбургом, Эльхингеном и т. д.), составило 37 тыс. человек. Наконец, если учесть убитых, тяжело раненных и разбежавшихся, можно предположить, что общие безвозвратные потери австрийцев составили почти 50 тыс. человек.

Таким образом, Наполеону удалось без генерального сражения наголову разгромить, практически уничтожить австрийскую армию в Германии.

Император почти не преувеличивал, когда в своем воззвании от 21 октября 1805 г. сказал:

«Солдаты Великой армии! В две недели вы выиграли кампанию... Эта армия, которая с самоуверенностью пришла на наши границы, уничтожена... Из 100 тыс. человек, составлявших ее, 60 тыс. пленено... 200 орудий, 90 знамен, все ее генералы захвачены нами. Из всей вражеской армии не ускользнуло и 15 тыс. человек.

Солдаты, я объявлял вам, что будет большая битва, но благодаря неудачным маневрам врага я смог добиться успеха без всякого риска. И что беспримерно в истории народов – эта победа не стоила нам и 1300 выбывших из строя.

Солдаты, этот успех – плод вашего безграничного доверия императору, вашего терпения, вашего умения переносить усталость и всевозможные лишения, вашего редкого бесстрашия...

Моей заботой всегда будет добиваться победы, проливая как можно меньше крови, ибо мои солдаты – это мои дети.

Наполеон»^[421].

Глава 9. Дорога на Вену

Величайшие античные и современные полководцы никогда не считали врагов, но лишь спрашивали, где они находятся, чтобы пойти прямо на них и вступить с ними в бой.

Ж. Ш. де Фолар

В то время когда пушки грохотали под стенами Ульма, на границе России с Пруссией никто не стрелял. Однако события, которые здесь происходили, были столь важны, что можно задать вопрос – где больше решалась участь Европы: в Баварии или на берегах польской речушки Пилицы. Интересно, что в большинстве исторических трудов, в отличие от знаменитой ульмской операции, события, которые здесь произошли, практически совершенно обойдены вниманием. И тем не менее их значение трудно переоценить.

Как уже отмечалось, в конце лета 1805 г. русские войска пришли в движение. Подольская армия Кутузова первой перешла границу Австрии и двинулась в западном направлении. Главнокомандующий нагнал ее 21 сентября на марше неподалеку от местечка Кальвария.

Гвардия начала готовиться к выступлению из Петербурга уже в конце июля. 10 (22) августа на Измайловском плацу император провел смотр гвардейских полков, и прямо со смотра гвардия двинулась в поход. А 9 (21) сентября вслед за гвардейскими полками Петербург покинул Александр I. Его сопровождали обер-гофмаршал граф Толстой, генерал-адъютанты граф Ливен и князь Волконский, управлявший Министерством иностранных дел князь Чарторыйский и тайные советники граф Строганов и Новосильцев. Через несколько дней в местечке Усвят царь нагнал гвардию и мог констатировать, что распоряжения о марше гвардейских полков строго соблюдались. Шефам полков было предписано «не позволять людям рассыпаться по дороге, но идти в шеренгах и рядах, в самом большом порядке, стараясь держать сколько можно одну ногу, сохранять должное расстояние между взводов, полувзводов, или отделений, во всегдашней готовности зайти во фронт; офицерам быть непременно при своих местах, а если получат позволение от начальника ехать верхом, то и в таком случае из взводов не выезжать»^[422].

Разумеется, маршрутовка в ногу не способствовала удобству и скорости марша, но выглядела красиво, и император остался доволен. Проехав через Минск и Брест 17 (29) сентября, Александр I прибыл в имение своего «друга» князя Чарторыйского в местечке Пулавы в непосредственной близости от прусской границы. Следует заметить, что государственные границы того времени весьма отличались от современных. Как уже отмечалось, Польша была разделена между Россией, Австрией и Пруссией. И хотя большая часть старых польских земель досталась пруссакам, австрийцы тоже получили немалую долю территории, на которой находится в настоящее время Польское государство. Австро-прусская граница проходила по небольшой речке Пилице, западному притоку Вислы, а затем поворачивала на север и, пройдя всего лишь в 20 км от Варшавы, поворачивала по Бугу, восточному притоку Вислы. Границы трех государств – России, Австрии и Пруссии – сходились в нескольких километрах к северу от Бреста на берегу реки Буг. Имение Чарторыйского Пулавы находилось на территории Австрийской Польши в 100 км к западу от русской границы и всего лишь в 60 км к юго-востоку от границы Австрии и Пруссии.

Визит Александра в Пулавы носил не только sentimentalный характер посещения дружеского семейного очага. Почти точно на полпути между Пулавами и границей, в местечке Козенице находился штаб армии Буксгевдена, а сама армия в полной боевой готовности стояла в нескольких километрах от прусской границы. Позади этой армии почти в двух шагах от Пулав находились войска генерала Эссена. Части Буксгевдена и Эссена были объединены под командованием генерала Михельсона. Несколько севернее, неподалеку от Гродно была сосредоточена армия Беннигсена, также готовая вступить на территорию Пруссии. Общая численность русских войск, сосредоточенных в старой Польше и на ее границах, была куда более впечатляющей, чем численность армии Кутузова. Около 150 тыс.

русских солдат стояли здесь в полной готовности, а имение Пулавы оказалось прямо в центре главной массы войск.

Однако вести, полученные от русского посла в Берлине Алопеуса, были самыми неутешительными. Буквально в тот день, когда Александр выезжал из Петербурга, Фридрих Вильгельм III написал царю, что он категорически отказывается пропустить русскую армию через территорию Пруссии и будет сопротивляться любой попытке нарушить нейтралитет его страны. 10 (22) сентября Алопеус сообщал Беннигсену и Михельсону: «...все усилия мои остались тщетны, и я никак не мог успеть отвратить его прусское величество от системы нейтралитета, им твердо принятой. Его величество дни три тому назад приказал всей армии прусской быть в готовности к походу, по-видимому, дабы дать более силы сему его решительному намерению. Сие средство приведет в движение двести тысяч человек»^[423]. Напомним о плане войны, о котором мы говорили в главе 6. Действительно, намерения прусского командования были самыми серьезными!

Ситуация приняла совершенно неожиданный поворот. Александр, уверенный в том, что он не только очаровал прекрасную прусскую королеву, но так же, как ее сердцем, владеет волей прусских министров, был в полной растерянности. Русский царь не сомневался, что пруссаки поупираются для приличия, а затем, если уж не вступят сразу в коалицию, то, по крайней мере, не будут препятствовать проходу русских войск. Ну а когда русские полки будут лихо маршировать по Берлину навстречу неприятелю, его очаровательная улыбка и томные глаза Луизы сделают остальное – король сдастся, и вслед за русскими полками на войну с Наполеоном отправятся brave прусские гренадеры.

Теперь его игра приобрела опасный оборот. Вместо того чтобы с восторгом последовать за «благодетелем Европы» на войну с Наполеоном, злобные пруссаки повернули почему-то свои пушки не на запад, а на восток. Все попытки договориться оказались бесплодными, а прусский король, сославшись на болезнь, отказался от личной встречи с Александром. На западной стороне Пилицы лицом к войскам Буксгевдена стояли войска также в полной боевой готовности. И в Пруссии все почему-то заговорили о войне не с Францией, а с Россией. Принцесса Луиза Прусская, княгиня Радзивилл, вспоминала: «В 1805 г. я поехала... в Варшаву, и на пути... я встретила много войск, которые шли через Одер [на границу. – *Примеч. авт.*]. В Варшаве нас очень обеспокоили разговоры о войне с Россией, хотя мы еще не очень в это верили, но по нашему возвращению в Берлин я убедилась, что все ее ожидают»^[424].

«Отныне, – писал Чарторыйский русскому послу в Вене, – мы не можем более вступить в Пруссию, делая вид, будто мы не знаем, что она намерена воспротивиться вступлению наших войск... В случае войны с Пруссией нам придется воевать уже не с государством, застигнутым врасплох и в силу неожиданности вынужденным быть более сговорчивым, а с державой, предупрежденной заранее, решившей защищаться и имевшей время для подготовки»^[425].

Напрасно министр иностранных дел Пруссии барон Гарденберг, взывая к разуму русского правительства, заявлял: «Государственность, честь и независимость [Пруссии. – *Примеч. авт.*], вероятно, соединится с Наполеоном. Бога ради, не заставляйте нас умножить силы наполеоновской армии на 200 тысяч человек»^[426]. Чарторыйский и Александр были готовы отдать приказ о вторжении.

Политика царя и его министра иностранных дел поставила Россию на грань войны, которую никто не ожидал, – войны с государством, находившимся в самых лучших отношениях с Российской империей, единственным грехом которого было то, что оно не хотело немедленно воевать с Наполеоном! Как ни странно, князь Чарторыйский даже не скрывал ни тогда, ни позже своих намерений. В своих мемуарах он написал: «Я должен признать, что видел, насколько маловероятно **втянуть Пруссию** в союз. Но это меня вовсе не печалило. Конечно, я не пренебрегал никакими доводами, чтобы заставить ее присоединиться к нам, но я с удовольствием предвидел, что в случае отказа мы пройдем по ней с оружием в руках»^[427]. Князь надеялся, что результатом войны должно было стать

восстановление Польского королевства. Политика Чарторыйского в эти дни была такова, что знаменитый историк александровской эпохи великий князь Николай Михайлович, говоря о поведении князя, написал, что оно было **«цинично и даже преступно для руководителя русских интересов»**^[428]. Но дело в том, что это была линия не только Чарторыйского, но и политика царя Александра.

Сложно даже предсказать те неисчислимы последствия, которые имела бы эта война. Сам Чарторыйский признавал: «...нужно ожидать войны по всей форме, которую Пруссия будет вести со всей возможной энергией, и немедленного и безусловного союза ее с Францией»^[429]. И тем не менее 28 сентября (10 октября) министр говорил: «...если король ответит отказом на все, что было бы полезным для общего блага и могло бы оградить честь императора, его величество, несмотря на свое крайнее желание избежать этого и на стремление во всем считаться с выгодой и безопасностью своего союзника, полон решимости начать войну против Пруссии, и наша армия перейдет Пилицу...»^[430]

Подобное безрассудное предприятие поддерживало только одно государство – Англия. Лорд Гоуэр, который прибыл в этот момент в ставку царя, заявил, что в случае начала русско-прусской войны деньги, выделенные Англией для субсидий Пруссии, пойдут на оплату этой войны.

Нужно сказать, что в случае начала войны с Пруссией последствия конфликта для России были бы таковы, что даже неудачи, произошедшие в ходе войны 1805 г. с Наполеоном, показались бы детскими шалостями. Пруссия располагала почти 200-тысячной армией, готовой к войне. Она была полна решимости отразить немотивированное и несправедливое нападение. В этом случае Наполеон не просто выиграл бы войну с третьей коалицией, а фактически подчинил своему влиянию Европу, причем она приняла бы это влияние по своей воле. У Пруссии, как понимал сам Чарторыйский, не оставалось в таком случае никакого другого пути, кроме как союз с Францией, где Пруссии, разумеется, отведена была роль младшего брата. Австрия, разгромленная под Ульмом и брошенная на произвол судьбы тем, кто увлек ее в борьбу, не только не пожелала бы продолжать войну, но должна была бы в конечном итоге принять правила игры Наполеона.

Так могло произойти объединение континентальных держав, подобное тому, которое создал Наполеон в 1810–1811 гг. Однако это объединение было бы создано не силой оружия, а почти что добровольно, под давлением необходимости сопротивляться двум опасным непредсказуемым государствам: Англии и России. Всякая маска поборника справедливости в борьбе против гнета «узурпатора» окончательно была бы сорвана с Александра, а Россия оказалась бы в политической изоляции.

И тем не менее навязчивая идея Александра была столь сильна, что он готов был в эти дни приказать русской армии форсировать Пилицу и начать войну с Пруссией! Непонятно, как этого безумного политического решения – готовности воевать с Пруссией только из-за того, что она отказывается вступить в коалицию, не замечают историки, считающие, что Александр преследовал разумные соображения, начиная войну 1805 г.

На счастье царя, в этот момент рядом с ним оказался австрийский посол граф Стадион, который буквально умолял Александра отказаться от безумного шага, представив ему письма, в которых венский двор «настаивал на том, чтобы любой ценой избежать войны с Пруссией».

Фортуна действительно улыбалась царю в эти дни. По настоянию своего окружения Александр, прежде чем начать войну, послал все-таки в Берлин своего адъютанта Петра Долгорукого с целью попытаться последний шанс склонить пруссаков на сторону коалиции. Однако миссия Долгорукого уже была близка к полному провалу, как в прусскую столицу пришло известие, совершенно перевернувшее ситуацию. В Берлине с изумлением узнали о нарушении французскими войсками нейтралитета прусских земель в Анспахе.

Эта новость поразила Пруссию поистине как удар грома. «Общее чувство охватило народ и армию, – вспоминал прусский офицер. – Повсюду чувствовали боль от оскорбления, которое было нам нанесено, и голос нации был един – все требовали войны»^[431]. На этот раз

речь шла о войне с Францией. Немедленно было дано разрешение на проход русских войск, а прусские части получили приказ сниматься с восточных границ и двигаться на запад. Таким образом, несколько сэкономленных дней марша для войск Бернадотта и Мармона в корне перевернули всю расстановку политических сил в Европе. Самоуверенное нарушение нейтралитета Пруссии лишило Наполеона редкого шанса достичь полного триумфа минимальными усилиями.

Через несколько дней Александр был уже в Берлине. А затем продолжил переговоры с прусской королевской четой в загородном дворце в Потсдаме, где молодой царь опять очаровывал своим томным взглядом безнадежно влюбленную Луизу. Правда, здесь возникли некоторые осложнения. Вслед за известием о нарушении нейтралитета прусской территории пришли новости о разгроме австрийцев под Ульмом.

Сокрушительное поражение армии Макка вернуло Фридриху Вильгельму его нерешительность. «Трудности, с которыми мы постоянно сталкивались, – писал Чарторыйский, – ...сильно возросли в связи с уверенностью в полном поражении австрийцев, а упорное нежелание короля... отказаться от системы нейтралитета... еще более укрепились»^[432].

В этой ситуации Фридрих Вильгельм по совету известного государственного деятеля графа Гаугвица принял половинчатое решение: Пруссия подписывала не союзный договор с Россией, а лишь соглашение о вооруженном посредничестве. Согласно декларации, принятой 3 ноября 1805 г., Пруссия обязывалась представить Наполеону требования, на которых потенциальные союзники готовы были согласиться с ним на мир. Правда, эти требования были составлены так, что, как признавал Чарторыйский в письме Семену Воронцову, «невозможно, чтобы Бонапарт согласился на них»^[433]. Казалось бы, что это равносильно объявлению войны Франции, однако Гаугвиц вставил в соглашение маленькую строчку, которая во многом делала его неопределенным. «Переговоры же [с Наполеоном. – *Примеч. авт.*] будут ведены таким образом, чтобы они были окончены в продолжение четырех недель, считая со дня отправления уполномоченного»^[434].

Таким образом, ловкий министр давал Пруссии отсрочку по крайней мере на месяц. За это время война в Австрии должна была вступить в решающую фазу, и в случае чего прусское правительство всегда могло найти повод отказаться от участия в конфликте. Кроме того, понимая, что Александру уже просто некуда деться, пруссаки потребовали за свое содействие невообразимой цены – передачи Пруссии либо Ганновера, либо Голландии. Можно себе представить, как выкручивался Чарторыйский в своем послании Воронцову, когда объяснял ему, что русский посол должен будет потребовать у Англии не только субсидии для пруссаков, но и «маленький подарок» в виде Ганновера!

Политические задачи коалиции, ее цели окончательно запутались. Желая заставить державы Европы воевать с Наполеоном, потому что он подчинил своему влиянию часть Италии, Голландию и ряд германских земель, Александр вынужден был сам посулить им захват именно этих же земель: Ломбардии для австрийцев, Голландии и Северной Германии для пруссаков. Да еще ему надо было суметь сделать так, чтобы один из союзников отдал другому те территории, из-за которых и разгорелся весь сыр-бор!

Запутанность политического решения не помешала тем не менее Александру в очередной раз разыграть перед прекрасной королевой театральную сцену. Во время последнего ужина с королевской четой в Потсдаме Александр выразил глубокое сожаление, что покидает Пруссию, не отдав дань уважения праху Фридриха Великого. Русский царь, Фридрих Вильгельм III и закутанная в черный плащ Луиза спустились с подсвечниками в руках в мрачное подземелье, где стояли гробы Фридриха Вильгельма I и Фридриха II. Заставив короля и королеву принести клятву дружбы, Александр решил, что лучше всего завершить эту церемонию поцелуем гроба короля, семь лет воевавшего с Россией. Лубочные картинки с изображением «клятвы у гроба Фридриха» обошли всю Европу и Россию, где вызвали, прямо скажем, некоторое недоумение...

Впрочем, все эти переговоры и клятвы были не более чем дележом шкуры неубитого медведя. А пока дело больше решали пушки и «большие батальоны», о которых Наполеон как-то сказал, что «они всегда правы». И так как 150-тысячное войско застряло в Пруссии, «большие батальоны» на театре военных действий были явно не на стороне русских.

Маленькая армия Кутузова продолжала свой марш вглубь австрийских земель. Сначала войска двигались не торопясь. Но 22 сентября в Тешене австрийское командование обратилось с настоятельной просьбой любой ценой ускорить марш. Дело в том, что в это время у австрийцев появились сведения о стремительном движении Великой армии с берегов Ла-Манша в Баварию. Конечно, никто из австрийских стратегов и отдаленно не мог себе представить, какая сила надвигалась с запада, но предчувствие опасности явно витало в воздухе. По настоятельному требованию союзников Кутузов вынужден был предпринять изнурительные форсированные марши. Половину переходов пехотинцы совершали в пешем строю, а половину – ехали на подводах, куда были сложены ранцы и шинели. Часть конницы спешили, и она шла и ехала на подводах вместе с пехотой, а лошадей, у которых были сбиты спины, вели в поводу. Артиллерии выделили дополнительных лошадей. В результате скорость марша возросла до 45–60 км в сутки.

Погода была в эти дни очень плохая не только в Баварии, но и на всей территории Германии. В скором времени армия стала представлять собой печальное зрелище. Но австрийские власти требовали: быстрее, быстрее, быстрее... «Решительно невозможно продолжать поход только что предложенным способом, – заявил Кутузов австрийскому уполномоченному генерал-майору Штрауху в письме от 1 октября 1805 г. – ...русские императорские войска не должны более совершать форсированные переходы... Ваше Превосходительство, сами увидите невозможность этого, если Вы любезно обратите внимание на большое количество больных; число их за эти два дня удвоилось, и даже здоровые так обессилели, что почти не могут больше передвигаться. Сюда добавляется еще то, что у большинства при теперешней сырости порвана обувь; они были вынуждены идти босиком, и ноги их так пострадали от острых камней шоссейной дороги, что они не могут нести службу. Интересам обоих императорских дворов было бы совершенно противно, чтобы армия продвигалась в таком состоянии и не приходила на место назначения даже в половинном составе, потому что даже те, которые до сих пор благополучно перенесли все тяготы, пришли бы, конечно, такими утомленными и обессиленными, что они оказались бы непригодными для полевой службы»^[435].

Проблем накопилось столь много, что, когда 4 октября армия дошла до Брюнна, Кутузов вынужден был на время ее оставить и отправиться в Вену, где 6 октября его встретил русский посол граф Разумовский. На следующий день вместе с послом Кутузов отправился к императору Францу, принявшему его в загородном охотничьем замке Хетцендорф. Австрийцы, наученные опытом общения со своим равным Суворовым, с опаской ожидали встречи с русским главнокомандующим. Однако они были приятно удивлены. Дипломатичный Кутузов никого не эпатировал странными выходками: не бил зеркал в своей резиденции, не появлялся голым на балконе перед толпой, не требовал в качестве ложа пук соломы – словом, был учтивым светским человеком, приятным собеседником. Император со своей стороны любезно встретил русского главнокомандующего. Он пригласил его на обед и благодарил Кутузова за скорость марша. Франц также изъявил полную готовность во всем помогать русской армии, а офицерам даже пожаловал 60 тыс. серебряных гульденов в качестве «столовых денег».

8 октября Кутузов встретился с вице-канцлером Кобенцелем, с которым они дружили еще в бытность Кобенцеля послом в Петербурге. У них было много общих воспоминаний, общих знакомых и даже общих грешков. Кобенцеля в свое время отозвали из Петербурга за несколько неумеренную любовь к театру, а также за слишком навязчивые ухаживания за красавицей женой князя Долгорукова. Михаил Илларионович также был большой любитель женского пола, и у него были с вице-канцлером интересные темы для разговоров не только по политическим вопросам...

Встретился Кутузов и с членами Гофкригсрата (Высшего военного совета). Русский главнокомандующий дипломатично не стал спорить с австрийскими генералами, тем более что план войны изменить было уже невозможно, а своей деликатностью и обходительностью добился всего, что ему было нужно. Австрийцы обещали, что хорошо обеспечат его армию продовольствием, боеприпасами и точными топографическими картами, которых очень не хватало штабу армии.

Что касается положения на театре военных действий, то австрийцы полностью обнадежили русского главнокомандующего. Кутузову сообщили о донесении Макка, в котором он писал Францу следующее: «Никогда никакая армия не находилась в столь выгодном положении, как наша для того, чтобы одержать победу над неприятелем. Сожалею только об одном, что нет здесь императора и Ваше Величество не сможет быть свидетелем торжества своих войск»^[436].

Получив подобные заверения о прекрасном состоянии дел, Михаил Илларионович 9 октября отправился в Браунау, австрийский город, находящийся в 250 км к востоку от Вены. В ту эпоху это была важная пограничная крепость. Накануне его приезда в Браунау вступили передовые колонны русской армии. Так как об этом пункте постоянно говорили как о некоей важной цели марша, в войсках царило радостное оживление. «...прибыли мы в город Браунау, – записал в своем дневнике русский офицер Федор Глинка. – Колонна наша под начальством генерала Милорадовича вступила в город с восклицаниями: ура! Во всех полках играла музыка и пели веселые песни. Город Браунау, стоящий на берегу Инна, пограничный между Австрией и Баварией, имеет прекрасные укрепления, но ни одного человека в гарнизоне; имеет много медных пушек в арсеналах; но очень мало исправных на валах и ни одного запасного магазейна. Удивительно, для чего цесарцы^[437] не хотели привести славной крепости сей в оборонительное состояние. Правда, что между его и французскою армиею стоит около ста тысяч австрийцев при Ульме под начальством принца Фердинанда и генерала Макка»^[438].

Несмотря на бодрый дух войск, русский главнокомандующий не мог быть не обеспокоен. Во-первых, вследствие 22-дневных форсированных маршей колонны растянулись на многие десятки километров. Далеко позади остались пушки и обозы. Непосредственно под командой Кутузова собралось к 14 октября не более 30 тыс. человек. 6-я колонна Подольской армии (около 9 тыс. человек) еще перед вступлением на австрийскую территорию была отделена от войск Кутузова и направлена на юг, так как появились сведения о возможном конфликте с турками. Однако затем по настоянию австрийцев для заслона против турок были направлены другие войска, а 6-ю колонну вернули в состав Подольской армии. За счет этих маршей и контрмаршей 6-я колонна оказалась далеко позади, и теперь ее отделяли от главных сил несколько сотен километров.

Наконец, сразу по прибытии Кутузова в Браунау в штаб русского главнокомандующего явился русский посланник в Баварии барон Бюлер. Он сообщил, что французы заняли Мюнхен. Австрийские офицеры и чиновники ничего не могли сообщить на этот счет. Но на третий день своего пребывания в Браунау Кутузов получил письмо от эрцгерцога Фердинанда, датированное 8 октября. «Наша армия получила важную выгоду овладеть Иллером, Ульмом и Меммингеном... Неприятель не хочет атаковать нас с фронта, но обходит нашу позицию, стараясь помешать мне соединиться с вами, что ему уже удалось, так как он прошел с частью своих войск через Анспах. В самом деле, наше соединение с вами становится временно невозможным или, по крайней мере, опасным, потому что неприятель овладел Донаувертом... У меня под ружьем 70 000 человек. Если неприятель перейдет через Лех, я атакую и разобью его. Находясь в Ульме, я не могу терять выгоды действовать на обоих берегах Дуная... Таким образом смело ожидаем мы времени, когда ваша армия будет в состоянии выступить, и вместе с вами найдем мы возможность приготовить неприятелю участь, какую он заслуживает... Моя армия одушевлена мужеством. С полною уверенностью надеемся мы на такое же расположение духа в ваших войсках. Для соединения с вами нам не будет ничего трудного, ничего невозможного»^[439].

Действительно, на следующий день 17 октября Кутузов получил известие об одержанной австрийцами победе. Речь шла о бое под Хаслахом с дивизией Дюпона, но австрийский рапорт был составлен так неопределенно, что можно было подумать, что речь идет о разгроме целого корпуса Нея. Кутузов отдал приказ по армии, извещающий о победе союзников, и назначил даже благодарственный молебен на утро следующего дня. Однако радость длилась недолго.

Едва были возданы похвалы Всевышнему за дарованный успех, как посланные в Баварию разведчики и передовые разъезды принесли тревожные известия. 19 октября Кутузов написал царю: «По доходящим до меня сегодня с разных сторон сведениям полагать должно с вероподобием, что армия под командой эрцгерцога Фердинанда сильно разбита неприятелем и потеряла Ульм и Меммингем, где притом взято в плен французскими войсками двадцать четыре батальона австрийских... Иные сказывают, что его королевское высочество ретируется вниз по левому берегу Дуная, а иные, что пошел к Тиролю... Сообщения с армиею эрцгерцога Фердинанда совершенно отрезаны, я, однако, употребил все средства, не жалея нимало и денег, дабы получить что-либо положительного о его высочестве; несколько людей, разнообразно переодетых, посланы уже для разведывания»^[440].

Буквально сразу после составления этого рапорта Кутузов получил неожиданное подкрепление. Генерал Кинмайер, который не стал пытаться спасти главные силы армии Макка, присоединился к русской армии. Корпус Кинмайера насчитывал 24 батальона и 60 эскадронов – всего 18 тыс. человек. Вслед за ним в Браунау прибыл еще один австрийский отряд, четыре батальона пехоты и Гессен-Гомбургский гусарский полк под командованием генерала Ностица (около 3 тыс. человек). Эти войска Кутузов расположил на правом и левом флангах своей армии. Отряд Ностица – в 40 км к северу у Пассау, а корпус Кинмайера – в 50 км к югу у Зальцбурга. Командование этими войсками было поручено генералу Мерфельду. Вместе с австрийцами армия Кутузова отныне насчитывала около 56–57 тыс. человек^[441].

Австрийские генералы, собравшиеся в Браунау, пытались уговорить Кутузова выступить на Мюнхен, выбить оттуда французов и хотя бы вступить в связь с армией Макка. Однако Кутузов продолжал стоять на месте.

Абсурдность плана союзников открылась во всей своей наготе. Вместо того чтобы сконцентрировать свои войска и огромной массой двинуться в наступление, было сделано все для того, чтобы расплыть силы. Союзники, точнее император Александр, видели сразу слишком много политических целей: вовлечь Баварию в состав коалиции, заставить Пруссию присоединиться к союзу, надавить на Данию... В результате, имея в общей сложности значительное численное преимущество, они оказались везде слабы. Но это еще не все. Сначала, чтобы оккупировать Баварию, форсированными маршами вперед была брошена армия Макка. Потом вдруг поняли, что она оказалась опасно отделена от остальных войск, и с таким же бешеным упорством стали гнать вперед армию Кутузова, в результате чего она оставила тысячи больных и выбившихся из сил солдат на дорогах, растеряла свои обозы и пушки. При этом 150 тыс. русских солдат стояли на прусских границах. Обладая абсолютной стратегической инициативой – ведь именно союзники приняли решение о начале войны, – они могли сначала сконцентрировать свою армию, а потом с почти что 300-тысячным войском двинуться вперед по долине Дуная. В этом случае Наполеону пришлось бы решать куда более сложную задачу. Теперь же изможденная поспешными маршами армия Кутузова осталась один на один с победоносными войсками Наполеона, и от русского главнокомандующего требовали двинуться в наступление!

Михаил Илларионович с самого начала был в числе противников политики Александра. Он был одним из видных деятелей «русской партии», выступавшей за независимую политику России. Он считал, что эта война совершенно не нужна, но, разумеется, не стал отказываться от выгодного назначения на пост командующего армией. Как русский генерал и главнокомандующий он, несмотря на свои политические взгляды, готов был сделать все

возможное для победы русского оружия. Но он совершенно не желал делать невозможное для спасения гибнущей австрийской армии, оказываясь крайним в бредовой стратегической ситуации, в которую его поставили Александр I и австрийский Гофкригсрат. Будучи по своему характеру человеком обходительным и дипломатичным, тщательно взвешивающим все свои слова и поступки, он не стал устраивать скандалов австрийцам, а тем более открыто перечить царю. Он просто сделал все для того, чтобы тянуть время. Кутузов отправил послание в Вену, в котором запрашивал разрешение от императора Франца. Он прекрасно знал, что будет поступать все равно по-своему. Но письмо давало ему несколько дней отсрочки, а заодно демонстрировало уважение к начальству.

Послание императору было отправлено 22 октября, а на следующий день ситуация стала предельно ясной. В штаб Кутузова в разбитой карете приехал австрийский генерал с перевязанной головой. Л. Н. Толстой так прекрасно описал в своем романе сцену встречи Макка с Кутузовым, что ее просто сложно представить иначе. «Дверь кабинета отворилась, и на пороге ее показался Кутузов. Генерал с повязанною головой, как будто убегая от опасности, нагнувшись, большими, быстрыми шагами худых ног подошел к Кутузову.

– Vous voyez le malheureux Mack^[442], – проговорил он сорвавшимся голосом.

Лицо Кутузова, стоявшего в дверях кабинета, несколько мгновений оставалось совершенно неподвижно. Потом, как волна, побежала по его лицу морщина, лоб разгладился: он почтительно наклонил голову, закрыл глаза, молча пропустил мимо себя Макка и сам за собой затворил дверь»^[443].

Неизвестно, как в действительности произошла эта встреча, но ясно, что известия от Макка были самым настоящим шоком для русского главнокомандующего. Действительность превзошла все самые мрачные ожидания. Теперь у Кутузова не осталось ни малейших сомнений в необходимости немедленного отступления. Однако, как всегда дипломатичный, он пригласил Макка и Мерфельда отобедать вместе и обратился к ним за советом, что делать дальше. Ответ на свои вопросы Кутузов, разумеется, знал заранее. Но внешние приличия были опять-таки соблюдены.

Сразу после этого Кутузов написал письмо императору Францу: «Генерал Макк, прибывший в Браунау, осведомил меня о всем, что касается армии его королевского высочества эрцгерцога Фердинанда, а также сообщил мне сведения о французах. Одновременно он сказал, что весьма спешил с приездом сюда, чтобы отговорить меня продвигаться вперед, ввиду того, что Бонапарт сосредотачивает все свои силы в Мюнхене, чтоб обратить их на меня, и что я рискую быть окруженным со всех сторон несколькими корпусами противника, значительно превосходящего меня численностью. Мы, генерал Макк, генерал Мерфельд и я, сочли необходимым, чтоб я отступил с армией к Ламбаху, где буду ждать приказаний вашего императорского и королевского величества, постепенно отходя, смотря по обстоятельствам, до Эннса и Линца, на случай, если враг будет мне сильно угрожать»^[444].

Если в письме австрийскому императору Кутузов говорил только о военных проблемах, то в послании русскому послу в Вене графу Разумовскому и почти такой же депеше князю Чарторыйскому главнокомандующий сообщил и очень важные политические новости. Дело в том, что сразу после капитуляции в Ульме генерал Макк был приглашен в штаб-квартиру Наполеона в аббатстве Эльхинген и имел с французским императором долгую беседу. «Отправляйтесь в Вену, – сказал он Макку. – Я разрешаю вам сказать от моего имени императору Францу, что я желаю только мира и что мне очень жаль, что этот мир был нарушен. Я готов договориться с ним и предложить ему самые выгодные условия. Я готов вести переговоры и с Россией, раз вы этого желаете. Пусть мне сообщат предложения этих двух держав. Я готов принести жертвы, даже большие жертвы. Я объявляю это вам и прошу вас, сообщите вашему государю, что достаточно было бы, чтобы он послал ко мне графа Кобенцеля или кого-нибудь другого вместе с русским уполномоченным, чтобы начать переговоры»^[445].

Обстоятельства этой беседы Макк не скрывал от Кутузова, и проницательный полководец сразу понял, что из этого всего может выйти. Он не мог не замечать, что австрийцы шли на эту войну без всякого подъема, и не сомневался, что после страшной катастрофы, которую претерпела их армия под Ульмом, они не могут не начать думать о переговорах. Кутузов также великолепно отдавал себе отчет в том, что его декларация австрийскому императору о возможной защите пути на Вену является не больше чем блефом. Армия Буксгевдена была еще далеко-далеко (на пути из Троппау), армия Беннигсена находилась у Варшавы, армия эрцгерцога Иоанна была отрезана в Тироле, а многочисленная армия эрцгерцога Карла в Италии оказалась совершенно бесполезной там, где действительно решалась участь войны. Кутузов мог рассчитывать только на свои силы, но у него, по самым оптимистичным оценкам, было в три раза меньше войск, чем у Наполеона. Значит, путь на Вену для французов открыт, и если этого еще не понимал австрийский император, то в скором времени он должен был осознать опасность со всей очевидностью. В такой ситуации дальнейшее существование прочного союза оказывалось более чем под вопросом. Было ясно, что австрийцы могут начать сепаратные переговоры, и война становилась для русских совершенно абсурдной.

Конечно, говорить это все в лоб дипломатичный Кутузов не мог и не хотел. Однако дать информацию к размышлению тем, кто принимает политические решения, он был просто обязан. Нужно сказать, что Михаил Илларионович сделал это с присущей ему тонкостью и деликатностью. В послании, адресованном 24 октября графу Разумовскому, он написал:

«В тот же день, когда Макк попал в руки французов, Бонапарт велел привести его к себе. С двух часов пополудни до тех пор, пока не зажгли свечи, он, по его словам, находился в кабинете главы французского правительства, который в течение этого времени несколько раз говорил ему о том, что он желает прекращения военных действий. Г-н Макк ему отвечал, что император, его государь, также не отказался бы от примирения на прочных основах, что он никогда не противился, но что, несмотря на неудачи армии его высочества эрцгерцога Фердинанда, он не сможет принять никакого предложения без согласия его ближайшего союзника, русского императора. Бонапарт ответил, что он готов вести переговоры также и с нашим августейшим государем, чувства которого ему прекрасно известны, и он произнес буквально следующие слова: “Александр – хороший человек. Добрый и прямодушный, но мне не нравится его министерство, которое предано Англии и целиком управляется ею”. Затем он добавил, по-прежнему обращаясь к Макку: “Вы можете сказать императору, Вашему государю, что я решил пойти на жертвы, и даже на большие жертвы, чтобы восстановить мир в Европе; к тому же я уверен в Пруссии...” Макк согласился некоторым образом взять на себя поручение Бонапарта передать его императорскому и королевскому в-ву предложения о мире, но больше он ничего не сказал мне об этом, и, видя его сдержанность, я не стал слишком его расспрашивать...

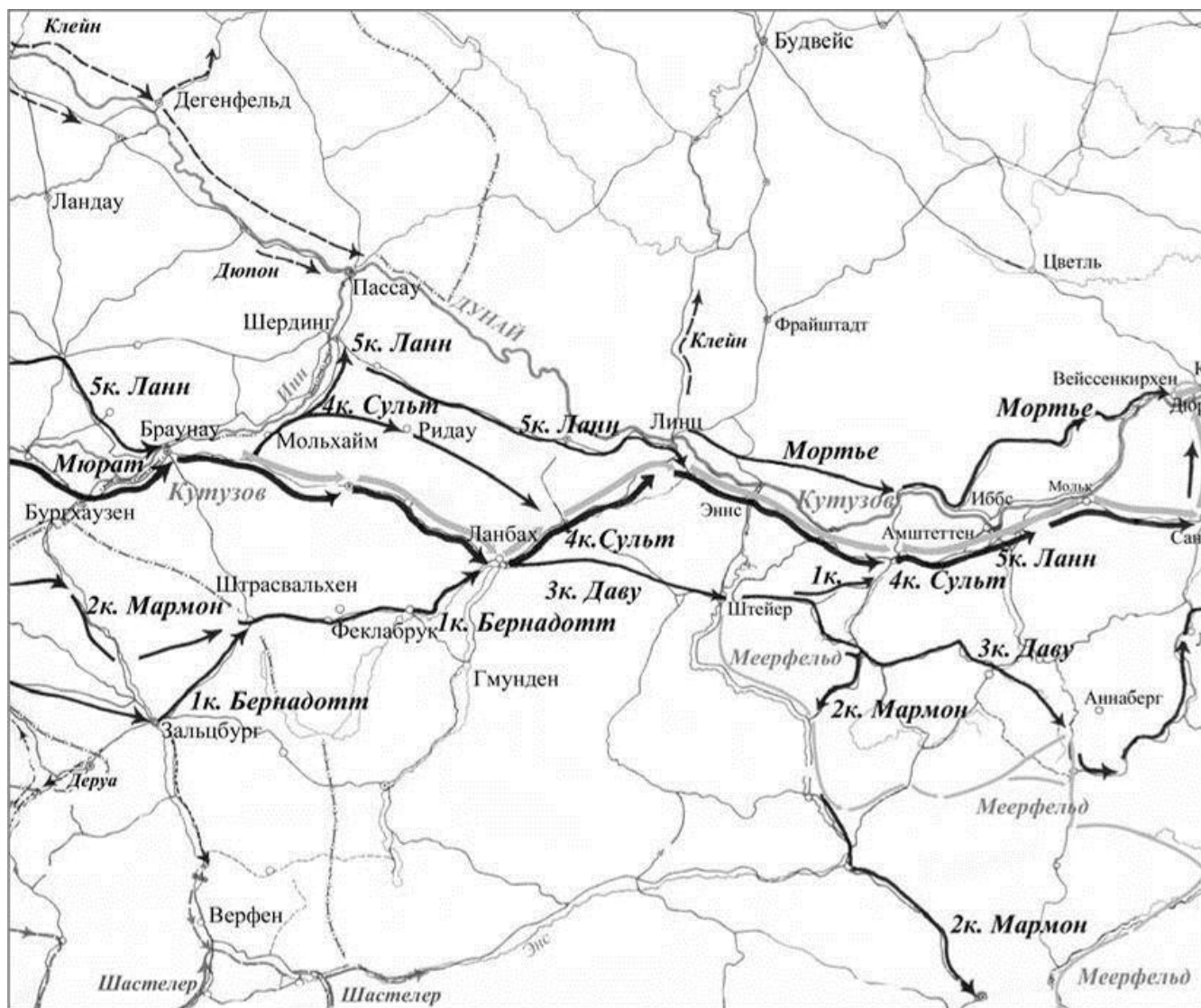
Этот разговор навел меня на мысль о том, что, с одной стороны, глава французского правительства, возможно, сделал довольно выгодные предложения австрийскому кабинету с целью оторвать его от коалиции... и что, с другой стороны, венский двор будет, вероятно, более сговорчив в момент, когда после постигшей его неудачи он видит, что враг готов проникнуть в самое сердце его владений. Я счел своим долгом сообщить Вам об этом, г-н посол, чтобы Вы могли вовремя принять меры, благодаря которым Вы будете знать, о чем может пойти речь в австрийском кабинете в связи с предложениями, которые поручено передать г-ну Макку»^[446].

Почти слово в слово русский главнокомандующий повторил то же самое в обращении к Чарторыйскому.

Письма Кутузова можно поистине привести в качестве примера дипломатического искусства. Внешне ни единым словом он не высказал порицания политике Александра I и его министра. Русский генерал «просто» сообщал министру иностранных дел и послу важную информацию. Более того, соблюдая все правила этикета и субординации, он не стал писать об этом царю. Хотя до этого он сообщал Александру обо всех даже

малозначительных делах Подольской армии. Так, буквально за три дня до этого Кутузов информировал царя даже о том, что в Нарвском мушкетерском полку «полковник Черемисенов не старался о починке обоза и не подковал в свое время полковых лошадей»^[447]. Весьма странно выглядит на фоне сообщений о несвоевременной ковке обозных лошадей отсутствие письма царю с важнейшей политической новостью.

Кутузов прекрасно понимал, что сообщать подобные вещи напрямую Александру – значит только еще больше раздражать его. Осторожный полководец предпочел говорить с теми, кто влияет на решения царя. Он указывал на то, что рассчитывать на нерушимый союз с австрийцами в подобной ситуации более чем проблематично. А заодно намекал на то, что Наполеон никоим образом не желает войны с Россией и испытывает по отношению к русскому императору самые теплые чувства.

Движение армий вдоль долины Дуная

Эти соображения Кутузова не вызовут никакой реакции со стороны министра иностранных дел, но для злопамятного Александра послужат, вероятно, еще одной причиной ненависти к выдающемуся полководцу.

24 октября, когда Кутузов писал донесения министру и послу, им были отданы приказы о начале отступления русских войск вдоль по долине Дуная в сторону Вены – официально речь шла об отходе на Линц (в 100 км к востоку от Браунау). Полки должны были выйти из

Браунау в шесть утра 25 октября, а тяжелые обозы – в совершенной ночи в четыре утра. Всем тем частям, которые еще не присоединились к армии, было отдано распоряжение оставаться на своих местах, дожидаясь подхода главных сил.

Федор Глинка описал этот день в своем дневнике: «Какое волнение! Весь город в тревоге, жители в слезах и в отчаянии... генерал Макк, отпущенный на честное слово, прибыл в Браунау и объявил главнокомандующему, что вся австрийская армия, стоявшая при Ульме, разбита и забрана в плен; остатки сей несчастной армии, потеряв знамена и честь, некоторые даже без ружей и без амуниции, бегут через Браунау и рассеиваются в Австрии. Солдаты наши в недоумении; им велят отступить; но что делать?.. Россия и помощь далеко от нас; должно отступить; завтрашний день до рассвета оставим Браунау»^[448].

Уже на марше Кутузов получил замечательный совет от императора Франца: «Избегать поражений, сохранять войска целыми, невредимыми, но удерживать его на каждом шагу, давая время явиться на театре войны эрцгерцогам Карлу и Иоанну и шедшим из России корпусам»^[449].

Императора Франца, конечно, понять можно – оказавшись почти против воли в катастрофической ситуации, он, разумеется, меньше всего желал видеть, как по улицам его столицы маршируют наполеоновские полки. Но, с другой стороны, зная о слабости армии Кутузова, он понимал, что требовать от него дать генеральное сражение французам – это поистине самоубийственное решение. Поэтому он желал двух несовместимых между собой действий: с одной стороны, удерживать неприятеля «на каждом шагу», а с другой – «избегать поражений, сохранять войска целыми».

Кутузов, как всегда вежливо, отвечал, что он очень ценит доверие императора и необычайно благодарен ему за ценные указания. «Я убежден в необходимости следовать присланному мне операционному плану», – писал он. Однако тут же добавлял фразу, которая перечеркивала все дипломатичные любезности: «Если мне оспаривать у неприятеля каждый шаг, я должен буду выдерживать его нападения, а когда часть войск вступает в дело, случается надобность подкреплять их, от чего может завязаться большое сражение и последовать неудача»^[450].

Поэтому, даже и не пытаясь изобразить подготовку к обороне, русская армия скорыми маршами шла строго в обратном направлении по той же дороге, по которой она форсированными маршами пришла в Браунау. Погода опять испортилась, и начались беспрерывные дожди, на смену которым скоро пришел мокрый снег и слякоть. Дороги были разбиты, пехота, конница и обозы завязали в грязи.

Разумеется, что моральный дух армии при всей ее доброй воле не мог оставаться на прежнем уровне. Вообще всегда отступающая армия имеет склонность ворчать, быть недовольной своими командирами, а уж тем более когда к этому добавляются трудные погодные условия и усталость. Русская армия не являлась исключением, и уже на четвертый день тяжелого перехода Кутузов вынужден был констатировать не самое лучшее состояние вверенных ему войск. «...большая часть нижних чинов, хотя и в силах были следовать за полком, но из лени и послабления ложились по дороге большими кучами единственно для грабежа и разорения ближайших селений. Наиболее оказалось таковых в Московском и Подольском полках...»^[451]

Генерал Ермолов вспоминал об этих днях: «...в продовольствии был ужаснейший недостаток, который дал повод войскам к грабежу и распутству; вселились беспорядки, и обнаружилось неповиновение. От полков множество было отсталых людей, и мы бродягам научились давать название мародеров: это было первое заимствованное нами от французов. Они собирались толпами и в некотором виде устройства, ибо посланный один раз эскадрон гусар для воспрепятствования грабежа видел в них готовность без страха принять атаку»^[452].

В таком виде союзная армия подошла к Ламбаху и Вельсу. Прибывший в Вельс для встречи с Кутузовым собственной персоной австрийский император мог констатировать, в какой тяжелой ситуации находятся дела коалиции. Теперь он уже не настаивал на том, чтобы остановить французов на пути к Вене. Франц II изъявил готовность пожертвовать столицей,

но желал все-таки, чтобы Кутузов держался как можно дольше на выгодных оборонительных рубежах, прежде всего за рекой Энс, а потом в предместном укреплении перед городом Кремс. Наконец, уже покинув Вельс, император 30 октября направил Кутузову письмо с просьбой навести порядок в отступающей войске. «Я был вынужден вследствие доходящих до меня жалоб назначить к собравшимся вместе обозам конвой из шести эскадронов гусар с строгим приказанием не допускать беспорядков, которые принуждают жителей обращаться в бегство, а местных начальников лишают физической возможности исполнять служебные обязанности и способствовать продовольствию командуемой вами армии»^[453].

Недалеко от городка Ламбах французский авангард нагнал отступающую русскую армию. Здесь впервые в эпоху правления Наполеона и Александра скрестились штыки русских и французских солдат...

Едва Наполеон завершил ульмский маневр, как его главной целью стал разгром армии Кутузова до подхода войск Буксгевдена. Император был уверен, что эта победа будет решающей. Пруссаки в этом случае не осмелятся выступить на стороне коалиции, австрийцам ничего другого не останется, как подписать мир, а если даже в этих условиях Александр будет упорствовать в продолжении войны, все шансы будут на стороне французов. Поэтому 22 октября, покинув аббатство Эльхинген, император нагнал свои войска на марше в Аугсбурге, а вечером 24 октября прибыл в Мюнхен, куда он вступил во главе своей гвардии. Столица Баварии встретила его как освободителя.

Молодой гвардеец написал в своем дневнике: «Мы вступили в город в парадной форме. Огромная толпа высыпала нам навстречу, кажется, что жители были рады видеть гвардию и своего защитника. Они встретили нас с самой большой радостью. Не было места, где они не выражали бы нам свою признательность. Они обнимали нас, так они были счастливы избавиться наконец от притеснений австрийцев. Они украсили свои дома эмблемами, выражающими радость видеть в городе того, кто возродил их отечество, и своих спасителей»^[454].

26 октября в Мюнхене император подписал очередной, одиннадцатый бюллетень Великой армии... Идея сообщать широкой публике о ходе военных действий с помощью официальных сводок, так называемых бюллетеней, пришла Наполеону в голову в начале войны. С помощью этих сообщений о ходе военных операций он воздействовал на общественное мнение в благожелательном для правительства направлении. Это было новостью в истории вооруженных конфликтов и послужило началом того, что принято сейчас называть «информационная война». Несмотря на то что по своему определению бюллетени не были объективными и, если было необходимо, «смело» обращались с реальностью, как это происходит сейчас в информационных выпусках телевидения, они все-таки отличались от беззастенчивой лжи, которую доносят до публики современные средства массовой информации, рассказывая о том или ином военном конфликте.

В частности, в бюллетенях сообщалось расположение французских корпусов и силы неприятеля, довольно подробно рассказывалось о ходе боевых операций. Так как начало войны 1805 г. развивалось самым успешным для французов образом, то и лгать не было особой необходимости. Девятый бюллетень от 21 октября 1805 г., который сообщал о победе под Ульмом, говорил, что в ходе операции было захвачено 60 тыс. человек. На самом деле было взято в плен 37 тыс., но, как уже отмечалось, общие потери австрийцев составляли 50 тыс. человек и, следовательно, были очень близки к числу, указанному в бюллетене. Говорилось также, что в Ульме взято 60 пушек, а на самом деле было взято даже больше – 63 артиллерийских орудия. Если бы сейчас воюющие стороны с такой же точностью сообщали о потерях своих и противника, можно было бы это назвать поистине редкостной объективностью.

В бюллетене из Мюнхена подчеркивалось дружелюбное отношение населения Баварии и спокойная уверенность императора в победе. «Город был иллюминирован с большим вкусом. Многие украсили свои дома эмблемами, которые выражали их дружественные чувства. Третьего брюмера [25 октября. – *Примеч. авт.*] поутру генералы армии Баварского

курфюрста, камергеры, придворные, министры, советники, дипломатический корпус... депутаты генеральных штатов Баварии и магистрат Мюнхена были представлены Его Величеству, который долго с ними беседовал об экономических проблемах страны... Вечером император посетил театр, где он был встречен самыми бурными и искренними проявлениями радости и благодарности. Сегодня император присутствовал на параде войск корпуса маршала Сульта, а затем отправился на охоту в Нимфенбург, загородный дворец курфюрста. Все войска сейчас находятся в движении, наши корпуса форсировали реку Изер и двигаются к Инну, куда сегодня вечером придут части маршала Бернадотта, генерала Мармона и маршала Даву»^[455].

Действительно, Великая армия была на марше. Она разделилась на две большие группы. Одна из них, численностью 150 тыс. человек (гвардия, 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й корпуса, 1-я, 2-я, 3-я драгунские дивизии, 1-я, 2-я дивизии тяжелой кавалерии и часть баварской армии), должна была двигаться навстречу русским. Другая, численностью около 50 тыс. человек (6-й и 7-й корпуса, 4-я драгунская дивизия, дивизия спешенных драгун, часть баварцев, вюртембергские и баденские контингенты), должна была обеспечивать коммуникации, а также прикрывать операции главных сил со стороны Тироля.

Город Аугсбург стал первым мощным войсковым депо. По приказу Наполеона инженерные войска привели в порядок заброшенные старые укрепления, восстановили движение воды с целью заполнения крепостного рва, соорудили деревянные палисады для прикрытия с тыла земляных укреплений. На валах поставили 40 полевых пушек, что было вполне достаточно, чтобы отразить внезапный налет какого-нибудь небольшого вражеского отряда. Крупные монастыри, которых в городе было великое множество, были распределены по одному на армейский корпус для устройства отдельных депо. Здесь под руководством офицеров корпуса, которому был выделен монастырь, устраивались госпитали для больных, сюда стекались отставшие солдаты. По мере накопления отставших и выздоравливающих они направлялись догонять действующую армию. Комендантом города был назначен бригадный генерал Рене.

Надежно обеспечив фланги и тылы своей армии, позаботившись о политическом обеспечении дальнейших военных действий, император мог смело двигаться вперед, будучи спокоен за коммуникации.

Несмотря на дурную погоду, моральный дух Великой армии был очень высок. Победа под Ульмом вызвала огромный подъем. Большинство солдат, участвовавших в ульмской операции, не успели даже сделать и одного выстрела и поэтому горели желанием побыстрее встретиться с новыми неприятельскими отрядами. Отныне все они были уверены в своей непобедимости.

27 октября авангард Великой армии подошел к реке Инн у города Мюльдорф. Мост был, разумеется, разрушен, а на противоположном берегу стоял небольшой австрийский арьергард. Едва огонь французских батарей заставил австрийцев покинуть свой пост, как саперы принялись за работу. Все так спешили, что едва было устроено нечто похожее на узенькую переправу, вперед двинулась пехота, а затем маршал Даву, который находился здесь, приказал переходить и коннице. «Это было действительно удивительным зрелищем, почти чудом – видеть, как легкая кавалерия переходит по мосткам, по которым с опаской двигалась даже пехота», – рассказывает очевидец.

Французская армия устремилась к Браунау. 29 октября утром с левого берега к городу подошел маршал Ланн со своим авангардом, по правому – Мюрат и Даву. Город никто не защищал, и французские авангарды вступили в крепость, а 30-го сюда прибыл сам император.

«Браунау нужно рассматривать как одно из самых замечательных и одно из самых полезных приобретений для армии, – сообщал четырнадцатый бюллетень. – Эта крепость окружена мощными укреплениями с бастионами, подъемными мостами, рavelинами и рвами, наполненными водой. Здесь были найдены многочисленные артиллерийские склады, все в прекрасном состоянии. Но во что сложно поверить – это то, что в крепости находились

большие запасы провианта. Здесь было найдено 40 тыс. рационов хлеба, готовых к раздаче, более 1000 мешков муки. Крепостная артиллерия насчитывала 45 пушек, каждая с двумя запасными лафетами, а также значительное количество мортир и гаубиц, снабженных 40 тыс. ядер. Русские оставили сотню милье^[456] пороха, большое количество патронов, свинца, тысячу ружей и припасы, необходимые для того, чтобы выдержать большую осаду»^[457]. По приказу Наполеона город Браунау был превращен в очередное армейское депо. Сюда было приказано переместить тяжелый артиллерийский парк из Аугсбурга.

31 октября в шесть часов утра французский авангард выступил из местечка Рид недалеко от Браунау и двинулся на преследование отступающих союзников. В голове французских колонн был 1-й конно-егерский полк и две бригады драгун дивизии Бомона. Вместе с кавалерией шел отряд пехоты из корпуса Даву^[458]. Очень скоро французские конные егеря наткнулись на отступающие войска. Это были четыре австрийских батальона. Французская конница тотчас же атаковала неприятеля и, заставив австрийцев поспешно отступить, захватила несколько сот пленных. Однако очень скоро впереди были обнаружены другие войска, развернутые для боя. Это был русский арьергард.

Примерно в 2 км к востоку от Ламбаха стояли готовые к бою два батальона 6-го егерского и два батальона 8-го егерского полка. Их поддерживали Павлоградские гусары и несколько пушек конной артиллерии. Французы тотчас же начали разворачиваться для атаки, выдвинув вперед конную артиллерию.

Рапорты обеих сторон говорят о том, что разгорелась якобы отчаянная схватка. Что касается генерала Ермолова, то он в своих мемуарах пишет: «Мы занимали выгодное местоположение, войска нашего арьергарда противостояли с наилучшим духом, потеря была незначительна; отличился 8-й егерский полк, коего начальник полковник граф Головкин умер от полученной раны. Потеряно одно орудие конноартиллерийской роты полковника Игнатьева, под которым лопнула ось от излишней экономии в коломази. Начальство точной причины не узнало, а полковник Игнатьев в донесении своем рассудил за благо подбить его неприятельским выстрелом. Авангард французский был не в больших силах, не имевши продовольствия, разбросались по дороге и производили грабеж»^[459].

Вероятно, описание Ермолова довольно близко к истине. Потери с обеих сторон были довольно скромные. Русские войска, согласно отчету Кутузова, потеряли 141 пехотинца убитыми и ранеными, в Павлоградском гусарском был один гусар убит, двое пропали без вести. У французов, согласно рапорту Бомона, было ранено пятеро драгун. О потерях пехоты рапорт ничего не сообщает, но, согласно справочнику Мартиньена, в 17-м линейном, который принял активное участие в бою, было ранено два офицера. С учетом того, что данные Мартиньена обычно не полные и что соотношение числа потерь офицеров к числу потерь рядовых в пехоте обычно исчисляется в пропорции 1/20, 1/30, можно предположить, что французская пехота потеряла около 50–60 человек убитыми и ранеными, максимум сотню.

Из этих потерь видно, что «битва» была весьма скромной. Небольшой французский авангард не рисковал слишком серьезно атаковать твердо стоящие на позициях войска, а русские также не имели особого желания бросаться очертя голову на неприятеля. Поэтому обе стороны ограничились маневрированием и перестрелкой. Горячий бой разгорелся только вокруг деревни Иединг на подходе к основной русской позиции. Именно в бою за деревню и были в основном убиты и ранены пехотинцы с обеих сторон.

В наступающих сумерках русские отошли к Ламбаху, французские драгуны следовали за ними, держась на расстоянии.

В Ламбахе отступающие союзные войска разделились. Армия Кутузова двинулась в сторону Линца, форсировала реку Траун у города Эберсберг, уничтожив за собой мост, и затем снова двинулась в восточном направлении вдоль Дуная. Главная часть австрийских войск (отряд Кинмайера вместе с генералом Мерфельдом) пошла в восточном направлении к городу Штейер. Таким образом, союзники отступали к Вене двумя параллельными колоннами, одна от другой на расстоянии примерно 25 км. Это было сделано, во-первых, для

того, чтобы уменьшить количество войск, идущих одной дорогой. Во-вторых, Кутузов заявил о своем решении на время задержать французскую армию на рубеже реки Энс. Хотя и не очень широкий, но глубокий и быстрый, этот приток Дуная протекает почти строго с севера на юг. Правый восточный берег Энса очень высокий, а во многих местах крутой. Поэтому Энс представляет собой выгодный рубеж обороны. Но для защиты линии Энса необходимо было оборонять не только переправу у одноименного города, но и мост в Штейере. Эту задачу и должен был выполнить корпус Мерфельда.

Кстати, южнее Штейера дороги были совершенно непроходимы для артиллерии. И поэтому достаточно было оборонять 25-километровый участок реки Энса (от Дуная до Штейера) для того, чтобы очень серьезно помешать французам идти на Вену.

Если небольшая армия Кутузова предпочитала двигаться двумя колоннами, то тем более войскам Наполеона совершенно не хватало места на одном шоссе, ведущем вдоль Дуная к Вене. Разумеется, можно было бы пустить корпуса один за другим, но дело в том, что даже один армейский корпус с кавалерией, артиллерией и обозом занимал в глубину до 20 км. Таким образом, если бы пять корпусов шли одной колонной, хвост оказался бы от головы на расстоянии 100 км! В случае необходимости вступить в сражение армии потребовалось бы несколько дней для сбора.

Поэтому Наполеон хотел двигаться несколькими колоннами, однако подходящих дорог в нужном направлении было немного, кроме большого венского шоссе более-менее пригодной оказалась только дорога через Штейер, по которой шли австрийцы. В результате вдоль Дуная по главному шоссе была направлена резервная кавалерия Мюрата, корпуса Ланна, Сульта и гвардия. Корпуса Даву и Мармона двигались по южной дороге на Штейер. Этот путь был менее удобен, чем дорога вдоль Дуная, и авангарды Мармона буквально напирали сзади на колонны Даву. Корпус Бернадотта сильно отстал от передовых соединений, баварцы прикрывали южный фланг армии.

Утром 3 ноября несколько храбрецов из драгунской дивизии Вальтера под огнем австрийцев переправились вплавь через ледяную реку Траун. Захватили несколько лодок и пригнали их на левый берег. Это дало возможность французам перебросить на другую сторону сотню солдат, а затем начать восстановление переправы.

К 14 часам мост был кое-как восстановлен, и Мюрат тотчас бросил вперед конных егерей Мильо и драгун Вальтера. Французские кавалеристы тотчас помчались по дороге и вскоре нагнали хвост русского арьергарда. Однако серьезного боя не произошло. Русские войска поспешно отходили к Энсу. По пути Мюрат захватил около 300 пленных, скорее всего, отставших от своих полков солдат. И к вечеру его передовые кавалеристы увидели крупные массы русских войск, расположенные за рекой Энс. Переправа армии Кутузова на другой берег завершалась. Чтобы захватить мост или хотя бы серьезно атаковать последние переправляющиеся части, у французского авангарда не было сил. К этому моменту к берегу Энса у французов подошли, очевидно, несколько сотен кавалеристов с одной пушкой. Тем не менее сто драгун спешили и со штыками наперевес бросились в город.

Сделать что-нибудь серьезное эта горстка солдат, конечно, не могла. Мост вскоре запылал, подожженный спешенным эскадроном Павлоградских гусар^[460]. Французы выкатили свою единственную пушку и дали несколько выстрелов картечью. С восточного берега в ответ открыли огонь русские орудия. Федор Глинка, свидетель этих событий, несколько сгущая краски, пишет: «Вся земля потрясалась, окрестные горы трепетали, и встревоженное эхо во глубине долин повторяло стон природы. Зажигательные вещества положены были на мост. Каким-то нечаянным случаем он загорелся прежде с нашей стороны. Французы бросились на противный конец и хотели гасить: но генерал Кутузов, приехавший также к реке, дает знак – и вдруг несколько отважных егерей под картечными выстрелами бросаются через огонь, прогоняют французов и зажигают с их стороны мост: вот каковы русские.

Загоревшийся мост увеличил пожар. Все небо побагровело, и бурные воды реки Энса приняли вид пламенной тверди. Разряжавшиеся каркасы и гранаты стремились потоки

огненных искр. Если прибавить к сему ужасный стук барабанов, сильную ружейную стрельбу двух тысяч кроатов^[461], залегших в шанцах и действовавших из дуствольных своих ружей, и крик сражающихся; то можно иметь некоторое понятие о ночной сшибке при Энсе»^[462].

Несмотря на многочисленность сил, развернутых Кутузовым за рекой Энс, битвы не состоялось. Уже на следующий день армия Кутузова продолжила отступление. Михайловский-Данилевский в своей официальной истории 1805 г. утверждает, что русский полководец серьезно собирался оборонять рубеж Энса, но, узнав о занятии французами Штейера, дал приказ отходить. На самом деле корпус Даву выбил австрийцев из Штейера только 4 ноября в полдень, а мосты были восстановлены лишь к полудню следующего дня. Главные же силы русских начали отход уже 4-го утром. Скорее всего, Кутузов с самого начала решил не рисковать и не собирался защищать даже очень выгодный рубеж. Более того, все обстояло с точностью до наоборот – Мерфельд защищал переправу у Штейера лишь символически, потому что узнал об отступлении Кутузова.

В общем бурный Энс почти не задержал марш Великой армии. К раннему утру 5 ноября главный мост через реку был уже восстановлен. В пять утра по приказу Мюрата авангард начал переходить Энс и разворачиваться на равнине на противоположном берегу. В семь утра здесь выстроились плотными рядами войска, назначенные в авангард: бригада гусар Трейяра, конно-егерские бригады Мильо и Фоконне, драгунская дивизия Вальтера, гренадерская дивизия Удино, кирасирские дивизии Нансути и д'Опуля. Мюрат предчувствовал, что день будет жарким, и поэтому хотел провести смотр своим войскам. Вероятно, отважный кавалерист был доволен. Пехота и конница встретили появление, как всегда, пышно разодетого Мюрата во главе многочисленного штаба ликующими криками «Да здравствует император!». Было видно, что солдаты, несмотря на усталость предыдущих маршей, рвутся в бой.

Им не пришлось долго ждать. В девять часов утра тотчас после окончания смотра авангард двинулся вперед и, не пройдя и часа, встретил неприятеля. У деревни Штремберг стояли австрийцы – три батальона хорватов и несколько эскадронов гусар Гессен-Гомбургского полка. Так как хорваты закрепились в садах, окружавших деревню, гусары предусмотрительно вызвали пехоту. 300 гренадер из бригады Дюпа скорым шагом догнали голову колонны, развернулись и тотчас атаковали. Австрийцы были выбиты из деревни, и французская кавалерия бросилась в атаку, порубив и взяв в плен несколько сотен хорватов.

Ободренные успехом, французы устремились дальше. Но тут им встретился новый отряд неприятеля, к которому присоединились отступившие от Штремберга части. На этот раз пришлось дожидаться конной артиллерии. Едва заговорили пушки, как австрийцы продолжили отступление, а гусары бригады Трейяра бросились за ними в погоню. Вдоль дороги там и сям встречались небольшие перелески, где могли с удобством разместиться стрелки. Но французская конница под личным предводительством Мюрата буквально висела на плечах неприятеля, и продвижение авангарда было серией непрерывных столкновений с небольшими группами австрийцев. Не следует удивляться, что речь идет об австрийских войсках. С армией Кутузова продолжал следовать отряд генерала Ностица, состоявший из двух хорватских пограничных полков (№ 7 Бродера и № 9 Петервайдейнер) и венгерских гусар. Именно с этими частями пришлось сражаться передовым полкам французов.

У деревни Эд, примерно в 20 км от места переправы, Мюрат снова натолкнулся на неприятеля... Что это были за войска – понять непросто. Рапорт Багратиона, который командовал в этот день арьегардом, составлен на удивление туманно и состоит, если не считать перечисления потерь, всего лишь из нескольких фраз. Совершенно не ясно, когда его войска и в каком месте впервые столкнулись с французами. Что же касается французских отчетов, в них часто путают австрийские войска с русскими. Действительно, австрийцы и русские двигались и сражались в этот день вместе, а понять, кто есть кто, со стороны было

очень сложно. И те и другие были в одинаково прокопченных бивачными огнями шинелях и в похожих киверах.

Скорее всего, все же у деревни Эд французы натолкнулись на четыре батальона из отряда Багратиона, поддержанных несколькими эскадронами Павлоградских гусар. Мюрат со своей стороны развернул для боя гусар и конных егерей. Удино подвел пехоту. Бой снова был скоротечным. Русские батальоны начали отступать, а сам Мюрат вместе с генералом Удино во главе офицеров штаба и нескольких сотен конных егерей ринулись в атаку. Через несколько мгновений пышно разодетая группа генералов и офицеров врубилась в ряды пехоты. Атака была столь стремительной, что арьергард был с ходу опрокинут, и несколько сотен пехотинцев попало в плен.

Но настоящий бой еще только начинался. Неотступно преследуя бегущих по лесной дороге, французская конница вырвалась на большую поляну. В бой вступила вторая часть отряда Багратиона...

Что действительно произошло дальше – выяснить не так-то просто. Сколько было батальонов и каких полков на лесной опушке – неизвестно. Ясно только, что в общей сложности арьергард Багратиона, кроме относящегося к нему отряда Ностица, состоял из 9 пехотных батальонов и 10 эскадронов Павлоградского гусарского полка^[463]. На поляне находилась, видимо, главная часть отряда Багратиона, которая прикрывала отступающих австрийцев, и батальоны, опрокинутые под Эдом. Французы сумели быстро развернуть войска и выкатили две пушки конной артиллерии, которые своим огнем заставили русских гусар и пехоту двинуться вперед. Последовала отчаянная схватка, и стремительной атакой французские гусары и конные егеря опрокинули русских. «Невзирая на храбрость, с каковою дрались Киевский и Малороссийский гренадерские и 6-й егерский полки, несмотря на все усилия князя Багратиона, – вспоминает генерал Ермолов, – не могли они устоять против стремления превосходного неприятеля и, потерпев большой урон, приведены были в замешательство. Артиллерия сбита была с своих мест, и войска в нестройных толпах теснились на дороге»^[464].

Рапорт Багратиона, правда, говорит прямо противоположное: «...неприятель появился в сильных нескольких колоннах, преследовал меня и, наконец, атаковал со всей своею силой, почему я, построясь в надлежащий боевой порядок, вступил в сражение, и, несмотря на превосходство его сил, был он несколько раз разбит и прогнан, после чего генерал-майор Милорадович, бывший тут для подкрепления моего, довершая победу, вступил в дело, и я с авангардом отступил назад. Сражение продолжалось с полками вверенного мне авангарда около 4 часов»^[465].

Если учитывать, что рапорт Милорадовича, который действительно с успехом действовал в этот день, примерно в десять раз подробнее «отчета» Багратиона, можно предположить, что последнему не очень хотелось вдаваться в подробности. Багратион ограничился лишь ничего не значащей фразой о том, что неприятель был «несколько раз разбит и прогнан», при этом не указывается ни время, ни место, ни какой, хотя бы приблизительно, это был неприятель. Наконец, Багратион, в отличие от Милорадовича, даже не представил списка отличившихся.

Французские донесения при всех их отдельных разночтениях очень подробны. Они приводят время отдельных стычек, названия деревень, рядом с которыми в тот или иной момент разворачивался бой. Рапорт Милорадовича подтверждает их. Конечно, благородный воин не хотел подводить своего коллегу, и о действиях отряда Багратиона почти что ничего не сказано, однако несколько слов выдают все-таки общую картину. Милорадович пишет: «...когда **неприятель атаковал и преследовал** арьергард, под командою господина генерал-майора князя Багратиона состоящий, пошел я... к оному на подкрепление»^[466].

Бегущие части Багратиона бросились назад – кто по дороге, а кто через лес. Мюрат с гусарами и конными егерями, генералы Вальтер, Удино, Трейяр и Мильо неотступно их преследовали. Все рапорты сходятся на том, что дорога довольно долго вела через лес и преследование длилось почти три четверти часа. Капитан Лежен, адъютант Бертье, был

среди разгоряченных атакой французских кавалеристов. Он мало что запомнил из деталей боя, зато величественный образ зимнего леса остался у него надолго в памяти: «Было холодно. На земле и деревьях Амштеттенского леса лежал толстый слой снега... Мы нигде еще не видели природы в такой зимней красоте. В этот день она предстала перед нами в самом блестящем уборе. Сверкающий иней переливался сиянием на желтых дубовых листьях и покрывал темно-зеленые лапы елей. Это ледяное обрамление скрывало формы, которые становились еще более расплывчатыми от легкого тумана, и создавало удивительную картину. В лучах солнца переливались тысячи огромных сосулек... свешивавшихся с деревьев подобно сверкающим люстрам. Никогда бальный зал не отражал блеск такого прекрасного хрусталя... Я заметил, обращаясь к маршалу Мюрату, насколько прекрасно это зрелище, и мы восхищались этими северными чудесами, не останавливая нашей скачки под ледяными сводами...»^[467]

Возможно, Лежен был единственным, кто обратил внимание на красоту сосулек, так как отчаянная драка не прекращалась ни на дороге, ни в лесу. Наконец, лесная дорога кончилась, и клубок людей и лошадей вылетел из леса на открытое пространство.

Здесь-то и началось самое главное. Действительно, на окруженной со всех сторон лесами огромной поляне стояли в полном порядке войска Милорадовича^[468]. Восемь батальонов пехоты были построены в две стройные линии. На левом фланге, в центре и позади линии пехоты были распределены десять эскадронов Мариупольского гусарского полка. Момент для контратаки был поистине идеальный. В пылу преследования французский авангард пришел почти в такой же беспорядок, как и отряд Багратиона. Милорадович пропустил по дороге нестройные толпы солдат арьергарда и, когда французы беспорядочными кучками показались на опушке леса, дал приказ атаковать.

Федор Глинка, находившийся в этот момент в рядах войск, развернутых на равнине, вспоминает, что «едва успели полки, составлявшие авангард [отряд Багратиона. – *Примеч. авт.*], пройти мимо нас, как... генерал Милорадович, помня наставления великого Суворова, что русский солдат должен доставать победу концом своего штыка, отдал приказание, чтобы гренадерский батальон его полка не заряжал ружей; и встретил бы неприятеля прямо грудью и холодным ружьем»^[469].

Гренадерский батальон Апшеронского полка, а вместе с ним батальоны первой линии, стоявшие в сомкнутом строю, пошли в решительную штыковую атаку. Впрочем, Милорадович, как опытный командир, полагаясь на мужество своих солдат, не забывал и об огневой поддержке. Впереди и по флангам русских батальонов были рассыпаны стрелки, которые открыли интенсивный ружейный огонь.

«Внезапность привела неприятеля в некоторую робость, – вспоминает Ермолов, – и ею воспользовался генерал-майор Милорадович удачно. Он приказал коннице ударить на колеблющегося неприятеля, и Мариупольского гусарского полка подполковник Игельстром, офицер блистательной храбрости, с двумя эскадронами стремительно врезался в пехоту, отбросил неприятеля далеко назад, и уже гусары ворвались на батарею...»^[470]

В рядах французских войск возникло замешательство. Пехота, едва выйдя из леса, бросилась назад, а конница поскакала в глубь леса по дороге. Этот момент надолго отпечатался в памяти тех, кто выжил после боя. Лежен рассказывает: «Неприятель рубил наши задние ряды, брал пленных и чуть не захватил в плен и нас. Конь под Мюратором был убит, мой, вырвавшись из этой свалки, поскакал галопом по откосу дороги, споткнулся и рухнул. Пока я пытался встать, он уже поднялся на ноги и ускакал вместе с другими конями, несущимися в галоп. Я сумел найти себе убежище у двух пушек, которых поставил на дороге молодой артиллерийский офицерик, наверное, только что закончивший военную школу. Драка была ужасная, и уже сабли свистели над нашими головами...»^[471]

Это чудо, но записки «офицера» тоже сохранились. Его звали Октав Левавассер. «...в четырех шагах от меня рубили гусар, которые столпились у моей пушки, – рассказывает он. – Мы с трудом зарядили ее ядром, а поверх забили еще и картечь. Звон сабель был уже прямо над нами. Канонир Коло протянул руку с зажженным фитилем. Мы закричали:

«Берегись!» Наши гусары, кто как мог, бросились по сторонам, и перед пушкой появилась небольшая амбразура среди месива из людей и коней. Русский полковник в мундире, расшитом золотом, бросился к моему канониру, чтобы отрубить ему руку. Но в этот момент прогрохотал выстрел. Ствол снесло с лафета, а полковник упал прямо на пушку. Ужасающим выстрелом разметало всё кругом. Более сорока лошадей и огромное количество людей – русских, австрийцев и французов – повалило на землю, и перед батареей оказалась целая баррикада из окровавленных тел»^[472]. «...ни одна картечь из этого двойного заряда не пропала даром, – вспоминал Лежен. – От страшного грохота на нас посыпалась гряда снега с деревьев, и, словно по волшебству, эскадроны, которые нас атаковали, исчезли в дыму и в снежной пыли»^[473].

В этот момент прямо через лес к французам подошла помощь: основные силы бригады Дюпа – первой в гренадерской дивизии Удино. Мюрат, используя выгодный момент, тотчас же бросил гренадер в контратаку. Их наступление поддержали гусары и конные егеря. На этот раз бой закипел на открытом пространстве, и с обеих сторон солдаты бились с отвагой. Французам удалось потеснить русскую линию, но силы были явно неравны, и бригада Дюпа была отброшена к опушке леса.

Когда начало смеркаться, на поле боя появились 2-я и 3-я бригады дивизии Удино. Генерал Удино сразу повел свои батальоны вперед и снова сошелся в отчаянном бою с русскими полками. Рапорт начальника штаба Мюрата генерала Бельяра сообщает, что в этот момент «с обеих сторон был открыт смертоносный огонь почти в упор. Пальба продолжалась около 20 минут»^[474].

С русской стороны отличились артиллеристы Ермолова. «Я продолжал канонаду, – вспоминает он, – и между тем устроились к атаке гренадерские батальоны Апшеронского и Смоленского полков, и сам Милорадович повел их в штыки. Ободренные присутствием начальника, гренадеры ударили с решительностью...»^[475]

Что произошло дальше уже в полной темноте – сказать очень сложно... В рапорте Александру I Кутузов написал, что неприятель был прогнан «версты за три». На основе этого рапорта составители большого биографического очерка «Фельдмаршал Кутузов» уверенно написали: «Милорадович три версты преследовал неприятеля»^[476].

Нужно обладать поистине детской наивностью или абсолютной пристрастностью для того, чтобы буквально понимать все, что пишется для отчета начальству, причем далекому и не имеющему ни малейшей возможности, да и желания проверить подлинность сообщения. В своем письме Милорадовичу Кутузов куда менее категоричен. Он пишет (по-французски, конечно): «Вам принадлежала слава завершить этот день решительно в нашу пользу. Многие [plusieurs. – Примеч. авт.] батальоны неприятеля были приведены в беспорядок и преследовались далеко»^[477]. Как видно, речь уже идет о многих и даже о некоторых батальонах (французское слово «plusieurs» в зависимости от контекста может означать как «многие», так и «некоторые»). Сам Милорадович в своем рапорте ограничивается общей фразой: «...неприятель с уроном обращен в бегство»^[478].

Наконец, свидетельство Ермолова, как известно, принявшего активное участие в этом бою, еще менее категорично. Он пишет: «...к вечеру все [французы. – Примеч. авт.] отступили, и мы провели ночь на поле сражения»^[479]. Здесь уже речь не идет о бегстве всех или части гренадер Удино, однако твердо утверждается, что русские остались на поле боя.

Нечего и говорить, что во французских рапортах говорится о том, что победа была полной и поле боя осталось за французами. «Противник отступил в лес, перестрелка продолжалась до девяти часов вечера и только ночь помешала нам продолжить наш победный путь»^[480], – сообщается в журнале марша резервной кавалерии. Генерал Бельяр в своем отчете пишет почти то же самое: «Темнота помешала нам преследовать. Было уже около 10 часов. Дивизия Удино выставила свои посты прямо на поле сражения, на котором она и устроилась на бивак. Наши часовые находились на расстоянии пистолетного выстрела от неприятеля. Ночью вражеская армия отступила»^[481]. Ну и, наконец, Мюрат, как всегда в самой залихватской манере, докладывал императору: «Отряд, которым я имел честь

командовать, сражался со всей русской армией под командованием самого Кутузова. Никогда еще не бились с обеих сторон с таким упорством, но наконец русские были вынуждены уступить доблести гренадер под командованием Удино, которые ночевали на поле сражения, в то время как враг бежал в полном беспорядке...»^[482]

К счастью, наряду с бравурными рапортами заинтересованных лиц обеих сторон имеются и другие источники. К числу подобных свидетельств относится дневник Фантена дез Одоара, одного из офицеров гренадерской дивизии Удино. Эти записки были сделаны для себя, а не для широкой публики и уж тем более не для начальства. Они будут опубликованы лишь спустя почти сто лет после смерти автора. Вот что Фантен дез Одоар написал сразу после произошедших событий: «Только уже глубокой ночью завершился бой... если бы отступление неприятеля не было скрыто темнотой, его потери были бы больше. Печальный бивак на поле сражения закончил для нас этот день. Земля была покрыта снегом, холодный ветер дул среди елей, и, несмотря на огромные бивачные огни, которые легко было развести в лесу, ночь показалась мне очень длинной и очень холодной. Поистине тяжел солдатский труд»^[483].

Как видно из этого документа, гренадеры Удино остались к концу боя на поле сражения. По-видимому, войска обеих сторон отошли назад с поляны, на которой они сражались. Это подтверждается тем, что во французских источниках упоминается о деревне Цайлерн, поблизости от которой и был разбит бивак. Эта деревня находится примерно в километре к северу от дороги прямо на опушке леса, то есть на месте французского левого фланга. Французские аванпосты стояли ночью непосредственно на месте боя («на расстоянии pistolетного выстрела от неприятеля»). Соответственно, войска Милорадовича сохранили за собой лес, спиной к которому они стояли в начале боя, и естественно, что русские передовые посты также остались прямо на месте схватки. Это дало возможность обеим сторонам заявить с «полным основанием», что они сохранили поле боя, а неприятель «бежал».

Вообще авангардно-арьергардные бои труднее всего поддаются точной оценке. Дело в том, что скрыть победу или поражение в генеральном сражении невозможно. Тот, за кем осталось поле битвы, победил. Обычно также очевидно – за кем оно осталось. В генеральном сражении решалась участь войны, и поэтому войска вступали в бой с обеих сторон, надеясь разгромить неприятеля. Ушедший с поля битвы признавал, что вечером он оказался слабее, чем был утром, и более не мог противостоять противнику. Разумеется, каждый в описаниях большого сражения обращает внимание на отвагу своих войск, наиболее выгодные эпизоды битвы. Однако ее общий характер трудно скрыть.

В арьергардном бою все совершенно иначе. Очевидно, что отступающий оставляет заслон лишь для того, чтобы временно задержать наступление более сильного неприятеля. Всем понятно, что арьергард рано или поздно должен уйти с поля боя. Успех здесь определяется тем, насколько эффективно действовал арьергард. Сколь долго он сумел сдерживать неприятеля, какие потери нанес ему. Поэтому здесь все зависит от деталей: от соотношения сил и потерь, от времени начала и завершения боя, от поведения войск в ходе столкновения. Все это очень тонкие моменты, которые легко поддаются фальсификации. Плюс-минус час, на несколько сотен человек больше или меньше потери без труда могут полностью видоизменить облик произошедшего.

Обычно обороняющийся изображает дело так, что он успешно в течение долгого времени сдерживал натиск врага, конечно же, более многочисленного, а потом гордо и спокойно покинул поле боя. Наступающий всегда изображает произошедшее как стремительную неудержимую атаку своих войск, которая сокрушила оборону противника. Конечно же, арьергард был вдребезги разбит, а его остатки едва ушли с поля боя...

Не представляет собой исключение и бой при Амштеттене. Обе стороны уверенно говорят о своей победе.

Каковы же истинные результаты боя? Для начала о силах сторон и потерях. Общее количество войск французского авангарда, принявших участие в бою, приблизительно 8 тыс.

человек. Общая численность отрядов Ностица, Багратиона и Милорадовича приблизительно 13 тыс. человек.

Генерал Удино докладывал в своем рапорте, что его дивизия потеряла 65 убитых и 157 раненых. О потерях кавалерии почти ничего не известно. Справочник Мартиньена указывает, что в полках, принявших участие в бою, пятеро офицеров было ранено. Это означает, что конница могла потерять около 100 человек убитыми и ранеными. В общем, с учетом некоторого количества неучтенных потерь (Удино, вероятно, вольно или невольно занижил свои потери) у французов, скорее всего, выбыло из строя около 400 человек.

Багратион довольно подробно сообщает о потерях своего отряда. Даже из его рапорта следует, что они были немалые. Согласно этому документу, убито и ранено было 472 солдата и офицера, без вести пропало (с высокой степенью вероятности попали в плен) 303 человека. У Милорадовича убито и ранено 205 человек, пропало без вести 57. В общей сложности 675 убитых и раненых, 360 пропавших без вести. Оба генерала, как кажется, точно сообщили количество убитых и раненых. Что касается 303 пленных из отряда Багратиона, эта цифра, по всей видимости, занижена. Французы, конечно же, преувеличивая это число, говорят о 1500–1800 австрийских и русских пленных.

Интересно, что потери отряда Милорадовича почти точно совпадают с потерями французов. Действительно, силы противников в этот момент были примерно равны, и бой шел с переменным успехом, так что и потери оказались равными. Что же касается Багратиона, то, скорее всего, застигнутые на марше по частям, его войска не оказали серьезного сопротивления. Французской коннице оставалось лишь рубить бегущих и подбирать пленных.

От места начала марша до места расположения на биваке авангард Мюрата прошел около 30 км. Почти половину этого пути Мюрат двигался, ведя почти непрерывный бой. Даже если под конец дня Милорадович удачно вступил в дело и отбросил на несколько сот метров французов, это мало что изменило в общем результате. Мюрат проявил максимум инициативы, и амштеттенский бой был его успехом.

Тем не менее у боя под Амштеттеном есть и другая сторона. Император получил рапорт Мюрата только на следующий день, и, вопреки ожиданиям маршала, в ответном письме он нашел не похвалу, а замечания. Дело в том, что авангард совершенно оторвался от главных сил. Только пехотная дивизия Сюше была в день амштеттенского сражения километрах в 15–20 позади полков Мюрата. Остальные войска отстали на целый переход и больше. Таким образом, в случае более серьезной контратаки русских войск полки Мюрата могли бы оказаться совершенно без поддержки. «Вы оставили меня вчера весь день без новостей, и только в девять часов утра сегодня я узнал о том, что произошло. Нужно мне писать два-три раза в день. Если бы я знал, что неприятель находится там, я принял бы необходимые меры. Пусть дивизия Сюше нагонит гренадер, и пусть эти две дивизии двигаются вместе... Нужно сомкнуть колонны на дороге, чтобы хвост мог поддержать голову»^[484].

Это письмо Наполеона разочаровало эмоционального маршала, который был уверен, что его отвага и напористость в отчаянном бою будут отмечены. Император указывал на то, что надо двигаться с большей осторожностью. В результате Мюрат, который до этого просто летел вперед во главе своей конницы, стал идти медленнее, с несвойственной ему предусмотрительностью, зато засыпал своего царственного родственника подробными отчетами. Это уже буквально через несколько дней окажет значительное влияние на события войны.

Осторожность, которой Наполеон требовал от командира авангарда, объяснялась еще одним соображением. Император получил сообщение о том, что поблизости от Кутузова находятся идущая к нему на соединение армия Буксгевдена. Зная о том, что Франц II требовал от русских защищать Вену, французский полководец предполагал, что в случае объединения с подкреплениями Кутузов может решиться на генеральное сражение. Единственным местом, где такая битва могла бы произойти, Наполеон видел городок Санкт-Пельтен в 50 км к востоку от Вены. Здесь долина Дуная расширяется. Просторные

поля позволяют маневрировать 100-тысячной армии. С другой стороны, в районе Санкт-Пельтена путь на Вену преграждает обширное плато, удобное для обороны и для контрнаступления. Все данные сходились на том, что именно здесь произойдет соединение союзных армий и именно здесь состоится решающая битва.

На самом деле, мифическая армия Буксгевдена была всего лишь 6-й отставшей от главных сил колонной Подольской армии Кутузова. Разумеется, что даже прибытие этих войск не могло серьезно изменить ситуацию, и Кутузов не собирался давать генеральное сражение на Санкт-Пельтенском плато.

Однако все распоряжения французского императора в эти дни исходили из соображений подготовки к подобной битве. Наполеону необходимо было, чтобы это сражение стало не просто успешным. Ему требовался полный разгром союзных войск, такой, чтобы разом покончить с силами коалиции и отбить у пруссаков всякое желание вступить в войну. Для этого император планировал атаковать союзников у Санкт-Пельтена со всех сторон. Маршал Даву из Штейера был направлен на город Гаминг. В его задачу входило продолжать преследовать отступающий корпус Мерфельда, а затем, обойдя позицию Санкт-Пельтена с юга, выйти в тыл Кутузова. Мюрат, Ланн и Сульт должны были двигаться прямо на Санкт-Пельтен. Бернадотт должен был стараться нагнать главные силы и обойти плато с севера. Наконец, для того чтобы не допустить переход Кутузова на левый северный берег Дуная, сюда были направлены дивизии из различных корпусов, объединенных под общим командованием маршала Мортье.

С помощью найденных в Линце судов 4 ноября была начата переправа войск через Дунай. В общей сложности здесь оказались три пехотные дивизии (Газана из 5-го корпуса, Дюпона из 6-го корпуса и Дюмонсо из 2-го корпуса), а также драгунская дивизия Клейна. Это было сделано не только с целью отрезать путь Кутузову на север, но также и для того, чтобы хоть как-то разгрузить главное шоссе, ведущее к Вене. Дорога вдоль левого берега была узкой, зажатой между высокими скалами и Дунаем. Но тем не менее это была дорога, и по ней вполне мог двигаться небольшой корпус. Что же касается драгун Клейна, то их вообще отправили на рекогносцировку в северном направлении в сторону Богемии для того, чтобы выяснить обстановку в этом регионе.

Император надеялся также выгодно использовать Дунай в качестве транспортного пути. По его приказу нужно было собрать около 300 речных судов и организовать флотилию, которая, с одной стороны, могла бы надежно связать корпус на левом берегу с главными силами, а с другой стороны, принять на борт провиант и наиболее уставших солдат.

Распоряжение императора будет выполнено лишь частично. Удастся найти не более 30 подходящих суденышек, и потому войска на левом берегу окажутся изолированными.

Все эти приказы Наполеон отдал из города Линца, где его главная квартира находилась с 4 по 9 ноября 1805 г. Однако уже в эти дни императору французов пришлось решать не только военные задачи, так как политика постоянно вторгалась в ход военных операций. За день до переезда главной квартиры в Линц на аванпосты французских войск прибыл австрийский офицер, который передал письмо от императора Франца, адресованное Наполеону. Это был ответ на предложения мира, высказанные в беседе с генералом Макком в аббатстве Эльхинген. Послание было составлено в туманных выражениях, а в его тоне звучала высокомерная ирония. Тем не менее, как бы ни пытался изобразить австрийский император спокойную уверенность, сам факт его послания был уже важным знаком. Наполеон, не обращая внимания на ироничные фразы, ответил тотчас же: «...я готов забыть всю несправедливость уже третьей агрессии и попытаться снова заключить мир, быть может, он лучше выдержит интриги и усилия его разрушить со стороны Англии, чем два предыдущих... Моим единственным желанием является развитие торговли и флота, чему упорно противостоит Англия. Я выполняю свой последний долг по отношению к Вашему Величеству... Вы знаете, насколько ваши подданные недовольны этой войной. Пусть Ваше Величество, у которого есть столько добродетелей, позволяющих его подданным любить его, прекратит их несчастья и спасет сам себя от несчастья»^[485].

Это письмо французского императора прибыло 5 ноября в штаб Кутузова, располагавшийся тогда в барочном аббатстве Мельк, больше похожем на роскошный княжеский дворец, чем на церковное здание. Михаил Илларионович так рассказывает об этом эпизоде в своем докладе, адресованном Чарторыйскому: «Когда я обедал сегодня 24 октября / 5 ноября^[486] в 15 часов в монастыре Мельк, объявили о прибытии французского трубача с пакетом^[487]. Со мной за столом был только генерал-майор барон Винценгероде и австрийские генералы Кинмайер, Штраух и Шмидт. Пакет был адресован графу Мерфельду...»^[488]

Далее Кутузов сообщает, что, посоветовавшись с присутствующими за столом австрийцами, он распечатал пакет. Внутри него помещался конверт с письмом от Наполеона австрийскому императору. Этот конверт Кутузов не осмелился вскрыть и отдал генералу Кинмайеру, который пообещал доставить письмо в Вену скорейшим образом. Тем самым русский полководец ставил в известность Чарторыйского, что между французами и австрийцами ведутся сепаратные переговоры. «Теперь я имею все основания считать, что существуют переговоры между Австрией и Францией»^[489], – писал Кутузов, заключая свое письмо. Конечно, Михаил Илларионович прежде всего должен был сообщить об этом Александру, но он прекрасно понимал, что царь не слишком будет рад правде, которая в очередной раз подчеркивает, насколько участие России в войне третьей коалиции было неразумным, и, как всегда в деликатных случаях, умелый дипломат, он обращался не напрямую.

Переговоры между воюющими сторонами стали всем очевидны, и между штаб-квартирами армий уже в открытую перемещались курьеры. 7 ноября в генеральную квартиру императора французов в Линц прибыл австрийский генерал Гиулай с очередным посланием от Франца II. Под влиянием событий последних дней, видя, что надежды спасти Вену нет, австрийский монарх изменил свой тон. Он предложил начать мирные переговоры, но однако их непременным условием поставил немедленное заключение перемирия. Он предлагал также, чтобы в переговорах принял участие русский царь.

Наполеон, конечно, не был простачком. Он прекрасно понимал, что перемирие играет на руку союзникам. Основной его целью является попытка под благовидным предлогом остановить на время боевые действия, не допустить французов в Вену, дать возможность соединиться всем армиям союзников, наконец, попытаться втянуть в коалицию Пруссию. Тем самым хитростью вырвать у него плоды всех военных побед.

Французский император ответил очень любезным посланием. Он соглашался на переговоры и очень хвалил молодого царя: «Я желаю мира и буду рассматривать как счастливое событие тот момент, когда Ваше Величество обратит внимание на интересы своей страны и на благо своего народа... Я никоим образом не сомневаюсь в личных качествах императора Александра, но я хорошо знаю всю силу того влияния, которое уже в течение трех лет на него оказывают. И его добрые и благородные желания дают совсем другой результат. Он хотел быть миротворцем и благодетелем Европы, но благодаря своему окружению стал главным двигателем раздора, происходящего на континенте. Я много переписывался с императором Александром, и моя связь с ним оставила в моем сердце память о его доброте и о его высоких достоинствах. Сейчас он молод, он приобретет потом больше опыта и, конечно же, сделает все то добро, которое он желает Европе и человечеству. Я надеюсь, что тогда он воздаст больше справедливости моим чувствам, моей откровенности и дружбе, которую я пытался засвидетельствовать ему во всех наших связях»^[490]. Не жалея любезных фраз, Наполеон тем не менее на перемирие не соглашался.

Хотя переговоры и не нашли своего материального воплощения, любезности сыпались со всех сторон. В штаб-квартиру императора прибыл баварский курфюрст, который не смог встретить императора в Мюнхене и помчался в Линц, чтоб засвидетельствовать свое почтение, а кроме того, завершить переговоры о бракосочетании его дочери, юной принцессы Августы Баварской, и Евгения Богарне, приемного сына Наполеона. Узнав об этих переговорах, генерал Гиулай как бы невзначай заговорил о том, что и императору пора

бы заключить приличный брак – развестись со старой бесплодной Жозефиной и жениться на молодой принцессе... например, австрийской.

Все эти переговоры, постоянные появления парламентаров на аванпостах, наконец, даже хотя и очень неопределенные, но все же разговоры о возможном браке Наполеона и дочери австрийского императора, конечно же, не остались секретом для офицеров как французских, так и австрийских. «Не проходило дня, чтоб к нам не приезжали парламентары или переговорщики, без того, чтобы не было какого-нибудь частного перемирия... – рассказывает офицер из императорской свиты. – Никогда еще не было похода, где дипломатия играла бы такую большую роль»^[491].

В результате сложилась весьма странная ситуация. Передовые отряды, как французские, так и австрийские, толком не знали, что им нужно делать: то ли воевать, то ли мириться. «На аванпосты прибыл парламентар, который заявил от имени австрийцев, что у них есть приказ командования прекратить сражаться»^[492], – доложил Мюрат императору 9 ноября.

С другой стороны, отношения между русскими и австрийцами весьма накалились. Действительно, если встать на позицию простого австрийского офицера, то роль русской армии должна была представляться ему весьма странной. Сначала всем говорили, что война будет победоносной, так как несметные силы русских придут на помощь австрийской монархии. Вместо несчетного войска пришла маленькая армия, она быстро прошагала в сторону Баварии, а потом столь же быстро принялась шагать в обратном направлении. И, как оказалось, даже и не думала защищать Вену. Как следствие, между генералами возникли острые споры, а младшие офицеры смотрели на своих союзников чуть ли не как на врагов. Мюрат докладывал императору сведения, полученные от пленных. «Большой разлад царит между русскими и австрийцами. И те и другие осуждают друг друга в трусости. Австрийские офицеры, которые обедали здесь сегодня [в аббатстве Мельк. – *Примеч. авт.*], попросили у монахов, чтобы те не давали еды русским: “Это трусы. Они бросают нас, даже не вступив в бой”. Русские отвечали, что они отступают потому, что они малочисленны»^[493].

Эта необычная военно-политическая ситуация поставила на пути русского главнокомандующего гигантские трудности. Его армия оказалась как бы в вакууме и надежду на спасение могла черпать только в собственной решительности и отваге. Но, с другой стороны, она и создала неопределенность, которая вконец сбила с толку и без того не слишком далекого политика, каким был лихой командир французской конницы Иоахим Мюрат. И Кутузов не преминул воспользоваться своими блестящими талантами психолога и стратега...

Глава 10. Два сюрприза

С самого начала мы видим, что абсолютное, так называемое математическое, нигде в расчетах военного искусства не находит для себя твердой почвы. С первых же шагов в эти расчеты вторгается игра разнообразных возможностей, вероятность счастья и несчастья. Эти элементы проникают во все детали ведения войны и делают руководство военными действиями по сравнению с другими видами человеческой деятельности более остальных похожим на карточную игру.

К. фон Клаузевиц. О войне

Пока Наполеон находился в Линце и вел дипломатические переговоры, ситуация на «шахматной доске» так запуталась, что одно за другим последовали события, поистине невероятные и удивительные, достойные авантюрного романа.

Седьмого ноября авангарды Мюрата приближались к Санкт-Пельтенскому плато. Расстояние между этими войсками и главным штабом императора в Линце достигло почти 100 км. С учетом того, что погода оставалась из ряда вон плохой и дороги представляли собой грязное месиво, нормальная связь между главнокомандующим и его ближайшим подчиненным нарушилась. Требовалось более двух суток для того, чтобы адъютанты могли совершить поездку туда и обратно, передать рапорт и получить инструкции. А ситуация

менялась буквально каждый час. В результате отважный командир французской конницы оказался предоставлен сам себе, и ему отныне нужно было самому принимать важнейшие стратегические решения. О том, что из этого получилось, будет рассказано в этой главе.

Уже в этот день (7 ноября) Мюрат и следовавший за ним по пятам Ланн стали догадываться, что союзники вряд ли примут сражение на Санкт-Пельтенском плато. Ланн написал императору: «Русские генералы говорят, что они хотят дать бой под Санкт-Пельтеном. Я в это совершенно не верю. Они оставляют без выстрела самые лучшие позиции... Впрочем, завтра мы узнаем, действительно ли они хотят принять битву у Санкт-Пельтена»^[494]. А Мюрат доносил в это же время: «Слуга графа Гиулая, которого мы на некоторое время задержали здесь, рассказал этим вечером, когда он отужинал с моими [слугами или адъютантами? – *Примеч. авт.*] и хорошенько выпил, что германский император желает покинуть Вену. Он добавил, что не видел на дороге из Вены никаких войск, кроме тех, что бегут перед армией Вашего Величества, и что багажи русской армии направились по дороге к Кремсу, и что они, очевидно, будут отступать в Богемию»^[495]. Буквально через несколько часов Мюрат пишет: «Рапорт, который мне только что передали, полностью подтверждает, что русские двигаются на Кремс»^[496].

Впрочем, еще накануне, 6 ноября, Мюрат правильно предполагал, что армия Кутузова предпримет отступление в северном направлении с целью форсирования Дуная. «Неудивительно будет, – писал маршал о русских, – что они примут решение перебросить свои войска на берег Дуная у Кремса. **Тогда я не вижу ничего, что могло бы остановить хоть на минуту марш армии Вашего Величества на Вену**»^[497].

Таким образом, совершенно точно предсказав действия армии Кутузова, Мюрат тем не менее, как кажется, думал уже совсем о другой цели. Оказавшись у ворот столицы австрийской монархии, он уже представлял свой триумфальный вход в Вену, город, в который еще ни разу не вступали французские войска. Последняя фраза из его рапорта явно свидетельствует об этом. Как ни странно, император, несмотря на то что он постоянно говорил о необходимости разгрома армии Кутузова до соединения ее с австрийцами и вовсе не ставил перед собой в качестве главной задачи скорейшее занятие Вены, не обратил на фразу Мюрата никакого внимания. Инструкции, данные им командиру авангарда в эти дни, носили самый общий характер.

В ответ на донесения маршала Наполеон написал следующее: «Направьте Ваши передовые отряды к входу в Венский лес в том случае, если противник не будет оказывать слишком серьезного сопротивления. Держите войска всегда наготове и в сборе. Пусть Сульт следует прямо позади Вас... Возможно, что русские перешли Дунай и попытаются прикрывать Вену с левого берега. Попытайтесь захватить как можно больше пленных...»^[498]

Из этого письма никак не следовало, что главная цель – это разгром русской армии. Наполеон даже как-то небрежно упоминает о возможности того, что «русские перешли Дунай». Единственное, что ясно было из инструкций императора, – надо держать войска сосредоточенными и не бросаться в авантюры.

Получив подобные рекомендации, а накануне, кроме этого, упреки императора в неосторожности, пылкий маршал сменил свой стиль ведения войны. Желая показать свою исполнительность и понятливость, он написал императору: «Я не двинусь против них со значительными силами, кроме как по приказу Вашего Величества»^[499].

Утром 8 ноября кавалерия под командованием Мюрата подошла к Санкт-Пельтенскому плато. Впереди были обнаружены крупные силы неприятеля. Это был русский арьергард под командованием генерал-майора Милорадовича, позади него основные силы армии Кутузова. Еще недавно столь решительный Мюрат, следуя советам императора, не стал рисковать. У него непосредственно под рукой было только три бригады легкой кавалерии и две бригады драгун^[500].

«У неприятеля было по меньшей мере 8 тысяч кавалеристов, – не слишком заботясь о точности цифр, доносил Мюрат. – Его гусары пытались много раз атаковать, но напрасно. Я имел случай наблюдать твердую стойкость горстки наших гусар, уверенная отвага которых и

гордая неподвижность заставили остановиться четыре вражеских эскадрона, которые уже было бросились на них, издавая страшные крики»^[501].

Нужно сказать, что Милорадович был гораздо более скромнен в оценке как численности «полчищ» врага, так и размаха «битвы»: «...неприятель атаковал аванпосты – показался с двумя колоннами пехоты и сильным отрядом кавалерии, имея впереди конных фланкеров»^[502]. Два эскадрона Мариупольских гусар, выслав своих фланкеров, перестреливались с оними»^[503].

В общем, все ограничилось банальной перестрелкой из карабинов русских и французских гусар. Потери с русской стороны составили, согласно официальному рапорту, одного убитого и шесть раненых. О потерях французов неизвестно, но совершенно очевидно, что они были примерно такими же.

Интересно, что мемуары участников этих событий с обеих сторон говорят о том, что в этот день на передовые посты приезжали парламентареры и начинались переговоры. Генерал Ермолов утверждает, что это якобы был сначала французский генерал (какой – неизвестно), а потом вместо него остался какой-то французский капитан, пытавшийся обмануть бдительность Милорадовича. Лейтенант Левавассер, который был опять в авангарде со своими пушками, пишет, что к французам приехал парламентар – австрийский генерал (также неизвестно какой), который завязал переговоры с Себастиани.

Подобные визиты парламентареров происходили, как уже говорилось, на протяжении всей этой кампании. И почти всегда источники с той или иной стороны уверенно заявляют, что первыми приезжали парламентареры со стороны неприятеля, конечно же, с целью обмануть их – заставить остаться на месте, напасть врасплох и т. д. В данном случае в подобных переговорах могли быть заинтересованы, как ни странно, и те и другие. Мюрат – для того, чтобы сконцентрировать силы, союзники – для того, чтобы затянуть время. Так что, возможно, что посланцы приезжали и от французов и от союзников.

Если под Санкт-Пельтенем день 8 ноября прошел относительно «спокойно», то в 50 км к югу в это же время разворачивались драматические события.

С того момента как австрийский корпус Мерфельдта отделился от основных сил союзной армии, за ним по пятам шел маршал Даву. И австрийцы, и французы, двигаясь южнее главной дороги, оказались в очень труднопроходимой гористой местности. Хотя горы здесь и невысокие, но много крутых склонов и обрывов, а дороги от чередующихся дождей и холода превратились в обледенелые тропы. «Мы шли вслед за австрийцами по узким извилистым дорогам, по краям которых вставали обрывистые скалы, а в глубоких ущельях текли горные реки»^[504], – вспоминал капитан 13-го легкого полка Жервэ. Тяжело пришлось и французам и австрийцам. Напрасно генерал Мерфельдт пообещал 7 ноября своим солдатам по 20 флоринов за каждую пушку, доставленную в город Нейхаус, куда должны были прибыть австрийские войска. Несмотря на все усилия пехотинцев, тащивших орудия на руках, ночь застала колонну в горной долине.

Маршал Даву использовал свои методы воздействия. Он обратился к чувству чести французских солдат. Вечером 6 ноября маршал отдал следующий приказ: «Третий корпус предупреждается о том, что наш марш будет полон трудностей и лишений. Но его результатом будет то, что мы будем находиться в авангарде перед двумя другими армейскими корпусами. Наш марш облегчит победу и сбережет кровь храбрых и верных солдат нашего монарха. Если препятствия, которые встретятся нам на пути, задержат нас, мы окажемся в третьей линии»^[505].

Слова маршала нашли отклик в сердцах французских солдат, и, преодолевая усталость и лишения, утром 8 ноября французские колонны нагнали неприятеля. Корпус Даву следовал по перпендикулярной к направлению движения австрийцев дороге, но его появление не стало неожиданностью для противника. Генерал Мерфельдт успел выставить против французов два заслона и стрелков, рассыпанных в горах. Первый был опрокинут стремительной штыковой атакой, а две австрийские пушки, стоявшие на дороге, захвачены. Второй из этих заслонов, также имевший орудие, стоял, кроме того, между двух высоких

скал. Однако карабинеры и вольтижеры 13-го легкого, карабкаясь по непроходимым кручам, опрокинули стрелков врага и атаковали австрийскую пушку с высоты. Офицер артиллерии, до конца выполняя свой долг, погиб на лафете орудия, а австрийские стрелки вынуждены были отступить.

Продолжая продвигаться вперед, французы обнаружили на подходе к местечку Марицелль весь корпус Мерфельдта. Австрийцы занимали выгодную позицию на вершине горного плато. Это не помешало французским войскам почти тотчас же с ходу атаковать неприятеля. Первая атака была отбита, но порыв частей Даву был столь силен, что они тотчас перешли в новое наступление. Австрийские полки дрогнули и бросились бежать. В результате непродолжительного боя маршал Даву одержал полную победу: в плен было взято 4 тыс. австрийских солдат, захвачено 18 орудий и два знамени. Результатом боя при Марицелль был полный разгром отряда Мерфельдта. Отныне корпус Даву освободился для решения любых других стратегических задач.

Но вернемся к главной дороге на Вену. На рассвете 9 ноября Мюрат мог констатировать только один факт: неприятеля перед ним больше не было. Русские ушли на север в сторону Кремса, австрийцы на восток, в сторону Вены. Великая битва под Санкт-Пельтеном не состоялась.

Командующий французским авангардом то ли действительно растерялся и не знал, что делать дальше, то ли изображал святую наивность, на самом деле давно уже решив для себя, что его привлекают не разбитые обозы русской армии, а блистательная перспектива первым вступить в Вену.

«Сир, я посчитал, что я не должен двигаться вперед ни по дороге на Вену, ни по дороге на Кремс, – докладывал маршал. – Следуя по первой, я подставил бы свой фланг русской армии, следуя по второй, я мог бы опасаться австрийцев»^[506].

Подобные колебания по меньшей мере удивительны – за плечами Мюрата было пять кавалерийских и пять пехотных дивизий! Если бы он действительно собирался преследовать Кутузова, то опасаться нескольких тысяч человек Кинмайера, спешно уносивших ноги по дороге на Вену, было совершенно немыслимо. Зато если, как кажется, Мюрат думал о вступлении в Вену, подобная задержка вполне понятна. Ясно было, что русские вряд ли будут задерживаться на южном берегу Дуная, а поспешат как можно быстрее переправиться через реку. Подождав немного в Санкт-Пельтене, Мюрат получал полное алиби: он, конечно, хотел преследовать Кутузова, но опасность флангового удара задержала его; теперь русские на другом берегу реки, и делать нечего – нужно идти на австрийскую столицу.

Некоторые биографы Мюрата, оправдывая поведение своего героя, говорят о том, что Наполеон не дал ему никаких ясных инструкций. Это правда. И, без сомнения, сам император совершил серьезный просчет, не послав маршалу точного и ясного приказа преследовать армию Кутузова и оставшись в решительный момент далеко позади. Однако это никак не снимает ответственности с подчиненного, который совершил грубейшую ошибку. У него была полная возможность, имея под рукой почти всю свою резервную кавалерию, две дивизии корпуса Ланна и три дивизии корпуса Сульта, прижать русские войска к Дунаю и поставить их на грань катастрофы.

Что же касается действий Кутузова, то их можно охарактеризовать как умелые и совершенно правильные в данной обстановке. Буквально накануне австрийский император дал ему указания отойти к Кремсу и «прикрыть во что бы то ни стало сооружаемое перед Кремсом мостовое укрепление»^[507]. Подобное распоряжение было продиктовано вполне понятными эмоциями. Австрийский император, как утопающий за соломинку, хватался за любую, даже мифическую возможность спасти Вену. Но 35-тысячная армия Кутузова совершенно не могла держаться в небольшом земляном укреплении против всех войск Наполеона. Она была бы неминуемо раздавлена. Тем более что обещанное укрепление было не достроено и совершенно не готово к обороне. Наконец, Кутузов был уже извещен о том, что по левому северному берегу двигаются французские войска и малейшая задержка с переправой грозит русской армии неминуемой катастрофой. Поэтому он не только не

пытался обороняться, но и как можно ускорил марш своих войск, которых символически «преследовала» всего лишь одна конно-егерская бригада Фоконне.

В ночь с 9 на 10 ноября русские войска закончили переправу по мосту между городком Маутерн (на южном берегу) и Кремсом (на северном берегу). В час ночи мост был подожжен, и пламя, бушующее над Дунаем, ознаменовало собой неожиданное для французов изменение стратегической обстановки. Теперь русская армия не только надежно отгородилась от французов рубежом полноводного Дуная, но и оказалась один на один с небольшим корпусом Мортье, который преспокойно продолжал движение вдоль левого (северного) берега, не подозревая об опасности, нависшей над ним.

А в это время, 10 ноября, утром торжествующий Мюрат принимал депутацию от венского магистрата. В радостном возбуждении он написал императору в шесть часов вечера: «Итак, если, конечно, Ваше Величество не пришлет мне иного приказа, завтра в полдень я буду под стенами Вены. Разумеется, если я и получу ключи от города, то только для того, чтобы послать Вам их»^[508].

В этот момент Наполеон уже почти догнал армию. 10 ноября он прибыл в аббатство Мельк на берегу Дуная. Прекрасное здание аббатства, образец великолепной австрийской барочной архитектуры, находилось в 75 км по воздушной линии от ворот Вены и всего лишь в 20 с небольшим километрах от Маутерна и Кремса. Получив оперативную информацию, император сразу все понял и, вовсе не придя в восторг от рапорта Мюрата, в ночь с 10 на 11 ноября написал ему одно из самых своих резких писем: «...я не могу одобрить Вашего способа идти вперед. Вы несетесь, как какой-то вертопрах, и не обдумываете приказы, которые я Вам даю. Русские вместо того, чтобы прикрывать Вену, перешли Дунай у Кремса. Это исключительное обстоятельство должно было бы заставить Вас сообразить, что Вы не можете действовать без новых инструкций... Вы затолкнули всю мою армию на дорогу на Вену, Вы, однако, получили приказ, который Вам передал маршал Бертье, – преследовать русских “шпага в спину”. Поистине странный способ преследования – удаляться от неприятеля форсированными маршами... **Теперь русские смогут сделать все, что они захотят, с корпусом Мортье...** Но Вы... думали только о маленькой славе вступить в Вену. Помните, что слава только там, где опасность. Нет ничего славного вступить в столицу, которую никто не защищает»^[509].

Справедливости ради необходимо отметить, что приказ, где действительно говорилось о неотступном преследовании русской армии, был отправлен Мюрату в ночь с 9 на 10 ноября и пришел к нему с огромным опозданием лишь 11 ноября. Тем не менее император был прав – его маршал действительно нарушил все принципы военного искусства. Но особенно Наполеон был прав в оценке положения корпуса Мортье на левом берегу Дуная.

Интересно, что такого же мнения придерживался и Кутузов... Едва русские полки оказались на левом берегу Дуная, как Кутузов получил информацию о том, что совсем рядом от него находится корпус маршала Мортье. Эта информация была достаточно подробная, так как русские войска захватили рассыпавшихся по садам и домам французских солдат из состава Дунайской флотилии. Они практически точно сообщили, что корпус Мортье состоит из трех дивизий и что первая их них – дивизия Газана – находится совсем близко. Позади нее, примерно в 12 км, двигаясь по дороге вдоль Дуная, находится следующая дивизия – Дюпона. Еще дальше, чуть ли не в целом переходе позади, следует еще одна дивизия – «батавская» (голландская) дивизия Дюмонсо. Наконец, также на левом берегу Дуная находилась французская кавалерия – драгунская дивизия Клейна. Однако она была отделена от пехоты, посланная для рекогносцировки в северном направлении. Захваченные пленные сообщили не только местонахождение этих войск, но и их приблизительную численность. Дивизия Газана насчитывала 6000 человек, дивизия Дюпона – 4500, дивизия Дюмонсо – 3500, у Клейна было 1800 драгун.

Получив эту информацию, вечером 10 ноября Кутузов отдал приказ о переходе в контрнаступление с целью разгрома корпуса Мортье.

Для того чтобы понять, что произошло дальше, необходимо посмотреть на карту. Вдоль Дуная по левому берегу реки шла довольно узкая дорога. О ее ширине восточнее городка Дюренштейн известно, что только семь человек могли пройти по ней в ряд, то есть ширина дороги была примерно 4–4,5 м. Дорога проходила по узкой долине, с севера были крутые скалы, с юга река. В некоторых местах скалы почти полностью подходили к реке, в некоторых долина расширялась, и от отрогов гор до реки было 500–600 м. В широких местах вся долина была покрыта виноградниками и огородами. И те и другие были окружены каменными стенами высотой 3–4 фута. Городок Дюренштейн перегораживает долину в узком месте. С севера со стороны гор над ним нависли развалины старинного замка^[510].

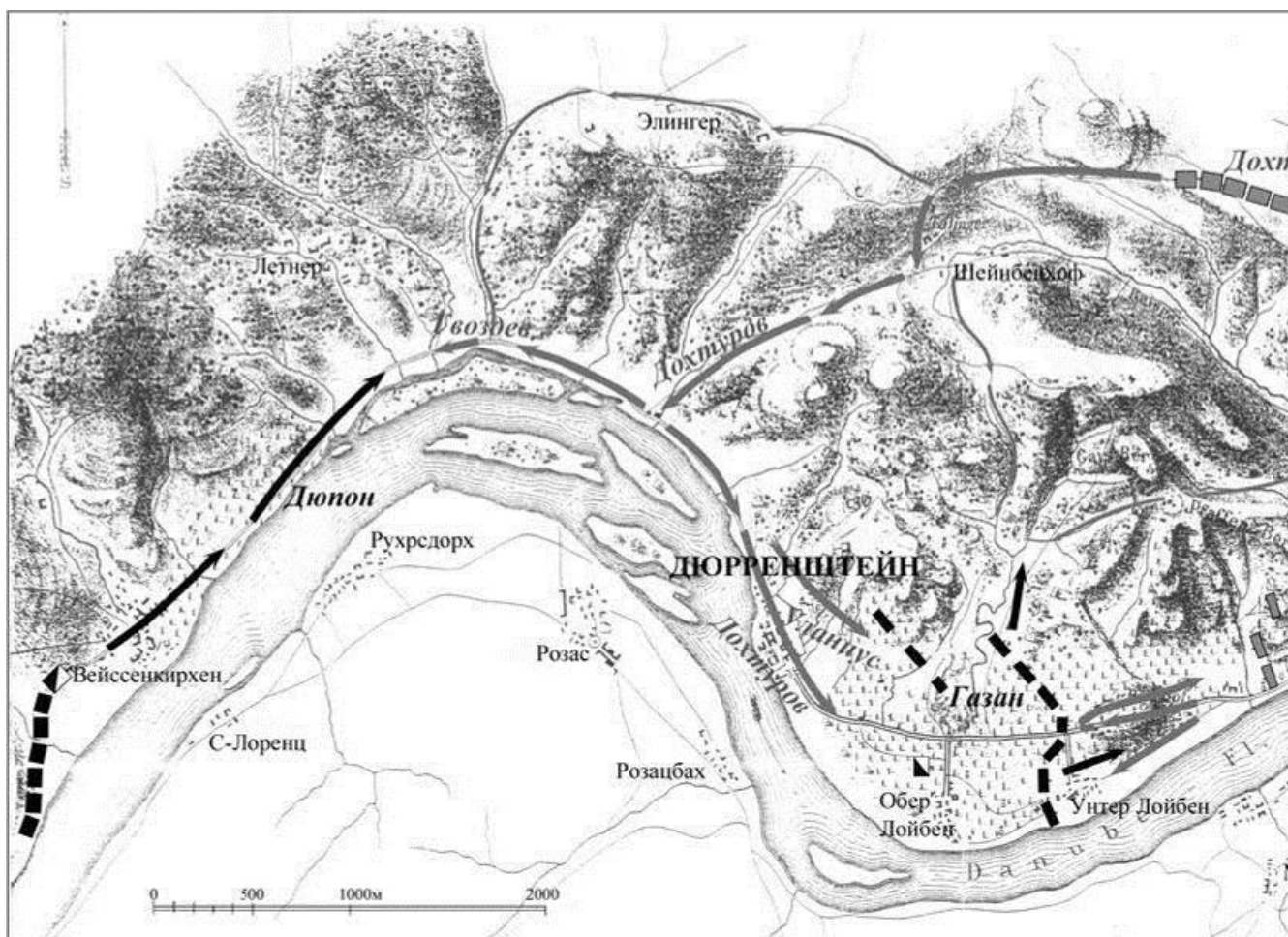
Таким образом, развернуть большие силы в долине не было возможности. Чтобы с успехом реализовать подавляющее численное превосходство русской армии, она должна была наряду с фронтальной атакой предпринять обход частью войск через горы. Никаких принципиальных противопоказаний для этого не было. Дорога в горах существовала, причем она выходила точно в тыл позиции Газана. К тому же ни маршал Мортье, ни его подчиненные не думали и не догадывались о том, что русские могут перейти в контратаку.

Впрочем, маршал Мортье также получил сведения от своих передовых постов о неприятеле. Ему доложили, что в районе города Кремса и соприкасающегося с ним городка Штейн находятся русские войска. Однако сведения, которые получил Мортье, были неполными и неточными. Он считал, что под Кремсом находится небольшой русский аррьергард, а основная масса русской армии отходит в северо-восточном направлении по дороге на Брюнн. Поэтому 11 ноября утром он также собирался продолжить свое движение вперед и, если надо, с боем занять Кремс, чтобы выбить оттуда русский «аррьергард».

Судьба дала Кутузову поистине уникальный шанс. Он не только благодаря своим удачным распоряжениям оказался один на один с корпусом Мортье, но и сверх того французские части были разбросаны по узкой долине на большом расстоянии друг от друга. Наконец, Мортье не подозревал о той опасности, которая над ним нависла. Таким образом, русские не просто могли разгромить изолированный корпус, но и получили редкую возможность окружить и полностью уничтожить или взять в плен целую дивизию, при которой находился сам маршал Мортье.

Все, что было сделано Кутузовым до этого, нельзя не назвать блистательно проведенным отступлением в самых сложных условиях, а с точки зрения стратегии все его действия абсолютно правильными. Однако теперь ему предстояло решить тактический вопрос. Диспозиция, которая была отдана войскам, не может не вызвать вопросов, и, более того, она изумляет.

Накануне к армии прибыл австрийский генерал Шмидт. Этот генерал был в особом фаворе у императора Франца, который написал Кутузову: «Я посылаю Вам генерала Шмидта, который пользуется моим полным доверием и который, я надеюсь, когда Вы его узнаете, заслужит и Ваше»^[511].

Сражение при Кремсе-Дюренштейне

О генерале Шмидте в исторической литературе закрепилось суждение, что это был очень талантливый стратег. Судя по тому, что особым расположением Франца пользовался также генерал Макк и не менее печально известный генерал Вейройтер, высокая оценка австрийского императора вряд ли являлась хорошей рекомендацией. Что же касается указаний, данных войскам накануне Кремского сражения, они, кажется, могут подтвердить не самое высокое суждение о способностях этого человека. Дело в том, что Шмидт был уроженцем города Кремса и прекрасно знал окружающую местность. Вероятно, в значительной степени поэтому Кутузов поручил именно ему разработку плана боя и его практическую реализацию.

Согласно этой диспозиции русские войска должны были выступить рано утром 11 ноября и атаковать дивизию Газана с разных направлений. Главная роль отводилась колонне под командованием генерала Дохтурова. Она должна была обойти французов с тыла и отрезать им путь к отступлению. За колонной Дохтурова должна была идти еще одна колонна. В диспозиции она называется «средняя колонна под командою генерал-лейтенанта барона Мальтица». Однако в действительности получилась одна большая колонна, которая на марше разделится на три части (см. приложение). В общей сложности в состав «обходящих» сил предполагалось направить 24 батальона и 10 эскадронов гусар (реально было послано 21 батальон и два эскадрона). По диспозиции девять батальонов с пятью эскадронами гусар и пятью эскадронами кирасир были выделены под командованием генерала Багратиона в северном направлении, чтобы прикрыть фланг русских войск. Пять батальонов и пять эскадронов гусар было оставлено в резерве в городе Штейн, позади него, а один из них даже позади Кремса. А для атаки французов с фронта было оставлено под командованием

Милорадовича только пять батальонов пехоты^[512]! На самом деле ситуация была еще более удивительной, так как в диспозиции не упоминается о двух русских батальонах пехоты, двух драгунских полках, а также о трех казачьих^[513]. Наконец, об австрийцах (четыре батальона пехоты и 22 эскадрона кавалерии) вообще не сказано ни слова. Эти войска, русские и австрийские, были частью оставлены в лагере, частью выделены в сторону вслед за Багратионом, частью оказались в резерве Эссена.

Таким образом, из 49 батальонов пехоты для атаки с фронта было выделено только пять батальонов!!! Остальные были либо посланы по обходному пути в горы, либо вообще отправлены куда-то в сторону. Но это еще не все. Милорадович находился буквально в двух шагах от французов, и он выступил для атаки в семь утра, а войска, предназначенные для обхода, вышли, согласно рапорту Уланиуса, в девятом часу утра! Милорадовичу до боевого контакта было два шага, а сколько должны были идти обходящие колонны – одному Богу было известно. В результате, имея шестикратное превосходство в силах, русские атаковали дивизию Газана колонной, которая уступала французам по численности чуть ли не вдвое!

Вся эта диспозиция по ее какому-то извращенному построению очень напоминает распоряжение Макка под Ульмом, а затем Вейройтера под Аустерлицем: «Die erste Kolonne marschirt... die zweite Kolonne marschirt... die dritte Kolonne marschirt...» Войска разделялись на многочисленные колонны, которые шли по разным маршрутам и должны были соединиться в назначенное время в назначенных точках. При этом брались в расчет только пространственные соотношения, предполагалось к тому же, что все пройдет гладко и не возникнет никаких помех и осложнений.

Разумеется, труды великого Клаузевица появятся только после Наполеоновских войн. Через несколько лет после их завершения выдающийся немецкий теоретик с предельной ясностью сформулирует законы, которые правят в хаосе боевых действий. «Война – область недостоверного; три четверти того, на чем строится действие на войне, лежит в тумане неизвестности... Война – область случайности; только в ней этой незнакомке отводится такой широкий простор, потому что нигде человеческая деятельность не соприкасается так с ней всеми своими сторонами, как на войне; она увеличивает неопределенность обстановки и нарушает ход событий... Война – область физических усилий и страданий; чтобы не изнемочь под их бременем, нужны духовные и физические силы... делающие человека способным переносить испытания»^[514].

Великие полководцы, такие как Цезарь, Тюренн, Суворов, Наполеон, действовали именно так, и не читая Клаузевица. Эти принципы для них были врожденными подсознательными истинами. Подобно персонажу из комедии Мольера «Мещанин во дворянстве» господину Журдену, который «говорил прозой, сам того не зная», они действовали именно так, хотя и не сформулировали эти принципы теоретически. Действительно, на войне лучшими планами являются самые простые, а великим тактиком можно назвать не того, кто сочиняет хитроумные диспозиции, а того, кто, понимая специфику войны, принимает решения простые и ясные, умело оперируя моральными категориями, которые пронизывают всю ткань военных действий.

Диспозиция Шмидта полностью игнорировала моральные категории, была чрезмерно сложной и совершенно не брала в расчет такие элементарные соображения, как возможные сбои в выступлении колонн, плохое качество дорог, трудность в отсутствии средств связи, подобных современным, управление разбросанными отрядами. Что касается Кутузова, можно не сомневаться, что не он составил этот странный, не учитывающий реалий план. Однако он был главнокомандующим, за ним оставалось окончательное решение. Он мог отбросить этот план и принять другой. Но Михаил Илларионович, будучи блистательным политиком и великолепным стратегом, был, судя по всему, неважным тактиком. То ли полагаясь на таланты Шмидта, то ли из желания дипломатично отдать первенство в исполнении удачного боя австрийскому генералу, он принял к исполнению несуразную диспозицию...

Ночь с 10 на 11 ноября для русских и французских солдат была тяжелой. «Мы расположились в долине уже впотьмах, – рассказывает в своем дневнике полковник Таландые, тогда унтер-офицер 4-го легкого полка. – Снег покрывал землю, холод пронизывал нас насквозь. Мы использовали жерди, которыми подпирают виноградные лозы, для того чтобы развести бивачные огни. Эта ночь... была столь же длинной, как и тяжелой. Мы с нетерпением ждали рассвета. Неприятель располагался недалеко от нас. Он оставался на своих позициях, не производя против нас никаких наступательных действий. Мы видели только малое количество бивачных огней среди гор и холмов»^[515].

Как уже отмечалось, около семи часов утра, с рассветом отряд Милорадовича двинулся вперед. Очень скоро русские и французские передовые части столкнулись. Французские аванпосты были выбиты из деревни Ротенхоф, а затем батальоны Милорадовича двинулись на французов, стоявших перед Унтер-Лойбенем.

О том насколько участникам боя сложно объективно оценивать соотношение сил, говорит фраза из мемуаров Федора Глинки, который находился в рядах отряда Милорадовича: «Чем более продвигались мы вперед, тем явственнее открывались **великие силы (!)** неприятеля. Длинные гряды скал и гребни гор унизаны были его пехотой и спешившеюся конницей, лучи восходящего солнца играли на светлом оружии гордо на высотах стоящих строев»^[516]. Этими «великими силами» была первая бригада дивизии Газана: 4-й легкий и 100-й линейный (см. приложение).

Пять русских батальонов, несмотря на потери от огня французских стрелков, дружно ударили в штыки на стоявший перед деревней 4-й легкий полк. Два французских батальона были опрокинуты, а третий батальон 4-го легкого не только был отброшен, но его вдобавок прижали к реке и чуть весь не перебили. Причем командир батальона Шевилле, дабы не дать в руки неприятеля батального «орла», утопил его в реке.

Однако успех русских пехотинцев был недолгим. Маршал двинул на помощь 4-му легкому 100-й и 103-й линейные полки. К тому же в бою в деревне русские понесли большие потери. В частности, по указанию маршала Мортье ферма на северной оконечности деревни была превращена в редут, который отчаянно обороняли роты карабинеров 4-го легкого полка и который русским солдатам так и не удалось захватить.

Когда же батальоны Милорадовича попытались выйти из деревни и развернуться, бригада генерала Кампана (100-й и 103-й линейные полки) и батальоны 4-го легкого ринулись на них в штыки. На этот раз в отличие от предыдущих аррьергардных столкновений бой был отчаянным. Русские дрались с подъемом, потому что впервые в ходе этой войны перешли в наступление, французы – потому что их одушевляли одержанные успехи. В яростном бою французам удалось выбить русских пехотинцев из Унтер-Лойбена.

Таландые так объясняет успех французской контратаки: «Русских стесняли их длинные шинели, и их медленные движения давали нам большое преимущество. В результате мы одержали успех благодаря их неуклюжести и нашей стремительной атаке»^[517].

Конечно, куда более сказались слаженные действия превосходящих сил французов, а не длина русских шинелей. Но так или иначе торжество французских батальонов было недолгим. Милорадович бросил в контратаку апшеронцев, поддержанных егерями. «Гренадерского Апшеронского батальону капитан Морозов, пошел от деревни с двумя ротами вправо, а штабс-капитан Манько с двумя ротами влево, взяли деревню с редкой решительностью и тем более опасностью, что неприятель был в домах на крышах и дворах, который однако ж весь тут истреблен холодным оружием и прикладами»^[518].

На этот раз Таландые пишет: «Бой пришлось вести со столь многочисленным неприятелем, что нам потребовалась еще больше отваги, чтобы удержаться на месте нашего успеха»^[519]. Эту изысканную фразу нужно понимать, видимо, следующим образом: мы сделали все, что можно, но нас все-таки из деревни выбили. В любом случае, ни той ни другой стороне не приходилось стыдиться за своих солдат. Бой между первой бригадой дивизии Газана и передовыми батальонами Милорадовича был отчаянный, и потери с обеих сторон огромные.

Укрепившись в деревне, Милорадович попытался продолжить наступление. Однако все попытки выйти из деревни и развернуться окончились неудачей. В это время у французов появилась артиллерия. Это были две пушки, которые лейтенант Фавье выгрузил с судов флотилии. Поле сражения было не очень благоприятно для действия орудий – кругом виноградники и каменные стены. Но Фавье нашел все-таки удачное положение для своих пушек. Он подкатил их почти на 50 м к Унтер-Лойбену. Когда апшеронцы попытались выйти из деревни, их встретил плотный огонь картечи и залпы 4-го легкого. Русское наступление захлебнулось, а укрепленный пункт французов на северной оконечности деревни продолжал держаться.

Вспоминая о бое за Унтер-Лойбен, Федор Глинка пишет: «Французы засыпали нас картечью из множества своих батарей (!)...»^[520] Как уже понял, очевидно, читатель, речь идет о двух пушках лейтенанта Фавье, что еще раз показывает, насколько осторожно надо относиться к свидетельствам мемуаров, особенно когда речь о неприятеле.

Так или иначе, бой вокруг Унтер-Лойбена кипел упорный. Пальба с самого короткого расстояния сочеталась с отчаянными штыковыми схватками. «Этот бой... – рассказывает унтер-офицер 4-го легкого, – приобрел яростный характер, и с той и с другой стороны больше не брали пленных»^[521]. Ермолов вспоминал: «Встречая на каждом шагу ужасные препятствия, войска наши, не раз опрокинутые, обращались с потерей, и артиллерия, не имея удобного места для устройства батарей, долго не могла им содействовать. Наконец удалось оттеснить неприятеля от одного пункта... тогда орудия введены были в действие, чем приобретено было равновесие в бою, но неприятель, имея верное отступление за ближайшими стенами, возобновлял упорное сопротивление, и мы не иначе, как большими пожертвованиями, достигали малейших выгод. Урон наш был очевиден, и в особенности в офицерах несоразмерный»^[522].

Постепенно обе стороны ввели в дело почти все свои наличные силы. Примерно в 10 часов 30 минут Мортье решил любой ценой овладеть Унтер-Лойбеном. Очевидец так описывает его поведение в бою: «Во время всех этих жарких схваток маршал Мортье оставался спокойным под огнем. Его глаза и его мысли облетали все поле сражения. Приказы, которые он давал... генералам и полковникам, были скорыми и точными»^[523]. В то время как приблизительно одна треть его сил^[524] продолжала вести огневой бой на левом фланге, другая треть^[525] была приготовлена к атаке на деревню. Остальные части располагались во второй линии^[526]. Атака французских войск была стремительной. 1-й батальон 100-го полка под командованием майора Анрио обошел деревню с юга со стороны реки. Остальные бросились в атаку в лоб и охватывали ее с севера. После отчаянной бойни деревня осталась за французами. Маршалу Мортье также удалось овладеть большим плоским холмом, располагавшимся к северу от деревни.

«Усилия неприятеля умножались, – рассказывает об этом моменте Милорадович в своем донесении Кутузову, – и я видел минуту общей расстройки, ибо часть линий уже подалась назад. Деревня была у неприятеля в руках, через что и в опасности левой фланг, на правом же фланге три горы неприятелем заняты»^[527]. Ситуация была настолько тяжелой и потери в офицерах столь чувствительны, что Милорадович проделал крайне редкую на войне операцию. В связи с тем что Мариупольские гусары все равно не могли атаковать на узком пространстве, покрытом виноградниками, пересеченном каменными стенами и канавами, часть офицеров спешила и отправилась в пехотные батальоны, чтобы встать на место выбывших командиров.

Насколько трудной была местность для действий конницы, указывает свидетельство командира эскадрона 4-го драгунского полка Розы де Мандра. В отличие от русского командования, во французском штабе решили все-таки применить кавалерию по ее прямому назначению. «Едва мы только развернулись в боевой порядок, – рассказывает Роза де Мандр, – как мы получили приказ атаковать. В ходе атаки мы обогнули деревню Обер-Лойбен, чтобы напасть на вражескую пехоту с тыла. Но повсюду виноградники,

канавы и стены вставали на нашем пути, создавая одно препятствие за другим. Нам невозможно было нанести никакого ущерба пехоте неприятеля»^[528].

Бой шел уже более трех часов, а ушедшие неизвестно куда обходные колонны русских войск не появлялись. В результате Милорадович с пятью батальонами вел тяжелейший бой, в то время как 90 % русских сил не были задействованы вовсе. На поле боя прибыл адъютант главнокомандующего граф Тизенгаузен – талантливый офицер, который послужил для Толстого прототипом знаменитого Андрея Болконского. Тизенгаузен был женат на дочери Кутузова и пользовался его полным доверием. Милорадович поручил ему «часть расстроенной линии», как он сам докладывает в своем рапорте. Русские войска контратаковали и снова отбили злосчастную деревню. Граф Тизенгаузен, «остановив идущих назад рассеянных людей, примкнув оных к батальону, опрокинул наступающего неприятеля и отбил обратно взятую им пушку»^[529]. Однако, судя по всему, успех был недолгим, и деревню пришлось все-таки уступить.

Совершенно не ясно, что делал в это время генерал Штрик, которому в конечном итоге была поручена часть обходящей колонны, направленная по короткому пути во фланг французов. Его рапорт абсолютно туманен, не ясно ни когда он выступил, ни куда он пришел, ни что толком он сделал. Но, судя по всему, часть Нарвского полка (один или два батальона – неясно), а также часть 8-го егерского показали наконец на фланге французов в горах. Видя талант и мужество Тизенгаузена, Милорадович послал блистательного офицера на русский правый фланг в горы. «Граф Тизенгаузен, приведши все в порядок по местоположению больших гор, лесов и ущелин, собрав рассеянных и назад идущих людей, с присланным Нарвского мушкетерского полка подполковника Раковского баталионом и осьмого егерского полка отряженным тогда подполковника Иванова баталионом, сбил неприятеля с гор и занял прежнюю нашу позицию...»^[530]

Выдающиеся французские военные историки Аломбер и Колен, собравшие гигантскую документацию по войне 1805 г., рассказывая о северном, «горном» фланге, говорят, что 2700 солдат 4-го легкого, а также части 100-го и 103-го линейного сражались здесь с 2600 солдатами генерала Штрика. Судя по всему, самого генерала Штрика на месте не было, а из его войск пришло не более двух-трех батальонов. Это, правда, еще не значит, что русских солдат здесь было намного меньше, чем французов, так как в горах сражалась и часть отряда Милорадовича.

К трем часам после полудня, несмотря на все усилия Тизенгаузена и Милорадовича, русские войска начали отходить к Штейну. Только здесь на помощь истекавшим кровью русским батальонам пришла часть резерва. Во-первых, в дело вступили две пушки, поставленные непосредственно у ворот городка, – они встретили французов картечным огнем, во-вторых, генерал Эссен широким жестом выделил из своих войск один батальон (!) Новгородского мушкетерского полка, который был направлен для действия на склонах гор. В результате, как легко можно предположить, атака корпуса Мортье приостановилась, а еще через некоторое время бой стал вообще затихать.

Обе стороны были истощены. Талантье написал в своем рассказе: «В тот момент, когда усталость и голод нас уже совсем измучили, мы увидели неприятеля, отступающего на Штейн. Тогда мы смогли наконец вздохнуть»^[531]. Перестрелка постепенно слабела, и между тремя и четырьмя часами дня бой вообще прекратился. Генерал Газан отдал приказ полковникам выставить боевое охранение, а войскам располагаться на биваках. В это время года темнеет быстро, и поэтому солдаты должны были иметь хоть немного времени, чтобы запасти дров для бивачных костров.

Таким образом, удивительное сражение заканчивалось. Удивительное потому, что из всей русской армии в этом бою принимало участие от силы 10 батальонов и несколько эскадронов, то есть ровно столько, сколько было войск в рядах дивизии Газана. Остальные части русской армии исчезли. Рассчитывая атаковать изолированную французскую дивизию со всех сторон превосходящими силами, русские генералы оказались сами в сложном положении. Одна обходящая колонна пропала, а из другой до поля боя добралось лишь

несколько батальонов. В этой ситуации понятно также, почему Кутузов не употребил свой резерв. Он сохранил его до выяснения обстановки. Обе стороны сражались с большим мужеством и упорством. В результате потери с обеих сторон были крайне тяжелыми.

С самого начала боя Мортье послал офицеров к дивизии Дюпона, чтобы они передали ему распоряжение ускорить марш и как можно быстрее прийти на поле сражения. Однако, если Кутузов недоумевал по поводу исчезновения Дохтурова, Мортье не менее ломал голову над тем, где же находятся войска Дюпона. В четыре часа, когда бой уже окончательно затих, маршал не выдержал: он взял с собой два взвода драгун и в галоп помчался в сторону Дюренштейна навстречу Дюпону, чтобы самому лично разобраться в происходящем. Едва маршал проскакал Дюренштейн, впереди показались какие-то войска, раздались крики и выстрелы. Колонна Дохтурова появилась наконец на поле сражения.

Еще днем во время боя Мортье доложили о том, что эскадрон 4-го драгунского полка, направленный на разведку в горы, обнаружил там движение значительных сил русской армии. Маршал никак не отреагировал на это известие. Во-первых, у него все равно не было сил для того, чтобы прикрыть свой тыл, во-вторых, он мог надеяться, что эти сведения неточные и речь шла о тех батальонах, которые во время утреннего боя атаковали французов во фланг, то есть это была так называемая колонна Штрика. Теперь стало ясно, что дело обстоит куда серьезнее.

Колонна Дохтурова выступила для обходного марша с огромным опозданием. Она начала движение только в девятом часу, то есть тогда, когда бой уже вовсю кипел в долине Дуная. Дохтурову по диспозиции нужно было пройти всего 9–10 км для того, чтобы оказаться на тылах французов. И возможно, поэтому его опозданию с выступлением в русской армии не придали особого значения. Действительно, если бы он двигался со скоростью хотя бы 3 км/ч, еще до полудня он атаковал бы французов с тыла и полное уничтожение или пленение дивизии Газана было бы неминуемо. Однако марш по горным дорогам вызвал огромные непредвиденные затруднения. Дороги, если их, конечно, можно так назвать, представляли собой сплошное месиво из грязи и снега, а ширина их в некоторых местах была такова, что едва два человека могли пройти в ряд. Артиллерию и кавалерию пришлось вообще оставить, пехота продвигалась с черепашьей скоростью. В результате путь, который ожидалось пройти за короткое время, потребовал более семи часов марша! С учетом того, что в конечном итоге Дохтуров выбрал более короткий путь и прошел не более 7 км, средняя скорость колонны оказалась, таким образом, равной 1 км/ч.

«Знаток» местности генерал Шмидт явно что-то напутал. В результате большая часть русских войск, предназначенных для атаки дивизии Газана, оказалась совершенно бесполезной в ходе боя. Солдаты и офицеры слышали грохот пушек в непосредственной близости слева от себя и ничего не могли поделать, столпившись на узкой горной дороге, где образовался гигантский затор. В результате Дохтуров вынужден был оставить в горах и часть пехоты, а с остальными батальонами двинулся дальше. Видя, что если он будет буквально исполнять предписания диспозиции и идти на деревню Вайсенкирхен, он вообще не успеет до темноты, генерал срезал путь и пошел на деревню Вадштейн. К 16 часам передовые части вышли наконец в долину Дуная, повернули налево, оказавшись, таким образом, в тылу у дивизии Газана.

В надвигающейся темноте французский маршал увидел идущие прямо на него колонны. Драгуны эскорта подскочили к ним и, обнаружив, что это русские, повернули назад. Мортье также не оставалось ничего делать, как развернуться на 180 градусов и помчаться к своим войскам. Из отряда Дохтурова в долину вышло всего лишь девять батальонов. Остальные либо были оставлены намеренно, либо очень сильно отстали. Дохтуров направил два батальона Вятского мушкетерского полка в западном направлении вдоль по долине реки, а с остальными семью батальонами^[532] пошел на Дюренштейн. Эти семь батальонов генерал разделил на две группы: три батальона (два батальона 6-го егерского и гренадерский батальон Ярославского полка) под командованием генерал-майора Уланиуса двинулись по

склонам гор, а четыре батальона под непосредственным командованием Дохтурова пошли вдоль по долине.

Примерно в пять часов вечера Уланиус атаковал Дюренштейн и с ходу его занял. Согласно рапорту Уланиуса, его солдаты захватили три французские пушки. Французские документы ничего об этих орудиях не говорят. Но во всех русских источниках они упоминаются. Вполне возможно, что кроме двух пушек Фавье при дивизии Газана находились еще три орудия^[533], которые вследствие неблагоприятного характера местности были оставлены на холме в Дюренштейне.

Серьезного боя в Дюренштейне быть не могло, так как здесь находилась от силы сотня-другая французских солдат. Однако звуки стрельбы, раздавшиеся в тылу, были сигналом того, что для дивизии Газана бой еще только начинался. Маршал Мортье поскакал галопом к своим батальонам и отдал немедленные распоряжения с целью отразить колонну Дохтурова. Маршал приказал батальону 100-го линейного полка и 4-му драгунскому атаковать русские части, выходящие из Дюренштейна и разворачивающиеся в боевые порядки на равнине.

Впрочем, как и следовало ожидать, атака 4-го драгунского захлебнулась: на пересеченной местности, поражаемые со всех сторон пулями русских егерей и штыками гренадер, драгуны повернули вспять. Не более удачной была и атака пехоты. Мортье необходимо было срочно что-то делать. Ясно было, что войска Милорадовича не останутся в стороне и скоро они атакуют с противоположной стороны. Дивизия Газана, уже понесшая серьезные потери, была все-таки взята русскими в клещи.

Мортье собрал своих офицеров и спросил, что они предлагают. «Майор Анрио из 100-го полка, который блистательно зарекомендовал себя во время боя в Лойбене, – рассказывает Таландые, – предложил встать во главе гренадер своего полка и двинуться на противника по дороге, идущей между двух каменных изгородей. По дороге можно было идти только колонной не шире, чем семь человек по фронту. Он [Анрио. – *Примеч. авт.*] предложил опрокинуть в штыки первые ряды неприятеля... и открывать огонь по русской колонне только в упор, добавив, что каждое отделение, дав залп, должно будет перепрыгнуть через стены, чтобы дать возможность выстрелить в упор следующему. Это предложение, высказанное уверенным тоном, понравилось маршалу, и он приказал тотчас же его исполнить»^[534].

Стрелки часов показывали уже шестой час, и над полем боя сгущалась темнота, в которой то там, то сям можно было увидеть вспышки выстрелов. Эта темнота давала шанс французам. Маршал Мортье, генерал Газан и офицеры штаба встали между 1-м и 2-м батальонами 100-го полка, выстроившегося колоннами на дороге. Остальные пристроились позади.

Майор Анрио обратился к гренадерам. «Товарищи, – сказал он, – нас окружило 30 тысяч русских, а нас всего лишь 4 тысячи. Но французы не считают врагов. Мы прорвемся. Гренадеры 100-го полка, вам принадлежит честь идти первыми в атаку. Помните, что вы должны спасти французские знамена»^[535]. В ответ на слова командира солдаты уверенно прокричали: «Господин майор, мы гренадеры!»

Прежде чем начать атаку, Анрио приказал пушкам лейтенанта Фавье расстрелять свои последние боеприпасы. Прогремело шесть выстрелов, и барабаны забили атаку. Колонна ринулась вперед по дороге...

В этот момент четыре батальона под личным командованием Дохтурова были развернуты в две линии на равнине в 500 м восточнее Дюренштейна. Три батальона Уланиуса примыкали к их левому флангу. Уланиус докладывает, что он в этом «порядке и наступал, поражая неприятеля сильным ружейным огнем со всех сторон, к деревне Лоим^[536]»^[537].

Судя по всему, Мортье и Газану удалось собрать далеко не всех солдат. Многие, захваченные внезапным наступлением русских, приняли бой там, где они находились к этому моменту, ведя огонь из-за стен виноградников и садов. Именно поэтому русские генералы не могли видеть построение колонны 100-го линейного полка. Для них бой

представлялся столкновением с рассеянным на широком фронте противником, которого они успешно теснили. Дохтуров сообщает в своем рапорте: «...неприятель весьма медленно ретировался... с наступлением вечерней темноты... он [неприятель. – *Примеч. авт.*], продолжая ружейную и пушечную из батарей своих сильную пальбу, не мог... первой линии, которая... наступая, действовала, сделать малейшего помешательства. Все три батальона Московского мушкетерского полка, составлявшие первую линию, грудью шли вперед, исполняли во всей точности мои приказания...»^[538]

Удар французской колонны пришелся почти точно в центр линии русской пехоты. Как и предписывал Анрио, головное отделение в отчаянном порыве устремилось на русских, разрядив свои ружья прямо в упор. Завязалась бешеная штыковая схватка, где обе стороны сражались с беспримерной отвагой. Рассказы об этом жутком бое пестрят фантастическими подробностями. В частности, полковник Таландье сообщает, что страшная резня продолжалась три четверти часа и вся дорога была покрыта «трусами врагов». В истории Московского полка говорится, что схватка была столь кровопролитной, что «...Дохтуров, чтобы прекратить эту бесполезную резню, приказал полковнику Сулиме очистить путь французам. Последние тогда отступили, провожаемые нашими выстрелами, оставив в руках гренадерского батальона Московского полка свое знамя, штандарт и массу пленных»^[539].

Если бы бой на дороге действительно был продолжительным, французская колонна неминуемо была бы охвачена со всех сторон и, скорее всего, уничтожена. Ведь перед широким фронтом развернутых русских батальонов были лишь отдельные разрозненные кучки французских солдат. И в том случае, если бы стало ясно, что практически все французы находятся на узкой дороге, ничто не помешало бы русским батальонам, сделав захождение одним правым плечом, другим левым плечом вперед, зажать длинную колонну между стенами. По всей вероятности, схватка как раз была скоротечной. Нет сомнения в том, что узкая дорога являла собой страшное зрелище, но вряд ли участники иступленного боя могли ясно отдать себе отчет в том, сколько он длился. Сложно оценить длительность этой резни, быть может, десять минут, быть может, четверть часа. Этого времени вполне было достаточно, чтобы действительно устлать трупами русских и французских солдат дорогу, с другой стороны, командиры основной массы русской пехоты просто не успели осознать, что происходит в центре.

О том, что это было, скорее всего, именно так, говорит тот факт, что, когда французская колонна достигла Дюренштейна, в городе никого не было. «Мы нашли Дюренштейн в полной тишине, – рассказывает Таландье, – и наше отступление могло продолжиться в порядке»^[540]. Это было бы совершенно немислимо в том случае, если русские генералы видели бы, что здесь находятся почти все силы дивизии Газана. Дохтуров говорит в своем рапорте, что после того, как он развернулся восточнее Дюренштейна, пальба продолжалась еще около трех часов. Речь, само собой, идет о бое с рассеянными остатками дивизии Газана. Русские генералы, скорее всего, просто не обратили внимания на прорыв, с их точки зрения, они разгромили главные силы французской дивизии и добивали ее остатки по садам и виноградникам.

В то время когда эти драматические события происходили между Дюренштейном и Обер-Лойбенем, неподалеку от Вайсенкирхена появилась наконец дивизия Дюпона. Его полки, слыша канонаду далеко впереди, шли с надеждой успеть принять участие в бою. Однако около четырех часов дня канонада стала стихать, а вскоре и совсем смолкла. Дюпон, считая, что теперь спешить незачем, приказал дивизии остановиться и расположиться на бивак, не доходя до Вайсенкирхена. Когда колонна остановилась, передовые разезды гусар 1-го полка сообщили, что впереди на дороге находятся русские войска. Это были два батальона Вятского полка, посланные в западном направлении по берегу Дуная. Дюпон приказал 9-му легкому полку атаковать неприятеля.

В сгущающейся тьме завязался яростный бой. 9-й легкий считался элитным полком. За геройские действия в битве при Маренго эта часть была особо отмечена Бонапартом. Отличился полк и в сражении при Хаслахе (см. выше). И в этот раз его атака была

отчаянной. Шедшие долиной Дуная в голове колонны карабинеры, а за ними и весь 9-й легкий с такой яростью атаковали первый батальон Вятского полка, что он, понеся тяжелые потери, откатился назад. В плен был взят полковник Бибииков, французы захватили также две пушки, двигавшиеся с русской пехотой, и два знамени Вятского полка. Одно знамя было захвачено капитаном Лебланом, другое – барабанщиком карабинеров по фамилии Драпье^[541].

Несмотря на тяжелейшие потери, полк продолжал сражаться. Очевидно, с подходом второго батальона Вятского полка завязался упорный огневой бой. Теперь подался назад 9-й легкий, потеряв 19 убитыми и 56 ранеными.

Подполковник Вятского полка Гвоздев, принявший команду на себя, сообщал в своем рапорте следующее: «Я же с батальонами имени моего и командирским... был окружен со всех сторон сильным неприятельским ружейным огнем, от которого таким же ружейным огнем, а большей частью штыками опрокинул...»^[542]

В свою очередь Дюпон говорит о том, что он двинул 32-й линейный на помощь. 32-й линейный также был знаменитой частью. Он отличился еще в ходе Первой Итальянской кампании Бонапарта и был одним из его любимых полков. Подобно 9-му легкому, он покрыл себя славой под Хаслахом. Первый батальон 32-го, построившись в колонну слева от легкой пехоты, пошел в штыки. А второй подкрепил легких пехотинцев с тыла. Закипел ожесточенный бой.

«Было совсем темно, – говорится в журнале дивизии Дюпона, – солдаты смешались и дрались врукопашную. Так продолжалось почти целый час. Каждый думал, что неприятель хочет сдаваться. Русские кляли оружие на землю, чтобы показать французам, что они должны сделать. Французы думали, что они сдаются, и пытались гнать их в тыл. Тогда русские снова хватали свои ружья и били в неприятеля. Офицеры обеих сторон пытались остановить эту свалку, которая превратилась в совершенно бессмысленную резню. Путаница, темнота, дикие крики – все это мешало навести порядок. Тогда генерал Дюпон, чтобы остановить бой, приказал полковнику 32-го линейного, чтобы офицеры вытаскивали солдат по одному из этого клубка и собрали их (!)»^[543].

Сложно сказать, как выглядела эта странная попытка разнять бьющихся солдат, но нет сомнения, что в темноте действительно все совершенно перепуталось. Дюпон рассказывает: «Стойкость русских батальонов равнялась порыву наших полков. Свалка была кровопролитной, и много раз бойцы с обеих сторон смешивались в одну кучу. Ночь уже давно опустилась, а наш успех еще не был очевиден. Однако наши войска сумели продвинуться вперед... и наконец сломили отчаянное сопротивление. Противник был отброшен на всех пунктах, и дорога на Дюренштейн проложена»^[544].

Интересно, что подполковник Гвоздев также докладывал, что неприятель «совершенно был разбит и рассеян, так что я имел свободу с прописанными батальонами следовать по следам колонны без малейшего препятствия»^[545]. Отступили все-таки солдаты Вятского полка, так как доподлинно известно, что дивизия Дюпона проложила дорогу навстречу отступавшим войскам Мортье. Однако, после того как французские колонны объединились, они отошли в Вайсенкирхену, тем самым открыв дорогу русским. Подполковник Гвоздев смог также присоединиться к основным силам, что дало ему возможность написать оптимистический рапорт.

Генерал Ермолов в своих мемуарах язвительно пишет о действиях Дохтурова: «...он так распорядил войска, что потерял почти весь батальон Вятского мушкетерского полка и одно знамя»^[546]. В упрек Вятскому полку это вряд ли можно поставить. Солдаты этой части сражались отважно, но не могли остановить дивизию Дюпона.

В глубокой тьме солдаты дивизии Дюпона встретили идущие им навстречу батальоны Газана. Кровопролитное сражение закончилось... Французские дивизии отступили в сторону Шпица, и в четыре утра по приказу Мортье остатки дивизии Газана стали переправляться на правый берег Дуная с помощью всех возможных лодок.

Результаты сражения под Дюренштейном – Кремсом трудно охарактеризовать одной фразой. С одной стороны, это был несомненный успех русской армии. Сумев оторваться от преследования, Кутузов нанес мощный контрудар. Несмотря на подавляющее превосходство французской армии на театре военных действий, получилось так, что к полю сражения русский полководец подвел силы, которые в свою очередь имели подавляющее превосходство над неприятелем. В этом, собственно, и состоит стратегический талант. Знаменитый французский полководец маршал Бюжо сказал как-то: «Редко в отступлении бывают львом». Кутузов сумел сделать это.

С другой стороны, с точки зрения тактической русское командование организовало бой крайне неудачно. Численное превосходство не было использовано. В результате почти всегда на поле боя русские если не оказывались в меньшинстве, то обладали, по крайней мере, минимальным численным перевесом. Почти во всей французской военно-исторической литературе, где упоминается сражение под Дюренштейном, пишется, что Газан и Мортье героически сражались с 6 тыс. солдат против 35-тысячной армии. На войне, впрочем, как и в жизни, чудес не бывает. Если бы русским генералам действительно удалось бросить в атаку 35 тыс. солдат, то, как бы мужественно и умело ни сражались французы, вряд ли хоть сотня из них ушла бы с поля боя. На самом деле в первом «акте» боя, который провел Милорадович, у него со всеми полученными подкреплениями было едва 5–6 тыс. солдат. Во втором «акте» боя у Дохтурова было не более 3,5–4 тыс. человек. Наконец, подполковник Гвоздев, который пытался помешать движению дивизии Дюпона, имел под своим командованием менее 2 тыс. человек.

Что же касается маршала Мортье и генерала Газана, то они поистине зарекомендовали себя как блистательные командиры. Они не только отважно сражались, но и проявили всю возможную инициативу, решительность и огромное личное мужество.

Потери, понесенные в ходе боя враждующими сторонами, подтверждают сказанное. Если верить рапорту полковника Лебрена, посланного из штаба для того, чтобы сообщить о состоянии войск Мортье, дивизия Газана потеряла 1630 человек убитыми, ранеными и пленными^[547].

Однако эти данные были наверняка неполные. Если сравнить численность дивизии накануне сражения и через несколько дней, в ней не хватало по крайней мере 2300 солдат и офицеров. Эту цифру, вероятно, можно даже увеличить на одну-две сотни человек, так как боевое расписание было составлено во время пребывания дивизии в Вене, где она находилась на отдыхе и ее могли нагнать отставшие. Некоторое количество раненых и пленных этой дивизии было освобождено также, когда французские войска вступили в Кремс. Что касается дивизии Дюпона, ее потери точно указаны в рапорте генерала. Они составляют лишь 106 человек убитыми и ранеными. Причем 32-й линейный потерял только двух убитыми и 27 ранеными. Можно сделать вывод, что либо ожесточение боя, о котором говорит журнал дивизии Дюпона, несколько преувеличено, либо потери указаны не полностью.

В общей сложности французские потери составляли, очевидно, около 2500–3000 человек убитыми, ранеными и пленными^[548]. Кроме того, в плен попал командир первой бригады дивизии Газана генерал Грендорж. Покинув ряды дивизии, он попытался с небольшой группой офицеров и солдат вырваться из окружения, переправившись на большой лодке через Дунай. Однако на лодке не было весел, и ее прибило течением к столбам сожженного моста. Поручик Шкляревич из Апшеронского полка с несколькими солдатами подплыл на лодке к французам и захватил их в плен.

Позже генерал Грендорж будет предан военному суду за трусость. Он был единственным французским генералом, который подвергся суду по подобному обвинению за время всех войн Империи. Тем не менее поведение Грендоржа было, скорее всего, сиюминутной слабостью и объяснялось тем, что он был отрезан от своих в ходе беспорядочного ночного боя. Позже генерал Грендорж будет восстановлен в своей должности. В ходе своей карьеры

он был ранен пять раз и геройски погиб от смертельной раны в бою при Бусако 27 сентября 1810 г.

Кроме генерала Грендоржа русские захватили полковника 4-го драгунского Ватье, который вскоре будет обменен на захваченного в плен русского полковника. Французы потеряли также пять пушек, и, что очень важно, русские захватили три знамени^[549] (орла). Один из этих орлов принадлежал 4-му драгунскому полку, два других – 100-му или 103-му линейному – неизвестно.

Русские потери установить еще сложнее. Если сложить все данные рапортов, то получается 2534 человека. Однако подполковник Гвоздев, указывая в своем рапорте количество убитых и пропавших без вести (267 человек), оставил пробел вместо цифры раненых рядовых. С учетом количества убитых количество раненых должно было быть весьма значительным. Полковые документы Нарвского полка говорят о том, что он потерял 150 человек убитыми и ранеными, а также 155 без вести пропавшими. Неизвестно, учтены ли потери этого полка в рапортах других генералов. По всей видимости, нет. Вероятно, что общее количество русских потерь приближалось к 3500 человек. Среди погибших был также генерал Шмидт, автор глубокомысленной идеи обходного маневра. Наконец, французы взяли в плен полковника Бибикова, захватили два русских знамени и две пушки.

Таким образом, в тактическом отношении Мортье не только сумел вырваться из окружения, но и нанес противнику чувствительный урон.

Днем 11 ноября император, находясь на пути из Мелька в Санкт-Пельтен, слышал грохот канонады, раздававшийся со стороны Дюренштейна. Французский главнокомандующий находился в страшном беспокойстве. Он прекрасно понимал, что, возможно, в те минуты, когда он слышит далекий гул орудий, на другом берегу Дуная погибает целый корпус Великой армии.

«Зловещие слухи начали распространяться вечером, – написал в своих мемуарах офицер штаба императора капитан Тиар. – Ночью^[550] император позвал меня и сказал: “Отправляйтесь в Маутерн. Я не знаю, что происходит на другой стороне Дуная. Постарайтесь раздобыть самые точные сведения. Переправьтесь через реку, если это будет возможно, и возвращайтесь рассказать мне, что там происходит, как можно быстрее”»^[551].

Капитан Тиар тотчас же отправился в Маутерн и первый свой рапорт написал в 18 часов 30 минут на основании визуального наблюдения боя на противоположном берегу и беседы с офицерами, спасшимися от окружения на лодке. Через некоторое время капитану удалось переправиться через Дунай и посмотреть своими глазами на то, что реально произошло. Тиар лично доложил императору об увиденном, очевидно, в первой половине дня 12 ноября. Император был так обеспокоен, что в ожидании рапорта Тиара он послал разузнать о корпусе Мортье своего адъютанта генерала Лемаруа. Если верить мемуарам Тиара, он передал императору объективную картину произошедшего, сообщив, кстати, что было потеряно пять пушек и три орла.

Наполеон, очевидно, ожидал куда более худшего. По его приказу начальник штаба тотчас же написал маршалу Мортье: «...Император совершенно удовлетворен храбростью Ваших войск и Вашими умелыми действиями, господин маршал»^[552].

Не удовлетворившись рапортами Тиара и Лемаруа, Наполеон послал после них полковника штаба Лебрена с целью разузнать подробно, что действительно случилось в бою под Дюренштейном, и написать детальный отчет по поводу этого события. Рапорт Лебрена хранится в архиве исторической службы французской армии. Он неправильно датирован 11 ноября 1805 г. На самом деле рапорт написан, очевидно, 13 ноября. Лебрен сообщил о потерях корпуса Мортье (см. выше), он также написал следующее: «...я задавал вопросы многим офицерам, всем по отдельности, и все сообщили мне примерно одно и то же. Я говорил также с солдатами... этот бой не повлиял на их моральный дух. Они говорили, что русских было шесть на одного, и тем не менее, заявляли они, мы победили у них народу больше, чем они у нас»^[553].

В пять часов вечера Наполеон написал Мюрату: «...я только что получил известия от маршала Мортье. Они не такие плохие, как я думал вначале... Маршал Мортье находится сегодня между Шпицем и Вайсенкирхеном. Русские, как кажется, не собираются уходить»^[554].

В этот момент отважный командир французского авангарда находился уже под стенами Вены. Получив суровые упреки за свое безрассудное поведение, Мюрат всеми способами пытался загладить свою вину. Он не осмелился самостоятельно вступить в австрийскую столицу, чтобы не заслужить еще большего нагоняя, и написал своему царственному шурина: «Сир, я в отчаянии оттого, что приказы Вашего Величества не дошли до меня вовремя и я не смог вовремя занять позиции, которые Вы мне предписывали занять... Я решился двинуться на Вену, только получив рапорт о том, что русские перешли на левый берег Дуная и сожгли за собой мост. Мне было бы очень сложно настигнуть их...»^[555]

Ситуация, впрочем, изменялась с такой скоростью, что Наполеон уже совсем не думал о выговоре Мюрату. Его теперь занимало другое: мосты через Дунай. Переправиться через широкую полноводную реку, противоположный берег которой занимал неприятель, было очень сложно, особенно в холодные ноябрьские дни. Достаточно вспомнить, что в 1809 г., когда Наполеон вновь занял Вену, он попытался переправиться через Дунай, левый берег которого занимали австрийцы. Плохо подготовленная попытка привела к кровавой неудаче под Эсслингом, и императору пришлось потратить полтора месяца для того, чтобы завершить подготовку нового форсирования Дуная, которое на этот раз было успешным. В 1805 г. он никак не мог позволить себе подобной роскоши. Со всех сторон на помощь Вене спешили союзные армии. Всякое затягивание времени было на руку его врагам.

Именно поэтому император ставит перед маршалом Мюратом почти невыполнимую задачу. По его приказу из Санкт-Пельтена Бертье написал Мюрату: «Император поручает мне сказать Вам, что русские находятся еще в Кремсе... В настоящий момент важнейшая задача – это перейти Дунай, чтобы заставить русских покинуть Кремс, и броситься на их тылы. Неприятель, возможно, попытается уничтожить мосты в Вене, но если есть возможность взять их нетронутыми, попытайтесь это сделать»^[556]. Вечером 12 ноября в своем личном письме Наполеон указал маршалу: «Вы должны двинуться к мостам в Вене. Если, по счастью, Вы найдете их нетронутыми, не теряйте времени, переходите Дунай с частью Вашей кавалерии, гренадерами и дивизией Сюше. Пусть за Вами следуют дивизии Леграна и Вандамма. Русская армия может оказаться, таким образом, целиком отрезана»^[557].

Задача была, прямо скажем, почти невыполнимая. Все австрийские войска, находившиеся в Вене (примерно 13 тыс. человек), перешли на левый берег Дуная. Их единственной задачей стала оборона переправы через реку. Большая дорога, идущая из Вены в северном направлении на город Брюнн, пересекает Дунай, проходя через несколько островов. Ближайший к Вене мост длиной 100 м называется Таборским, а следующий крупный мост, непосредственно выходящий на левый берег, называется Шпицким мостом. Его длина 430 м. Оба моста были сооружены из деревянных балок. По приказу генерала Ауэрсперга, который командовал собранными в Вене австрийскими войсками, мосты были заминированы и покрыты горючими веществами. На левом берегу рядом со Шпицким мостом стояло 16 пушек, нацеленных на переправу. Все 13 тыс. австрийских солдат (17 батальонов и 30 эскадронов) либо располагались прямо рядом с мостом, либо охраняли береговую линию вверх и вниз по течению Дуная. 24 пушки стояли наготове в резерве. Офицеры получили приказ в случае появления французов немедленно взорвать мост. Таким образом, с точки зрения физической захватить Таборский и Шпицкий мосты открытой силой представлялось невозможным. В случае атаки австрийцы тотчас же взорвали бы свои мины, а пушки открыли бы убийственный огонь по всем тем, кто приблизился бы к мосту.

Однако, как известно, на войне, как говорил Наполеон, три четверти всего составляют моральные силы. А с точки зрения морально-политической ситуация представлялась не столь простой. Все население Вены было взбудоражено. Кто боялся вступления французских войск, кто опасался боя в городе, а кто обсуждал, что начались переговоры о мире.

Разведчики доносили из Вены 11 ноября: «В городе царит всеобщее возмущение против австрийского императора и его правительства, потому что **почти все были против этой войны**. Говорят, что в ней виноваты священники и дворяне, потому что они всегда проповедовали против французов... В Вене плохо с продовольствием... в настоящее время кажется, что жители Вены с удовольствием воспримут вступление французских войск. Они [жители. – *Примеч. авт.*] в бешенстве против своего правительства, которое не смогло сохранить ни деньги, ни мир и которое вело себя так неумело»^[558].

Все единодушно проклинали союзников и непопулярную войну. Раздражение было столь сильно, что жители столицы стали почти желать вступления французских войск. Мюрат сообщал из-под стен Вены: «Настроения, которые царят в Вене, столь благожелательны по отношению к нам, что сложно вообразить. Даже знатные вельможи, которые вынуждены были уехать из столицы вместе с императорским двором, ругали правительство и его мероприятия. Негоцианты, зажиточные слои народа, выражаются в том же смысле. По крайней мере, 6 тыс. человек пришли по большой дороге на наши аванпосты, чтобы посмотреть на французскую армию. Нас беспрестанно осаждают вопросами, в какое время мы будем вступать в Вену... Один богатый человек сказал вчера: “Раз уж Наполеон так хорошо умеет править, пусть управляет нами”»^[559].

Уезжая из Вены, император Франц II оставил распоряжаться в городе своего обер-камергера графа Врбна, который решил подготовить жителей к вступлению французской армии. Политически осторожный обер-камергер обратился к жителям с интереснейшим воззванием: «Опыт показывает, что эти войска [французские. – *Примеч. авт.*] соблюдают строгую дисциплину и что они постараются, насколько это возможно, смягчить тяготы войны. Посему мы желаем, чтобы жители города оставались в спокойствии и вели себя достойно; я сообщаю всем, что Его Величество наш государь не только посчитает ненужным неуместное рвение, но и напоминает, что это может создать опасность для жизни и собственности сограждан. А потому он обещает, что сурово покарает за все беспорядки...»^[560]

К этому нужно добавить, что 12 ноября через город проехал граф Гиулай, снова направляясь на переговоры с французским императором. О том, что и как обсуждалось, мало кто знал. Зато всем было известно, что переговоры продолжаются. Мюрат также постоянно поддерживал контакт с муниципалитетом города, с которым он обсуждал детали вступления в Австрию французских войск. О переговорах хорошо знали и австрийские генералы, которые, как и многие другие, были совершенно сбиты с толку и уже не знали: то ли идет война, то ли дело близится к подписанию мира.

Нужно добавить, что генерал, князь Ауэрсберг был больше придворным, чем воином. В течение многих лет он исполнял обязанности командира придворных гвардейцев и мало подходил для руководства войсками в боевой обстановке. Как и многие другие, он совершенно запутался в этой неопределенной военно-политической обстановке и, очевидно, должен был совсем потерять голову, когда получил 12 ноября от графа Врбна следующее послание: «Я не могу дать Вашей светлости никаких точных сведений по поводу того, желает ли принц Мюрат атаковать мосты, после того как он займет Вену. Он ничего мне не сказал по этому поводу и, разумеется, ничего не скажет. Тем не менее я считаю, что он попытается форсировать Дунай... Я прошу, однако, Вашу светлость не сжигать сейчас мосты, потому что мир и спасение монархии зависят, быть может, от удобства связи между двумя императорами. Кроме того, дорога с левого берега необходима для снабжения Вены»^[561].

Все это дало возможность французам попытаться обмануть бдительность неприятеля. Мюрат получил письмо от императора, предписывавшее ему «попытаться перейти Венский мост» 12 ноября в два часа пополудни. И он сделал все, чтобы успешно исполнить эту миссию.

Французские войска на утро 13 ноября были готовы к триумфальному вступлению в австрийскую столицу. По этому поводу все солдаты и офицеры почистились, побрились,

надели парадные мундиры и в девять часов утра под бравурные звуки полковых оркестров церемониальным маршем вошли на улицы Вены. «Принц Мюрат вступил в город во главе дивизии гренадер [Удино. – *Примеч. авт.*], за которыми шли многочисленные полки пехоты и кавалерии, – записал в своем дневнике Фантен дез Одоар. – Все эти войска были облачены в самые нарядные мундиры. Наш марш через город был поистине триумфальным маршем. Жители... смотрели на нас из всех окон, национальная гвардия^[562] в красивой форме приветствовала нас, построенная стройными рядами на площадях, наши орлы и их знамена взаимно склонялись в приветствии. По этому почти что дружескому приему можно было подумать, что с Веной у нас уже заключен мир. Ни малейший беспорядок не омрачил эту великолепную картину... Вот радость, которая достойно вознаградила нас за все тяготы и опасности похода»^[563].

Другой офицер, капитан штаба Тиар почти точно так же запомнил этот день: «...13 ноября, в тот момент, когда армия торжественным маршем шла по улицам, все лавочки были открыты, на рынках шла торговля, народ смотрел в окна и высыпал на улицы, как если бы генерал Макк с триумфом возвращался в город. Многочисленная городская гвардия, великолепно обмундированная и экипированная, поддерживала порядок с тактом и твердостью. Самым большим трудом для нее было сдерживать толпы народа, которые пришли посмотреть на наши войска. Венские полицейские... были на своих обычных постах, и к ним с уважением относились как наши солдаты, так и жители. Казалось, что это был праздничный день...»^[564]

В то время пока французские войска церемониальным маршем вышагивали по улицам Вены, австрийские солдаты у мостов стояли в полной готовности. Как уже отмечалось, был приготовлен к уничтожению только Шпиц-кий мост. Под ним было заложено 20 бочек пороха, приготовлены фитили и горючие материалы. Пушки были наведены на мост таким образом, чтобы смести всех тех, кто вздумает на нем показаться. Чтобы предупредить заранее о появлении неприятеля, между Шпицким мостом и правым берегом был поставлен взвод гусар полка Шеклер под личным командованием полковника Герингера фон Эденберга. Таборский мост был закрыт со стороны города решеткой, за которой стоял передовой австрийский пост. Им командовал лейтенант Эрбаи, и он состоял из двух унтер-офицеров и 17 гусар. Передовой пост должен был предупредить о появлении французов и тотчас же скакать к своим. По сигналу гусар, пропустив их по главному мосту, австрийские саперы были готовы поднять на воздух всю переправу.

К большому удивлению лейтенанта Эрбаи, вместо идущих в атаку французских гренадер он увидел, как перед решеткой остановилась роскошная карета, из которой вышли два богато разодетых господина, опоясанных бело-красной перевязью городского магистрата. Они сообщили лейтенанту, что скоро прибудет лично принц Мюрат и что он желает вести переговоры с генералом Ауэрспергом.

Едва только настоящие или мнимые представители администрации сели в карету и она скрылась с глаз, как у решетки остановился новый богатый экипаж. Оттуда вышел еще один чиновник, который заявил, что ему необходимо срочно переговорить с князем Ауэрспергом и что он должен поэтому перебраться на другую сторону Дуная. Лейтенант категорически отказался, и тогда неизвестный господин намекнул молодому человеку на ту ответственность, которую он на себя берет, и прошептал сквозь решетку, что граф Врбна просит князя Ауэрсперга явиться как можно быстрее. Хотя, казалось бы, эти посещения не увенчались успехом для тех, кто пытался вступить в переговоры, но свое дело они сделали. Наверняка высокопоставленные визитеры посеяли в голове молодого офицера сомнение в том, что еще недавно казалось ему совершенно очевидным, – при появлении французов стрелять и давать знак к подрыву моста.

Едва лейтенант на всякий случай послал унтер-офицера предупредить свое начальство, как перед решеткой объявились новые посетители. На этот раз это были два французских генерала: адъютант императора Бертран и начальник артиллерии Мюрата Моссель. В непосредственной близости за ними следовал французский авангард: 9-й и 10-й гусарские

полки, 10-й и 22-й драгунские и три пушки. Однако эти войска были не видны лейтенанту Эрбаи. Они были скрыты неподалеку за деревьями. Австрийский офицер увидел только несколько солдат, сопровождавших генералов.

Бертран спросил по-немецки, скоро ли приедет князь, и высказал пожелание, ожидая его, поговорить хотя бы с полковником. Лейтенант отправил нового посланника своему начальнику. Пока шел разговор, французские солдаты попытались сломать замок решетки. Тогда австрийские гусары выстрелили из карабинов и поскакали галопом назад, чтобы предупредить о нападении. Но в этот момент подъехал полковник Герингер. Тотчас же генерал Бертран объявил ему, что он адъютант императора и что генерал-лейтенант Гиулай заключил договор, согласно которому боевые действия приостанавливаются и что скоро будет подписан мир. Подписание мира зависит, в частности, от того, чтобы мост не был ни в коем случае сожжен, за что генерал Гиулай и граф Врбна отвечают своими головами.

Полковник, выслушав все это, никак не соглашался пропускать французов для переговоров. Тогда Бертран заявил, что Герингер лично будет отвечать за смертельную опасность, которой подвергнутся граф Гиулай и граф Врбна. В объяснениях, которые позже будет давать Герингер, он утверждал, что генерал Бертран дал ему свое честное слово, гарантировав, что переговоры действительно ведутся. Трудно сказать, насколько соответствует действительности факт клятвы генерала, но совершенно очевидно, что Бертран и Моссель говорили так убедительно, что полковник согласился пропустить их вместе с тремя офицерами, чтобы встретиться с князем Ауэрспергом.

Герингер собрался было поскакать вперед, чтобы предупредить Ауэрсперга, но Бертран и его офицеры обступили его со всех сторон и, заняв его разговорами, неторопливо переехали через все мосты. Генерала Ауэрсперга и его помощника генерала Кинмайера на месте не было, и тогда вся группа направилась в штаб Ауэрсперга в деревню Штаммерсдорф, находившуюся от моста на расстоянии примерно 4 км. Бертран и его сопровождающие встретили князя на полпути. Напрасно генерал Кинмайер, который заподозрил подвох, пытался убедить князя отдать приказ о взрыве мостов. Тот заявил, что должен «посмотреть сам, что происходит, и получить пояснения от графа Врбна».

Нужно сказать, что, пока все это происходило, принц Мюрат и маршал Ланн в полной парадной форме неторопливо двигались к мостам во главе гренадерской дивизии. Играла военная музыка, а французских маршалов сопровождали представители городского магистрата. Граф Врбна поскакал навстречу им, пытаясь объяснить, что двигаться к мостам крайне опасно. Но Мюрат и Ланн вместо того, чтобы его послушать, завели оживленную беседу и увлекли за собой графа. В результате вся эта компания беспрепятственно прошла решетку Таборского моста и подошла вместе с гренадерами к входу на Шпицкий мост.

«Принц Мюрат и маршал Ланн спешили. Голова колонны также остановилась у входа на мост... – докладывал Бельяр в своем рапорте. – Я пошел вперед, заложив руки за спину и как бы прогуливаясь вместе с двумя офицерами штаба. За нами пошел маршал Ланн и два его офицера. Мы шли неторопливо, как будто на прогулке, и так дошли до противоположной стороны реки, оказавшись среди австрийских войск. Командовавший здесь офицер сначала не хотел нас принять, но наконец он решился, и мы начали разговаривать... В это время авангардный взвод медленно продвигался вперед. За ним шли саперы и канониры, которые, спрятавшись позади него, скидывали в Дунай зажигательные вещества, лили воду на порох и перерезали фитили так, чтобы помешать поджечь ту часть моста, которую мы уже занимали.

Австрийский офицер плохо понимал по-французски и мало говорил. Он заметил движение на мосту и хотел объяснить, что войска двигаются, но это не должно быть так. Мы сказали, что они просто немножко передвигаются, чтобы размять ноги и согреться. Погода была холодная, колонна пехоты продолжала продвигаться вперед и прошла уже три четверти моста. Тогда австрийский офицер закричал: «Faer! Faer!»^[565] Солдаты схватили оружие, пушки снова навели на мост, и казалось, что все кончится плохо. Тогда маршал Ланн схватил офицера за воротник с одной стороны, я схватил его с другой стороны. Мы начали его трясти и кричать громче, чем он, так чтобы солдаты его не слышали. Мы говорили ему, что он будет

ответственным за кровь, которая прольется... В то время, когда все это происходило, генерал Бертран появился вместе с князем Ауэрспергом. Когда они приехали, все успокоилось. Князь... спросил, где принц Мюрат. Маршал Ланн бросился к нему, офицер штаба устремился к колонне, чтобы дать приказ ускорить шаг...»^[566]

Ланн, окончательно набравшись наглости, пожаловался князю Ауэрспергу, что его офицеры недостаточно дисциплинированы и принимают ответственные решения в отсутствие командующего. Беспорядочный разговор ни о чем продолжился, а в этот момент колонна гренадер вбежала на австрийский берег... Мост был захвачен.

Князь Ауэрсперг вместе с Ланном поскакал на другой конец моста к Мюрату. «Но вы же нас просто провели!» – закричал он, обращаясь к командиру резервной кавалерии. Тот рассыпался в комплиментах, пытаясь успокоить Ауэрсперга, но войска отводить категорически отказался. Мюрат также заявил, что при первом выстреле со стороны австрийцев их тотчас же атакуют и возьмут в плен. Если же они будут вести себя смиренно, маршал широким жестом давал им возможность спокойно уйти восвояси «ввиду переговоров, которые велись в этот момент».

Французские полки сплошным потоком двинулись на правый берег. Австрийские солдаты и офицеры недоуменно смотрели на все это зрелище, вконец потеряв все ориентиры. «Я ничего не понимаю в этом. Лично я отправляюсь к императору!»^[567] – в сердцах воскликнул один из австрийских полковников, смотря на проходящие неприятельские отряды. С этими словами он отдал приказ своему полку двигаться вперед и, прорезав французскую колонну, ушел подальше от моста.

«Князь Ауэрсперг показался мне замечательным человеком, – не без доли иронии написал в своем рапорте того же дня маршал Мюрат. – Он мне сказал, что он будет счастлив приветствовать Его Величество Императора Наполеона... Он оставил нас, проклиная министров, авторов этой войны. Генералы Кинмайер и Колоредо навестили меня. ...я обещал им не открывать огонь по их войскам, не предупредив их»^[568].

Невообразимое событие произошло. Заминированный, тщательно обороняемый мост был захвачен хитростью, используя неразбериху, которая царила вследствие запутанности общей политической ситуации. Очень часто утверждается, что Мюрат и Ланн дали честное слово, что мир заключен. Как видно из рассказа, построенного только на первоисточниках, ни тот ни другой такого слова не давали. Если кто-то и обманул австрийцев, поступившись своей честью, то это был генерал Бертран. Однако о том, что он дал честное слово, написал в своих показаниях полковник Герингер. Заявление Герингера было сделано в ходе расследования, которое было проведено австрийским военным судом по поводу событий 13 ноября. Полковник был слишком заинтересованным человеком для того, чтобы безоговорочно верить его показаниям. Возможно, его, как и остальных, просто-напросто запутали, сбили с толку, не используя для этого прямой обман. Так или иначе, военный суд возложит всю ответственность на князя Ауэрсперга. Он был приговорен к расстрелу, но помилован императором.

Захват Таборского и Шпицкого мостов снова перевернул всю стратегическую обстановку. Отныне путь на левый берег Дуная для французской армии был свободен...

Глава 11. Тайна Шенграбена

На поле брани исполненный мужества воин пойдет вперед, невзирая на тучи стрел и пуль. Он не будет думать ни о чем, кроме верности и долга, и без колебаний отдаст свою жизнь. Когда подлинная доблесть проявлена, предназначение воина выполнено полностью и слова замирают на устах.

Бусидо

Могут ли 6 тыс. человек сражаться против 30 тыс.? В определенных условиях, конечно. Да, если 6 тыс. вооружены пулеметами, а 30 тыс. – палками. Да, если 6 тыс. человек занимают неприступные укрепления, а более многочисленная армия штурмует их в лоб без

соответствующей подготовки. Да, если 6 тыс. напали внезапно, например, среди ночи на расположение неприятеля. Да, если существует гигантская разница в моральном состоянии войск, например, когда 30 тыс. – это остатки бегущей армии, а 6 тыс. – это авангард победоносного войска...

Но вопрос другой: возможно ли противостоять в открытом поле пятикратно превосходящему противнику, если вооружение примерно одинаково, если тактическая подготовка практически одна и та же, если моральный дух обеих сторон одинаково высок и если отсутствует полная внезапность?

Как ни странно, некоторые французские и русские историки считают, что подобное возможно. Во французской литературе не раз встречается описание того, как маршал Мортье разгромил под Дюренштейном с 6 тыс. солдат 35 тыс. русских. Современный французский историк Ален Пижар в своей монографии «Наполеоновская армия» утверждал даже, что русские потеряли в битве под Кремсом-Дюренштейном 12 тыс. человек!!! Чтобы это было возможно, солдаты Мортье должны были перебить всех до одного русских солдат, участвовавших в этом сражении, так как реально Кутузов ввел в бой не более 11–12 тыс. человек.

Нужно сказать, что русская историография в этом отношении не только не уступает французской, но и превосходит ее. Различаются только события. Если во Франции стало легендой сражение под Дюренштейном, то в России – бой под Шенграбеном (Голлабрунном), о котором пойдет речь в этой главе. Это столкновение, где отряду Багратиона суждено будет противостоять авангарду Великой армии, превратилось под пером многих русских историков из реального героического эпизода в фэнтези-битву, где горсть суперменов косит ужасающими ударами несметные полчища неприятеля.

Подобное фантастическое описание Шенграбена можно найти в «Письмах русского офицера...» Федора Глинки, произведении, стоящем где-то между мемуарной и исторической литературой: «Пять тысяч Россиян, сражаясь с шестидесятью тысячами французов, отняли у них знамя, убили генерала и с немалым числом пленных офицеров и рядовых присоединились к прочим войскам, тогда когда их должно было почитать погибшими... Триста спартанцев побили двадцать тысяч персов в неприступном проходе Фермопильском, а пять тысяч Россиян отразили шестьдесят тысяч французов в чистом поле!»^[569]

Немногим меньше оценивают разницу в силах авторы публикации документов о генерале Багратионе, зато в области стратегических оценок они превосходят Глинку: «Кутузов разгадал замысел Наполеона и разработал гениальный план противодействия... Заслонить русскую армию от двухсоттысячной (!) армии Наполеона – вот задача, которую должен был решить выделенный Кутузовым под командой Багратиона шеститысячный отряд... Багратион в течение 18 часов отбивал атаки тридцатитысячной наполеоновской армии»^[570].

Наконец, в относительно новой работе Е. В. Мезенцева «Война России с наполеоновской Францией в 1805 г.» можно прочитать, как указывалось во введении, что у французов было даже «десятикратное численное превосходство»!^[571]

До подобной фантастики доходит, пожалуй, разве что этот историк, но в общем же в русской историографии закрепилось как некое незыблемое положение, что шеститысячный арьергард Багратиона остановил, почти что разбил, хотя и ценой больших потерь, тридцатитысячную группировку под командованием Мюрата.

История Шенграбенского боя, ставшего поистине иконой благодаря бессмертному роману Толстого «Война и мир», всегда занимала автора этих строк. Неужели подобное действительно возможно? Быть может, русские источники сильно приуменьшают численность отряда Багратиона и преувеличивают численность французов?.. Как ни странно, численность войск Багратиона была действительно почти что такой, а французов было даже немного больше.

Что же тогда в реальности произошло? Каким образом армии Кутузова удалось избежать окружения и разгрома, а Багратиону с горстью войск заслонить отступающие русские

колонны? Какова тайна произошедшего под Шенграбеном? Обо всем этом речь пойдет в этой главе...

Едва только мосты через Дунай были захвачены, как по ним двинулись одна за другой колонны французских войск. Наполеон был поистине в восторге от находчивости своих офицеров, которые вернули ему надежду на быструю победу и скорое окончание войны. Дивизия Сюше перешла реку вслед за гренадерами и вечером расположилась на биваке на левом берегу Дуная.

Нужно сказать, что после взятия мостов возникла путаница и неразбериха. Маршалы, которые захватили переправу, воспользовавшись не слишком рыцарским приемом, испытывали некоторое смущение и хотели показать австрийцам, что действительно существует общее перемирие. Поэтому, когда на пути французов встретился большой австрийский отряд, его не только не атаковали, но и, более того, любезно пропустили сквозь ряды французских войск и дали ему уйти восвояси.

«Мы остановились, чтобы дать пройти сквозь наши ряды четырем-пяти тысячам отступавших австрийцев, – написал в своем дневнике Фантен дез Одоар. – Мирное шествие этого войска нас немного изумило. Мы подумали, что снова объявлено перемирие. Австрийские офицеры, с которыми мы обмолвились несколькими словами на ходу, думали то же самое. С той и другой стороны обменивались дружескими приветствиями и говорили о скором заключении мира»^[572].

Вечером некоторые австрийские и французские полки стояли в непосредственной близости. Д'Эральд, хирург дивизии Сюше, видел, что в деревне недалеко от моста «войска расположились на бивак вперемешку с австрийцами так, словно они были друзьями»^[573].

На следующий день 14 ноября французские дивизии устремились вперед. В северо-восточном направлении по дороге на Цнайм двинулись основные силы под командованием Мюрата и Ланна. В северном направлении по дороге на Никольсбург поскакали кавалеристы Мильо. В это время через столицу Австрии проходили войска корпуса Сульта и Даву, которые догнали в этот день главную квартиру.

Жители Вены смогли в очередной раз посмотреть на парад французской армии. «14 ноября корпуса маршала Сульта и Даву прошли через город в полной парадной форме, – вспоминал генерал Бигарре, тогда командир 4-го линейного полка из дивизии Вандамма. – Жители стояли толпами по сторонам улиц, чтобы посмотреть на эту великолепную армию, репутация которой стала поистине грандиозной... Ни один житель не был обижен, и французские войска сохраняли безупречную дисциплину в своем триумфальном марше»^[574]. Император расположился в загородном Шенбруннском дворце.

В Вене были найдены огромные запасы, оставленные австрийцами. Командование Императорского Арсенала вежливо ожидало у входа появления французского офицера, который принял списки вооружения и запасов, находящихся в Арсенале. В руки французов попали 2 тыс. пушек, 100 тыс. ружей, многие сотни тонн пороха, сотни тысяч ядер и миллионы патронов. Отныне Вена превратилась в надежную базу для дальнейших операций.

22-й бюллетень Великой армии сообщал следующее: «...недовольство народа [политикой австрийского правительства. – *Примеч. авт.*] трудно поддается описанию. В Вене и во всех провинциях Австрийской монархии говорят, что ими плохо управляли, что в интересах Англии страну вовлекли в разорительную, несправедливую войну... что финансы находятся в самом большом расстройстве, что государственная казна и состояния простых граждан разорены из-за обесценивающихся ассигнаций, которые потеряли 50 % своей стоимости, что и так уже достаточно неприятностей, чтобы к ним еще добавлять несчастья войны»^[575].

Этот официозный документ вполне подтверждается мемуарами, дневниками современников и документами. «Народ и особенно венские горожане с огромным неудовольствием видели, как начинается эта война... Преданность нации ее государю, еще недавно такая сильная, ослабилась»^[576], – вспоминал камергер Наполеона капитан Тиар. А Мюрат в своем письме 14 ноября докладывал буквально следующее: «Мы встретили два

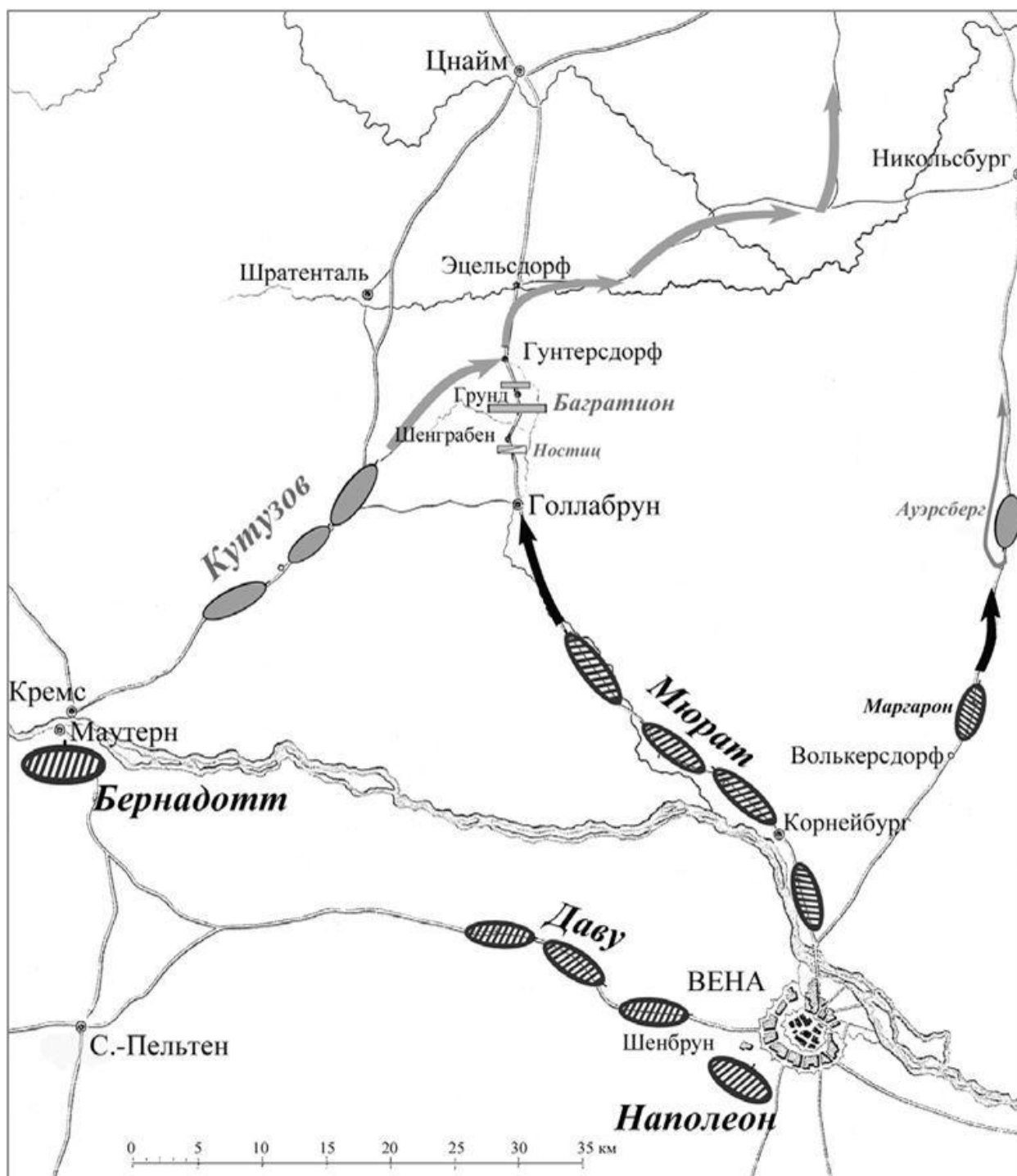
австрийских батальона, командир которых проклинает русское правительство и свое правительство. Он желал бы сражаться вместе с нами»^[577].

Венские власти с готовностью сделали все для того, чтобы обеспечить город и находящуюся в нем французскую армию продовольствием. «Вопрос продовольствия был одним из самых главных, – вспоминал Тиар. – По этому поводу у меня было много переговоров с графом Врбна, которому император Франц доверил бразды правления и который был настроен [по отношению к французам. – *Примеч. авт.*] самым лучшим образом. Он предложил тотчас же переправить из Венгрии стада быков в том случае, если будет обеспечена их безопасность и сопровождение. Я ответил ему, что я полностью на это согласен и что он может заранее принять все соответствующие меры. Он спросил меня, может ли император дать ему аудиенцию, я ответил, что берусь сопровождать его в Шенбрунн и тотчас же представить его, будучи уверенный, что император примет его с удовольствием»^[578].

Подобное поведение австрийцев в русской литературе часто квалифицируют как «предательское». Действительно, все это было очень далеко от готовности сражаться не на жизнь, а на смерть с Наполеоном. Однако это подтверждает не коварство австрийского народа и армии, а только одно – полную несостоятельность внешней политики Александра I. Используя рычаги давления на австрийский императорский двор, он втянул эту страну в непопулярную, ненужную ей войну. В войну, которой не хотели ни простые люди, ни солдаты, ни генералы, а поддерживала лишь узкая клика тех, кто жаждал реванша, и тех, кто находился в зависимости от английских подачек. Естественно, что при первых же неудачах солдаты и офицеры потеряли всякое желание драться, а в народе созрело возмущение и раздражение как против своего правительства, так и против русского императора и русской армии. Без этой политической составляющей совершенно невозможно понять события войны 1805 г. и те, которые непосредственно произойдут в эти ноябрьские дни.

Стремясь поддержать эти настроения, Наполеон распорядился 14 ноября перевести всех захваченных в плен русских раненых в Вену. С одной стороны, он сделал красивый жест, показывая, что заботится даже о раненых солдатах неприятеля, для которых были выделены лучшие госпитали, с другой стороны, он желал, чтобы венские жители получили материальное свидетельство того, что дела у союзников идут из рук вон плохо, а французы одерживают победы почти что без потерь. Всех французских раненых было приказано расположить в аббатстве Мельк и ни в коем случае не пускать в Вену^[579].

В этот же день Мюрат и Ланн получили подробные указания. Наполеон с его стратегическим провидением очень скептически отнесся к донесению Ланна, который сообщил следующее: «Согласно сведениям, которые мне удалось получить, русская колонна, которая находится перед нами, насчитывает тридцать тысяч человек... Вторая колонна также силой в тридцать тысяч человек должна присоединиться к первой, как меня уверяют, в Цнайме. Таким образом, их объединенный корпус будет насчитывать до шестидесяти тысяч человек»^[580]. «Я не верю сведениям, которые Вы получили по поводу русских, – написал в ответ император. – Они обладают искусством казаться более многочисленными, чем они являются в действительности. Можете не сомневаться, что у них максимум тридцать тысяч человек. Если в Цнайм и прибыла колонна, это шеститысячный отряд, который они давно ждали»^[581]. Обычно император в письмах своим подчиненным приуменьшал количество неприятельских войск, чтобы его маршалы чувствовали себя увереннее. Однако в этот раз его выводы, сделанные на основе догадок и расчетов, были объективнее, чем сведения, которые доставляли с аванпостов.

Действия русской и французской армий 13–16 ноября 1805 г.

14 ноября Наполеон уже знал, что русская армия выступила из Кремса и движется в северо-восточном направлении на Цнайм. Мюрат должен был перерезать путь русским. Для этого были все возможности. Из Вены на Цнайм и далее на Иглау в северо-западном направлении шла хорошая дорога. Дорога из Кремса была гораздо хуже. У Мюрата было много кавалерии, а русская армия была отягчена обозами. Император выделил для выполнения этой задачи мощную группировку. В авангарде шел Мюрат с гусарской бригадой Трейяра и драгунской дивизией Вальтера. За ними двигалась пехота 5-го корпуса – дивизии Удино и Сюше, затем кирасирские дивизии Нансути и д’Опуля. Две дивизии Сульта (Леграна и Вандамма), пройдя в парадном строю через Вену, были направлены вслед за

этими войсками. В случае необходимости в том же направлении мог быть направлен корпус Даву.

По дороге на север, на Никольсбург, мчались лишь конные егеря Мильо. «Мы взяли семь пленных австрийских кавалеристов, 300 пехотинцев, пришедших из Линца... и 100 австрийских канониров... – докладывал Мильо днем. – Если бы у нас была пехота, мы могли бы захватить... 4000 пехотинцев, генерала Кинмайера и три полка кавалерии»^[582]. Вечером Мильо снова просил пехоты: «Так как я нахожусь рядом с горами, я прошу дивизионного генерала Вандамма прислать мне батальон пехоты»^[583]. Но в это время все пехотные соединения направились на Цнайм, и Мильо вынужден был действовать исключительно одной кавалерией.

Мюрат и Ланн, двигаясь в северо-западном направлении, подошли днем к Штокерау, где натолкнулись на австрийский отряд, не оказавший никакого сопротивления^[584]. Маршал Ланн, остановив австрийцев, тем не менее не взял их в плен: «Я нашел в Штокерау два австрийских батальона, которые я остановил до получения новых приказов»^[585], – доложил он императору. В городе были также обнаружены огромные запасы армейского имущества: тысячи пар башмаков и сапог, штаны, рубахи, амуниция. Французские маршалы так спешили двигаться вперед, что о складах никто не позаботился, и вместо организованной раздачи имущества солдаты их просто растащили.

Одновременно с движением наперерез русской армии Наполеон приказал маршалу Бернадотту переправиться через Дунай у Маутерна и Кремса и двинуться по пятам за русскими. Потрепанную дивизию Газана император приказал направить на отдых в Вену. Туда же впоследствии должны были быть направлены дивизии Дюпона и Дюмонсо, входившие во временный корпус Мортье. Корпус Мармона продолжал продвигаться в юго-восточном направлении. В его задачу входило наблюдение за армией эрцгерцога Карла, которая выступила из Италии. 6-й корпус Нея и 7-й корпус Ожеро действовали в Тироле.

После битвы под Кремсом русская армия впервые вздохнула свободно. Всем казалось, что трудности позади, тем более что 12 ноября к Кутузову присоединилась долгожданная шестая колонна генерала Шепелева.

Согласно документу австрийского генерального штаба от 4 ноября 1805 г. численность армии Кутузова определялась на этот день в 37 700 человек^[586]. Если вычесть из этой цифры потери при Амштеттене и Кремсе, а также больных и отставших по дороге, нужно отметить, что Наполеон совершенно верно оценивал численность главных сил русской армии в 30 тыс. человек. Что касается 6-й колонны, на 4 ноября она насчитывала в своих рядах 8692 человека. Через десять дней она, вероятно, не на много превосходила по численности 8 тыс. человек. Таким образом, у Кутузова было приблизительно 38 тыс. солдат. Этого было вполне достаточно, чтобы оборонять переправу через Дунай при условии, что венские мосты прикрыты австрийцами. Однако в сложившейся ситуации положение Кутузова вновь стало катастрофическим. Если даже отбросить все художественные преувеличения, ему потенциально могли угрожать четыре французских армейских корпуса и почти вся резервная кавалерия Мюрата, то есть примерно 100 тыс. человек!

Как сообщают источники, русский полководец хорошо поставил разведывательную службу и щедро платил шпионам за своевременную информацию. Поэтому уже вечером 13 ноября Кутузов был извещен от своих агентов, что французы перешли через Дунай по венским мостам. В этой ситуации у него было два возможных решения. Первым было отступление на северо-запад в Богемию. В этом случае русский полководец почти наверняка увел бы свою армию от опасности. Однако при этом он лишился возможности соединиться с армией Буксгевдена и, более того, подставлял ее под удар.

Вторым решением было отступление на северо-восток, навстречу Буксгевдену. Но в этом случае армия Кутузова сама подвергалась огромному риску. Она могла быть атакована во фланг на марше. Тем не менее Кутузов выбрал именно это смелое решение. Он немедленно отдал приказ подготовить войска к выступлению и отправить вперед обозы.

В ночь с 13 на 14 ноября русская армия выступила из Кремса. Не имея возможности забрать тяжело больных и раненых, Кутузов оставил их в городе, написав письмо, что он препоручает госпиталя великодушью французских войск. Согласно французским сведениям, в Кремсе было оставлено около 1300 больных и раненых русских солдат.

Прибыв утром 14 ноября в Эберсбрунн, Кутузов получил официальное сообщение от императора Франца о переходе французов через Дунай. «Настают решительные минуты, – писал австрийский император Кутузову, – намерение неприятеля очевидно: помешать соединению русских армий, как того и можно было ожидать. Действия Наполеона сложны, и он разделил армию на несколько частей, из которых одна, переправясь через Дунай в Вене, идет на вас. Самое лучшее было бы разбить его корпуса поодиночке, подобно тому, как вашим искусством и храбростью войск удалось разбить дивизию Мортье. Однако в этом случае нужно принимать во внимание силу идущего на вас неприятеля и возможность его отступить на идущие за ним подкрепления. Поэтому я предоставляю действовать по вашему усмотрению и благоразумию, заранее зная, что вы вместе с генералом Вейротером предпримете меры, выгоднейшие для общего дела и славы вашей армии, и воспользуетесь отличным расположением духа ваших войск»^[587].

Пожелание императора Франца насчет разгрома поодиночке французских корпусов Кутузов мог воспринять разве что как неудачную шутку. Все его мысли были посвящены только одному – как выйти из-под удара французской армии. Уже почти в полночь русский полководец получил еще одно письмо от Франца II, где уже определенно сообщалось о движении наперерез пути отступления русской армии корпусов Ланна и Сульта. Обычно осторожный Кутузов уверенно принял решение в, казалось бы, катастрофической обстановке. Он приказал отряду генерала Багратиона немедленно выступить по проселочным дорогам, дойти до местечка Голлабрунн и преградить там дорогу войскам Мюрата, Ланна и Сульта. Вечером 14 ноября, выступая в поход с главными силами, Кутузов написал Александру: «Я не скрываю от себя, что на сем марше могу потерять, может быть, до тысячи человек, но спасти должно целое, буде возможно будет»^[588].

Тактичный Михаил Илларионович пощадил нервы молодого царя. Речь, конечно, шла не о потере тысячи человек. Если бы Багратион рисковал потерей тысячи солдат, Кутузов об этом просто бы не написал. Отправляя Багратиона, чтобы преградить дорогу французским дивизиям, Кутузов прекрасно понимал, что из отряда может просто-напросто не вернуться никто. Тем не менее иного решения, совместимого с честью армии, у русского полководца не было. Иначе можно было бы спастись, только пустившись в беспорядочное бегство, побросав все обозы и пушки. Но даже в этом случае полной гарантии того, что русская армия сумеет уйти от преследования, никто бы не мог дать.

Багратион выступил из Эберсбрунна днем 14 ноября. Он шел весь день и ночь. Пришлось двигаться в темноте по едва проходимым дорогам, погода к тому же в ночь с 14-го на 15-е выдалась просто ужасная. Шел дождь, и дул сильнейший ветер. Тем не менее после тяжелейшего форсированного марша его отряд в девять часов утра 15 ноября подошел к Голлабрунну.

Так как у самого Голлабрунна Багратион не нашел выгодной позиции, он отошел на 4 км в северо-западном направлении и расположился на удобной для обороны возвышенности за деревней Шенграбен. В его отряде было 14 батальонов, 15 эскадронов русской кавалерии, два казачьих полка, артиллерийская рота и несколько пушек при пехотных частях. С учетом потерь, понесенных в предыдущих боях и в ходе форсированных маршей, можно ориентировочно оценить численность отряда в 7–8 тыс. человек^[589]. Кроме того, вместе с отрядом Багратиона следовал австрийский отряд под командованием генерала Ностица – Гессен-Гомбургский гусарский полк, несколько маленьких отрядов кавалерии из других полков и два сильно потрепанных батальона пехоты, всего около 1 тыс. человек (см. приложение).

Багратион поставил австрийских гусар и казачьи полки к северу от Голлабрунна в качестве передового охранения. А главные силы расположил позади деревни Шенграбен.

Киевский, Подольский и Азовский полки были развернуты в одну линию на гребне холма, 6-й егерский занял Шенграбен, на правом фланге встал Черниговский драгунский полк, а на левом Павло-градский гусарский. Единственная 12-орудийная батарея расположилась в центре прямо позади деревни.

Русскому командующему не пришлось долго ждать. Едва полки заняли позицию, как на дороге появилась французская кавалерия. Утром 15 ноября Мюрат и Ланн были настроены весьма решительно. Накануне Наполеон, получив сообщение о занятии Штокерау и о том, как австрийские полки проходили мимо французских войск, направил своим маршалам недовольные письма. «Я не понимаю, почему Вы пропустили 8000 солдат [австрийских. – *Примеч. авт.*] сквозь Ваши ряды и целый кирасирский полк, – писал император вечером 14 ноября маршалу Ланну. – Нужно было их всех взять в плен. Эта любезность совершенно неуместна... Разоружите Ваши австрийские батальоны в Штокерау и направьте пленных в Линц...»^[590] А Мюрату Наполеон написал еще более строго: «Нужно лишить неприятеля возможности сопротивляться, чтоб добиться мира, в котором так нуждаются народы... Наши враги, одержи они победу, были бы безжалостными. Нам не надо быть такими. С другой стороны, у нас еще найдется время проявить великодушие, но прежде нам нужно разоружить неприятельские войска...»^[591]

Император также написал: «Исходя из того, что сообщил мне маршал Ланн в два часа дня, а также из того, что сообщил мне маршал Мортье вчера, я могу предположить, что неприятель не сумеет прорваться. Я с нетерпением жду ваших новостей»^[592].

Последнее письмо Мюрат получил в полночь 14 ноября и с утра направил свою кавалерию по дороге на Голлабрунн. Войска вошли в боевое соприкосновение около полудня. Совершенно неожиданно для Багратиона австрийские гусары вместо того, чтобы сражаться с передовыми частями французов, покинули позицию и преспокойно отправились в тыл мимо фронта русских войск. «Генерал-майор Ностиц, обманутый уверениями французского генерала, командовавшего в Шенграбене, – докладывал Кутузов царю, – якобы заключен уже мир между австрийским двором и французским правительством, отказался вступить в дело противу неприятеля и тем подал ему средство напасть на генерал-майора князя Багратиона внезапным почти образом...»^[593]

Мюрат докладывал своему командованию иную версию происшествия. «После того как неприятель был прогнан из деревни Голлабрунн и у него было захвачено 100 повозок, запряженных 300 лошадьми^[594], я стал выдвигать свою кавалерию на равнину и разворачивать ее для атаки. В это время мне объявили, что появился австрийский парламентар и что он объявил, что австрийцы желают покинуть русские ряды. Что они и сделали, когда я сообщил им о моем согласии»^[595].

Кто бы ни выступил с инициативой переговоров в данном случае, не важно. Их результат был совершенно очевиден. Австрийцы покинули русские ряды, и Багратион остался один на один с войсками Мюрата.

Но дальше произошло самое интересное. В передовой цепи появился парламентар. Здесь показания источников французских и русских также прямо противоположны. Во всей русской исторической литературе уверенно говорится, что парламентар приехал со стороны французов. «Едва началась перестрелка в передовой цепи, – пишет Михайловский-Данилевский, – Мюрат послал к князю Багратиону переговорщика с предложением перемирия на условии оставаться армиям на занимаемых ими местах, говоря, что по случаю заключения мира с Австриею бесполезно проливать кровь. Расставляя сети Кутузову, надеясь обмануть его так же легко, как обманул он князя Ауерсберга и графа Ностица...»^[596] Эта версия, которая стала само собой разумеющейся во всей русской литературе, опирается только на один документ – рапорт Кутузова Александру I от 7 (19) ноября 1805 г.

Что касается Мюрата, то он в своем рапорте, написанном непосредственно в момент шенграбенских событий, пишет следующее: «Тотчас после [переговоров с австрийцами. – *Примеч. авт.*] появился русский офицер, который предложил, что русская

армия уйдет [из Австрии. – *Примеч. авт.*]. Я отослал его обратно и продолжал развертывать мои войска для боя, когда ко мне приехал генерал, командующий войсками на позициях противника, и обратился ко мне с тем же предложением»^[597].

Кутузов и Мюрат были заинтересованными лицами, и им по разным, но достаточно важным для них причинам было выгодно написать, что парламентар прибыл со стороны неприятеля. Офицеру гренадер Фантену дез Одоару, удивительно точный и честный дневник которого не раз упоминался на страницах этой книги, было все равно, кто первый послал парламентаря. Этот важный свидетель однозначно указывает в своих записках, что парламентар прибыл с русской стороны. Адьютант маршала Сульта лейтенант Петие также указывает: «Между передовыми войсками принца Мюрата и русскими произошла небольшая стычка. Тогда они [русские. – *Примеч. авт.*] послали парламентаря...»^[598]

Багратиону перемирие было, конечно, не просто выгодно, а чуть ли не жизненно важно. А могло ли Мюрату потребоваться перемирие? Как ни странно – могло. Дело в том, что, хотя у французского маршала в радиусе полутора десятка километров было 35 тыс. человек, то есть примерно в четыре-пять раз больше, чем у Багратиона, но этим войскам надо было время, чтобы прийти на поле сражения.

Именно чтобы собрать войска авангарда, Мюрату могло бы потребоваться перемирие, а не чтобы подтянуть всю Великую армию, как иногда пишут историки. Ожидать главные силы было бы абсурдом. Ведь реально на поле сражения наполеоновской эпохи, при численностях воюющих в тысячи человек, трудно было даже реализовать трехкратное превосходство – некуда просто поставить избыточные батальоны и эскадроны. Нечего говорить о пятикратном превосходстве. Иначе говоря, у Мюрата было столько войск, что призывать больше было бы абсолютно бесполезно.

Ну а если кто-то воображает, что отважный гасконец боялся непобедимого Багратиона, напомним, что в бою при Амштеттене, всего за несколько дней до Шенграбена, Мюрат с 8 тыс. кавалеристов опрокидывал на всех позициях отряд Багратиона в 5,5 тыс. человек, поддержанный 2,5 тыс. австрийцами. Причем остановил преследование только тогда, когда на помощь Багратиону пришел Милорадович с отрядом из 5 тыс. солдат. Совершенно немыслимо, чтобы после всего этого Мюрат испытывал трепет перед противником и не осмелился бы атаковать его, имея шестикратное превосходство!

Но еще раз повторим, что 35 тыс. Мюрат мог сосредоточить только через несколько часов, а пока у него под рукой был лишь кавалерийский авангард в несколько тысяч всадников. При этом Мюрат оценивал численность отряда русских в 10–12 тыс. человек, что, как мы видим, было весьма близко к истине.

Таким образом, нельзя исключить, что перемирие мог предложить и Мюрат, однако ему оно было нужно только на короткое время, и он никак не мог желать продолжить подобное перемирие на сутки.

Все разъясняет текст документа, который в конечном итоге был подписан с одной стороны начальником штаба Мюрата, генералом Бельяром, с другой стороны генерал-адьютантом Александра I бароном Винцингероде. Этот текст был опубликован в сборнике «М. И. Кутузов» на русском языке (в подлиннике он на французском). Сохранился ли подлинник – неизвестно, но его копия хранится в архиве исторической службы французской армии. Сравнивая текст архивного документа с опубликованным в сборнике переводом, можно отметить, что бумага, подписанная Бельяром и Винцингероде, переведена в целом правильно. Однако изменена только одна фраза, которая меняет не только всю суть документа, но и всю суть того, что произошло под Шенграбеном. В сборнике документ называется «Текст предварительного перемирия между русскими и французскими войсками»^[599], а в архивном варианте значится следующее: «**Капитуляция, предложенная русской армии**»^[600]!!!

Мюрат в своем рапорте докладывал: «Мне объявили, что прибыл господин Винцингероде. Я принял его. Он предложил, что его войска капитулируют. Я посчитал необходимым принять его предложение, если Ваше Величество их утвердит. Вот его

условия. Я соглашаюсь, что не буду больше преследовать русскую армию при условии, что она тотчас же покинет по этапам земли Австрийской монархии. Войска останутся на тех же местах до того, как Ваше Величество примет эти условия. В противном случае за четыре часа мы должны будем предупредить неприятеля о разрыве соглашения»^[601].

Таким образом, Мюрат согласился не на перемирие, а на капитуляцию русских войск!

В вышедшей в 2009 г. монографии «Багратион» известный специалист по истории России XVIII в. Евгений Анисимов написал по этому поводу следующее: «В последние годы историк О. В. Соколов, опираясь на французские источники, высказал мысль, что Мюрат попался на хитрость, к которой прибег сам при овладении мостом через Дунай, но только его переговоры с представителем Кутузова генералом Винценгероде шли не о перемирии, а о капитуляции русской армии... Но, судя по содержанию, в нем говорится совсем не о капитуляции (то есть о полном прекращении военных действий с условием сдачи противника в плен и сложения им оружия), а именно о перемирии, понимаемом как временное прекращение огня на определенных сторонами условиях... Но выделенное выше (как и весь текст соглашения) – не есть условие капитуляции! Согласно подписанным условиям русские войска не сдавались, а поэтапно отходили с территории Австрии!»^[602]

Примерно то же пишет и Безотосный (хотя менее категорично): «Возможно, в тогдашнем французском языке термин “капитуляция” трактовался достаточно вольно и имел более широкий смысл, но в русском языке это слово трактовалось не так расширительно и однозначно переводилось как прекращение вооруженного сопротивления, сдача крепостных сооружений и оружия противнику или пленение»^[603].

Как кажется, оба автора оказались в данном случае в плену лингвистических ассоциаций человека конца XX – начала XXI в., для которого капитуляция сразу вызывает ассоциацию со словосочетанием «безоговорочная капитуляция» и вызывает в представлении совсем другую эпоху и другой мир...

Напомним, что слово «капитуляция» происходит от латинского слова «capitul» – «статья», «глава», иначе говоря, капитуляция – это постатейное соглашение, устанавливающее условия прекращения сопротивления одной из сторон. В XVII–XVIII вв. капитуляция вовсе не обязательно предполагала «полное прекращение военных действий с условием сдачи противника в плен и сложения им оружия». Очень часто практиковалась почетная капитуляция крепости, когда сама крепость сдавалась, но гарнизон с оружием и знаменами, с воинскими почестями уходил беспрепятственно на свою территорию и, более того, мог возобновить после этого участие в боевых действиях.

Капитуляция тогда и определяла условия подобной сдачи, например, мог ли гарнизон возобновить участие в боевых действиях после возвращения на свою территорию, или давалось слово о неучастии его в течение какого-то периода времени. В тексте капитуляции могло оговариваться количество повозок, которые мог взять с собой гарнизон, количество полевых пушек, вывозимых из крепости (крепостные обычно все доставались победителю), каким образом должен был выходить из крепости гарнизон, какие воинские почести ему отдавались, в какие сроки должны быть переданы городские склады и арсеналы и т. д. и т. п.

Именно о такой, почетной капитуляции и шла речь в переговорах с Мюратом. Русская армия должна была оставить Австрию, как сдают на почетных условиях крепость – армия уходит с оружием, знаменами и обозами. И речи не было о том, чтобы русские солдаты складывали оружие и отправлялись военнопленными во Францию, но все же по названию это была капитуляция.

Интересно, что Лев Толстой, который, конечно, не был историком и вряд ли может служить источником для исследования наполеоновских войн, тем не менее был человеком, который общался еще с некоторыми современниками событий и ознакомился с многими подлинными документами той эпохи, он писал: «Кутузов немедленно послал состоявшего при нем генерал-адъютанта Винценгероде в неприятельский лагерь. Винценгероде должен был не только принять перемирие, но и предложить условия капитуляции, а между тем Кутузов послал своих адъютантов назад торопить сколь возможно движение обозов всей

армии по кремско-цнаймской дороге... предложения **капитуляции**, ни к чему не обязывающие, могли дать время пройти некоторой части обозов, так и относительно того, что ошибка Мюрата должна была открыться очень скоро. Как только Бонапарте, находившийся в Шенбрунне, в 25 верстах от Голлабруна, получил донесение Мюрата и проект перемирия и **капитуляции**, он увидел обман...»^[604]

Также и в письме Наполеона к Мюрату от 16 ноября (см. ниже) император говорит именно о капитуляции: «генерал, который подписал эту **капитуляцию**, не имел на это права»^[605].

Фраза о капитуляции сразу ставит все на свои места, и становится ясно, что произошло под Шенграбеном. Инициатива продолжительного перемирия принадлежала Багратиону, которому было более чем выгодно задержать французские войска под любым предлогом. Он прекрасно видел соотношение сил и понимал, что не сможет даже при условии полного самопожертвования долго продержаться против неприятеля. И ему необходимо было любой ценой ввести в заблуждение Мюрата.

Да, действительно, Мюрат попался на хитрости, подобно той, которую он и Ланн применили, чтобы провести австрийцев. Однако Багратиону пришлось пойти дальше, чем французским маршалам. Было очевидно, что продолжительное перемирие полностью на руку русским. Но когда генерал-адъютант царя предложил **капитуляцию** (!), у пылкого гасконца от торжества тщеславия атрофировался разум, и в голове, вероятно, билась только одна мысль: он, Иоахим Мюрат, оказался совершенно прав, не преследуя русских в Кремс. Он первый вступил в Вену. Он захватил хитростью венские мосты, и теперь он, а не кто другой вынудил всю русскую армию капитулировать!!!

О том, насколько документ, подписанный Мюратом, был далек от простого перемирия, говорит тот факт, что утром следующего дня, когда все войска, бывшие в распоряжении у Мюрата, были давным-давно собраны, он не отдал приказ начинать бой. Более того, в день подписания перемирия Мюрат приказал: «Войска должны оставаться до нового приказа на позициях, которые они занимают в этот момент. Его светлость желает в соответствии с этим, чтобы корпус Сульта не совершал завтра никаких движений»^[606]. В результате Султ остался у Голерсдорфа, то есть примерно в 10 км от Шенграбена. Если бы Мюрат заключал перемирие для того, чтобы подтянуть войска, **подобное распоряжение было бы немыслимым, потому что оно полностью противоречит самой идее такого договора.**

Только надеясь на то, что подписанный документ означает не просто перемирие, а победоносное завершение войны, командир авангарда остановил двигающиеся ему на помощь войска. Он также с гордостью доложил императору: «Сир, я считал, что должен был подписать эту капитуляцию, ибо рассматриваю ее как предварительное соглашение, открывающее дорогу к миру, который, как я знаю, является предметом ваших самых сокровенных чаяний»^[607]. Если бы Мюрат заключал соглашение с целью обмануть Багратиона, он, вероятно, прежде всего попросил бы ускорить движение французских дивизий на помощь авангарду, а не занимался философскими рассуждениями насчет «сокровенных чаяний».

Безотосный, рассуждая по поводу капитуляции, пишет: «О. В. Соколов утверждает, что Винценгероде предложил капитуляцию русских войск, именно поэтому у Мюрата “от торжества тщеславия атрофировался разум”, а на простое перемирие он бы не согласился, и в этом необычайном документе состоит “тайна” Шенграбена... Не могу точно утверждать, почему у Мюрата “атрофировался разум”, но любого русского военачальника, будь он даже генерал-адъютантом, то есть представителем армии, еще не проигравшей на тот момент ни одного сражения и не потерпевшей ни одной крупной неудачи, предложи он такое противнику, французы сочли бы за ненормального человека. Думаю, максимум, о чем мог вести переговоры Винценгероде, – это о прекращении боевых действий и свободном уходе русских войск за границу. В противном случае ему бы не поверил легкомысленный Мюрат даже при наличии у него всем известного тщеславия... не стоит представлять многоопытного человека и маршала Франции таким “недоумком”, если бы он являлся

таковым, то вряд ли стал королем и маршалом. Потом куда смотрел Наполеон, назначая своим заместителем такого “простачка”, а император всех французов все-таки хорошо разбирался в людях и в их деловых способностях»^[608].

Вот именно потому, что Мюрат не был «недоумком», для того чтобы заставить его подписать перемирие, нужно было предложить отважному гасконцу что-то такое, что заставило бы его отказаться от очевидной выгоды. Ведь перед ним был отряд в пять-шесть раз меньшей численности, причем под командованием одного из лучших и известнейших русских генералов. День только еще начинался. У Мюрата было 99,99 % вероятности полностью уничтожить и пленить этот отряд и доложить о блестящей победе над знаменитым героем!

Ни Безотосный, ни Анисимов и никто из историков, писавших о том, что Мюрат предложил долговременное перемирие, не объяснил: зачем оно было ему нужно?! Чего Мюрат мог дожидаться? Еще раз повторяем, у него в радиусе нескольких часов марша было уже столько дивизий, что сосредотачивать еще войска не имело никакого смысла. Будь у Мюрата за плечами хоть большая часть армии, хоть вся Великая армия, это бы ничего не изменило. Физически было бы невозможно употребить 100 или 200 тыс. в бою против 6 тыс.

Именно поэтому только соблазн не просто стать победителем одного отряда, а стать человеком, завершившим победоносно войну, – вот что могло соблазнить и соблазнило Мюрата.

С русской стороны подписание подобного документа вызвало, без сомнения, некоторое смущение. Одно дело – болтовня, которой французы ввели в заблуждение французских генералов на венских мостах, другое – официально подписанная капитуляция, пусть даже не ратифицированная. Об этом документе постарались поскорее забыть. И действительно забыли. В публикации документов штаба Кутузова, предпринятой в 1951 г., в примечании на с. 163 говорится следующее: «Упомянутую копию [акта, подписанного Винцингероде. – *Примеч. авт.*] отыскать не удалось»^[609]. А в сборнике документов «М. И. Кутузов», как уже упоминалось, выкинута фраза о капитуляции.

Итак, первой «тайной» Шенграбена является подписание весьма необычного документа, с помощью которого Багратион и Винцингероде сумели обмануть Мюрата. Оказывается, маршал не был простачком, попавшимся на ловкую выходку, подобно Ауэрспергу. Для того чтобы его обмануть, пришлось пустить в ход методы, которые не слишком уважались в среде военных в ту эпоху.

Однако результат был налицо. Французский авангард остался неподвижным. Солдаты с обеих сторон разбрелись за продовольствием и обменивались нехитрыми шутками в передовой цепи: «Мы... были отделены от неприятеля лишь небольшой долиной, – вспоминал уже знакомый читателю офицер артиллерии Октав Левассер. – Прямо перед моей батареей на скате холма, на вершине которого стояли австрийцы и русские, была видна дверца погреба. Мои артиллеристы почуяли вино и стали делать неприятельским постам знаки флягами и потихоньку приближались к дверце. Добравшись, они сломали ее и вышли оттуда с ведрами, наполненными вином. Австрийские и русские солдаты, видя, как наши хорошо поживились, захотели принять участие в дележе добычи и спустились в погреб, смешавшись с ними. Было видно, как русские, австрийцы и французы забыли о войне, чтобы выпить вместе»^[610].

Пока солдаты Багратиона и Мюрата пили вино, в 10 км к северу от Шенграбена безостановочно двигались главные силы русской армии. Хитрость дала возможность наверняка вывести из-под удара основную массу войск. Однако Багратион должен был оставаться на месте. Неизвестно, что происходило в этот момент в душе русского генерала, но он мог догадываться, что на следующий день придется платить по векселям...

«Сир, я спешу доложить Вашему Величеству, что неприятельский генерал сдержал свое слово. Его войска продолжают занимать те же позиции, что и вчера», – радостно докладывал в девять часов утра 16 ноября Мюрат. В собственноручном письме Мюрата говорится также: «Если Ваше Величество не одобрит условия **капитуляции**, которую я имел честь

представить ему и которая была составлена вчера наспех, я считаю, что было бы важно поменять формулировку одной из статей, где говорится, что я остановлю “мое движение по Моравии”. Вместо нее предпочтительнее написать “я остановлю свое движение против русских”...»^[611] Маршал тем самым явно хотел продемонстрировать императору свой аналитический ум и способность правильно редактировать ответственные бумаги... Но нас интересует здесь другое: снова и совершенно определенно говорится не просто о перемирии, но именно о «капитуляции»!

Более того, на обороте письма Мюрат снова пишет: «Я не получил этим вечером (имеется в виду вечер 15 ноября) вашего решения по поводу **капитуляции**...»^[612] Подобное повторение совершенно невозможно было бы случайно!

Из другого рапорта Мюрата явствует также, к нему приезжал «генерал, командующий войсками на позициях противника»^[613], то есть не кто иной, как сам Багратион. Ни в рапорте Кутузова Александру I, ни в рапорте Багратиона Кутузову об этой поездке не говорится ни слова. Знаменитый французский историк Тьер, автор известнейшего в свое время произведения «История Консульства и Империи», над которым он работал в первой половине XIX в., использовал при работе над своей многотомной книгой не только письменные, но и устные свидетельства очевидцев. Он говорит следующее: «На следующий день [16 ноября. – *Примеч. авт.*] были нанесены взаимные визиты. Князь Багратион приехал навестить Мюрата. Он был любезен с французскими генералами, и особенно со знаменитым маршалом Ланном. Последний, простой в обращении, сохраняя при этом необходимый такт и вежливость, сказал князю Багратиону, что если бы он был один во главе войск, то сейчас они бы сражались, а не обменивались комплиментами»^[614].

Трудно утверждать с абсолютной уверенностью, что подобное посещение имело место, тем более что Мюрат говорит о приезде Багратиона в своем рапорте от 15 ноября, а Тьер говорит о визитах вежливости 16 ноября. Тем не менее это весьма вероятно, тем более что рапорт Мюрата подтверждает другой синхронный документ, дневник Второй драгунской дивизии генерала Вальтера, написанный самим генералом. Вот что он пишет: «У принца Мюрата была встреча с князем, командиром русского арьергарда»^[615]. Вальтер оставил многоточие после слова «князь», так как он, скорее всего, забыл фамилию русского командующего. Встречу с Багратионом Вальтер, как и Мюрат, относит к 15 ноября, что, конечно, более логично. Естественно также доверять в вопросе о дате синхронным свидетельствам.

В тот момент, когда французские и русские генералы обменивались любезностями, на позициях перед Шенграбенем у Мюрата располагались следующие силы: непосредственно перед деревней стояла гренадерская дивизия Удино, рядом с ней – драгунская дивизия Вальтера и легкокавалерийская бригада Себастиани^[616], чуть дальше – пехотная дивизия Сюше, поблизости от Голлабрунна – кирасирские дивизии Нансути и д’Опуля, наконец, в нескольких километрах позади Голлабрунна – пехотная дивизия Леграна из корпуса Сульта и еще дальше – пехотная дивизия Вандамма из того же корпуса. В общей сложности около 35 тыс. солдат и офицеров. Рельеф местности и многочисленные виноградники не позволяли надеяться эффективно использовать кавалерию. Но и без конницы, а также оставленной позади дивизии Сент-Илера Мюрат обладал подавляющим преимуществом в силах. У него не было никакой необходимости ожидать подхода дополнительных войск. Как указывалось выше, маршал оценивал силы Багратиона в 10–12 тыс. человек, то есть понимал, что в случае начала сражения у него будет как минимум трехкратное превосходство в силах.

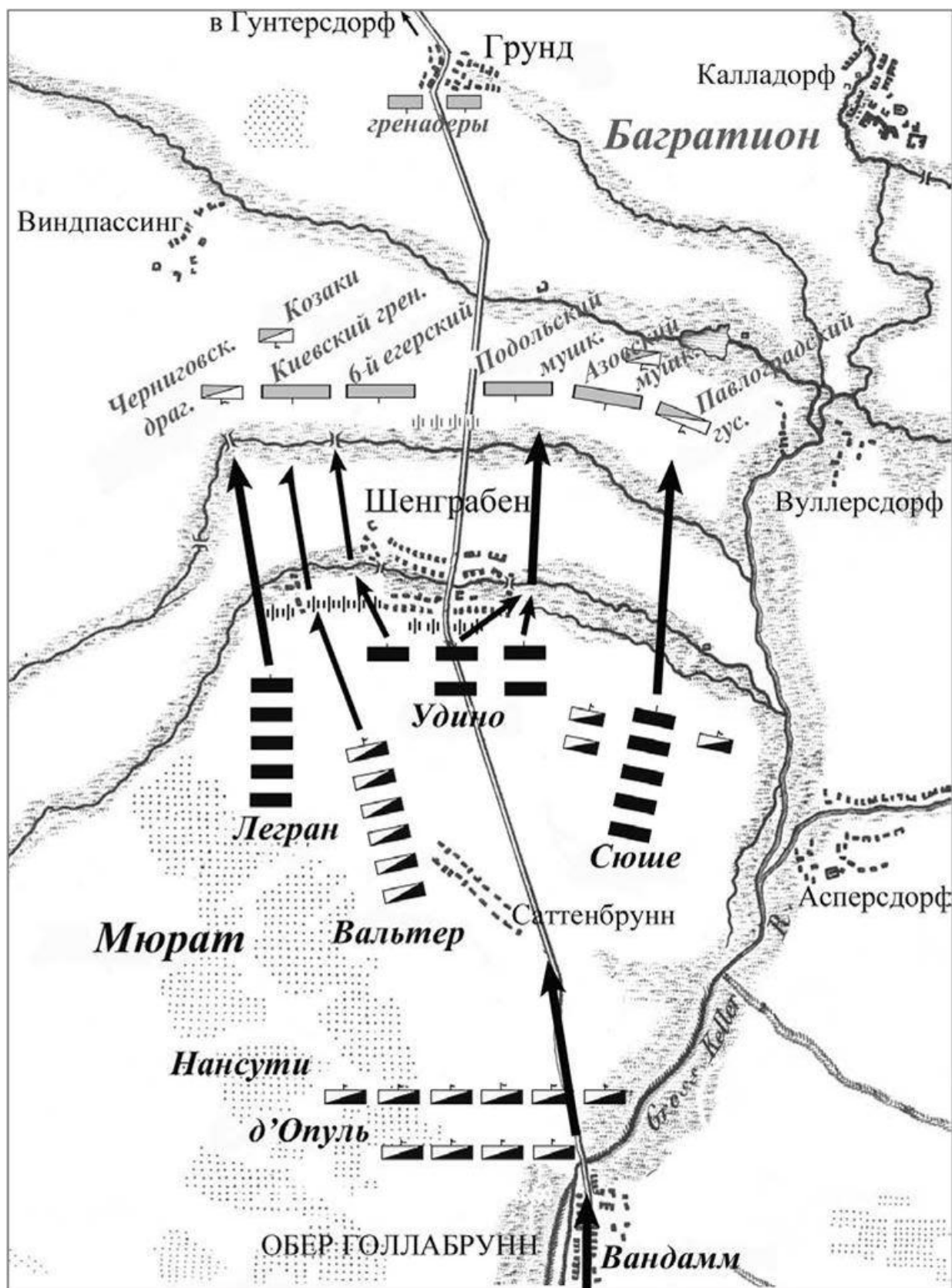
Впрочем, никто не думал о сражении, и весь световой день для русских и французов прошел в битвах с местными погребями. Солдаты окончательно разбрелись в разные стороны в поисках провизии. Офицеры, собравшись вокруг маркитантских повозок, осушали запасы всех возможных горячительных напитков.

Во французском лагере поднимали бокалы за победоносный мир: «Мы не сомневались, что кампания завершилась, – вспоминал адъютант маршала Сульта Огюст Петие. – И каждый из нас думал о том, как он вернется в Париж. Мы думали о будущих удовольствиях

карнавала, о скачках в Лоншане, и, размышляя об этих приятных вещах, мы перекидывались в карты. В тот момент, когда наша игра и наши разговоры были особенно веселы, мы услышали крик “По коням!”»^[617].

В этот миг во французских рядах внезапно со всех сторон поднялся шум, и в ответ на призывный звук труб и треск барабанов на широкой равнине засуетились тысячи людей, спешащих к своим полкам, впопыхах надевая амуницию, седлая лошадей и разбирая оружие. Это произошло в начале четвертого часа дня. В то время как маршал Мюрат предвкушал удовольствие получения неслыханных наград за свои удивительные подвиги и редкую политическую проницательность, к нему в штаб буквально ворвался забрызганный с ног до головы грязью адъютант Наполеона генерал Лемаруа.

Неизвестно, с каким выражением лица и с какими словами Лемаруа вручил послание императора Мюрату. Однако его содержание было весомее любых жестов: «Мне невозможно найти слов, чтобы выразить вам все мое неудовольствие. Вы командуете только моим авангардом, и вы не имеете права заключать перемирия без моего приказа. Из-за вас потеряны плоды всей кампании. Немедленно разорвите перемирие и идите на врага. Объявите им, что генерал, который подписал эту капитуляцию, не имел на это права. Только император России имеет подобное право... Это не что иное, как хитрость. Идите вперед, разгромите русскую армию. Вы можете захватить их обозы и их артиллерию. Адъютант русского императора не кто иной, как прохвост. Офицеры значат что-нибудь только тогда, когда у них есть полномочия от власти, у этого не было никаких полномочий. Австрийцы дали себя обмануть при переходе венского моста, вы дали обвести себя вокруг пальца адъютанту императора. Я не могу понять, как вы могли допустить, чтобы вас провели подобным образом»^[618].

Бой под Шенграбеном

Вероятно, от этих слов Мюрата бросило в холод, а потом в жар. Он тотчас отдал приказ немедленно начинать бой и послал офицера предупредить русских, что, так как конвенция не

была соблюдена, он оставляет за собой право начать бой, не соблюдая четырехчасового срока, оговоренного соглашением.

Выдающиеся французские историки Аломбер и Колен в их монументальной истории войны 1805 г. утверждают, что депеша императора прибыла в штаб Мюрата в полдень и он, строго согласуясь с текстом договора, объявил русским, что атакует их в четыре часа дня. Во-первых, от Шенбрунского дворца, где находился Наполеон, до Голлабрунна порядка 60 км. У адъютанта императора не было возможности менять лошадей, а на одном коне проскакать такое расстояние за четыре часа невозможно. Во-вторых, текст императорского послания был столь суровым, что вряд ли Мюрат мог позволить себе роскошь ждать четыре часа, особенно с учетом того, что приближалось темное время суток (см. ниже). Все очевидцы сходятся в своих показаниях: как только Лемаруа передал депешу маршалу, тот отдал приказ готовиться к бою и лишь уведомил русских о том, что перемирие разорвано.

Едва французский парламентар объявил об этом и ускакал восвояси, как грохнула пушка, и скоро по всему фронту затрещала ружейная пальба и загремела канонада. Было четыре часа дня...

В этом и заключается вторая «тайна» Шенграбена. Дело в том, что время в начале XIX в. измеряли исключительно по солнцу. То есть 12 часов – это было время, когда солнце находится в зените. Как известно, в XX в. повсеместно был произведен сдвиг часовых стрелок на час вперед (с целью экономии энергии летом в Европе время сдвигают еще на час вперед). Так что теперь солнце заходит позднее, чем по астрономическому времени. Тогда же жили строго по астрономическому времени. И закат солнца в местах, где происходили события, начинался в 16 часов 20 минут, чуть позже 17 становилось темно, и скоро наступала полная темнота.

Таким образом, сражение начиналось в наступающих сумерках, и оставался всего примерно час, пока на поле боя можно было что-либо различить. Напрасно маршал Сульт убеждал Мюрата отменить атаку: «Он сказал, что необходимо дожидаться дня, чтобы атаковать... Сульт добавил, что бесцельно будет потеряно много храбрых солдат, которые, несмотря на их доблесть, в темноте ночи не будут сражаться с таким же порывом. Мюрат был непреклонен. Он проклинал свою доверчивость по отношению к Винценгероде. Он уже видел перед собой, как русские преспокойно уйдут с позиции ночью. Он словно слышал упреки Наполеона и приказал атаковать»^[619].

Несмотря на то что Мюрат предупредил о разрыве перемирия только в последний момент, большая часть русских войск успела занять позиции. Действительно, наблюдая шум, суету и сбор войск во французском лагере всего лишь в нескольких сотнях метров напротив русских позиций, не надо было быть Юлием Цезарем для того, чтобы понять, что скоро начнется атака. Правда, на левом крыле русских войск солдаты разбрелись так далеко, что их все же не удалось полностью собрать.

Французы спешили. У них не было ни малейшего времени развернуть перед фронтом русских позиций все свои силы. Так как ближе всего к отряду Багратиона находилась гренадерская дивизия Удино, сначала были брошены в бой ее солдаты. Первый полк дивизии обошел Шенграбен с запада и вышел напротив правого фланга русских войск.

Князь Багратион, видя приближение французов, спешил перед фронтом своего любимого 6-го егерского полка, командиром которого он являлся с 1797 по 1799 г., и лично повел егерей в штыки. Полк, воодушевленный присутствием князя, атаковал с громовым криком «Ура!». Эту атаку ярко и очень правдоподобно описал в своем романе «Война и мир» Л. Н. Толстой.

Французские гренадеры были опрокинуты. Одновременно русская батарея в центре засыпала Шенграбен гранатами, и деревня запылала: «Густая тьма ночи покрывала землю, – вспоминает очевидец. – Вся деревня была объята пламенем и представляла одновременно из себя самое прекрасное и самое ужасающее зрелище. Дома рушились в потоке пламени, солома, сложенная в ригах, служила прекрасной пищей для огня, который распространялся с большой скоростью. Скоро осталась нетронутой одна только церковь, но все предвещало то,

что она не сможет избежать буйства пожара, и скоро колокольня с диким грохотом обрушилась среди руин»^[620].

Достаточно посмотреть на план, чтобы понять, что Шенграбен, занимавший по фронту почти 800 м, перегородил дорогу французским войскам. Его нужно было обходить справа и слева, через овраги, рытвины и колдобины. В сгущающейся тьме пехота могла делать это с трудом, кавалерия практически застряла на месте, а для артиллерии прохода вообще не осталось.

«Я долго стоял у Голлабрунна [автор имеет в виду Шенграбен. – *Примеч. авт.*], слыша выстрелы и проклиная препятствие, помешавшее мне принять участие в бою, – вспоминал о действиях своей батареи Левавассер. – Вдруг показался какой-то гусар, выехавший из пылающей деревни. “Здесь можно проехать?” – спросил я его. “Да, – ответил он, – я приехал с другой стороны”. Тогда я приказал упряжке первого орудия скакать за мной. Я не взял большого зарядного ящика. Мы устремились в галоп по улице, объятай пламенем. Мы пересекли тысячу препятствий, где мой маленький зарядный ящик ежесекундно мог взлететь на воздух. И я вырвался из деревни. Мы продолжили скакать еще 200 шагов вперед, пока наконец не увидели неприятеля справа. Мы начали разворачиваться, чтобы поставить пушку на дорогу, но залп неприятельской артиллерии повалил моих канониров, шестеро из них было убито и ранено, а пушка разбита»^[621].

Залп, которым была разбита пушка Левавассера, был дан с русской батареи, стоявшей в центре. Именно эту батарею превратит в своем романе Л. Н. Толстой в знаменитую «батарею капитана Тушина». Только она состояла не из четырех пушек, как писал великий романист, а, как уже отмечалось, из двенадцати. Пожар Шенграбена, сгустившийся мрак и пересеченная местность не давали возможности Мюрату ввести в дело все свои силы. Тем не менее гренадерская дивизия Удино обошла Шенграбен с двух сторон. Основная масса гренадер (бригады Рюффена и Дюпа) двинулась на правый фланг русских, а бригада Лапланш-Мортъера – на левый^[622].

О том, насколько движение в сгущающихся сумерках на пересеченной местности было трудным для густых колонн пехоты, говорит тот факт, что бригада Дюпа первоначально шла против левого фланга русской пехоты, но в темноте уперлась в труднопроходимый ручей и двинулась в обход Шенграбена с другой стороны, оказавшись в результате против правого фланга Багратиона. Одновременно несколько драгунских эскадронов из дивизии Вальтера также двинулись против правого фланга русских и, как могли, атаковали стоящую у них на пути русскую пехоту.

Михайловский-Данилевский в своей «Истории войны 1805 г.» назвал этих драгун «конными гренадерами». Это интересное свидетельство. Оно, возможно, основывается на информации, которую Михайловский-Данилевский получил от кого-то из участников боя. Дело в том, что первая рота каждого драгунского полка армии Наполеона носила меховые шапки. Вполне понятно, что русские офицеры приняли их за конных гренадер. Но меховые шапки носила только одна рота из восьми, которая обычно шла в голове полка. Вряд ли, если бы полк шел развернутым строем, среди подавляющего большинства касок можно было бы рассмотреть несколько десятков меховых шапок. Судя по всему, рельеф местности был так труден для действий кавалерии, что в надвигавшейся темноте можно было двигаться и атаковать только колонной, вводя в дело лишь несколько десятков впереди стоящих кавалеристов.

Вслед за гренадерами Удино и драгунами медленно продвигались вперед дивизия Сюше против левого фланга русских и дивизия Леграна против правого фланга. Столкновение с этими войсками на той позиции, на которой Багратион располагался в начале боя, уже не произошло. Генерал Ермолов очень верно передал суть происходящего в своих мемуарах: «...Двинулись отовсюду неприятельские колонны. Невозможно было ни минуты терять времени, и князь Багратион приказал начать отступление... В трех верстах позади арьергарда простирался глубокий ров, через который трудна была переправа. Кавалерии приказано немедленно перейти за овраг, дабы прочих войск не остановить в отступлении... На левом

крыле происходило величайшее замешательство. Генерал-майор Селихов имел неосторожность распустить людей за дровами и за водою и терял время в ожидании их. Они большею частью достались в плен, и полки, отсутствием их ослабленные, окружены были большими силами»^[623].

Таким образом, на той позиции, на которой первоначально находился Багратион, его войска отразили только атаку двух батальонов первого гренадерского полка дивизии Удино, а его артиллерия подожгла деревню Шенграбен. После того как к русским линиям стали приближаться колонны дивизии Удино, за которыми продвигались Сюше и Легран, отряд Багратиона немедленно начал отступление. Необходимо добавить, что в этот момент на левом фланге русских произвел контратаку Павлоградский гусарский полк^[624]. Так же как и французской кавалерии, русским гусарам было очень трудно действовать на пересеченной местности. Атака павлоградцев закончилась безуспешно, а самому полку пришлось отходить окольными тропами. На этом, собственно говоря, «организованная» часть боя завершилась. На поле сражения опустилась ночная тьма.

Теперь все усилия русских полков были направлены только на то, чтобы отступить в северном направлении. Французы же могли употребить лишь часть своих сил, так как основная масса войск осталась далеко позади и не имела никакой возможности догнать в темноте отходящие русские части. «Ночная тьма посеяла путаницу в ряды сражающихся, – отмечено в журнале дивизии Удино. – Отныне самые лучшие маневры стали бесполезны. Солдаты действовали неуверенно, боясь открыть огонь по своим. Продвигались вперед на ощупь, но время от времени закипали кровавые стычки...»^[625]

А вот что рассказывает генерал Вальтер: «Я отдал приказ атаковать. 11-й драгунский полк произвел несколько довольно удачных атак и взял 300 пленных. Однако со всех сторон на нас сыпались пули, как от своих, так и от чужих, убивая людей и лошадей. Русские смешались с нашими, отбиваясь штыками... Темнота усиливала ярость сражающихся, и противник поспешно отступал, потеряв много людей пленными и убитыми»^[626].

Особенно ожесточенный бой закипел вокруг деревни Грунд. Когда головной полк из дивизии Удино под командованием майора Брайера вошел в деревню, он поначалу не встретил никакого сопротивления. Но когда гренадеры в темноте проникли на улицы деревни, они были внезапно атакованы со всех сторон: «Русские с криками выскочили из домов, где они сидели в засаде, и атаковали со всей яростью, – говорится в рапорте дивизии Удино. – Начался жестокий рукопашный бой. Затихла ружейная стрельба, и только штык решал, за кем останется поле сражения...»^[627]

Если в деревне шло жестокое побоище, то вокруг нее в темноте сталкивались отряды, открывая огонь по своим. Во многих французских источниках упоминается о том, что русские использовали военную хитрость. В первых рядах стояли офицеры, хорошо говорящие по-французски. «Двигаясь навстречу колонне, которая перерезала им отступление, они кричали: “Что вы делаете, вы стреляете по своим, мы французы!..” Другой русский батальон использовал ту же хитрость. В момент, когда их атаковали, оттуда раздался крик: “Это свои, не стреляйте!” Французские солдаты остановились и получили в упор смертоносный залп. Возмущенные таким коварством, они с яростью устремились на русских и перебили всех до одного»^[628].

Впрочем, один из участников битвы, вольтижер из дивизии Удино, говорит о том, что вне всяких военных хитростей бригада из дивизии Леграна действительно открыла огонь по гренадерам майора Брайера. Фантен дез Одоар после боя записал в дневнике, подтверждая свидетельство Вальтера, что в ряде мест трупы лежали так, что видно было, что солдаты стреляли по своим: «Можно было констатировать факт, что во время боя одни французские солдаты стреляли по другим и убивали друг друга в темноте... Эта прискорбная ошибка, увы, часто происходит в ночных столкновениях»^[629].

Отчаянная беспорядочная резня, столкновения отдельных батальонов, где, открывая огонь, не знали, бьют ли по своим или по чужим, продолжались весь вечер. Михайловский-Данилевский пишет: «Когда прошли Гунтерсдорф, смерклось [см.

ниже. – *Примеч. авт.*]. Во мраке ноябрьского вечера исчезло единство в повелениях, даваемых начальниками. Голос их был заглушаем пушечной и ружейной пальбой, восклицаниями нападавших и защищавшихся, стоном раненых, воплями раздавленных лошадьми. Каждый батальонный и эскадронный командир действовал, как внушали ему личное мужество и собственная распорядительность. Французы и русские рвались исполнить долг службы и чести. Неприятель старался окружать и обходить; наши по несколько раз пробивали ряды его грудью»^[630].

Этот рассказ очень верно передает то, что происходило в эти часы на поле боя поблизости от Шенграбена. Но в нем есть одна неточность – историк пишет: «когда прошли Гунтерсдорф, смерклось». На самом деле, когда русские войска подошли к деревне Гунтерсдорф, находящейся в 5 км позади первой позиции, было уже давно не видно ни зги. И здесь, так же как в предыдущей деревне, были оставлены два русских батальона^[631], которые встретили французов ружейным огнем в упор. А затем снова повторились дикие сцены штыковой схватки.

Отчаянный бой продолжался до 11 часов вечера. После чего изнуренные жестокой многочасовой дракой французские полки прекратили преследование, а Багратион, не прекращая ночного марша, сумел догнать главные силы. Штаб Мюрата расположился неподалеку от Шенграбена. «Резня прекратилась, – вспоминает адъютант маршала Сульта. – Была уже полночь. Принц Мюрат, маршал Ланн, маршал Султ и их штабы собрались неподалеку от пылающих руин несчастной деревни и грелись от ее пламени, в то время как саперы разбивали топорами двери амбаров, которых не достиг огонь и которые должны были стать убежищем, чтобы ожидать рассвета»^[632].

В общем итоге в ходе столкновения арьергард Багратиона, непрерывно сражаясь, прошел около 6 км. Генерал Ермолов точно охарактеризовал произошедшее на поле у Шенграбена: «Итак, сверх чаяния дело кончилось гораздо счастливее, нежели можно было ожидать, и князь Багратион прославился. Под начальством его было менее семи тысяч человек, неприятель имел в действии более двадцати тысяч... Одна скорость движения спасла арьергард наш»^[633].

Таким образом, ход сражения под Шенграбеном можно резюмировать следующим образом. Примерно час, пока на поле боя было еще что-то видно, Багратион держался на первой позиции. Это было возможно потому, что французы не могли мгновенно развернуть все свои силы, а пожар Шенграбена еще более задержал процесс ввода в бой французских частей. Когда же французские дивизии пересекли Шенграбенский ручей, русские полки начали отступление. Все дальнейшее происходило в полной темноте, из-за которой Мюрат не мог ввести в бой всю свою пехоту. Что касается кавалерии, она вообще прекратила какие-либо попытки атаковать, ибо для этого не было возможности. Затем в течение шести часов русские отступали, встречая неприятеля упорным сопротивлением на позициях у Грунда, а затем у Гунтерсдорфа. Средняя скорость отступления была равна примерно 1 км/ч.

Разумеется, в этом описании битва утрачивает свой былинный размах. Зато становится понятным, в чем заключается «тайна» Шенграбена и каким образом семитысячный арьергард Багратиона сумел выдержать столкновение со значительно превосходящими его силами. Как показывают потери отдельных полков, с французской стороны в бою приняли действительное участие только дивизия Удино, дивизия Леграна (причем из последней в основном бригада Левассера) и одна драгунская бригада. **В общей сложности около 16 тыс. человек.**

Кроме того, согласно рапорту командира австрийской кавалерийской дивизии в армии Кутузова, князя Гогенлоэ-Ингельфингена, австрийские части все-таки сражались, хотя и не с начала сражения, но прикрывая отступление русских полков^[634]. Разумеется, австрийцев едва ли можно считать «полноценными» участниками боя, но и сбрасывать их полностью со счетов также нельзя.

Да, Шенграбен не был похож на голливудский фильм, где один тупоголовый супермен, не получая ни малейшей царапины, косит десятки врагов, стреляющих в него в упор. В

жизни, на войне такого не бывает. И одному воину, даже очень храброму, непросто справиться даже с двумя врагами, тем более если они тоже храбры. Это никоим образом не отнимает славы у Багратиона и его солдат, а просто-напросто заменяет фантастическую картину вполне реальной, где мужеству и доблести есть место не в меньшей, а, может быть, в большей степени. Потому что правда, пускай даже и несколько менее феерическая, чем сюжет боевика, остается правдой и потому в тысячу раз более дорога, чем все художественные вымыслы.

Все, кто принял участие в этой битве, отдали должное героическому бою русского арьергарда. «Это сражение, в котором русские гренадеры соперничали в бесстрашии с французами, – вспоминал известный штабной генерал Матье Дюма, – делает честь князю Багратиону. Он пожертвовал собой во имя спасения своей армии...»^[635]

Подобные похвалы куда ценнее, чем невероятная история, рассказанная Глинкой, знавшим об этом бое только понаслышке, а с его слов повторенная чуть ли не всеми русскими историками. Но более всего весомы слова Фантена дез Одоара, стоявшего в этот день в рядах гренадеров Удино. Он написал о Багратионе: «Умелой хитростью он выиграл время, его войска, атакованные превосходящими силами, доблестно сражались, затем он сумел так ускользнуть от нас, что мы не смогли его нагнать, он не оставил ни артиллерии, ни обозов. Я начинаю думать, что куда более славно сражаться с русскими, чем с австрийцами»^[636]. И, наконец, генерал Пельпор, тогда офицер 18-го линейного полка из дивизии Леграна, сказал еще более короткой, но емкой фразой: «Князь Багратион выказал большую решительность, поддержанную великой отвагой, его солдаты были великолепны»^[637].

Император нагнал авангард поздно вечером и заночевал в Голлабрунне. Утром он осмотрел поле сражения, еще дымившееся после отчаянной схватки. Повсюду валялись трупы, изуродованные всевозможным образом, особенно много убитых солдат лежало поблизости от Грунда и Гунтерсдорфа.

Потери в действительности были весьма серьезными. Согласно рапорту Багратиона его отряд потерял 2216 человек^[638], оставшимися на поле боя, – из них убитыми 768, ранеными 737 и пропавшими без вести 711. Князь указал также, что были ранены, но сумели уйти с поля боя еще 194 человека. Последняя цифра плохо согласуется с численностью убитых, так как чаще всего на одного убитого приходилось как минимум три раненых, из которых один – тяжело. Отметим, что число убитых, которое Багратион приводит в рапорте, совпадает, как и должно быть, с числом тяжелораненых, оставшихся на поле сражения. Можно предположить, что количество легко и средне раненных было куда более значительно, чем 194 человека. В общем, Багратион потерял наверняка не менее, а даже несколько более чем 3000 человек, из которых в плен попали около 1500 (половина из них ранеными).

Багратион говорит, что он оставил на поле боя восемь орудий. Последнее подтверждается тем, что пишет генерал Ермолов: «Храбрые полки [генерала Селихова. – *Примеч. авт.*], отчаянно защищаясь, продлили сражение до глубокой ночи, но большая часть людей побита, взяты знамена и восемь пушек. Пользуясь темнотою, спаслись малые только остатки полков и четыре орудия»^[639]. Таким образом, из 12-орудийной батареи восемь пушек было оставлено на поле битвы, а четыре спасено.

Что касается знамен, то, как можно предположить, ни официальный отчет Кутузова, ни рапорт Багратиона о потере знамен не говорит. Однако согласно «Историческому журналу гренадерской дивизии Удино» французы взяли 23 знамени!^[640] Разумеется, число совершенно нереальное. Однако какие-то знамена были все же отрядом Багратиона утрачены. Так, возможно, что из пяти знамен, потерянных Подольским мушкетерским полком в ходе кампании 1805 г., не все были утрачены при Аустерлице, а какие-то были взяты французами еще при Шенграбене. Азовский мушкетерский полк потерял в ходе кампании три знамени. Не исключено, что одно из них также было захвачено при Шенграбене. Таким образом, весьма вероятно, что французы захватили в бою от двух до четырех русских знамен.

Удино в своем донесении сообщает, что его дивизия потеряла 70 человек убитыми, 212 ранеными и восемь пленными. Итого: 290 человек. Потери дивизии Леграна и драгун не приводятся в рапортах. Известно только, что в дивизии Леграна было восемь убитых офицеров, а у драгун – двое. На основе этих документов получается, что французы потеряли убитыми и ранеными около 500 человек. Подобное соотношение французских и русских потерь представляется очень маловероятным. Большая часть сражения походила на бойню, где общее численное превосходство французских войск почти не сказывалось, потому что сталкивались отдельные батальоны. Можно предположить, что Удино либо намеренно, либо, не получив точных сведений, неправильно указал свои потери. Нужно учесть также, что сам отважный генерал был ранен пулей в бедро и вынужден был на несколько дней покинуть армию, для того чтобы залечить рану. Исходя из характера боя, резонно предположить, что французская сторона могла потерять до тысячи человек убитыми и ранеными.

Кутузов в официальном отчете Александру I говорит о том, что было взято в плен 53 французских солдата и офицера и захвачено одно знамя. Багратион ничего не пишет ни о том ни о другом. Если вполне логично предположить, что о захвате небольшой кучки солдат князь ничего не сообщил в своем рапорте, то довольно странно, что он не отметил захват вражеского знамени.

Французские источники также ничего не говорят о потере знамени (орла). Тем более что гренадерская дивизия Удино, наиболее пострадавшая в бою, не имела знамен. Ее батальоны были сводными формированиями, состоявшими из элитных рот, взятых из полков линейной и легкой пехоты.

Однако современный американский исследователь Скотт Боуден подтверждает взятие русскими войсками орла 40-го линейного полка (дивизия Сюше)^[641]. При этом он ссылается на так называемый «Журнал операций 4-го корпуса» (Journal des opérations de 4-e corps)... Это очень странно, так как дивизия Сюше входила в 5-й, а не в 4-й корпус! Боуден к тому же в ссылке не дает шифра архивного документа, хотя везде в других случаях он это делает. Автор этих строк внимательно изучил во французском военном архиве известный журнал операций 4-го корпуса, так же, впрочем, как и журнал операций 5-го корпуса... и ничего о знамени там не обнаружил^[642]. Так что вопрос с захваченным орлом остается открытым.

Впрочем, эта история могла возникнуть и совершенно иначе. Дело в том, что батальоны дивизии Удино имели нерегламентированные и нигде не учтенные значки, сделанные мастерами самой дивизии. Они служили тактическими «приспособлениями», ориентирами для сбора и построения батальонов, не имевшими, по крайней мере официально, никакой ценности, хотя внешне могли выглядеть вполне как знамена. Не исключено, что солдаты Багратиона захватили именно такой значок.

Сам князь, возможно, понимая, что это «не настоящее» знамя, не учел его в своем рапорте. Кутузов же, докладывая императору, не стал церемониться и объявил о захвате орла. Понятно и молчание французских источников. Генералу Удино не было никакого смысла докладывать о потере этого нигде не учтенного, официально не существующего знака, тем более что ему, скорее всего, об этом даже не сообщили.

Как бы там ни было, результаты боя весьма отличались от того, на что вправе был рассчитывать французский император. Вместо армии Кутузова, отрезанной от главных сил или, по крайней мере, взятой в плен русской дивизии, лишь полторы тысячи убитых русских и французов.

Наполеон на следующий день проехал по полю кровавого побоища, хмуро взирая на рассыпанные повсюду мертвые тела. «День осветил землю, напоенную кровью, – записал в своем дневнике Фантен дез Одоар, – и показал нам, насколько велики были потери неприятеля и наши. Повсюду валялись трупы, одетые в синее и в зеленое, и в некоторых местах лежали такие кучи, что можно было понять, что здесь произошел самый жестокий бой с тех пор, как порох дал возможность людям уничтожать друг друга, не сходясь в упор»^[643].

В этот день у императора были и другие поводы, чтобы быть не в духе. По дороге в Цнайм он получил первые сведения о катастрофе, постигшей французский флот под Трафальгаром.

В частности, поэтому встреча Наполеона со своим шурином была достаточно эмоциональной. Император высказал Мюрату все, что он думает по поводу его манеры командовать авангардом. Под горячую руку попался и Ланн. Неизвестно, что наговорил в сердцах Наполеон своему соратнику и другу, зато в архиве исторической службы французской армии сохранилось письмо, которое на следующий день написал маршал Ланн. Здесь рядом с сухими строками военного отчета стоят фразы, продиктованные чувством искренней дружбы. Необходимо помнить, что императору исполнилось всего лишь 36 лет, столько же было и его маршалу. Оба они были еще молоды, и в их сердцах кипели настоящие страсти.

«Я прошу Ваше Величество позволить мне сказать, что я всю ночь мучился оттого, что вчера видел Вас в плохом настроении. Я боюсь, что это происходит из-за того, что я чистосердечно сказал Вам, насколько устали наши войска. Ваше Величество, Вы должны знать мои чувства, и Вы должны знать, что в моих жилах нет капли крови, которую я не был бы готов пролить за вашу славу. Скажу откровенно, что я переживал так сильно, что если бы гренадеры пошли дальше вперед и встретили бы сопротивление врага, я бы бросился грудью на его штыки»^[644].

В тот же день Наполеон ответил другу: «...последний абзац Вашего письма мне было очень тяжело читать. Я упрекаю Вас только в одном – что Вы слишком часто подвергаетесь опасности. И мне вовсе не хочется, чтобы мои лучшие друзья из любви ко мне подставляли себя постоянно под пули. Если я и был сердит вчера на кого-то, то на генерала Вальтера, потому что нужно, чтобы кавалерийский генерал всегда преследовал неприятеля, держа ему “шпагу в спину”. Особенно это касается отступления, и я не хочу, чтобы жалели лошадей, когда можно взять в плен людей... Вы скоро получите мои приказы... Поберегите себя и не сомневайтесь ни на секунду в моей дружбе»^[645].

Если упреки, высказанные Ланну, были лишь результатом мимолетного раздражения и затем были начисто забыты, когда император диктовал письмо своему другу, недовольство действиями маршала Бернадотта было куда более серьезным. Дело в том, что первый корпус под командованием Бернадотта потратил двое суток на форсирование Дуная.

По поручению Наполеона Бернадотту было направлено 15 ноября следующее письмо: «Господин маршал, император очень сердится из-за того, что в тот момент, когда принц Мюрат и маршалы Ланн и Сульт сражаются в двух днях пути от Вены, Вы не смогли перевести на другой берег Дуная и одного человека. Ваши солдаты, без сомнения, должны быть недовольны тем, что Вы лишаете их возможности принять участие в славе этого похода»^[646]. В результате первый корпус ускорил свой марш, и 17 ноября в тот момент, когда Наполеон встретился с Мюратом, войска Бернадотта подошли к Голлабрунну.

В этот же день, 17 ноября, Наполеон занимался и политическими вопросами. Император французов получил письмо от Франца II, который написал его после встречи с генералом Гиулаем в Брюнне 15 ноября. Письмо было составлено в весьма любезных выражениях, однако австрийский монарх заявлял, что он не может подписать договора без консультации со своими союзником.

Наполеон ответил посланием, где он также рассыпался в любезностях. «Сегодня я желал двинуть мои авангарды на Брюнн, но я остановлю их на весь день, и завтра, и все время, пока Ваше Величество будет оставаться в Брюнне. Моя единственная цель – преследование русской армии для изгнания ее из Вашего государства, и потому я не желаю сделать малейшего шага, который мог бы быть Вам неприятным»^[647].

Впрочем, кроме любезностей Наполеон говорил в этом письме о настроениях населения Австрии на территориях, занятых французами, и, конечно же, в самой Вене. «Я хочу только сказать Вашему Величеству, что его моравские земли разорены ужасным образом, что настроения во всех провинциях и даже в Вене таковы, что все единодушно настроены против

русских, и что если Ваше Величество будет следовать советам тех людей, которые являются предметом ненависти всего народа, Вы сможете потерять любовь Ваших подданных, которую Вы заслуживаете по праву...»^[648]

Несмотря на эти доводы, император Франц II не спешил заключить сепаратный мир. Ситуация, как казалось, складывалась для союзников весьма благоприятно. Несмотря на потери, армия Кутузова подошла к Брюнну, и сам главнокомандующий прибыл в город 18 ноября. Здесь он получил известие, которое ему привез поручик Кавалергардского полка Чернышев, о том, что колонны армии Буксгевдена находятся в полутора маршах от Брюнна. 19 ноября армия Кутузова покинула Брюнн и у местечка Вишау соединилась с передовыми колоннами Буксгевдена. На этом отступление русской армии заканчивалось. Соотношение сил стало складываться в пользу союзников. Сам австрийский император покинул столицу Моравии накануне 17 ноября и отправился на встречу с императором Александром в город Ольмюц.

Конечно, отступление армии Кутузова обошлось русским полкам дорогой ценой. После боя под Шенграбенем русский главнокомандующий, обняв Багратиона, воскликнул: «О потерях не спрашиваю: ты жив – для меня довольно!» Однако урон не ограничивался убитыми и ранеными в боях. При поспешном отступлении невозможно было избежать того, что в плен сотнями попадали отставшие солдаты, изнуренные тяжелыми переходами. Во французской армии также было много отставших. Но они имели возможность нагнать свои войска, русские же неминуемо попадали в плен.

Согласно рапортам от авангардных отрядов, 18 ноября в плен к французам снова попало много отставших солдат. Так, генерал Вальтер сообщал, что он взял в плен 500 человек «отступавших в беспорядке», командир первого конно-егерского доносил, что его полком взято 600–700 пленных, а в момент написания рапорта было захвачено еще 150 человек^[649]. Даже если эти рапорты, как всегда, несколько преувеличивают число пленных, совершенно очевидно, что, вися на хвосте отступающей армии, французские войска брали по несколько сот человек в день. Так что Кутузов привел собой в Вишау едва ли немногим более 30 тыс. человек. И все-таки стратегическая обстановка начала резко изменяться. Несмотря ни на что союзные войска соединились. Результатом этого было изменение не только численных соотношений, но и морального духа. И в скором времени французские аванпосты почувствовали это в полной мере...

Пока же наступление Великой армии продолжалось. Утром 19 ноября, неотступно преследуя уходящую армию Кутузова, драгуны Вальтера и первый конный егерский полк вступили в Брюнн и двинулись дальше в восточном направлении. В это время похолодало. Дороги, еще недавно покрытые грязью, подморозило. «Солдаты не чувствовали холода, – рассказывает адъютант маршала Сульта. – Они шли быстро по гладкой равнине, чувствуя необходимость догнать русских, которые все так же продолжали отступать»^[650].

В этот день гренадеры Удино, располагавшиеся на биваке позади кавалерийских отрядов, повстречались с Наполеоном: «...едва только начало рассветать, и мы еще спали, зарывшись кто где может в солому. Вдруг невысокого роста человек в сером рединготе подошел к нашему лагерю. Его сопровождало два офицера. Он приблизился к бивачному огню, пепел которого еще был горячим, покопался там и вытащил из золы картошку, которую он съел, запросто беседуя с гренадерами о недавнем сражении. Это был император без свиты... В течение нескольких минут он с удовольствием беседовал, думая, что он сохраняет инкогнито. Едва он понял, что его узнали, как он вскочил на коня и поскакал галопом. Но, прежде чем покинуть нас, он крикнул в толпу солдат, которая собиралась со всех сторон: “Гренадеры, я доволен вашим поведением в сражении при Голлабрунне. Еще один удар, и войне конец. Тогда я обещаю вам, что вы расположитесь на отдых в Вене”. Эти слова скоро все передавали друг другу...»^[651]

На следующий день, 20 ноября, в 10 часов утра Наполеон был у ворот Брюнна. Пехота расположилась перед городом, а Наполеон принял депутацию местных властей и

духовенства, которые поднесли ему ключи от города. Тотчас после этого смотра французская пехота вступила в Брюнн.

Столица Моравии город Брюнн был оставлен армией Кутузова без всякого сопротивления. По тем временам это был довольно значительный город. По переписи 1804 г. здесь жило 8693 человека^[652]. В центре города на высокой горе Шпильберг находился хорошо укрепленный форт. Его грозные стены высятся и поныне. Когда-то это была средневековая крепость, в XVII–XVIII вв. вокруг нее были построены мощные бастионы и куртины. На валах крепости и в ее арсенале в 1805 г. находилось 147 пушек и мортир. Согласно документу, составленному французскими офицерами при занятии цитадели в арсенале, было аккуратно сложено 4990 новеньких ружей и 680 пистолетов, а в погребах хранились тонны пороха^[653]. Подобную твердыню несколько сотен солдат легко могли бы оборонять даже против очень сильной армии. «Я посетил Шпильберг, – вспоминал капитан Тиар, – и не мог понять, почему русские не оставили в этой цитадели хотя бы два батальона»^[654].

Действительно это может озадачить. Ведь в распоряжении шедших с императором корпусов Великой армии не было тяжелых орудий, а без серьезнейшей осады предпринять штурм Шпильберга было бы настоящим самоубийством. Пруссаки в ходе войны за австрийское наследство даже с осадной артиллерией так и не смогли взять этот форт. Контроль союзников над цитаделью очень сильно затруднил бы действия наполеоновской армии. И тем не менее Кутузов не оставил на Шпильберге даже маленького отряда. Это весьма интересный факт. Он говорит о том, что русский полководец, несмотря на соединение с главными силами, не считал возможным и необходимым переходить в немедленное наступление, а наоборот, предполагал продолжить стратегический отход. В этом случае действительно было неразумно оставлять гарнизон в цитадели, ибо он рано или поздно был бы взят в плен.

«Прибыв в Брюнн, – рассказывает Савари, – император нашел цитадель, оставленную неприятелем. Ее склады были полны, и по небрежности, которую трудно понять, здесь были сложены уже приготовленные боеприпасы, которые мы могли тотчас же использовать. Австрийские чиновники передали нам все с такой точностью и пунктуальностью, как бы они сделали это для своего командования»^[655]. Император был очень доволен этой находкой и тотчас же распорядился сделать город Брюнн и Шпильбергскую цитадель операционной базой для своей армии.

В тот момент, когда дивизия Удино вступала в город, а штабные офицеры французской армии принимали Шпильбергские склады, французская кавалерия двигалась вперед по широкой равнине к востоку от Брюнна вдоль шоссе Брюнн – Ольмюц. Чувствовалось, что настроение на аванпостах изменилось. Больше не встречалось дезорганизованных групп отставших солдат. Вместо них на равнине были развернуты значительные силы русской конницы. Со своей стороны, Мюрат двинулся вперед с мощным конным авангардом. Вслед за командующим по дороге и прямо через поля широким фронтом скакали на рысях стройные эскадроны драгун, конных егерей и гусар. В распоряжении Мюрата было более 3000 кавалеристов: драгунская дивизия Вальтера, три легкоконные бригады и два полка конных егерей^[656]. С русской стороны под командованием генерал-майора Чаплица было также более 3000 кавалеристов^[657].

Стычки передовых постов начались еще в девять часов утра. С появлением основной массы французской конницы все говорило о том, что начнется жаркое дело. Бригада драгун Себастиани, конно-егерская бригада Мильо и гусары Трейяра сбили посты русской кавалерии и устремились вперед вдоль Ольмюцкого шоссе. Но на подходе к Позоржицкой почте они столкнулись с основными силами русских.

Октав Левавассер, который со своими пушками, как всегда, был впереди авангарда, вспоминал: «Дойдя до гребня холма, мы вдруг увидели в долине массу в шесть тысяч кавалеристов, которые шагом двинулись на наши два полка. Моя артиллерия открыла огонь по этой грозной туче всадников. Трейяр и Латур-Мобур закричали: “Держитесь, гусары!

Держитесь, конные егеря!» ...Массы русской кавалерии обошли нас одна справа, другая слева и стали окружать нас. Моя артиллерия взяла во фланг левую массу и открыла огонь картечью. Но, увидев позади нас другие эскадроны, русские решили их охватить...»^[658]

По всему полю закипела отчаянная кавалерийская рубка. Французские драгуны и конные егеря были опрокинуты. Санкт-Петербургский драгунский полк врезался в ряды неприятельских всадников. Согласно рапорту Багратиона, рядовой Дмитрий Чумаков в упорной схватке захватил штандарт^[659].

Французские легкоконные эскадроны покатались по равнине в обратном направлении. Но в этот момент на поле сражения появилась кирасирская дивизия д'Опуля и четыре эскадрона конных егерей и конных гренадер императорской гвардии под личным командованием маршала Бессьера.

Мюрат и Бессьер были не из тех людей, которые упускали возможность нанести несколько добрых ударов саблей, и тотчас же земля задрожала от гула тяжелых кирасирских коней. 500 кирасир бригады Фонтена и четыре эскадрона гвардейской кавалерии врезались в расстроенные успешной атакой ряды русских всадников. «Вторая бригада атаковала с таким порывом, что она опрокинула все боевые порядки, которые ей противостояли»^[660], – докладывал д'Опуль в своем рапорте. А в другом отчете об этом эпизоде можно прочитать: «Маршал Бессьер во главе четырех эскадронов гвардии провел блистательную атаку^[661], которая сокрушила и опрокинула врага»^[662].

На этот раз отступить пришлось русским кавалеристам, которые галопом понеслись в сторону Раусница. Здесь на шоссе осталась без прикрытия батарея Левавассера. Молодой офицер вспоминал: «Мои канониры и солдаты обоза тотчас же соскочили с коней и бросились вместе с пушками прочь с дороги. В течение пяти минут опрокинутая конница скакала через мою батарею. Но никто из кавалеристов не отделился от рядов и не тронул нас. Они только пальнули несколько раз из пистолетов в нашу сторону»^[663].

Бой прекратился уже в темноте. Французы продвинулись километров на 12 вперед и остановились неподалеку от Раусница. Первый конно-егерский и драгуны расположились вокруг Позоржицкой почты.

Кавалерийские схватки бывали обычно очень скоротечными. Само столкновение длилось недолго, и, несмотря на порыв атакующих, потери обычно были невелики. Не составляя исключения бой на Ольмюцком шоссе. Согласно рапорту Багратиона, русские полки потеряли 110 человек убитыми и без вести пропавшими и 31 человек ранеными. Как всегда в рапортах Багратиона, наблюдается несоответствие между количеством убитых и раненых. Даже если учитывать, что из 110 человек половина попала в плен, раненых должно было быть гораздо больше. Общее количество русских потерь можно определить, вероятно, как 200 человек убитыми, ранеными и пленными.

Французские потери можно определить по косвенным данным. Так, известно, что в бригаде кирасир, принявшей участие в бою, было ранено 40 человек. Так как на 40 раненых нужно полагать, по крайней мере, 10–15 убитых, можно предположить, что кирасиры потеряли порядка 50 человек. Что касается драгун, они потеряли шесть офицеров убитыми и ранеными. Больше всего пострадал 11-й драгунский полк, полковник которого, Фердинанд Пьер Бурдон, получил тяжелые ранения и скончался от полученных ран 6 декабря 1805 г. Подобные потери офицеров означают, что драгуны потеряли не менее 100 человек убитыми и ранеными. Кроме того, 11-й полк почти наверняка потерял эскадронного орла, взятого Санкт-Петербуржскими драгунами. Наконец, в 22-м конно-егерском был ранен один офицер, а также один офицер гвардейских конных егерей. В общем, это означает, что у французских кавалеристов выбыло из строя не менее 200 человек, а возможно, и больше.

«Русская кавалерия атаковала отважно, – вспоминал Савари, – и опрокинула бы нас, если бы конные гренадеры не вступили в дело. Кирасиры поддержали их успех и рассеяли тех русских кавалеристов, которые висели на плечах наших легкоконных»^[664].

В момент кавалерийской схватки Наполеон появился на поле сражения. «Император прибыл на поле боя, – рассказывает капитан Тиар, – и он присутствовал при атаке

гвардейской кавалерии. Затем он доехал до Позоржицкой почты и, возвращаясь, пересекая эту всхолмленную равнину... он сказал нам: “Молодые люди, изучайте хорошенько эти места. Здесь мы будем драться”»^[665].

Действительно, равнина, на которой кипела кавалерийская схватка, станет через несколько дней самой известной равниной Европы. Еще утром 20 ноября Наполеон отдал приказ:

«Маршалу Сульту

Порлиц, 29 брюмера XIV г. (20 ноября 1805 г.), 8 часов утра

Маршалу Сульту приказано занять **Аустерлиц...**»^[666]

Так впервые Наполеон произнес слово, которому суждено будет войти в историю Европы.

Глава 12. От Кронштадта до Неаполя

– Мы будем иметь честь атаковать вас, – произнес Арамис, одной рукой приподняв шляпу, другой обнажая шпагу.

– Вот как... вы сопротивляетесь! – воскликнул де Жюссак.

– Тысяча чертей! Вас это удивляет?

И все девять сражающихся бросились друг на друга с яростью, не исключавшей, впрочем, известной обдуманности действий.

А. Дюма. Три мушкетера

В то время как пушки грохотали в долине Дуная, союзники привели в движение массы войск, разбросанных на огромном фронте от берегов Балтики до теплых волн Адриатики. Боевые действия на севере и юге Европы, в тирольских горах и на побережье венецианской лагуны, происходили совсем по иному сценарию, чем война в сердце Австрии. Где-то армии сталкивались в упорнейших битвах, и кровь лилась рекой. А где-то боевые действия походили то ли на маневры, то ли на народные гуляния. Как бы там ни было, картина войны 1805 г. без разбора этих операций будет неполной и однобокой. Только с учетом того, что происходило на всех театрах военных действий, можно составить правильное представление как об общем ходе войны, так и о ее политических аспектах.

Северная Италия

Вплоть до самого начала войны австрийцы предполагали, что Наполеон отправится командовать войсками на равнины Италии, где он уже два раза сражался с силами Габсбургской монархии. Поэтому с самого начала коалиция предполагала сосредоточить здесь огромные силы. С другой стороны, так как эрцгерцог Карл, самый знаменитый и пользующийся наибольшим престижем полководец Австрии, оказался в числе противников войны, он не получил командования в Германии, где предполагалось нанести решающий удар (см. выше). Естественно, что ему поручили командовать на втором по важности театре военных действий – не мог же брат императора и выдающийся генерал остаться совсем без войска. Но сам факт назначения эрцгерцога Карла на пост командующего армией в северной Италии сыграл немалую роль. Понятно, что эрцгерцог взял к себе своих лучших генералов. Чтобы как-то компенсировать фактическое отстранение Карла от самого главного командного поста, в его распоряжение были переданы лучшие полки.

В результате получилась совершенно парадоксальная ситуация. В то время как армия Макка, оказавшаяся волею судеб лицом к лицу с главными силами Наполеона, насчитывала лишь 80 тыс. человек, армия эрцгерцога Карла, располагавшаяся в Венецианской области и южном Тироле, состояла из 208 батальонов и 102 эскадронов и насчитывала по состоянию на 25 августа 1805 г. 119 537 человек!^[667] Правда, спохватившись, Гофкригсрат прислал 27 сентября приказ направить часть войск на усиление австрийской группировки в Германии. Эрцгерцог выделил из своей армии 30 батальонов, а затем и другие подкрепления. Интересно, что генерал Макк отказался от направленных ему войск и послал их обратно. В результате целый корпус провел то время, пока остальные сражались, в бесцельных изнурительных маршах. Тем не менее даже с учетом выделения этих сил к началу боевых действий австрийцы располагали в северной Италии мощнейшей армией. Ее численность в округленных цифрах может оцениваться в 90 тыс. человек.

Французы даже и отдаленно не могли сосредоточить здесь подобных сил. К 7 сентября 1805 г. Итальянская армия^[668] насчитывала в своих рядах 34 674 человека (44 батальона и 40 эскадронов). Мало того, получалось, что австрийцы имели подавляющее численное превосходство, тогда как качество французских войск, расквартированных в Италии, отличалось от полков, состоявших в рядах Великой армии. Хуже была экипировка, обмундирование, снабжение. Во французских полках было много новобранцев, а что касается итальянских частей, то они большей частью еще вообще не нюхали пороха. Не хватало офицеров штаба, обозов, материальной части артиллерии и т. д.

Командование Итальянской армией император поручил маршалу Массена. Это было удачное назначение. У маршала, как у всех людей, были свои недостатки, самым главным из которых современники единодушно называли его чудовищное корыстолюбие. Тем не менее Массена обладал рядом выдающихся качеств. В свои 47 лет физически здоровый и способный переносить лишения похода, он обладал огромным военным опытом. В кампанию 1796–1797 гг. он командовал самой крупной дивизией в составе Итальянской армии Бонапарта и покрыл себя славой в битвах при Кастильоне, Арколе и Риволи. В 1799 г. это он одержал победу под Цюрихом над армией Римского-Корсакова. В 1800 г. своей героической обороной Генуи он помог Бонапарту одержать блистательную победу при Маренго. В общем, Массена был опытный полководец, беззаветно отважный в бою, но что еще очень важно, человек, прекрасно знавший итальянский театр военных действий, а все события войны 1805 г. будут развиваться практически точно в тех же местах, где войска сражались в кампанию 1796–1797 гг. Массена знал местность великолепно. Он был хорошо знаком со всеми особенностями региона и говорил по-итальянски.

Массена прибыл в штаб армии в Милан 7 сентября в три часа дня и тут же занялся организацией своих войск. Необходимо было ускорить подход подкреплений, пополнить ряды новобранцами, обмундировать их, вооружить, организовать обозы, пополнить материальную часть артиллерии, отремонтировать крепости, поставить на валы новые пушки. Главнокомандующий потребовал у военного министра прислать в Италию генералов, на которых он мог рассчитывать, офицеров штаба, которых очень не хватало. Пришлось работать в сложных условиях, тем более что вице-король Италии Евгений Богарне, защищая интересы своих подданных, спорил с Массена по поводу расходования каждого франка. Ситуация была непростая. Когда-то, девять лет тому назад, Бонапарт смело требовал новые и новые миллионы в качестве контрибуции, обращаясь с областями, в которых находилась французская армия, как с завоеванной страной. Теперь Итальянское королевство рассматривалось не просто как союзное государство, а практически как часть единой Империи. Страна была небогатой, и необходимо было всеми силами стараться избегать чрезмерных поборов, которые могли вызвать недовольство местного населения. Несмотря на все сложности, маршалу удалось в короткий срок привести армию в состояние, в котором она могла надеяться сражаться с превосходящими силами неприятеля.

В результате огромной работы Массена удалось к началу октября значительно усилить свое войско. Теперь под его командованием было пять пехотных дивизий, одна

сводно-гренадерская дивизия и три кавалерийские дивизии общей численностью 41 355 человек, сведенных в 77 батальонов и 59 эскадронов (по состоянию на 18 октября). 5733 человека находились в гарнизонах крепостей, еще около 5 тыс. оставалось в госпиталях, в полковых депо и далеких тылах было еще 12 тыс. человек. Всего списочная численность Итальянской армии составляла 65 235 человек. Из них реально в боевых действиях могло принять участие до 50 тыс. человек, а активная часть насчитывала порядка 40 тыс. солдат и офицеров. Хотя диспропорция в численности продолжала оставаться более чем серьезной – можно сказать, что австрийская армия почти двукратно превосходила по количеству войска Массена, – тем не менее с этими силами можно было надеяться успешно вести оборонительную войну. В распоряжении французского командования находился знаменитый «четырёхугольник крепостей»: Мантуя, Леньяго, Верона, Пескьера. Опираясь на эти твердыни Италии, умелый полководец мог надолго приковать к себе даже очень сильную неприятельскую армию.

Вполне понятно, что у Массена не было никакой причины торопиться с открытием боевых действий. Он знал, что император нанесет главный удар в Германии. В случае его успеха австрийцы неизбежно вынуждены будут ослабить свою армию в Италии, либо вообще покинуть ее пределы, чтобы спасти «наследственные владения». Поэтому маршал решил предложить эрцгерцогу Карлу заключить конвенцию, согласно которой ни та ни другая сторона не начнут войны, не предупредив заранее противника. Поначалу эрцгерцог Карл ответил дипломатичными фразами насчет миролюбия австрийского императора, нет-де никаких оснований подписывать подобное соглашение между странами, находящимися в самых лучших отношениях. Но с каждым днем все более становилось ясно, что война вот-вот начнется. В конечном итоге эрцгерцог прислал своего уполномоченного, генерала Винцента, в Верону, который встретился там с представителем Массена генералом Солиньяком. 30 сентября утром Солиньяк и Винцент подписали конвенцию, согласно которой между противостоящими армиями не должно было быть никаких столкновений. В случае если та или другая сторона пожелает разорвать это соглашение, необходимо было предупредить противника не менее чем за шесть дней, причем боевые действия могли начаться не раньше 12 часов шестого дня.

Накануне того дня, когда была подписана конвенция, Массена получил послание от маршала Бертье, который от имени императора предписывал Итальянской армии начать активные действия. Однако офицер, которого Массена послал, чтобы предупредить генерала Солиньяка, опоздал, соглашение уже было подписано. Однако вряд ли маршал очень переживал по этому поводу. Он прекрасно знал, насколько велики силы неприятеля, ему было ясно, что все, что оттягивает время, было на руку французам. Массена получил время проинспектировать крепости Мантуя и Леньяго, что он не успел сделать раньше, и еще лучше подготовить свои войска к началу войны. Выдержав несколько дней, как того требовали приличия, а также отсутствие бурного желания немедленно устремиться в бой, 8 октября Массена приказал уведомить австрийцев о том, что он разрывает конвенцию. Ровно через шесть дней, в 11 часов утра 14 октября, генерал Солиньяк отправился к передовым частям неприятеля и предупредил о том, что конвенция более не действует. В 12 часов 5 минут генерал Гардан, командир дивизии, стоявшей в Вероне, еще раз предупредил австрийское командование, что конвенция отныне прекратила действовать и что австрийские аванпосты должны удалиться с Понте Веккио (старого моста, ведущего в замок)^[669], иначе по ним будет открыт огонь.

Здесь необходимо сказать несколько слов о местности, на которой будут разворачиваться дальнейшие события. По условиям Кампо-Формийского мира, подтвержденным в Люневиле, Австрия получила значительную часть венецианской Терра Ферма (области на севере Италии, принадлежавшей венецианской республике) и сам город Венецию. Граница между Итальянским королевством и Австрией проходила отныне по реке Адидже, берущей свое начало в отрогах Альп и проходящей через город Верону, а далее несшей свои воды в юго-восточном направлении в Адриатическое море. Знаменитый своими историческими

памятниками город, где, как повествовал Шекспир, сражались кланы Монтекки и Капулетти, оказался разделенным между Австрией и Итальянским королевством. Главная часть Вероны с ее старым замком (Кастель Веккио), площадью Сеньории, дворцами и древними церквями находилась на западной, «французской» стороне. Предместья Сан-Джорджио и Веронета оказались в руках австрийцев. Четыре старых моста, часть из которых были построены еще во времена Римской империи, соединяли отныне два враждующих государства. Река Адидже в районе Вероны имеет в ширину около 100 м, поэтому противники могли хорошо наблюдать солдат неприятеля на противоположном берегу и при желании с началом боевых действий сразу засыпать их ядрами и картечью. Однако подобная пальба могла привести к напрасному разрушению и потерям среди мирного населения. Поэтому французы и австрийцы корректно наблюдали друг за другом, и 14 октября ни в 12:05, ни в 12:15 огонь не был открыт, пушки продолжали молчать и 15 октября... В течение нескольких дней генералы обеих сторон смотрели в подзорные трубы, но ни одного выстрела не было сделано.

Так как Франция была страной передовой науки, это не могло не сказаться на способе, который французский главнокомандующий избрал для изучения линий противника. За несколько дней до разрыва соглашения (на всякий случай), 9 октября 1805 г., Массена поднялся над городом на воздушном шаре, откуда с высоты 120 м подробно рассмотрел укрепления и размещение австрийских войск.

План окрестностей Вероны

Маршалу стало ясно, что войска противника немногочисленны в австрийской части Вероны. Действительно, армия эрцгерцога Карла была рассредоточена на широком фронте,

ее правое крыло располагалось в горах севернее Вероны, ее левое крыло стояло у города Монтаньяно, в 50 км к юго-востоку^[670]. Так называемая армия южного Тироля под командованием генерала Гиллера находилась в 70 км к северу от Вероны в районе Тренто. Генеральная квартира эрцгерцога Карла находилась в 50 км к востоку от Вероны в Виченце.

В результате Массена принял смелое решение: попытаться захватить переправы через Адидже прямо в Вероне, а затем, если обстоятельства позволят, овладеть и самим предместьем, занятым австрийцами. 16 октября маршал получил первые известия об успехах в Германии. Это было письмо, где говорилось о победе под Вертингеном. В 16 часов этого же дня три залпа артиллерийского салюта возвестили войскам о первой победе Великой армии. Стало ясно, что в скором времени австрийские войска вынуждены будут уходить из Италии, и Массена принял решение действовать. Он перенес свой штаб в местечко Альпо неподалеку от Вероны, и к 18 октября его войска заняли позиции недалеко от города и непосредственно в самой Вероне^[671].

Маршал решил использовать особенности местности. Река Адидже, причудливо извиваясь, образует в городе и поблизости от него большие излучины. Северо-западная излучина на австрийском берегу была почти не застроена, здесь находились только сады и отдельные здания. Почти вся ее территория хорошо простреливалась с французской стороны, со стен старого замка и с так называемого Испанского бастиона. Оба берега реки соединяет здесь самый значительный из всех существовавших тогда мостов, Понте Веккио. На концах моста австрийцы и французы соорудили каждый со своей стороны укрепления, а в центре моста была построена так называемая пограничная стена, которая разделяла отныне два враждующих государства. Можно было попытаться захватить мост и, используя господство над местностью французской артиллерии, закрепиться на левом берегу.

Были приняты все меры предосторожности для того, чтобы австрийцы не обнаружили подготовку атаки. В ночь с 18 на 19 октября 24 роты вольтижеров – элитных рот, выбранных из всех полков дивизий Гарданна и Дюзма, – молча двинулись по улицам Вероны по направлению к замку. За ними во мраке ночи шли главные силы этих дивизий. Сам Массена приехал в город только поздно вечером в сопровождении маленького эскорта. У генерала Гарданна он собрал своих офицеров для того, чтобы дать последние указания, а затем, накинув на плечи солдатскую шинель, пешком отправился в замок. Все было готово для штурма.

Ночью французские саперы бесшумно разобрали баррикаду, закрывавшую вход на мост, подкрались к пограничной стене и заложили мощный фугас. В замке все были на своих местах. За несколько минут до того, как пробило четыре утра, Массена поднялся на замковую башню, и ровно в четыре тишину разорвал грохот фугаса, который вдребезги разнес пограничную стену. Точно в это же время 25 вольтижеров переправились на лодке через реку и атаковали австрийский пост у моста. В несколько мгновений семеро австрийцев было заколото штыками, остальные разбежались или были взяты в плен.

В тот же миг загремели залпы тяжелых орудий со стен замка. 40 саперов, ведомые капитаном Дельма, бегом устремились по мосту, чтобы сделать проход для войск. С австрийской стороны в настиле моста был огромный пролом, его нужно было срочно заделать с помощью досок и балок. Сразу у моста был выкопан ров, который следовало завалить фашинами. Пользуясь внезапностью, еще до того, как опомнились основные силы австрийцев, саперы сумели наскоро починить мост и завалить ров. Вся работа была сделана в 10 минут. Тотчас же отборные роты французской пехоты устремились на другую сторону реки. И скоро в темноте и тумане среди садов и виноградников затрещала оживленная ружейная пальба.

Примерно в километре от моста австрийцы возвели земляные укрепления. В то время как австрийская пехота поспешно занимала редуты, на левый берег перешла первая бригада дивизии Гарданна. В половину пятого утра Массена сел на коня и также перешел через мост. Около пяти утра начало светать и туман постепенно рассеивался. Рожки вольтижеров, словно откликаясь на первые лучи восходящего солнца, протрубили сигнал атаки, и с криком

«Да здравствует Император!» французские солдаты устремились на штурм укреплений. Головные роты вольтижеров, ведомые адъютантами главнокомандующего Штрольцем, Жаменом и Пеле, атаковали укрепления и забаррикадированные дома предместья Сан-Джорджио. В 10 часов утра после отчаянного боя та часть предместья Сан-Джорджио, которая находилась за пределами крепостных стен, была в руках французов. Однако ворота взять не удалось. Напрасно командир французской артиллерии Лакомб де Сан-Мишель переправил по только что отремонтированному мосту две пушки. Огонь французских орудий не смог разбить укрепления, а артиллеристы понесли тяжелые потери и вынуждены были отступить. Сам Лакомб получил ранение в ногу.

Упорный бой с подходившими австрийскими подкреплениями кипел уже весь день. В три часа дня австрийцы внезапно атаковали левый фланг французов. Это был генерал Вукасович, который привел к полю боя хорватские батальоны 2-го Банатского полка, Отточанского полка и гусар Фердинанда. Их натиск был столь силен, что французская пехота была отброшена. Гусары с бешеной отвагой атаковали каре 52-го линейного полка. Сам маршал Массе-на находился в гуще боя. По его приказу на помощь войскам, сражавшимся на левом берегу, двинулась дивизия Дюэма. В то время когда 1-й линейный полк в густых колонах пошел прямо на австрийских кавалеристов, с французского берега открыла мощный огонь тяжелая артиллерия Кастель Веккио, а генерал Лакомб, несмотря на свою рану, переправил артиллерийскую батарею, которая вовремя встретила неприятеля залпами картечи. Австрийцы заколебались, и в этот момент их удачно атаковал эскадрон 23-го конно-егерского полка. Солдаты Вукасовича были остановлены, а затем обратились в бегство по дороге, ведущей в северо-западном направлении.

Несмотря на этот успех, французам не удалось овладеть укреплениями предместья Сан-Джорджио и Веронета. Некоторые наиболее отчаянные отряды, поднявшись по холмам, господствующим над предместьем, попытались атаковать даже форт Сан-Феличе. Однако неподготовленная в инженерном отношении атака захлебнулась. Около пяти часов вечера началась настоящая буря, и пошел проливной дождь, остановивший битву. По приказу маршала французские полки стали отходить на исходные позиции. На левом берегу осталась только часть пехоты дивизии Гарданна. Пока кипел бой, под руководством знаменитого инженерного генерала Шаслу французские саперы соорудили укрепление, которое надежно прикрывало восстановленный мост. Собственно, этим результат боя и исчерпывался. Французам удалось овладеть переправой, обеспечить ее защиту, но предместья левого берега остались в руках австрийцев.

Разумеется, обе стороны приписывали себе победу. Французы потому, что овладели мостом и разбили отряд Вукасовича, австрийцы потому, что отразили атаку на предместье. Австрийские источники признают потерю в 210 убитых, 906 раненых. Они оставили также на поле боя восемь пушек и 850 пленных. Французские рапорты говорят о потере 150 убитых и 300 раненых. Даже если учитывать, что основной урон австрийцы понесли в момент поражения батальонов Вукасовича, все равно подобное соотношение кажется не совсем точным. Не исключено, что французские атаки на стены Сан-Джорджио и Сан-Феличе стоили больших потерь. Однако даже с этой оговоркой необходимо отметить, что сражение, в общем, было успешным для французов. Под носом у почти двукратно превосходящей армии был проведен успешный наступательный бой и захвачен надежный плацдарм для дальнейших операций.

В тот момент, когда дивизии Гарданна и Дюэма вели упорный бой в предместьях Вероны, по приказу маршала были проведены две ложные переправы. В 10 км выше по течению Адидже отвлекающий маневр провела дивизия Сера, а примерно в 20 км ниже по течению на левый берег одну из своих бригад перевел генерал Вердье. Оба маневра внесли путаницу в распоряжения австрийского командования. Особенно удалась демонстрация Вердье. Эрцгерцог Карл направил к месту ложной переправы целую армию, 39 батальонов и 24 эскадрона (более 25 тыс. человек!). Эти войска совершили бесполезную

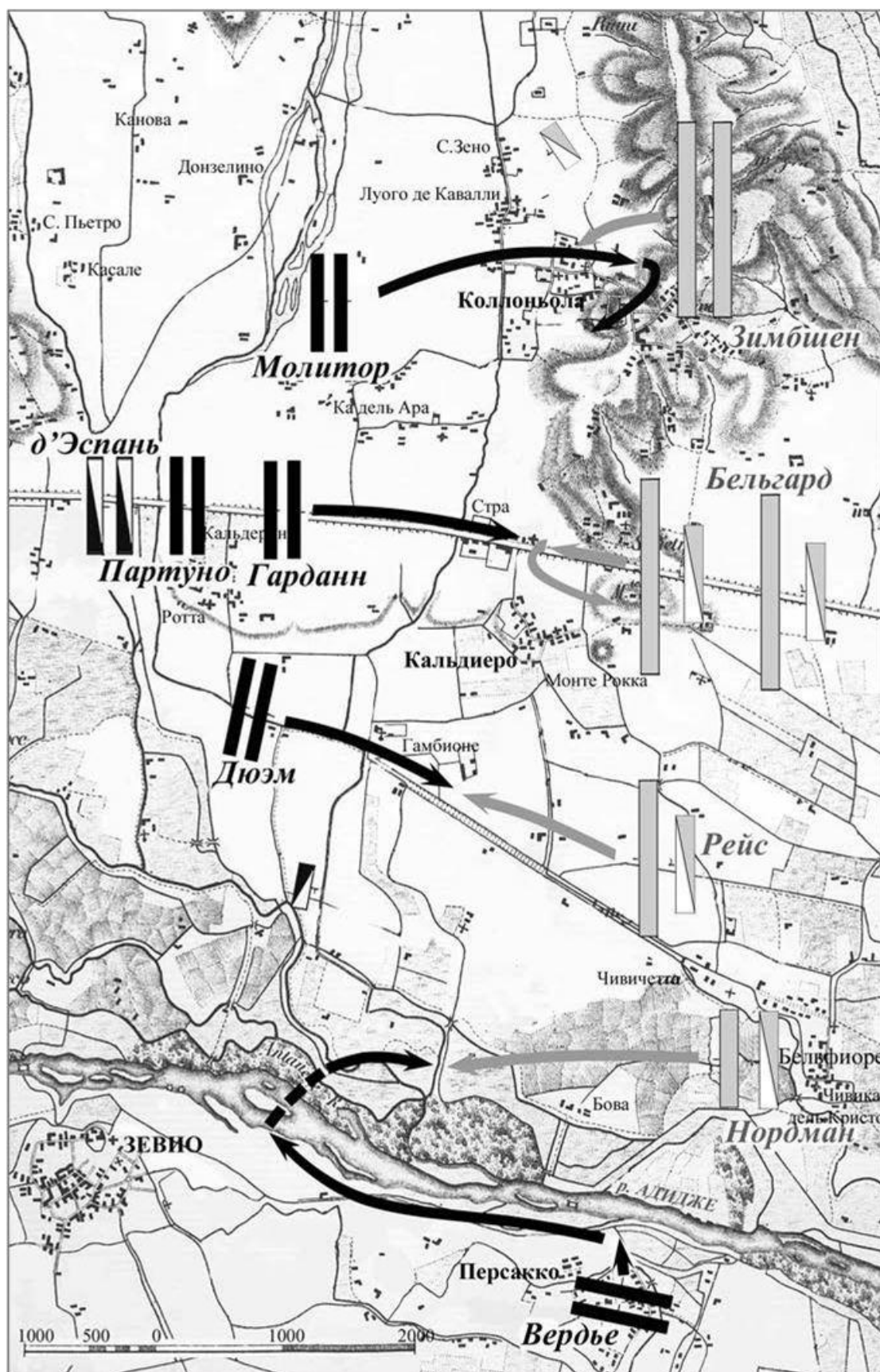
двадцатикилометровую прогулку и оказались лишенными возможности принять участие в бое под стенами Вероны.

Вообще действия эрцгерцога Карла в ходе кампании в Италии далеко не блистательны. С двукратно превосходящей армией он действовал исключительно пассивно. Эту пассивность часто мотивируют тем, что австрийский полководец прекрасно понимал, что все решится на германском театре военных действий, и хотел сохранить для Австрии нетронутой свою армию. Эрцгерцог сделал бы для Австрии куда больше, если бы сумел разгромить армию Массена. Нет сомнения, что уже один этот факт мог бы повлиять больше на общий ход войны, чем бесплодное стояние под стенами Вероны. Оценивая силы эрцгерцога, многие авторы не учитывают корпус Гиллера (армию южного Тироля), как будто эти войска не имели к эрцгерцогу никакого отношения. Генерал Гиллер подчинился эрцгерцогу Карлу, и если он стоял совершенно без дела в нескольких десятках километров на севере от Вероны, то это целиком и полностью решение австрийского полководца. Ничто не мешало ему использовать этот более чем двадцатитысячный корпус. Тем более что южному Тиролю решительно никто не угрожал. У Массена не было возможности заниматься операциями в Тироле, его сил едва хватало для того, чтобы оберегать земли Итальянского королевства. Единственное, что можно сказать в защиту эрцгерцога, это то, что он решил действовать исключительно осторожно и не подвергаться ни малейшему риску.

Австрийский полководец решил дать битву Массена на выбранной им позиции у местечка Кальдиеро в 12 км к востоку от Вероны. Это была точно та позиция, на которой австрийский генерал Альвинци отразил атаки Бонапарта 12 ноября 1796 г. Позиция при Кальдиеро действительно очень выгодна. Она перегораживает главную дорогу, идущую из Вероны на Виченцу и дальше вглубь австрийских владений. Ее практически невозможно обойти с севера, так как правый фланг австрийцев упирался в отроги Доломитовых Альп. Чтобы совершить обход с этой стороны, французам пришлось бы подниматься по долине Адидже вплоть до самого Тренто. Это было невозможно, так как при этом небольшая армия Массена оголяла бы дорогу на Милан. Трудно было обойти ее и с юга. Левый фланг австрийцев упирался в болотистые берега Адидже. Обойти это крыло было проще, однако все равно при этом потребовалось бы совершать слишком широкий маневр, опять-таки оставляя на волю австрийцев Верону и путь к Милану. Поэтому армию, занимающую позицию у Кальдиеро, нужно было либо атаковать в лоб, либо стоять перед ней, ничего не предпринимая.

Эрцгерцог усилил и без того выгодную позицию целой системой инженерных сооружений. 12 мощных редутов и другие укрепления надежно прикрыли фронт австрийских войск. Впрочем, на самой позиции находилась лишь небольшая часть австрийских войск. Основные силы эрцгерцога располагались в 15 км позади позиции, вокруг местечка Сан-Грегорио^[672]. Если избирать осторожность, невозможно было найти лучшего способа действий.

В течение 10 дней после боя за переправу армии оставались неподвижны. Массена потратил их на то, чтобы еще лучше подготовить свои войска к новым боям. 26 октября письмо от Бертье известило его о том, что Великая армия одержала блистательную победу: войска Макка капитулировали под Ульмом. Эта новость еще больше подогрела боевой дух французских войск. Теперь маршал и его солдаты горели желанием сравняться в славе со своими товарищами, сражавшимися в Германии. 27 октября главные силы Итальянской армии снова получили приказ сконцентрироваться у стен Вероны. На следующий день к вечеру все были готовы к наступлению.

Сражение при Кальдиеро

В пять часов утра 29 октября Массена и Гардани перешли по мосту Понте Веккио на левый берег Адидже. Массена собрал вокруг себя генералов, командиров полков и офицеров

штаба. Он еще раз объяснил им диспозицию и закончил свою речь энергичными словами: «Сегодня, господа, нужно, чтобы вы повели за собой войска с нашим старым боевым кличем VI года^[673] “Победа или смерть!”. Вы слышите меня, никаких упаднических настроений и ни шагу назад!»^[674]

С первыми лучами солнца дивизии Гарданна и Дюзма устремились вперед. На этот раз атака развивалась как нельзя более успешно. Части генерала Розенберга, находившиеся в предгорьях к северу от Вероны, были отброшены. Французские войска заняли все господствующие высоты вокруг предместий. Полковнику Легисфельду, коменданту Веронеты, был предъявлен ультиматум: если он тотчас не оставит предместье, французы пойдут на штурм, и он будет беспощадным. Австрийского полковника не потребовалось долго уговаривать. Он тотчас начал выводить свои войска по дороге на восток, в сторону кальдиерской позиции. А французские саперы немедленно бросились к мостам Наве, Нуово и Пьетро, разобрали баррикады, засыпали рвы и проложили дорогу главным силам.

В этот момент по улицам Вероны уже шли стройными рядами дивизии Партуно и Молитора, за ними продвигалась конница д’Эспаня, Мерме и Пюлли. Французские войска были полны энтузиазма, гремела военная музыка. Под взглядами маршала французские полки прошли по мостам, пересекли предместье Веронета и с криком «Да здравствует Император!» вышли из городских ворот навстречу австрийским полкам.

В 2 км к востоку от города, в деревне Сан-Микеле стояли батальоны под командованием генерала Фримона. Французы с ходу перешли в атаку. Желая, очевидно, изумить австрийцев, Массена, который шел с передовыми частями своих войск, приказал командиру своего эскорта капитану Мартигу с 40 кавалеристами взять штурмом деревню. Адьютанты Массена и офицеры штаба по рыцарской традиции встали во главе этой безумной атаки. Кавалерийский взвод на бешеном галопе ворвался в деревню. Невообразимая атака удалась. Несмотря на беспорядочный огонь застигнутых врасплох внезапной атакой пехотинцев, французская конница влетела на главную улицу, рубя направо и налево ошеломленных австрийских солдат. Кавалерия взяла «штурмом» деревню и, более того, захватила несколько сот пленных! Разумеется, подобное было возможно только с учетом того подъема, который охватил всю французскую армию, и упадка духа австрийских полков, беспорядочно отступавших под натиском войск Массена.

Наступление продолжалось до самого вечера. Сминая отдельные австрийские отряды, французы неумолимо двигались на восток. Отчаянный бой произошел вокруг деревни Кальдерино в 2 км к западу от основной позиции австрийцев. Четыре роты вольтижеров 60-го полка ворвались в Кальдерино и устроили настоящую бойню австрийцам. Вместе с ними во главе отряда конных егерей бросился в атаку командир эскадрона Фридольсхейм, адъютант и друг генерала Молитора. Отважному офицеру удалось повторить подвиг эскорта Массена. Деревня была взята, но храбрый офицер был сражен наповал.

К исходу дня французы развернули свои силы перед австрийскими позициями. Опускался вечер, и сражение затихало. Обе стороны понесли чувствительные потери. У французов было убито и ранено 527 человек, 157 солдат попало в плен. Австрийцы понесли почти такие же потери убитыми и ранеными, 712 человек, зато в плен попало 1114 солдат и офицеров. Французы взяли также четыре неприятельские пушки.

В тот момент, когда главные силы Массена полностью овладели Вероной и вышли к позициям австрийцев перед Кальдиеро, в 10 км к северу, недалеко от местечка Пескантино, реку Адидже форсировала дивизия Сера. «29 октября 1805 года мы совершили ночной марш, – вспоминал капитан Дебеф, тогда молодой унтер-офицер 81-го линейного полка. – На рассвете дивизия приготовилась перейти Адидже... Я думал, что этот переход будет очень трудным, однако очень быстро я убедился в обратном. Наш генерал выбрал такое место, что с нашей стороны берег был высокий, а со стороны неприятеля низкий и открытый. Тотчас были развернуты пушки, и вмиг на противоположном берегу все было сметено их огнем. Понтонеры быстро навели плавучий мост, и войска устремились по нему в нетерпении сразиться с неприятелем. Затрещала ружейная пальба, я ускорил свой шаг, гордый тем, что я

иду по австрийской земле, и еще более гордый, что я иду в охране знамени. Это было великолепное зрелище, мой первый бой!»^[675]

Не вызывает удивления, что французские солдаты, сражавшиеся с таким подъемом, опрокинули неприятеля: «...Наши колонны, выстроенные точно и с восхитительной быстротой, двинулись, чтобы отрезать им наступление. Затем, внезапно сделав захождение налево, мы атаковали неприятеля по всей линии. Сделав несколько залпов, видя приближение наших страшных штыков, они обратились вспять»^[676].

Среди французских войск, шедших здесь в атаку, было и одно удивительное формирование – так называемая «Рота черных саперов», которой командовал знаменитый капитан Эркюль, чернокожий гигант, отличившийся еще в эскорте Бонапарта в первую Итальянскую кампанию 1796 г. Эта рота отважно действовала в первых рядах дивизии Сера, применяя порой неожиданные методы ведения боя: «Чернокожие и вольтижеры, которые были впереди, бросились в их ряды, – писал Дебеф. – Я видел, как они, хватая австрийцев за ноги и за патронные сумы, опрокидывали одних, разоружали других и все больше смешивались с врагом...»^[677] Победа была полной. Австрийские войска оставили берег Адидже. «Мы расположились на бивак на той позиции, которая была занята врагом, – вспоминал Дебеф. – Это был счастливый бивак. Я почувствовал, что такое слава и радость, которую дает молодым сердцам первая победа»^[678].

Ночью Массена отдал приказы своим дивизиям подготовиться в атаке неприятельских позиций в районе Кальдиеро. Войска занимали назначенные места в густом тумане, который не позволил начать битву рано утром. Для атаки австрийской армии маршал собрал все свои силы. Только дивизия Сера должна была продолжить свои маневры в горах на северо-западе от поля сражения, оттягивая на себя значительную часть неприятеля. Дивизии Вердье было поручено попытаться обойти австрийцев с юга, форсировав реку Адидже в районе Персакко. Остальные должны были атаковать неприятеля с фронта. Дивизии Дюэма поручалось наступать на правом фланге. В центре, вдоль шоссе, должна была атаковать дивизия Гарданна. Слева двигалась на штурм высот Колоньола дивизия Молитора. В резерве за центром располагались гренадеры Партуно, кавалерия д'Эспаня и Мерме. Кирасирам Пюли было приказано оставаться на правом берегу Адидже и поддерживать при необходимости обходное движение Вердье. Общая численность войск Массена, сосредоточенных перед австрийскими позициями, не превосходила 33 тыс. человек.

Эрцгерцог Карл тоже не собирался оставаться пассивным. Он решил не только оборонять редуты, но и решительно контратаковать французов. На правом фланге на высотах он поставил войска генерала Зимбшена (20 батальонов, четыре эскадрона). В центре по сторонам шоссе располагались части генерала Бельгарда (в две линии: в первой 16 батальонов, 12 эскадронов; во второй 14 батальонов, 12 эскадронов). Левое крыло составили войска под начальством князя Рейса (14 батальонов, восемь эскадронов). Наконец, на крайнем левом фланге, у самой реки Адидже, в деревне Чивико-дель-Кристо, находилась дивизия генерала Нордмана (семь батальонов, восемь эскадронов). Отряд в семь батальонов и восемь эскадронов был оставлен для охраны лагеря Сан-Грегорио. Кроме того, отряд Розенберга продолжал оставаться в горах, действуя против дивизии Сера. А далеко влево, в южном направлении, был выслан отряд под командованием генерала Давидовича.

Эрцгерцог действовал в старых «добрых» австрийских традициях. Имея возможность сосредоточить подавляющее превосходство на поле боя, выделением значительных отрядов вправо и влево он ослабил свои главные силы. Наконец, он даже и не подумал подтянуть к полю боя армию южного Тироля под командованием Гиллера. В результате общая численность австрийских войск, которые могли реально участвовать в сражении, составляла около 49 тыс. человек. Тем не менее это было значительное превосходство, особенно с учетом силы кальдиерской позиции.

Около 10:30 утра туман стал понемногу рассеиваться, и по всей линии стрелковые цепи завязали бой. В скором времени Массена услышал справа, со стороны Адидже, гул пушечных выстрелов. Это вступила в бой дивизия Вердье, на обходной маневр которой

Массена очень рассчитывал. Едва маршал различил звуки канонады, как он воскликнул, проезжая перед фронтом своих войск: «Если мои распоряжения будут точно выполнены, победа будет за нами!»^[679] Тотчас был отдан приказ атаковать по всей линии, и французские батальоны пошли твердым шагом навстречу грозным позициям у Кальдиеро.

На самом деле действия Вердье были далеки от того, на что мог рассчитывать Массена. Инженерные войска не обеспечили достаточного количества средств для наведения переправы. В результате от постройки понтонного моста пришлось отказаться, можно было форсировать реку, только используя 11 больших лодок. Кроме того, в районе, намеченном для переправы, на противоположном берегу Адидже стояли австрийские пушки. В результате Вердье вынужден был подняться выше по течению и начал переправлять свои полки небольшими группами в районе Зевиио. Получилось, что французы форсировали реку медленно, а на противоположном берегу их встретили батальоны Нордмана. Несмотря на отчаянные попытки продвинуться вперед, авангардные батальоны Вердье не смогли достичь цели, и ожидаемого эффекта удара с фланга и в тыл австрийской армии не получилось.

Тем самым реально австрийские позиции атаковало еще меньше солдат, чем предполагалось, исходя из плана маршала Массена.

Первыми перешли в наступление на австрийцев войска левого фланга. Около 11 часов утра генерал Молитор двинулся на высоты Колоньоло, где возвышались мощные австрийские редуты. Но едва только его полки подошли к подножию холмов, как вдруг на него сверху буквально обрушились 10 австрийских батальонов. Эта атака была совершенно неожиданна, но французы хладнокровно встретили ее огнем в упор и штыками. Австрийские солдаты повернули вспять и в скором времени исчезли там, откуда они появились, а Молитор привел в порядок свои полки. Первая бригада под командованием генерала Лоне бесстрашно пошла прямо на редуты. Генерал Молитор докладывал в своем рапорте: «Наши войска двинулись на высоты Колоньоло с пылкой отвагой и скоро достигли первых укреплений врага. Уже два орла 5-го полка были водружены над неприятельскими редутами, третий был разбит пушечным выстрелом, а знаменосец убит, собирая его обломки. 60-й полк уже спустился в ров самого мощного редута и поднимался на его валы, когда я заметил, что генерал Валори с 79-м полком отстал от нас, а мои тылы атакованы вражеской кавалерией»^[680].

Было ли причиной неудачи только то, что один из полков не поддержал вовремя атаку? Скорее всего, наступление просто-напросто захлебнулось под градом австрийских пуль и картечи.

Что касается 79-го линейного, то его командир, полковник Годар, был просто возмущен рапортом своего начальника. Дело в том, что в момент наступления на редуты австрийцы произвели мощную контратаку против правого фланга дивизии, где шел 79-й полк: «Я начал свое движение с 14 ротами фузилеров, – вспоминал Годар, – против вражеской колонны численностью 4–5 тыс. человек, которая двигалась от большой дороги, чтобы поддержать своих стрелков. Подойдя на 150 шагов к неприятелю, я приказал дать залп из всех ружей, а затем мы бросились в штыки скорым шагом. Разгром врага был полным. Мы захватили в плен 1200 солдат и около 40 офицеров»^[681].

Несмотря на всю свою отвагу, дивизия Молитора, в которой было всего лишь 12 батальонов, не смогла совершить чуда – разбить 20 батальонов неприятеля, стоявшего на сильнейших позициях за линией мощных редутов. Солдаты Молитора отступили. Сам генерал докладывал: «Я должен считать себя удачливым, сумев отразить наступление правого крыла австрийцев и сорвав наступательные планы численно превосходящего меня неприятеля. С этого момента я занимался тем, что удерживал войска на позициях, которые они заняли, и прогонял неприятеля с моих тылов...»^[682] Иначе говоря, после неудачной атаки на высоты бой на левом крыле французов постепенно прекратился. Молитор не мог больше идти вперед, а австрийцы также не решались на контратаку.

Однако самый главный бой завязался в центре, в районе деревень Гомбионе, Кальдиеро и Стра. Здесь наступали французские дивизии Дюэма и Гарданна. Дивизия Дюэма

действовала, построившись в две линии батальонных колонн. Впереди в стрелковой цепи двигался 14-й легкий полк. Едва французы продвинулись на несколько сот метров вперед, как подобно тому, как это произошло на левом фланге, навстречу им ринулись в контратаку австрийские батальоны под предводительством князя Рейса. Одновременно генерал Нордман атаковал французскую дивизию с юга. Отчаянный бой завязался вокруг деревни Гомбионе и на подходе к Кальдиеро. Австрийцам удалось отбросить французов почти до самых исходных позиций.

Почти в это же время дивизия Гарданна, которая двигалась вдоль шоссе на Стра и Кальдиеро, была контратакована войсками Бельгарда и также откатилась назад. Массена вынужден был ввести в бой гренадерские батальоны из резерва. Генерал Гарданн и адъютант главнокомандующего Сибюэ увлекли за собой пехоту в штыковую атаку. Французы опрокинули неприятеля и ворвались на его плечах в Кальдиеро. Первая бригада дивизии Дюэма отбила у неприятеля Гомбионе. В Стра, Кальдиеро и Гомбионе бушевала кровавая штыковая схватка. В результате, завалив трупами эти деревни, французская пехота начала выдвигаться из них, чтобы штурмовать редуты. Но с высот Монте Рокка и Монте Санта-Марта их засыпали ядрами и картечью, а эрцгерцог бросил в атаку свежие батальоны Бельгарда.

Снова Кальдиеро стало местом кровопролитнейшего боя. Бельгард построил свои войска глубокими колоннами, и они решительно вступили в дело. Французы снова были отброшены, а густые колонны австрийцев, несмотря на потери, продолжали неумолимо продвигаться вперед. «В четыре часа дня наша армия была отброшена на всех пунктах, – вспоминал генерал Гюго (отец знаменитого писателя), тогда командир батальона. – Наш 20-й полк, входивший в бригаду Эрбена дивизии Дюэма, был брошен вперед с единственной целью – остановить противника, многочисленные отряды которого выходили из Кальдиеро. Второй и третий батальоны были опрокинуты, едва они развернулись, так же как и 102-й линейный полк. Четвертый батальон, которым я командовал, оставаясь стоять в сомкнутой колонне, продержался перед лицом победоносного врага...»^[683]

Центр французской армии прогнулся под давлением превосходящих сил. Но маршал Массена ввел в дело все оставшиеся батальоны гренадер. По его приказу батарея конной артиллерии, выдвинувшись в галоп, развернулась справа от австрийских колонн и открыла ураганный огонь картечью. Конные егеря д'Эспаня обрушились на противника слева. Используя замешательство неприятеля, дивизия Гарданна снова сомкнула ряды и вместе с гренадерами пошла на врага в лоб. Массена с офицерами штаба лично бросился в гущу боя. Вокруг героя собирались рассеянные отряды, и французская пехота сошлась с австрийцами в кровавой штыковой схватке.

Солдаты с обеих сторон были так разгорячены боем, что никто не давал пощады. Со стороны австрийцев пример отваги подавал эрцгерцог Максимилиан, который также сражался в первых рядах. Однако, несмотря на все его мужество, австрийские колонны снова были опрокинуты, а французы ворвались в Кальдиеро. Однако выйти из заваленной мертвыми телами деревни и продолжить наступление было невозможно. Австрийская кавалерия бешено атаковала, с редутов била артиллерия.

«В то время, когда пехота, которую мы опрокинули, строилась у подножья укреплений, – писал Гюго, – мы увидели позади деревьев многочисленные вражеские эскадроны, которые тронулись, чтобы пойти на нас в атаку. Я тотчас же привел в порядок мою колонну, и все в том же сомкнутом боевом порядке я двинулся на них, видя, что местность представляет для кавалерии множество препятствий. Нас заметили с вражеских редутов, и вся их артиллерия сосредоточила свой огонь на моем батальоне. Хотя почти все ядра пролетали над нашими штыками, половину моих барабанщиков разорвало в клочья взрывом гранаты^[684], упавшей прямо в середину их группы. Внезапно вражеские эскадроны остановились... Мы поняли, что их задержало какое-то препятствие... Скоро мы вышли прямо на них и увидели, что они встали перед канавой, представлявшей из себя русло пересохшего ручья... Я тотчас же развернул батальон в линию за этим препятствием и открыл огонь по неприятелю с 20

шагов... Кавалерия, чтобы избежать своей полной гибели, бросилась назад в беспорядке, но едва она исчезла, как вокруг нас засвистела картечь с редутов, и мы все попрыгали в канаву, чтобы укрыться от нее и в то же время чтобы открыть огонь по вражеским стрелкам»^[685].

В ходе кровопролитного многочасового боя в центре французы потеснили неприятеля, овладели деревнями Стра и Кальдиеро, но дальше успех развить им не удалось. Сражение закончилось с наступлением темноты. Генерал Гюго утверждал, что он со своим батальоном дрался в Кальдиеро до восьми часов вечера, то есть бой продолжался некоторое время в полной тьме. Передовые линии остались стоять друг от друга на расстоянии пистолетного выстрела.

Потери с обеих сторон были тяжелыми. Австрийские источники указывают урон армии эрцгерцога 5612^[686] человек убитыми, ранеными и пленными и пропавшими без вести. Разумеется, это число нельзя считать абсолютно точным. Как бы ни были пунктуальны австрийские офицеры штаба, ошибки в подсчетах неизбежны, и было бы правильно округлить эти данные. Но очевидно, что подобные потери вполне соответствуют характеру боя, количеству задействованных войск и число 5612 может рассматриваться как очень близкое к реальности.

На основе французских рапортов получается, что армия Массена в битве при Кальдиеро потеряла 3042 человека. «Плохо управляемая стрельба австрийской артиллерии, спешка, с которой пехотинцы разряжали свои ружья, боевые навыки и хладнокровие французов – вот причины того, что наши потери были ниже тех, которые понесла армия эрцгерцога»^[687], – поясняет причины такой разницы в потерях Эдуард Гашо, автор исследований о жизни и боевом пути маршала Массена. Подобные доводы смотрятся, по меньшей мере, наивно. У австрийцев было 128 орудий против 32 французских. Поистине австрийские канониры должны были быть феноменально косыми, чтобы стрелять в четыре раза менее эффективно, чем французы. В ходе сражения солдатам Массена приходилось неоднократно атаковать редуты и укрепленные деревни, и хотя неприятель также часто бросался в контратаки, но, по крайней мере, австрийцам не пришлось ходить в лоб на ретраншементы.

Судя по всему, число потерь, понесенных французской армией, было большим, чем указанное в рапортах, с той разницей, что пленными французы понесли не слишком большой урон. Австрийцы считают его 1710, французы 525. Скорее всего, можно сказать, что обе армии потеряли примерно по 4 тыс. человек убитыми и ранеными, сверх того порядка 1,5 тыс. австрийцев и около 1 тыс. французов попало в плен.

В любом случае, поле сражения являло собой страшное зрелище. «Оно было буквально завалено трупами, – вспоминал полковник Гонневилль, тогда молодой лейтенант. – Наши кони, несмотря на то что они старались идти по земле, вынуждены были наступать на тела убитых. Мы останавливались чуть не каждую секунду, а когда мы проезжали по дороге, идущей в углублении, кроме трупов, которые попадались под ноги моего коня, я увидел тела, которыми были завалены скаты с обеих сторон дороги... Они были полностью раздеты, и были видны ужасающие раны. Те, которые лежали на дне дороги, были раздавлены колесами пушек. Волосы на головах убитых большей частью стояли дыбом... Я признаюсь... что мои волосы также невольно стали подражать тем, которых я видел...»^[688]

На следующий день с восходом солнца войска стояли на прежних позициях. По предложению эрцгерцога было объявлено перемирие на несколько часов для того, чтобы подобрать раненых, оставшихся на поле сражения, и похоронить убитых. С восьми часов утра до полудня французы и австрийцы подбирали павших воинов. Офицеры обеих сторон обменивались вежливыми фразами. Но едва колокола Кальдиеро проббили полдень, как раздались два выстрела из пушки, и снова началась война...

Впрочем, бой начался скорее для очистки совести, чем для того, чтобы достичь ощутимых результатов. С обеих сторон войска были измотаны предыдущим днем. Массена ввел в дело только дивизию Вердье, которая накануне пострадала меньше других. Генерал Вердье наконец навел мост через Адидже у Зевио и, переправившись на другой берег, тотчас же атаковал крайний левый фланг австрийцев. Ему удалось отбросить войска генерала

Нордмана, однако эрцгерцог Карл со своей стороны подтянул к югу новые силы. В результате вокруг деревни Саббионара закипел отчаянный бой.

Массена не хотел посылать в бой остальные дивизии, но зато он лично прискакал к месту схватки и со своим эскортом бросился на австрийскую пехоту. Определенно маршал умел и любил дать несколько добрых ударов саблей и не рассматривал свой эскорт как неких «бессмертных», которые должны украшать своими пышными мундирами официальные церемонии. Рядом с ним отважно сражался и генерал Вердье. Конь под ним был убит, и на него налетели хорваты, но адъютанты главнокомандующего Штрольц и Пеле оказались вовремя на месте, и вражеские солдаты упали под бешеными сабельными ударами. Пеле был ранен, но продолжал сражаться. Две пули пробили мундир маршала, а его шляпу снесло то ли картечью, то ли пистолетным выстрелом.

Французские солдаты последовали за своими отважными командирами, и австрийцы вынуждены были отступить. Генерал Нордманн был ранен. В этот день французы потеряли примерно 315 человек убитыми и ранеными, примерно столько же выбыло из строя у австрийцев.

На следующий день, 1 ноября, французские войска оставались на своих позициях. Маршал не решался возобновить атаку, тем более что ему доложили, что у него в тылу появились колонны неприятельских войск. Это был генерал Розенберг, который получил от эрцгерцога Карла приказание отвлечь на себя часть войск французов. Впрочем, демонстрации генерала Розенберга закончатся неудачно. На следующий день один из его отрядов под командованием генерала Геллингера подошел близко к Вероне, где его тотчас же атаковали французы. От имени главнокомандующего адъютант Сибюз потребовал Геллингера капитулировать, заявив ему, что он окружен со всех сторон. На самом деле у Геллингера было шесть с половиной батальонов, а у французов только два батальона 22-го полка, но на помощь им шли четыре батальона гренадер Партуно, а также несколько эскадронов драгун и кирасиры. Геллигер не отважился сопротивляться и добровольно сложил оружие. По французским данным, было взято в плен 70 офицеров и 5 тыс. солдат. Австрийцы утверждают, что в плен попало только 2 тыс., остальные разбежались в горах. Так или иначе, отряд Геллингера перестал существовать.

Демонстрации на тылах и туман, окутывавший поле сражения, позволили эрцгерцогу днем 1 ноября незаметно сняться с позиции и начать отступление. На редутах был оставлен только арьергард под командованием генерал-майора Фримона из четырех батальонов и 12 эскадронов. Ночью австрийцы развели множество огней, поддерживая впечатление, что на позициях находится вся армия. Только на следующий день, 2 ноября, разобравшись с Геллингером, Массена отдал распоряжение о преследовании австрийцев.

На этом пятидневная операция у Кальдиеро завершилась. Ее результаты трудно охарактеризовать одной фразой. Обе стороны приписывали себе победу. Австрийцы потому, что они удержали основную позицию. Французы потому, что эрцгерцог в конечном итоге отступил. В рядах французской армии некоторые считали, что Массена дал бесполезное сражение. Сам Наполеон был не особенно доволен его результатами. 13 ноября он написал своему брату Жозефу: «Будет неплохо, если вы через общих друзей сообщите ему, что я не слишком-то доволен. Разумеется, речь идет не о доблести, но о его военных дарованиях»^[689].

С другой стороны, нельзя не заметить, что эрцгерцог действовал крайне пассивно. Имея полуторакратное превосходство, он не осмелился контратаковать со всеми своими силами, а бросал в бой лишь отдельные отряды. У него были все шансы добиться настоящей победы, но он их не реализовал.

Французская армия сражалась с отчаянной отвагой, а ее главнокомандующий действовал по-настоящему дерзко и даже рискованно. Он не добился блестящей победы, но и не проиграл, а самое главное, он убедил и своих солдат, и солдат неприятеля в моральном превосходстве французов, что очень важно. Ведь война – это не только пространственные и численные соотношения, но, прежде всего, моральные факторы, которые пронизывают ее насквозь. В своей знаменитой книге «О войне» в главе «Смелость» Клаузевиц, словно говоря

о действиях Массена, написал: «...То, что упорядочивается в массе порядком службы, вошедшим в плоть и кровь, то у вождя должно упорядочивать размышления, и здесь смелость отдельного поступка может легко превратиться в ошибку. Но все же это будет красивая ошибка, на которую нельзя смотреть теми же глазами, как на всякую другую ошибку. Благо той армии, в которой часто проявляется несвоевременная отвага, – это буйная растительность, она – признак могучей почвы. Даже безрассудную смелость, то есть смелость бесцельную, нельзя ценить низко; в основе своей она является той же душевной силой, только проявляющейся в виде особого рода страсти...»^[690]

Еще до начала сражения эрцгерцог Карл знал обо всем, что случилось на германском театре военных действий. Как только затихли пушки, его единственной мыслью было как можно быстрее идти на спасение Вены. Путь отступления австрийской армии пересекало множество естественных препятствий: реки Баккильоне, Брента, Пьяве, Ливенца, Тальяменто и Изонцо. На берегах многих из них можно было найти выгодную оборонительную позицию. Однако эрцгерцог не думал более об обороне. Он стремился двигаться безостановочно, но тем не менее стремился задержать продвижение французов с помощью небольших арьергардов, оставленных на удобных для защиты пунктах.

В Виченце, на берегах Баккильоне, он выставил арьергард генерал-майора Фогельзанга с четырьмя гренадерскими батальонами. 3 ноября здесь разгорелся жаркий бой, так как Фогельзанг, используя старинные укрепления Виченцы, оказал отчаянное сопротивление. Французам пришлось ждать тяжелую артиллерию. Но на рассвете 4 ноября, когда она прибыла, австрийцев в Виченце уже не было. 5 ноября главные силы эрцгерцога перешли реку Пьяве.

Здесь, как и в Виченце, австрийский арьергард оказал сопротивление. Капитан Дебеф вспоминал: «Австрийские колонны, не имея более возможности защищать переправу, отступали. Равнина была покрыта движущимися войсками. Гремели пушечные выстрелы, трещала ружейная пальба. Мое внимание было привлечено этим шумом и блеском оружия, которое сверкало в клубах дыма и облаках пыли. Вдруг Массена в окружении своего штаба появился перед нами. “Да здравствует император! Да здравствует Массена!” – закричали солдаты. Маршал поднял свою шляпу и прокричал также “Да здравствует император!” и пустил своего коня в галоп»^[691].

8 ноября австрийские войска переправились через реку Тальяменто и на следующий день собрались у города Кодроипо, где они наконец получили возможность передохнуть. По дороге эрцгерцог выделил несколько батальонов для усиления гарнизона Венеции. Этот знаменитый город на берегах Адриатики был отныне единственной крепостью, которую австрийцы контролировали на территории Италии. Все остальные гарнизоны уходили вслед за отступающей армией.

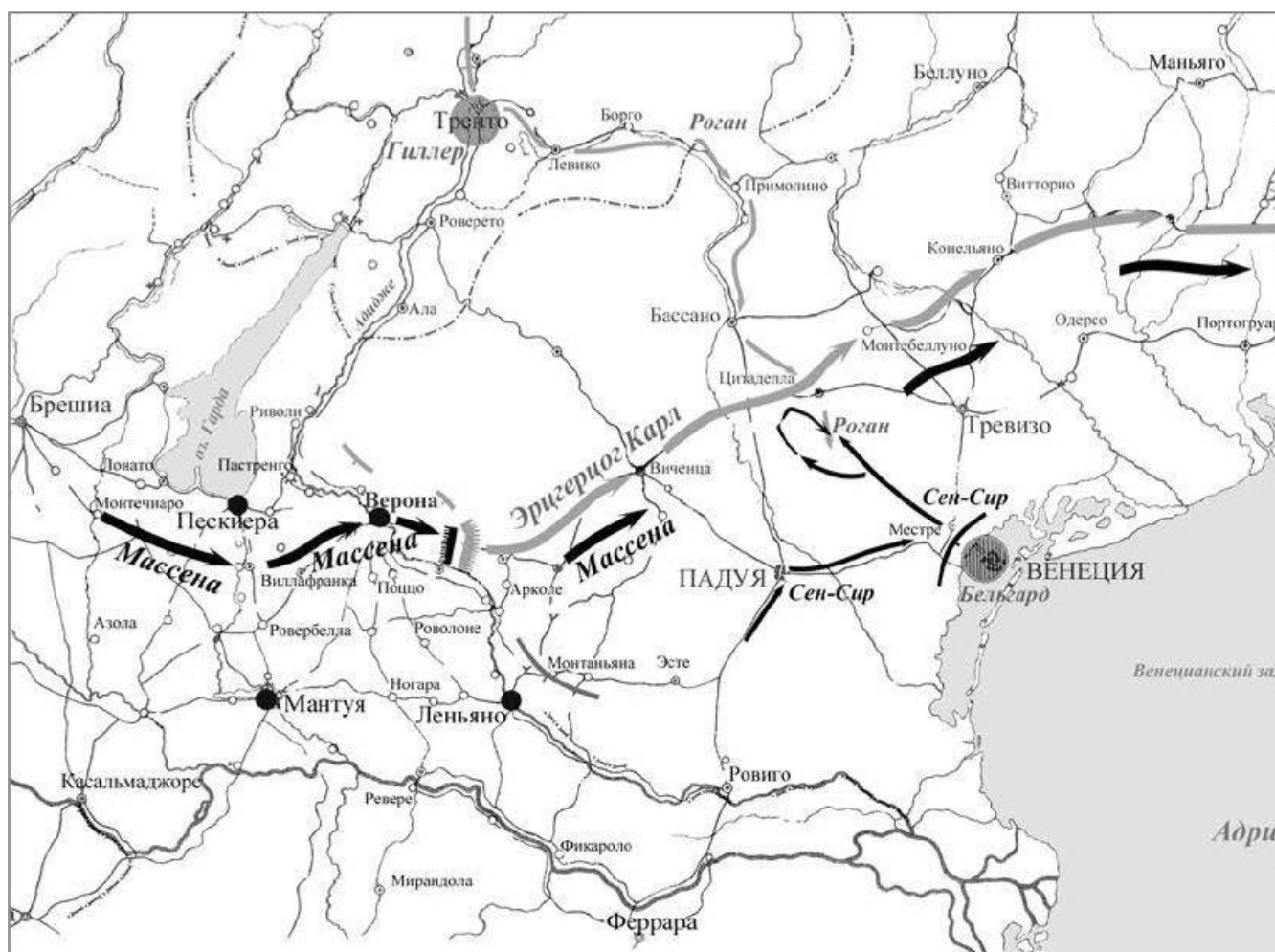
Со своей стороны, Массена, выделив для блокады Венеции часть своих сил, продолжал движение за эрцгерцогом. Утром 12 ноября французский авангард был на берегах Тальяменто. К вечеру подошла пехота. Массена надеялся, что здесь, где в 1797 г. армия Бонапарта уже один раз победила войска эрцгерцога Карла, он сможет нанести очередной удар по неприятелю. Однако на следующий день на рассвете австрийские арьергарды исчезли с противоположного берега. Новая битва при Тальяменто не состоялась.

14 ноября утром французская кавалерия под командованием генерала д'Эспаня достигла крепости Пальманова. Мощные укрепления были брошены, Армия эрцгерцога Карла оторвалась таким образом от преследования. В это время эрцгерцог Иоанн во главе Тирольской армии, усиленной остатками отряда Гиллера, шел на соединение с войсками своего брата по долине реки Дравы через Клагенфурт. Эрцгерцог Карл двигался навстречу ему через Лам-бах. В районе городка Виндишфейстриц, неподалеку от Маренберга (сейчас Марибор), 26 ноября войска обоих братьев соединились. Под командованием эрцгерцога Карла сосредоточилось 155 батальонов и 96 эскадронов – более чем 80-тысячная армия. Главные силы Массена остались в 150 км позади, а до Вены было 200 км.

Эрцгерцог Карл считал, что дела идут не так уж плохо. Он был уверен, что союзные войска, собиравшиеся к северу от австрийской столицы, сделают все для того, чтобы дождаться подхода его мощной армии. И поэтому он решил не торопиться и дать отдых своей армии. Его войска двинулись на север 2 декабря 1805 г.

Горная война

Важным театром военных действий стала также территория, которая пролегает между долиной Дуная, где действовали основные силы Великой армии, и северной Италией. Это огромный горный район, простирающийся с запада на восток на 500 км и на сотню километров с юга на север. Административно эти земли разделялись на несколько провинций, с запада на восток: Форальберг, Тироль, Каринтия и Штирия. Эти провинции, прежде всего Тироль, издавна считались особо преданными правящему габсбургскому дому. Они имели также довольно важное стратегическое значение, так как через их территорию осуществлялась связь между войсками в Италии и Германии. Именно поэтому австрийское командование выделило сюда значительные силы. Это была армия под командованием эрцгерцога Иоанна численностью около 30 тыс. человек.

Ситуация на Итальянском театре военных действий

На первый взгляд может показаться, что это вполне логично. Но только на первый взгляд. Союзники, как известно, собирались вести наступательную войну, и первые военные операции на главном театре военных действий планировали осуществлять в Баварии. В

случае успеха войска, занимавшие Тироль, оказались бы совершенно бесполезными, так как они располагались позади левого фланга наступающей армии Макка. В случае неудачи французы могли сначала добить главную австрийскую армию, а потом взяться и за другую.

Так оно и произошло. Разгромив австрийцев под Ульмом, Наполеон мог спокойно заняться Тиролем. Было бы сложно, разумеется, для французского полководца продолжить движение вперед, оставив на своих коммуникациях 30-тысячное австрийское войско. Однако теперь он мог выделить для этих операций лишь минимально необходимое число солдат. Ибо острой необходимости в полном уничтожении 30 тыс. австрийцев не было. Нужно было лишь изолировать их и не дать им выйти из гор на равнины, в тылы Великой армии. Конечно, Наполеон не распорядился подобным образом, своим маршалам он приказал, как всегда и везде, разгромить, уничтожить неприятеля. Однако количество сил, назначенных для этого, явно свидетельствовало о том, что император отныне рассматривает операции в горах лишь как вспомогательные действия.

Для наступления в Тироль был выделен 6-й корпус под командованием маршала Нея. На самом деле это уже был этот корпус только по названию. В помощь главным силам из него изъяли дивизию генерала Дюпона, одну пехотную бригаду из дивизии Луазона и часть кавалерии. В результате у маршала осталось лишь около 10 тыс. человек, из них только 600 кавалеристов и несколько сот артиллеристов.

Отделение корпуса Нея от основных сил произошло, можно сказать, само собой. Дело в том, что в пунктах капитуляции, подписанной генералом Макком в Ульме, по его настоянию, был занесен параграф о том, что корпус Нея останется под стенами крепости до 25 октября. Генерал Макк считал, таким образом, что он выполнил важную задачу и значительно ослабил Великую армию. Наполеон так не думал. Как ни покажется странным современному читателю, условие капитуляции было пунктуально выполнено. За маленьким исключением. Так как дивизия Дюпона была передана другому корпусу, она преспокойно продолжила свой марш вперед. А первая бригада из дивизии Луазона была направлена для конвоирования пленных австрийцев. Оставшиеся 10 тыс. солдат вместе с маршалом, отдохнув несколько дней после тяжелых боев, двинулись в южном направлении, в Тироль.

Седьмой корпус Ожеро, идущий далеко позади главных сил, был также направлен для действий в горах. Двенадцать с половиной тысяч солдат и офицеров под командованием Ожеро должны были действовать в Форальберге, самой западной из всех горных провинций Австрии.

Что касается эрцгерцога Иоанна, он поступил в «лучших» традициях Гофкригсрата. Свою небольшую 30-тысячную армию он разбросал по более чем 300-километровой линии маленькими группами по несколько батальонов^[692].

Маршал Ней действовал также в традиционном стиле. Только традиции в наполеоновской армии были другие. Не раздробляя свои силы, он двинулся напролом прямо на центр австрийского кордона, на ключевой город провинции – Инсбрук. На пути корпуса Нея лежало два сильных укрепления, Шарниц и Лустац, которые запирают долину реки Изар на подходе к Инсбруку. Австрийцы, видимо, не сильно беспокоились о том, что французские войска могут пройти по этому пути. Форт Шарниц сооружен был таким образом, что обойти его, как казалось австрийским генералам, было невозможно. Сам же форт имел мощные укрепления. Он состоял из двух полубастионов, соединенных прочной куртиной. Между полубастионами был сооружен рavelин. Укрепления были выложены камнем, а глубокий ров был на 3 м наполнен водой. На валах стояли 12 пушек, 700 человек регулярной армии составляли гарнизон форта, несколько сотен тирольских ополченцев в случае опасности должны были защищать укрепления вместе с солдатами. Впрочем, у форта было одно слабое место: та часть его, которая примыкала к непроходимым горам, была плохо укреплена.

Австрийские генералы не ошибались. Маршал Ней действительно не собирался обходить это укрепление. Недолго думая, он решил взять его с ходу и ударом в лоб.

Генерал Роге, командовавший оставшейся в составе корпуса бригадой дивизии Луазона, утверждает в своих мемуарах, что он обратился к маршалу с другим предложением. По его словам, в начале кампании он догадался, что их корпус может оказаться в Тироле. Это гениальное предвидение не было связано с какими-то экстрасенсорными способностями генерала, а происходило из-за нумерации корпусов. Так как номера корпусам были даны, начиная с левого фланга, первым оказалась бывшая Ганноверская армия под командованием маршала Бернадотта (см. главу 6). Роге предположил, что раз у них шестой номер, они окажутся на крайнем правом фланге армии и, следовательно, с большой вероятностью попадут в Тироль. Поэтому предусмотрительный генерал запасся литературой об этой провинции. В одной из книг говорилось, что в обход Шарницкого форта идет небольшая тропинка, которую используют контрабандисты.

Маршал Ней выслушал генерала и согласился с его предложением. Бригада Роге должна была попытаться пройти по этой тропинке, выйти в тыл форта Лусташ, который располагался неподалеку от Шарница, захватить его, а затем, таким же образом, напасть сзади и на сам Шарниц.

«Моя бригада выступила в этот же день [4 ноября. – *Примеч. авт.*] в шесть часов утра, – вспоминал генерал Роге. – Местные жители осыпали нас шутками, когда увидели, куда мы собираемся карабкаться. Действительно, кто бы мог подумать, что отряд в 2500 человек решится двигаться через множество опасностей и почти непреодолимых препятствий, идти цепочкой, один за другим в течение пяти часов, а потом взобраться на отвесные скалы. Австрийцам было бы достаточно сбросить на нас несколько камней, чтобы уничтожить всю нашу колонну. Но все препятствия были преодолены. К 11 часам утра мы поднялись на гору Грунскопт, откуда мы прогнали небольшой пост тирольского ополчения. Изумленные тирольцы убежали, не оказав никакого сопротивления»^[693].

Первая часть операции прошла как нельзя более успешно. Французы обрушились с тыла на маленький форт Лусташ. После отчаянного сопротивления в три часа австрийский отряд капитулировал. В плен попало 600 человек, австрийцы потеряли также 20 убитыми и 50 ранеными. Французы потеряли только 10 человек убитыми и несколько ранеными. Австрийских солдат французы оставили в качестве военнопленных, а тирольских ополченцев просто разоружили и отпустили по домам.

В это время маршал Ней, который, очевидно, не слишком доверял всяким военным хитростям и сомнительным обходным маневрам, собрал дивизию Малера и приказал ей штурмовать в лоб Шарницкое укрепление.

Как специально, накануне выступления в поход маршал составил для своих войск тактические инструкции на этот счет. Нужно отметить, что в наполеоновской армии строевой устав, которым пользовались войска, во многих своих пунктах безнадежно устарел, а боевого вообще не было. Высшее командование никак не могло собраться и переделать строевой устав в соответствии с новыми реалиями и наконец разработать боевой устав, общий для всех. Подразумевалось, что все это очевидные для всех вещи. Поэтому в каждом корпусе, а иногда и в каждом полку все это делали на свой манер. Вот и маршал Ней составил подробные инструкции для своего корпуса. Предпоследний параграф назывался «Об атаке укреплений или укрепленных линий одной или несколькими дивизиями». В качестве примера Ней описывал штурм укрепления дивизией из восьми батальонов. Так как дивизия Малера состояла как раз из восьми батальонов, то маршал, очевидно, решил, что нет лучшей возможности применить на практике свои теоретические изыскания.

«Дивизия из четырех полков или восьми батальонов, предназначенная для атаки, – наставлял маршал, – развернется для боя вне досягаемости пушек вражеских укреплений, которыми она должна будет овладеть открытой силой. Все приказы для проведения данного предприятия должны быть ясными, точными и лаконичными. В минуты перед боем офицеры штаба, ответственные за колонны, проверят, получены ли соответствующие инструкции... Командующий обратится к своим войскам с энергичным воззванием, достойным истинных воинов. Когда все будет готово, будет дан сигнал к атаке – три пушечных выстрела, и войска

устремятся вперед скорым шагом... Роты восьмого батальона будут рассыпаны в стрелковую цепь и прикроют своим огнем наступление. Солдаты кроме ружья должны быть снабжены топором. Когда они дойдут до зоны поражения ружейным огнем, они устремятся бегом ко рвам укрепления и сломают палисады...» Далее Ней подробно описывал, в каком порядке будут двигаться батальоны и даже отдельные роты, и завершал наставление оптимистичной фразой: «Когда укрепления будут взяты, стрелки будут преследовать врага, отступающего в беспорядке...»^[694]

Последнюю часть инструкции применить не удалось. Дивизия Малера отважно устремилась вперед. Неизвестно, успели ли раздать солдатам топоры, но штурмовыми лестницами дивизия была снабжена. Несмотря на шквал огня, французам удалось добраться до рвов. Однако здесь атака захлебнулась. Невзирая на потери, едва войска вернулись на исходную позицию, маршал приказал начать новый штурм. Ливень пуль и картечи снова скошил десятки людей, и дивизия опять откатилась назад. Стало ясно, что таким методом мощное Шарницкое укрепление взять невозможно. На гласисе перед вражескими рвами осталось лежать 36 убитых и почти 400 раненых. Французские пушки били по стенам, а коменданту форта было предъявлено требование немедленно сдаться. Зрелище сотен окровавленных тел, лежащих перед неприступными стенами, подсказало, очевидно, коменданту, что, возможно, подобное требование не слишком подкреплено реальными силами, и он наотрез отказался сдавать форт.

Пока солдаты дивизии Малера безуспешно штурмовали укрепления, бригада Роге продолжала свое обходное движение. Вечером комендант форта узнал, что он обойден, и ночью решил прорваться сквозь кольцо окружения. Австрийский командир взял с собой шесть полевых орудий, стоявших в форте, и со своими солдатами двинулся навстречу бригаде Роге. Ему удалось напасть в темноте на передовой пост гренадер, которых Роге поставил в замке Шольцберг. Две роты французских гренадер, которые не выставили никакого боевого охранения, были захвачены врасплох и сдались в плен. Но остальная часть бригады успела подняться по тревоге и, когда австрийцы продолжили свое движение вперед, сама их атаковала на марше. На этот раз захваченными врасплох оказались австрийцы. В коротком бою солдатам Роге удалось взять в плен коменданта, его подчиненные, деморализованные этой потерей, не оказали серьезного сопротивления. 700 австрийских солдат с пушками попали в плен, а французские гренадеры были освобождены.

Неприступный горный проход оказался в руках французов, и уже днем 5 ноября корпус Нея вступил в Инсбрук, который сдался без боя. К этому времени эрцгерцог Иоанн получил от своего брата эрцгерцога Карла приказ оставить Тироль и двинуться на соединение с его армией, отходившей из Италии.

В Инсбруке Ней нашел огромные склады и, в частности, богатый арсенал, где в руки французов досталось 16 тыс. ружей, многочисленные артиллерийские припасы и тонны пороха. Но в Инсбрукском арсенале французские солдаты нашли не одни материальные ценности. Вот как в мелодраматичном стиле эпохи описал произошедшее в арсенале 25-й бюллетень Великой армии: «Но не только богатые трофеи победа дала в руки нашей армии. Здесь же произошла сцена, которая тронула до глубины души наших солдат. В ходе последней войны [1798–1800 гг. – *Примеч. авт.*] 76-й линейный полк^[695] потерял в боях в Швейцарии два знамени. Эта потеря в течение долгого времени рассматривалась полком как горькая утрата... И вот эти знамена, предмет столь благородной скорби, были найдены в арсенале Инсбрука. Один из офицеров [76-го полка. – *Примеч. авт.*] узнал их. Тотчас же к знаменам устремились солдаты. И когда в торжественной обстановке маршал Ней вернул полку его реликвии, слезы текли по щекам старых воинов. Юные новобранцы были горды тем, что они отбили знаки, потерянные их старшими товарищами в превратностях войны. Император распорядился, чтобы эта трогательная сцена была запечатлена на большом полотне. Французский солдат испытывает по отношению к знаменам чувство нежной привязанности. Они являются объектом такого же культа, как подарок, полученный из рук возлюбленной»^[696].

В то время как Ней расположился со своим корпусом в Инсбруке, баварская дивизия Деруа по приказу Наполеона также вступила в Тиролю. Баварцы двигались по долине реки Инн и 7 ноября подошли к крепости Куфштейн. Если сама крепость не отличалась силой своих валов, то цитадель, стоящая на отвесных скалах, была такова, что даже маленький отряд мог сколь угодно долго сопротивляться огромной армии. Город и цитадель занимал один австрийский батальон. При приближении баварцев отряд покинул город и отступил в цитадель. Несмотря на неприступные стены, сопротивление продолжалось недолго: австрийский комендант понимал, что ему никто не поможет, а муниципалитет города упросил его не упорствовать. В результате цитадель Куфштейна была сдана на почетных условиях. Семьсот пятьдесят австрийских солдат со своим оружием и двумя полевыми пушками вышли из замка и 10 ноября присоединились к отряду генерала Шателера.

В то время как Ней и баварцы овладели центральной частью Тироля, маршал Ожеро приближался к Форальбергу, занятому генералом Иелачичем. Под командой Иелачича были войска, спасшиеся от капитуляции в Ульме. Они могли беспрепятственно отступить вглубь Тироля. Но генерал Иелачич, считая, что его войска принадлежат к Дунайской армии, а не Тирольской, хотел попытаться уйти в северном направлении и по тылам французов дойти до Богемии. Однако, узнав о приближении войск Ожеро, Иелачич остался на месте. По его приказу только 12 эскадронов направились на север и впоследствии действительно сумели достичь Богемии через Эльванген и Анспах. Что же касается главных сил – они продолжали стоять в нерешительности.

13 ноября передовые отряды Ожеро подошли к австрийским позициям. Иелачич даже не пытался ни сопротивляться, ни отступить. 14 ноября он подписал капитуляцию, которую французский маршал утвердил на следующий день. Согласно этой капитуляции 4 тыс. австрийских солдат сложили оружие и знамена и под конвоем французских войск были препровождены до богемской границы. Далее они были отпущены на свободу при условии, что в течение года не будут участвовать в боевых действиях ни против Франции, ни против Итальянского королевства.

Единственным австрийским отрядом, остававшимся в Форальберге, была дивизия под командованием принца Роана – французского эмигранта на службе габсбургской монархии. У принца было около 7 тыс. пехоты и 1200 кавалеристов. Его положение было очень сложным: со всех сторон ему угрожали французские дивизии. Отряд Иелачича перестал существовать, а эрцгерцог Иоанн, собрав главные силы своей армии, шел на восток в Каринтию на соединение с армией эрцгерцога Карла. Однако Роан принял мужественное решение любой ценой прорваться к своим.

Пройдя по узким горным тропам, 18 ноября он сумел отбросить небольшой авангард корпуса Нея. Так как путь в Каринтию был к этому времени уже совершенно отрезан, ситуация все равно казалась безвыходной. Но принц решил сделать неожиданный и смелый ход: попытаться через горы добраться до равнин Северной Италии. Этот план мог показаться экстравагантным, однако успех сопутствует смелым. Несмотря на все сложности, в начале последней декады ноября отряд Роана, не встречая сопротивления, вышел на равнину. Однако на этом его приключения не завершились (см. ниже).

Таким образом, несмотря на значительные силы австрийцев в Тироле, к середине ноября французы овладели большей частью этой горной страны, разбили и взяли в плен значительную часть неприятельской армии. Ее остатки отступали в разных направлениях.

Одновременно с операциями в Тироле Наполеон был вынужден направить часть войск в Каринтию. 7 ноября генерал Мармон получил задачу выступить со своим корпусом из Штейера, двинуться в южном направлении по долине реки Энс и занять Леобен. У Мармона было под ружьем около 12 тыс. человек. В его задачу входило, закрепившись на южных отрогах Альп, помешать возможному движению армии эрцгерцога Карла из Италии. Конечно, генерал Мармон не мог с маленьким корпусом остановить движение всей армии эрцгерцога Карла. Однако, учитывая характер местности – узкие горные дороги, – он мог

серьезно замедлить марш неприятельских войск, уничтожая за собой переправы через горные реки, защищая арьергардами проходы в ущельях.

Впрочем, прежде чем встать на пути австрийцев, войска Мармона должны были сами проложить себе дорогу вглубь горного края. «Марш, который я предпринял, был наполнен трудностями, – вспоминал Мармон. – Энс течет среди высоких гор в узком ущелье. Мосты через него деревянные, и их почти невозможно восстановить в случае разрушения... Время года также добавляло нам сложностей. В горах уже была зима. Известно, насколько это время года сурово в этих краях и насколько обледенелые дороги замедляли и затрудняли наш марш. Тем не менее необходимо было двигаться вперед как можно быстрее, чтобы надеяться добиться успеха»^[697].

Недалеко от местечка Альтенмаркт над бурными водами Энса повисли два высоких моста. В случае их разрушения австрийцами продвижение корпуса было бы надолго остановлено. Французский генерал решил захватить его во что бы то ни стало. В своих мемуарах Мармон рассказывает: «Я поручил капитану Онактену из 6-го гусарского полка взять сто лучших кавалеристов и устремиться на мост, как только он окажется поблизости от него. Онактен, офицер редкой отваги, предприимчивый и решительный, не колебался ни минуты. Он двинулся вперед с авангардом. За ним шел весь полк и несколько рот вольтижеров... Австрийские эскадроны под его натиском вынуждены были поспешно отступать. Когда вражеские всадники доскакали до первого моста, Онактен обрушился на них как молния и пронесся по мосту вместе с ними, порубил две роты пехоты, которые должны были зажечь кучу горючих материалов, как только отойдет их конница. Затем он продолжил свою бешеную атаку, влетел на второй мост и пересек его таким же образом. Так опасное препятствие было преодолено»^[698].

Продолжая двигаться вперед, войска Мармона заняли Леобен, а 15 ноября авангарды корпуса дошли до Граца. Нужно сказать, что подобное выдвигание не входило в намерения императора. 15 ноября он написал: «Господин генерал Мармон, вы должны помнить, что вы всего лишь командуете обсервационным корпусом, чтобы поддержать вас, армии потребуется несколько дней, потому что все мои силы сосредоточены против русских. У меня недостаточно войск, потому что я должен держать Вену, и, желая обойти неприятеля и нанести ему серьезное поражение, мне нужно еще больше солдат. Если вы сможете... помешать неприятелю появиться в долине Дуная, ваша роль будет выполнена»^[699].

Что касается Мармона, он считал, что позиция под Грацем более выгодна. «Настоящим выгодным пунктом в стратегическом отношении казался мне Грац, – писал Мармон в своих мемуарах. – Занятие Граца повлияло на общественное мнение этих краев. Кроме того, оно дало большие ресурсы для армии. Прибыв в Грац, я расположил там свою генеральную квартиру... Разведывательные отряды каждый день отправлялись к венгерской границе»^[700].

В горной войне, которую пришлось вести с рассеянными остатками австрийских войск, отличились, как и под Альтенмарктом, французские кавалеристы. 24 ноября генерал Мармон, узнав, что поблизости отступает неприятельский отряд, направил к верховьям реки Зальца роту 8-го конно-егерского полка. Французов было всего 75 человек. От местных крестьян и захваченных на дороге отставших австрийских солдат они узнали, что впереди, в деревне Долах, находится отступающий австрийский батальон численностью около 400 человек. Конные егеря сумели бесшумно разоружить передовые посты и незамеченными подошли к деревне. «Подъехав к селению, мы увидели зажженные бивачные огни, ружья, составленные в козлы, груды багажа и рассеянных солдат, которые ходили взад и вперед, – написал в своем письме через несколько дней после произошедших событий трубач 8-го конно-егерского полка. – Увидев это, наш капитан обрадовался и воскликнул: “Вот отличное дело! Они не на своих постах – и они в наших руках!” А потом своим громовым голосом скомандовал: “Смирно! Дивизион в атаку, в галоп! Захватим в плен этих чудаков!” В тот же момент я протрубил атаку... И вся наша рота устремилась с саблями наголо, издавая дикие крики и наделав шуму, как если бы мы были целым полком. Вскоре мы все рассеялись по деревне. Одни захватывали оружие и багажи, другие останавливали и лупили ударами

саблей плашмя всех Кайзерлитов^[701]... Наш капитан был повсюду и кричал: “Егеря, не рубите острием! Не наносите им ран! Это несчастные люди! Они и так наши. Берите их в плен и быстрее захватывайте ружья – их нужно все сломать!” Сказано – сделано: мы взяли врасплох этих австрийцев, и они не успели сделать ни одного выстрела... В этот момент я оказался рядом с моим капитаном, который пытался найти австрийского командира. Тот появился из одного из домов в сопровождении своих офицеров, бургомистра и нескольких крестьян... Гордым тоном он сказал по-немецки: ”Постойте-ка, господа французы! Зачем вы пришли сюда? Что вы от нас хотите?” Эти вопросы заставили нас рассмеяться. Наш капитан ответил таким же тоном: “Господа, мы воюем – вот что мы хотим... А вы теперь наши пленники. Сдавайтесь, и мы не причиним вам никакого вреда. Мы авангард огромной колонны кавалерии и пехоты...” Австрийские офицеры посовещались и, видя, что все их солдаты захвачены без сопротивления, отдали свои шпаги нашему капитану и лейтенанту^[702]. Так маленький отряд конницы в 75 человек захватил в плен 400 солдат и 19 офицеров.

Занимая позицию под Грацем, Мармон успешно выполнил свою задачу. Эрцгерцог Карл не осмелился двигаться по прямой дороге на Вену. Для того чтобы соединиться с главными силами союзников, он решил пойти круглым путем через Венгрию. В общем, горная война была австрийцами полностью проиграна, и Наполеон, не опасаясь за свой правый фланг, мог сосредоточить свое внимание на операциях в Моравии.

Южная Италия

Для того чтобы понять происходившее в Южной Италии и конкретно в Неаполитанском королевстве (Королевстве Обеих Сицилий), необходимо снова на некоторое время вернуться к политическим вопросам. 29 марта 1801 г. между Францией и Неаполитанским королевством был подписан мирный договор во Флоренции, ставивший точку в участии Неаполя в войне против революционной Франции. Согласно одной из статей этого договора, французы в обмен на неприкосновенность королевства получили право занять своими войсками порты на юге Италии: Бриндизи, Отранто и Таранто. Как уже указывалось, после подписания Амьенского мира с Англией французские войска были выведены с территории Неаполитанского королевства. Однако с возобновлением англо-французской войны Наполеон распорядился вернуть французские гарнизоны в порты Южной Италии. В июле 1803 г. семнадцатитысячный корпус под командованием генерала Сен-Сира вступил на территорию Неаполитанского королевства и занял те же порты, которые французы контролировали по условиям Флорентийского мира.

Судьба королевства отныне была под вопросом. Король и в особенности королева ненавидели и боялись распространения идей Французской революции. Учитывая, что королева Мария-Каролина, дочь австрийской императрицы Марии-Терезии, была старшей сестрой казненной во время революции Марии-Антуанетты, нетрудно предположить ее чувства по отношению ко всему, что было связано с республиканской Францией. К этому добавлялись воспоминания о событиях в Неаполе в 1798–1799 гг. Наконец, Мария-Каролина находилась полностью под влиянием своего фаворита Актона – министра английского происхождения и посла Великобритании лорда Эллиота. С другой стороны, при дворе боялись французов. Ни для кого не было секретом, что в случае враждебных действий Неаполя Сен-Сир имел предписание тотчас же двинуться со своими войсками на столицу королевства. Поэтому, несмотря на все свои чувства, неаполитанская королевская чета вынуждена была вести себя осторожно по отношению к Французской республике, а впоследствии империи.

Однако с 1804 г. со стороны Англии и России было предпринято самое жесткое дипломатическое давление. Англичане прозрачно намекали, что в том случае, если с началом континентальной войны Неаполь не поддержит коалицию, они оккупируют Сицилию и отторгнут ее от владений королевства. С другой стороны, Неаполю обещали золотые горы и многотысячное союзное войско, чтобы изгнать с юга Италии французов. Нечего и

сомневаться, что подобная перспектива приводила в восторг Марию-Каролину, и если она проявляла определенную осторожность, то лишь из страха перед войсками Сен-Сира.

Конечно же, деятельность организаторов коалиции не могла долгое время быть тайной для Наполеона. Готовя высадку в Англию, он менее всего желал, чтобы Итальянскому королевству и Франции угрожали в этот момент с юга. 2 января 1805 г. он направил Марии-Каролине письмо, которое выходит за рамки того, что принято считать дипломатической корреспонденцией. «Какова бы ни была ненависть Вашего Величества по отношению к Франции, – писал Наполеон – неужели любовь к супругу, к детям, к семье, к Вашим подданным не подсказывает Вам, что в политических вопросах Вы должны соблюдать хотя бы чуточку сдержанности, которая соответствует вашим интересам?.. Я прошу Ваше Величество выслушать внимательно мое пророчество: в случае начала войны, которая произойдет по Вашей вине, Вы потеряете Ваше королевство, а Ваши дети будут просить подаяния при дворах Европы и помощь для своих родителей»^[703].

Подобное жесткое, можно сказать грубое, лишенное всяческих дипломатических уверток письмо возможно было написать только при условии категорического нежелания войны на континенте. Если бы Наполеон, как об этом часто говорят, искал лишь поводов, чтобы развязать войну и, в частности, захватить Неаполь, такое послание было бы совершенно ни к чему. Говоря в резкой безапелляционной форме, называя вещи своими именами, император надеялся запугать неаполитанский двор и заставить его остаться нейтральным в предстоящей борьбе.

Что касается запугивания, оно, без сомнения, удалось, и королева, как отмечают свидетели, разразилась «потоком слез». Однако ее ненависть стала только более жгучей, а желание войны с Францией – еще более сильным. При неаполитанском дворе видели также неразборчивость в методах английских политиков и, готовясь сражаться, все больше и больше рассчитывали на русских. Действительно, в мае 1805 г. в Неаполь прибыли два весьма неординарных путешественника. Это были генерал от инфантерии Ласси и генерал-майор Опперман. Один выходец из ирландской семьи, другой из немецкой, но оба состояли на службе России. Они прибыли в Италию инкогнито. Неслучайно выбор пал на генерала Ласси. В 1805 г. он был в отставке и жил близ Гродно. Его тайно известили о принятии на службу и, соблюдая строгую тайну, отправили с миссией в Неаполь.

«Повелел я отправиться в Неаполь без отлагательства Генералу от инфантерии де Ласси, – писал 18 февраля (2 марта) 1805 г. император Александр I, – под видом путешествия для поправления здоровья, уполномочив его, буде удостоверится в успехе, пригласить немедленно отряд войск Российских из Корфу... Но прежде того обязанности его подлежать будет... заняться генеральным обозрением [военного потенциала Неаполитанского королевства. – *Примеч. авт.*]...»^[704]. Ласси и Опперман должны были также договориться с английским командованием о присылке войск с Мальты, обсудить с неаполитанским двором план военных действий, договориться о снабжении экспедиционного корпуса деньгами, продовольствием, кавалерийскими и артиллерийскими лошадьми.

Сведения, которые генералы-«путешественники» могли сообщить своему правительству, свидетельствовали о том, что военные силы Неаполя были, мягко говоря, невелики. Армия не насчитывала и 10 тыс. человек (по спискам – 10 863) и находилась в таком же запущенном состоянии, как и все королевство. Все же Михайловский-Данилевский, видимо, несколько сгущает краски, сообщая о полном ничтожестве неаполитанских войск.

Начиная с октября 1804 г. на пост генерального инспектора военных сил королевства был назначен русский офицер, француз по происхождению, Роже де Дама. Он был соратником великого Суворова, дрался под его командованием на Кинбурнской косе и штурмовал Измаил. Роже де Дама сделал все возможное, чтобы усилить и организовать неаполитанскую армию. Он стал регулярно проводить смотры и учения войск. Впрочем, эти занятия остались незавершенными, так как в марте 1805 г. по требованию посла Франции Алькье Роже де Дама был временно выслан из Неаполя.

Сам генерал Дама утверждает, что русские представители были удовлетворены результатами своих инспекций. «Они были действительно довольны, особенно кавалерией и артиллерией, – писал Дама в своих мемуарах, – это вполне понятно, так как русская пехота неподражаема и за то малое время, которое было использовано, чтобы улучшить пехоту королевства, она не могла, конечно, достигнуть того уровня, на котором стоит, быть может, единственно русская пехота. Что касается кавалерии, она была почти что на том уровне, на котором ее хотелось бы видеть»^[705].

Мемуары Дама вполне подтверждает рапорт Оппермана. Вот что в нем говорится: «Они [Ласси и Опперман. – *Примеч. авт.*] нашли материальную часть артиллерии в очень хорошем состоянии. Пушки, лафеты и зарядные ящики сделаны по французской модели. Администрация очень хорошо и точно функционирует. Но высококачественной и многочисленной артиллерии не хватает личного состава... Пехота неаполитанского гарнизона набрана из физически крепких людей, однако все передвижения они выполняют медленно, в строю не сохраняют неподвижности и должного внимания... Они [Ласси и Опперман. – *Примеч. авт.*] видели пехотные маневры, исполненные всем гарнизоном Капуи. Это были 2 батальона гренадер, 3 мушкетеров и 1 егерей, но все вместе они не насчитывали и тысячи человек, потому что батальоны были всего лишь по 192 солдата. Перестроения, однако, выполнялись очень точно и слаженно. Особенно отличились егеря своими умелыми действиями в рассыпном строю, как в самостоятельных движениях, так и в движениях перед фронтом войск. В общем, нужно сказать, что степень обученности этого гарнизона, который находится под командованием генерала Розенхейма, стоит выше таковой в других неаполитанских полках»^[706].

Так или иначе, но переговоры о конкретном участии Неаполя в коалиции велись самым активным образом, и в королевстве все было готово к тому, чтобы выступить против Франции. В сентябре в Неаполь прибыл Дмитрий Павлович Татищев – полномочный министр России в Королевстве Обеих Сицилий. 10 сентября 1805 г. Татищев и министр иностранных дел Неаполя маркиз Черчелло подписали конвенцию о совместных действиях против Франции.

Согласно этой конвенции, неаполитанские власти должны были принять на территории королевства русско-английский экспедиционный корпус. Главное командование должен был осуществлять русский генерал. В его распоряжение предоставлялись все крепости, форты, замки и склады, а также все силы неаполитанской армии. Власти королевства обязывались, что «в течение всего времени пребывания союзных войск на неаполитанской территории жилье, отопление, освещение будут обеспечиваться местным населением. Кроме того, они будут получать съестные припасы и денежное вознаграждение... а также фураж, поставляемый либо натурой, либо в денежном возмещении... Русские эскадры, предназначенные для прикрытия операций союзных войск на континенте, будут получать от его сицилийского величества все необходимое довольствие в соответствии с регламентами и нормами, существующими в русском флоте»^[707].

Неаполитанские власти брали на себя также обязательства предоставить за свой счет русским и английским кавалерийским полкам лошадей, а также «лошадей и мулов, необходимых для перевозки артиллерии, боеприпасов и лагерного снаряжения». Союзники получали право, если они пожелают, прибегнуть к реквизициям, правда, отмечалось, что «русский главнокомандующий позаботится о том, чтобы эти реквизиции производились лишь в случае абсолютной необходимости»^[708].

«Я был потрясен, увидев, насколько абсурдно и бездарно были забыты все интересы короля, – вспоминал Роже де Дама о своих впечатлениях, когда он сразу по своему возвращению в Неаполь получил возможность ознакомиться с текстом конвенции. – Было невообразимо, как человек, преданный своему повелителю, как маркиз Черчелло... мог подписать конвенцию, условия которой, ее детали, ее параграфы связывали короля по рукам и ногам во всех отношениях. Он брал на себя формальные обязательства, которые ничем не были гарантированы с другой стороны. Отдать себя на волю союзника, поверить в

его добрые намерения – это обычно весьма опасное дело. Но, по крайней мере, за это можно получить какие-то компенсации и выгоды. Но это при том условии, что страны, вступающие в соглашение, находятся поблизости друг от друга. Когда же они находятся друг от друга на расстоянии в тысячу лье, вы уже не находитесь больше в руках правительства державы, а полностью зависите от произвола ее представителей или ее генералов... Школьник, двадцатилетний начинающий чиновник, должен был бы покраснеть от всех глупостей, которыми была наполнена эта конвенция»^[709].

Действительно, отныне Неаполь начал опасную игру. Но самое удивительное, что спустя всего лишь несколько дней, 21 сентября, посол Королевства Обеих Сицилий в Париже маркиз де Галло подписал другую конвенцию, согласно которой королевство брало на себя обязательство соблюдать строжайший нейтралитет в предстоящей войне! Таким образом, неаполитанские власти не только вступили в коалицию против Франции, полностью отдавшись на волю России и Англии, но и попытались обмануть Наполеона. Это было даже хуже, чем то, от чего император французов предостерегал Марию-Каролину. Можно было легко догадаться, что в случае провала коалиционной авантюры неаполитанской королевской чете предстояло расплачиваться за свое коварство.

Подписание конвенции с Россией держалось в строгой тайне. И французские дипломаты, и генерал Сен-Сир ни о чем не догадывались. Поэтому Наполеон, уверенный в нейтралитете Неаполя, с началом военных действий отдал приказ войскам Сен-Сира покинуть королевство и двинуться на север Италии на помощь армии маршала Массена. 9 октября 1805 г. корпус Сен-Сира двинулся на север. Со стороны властей королевства корпус должен был сопровождать некто маркиз де Родино, которому поручили, используя случаи распушенности солдат, спровоцировать столкновения с местными жителями и тем самым хоть как-то мотивировать предстоящее выступление против Франции. Однако генералу Сен-Сиру удалось поддерживать в войсках строжайшую дисциплину, и никаких эксцессов не произошло. Если верить документам, опубликованным в приложении к мемуарам Сен-Сира, маркиз Родино доложил королеве: «Мадам, ничего не получается, так как это не солдаты, а какие-то монахи!»^[710]

Пройдя в образцовом порядке с юга Италии на север, в середине ноября войска Сен-Сира вышли в район Падуи. По дороге силы корпуса значительно уменьшились, так как Сен-Сир должен был выделить около 5 тыс. человек на усиление гарнизона крепости Анкона. Сам генерал отправился в штаб Массена в Горицию. Отныне войска Сен-Сира стали правым крылом Итальянской армии. Маршал Массена приказал Сен-Сиру расположиться в районе Местре и заблокировать австрийский гарнизон Венеции.

В Неаполитанском королевстве отныне не было ни одного французского солдата. 19 ноября 1805 г. с фортов Неаполя увидели на горизонте паруса многочисленного флота. Это была долгожданная русская эскадра. В пять часов вечера боевые корабли бросили якорь в Неаполитанском заливе. На следующий день в Неаполь прибыл и английский флот. Посол Франции Алькье немедленно потребовал паспорта для выезда из королевства и 21 ноября покинул Неаполь. Отныне все сомнения исчезли – Неаполитанское королевство стало участником войны на стороне Третьей коалиции.

На берег высадились русские и английские войска, общее командование над которыми принял генерал Ласси. Английский генерал Крейг встал под его начальство. Всего в эти ноябрьские дни на итальянский берег ступило около 10 200 русских солдат^[711]. Вместе с ними высадился легион, сформированный на деньги русского правительства из албанцев и греков. Его численность по спискам была 1495 человек. Английский корпус насчитывал (по спискам) в своих рядах 7629 человек. Таким образом, всего высадилось в Неаполе более 19 тыс. солдат и офицеров союзников.

Михайловский-Данилевский в ярких красках описывает энтузиазм неаполитанских властей и народа по поводу их прибытия. «Король и королева Неаполитанские приняли Генерала Ласси чрезвычайно милостиво... Двор истощался в изъявлении благосклонности

генералам и офицерам нашим; народ чествовал солдат; тысячи любопытных стекались ежедневно любоваться Русским лагерем, раскинутым у подошвы Везувия»^[712].

Несколько другое впечатление вынес о присутствии союзников в Неаполе Роже де Дама. Нужно сказать, что его мемуары были написаны всего лишь шесть месяцев спустя после указанных событий и потому сохранили всю свежесть и точность исторической картины. «Никогда еще генеральная квартира не располагалась в захваченной стране с такими же претензиями, как это сделали союзные генералы. Ласси и Опперман заняли целиком постоянный двор, где они жили на широкую ногу за счет королевской казны. Перед постоянным двором находился дом наследного принца... Они потребовали его для канцелярии штаба... Этот пример, только один из многих, дает представление о том оскорбительном деспотизме, который они вкладывали во все свои претензии. Я приложил все усилия, чтобы удовлетворить их, ибо сложно было сомневаться в моей преданности России... Но моего времени не хватало, чтобы это сделать... Господин Крейг [английский генерал. – *Примеч. авт.*] сказал мне: “Король должен быть мне очень обязан за то, что я прибыл сюда, и я желаю, чтобы он дал мне все, что я захочу”... Он потребовал, чтобы были удовлетворены потребности его войск в вещах столь невоенных и абсурдных, что я вынужден был подумать, что у него не все в порядке с умом»^[713].

Быть может, вспоминая об этом, генерал Крейг по возвращении английских войск на Сицилию в приказе по армии от 6 апреля 1806 г. написал по поводу неаполитанской экспедиции: «...В стране, где столь легко было добыть вино, англичане подтвердили мнение, согласно которому трезвость не является добродетелью военных нашей нации...»^[714]

Король и королева уже, видимо, сами были не рады «гостям» и всячески пытались удалить их из Неаполя для ведения боевых действий. Однако союзники не спешили. Наконец, 8 декабря они все-таки собрались в поход. Перед выступлением из Неаполя был проведен огромный смотр всей армии на набережной, идущей вдоль берега моря. Всего в смотре участвовало около 23 тыс. человек. На правом фланге стояли русские войска, в центре англичане, а на левом – неаполитанцы. Король и королева в позолоченной карете объехали войска, благословляя их на подвиги в ходе предстоящего наступления.

Однако в отсутствие неприятеля это наступление выглядело, по меньшей мере, странно. Двигаться далеко на север Италии для относительно небольшой союзной армии было невозможно. «Новости об отступлении австрийской армии с берегов Адидже в Венгрию и о поражении их войск в Германии, – писал в своем рапорте генерал Опперман, – не позволяли думать о том, чтобы маленький корпус, который прибыл в Неаполитанское королевство, мог надеяться на успех в далеких операциях»^[715].

Идти же вперед километров на 100–200 все равно не имело смысла, так как никакого противника рядом не было. Но деятельность изобразить надо было. Поэтому армии начали-таки марш вперед, но самым неожиданным образом. Англичане и русские в качестве привилегированной части контингента прошли лишь несколько десятков километров.

Главнокомандующий союзными войсками был русский генерал, но, совершенно очевидно, что, несмотря на это, английская армия смотрела на себя как на самую «белую кость». Джентльмены с берегов Туманного Альбиона остановились ближе всего от Неаполя и, конечно же, на берегу моря, чтобы на всякий случай не терять связь с кораблями. Районом расквартирования были выбраны живописные места на берегу Гаэтского залива Траэтто и Сесса, первое всего лишь в 50, а второе – в 40 км к северу от Неаполя. В соответствии с иерархией ценности чуть дальше от моря и чуть дальше от Неаполя, в Сан-Жермано и Теано, разместилась русская армия. Что касается неаполитанцев, непонятно зачем путавшихся под ногами в Неаполе, для них нашлась великолепная боевая задача: оборонять восточную границу королевства! Для этого неаполитанской армии было поручено совершить зимой 200-километровый марш через горы и выйти к крепости Пескара. По узким дорогам, покрытым четырьмя футами снега, неаполитанские полки пошли в бесполезный поход и после двух недель тяжелейшего марша добрались непонятно зачем до крепости Пескара.

На этом «боевые действия» в южной Италии временно прекратились, и союзники остановились в ожидании новостей с главного театра военных действий...

Венеция

После того как генерал Сен-Сир встретился с Массена, 22 ноября он расположил свои части вокруг Венеции для блокады этого города. Взять Венецию штурмом и даже осадой не представлялось никакой возможности, так как город находился на островах, соединенных с сушей только узким трехкилометровым перешейком, посреди которого был разводной мост. Зато с учетом того, что из города выйти было так же сложно, как и войти в него, можно было блокировать австрийский гарнизон относительно небольшими силами. Австрийские войска в Венеции состояли из 24 батальонов пехоты и одного эскадрона кавалерии, командовал ими генерал Бельгард. В общей сложности гарнизон насчитывал более 12 тыс. человек. Сен-Сир получил от Массена порядка 5 тыс. солдат, вместе с 10 тыс., которые он привел с юга, в его распоряжении был отныне небольшой корпус. В него входили: 6 тыс. солдат дивизии Ренье, 5 тыс. итальянских солдат Леччи и 3 тыс. поляков, входивших в резервную бригаду Пейри. Всего вместе с артиллерией и инженерными войсками около 15 тыс. человек. Сен-Сир разместил свои войска широким фронтом. Его укрепленные линии протянулись от Падуи до Местре и берега моря на тридцатикилометровом фронте.

Едва только Сен-Сир занял своими полками укрепления перед Венецией, как на следующий день (23 ноября) ему доложили, что с тыла, со стороны Кастель-Франко, приближаются какие-то австрийские части. Появление здесь австрийцев было полным сюрпризом для французского командования. Казалось бы, неприятелю неоткуда было взяться. Армия эрцгерцога Карла ушла на север, по ее следам шагали войска Массена, в тылу были земли итальянского королевства, занятые французскими и итальянскими гарнизонами. Как выяснилось, этими непонятными, свалившимися с неба войсками были части принца Роана. Принц со своим восьмитысячным корпусом, вырвавшись из окружения в Тироле, пройдя сотни километров по горам, неожиданно для всех спустился в тылу французской армии на равнины северной Италии.

Он понимал, что идти на восток невозможно – здесь его бы встретила вся армия Массена. Идти на запад было также немислимо – он оказался бы во враждебной стране, окруженный со всех сторон полевыми войсками и национальной гвардией Итальянского королевства. Путь на север был также отрезан корпусом Мармона. Что делалось на юге Италии, он понятия не имел, да и путь туда был далеким и непредсказуемым. Роан принял единственно возможное решение – напасть с тыла на линии французов поблизости от Венеции и вместе с гарнизоном города прорвать их. При удачном стечении обстоятельств и активном содействии Бельгарда принц мог надеяться не только проложить себе дорогу в Венецию, но и нанести французскому корпусу серьезное поражение.

Сен-Сир мгновенно разведал силы врага и оценил всю степень опасности. Его могли спасти только быстрые, слаженные и решительные действия. Еще засветло, в три часа утра, 24 ноября большая часть войск Сен-Сира незаметно покинула укрепленные линии и двинулась на северо-запад навстречу Роану. Сен-Сир оставил перед Венецией только итальянские полки Леччи и одну бригаду из дивизии Ренье – всего около 7 тыс. человек. Прочие 8 тыс. человек^[716] должны были атаковать Роана. Таким образом, численность войск с каждой стороны была почти идеально равна.

Ренье двинулся со своими десятью батальонами и шестым конно-егерским полком прямо на австрийцев, Сен-Сир с поляками предпринял скрытный обход, чтобы внезапно ударить на врага с тыла и фланга. Дивизия Ренье и корпус Роана столкнулись около восьми утра у деревни Ресана в 8 км к юго-востоку от Кастель-Франко. Сражение началось как встречный бой, однако французы действовали активнее. Они успели развернуть все свои войска и сумели занять выгодную оборонительную позицию. Тем не менее австрийские войска атаковали с отчаянием обреченных. Генерал Ренье вынужден был посылать одного адъютанта за другим, чтобы доложить своему командиру, что он едва удерживается под

натиском неприятеля. Но один из талантливейших полководцев наполеоновской армии Сен-Сир рассчитал все точно: когда австрийские войска пустили в ход все свои резервы и были полностью заняты фронтальным боем, польские части, завершив к 11 часам дня свое скрытное обходное движение, по команде генерала стремительно атаковали врага.

В наполеоновской армии поляки всегда выделялись своей отвагой и преданностью, а что касается польских улан – они вообще вошли в легенду. Неслучайно поэтому Сен-Сир использовал поляков как «засадный полк». Первый и третий батальоны под командованием Беловецкого и Малаховского обрушились на правое крыло австрийцев с такой отвагой и дерзким порывом, что в тот же миг австрийские ряды смешались, и в считанные минуты корпус Роана был разгромлен и обратился в бегство. Второй батальон поляков под командованием Хлопицкого генерал Сен-Сир предусмотрительно отправил еще дальше в тыл врага, и он врезался уже в отступающие неприятельские части. Принц Роан повел за собой в атаку кирасир и попытался опрокинуть батальон Хлопицкого, но храбрые пехотинцы встретили австрийцев огнем и штыками. Сам принц, попытавшись дать пример своей коннице, получил удар польским штыком в грудь. Его с трудом сумели вытащить из свалки.

Одновременно польская конница Рожнецкого также вступила в дело, и поражение неприятеля было полным. Около полудня остатки корпуса Роана, запершиеся в Кастель-Франко, капитулировали перед польскими батальонами, ведомыми лично генералом Сен-Сиром. Всего сдалось около 6 тыс. австрийских солдат. Французам и полякам достались: вся артиллерия неприятеля (12 пушек и одна гаубица), шесть знамен, один штандарт и 1000 лошадей. Среди пленных был и сам принц Роан.

Так, боем под Кастель-Франко 24 ноября 1805 г., закончилась эпопея маленького корпуса, который с огромным трудом вырвался из окружения в Форальберге и Тироле, чтобы целиком и полностью попасть в руки французов поблизости от Венеции. Бой происходил примерно в 30 км от города, поэтому гарнизон не слышал звука канонады и не предпринял даже попытки вылазки. На следующий день французские войска уже снова стояли в укрепленных линиях, и блокада Венеции продолжилась.

Северная Германия

В то время когда под ярким итальянским солнцем русские солдаты приводили в порядок свою амуницию на склонах Везувия, на противоположном конце Европы, в 1500 км от Неаполя, происходила другая десантная операция. 12 (24) сентября из Кронштадта и Ревеля (Таллина) вышли эскадры, которые несли на своем борту экспедиционный корпус для боевых действий на севере Германии. Этот корпус находился под командованием генерала графа Толстого и насчитывал в своих рядах 20 363 человека^[717]. Кроме боевых кораблей эскадры адмирала Тета (11 линейных кораблей и семь фрегатов) для перевозки войск были использованы 140 частных купеческих судов. Вначале плавание проходило благополучно, однако почти у самых берегов Германии эскадра попала в бурю, в результате которой потонуло несколько мелких судов, погибло 400 казаков.

Когда буря закончилась, корабли высадили войска в нескольких портах Померании, и в конечном итоге они были собраны у Штральзунда. В момент высадки экспедиционного корпуса король Пруссии уже подписал Потсдамский договор. Союзники ожидали, что вскоре к коалиции примкнут шведские войска (12 тыс. человек). Наконец, ожидалось, что к концу ноября в Северной Германии высадятся два английских корпуса общей численностью 24 тыс. человек. Таким образом, здесь могла объединиться мощная союзная армия в 56 тыс. солдат и офицеров.

Не ожидая подхода шведов, в первых числах ноября русский корпус двинулся на Ганновер. Войска графа Толстого переправились через Эльбу в Лауенбурге и пошли на запад. «Марш уподоблялся торжеству, – пишет Михайловский-Данилевский. – Навстречу нашим выезжали герцог Мекленбургский и другие владетельные Принцы; народонаселение окрестных мест толпами стекалось смотреть на Русских, со времен Семилетней войны не появлявшихся в северной Германии. Все были поражены удивлением, ибо корпус графа

Толстого находился в самом блистательном состоянии. Всюду угощали офицеров и солдат наших; в больших городах давали нам балы»^[718].

Действительно, как кажется, именно приемы и балы составили главную часть «операций» экспедиционного корпуса. За исключением крепости Гамельн, занятой французским гарнизоном, воевать было решительно не с кем. О том, насколько напряженными были действия корпуса Толстого, хорошо повествует журнал подпоручика 20-го егерского полка:

«Квартира в Людвигсбурге; чувствительный и благородный мой поступок с прекрасною дочерью хозяина замка барона фон-Клинкевистрема...

Город Грибзее [Трибзее. – *Примеч. авт.*], где я, как молодой адъютант, в полной мере старался изгнать сердечную мою любовь, которою я заразился в Людвигсбурге...

Приход полка в город Гноен, где я, хотя себя показать, упал на всем скаку с потыкливой моей лошади, вывихнул себе ногу и несмотря на боль пригласил тамошних дам ночью расхаживаться по грязным улицам и сделал страшную дерзость в одном купеческом доме...

Смотр на равнине при Панцове, представленный графом Остерманом-Толстым герцогу Мекленбургскому. Завтрак генералитету, штаб и обер-офицерам, обед и порция рядовым.

Герцог своею любезною и приветливою оригинальностью, герцогиня его жена важною холодностью, а Шарлотта томно-важною красотою отличались.

Пребывание в Шверине, представление герцогу и его фамилии, любовные проказы... самое забавное приключение между мною же и офицерами нашего полка; прекрасные женщины.

Гольденбоо... два раза пировал в Цюре у премилых хозяйских дочерей.

Бойценбург. Очаровательная красота Каролины, дочери тамошнего обер-ландрата, довела меня и моего товарища Молера к самым чувствительным восторгам изумления, и заманчивая надежда не оставляла и посреди самой реки Эльбы...

Город Блекед, где мы проводили дни наши в неге и роскоши, а притом и в бесполезном желательстве воспользоваться благосклонностью супруги тамошнего бальи господина Вензее...

Город Люнебург. Там я в первый раз увидел главнокомандующего нашим десантным корпусом генерала Толстаго. Это был придворный человек, которого разум был весьма ограничен. Там я, у него отобедав, был в театре...

Геменлинген. Там я познакомился с генерал-майором Кожиным, остроумным, забавным и распутным человеком...

Город Ниенбург. Занявши все пространство Ганноверского электорства до самого Везера и не находя нигде неприятеля кроме крепости Гамельн, которой нельзя было овладеть вооруженною рукою, наш полк был отряжен к авангарду для дальнейшего наступления и занятия стран, прилежащих к Голландии.

Местечко Либенау. Чудесная моя интрига с сумасшедшею от любви обладательницею баронессою фон Габр, которая требовала потом, чтобы я на ней женился.

Местечко Зулинген. Тамошние дамы весьма благоприятны к нашим офицерам. Матильда, дочь почтмейстера; затеянный нашего полка офицерами бал, для которого мы не щадили ни денег, ни волокитства нашего»^[719].

К концу ноября – началу декабря 1805 г. корпус Толстого продолжал ожидать прибытия англичан и шведов. К крепости Гамельн был послан отряд, который «наблюдал» за ней. Главная квартира корпуса расположилась у города Ниенбург. О последнем у бравого офицера 20-го егерского сохранилось лишь следующее воспоминание: «Картежная игра у моего шефа; я выигрываю 600 червонцев, из которых 100 лишаюсь на верном проигрыше в вертун. Роскошь, нега и распутная моя жизнь лишают меня не только денег, но и, временно, здоровья»^[720].

18 декабря 1805 г. в Люнебурге состоялся военный совет в присутствии шведского короля, графа Толстого, английского генерала лорда Каткарта и генерала Дона. Высокие персоны, удовлетворенные развитием военных операций, приняли единогласное решение о дальнейших действиях. «В ожидании, пока просохнут дороги, ограничиться обороною

переправ через Эмс и овладеть Гамельном, а когда заморозки стянут землю, идти к нижнему Рейну»^[721].

Дождаться, пока просохнут дороги, не удалось... В этот же день из Моравии прискакал адъютант императора Александра князь Павел Гагарин, который привез известия, опрокинувшие все расчеты союзных генералов, нарушившие неторопливый ход «военных действий» на севере Германии и в Неаполе, перевернувшие все планы эрцгерцогов Карла и Иоанна...

Глава 13. Накануне

Теория обязана считаться с человеческой природой и отвести подобающее место мужеству, смелости и даже дерзости. Военное искусство имеет дело с живыми людьми и моральными силами. Отсюда следует, что оно никогда не может достигнуть абсолютного и достоверного.

К. фон Клаузевиц. О войне

Несмотря на огромные силы сражающихся армий на всем пространстве европейского континента, исход борьбы решился все же на равнинах Моравии. 22 ноября 1805 г. русская императорская гвардия вступила в Ольмюц и соединилась с армиями Буксгевдена и Кутузова. В три часа дня был проведен гигантский смотр всех союзных войск на широкой равнине неподалеку от стен города. На правом фланге длинных линий пехоты и конницы стояли русские гвардейцы и войска Буксгевдена, в центре – полки Кутузова, а на левом крыле – австрийские части. Вышло яркое солнце, и появление русского и австрийского императоров в окружении многочисленной свиты было встречено войсками громовым «Ура!». Настроение армии было бодрое. Всех охватило чувство подъема и веры в победу.

Действительно, стратегическая ситуация отныне в корне изменилась. Только союзная армия, собранная под стенами Ольмюца, насчитывала в своих рядах около 86 тыс. человек^[722]. При этом на помощь шли новые и новые полки. Буквально через две недели к союзникам могла подойти армия Беннигсена (18 тыс. человек)^[723], а еще ближе, всего лишь в нескольких переходах от главных сил, находился корпус Эссена в 12 тыс. человек. В 120 км к западу располагался корпус эрцгерцога Фердинанда (около 15 тыс. человек), а меньше чем в 100 км к югу – остатки австрийского корпуса Мерфельда (4,5 тыс. человек). Только объединение этих сил могло дать в руки союзного командования массу более чем в 135 тыс. человек.

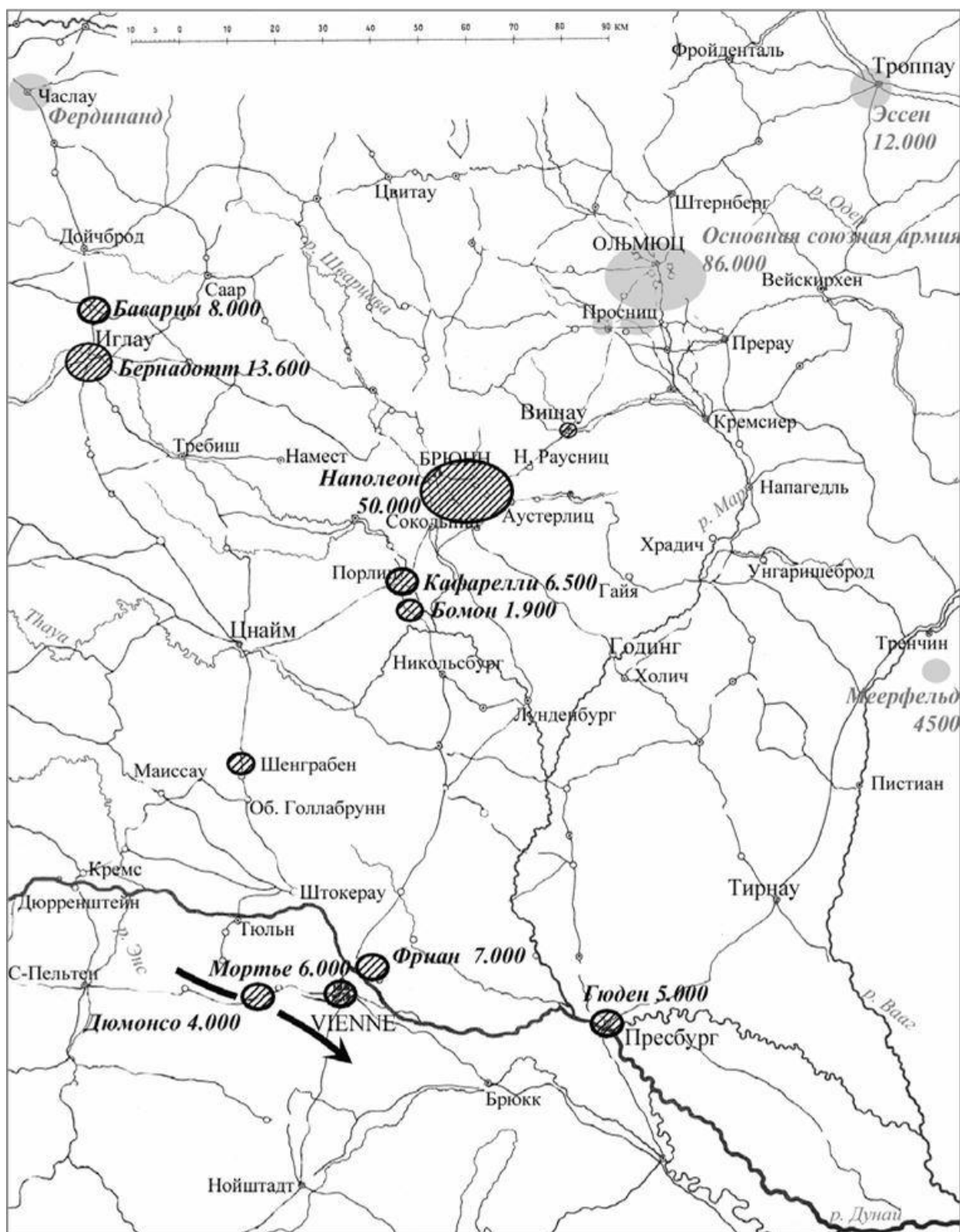
Как следует из предыдущей главы, в Италии и Тироле французы добились успеха. Однако для главного театра военных действий этот успех не дал непосредственного выигрыша и на какое-то время обернулся даже другой стороной. Оторвавшись от преследования Массена, вот-вот могла появиться в Моравии 80-тысячная армия эрцгерцогов Карла и Иоанна.

Что касается севера Германии, то дела здесь, как уже указывалось, развивались явно не в пользу французов. Из Ганновера в скором времени могла двинуться 56-тысячная русско-шведско-английская армия. Но это было еще не все. Как уже отмечалось, хотя прусский король и не спешил присоединиться к союзу против Наполеона и всячески оттягивал этот момент, его приготовления были близки к завершению. 120-тысячная прусско-саксонская армия могла уже примерно через месяц обрушиться на коммуникации наполеоновских корпусов, а общее количество войск, которых пруссаки могли выставить для ведения войны, составляло 185 тыс. человек, к ним нужно добавить 48 тыс. солдат в резервных соединениях.

Против этих гигантских масс у Наполеона в окрестностях Брюнна было всего лишь около 50 тыс. человек.

Стремясь подтянуть разбросанные по огромному пространству войска, Наполеон отдал 24 ноября приказ, очень в стиле французской армии эпохи Империи, где чувству чести и сознательности солдат отводилась большая роль. Приказ гласил: «Желанием императора

является дать небольшую передышку войскам. Командиры частей должны использовать ее, чтобы починить обмундирование и обувь, вычистить оружие и собрать всех солдат. Командиры составят список всех отсталых без уважительной причины, они должны порекомендовать солдатам пристыдить отстающих, ибо во французской армии самое сильное наказание – это не иметь возможности разделить со своими соратниками опасности и славу, это позор, которым покроют отсутствующих товарищи по оружию. Но император уверен, что все отставшие при первых же выстрелах присоединятся к своим полкам и встанут под знамена... Император рекомендует также всем бойцам позаботиться о том, чтобы у них был штык – любимое оружие французского солдата»^[724].

Расположение армий накануне Аустерлица

Но, даже собрав всех отставших, все французские и баварские соединения, разбросанные от Каринтии до Богемии, император мог располагать лишь чуть более 110 тыс. солдат.

Таким образом, время работало на союзников. Это еще не значит, конечно, что в их интересах было затягивать войну до бесконечности. Однако не начинать тотчас же решительные действия представляло для них очевидную выгоду. Наполеон мог пополнить

свою армию в течение ближайших недель лишь незначительными подкреплениями, а его противники могли усилиться настолько, что в их руках оказалось бы подавляющее численное преимущество.

Вероятно, на месте императора французов любой другой полководец оказался бы подавлен самим ожиданием огромной опасности, нависшей над ним со всех сторон.

Следует добавить, что пытаться атаковать союзников под Ольмюцом было также крайне рискованно. Ольмюц был хорошо вооруженной крепостью, а позиция, которую занимали союзные войска, исключительно удобна для обороны.

«Армия... была размещена на позиции за деревней Ольшау, – писал участник этого похода, уже известный нам полковник Штуттерхайм. – Местность... представляла большие выгоды. Позиция опиралась на гряду высот... так что можно было на целое лье вперед видеть, что делает неприятель. Эти возвышенности со стороны фронта имели пологие склоны, так что артиллерийский огонь с них был бы очень эффективным. Позади позиции находились широкие, но не глубокие овраги, удобные для того, чтобы скрыть в них резервы... На гребне холмов были господствующие высоты, на которых многочисленная артиллерия союзников могла быть употреблена с большим успехом. Болото прикрывало правое крыло и часть центра; река Блата текла вдоль фронта у подножия высот... В общем, местность повсюду препятствовала наступающему и имела выгоды для обороняющегося, причем последнему она предоставляла удобные проходы для производства контратаки»^[725].

Трудно было надеяться одержать сокрушительную победу, атакуя численно превосходящую армию на подобной позиции. С учетом тактического мастерства французов и талантов их полководца Наполеону, вероятно, удалось бы отбросить союзников ценой огромных потерь. Такая победа все равно оказалась бы бесполезной. Союзная армия получила бы через несколько дней огромные подкрепления, а французы оказались бы еще более обескровлены.

Но союзники могли и не принять сражения, а вместо этого отступить еще на несколько переходов и растянуть до гигантских размеров и без того длинную коммуникационную линию французов.

Поэтому перед императором со всей остротой встал вопрос, что делать дальше. План, который принял Наполеон в этой обстановке, выдающийся французский историк Колен назвал «Планом императора для кампании в Моравии». Согласно Колену, этот план можно резюмировать следующим образом: избрав пассивную форму действий, спровоцировать союзников на преждевременное наступление и нанести сокрушающий контрудар по их обходящему южному крылу.

Колен цитирует фразу Наполеона: «В моравской кампании император понял, что русские, не располагая выдающимся главнокомандующим, должны были считать, что путь отступления французской армии идет на Вену. Они должны были придавать большое значение тому, чтобы перерезать эту дорогу»^[726]. И заключает следующее: «Когда союзники примут решение двинуться, чтобы атаковать нашу армию, Наполеон должен был собрать все свои войска у подножия гор на пространстве одного квадратного лье. Он собирался сделать практически невозможным обход его слева [с севера. – *Примеч. авт.*], трудной атаку с фронта, однако стремился вызвать в неприятеле желание обойти его с юга. Этот соблазн должен был быть столь естественным и сильным, что он считал, что противник не сможет сдержаться от подобного искушения... Если союзники двинутся, чтобы обойти его справа... он ударит во фланг вражеским колоннам на марше и отбросит их к югу»^[727].

Таким образом, Наполеон не просто готовился контратаковать неприятеля, но знал почти точно, где союзники будут его обходить и как и куда он нанесет им стремительный удар. К сожалению, выводы даже такого знаменитого и хорошо информированного историка, как Колен, базируются не на документах, предшествовавших Аустерлицкой битве, а на заметках императора к реляции Кутузова, написанных, разумеется, много месяцев спустя после событий.

Сотни других историков, писавших о грандиозной битве в Моравии, действовали по такому же алгоритму. Так называемый план моравской кампании целиком и полностью основывается на источниках, исходящих от пусть даже очень хорошо информированных людей, но написанных после сражения, зачастую спустя многие годы. К этому времени уже давно сложилась легенда, согласно которой Наполеон предвидел все до мельчайших деталей и точно предугадал все, что сделает неприятель. В самой гипертрофированной форме это видение событий можно встретить в ряде популярных произведений и, в частности, в кино. В знаменитом фильме Абея Ганса «Аустерлиц» Наполеон уже в Булонском лагере заявляет о том, что он разобьет неприятельскую армию под Аустерлицем! Навряд ли нужно доказывать, что император даже и отдаленно не мог себе представить, что ему придется воевать в Моравии, а название маленького городка, ставшего впоследствии знаменитым, ему и в помине тогда не могло прийти в голову.

Из существующих источников, написанных накануне битвы, можно заключить только одно: император понимал, что для французской армии невозможно далее наступать и потому необходимо любой ценой заставить перейти в наступление неприятеля до соединения всех его сил. Он также хорошо знал, что его армия превосходит противника по своим маневренным качествам, а в ее рядах нет полководца, равного ему. Союзники неизбежно должны были совершить тот или иной просчет, и он не сомневался, что умело его использует. Вот и весь план моравской кампании. Все остальное – это домыслы *post factum*.

Для того чтобы понять, насколько слабо можно доверять заметкам Наполеона, когда речь идет о плане действий, достаточно привести только один пример. Говоря о том, что он не боялся быть отрезанным от пути на юг, на Вену, он пишет: «...путь отступления армии во время всей моравской кампании никогда не был направлен на Вену»^[728]. Император явно лукавит: главная коммуникационная линия шла именно на Вену. Разумеется, французская армия могла отступить не только на австрийскую столицу. Она имела возможность совершить отход на Цнайм, а затем на Кремс. В любом случае, ей нужно было вернуться в долину Дуная, где находились все депо и склады армии, а для этого пришлось бы отступать в южном или почти южном направлении. Таким образом, совершая обходной маневр с юга, союзники действительно угрожали своим обходом операционной линии французской армии.

Если с Коленом сложно согласиться относительно деталей плана Наполеона, то нельзя не отметить, что этот замечательный историк блистательно охарактеризовал общий смысл происходящего. «Наполеон ставил все на карту. Он впоследствии всегда старался доказать (и, может быть, убедить себя самого еще больше, чем потомство), что его действия соответствовали неким абсолютным принципам искусства... но ему иногда приходилось играть с фактами, чтобы подтвердить свои соображения. В действительности его наполняло ощущение того, что он превосходит своих противников... Он ожидал врага и дал ему битву в известных условиях, потому что он не мог себе представить, что не добьется победы»^[729].

Действительно, как император, так и его солдаты были пронизаны тем чувством, которое Клаузевиц блистательно охарактеризовал словами «полнокровное чувство победы», то есть такое состояние, когда уверенность в своих силах, умение и желание драться таковы, что люди не могут себе представить другого исхода, кроме победы. Это не просто порыв энтузиазма, это пронизывающая до глубины души вера в себя, в своих товарищей по оружию, в своего полководца.

Единственное, в чем мог сомневаться Наполеон, – сумеет ли он заставить союзников перейти в наступление, удастся ли сделать так, чтобы они поверили в его слабость. Для этого у императора был широкий арсенал средств. Для начала он намеренно оставил у Брюнна лишь около 50 тыс. человек. Внешне расположение Великой армии казалось очень разбросанным, на самом деле, занимая центральное положение, используя привычку своих солдат к быстрым маршам, Наполеон мог за короткое время подвести к месту решающего столкновения дополнительно не менее 20–25 тыс. человек. Все зависело от сроков – необходимы были сутки для того, чтобы сосредоточить войска, расположенные в окрестностях Брюнна, через двое суток он мог увеличить свою армию до 70 тыс. человек^[730].

Однако внешне французская армия выглядела малочисленной. Император не довольствовался этим. Он выдвинул далеко вперед к Вишау (30 км от Брюнна к востоку) гусарскую бригаду Трейяра (300 человек). Этот отряд был таким маленьким и изолированным, что он словно провоцировал союзников на атаку. Но самым главным было то, что Наполеон ограничился исключительно пассивными действиями. Все это настолько отличалось от его обычного стиля ведения войны, что у его противников не могло не сложиться впечатление, что Великая армия отныне опасается столкновения, а ее полководец застыл в опасливой нерешительности.

Результат превзошел все ожидания. Молодой царь и его окружение попались на приманку. Позже известный русский историк Михайловский-Данилевский будет утверждать, что решение о наступлении было принято в результате предательской деятельности австрийцев, стремившихся погубить русское войско. Михайловский-Данилевский писал: «...лица, имевшие влияние в Венском Кабинете, разделяли общее мнение в Австрии о невозможности победить Наполеона, думали, что продолжение борьбы с ним навлечет страшные бедствия на монархию... Скорее желая избавиться от несчастий, тяготевших над государством, и тех, какие предвидели, они хотели мира. Препятствием к достижению сей цели был Император Александр. Потому вознамерились они ввести его армию в сражение, не могшее стоить дорого их соотечественникам»^[731].

Сульц	Пех. див. Сент-Илера	8000	У Порлица и Никольсбурга	Дивизия Кафарелли	6500
	Пех. див. Вандамма	7900		Дивизия Бурсье	1900
	Пех. див. Леграна	7300	Под Веной	Дивизия Фриана	7000
	Кав. Маргарона и Мильо	1400	Вокруг Иглау	Бернадотт	13 600
	всего 25 600			Баварцы Вреде	8000
				всего ок. 21 600	
Ланн	Пех. див. Сюше	7000	В Прессбурге	Дивизия Гюдена	5000
	Пех. див. Удино	5700	В Вене	Мортье	6000
	Кавалерия Трейяра	300	В Голлабрунне	Драг. див. Клейна	1100
	всего 13 000		В Леобене	Мармон	9000
Мюрат	Дивизия Нансути	1500	У Нейштадта	Дюмонсо	4000
	Дивизия Д'Опуля	1100			
	Дивизия Вальтера	1300			
	Дивизия Бомона	1900			
	всего 5800				
Гвардия	Пехота и кавалерия	5000			
	всего 49 400				

Вот уж поистине с больной головы на здоровую! Вовсе не коварные австрийцы, а юные друзья царя и прежде всего 28-летний князь Петр Петрович Долгоруков. Красавец князь был заводилой в клане молодых людей, которые больше всего влияли на решения Александра I. Царь не слушал разумных советов Кутузова, зато полностью доверял мнению своих фаворитов. Генерал Ланжерон, французский эмигрант, служивший тогда в рядах русской армии, очень точно охарактеризовал тогдашние настроения в русском штабе и отношение Александра I к опытным генералам. Он «...мало уважал их, редко принимал, мало говорил с ними, оставляя для пяти-шести юных фаворитов, для своих адъютантов все свои милости, он предавался с ними фамильярности, оскорбительной для старых генералов, которые видели, как все, даже вплоть до их манер, высмеивается этими детьми, влияние которых распространялось повсюду»^[732].

Долгоруков и его приятели были почему-то абсолютно уверены, что Наполеон в испуге. «К сожалению, лица, окружавшие Императора Александра, и даже ближайшие сотрудники

его разделяли преувеличенное понятие о непобедимости русских войск и заранее торжествовали успех над “корсиканцем Бонапартием”... – писал выдающийся русский историк М. И. Богданович. – В особенности же утвердило в этом мнении молодых советников Александра бездействие Наполеона у Брюнна. Что могло заставить его изменить свою обычную систему войны? Почему он не шел далее? В главной квартире союзников многие полагали, что единственной причиной тому было влияние дел при Кремсе и Шенграбен, поколебавшее решимость французов и самого Наполеона; некоторые, увлекаясь пылкостью воображения, уверяли, что неприятельская армия, утомленная форсированными переходами и ослабленная уроном в боях, была преисполнена негодованием к Наполеону»^[733].

Без сомнения, шапкозакидательские настроения в окружении царя сыграли огромную роль в принятии дальнейшего решения, однако без политической составляющей этой войны правильно понять произошедшее невозможно. Как уже неоднократно отмечалось, Александр I был главным инициатором и, можно сказать, автором войны 1805 г. Прибыв на театр войны, он должен был платить по векселям. В случае его отказа от решительных действий у австрийского императора мог появиться законный вопрос о том, что же представляет из себя его союзник, который так усердно толкал его к войне. Если он не хочет ничего предпринимать, быть может, стоило как можно раньше отказаться от подобного союза и поскорее заключать сепаратный мир с французами. Это означало бы полную катастрофу всего того, к чему так стремился молодой царь. Александр I был не столь наивен, как принято думать. Быть может, он лучше других видел именно эту, политическую, сторону вопроса. И если чисто с военной точки зрения наступление было абсурдным, то с политической дело представлялось несколько иначе.

В эти дни в ставку Наполеона снова прибыли австрийские представители граф Стадион и граф Гиулай. Конечно, они были отправлены во французскую главную квартиру с согласия русского царя, более того, в письме, которое они вручили императору французов, говорилось о том, что австрийские уполномоченные действуют с позволения и, можно сказать, благословения Александра I. На самом деле, царь не мог быть уверен в том, как пойдут дальше переговоры, учитывая всеобщую усталость в Австрии от войны.

Во французском военном архиве хранится письмо от информатора, близкого, вероятно, к австрийскому штабу. Документ датирован 19 ноября 1805 г. В этом послании на плохом французском языке говорится о настроениях в австрийском верховном командовании: «С тех пор как он (Франц. – *Примеч. авт.*] прибыл в Ольмюц, он готов на любые жертвы, только бы заключить мир»^[734]. Так что опасения царя на этот счет не были безосновательны.

Ко всему прочему добавилось еще одно обстоятельство. Союзникам не удалось наладить нормальное снабжение продовольствием. «Войска, не находя продовольствия, грабили, отчего жители разбегались, и последние только еще более усиливали грабеж»^{[735][736]}. Это, кстати, еще более увеличивало напряженность между союзниками. Русские утверждали, что их морят голодом, австрийские чиновники заявляли, что с такой неорганизованной армией невозможно работать. В результате оставаться в оборонительном положении было не так-то просто, как это может показаться.

Тем не менее Кутузов предлагал расположить войска в окрестностях Ольмюца по деревням так, чтобы они имели возможность в случае необходимости сосредоточиться в течение 24 часов.

Генерал Сухтелен, генерал-квартирмейстер русской армии, предлагал двигаться в юго-восточном направлении на Венгрию, чтобы как можно быстрее соединиться с армией эрцгерцогов Карла и Иоанна. Генерал Ланжерон, напротив, предлагал двигаться на северо-запад, в Богемию, чтобы соединиться с войсками эрцгерцога Фердинанда и генерала Беннигсена.

Однако свита молодого царя, которая фактически отстранила Кутузова от командования армией, приняла другое решение – идти прямо на Наполеона. «Решено было покинуть Ольшау, – писал Ланжерон, – не дожидая даже Эссена, и идти навстречу противнику.

Напрасно Кутузов, Сухтелен, Буксгевден, австрийские генералы, князь Карл Шварценберг, князь Иоанн Лихтейнштейн противились этому плану, напрасно старались они доказать необходимость повременить и оставаться там, где мы были: сражение было решено. Сухтелен был удален из совета; Вейротер сделался главным деятелем»^[737].

Генерал-квартирмейстеру союзной армии генерал-майору Францу Вейротеру (1755–1806) предстояло сыграть одну и заглавных ролей в исторической драме, развернувшейся на полях Моравии. О нем стоит поэтому сказать несколько слов. Это был человек образованный и лично храбрый. Он участвовал в битве при Нови (15 августа 1799 г.) под командованием Суворова и был отмечен великим русским полководцем. Но при этом он представлял собой самый яркий пример педантизма школы Гофкригсрата. Вейротер был вылеплен из того же теста, что и Макк, и Шмидт. Схоластик, оторванный от жизни и педант. Кстати, ему принадлежит неудачный план маршрута Суворова по Швейцарии. Он же ранее составил абсурдный план для армии Альвинци, разбитой молодым Бонапартом при Арколе в ноябре 1796 г.

При этом Вейротер обладал скверным характером: «Жесткий, грубый, – писал о нем Ланжерон, – высокого мнения о собственных заслугах, самолюбивый до крайности, он имел все недостатки выскочки. Вейротер не пользовался ни среди своих соотечественников, ни среди своих товарищей репутацией, которая оправдывала бы доверие к нему»^[738].

Тем не менее этот человек сумел завоевать расположение царя и его юных фаворитов. Именно ему Александр I отныне фактически вручил судьбу русской армии, и это несмотря на то, что в ее рядах была масса выдающихся генералов: Кутузов, Багратион, Милорадович, Дохтуров...

Ларчик открывается просто – Вейротер добился расположения царя во многом по той же причине, по которой Макк получил неограниченные полномочия от императора Франца: своими схоластическими, наукообразными речами он создал впечатление необычайно умного человека, но самое главное – он говорил то, что хотели от него услышать Александр и его приближенные.

С этого момента можно смело сказать, что Кутузов был практически отстранен от командования армией. Как всегда дипломатичный, Михаил Илларионович не стал спорить и тихонько ушел в сторону. Формально оставаясь главнокомандующим, он отныне лишь просто находился при армии. Так как в России Кутузов позже превратится в икону, русские и особенно советские историки по этому поводу также обычно дипломатично молчат. Наверное, стоит сказать, что в своем придворном умении угодить Михаил Илларионович зашел слишком далеко. Русскую армию не просто двинули вперед на крайне опасное предприятие, но и руководство в ходе наступательного марша осуществлялось из рук вон плохо (см. ниже). Как главнокомандующий, Кутузов не имел права молчать по этому поводу.

Решение о переходе в наступление было принято, и оно должно было начаться 24 ноября. Но оказалось, что заготовленный все-таки кое-какой провиант может быть завезен только на следующий день, поэтому выступление было задержано до 26-го. Когда же с провиантом разобрались, выяснилось, что не все командиры колонн получили диспозицию и некоторые понятия не имеют о том, что им нужно делать. Пришлось задержаться еще на сутки. Наконец, утром 27 ноября пятью колоннами, шедшими параллельными маршрутами, союзные войска выступили по направлению к Брюнну.

В тот момент, когда Александр и его свита собирались покинуть Ольмюц, чтобы отправиться вслед за армией, царю доложили, что его желает видеть неординарный проситель. Это был генерал Савари, адъютант императора французов. На рассвете 26 ноября Наполеон вызвал Савари в свой рабочий кабинет и поручил ему необычную миссию. «Отправляйтесь в Ольмюц, – сказал император, протягивая пакет своему адъютанту. – Вы вручите это письмо русскому императору. Скажите ему, что, узнав, что он прибыл к армии, я послал вас, чтобы засвидетельствовать ему мое почтение... Если он будет задавать вам вопросы, вы знаете, что отвечать»^[739].

«Сир, я посылаю своего адъютанта генерала Савари, – с подчеркнутым почтением^[740] писал Наполеон в письме царю, – чтобы поздравить Ваше Величество с прибытием к армии. Я поручаю моему адъютанту выразить Вам все мое уважение и сообщить Вам, насколько я хотел бы снискать Вашу дружбу. Примите же это послание с добротой, которая Вас отличает, и помните, что я являюсь тем, кто несказанно желает быть приятным Вам...»^[741]

Миссия Савари была блистательным политическим и стратегическим шагом Наполеона. Чтобы понять это, нужно опять вспомнить политическую составляющую. Как уже не раз отмечалось, Наполеон в течение долгого времени искал и добивался союза с Россией. Уверенный, что Александр начал войну, подталкиваемый своим англофильским окружением, он считал, что судьба дала ему поистине уникальный шанс встретиться с молодым царем, рассказать ему о своих чувствах и планах, вырвать его своим очарованием из цепких лап «злых советников» и заключить с Россией мир и союз. Нет сомнения, что в случае успеха этого демарша Наполеон увенчал бы кампанию политическим триумфом. Ясно, что после побед в Баварии, Тироле и Италии, после взятия Вены мир никак не мог быть неблагоприятным для Франции.

В случае отказа Александра от переговоров миссия Савари также не могла быть бесполезной. В такой ситуации Наполеон еще раз бы показал царю, что он боится столкновения. Это должно было еще более раззадорить боевой пыл молодежи, окружавшей Александра, еще вернее увлечь русскую армию в наступление и тем самым заставить ее командование наделать еще больше ошибок.

Савари с трубачом прибыл на аванпосты перед Вишау и в скором времени был препровожден в штаб Багратиона. На следующий день 27 ноября в восемь утра его сопроводили в предместье Ольмюца в дом, где располагался Кутузов. Французский посланник заметил, что в доме главнокомандующего все готовились к отправлению и что армия явно выступает в поход. Кутузов предложил Савари передать депешу ему, но адъютант Наполеона наотрез отказался. Он сказал, что в этом случае он вынужден будет вернуться обратно. Михаил Илларионович не стал настаивать и оставил Савари дожидаться.

«Меня окружала целая толпа молодых русских чиновников и офицеров, – вспоминал адъютант императора. – Они говорили на разные лады об амбициях Франции и в проектах уже делили шкуру неубитого ими медведя. В моем положении я должен был слушать молча всю эту болтовню, и я ничего не отвечал»^[742].

Внезапно на улице раздался какой-то шум и голоса многих людей. Прибыл сам император Александр со свитой. Савари едва успел скинуть походный плащ и вынуть из папки депешу, как молодой царь вошел в комнату и властным жестом приказал всем удалиться.

«Природа щедро одарила его, – написал генерал в своих мемуарах о русском императоре. – Трудно было бы найти человека столь красивого и изысканного... Я почувствовал глубокое сожаление из-за того, что он ввязался в столь плохие дела... Он говорил на французском языке во всей его чистоте, без всякого иностранного акцента и красивыми академическими выражениями. В манере говорить все было подчеркнуто сдержано, легко можно было догадаться, что это плод тщательного воспитания»^[743].

Савари вручил Александру депешу, и тот удалился с ней. Через полчаса молодой царь вернулся и все с той же изысканной любезностью и улыбкой вручил адъютанту свой ответ. «Сударь, скажите вашему господину, что чувства, которые он выразил в своем письме, доставили мне искреннее удовольствие, и я сделаю все, что зависит от меня, чтобы ответить ему тем же...»

Несмотря на столь благожелательное вступление и любезный тон, суть речи царя была далека от желания заключить мир, а уж тем более союз. Да и письмо Александр передал, почему-то держа конверт адресом вниз. Когда Савари взглянул на обратную сторону конверта, он с удивлением увидел, что вместо «Императору Наполеону» на конверте было написано «Главе французского правительства». «Я не придаю значения этим пустякам, – все

так же мило улыбаясь, произнес Александр, обращаясь к изумленному адъютанту. – Но это всего лишь правило этикета...»

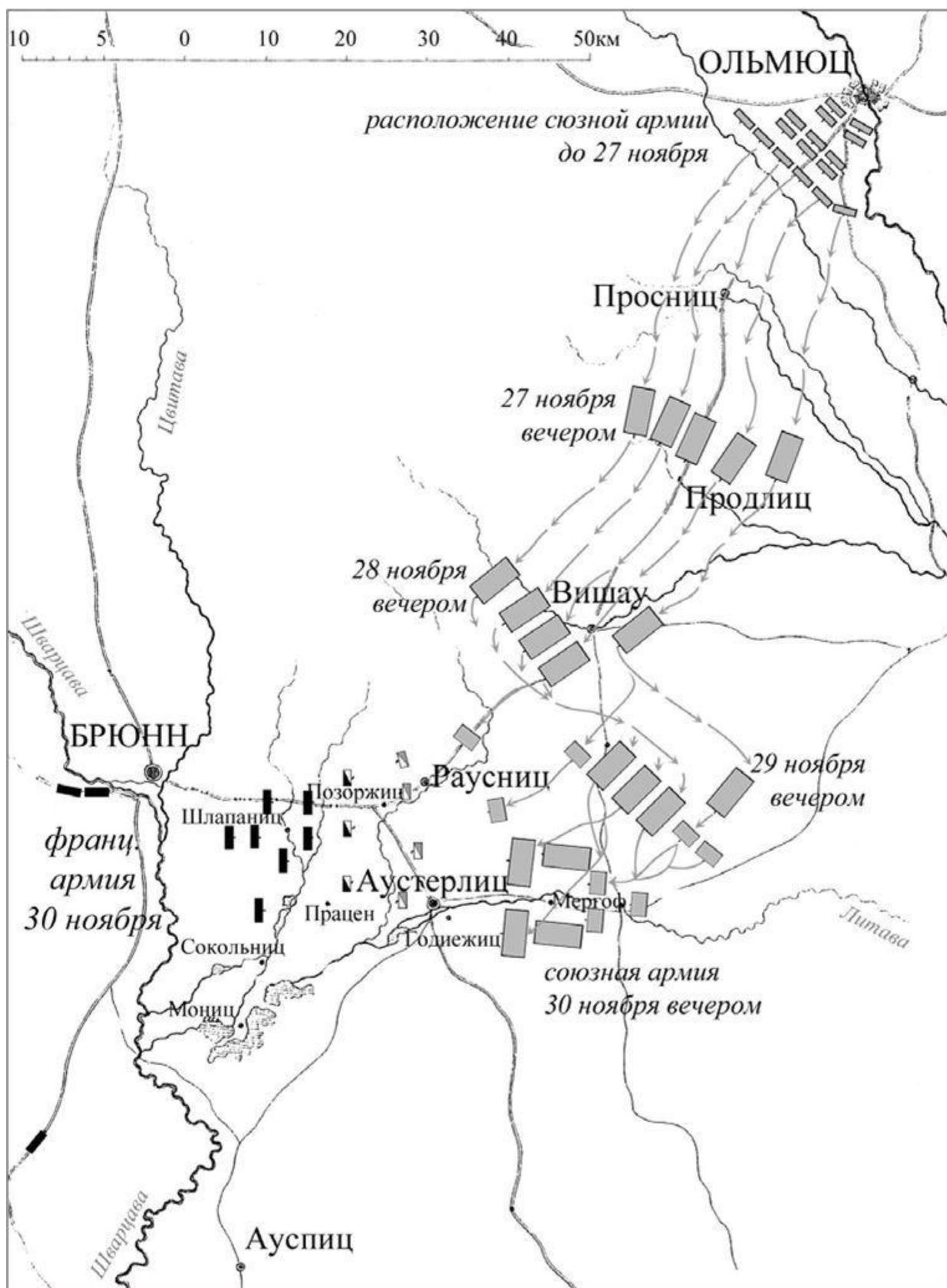
Нужно сказать, что адъютант был из тех, кто не лез за словом в карман, и он, не смутясь, ответил: «Ваше Величество, вы, без сомнения, правы – это всего лишь правило этикета. Император не подумает об этом иначе. Будучи главнокомандующим Итальянской армией, он командовал многими королями. Он счастлив тем, что его поддерживает французский народ, и этим он больше всего дорожит. Тем не менее я передам ему последние слова Вашего Величества»^[744].

В то время как Савари беседовал с Александром, союзная армия шла вперед на всем фронте. Однако в этот день для того, чтобы скрыть как можно дольше начало наступления, авангард Багратиона оставался на своем месте. Главные силы союзников прошли около 18 км и остановились непосредственно позади передовых частей. На следующий день, 28 ноября, авангард и за ним вся армия двинулись по направлению к Брюнну.

Как уже отмечалось, французские передовые части стояли в местечке Вишау. Тремя днями раньше на рассвете русская кавалерия и казаки произвели внезапное нападение на французских гусар. Но те закрепились в городке и дрались до тех пор, пока к ним на помощь Мюрат не привел дивизию Вальтера. Командующий французской конницей после этого случая решил усилить свой авангард. В помощь гусарам Трейяра он оставил 6-й драгунский полк. Впрочем, несмотря на это, авангард, стоявший более чем в 30 км от Брюнна, был малочисленным. Гусарская бригада Трейяра была бригадой только по названию. По состоянию на 22 ноября в ней было всего 306 человек, что меньше даже нормальной численности кавалерийского полка. А в 6-м драгунском на этот же день было всего лишь 219 человек.

Утром 28 ноября трубачи бригады Трейяра надрывно сыграли тревогу. Прямо по дороге на французские аванпосты шли массы русских войск. Центральную колонну, состоявшую из 12 батальонов пехоты, вел уже упомянутый нами молодой адъютант царя князь Петр Долгоруков. Южнее дороги быстро продвигались массы русской кавалерии: две колонны, в которые входило 56 эскадронов. Всего около 12 тыс. всадников и пехотинцев (!) под общим командованием князя Багратиона.

Нетрудно себе представить реакцию генерала Трейяра. Его солдаты вскочили, кто как мог, на коней и бросились вон из Вишау. Большой части французского отряда удалось прорваться, однако один эскадрон драгун, застигнутый врасплох в пешем строю, был вынужден сдаться. В плен попало три офицера и 60 солдат.

Наступление союзной армии накануне Аустерлица

Чтобы прикрыть отступление гусар Трейяра, по тревоге была поднята конно-егерская бригада Мильо, располагавшаяся недалеко от Вишау, и драгунская дивизия Вальтера. Впрочем, и эти отряды были слишком малы по сравнению с авангардом союзников. Бригаде

Мильо^[745] особенно досталось. Русские кавалеристы атаковали ее со всех сторон во время прохода через овраг по мосту в деревне Лулеч.

Вот что командир бригады докладывал начальнику штаба резервной кавалерии генералу Бельяру: «Необходимо отметить, что в момент, когда я понял необходимость отступления, я послал моего адъютанта, чтобы передать драгунскому полку, занявшему позицию слева от дороги поблизости от большого постоянного двора, чтобы он оставался на позиции несколько минут, дабы угрожать тылу вражеской кавалерии, направившейся на мой правый фланг. Но мне ответили, что полк получил приказ отступать, и тотчас же драгуны пошли рысью через овраг, который находился позади нас. Только полковник Гюйо, один со взводом своих гусар [9-го гусарского. – *Примеч. авт.*], пришел ко мне на помощь, а вслед за ним другой взвод его полка, который также прискакал в схватку»^[746].

В общем, драгуны ушли, оставив конных егерей с горстью гусар. Мильо продолжает: «Отвага 16-го конно-егерского, который атаковал с яростью по выходу из дефиле, внесла беспорядок в эскадроны русских драгун и остановила на время полчища казаков, которые нас охватывали со всех сторон и которые, к несчастью, при помощи Павлоградских гусар обрушились со всех сторон через проходы между деревенскими домами на 22-й полк, в тот момент, когда он проходил через деревню в колонну по два. Элитный взвод 22-го конно-егерского, который полковник Латур-Мабур оставил у входа в деревню, сражался в жестокой рубке против трехсот конных, но взвод был почти полностью изрублен, и часть солдат попала в плен после отчаянного сопротивления. Этот полк потерял в схватке 40 унтер-офицеров и егерей убитыми или захваченными в плен и трех офицеров. 16-й конно-егерский провел блистательную атаку и потерял в отчаянной рубке 31 рядового и одного офицера»^[747].

Как видно, потери бригады были очень значительными для кавалерийского боя. Конные егеря оставили убитыми, ранеными и пленными почти 20 % своего состава. В общем же французы потеряли несколько сот человек изрубленными и взятыми в плен.

Отдельные кавалерийские стычки, где русские и австрийцы обладали явным преимуществом, продолжались весь день. К вечеру союзники подошли к деревне Раусниц и выбили оттуда французские посты, успешно завершив свое наступательное движение. Багратион в своем отчете рапортовал: «Везде наступающий неприятель превращался в бегство и был истреблен при сем преследовании. Взято в плен много офицеров и несколько сот рядовых, с нашей стороны убит один гусар и ранены офицер и два гусара»^[748].

Еще днем царь соблаговолил лично посетить место «битвы» у Вишау: «Император... когда пальба стихла, шагом и безмолвно объезжал... поле сражения, всматривался посредством лорнета в лежавшие тела, – почтительно рассказывает Михайловский-Данилевский. – Опечаленный зрелищем пораженных смертью и ранами, император весь день не вкушал пищи и к вечеру почувствовал себя нездоровым»^[749].

Как это ни удивительно, небольшая стычка при Вишау произвела на командный состав союзников потрясающее впечатление. В штабе царило ликование, генералы поздравляли Александра I с блестящим успехом, восхищались его личной храбростью. Что же касается «золотой молодежи» из окружения царя, то ее бурная радость не знала пределов. Казалось, что сбываются самые радужные надежды, а старые скептики полностью посрамлены. Отныне для молодых адъютантов царя вопрос стоял уже не о том, как разбить «Буонапарте», это само собой разумелось, а о том, как не дать ему убежать. «Французов теперь нужно не бить, а ловить» – примерно таково было общее мнение юных стратегов.

Словно подтверждая самые оптимистичные расчеты командования, в ночь с 28 на 29 ноября на аванпосты союзников снова прибыл генерал Савари с настоятельным предложением от Наполеона лично встретиться с русским царем.

Все эти события окончательно убедили тщеславного и совершенно неопытного в войне Александра в мудрости «светила» австрийской военной науки генерала Вейротера. Тот же, очевидно, еще больше проникаясь сознанием своей важности, отныне не мог удовлетвориться банальным движением вперед на позиции французов.

Нужно сказать, что, если бы союзники после боя при Вишау не стали бы заниматься стратегическими экспериментами, а просто бесхитростно устремились вперед, ситуация для Наполеона могла осложниться. Конечно, это не было бы так же опасно для французов, как соединение 135-тысячной союзной армии под Ольмюцем, но тем не менее русские и австрийцы имели шанс получить выгоды за счет других обстоятельств. К утру 29 ноября расстояние между передовыми позициями русских и французских войск составляло всего лишь несколько километров. К Наполеону еще не подошли подкрепления, которые он призвал на помощь накануне вечером. Таким образом, он мог противопоставить 86-тысячной армии союзников только 50 тыс. человек.

Хотя бой при Вишау и был ничтожным с точки зрения реальных потерь, но с точки зрения морального фактора им нельзя было пренебрегать. Ведь сам император французов писал, что «на войне три четверти всего – это моральные силы», а верить во что-то, сильно верить – это уже наполовину достичь результата. Пусть стычка под Вишау ничего не значила количественно, пусть действительные результаты были малы, но русские солдаты и офицеры почувствовали подъем. Его можно было использовать – тотчас же ринуться в атаку и с учетом мастерства противника как можно меньше заниматься хитроумными маневрами, а по-русски – «ломить стеной». Быть может, Наполеон и в этом случае нашел бы способ победить союзников. Но скорее всего, он вынужден был бы отойти, что не могло бы не стать причиной серьезного ослабления моральных сил его войск.

Вейротер сделал все как раз наоборот. По его распоряжению союзная армия отныне должна была поставить перед собой задачу отрезать Наполеона от пути отступления. Для этого было приказано совершить бредовый, абсолютно ненужный маневр, продиктованный исключительно схоластическими фантазиями. Нормальными словами его описать очень сложно. Для того чтобы его понять, необходимо посмотреть на представленную схему. Вся армия смещалась на десяток километров влево и на пару километров вперед, сохраняя при этом ориентацию своего фронта. Согласно диспозиции был изменен состав колонн.

К вечеру все было окончательно запутано в лучших традициях Макка и Шмидта. Вместо того чтобы лететь вперед на крыльях победы, войска мешались, пересекались на марше, стояли без дела, проклиная своих командиров. Примерно так же союзная армия двигалась и 30 ноября. «Мы делали небольшие марши, – писал генерал Ермолов, – но таким непонятным образом были они расположены, что редко оканчивали мы их скорее десяти или двенадцати часов, ибо все колонны непременно одна другую перерезывали и даже не по одному разу, и которая-нибудь напрасно теряла время в ожиданиях»^[750]. Генерал Ланжерон рассказывал, что на назначенные места войска «...прибывали поздно, разбрелись затем, чтобы искать продовольствие, грабили близлежащие деревни – беспорядок был в своем апогее», а штаб армии «...по каким-то особым соображениям, нам совершенно недоступным, ежедневно менял состав колонн и до того перепутал полки, что в этих пяти маршах никогда генерал не командовал на следующий день полком, который был у него накануне»^[751].

В результате вместо того, чтобы немедленно дать генеральное сражение, союзники топтались на месте.

По-другому действовал Наполеон. Он знал, чего он хочет и как этого добиться, и поэтому в его армии царили совершенно другие настроения.

С самого начала своего пребывания в Брюнне он твердо решил для себя, что должен будет дать сражение союзникам на обширной равнине, простиравшейся к востоку от города между отрогами гор, ограничивающих поле будущей битвы с севера, и болотистыми берегами реки Литтавы, ограничивающими его с юга. Неоднократно он пересекал вдоль и поперек выбранное им поле, внимательно рассматривая малейшие особенности рельефа. «Господа, – обращался он к своей свите, – изучайте тщательно эту местность. Это будет поле битвы, а вам предназначено сыграть в ней важную роль»^[752].

Как следует из того, о чем говорилось в начале главы, император не мог сказать, каким именно образом он разгромит союзников, но что совершенно очевидно, это должно было быть оборонительно-наступательное сражение. План Наполеона постоянно

модифицировался в связи с обстановкой, но его генеральная линия оставалась неизменной: как только неприятель перейдет в наступление, немедленно собрать в кулак все силы и, используя ту или иную ошибку союзников, нанести им мощный контрудар в слабое место.

О том, насколько далеки от истины легенды о предвидении всех будущих обстоятельств битвы, говорит то, что в случае отсутствия грубых ошибок со стороны неприятеля и недостатка времени для концентрации значительной массы войск Наполеон не исключал отход на новую позицию. Эта позиция была выбрана им на высотах за рекой Шварцовой под защитой пушек Брюннской цитадели. Подобный вариант, разумеется, был запасным и не самым лучшим. Тем не менее император допускал такую возможность. В случае атаки союзников сразу после боя при Вишау императору, очевидно, пришлось бы использовать этот запасной план.

Утром 28 ноября в корпусе Сульта, стоявшем ближе всего к неприятелю, было все спокойно. Корпус занимал позицию вокруг местечка Аустерлиц. Посты дивизии Леграна располагались на высоком холме к северу от Аустерлица, поблизости от часовни Св. Урбана. Штаб маршала разместился в самом Аустерлицком замке. В это время маршал собирался отправиться в Брюнн для встречи с императором. Во дворе замка стояла запряженная карета, ожидавшая Сульта, любившего путешествовать с комфортом. В парадном зале накрывали на стол шикарный обед, ибо маршал был к тому же и гурманом. Однако внезапно со стороны часовни Св. Урбана послышались раскаты четырех пушечных выстрелов. Это был условный знак тревоги. Тотчас же повсюду барабаны забили «генеральный сбор».

Через несколько мгновений маршал Сульт был на коне в окружении своих офицеров. С обедом пришлось повременить. По всему полю поскакали адъютанты, собиравшие разрозненные отряды, а сам маршал поехал на гору Св. Урбана, откуда в подзорную трубу были видны движения неприятеля от Вишау к Раусницу. К вечеру маршал мог уже хорошо рассмотреть многотысячные колонны союзных войск, приближавшиеся к французским позициям. Что же касается последней стычки под Раусницем, она происходила практически у подножия холма, на котором располагался штаб Сульта.

Разумеется, императору сообщили о происходящем еще в первой половине дня. Он тотчас послал своего адъютанта, генерала Лемаруа, чтобы тот доложил об обстановке, а сам вынужден был заниматься политическими вопросами. Около полудня император принял графа Гаугвица, министра иностранных дел Пруссии, который, несмотря на все свое старание ехать медленнее и прибыть на место событий уже после решающей развязки, оказался в штаб-квартире Наполеона еще до битвы. И Гаугвиц, и император понимали, что все решится через несколько дней, и поэтому беседа, о которой одни свидетели писали, что она была очень продолжительной, а другие – что очень короткой, в любом случае была лишь обменом вежливостями. Гаугвиц не посмел предъявить прусский ультиматум, а Наполеон сделал вид, что не знает, зачем к нему прибыл посланник. Император порекомендовал Гаугвицу отправиться в Вену и вести переговоры с министром иностранных дел Талейраном. Было понятно, что разговоры о дипломатии в этот день были не слишком уместны. Все должно было решиться на поле сражения.

Император покинул Брюнн и направился к аванпостам для того, чтобы лично выяснить обстановку. К этому моменту чуть ли не весь штаб Великой армии собрался всего лишь в нескольких километрах к западу от передовых частей союзников у Раусница. Местом импровизированного сбора высшего командования стал домик, стоящий на обочине шоссе Брюнн – Ольмюц. Это здание, Позоржицкая почта, существует и поныне. Здесь, в «главном зале» – единственной большой комнате одноэтажного здания, расположился принц Мюрат со своим штабом. Посланный принцем адъютант предложил маршалу Сульту приехать на почту, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. А еще через некоторое время в «зал», где горел камин и склонились над картой Сульт и Мюрат, вошел маршал Ланн.

Сульт и Мюрат изложили отважному гасконцу ситуацию и объяснили, что единственным выходом из положения является отступление. Легендарный командир французской конницы и знаменитый начальник четвертого корпуса не испытывали страха под пулями и ядрами

врага, зато часто трепетали в беседах с императором. Поэтому они любезно предложили изложить свои мысли маршалу Ланну, тем более что все знали, что последний был личным другом Наполеона. Прямолинейный и честный Ланн согласился и взялся за перо.

Едва только его рука вывела последние строчки письма, как хлопнула входная дверь и на пороге появился сам император.

«Ну что, господа, я вижу, вы себя здесь хорошо чувствуете», – было первыми словами, которые он произнес. «Мы думаем как раз обратное. Я как раз писал Вашему Величеству, чтобы передать это». Император ничего не ответил, взял со стола письмо и молча его прочитал. «Как, – воскликнул он, закончив чтение, – Ланн советует отступление?! С ним такое случается в первый раз. А вы, маршал Сульт?» Сульт дипломатично ответил: «Как бы вы, Ваше Величество, ни употребили четвертый корпус, можете рассчитывать, что он будет всегда стоять двойного числа неприятеля»».

О том, как взорвался маршал Ланн, можно догадываться, зная его темпераментный и прямой характер: ««Я здесь всего только четверть часа и знаю о положении только то, что эти господа мне сказали! На основе их утверждений сложилось мое мнение, и по их настоятельным просьбам я писал Вам; потому ответ маршала Сульта – это... идиотизм, которого я никак не ожидал, который я считаю за оскорбление и за который он мне заплатит!»... Что касается императора, он, словно не обращая внимания на спор маршалов, расхаживал взад-вперед и, внезапно остановившись, сказал: «И я тоже считаю отступление необходимым»»^[753].

Так это было точно или нет, сказать сложно, но, по крайней мере, генерал Тьебо в своих мемуарах утверждает, что он слово в слово записал рассказ свидетеля этой сцены. В любом случае, именно в это время вечером 28 ноября император отдал приказ об отступлении корпуса Сульта за ручей Гольдбах примерно в 10 км к западу от позиций, которые он занимал первоначально. Одновременно Наполеон направил распоряжения корпусу Бернадотта, дивизиям Фриана и Газана, драгунским дивизиям Бурсье, Клейна и Буайе^[754] срочно идти на соединение с главными силами.

В это же время на Позоржицкую почту приехал генерал Савари. Он сам с удивлением вспоминает, что его в темноте пропустили через линию французских аванпостов. Согласно строгим правилам несения караульной службы, никаких парламентаров, даже своих, ночью не пропускали. Савари был удивлен также тем, что он нашел императора и чуть ли не всех маршалов в домике, который располагался всего лишь в 600 туазах (1200 м) от передовых французских постов! Но, встретив Наполеона, его адъютант изумился еще больше. Побеседовав с Савари и прочитав письмо царя, император приказал генералу немедленно скакать обратно к русским и передать Александру, что он предлагает личную встречу завтра в полдень между фронтом воюющих сторон. Одновременно предлагалось заключить перемирие по этому поводу на 24 часа.

Этот демарш был опять-таки блистательным ходом. Наполеон показал, что он готов на все ради мира, что он не оскорбился даже не слишком вежливым посланием царя. Это давало хоть какой-то шанс на возможность заключения выгодного договора, а в случае отказа Александра I подобная просьба еще более должна была разжечь самоуверенность союзного командования. Наконец, перемирие на 24 часа было очень важным, чтобы успеть подвести к полю боя подкрепления.

Савари тотчас же исчез во тьме ночи. Не прошло и двух часов с тех пор, как он пересек линию аванпостов в одном направлении, как караулы обеих враждующих армий пропустили его в противоположном. Впрочем, сразу Савари к царю не попал. Всю ночь его возили с одного бивака на другой в поисках князя Багратиона. Когда же Багратиона нашли, тот заявил, что он не может организовать встречу с царем без согласия главнокомандующего. Тогда Савари попросил немедленно передать записку князю Чарторыйскому. Записку адъютанта Наполеона действительно быстро доставили князю, и в скором времени Савари снова встретился с Александром I. Молодой царь был, как всегда, исключительно любезен, но, судя по всему, разговаривал более холодно, чем в предыдущий раз.

«Я бы с удовольствием использовал эту возможность для встречи, – сухо произнес Александр, – если бы я считал, что его [Наполеона. – *Примеч. авт.*] намерения были таковыми, как вы мне их описываете. Впрочем, времени уже осталось мало, чтобы увидиться сегодня»^[755]. Царь лишь великодушно согласился послать на встречу с императором французов своего адъютанта Долгорукого, самого главного заводителю в среде штабной «золотой молодежи».

В то время когда Савари и Долгоруков поскакали к линии аванпостов, в рядах французской армии все уже давно было в движении. В пять часов утра войска маршала Сульта покинули свои биваки вокруг Аустерлица и двинулись по широкой равнине на запад. Пехота шла, построившись в полковые каре в шахматном порядке с артиллерией и кавалерией в интервалах. «Этот марш напомнил Морану то время, когда французская армия в песках Египта шла в огромных каре среди бесчисленных полчищ мамелюков, – вспоминал генерал Тьебо. – Я же был поражен великолепием этого необычайного зрелища. Трудно представить себе что-либо более величественное, чем эти 30 движущихся масс, которые... развернулись на пространстве более двух лье. В сверкании своего оружия они шли, гордые той медленностью, с которой среди бела дня производилось отступление, и без страха смотрели на линии и колонны вражеской кавалерии, покрывавшие все пространство до горизонта»^[756].

Несмотря на медленность и стройный порядок, движение корпуса Сульта все-таки было отступлением. «Дело, кажется, поворачивается плохо, – проворчал из рядов какой-то старый солдат и, обращаясь к проезжавшему мимо адъютанту, сказал: – Молодой человек, не всегда приходится идти только вперед, вы скоро узнаете, что такое отступление, а может быть, и бегство...»^[757]

Около полудня Савари примчался в штаб императора, расположившийся на небольшом постоялом дворе под названием Кандия в 7 км к востоку от Брюнна. Адъютант доложил о своем свидании с царем и о том, что Долгоруков ожидает встречи у первого французского поста. «Его желание заключить мир было таково, – рассказывает Савари, – что, не дав мне договорить, он вскочил на коня и помчался к передовому посту с такой скоростью, что взвод эскорта с трудом поспевал»^[758].

«Я увидел, как из какой-то канавы навстречу мне вылез маленький человечек, очень грязный и чрезвычайно смешно одетый», – будет рассказывать со смехом о своем randevu с императором князь Долгоруков в штабе союзников. Он также скажет, что «был очень удивлен, когда ему заявили, что это Наполеон»^[759].

Неизвестно, о какой канаве говорил Долгоруков, но что совершенно очевидно, это вызывающий тон, каким молодой адъютант стал беседовать с Наполеоном. «Во время разговора, каждое слово которого мы прекрасно слышали, – вспоминал Сегюр, – император держался спокойно и сдержанно, а Долгоруков, напротив, вел себя с такой надменностью и развязностью, что это могло бы нас разозлить, если бы не вызывало чувство жалости, настолько подобное поведение было смешным и неуместным».

Действительно, как ни старался сдержаться император, он в конечном итоге взорвался. Князь высокомерно заявил, что мир возможен только в том случае, если Наполеон немедленно откажется от Итальянского королевства, от левого берега Рейна и Бельгии, и добавил, что французской армии, так и быть, дадут уйти подобру-поздорову, если она тотчас же эвакуирует Вену и «наследственные владения» Австрийской монархии.

«Уходите! Уходите, сударь, – воскликнул император, – уходите и скажите вашему хозяину, что у меня нет привычки позволять оскорблять себя подобным образом, уходите сейчас же!»

Вернувшись к своей свите, Наполеон нервным жестом несколько раз стукнул по земле хлыстом и произнес в сердцах: «Италия! Они хотят Италию!.. А что же бы они сделали с Францией, если бы я был разбит? Ну что ж, раз они очень хотят, я умоваю руки. И с Божьей помощью, через 48 часов я дам им суровый урок»^[760].

«Произнося эти фразы, – вспоминал Савари, – он пешком дошел до первого пехотного поста нашей армии. Это был отряд карабинеров 17-го легкого полка. Император, продолжая раздраженно говорить, стучал хлыстом по комкам земли, лежавшим вдоль дороги. Часовой, старый солдат, слушая его, спокойно набивал свою трубку, держа ружье между ног. Наполеон подошел к нему и воскликнул: “Эти люди считают, что нас осталось только слопать!” Старый солдат, невозмутимо ответил: “Да ну! Пусть попробуют – мы встанем им поперек глотки”... Эта забавная фраза заставила императора рассмеяться. К нему вернулось хорошее расположение духа, он вскочил на коня и поскакал в штаб-квартиру...»^[761]

Долгоруков привез в штаб союзников известие о том, что «Буонапарте» трепещет. Он рассказал также, что видел, как повсюду французы в страхе окапываются. «Наш успех несомненный, – говорил он, – стоит только идти вперед, и неприятели отступят, как отступили они от Вишау»^[762]. Казалось, действительно, все подтверждало правоту молодых советников Александра. «Французские аванпосты имели такой вид, что они в растерянности и смущены, – вспоминал князь Чарторыйский, прибывший вместе с Александром к армии. – Это поддерживало иллюзии. Постоянно с наших передовых линий приходили рапорты, которые говорили о скором отступлении французской армии. В результате уже думали не столько о настоящем моменте, сколько о будущем, не о том, как разбить неприятеля, а о том, как не дать уйти французской армии и нанести Наполеону смертельный удар»^[763].

На следующий день, 30 ноября, Наполеон уже не сомневался – он не будет отступать, а даст генеральное сражение. Войска, на которые он рассчитывал, подходили со всех сторон. Дивизия Фриана из корпуса Даву выступила из Вены 29 ноября в девять часов вечера и прибыла 30 ноября в десять часов вечера в Никольсбург, пройдя за сутки 70 км. Отдохнув несколько часов ночью, она снова двинулась вперед и 1 декабря была уже поблизости от Брюнна, пройдя еще 45 км. Таким образом, солдаты Фриана меньше чем за двое суток прошли 115 км почти без отдыха! Корпус Бернадотта подошел вечером 30-го числа к окрестностям Брюнна. Драгунские дивизии также были поблизости.

В то время пока французские солдаты, преодолевая усталость и лишения, шли форсированными маршами, союзники с какой-то удивительной неторопливостью продвигались вперед. 30 ноября колонны русско-австрийских войск прошли... около 10 км! В этот день они упустили свой последний шанс атаковать Наполеона до подхода ожидаемых им подкреплений. Вполне понятно, что союзная конница, которая могла за час преодолеть расстояние до неприятеля, просто томилась от безделья и весь день 30 ноября казачьи сотни и эскадроны русских и австрийских гусар маневрировали на пространстве, отделяющем враждующие армии. Со своей стороны, французская кавалерия перешла ручей Гольдбах и также развернулась на широкой равнине. То там, то сям завязывались небольшие конные стычки, французы большей частью уклонялись от боя, укрепляя союзное командование в его самоуверенном настроении.

Император также был весь день в седле. «В течение 30 ноября, – сообщает официальная реляция, – он объезжал холмы и долины между Ауэздом, Праценом и Гиршковицем. Он продвинулся так далеко вперед с небольшой свитой, что казаки напали на взвод его эскорта под командованием Домениля»^[764]. Император посетил также позиции пехоты на крайнем левом фланге. Здесь, между деревней Бозениц^[765] и Брюннским шоссе, возвышается странного вида холм – Бозеницберг. Он похож на кулич, поставленный посреди стола. Небольшого размера, но высокий, с крутыми склонами и почти плоский сверху. Этот холм, на котором стоит небольшая часовня, французы сразу окрестили Сантон. В рядах французских полков было немало ветеранов египетского похода, и им пришло в голову это название, потому что в Египте Сантонами назывались подобные холмы с могилами святых, часто увенчанные небольшими минаретами. Бозеницберг, на вершине которого возвышалась часовня, очень походил на подобные холмы. Так возвышенность с немецким названием превратилась в лексиконе французских солдат, а затем и в исторической литературе в Сантон.

Наполеон решил сделать Сантон опорным пунктом своего левого фланга. «Утром Его Величество император приказал 17-му легкому полку занять Сан-тон, – сообщает официальная реляция, – объяснив всю важность позиции, он приказал полку укрепиться и защищать при необходимости этот пост до последнего солдата... Полк, поклявшись скорее умереть, чем покинуть свой пост, поднялся на холм и принялся сооружать укрепления»^[766].

Чтобы еще больше укрепить дух своих солдат, император приказал полковой музыке 17-го полка играть знаменитый революционный марш «Le chant du départ»^[767]. Звуки этого марша раздалась по линии фронта, и их подхватили музыканты других армейских полков и гвардии. Военственная музыка и отдаленные раскаты пушечной пальбы словно подчеркивали важность приближающегося момента.

«Было около десяти часов утра, – вспоминает очевидец. – Мы стояли в ожидании, считая, что битва может вот-вот начаться. Солдаты застыли в строю с ранцами за плечами и с ружьем “к ноге”, у офицеров шинели были одеты в скатку через плечо. Вражеские разъезды были совсем близко от наших постов. Иногда они обменивались выстрелами из карабинов. Время от времени раздавался гром французских и русских пушек... которые словно задавали такт этой военной симфонии. Каждый бросал взгляд на своих соседей по строю, и в ожидании боя все внимательно всматривались в лица командиров... Я много видел боев и сражений в моей жизни, но никогда не видел, чтобы офицеры и солдаты находились в подобном состоянии... Все, конечно, хотели битвы, но все понимали, что она будет ужасна. Мы знали, что враг многочислен... У нас не было пути отступления, их было четверо на одного. Что нам было ждать? Нужно было победить или умереть!»^[768]

Эти великолепные по точности воспоминания (разумеется, речь не идет о знании автором численного соотношения войск) вносят некоторые нюансы в распространенное утверждение о полной уверенности в счастливом исходе боя в рядах Великой армии. Без сомнения, солдаты верили своему полководцу и были готовы сражаться насмерть, но они прекрасно понимали, что победа может быть куплена очень дорогой ценой. Тот же офицер вспоминал: «Мы собирались в кружок вокруг старых воинов, которые сражались с русскими в Италии и под Цюрихом. Мы словно хотели прочесть в их лицах, чего нам нужно бояться и на что надеяться»^[769].

Что касается императора, уверенный в своих силах, он тем не менее вел себя с редкой предусмотрительностью и осторожностью. Объехав позиции войск 30 ноября, он написал министру иностранных дел в Вену: «Господин Талейран, я желаю заключить мир немедленно. Я готов оставить Венецию Зальцбургскому курфюрсту»^[770], а Зальцбург – австрийцам... Я не вижу проблем в том, чтобы разделить короны Франции и Италии... но только после моей смерти... Я готов вернуть [австрийцам. – *Примеч. авт.*] всю артиллерию, склады и крепости. Я не наложу более никаких контрибуций и платежей, кроме тех, какие уже были наложены...»^[771]

Что значит это письмо накануне сражения? Судя по всему, император не исключал, что союзники ограничатся только маневрированием и не будут его атаковать до тех пор, пока не получат подавляющего численного превосходства. Посылая подобное письмо Талейрану, он еще раз давал знак, что не хочет войны и готов заключить мир на самых приемлемых для австрийцев условиях.

Текст письма показывает, что Наполеон все так же оставался в заблуждении насчет Александра I – в заблуждении, которое в конечном итоге будет стоить ему и короны, и Империи. «Я обменялся письмами с императором России. Я вынес из этого то, что он добрый и достойный человек, которым, однако, заправляют его приближенные, продавшиеся англичанам...»^[772]

В письме Талейрану император писал также, что завтра (1 декабря), скорее всего, будет битва. Как видно, Наполеон готовился к любому возможному варианту развития событий. Вечером 30 ноября он продиктовал свое знаменитое воззвание к войскам, которое, впрочем, было сообщено армии только на следующий день.

Наступивший погожий день 1 декабря 1805 г. не стал опять-таки днем великой битвы. Под ярким, не по-зимнему теплым солнцем союзники с каким-то тупым упорством стали снова маневрировать, почти не сходя с места. За весь день их главные силы прошли в лучшем случае 12 км (!), да и то двигаясь не на неприятеля, а по дуге вокруг него. Что касается французских войск, то именно 1 декабря была завершена их концентрация. 1-й корпус Бернадотта расположился на позициях позади левого фланга, дивизия Фриана и драгуны Бурсье подошли к аббатству Райгерн, сам маршал Даву лично прибыл в главную квартиру.

Кавалерия, как и в предыдущий день, проводила непрерывные рекогносцировки и сталкивалась на аванпостах. Наполеон также не оставался без дела. Савари рассказывает: «Император провел весь день на коне. Он инспектировал свою армию полк за полком. Он говорил с солдатами, он посетил все артиллерийские парки, побывал во всех батареях, дал инструкции всем офицерам и канонирам. Он лично побывал во всех госпиталях и позаботился о том, как будут транспортироваться раненые... Можно написать целый том о том, что он сделал за эти 24 часа»^[773].

Французские войска, заблаговременно занявшие позиции, имели время основательно подготовиться к битве. Офицер из дивизии Сюше вспоминал: «Наши саперы и даже наши солдаты занимались тем, что ровняли поле, засыпали канавы и ямы, убирали ненужные нам стены и делали небольшие мосты через ручьи, чтобы наша артиллерия могла двигаться свободно справа и слева от дороги»^[774].

Все силы Великой армии были собраны в кулак, солдаты с восторгом и доверием встречали Наполеона, и поэтому он был в прекрасном настроении. «Я редко видел императора в таком прекрасном расположении духа, – вспоминает офицер его свиты, – как в течение всего этого дня. Раза два я видел, как он весело потирает руки, словно говоря себе: “Они в наших руках!”... Это доверие разделяла и вся армия... Ничто не могло его поколебать. Это прекрасный день накануне сражения, когда солдаты верят в своего полководца»^[775].

Примерно в 15 часов император вернулся на свой бивак, но едва только он передохнул немного, как ему сообщили, что на Праценском плато видны движения неприятеля. Наполеон тотчас же сел на коня и поднялся на холм Зуран, который и поныне возвышается неподалеку от бывшего Брюннского шоссе. Холм этот очень своеобразен. Краеведы утверждают, что это татарский курган XIII в. Так или иначе, Зуран высоко поднимается над полем (287 м над уровнем моря, около 80 м над уровнем равнины), и с него открывается великолепный вид почти на все пространство будущего сражения (не видно только того, что находится позади плато).

Отсюда «с подозрительной трубой в руках он направил свои взгляды на Праценское плато, – рассказывает Сегюр. – Там было видно большое движение русских войск. Можно было различить за первыми линиями неприятельские колонны, которые шли, выдвигая вперед свой левый фланг, к Ауэзду и озерам. При этом виде, затрепетав от радости... он воскликнул: “Это позорное движение! Они сами идут в ловушку! До завтрашнего вечера эта армия будет разгромлена!”»^[776]

Впрочем, последние слова из мемуаров Сегюра приведены лишь для того, чтобы показать привычный взгляд на битву под Аустерлицем и то, как позднейшая легенда трансформировала события в умах свидетелей.

Для того чтобы это понять, необходимо на время прервать нить хронологического повествования и обратиться к особенностям местности, где развернется битва, и, разумеется, к планам противоборствующих сторон, прежде всего к знаменитому плану Наполеона.

Поле Аустерлицкой битвы представляет собой равнину размером примерно 11–12 км в длину и столько же в ширину, ограниченную с севера отрогами гор, с юга рекой Литгавой и прудами Мениц и Зачан. С севера на юг проходит ручей Гольдбах. С востока поле сражения ограничено Раусницким ручьем, впадающим в реку Литгаву. Шоссе Брюнн – Ольмюц, по которому наступали союзники, проходит по северной стороне равнины, почти касаясь

отрогов гор. В нескольких километрах западнее Гольдбаха, пройдя через Брюнн, оно изменяет на 90 градусов свое направление, повернув в сторону Вены. В центре этого обширного поля находится большая группа высот – Праценское плато с двумя возвышающимися холмами: Працберг (324 м над уровнем моря) и Стары-Винохрады (298 м); в седловине между холмами лежит деревня Працен. Плато простирается приблизительно на 5–6 км в длину и на столько же в ширину, господствуя над всем полем битвы. В месте пересечения Брюннского шоссе и ручья Гольдбах с севера от дороги возвышается холм Сантон. Ручей Гольдбах затрудняет переход крупных масс войск с артиллерией. Его удобно форсировать только в деревнях Тельниц, Сокольниц, Пунтовиц и Гиршковиц^[777], где имеются дороги и мосты. Важно также отметить, что местность, где развернется битва, довольно открытая. За исключением отдельных участков: ручья Гольдбах, реки Литтавы, южного склона Праценского плато и нескольких виноградников, – поле сражения ровное. Везде без труда могла действовать пехота и почти везде – кавалерия.

Достаточно одного взгляда на поле будущей битвы, чтобы понять, что Праценские высоты имеют очень важное значение как для наступающего, так и для обороняющегося. Господствуя над местностью, они являются ключом позиции. Как утверждает ряд источников, соратники Наполеона предлагали ему занять плато и дать оборонительный бой, опираясь на выгодную позицию. Однако император оставил Праценские высоты свободными. «Если бы я захотел помешать неприятелю пройти, я расположился бы здесь, – якобы заявил Наполеон, – но тогда произошла бы обычная битва, если же я, наоборот, отодвину свое правое крыло ближе к Брюнну, а они покинут эти высоты, они погибли безвозвратно»^[778].

Действительно, подобная фраза встречается практически во всех записках тех, кто был рядом с императором в эти дни, и, без сомнения, в этой или примерно подобной форме она была сказана, возможно, не один раз. Ясно также, что если бы французы заняли Праценское плато, произошло бы простое фронтальное столкновение, так как пройти мимо Праценских высот, двигаясь крупными массами войск на Брюнн, невозможно, а для их широкого обхода союзникам заведомо пришлось бы оставить свою операционную линию. По всей видимости, в случае расположения французов на плато союзникам пришлось бы атаковать в лоб. В таком случае император мог рассчитывать отразить наступление, но не более. Ему нужна была сокрушительная победа. Он надеялся заставить противника сделать грубую ошибку в организации наступления и нанести сокрушительный контрудар. Об этом уже упоминалось в начале главы.

Почти все историки единодушно утверждают следующее: император рассчитывал, что союзники, очистив Праценские высоты для обхода французской армии с юга (на что Наполеон провоцировал их ослаблением своего правого крыла), должны были оголить свой центр, куда французский полководец и планировал нанести главный удар. Затем, обрушившись на массы войск левого фланга неприятеля, которые будут удержаны с фронта дивизиями Леграна и Фриана на линии ручья Гольдбах, прижать их к прудам и уничтожить, если не полностью, то хотя бы частично. Примерно так на деле все и случилось. Но думал ли Наполеон об этом до боя, является ли все происшедшее осуществлением гениального предвидения?

Уже факты, приведенные в этой главе, заставляют усомниться в подобном предсказании будущего. В начале наступления союзников они двигались правым (северным) крылом вперед. И только 29 ноября произвели изменения в порядке движения своих колонн. Более того, если бы они атаковали 29 или 30 ноября, Наполеон планировал отступление на новые позиции за рекой Шварцавой примерно в 10 км к западу от Праценского плато. Только к вечеру 30-го он окончательно принимает решение дать бой в районе Працена.

Таким образом, если даже «классический» план существовал, то не в форме ясновидческого предсказания, а как некий вариант действий среди прочих возможных. Сегюр утверждает, что Наполеон был в восторге от движения союзников по высотам в районе Працена. Возможно, что эта фраза появилась *post factum*. Действительно, 30 ноября

союзники выказывали свое намерение двигаться вдоль по долине Литтавы в обход Праценского плато. Подобное движение, конечно, было тем, что мог желать Наполеон. Союзная армия таким образом растягивалась по низинам, оставляя сильную позицию на Працене без внимания. Можно было в ходе боя легко занять Праценское плато, тем самым разъединив силы неприятеля. Появление крупных масс союзных войск на Працене, пусть даже они и двигались вначале в юго-западном направлении, было скорее не слишком приятной новостью для французского полководца. Колен пишет, что император «испытал некоторое разочарование, увидев, что союзники покинули долину и утвердились на высотах...»^[779].

К сожалению, выдающийся историк не приводит источник, из которого он почерпнул информацию о «некотором разочаровании», однако это похоже на правду. Даже в заметках о битве при Аустерлице, сделанных самим Наполеоном, встречается фраза, сказанная им, когда он наблюдал за действиями союзников: «Если они думают, что я пойду их оттуда выбивать, им придется ждать очень долго»^[780]. Навряд ли император произнес эту фразу, «затрепетав от радости». К вечеру союзные войска остановились посередине плато, и дальнейшее их направление движения было сложно предугадать.

Так или иначе, у императора сложился определенный план действий. Он был зафиксирован в единственном документе, не вызывающем сомнения с точки зрения времени его появления. Все прочее – это описания, сделанные уже после сражения как самим Наполеоном и его начальником штаба Бертье в официальных реляциях, так и участниками сражения в их рапортах и мемуарах. Все эти документы составлены после битвы, когда был известен ее результат и ход. Но этих документов очень много, и именно они на все лады перепевались историками наполеоновской эпохи.

Первыми, кто увидел несоответствие в распоряжениях, отданных накануне, и тем, что якобы произошло в соответствии со строго задуманным планом, были французские историки начала XX в. Морис Дюмулен и одновременно с ним Жан Колен. Наконец, в 1947 г. во французском военно-историческом журнале появилась статья Мишеля де Ломбареса о битве при Аустерлице, которая нанесла еще один удар по легенде. Ломбарес показал, что план императора постоянно подвергался модификациям. Разумеется, речь не идет о том, что Наполеон был исключительно импровизатором и все решал в последнюю минуту. Видно, как император совершенно четко поставил перед собой задачу нанести удар по союзникам в момент их наступления. Он готовил контрнаступление тщательно, он позаботился о том, чтобы все шестеренки военного механизма работали четко и без сбоев. Однако при всей своей прозорливости Наполеон не мог точно знать, что в конечном итоге конкретно предпримет неприятель. Поэтому, исходя из генеральной идеи, которая оставалась неизменной, он постоянно искал различные варианты решений, и эти варианты модифицировались практически постоянно.

С этой точки зрения совершенно наивно звучат слова Михайловского-Данилевского: «Вымышленные похвалы не нужны дивному полководцу. Сделанное им в вечеру передвижение и вообще распоряжения его к Аустерлицкой битве основывались на известности ему предположений наших»^[781]. И тем более абсурдно то, что написал Долгоруков царю после битвы: «Армию Вашего Величества привели не столько, чтобы сражаться, сколько для того, чтобы отдать ее в руки врага, и что совсем гнусно – наша диспозиция была сообщена неприятелю»^[782]. Если бы император имел в руках точные агентурные сведения, он, очевидно, не менял бы свои планы, не пытался всеми способами понять, что же происходит за завесой из кавалерийских отрядов, не совершал постоянные, подчас рискованные рекогносцировки.

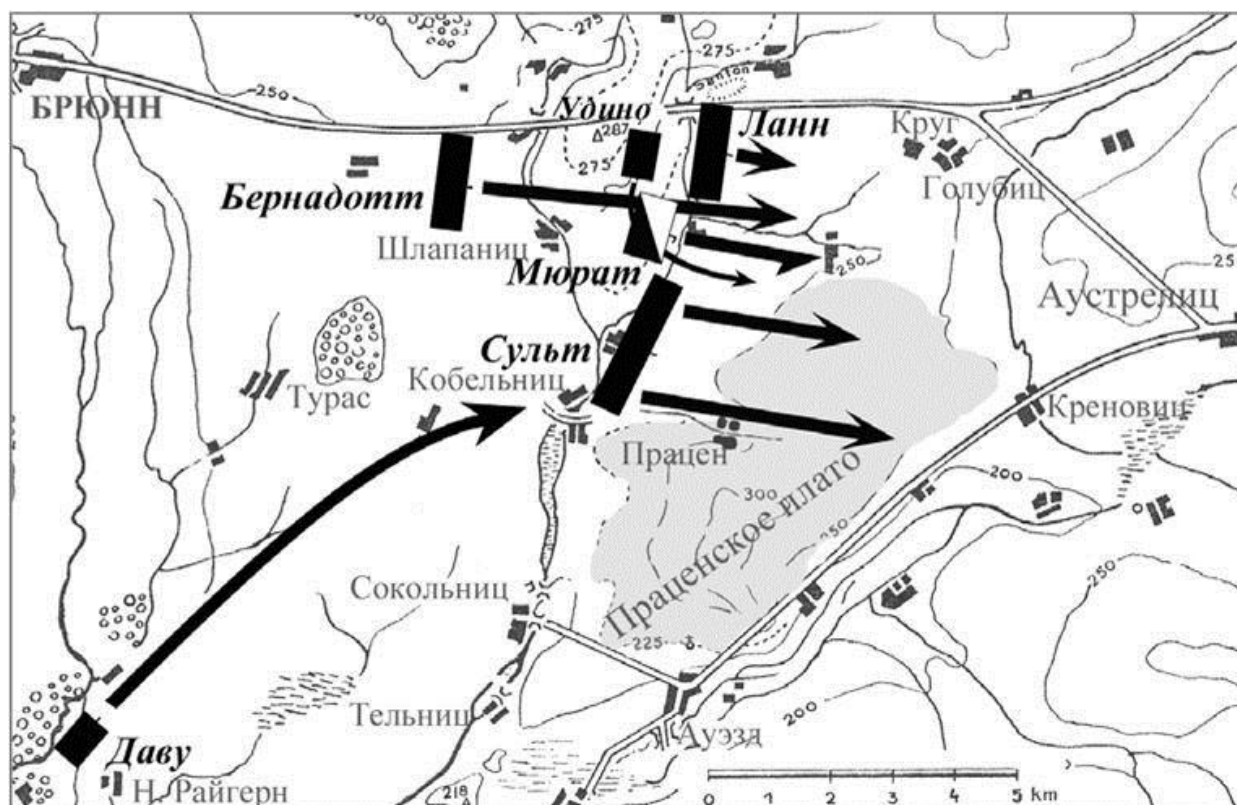
Ну а теперь самое главное – тот единственный документ, где документально зафиксирован план Наполеона такой, каким он был в 8:30 вечера 1 декабря 1805 г. Этот документ называется «Генеральная диспозиция на день 11 фримера [2 декабря. – *Примеч. авт.*]». В приложении этот документ приводится полностью, и он стоит того, чтобы его внимательно прочитать.

Те, кто знаком с планом императора исключительно по традиционным описаниям, должны быть крайне удивлены. Диспозицию на день 11 фримера «классики» исторической мысли никогда не приводят в своих произведениях, хотя очень любят цитировать различные великие слова, якобы сказанные Наполеоном и приведенные в мемуарах, написанных лет так через пятьдесят после событий.

Действительно, текст диспозиции ошеломляет, конечно, если его прочитать внимательно. Во-первых, здесь ни слова не говорится о прорыве центра неприятеля. Нет ни малейших намеков на то, что союзники должны быть окружены южнее Праценского плато и прижаты к прудам. В диспозиции вообще ничего не говорится о каких-либо действиях в этом районе поля сражения! И это при том, что по традиции упорно повторяется и рассказывается на все лады, как Наполеон ставил перед своими маршалами задачу прорвать центр неприятеля и утопить его главные силы в прудах Мениц и Зачан.

Все внимание в диспозиции сосредоточено на действиях на северном участке поля сражения. Сюда направляются целиком две дивизии, подчиненные маршалу Ланну (Сюше и Кафарелли), сюда послана вся кавалерия Мюрата и сюда же должны двигаться обе дивизии маршала Бернадотта! При этом ни слова не говорится о том, что дивизия Леграна должна оборонять линию ручья Гольдбах у деревень Тельниц и Сокольниц. Более того, дивизия Леграна должна действовать вместе с двумя другими дивизиями корпуса Сульта. Этому корпусу дается поручение, которое может озадачить любого военного специалиста. В семь часов утра он должен, перейдя ручей Гольдбах, начать движение, которое обозначено следующим образом, «марш поэшелонно правым крылом вперед»^[783].

Что это значит? Если перевести на обычный язык, части Сульта должны были идти, выдвигая вперед правофланговые дивизии, но сохраняя при этом общее направление движения фронта. Но ведь фронт был развернут с севера на юг, следовательно, его движение должно было происходить в восточном направлении! Кстати, в ходе сражения части Ланна и Мюрата будут, строго соблюдая диспозицию, двигаться прямо на восток.

План Наполеона

Теперь, наверное, читатель не удивляется, почему эту диспозицию не приводят историки. Она никак не соответствует «классическому» плану, и ее, в отличие от фраз, выдуманных *post factum*, непросто объяснить. Английский историк Кристофер Даффи, чтобы привести этот план в соответствие с традиционным описанием, иллюстрируя его, на схеме загнул все стрелочки движения корпусов в южном направлении. Но дело в том, что в диспозиции ни о каком «загибе» речь не идет.

Получается, что все силы французской армии сосредоточены на северном участке поля сражения и именно этому участку уделено все внимание в документе. Конечно, можно заметить, что обычно диспозиции Наполеона ставили задачу только на первый этап боя и что впоследствии всегда отдавались дополнительные приказания. Однако, когда пишут об Аустерлице, обычно утверждается, что здесь все было продумано чуть ли не до самого конца. Из документа это никак не следует.

Интересно, что дивизии Фриана и драгунам Бурсье было предписано двигаться к правому флангу Сульта, который располагался у Кобельница. Таким образом, бой у Тельница и Сокольница явно не предполагался. Днем 1 декабря эти деревни занимали только два батальона: корсиканских стрелков (около 500 человек) и стрелков По (около 300 человек). Ясно, что эта горстка войск не могла остановить движение главных сил союзников.

Диспозицию на день 11 фримера очень сложно истолковать. Жан Колен и Мишель де Ломбарес считали, что она объясняется следующим образом: Наполеон считал в этот момент, что союзники будут обходить его с фланга, но не в районе Тельница и Сокольница, а несколько севернее, у Кобельница. Здесь он и собирался атаковать их колонны, с одного фланга дивизией Фриана, а с другого – корпусом Сульта. Если в отношении движения Фриана это вполне согласуется с текстом документа, то в отношении Сульта дело обстоит совсем иначе, ведь, если строго исходить из диспозиции, ему предписывалось идти в прямо противоположную сторону!

«У нас мало сведений о форме атаки, избранной императором и предписанной вечером 1 декабря, – справедливо заключал Колен. – Но что **очевидно, речь не шла о прорыве центра союзной армии**»^[784]. На этом известный историк и завершает свои рассуждения.

Больше всего поражают в диспозиции до странности подробные предписания для действий на северном участке фронта и концентрация здесь главных сил. Ни одной кавалерийской дивизии не выделено маршалу Сульту. Кроме его собственной кавалерийской бригады под командованием Маргарона (около 900 человек) никакой конницы в оперативном подчинении Сульта не находилось. Наоборот, на северном крыле в руках Мюрата было более 7 тыс. всадников.

Иногда подобное распределение кавалерии связывают с тем, что-де в районе Праценского плато коннице действовать было сложно, а на северном участке фронта были открытые ровные поля. Нужно сказать, что Праценское плато – это не скалистые горы, а просто высокие холмы и за исключением нескольких действительно крутых склонов здесь поля ничем не хуже, чем в районе Блазовица и Брюннского шоссе. В конечном итоге в ходе боя здесь будет действовать и французская, и русская кавалерия, причем весьма успешно^[785].

Складывается впечатление, что Наполеон по какой-то причине решил сначала разгромить войска союзников на северном участке фронта и лишить их путей отступления к Ольмюцу. При этом он собирался сдерживать временно, каким-то не очень ясным образом, наступление главных сил русско-австрийской армии. И только потом предполагалось развернуть весь фронт против неприятеля.

Все это не более чем предположение, потому что император, без сомнения, дал большое количество устных указаний, поясняющих его намерения. Мы не можем, к сожалению, «услышать» эти указания, так как все, что было написано позднее, искажено произошедшими событиями. Мемуарам здесь никак нельзя верить, а документов, которые бы разъясняли диспозицию, не существует. Единственное, что можно сказать совершенно определенно: традиционный взгляд на план императора не соответствует истине.

Впрочем, план планом, а на поле боя больше решает дело моральный дух армии, готовность людей к самопожертвованию, их вера в полководца, командиров и товарищей по оружию. С этой точки зрения Наполеон мог быть совершенно спокоен – его войска готовы были вступить в смертельный бой и, не колеблясь, идти вперед. Император это знал, это чувствовал всеми фибрами своей души, и поэтому на его биваке вечером 1 декабря царило какое-то необычайно веселое настроение. Вокруг него собрались его верные соратники: Коленкур, Мюрат, Жюно, Мутон, Рапп, Лемаруа, Лебрен, Макон, Тиар, Сегюр и доктор Ивен. «Веселый вечер был словно весь пронизан нашим бодрым состоянием духа. Никогда еще разговор не был столь оживленным и радостным»^[786], – вспоминал участник этого ужина капитан Тиар.

На веселых, закопченных бивачными кострами лицах, на золоте шитья и эполет мелькали красные отблески огня. Раздавались шутки, смех и звон бокалов. Тон радостному настроению задавал Жюно, который, выехав из Лиссабона и проскакав в галоп 2800 км, успел нагнать армию прямо накануне сражения. Отправляя Жюно с дипломатической миссией, император обещал ему, что он его позовет, когда дело дойдет до сражения, и вот теперь отважный генерал был поистине счастлив, что он приехал вовремя, и хохотал, рассказывая об испанском кучере, который вез его в настоящую бурю, недовольно приговаривая: «Сеньор, эта погода – не для поездки послов». Отважный Жюно почему-то завел вдруг беседу о драматической поэзии.

«Наполеон, словно забыв о русской армии, о войне и о завтрашней битве, зажегся этим разговором, – рассказывает Сегюр. – “Послушайте, Корнель – вот настоящая сила таланта! Это был поистине государственный человек! Но пьеса «Гамплиеры» – ей не хватает политической концепции... Это ошибка думать, что сейчас трагические сюжеты исчерпаны, их существует великое множество в суровой политической необходимости. Нужно просто чувствовать и уметь играть на этой струне. Это настоящий источник сильных эмоций...”»^[787]

Внезапно, когда веселье было в самом разгаре, император поднялся из-за импровизированного стола и сказал: «Пойдемте-ка посмотрим гвардию». Нужно сказать, что в этот момент приподнятое настроение царило не только вокруг императорского костра. Солдатам раздали хорошую порцию водки, и только что было зачитано воззвание императора:

«Солдаты! Русская армия выходит против вас, чтобы отомстить за австрийскую ульмскую армию. Это те же батальоны, которые вы разбили при Голлабрунне и которые вы преследовали до сего места. Позиции, которые мы занимаем, могущественны, и в то время, когда они двинутся на наши батареи, я хочу атаковать их фланги»^[788]. Солдаты! Я сам буду руководить вашими батальонами. Я буду держаться далеко от огня, если вы, с вашей обычной храбростью, внесете в ряды неприятельские беспорядок и смятение; но, если победа будет хоть одну минуту сомнительна, вы увидите вашего императора, подвергающегося первым ударам неприятеля, потому что не может быть неуверенности в победе, особенно в тот день, в который идет речь о чести французской пехоты, которая так необходима для чести нации.

Под предлогом увода раненых не расстраивать рядов! Каждый пусть будет проникнут мыслью победить этих наемников Англии, воодушевленных такой ненавистью против нашей нации. Эта победа окончит наш поход, и мы сможем возвратиться на зимние квартиры, где застанут нас новые французские войска, которые формируются во Франции; и тогда мир, который я заключу, будет достоин моего народа, вас и меня»^[789].

«Едва мы приблизились к первым бивакам, – рассказывает Тиар, – как император был узнан, и все гвардейцы встали. Мы не прошли и 50 шагов, как император споткнулся о какое-то бревно и чуть ли не упал. К счастью, мы его вовремя поддержали. Тогда гренадеры по своей собственной инициативе схватили солому, на которой они лежали, и сделали из нее нечто вроде факелов, с которыми они стали освещать нам дорогу, наполняя воздух восторженными криками. Это событие словно зажгло электрическую искру – вдруг по всей линии запылали огни...»^[790]

Нужно сказать, что о том, как начался этот необычный праздник, существует почти столько же версий, сколько при этом находилось свидетелей. Причем все утверждают, что император споткнулся именно на их биваке и солдатам именно их дивизии пришла в голову идея осветить путь полководцу. Но, скорее всего, прав Тиар, и ликование началось именно с гвардейского бивака.

Напрасно Наполеон восклицал: «Тише! До завтра! Думайте сейчас только о том, как заточить свои штыки!» Скоро весь фронт 70-тысячной армии стал наполняться яркими огнями импровизированных факелов. Отовсюду раздавался громовой крик: «Это годовщина коронации!.. Да здравствует император!» «Этот крик любви и энтузиазма распространялся во всех направлениях, подобно импульсу, – вспоминал велит гвардии Баррес. – Это было всеобщее ликование, столь радостное и спонтанное, что сам император был ошеломлен. Все это было чудесно, восхитительно!»^[791]

«Останавливаясь на каждом шагу, – рассказывал адъютант Сульта, – и добродушно разговаривая с храбрецами, приветствовавшими его, император довел энтузиазм до самой высшей степени. “Пойдем сражаться сейчас же! – кричали одни. – Веди нас этой же ночью к славе!” Другие восклицали: “Битва будет в семь часов утра, победа в полдень!” Один из гренадер, словно отвечая на фразу прокламации, прокричал: “Императору не надо будет завтра подвергать свою жизнь опасности”, другие во всю глотку орали: “Мы будем сражаться штыками!”... и тысячи других энергичных восклицаний раздавались отовсюду, и в каждом была любовь, восхищение и доверие солдат к командиру, ставшему их идолом... Едва только император покидал лагерь одной дивизии, как крики “Да здравствует Наполеон, наш непобедимый полководец!” провожали его и раздавались еще долго»^[792].

Никогда еще армия не приветствовала так своего главнокомандующего, не встречала его такими изъявлениями преданности, восторга и готовности без колебаний отдать за него жизнь в смертельной схватке. Восхищенный, растроганный почти до слез, император воскликнул, вернувшись на свой бивак: «Вот самый прекрасный вечер в моей жизни!»

В то время когда французская армия ликовала в предвкушении победы, в стане союзников царило глубокое молчание. В эту ночь русский офицер написал в своем дневнике помпезным слогом сентиментальных романов: «Глубокая темнота ночи не освещается ни единым из светил небесных, некая ужасная тишина царствует в окрестностях, утомленные солдаты наши, с свойственным только русским спокойствием духа, крепко спят вокруг угасающих огней; одни стражи недремлющим оком проницают темноту ночную и, подавая друг другу извещательный голос, бодрственно охраняют погруженных в сон героев, собратий своих, от внезапного нападения лукавого врага»^[793].

Не спали и генералы, которые должны были собраться для того, чтобы получить последние указания перед будущей битвой. Командный состав союзной армии собрался в эту ночь в штаб-квартире Кутузова в небольшом домике в деревне Крженовиц^[794]. Долго ждали Багратиона и поэтому не начинали заседания. Уже за полночь от него прискакал адъютант, который доложил, что князь не сможет прибыть на совет. Кутузов приказал начинать.

«Генерал Вейротер развернул на большом столе огромную, очень точную и подробную карту окрестностей Брюнна и Аустерлица и прочел нам диспозицию возвышенным тоном и с самодовольным видом, обнаруживавшими внутреннее убеждение в своих заслугах и в нашей бездарности, – вспоминал Ланжерон. – Он походил на профессора, читающего лекцию молодым школьникам; может быть, мы были действительно школьниками, но зато он был далек от того, чтобы быть профессором. Кутузов, сидевший и наполовину дремавший, когда мы собирались, кончил тем, что перед нашим отъездом совсем заснул.

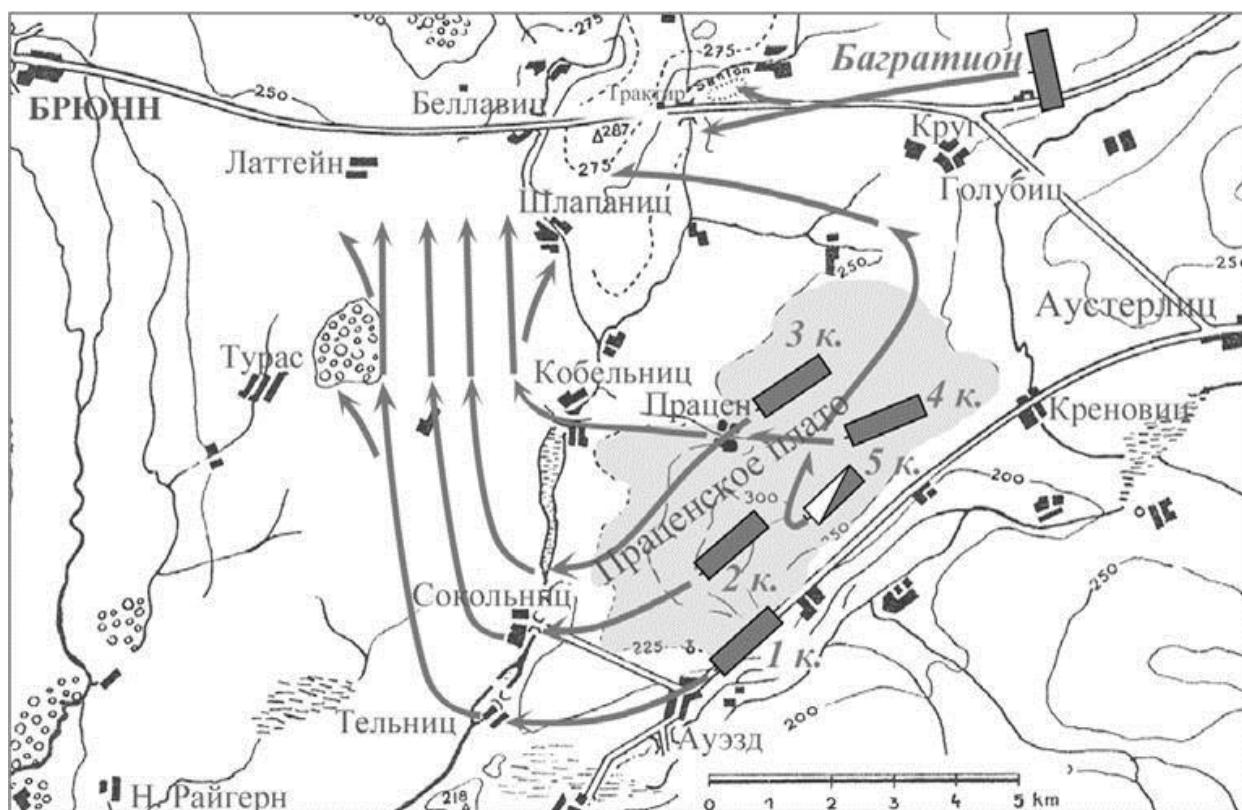
Буксгевден слушал стоя и, наверное, ничего не понимал. Милорадович молчал. Пржбышевский держался сзади, и только один Дохтуров внимательно рассматривал карту»^[795].

Суть плана Вейротера, если изложить ее вкратце, состояла в следующем: главные силы союзников, разделенные на четыре колонны, должны были обойти французскую армию с юга, форсировав ручей Гольдбах в деревнях Тельниц, Сокольниц и Кобельниц. Затем они

должны были повернуть на север и ударить по неприятелю, который, по мысли Вейротера, находился между Турасским лесом и Беловицем. В общей сложности, четыре обходящие колонны под командованием генералов Дохтурова, Ланжерона, Пржбышевского и Коловрата насчитывали около 56 тыс. человек при 212 орудиях под общим руководством генерала Буксгевдена. В момент начала наступления обходящей группировки с фронта ее атаку должны были поддержать: пятая колонна (кавалерия) князя Лихтенштейна (около 5 тыс. человек при 24 орудиях) и «авангард» Багратиона (около 11 тыс. человек при 24 орудиях). Гвардия (около 10 тыс. человек при 40 орудиях) должна была следовать между Лихтенштейном и Багратионом на Блазовиц (подробное расписание колонн и полный текст диспозиции см. в приложении).

В общем, ничего особо замысловатого в этом плане не было. Однако форма диспозиции была такова, что могло показаться, что ее намеренно пытались запутать. Действительно, она настолько пестрела географическими названиями, что, по меткому замечанию генерала Ермолова, «более похожа была на топографическое описание Брюннского округа, нежели на начертание порядка, приуготовляющего целую армию к бою»^[796]. Стоит принять во внимание, что диспозиция была написана по-немецки и Вейротер читал ее также на немецком (!) языке. Если русские генералы в подавляющем большинстве владели французским в совершенстве, то немецкий большинство из них знали плохо либо не знали вообще. Это также никак не способствовало пониманию этого длинного и замысловато написанного документа.

Согласно диспозиции получалось, что две трети армии были направлены по длинной дуге в обход, центр совершенно оголялся, а слабый правый фланг оказывался лицом к лицу с главными силами французов. Все это так напоминает «мудрейший» маневр Шмидта под Кремсом. Но там против тридцати с лишним тысяч русских было только 6 тыс. неприятельских солдат, и поэтому, несмотря на грубую ошибку, несмотря на то что в бой была введена только треть наличных сил, сражение было выиграно. Здесь же численное превосходство было минимальным, а французской армией командовал сам Наполеон.

План союзников

И все-таки самое главное не в этом. Диспозиция Вейротера была типичным продуктом схоластического, совершенно оторванного от реальности ума. Она не учитывала ни особенности русских и французских войск, не принимала во внимание никакие моральные элементы, а лишь перечисляла ручьи, деревни и дороги. Вейротер не позаботился даже использовать превосходство союзников в кавалерии, чтобы прорвать завесу французских постов и выяснить, где же действительно находилась их армия. Буквально уткнувшись в неприятеля носом, союзники полагали, что он стоит позади Шлапаница и Беловица, то есть на 3 км дальше, чем противник действительно располагался. Известный немецкий военный теоретик Бюлов так блистательно охарактеризовал этот план: «Союзники приняли план сражения против армии, которой не видели, предполагая ее на позиции, которой она не занимала, и сверх того рассчитывали на то, что французы останутся настолько же неподвижны, как пограничные столбы»^[797].

Если верить мемуарам Ланжерона, который выставил себя в них тем человеком, который понял порочность этого плана, он был единственным генералом, задавшим австрийцу неприятный вопрос: «Когда Вейротер кончил разглагольствовать, то один только я просил слова. Я сказал: “Ваше превосходительство, все это очень хорошо, но если неприятель откроет наше движение и атакует нас близ Працена, то что мы будем делать? Этот случай не предвиден”. Он лишь ответил: “Вы знаете дерзость Бонапарта; если бы он мог нас атаковать, он сделал бы это сегодня”. “Значит, вы не считаете его сильным?” – “Много, если он имеет 40 000 человек”. “В таком случае он идет к гибели, ожидая атаки с нашей стороны”...»^[798]

Так это было или нет, сказать невозможно. Мемуары Ланжерона – это практически единственный документ, в котором рассказывается о том, как проходил военный совет. Кстати, Л. Н. Толстой в своем великом романе «Война и мир» сделал необычайно яркое описание заседания совета, почти строго следуя рассказу Ланжерона. Что совершенно очевидно, Кутузов промолчал. Несмотря на свои несомненные военные дарования, он не осмелился поднять голос против всей этой галиматии. Увы, Михаил Илларионович был царедворцем. Очевидно, понимая, в какую пропасть ведет союзную армию подобное руководство, он не взял на себя ответственности перечить царю и его окружению. Все, на что он мог решиться, – это попытаться через гофмаршала графа Н. А. Толстого робко посоветовать Александру отказаться от его намерения дать сражение неприятелю таким образом. Но Толстой, в не меньшей степени ловкий и осторожный придворный, только замахал руками: «Je ne me mêle que de sauces et des rôtis. La guerre est votre affaire: faites-la!»^{[799][800]}

Что касается большинства русских генералов, то они даже не успели разобраться в вейротеровской ахинее. «Генерал-адъютант Уваров позван был в главную квартиру, откуда возвратился в скором времени, – вспоминал генерал Ермолов. – Немедля за ним прислан офицер с диспозицією на нескольких листах, наполненною трудными названиями селений, озер, рек, долин и возвышений и так запутанною, что ни помнить, ни понимать не было никакой возможности. Списать не было позволено, ибо надобно было успеть прочесть многим из начальников и весьма мало было экземпляров. Я признаюсь, что, выслушав оную, столько же мало получил о ней понятия, как бы и совсем не подозревал о ее существовании; одно то ясно было, что назавтра атакуем мы неприятеля»^[801].

За эту фразу английский историк Кристофер Даффи назвал Ермолова «ксенофобом». Конечно, русский генерал немного преувеличивал, говоря о том, что он совсем не мог разобраться в диспозиции. Однако было бы интересно взглянуть на реакцию какого-нибудь английского офицера, получившего в последний момент перед битвой длинный текст рекомендаций к действиям на иностранном языке, например русском! Думается, что это была бы широкая палитра трудно переводимых эмоциональных слов.

В тот момент, когда русские и австрийские генералы проводили совещание, с передовых цепей пришло известие о том, что в лагере неприятеля видно огромное количество огней и

какое-то непонятное движение. Из багрового зарева, которое загадочно появилось во тьме, раздавался таинственный гул. Князь Долгоруков приехал на аванпосты, пытаясь понять, что происходит. Офицеры строили разные предположения. Кто-то сказал, что неприятель нарочно увеличил огни, чтобы скрыть свое отступление. Тогда Долгоруков отдал распоряжение полковнику Орурку внимательно наблюдать за происходящим и сообщить, по какой дороге начнут французы свое отступление и бегство...

Впрочем, уже за полночь яркие огни потухли, поле будущей битвы погрузилось в тишину. Передовые посты с обеих сторон остались на своих местах...

Заснул и французский император. Однако его сон продолжался недолго. Примерно в три часа ночи он был разбужен генерал-адъютантом Савари, сообщившим, что значительные силы неприятеля попытались захватить деревню Тельниц, однако эта попытка была отражена французской пехотой. Наполеон тотчас же был в седле. Он распорядился немедленно послать за маршалом Сультом и с небольшим эскортом поскакал в глубокой темноте к своему правому крылу. «Луна в этот момент зашла, – рассказывает официальная реляция. – Стало холодно. На смену веселому шуму и празднику пришла гробовая тишина. Все спали. Император доехал до деревни Гиршковиц. Здесь на главной улице деревни стоял наготове в качестве основного караула драгунский полк. Он [Наполеон. – *Примеч. авт.*] узнал из рапортов часовых, что... до двух часов утра было слышно движение войск, направлявшихся на Тельниц и Сокольниц. Действительно, бивачные огни [союзников. – *Примеч. авт.*] распространились в эту сторону»^[802].

Очевидно, в этот момент к Наполеону присоединился маршал Сульт с несколькими офицерами. Адъютант маршала Сен-Шаман вспоминал: «Император сам опросил командиров передовых постов. Все они сходились на том, что вражеская армия выдвигает свое левое крыло, чтобы нанести удар по нашему правому крылу. Действительно, до нас доносились звуки движения артиллерийских обозов. Слышно было, что лошади идут в эту сторону. “Вам придется подраться, маршал Сульт”, – сказал император, поворачиваясь к нему. “Сир, я очень рад”, – ответил маршал, почтительно приветствуя Его Величество»^[803].

Сегюр сообщает, что Наполеон не удовлетворился этими сведениями и продолжил свою ночную рекогносцировку вплоть до Праценского плато, где он наткнулся на пост казаков. «Они [казаки. – *Примеч. авт.*] бросились внезапно на него и, вне всякого сомнения, убили бы или взяли его в плен, если бы не отвага и преданность конных егерей эскорта и не скорость, с которой император и его свита доскакали до наших биваков»^[804].

Наполеон не был молодым поручиком, который мог развлекаться от нечего делать игрой со смертью. Если он проводил подобную рискованную рекогносцировку, то только потому, что сведения, полученные ночью, имели кардинальное значение для его плана действий. Действительно, судя по всему, только после этой рекогносцировки Наполеон принял окончательное решение. Полковник Пуатевен записал в своем дневнике: «Движения, которые осуществлял неприятель напротив нашего правого крыла, заставили изменить диспозицию. Я думаю, что это было сделано в тот момент, когда маршал Сульт ночью увиделся с императором»^[805]. Официальная реляция еще более категорична в этом отношении: «Отказавшись от косога боевого порядка, который он [Наполеон. – *Примеч. авт.*] принял изначально... он решил вогнать словно клин в центр неприятельских линий, разрезать надвое вражескую армию и затем сбросить в пруды тех, кто обходил его слева. У них не было бы пути отступления, так как мы должны были держать деревни [Тельниц, Сокольниц. – *Примеч. авт.*]»^[806].

Если верить этой версии, в это время Наполеоном был принят классический план – тот, о котором постоянно говорят историки. Действительно, бригаде Мерля из дивизии Леграна было приказано защищать Тельниц и Сокольниц, а Фриану вместо того, чтобы идти на Турасский лес, отныне предписывалось двигаться на помощь Мерлю. Иными словами, линия Гольдбаха отныне должна была удерживаться французской армией. Сохранился также письменный приказ, который Сульт направил ночью Сент-Илеру. Согласно этому приказу дивизия Сент-Илера вместо того, чтобы двигаться позади Вандамма и форсировать ручей в

деревне Гиршковиц, смещалась несколько южнее и должна была перейти его в деревне Пунтовиц. Наконец, первый корпус Бернадотта должен был следовать не вдоль по Брюннскому шоссе, а двигаться на Гиршковиц вслед за дивизией Вандамма.

Таким образом, схема действий кардинально изменялась. Колен в своей работе «Аустерлиц» назвал коррективы, внесенные в первоначальный план, «малозначительными». Как кажется, наоборот, они были очень существенными. Основные силы теперь были направлены не на северное крыло, а ближе к центру. Значительно усиливался и южный фланг. Теперь император действительно собирался атаковать Праценские высоты и нанести удар по обходящей группировке союзников. Однако вот что интересно. Так как изменения были внесены в план буквально за несколько часов до битвы, схема действий не могла быть полностью перестроена и неизбежно сохранила в себе «рудименты» первоначальной идеи. Корпус Бернадотта хотя и был перенацелен, но, естественно, не мог уже изначально занять позиции для атаки на центр. Кавалерия Мюрата также осталась там, где она была. Так что план был новый, а расположение войск – старое. К чему это приведет в ходе битвы, будет видно из следующей главы.

Полки корпуса Сульта были подняты еще глубокой ночью. Маршал распорядился, чтобы его войска были готовы засветло, и уже в три часа ночи солдаты начали разбирать оружие. «Обычно это было время последнего отдыха, который предшествует столкновению, – вспоминал генерал Тьебо, тогда командир второй бригады дивизии Сент-Илера, – но для нас это был момент, когда в самой глубокой тишине... холодной ночью строились наши дивизии, и, чтобы обмануть бдительность врага, солдаты не потушили бивачные огни, а наоборот, подложили в них дров»^[807]. В остальных корпусах подъем был немного более поздний, но в любом случае в шесть часов утра все уже стояли на своих местах. С обеих сторон войска были готовы к великой битве...

Глава 14. Битва

Концентрация сил, энергия и твердая решимость победить или умереть со славой – вот три великих принципа военного искусства.

Наполеон

Несмотря на плотный туман, который окутывал долины, к шести часам утра 2 декабря французские солдаты и офицеры заняли исходные позиции и застыли в сомкнутых рядах батальонов и эскадронов, готовые к бою. «Вся армия была в парадной форме, – вспоминал участник сражения, офицер из корпуса Ланна. – На ногах были белые кюлоты и черные гетры. У простых пехотинцев – черные шляпы, у гренадеров и саперов – меховые шапки с красными султанами. Можно было подумать, что армия подготовилась к торжественному смотру. Земля была твердой, потому что ночью подморозило»^[808].

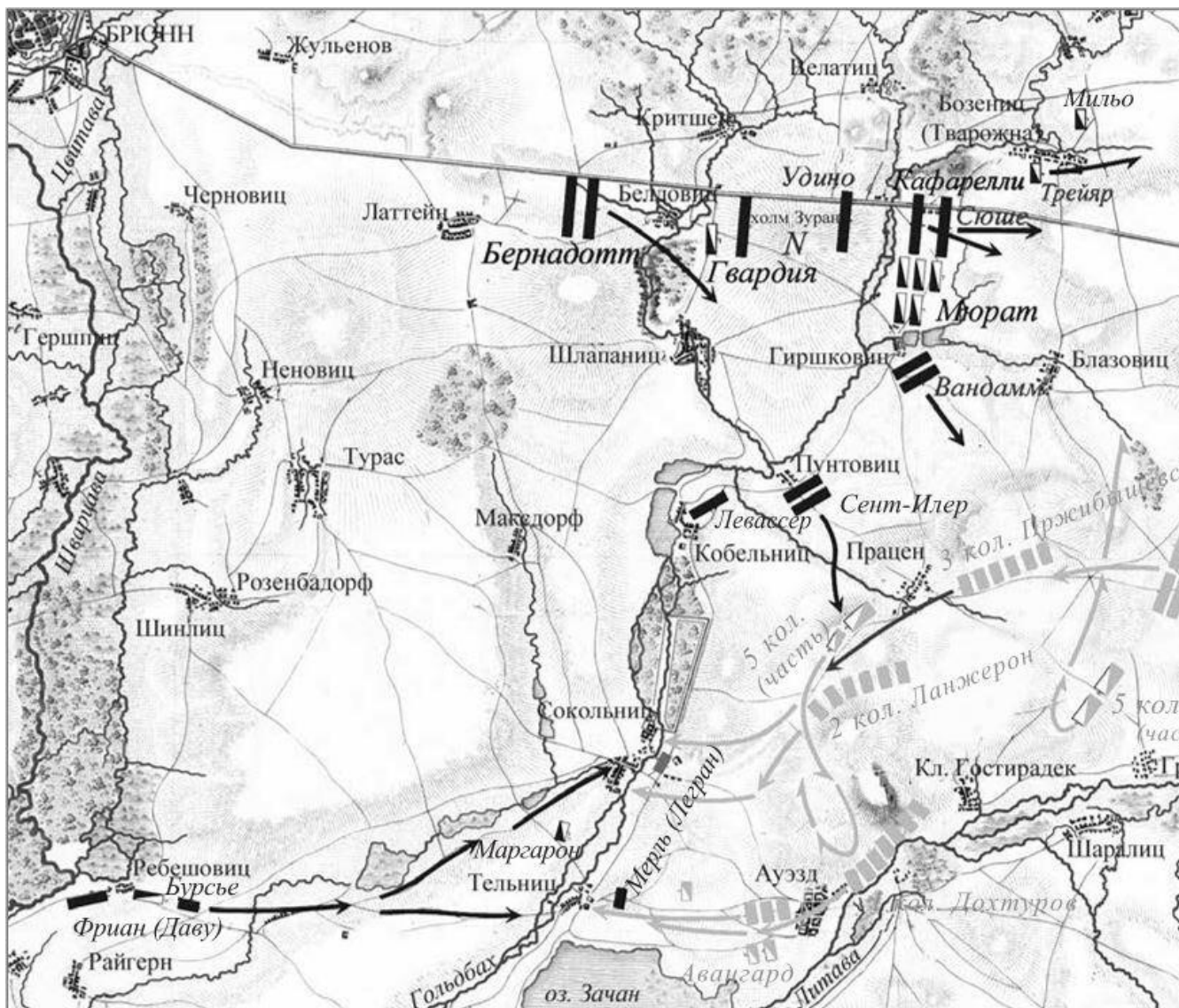
К этому времени французские войска располагались следующим образом: на левом крыле поперек Брюннского шоссе стояла дивизия Сюше (подробное расписание войск и их численность см. в приложении). Ее батальоны были построены в колонны на дистанцию развертывания. В двухстах метрах позади нее в таком же порядке располагалась дивизия Кафарелли. 17-й легкий полк (выделенный из дивизии Сюше) занимал Сантон. Вся эта пехота находилась в подчинении маршала Ланна. Кавалерийские бригады Трейяра и Мильо стояли на крайнем левом фланге у деревни Бозениц. Позади пехоты Ланна перед холмом Зуран располагалась гренадерская дивизия Удино^[809]. Позади холма стояла императорская гвардия. Еще дальше, рядом с дорогой, стояли обе дивизии Бернадотта. Кавалерия под общим командованием Мюрата (дивизии Нансути, д'Опуля, Вальтера, Буайе и Келлермана) располагалась между правым флангом корпуса Ланна и деревней Гиршковиц. Дивизии Сент-Илера и Вандамма из корпуса Сульта расположились прямо перед выходами из деревень Пунтовиц и Гиршковиц. Третья дивизия корпуса Сульта – дивизия Леграна была разбросана на широком фронте: в деревне Кобельниц находилась бригада Леваассера, а в Сокольнице и Тельнице – бригада Мерля. Позади Тельница и Сокольница находилась также

кавалерийская бригада Маргарона. Дивизия Фриана и драгунская дивизия Бурсье располагались у аббатства Райгерн. В общей сложности с учетом штабов, резервной артиллерии и артиллерийских обозов Великая армия насчитывала в своих рядах в этот день примерно 72,5–73 тыс. человек при 140 орудиях.

Что касается союзников, их главные силы строились в четыре огромные колонны на Праценском плато (1-я колонна – Дохтуров, 2-я колонна – Ланжерон, 3-я колонна – Пржибышевский, 4-я колонна – Коловрат). Позади них, также на плато, собиралась 5-я колонна (конница) под командованием Лихтенштейна. Впереди в районе Ауэзда находился авангардный отряд под командованием генерала Кинмайера. Между Голубицем и Коваловицем занял позицию отряд Багратиона. Наконец, русская гвардия выстроила боевые порядки чуть западнее Аустерлица (подробное расписание см. в приложении, а размещение войск – на плане). В общей сложности, союзная армия насчитывала в этот день около 80 тыс. человек, располагая приблизительно 300 орудиями.

Если в рядах Великой армии все безукоризненно знали свою задачу, в рядах союзников было много неразберихи. Русские генералы получили диспозицию только около шести часов утра, ибо ночью детище Вейротера переводилось с немецкого на русский и переписывалось. Многие из начальников плохо уяснили свои маршруты и боевые задачи.

Часть кавалерии Лихтенштейна (полки генерал-лейтенанта Шепелева), не получив вовремя диспозицию, двинулась в юго-западном направлении, вместо того чтобы идти на северо-восток. В результате длинная колонна всадников вынырнула из тумана прямо перед войсками Ланжерона. «Я предупредил ее генералов [о неправильном направлении. – *Примеч. авт.*], но генерал-лейтенант Шепелев сказал, что князь Лихтенштейн прислал ему приказ двигаться именно в этом направлении. Я его уверял, что это ошибка, но он стоял на своем и сказал мне, что если он окажется не там, где должен быть, он переменит место на рассвете, но в темноте он не знал, куда идти»^[810], – рассказывает Ланжерон.

Битва при Аустерлице. Ситуация на 7 часов утра

Тельниц и Сокольниц, 7:30–10:30

Основная масса союзных войск начала движение с рассветом, то есть около семи часов утра. В 7:30 утра отряд Кинмайера, опережавший остальные колонны примерно на 2 км, приблизился к деревне Тельниц, перед которой на небольшом холме стояли два батальона 3-го линейного полка. В тумане затрещали ружейные выстрелы. Это были первые выстрелы великого сражения.

Кинмайер двинул в наступление один батальон 1-го Шеклерского полка. Французы отразили атаку ружейным огнем. Тогда австрийский генерал послал вперед второй батальон Шеклерского полка. За высоту перед Тельницем завязался упорный бой. Несколько раз австрийцы бросались в атаку, ружейная пальба чередовалась с короткими штыковыми схватками. Французы отразили два штурма, но во главе третьего встал лично генерал Штуттерхайм, и французская пехота откатилась в деревню.

Австрийцы попытались с ходу штурмовать Тельниц. Окруженная виноградниками, живыми и каменными оградами, деревня представляла собой серьезное препятствие. Генерал Штуттерхайм вспоминал: «Природа создала естественные укрепления вокруг деревни. Виноградники были окружены широким рвом, который французы использовали для обороны»^[811]. Храбрых австрийских пехотинцев встретил убийственный огонь из-за всех изгородей и из всех домов – Шеклерский полк в беспорядке отхлынул назад.

Тогда генерал Карневиль, командовавший пехотой австрийского авангарда, ввел в бой оставшиеся у него три батальона. Загремела беспрестанная ружейная пальба. Атаки следовали одна за другой, «...Шеклерский полк дрался отчаянно, две трети его было убито или ранено»^[812], – писал Штуттерхайм. Но французы стояли насмерть. Третий линейный сражался за каждую улочку и за каждый дом.

Все же примерно после получасового боя французские батальоны подались под натиском превосходящих сил неприятеля. Австрийцам удалось ворваться в деревню, но торжество их было недолгим. В дело вступил последний резервный батальон третьего линейного полка. Его атака была стремительной. Австрийцы в беспорядке ретировались.

Потрепанные батальоны Карневилья вынуждены были приводить себя в порядок у подножия захваченной высоты. Они дрались уже около часа, но 1-й колонны – колонны Дохтурова – так и не было.

Действительно, наступление обходящих колонн было организовано в том же стиле, что и предыдущие маневры союзников. Совершив бесцельную прогулку в несколько километров, генерал-майор Шепелев получил наконец приказ от своего непосредственного начальника и, развернув кавалерию, пошел в обратном направлении. Длинная вереница его конницы перерезала дорогу пехотным соединениям. Ланжерон утверждает, что блуждание генерала Шепелева задержало вторую колонну на целый час. Быть может, генерал и преувеличивал немного, но нет сомнений, что в этот момент ожидание казалось ему бесконечным. Терпение Ланжерона лопнуло, и он отдал приказ проложить себе дорогу. Пехота пошла вперед и, прорезав колонну кавалерии, заставила на этот раз подождать всадников, остаток которых вынужден был пропустить перед своим носом нескончаемый поток пехотных батальонов...

Была задержана ошибочными маршами и пехота Дохтурова. Она показалась из Ауэзда только где-то около 8:30. Русский генерал, стараясь как можно быстрее оказать помощь австрийцам, отделил от колонны первый батальон 7-го егерского полка, Новоингерманландский и Ярославский полки. В дело вступили также первые подошедшие русские пушки.

У французов от 3-го линейного полка к этому моменту осталось в лучшем случае около 1200 человек. Несмотря на все свое мужество, они не могли удержаться перед натиском значительно превосходящих сил. Русские и австрийцы ворвались в деревню, а Новоингерманландский полк развернулся у северного выхода из Тельница. Таким образом, к девяти часам утра проход через ручей Гольдбах был занят войсками Дохтурова.

В то время, когда кипел этот бой, вторая колонна Ланжерона подошла к деревне Сокольник. Это было в начале девятого утра. Деревню и соседствующий с ней замок защищали только три батальона 26-го легкого полка. Несмотря на огромную разницу в силах, Ланжерон, не видя справа от себя колонну Пржибышевского, не спешил. Он развернул перед деревней свои батареи. Пока артиллерия грохотала, засыпая Сокольник ядрами и гранатами, головные части Ланжерона развернулись в боевой порядок, а батальон 8-го егерского полка рассыпался цепью справа от основной массы войск.

Наконец, подошла голова колонны Пржибышевского и также стала разворачиваться для атаки.

Часть русских пушек били по Замку – большой усадьбе рядом с деревней, занимаемой горсткой французской пехоты. Канонада продолжалась довольно долго, но орудия были расположены неудачно, и больших результатов, если не считать десятка сожженных домов, обстрел не дал. Несмотря на это русские войска приготовились к атаке. В то время как два батальона 7-го егерского полка с бригадой Штрика (шесть пехотных батальонов) были назначены для атаки Замка, 8-й егерский (три батальона) из колонны Ланжерона должен был атаковать Сокольник. Под непрерывный грохот орудий темно-зеленые линии русской пехоты с барабанным боем и распущенными знаменами двинулись на штурм неприятельских позиций. 26-й легкий не мог устоять под давлением столь превосходящих сил. Его стрелки были выбиты из Замка. В это время 8-й егерский ворвался в деревню. 1-й батальон 26-го легкого был рассечен надвое. Одна половина отошла на запад, другая откатилась к югу в

сторону Тельница. Генерал Миллер в этой атаке был тяжело ранен. Его место занял генерал Штрик.

В результате в начале десятого часа колонны союзников овладели теми проходами через ручей Гольдбах, через которые предписывалось двигаться согласно диспозиции. Казалось бы, теперь они могли беспрепятственно продолжить свое обходное движение. Однако в этот момент произошло непредвиденное. Из тумана показались новые французские полки, шедшие прямо на Тельниц и Сокольниц. Это были части генерала Фриана, вместе с которыми следовала драгунская дивизия Бурсье.

Генерал Фриан выступил около шести часов из Райгерна и двинулся по направлению на Турасский лес, как было предписано первоначальной диспозицией. Уважаемые историки, в частности Колен, указывают, что Фриану еще ночью был отдан приказ об изменении направления движения. Этот приказ в письменном виде неизвестен. И совершенно определенно, что, даже если он и существовал, дивизия не получила его ни в шесть, ни в семь утра. Об этом совершенно однозначно говорит опубликованный рапорт Даву и неопубликованный рапорт Фриана, хранящийся в архиве исторической службы французской армии. «Она [дивизия. – *Примеч. авт.*], построившись поэшелонно, направлялась на Турас, – докладывал после битвы генерал Фриан своему непосредственному начальнику, – когда, дойдя до деревни Ребешовиц, мы получили приказ двинуться на Сокольниц»^[813].

Действительно, двигаясь на Турас, Даву, Фриан и их солдаты с беспокойством вслушивались в грохот пушек и беспрестанные перекаты ружейной пальбы, доносившиеся справа. Внезапно показался кавалерист, мчавшийся во весь опор в их сторону. Это был адъютант, который доложил ситуацию в районе Тельница и Сокольница и передал, что Легран просит помощи. Нужно отдать должное маршалу Даву. Он ни секунды не колебался и, взяв на себя ответственность за самостоятельное решение, приказал идти на гром канонады^[814].

Прошедшие за двое суток 115 км, чтобы прибыть к полю боя, солдаты Фриана уже не шли, а почти бежали на помощь своим товарищам по оружию. Бригада Геделе – 108-й линейный полк и две роты вольтижеров 15-го легкого, всего около 800 человек^[815] – была направлена на Тельниц, а бригады генералов Кистера и Лоше – на Сокольниц. Понимая, что дело решают минуты, Даву приказал 1-му драгунскому полку, который также находился в его оперативном подчинении, галопом скакать к Тельницу. Именно этот небольшой кавалерийский отряд вместе с конными егерями Маргарона на какое-то время задержал развертывание русских и австрийских войск по выходу из деревни Тельниц.

Бригада Геделе обрушилась на Тельниц, внезапно вынырнув из тумана. Для союзников этот удар был как снег на голову. С криком «Да здравствует император!» 108-й линейный ринулся в стремительную штыковую атаку. Новоингерманландский полк от неожиданности смешался и в панике бросился назад, увлекая за собой всех остальных русских и австрийских солдат. В несколько минут деревня была отбита французами, которые захватили пять пушек и два знамени.

Разумеется, этот успех был результатом внезапности, а паника союзников – кратковременной. Пока русская и австрийская пехота врассыпную бежала из деревни, два эскадрона Гессен-Гомбургских гусар решительно контратаковали солдат Геделе. Французские пехотинцы вынуждены были перейти к обороне, и в этот момент солдаты 26-го легкого оказали им медвежью услугу. Необходимо вспомнить, что половина батальона 26-го легкого, выбитая из Сокольница, откатилась как раз в этом направлении. Деморализованные неудачным боем, солдаты, появившиеся позади Тельница, не разобрав, где свои, где чужие, открыли огонь по всему, что двигалось перед ними. Теперь на 108-й линейный также подействовал эффект внезапности. Изумленные, что по ним стреляют с тыла, пехотинцы Геделе в беспорядке бросились вон из Тельница.

Однако для первой колонны союзников ситуация осложнилась. Непонятно, какие еще французские части могли появиться из тумана. Генерал Буксгевден, находившийся при колонне, отныне стал действовать осторожно. Пока его пехота собиралась и строилась для

новой атаки, артиллерия открыла огонь из нескольких десятков орудий. Пушки засыпали Тельниц ядрами и гранатами... А время все шло и шло. Наконец, после мощной артподготовки 12 русских и австрийских батальонов двинулись вперед. За ними в качестве резерва шли еще 12 батальонов. С фланга и с тыла их наступление поддерживали почти 3 тыс. кавалеристов. У союзников здесь было почти в четыре раза больше войск!

Французские пехотинцы подпустили колонны неприятеля на дистанцию ружейного выстрела и дали смертоносный залп. Однако поток солдат в зеленых и коричневых мундирах не остановили огромные потери. Русская и австрийская пехота ворвалась в пылающую деревню, прошла ее насквозь, сметая все на своем пути. Но едва только батальоны союзников, пришедшие в беспорядок при проходе через деревню, попытались развернуться на ее западной стороне, как их смутила новая неожиданность.

К месту действия подошла драгунская дивизия Бурсье. «Видя, как наша пехота отступает, – докладывал генерал в своем рапорте, – я приказал атаку моей первой линии, состоящей из 13-го, 17-го и 27-го полков. Эта атака была выполнена в идеальном порядке и с образцовым хладнокровием... Результатом ее было то, что противник был отброшен за ров, находившийся позади него... Это дало времени нашей пехоте перестроиться и снова принять участие в бою»^[816].

Разумеется, и эта блистательная контратака французов могла иметь лишь временный успех. Союзники подвели свои конные части (бригады Мориса Лихтенштейна и Штуттенхайма), и они прикрыли развертывание пехоты. В результате русские и австрийские батальоны прошли наконец через Тельниц и выстроились в боевом порядке на западном берегу ручья. Французы отошли, но не расстроили свои ряды. Буксгевден не осмелился продолжить наступление. Он ожидал того момента, когда идущие справа от него колонны овладеют Сокольницей.

Бой у Сокольница развернулся по сценарию, очень похожему на то, что происходило в Тельнице. Когда русские войска 2-й и 3-й колонны уже, казалось бы, овладели деревней, с запада появились части Фриана. Тотчас в атаку бросился 48-й линейный, ведомый генералом Лоше. Наступление 48-го было неожиданным, и он с ходу выбил русские батальоны из Сокольница. Однако, оправившись от неожиданности, на него со всех сторон обрушились удары русских пехотинцев. Густые цепи стрелков охватили 48-й с флангов. Тогда Фриан бросил в наступление следующий полк. Это был 111-й линейный.

Нужно отметить, что этот полк почти целиком был набран из уроженцев Пьемонта и до этого еще не участвовал в бою. Фриан написал в своем рапорте: «111-й полк состоит из военнослужащих, которые еще не имели чести сражаться в наших рядах. Все они ждали момента, когда смогут заслужить себе лавры под французскими орлами. И вот долгожданный момент наступил 11 фримера. Полк в этот день заслужил своей отвагой вечную славу, достойную старых французских полков. Офицеры, унтер-офицеры и солдаты – все сражались с исключительной доблестью»^[817].

Сокольниц был почти полностью отбит французами, но с русской стороны введены в дело новые подкрепления, и части Фриана были выбиты из деревни. Тогда маршал Даву бросил в наступление свой последний резерв – бригаду Кистера (15-й легкий и 33-й линейный). Снова деревня и Замок были заняты французской пехотой. «15-й и 33-й едва только прибыли к месту действия, как, построены в боевой порядок, двинулись на врага. Ничто не могло остановить их бурный натиск, – докладывал Фриан. – Неприятель, который стоял на пути, был уничтожен штыками»^[818].

Бой за Сокольниц принял необычайно ожесточенный характер. Сражались за каждый дом и за каждую улицу. Объятая пламенем деревня была завалена грудями трупов русских и французов. Сам сорокасемилетний генерал Луи Фриан показал себя героем. В разодранном мундире, забрызганном кровью, со шпагой в руке он дрался в первых рядах. Его фигура появлялась там, где опасность была наиболее велика. «А ну, выше голову! Покажите-ка свои усы!» – кричал он гренадерам, ведя их в очередную атаку. В ходе отчаянного боя под ним было убито четыре коня! Позже, чтобы наградить его за проявленную в Аустерлицком

сражении беспримерную отвагу, император прикажет поместить в его гербе четыре конские головы.

Вместо беспрепятственного прохода по мостам в деревнях Тельниц и Сокольников союзники наткнулись на упорнейше оборонявшегося противника. И хотя после кровопролитного боя Сокольников был занят русскими войсками, командование 2-й и 3-й колонн не осмелилось продолжить движение вперед. Почему-то не подходила 4-я колонна, а сзади послышался гул пушек, наконец, генералу Ланжерону сообщили, что в тылу наступающей группировки союзников идет бой. «Мне стало трудно понять то, что происходило, что могло сделаться с четвертой колонной и каким образом неприятель очутился позади нас. В этот момент я находился в деревне Сокольников; я поручил генералу Олсуфьеву продолжать атаку, а сам поехал к бригаде Каменского»^[819].

В результате к десяти часам утра, хотя деревни Тельниц и Сокольников были в руках союзников, 1-я, 2-я и 3-я колонны остановились в ожидании дальнейшего выяснения ситуации. Таким образом, маршал Даву, генералы Фриан, Легран, Бурсье, Маргарон и их солдаты сделали почти невозможное, по крайней мере, большее, чем от них могли ожидать. Девять тысяч французских солдат сковали на этом участке поля сражения почти 40 тыс. русских и австрийцев^[820](!), создав тем самым Наполеону идеальные условия для нанесения решающего удара.

Праценское плато, 7:30–11:30

Четвертая колонна союзников действительно не двигалась с места. Кутузов, не осмелившись открыто перечить молодому царю, «тихо» саботировал исполнение диспозиции Вейротера. Он понимал, что Праценские высоты – это ключ к позиции и оставлять их крайне опасно. Поэтому, находясь, согласно предписанию, с войсками 4-й колонны, он не торопился, тем более что нарастающие звуки стрельбы со стороны Тельница и Сокольника никак не вписывались в сценарий Вейротера.

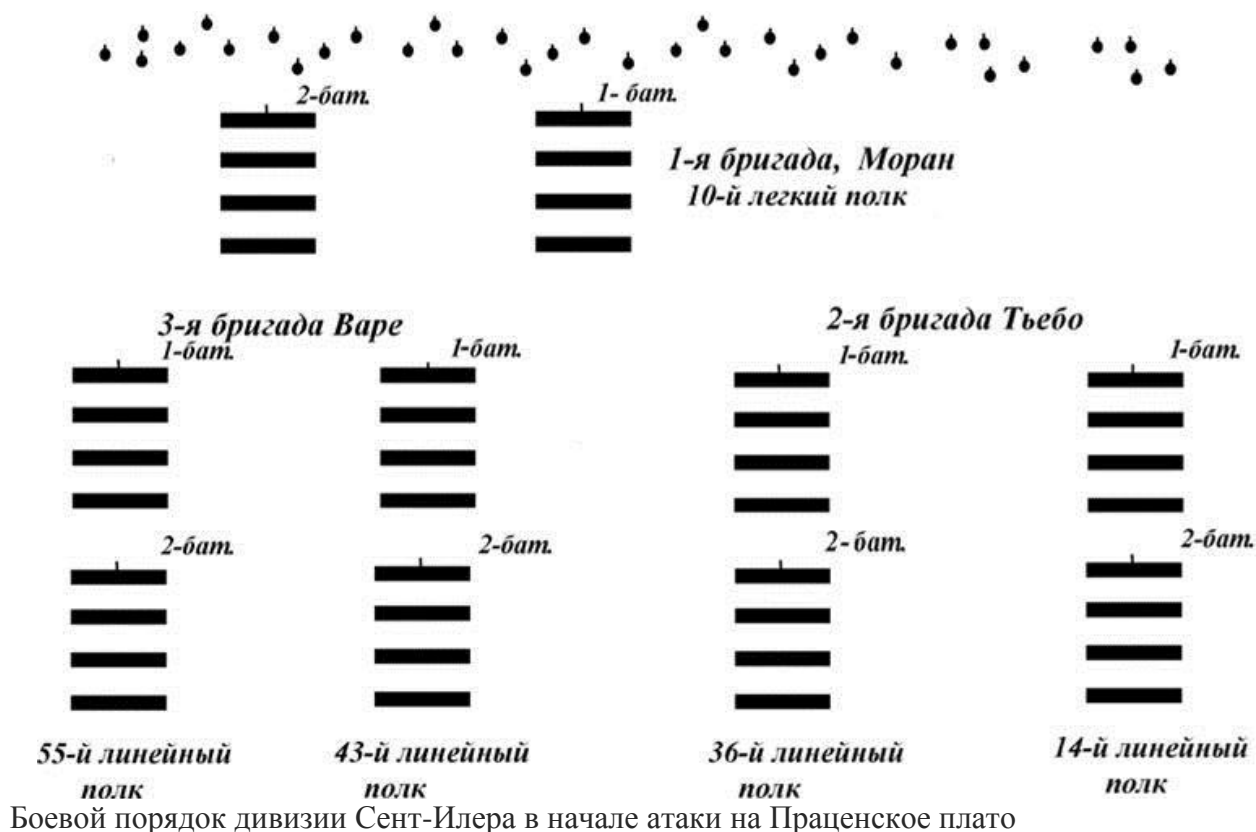
«В 9-м часу прибыли на поле сражения Императоры Александр и Франц, – пишет Михайловский-Данилевский. – Государя сопровождали генералы Сухтелен и граф Аракчеев, генерал-адъютанты граф Ливен, Винцингероде и князь Гагарин, тайные советники князь Чарторыйский, граф Строганов и Новосильцов. Подъехав к Кутузову и видя, что ружья стояли в козлах, император Александр спросил его: “Михайло Ларионович! Почему не идете вы вперед?” – “Я поджидаю, – отвечал Кутузов, – чтобы все войска колонны пособрались”. Император сказал: “Ведь мы не на Царицыном лугу, где не начинают парада, пока не придут все полки”. – “Государь! – отвечал Кутузов. – Потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицыном лугу. Впрочем, если прикажете!”»^[821]

Приказ был отдан, и войска 4-й колонны двинулись в предписанном диспозицией направлении. С холма Зуран, где находился Наполеон, это движение можно было хорошо рассмотреть в подзорную трубу. Здесь, в штабе императора, все рвались быстрее начать настоящую битву.

Уже в 7:30, как и было назначено, к походному бараку Наполеона явились маршалы. Император был весел, он уже заканчивал свой утренний туалет. Поприветствовав своих соратников, он с улыбкой сказал им: «Ну что ж, господа, теперь пойдем начинать великий день!»

Настроение у всех было приподнятое. Маршалы и император, оседлав коней, выехали на вершину холма. Перед их взглядами открылось огромное поле, затянутое молочно-белой пеленой, из которой, словно острова в белесом море, торчали верхушки высот. Было еще тихо... Но вот издали, со стороны правого фланга, послышалась канонада. Это было начало боя за Тельниц и Сокольников. Наконец, в восемь с небольшим утра стало заметно движение союзников в районе Працена. В этот момент, разрезав туман, брызнули яркие золотые лучи солнца, поднявшегося над горизонтом. Это знаменитое солнце – «солнце Аустерлица», о

котором так часто будет впоследствии вспоминать Наполеон, словно специально ждало, чтобы осветить победное наступление Великой армии.

«В этот торжественный миг маршалы создавали вокруг императора самый прекрасный ансамбль, который может представить себе воображение, – рассказывает Сегюр. – Чудесное зрелище! Сколько славы, собранной вместе! Сколько полководцев, справедливо и самым разным образом известных, окружают величайшего из воителей всех времен! Мне кажется, я сейчас вижу, как они, получая от него вдохновение, разлетаются, словно унося с собой молнии, чтобы разгромить силы двух Империй»^[822].

Увидев движение союзников на Праценском плато, маршал Сульт сгорал от нетерпения броситься к своим войскам и дать им сигнал атаки. Но Наполеон, считая, что нужно позволить противнику спокойно завершить ошибочное движение, удержал маршала и, показав на Праценское плато, спросил: «Сколько вам нужно времени, чтобы занять эти высоты вашими дивизиями?» – «Двадцать минут», – ответил маршал. «В этом случае подождем еще четверть часа»^[823].

Через несколько минут туман почти полностью рассеялся, и Наполеон отдал приказ наступать. Согласно рапорту маршала Сульта, написанному через две недели после сражения, приказ об атаке он получил в восемь часов утра^[824]. Во все стороны полетели адъютанты. Маршал прискакал галопом к своим войскам, и дивизии Сент-Илера и Вандамма двинулись вперед. Полкам Сент-Илера была назначена в качестве ориентира гора Працберг, а дивизия Вандамма шла на гору Стары-Винохрады.

Дивизии, шедшие в атаку, двигались в порядке, который хорошо описывает рапорт командира корпуса: «Было строго предписано дивизионным генералам действовать тремя линиями: двумя линейной пехоты и линией легкой пехоты впереди. Все батальоны должны были атаковать в колонне подивизионно, на взводной дистанции, чтобы в любой обстановке

они могли быть готовыми построить каре против кавалерии, а также для того, чтобы продвигаться с большей скоростью»^[825].

Несмотря на предусмотрительность императора, в момент начала атаки Праценское плато вовсе не было свободным. Вся 4-я колонна еще находилась на высотах, а бригада генерала Каменского из 2-й колонны была поблизости от них. Ибо, если сопоставлять рапорт Сульта и русские реляции, получается, что корпус Сульта начал наступление примерно в тот момент, когда на Праценские высоты прибыл Александр и только отдал распоряжение Кутузову о выдвигании вперед.

В авангарде 4-й колонны шел генерал Милорадович. У него было два мушкетерских батальона Новгородского полка и гренадерский батальон Апшеронского полка с небольшим отрядом конницы. За ними следовали остальные батальоны Новгородского и Апшеронского полка, затем – Малороссийский гренадерский и Смоленский полк. «Едва Милорадович миновал с авангардом селение Працен, – писал Михайловский-Данилевский, – и начал входить в открытые места, как увидел грозное наступление французов»^[826]. В рядах русских от неожиданности произошло минутное замешательство. Однако Милорадович успел построить на западной стороне деревни за оврагом, отделяющим его от французов, авангардные батальоны в развернутые линии.

Рапорт Милорадовича и рассказ генерала Тьебо, командующего 2-й бригадой дивизии Сент-Илера, отличаясь в ряде деталей, хорошо сходятся в этом пункте – в момент атаки часть русских войск уже была построена. Русские батальоны встретили бригаду Тьебо дружным залпом. 1-й батальон 14-го линейного полка от неожиданности рассыпался и побежал. «У меня не было времени на упреки [командиру полка Маза. – *Примеч. авт.*], – вспоминал генерал Тьебо. – Я поскакал вперед и закричал, обращаясь к Маза, чтобы он собирал свой батальон, а затем, спрыгнув с коня, я встал во главе 36-го, и мы двинулись на деревню. Солдаты пошли в атаку с криком “Да здравствует император!”, а 2-й батальон 14-го линейного бегом развернулся в линию. Я повел их в атаку через овраг, куда мой конь не мог бы спуститься. Мы бросились на русских в штыки, и они обратились в бегство...»^[827]

«... Два батальона мушкетерские не держались нимало, а обратившись в бегство, привели всю колонну в робость и замешательство»^[828], – гласит реляция Кутузова^[829]. Новгородцы смешались с апшеронцами и смоленцами. Паника и беспорядок охватили весь авангард. Толкая и давя друг друга, бросая полковые пушки, мушкетеры и гренадеры 4-й колонны покатались с высот. Генералы растерялись. Кутузов был задет пулей в щеку, никто не знал, что делать.

Милорадовичу невероятными усилиями удалось собрать часть бегущих. Едва построив несколько батальонов, он повел их в атаку. Граф Тизенгаузен, любимец Кутузова, его зять и адъютант, схватил знамя и увлек за собой еще один батальон. С криком «Ура!» русские полки устремились в штыки. Генерал Сент-Илер моментально развернул шесть батальонов своей дивизии и медленным шагом повел их навстречу неприятелю. Примерно в ста шагах от лавины русской пехоты строй дивизии Сент-Илера остановился, и по команде генерала французские войска дали убийственный залп.

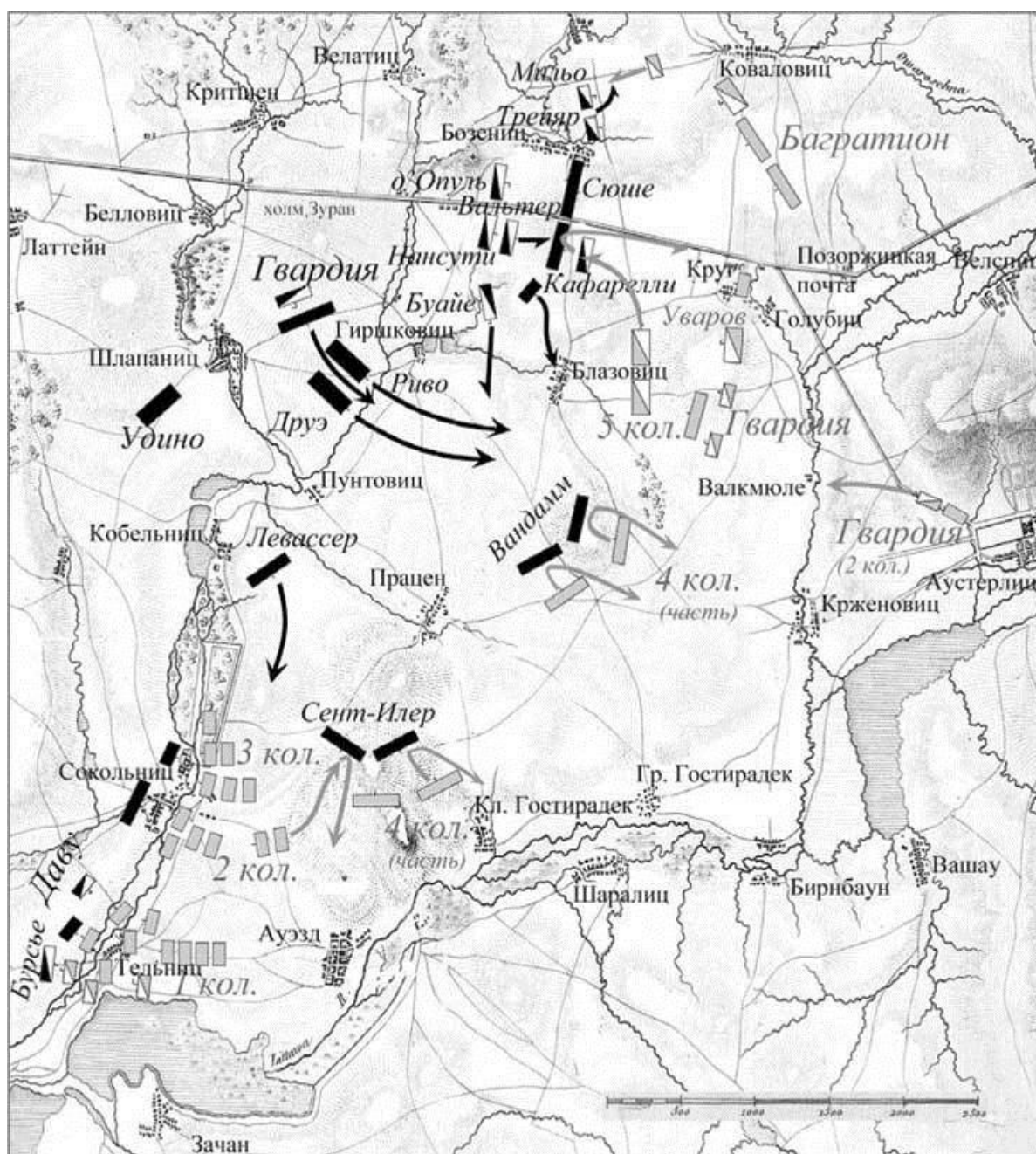
Ряды русских полков смешались. От нового залпа упали сотни убитых и раненых, храбрый граф Тизенгаузен также пал, сраженный свинцом. Тогда пехота Сент-Илера, столь же уверенно, как она вела огонь, взяла штыки наперевес и бросилась в атаку.

Перепутавшиеся полки не выдержали стремительной атаки. Напрасно генералы показывали примеры доблести и отваги, все опять смешалось и покатило к подножию высот, было брошено еще несколько пушек.

В это время в бой вступили передовые части Вандамма – бригада Фере (46-й и 57-й линейные полки): «Молния не могла бы ударить более стремительно, – писал в своем рапорте Султ, – таков был порыв, с которым двинулась в атаку вторая дивизия. Русская линия, которая стала на ее пути, была сразу опрокинута, а ее пушки захвачены»^[830]. Теперь французские части укрепились на обеих возвышенностях Праценского плато – горе Працберг и горе Стары-Винохрады.

К этому моменту на помощь русским подоспели австрийские части. 16 батальонов генералов Юрчека и Роттермунда под общим командованием генерала Коловрата двинулись в контратаку. Под их прикрытием русские полки получили возможность собраться и снова вступить в бой.

Сент-Илер также получил небольшое подкрепление – шесть 12-фунтовых пушек. Тьебо соединил свои три пушки с подъехавшими шестью в одну батарею и приказал ее командиру Фонтене начать стрелять только по команде и делать каждый выстрел ядром и картечью вместе. Артиллерийский офицер пытался возражать – пушки могли разорваться, но генерал был неумолим: «Пусть они выдержат хотя бы десять минут, этого хватит!» Тьебо рассказывал также: «Я проверил наводку орудий, так чтобы они стреляли в 15–20 туазах^[831]. Я приказал положить рядом с каждой пушкой по 10 зарядов картечью и по 10 зарядов ядром, чтобы стрелять как можно быстрее. Я снова и снова повторил пехотинцам указание перед стрельбой тщательно целиться, наводя оружие на середину корпуса человека и на середину взводов, чтобы ни одна пуля не пропала»^[832].

Битва при Аустерлице. Ситуация на 10 часов утра

Когда австрийская пехота подошла на расстояние, на которое были наведены пушки, французские солдаты внезапно открыли спрятанные жерла орудий, и артиллерия начала смертоносный огонь. Двойные залпы батареи Фонтене производили ужасное опустошение во вражеских полках. Было видно, как каждое попадание ядра с сопровождавшей его картечью вырывало из белых линий австрийской пехоты целые груды убитых и раненых. Пули косили первые шеренги. Не ожидавшие такого отпора австрийцы бросились врассыпную.

Нужно сказать, что здесь, так же как и в столкновении с пехотой Милорадовича, успех французских войск не был довершен, так как у Сент-Илера и Вандамма не было ни одного эскадрона конницы, чтобы преследовать бегущих.

Едва только австрийская атака была отбита, как над дивизией Сент-Илера нависла новая угроза. К месту боя подоспела бригада Каменского 1-го из колонны Ланжерона. Эта бригада, отставшая от передовых полков 2-й колонны, была направлена на Праценское плато Ланжероном, и он лично повел ее в атаку. Одновременно Милорадовичу удалось собрать часть рассеянных полков, которых он снова двинул в наступление, на этот раз против дивизии Вандамма.

Особо критическим стало положение дивизии Сент-Илера. Командир 2-й бригады этой дивизии генерал Тьебо так вспоминал этот момент: «Стоя на самой высшей точке Праценского плато, мы видели равнину до самого горизонта. Далеко на левом фланге были заметны войска маршала Ланна, которые вели бой с полками князя Багратиона. Между ним и нами... первая дивизия Бернадотта сражалась с резервом Великого князя Константина... Позади или где-то поблизости от нас не было ни одного французского отряда. Реляция императора говорит о том, что бригада Левассера была у нас в резерве, но никто из нас понятия о ней не имел... Перед нами и вокруг нас мы видели раз в пять больше врагов, чем у нас было бойцов... Когда мы встречались с Мораном, мы всегда вспоминали об этом моменте. “Я много воевал, – говорил он. – Я имел честь сражаться в Египте и во всех великих битвах, данных императором, но я не видел ничего подобного...” Сент-Илер позвал меня и Морана и сказал нам: “Господа, это становится невыносимым. Я предлагаю вам занять позицию позади, где мы могли бы обороняться”. Едва он произнес последние слова, как полковник Пузе, командир 10-го легкого... буквально бросился на коне между нами... и, не дав ни Морану, ни мне времени открыть рот, воскликнул: “Мой генерал, отступить?! Если мы сделаем хоть шаг назад, мы погибли! У нас есть только один способ выйти отсюда с честью – это броситься очертя голову на врага и, главное, не дать им нас пересчитать”»^[833].

Конечно, рассказ генерала Тьебо, приведенный им в мемуарах, нельзя воспринимать буквально, а его утверждение насчет того, что союзники имели пятикратное численное превосходство, является очевидной гиперболой. Однако несомненно, что чувство опасности, которое генерал ощутил в этот момент, сохранилось в его памяти до самой смерти. Если в деталях он не точен, то общая ситуация, судя по всему, обрисована очень верно.

В рапорте Сульта говорится почти слово в слово то, что писал Тьебо: «Генерал Сент-Илер отражал натиск трехкратно превосходящего неприятеля и сохранял с доблестью, которой история знает мало примеров, Праценское плато, которое так стремился отбить у нас враг»^[834].

Автор рапорта, написанного по горячим следам, описывая численность союзников, не дошел, конечно, до преувеличений мемуариста, он довольствовался фразой о «трехкратном» численном превосходстве. Но что очевидно – у союзников на плато было явно больше сил!

Трудно сказать точно, сколько именно. Ряд русских и австрийских батальонов были приведены в такой беспорядок, что уже не участвовали в новых контратаках. Союзники, хотя, конечно, и не имели ни пятикратного, ни трехкратного, ни даже двукратного превосходства, располагали количественным перевесом на 2–3 тыс. человек.

Подобный факт был бы совершенно невыносим, если бы у Наполеона с самого начала действительно существовал «классический» план прорыва центра союзников. Большинство

историков не обращают внимания на ситуацию, сложившуюся на Праценском плато около десяти утра. В то время как на левом крыле французов были сосредоточены огромные конные массы, в то время как корпус Бернадотта совершал длинное движение в юго-восточном направлении, на направлении главного удара остались только две пехотные дивизии (из 10 находившихся на поле сражения) и ни одной кавалерийской!

В то время как бригада Каменского 1-го атаковала правый фланг дивизии Сент-Илера, на ее левое крыло наступали австрийские войска генерала Юрчека. Против дивизии Вандамма двинулись в бой австрийские батальоны Роттермунда, а также русская бригада генерал-майора Берга.

Берг уже водил свою бригаду в контратаку. Храбрый генерал, схватив знамя одного из полков, прямо не слезая с коня, бросился в пекло боя, увлекая солдат личным примером. Однако перед началом новой контратаки он был ранен картечью в ногу, его лошадь также была задета пулей, взбрыкнула и, скинув седока на землю, ускакала. «В таком положении не мог я сначала ступить на ногу, – рассказывал генерал Берг в документе, написанном вскоре после сражения, – так что некоторые из господ офицеров и унтер-офицеров, взявши меня на руки, хотели меня понести прочь, но я, увидевши, что полк отступал, сколько мог укрепился, взял двух унтер-офицеров, которые меня поддерживали, и тут людей построил и привел их на гору... причем несли меня с одного фланга до другого, чтобы ободрять людей...»^[835]

Если верить документу, составленному Бергом, его бригаде удалось отбить «гору», иначе говоря, сбросить Вандамма с возвышенности Стары-Винохрады. Скорее всего, ему удалось лишь несколько потеснить французские полки. Под смертоносным градом пуль и картечи наступление союзников захлебнулось. «Пыл этой атаки вскоре охладел, – вспоминал Штуттерхайм. – Превосходные силы неприятеля, его стойкость превратили наше стремительное наступление в медленный марш, сопровождаемый беспорядочным ружейным огнем»^[836].

Несмотря на град пуль и картечи, пример нескольких генералов заставил солдат снова двинуться вперед, но сраженные шквалом огня храбрецы упали на землю. Были ранены генерал Юрчек и генерал Репнинский, пораженный сразу тремя пулями.

Генерал Берг вспоминал: «Вдруг весь фронт бросился назад. Увидев сие, я думал употребить последний способ, чтобы их удержать, и потому я велел себя нести перед фронтом и, несмотря на то что сзади и спереди по мне стреляли, я людям закричал, чтоб остановились и что я намерен тут прежде умереть, а назад не пойду. Через сие многие остановились и начали строиться...»^[837]

В то время, когда генерал Берг пытался увлечь свои войска в атаку на батальоны Вандамма, бригада Каменского 1-го наступала против дивизии Сент-Илера. Генерал Ланжерон в своем рапорте царю так рассказывал о действиях этой бригады: «Французские колонны, остановленные бригадой графа Каменского, развернулись в 300 шагах от нее под картечным огнем и построились на два фаса: один – против этой бригады, а другой – против австрийцев; последние... стреляли снизу вверх и с малою действительностью. Французы находились значительно выше них и немного выше русских; как только они развернулись, они открыли огонь... Чтобы воодушевить наших солдат... я решил идти вперед. Команда была исполнена, как на учении. Французы отступили; первый батальон Фанагорийского полка, под начальством отличного офицера, майора Брандта, раненого, подошел так близко к французам, что взял два орудия, брошенных ими; но французские генералы и офицеры вернули своих солдат и поддержали их второй линией, которую мы только тогда увидели, и наши батальоны, в свою очередь, отступили и заняли свою прежнюю позицию; взятые два орудия были брошены. Легкость, с которой наши шесть батальонов, построенные в одну линию, оттеснили французов... доказывает мне, что если бы мы имели некоторые войска из тех, которые бесполезно стояли в полутора верстах, мы отбросили бы французов до Пунтовица и отбили бы Праценские высоты»^[838].

Факты, изложенные Ланжероном, хорошо подтверждают мысль, высказанную генералом Тьебо, – успех боя на Праценском плато буквально висел на волоске. С обеих сторон войска

сражались с доблестью и упорством, но солдаты Сент-Илера превосходили своего противника выучкой и боевым опытом, что и предопределило их успех.

«...Французские линии открыли очень сильный и убийственный ружейный и картечный огонь по бригаде Каменского, которая сразу потеряла много людей выбывшими из строя, – вспоминал в своих записках Ланжерон. – Она отвечала менее интенсивным и плохо направляемым огнем; большая часть наших солдат стреляла в воздух^[839]; ради облегчения они побросали ранцы, но я должен сказать, что, несмотря на критическое положение, в котором они находились, на численное превосходство противника, на слабую привычку к войне и на впечатление, которое должна была на них произвести неожиданная атака в тыл и гром орудий, который большинство слышало в первый раз, они держались превосходно в продолжение почти двух часов, и в это время было убито наповал более половины людей двух полков»^[840].

Генерал Милорадович не щадил себя, чтобы собрать расстроенные батальоны и снова повести их вперед. Он постоянно был в огне. Не без злой иронии об этом писал Ланжерон: «Он чувствовал свою ошибку и делал все, чтобы показать себя перед императором. Так как у него был прекрасный очень быстрый английский конь, он носился на нем галопом вдоль фронта под ядрами и пулями. Он кричал, проклинал, ругался на солдат, все время оказываясь между ними и врагом. Император был убежден, что никто не вел себя так героически, как он»^[841].

В критической ситуации отличился и дежурный генерал граф Волконский. Он схватил знамя Фанагорийского полка и бросился в самое пекло боя, увлекая за собой солдат. Тысячи голосов подхватили раскатистое «Ура!», и вся линия русских батальонов ринулась навстречу французским пулям. Вместе с русскими бросились вперед и австрийцы.

Линии синих мундиров снова извергли пламя и грохот ружейного залпа, и французские солдаты, взяв штыки на руку, с мрачной решимостью двинулись навстречу волне русского натиска. Через минуту все потонуло в лязге штыков, ожесточенных криках, треске прикладов. Русские и французы не уступали друг другу ни в храбрости, ни в упорстве. Громоздя груды окровавленных тел, они почти 20 минут сражались с диким остервенением, практически не сходя с места. Австрийцы также соперничали в доблести со своими союзниками: Зальцбургский полк и батальон Ауэрсперга вели себя как герои, отмечал генерал Штуттерхайм.

«Что касается наших войск, – вспоминал генерал Тьебо, – невозможно найти таких похвал, которые были бы достойны их поведения. Они были несравненны в своем пыле, энергии и энтузиазме... Но как можно рассказать о храбрости наших солдат, не отметив доблести, с которой сражались русские? В этом отчаянном столкновении целые русские батальоны погибали на месте, и солдаты устилали своими телами землю так, что их трупы лежали, отмечая места, где стояли батальоны... До того момента, пока не наступили последние часы битвы, мы не брали пленных, кроме тех, кто сдавались сами... Впрочем, повсюду, кроме тех моментов, когда подобная беспощадность была вынужденной, наши солдаты с готовностью проявляли великодушие по отношению к русским, храбростью которых они восхищались»^[842].

Пока войска Сент-Илера отчаянно оборонялись, дивизия Вандамма перешла в решительное наступление. Ее стремительный удар опрокинул те русские батальоны, которые сражались к северо-востоку от Працена. «Унтер-офицер Никитин, который меня поддерживал под правую руку, был убит, – вспоминал генерал Берг, – и как он упал, он и меня потащил с собою на землю. Замучен до крайности, не мог я скоро подняться, и солдаты думали, что я убит, и вдруг меня все оставили, и, поднявшись, увидел я, что четыре неприятельских солдата меня окружили... и потащили к французскому маршалу Сульту»^{[843][844]}.

Наступление Вандамма, вступление в дело бригады Леваассера на правом фланге Сент-Илера окончательно решили дело. Русская линия заколебалась и бросилась бежать. «Напрасно Кутузов со своей свитой, император Александр и его адъютанты делали все, что

могли, чтобы исправить столь ужасное поражение, которое в сущности было непоправимо, и восстановить порядок в войсках; им не удалось этого достичь. Император кричал солдатам: «Я с вами, я подвергаюсь той же опасности, стой!» – все было бесполезно: неожиданность и панический страх, бывший ее результатом, заставили всех потерять головы»^[845].

Впрочем, Александр недолго пытался остановить бегущих солдат. Огромная толпа охваченных паникой русских и австрийцев хлынула вниз по склону. Штаб был увлечен этим потоком, и скоро вся свита Александра разбежалась в разные стороны. Даже верноподданнический Михайловский-Данилевский вынужден был отметить: «Вообще, когда совершалось поражение четвертой колонны, смятение было так велико, что находившиеся при государе лица потеряли его из вида, сбились с дороги и присоединились к нему уже ночью, а иные через день, даже через два»^[846].

Отныне исход битвы был предрешен. Войска 4-й колонны в беспорядке покатались в сторону Аустерлица. Генерал Милорадович, быть может, совершал ошибки в командовании войсками, зато прекрасно умел составлять рапорты. Вот как он мотивировал и описал бегство союзных войск: «Австрийцы, кои было заняли позицию сзади, оставили оную и отступили назад. Столь гибельное положение, а сверх того, усталость людей, недостаток патронов, трудное местоположение и со всех сторон сильный неприятельский огонь привели до сего упорно сражавшихся солдат в беспорядок при отступлении оных. Я... собрал всех людей, кои проворно собрались, несмотря на пушечные выстрелы... повел я колонну в местечко Аустерлиц, дабы, взяв там патроны, примкнуть к действующему против неприятеля какому-либо полку»^[847].

Разумеется, ни к какому полку толпы беглецов у Аустерлица не примкнули. В 11:30 для солдат 4-й колонны битва закончилась...

От Сантона до Блазовица, 7:30–10:30

В то время, когда бой уже вовсю кипел на южном крыле и когда начиналась атака Сульта на Праценское плато, на северной стороне поля сражения пушки еще молчали. Между семью и восемью часами утра части, подчиненные маршалу Ланну, и кавалерия Мюрата стали выдвигаться и строить боевой порядок на уровне холма Сантон. Непосредственно левым крылом к Сантону встала в две линии дивизия Сюше. Позади Сюше продолжала располагаться дивизия Кафарелли. Рядом с пехотой Мюрат развернул всю свою кавалерию^[848]. Интересно, что дивизия Келлермана, построенная в две колонны, расположилась впереди дивизии Сюше. «Дивизия легкой кавалерии, облаченная в парадную форму, с принцем Мюратом во главе проскакала мимо нас и развернулась впереди наших полков около восьми часов утра», – вспоминал д'Эральд, офицер из дивизии Сюше^[849].

С другой стороны поля боя разворачивались войска князя Багратиона. Поскольку князь имел приказ не атаковать до успеха союзников на южном крыле, его войска, развернувшись в боевой порядок, не спешили начинать бой. Пехота под командованием генерал-адъютанта князя Долгорукого развернулась в две линии к северу от Брюннского шоссе. Кавалерия под командованием Уварова – к югу от шоссе. 6-й егерский полк занял деревни Голубиц и Круг.

С обеих сторон батальоны и эскадроны двигались в образцовом порядке. «Мы развернули каждый батальон в линию, держа ружья “под курок”. Батальоны встали поэшелонно на дистанцию двести шагов в две линии так, чтобы батальоны первой линии не закрывали тех, которые стояли во второй»^[850], – рассказывал д'Эральд, а офицер артиллерии написал: «Наши 150 орудий двинулись вперед и, пройдя через интервалы батальонов трех первых линий, развернулись в боевой порядок в 50–100 шагах от пехоты. Так как я командовал конной артиллерией, я поставил свои пушки немного впереди остальных батарей... Все наши движения были выполнены в таком же порядке и с такой же точностью, как если бы мы были на Марсовом поле. Мы стояли недалеко от неприятеля, однако огонь еще не был открыт...»^[851] Одновременно с развертыванием дивизии Сюше она подалась

облическим^[852] шагом влево, а дивизия Кафарелли, стоявшая позади нее, – вправо. Таким образом, обе дивизии оказались на одном уровне.

Маршал Ланн не спешил начинать бой, потому что войска Бернадотта явно запаздывали. Только около 10 часов утра его дивизии форсировали ручей Гольдбах между Пунтовицем и Гиршковицем и стали медленно продвигаться вперед в пространство между центром и правым крылом союзников. Велит гвардии Баррес вспоминал: «Первый корпус, который стоял позади нас, двинулся вперед, обойдя справа и слева холм [Зуран. – *Примеч. авт.*]. Солдаты и офицеры кричали “Да здравствует император!”, подняв свои шляпы на шпагах, саблях и штыках. Маршал Бернадотт во главе своих войск также приветствовал императора подобным образом, и все это под грохот барабанов, под звуки военной музыки, под гул орудий и треск ружейной пальбы»^[853].

Несмотря на энтузиазм солдат первого корпуса, их командир, видимо, считал, что осторожность – самая лучшая черта полководца, и его дивизии явно отставали от движения французских войск в центре. Войска Бернадотта никоим образом не помогли Сульту на Праценском плато и к 10:30 развернулись в боевой порядок южнее Блазовица между частями Кафарелли и левым флангом Вандамма.

С русской стороны навстречу Бернадотту двигались части Российской Императорской гвардии под командованием великого князя Константина. Гвардия переправилась через реку Литтаву у Валькмюлле и пошла в направлении на Блазовиц. Примерно в километре к западу от переправы гвардейские части построились в боевой порядок. В первой линии развернутым строем встали знаменитые Преображенский и Семеновский полки. Между ними – гвардейская артиллерийская рота. Во второй линии – Измайловский полк и гвардейский егерский батальон. По флангам боевого порядка было поставлено по две пушки. Наконец, позади флангов пехоты расположились лейб-гусары и конная гвардия. Второй отряд гвардейцев, состоявший из лейб-гренадерского полка, кавалергардов и лейб-казаков, находился в этот момент далеко позади основных сил к востоку от Раусницкого ручья.

Интересно, что великий князь Константин не догадывался, что перед ним находится неприятель. Он считал, что войска, которые были видны напротив него, были австрийскими. Ядро, прилетевшее с французской батареи и вырвавшее ряд преображенцев, вывело Константина из заблуждения. Тогда великий князь решил выдвинуть вперед авангард и занять им деревню Блазовиц. Граф де Сен-При, французский эмигрант на русской службе, возглавил это наступление. Батальон лейб-гвардии Егерского полка и батальон семеновцев быстро заняли Блазовиц, выбив оттуда французских стрелков.

Однако в этот момент маршал Ланн, видя приближение частей Бернадотта, перешел в наступление. 13-й легкий полк из дивизии Кафарелли был послан для того, чтобы отбить Блазовиц. На поддержку ему были направлены два батальона 51-го линейного. 13-й легкий^[854] под командованием полковника Кастекса устремился в атаку. Полковник, который сражался в первых рядах, был убит, но деревня была взята. Согласно французским рапортам в деревне было взято в плен 300 русских гвардейцев и 250 было захвачено уже при отступлении из Блазовица. Остатки потрепанных батальонов присоединились к основной массе гвардии.

В этот момент слева от русских гвардейцев появились кавалерийские полки пятой колонны князя Лихтенштейна. Впереди шел Уланский Его Высочества Цесаревича полк (10 эскадронов), за ним 18 эскадронов австрийцев^[855]. Едва только эта конница поравнялась с гвардией, она стала развертываться в боевой порядок. «Цесаревич Константин Павлович очень обрадовался прибытию 5-й колонны, – рассказывает полковая история, – он подскакал к уланскому имени Его полку, поздоровался с солдатами, обнял и поцеловал барона Меллера-Закомельского и, обратясь к фронту, сказал: “Ребята, помните, чье имя вы носите, не выдавай!” – “Рады умереть!” – воскликнули все в один голос...»^[856] Возбужденные речью своего покровителя, не дожидаясь австрийцев, уланы стройными рядами ринулись в атаку.

Это был действительно прекрасный по своему составу полк: отборные люди на отличных конях, новенькое обмундирование и экипировка. Его численность – около 1300 человек^[857] –

равнялась таковой в некоторых французских кавалерийских дивизиях. Тем не менее офицеры и солдаты по большей части еще ни разу не участвовали в битвах и были совершенно неопытны, а кони не обстреляны...

Полк устремился вперед в бешеном порыве. Впереди с обнаженной саблей мчался генерал-лейтенант Эссен 2-й, командир всей русской кавалерии 5-й колонны. За ним ураганом пронеслись по полю плотные линии русских кавалеристов и с громовым «Ура!» обрушились на дивизию Келлермана.

Как уже отмечалось, легкая кавалерия Келлермана стояла в колоннах побригадно впереди пехоты. Правая – бригада Маризи – состояла из 4-го гусарского и 5-го конно-егерского полков. Судя по всему, атака русских улан была абсолютно неожиданной, а это в кавалерийских стычках – фактор определяющий. Французские гусары не успели ни развернуться в боевой порядок, ни контратаковать. Они были буквально сметены лавиной русской конницы. В рапорте о действиях легко-кавалерийской дивизии дипломатично и коротко написано: «Эта атака казаков [речь, разумеется, идет об уланах. – *Примеч. авт.*] была столь яростной... что мы были вынуждены отступить до уровня нашей пехоты»^[858].

Смяв французскую кавалерию, уланы продолжили свою отчаянную атаку и влетели на французские орудия. Октав Левавасер со своими пушками опять оказался в самой гуще схватки. «Ужасающие крики раздались из дыма, который закрывал от меня правую сторону, – вспоминал он, – галоп коней, звон сабель говорили о том, что это конная атака... Вся кавалерия Великого князя Константина устремилась на мои орудия. Артиллеристы бросились кто под зарядные ящики, кто под пушки, другие принялись драться банниками... Я был прижат к нашим упряжным лошадям и сошелся в рукопашной схватке с офицером, который ударом сабли отрубил мне мизинец на правой руке. Вдруг его конь упал, сраженный пулей. Офицер бросился тогда к моему стремени и сказал мне [по-французски. – *Примеч. авт.*]: “Согласитесь, мы с вами оба храбрецы”. Он повторил несколько раз эти слова, оставшись рядом со мной и рассматривая себя как моего пленника»^[859].

Пуля, сразившая коня русского офицера, была выпущена из рядов пехоты Кафарелли. Солдаты этой дивизии с таким же спокойствием, как на учениях, построились в батальонные каре, пропустили сквозь интервалы всадников Келлермана, а затем открыли убийственный огонь по русской кавалерии. Полк улан цесаревича оказался зажатым между стенами пехоты. Тысячи ружей обрушили шквал свинца на храбрых всадников. Уланы в беспорядке заметались между французскими каре. Один за другим трещали залпы в упор. Только что храбро атаковавший полк смешался в беспорядке. Безумно скакали испуганно ржущие кони, кавалеристы, не находя выхода из губительной ловушки, десятками падали под ливнем свинца...

Почти в тот же миг раздался тяжелый топот мощных коней и звон оружия. Это были кирасиры и карабинеры Нансути, которые стеной обрушились на мечущихся в смятении конников. А еще через несколько мгновений оправившиеся после неудачи гусары и конные егеря Келлермана налетели с фланга и тыла на пришедший в полный беспорядок полк. Половина улан была застрелена, зарублена, заколота, взята в плен (28 офицеров и 680 рядовых были убиты или пропали без вести согласно полковым документам)^[860]. Командир полка генерал-майор Меллер-Закомельский был ранен пулей в грудь и попал в плен. Генерал-лейтенант Эссен 2-й был смертельно ранен. Остатки еще недавно блестящего полка крупным галопом понеслись в сторону войск Багратиона, спасаясь от преследования французской конницы. Однако на русских позициях собралось всего лишь 200 улан, остальные рассеялись. Многие не смогли удержать своих горячих необстрелянных донских коней, которые, закусив удила, унесли своих наездников в разные стороны. Это был полный разгром...

В это время дивизия Риво перешла в наступление. Его батальоны, пройдя Гиршковиц, стали развертываться в боевой порядок. Но к этому времени изготовились к атаке австрийские кавалерийские полки пятой колонны. Лихтенштейн, прекрасный командир,

«родившийся для битв», как сказал о нем Меттерних, бросил вперед Лотарингских кирасир и кирасир Нассау. Но белые эскадроны австрийцев встретил плотный огонь пехоты Риво. Тщетно австрийские генералы вели снова и снова своих кирасир навстречу тесно сомкнутым колоннам. Французская пехота действовала четко и слаженно, хладнокровно подпуская вражеских всадников на близкую дистанцию, а затем открывая убийственный огонь.

Генерал Карамелли был сражен насмерть французской пулей, Ауэрсперг, командир Лотарингского полка, также упал, обливаясь кровью, перед фронтом пехоты. Лихтенштейн был вынужден отказаться от дальнейших атак и увести свои расстроенные эскадроны от полного разгрома. Он отошел в сторону Праценских высот, где снова попытался собрать их и прикрыть отступление союзной армии...

Великий князь Константин остался без кавалеристов Лихтенштейна. Он не получил никаких приказов и не знал, что делать. Осмотревшись вокруг и не видя поблизости ничего похожего на союзные войска, он решил, что самое лучшее в данной обстановке – присоединиться к центру союзных войск^[861]. По его приказу гвардейские полки, построившись в колонны по отделениям, двинулись влево в сторону Праценского плато, а чтобы прикрыть с фланга движение колонн на марше, были выделены отряды стрелков.

Снова Праценское плато, 11:30–13:00

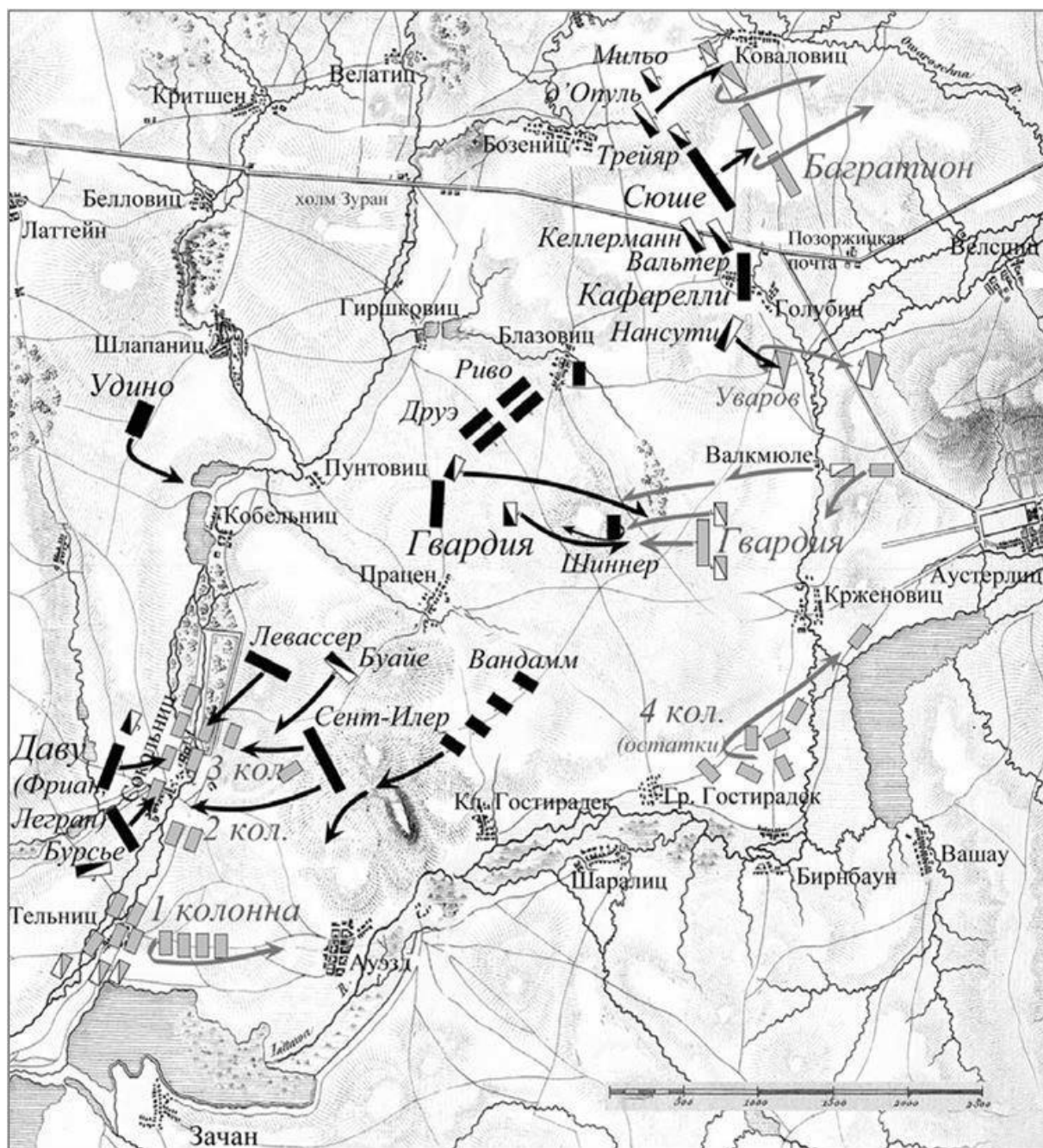
Около 11:30 войска Сент-Илера и Вандамма, разбив четвертую колонну союзников, остановились на Праценском плато. Что делать дальше, генералы не знали. Никаких приказов на этот счет не было. Это еще раз подтверждает, что никакого заранее составленного плана прорыва центра не существовало, в этом случае командиры дивизий знали бы прекрасно, что им нужно далее делать. Но остановка продолжалась недолго. Примерно в это время во главе своей свиты с эскортом из взвода гвардейских конных егерей показался Наполеон. «Вы все храбрецы!» – воскликнул он, обратившись к своим генералам. Император был явно доволен результатами боя. Однако нужно сказать, что эти результаты были, скорее всего, не совсем такие, на которые он рассчитывал накануне. На северном фланге дела шли успешно, однако медленное продвижение Бернадотта помешало достигнуть здесь быстрого и решительного успеха. С другой стороны, дела на южном крыле обстояли даже лучше, чем рассчитывал французский полководец. Легран и Фриан сумели полностью заблокировать продвижение вперед главных сил союзников. Наконец, на Праценском плато благодаря редкой отваге и мастерству французские полки добились блистательного успеха. В этих обстоятельствах император отдал приказ Сент-Илеру и Вандамму делать захождение левым крылом вперед, чтобы окружить и разгромить колонны союзников, топтавшиеся вокруг Тельница и Сокольница.

Итак, главным движением этого дня стал марш корпуса Сульта левым крылом вперед (по часовой стрелке). Стоит вспомнить, что в диспозиции было черным по белому написано: «маневр дня... должен быть марш вперед пошелонно правым крылом вперед». Как можно еще раз видеть, план, существовавший к восьми часам вечера 1 декабря, был изменен. Входило ли это изменение в указания, данные Сульту и другим маршалам ночью и на рассвете, сказать сложно. Ясно одно – что генеральная диспозиция на день 11 декабря подобного маневра не предполагала.

В то время, когда Сент-Илер и Вандамм начали свое движение, к Праценскому плато, по указанию императора, уже приближались части императорской гвардии. Именно в этот момент со стороны Крженовица были замечены какие-то массы войск, движущиеся к плато. Ясно, что это могли быть только русские полки. По приказу Вандамма в эту сторону была выделена часть бригады Шиннера (1-й батальон 4-го линейного и 2-й батальон 24-го легкого) для того, чтобы хотя бы на некоторое время задержать неприятеля.

Неизвестными войсками была русская гвардия под командованием Константина. Едва увидев справа от себя французские отряды, гвардейцы построились в боевой порядок. Тотчас

преображенцы и семеновцы с криком «Ура!» бросились в штыки и опрокинули стрелков бригады Шиннера. В этот же момент в атаку двинулись конногвардейцы и лейб-гусары. На их пути оказались сомкнутые батальоны 4-го линейного и 24-го легкого. Едва русские гвардейцы увидели их, как тотчас же атаковали.

Битва при Аустерлице. Ситуация на 12 часов

Майор Бигарре, командир 4-го линейного полка, так запомнил произошедшее: «Колонна из всей кавалерии русской императорской гвардии... развернулась на расстоянии ружейного выстрела от нашего батальона. Перед нами выкатили шесть орудий конной артиллерии, которые, открыв огонь картечью, посеяли беспорядок в рядах батальона... Первая атака [русских кавалеристов. – Примеч. авт.] была отбита огнем нашего каре в упор. Но следующую атаку третий русский полк [речь идет об атаке поэшелонно одним и тем же

полком. – *Примеч. авт.*] произвел в тот момент, когда ружья были разряжены. Он прорвал каре, и его всадники, скача взад и вперед, порубили больше 200 человек... Командир батальона Ги и 10 офицеров были убиты и ранены в этом бою. Я получил больше 25 ударов палашом по голове, по плечам и по рукам. Впрочем, раны от них были не глубокие, а то и просто это были ушибы. 24-й полк легкой пехоты, который допустил ошибку и остался в развернутом строю, был также опрокинут этой кавалерийской атакой»^[862].

Во время отчаянного рукопашного боя орлоносец 4-го линейного был зарублен, а знамя упало на землю. Полковая история конногвардейского полка так рассказывает о происшедшем: «3-й взвод 2-го эскадрона, под командою поручика Хмелева, сшибает с ног французского знаменосца. Правофланговый наш рядовой Гаврилов соскочил с лошади, поднял упавшее французское знамя и только успел передать его подскакавшему рядовому Омельченке, как был поражен неприятельскими штыками. Французы кинулись вперед, чтобы спасти свое знамя, но рядовые Ушаков и Лазунов подскакивают на выручку Омельченке. Завязался бой на жизнь и на смерть, но все-таки знамя остается за нами, в руках Омельченки... Омельченко, Ушаков и Лазунов сами привезли к Наследнику Цесаревичу отбитое знамя»^[863].

Эта версия, как кажется, соответствует действительности, хотя майор Бигарре будет позже клясться и божиться, что ни он, ни его солдаты не заметили потери орла в дыму и пыли. Хотя не исключено, что те солдаты, которые пытались спасти знамя, были убиты или ранены^[864].

В тот момент, когда началась атака русской гвардии, на плато поблизости почти не было французских полков. Французская пешая гвардия была еще на подходе, и в распоряжении императора не было ничего, кроме гвардейской кавалерии. Маршал Бессьер рассказывает в своем рапорте: «Император отдал мне приказ двинуться вперед с кавалерией, чтобы поддержать 4-й полк линейной пехоты и 24-й легкой пехоты, сильно атакованные неприятелем»^[865]. Я тотчас же приказал полковнику Морлану с двумя эскадронами конных егерей идти на левом крыле и атаковать вражескую пехоту... Я заметил, что противник желал обойти меня справа, и тотчас же послал генерала Орденера с тремя эскадронами конных гренадер, чтобы удержать его, а князя Боргезе еще с одним эскадроном я поставил уступом справа и позади от генерала Орденера. Это движение я приказал поддержать артиллерийской батарее командира эскадрона Догеро. Полковник Морлан бросился со своими войсками на вражескую пехоту и врубился в нее. Началась отчаянная рукопашная схватка. Конные егеря, понесшие потери от картечи и ружейного огня, на какой-то момент вынуждены были уступить перед численным превосходством, но они отступили в порядке»^[866].

На самом деле атака Морлана была, без сомнения, неудачной. Русская пехота, используя естественные препятствия и, в частности, виноградники, встретила французских конных егерей огнем и штыками и остановила их. Не слишком ясно, что делали в этот момент конные гренадеры. Похоже, что на этом этапе боя они либо не приняли участия в схватке, либо также были отражены, хотя и не понесли практически никаких потерь.

Тот факт, что французская кавалерия была опрокинута в начале боя между гвардиями, подтверждается воспоминаниями генерала Друэ: «Император... вызвал мою дивизию, чтобы поддержать центр. Чтобы скорее прийти на угрожаемый пункт, я пошел через болотистую местность и построил прямо на ходу мою дивизию в колонны пополубатальонно. Я атаковал русских. Их кавалерия устремилась вперед с большой решительностью и прорвалась в интервалы между моей пехотой, чтобы атаковать **гвардейских конных егерей, которые приводили себя в порядок после атаки позади моей дивизии**»^[867].

В результате буквально в двух шагах от штаба возникло замешательство, а беглецы 4-го линейного оказались прямо рядом с императором. «Они бежали почти на нас и на Наполеона, – вспоминал Сегюр. – Напрасны были усилия их остановить. Они ничего не слушали и на наши упреки в том, что они покидают поле боя и своего императора, они отвечали лишь машинальным криком “Да здравствует император!”, который они издавали и

бежали дальше со всех ног. Наполеон улыбнулся с сожалением и, сделав небрежный жест, сказал нам: «Оставьте их». Он сохранял абсолютное спокойствие»^[868].

В этот же миг император позвал своего адъютанта генерала Раппа: «Там, кажется, беспорядок. Возьмите гвардейскую кавалерию и восстановите бой». Храбрецу Раппу не надо было повторять подобный приказ дважды. Он тотчас же схватил два эскадрона конных егерей, один – конных гренадер, роту мамелюков и устремился вперед. «Я отправился галопом и скоро увидел результаты разгрома. Кавалерия была среди наших каре и рубила наших солдат. Немного позади мы видели пешие и конные массы в резерве. Противник оставил свою добычу и стал разворачиваться навстречу нам. Несколько артиллерийских орудий прилетели в галоп, и я развернул их против них. Мы двигались в сомкнутом порядке... «Смотрите, – прокричал я. – Там топчут наших друзей, наших братьев по оружию! Отомстим за них, отомстим за наши знамена!»^[869]

С громовым «Да здравствует император!» егеря и мамелюки рванулись в бешеный галоп. Лейб-гусары и конногвардейцы не успели сделать нескольких шагов, чтобы разогнаться для атаки, и бешеный вихрь наполеоновских «кентавров» обрушился на почти неподвижную массу русских всадников. Яростные удары сабель конных егерей, свист кривых клинков мамелюков, дикие крики и вопли сражающихся на несколько мгновений наполнили Праценское плато.

«Хотя раненый и промокший, я поднялся и закричал: «К оружию!» – рассказывал лейтенант Дюпэн из 4-го линейного, который, подобно сотням солдат, лежал на земле, чтобы избежать ударов русских палашей, – по этому крику, тысячу раз повторенному, все, кто могли, встали и бросились помогать гренадерам и мамелюкам. Невозможно вообразить, насколько отчаянной была эта схватка и эта резня»^[870].

Бой был яростный, но короткий, и вот уже опрокинутые, рассеянные лейб-гусары и конногвардейцы понеслись карьером, преследуемые стремительной волной французских кавалеристов. Эскадроны Раппа с ходу бросились на все, что им попадалось по пути: рубили, кололи, опрокидывали, брали в плен...

«Эта атака кавалерии Императорской Гвардии, – сказал Наполеон, – одна из самых прекрасных, которые когда-либо имели место, и делает честь равным образом и командиру, который ею руководил, и отборным войскам, которые ее исполнили. Какова бы ни была сила линий неприятеля, вставших на их пути, будь то кавалерия, будь то пехота, – ничто не смогло устоять под страшным ударом, все было опрокинуто»^[871].

Отброшенные этим ударом русские гвардейские части начали отход кто в порядке, кто в беспорядке. «С этой минуты положение гвардии сделалось крайне затруднительным, – повествует История лейб-гвардии Гусарского полка. – Ровная местность нигде не представляла выгодной позиции, между тем, топкий ручей и ужасная грязь препятствовали движению войск... До переправы оставалось версты полторы. Неприятельские силы, с каждой минутой возрастающие числом, не давали нам ни минуты отдыха, а напротив, немедленно бросались в атаку, лишь только замечали, что мы останавливаемся...»^[872]

Стрелки из дивизии Друэ поддержали атаку Раппа. Продвигаясь вслед за гвардейскими эскадронами, своим точным огнем они наносили большие потери отступавшим русским пехотным частям. Особенно сильно пострадали семеновцы. Судя по всему, мамелюкам и конным егерям удалось врубиться в каре лейб-батальона Семеновского полка. Каре не было опрокинуто, но превратилось в бесформенную толпу, которая отчаянно отбивалась от наседающих французских всадников. В яростном бою вахмистр мамелюков Антуан Роне захватил одно из знамен батальона^[873].

В этот момент с противоположной стороны речки к плотине подходил второй эшелон русской гвардии. Впереди шли пять эскадронов кавалергардов и две сотни лейб-казаков. Эскадроны лучшего в России конного полка были не только в полном составе – на пять эскадронов приходилось 800 человек (!), – но и к тому же он был необычайным образом облачен в самую полную парадную форму, которая только существовала. Князь Репнин, исполнявший в этот день обязанности командира полка, вспоминал, что с утра они

выступили, столь мало помышляя о битве, что «Кавалергардскому полку было приказано готовиться к инспекторскому смотру», и потому «начали чиститься, одеваться, пудриться, приделывать чепраки, вновь привезенные из Петербурга»^[874].

Действительно, кавалергарды нагоняли армию на марше. Утром 2 декабря полк был еще в 14 км от Аустерлица, его офицеры понятия не имели, что в этот день состоится генеральное сражение, и только по звукам канонады узнали, что впереди кипит битва. «Пройдя Аустерлиц, – рассказывал князь Репнин, – увидели мы весь горизонт, покрытый боем». Едва полк успел переправиться через Раусницкий ручей по плотине у Валькмюлле, как прискакал великий князь Константин, который прокричал, обращаясь к полку: «Выручайте пехоту!»

Кавалергарды пришпорили коней и, поднявшись из долины реки, «увидели перед собой семеновцев, окруженных кавалерией, отбивающих у нее свои знамена. Кругом ни вправо, ни влево не видно было русских частей войск, видны были лишь кучки бегущих, а общим фоном этой картины была стена французской пехоты»^[875].

Это был первый бой кавалергардов. Ни офицеры этого полка, элита Санкт-Петербургской аристократии, ни солдаты, лучшие в физическом отношении высокие рекруты, в большинстве своем никогда не нюхали пороха. Но положение обязывает. Они были первым полком Российской конной гвардии, и потому, несмотря на неожиданность, несмотря на очевидное катастрофическое положение, кавалергарды с ходу развернулись к атаке. Трубы пропели короткий сигнал, и стройные эскадроны облаченных в белоснежные колеты всадников, увенчанных высокими черными касками с гребнем, сначала рысью, а потом галопом ринулись навстречу неприятелю.

Выбирать цель особенно не приходилось. Нужно было атаковать прямо перед собой. Поэтому три первых эскадрона, стоявших, как им и положено, на правом фланге полка, понеслись на французскую пехоту, а четвертый и пятый эскадроны – прямо навстречу коннице Раппа^[876].

При виде атакующей русской кавалерии французские стрелки хлынули назад, а генерал Друэ остановил свои батальоны, стоявшие в сомкнутом строю. «Я дал приказ, – вспоминал он, – полковникам моей дивизии приготовиться, чтобы достойно ее [конницу. – *Примеч. авт.*] встретить. Когда русская кавалерия показалась в интервалах, на нее обрушился плотный огонь в упор. Она понесла большие потери и была обращена в бегство»^[877].

На самом деле, потери трех первых эскадронов кавалергардов были не слишком велики^[878]. Однако нет сомнения, что шквал перекрестного огня целой дивизии преодолеть было невозможно, и первые эскадроны, смешавшись, поскакали назад. Зато 4-й и 5-й врубались в ряды конных егерей и мамелюков. Завязалась отчаянная схватка. Опрокинутые конные гвардейцы и гусары воспрянули духом и снова бросились в бой. Для французской гвардейской кавалерии и лично Раппа настал момент тяжелого испытания. Самого Раппа пытались окружить со всех сторон, его ранили в голову, а конь под ним был ранен пять раз! Но успех русских кавалеристов был недолгим. В бой устремились французские конные гренадеры на своих громадных черных конях. Как рассказывает легенда, они влетели в схватку с возгласом: «Заставим плакать Санкт-Петербургских дам!»

На этот раз свалка была ужасной. Конные егеря, кавалергарды, конные гренадеры, конногвардейцы, мамелюки – все смешались в дикой иступленной драке. Это был тот редкий случай в быстротечных обычно кавалерийских сшибках, когда исход боя решался в упорном, кровавом рукопашном бою. В течение четверти часа не было слышно ничего, кроме остервенелых криков сражающихся, лязга стали и хрипа коней... «Эта четверть часа показалась нам вечностью, – вспоминал пеший гренадер императорской гвардии Куанье, который из рядов своего батальона с тревогой всматривался в ужасную свалку, – мы не могли ничего разобрать в дыму и пыли. Мы боялись увидеть наших товарищей разбитыми, поэтому медленно двигались вслед за ними. Если бы они были опрокинуты, то наступила бы наша очередь»^[879]. Но очередь Куанье не наступила. Клубок всадников заколебался, дрогнул

и вдруг хлынул в сторону узкой плотины Валькмюлле... Русская конная гвардия была разбита.

Через несколько минут к Наполеону и его свите подлетел кавалерист с обломком сабли в руке. Он резко остановил взмыленного забрызганного кровью коня прямо перед императором и громко воскликнул: «Сир! Мы опрокинули, изрубили русскую гвардию. Ее артиллерия взята!» Это был Рапп, который в разодранном мундире, без шляпы, с гордо поднятой всклокоченной головой сообщил Наполеону результаты легендарной атаки. Таким он вошел в историю на легендарном полотне Франсуа Жерара...

Это произошло около часа дня. Центр союзников был окончательно рассеян, русская гвардия покинула поле сражения. Спустя некоторое время к императору подвели захваченных в плен офицеров кавалергардов, и впереди них был князь Репнин.

«— Ваше имя, сударь, — обратился император к князю.

— Князь Репнин.

— Вы командуете гвардией императора Александра?

— Я полковник и командир эскадрона в полку кавалергардов.

— Ваш полк достойно исполнил свой долг.

— Это самая прекрасная награда — получить похвалу от великого человека.

— Я с удовольствием воздаю вам должное. А кто этот молодой человек рядом с вами?

— Это сын генерала Сухтелена. Он служит поручиком в моем эскадроне.

— Не слишком ли он юн для того, чтобы сражаться с нами?

— Не обязательно состариться, чтобы стать отважным, — смело ответил поручик^[880].

— Прекрасный ответ, молодой человек. Вы далеко пойдете, — произнес Наполеон и добавил: — Пусть этих господ отведут на мой бивак, пусть о них хорошо позаботятся и пусть доктор Ларрей осмотрит их раны. До свидания, князь Репнин»^[881].

От Позоржица до Блазовица, 10:30–16:30

После атаки улан Цесаревича и взятия французами Блазовица бой на северном крыле продолжался, но обе стороны ограничивались артиллерийским огнем и отдельными кавалерийскими атаками. Согласно рапорту дивизии Келлермана, легкая кавалерия этой дивизии ходила в атаку восемь раз, причем половина этих атак была произведена еще до начала решающего столкновения между пехотными линиями. Вместе с гусарами и конными егерями Келлермана в атаку ходили и драгуны Вальтера. С ними скрещивали сабли русские гусары и драгуны Чаплица, Витгенштейна и Уварова.

В частности, сразу после того, как 13-й легкий захватил Блазовиц, с обеих сторон в атаку опять устремилась кавалерия. Уваров, который командовал русской конницей на этом участке поля сражения, писал в своем рапорте следующее: «увидал я цесарскую [австрийскую. — *Примеч. авт.*] инфантерию опрокинутою неприятелем и бегущую с левого фланга на правый перед моим фронтом. Неприятельская кавалерия, воспользуясь сим беспорядком, и за бегущую цесарскою инфантериею приблизилась к Елисаветградскому гусарскому полку, который храбро употреблял все возможное, чтоб удержать неприятеля, **не щадя даже цесарскую инфантерию**»^[882]. Иначе говоря, русские гусары начали рубить австрийских пехотинцев!

Колен пишет: «Здесь произошло довольно странное и малоизвестное событие. Согласно многим французским реляциям, среди защитников Блазовица были австрийцы, и русская кавалерия порубила их, в то время как они сдавались в плен 13-му легкому и 51-му линейному. Однако известно, что австрийской пехоты не было в Блазовице, и наши солдаты, очевидно, спутали их с русскими из-за схожести униформы. Так что, очевидно, русская кавалерия рубила свою собственную пехоту»^[883]. Рапорт Уварова, в котором несколько раз подчеркивается, что бежали именно австрийцы, доказывает, что французские солдаты ничего не перепутали — русская кавалерия рубила именно союзников, а не русских солдат.

В истории лейб-гвардии Егерского полка, составленной на основе полковых документов, также говорится о том, что в Блазовице вместе с лейб-егерями были австрийцы, которые, «увидев французов, разбежались и кинули ружья»^[884]. Откуда взялись австрийцы в Блазовице, действительно, не очень понятно. В ряде русских источников упоминается, что сюда был направлен один из австрийских батальонов колонны Коловрата. Кроме того, вместе с русской гвардией действовала австрийская батарея Цокки. Быть может, это были солдаты из ее прикрытия. Так или иначе, этот эпизод, хотя и не имел никакого серьезного влияния на ход боя, ярко показывает отношения, которые сложились между союзниками в эту войну.

Мюрат, видя перед собой странное зрелище, вначале не поверил, что это действует русская кавалерия. Он «подумал, что это баварцы»^[885], и приказал [своей конной артиллерии. – *Примеч. авт.*] прекратить огонь, – сообщает рапорт начальника штаба Мюрата. – Принц оказался в опасности, и офицеры его штаба и эскорт должны были решительно атаковать, чтобы защитить его. Поняв свою ошибку, принц бросил в атаку кавалерию генерала Нансути, которая, выйдя из-за правого фланга пехоты, двинулась на врага, а он, со своей стороны, двинулся на нее. **И так началась великолепная и блистательная схватка конницы**, – повествует далее рапорт в стиле средневековых хроник. – В течение четырех или пяти минут все смешалось, и с обеих сторон рубились саблями. Храбрые полки карабинер, поддержав свою старую репутацию, и второй полк кирасир опрокинули врага на его вторую линию. Тогда вступила в бой эта линия. С нашей стороны против нее вступила линия из кирасирских полков. Три атаки были проведены одна за другой, и повсюду враг был опрокинут, оставив много убитых на поле сражения. Эта прекрасная атака... сделала нас хозяевами высот рядом с Кругом и Голубицем так же, как и самими деревнями. Было взято также восемь артиллерийских орудий, и все неприятельские войска, стоявшие слева от дороги, были опрокинуты»^[886].

Рапорт Уварова, хотя, конечно, и выдержан в других тонах, но, в общем, подтверждает донесение штаба Мюрата. «Решился сам атаковать, – пишет Уваров, – и ударя неприятеля, вскакавши в его линию, продолжали рубиться с жестокостью, отчего урон с обеих сторон был весьма ощутителен. В сие ж время инфантерия и артиллерия неприятельская, подвинувшись на мои фланги, произвела такой огонь, что при всей храбрости полков, в команде моей бывших, принужденными нашлись отступить и ретироваться через речку»^[887].

В это время Багратион произвел попытку отвлечь внимание французов атакой на их крайний левый фланг. Между Бозеницем и Сивицем он двинул в атаку 5-й егерский полк, поддержанный казаками и Мариупольскими гусарами. Эта атака была отбита 17-м легким, гусарами Трейяра и конными егерями Мильо, а также огнем артиллерии с Сантона.

Пока на флангах кипела ожесточенная кавалерийская рубка, пехота с обеих сторон оставалась недвижимой. «Мы стояли в развернутом строю, по команде барабанной дробью огонь прекратился, – писал д'Эральд, вспоминая о том, как была отражена последняя атака русской кавалерии на дивизию Сюше. – В каждом батальоне командиры приказали выйти вперед [на несколько шагов. – *Примеч. авт.*] знаменосцу и фланговому с фаньоном»^[888], а затем выдвинули батальон на эту линию. Шеренги были выровнены, и была отдана команда «под курок». Маршал [Ланн. – *Примеч. авт.*] скакал взад и вперед вдоль нашего фронта. Мы не двигались... Наши вольтижеры, обученные в ходе кампании старыми солдатами, были единственными, кто вел бой, рассыпавшись в цепи... Русские ядра врезались в сомкнутые ряды. Наши солдаты встречали смерть, недвижно стоя на месте, держа ружья в соответствии с командой. Ядра и гранаты, которые попадали в землю перед нами, отскакивали рикошетом и, перелетая через строй пехоты, поражали иногда линию кирасир, которые снова встали в 600–700 шагах позади нас. Когда ядра попадали в кирасы, раздавался такой звук, как будто били по котлу. Было примерно 11 часов дня. К счастью для наших батальонов, русская артиллерия перенесла свой огонь на наши пушки, которые менее чем в три четверти часа были выведены из строя»^[889].

Рапорт Сюше подтверждает слова его офицера: «Пехота, развернутая в линию, выдерживала с самым большим спокойствием орудийный огонь. Вырванные ядрами ряды тут же заполнялись. Приказ Его Величества был пунктуально выполнен, и, быть может, в первый раз на войне большая часть раненых самостоятельно добиралась до госпиталей»^[890].

Только около полудня, после того как кирасиры Нансути окончательно отбросили кавалерию Уварова, французская пехота перешла в наступление. Дивизия Кафарелли почти беспрепятственно заняла Круг и Голубиц. В это же время кирасиры д'Опуля, передвинувшись к левому флангу пехоты, вместе с драгунами Вальтера и легкой кавалерией атаковали русскую пехоту и казаков в районе Сивица и Коваловица.

Теперь наступила очередь дивизии Сюше. По приказу маршала Ланна его дивизия сделала перемену фронта, выдвинув свой правый фланг вперед, и двинулась навстречу пехоте Багратиона, которая располагалась наискосок по отношению к главной дороге. Левый фланг русских батальонов упирался в Позоржицкую почту, а правый находился немного впереди Коваловица. Увидев приближение французов, линия войск Багратиона двинулась навстречу им.

Участник этих событий д'Эральд, вероятно, надолго запомнил произошедшее дальше и оставил очень яркое и точное описание пехотного боя между дивизией Сюше и войсками Багратиона: «Раздались звуки русских рожков. Солдаты всех их батальонов... сняли ранцы... Русская артиллерия прекратила огонь, и линии пехоты двинулись на нас под звуки музыки. Мы стояли с ружьем под курок в полной тишине, наши роты вольтижеров отступали перед русскими батальонами, ведя убийственный огонь. Когда до неприятеля оставалось около 200 шагов, маршал Ланн, постоянно носившийся в галоп вдоль нашей линии, подъехал к барабанщикам... приказал бить атаку и ускакал. Генерал Сюше прыгнул с коня и встал справа от гренадер, сказав, что в этой ситуации он хочет доказать им все свое доверие. Солдаты закричали "Вперед!", и по всей линии раздался громовой клич "Да здравствует император!", который всегда предвещал смертельную схватку. Офицеры удерживали солдат, которые хотели идти слишком быстро... Перед нами был небольшой овраг, отделявший русских от французов. Наши стрелки держались в нем некоторое время, а затем оставили его, побежав в нашу сторону. Русские устремились вперед, перешли овраг и скорым шагом двинулись на нас со штыками наперевес. Наши батальоны, держа ружья "под курок", медленно шли навстречу. В десяти шагах от нас первая линия русских остановилась и дала залп. Французские батальоны взяли штыки на руку, идя стройными рядами, как на маневрах в Булонском лагере. Они ускорили шаг. Многие русские батальоны заколебались и повернули назад, другие встретили нас стоя на месте. Они получили залп в упор и были опрокинуты с первого удара»^[891].

Одновременно с этим наступлением пехоты Мюрат выдвинул вперед свою кавалерию. Драгуны Вальтера и кирасиры д'Опуля вместе с легкой кавалерией Келлермана, Трейяра и Мильо поскакали в атаку слева и справа от пехоты. Все русские войска, стоявшие севернее Раусницкого ручья, были отброшены и начали отступать вдоль шоссе. В особенно трудную ситуацию попал Архангелогородский полк и его шеф генерал Каменский 2-й. «Упорно, но непродолжительно было сопротивление Каменского, – рассказывает Михайловский-Данилевский. – Несколько раз конница окружала его, атакуя со всех сторон; в промежутки нападений французы громили его артиллерию. В один час выбыло из строя в Архангелогородском полку с лишком 1600 человек. Полк отступил в расстройстве, и здесь едва не погиб граф Каменский... При общем смятении упал он с лошади, пробитой ядром. Батальонный адъютант Закревский... предложил ему свою лошадь, и граф Каменский спасся на ней, выводя из огня остатки полка своего. Тогда, видя несчастный оборот дел в центре, князь Багратион начал отступать, сохраняя свое обычное хладнокровие»^[892].

Конница Мюрата и пехота Ланна теперь двинулись вперед всем фронтом, опрокидывая все, что попадалось им на пути. «Никогда в битве не сражались с таким порывом, – гордый за своих кавалеристов, написал в рапорте Мюрат. – Никогда еще не шли вперед в таком порядке, никогда движения и эволюции не совершались с таким спокойствием и точностью,

несмотря на град ядер, гранат, картечи и пуль, который сыпался на наши войска. Целые ряды выносили неприятельские снаряды, но они тотчас же смыкались, и ни один солдат не оставлял строя...»^[893]

Наступающие батальоны и эскадроны французов опрокинули часть русского правого фланга в Раусницкий ручей. Особенно досталось кавалерии Уварова. Среди отступавших была и конная батарея под командованием Ермолова. Вот что он вспоминал об этом моменте: «Потеря наша наиболее умножилась, когда войска стеснились у канала чрезвычайно топкого, на котором мало было мостов, а иначе, как по мосту, перейти через оный было невозможно. Здесь бегущая конница наша бросилась вброд и потопила много людей и лошадей, а я, оставленный полками, при коих я находился, остановил свою батарею, предполагая своим действием оной удержать преследующую нас конницу. Первые орудия, которые я мог освободить от подавляющей их собственной кавалерии, сделав несколько выстрелов, были взяты, люди переколоты, а я достался в плен^[894]»^[895].

Самое удивительное при этом то, что генерал Багратион сумел благодаря своей энергии и мужеству оторваться от наседающих со всех сторон французских войск, вывести свои части из боя и отойти со своей пехотой к Раусницу, где русские полки привели себя хотя бы в относительный порядок. Части Багратиона сумели избежать разгрома еще и потому, что к ним в последний момент пришла неожиданная помощь. Со стороны Ольмюца на шоссе показалась 12-орудийная батарея. Это были австрийские пушки майора Фриренбергера. Подобно русской гвардии, они догоняли армию и прибыли уже в самый разгар битвы. Австрийский офицер своевременно развернул свою артиллерию на удобной позиции на небольшом возвышении к северу от шоссе и при виде наступающих французских полков открыл ураганный огонь. «Стрельба велась так умело, что неприятель был вынужден отвести назад свои батареи, – отмечалось в австрийской реляции о битве, – и наступление всего французского левого крыла остановилось»^[896].

Нет сомнений, что части Ланна и Мюрата были утомлены долгим отчаянным боем, и прибытие даже небольшого австрийского резерва сыграло значительную роль. Кроме того, Мюрат и Ланн слышали далеко позади себя справа грохот пушек. Они решили, что следует проявить осторожность: «Желанием Его Императорского Высочества [Мюрата. – *Примеч. авт.*] было продолжать преследование противника и захватить высоты Раусница и Аустерлица, куда он отступил, – написано в рапорте, составленном в штабе Мюрата. – Но на правом крыле все так же продолжался бой. Принц, не имея новостей... опасаясь, что Его Величеству могут потребоваться его войска, решил прекратить движение вперед, чтобы не удаляться от главных сил еще более. Было приказано остановить марш, чтобы в случае чего послать подкрепление Его Величеству»^[897].

Примерно в 16:30 огонь прекратился по всей линии войск Мюрата и Багратиона. Отрядам дивизии Кафарелли, которые продвинулись за Раусницкий ручей, было приказано вернуться обратно. Французские войска остановились в результате поперек шоссе примерно в 2 км впереди Позоржицкой почты. Их левый фланг стоял немного западнее Коваловица, а правый фланг располагался вдоль Раусницкого ручья перед Голубицем.

Сокольниц, Ауэзд и Зачан. 13:30–16:30

В то время как войска Наполеона громили центр и оттесняли правый фланг союзников, южное крыло русско-австрийской армии продолжало оставаться недвижимым в районе Тельница и Сокольница. Войска не двигались ни назад, ни вперед. Генерал Буксгевден, командующий обходящей группировкой, находился на небольшом холме к юго-востоку от Сокольница, а войска первой колонны стояли еще южнее. Генерал Ланжерон язвительно написал о своем непосредственном командире: «Гордый своим небольшим успехом в Тельнице, он, надувшись от сознания своей важности, неподвижно стоял на холме и не отдавал ни одного приказа. Его лицо было малинового цвета [по причине

опьянения. – *Примеч. авт.*], и было такое впечатление, что он не понимает, что происходит вокруг. Я сообщил ему то, что произошло в Працене – что нас обошли и что мы окружены врагом. Он мне грубо ответил: “Генерал, вы везде видите врагов”. Тогда я ему малопочтительно ответил: “А вы уже в таком состоянии, что их не видите нигде!”»^[898]

Факт нетрезвого состояния Буксгевдена невозможно проверить. Необходимо отметить, что между Ланжероном и Буксгевденом сложились более чем плохие отношения и в своем рапорте главнокомандующему Буксгевден также нашел слова, чтобы ответить Ланжерону: «Граф Ланжерон известен мне был еще штаб-офицером. Я знал его весьма храбрым и здесь недостатка в отважности присвоить ему не могу. Но разность быть в сражении яко штаб-офицеру и яко генералу. Здесь, кроме личной храбрости и теории, потребны опыты, образующие нужной командующему характер и присутствие духа»^[899].

Тем не менее совершенно очевидна пассивность и нерешительность командующего обходящей группировкой. Буксгевден получил от Кутузова приказ отступить в направлении Ауэзда и Гостерадека еще до полудня, однако по непонятным причинам он более двух часов простоял без дела, а главнокомандующий не проверил выполнение своего распоряжения.

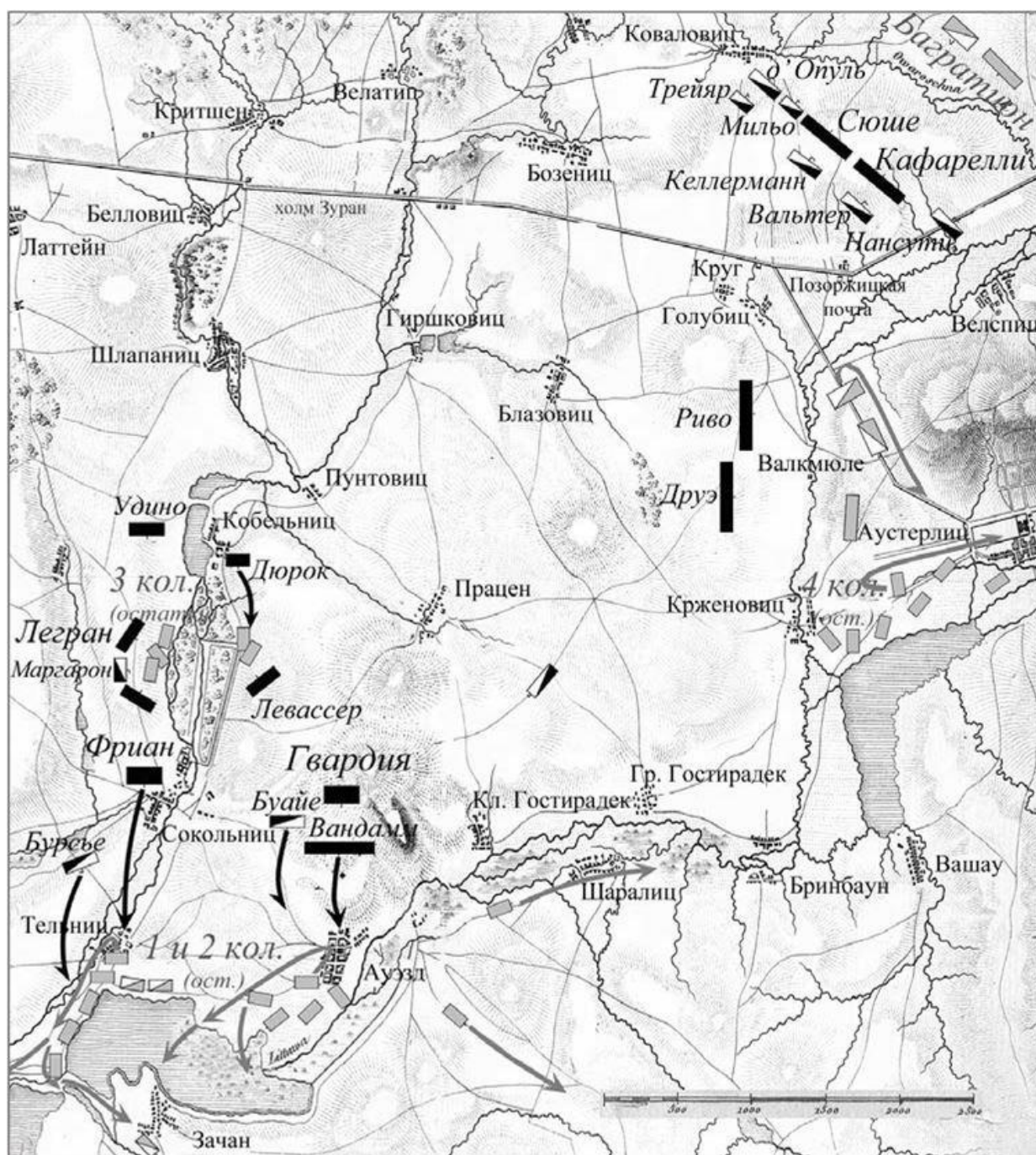
В то время как войска союзников стояли в нерешительности, французские дивизии предприняли энергичное наступление. Дивизия Сент-Илера двинулась на Сокольниц и Замок в тыл Пржибышевскому и Ланжерону, а дивизия Вандамма начала перемещаться в сторону Ауэзда с целью отрезать путь отступления первой колонне. Едва Сент-Илер начал свой марш, как навстречу ему попался Курский полк, который Ланжерон направил на помощь бригаде Каменского. Два русских батальона оказались один на один с французскими колоннами, идущими со всех сторон, так как в это время с севера подходила бригада Левассера, а позади Сент-Илера шла драгунская дивизия Буайе. Сам Ланжерон так описал произошедшее: «Два батальона Курского полка, отправленные мною на помощь графу Каменскому, не нашли его уже на Праценских высотах и даже не успели туда дойти... в одну минуту они были окружены, рассеяны, изрублены кавалерией, расстреляны артиллерией, одну половину потеряли убитыми, а другая была взята в плен. Орудия и знамена были взяты противником»^[900].

После этой короткой схватки Сент-Илер продолжил свое движение на Сокольниц на помощь Фриану. Генерал Фриан со своей стороны не просто проявил мужество и стойкость в обороне, но и действовал с максимальной инициативой. Как только он понял, что противостоявшие ему войска обойдены с тыла, он тотчас, несмотря на численное превосходство неприятеля, перешел в наступление на Сокольниц и Замок. В результате колонна Пржибышевского оказалась скованной боем и не могла оторваться от наседавших французских полков. Над 3-й колонной нависла угроза полного окружения. Напрасно Пржибышевский послал адъютантов к Буксгевдену и Кутузову, чтобы сообщить им о своем положении и договориться о совместных действиях, – ни один адъютант не доскакал даже до Ланжерона, не говоря уже о Кутузове.

Войска Пржибышевского занимали к этому времени оба берега Гольдбаха в районе Замка. На западном берегу стоял генерал-майор Штрик с четырьмя полками (Бутырский полк, 7-й егерский, Галицкий, два батальона Нарвского), на восточном – генерал Вимпфен с оставшимися батальонами (Азовский полк, Подольский и один батальон Нарвского). Часть русских войск укрепились непосредственно в Замке. Кроме этого, вместе с войсками Пржибышевского оказалась отрезанной часть 2-й колонны – Пермский полк и один батальон Курского полка, стоявшие южнее Сокольница. Только 8-й егерский и Выборгский мушкетерский сумели вовремя отступить и продвигались к Ауэзду.

Таким образом, вокруг Сокольница и Замка сгрудилось 22 русских батальона. Это были очень значительные силы. Если бы командование осуществлялось четко, вполне можно было, прикрыв тыл небольшим отрядом, кинуться навстречу полкам Сент-Илера (у которого было только 10 батальонов), отбросить их и прорваться из окружения. Однако русские генералы, судя по всему, совсем потеряли голову и лишь пассивно оборонялись.

Войска Сент-Илера перешли в решительную атаку. В центре, прямо на Замок, двинулась бригада Тьебо, правее – бригада Морана, левее – бригада Варэ, с севера, отрезая последний путь к отступлению, шла бригада Левассера из дивизии Леграна. Наконец, на помощь им прибыла 3-я драгунская дивизия под командованием генерала Буайе. В тот момент, когда французская пехота обрушилась на полки Вимпфена с фронта, слева их атаку поддержали драгуны. Пржибышевский докладывал в своем рапорте: «Резервные два полка [Азовский и Подольский. – *Примеч. авт.*] были атакованы же с тылу превосходными силами и, упорно сражаясь долгое время, весьма много урону потерпели: неприятельская кавалерия в них врубилась и разбила, сам генерал-лейтенант Вимпфен ранен и захвачен в плен»^[901].

Битва при Аустерлице. Ситуация на 14 часов

Разгромив полки Вимпфена, французы со всех сторон ринулись в Сокольниц и пошли на штурм Замка. Здесь, на подходах к Замку и в самом строении, завязалась ожесточенная кровавая схватка. «Проходы, конюшни, амбары, помещения для прислуги, основной корпус здания – все служило им [русским. – *Примеч. авт.*] укреплениями, и повсюду они сражались до последней возможности, – вспоминал генерал Тьебо. – Резня была ужасной. Приходилось побеждать человека за человеком. Я видел, как, оставшись в одиночку, они продолжали сражаться так, будто бы оставались в центре батальона. Я видел тех, которые, пораженные многими ударами, заряжали свои ружья так же спокойно, как на учебном плацу. Они нанесли нам большой урон, и штурм Замка... подтвердил мне справедливость выражения, что легче убить шесть русских солдат, чем победить одного»^[902].

Не менее отчаянной была схватка за Сокольниц, где действовали прежде всего солдаты Фриана. «Я понял, что наступил решающий момент и нужно нанести последний удар, – писал в своем рапорте Фриан. – Я собрал 15-й легкий и бросил его снова вперед; я собрал затем 33-й линейный, развернул его фронт и обрушил его на левый фланг неприятеля. Полк бросился в атаку с яростью, опрокинул штыками все, что встало у него на пути. Повсюду была ужасная бойня. Отовсюду барабаны били атаку, неприятель был наконец опрокинут»^[903]. «По словам Пржибышевского и Селехова, – писал Михайловский-Данилевский, – “все вдруг смешались”. Французы вломились в Сокольниц, отрезали путь отступления колонн и полонили раненного в начале дела, лежавшего в Сокольницком Замке генерал-майора Миллера»^[904].

В бою поблизости от Сокольница был полностью разгромлен Пермский мушкетерский полк. Он потерял убитыми, ранеными и пленными 1728 человек^[905] и лишился шести орудий!^[906]

Будущий генерал Лежен, тогда офицер генерального штаба, был послан императором к маршалу Даву и имел возможность увидеть Сокольниц сразу после взятия его французами. Наверняка страшная картина деревни, усыпанной трупами, загромажденной перевернутыми пушками и поломанными зарядными ящиками, надолго осталась в памяти автора: «Большая улица Меница [автор так ошибочно называет деревню Сокольниц. – *Примеч. авт.*] длиной 400–500 шагов и очень широкая была полностью завалена убитыми и ранеными обеих армий, лежащими один на другом. Было почти невозможно проехать на коне среди этой груды разбитого оружия и поверженных тел»^[907].

Заваленный трупами, залитый лужами крови Замок и разгромленный Сокольниц были на этот раз окончательно заняты французскими войсками. Однако Пржибышевскому удалось с частью войск вырваться из кольца окружения. Нестройные массы солдат двинулись по долине Гольдбаха на север в сторону Кобельница. Такое странное направление отступления было избрано, как утверждал генерал Пржибышевский, по совету австрийских «колонновожатых». Командир 3-й колонны надеялся присоединиться к войскам Коловрата, которые, по его предположению, все еще были где-то в районе Праценского плато. Всего из окружения вырвалось две группы: одна – примерно 3 тыс. человек с самим Пржибышевским – пошла по западному берегу ручья прямо на Кобельниц, другая – примерно тысяча человек – по восточному. Совершенно очевидно, что, двигаясь прямо на центр бывшего расположения французской армии, они далеко уйти не могли. Тем более что император послал гренадер Удино на помощь войскам Фриана. Четыре свежих батальона^[908] под командованием Дюрока шли с севера почти навстречу остаткам 3-й колонны.

Меньшая группа в тысячу человек натолкнулась прямо на них и без сопротивления сдалась. Другая, основная, вместе с самим командиром колонны тоже ушла недалеко. Ее буквально по пятам преследовали 36-й и 48-й линейные (один из дивизии Сент-Илера, другой из дивизии Фриана). Моральные и физические силы отступавших, которых без конца осыпали пулями и картечью, были вконец сломлены, и они уже собирались сложить оружие, как вдруг откуда-то появились французские гусары, которые врубались в колонну.

Это был полковник Франчески с 8-м гусарским полком. Полк весь день шел форсированным маршем к полю боя. Гусары скакали, не щадя своих коней, боясь, что битва

окончится без них и они не получат своей доли славы великого дня. Полк успел уже к самому концу, и до поля сражения дошло только 80 человек, все остальные остались по дороге, так как кони вконец выбились из сил. Теперь, увидев отступающую колонну, гусары, как бешеные, бросились на нее.

Генерал Пржибышевский написал в рапорте: «Неприятельская кавалерия с стороны, напав, в них [солдат колонны. – *Примеч. авт.*] врубилась, чем еще более замешаны были и, лишась средств сопротивления, попались в плен»^[909]. Генералы Пржибышевский, Штрик и Селехов отдали свои шпаги дерзким гусарам, а 3 тыс. солдат побросали ружья.

Франчески был в восторге от своего «подвига». Иного мнения придерживались генерал Фриан и его подчиненные. Эпизод с гусарами позже стал предметом разбора и препирательств между пехотными и кавалерийскими командирами. Вот что писал генерал Лоше в своем отчете по этому поводу: «После отчаянного и кровопролитного боя, который вела дивизия с семи часов утра до двух часов дня... русские войска оказались прижатыми к озеру, которое находится недалеко от Сокольника... 48-й линейный... преследовал отступающего неприятеля. К нему присоединился 36-й линейный полк из дивизии Сент-Илера... и нам удалось прижать вражескую колонну к Сокольницкому озеру и привести ее в такое состояние, что она уже не могла сражаться... как вдруг эскадрон 8-го гусарского вскакал в ряды противника. К этому времени неприятель уже побросал свое оружие... так что этот эскадрон, если он и готов был нанести сабельный удар, не имел случая воспользоваться своим оружием. Неприятельский отряд был в этот момент в самом большом беспорядке и решил сдаться полкам, с которыми он сражался с самого утра»^[910].

Так или иначе, 3-я колонна была полностью разгромлена. Ее потери были поистине катастрофические. Только убитыми и пленными пехота этого отряда потеряла 5280 человек из 8000! Были захвачены все пушки, и в плен попали также все генералы, командовавшие отрядами этой колонны.

Пока кипел отчаянный бой вокруг Сокольника, дивизия Вандамма продвигалась левее Сент-Илера, совершая захождение по часовой стрелке в направлении между Ауэздом и Тельницею. Однако дивизия Вандамма была сильно разбросана, и поэтому ее батальоны начали собираться поблизости от часовни Св. Антония на южном склоне Праценского плато, фронтом на юг. Здесь высокий склон имеет уступ примерно на половине высоты плато. Именно на этом уступе готовились к новому бою французские батальоны, здесь же они поджидали отставшую артиллерию.

Почти прямо над ними, неподалеку от часовни расположился император со своим штабом. Трудно было бы разместить командный пункт в месте, более удобном, чем окрестности часовни Св. Антония. Отсюда было видно как на ладони все, что происходило на южном участке поля сражения. Наполеон мог рассмотреть в подзорную трубу бой вокруг Сокольника, массы союзных войск, собиравшиеся в районе Тельница и Ауэзда, драгунскую дивизию Буайе, которая, разгромив отряд Вимпфена перед Сокольницею, шла теперь в обратном направлении на помощь к Вандамму.

Примерно в это время император решил немного подкрепиться. «Ему принесли холодного мяса и кусок хлеба, – писал в своих воспоминаниях адъютант Сульта, Огюст Петие. – Во время этого скромного обеда к нему привели взятого в плен графа Ланжерона, французского эмигранта [на самом деле речь идет о генерале Вимпфене, Ланжерон не был взят в плен. – *Примеч. авт.*].

– Кто командует русской армией? – спросил его Наполеон.

– Сир, это император Александр, – ответил пленный.

– Я спрашиваю у вас имя вашего главнокомандующего.

– Генерал Буксгевден^[911].

– А, ну тогда хорошо... Император Александр еще слишком молод.

Потом, поменяв тему разговора, Наполеон распорядился, чтобы пленному налили вина в его серебряный стакан, и, протянув его генералу, сказал:

– Пейте, господин Ланжерон, это бургундское, вам станет лучше.

Господин Ланжерон, бургундец по происхождению, который, будучи эмигрантом, взятым с оружием в руках, весьма переживал за свою судьбу, был полностью успокоен столь легким упреком со стороны монарха, которого он не стал называть в этот момент узурпатором. Сделав глубокий реверанс, он с глубоким чувством воскликнул:

– Ах, Сир!...»^[912]

В то время, когда происходила эта сцена, войска первой колонны Дохтурова и остатки второй колонны Ланжерона двигались нестройными колоннами в сторону Ауэзда. Буксгевден, может быть, вследствие нетрезвого состояния, а может быть, по причине своей самоуверенности принял рискованное решение. Вместо того чтобы беспрепятственно отступить в южном направлении, он решил двигаться на запад, через Ауэзд на Аустерлиц. Для того чтобы это сделать, нужно было миновать узкий проход между южным склоном Праценского плато и рекой Литавой, в то время как на плато стоял сам император в окружении гвардии, дивизия Вандамма и драгуны Буайе.

«Наконец, – вспоминал Ланжерон, – граф Буксгевден со своей почетной гвардией из четырех полков, которые не сделали не одного выстрела, и с многочисленной артиллерией двинулся назад... выставив перед собой 24 двенадцатифунтовые пушки под командованием графа Сиверса»^[913].

Так как дивизия Вандамма еще полностью не собралась, в атаку во фланг колоннами Буксгевдена бросилась дивизия Буайе. Однако атакующие эскадроны были встречены шквальным огнем русской картечи. «Сиверс и его артиллеристы покрыли себя славой в этот опасный момент. Они стреляли и маневрировали так, как будто находились на учебном полигоне в мирное время»^[914]. Одновременно часть кавалерии союзников выдвинулась, угрожая флангу драгун. В результате дивизия остановилась и повернула назад.

«Он [Наполеон. – *Примеч. авт.*] заметил, что французская драгунская дивизия, которая имела приказ опрокинуть русский арьергард, – вспоминал Сен-Шаман, адъютант Сульта, – шла вперед слишком осторожно. Она произвела несколько атак, которые не были доведены до конца. Это рассердило императора. В этот момент ему на глаза попался офицер штаба, который прибыл от драгунской дивизии. “Возвращайтесь туда, – сказал ему император, – и передайте генералу, который ею командует, что он размазья!” Хорошенькое поручение для адъютанта!»^[915]

Император послал генерала Гарданна, своего адъютанта, чтобы тот взял командование дивизией, а маршал Султ поспешил предложить своих адъютантов, чтобы они возглавили атаку драгунских полков.

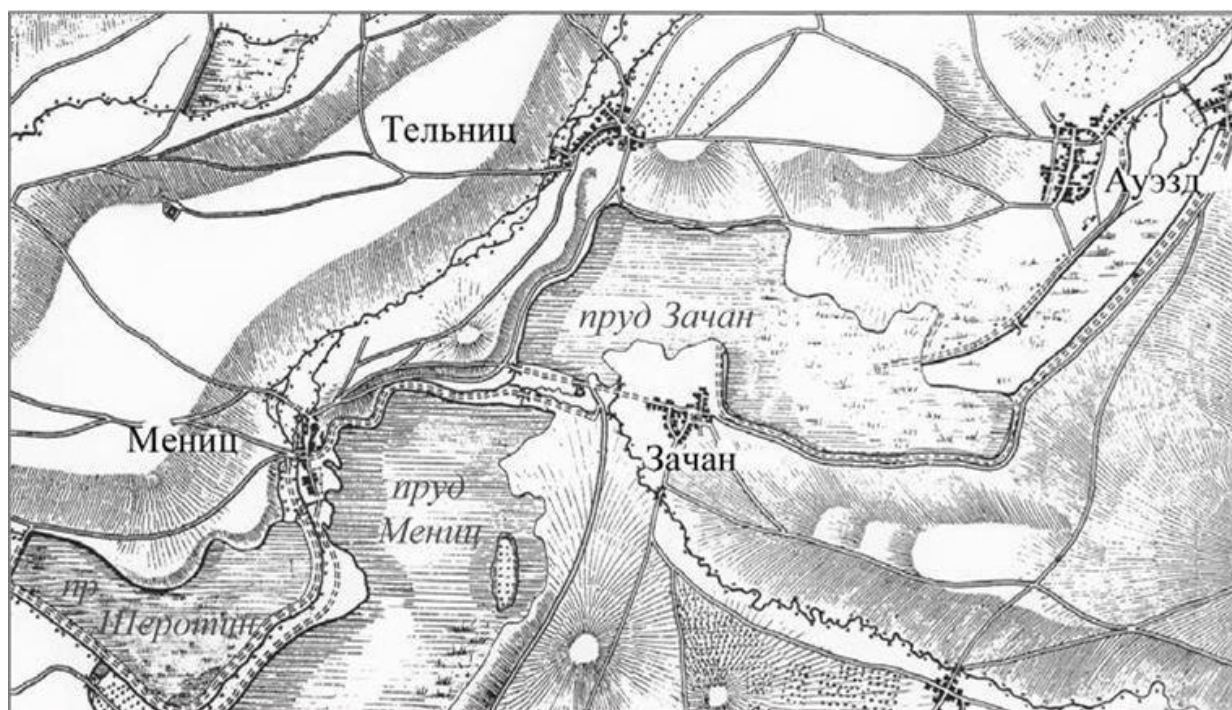
«Маршал послал меня, – вспоминал Огюст Петие, – а также моих товарищей Ламета и Сен-Шамана. Мы должны были передать генералу приказ атаковать, а если он его не исполнит, мы должны были передать приказ непосредственно полковникам... Император прокричал нам, когда мы уже посылали в галоп наших коней: “Скажите генералу, что... [мемуарист не говорит что, но можно предположить, что последовала непереводаемая игра слов. – *Примеч. авт.*]. Принимайте командование дивизией, атакуйте и привезите мне русскую артиллерию!”»^[916]

Что произошло дальше, не совсем очевидно. Сен-Шаман описывает в своих мемуарах, как он с драгунами лихо опрокинул все, что стояло у них на пути. Зато другой адъютант, Петие, запомнил эту атаку несколько иначе. Если верить его воспоминаниям, драгунам, ведомым молодыми адъютантами, удалось ворваться на батарею и обратить в бегство отряд казаков. Однако, достигнув первого успеха, «драгуны то ли потому, что неприятельский огонь стал сильнее, то ли потому, что они были обескуражены предыдущим поведением генерала во время всего боя, вместо того чтобы использовать свой успех, повернули коней назад и ускакали галопом, несмотря на то что мы всеми силами пытались остановить их... Генерал Гарданн... сумел собрать дивизию и построить ее развернутым строем, но этот достойный и доблестный офицер не больше преуспел в своих действиях, чем мы. Нерешительность драгун вернула уверенность русским, их огонь стал усиливаться с каждым

мгновением. Гранаты влетали в наши ряды, ядра, падая рядом, засыпали нас землей и вырывали целые ряды драгун, стоявших в бездействии»^[917].

Как ни странно, официальный рапорт начальника штаба драгунской дивизии подтверждает вторую, более прозаическую версию: «Дивизия произвела несколько атак на русскую кавалерию и казаков. Но они были прикрыты с одной стороны озером, а с другой стороны – деревней... где собралась вражеская пехота. Поэтому противник не был опрокинут до тех пор, пока не подошла пехота»^[918].

Таким образом, образцовые действия батареи Сиверса оттянули на целый час «момент истины» для союзной армии. Отважные действия русских артиллеристов позволили генералу Буксгевдену с частью пехоты форсировать Литтаву в Ауэзде и выйти из-под удара. Император, очевидно, мог бы бросить в бой гвардейскую пехоту, пока части Вандамма не были еще окончательно собраны, но он предпочел сохранить этот резерв на случай непредвиденных осложнений и ввел в бой только гвардейскую артиллерию, которая открыла огонь с Праценского плато. Однако завершение боя за Сокольниц высвободило почти полностью дивизию Сент-Илера и бригаду Левассера.

План прудов Зачан и Мениц

Приближение этих частей к месту описываемых событий послужило сигналом к атаке. Полки дивизии Вандамма, давно ждавшие приказа идти вперед, обрушились со склонов плато на отступающие колонны. Атака французов была яростной и неудержимой. «Солдаты уже не просто шли в атаку, они летели на врага. Их командиры вынуждены были сдерживать их пыл. Не было ни одного, кто остался бы позади, и все пылали желанием отличиться еще больше. Невозможно было отличить новобранцев от старых воинов; этот день словно дал молодым солдатам десять лет опыта»^[919].

Отчаянно дрался и 4-й линейный полк, жаждавший взять реванш за потерю своего орла. «Мы устремились на русских в тот момент, когда они проходили через деревню, – вспоминал майор Бигарре. – Московский полк под командованием полковника Сулима был захвачен в плен моим вторым батальоном, а первый батальон взял в плен роту гренадер из того же полка и два знамени»^[920].

Стремительное наступление Вандамма было началом разгрома войск левого крыла союзников. Ланжерон вспоминал: «Рядом с Ауэздом был плохой мост через канал. Граф Буксгевден прошел через него один из первых вместе со своей свитой. Вскоре после этого мост проломился под австрийской пушкой, и в то же время сильный французский отряд (это был Вандамм) ворвался в деревню Ауэзд и пробился к самому мосту. Батарея, стоявшая на высотах, была по нам при переходе через каналы»^[921].

Было около 15:30. Войска, которые еще некоторое время тому назад отступали, сохраняя относительный порядок, охватила паника. Беспорядочные толпы, не слушая офицеров, бросились назад в сторону Тельница. Настигнутые французами уже больше не оказывали сопротивления и толпами сдавались. «Здесь случилась паника, и 4000 человек были взяты в плен вокруг Ауэзда»^[922], – бесстрастно отметил в своем описании битвы Штуттерхайм.

Поражаемые со всех сторон ядрами и картечью, атакованные кавалерией и пехотой огромные толпы устремились в сторону пруда Зачан. Другие – к мосту через реку Литтаву между Ауэздом и Зачанским прудом. Однако под тяжестью орудий мост провалился. Совершенно обезумевшие, охваченные паническим страхом пехотинцы, кавалеристы, артиллеристы со своими упряжками искали спасения в бегстве вдоль пруда. В это же время 24 орудия гвардейской конной артиллерии под командованием полковника Куэна вылетели в галоп на край плато и обрушили на беглецов град ядер и картечи. Они били с такой короткой дистанции, что ни ядра, ни картечные залпы не терялись даром, а врезались в плотную толпу. Паника еще более усилилась, толкая и давя друг друга, тысячи беглецов бросились тогда на лед Зачанского пруда.

Лежен, свидетель этой сцены, живописно рассказывал: «Некоторым удалось перейти по льду, но, когда основная масса дошла до середины, лед начал трескаться под их весом, и они остановились. Задние продолжали наступать, и в скором времени целая масса более чем в шесть тысяч человек, скользя и толкаясь, скопилась на льду. Внезапно под этой толпой, нагруженной оружием и снаряжением, проломился лед, и она исчезла в две секунды, так что ни один человек не смог спастись. Только кипение волн, вызванное тем, что тысячи людей были поглощены пучиной в одно мгновение, заставило нас затрепетать от ужаса»^[923].

Самое удивительное то, что... этого не было. Десятки свидетелей этой сцены оставят драматические описания о том, как пучина озера поглотила тысячи людей. Те, у кого было наиболее богатое воображение, будут говорить о 10 и даже о 20 тыс. человек! Но дело в том, что Зачан был не озером, а огромным прудом для разведения рыбы. Его глубина была такова, что провалившиеся под лед оказались максимум по грудь в воде. Что касается артиллерийских упряжек, то они застряли в иле, и брошенные артиллеристами пушки остались в ледяной воде вместе с барахтающимися, почти намертво прикрепленными к ним лошадьми. Последние действительно погибли, но не оттого, что утонули, а оттого, что замерзли, не имея возможности отцепиться от упряжек.

Рассказ Лежена приведен здесь в качестве примера того, как даже очевидцы произошедшего попадали под влияние последующих рассказов и наслоения вымыслов. Почти во всей популярной исторической литературе ярко повествуется о том, как пучина поглощала целые полки и батальоны. Однако после публикации документов местных архивов, которая в начале XX в. была осуществлена краеведом А. Словаком, а также подробного разбора обстоятельств этих событий, произведенного Коленом, сомнений быть не может – эпизод с гибелью тысяч людей в озере является вымыслом.

Через несколько дней после битвы под наблюдением генерала Сюше, назначенного к этому времени губернатором Брюнна, был произведен слив воды из прудов. Вот что он докладывал в документе, датированном 16 декабря 1805 г.: «Исполняя приказ Вашего Величества, я осуществил спуск воды из пруда поблизости от Ауэзда. Эта операция заняла 5 дней... Уже в первые дни понижение уровня воды позволило извлечь 12 русских пушек, и общее количество тех, которые были найдены в пруду, составило 36. 138 конских трупов и 3 человеческих тела – вот что нам удалось обнаружить»^[924].

Итак, фантазмагорическая сцена потопления в озере целого корпуса относится к области легенд. Зато нет сомнения, что те, кто провалился под лед, пусть даже и по грудь, в ледяную воду, больше не были бойцами. Они бросали оружие и амуницию и кто как мог бежали прочь от опасности. В это время часть войск генерала Дохтурова и авангарда Кинмайера только еще выдвигалась из Тельница. Увидев то, что происходит впереди, Дохтуров приказал немедленно повернуть назад оставшимся еще под своими знаменами батальонам и отступить вдоль берега Зачанского озера к Тельницу, чтобы, пройдя между озерами Мениц и Зачан, отходить в юго-восточном направлении. Одновременно Дохтуров отдал распоряжение Кинмайеру с Гессен-Гомбургскими гусарами и русскими казаками скакать вперед, пройти по плотине, разделявшей озера, а затем развернуться на высотах к югу от За-чана. Это было сделано для того, чтобы прикрыть отступающие колонны от возможной атаки французов на южном берегу Литтавы со стороны Ауэзда. Генерал Штуттерхайм с полками Орелли Шеволеже и Шеклерским гусарским должен был встать с северной стороны плотины, чтобы прикрыть проход от французов, надвигавшихся со стороны Сокольница.

«Неподалеку от Тельница, между этой деревней и деревней Мениц, находится довольно большой холм, который соприкасается с озером. Русская пехота отошла на этот холм под прикрытием австрийской кавалерии, которая, защищая ее, была засыпана картечью. Деревня Тельниц, как уже упоминалось выше, окружена рвами, и потому это обстоятельство использовали для обороны, чтобы дать возможность остаткам колонны уйти от преследования. Полк русской пехоты под командованием генерал-майора Левиза встал за этот ров. Его атаковали, и он доблестно сражался»^[925].

Действительно, солдаты Дохтурова и их генерал проявили удивительную стойкость. «Невозможно в конце проигранной битвы и в положении столь отчаянном держаться столь хорошо, как генерал Дохтуров. Это позволило ему спасти последний путь к отступлению»^[926], – написал впоследствии об этом генерал Матье Дюма, известный историк и очевидец событий.

Несмотря на упорную оборону, Тельниц не мог держаться долго. Его атаковала дивизия Вандамма, которая прошла по северному берегу Зачанского пруда. Одновременно дивизия Фриана с драгунами Бурсье двинулась на Мениц, обходя обороняющихся слева. Русская пехота была вынуждена оставить Тельниц. Ее отступление было прикрыто поистине самоотверженными действиями полка Орелли Шеволеже и австрийской батареи полковника Дегенфельдта. Шеволежеры понесли тяжелые потери, «но ничто не помешало этому храброму полку, – написал Штуттерхайм, – бесстрашно прикрывать отступление русской армии»^[927]. Рядом с ними так же стойко сражался гусарский Шеклерский полк, который, не колеблясь, стоял под градом картечи. Полковник гусар был тяжело ранен картечной пулей в голову. В конце концов, последние группы русских пехотинцев переправились через плотину. Вслед за ними отошли гусары и шеволежеры. Однако часть русской пехоты не смогла выйти к плотине и бросилась по льду Меницкого пруда. Здесь, так же как и на Зачане, лед провалился, и сотни людей оказались в ледяной воде.

Было около 16:30. Вечерняя мгла спускалась на поле сражения. «Мокрый холодный снег начал падать уже примерно за час до этого, – вспоминал Ланжерон, – Местность вокруг каналов была болотистой, и мы проваливались в грязь по колена. Не было ничего, чего бы не доставало, чтобы сделать наше положение совершенно ужасным»^[928].

Войска обеих сторон совершенно выбились из сил, и продолжать битву уже ни у кого не было ни желания, ни возможности. Только генерал Жюно получил приказ взять дивизию драгун Буайе, два полка конных егерей, «чтобы преследовать многочисленные отряды русских, которые отступали по другую сторону озер. Он пересек деревню Ауэзд, не останавливаясь, – сообщает журнал дивизии, – затем преодолел многие препятствия, которые встретились по выходу из деревни, и наткнулся на русских около восьми часов вечера. Он преследовал их до девяти часов, и только ночь помешала ему двинуться дальше»^[929].

Впрочем, действия этого кавалерийского отряда были исключением. На поле боя стало совершенно темно уже к пяти часам вечера. Люди и кони падали от усталости. Великая битва завершилась...

Глава 15. Итоги

Из всех форм боя оборонительно-наступательное сражение – самое действительное... С классическим примером оборонительно-наступательного сражения мы познакомились на примере Марафона. Современным воспроизведением его может служить Аустерлиц.

Г. Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории

«Я был уже свидетелем проигранных битв, но я не мог даже себе представить такого разгрома, – вспоминал Ланжерон. – Нужно было быть очевидцем сумятицы, царившей в нашем отступлении, или скорее в нашем бегстве, чтобы составить о ней понятие. Не оставалось двух человек одной и той же роты вместе, все было перепутано и перемешано, солдаты бросали ружья и не слушались больше ни офицеров, ни генералов. Последние кричали на них, но совершенно бесполезно, и бежали так же, как и те»^[930].

Действительно, это было полное поражение союзников. За исключением войск Багратиона, отступивших в относительном порядке, и части гвардии, вся остальная союзная армия представляла собой нестройные толпы беглецов. Армия понесла огромные потери убитыми и ранеными. Но самое главное, она была сокрушена морально.

Нет сомнения, что и материальные потери были также тяжелыми. Точно их оценить очень сложно. Как уже не раз отмечалось, даже потери в небольших боях порой трудно поддаются точному учету, тем более сложно подсчитать с точностью до одного человека потери в сражении, после которого армия пришла в полный беспорядок. Михайловский-Данилевский – первый историк, который, опираясь на русские архивы, посчитал численность урона русских войск и привел следующие данные: безвозвратные потери русских составили, по его мнению, 21 тыс. человек. Так как потери австрийцев, по данным австрийских архивов, составили 5922 человека, результирующая цифра потерь союзников при Аустерлице, писал историк, 27 тыс. человек. Со страниц его книги эта цифра перешла в большинство трудов по истории кампании 1805 г., по крайней мере русских.

Нужно сразу отметить, что уже с точки зрения формальной в этом подсчете заложена грубая ошибка, так как 21 тыс. – это безвозвратные потери, то есть убитые и пропавшие без вести, а 6 тыс. (в округленном подсчете) – это убитые, раненые и пленные. Поэтому складывать эти два числа – это примерно то же самое, что складывать метры и килограммы. Тем не менее, как ни удивительно, эта явно несуразная цифра до сих пор гуляет по страницам почти всех русских исторических книг.

Знаменитый французский историк Колен очень скептически отнесся и к численности безвозвратных потерь русской армии, которую дает Михайловский-Данилевский. Он привел данные по количеству пленных, русских и австрийцев, взятых французской армией. Согласно архивным источникам, исследованным Коленом, общее количество взятых в плен русских и австрийских солдат составило 9767 и 1686 человек соответственно. Сохранились также данные по принадлежности к полкам взятых пленных. Известно, что среди пленных оказалось

Курского полка – 736 человек,
 Галицкого – 874,
 Бутырского – 791,
 Нарвского – 954,
 Подольского – 477,
 Азовского – 482,
 Новгородского – 250,
 Гвардейцев – 110.

«Можно заметить, что потери, которые дает Данилевский для 3-й колонны, абсолютно неточны, – пишет Колен. – 1100 человек в Галицком полку, 1600 – в Бутырском, 1300 – в Нарвском, 180 – в Подольском и 400 – в Азовском... Потери Бутырского полка, таким образом, слишком велики, а потери Подольского и Азовского – слишком малы»^[931].

На самом деле больших расхождений нет, ведь количество потерь, которое приводит Данилевский, – это не только пленные, но также убитые и разбежавшиеся. Поэтому нет ничего странного, что Бутырский полк понес почти в два раза большие потери, чем число зарегистрированных пленных этого полка. С другой стороны, очевидные расхождения данных в отношении Подольского полка еще ничего не доказывают. Нет сомнения, что при учете пленных также могли допускать ошибки.

Согласно ведомости от 25 декабря 1805 г. (6 января 1806 г.) «Об убитых и без вести пропавших в 20-е число ноября воинских чинах и строевых лошадях»^[932], пехота и кавалерия русской армии потеряла при Аустерлице 19 311 человек (убитыми и без вести пропавшими). С другой стороны, существует ведомость по потерям артиллерии^[933]. Согласно этой ведомости, при Аустерлице было убито и без вести пропало 815 русских артиллеристов. Наряду с этим имеется другая ведомость по потерям артиллерии^[934], которая указывает на урон в 2024 человека. Это та ведомость, которая была прислана архивом Артиллерийского департамента по просьбе Михайловского-Данилевского. Как видно, данные очень расходятся. Однако можно предположить, что сюда были включены потери и инженерных частей, а также нестроевых, которые отсутствовали в предыдущем документе. Наконец, современными исследователями установлено количество безвозвратных потерь русской гвардии при Аустерлице^[935] – 871 человек. Если сложить эти цифры (взяв потери артиллеристов по 2-й ведомости), получается 22 206 человек. Получается почти то же самое, что дает Михайловский-Данилевский.

Чтобы проверить, насколько порядок этих чисел соответствует истине, нужно обратиться к еще одной ведомости, составленной 8 (20) февраля 1806 г. Она называется «Ведомость о происшедшей убыли людям во время бывших с французами сражений, с означением оставленных за болезнью в австрийских госпиталях»^[936]. Согласно этому документу, русские войска – пехота, кавалерия и артиллерия (без гвардии) – потеряли в ходе всей кампании 24 791 человека убитыми и пропавшими без вести, а 6440 было тяжело ранено и осталось в австрийских госпиталях. Если учитывать потери русской армии на марше, а также в сражениях при Амштеттене, Кремсе и Шенграбене, на долю Аустерлица останется не более 21–22 тыс. человек безвозвратных потерь, а то и меньше.

Ведомость от февраля 1806 г. можно считать наиболее достоверным документом, так как составлена она по возвращении в Россию, когда можно было провести точный подсчет потерь. Она доказывает, что порядок величины безвозвратных потерь, который дает Михайловский-Данилевский, вполне соответствует действительности, и подтверждает, что предыдущая ведомость составлена достаточно точно. При этом не следует забывать, что было бы абсурдом пытаться с точностью до одного человека оценить потери русской армии. Это было абсолютно невозможно сделать ни тогда, ни сейчас. Следует помнить, что значительное количество солдат сбилось ночью с дороги, покинуло армию на марше на следующий день, но некоторые из них, проплутав много дней, в конечном итоге догнали свои полки. Подытоживая, можно сказать, что русская армия действительно потеряла при Аустерлице около 21–22 тыс. человек убитыми и пропавшими без вести. А если быть еще более математически строгим, эту цифру надо было бы округлить до 20 тыс., так как мы имеем дело с массой приблизительных цифр и невозможно подсчитать результирующее значение точнее, чем внося поправку ± 2000 .

Гораздо сложнее дело обстоит с дальнейшим подсчетом, ведь, оценивая потери, мы обязаны считать и раненых солдат. Обычно соотношение, как уже упоминалось, составляет трое-четверо раненых на одного убитого. Но сколько было убито русских солдат? Это совершенно неясно. Если исходить из того, что все 21–22 тыс. человек, которые потеряла русская армия, – это убитые и пленные, учитывая также, что, по французским данным, в

плени наполеоновских войск оказалось 9767 русских солдат, получается, что русские войска потеряли убитыми совершенно невообразимое количество людей – более 10 тыс.! При этом раненых должно было быть как минимум 30 тыс. Иначе говоря, почти все русские солдаты должны были быть убиты, ранены или взяты в плен, что является, разумеется, полным абсурдом.

Совершенно очевидно, что среди пропавших без вести было огромное количество разбежавшихся – тех, кто уже не захотел или не смог вернуться в свои полки. Местные архивы хранят сведения о необычайной враждебности, с которой моравские крестьяне относились к русским солдатам, о жестоком обращении крестьян с беспомощными русскими ранеными упоминают и мемуары французских солдат и офицеров. Подобная враждебность вполне понятна, если учесть, что враждующие армии соревновались одна с другой в грабежах и насилиях, но ясно, что, по крайней мере, по отношению к французам местное население вынуждено было держаться почтительно, вымещая всю свою злобу на проигравших. Таким образом, судьба разбежавшихся, особенно тех, кто был без оружия и уходил небольшими группами или поодиночке, могла быть, мягко говоря, незавидной. С другой стороны, стоило суметь пройти достаточное расстояние и дойти до незатронутых войной районов, например до соседней Венгрии, как можно было встретить совершенно другой прием. Нет сомнений, что часть разбежавшихся солдат просто-напросто не пожелала возвращаться.

Таким образом, что произошло с более чем 10 тыс. русских солдат, мы можем только гадать. Понятно, что русские понесли значительные потери убитыми. Практически все источники сходятся на том, что этих убитых было больше, чем французов, но сколько? Сравнивая с количеством убитых французов (см. ниже), можно предположить, что было убито от 3 до 4 тыс. русских солдат. При таком количестве погибших число тяжело раненных могло достигать 4 и более тысяч человек. Именно они составили часть 6440 солдат, оставленных в австрийских госпиталях. Остальные – это те, кто был ранен в предыдущих боях. При этом количество легко и средне раненных, то есть тех, кто мог следовать за полками, должно было быть примерно 8 тыс. человек. Но ведь и среди них были разбежавшиеся, что вконец запутывает все подсчеты. Наконец, среди пленных также было очень много раненых.

В результате можно дать только очень приблизительное число потерь русской армии при Аустерлице. С учетом раненых, оставшихся при полках (но не имевших более возможности сражаться), можно предположить, что русские войска потеряли 25–28 тыс. человек. Как уже упоминалось, австрийцы потеряли около 6 тыс. человек. Таким образом, очень приблизительно (а иначе в этом случае считать невозможно) можно оценить совокупные потери союзников при Аустерлице в 30–35 тыс. человек^[937].

Кроме этого, французы захватили 160 русских пушек и 37 австрийских, а также около 300 зарядных ящиков и фур. Наконец, в плен попали два генерал-лейтенанта (Пржибышевский и Вимпфен) и шесть генерал-майоров. По французским данным, Великая армия захватила в качестве трофеев 45 знамен (29 русских и 16 австрийских), и это число обычно упоминается в европейских исторических произведениях, посвященных Аустерлицкой битве.

На самом деле вопрос знамен довольно сложный. Дело в том, что основная масса знамен была захвачена в момент сдачи в плен крупных отрядов. В суматохе для русских солдат и офицеров не представляло особой сложности сорвать полотнище с древка и спрятать его. В России значимым считалось только полотнище, так как оно было освящено в церкви. Древко же с навершием рассматривалось как предмет вещевого довольствия. Во французской армии в эпоху Наполеона, по крайней мере до регламента 1811 г., согласно которому были введены дорогие, вышитые золотом полотнища, все внимание уделялось орлу-навершию, который считался главной эмблемой части. Неудивительно поэтому, что русские солдаты, пряча полотнища, считали, что спасли полковую святыню, а французы, захватив древко с навершием, думали, что взяли важный трофей.

По подсчетам генерала Андоленко (фамилия не должна вводить в заблуждение – это французский генерал русского происхождения), армия Наполеона захватила от 14 до 17 «полных» знамен^[938], то есть тех, где присутствует и древко, и полотнище^[939]. Остальные – это, по всей видимости, просто палки с наверху. Известно истории спасение 19 полотнищ, возвращенных в полки, в частности солдатами, бежавшими из плена.

Тем не менее, какое бы количество знамен ни захватили французы, приведенные результаты говорят сами за себя. Союзники потеряли если не половину армии, то как минимум 40 % ее состава, а также две трети пушек и огромную долю материальной части. Кстати, в большинстве полков русские солдаты сняли свои ранцы перед боем. В результате, как можно легко догадаться, они оказались лишенными самых элементарных, необходимых им предметов.

Наполеон полностью добился поставленной задачи, причем этот результат был куплен относительно небольшой ценой. В отношении французских войск вопрос потерь не представляет особой сложности. Согласно рапортам, представленным императору, армия потеряла 1305 убитых, 573 пленных (скорее, без вести пропавших) и 6940 раненых^[940], итого 8818 человек. На самом деле, не следует обманываться точностью этих сведений. Как всегда и везде, даже самые точные рапорты дают только порядок величин.

В недавнее время французскими исследователями Даниэль и Бернаром Кентенами была произведена титаническая работа по установлению истинного количества потерь Великой армии при Аустерлице. Они просмотрели все послужные списки солдат и офицеров всех полков, участвовавших в битве при Аустерлице. В результате были выявлены все те, у кого в графе, где значится дальнейшее прохождение службы, стоит лаконичная надпись «убит при Аустерлице». Таких (вместе со смертельно ранеными) оказалось 1537 человек. Из них один генерал, 109 офицеров и 1428 унтер-офицеров и солдат. При этом авторы отметили, что сверх этого в послужных списках полков, участвовавших в битве, имеется еще 400 человек, судьба которых точно неизвестна и которые вполне могут быть погибшими при Аустерлице. Например, те, у которых отмечено, что они «выбыли по причине долгого пребывания в госпитале», где они оказались после получения ран при Аустерлице, или те, кто умер в госпитале «по причине ранения», неизвестно где полученного, но некоторое время спустя после Аустерлица, и т. д.

Возможно, неопределенных судеб еще больше, так как последняя графа послужных списков порой вообще не заполнена или в ней обозначена такая надпись, за которой может скрываться все что угодно. Тем не менее работа, проделанная Даниэль и Бернаром Кентенами, столь масштабна, что не оставляет сомнений в порядке величины потерь французской армии убитыми при Аустерлице. Так как все те солдаты, судьбы которых они отнесли к неопределенным, с большой степенью вероятности являются умершими от ран, полученных при Аустерлице, можно сделать уверенное заключение: Великая армия потеряла в этом сражении порядка 1800–1900 человек убитыми и умершими от ран. Приведенное выше число раненых вполне согласуется с этими цифрами. В результате можно с большой долей вероятности утверждать, что французская армия потеряла при Аустерлице около 9–9,5 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Умер от ран один из генералов (Валюбер), был потерян один батальонный орел (4-го линейного полка).

Таким образом, победа, одержанная французским императором, была сокрушительной. Заключение официальной реляции М. И. Кутузова царю может рассматриваться лишь как горькая ирония: «Сим кончилось генеральное сражение 20 ноября, в продолжение которого российские войска, ободренные присутствием вашего императорского величества, показали новые опыты мужества и неукротимости. Почти до самой полночи стояли они в виду неприятеля, который не дерзал уже более возобновлять своих нападений; потом, по данному им повелению, двинулись они к местечку Чейчу...»^[941]

Каким образом Наполеону удалось одержать столь убедительную победу? В чем причины этого события? Уже не раз было отмечено, что традиционный взгляд на Аустерлицкую битву и успех императора французов как следствие некоего гениального и

хитроумного плана, где все вплоть до мельчайших деталей было продумано чуть ли еще не в Булонском лагере, должен уступить место более реалистичной оценке.

Действительно, в течение долгого времени Аустерлиц был неким мифом. Начало этому мифу положил сам император в своем 30-м бюллетене от 3 декабря 1805 г. Свое окончательное оформление легенда приобрела в знаменитой работе Тьера «История Консульства и Империи». Вот что писал выдающийся классик французской исторической науки: «Наполеон с гениальной прозорливостью предугадал, что русские будут отрезать его от дороги на Вену и окажутся тем самым между его армией и прудами... Ослабив свое правое крыло, усилив центр, он устремился с основными силами на Праценское плато, которое было оставлено неприятелем, разрезал его армию надвое и низверг ее в пучину»^[942].

Ну и, наконец, в работе одного из историков конца XIX в., Пейера, описание произошедшего совершенно превращается в сказку. Историк утверждал, что события развивались так, как будто Наполеон «командовал в этой битве войсками обеих сторон»^[943].

Как ни странно, в этом вопросе авторам наполеоновской легенды не только не противоречили, но и даже вторили русские историки. Согласно большинству русских исторических трудов, Наполеон сосредоточил подавляющее численное превосходство, захватил Праценское плато и тем самым сделал невозможной дальнейшую борьбу. При таком изображении событий вся ответственность за поражение переносилась на плечи одного Вейройтера, который «завел» русскую армию, чуть ли не как Иван Сусанин поляков, и намеренно ее погубил, выдав все секреты французскому командованию.

Немалую роль в «популяризации» этой легенды сыграл и выдающийся роман Толстого «Война и мир». Нужно сказать, что великий романист описал ход войны 1805 г. очень точно. Что же касается русского общества накануне войны, его характеристика в романе дана просто блистательно, она точнее и глубже тех, что встречаются во многих последующих исторических произведениях, написанных в России на эту тему. Однако, что касается самой битвы, Толстой, с одной стороны, поддался общепринятому взгляду, а с другой стороны, несколько упростил события для достижения лаконичности художественного образа.

Вот как он описывает то, что случилось в русских рядах на Праценском плато в момент начала французской атаки: «Но в тот же миг все застлалось дымом, раздалась близкая стрельба, и наивно испуганный голос в двух шагах от князя Андрея закричал: “Ну, братцы, шабаш!” И как будто голос этот был команда. По этому голосу все бросились бежать».

Этот образ внезапного наступления и случившегося затем смятения перекочевал дальше на страницы всех русских исторических произведений. Логическим обоснованием паники в русских рядах служило гигантское численное превосходство французов.

Генерал Леер, известный русский военный теоретик и историк второй половины XIX в., словно вторя Толстому, но переводя художественные образы в сухой военный язык, объясняет поражение русских тем, что на решающем участке фронта Наполеон создал подавляющее превосходство в силах. Согласно Лееру в центре поля сражения сражалось 46 600 французских солдат против 30 150 союзников. Действительно, если сложить с одной стороны численность корпуса Сульта (без бригады Мерля), корпуса Бернадотта, резервной кавалерии Мюрата, гвардии и гренадер Удино, а с другой стороны силы 4-й и 5-й колонн союзников и русскую гвардию, так оно примерно и получится (48 800 против 27 520).

Но дело в том, что известный теоретик лукавит. Действительно, у Наполеона в центре было больше войск, но битва решилась не в центре вообще, а конкретно на Праценских высотах, где реально с французской стороны сражались только две дивизии – Сент-Илера и Вандамма, в общей сложности – 16 тыс. человек. У союзников в бою за Праценские высоты приняла участие 4-я колонна, бригада Каменского и часть кавалерии из 5-й колонны, в общей сложности не менее 20 тыс. человек^[944].

Численного превосходства на решающем участке в решающий момент времени не было создано французским полководцем. Если бы войска 4-й колонны двигались с большими предосторожностями, выслав вправо к Пунтовицу и Гиршковицу хотя бы элементарную рекогносцировку, атака Сент-Илера и Вандамма не была бы внезапной (кстати, в отсутствии

этой рекогносцировки упрекает Милорадовича его оппонент генерал Ланжерон). Французам пришлось бы брать штурмом сильную позицию, занятую равным или даже превосходящим по численности противником. Более того, абсурдное стояние Буксгевдена лишило союзников еще как минимум 10–12 тыс. человек, которые также могли принять участие в бою за плато.

Но эти части не оказались на месте, где решалась участь сражения... Но самое интересное, что, подойди они даже к Праценскому плато и возьми его обратно, союзники бы все равно проиграли сражение. Наполеон выиграл бы его по-другому, нанеся какой-нибудь другой своевременный удар, о котором позже историки бы написали, что он был задуман французским полководцем чуть ли не за школьной скамьей.

Конечно, план Вейройтера был никуда не годен. Но как в свое время великолепно сказал Клаузевиц, на войне не так важно, что делать, как важно действовать решительно и целеустремленно. Если бы во главе союзной армии стоял твердый волевой человек, который обладал бы всей полнотой власти и инициативы, он сумел бы даже при этом плане избежать катастрофы. Но присутствие императора Александра I при армии сломало всю нормальную пирамиду военной иерархии. Царь лишил Кутузова действительного руководства, но сам не взял командования в свои руки. Сверх того, появился еще Вейройтер, который де-факто захватил часть командных полномочий. Бедой союзников был не только схоластический ум Вейройтера, чрезмерная мягкость и дипломатичность Кутузова, самоуверенность Александра и влияние его «молодых друзей», но и то, что никто из перечисленных лиц в действительности не командовал. Все запуталось до предела, в армии на уровне генералитета царил полный хаос. Каждый делал то, что ему пришло в голову в данную минуту.

«О сражении Аустерлицком можно сказать, что каждой части войск предоставлено было действовать отдельно, с условием при том ни себе не ожидать, ни другим не давать вспомоществования, и для лучшего успеха полезно было бы даже забыть, что на том же самом поле и в то же самое время были еще и другие русские войска»^[945], – справедливо указывал генерал Ермолов.

Казалось бы, в армиях, представлявших монархические державы, принципы иерархии должны были бы строго соблюдаться. На самом деле волею судеб получилось так, что командование союзной армией превратилось чуть ли не в трибуну для дискуссий. В результате у всех, от генерала до солдата, возникло ощущение, что ими командуют из рук вон плохо и никто не знает, что делать. Постоянная путаница в организации всех маневров, непонимание цели и задач, несогласованность, отсутствие нормальной связи – вот результат утраты единоначалия. В критический момент, когда началась борьба за Праценское плато, не надо было обладать семью пядями во лбу, чтобы понять, что здесь решается судьба битвы. Однако никто не знал даже, к кому обращаться. Командовали все, и никто никого не слушал. В результате даже удачные действия отдельных отрядов не могли ничего дать. Всех увлекал всеобщий хаос.

В рядах же французских войск было полное абсолютное единство командования. Да, Великая армия представляла страну и общество, вставшие на путь преобразований, которые в конечном итоге, многие годы спустя, приведут к установлению в Европе буржуазно-демократических порядков. Однако напрасно было бы искать следы чего-либо подобного в армии императорской Франции. Армия была системой полностью иерархичной, где принцип единоначалия выполнялся неукоснительно. Все безгранично верили своему полководцу и знали, что он добьется победы.

Генерал голландского происхождения Дедем-де-Гельдер, вспоминая о маршале Даву, написал такую замечательную фразу: «Я знаю, что он был далеко не всегда любезен, но я буду всегда горд тем, что я служил под его командованием... С ним мы были уверены, что нами хорошо командуют, а это кое-что значит, и маленькие неприятности компенсируются великими достоинствами»^[946]. Эту фразу с еще большим основанием можно было применить к самому Наполеону. Каждый солдат и офицер знал, что им хорошо командуют, что любой приказ отдан не зря и имеет смысл для достижения общей победы.

Одновременно с этим нельзя не отметить превосходство боевого опыта французских генералов и старших офицеров. Большинство из них сражались с самого начала войн Великой французской революции. Они командовали на поле сражения уверенно, чувствовали себя под огнем, словно в своей родной стихии. Генерал де Голль в своей книге «Франция и ее армия» прекрасно резюмировал этот образ военачальника в годы успехов империи: «Они... были молоды, для них был тяжел отдых, а не работа. Выкованные из стали, они, не колеблясь, выносили тяготы кампаний, переносили холод, жару, дождь, не слезая с коня целыми днями, обходясь без сна, питаясь чем попало. Сражаясь уже в течение многих лет, они делали это, имея опыт зрелых годов. К тому же с ними был Наполеон, он брал на себя все, что касалось стратегических комбинаций, и оставлял им то, в чем они были несравненны: инстинктивное умение действовать в самых сложных ситуациях, отвагу, воздействие личным примером на солдат...»^[947]

Полное единоначалие сочеталось в рядах Великой армии, по крайней мере в это время, с блистательной инициативой в рамках поставленной задачи и, более того, умением взять на себя ответственность даже действовать вопреки приказу, когда такая необходимость совершенно очевидна. Самым лучшим примером является решение Даву о движении на помощь войскам, оборонявшим Тельниц и Сокольниц. Трудно найти слова, чтобы отдать должное активности, отваге и умелому командованию генералов Фриана, Сент-Илера, Вандамма, Леграна. Все они не просто сражались героически, а постоянно принимали самостоятельные решения, твердо руководили войсками в настоящем пекле.

Наконец, нельзя не отметить отличную выучку французских войск. Долгие месяцы учений в Булонском лагере не прошли бесследно. Генерал Штуттерхайм отдал должное замечательным боевым качествам своего неприятеля: «Французская пехота действовала со спокойствием и точностью, сражалась с доблестью и слаженно выполняла самые дерзкие маневры»^[948]. Почти так же, только в отличие от интеллигентного австрийского генерала более простой фразой сказал о французах в этой битве обычный русский солдат: «Неприятель хорошо маневрировал, о! хорошо, не хуже Суворова!»^[949]

Чтобы сравнить боевые навыки, достаточно сопоставить атаку улан Цесаревича и действия легко-кавалерийской дивизии Келлермана. По численности они были почти равны. Как уже отмечалось, накануне боя в рядах русских улан стояло 1300 человек. В рядах дивизии Келлермана – около 1500. Дивизия Келлермана произвела восемь атак с большим или меньшим успехом и потеряла 46 человек убитыми (что означает общие потери около 200–250 человек). Уланы цесаревича произвели только одну атаку. Она оказалась первой и последней, потому что после нее, как уже указывалось, собралось только 200 человек. Все остальные были убиты, ранены, взяты в плен или рассеяны по полю сражения. Только безвозвратные потери полка составили 708 человек!!!

Кстати, потери русских улан еще раз свидетельствуют, что отваги русским солдатам было не занимать. Однако, когда господствует ощущение, что все кругом делается безалаберно, что бы ты ни совершил, все равно это ничего не изменит, руки опускаются даже у самых храбрых. Если к этому добавить еще и «трогательные» отношения между союзниками, постоянно ходившие в русских рядах разговоры о том, что немцы предадут, бегут и т. п., можно легко представить, что те, кто в нормальной обстановке готов был к самопожертвованию, восклицал: «Ну, братцы, шабаш!»

Получается, что победа была достигнута Великой армией не потому, что был придуман какой-то особый хитрый маневр, а просто потому, что армия была лучше: лучше налаженное управление войсками, прекрасное умение маневрировать, высокий моральный дух, взаимовыручка на поле боя. Может показаться, что при такой оценке причин успеха забыт главнокомандующий армией. Но это совсем не так. Если Великая армия была лучше управляемой и лучше сражалась, это потому, что в нее вселил победный дух император Наполеон. Он создал эту армию, он ее обучил, он заставил ее поверить в себя, в успех, в товарищей по оружию, он дал ей принципы чести и доблести. В каждом эпизоде сражения, на всех его участках он присутствовал незримо. Поэтому если победа и была одержана, то

Великая армия целиком и полностью обязана Наполеону, но совсем не в том смысле, в котором это обычно говорят. Его заслуга не в том, что он «придумал» прорвать центр неприятеля, а в том, что это он сделал.

Война – это искусство не замысла, а исполнения. На каждом шагу руководителя, командира, полководца останавливают тысячи препятствий: неизвестность, непонимание или неправильная передача его распоряжений, крайнее физическое напряжение, постоянная борьба с опасностью, сознание большой ответственности за принятие того или иного решения... – все это вместе создает порой такие непреодолимые трудности, что для совершения самого простого на бумаге действия требуется негибкая воля и отвага, ведомые могучим и ясным умом. Война – это не передвижение бессловесных деревянных шахматных фигурок, а «область физических страданий и усилий... область опасности». Чтобы преодолеть их, полководец, как справедливо писал великий военный теоретик Карл Клаузевиц, должен «пламенем своего сердца, светочем своего духа... воспламенить жар стремления у всех остальных»^[950], заставить людей поверить в себя так, чтобы они без колебаний шли навстречу смертельной опасности.

Что же касается того, как обойти фланг неприятеля или как прорвать его центр, все это относится к тому, о чем тот же Клаузевиц презрительно написал: «Обычно средства и формы, которыми пользуется стратегия, являются столь простыми, а благодаря своему постоянному повторению столь знакомыми, что для здравомыслящего человека может показаться только смешным, когда ему приходится так часто слышать от критики преувеличенно напыщенные о них отзывы. Тысячу раз уже проделанный обход превозносится то как черта блестящей гениальности, то как глубокая проницательность, то даже как проявление самого всеобъемлющего знания. Могут ли быть в книжном мире более нелепые бредни? Еще смешнее становится, если к этому добавить, что та же самая критика, исходя из самого пошлого взгляда, исключает из теории все духовные величины и хочет иметь дело лишь с одними материальными. Таким путем все сводится к двум-трем математическим соотношениям равновесия сил и численного превосходства во времени и пространстве да к нескольким углам и линиям. Если бы в самом деле все сводилось лишь к этому, то из такой дребедени едва ли удалось бы составить даже задачу для школьника»^[951].

Наполеон, без сомнения, все это чувствовал, понимал сознательно или бессознательно. Однако он прекрасно также знал, что для среднего обывателя подобные глубины понять невозможно. Именно поэтому, заботясь о своем престиже и популярности, во всех официальных отчетах будет рассказываться о том, как все действия противника были заранее предугаданы, а каждый мельчайший шаг французских войск был расписан заранее. Нужно сказать, что его ближайшие подчиненные не заметили или сделали вид, что не заметили, изменения в первоначальном плане. Впрочем, их все это мало заботило. Они разгромили врага и не слишком вдавались в то, что было написано в диспозиции за день до сражения. Ее текст беспокоил их не более чем прошлогодний снег...

Вечером 2 декабря, несмотря на усталость, холод и непогоду, Великая армия ликовала. Гвардии пришлось в глубокой темноте пересечь практически все поле сражения, так как штаб императора расположился на Позоржицкой почте. Хотя есть было нечего и шел то ли дождь, то ли мокрый снег, вокруг костров не утихали шумные голоса: «Вся ночь прошла в разговорах, – вспоминает солдат гвардии Баррес. – Каждый говорил о том, что поразило его в этот незабываемый день. Мы не могли обсуждать личные подвиги, так как наш батальон занимался только тем, что ходил туда-сюда, но мы разговаривали о той катастрофе, которую видели на озерах, об отваге раненых, которых мы встречали на нашем пути, о бесчисленных обломках, покрывавших поле сражения... Мы также обсуждали, как будет называться битва, но так как никто не знал ни одного названия... вопрос остался неразрешенным»^[952].

Офицер гренадер Удино так запомнил ночь после битвы: «За блестящим днем 11 фримера последовала тяжелая ночь, проведенная на биваке прямо на поле сражения среди мертвых и умирающих... Стало холодно, а обломков разоренных деревьев не хватало, чтобы поддержать наши огни... Но опьянение победой перекрывало для нас все лишения. Что было

тяжелее, чем холод и голод, это слышать в тишине ночи жалобы несчастных раненых, которые лежали без помощи на ледяной земле. Те из них, кто могли передвигаться, подползали к нашим огням и располагались среди нас. Много русских и австрийцев, разбросанных повсюду битвой, также приходили погреться вместе с нами. Для постороннего наблюдателя это, наверное, выглядело необычно, видеть, как, сбившись в одну кучу, дружелюбно сидели вокруг пылающих угольков те люди, которые убивали друг друга еще несколько часов до этого»^[953].

Забота о раненых была одной из первых мыслей императора. Приняв решение разместиться на Позоржицкой почте, он так же, как и гвардейцы, пересек все поле сражения: «Было уже совсем темно, – вспоминал Савари. – Он приказал, чтобы все, кто его сопровождал, соблюдали тишину, чтобы слышны были крики раненых. Он сам направлялся в их сторону, спрыгивал с коня, давал им выпить водку из походной кухни, которая следовала за ним. Я был рядом с ним всю эту ночь, в течение которой он оставался допоздна на поле сражения. По его приказу эскадрон эскорта занялся тем, что снимал шинели с убитых русских^[954], чтобы покрыть ими раненых. Он приказал разжечь большие огни рядом с ними и приказал разыскивать повсюду военных комиссаров и не удалился к себе до тех пор, пока они не прибыли... Он приказал им не покидать раненых до тех пор, пока все они не будут в госпиталях»^[955].

Что касается русского императора, то ему было не до раненых. Некоторое время он находился недалеко от Аустерлица с отрядом Милорадовича, ожидая Кутузова. Не найдя его, царь отдал приказание войскам отступить в юго-восточном направлении на Венгрию к селению Ходеёжиц, которое было назначено местом сбора армии. Князю Багратиону было поручено командовать арьергардом. В глубокой темноте, под снегом, смешанным с дождем, русская армия начала отступление. Около полуночи толпы отступавших подошли к Ходеёжицу. Деревня была наполнена солдатами всех возможных полков, с оружием и без оружия, ранеными, мародерами, обозами. С царем осталось всего три человека: лейб-медик Виллие, берейтор Ене и фельдъегерь Прохницкий. Императорский экипаж с вещами и запасом пищи потерялся.

Только по случайности Александр I нашел хотя бы одного штабного офицера, которым оказался Чернышев, адъютант генерала Уварова. С помощью Чернышева удалось также почти случайно отыскать Кутузова. Обменявшись с ним несколькими словами, Александр со своей «свитой» поскакал в ночи дальше, в сторону Чайча. Однако до этого городка он не смог добраться. Через несколько километров ему пришлось сойти с коня в деревне Уршиц.

«Трудности, перенесенные в сражении, прискорбное впечатление неудачи, душевное волнение, словом, соединение нравственного и физического беспокойства усилили болезненное состояние Государя, – пишет Михайловский-Данилевский, – и Он принужден был остановиться... в крестьянской избе, где для успокоения Его не было ничего кроме соломы. Голова его горела, и в нем оказались признаки болезни, называемой холериною»^[956]. Впрочем, злые языки утверждали, что так называемая «холерина» была не чем иным, как обычной медвежьей болезнью. Лейб-медик узнал, что в одном из соседних домов располагается император Франц. К нему в дом постучали и разбудили обер-гофмаршала Ламберти, попросив у него немного вина для больного. Однако ответ союзника был лаконичен: вина самим не хватает.

Александр спал только три часа, а чуть свет снова сел на коня и поскакал в Чайч. Сюда же утром 3 декабря начали постепенно подтягиваться колонны разбитых войск. Состояние армии было самым ужасающим. Ланжерон, как всегда язвительно, но метко, описал то, что творилось в этот момент с союзными войсками: «Все бежало по большой дороге, никого не было на своем месте; корпуса, дивизии, полки, роты – все совершенно смешалось... Питались только тем, что грабили по дороге. Если бы неприятель нас преследовал, он перерубил или взял бы в плен тысяч двадцать человек»^[957]. Штуттерхайм вынес из отступления примерно такие же воспоминания: «Ночью она [колонна Дохтурова. – *Примеч. авт.*] потеряла еще много народу из тех, что заблудились в лесу или

рассеялись по деревням»^[958]. Таким же увидел отступление союзников Ермолов: «...беспорядок дошел до того, что в армии, казалось, полков не бывало: видны были разные толпы... В сей день, по причине совершенного изнурения лошадей, оставили мы на дороге не менее орудий, как и на месте сражения»^[959].

Наконец, еще один свидетель отступления, князь Адам Чарторыйский, описал его в следующих выражениях: «Проходя через деревни, мы слышали только вопли людей, которые искали забвения своей неудачи в вине. Жители от этого страдали... Если бы несколько французских эскадронов были бы брошены, чтобы завершить наш разгром, не знаю, что бы случилось. Не было больше ни полков, ни отрядов коалиционной армии, одни только банды, которые шли в беспорядке, грабя все на своем пути и еще больше усиливая ощущение катастрофы своим видом»^[960].

В этих условиях австрийский император не мог более помышлять о продолжении борьбы. Уже в ночь со 2-го на 3-е число в лагерь французов был послан с дипломатической миссией князь Лихтенштейн. Император принял его в Аустерлицком замке, куда он перебрался днем 3 декабря. Несмотря на одержанную блистательную победу, французский полководец прекрасно понимал, что силы коалиции еще велики. Французская армия устала, и продолжение боевых действий в том случае, если союзники окажутся припертыми к стенке, не сулит ему больших выгод. В результате Наполеон согласился на встречу с австрийским императором. Наряду с этим император оставался в своем заблуждении относительно Александра. Даже после отчаянной кровопролитной битвы он считал, что русского царя вынудили воевать с ним дурные советчики из его окружения, английские интриги и непонимание (по молодости) подлинных интересов своего государства. Можно предположить, что одним из мотивов согласия на скорое прекращение военных действий являлось нежелание Наполеона чрезмерно озлоблять своего сегодняшнего противника, которого он рассматривал как будущего потенциального союзника. Быть может, также поэтому настоящего преследования разбитого врага Наполеон не организовал.

Известный историк Колен, который уже не раз упоминался на страницах этой книги, справедливо отмечал: «Никогда еще армия не находилась в положении более благоприятном, чем армия Наполеона после победы при Аустерлице, для того чтобы предпринять безотлагательное преследование. Оставалось четыре дивизии пехоты практически нетронутыми: 1-й корпус [две дивизии. – *Примеч. авт.*], гвардия и гренадеры Удино. Драгуны Бомона [Буайе. – *Примеч. авт.*] и Бурсье понесли в бою лишь небольшие потери. Драгуны Клейна [не участвовавшие в битве. – *Примеч. авт.*] только что прибыли к аббатству Райгерн, а дивизия Гюдена находилась в Никольсбурге. Наполеон мог, таким образом, уже вечером 2 декабря бросить на преследование союзников настоящую армию, почти равную по численности той, которая сражалась в этот день»^[961].

Однако этого не было сделано. Частично, без сомнения, виновата крайняя усталость войск и плохая погода. С другой стороны, у императора были сомнения относительно направления отступления союзников. Не исключена возможность, что он предполагал, что значительная часть их войск, а может быть, и вся армия будут отступать на северо-восток по шоссе Брюнн – Ольмюц. В этом случае они были бы, без сомнения, настигнуты кавалерией Мюрата. Перенос штаба в ночь со 2 на 3 декабря на Позоржицкую почту, в противоположную сторону от истинного направления отступления неприятеля, связан, скорее всего, именно с этим. «Поместив свою генеральную квартиру на Ольмюцкой дороге, император доказал, что он думал, что русская армия начнет отступать именно на эту крепость»^[962], – вспоминал Тиар.

Наконец, постарался и Мюрат. Он проявил весьма сомнительную инициативу, приказав драгунам Буайе, которые находились буквально на плечах союзников, прибыть на противоположный конец поля сражения, туда, где находился сам маршал.

Однако всех этих мотивов, кажется, недостаточно для того, чтобы объяснить почти что полное отсутствие преследования вечером 2 декабря и малую активность на следующий день. Вероятно, не последнюю роль в этом сыграли политические соображения.

Уже утром Наполеон мог догадаться, что союзники не отступают на Ольмюц. По его приказу капитан Тиар с конными егерями отправился на разведку в южном направлении. «Едва я проскакал с моим отрядом несколько сот туазов [по дороге на Венгрию. – *Примеч. авт.*], как я убедился, что вся вражеская армия прошла по этой дороге, ибо вся она была покрыта обломками, свидетельствовавшими о разгроме. Недалеко от меня справа можно было видеть увязшие в грязи и брошенные пушки»^[963].

Информацию о пути отступления союзников император получил около 10:30 утра. Около одиннадцати он отдал приказ преследовать неприятеля по дороге на Гёдинг. Нужно сказать, что к этому времени преследование, хотя и весьма символическое, уже велось. Еще ночью маршал Сульт отправил вслед за отступающими союзниками бригаду Шиннера. Утром корпус Бернадотта также двинулся, хотя и медленно, в юго-восточном направлении.

Сам маршал Сульт получил приказ о начале преследования только в 15:30. В ответ он написал следующее: «День уже подходит к концу, погода плохая, и я ничего не выиграю, если начну движение этим вечером. К тому же генерал Шиннер с пятью батальонами будет сегодня в Уршице»^[964]. В результате главные силы Сульта остались на своих прежних позициях, гвардия расположилась в Аустерлице.

Но самое главное, что наиболее мобильные части, а именно кавалерия, бросились по дороге на Ольмюц. Легкая кавалерия и дивизия Вальтера прошли в этот день 40 км в этом направлении. За ними, хотя и несколько медленнее, двигались кирасирские дивизии Нансути и Д'Опуля. Наконец, в этом же направлении следовали и пехотные дивизии Ланна, а также гренадеры Удино. Кавалерия Мюрата захватила многочисленные неприятельские обозы с боеприпасами, сотни пленных, а также целые стада быков, направлявшиеся в качестве продовольствия для союзной армии. Эти трофеи и в особенности продовольствие, которого так не хватало войскам, были, конечно, важны. Однако для того, чтобы их захватить, было бы достаточно одного кавалерийского отряда.

События 3 декабря еще раз подтверждают концепцию, согласно которой Наполеон не планировал первоначально нанесение главного удара по центру союзной армии. Если бы такой удар планировался заранее, было бы просто невысказано, чтобы вся кавалерия была сосредоточена на левом фланге, где собирались вести лишь вспомогательные действия, оставив направление главного удара и, следовательно, направление будущего преследования совершенно без конных войск. Это еще одна причина того, что преследование неприятеля было на удивление слабым.

В общем, можно сказать, что, несмотря на обозы, захваченные на ольмюцкой дороге, день 3 декабря был во многом упущен французской армией. Причем основные массы кавалерии вообще удалились в сторону от отступающей армии союзников.

Вечером, несмотря на готовящуюся на завтра встречу императоров, дивизии Великой армии получили приказ активнее преследовать неприятеля. В частности, Мюрат должен был отправить легкую кавалерию Мильо, драгунскую дивизию Вальтера и кирасирскую д'Опуля вслед за отступающей союзной армией. Однако этот приказ было уже сложно исполнить, так как кавалерии пришлось бы совершать долгий марш в обратном направлении. Судя по всему, 4 декабря к месту событий прибыл только 8-й гусарский и 21-й драгунский полки. Маршал Сульт должен был вместе с Бернадоттом двигаться через Чайч на Гёдинг. Император потребовал от них решительного наступления. Однако самую главную роль мог сыграть в этот день корпус Даву. Неутомимый маршал выступил с дивизией Фриана уже в девять часов вечера и отправился вслед за армией союзников.

На следующий день, 4 декабря, две пехотные дивизии, Гюдена и Фриана, с двумя кавалерийскими, Клейна и Бурсье, двинулись на Гёдинг по самой кратчайшей дороге, таким образом, что они имели все шансы отрезать путь отступления остаткам союзной армии. На пути у них встали войска генерала Мерфельда. По иронии судьбы, это были остатки того отряда, который Даву вдребезги разбил при Марицелль. Мерфельду удалось окольными путями увести около 4,5 тыс. человек. Они не успели принять участие в битве при

Аустерлице, но зато смогли сразу после сражения выполнить функцию арьергарда и прикрыть разбитые войска от наступления корпуса Даву.

Оперативная ситуация на 4 декабря

В этот момент утром 4 декабря положение наиболее значимых отрядов было следующим: главная масса остатков союзной армии находилась в районе Чайча. В нескольких километрах севернее располагался арьергард Багратиона. Прямо на него через Уршиц двигались основные силы Бернадотта и Сульта. Корпус Ланна из Раусница был направлен через Станиц в обход правого фланга союзной армии. Однако от союзников Ланна отделял почти целый переход по проселочным дорогам, и он не мог серьезно помешать их отступлению. Зато левый фланг союзников, который обходил Даву, оказался под серьезной угрозой. К утру 4 декабря Даву находился примерно в 15 км от Гединга, иначе говоря, он был ближе к этому

городу и единственной переправе через реку Марху, чем войска союзников, находившиеся у Чайча. Единственным отрядом, который мог помешать Даву занять Гединг, был отряд Мерфельда. Над остатками союзной армии нависла угроза потери пути отступления.

С самого утра драгуны Клейна двинулись вперед и завязали бой на аванпостах. К часу дня подошла пехота и вместе с драгунами начала наступление. Передовые части австрийцев были отброшены, и около трех часов дня французы подошли к Йозефсдорфу, который находился всего лишь в 3 км от Гединга. Здесь стояли главные силы Мерфельда. Тотчас же французская пехота и кавалерия стала строиться для боя. «Все предвещало блестящую победу, – можно прочесть в походном журнале дивизии Клейна. – Наши войска... были преисполнены самого высокого боевого духа. Уже драгуны и легкая кавалерия завязали схватку с передовыми частями. 3-я дивизия [пехотная дивизия Гюдена. – *Примеч. авт.*] занимала позицию для атаки. Мы стояли развернутой линией перед Йозефсдорфом»^[965].

Однако внезапно в том месте, где рубились передовые отряды конницы, появились австрийские офицеры, которые размахивали белыми платками и кричали что есть мочи: «Перемирие! Перемирие!» Когда же бойцы остановились, сам генерал Мерфельд лично отправился в передовые цепи, чтобы переговорить с генералом Клейном и убедить его остановить наступление.

Когда об этом доложили маршалу Даву, он был в бешенстве, немедленно прискакал на место событий и, найдя Мерфельда, высказал ему все, что он думает по поводу перемирия, в энергичных солдатских выражениях. Но австрийский генерал и его помощник полковник Вальмоден клялись всеми святыми и божились, что заключено перемирие и скоро будет подписан мир. Тогда Даву заявил, что, если через час он не получит об этом письменного уведомления, он немедленно возобновляет атаку. В русский штаб был послан старший адъютант Даву полковник Бурк. Но полковник далеко не уехал. Едва он пересек австрийские линии, как его остановил пост русских гусар и не пожелал пропускать дальше. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы в этот момент не прискакал князь Гагарин, личный адъютант императора Александра. Он привез Даву записку от царя, впопыхах написанную карандашом. Вот ее содержание: «Я разрешаю генералу Мерфельду сообщить французскому генералу, что германский и французский императоры находятся сейчас вместе и беседуют, что заключено перемирие и что напрасно проливать кровь храбрецов. Александр»^[966].

Наконец, через несколько мгновений прискакал другой гонец, который привез письмо чернилами, написанное Кутузовым, где также официально подтверждалось, что заключено перемирие.

Делать было нечего – Даву остановил войска, и сражение под Гедингом не состоялось. Михайловский-Данилевский пишет: «Без исключения все писатели полагают плен императора Александра неизбежным, если бы Даву не остановился и, пользуясь своим многолюдством, продолжал теснить графа Мерфельда. Никто не взял на себя труда разобрать дело, и все поверили писателям, когда единогласное показание их уничтожается взглядом на карту»^[967].

Взгляд на карту как раз показывает обратное: французы уже были в двух шагах от Гединга, а Александр со своим эскортом – примерно в 15 км неподалеку от Чайча. Правда, здесь нужно сделать следующее замечание: если бы встреча австрийского и французского императоров не проходила действительно в этот момент, царю незачем было бы задерживаться в Чайче, и он мог бы еще раньше уйти за реку Марху. При заключении же перемирия Даву не имел права атаковать Мерфельда. Это действительно так, и действительно пленение царя при любых условиях было бы достаточно проблематичным.

Зато судьба его армии навряд ли может вызывать сомнения. Главные силы русских были значительно дальше от переправы, чем войска Даву. В случае отсутствия перемирия ничто не могло бы помешать маршалу разгромить Мерфельда и встать на пути отступающих колонн. Учитывая то состояние, в котором находились остатки союзных войск, их судьба была бы предрешена. Даву достаточно было раздавить слабый австрийский отряд и хотя бы несколько часов удерживать дезорганизованные массы. В это время Бернадотт и Сульт

нанесли бы им удар в хвост, и остаткам союзной армии пришлось бы, очевидно, сложить оружие.

Если этого не случилось, то только потому, что в два часа дня состоялась встреча Наполеона и Франца II. Местом для этого исторического события была выбрана мельница Спалены Млын между деревнями Зарошиц и Наседловиц. Мельница находится посреди просторной долины. На северном склоне расположились французские полки, шедшие в авангарде, и гвардейские батальоны, которые для этого специально совершили форсированный марш из Аустерлица. «Французская императорская гвардия с развевающимися знаменами в высоких меховых шапках, увенчанных алыми султанами, облаченная словно для парада, стояла на склоне долины с нашей стороны, – вспоминал Сегюр. – Останки австрийских войск стояли вдали перед нами на противоположном склоне»^[968].

Так как мельница была разорена, а погода – прекрасна, император решил, что лучше провести встречу на воздухе. Гвардейцы навалили дров, чтобы зажечь на всякий случай огромный костер. «Костер разгорелся, – продолжает рассказывать Сегюр. – Наполеон спрыгнул с коня. Конные егеря эскорта положили ему кучу соломы. Другие прибили доску к срубленному дереву, чтобы оба императора могли сесть. Наполеон улыбнулся и сказал мне: “Ну вот и порядок... А ведь потребовалось шесть месяцев, чтобы составить церемониал встречи Франциска I и Карла VI!”»^[969]

Капитан Тиар также был свидетелем исторического момента. Вот что он вспоминал: «Император Австрии заставил себя подождать. Наполеон уже было начал опасаться, не вышла ли какая-нибудь ошибка. Но вот наконец мы увидели много карет и большой отряд кавалерии. Это были экипажи Франца II, которого эскортировал дивизион гусар Кинмайера и дивизион улан Шварценберга. Императора сопровождали также многочисленные генералы, и среди них князь Иоганн фон Лихтенштейн. Тотчас же барабаны гвардии забили встречный марш, а трубы протрубили “поход”. Зрелище было восхитительным, а то, что должно было произойти, придавало всему оттенок величественности. Мы все стояли, затаив дыхание от нахлынувших на нас чувств. Наполеон подошел к дороге, помог Францу II выйти из кареты, обнял его и произнес несколько слов, которых я не разобрал. Почти наверняка он говорил об англичанах, потому что я совершенно четко услышал, что австрийский император сказал: “Англичане – это торговцы человеческим мясом”. Император подвел своего гостя к костру и остался один на один с ним. Маршал Бертье, несмотря на то что часто пишут, стоял поодаль. У Наполеона было очевидное желание говорить наедине, и он вежливым жестом предложил князю Иоганну отойти в сторону. Но, кажется, как можно было судить по целой пантомиме Франца, он стал настаивать, чтобы князь остался»^[970].

Разговор императоров продолжался почти два часа. Точно его никто не слышал, до французских и австрийских офицеров, стоявших в стороне, доносились лишь отдельные фразы. У французов они не вызвали особого почтения к особе Франца II. Сегюр вспоминал: «Несколько взрывов смеха этого монарха нас удивили. К ним примешивались жалобы на то, что казаки разграбили ферму, которая ему особенно нравилась. Быть может, мы слышали не очень хорошо, но нас неприятно удивило то, что император большой страны в момент испытаний для своего государства был занят такими мелочами»^[971].

Последними словами, которые донеслись до офицеров, были следующие: «Итак, ваше величество обещает мне, что больше не будет начинать войны?» – сказал Наполеон, на что Франц с жаром ответил: «Да, я клянусь и сдержу свое слово!»

На этом встреча закончилась. Французский император любезно проводил Франца до его кареты, а потом, вскочив на своего арабского коня, весело воскликнул, обращаясь к своей свите: «Господа, мы возвращаемся в Париж! Можете считать, что мир заключен!»

Музыка гвардии заиграла торжественный марш, и до этого молчаливые ряды солдат вдруг ожили, и тысячи голосов огласили долину радостным криком: «Да здравствует император!».

На этом война с Третьей коалицией для Наполеона закончилась. Он был уверен, что урок Аустерлица надолго запомнится и молодому русскому царю, и австрийскому императору. Наполеон считал, что великодушные жесты должны будут расположить к нему Александра, который ввязался в эту войну по глупости. Тотчас же в его ставку он в очередной раз отправил генерала Савари.

Посланец Наполеона посетил сначала штаб австрийского императора, а затем вместе с генералом Штуттерхаймом двинулся на встречу с Александром, который к этому времени уже благоразумно переправился на другой берег реки Мархи и расположился в небольшом замке в городке Холич. По словам Савари, он приехал в ставку царя 5 декабря еще до рассвета, примерно в четыре-пять утра. К его удивлению, Александр был уже одет и на ногах. Разговор начался со взаимных комплиментов, а затем Савари передал Александру условие, при котором боевые действия прекращались тотчас же. Этим условием была немедленная эвакуация русских войск с австрийских земель. «Хорошо, я согласен, – сказал Александр, – но какие гарантии ожидает от меня ваш повелитель?..» «Он попросил меня передать вашему величеству, – ответил Савари, – что ему достаточно будет вашего слова. Как только оно будет дано, я должен прибыть к войскам маршала Даву и остановить их движение». На что Александр удовлетворенно ответил: «Я даю вам это слово. Я тотчас же займусь исполнением того, что было согласовано, – а затем добавил: – Если обстоятельства более счастливые приведут вас в Петербург, я надеюсь, что сделаю приятным ваше пребывание там»^[972]. Посланец императора даже не догадывался, что подобный случай должен был представиться ему очень скоро...

Возвращаясь обратно, Савари имел возможность наблюдать русские войска на марше. Вот что он увидел: «Мы [автор мемуаров и Штуттерхайм. – *Примеч. авт.*] вынуждены были подождать, пока русская армия переходила через реку. Я спешился... и стал считать. Мимо меня прошло не более 26 тыс. человек всех родов оружия без пушек и без зарядных ящиков. Многие шли без оружия, у большинства не было ранцев. Было очень много раненых, однако они стойко шли сомкнутыми рядами вместе с остальными»^[973].

Отныне боевые действия заканчивались. Официально перемирие было подписано 6 декабря в Аустерлицком замке. Последние выстрелы этой войны на главном театре военных действий прозвучали за день до этого вечером 4 декабря под Иглау. Так как эрцгерцог Фердинанд не мог знать об идущих переговорах, он атаковал баварские части, оставшиеся один на один с ним после ухода корпуса Бернадотта. У генерала фон Вреде было примерно в два раза меньше войск, чем у Фердинанда, и он после упорного боя оставил Иглау. Однако через несколько дней сюда вернулся корпус Бернадотта. В соответствии с условиями перемирия Иглау находился в зоне французской оккупации, и город был оставлен войсками Фердинанда.

Наполеон по праву мог гордиться своей армией. В труднейшей стратегической ситуации его солдаты и генералы добились блистательной победы. Еще 3 декабря в Аустерлицком замке император написал свою знаменитую прокламацию, обращенную к войскам, которую в этот день могла услышать только гвардия. Теперь она стала известна всей армии.

«Солдаты! Я доволен вами. В день Аустерлицкой битвы вы оправдали мои надежды на ваше бесстрашие и увенчали ваши орлы бессмертной славой. Армия в 100 тыс. человек под командованием императоров России и Австрии менее чем в четыре часа была разгромлена и рассеяна. Все те, кто избежал ударов вашей стали, потонули в озерах. Сорок знамен, штандарты Российской Императорской гвардии, сто двадцать пушек, более 30 тыс. пленных – вот результаты этого дня, ставшего навеки знаменитым. Эта пехота, которую так хвалили, будучи в превосходном числе, не смогла устоять под вашим ударом, и отныне у вас нет равных. Так, в два месяца эта третья коалиция оказалась разгромленной и поверженной. В скором времени будет подписан мир, но, как я и обещал своему народу перед переходом

через Рейн, я заключу только такой мир, который даст нам гарантии и вознаградит наших союзников.

Солдаты! Когда французский народ возложил на мою голову императорскую корону, я доверился вам, чтобы поддерживать ее в блеске славы, который только может дать ей ценность в моих глазах. Но в этот же момент наши враги хотели ее разрушить и унижить! Они хотели сделать то же самое с железной короной, завоеванной кровью стольких французов. Они хотели вынудить меня возложить ее на голову наших злейших врагов! Это были самоуверенные и безумные планы, которые вы повергли в прах в день годовщины коронации вашего императора! Вы научили их, что если легко хвастаться и угрожать нам, то нелегко нас победить.

Солдаты! Когда все, что необходимо, чтобы обеспечить счастье и процветание нашего отечества, будет сделано, вы вернетесь во Францию. Там вы будете предметом моего внимания и благодарности. Мой народ увидит вас с радостью, и вам достаточно будет сказать: “Я был в битве при Аустерлице”, чтобы тотчас вам ответили: “Вот храбрец!”

Наполеон»^[974].

Эпилог

Даже на окончательный, решающий акт всей войны в целом нельзя смотреть как на нечто абсолютное, ибо побежденная страна часто видит в нем лишь приходящее зло, которое может быть исправлено в будущем последующими политическими отношениями.

К. фон Клаузевиц. О войне

В то время, когда в стане французов праздновали победу и с восторгом ожидали триумфального возвращения на родину, остатки русских войск согласно договору по этапам покидали австрийские владения. В Брюнне начались мирные переговоры между австрийскими уполномоченными князем Лихтенштейном и графом Гиулаем с одной стороны и министром иностранных дел Франции Талейраном – с другой. Война для всех кончалась. Но она не закончилась для императора Александра I.

Буквально через несколько часов после встречи с Савари в Холиче царь приказал графу Строганову ехать в Лондон, чтобы «узнать о намерениях английского правительства и **обещать ему прежнее единодействие России...** Генерал-адъютанту князю Долгорукову отправиться в Берлин... и **обещать, если Пруссия решится воевать с Наполеоном... поддерживать ее всеми силами России**, предоставляя на первый случай в распоряжение прусского короля корпуса Беннигсена и графа Толстого»^[975].

Нет, Александр не был наивным молодым человеком, которого подтолкнули к войне «недобрые» советники. Теперь, после Аустерлица, его ненависть к Наполеону стала только еще более лютой и непримиримой. Аустерлицкий позор не станет, как на то надеялся французский император, уроком для самоуверенного юноши. Он лишь укрепил Александра в его намерении свергнуть Наполеона любой ценой, не останавливаясь ни перед какими потерями. Еще не остыли жерла французских и русских пушек, а Александр уже готовил новую войну.

Пруссия к этому моменту созрела для выступления. Не зная еще об аустерлицком разгроме, король собирался оставаться верным Потсдамскому договору. Однако когда князь Долгоруков и генерал Штуттерхайм привезли в Берлин известие о перемирии, король, как всегда, вернулся к своим колебаниям. Русский посланник Алопеус и австрийский представитель граф Меттерних уговаривали его немедленно объявить войну. С другой стороны, французский посол, рассказывая об успехах Наполеона, обещал Пруссии большие выгоды от союза с Французской империей. В этих условиях Фридрих Вильгельм не отважился на рискованный шаг. Как и все люди нерешительные, он пожелал отсрочить момент истины. В результате он отложил окончательный вердикт до момента получения известий о переговорах графа Гаугвица.

Последний был сторонником профранцузской ориентации во внешней политике Пруссии. Вполне понятно, что под влиянием аустерлицкого триумфа императора эта тенденция Гаугвица стала еще более очевидной. Рассказывают, что во время его пребывания в Вене он гордо носил знаки ордена Почетного Легиона, полученные им от Наполеона, с восторгом говорил о победе французского императора и о его гении.

В результате вместо объявления войны французскому императору Гаугвиц заключил союзный договор, подписанный в Шенбрунском дворце 15 декабря 1805 г. Согласно условиям этого договора в обмен на поддержку Франции, уступку Наполеону герцогства Клевского и Невшателя, а Баварии – княжества Анспбах (того самого, из-за которого Пруссия чуть-чуть не оказалась в рядах третьей коалиции), Фридрих Вильгельм III получал вожделенный Ганновер. Клаузевиц вспоминал: «В Берлине по поводу поведения Гаугвица сначала поднялся большой шум, что было вполне естественно, так как его послали, чтобы объявить войну, а он вернулся с союзом... Но на совете, который был созван по этому поводу... трактат был принят с одним изменением... Обмен территориями должен был произойти только после заключения общего мира, то есть с одобрения Англии, а до тех пор Пруссия должна была оккупировать Ганновер войсками»^[976].

Шенбрунский договор лишил Александра всяких надежд на немедленное выступление Пруссии. Но, как это ни удивительно, даже переговоры пруссаков с французами не могли обезоружить решившего идти до конца царя. Находясь в Тешене, он отдал распоряжение Кутузову о том, чтобы тайно направить корпус генерал-лейтенанта Эссена в Пруссию и тем самым подтолкнуть прусского короля к выступлению! У дипломатически корректного Михаила Илларионовича, очевидно, глаза вылезли на лоб, когда он читал рескрипт царя. Несмотря на свою покладистость, он вынужден был ответить категорическим отказом: «Такое движение не может не встревожить французское правительство и не навести, может быть, заботы австрийскому двору; сохранить оное в тайне есть вещь невозможная, ибо должно отправить кого-либо предварительно для заготовления продовольствия, нужного сему корпусу, что немедленно учинится известным в главной квартире французской; тогда кто отвечает, что Бонапарте, позволяющий себе все на свете, не пошлет корпус прямою дорогою для пресечения дороги и нападения на сей под командою генерал-лейтенанта Эссена»^[977]. В результате русские войска продолжили свое отступление, и новая коалиция против Наполеона временно не состоялась.

Что же касается французского императора, то он, даже отдаленно не подозревая о подобных демаршах Александра, продолжал надеяться на сближение с Россией. По его приказу все офицеры и солдаты русской армии были без всякого обмена пленными освобождены. Накануне отъезда князя Репнина Наполеон пожелал с ним говорить. Вот что рассказал Репнин в своем письме об этой интереснейшей встрече: «В Брюнне собралось нас раненых 6 кавалергардских офицеров и 17 уланских, с храбрым их начальником Меллер-Закомельским; по всей справедливости, мы не могли довольно нахвалиться обращению с нами; почтеннейшие французские генералы посещали нас часто, особенно генерал Рапп, который, удостоверившись наконец, что мне возможно было выехать, объявил мне приглашение Наполеона явиться к нему на другой день в полдень; меня ввели во внутренние покои занимаемого им архиерейского дома. Через несколько минут вышел Наполеон и, оставшись один со мною, начал разговор следующими словами:

– Как ваши раны, князь Репнин?

– Все в порядке, Сир.

– Я попросил вас прийти, для того чтобы поручить вам передать еще раз императору Александру мои пожелания мира. Почему мы ведем войну, когда мы...

– Сир, прошу простить меня за мою дерзость и за то, что я вас прерываю, но я должен сказать, что я – только солдат, далекий от международной политики и от императорского двора. Я не могу дать на это никакого ответа.

– Я прошу у вас только об одном: передать императору Александру слово в слово то, что я вам сейчас скажу.

– Это долг верности по отношению к моему государю.

– Послушайте меня, вы сможете встретиться с императором через несколько дней, если он еще находится при армии. Скажите ему, что если бы он выслушал мои предложения и согласился встретиться на аванпостах, тогда я бы подчинился воле его благородной души. Ему достаточно было бы объявить мне свои намерения для достижения спокойствия в Европе, и я бы подписался под ними. Но вместо этого он послал ко мне наглого хлыща, который посмел дерзко вести себя с главнокомандующим французской армии во главе его войск. И что из этого вышло? Мы сразились, и теперь только я имею право высказывать мои желания. Но мы можем еще найти путь к сближению, пусть он пришлет мне в Вену своего уполномоченного представителя, но только не одного из этих придворных, которые наполняют его штаб. Правда далека от монархов. Александр родился на троне, а я стал императором сам, но мои бывшие товарищи, мои бывшие командиры не осмеливаются больше мне ее говорить, как не говорят ему правды его придворные.

Но давайте поговорим о сражении. Что за мысль была растянуть вашу армию и разделить ваши колонны, как вы это сделали? Нужно было сконцентрировать войска, собрать армию в кулак, для того чтобы всю ее целиком бросить на врага.

– Но, Сир, я уже имел честь вам говорить, что я всего лишь полковник, моя роль смотреть вперед и драться с тем, кого я вижу перед собой, а не пытаться проникнуть глубже этого. Для меня главное повиноваться, а не рассуждать.

– Репнин, вы полная противоположность Долгорукому, вы слишком скромны. Но я должен сказать, император Александр все равно должен был проиграть это сражение. Для него оно было первое, а для меня – сороковое.

– Сир, я убежден, что после урока, который вы преподнесли, у него не будет необходимости дать столько же битв, чтобы взять реванш.

– Я вижу, вы сердитесь.

– Я бы не посмел, но солдат не может быть безразличен к тому, что говорят о его государе.

– Ну что ж, полковник, давайте не будем друг на друга обижаться, для нас это будет несложно, потому что я вас уважаю.

– Для меня это большое счастье. Я сохраню на всю жизнь воспоминание о вашем благосклонном приеме.

– Прощайте, Репнин, я возвращаю вас вашему государю как доказательство моего стремления восстановить дружеские отношения, которые связывали нас раньше»^[978].

Красивые жесты Наполеона в отношении русских пленных, призванные послужить сближению двух империй, остались без ответа. Оба государства продолжали находиться в состоянии войны, и никаких мирных переговоров между Францией и Россией не было начато. Следует также вспомнить, что у России к этому времени оставались войска, бывшие если и не в боевом контакте с французами, то, по крайней мере, в состоянии, близком к началу военных операций. Этими войсками были корпус Толстого на севере Германии и корпус генералов Ласси и Анрепа в Неаполе.

Аустерлиц определил участь этих далеких фланговых операций. Как уже отмечалось, на севере Германии союзные генералы никак не могли решить, что же им делать. Едва только закончился военный совет 18 декабря 1805 г. в Люнебурге, как в штаб союзников прискакал генерал-адъютант царя князь Гагарин. Известие об Аустерлицкой битве, которое он привез, потрясло всех. «Слушая рассказ князя Гагарина о поражении, – писал Михайловский-Данилевский, – наши офицеры сначала не верили ему, принимали слова его за вымысел, не постигая возможности поражения русских»^[979].

Однако когда союзные генералы «постигли» рассказ Гагарина, их решение было принято. Английское командование тотчас вспомнило о дороге к своим кораблям, и, кроме того, из Лондона пришло приказание немедленно возвращаться в Англию. Выдающийся русский историк описал это отправление в благостных тонах: «Через несколько дней прибыли суда в Куксгавен. Англичане поплыли в свое отечество, а граф Толстой пошел в Россию, оставя на

много лет в памяти жителей примерную подчиненность, отличавшую русское войско в двухмесячное пребывание его в Ганновере»^[980]. Для шведского короля, который оказался один на один с потенциальным противником, отправление русских и англичан представлялось в иных тонах. Очевидцы утверждали, что он был в бешенстве.

Так закончился «великий северный поход» корпуса Толстого. Огромные средства, потраченные на эту экспедицию, были выкинуты на ветер, а завоевания по большей части не простирались дальше покорения в Зулингене «Матильды, дочери почтмейстера» (см. главу 11). Впрочем, война есть война, и ее необходимо было торжественно завершить. Поэтому в честь корпуса Толстого прусский король дал празднество, прекрасная королева появилась перед войсками в «зеленом амазонском платье с красными выпушками», что, разумеется, подчеркивало ее любовь не только ко всему военному, но, в особенности, к русской армии^[981]. Ну и, как положено, в ходе боевых действий была поставлена достойная точка. Прусский король наградил русских генералов орденами...

Если боевые действия на севере Европы напоминали комедию, то на юге, в далеком Неаполитанском королевстве, превратились в трагедию.

Стоит вспомнить, что после долгих приготовлений в декабре 1805 г. союзная русско-англо-неаполитанская армия после продолжительных колебаний перешла в «наступление». Как уже отмечалось, все боевые действия ограничились выдвиганием русских и англичан на несколько десятков километров к северу от Неаполя и бесполезным походом неаполитанских полков через горы на северо-восточную оконечность королевства.

Едва гордый марш вперед союзных армий остановился и русские и английские генералы облюбовали достойные их персон виллы в окрестностях Неаполя, пришла новость, подобная огненной надписи, появившейся на стене во время пира Валтасара. Сообщение об Аустерлицкой битве и заключении перемирия между французами и австрийцами стало известно в Неаполитанском королевстве в самых первых числах января 1806 г. Кроме этой новости пришла еще одна: 35-тысячный французский корпус под командованием маршала Массена двигался на Неаполь. Тотчас же генералы союзной армии собрались на совет. Мнение английского главнокомандующего Крейга было простым и до предела ясным: нужно сесть на корабли и отправиться домой.

Русские генералы были менее категоричны. Они также считали, что защищать Неаполь не имеет смысла, однако генерал Анреп предложил отступить в Калабрию, на крайнюю южную оконечность итальянского «сапога», и, используя труднодоступный характер местности и поддержку с моря, держаться здесь по крайней мере вплоть до получения конкретных указаний от своих правительств. Это решение было принято большинством совета (3 января 1806 г.). Что же касается неаполитанских войск, им предписывалось, не теряя времени, перейти горы в обратном направлении и присоединиться к союзным войскам.

Генерал Дама, который командовал неаполитанцами, написал: «Кровь застыла у меня в жилах, когда я прочел эти фатальные строки. Я не знал, что сказать моим войскам. Я страдал от того, что должен приказать... марш, которым самый последний солдат должен был быть возмущен... Неужели новость о движении 35 тыс. человек должна была продиктовать решение совершить столь разрушительное отступление, когда в наших руках были неприступные оборонительные позиции, когда у нас было ополчение, ресурсы крепостей и многочисленное население, которое мы приготовили к обороне?»^[982]

Сам генерал поскакал в Неаполь, но здесь его ждала еще более жестокая новость: в генеральную квартиру русских войск прибыл полковник Шепелев с депешами генералу Ласси и посланнику России в Неаполе Татищеву. Депеши были подписаны князем Чарторыйским и содержали в себе указания от правительства, которые ожидало командование.

Официально предписывалось покинуть территорию Италии, и далее было любезно добавлено: «Поскольку нет сомнения в том, что это решение произведет очень сильное впечатление на двор, при котором вы пребываете, соблаговолите, ваше превосходительство, довести до сведения его сицилийского величества, что оно было продиктовано абсолютной

необходимостью и что наш августейший повелитель весьма сожалеет о том, что он не смог в этом случае оказать ему более эффективную помощь. Вы добавите, что император никогда, однако, не перестанет проявлять самый живой интерес к Королевству Обеих Сицилий и что его императорское величество в будущем воспользуется любыми возможностями, чтобы доказать искренность своих чувств... Вы поможете их величествам всеми добрыми советами, за которыми они могут к вам обратиться, и наметите в то же время меры, необходимые для осуществления погрузки и вывода войск его императорского величества...»^[983]

Кроме рекомендаций помощи неаполитанскому королю «добрыми советами» Татищев получил также неофициальное послание. Это письмо было, очевидно, написано под влиянием нахлынувших чувств и потому, в отличие от официального, весьма сумбурно. Зато произошедшее в Моравии и мотивы необходимости ухода из Италии излагались весьма откровенно. Неофициальное письмо Чарторыйского еще не публиковалось, и здесь впервые приводятся выдержки из него:

«У меня нет времени рассказывать вам обо всех несчастьях, – писал Чарторыйский, – которые нас преследовали. Если говорить в двух словах, Австрия выведена из войны, а нас сильно побили... Задача, которую вам необходимо выполнить, – это перевести нашу армию в надежное место, не подвергая опасности английский корпус. Французы не преминут пойти на вас со всеми силами. Вы должны спасти Неаполь, если это возможно. Двор [неаполитанский. – *Примеч. авт.*] должен подчиниться обстоятельствам и выпутываться из переделки... В общем, дело еще не кончилось. Неизвестно, будет ли заключен мир с Австрией. Если Бонапарт не пожелает отомстить Пруссии и нам, война, очевидно, не будет продолжаться... Теперь император [Александр. – *Примеч. авт.*] решил удалиться от дел, но не желает договариваться с Бонапартом, с которым мы остаемся во вражде... Вы будете, мой дорогой Дмитрий Павлович, в бешенстве, отчаявшись в столь роковой развязке. Мы также в смятении, мы поражены, как все это кончится, неизвестно»^[984].

Несмотря на все протесты, слезы и проклятия королевы, уговоры генерала Дама, русские и английские войска начали отступать к Неаполю и готовиться к посадке на суда. Это событие произвело неизгладимое впечатление на всех, кто был его свидетелем. «Отступление, о котором г-н Ласси объявил, – писал генерал Дама, – началось на следующий день. Но какое отступление! Как поверить в это, не видев его? Противник был еще около Рима, только маленькие отряды появились в двух переходах от границы... а уже панический ужас охватил англичан. Они бежали в смятении из мест их расположения к Неаполю. Перейдя по понтонному мосту через реку Гарильяно, они подожгли его, бросая зажженные доски и перекладыны в реку. Офицеры неаполитанских понтонеров с трудом сумели не дать им продырявить медные понтоны... Пока я говорил еще только об англичанах, но мы узнали на следующий день, что русский полк, который отступал по дороге из Абрुцких гор, узнав о бегстве англичан и не зная его причины, потопил паром у Вальтурно, после того как использовал его для переправы. В тот момент, когда союзники прибыли, я надеялся поставить их в пример нашим необстрелянным солдатам. Теперь я надеялся только на то, что они побыстрей забудут их позорный пример»^[985].

Союзники не ограничились, мягко говоря, поспешным отступлением. Англичане потребовали, чтобы для их безопасности при погрузке неаполитанское правительство выделило крепость Гаэту. Вероятно, это было уже слишком даже для неаполитанской королевы. Комендант Гаэты получил приказание не пускать английские войска на территорию крепости. В результате англичане произвели посадку на суда в Кастела-Маре южнее подножия Везувия, а русские – в заливе Байя. Посадка прошла с 18 по 20 января, а 21 января 1806 г. русская эскадра подняла паруса и взяла курс на юг. Англичане сделали это еще раньше. Неаполитанское королевство было предоставлено своей судьбе...

В то время, когда происходили эти события, франко-австрийские переговоры были уже завершены. Начавшись в Брюнне, они были перенесены затем в Прессбург (современная Братислава). Этот город находился на демаркационной линии, проведенной между

французской и австрийской армиями. С французской стороны вся рутинная работа по переговорам осуществлялась министром иностранных дел Талейраном, однако все принципиальные вопросы решались самим Наполеоном. 12 декабря 1805 г. он прибыл из Брюнна в загородный дворец австрийского императора Шенбрунн. Отсюда он руководил переговорами, здесь же он непрерывно проводил смотры своих войск, которые спешно пополнялись подкреплениями. В случае неудачи переговоров должны были снова заговорить пушки. Однако, после того как Пруссия договорилась о союзе с Наполеоном, австрийские представители стали уступчивее. Они вынуждены были согласиться почти на все условия, на которых настаивал французский император, и 26 декабря 1805 г. Прессбургский мир был подписан.

Согласно условиям этого договора Австрия потеряла значительную часть своих земель. Самой чувствительной потерей была блистательная Венеция с Венецианской областью, Фриуль, Истрия (кроме Триеста) и Далмация, которые были присоединены к Итальянскому королевству.

Одновременно австрийский император вынужден был отказаться от Тироля, который переходил во владения Баварии. Правда, в обмен Австрия получала княжество Зальцбургское и Берхтольсгабен, которые в 1803 г. перешли во владения эрцгерцога Фердинанда, бывшего великого герцога Тосканского. Бавария возмещала потери эрцгерцогу, уступив ему церковные земли Вюрцбурга, которые она также получила в 1803 г. Несмотря на эту маленькую компенсацию, потеря Тироля, одного из самых древних владений Габсбургского дома, была, пожалуй, наиболее болезненна для австрийской монархии. Территориальные приращения за счет Австрии получал и герцог Баденский. Он приобрел Ортенау, часть Брейсгау и Констанц. Наконец, Вюртемберг также округлил свои владения за счет пяти городов на Дунае, части Брейсгау и Швабии. В общем, австрийская монархия потеряла 4 млн подданных (из 24 млн) и 15 млн флоринов годового дохода (из 103 млн).

Как видно из этого перечисления, Франция непосредственно не получала никаких территориальных приращений. Однако усиливались ее союзники, и прежде всего Италия, которая фактически являлась частью империи. Видно также, что Наполеон стремился создать новую Германию, привязать к своим интересам государства запада и, прежде всего, юго-запада Германии. Бавария и Вюртемберг не только приобретали значительные территории, но и получали статус королевств. Больше всего, конечно, усилилась Бавария. Баварский курфюрст был награжден за свой союз с Францией не только короной, но и 600 тыс. новых подданных, а его государство расширилось на 27 тыс. км². Наконец, для того чтобы окончательно скрепить франко-баварский союз, баварская принцесса Августа выходила замуж за приемного сына Наполеона, вице-короля Италии Евгения Богарне.

Если в Германии речь шла о системе союзов, то в Италии Наполеон распоряжался самостоятельно. Отныне почти весь Апеннинский полуостров оказался в руках императора французов. Оставалось только Неаполитанское королевство Бурбонов, но его дни были уже сочтены. Наполеон не пожелал слушать никаких предложений со стороны королевы Марии-Каролины. 14 декабря, когда Талейран только заикнулся о том, чтобы найти какой-то компромисс в неаполитанском вопросе, Наполеон дал ему резкую отповедь: «Оскорбления этой жалкой королевы повторяются в каждом письме... Я буду трусом, если я прощу подобные выходы...» А 27 декабря из Шенбрунна он обратился к итальянской армии с громоподобной прокламацией: «Солдаты! Неаполитанская династия отныне должна прекратить свое царствование. Ее существование несовместимо со спокойствием Европы и честью моей короны. Идите же вперед и сбросьте в море эти жалкие батальоны тиранов морей!»^{[986][987]}

Неаполитанская королевская чета, покинутая своими союзниками, бежала на Сицилию. 14 февраля 1806 г. французские войска вступили в Неаполь, а на следующий день в столицу королевства под торжественные звуки оркестров, звон колоколов и грохот орудийного салюта въехал Жозеф Бонапарт. Отныне старший брат императора стал неаполитанским королем.

Наконец, летом 1806 г. завершатся процессы, начавшиеся в Германии после подписания Прессбургского мира. 12 июля был подписан договор между Францией и государствами запада и юго-запада Германии, следствием которого было создание так называемого Рейнского союза. В него вошли Бавария, Вюртемберг, Баден, Берг, Гессен-Дармштадт, Франкфурт и ряд мелких княжеств^[988], всего 16 государств. Рейнский союз был прежде всего военным. В случае войны немецкие союзники должны были выставить для поддержки французских войск 63 тыс. солдат. Со своей стороны Наполеон обязался, что в случае угрозы «немецкой независимости» он выставит 200 тыс. человек для защиты государств – членов союза.

Образование Рейнского союза означало окончательную утрату Габсбургами власти и влияния в германских государствах. А это означало окончательное крушение древнего, просуществовавшего почти тысячу лет Рейха – Священной Римской империи германской нации. Понимая бесполезность дальнейшего существования номинальной империи, 6 августа 1806 г. Франц II отказался от титула императора Священной Римской империи германской нации и отныне стал «просто-напросто» императором Австрии под именем Франц I.

Все эти пертурбации резко изменили соотношение сил в Европе. Если до этого речь шла об усилении Франции, о приобретении владений, которые можно было рассматривать как передовые укрепления вокруг осажденной вражескими коалициями крепости, то теперь империя Наполеона явно переросла понятие французской государственности. Именно с этого момента впервые стали раздаваться слова об империи Карла Великого. Государство Наполеона было пока еще далеко от того, чтобы быть «империей Европы», но это уже была не Франция, а нечто другое. Баланс сил на континенте оказался явно нарушен. Теперь тем более врагам Наполеона было сложно примириться с гигантским усилением его государства. Получался замкнутый круг: чтобы отразить нападение коалиций, Франция усиливалась; чем больше она усиливалась, тем больше ее ненавидели враги и тем больше была вероятность создания новой коалиции.

Вплоть до начала войны 1805 г., а тем более до начала франко-английского конфликта в 1803 г., Франция все-таки оставалась в пределах, которые могли рано или поздно принять европейские державы. Для этого нужен был только долгий период мира. Война, развязанная коалицией в 1805 г., похоронила эту надежду. Наполеон не мог не потребовать компенсации, не мог отказаться от возможности получения новых гарантий и нового усиления своей империи. В результате она увеличилась настолько, что на это уже не могли спокойно взирать европейские державы.

Генерал Тьебо утверждает в своих мемуарах, что один из его друзей после заключения Прессбургского мира предрек дальнейшую судьбу наполеоновской империи. Обычно такие пророчества делаются задним числом, но, даже если это так, интересная фраза заслуживает того, чтобы ее процитировать: «Я согласен, – сказал некто г-н Морен, – что император – это самый великий полководец всех времен, а наша армия – самая сильная в мире. Но, хоть он и победил, его победы создали ему больше врагов, чем они дали ему славы. Хотя он и завоевал новые земли, каждое новое завоевание больше его ослабляет, чем укрепляет... Так что его врагам нужно только ждать. Сейчас слабость их останавливает, но их ненависть растет. Я не говорю, что он подошел к краю пропасти, но я хочу сказать, что он туда идет»^[989].

Впрочем, таких, как г-н Морен, во Франции в этот момент было немного. Она ликованием встречала великого полководца и думала только о триумфах. «Париж был весь в эйфории энтузиазма, как и вся Франция, – вспоминал Октав Левассер, вернувшийся с боевой раной на родину, – повсюду превозносили до небес доблестную армию, которая в три месяца совершила такой невообразимый поход и разбила соединенные силы России и Австрии. Повсюду в общественных местах народ чествовал офицеров и солдат, гордых своей победой. Вокруг них собиралась ликующая толпа, и вся Европа ими восхищалась. Моя рука на перевязи заставляла людей еще больше говорить мне добрых слов. Император своей победой заставил замолчать все враждебные голоса. Он вырос в глазах Франции, и она видела только его славу»^[990].

Третья коалиция была повержена. Но война 1805 г. открыла собой непрерывную череду конфликтов. Обычно в них принято винить Наполеона, а войны, которые сотрясали Европу, называют Наполеоновскими. И это не без оснований. Огромное усиление Франции было связано с тем, что по ней сначала прокатилась всеокрушающая волна Великой революции, а потом, используя все лучшее, что принесли с собой революционные изменения, уничтожив хаос и анархию, Наполеон создал поистине великое и процветающее государство. Однако глава этого государства был не только гениален, но он был молод, энергичен, быть может, даже слишком. Ясно, что в этих условиях его внешняя политика не могла быть иной, кроме как наступательной. Тем не менее это еще не значило, что в Европе должен был вспыхнуть гигантский военный конфликт.

Обратим внимание, что война Первой коалиции против революционной Франции имела яркую идеологическую окраску, а союз монархических держав сложился фактически спонтанно. С годами, особенно учитывая, что во Франции на смену ультрареволюционерам пришло жуликоватое правительство Директории, идеологическая составляющая конфликта все более и более сходилась на нет. Тем не менее и Вторая коалиция также родилась на свет не по злой воле какого-то одного человека, а ее появление объяснялось целым набором мотивов: идеологических, геополитических, торговых и финансовых. Члены коалиции выступили против Франции весьма единодушно, и, несмотря на последовавшие разногласия, каждый в этой войне имел свою заинтересованность.

Люневильский и Амьенский мир завершили революционные войны. Идеологические противоречия между Францией и европейскими монархическими державами свелись в это время к минимуму. Разногласия по территориальным вопросам, несмотря на остроту отдельных споров, все же не были такими, чтобы ради них непременно нужно было начинать огромную европейскую бойню. Бонапарт искренне желал мира, а в отношении России его намерения вообще не вызывают никаких сомнений. Его единственной и давней мечтой был русско-французский союз. В этих обстоятельствах были все условия для того, чтобы в Европе в конечном итоге воцарился мир. Если такого не произошло, то в этом виноваты не столько объективные причины, сколько деятельность одного человека – русского императора Александра I.

Без сомнения, франко-английские противоречия оставались очень острыми. Без сомнения, английская буржуазия жаждала устранить с мировой арены опасного торгового и промышленного конкурента в лице новой Франции. Без сомнения, английские купцы не переваривали Бонапарта, в котором видели человека, живущего совершенно в иной плоскости, чем они. Тем не менее вся эта злоба и зависть не смогли бы вылиться в войну, если бы англичане не чувствовали за собой поддержки на континенте. По-пиратски в одиночестве рыскать по морям не имело никакой перспективы, если бы на суше правящие круги Великобритании не находили никакой опоры.

Ряд современных французских историков, очевидно, примеряя к прошлому образы последних лет XX в., говорят о влиянии Александра на франко-английский спор с легкой иронией. Но Россия того времени была сильной страной. Ее могучую армию опасались в Европе. Она была единственной державой, которая могла, не боясь, вести любую войну на континенте и в случае поражения всегда спокойно укрыться в своих бескрайних просторах. Позиция и мнение такой державы не могли не сыграть определяющую роль. Если в 1803 г. английские олигархи решили растоптать Амьенский мирный договор, то только потому, что они видели, что Россия не только не будет противостоять их амбициям, но, наоборот, поддерживает и одобряет их.

Эта позиция – целиком и полностью личная инициатива Александра. Ничто: ни геополитические интересы, ни даже общественное мнение – не заставляло русского царя безоглядно поддерживать наглые претензии британских толстосумов. Подавляющее большинство правящего класса России стояло за независимую внешнюю политику страны в

стиле Петра Великого и Екатерины Великой, той, которая осмелилась заставить уважать на морях русский флаг и выступила инициатором «вооруженного нейтралитета».

Да, русские дворяне ненавидели Французскую революцию, но Бонапарт был уже не революция. Это прекрасно, кстати, понял Павел I, взявший курс на сближение с Францией. Это прекрасно понимали и многие представители русского правящего класса. Не следует забывать, что все они жили под влиянием французской культуры, говорили, читали и писали по-французски. Безоглядная, забывшая все интересы страны поддержка Англии была совершенно не в интересах большинства русского дворянства. Если в правительстве и было несколько горячих англофилов, то только потому, что этого хотел царь. Захотел бы он по-другому – были бы другие люди, потому что, следует еще раз подчеркнуть, никакого императива во вражде с Францией у России не было.

Наоборот, приличные отношения с Францией при сохранении торговых отношений с Англией были самым лучшим способом для России сбить наглухо спесь британских олигархов и притормозить слишком честолюбивые стремления молодого консула. Но Александр выбрал совершенно другую политику. Он развязал англичанам руки. Как только началась англо-французская война, она обострила все противоречия, накалила обстановку на континенте.

Однако и в этой ситуации война России с Францией никак не следовала автоматически из создавшейся ситуации. Александру потребовались поистине титанические усилия, чтобы заставить другую крупную державу континента, Австрию, вступить в антифранцузский союз. В отличие от первых двух коалиций, третья совершенно не была спонтанной. Австрию загоняли в нее пинками. В результате Россия получила ту войну, которую она должна была получить. В памяти русских офицеров и солдат австрийцы остались как дурные союзники, нерешительные и постоянно клонящиеся к «предательству». А как еще могли себя вести австрийцы, которых затащили в коалицию против воли не только большинства австрийского народа, но и против воли даже австрийского генералитета?

Русские историки часто говорят о войне 1805 г. как о войне превентивной. Якобы Наполеон с самого начала только и думал, что напасть на Россию, и нужно было его остановить. Как кажется, документы и материалы, приведенные в этой книге, убедительно доказывают, что теория превентивной войны не выдерживает ни малейшей критики. Война 1805 г. не предотвращала будущие военные конфликты, а, наоборот, их спровоцировала. Расширение Франции за счет Пьемонта или Генуэзской Ривьеры мало затрагивало интересы России, а тем более не угрожало ее безопасности. Первый консул, а впоследствии император постоянно подчеркивал свою приверженность концепции русско-французского союза. Конечно, он делал это не по причине какого-то особого пристрастия к русскому народу, а искал в этом свои выгоды. Но что мешало России умело использовать хорошие отношения с Францией для того, чтобы найти в них выгоды для себя?

Война с Францией не была естественным и неизбежным процессом. Александр I мог избрать и другие алгоритмы своей внешней политики.

Политика Наполеона, несмотря на определенную долю агрессивности, строилась на рациональных началах и не была подчинена какой-то абстрактной идее мирового господства. Заботясь о расширении своей империи, Наполеон вовсе не исключал компромиссов, а что касается России, вообще стремился к достижению союза с этой страной. Более того, этот союз до начала войны 1805 г. был для него одним из главных приоритетов внешней политики. В идеологии французской Первой империи не прослеживаются никаких черт презрения к другим нациям, человеконенавистнической идеологии и химерических проектов власти над миром. Империя со столь же активной внешней политикой, какую вели и другие великие государства того времени Россия, Великобритания и Австрия.

Одновременно Наполеону были чужды всякие идеи экспорта революции. В этом смысле его политика напоминает выражение, модное в 70-х гг. XX в., – «мирное сосуществование государств с различным общественно-политическим строем». Заботясь прежде всего о своей стране, он не собирался навязывать потенциальному союзнику свои ценности, тратя деньги и

губя людей в войнах во имя «освобождения» другого народа. Россия вполне устраивала его как сильный и потенциально выгодный союзник, и поэтому Наполеон относился с уважением к тем порядкам, которые существовали в Российской империи, и он и не думал о том, чтобы во имя освобождения русских крестьян заниматься дестабилизацией империи Александра. Поэтому российской знати было нечего бояться «пугачевщины», инициируемой Наполеоном.

Так что в 1805 г. Россия, а вместе с ней и вся Европа были втянуты в глупую, ненужную, кровопролитную войну, главным автором которой является император Александр. План войны был следствием ее политической подоплеки. Царь хотел вовлечь в коалицию как можно больше держав, стать кумиром Европы. Поэтому силы союзников были разбросаны на огромном пространстве континента. С огромными трудностями, ценой гигантских материальных затрат десятки тысяч русских солдат были переброшены одни на север, другие на юг Европы для того, чтобы увлечь в коалицию новые страны. С точки зрения стратегической это распыление сил оказалось совершенно бесполезно. Наполеон действовал так стремительно, сконцентрировав силы на главном направлении, что фланговые «диверсии» привели только к пустой растрате сил и удару по воздуху.

На главных театрах военных действий, южногерманском и североитальянском, война развивалась так же, как и следовало ожидать. Понимая, что главная борьба произойдет в Германии, австрийское командование послало тем не менее свои лучшие полки в Северную Италию, потому что здесь командовал эрцгерцог Карл. Он не получил руководство на решающем участке, так как был противником этой войны, но как брата императора его не могли совсем «обидеть». Выдвинутую вперед армию поручили бездарности, каким был генерал Макк, и это также произошло по политическим соображениям, ибо незадачливый генерал был одним из немногих сторонников войны.

Опять-таки по политическим соображениям Макк начал наступление гораздо раньше всех остальных, стремясь, с одной стороны, оправдать оказанное ему доверие, а с другой стороны, опять из соображений политики. Он надеялся вовлечь в антифранцузский союз Баварию и другие государства юго-запада Германии. В результате получилось такое абсурдное размещение войск, которое не мог бы сделать и намеренно засланный в штаб вражеский агент. В то время, когда меньшая часть австрийской армии буквально побежала вперед в Баварию, ее большая и лучшая часть спокойно стояла на равнинах Ломбардии и не начинала военные действия в ожидании, что из всего этого получится. В то же время только малая часть русских войск (Подольская армия Кутузова) двинулась в Австрию, причем расстояние от армии Кутузова до армии Макка было такое, что надеяться на их совместные действия перед лицом активного неприятеля просто не приходилось.

Но это еще были не все нелепости ситуации. Основные массы русских в этот момент были сосредоточены на границе с Пруссией, угрожая ей войной в случае, если она не вступит в коалицию! Об этом уже подробно рассказывалось, но хотелось бы еще раз подчеркнуть, что, если бы царь и князь Чарторыйский привели в действие свой бредовый план, Россия бы потерпела такую внешнеполитическую катастрофу, что даже Аустерлицкое поражение показалось бы детской игрушкой. К счастью для Александра, ошибочное решение Наполеона о проходе его войск через прусский анклав Анспах помогло избежать этого абсурдного по своей сути конфликта. Однако даже это обстоятельство не может послужить оправданием подобного плана.

Что касается Наполеона, его действия в стратегическом масштабе нужно признать образцовыми. Обычно принято расписывать как шедевр хитрости и искусства окружение армии Макка в Ульме. Но на самом деле, как уже неоднократно повторялось, Наполеон не ставил перед собой изначально задачу окружения и пленения австрийцев. Он хотел обойти и разгромить австрийскую армию, а как это должно было случиться, для него было непринципиально. Если в конечном итоге армия Макка попала в плен, то причина тому больше всего – полная бездарность этого генерала.

В ходе Ульмского марш-маневра далеко не все шло гладко. Зато в основных, глобальных стратегических расчетах император не просто был прав, а гениально прав. Если план войны союзников был похож на варварское нагромождение хаотических конструкций, план и действия Наполеона подобны античному храму. Здесь не было ничего лишнего, но ничего добавить тоже было невозможно. Император совершенно четко выбрал для себя главный объект воздействия. Он абстрагировался от всего второстепенного (вспомним письмо Бернадоту: «не обращайтесь на то, что может сделать неприятель в Ганновере или в других местах... Когда мы разделаемся со 100 тыс. австрийцев, которые сейчас перед нами, у нас будет возможность заняться и другими делами...»). На всех прочих театрах военных действий оставался тот минимум войск, который был необходим, или не было оставлено вообще никаких войск, если временно этими участками можно было пожертвовать. На направлении главного стратегического удара было сосредоточено подавляющее численное превосходство. Использованы все методы для его достижения, и политика шла рука об руку со стратегией. Германские государства, на которые рассчитывали австрийцы, стали союзниками Наполеона, а их контингенты также участвовали в войне на стороне Великой армии.

В результате под Ульмом была одержана сокрушительная победа. Противник был поражен в самое чувствительное место. В некоторых других обстоятельствах одной такой победы было бы вполне достаточно.

Если бы во главе Подольской армии стоял иной человек, чем Кутузов, который хотя бы на одну десятую позаимствовал схоластических мудростей Макка, судьба русских войск была бы предрешена. Однако в лице Кутузова на поле стратегических действий Наполеон нашел достойного противника. Без сомнения, у выдавшего виды русского полководца не было порыва и энергии его значительно более молодого противника. В области оперативных и тактических комбинаций ему также было бы трудно спорить с Наполеоном. Хотя солдаты любили Кутузова, он не обладал и той харизмой, которая была характерной чертой французского императора. Однако опытного полководца отличал блестящий политический ум, тонкая проницательность и глубокое понимание стратегических проблем.

Отступление Кутузова от Браунау до Брюнна нужно признать поистине образцовым, конечно, не с точки зрения порядка на марше (его было почти невозможно соблюдать в тяжелейших переходах перед лицом предприимчивого, храброго и более многочисленного неприятеля), а с точки зрения того, что малейшая ошибка, допущенная русским полководцем, стала бы для его армии последней. Малейшая задержка, малейшие схоластические размышления в стиле Макка, малейшие колебания перед вопросом, что делать, оборонять или нет рубеж реки Энса, Вену и т. п., и его армия была бы окружена, разгромлена, раздавлена, взята в плен.

Но Кутузов не допустил ни одного стратегического просчета, сумел нанести контрудар под Кремсом, выстоял даже тогда, когда не по его вине французская армия шла из Вены наперерез русским. Все это заслуживает, без сомнения, самой высокой оценки. При этом следует обратить внимание, что Кутузов в этой ситуации действовал совершенно самостоятельно. Ему никто не мешал, никто не вставлял палки в колеса, а если быть еще более точным, он просто сумел, сохраняя при этом дипломатические внешние формы, просто-напросто наплевать на все советы и указания свыше.

Однако подвиг Кутузова и его солдат остался без продолжения, что вполне очевидно. И это тоже вытекало из общего политического характера войны. Если Кутузов действовал, в конечном итоге, успешно (если можно назвать, конечно, успешным непрерывное отступление), то это происходило из-за того, что он как бы временно абстрагировался от общих задач войны и думал только об одном – о сохранении своей армии.

Прибытие Александра к войскам не могло не вернуть боевые действия в рамки политических задач войны. Как уже отмечалось, решение Александра о немедленном наступлении связано далеко не только с влиянием придворных фанфаронов типа Долгорукого, не понимавших силы французской армии. Войска могли, конечно, отступить

дальше, но какова была бы при этом судьба русско-австрийского союза, далеко не очевидно. После катастрофы под Ульмом, неудач в Италии и Тироле, потери Вены война опостылела подавляющему большинству австрийских солдат, офицеров и генералов. Нечего и говорить о мирном населении, страдавшем от пожаров, грабежей и насилия. В этой обстановке австрийский император в любой момент мог не выдержать и заключить мир. Тогда бы вся идея коалиции рассыпалась, как карточный домик.

Конечно, сказалась молодость царя, самоуверенность его адъютантов и «молодых друзей», умелые действия Наполеона по созданию видимости того, что Великая армия ослабла, а он боится наступления союзников. И все же, пожалуй, в не меньшей, а может быть, и в большей мере на решения союзного командования повлияла политическая составляющая.

В Аустерлицком маневре император Наполеон опять проявил себя блистательным стратегом и поистине великим полководцем. Но, как и под Ульмом, величие Наполеона состояло не в том, что он якобы продумал все мельчайшие ходы до конца. Более того, его провидческий план, который историки обычно ему приписывают, появился уже задним числом. Однако гений полководца заключается не в том, чтобы нарисовать на карте стрелочку красным карандашом, даже если эта стрелочка нарисована в нужном месте.

Наполеон сумел поистине инстинктивно чувствовать неприятеля, умело заставил его совершить преждевременное стратегическое наступление, верно рассчитал время контрудара, а самое главное, словно незримым духом пронизывал всю армию, заставлял каждого солдата и офицера верить – «Победа будет за нами!», что бы ни случилось, наш полководец заранее все продумал, все знает и всегда с нами. Это умение одухотворять армию, наполнить ее верой в то, что она сражается за правду и справедливость, вести себя так, чтобы каждый солдат был готов броситься в огонь ради своего императора, – вот самый великий дар Наполеона.

Наконец, следует отметить тактическое мастерство, которому французские войска обучились в ходе революционных войн и закрепили пройденное на практике под руководством Наполеона в Булонском лагере. Это тактическое мастерство, блистательное умение командовать на поле боя генералов и офицеров помогли французским батальонам и эскадронам выйти победителями даже в самых тяжелых ситуациях, когда, казалось бы, по всем «нормальным» пространственно-численно-временным соотношениям они должны были проигрывать.

Все это сделал Наполеон. Аустерлиц не столько был победой французской армии над союзниками, сколько победой Наполеона и созданной его гением и энергией армии.

Именно в этом смысле Аустерлиц является «победой-образцом». Это действительно образец стратегического искусства, образец умелого командования и торжества решимости и воли.

После сокрушительного поражения, которое понесли союзники, войну они продолжать больше не могли. Все рассказы ряда русских историков о том, что Аустерлиц на самом деле не такое уж страшное поражение, что армия могла еще дальше продолжать борьбу, относятся к области фантазии. Война была решена одним ударом, в один день, можно сказать, почти что в один час.

С этой точки зрения Аустерлиц напоминает некоторые великие битвы древности. Можно вспомнить, что в Средневековье делали различие между «войной» и «битвой». Война – это нормальное состояние общества того времени: небольшие набеги, осады, стычки. Битва же – это божий суд, к которому готовились, как к торжественному ритуалу. Битва по своей сути не являлась «войной», потому что она неизбежно должна была ее закончить^[991]. Так и случилось под Аустерлицем. После битвы войны больше не было. Уже через день было подписано перемирие.

Конечно, отсутствие преследования после Аустерлица является в значительной степени следствием наличия первоначального плана Наполеона, который был изменен по ходу дела. В результате кавалерия осталась почти вся в стороне от направления главного удара, и, более

того, Мюрат на следующий день сгоряча погнался еще дальше в сторону от того места, где она должна была быть. Конечно, французская армия устала, а мокрый снег с дождем и грязь по колени не способствовали бурному желанию мчаться преследовать разбитого неприятеля. Совершил просчет и Султ, задержав выступление своих войск до утра 4 декабря. Однако если бы Наполеон захотел, он мог наверстать упущенное, и если не 4 декабря, то через день – через два уничтожить, рассеять, взять в плен практически все, что осталось от союзной армии. Во многом он не сделал этого по политической причине. Буквально через несколько дней после битвы в разговоре с Гаугвицем император сказал: «Россия будет со мной, быть может, не сегодня, но через год, через два, через три года. Время стирает все воспоминания, и из всех союзов это будет тот, который мне больше всего подходит»^[992].

Увы, Наполеон не знал, с кем он имеет дело. Во главе России стоял человек, который поставил себе во главу угла одну задачу – удовлетворить свое чувство личной зависти и мстительности по отношению к Наполеону. «В Европе нет места для нас обоих. Рано или поздно один из нас должен уйти!» – заявил чуть позже Александр I в беседе со своей сестрой Марией Павловной.

Кроме того, желание обезопасить себя в будущем, извлечь максимальную выгоду из победы завело Наполеона слишком далеко. Его империя и появившиеся вокруг нее вассальные государства стали слишком много весить в европейской политике. Баланс сил был нарушен, и с подобным государством стало весьма непросто поддерживать равноправные взаимоотношения.

Поражение при Аустерлице разбудило также дремавшие силы. Русское дворянство и в особенности офицерский корпус отныне желали реванша. Конечно, все это было еще достаточно далеко от сильных антифранцузских настроений в русском обществе в период войны 1812 г. Однако это было уже не то в основном безразличное и иногда даже благожелательное отношение к Бонапарту в годы его консулата. Всего лишь через несколько дней после Аустерлица в Москве так судили о происшедшем: «Конечно, потеря немалая в людях, но народу хватит у нас не на одного Бонапарте, как говорят некоторые бородачи-купцы, и не сегодня, так завтра подавится, окаянный»^[993].

Неудивительно, что прелиминарные условия мирного договора, подписанные в Париже 20 июля 1806 г. русским посланником Убри, были отвергнуты Александром. Война еще только начиналась...

Приложения

Приложение 1. Расписание Великой Армии (на момент перехода через Рейн)

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ВЕЛИКОЙ АРМИИ – ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ИМПЕРАТОР И КОРОЛЬ НАПОЛЕОН I

НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА – ВОЕННЫЙ МИНИСТР МАРШАЛ БЕРТЬЕ, рассылающий приказы Его Величества

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ПРИНЦ МЮРАТ, заместитель главнокомандующего, распоряжающийся армией в отсутствие Его Величества, главнокомандующий резервом карабинер, кирасир и драгун, когда Его Величество находится при армии

ЛИЧНАЯ СВИТА ИМПЕРАТОРА

Кабинет

Секретарь – Меневаль, генерал Кларк.

Топографический кабинет – Бакле д'Альб, кап. штаба Делашас.

Адъютанты Императора – дивизионный генерал Жюно (генерал-полковник гусар) (в дороге), дивизионный генерал Кафарелли, дивизионный генерал Лористон, дивизионный

генерал Савари, бригадный генерал Лемаруа, бригадный генерал Рапп, бригадный генерал Бертран, бригадный генерал Мутон, полковник Лебрэн.

Обер-шталмейстер – дивизионный генерал Коленкур.

Шталмейстер – Канизи.

Гофмаршал – дивизионный генерал Дюрок (временно замещал Удино на посту командира гренадерской дивизии – см. ниже). При нем полковник Тортель, командир батальона Оже, командир батальона Рагуа, капитан Сегюр, сублейтенант Ташер.

Гувернер пажей – бригадный генерал Гарданн.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ

НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА – ВОЕННЫЙ МИНИСТР МАРШАЛ БЕРТЬЕ;

Адъютанты – ком. эск. Жирарден, кап. Кольбер, Лежён, су-лейт. Огюст Перигор, лейт. Лагранж, су-лейт. Арман Перигор.

Бригадные генералы, состоящие при штабе: Паннетье (находится при генеральной квартире) адъютант – кап. Фроман, Рейль, адъютанты лейт. Рейль и Мину, Рене, адъютант лейт. Совтер.

Полковники штаба, состоящие при генеральном штабе: Лекамя и Дальтон.

Капитаны штаба, состоящие при генеральном штабе – Симонен, Фальковский, Левайан, Депире, Монтолон, Детерно, Трикар, лейт. Сарер и Лонгрю.

Инспектор по смотрам – Дюфрен, исполняющий функции инспектора по смотрам и военного комиссара при начальнике генерального штаба.

Полковник штаба Валлонг – помощник начальника генерального штаба.

Старшие офицеры, состоящие при начальнике генерального штаба: ком. эск. Денуае, ком. бат. (инж. войск) Блейн, ком. бат. Перигор, ком. эск. Байи Монтион, ком. эск. Дальвимар.

Польские офицеры, состоящие при генеральной квартире: полковник Аксамитовский, ком. бат. Юнг.

Военная администрация, состоящая при начальнике генерального штаба:

Главный комиссар-распорядитель – младший инспектор по смотрам

Жуанвиль, при нем состоит бригадир жандармерии и 6 жандармов.

Инспектор по смотрам – военный комиссар Денние-сын.

Военные комиссары: Жакмино (ответственный за продовольствие), Жакине (ответственный за фураж), Бонфуа (ответственный за госпитали), Сермэ (временный ответственный за военнопленных), Фрожье (временный).

Административные службы при начальнике генерального штаба:

Хлебно-продовольственная: начальник службы Ле Пейан, кладовщик Довиньи, при нем помощник и 6 бригад булочников.

Мясо-продовольственная: начальник службы Маменьар, бухгалтер Пьестр и два служащих, три бригады мясников.

Служба фуража: начальник службы Жиге, кладовщик Ноэль с одним помощником.

Служба госпиталей: начальник службы – главный хирург Пуссиельг, при нем два хирурга второго класса, генеральный директор Лежандр, при нем два госпитальных фургона.

Служба военных экипажей: начальник службы Сарле, почтовая служба – Жюльак.

Типография – директор Левро.

Телеграфная служба – директор Шапп.

Генеральный вагенмейстер – полковник Вольф, помощник вагемейстера – Филипп.

Полки, состоящие при штабе: 21-й драгунский полк, 3-я рота второго батальона саперов.

Жандармерия: командир полковник Лауэр, 61 конный жандарм.

Отделы штаба

Общее бюро

Начальник общего бюро – див. генерал Андреосси (aide-major général, chef de l'état-major général), адъютанты: кап. Вальмобель и лейт. Розели.

Бригадные генералы: Рейнвальд, Зайончек, адъютанты: ком. эск. Пьер, кап. Рюффар, Фондервайт.

Полковники штаба: Астрель (зам. начальника общего бюро), Ломе, Пассенж, Бёрман (при генеральной квартире), Петие, Шевалье, Бернер (ответственный за конвоировку военнопленных), при нем кап. Крессан.

Командиры батальона, состоящие при штабе: Бушар и Томьер.

Капитаны штаба: Салле, Делорм, Мартевиль, Диени, Верден, Шателен, Дюкудра, Юг-Шаго.

Польские штабные офицеры: ком. бат. Становский и кап. Болеста.

Квартирмейстерская служба

Начальник – заместитель начальника генерального штаба (aide-major général, maréchal des logis) дивизионный генерал Матье Дюма, адъютанты: ком. бат. Ларок, лейт. Дампьер, лейт. Клермон-Тоннер.

Полковники штаба: Лобардьер и Ромёф.

Капитаны штаба: Лебрэн, Воклен и Тома.

Топографическая служба

Начальник – заместитель начальника генерального штаба (aide-major général, directeur du service topographique) бригадный генерал Сансон.

Командиры батальона: Мартине, Гийемино.

Инженеры-географы: Лапи, Шнейдер, Де Кастри, Готье, Паран, Дидье Жорж, Берле, Гольц.

Старшие офицеры различных чинов, состоящие при генеральном штабе:

Полковники Леклер, Берже, Нибайе, Бержерон, Мютеле.

Командиры батальонов Савио, Аррье, Хартман, Грейдлер, Блондель, Лашоль, Боскюр, Рёви, Фурн.

Штаб артиллерии при генеральном штабе

Начальник – дивизионный генерал Сонжи (первый генерал инспектор артиллерии), адъютанты: ком. бат. Догеро, кап. Берже, кап. Дюрель.

Начальник штаба – бригадный генерал Пернетти, адъютанты: кап. Марион, лейт. Дульсе.

Зам. начальника штаба – полк. Сенармон.

Капитаны штаба артиллерии: Юло, Маразен, Фурси, Колен, Анрион, Дежен, Бернар, Мишон.

Штаб инженерных войск при генеральном штабе

Начальник – дивизионный генерал Мареско (первый генерал-инспектор инженерных войск), адъютанты: ком. эск. Маливуар, ком. эск. Перрен, кап. Дешалар.

Начальник штаба: майор Дюкудре.

Начальник инженерных войск в Аугсбурге – командир батальона Рузье.

Капитаны штаба: Курле, Филибер, Лебель (ожидается из Франции), Лоран, Давид, Планьоль.

Лейтенанты штаба – Риоле, Сальтон, Жаммен.

Общая администрация

Генерал-интендант Великой Армии – государственный советник Петие.

Военные комиссары: Монтьери (находится в Аугсбурге), Мазо, Бартомёф, Друэн.

Административные службы при генеральной квартире

Генеральный казначей – Руген.

Главный врач – Кост.

Главный хирург – Перси.

Главный фармацевт – Пармантье.

Управляющие хлебно-продовольственной службой: Деньо и Бажё.

Управляющий мясо-продовольственной службой – Валлетт.

Управляющий службой фуража – Лонуа.

Управляющий службой отопления – Андре.

Управляющий лагерной службой – Риксе.

Управляющий службой госпиталей – Мурон.

Директор транспортной службы – Тевенен.

Жандармерия при генеральной квартире: 1 лейтенант, 2 вахмистра, 4 бригадира, 33 жандарма.

Инспекторская служба

Главный инспектор по смотрам – Вильманзи.

Инспектор по смотрам – Фририон (инспектор по смотрам, ответственный за управление имуществом, принадлежащим австрийскому правительству в районах, занятых французской армией).

Инспектор по смотрам – Моринье.

Помощник военного комиссара – Деламар.

1-й АРМЕЙСКИЙ КОРПУС

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ – МАРШАЛ БЕРНАДОТ

Начальник главного штаба – дивизионный генерал Л. Бертье.

Командующий артиллерией – дивизионный генерал Эбле.

Командующий инженерными войсками – полковник Морио.

Офицеры штаба – 33 человека.

Дивизионный генерал	Бригадные генералы	Полк	Кол-во бат., эск. или рот	Человек
<i>1-я дивизия</i>				
Друэ	Фрер Верле	27-й легкий	3	2069
		94-й линейный	3	1947
		95-й линейный	3	2161
Всего			9	6177
<i>2-я дивизия</i>				
Риво	Дюмулен Пакто	8-й линейный	3	1900
		45-й линейный	3	1822
		54-й линейный	3	1937
Всего			9	5659
Всего пехота			18	11 836
<i>Кавалерийская дивизия</i>				
Келлерман	Пикар Ван Маризи	2-й гусарский	3	431
		4-й гусарский	3	444
		5-й гусарский	3	355
		5-й егерский	3	436
Всего кавалерийская дивизия			12	1666
<i>Артиллерия и инженерные войска</i>				
		Пешая арт.	3	224
		Конная арт.	4	318
		Арт. обоз	6	465
		Рабочие	½	43
		Понтонеры	1	116
Всего артиллерия и инженерные войска			14 ½	1166

Всего в строю 14 668 человек и 34 орудия.

2-й АРМЕЙСКИЙ КОРПУС

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ – ДИВИЗИОННЫЙ ГЕНЕРАЛ МАРМОН

Начальник главного штаба – дивизионный генерал Виньоль.

Командующий артиллерией – бригадный генерал Тирле.

Командующий инженерными войсками – дивизионный генерал Лери.

Дивизионный генерал	Бригадные генералы	Полк	Кол-во бат., эск. или рот	Человек
<i>1-я дивизия</i>				
Буде	Кассань	18-й легкий	2	1476
	Суае	35-й линейный	2	1626
	Десе	11-й линейный	3	2199
Всего			7	5301
<i>2-я дивизия</i>				
Груши	Дельзон	84-й линейный	3	2045
	Лакруа	92-й линейный	3	2345
		8-й линейный батавский	2	1003
Всего			8	5393
<i>3-я дивизия (батавская)</i>				
Дюмонсо	Ван Адель Нуэта	1-й и 2-й линейные батавские	2	1154
		1-й линейный батавский	2	1183
		2-й линейный батавский	2	1018
		Полк Вальдек	2	1064
		6-й линейный батавский	2	1144
Всего			10	5563
Всего пехота			25	16 257
<i>Кавалерийская дивизия</i>				
Лакост	Герен д'Эскиньи	6-й гусарский	3	512
		8-й гусарский	3	414
		Батавские драгуны	3	364
		Батавские гусары	2	390
Всего кавалерийская дивизия			11	1680
<i>Артиллерия и инженерные войска</i>				
		Фр. пешая арт.	4	352
		Батав. пешая арт.	5	491
		Фр. обоз	6	453
		Батав. обоз	4	266
		Батав. конная арт.	1	108
		Фр. рабочие	1	72
		Батав. понтонеры	отд.	30
		Фр. саперы	1	88
		Батав. саперы	1	85
		Фр. минеры	1	80
		Батав. минеры	1	75
		Всего артиллерия и инженерные войска		

Всего в строю 20 037 человек и 26 орудий.

3-й АРМЕЙСКИЙ КОРПУС

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ – МАРШАЛ ДАВУ

Начальник главного штаба – бригадный генерал Дольтан.
 Командующий артиллерией – дивизионный генерал Сорбье.
 Командующий инженерными войсками – бригадный генерал Андреосси.

Дивизионный генерал	Бригадные генералы	Полк	Кол-во бат., эск. или рот	Человек
<i>1-я дивизия</i>				
Биссон	Демон Билли Эпле	13-й легкий	2	1629
		17-й линейный	2	1817
		30-й линейный	2	1570
		51-й линейный	2	1648
		61-й линейный	2	1550
Всего			10	8214
<i>2-я дивизия</i>				
Фриан	Лоше Грандо	33-й линейный	2	1689
		48-й линейный	2	1522
		108-й линейный	2	1567
		111-й линейный	2	1778
		15-й легкий	2	905
Всего			10	7461
<i>3-я дивизия</i>				
Гюден	Пети Готье Кистер	12-й линейный	2	1583
		21-й линейный	2	1792
		25-й линейный	2	1750
		85-й линейный	2	1603
Всего			8	6728
Всего пехота			28	22 403
<i>Кавалерийская дивизия</i>				
	Виаланн	1-й егерский	3	380
		7-й гусарский	3	324
		2-й егерский	3	331
		12-й егерский	3	513
Всего кавалерийская дивизия			12	1548
<i>Артиллерия и инженерные войска</i>				
		Пешая арт.	4½	380
		Конная арт.	1	90
		Арт. обоз	5	485
		Рабочие и оружейники	½	50
		Понтонеры	½	43
		Саперы	2	162
Всего артиллерия и инженерные войска			13½	1210

Всего в строю 25 161 человек и 48 орудий.

4-й АРМЕЙСКИЙ КОРПУС

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ – МАРШАЛ СУЛЬТ

Начальник главного штаба – дивизионный генерал Салины.

Командующий артиллерией – бригадный генерал Пернетти.

Командующий инженерными войсками – полковник Пуатевен.

Дивизионный генерал	Бригадные генералы	Полк	Кол-во бат., эск. или рот	Человек
<i>1-я дивизия</i>				
Сент-Илер	Тьебо Моран Варе	10-й легкий	2	1542
		14-й линейный	2	1764
		36-й линейный	2	1780
		43-й линейный	2	1766
		55-й линейный	2	1752
Всего			10	8604
<i>2-я дивизия</i>				
Вандам	Шинер Фере Кандра	24-й легкий	2	1504
		4-й линейный	2	1889
		28-й линейный	2	1730
		46-й линейный	2	1733
		57-й легкий	2	1854
Всего			10	8710
<i>3-я дивизия</i>				
Легран	Левассер Мерль Бруар	26-й легкий	2	1732
		Корсиканские стрелки	1	766
		Стрелки По	1	722
		3-й линейный	3	2049
		18-й линейный	2	1604
		75-й линейный	2	1895
Всего			11	8768
Всего пехота			31	26 082
<i>Кавалерийская дивизия</i>				
	Маргарон	8-й гусарский	3	443
		11-й егерский	4	633
		26-й егерский	3	405
		16-й егерский	4	для памяти*
Всего кавалерийская дивизия			12	1481

* 575 человек перешли Рейн только 14 октября.

Дивизионный генерал	Бригадные генералы	Полк	Кол-во бат., эск. или рот	Человек
<i>Артиллерия и инженерные войска</i>				
		Пешая арт.	6	579
		Конная арт.	1	92
		Арт. обоз	6	451
		Рабочие	½	46
		Понтонеры	1	62
Всего артиллерия и инженерные войска			14½	1230

Всего в строю 28 793 человека^[994] и 36 орудий.

5-й АРМЕЙСКИЙ КОРПУС

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ – МАРШАЛ ЛАНН

Начальник главного штаба – бригадный генерал Компан.

Командующий артиллерией – бригадный генерал Фуше.

Командующий инженерными войсками – полковник Кирженер.

Дивизионный генерал	Бригадные генералы	Полк		Кол-во бат., эск. или рот	Человек
<i>1-я дивизия (гренадеры и вольтижеры)</i>					
Удино	Лапланш-Мортьер	1-й элит. п.	бат. 13-й лин.	1	684
			бат. 58-й лин.	1	747
	Дюпа	2-й элит. п.	бат. 9-й лин.	1	662
			бат. 81-й лин.	1	692
	Рюффен	3-й элит. п.	бат. 2-й легк.	1	702
			бат. 3-й легк.	1	744
		4-й элит. п.	бат. 28-й легк.	1	719
			бат. 31-й легк.	1	717
		5-й элит. п.	бат. 12-й легк.	1	682
			бат. 15-й легк.	1	699
Всего				10	7048
<i>2-я дивизия</i>					
Газан	Грендорж	4-й легкий		3	1732
	Кампана	100-й линейный		3	2068
	Рейнвальд	103-й линейный		3	2144
		58-й линейный		2	1000
Всего				11	6944

Дивизионный генерал	Бригадные генералы	Полк	Кол-во бат., эск. или рот	Человек
<i>3-я дивизия*</i>				
Сюше	Бекер	17-й легкий	2	1857
	Валюбер Клапаред	34-й линейный	3	2250
		40-й линейный	2	1670
		64-й линейный	2	1675
		88-й линейный	2	1702
Всего			11	9154
Всего пехота			32	23 146
<i>Кавалерийская дивизия</i>				
	Фоконне, ком. див. Трейяр	9-й гусарский	3	344
		10-й гусарский	3	335
		13-й егерский	3	339
		21-й егерский	3	331
Всего кавалерийская дивизия			12	1349
<i>Артиллерия и инженерные войска</i>				
		Пешая арт.	4	393
		Конная арт.	1	100
		Рабочие	½	49
		Понтонеры	½	45
		Арт. обоз	5	240
		Саперы	4	283
		Минеры	1	84
Всего артиллерия и инженерные войска			16	1194

* Эта дивизия стала 4-й 4-го корпуса, а 5-й корпус стал состоять из двух дивизий.

Всего в строю 25 689 человек и 34 орудия.

6-й АРМЕЙСКИЙ КОРПУС

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ – МАРШАЛ НЕЙ

Начальник главного штаба – бригадный генерал Дютайи.
Командующий артиллерией – бригадный генерал Серу.

Командующий инженерными войсками – полковник Казаль.

Дивизионный генерал	Бригадные генералы	Полк	Кол-во бат., эск. или рот	Человек
<i>1-я дивизия</i>				
Дюпон	Руайе	9-й легкий	2	1763
	Маршан	32-й линейный	2	1662
		96-й линейный	2	1721
Всего			6	5146
<i>2-я дивизия</i>				
Луазон	Виллат Роге	6-й легкий	2	1742
		39-й линейный	2	1646
		69-й линейный	2	1716
		76-й линейный	3	1795
Всего			9	6899
<i>3-я дивизия</i>				
Малер	Марконье Лабассе	25-й легкий	3	2023
		27-й линейный	2	1828
		50-й линейный	2	1714
		59-й линейный	2	1504
Всего			9	7069
Всего пехота			24	19 114
<i>Кавалерийская дивизия</i>				
Тилли	Дюпре	1-й гусарский	3	375
		3-й гусарский	3	342
		10-й егерский	3	354
Всего кавалерийская дивизия			9	1071
<i>Артиллерия и инженерные войска</i>				
		Пешая арт.	5	468
		Конная арт.	1	94
		Рабочие и armuriers	½	46
		Понтонеры	½	45
		Обоз	6	412
Всего артиллерия и инженерные войска			13	1065

Всего в строю 21 250 человек и 30 орудий.

7-й АРМЕЙСКИЙ КОРПУС

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ – МАРШАЛ ОЖЕРО

Начальник главного штаба – бригадный генерал Донзело.

Командующий артиллерией – дивизионный генерал Дорснер.

Командующий инженерными войсками – полковник Ла Гастин.

Дивизионный генерал	Бригадные генералы	Полк	Кол-во бат., эск. или рот	Человек
<i>1-я дивизия</i>				
Дежарден	Лаписс	16-й легкий	3	2382
	Ламарк	44-й линейный	2	1355
	Ожеро	105-й линейный	2	1578
Всего			7	5315
<i>2-я дивизия</i>				
Матье (Морис)	Сарю	7-й легкий	2	2094
	Саразен	24-й линейный	3	1966
	Менар	63-й линейный	2	1337
Всего			7	5397
Всего пехота			14	10 712
<i>Кавалерия</i>				
		7-й егерский	4	452
Всего кавалерия			4	452
<i>Артиллерия и инженерные войска</i>				
		Пешая арт.	4	334
		Конная арт.	1	90
		Рабочие	½	69
		Арт. обоз	6	544
		Минеры	1	89
		Саперы	2	157
Всего артиллерия и инженерные войска			14 ½	1283

Всего в строю 12 447 человек и 24 орудия.

КАВАЛЕРИЙСКИЙ РЕЗЕРВ

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ – ЕГО ВЫСОЧЕСТВО ПРИНЦ МЮРАТ

Начальник штаба – бригадный генерал Бельяр.

Командующий артиллерией – бригадный генерал Аник.

Командующий инженерными войсками – полковник Флайель.

Дивизионный генерал	Бригадные генералы	Полк	Кол-во бат., эск. или рот	Человек
<i>1-я дивизия тяжелой кавалерии</i>				
Нансути	Пистон Лауссе Сен-Жермен	1-й карабинерный	3	478
		2-й карабинерный	3	575
		2-й кирасирский	3	532
		9-й кирасирский	3	513
		3-й кирасирский	3	520
		12-й кирасирский	3	590
Всего			18	3208
<i>2-я дивизия тяжелой кавалерии</i>				
Д'Опуль	Сен-Сюльпис Фонтен	1-й кирасирский	3	407
		5-й кирасирский	3	480
		10-й кирасирский	3	406
		11-й кирасирский	3	420
Всего			12	1713
<i>1-я драгунская дивизия</i>				
Клейн	Фенероль Лассаль Милле	1-й драгунский	3	374
		2-й драгунский	3	410
		20-й драгунский	3	413
		4-й драгунский	3	396
		14-й драгунский	3	342
		26-й драгунский	3	554
Всего			18	2489
<i>2-я драгунская дивизия</i>				
Вальтер	Себастиани Роже Буссар	10-й драгунский	3	308
		13-й драгунский	3	350
		22-й драгунский	3	648
		3-й драгунский	3	343
		6-й драгунский	3	245
		11-й драгунский	3	339
Всего			18	2233

Дивизионный генерал	Бригадные генералы	Полк	Кол-во бат., эск. или рот	Человек
<i>3-я драгунская дивизия</i>				
Бомон	Буае Скальфор Мильо	5-й драгунский	3	429
		8-й драгунский	3	341
		12-й драгунский	3	365
		9-й драгунский	3	365
		16-й драгунский	3	345
		21-й драгунский	3	435
Всего			18	2280
<i>4-й драгунская дивизия</i>				
Бурсье	Лапланш Саюк Вердьер	15-й драгунский	3	322
		17-й драгунский	3	351
		27-й драгунский	3	366
		18-й драгунский	3	359
		19-й драгунский	3	458
		25-й драгунский	3	664
Всего			18	2520
Всего кавалерия			102	14 443
<i>Дивизия пеших драгун</i>				
Бараге д'Илье	Вондервейд Ле Сюир	1-й драгунский	2	1170
		2-й драгунский	2	1468
		3-й драгунский	2	1770
		4-й драгунский	2	1097
Всего			8	5505
<i>Артиллерия</i>				
		Пешая арт.	2	185
		Конная арт.	3	283
		Арт. обоз	6	534
Всего			11	1002

Всего в строю 20 950 человек и 28 орудий.

БОЛЬШОЙ АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ ПАРК

Подразделения	Кол-во бат., эск. или рот	Человек
Пешая арт.	12	1145
Конная арт.	3	221
Рабочие арт.	2	188
Понтонеры	3	280
Оружейники	½	45
Арт. обоз	18	1418
Рабочие обоза	½	52
Всего	39	3349

56 орудий.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ГВАРДИЯ

Подразделения	Человек
Пешие гренандеры	1635
Пешие егеря	1602
Итальянская гвардия	897
	4134
Конные гренандеры	740
Конные егеря	631
Мамелюки	63
Элитная жандармерия	203
	1637
Артиллерия	286
Арт. обоз	181
Госпитаали	27
	494

Всего в строю 6265 человек и 24 орудия.

ОБЩАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ ВЕЛИКОЙ АРМИИ

Подразделения	Бат.	Эск.	Рот	В строю, пехота	В строю, кавал.	В строю, арт. и инж.	Всего в строю, человек	Орудия
Имп. гвардия				4134	1637	494	6265	24
1-й корпус	18	12	14½	11 836	1666	1166	14 668	34
2-й корпус	25	11	25	16 257	1680	2100	20 037	26
3-й корпус	28	12	13½	22 403	1548	1210	25 161	48
4-й корпус	31	12	14½	26 082	1481	1230	28 793	36
5-й корпус	32	12	16	23 146	1349	1194	25 689	34
6-й корпус	24	9	13	19 114	1071	1065	21 250	30
7-й корпус	14	4	14½	10 712	452	1283	12 447	24
Кавалерийский резерв	8	102	11	5505	14 443	1002	20 950	28
Большой арт. парк			39			3349	3349	56
Всего	180	174	161	139 189	25 327	14 093	178 609	340

Примечание. Главный штаб насчитывал примерно 200 генералов, офицеров и чиновников и около сотни жандармов. Штаб каждого армейского корпуса – 30–40 офицеров и около 50 жандармов. Дивизионный штаб – 15–18 офицеров. Штаб артиллерии корпуса – 7–10 человек. Кроме того, в корпусе Бернадота был специальный эскорт маршала – 63 человека. Таким образом, следует прибавить к общей численности еще примерно 1600 человек.

В результате общую численность Великой Армии можно считать примерно равной **180 000 человек**.

Основные источники:

Service Historique de la Défense.

Alombert P.-C., Colin J. La campagne de 1805 en Allemagne. Paris, 1902–1908.

Приложение 2. Расписание австрийской армии на 8 октября 1805 г. ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ – ФЕЛЬДМАРШАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ МАКК

Корпус фельдмаршала-лейтенанта Куенмайера

Бригады	Полки	Кол-во бат. или эск.
Карамелли	Дойчмейстер (№ 4)	4 бат.
Телен	Ж. Коллоредо (№ 57)	3 бат.
Ностиц	Гренадеры	3 бат.
Агер	Кирасиры Нассау (№ 5) и Лотарингии (№ 7)	16 эск.
	Гусары Лихтенштейна (№ 7)	8 эск.
	Уланы Мерфельда (№ 1)	6 эск. (2 эск. в Амберге)

Корпус фельдмаршала-лейтенанта Вернека

Дивизия	Бригада	Полк	Кол-во бат. или эск.
Оффенберг	Фогель Синцендорф	Рейс-Грейц (№ 55)	3 бат.
		Спорк (№ 25)	4 бат.
		Гренадеры	4 бат.
		Шеволежеры Латура (№ 4)	8 эск.
Керпен	О'Донел Оненфельд	Кауниц (№ 20)	4 бат.
		Фр. Иелачич (№ 62)	3 бат.
		Гренадеры	4 бат.
Гогенцоллерн	Майер Динерсберг	Гренадеры	4 бат.
		Кирасиры Альберта (№ 3)	8 эск.
		Вюртемберг (№ 38)	3 бат.
		Егеря	2 роты
		Кирасиры Гогенцоллерна (№ 8)	6 эск.
		Шеволежеры Розенберга (№ 6)	
Уланы Шварценберга (№ 2)			

Корпус Шварценберга

Дивизия	Бригада	Полк	Кол-во бат. или эск.
Кленау	Лихтенштейн Френель	Гренадеры	4 бат.
		Егеря	4 роты
		Кирасиры Макка (№ 6)	8 эск.
		Шеволежеры Кленау (№ 5)	6 эск.
		Уланы Шварценберга (№ 2)	6 эск.
Готтенсхейм	Стикер Вейденфельд Спет	Фрелих (№ 28)	16 бат.
		Эрцгерцога Райнера (№ 11)	
		Коловрат (№ 36)	
		Манфредини (№ 12)	
		Драгуны Гогенлоэ (№ 2)	6 эск.

Корпус Риша

Дивизия	Бригада	Полк	Кол-во бат. или эск.
Гиулай	Ульм Вебер Генедегг Мексери	Ризе (№ 15) Эрцгерцога Максимилиана (№ 35)	8 бат.
		Стюарт (№ 18) Рейс-Плауэн (№ 17) Эрбах (№ 42)	9 бат.
		Пфальцские гусары (№ 12)	6 эск.
		Гусары Бланкенштейна (№ 6)	6 эск.
Лоудон	Сиккофанти Ауэрсперг	Эрцгерцога Людовика (№ 8)	8 эск.
		Эрцгерцога Карла (№ 3) Фроон (№ 54) Ауэрсперг (№ 24)	12 бат.
Гессе-Гомбург	Эрманн Ауэр	Кирасиры эрцгерцога Франца (№ 2)	8 эск.
		Кирасиры Гогенцоллерна (№ 8)	6 эск.
		Кирасиры Нассау (№ 5)	6 эск.

Корпус Иелачича

Бригада		Полк	Кол-во бат. или эск.
Роан Рихтер Вольфскель	В Ульме	Императора (№ 1) Хильдбургхаузен (№ 41) Стейн (№ 50)	12 бат.
		Гренадеры	3 бат.
		Егеря	1 бат.
	В Штокахе	Болье (№ 58)	2 бат.
		Шеволежеры Розенберга (№ 6)	8 эск.
	В Мюнхене	Гренадеры	1 бат.
		Кирасиры Нассау (№ 5)	2 эск.
	В Линдау	Болье (№ 58)	1 бат.

Подкрепление на марше

	Полк	Кол-во бат. или эск.
Из Богемии	Гемминген (№ 21)	4 бат.
	Эрбах (№ 42)	1 бат.
	Драгуны Гогенлоэ (№ 2)	2 эск.
Из Австрии	Гиулай (№ 60)	5 бат.
	1-й и 2-й валашские (погран. полки № 16 и 17)	4 бат.
	Валашско-иллирийские (погран. полк № 13)	12 бат.
	Бродер (погран. полк № 7)	
	Петервардейнер (погран. полк № 9)	
	Немецкий банатский (погран. полк № 12)	
	Кирасиры Императорского принца (№ 4)	8 эск.
	Драгуны эрцгерцога Иоанна (№ 1)	8 эск.
	Шеволежеры О'Рейли (№ 3)	8 эск.
	Гусары императора (№ 1)	16 эск.
Гессе-Гомбург (№ 4)		
Из Тироля	Митровский (№ 40)	10 бат.
	Чарторыйский (№ 9)	
	Болье (№ 58)	1 бат.
	Гусары Бланкенштейна (№ 6)	½ эск.

Приложение 3. Боевое расписание французских войск в бою при Хаслахе 11 октября 1805 г.

1-я дивизия 6-го армейского корпуса

Дивизионный генерал Дюпон

Бригадные генералы	Полки	Полковники	Кол-во бат. или эск.	В строю (приблиз.)
Руйе Маршан	9-й легкий	Менье	2 бат.	1700
	32-й линейный	Даррико	2 бат.	1600
	96-й линейный	Барруа	2 бат.	1700
	1-й гусарский	Рувийуа	3 эск.	360
	Арт. и обоз		14 орудий	240
Всего				5600

Бригада 4-й драгунской дивизии

Бригадный генерал	Полки	Полковники	Кол-во эск.	В строю (приблиз.)
Саюк	15-й драгунский	Бартелеми	3	300
	17-й драгунский	Сен-Дизье	3	320
Всего			6	620

Всего французских войск в бою при Хаслахе

Пехота	6 бат.	5000
Кавалерия	9 эск.	980
Артиллерия и т. д.	14 орудий	240
Всего		6220

Приложение 4. Боевое расписание австрийских войск в бою при Хаслахе 11 октября 1805 г.

АВСТРИЙСКАЯ АРМИЯ

ФЕЛЬДМАРШАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ КАРЛ МАКК ФОН ЛЕЙБЕРИХ

Правая колонна – фельдмаршал-лейтенант Риш и фельдмаршал-лейтенант Вернек

Первая линия	Пех. полк Карла Ризе (№ 15)	3 бат.
	Пех. полк Рейс-Плауэна (№ 17)	3 бат.
	Пех. полк Стюарта (№ 18)	3 бат.
	Пех. полк Коловрата-Краковского (№ 36)	3 бат.
Артиллерия		24 орудия
Вторая линия, в резерве (в бою не участвовали)	Пех. полк Манфредини (№ 12)	5 бат.
	Пех. полк Ауэрсперга (№ 24)	5 бат.
	Пех. полк Эрбаха (№ 42)	4 бат.

Левая колонна – эрцгерцог Фердинанд и фельдмаршал-лейтенант Шварценберг

Первая колонна: пехота эрцгерцог Фердинанд	Пех. полк эрцгерцога Людовика (№ 8)	3 бат.
	Пех. полк эрцгерцога Райнера (№ 11)	2 бат.
	Пех. полк Кауница (№ 20)	3 бат.
	Пех. полк Фруна (№ 54)	3 бат.
Вторая колонна: кавалерия фельдмаршал-лейтенант Шварценберг	Кирасирский полк эрцгерцога Альберта (№ 3)	6 эск. 8 эск.
	Кирасирский полк Макка (№ 6)	8 эск.
	Шеволежерский полк Латура (№ 4)	8 эск.
Артиллерия	Шеволежерский полк Розенберга (№ 6)	6 орудий

Всего австрийских войск в бою при Хаслахе

Пехота	37 бат.	20 000
Кавалерия	30 эск.	2100
Артиллерия	30 орудий	900
Всего		23 000

Приложение 5. Французские войска в битве под Эльхингеном 14 октября 1805 г.

6-Й АРМЕЙСКИЙ КОРПУС

КОМАНДУЮЩИЙ – МАРШАЛ НЕЙ

Начальник главного штаба – бригадный генерал Дютайи.

Командующий артиллерией – бригадный генерал Серу.

Командующий инженерными войсками – полковник Казаль.

Персонал штаба – 43 человека.

Дивизионный генерал	Бригадные генералы	Полк	Кол-во бат., эск. или рот	Человек
<i>1-я дивизия</i>				
Дюпон	Руйе Маршан	9-й легкий	2 бат.	1120
		32-й линейный	2 бат.	1210
		96-й линейный	2 бат.	1135
		1-й гусарский	3 эск.	239
		Артиллерия	10 орудий	191
Всего 1-я дивизия				3895
<i>2-я дивизия</i>				
Луазон	Виллат Роге	6-й легкий	2	1728
		39-й линейный	2	1633
		69-й линейный	2	1698
		76-й линейный	3	1789
		Артиллерия	6 орудий	89
Всего 2-я дивизия				6937
<i>3-я дивизия</i>				
Малер	Марконье Лабассе	25-й легкий	3	1540
		27-й линейный	2	1347
		50-й линейный	2	1547
		59-й линейный	2	1621
		Артиллерия	6 орудий	65
Всего 3-я дивизия			9	7069

<i>Кавалерия</i>				
Полковник Огюст Кольбер	3-й гусарский		3	150
	10-й егерский		3	140
Всего кавалерия				290
<i>Артиллерия, инженерные войска, обоз и жандармерия</i>				
		Пешая артиллерия	12 орудий	331
		Конная артиллерия	4 орудия	65
		Рабочие		19
		Обоз		289
		Жандармерия		50
Всего			13	1065
<i>4-я драгунская дивизия</i>				
Бурсье	Лапланш	18-й драгунский	3	305
		19-й драгунский	3	290
		25-й драгунский	3	240
Всего			9	835

Всего французских войск при Эльхингене

Пехота	24 бат.	16368
Кавалерия	18 эск.	1364
Артиллерия и т. д.	38 орудий	1457
Всего		19 189

Примечание. В реальности дивизия Дюпона не приняла участия в бою, дивизия Малера лишь следовала за войсками, которые сражались с неприятелем. Действительное количество французских войск, принявшие участие в битве при Эльхингене, можно оценить в 8800–9000 человек.

Приложение 6. Австрийские войска в битве при Эльхингене 14 октября 1805 г.

КОМАНДУЮЩИЙ – ФЕЛЬДМАРШАЛ ЛЕЙТЕНАНТ ГРАФ ФОН РИШ

Дивизия Лаудона

Авангард Г-м принц Кобург	Пех. полк эрцгерцога Людвига (№ 8)	4 фузилер. бат.
	Гусары Бланкенштейна (№ 6)	2 эск.
Центр Г-м Генегбег	Пех. полк Карла Ризе (№ 15)	4 фузилер. бат.
	Пех. полк эрцгерцога Максимилиана (№ 35)	4 фузилер. бат.
	Кирасиры Гогенцоллерна (№ 8)	2 эск.
	Уланы Шварценберга (№ 2)	1 эск.
Резерв Г-м Ульм	Пех. полк Фроона (№ 54)	3 бат. (2 фуз., 1 гр.)
	Пех. полк Жозефа Коллоредо (№ 57)	1 гренад. бат.
	Кирасиры Гогенцоллерна (№ 8)	2 эск.
Артиллерия		6 орудий

Дивизия Гессе-Гомбурга

Авангард Г-м Мескери	Пех. полк Эрбаха (№ 42)	4 бат. (3 фуз., 1 гр.)
	Кирасиры эрцгерцога Франца (№ 2)	2 эск.
Центр Г-м Ауэрсперг	Пех. полк эрцгерцога Карла (№ 3)	4 бат. (3 фуз., 1 гр.)
	Пех. полк Ауэрсперга (№ 24)	4 фузилер. бат.
	Кирасиры эрцгерцога Франца (№ 2)	1½ эск.
Резерв Г-м Гремани	Пех. полк Фроона (№ 54)	2 фузилер. бат.
	Пех. полк эрцгерцога Карла (№ 3)	1 гр. бат.
	Пех. полк Ауэрсперга (№ 24)	1 гр. бат.
	Кирасиры эрцгерцога Франца (№ 2)	2 эск.
Артиллерия		8 орудий

Всего австрийских войск в битве под Эльхингеном

Пехота	32 бат.	13 300
Кавалерия	12½ эск.	1250
Артиллерия	14 орудий	450
всего		15 000

Примечание. Часть австрийских войск не приняла реального участия в бою. Можно оценить количество войск, принявших активное участие в битве, в 9000–10 000 человек.

Приложение 7. Австрийские войска, взятые в плен в Ульме

Название полков	Номера полков	Кол-во офицеров	Кол-во унтер-офицеров и солдат
Фузилеры Коловрата	36	63	2261
Гренадеры Коловрата		15	119
Фузилеры эрцгерцога Райнера	11	57	1262
Гренадеры эрцгерцога Райнера		13	459
Фузилеры Ауэрсперга	24	34	607
Гренадеры Ауэрсперга		9	291
Фузилеры Фроона	54	65	1487
Гренадеры Фроона		13	408
Фузилеры Кайзера	1	38	1448
Гренадеры Кайзера		15	506
Фузилеры Манфредини	12	71	2222
Гренадеры Манфредини		12	421
Фузилеры Фрелиха	28	64	2071
Гренадеры Фрелиха		13	512
Фузилеры эрцгерцога Карла	3	23	576
Гренадеры эрцгерцога Карла		14	453
Фузилеры Хильдбургхаузена	41	67	2557
Гренадеры Хильдбургхаузена		16	557
Фузилеры эрцгерцога Людвига	8	28	506
Фузилеры Ризе	15	56	1727
Фузилеры эрцгерцога Максимилиана	35	12	83
Эрбах	42	8	115
Гренадеры Жозефа Коллоредо	57	10	373
Фузилеры Стюарта	18	3	
Фузилеры Болье	58	1	
Чарторыйский	9	1	
Тирольские егеря	64	18	442
Гусары Бланкенштейна	6	1	25
Кирасиры Гогенцоллерна	8	20	242
Драгуны Гогенлоэ	2	13	147
Кирасиры эрцгерцога Карла	2	25	348
Кирасиры Макка	6	12	86
Уланы Шварценберга	2	49	554
Артиллерия	1		24
Артиллерия	3		197
Артиллерия	4		65
Bombardiers			4
Главный штаб		18	

Название полков	Номера полков	Кол-во офицеров	Кол-во унтер-офицеров и солдат
Инженеры		7	
Саперы		3	51
Минеры		3	59
В госпиталях			1165
Всего		890	24 435

Австрийские генералы и штабные офицеры, взятые в плен

Фамилии	Звание	Примечания
Барон Макк	Фельдцугмейстер	Всего генералов 18
Граф Риш	Фельдмаршал-лейтенант	
Принц Гессе-Гомбург	Фельдмаршал-лейтенант	
Барон Штипиц	Фельдмаршал-лейтенант	
Барон Лоудон	Фельдмаршал-лейтенант	
Барон Готтесхейм	Фельдмаршал-лейтенант	
Граф Кленау	Фельдмаршал-лейтенант	
Граф Гиулай	Фельдмаршал-лейтенант	
Барон д'Абельд	Майор генерального штаба	
Барон Ульм	Генерал-майор	
Барон Вейденфельд	Генерал-майор	
Граф Ауэрсперг	Генерал-майор	
Гельнедег	Генерал-майор	
Граф Тресней	Генерал-майор	
Штейкер	Генерал-майор	
Херманн	Генерал-майор	
Принц Лихтенштейн	Генерал-майор	
Рихтер	Генерал-майор	
Адъютанты этих генералов		28
Всего		46

Результат

Генералы и адъютанты	46	25 365
Полковые офицеры	884	
Унтер-офицеры и солдаты (пехота)	23 033	
Унтер-офицеры и солдаты (кавалерия)	1402	
Пушки	60	
Знамена	40	

**Приложение 8. Французские войска в битве при Кремсе –
Дюренштейне 11 ноября 1805 г.
ВЫДЕЛЕННЫЙ КОРПУС ПОД КОМАНДОВАНИЕМ МАРШАЛА МОРТЬЕ**

Генерал Годино – начальник главного штаба.

Казен – капитан инженерных войск.

Тюилье – капитан инженерных войск.

2-я ДИВИЗИЯ 5-го АРМЕЙСКОГО КОРПУСА

Дивизионный генерал Газан; адъютанты: командир эскадрона Трипуль, капитан Моне, капитан Мангрено.

Бригадный генерал Грендорж; адъютант лейтенант Миньо.

Бригадный генерал Кампана; адъютант капитан Кампана.

Полковник штаба Фурнье д'Альб;

помощники: капитан Монтельжье, капитан Фор.

Командующий артиллерией командир батальона Сен Лу.

Командующий инженерными войсками капитан Паппораль; капитан Барен.

Инспектор по смотрам Ларан.

Военный комиссар Феро.

Полки	Полковники	Кол-во бат., эск. или рот	Под ружьем
4-й легкий	Базанкур	3 бат.	1518
100-й линейный	Рите	3 бат.	1973
103-й линейный	Топен	3 бат.	2038
58-й линейный выделен в Браунау			
4-й драгунский	Ватье	3 эск.	303
Пешая артиллерия		1 рота (10 орудий)*	286
Конная артиллерия		Отряд (2 орудия)	
Арт. обоз		1 рота	116
Всего			6234

* Только часть орудий находилась на поле боя (скорее всего 5). Остальные были погружены на суда флотилии.

1-я ДИВИЗИЯ 6-го АРМЕЙСКОГО КОРПУСА

Дивизионный генерал Дюпон; адъютанты: командир батальона Декуши, командир эскадрона Морен.

Бригадный генерал Руйе; адъютанты: капитан Дебен, капитан Энрион.

Бригадный генерал Маршан; адъютанты: капитан Маршан, капитан Кайеме.

Полковник штаба Дюамель; помощник капитан Фавери.

Командующий артиллерией командир батальона Бернар; капитан Симон.

Командующий инженерными войсками капитан Декло; капитан Леметр.

Инспектор по смотрам Барш.

Военный комиссар Кайрольст.

Полки	Полковники	Кол-во бат., эск. или рот	Под ружьем
9-й легкий	Менье	2 бат.	1120
32-й линейный	Даррико	2 бат.	1210
96-й линейный	Барруа	2 бат.	1135
1-й гусарский	Рувийуа	3 эск.	239
1-й полк пешей арт.		1 рота (6 орудий)	89
2-й полк конной арт.		Отряд (2 орудий)	39
Рабочие арт.			4
3-й бис бат. обоза			59
5-й бат. обоза			
Всего			3895

3-я ДИВИЗИЯ 2-го КОРПУСА, БАТАВСКИЕ ВОЙСКА

Дивизионный генерал Дюмонсо (не участвовали в бою).

Общее количество войск, принявших участие в бою (без учета штабов): 10 129 человек.

Приложение 9. Боевое расписание армии Кутузова в сражении при Кремсе 11 ноября 1805 г.

Командующий армией – генерал от инфантерии Кутузов.

Генерал-квартирмейстер – Шмидт (фактически начальник штаба в сражении при Кремсе).

Свиты императорского величества по квартирмейстерской части генерал-лейтенант Гергард.

ОТРЯД ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА МИЛОРАДОВИЧА, ШЕФА АПШЕРОНСКОГО МУШКЕТЕРСКОГО ПОЛКА

Малороссийский гренадерский полк, гренадерский бат. – 1 бат.

Апшеронский мушкетерский полк, гренадерский бат. – 1 бат.

Смоленский мушкетерский полк, гренадерский и мушкетерский бат. – 2 бат.

8-й егерский полк, шефский бат. – 1 бат.

Мариупольский гусарский полк – 2 эск.

Артиллерия – 4 шестифунтовых пушки.

Всего: 5 бат., 2 эск., 4 орудия.

КОЛОННА ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ДОХТУРОВА, ШЕФА МОСКОВСКОГО МУШКЕТЕРСКОГО ПОЛКА

При колонне состоял генерал-адъютант генерал-майор барон Винценгероде.

Отряд генерал-майора Уланиуса, шефа 6-го егерского полка

6-й егерский полк – 2 бат.

Ярославский мушкетерский полк, гренадерский бат. – 1 бат.

Главные силы:

Московский мушкетерский полк – 3 бат.

Вятский мушкетерский полк, гренадерский бат. – 1 бат.

Отряд генерал-майора князя Урусова, шефа Вятского мушкетерского полка (оставлен на дороге в горах)

Брянский мушкетерский полк – 2 бат.

Ярославский мушкетерский полк, 2 мушкетерских бат. – 2 бат.

6-й егерский полк – 1 бат.

Мариупольский гусарский полк – 2 эск.

Отряд полковника Бибикова (подполковника Гвоздева)

Вятский мушкетерский полк, 2 мушкетерских бат. – 2 бат.

Отряд генерал-майора Штрика, шефа Бутырского мушкетерского полка

Бутырский мушкетерский полк – 3 бат.

8-й егерский полк – 2 бат.

Всего в обходящей колонне: 21 бат., 2 эск., точное количество артиллерии неизвестно (отстала по дороге в горах и в бою не участвовала).

Реальное участие в бою приняло не более 12 батальонов.

РЕЗЕРВ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ЭССЕНА 2-го, ШЕФА ЧЕРНИГОВСКОГО ДРАГУНСКОГО ПОЛКА

Малороссийский гренадерский полк – 2 бат.

Апшеронский мушкетерский полк – 2 бат.

Смоленский мушкетерский полк – 1 бат.

Брянский мушкетерский полк – 1 бат.

Нарвский мушкетерский полк – 1 бат.

Новгородский мушкетерский полк – 1 бат.

Мариупольский гусарский полк – 6 эск.

Черниговский драгунский полк – 5 эск.

Всего: 8 бат., 11 эск.

Из состава войск Эссена в бою приняло участие 3 батальона.

Отряд генерал-майора Багратиона, шефа лейб-гвардии Егерского полка

Киевский гренадерский полк – 3 бат.

Азовский мушкетерский полк – 3 бат.

Подольский мушкетерский полк – 1 бат.

Павлоградский гусарский полк – 5 эск.

Лейб-кирасирский полк – 5 эск.

Австрийская пехотная бригада генерал-майора Ностица

Пограничный полк Бродера № 7–2 бат.
Пограничный полк Петервардейнера – 2 бат.

Австрийская кавалерийская бригада генерал-майора князя Гогенлоэ
Кирасирский полк Нассау № 5–8 эск.

Кирасирский полк герцога Лотарингского № 7–8 эск.
Гусарский полк князя Гессен-Гомбургского № 4–6 эск.
Всего: 11 бат., 32 эск.

В бою не участвовали.

Кроме этого, в резерве оставались:

Подольский мушкетерский полк – 2 бат.
Новгородский мушкетерский полк – 2 бат.
Санкт-Петербургский драгунский полк – 5 эск.
Павлоградский гусарский полк – 5 эск.

Казачьи полки: войскового старшины Кирсанова, войскового старшины Грекова 18-го, полковника Грекова 9-го, полковника Ханженкова, войскового старшины Киселева, подполковника Сысоева.

Артиллерия.

Всего: 4 бат., 10 эск., 6 казачьих полков.

В бою не участвовали.

Приложение 10. Состав войск генерал-майора Багратиона под Шенграбенем 16 ноября 1805 г.

Генерал-майор Багратион, шеф лейб-гвардии Егерского полка – командир отряда.

Офицеры, состоящие при кн. Багратионе:

ротмистр Павлоградского гусарского полка Декун,

поручик лейб-гвардии Егерского батальона Власов (шефский адъютант).

Передовой отряд. Генерал-майор граф Ностиц (австрийские войска)	Гессен-Гомбургский гусарский полк (№ 4) Командир полка: полковник барон фон Мор	8 эск.
	Кавалерийский отряд майора фон Шайтера Кирасиры полков № 5 «Нассау-Узинген» и № 7 «Лотаринген»	1,5 эск.
	Кроатский Петервардейнера полк (№ 9)	2 бат. (остатки)
Правое крыло Генерал-майор Уланиус	Черниговский драгунский полк Командир полка: полковник Панчулидзеv 1-й Полковой адъютант: поручик Сомов	5 эск.
	Киевский гренадерский полк Командующий полком: майор Икономов И. д. полкового адъютанта: батальонный адъютант подпоручик Ярославцев	3 бат. (гренадерский и два фузилерных)
	6-й егерский полк Шеф полка: генерал-майор Уланиус (4/16 ноября при Шенграбене командовал правым флангом пехоты — 6-м егерским и Киевским гренадерскими полками) Командующий полком: полковник Яковлев Шефский адъютант: поручик Гирс Полковой адъютант: поручик Мигай	3 бат.
	Казачий Сысоева 3-го полк Командир полка: подполковник Сысоев 1-й	5 сотен
Левое крыло Генерал-майор Селехов	Павлоградский гусарский полк Командующий полком: свиты Е. И. В. генерал-майор Чаплиц (4/16 ноября при Шенграбене командовал всей кавалерией отряда Багратиона) Командир полка: полковник Панчулидзеv 2-й Полковой адъютант: поручик Оршау-Орачевский	10 эск.

	Подольский мушкетерский полк Командир полка: подполковник Нечаев Полковой адъютант: поручик Федоров	3 бат. (два мушкетерских и один гренадерский)
	Азовский мушкетерский полк Шеф полка: генерал-майор Селехов (4/16 ноября при Шенграбене командовал левым флангом пехоты — Азовским и Подольским мушкетерскими полками) Командир полка: подполковник Штакельберг, не при полку, занимал должность начальника вагенбурга Подольской армии Шефский адъютант: поручик Науменко Полковой адъютант: поручик Панферов	3 бат. (гренадерский и два мушкетерских)
	Казачий Ханженкова 1-го полк Командир полка: подполковник Ханженков 1-й	5 сотен
	Арт. рота майора Богославского (2-го бат. полк. Ефимова, 4-й арт. полк) Шеф роты: майор Богославский (Богуславский)	1 рота, 12 орудий
	Вакантная рота 2-го батальона 4-го артиллерийского полка Командующий: капитан Судаков	6 орудий
	Приданные австрийские орудия (4 легкие пушки и 2 гаубицы)	6 орудий
	Легкая рота майора Гине 1-го батальона 5-го артиллерийского полка	2 орудия
Резерв	Новгородский мушкетерский полк Командир полка и батальона: подполковник Монахтин (4/16 ноября при Шенграбене командовал резервом отряда Багратиона — двумя батальонами Новгородского и Нарвского мушкетерских полков)	1 гренад. бат. (мушкетерский командира)
	Нарвский мушкетерский полк Командир батальона: подполковник Гарпе	1 гренад. бат.

Передовой отряд генерал-майора Ностица первоначально не принял участия в бою. Таким образом, Багратион располагал только русскими войсками:

14 батальонов, 15 эскадронов, 10 казачьих сотен и 12 артиллерийских орудий, всего примерно 7–8 тыс. человек.

Приложение 11. Расписание французских войск в битве при Шенграбене 16 ноября 1805 г.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ – ЕГО ВЫСОЧЕСТВО ПРИНЦ МЮРАТ, заместитель Императора, командующий в отсутствие Его Величества; командующий резервом из карабинеров, кирасиров и драгун, когда Его Величество находится при армии

Командир – бригадный генерал Себастиани.
Персонал штаба – 12 человек.

Бригадный генерал	Полки	Кол-во эск.	В строю
Трейяр	9-й гусарский	3	231
	10-й гусарский	3	261
	1-й конно-егерский	3	275
Всего		9	767

5-й АРМЕЙСКИЙ КОРПУС

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ – МАРШАЛ ЛАНН

Сводно-гренадерская дивизия – дивизионный генерал Удино.
Персонал штаба – 22 человека.

Бригадные генералы	Полки		Кол-во бат., эск. или рот	В строю	
Лапланш-Мортьер Дюпа Рюффен	1-й элитный полк	бат. 13-го лин.	1	611	
		бат. 58-го лин.	1	659	
	2-й элитный полк	бат. 9-го лин.	1	584	
		бат. 81-го лин.	1	695	
	3-й элитный полк	бат. 2-го легк.	1	509	
		бат. 3-го легк.	1	522	
	4-й элитный полк	бат. 28-го легк.	1	459	
		бат. 31-го легк.	1	396	
	5-й элитный полк	бат. 12-го легк.	1	498	
		бат. 15-го легк.	1	497	
	5-й пеш. арт.			1 рота	158
	5-й кон. арт.			1	
	5-й бис бат. обоза			2	170
	2-я рота 2-го бат. саперов			1	72
Всего				5830	

3-я дивизия – дивизионный генерал Сюше

Персонал штаба – 23 человека.

Бригадные генералы	Полки	Кол-во бат., эск. или рот	В строю
Бекер	17-й легкий	2	1461
Валюбер	34-й линейный	3	1279
Клапаред	40-й линейный	2	1404
	64-й линейный	2	1020
	88-й линейный	2	1606
	5-й пеш. арт.	1 рота	115
	3-й бат. обоза	1	101
Всего			6986

Всего в строю в 5-м корпусе на поле боя – 12 816 человек.

4-й АРМЕЙСКИЙ КОРПУС

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ – МАРШАЛ СУЛЬТ

1-я дивизия – Сент-Илер – осталась позади

2-я дивизия – Вандам

Персонал штаба – 23 человека.

Бригадные генералы	Полки	Кол-во бат., эск. или рот	В строю
Шинер	24-й легкий	2 бат.	1310
Фере	4-й линейный	2	1822
Кандра	28-й линейный	2	1636
	46-й линейный	2	1559
	57-й легкий	2	1771
	5-й пеш. арт.	1 ¼ рот.	117
	2-й бат. арт. обоза.	1	132
Всего			8347

3-я дивизия – Легран

Персонал штаба – 20 человек.

Бригадные генералы	Полки	Кол-во бат., эск. или рот	В строю
Левассер	26-й легкий	2 бат.	1587
Мерль	Корсиканские стрелки	1	635
Бруар	Стрелки По	1	547
	3-й линейный	3	1888

Бригадные генералы	Полки	Кол-во бат., эск. или рот	В строю
	18-й линейный	2	1507
	75-й линейный	2	1532
	5-й пеш. арт.	1 ¼ рот.	116
	3-й бат. арт. обоза.	1	101
Всего			7913

Кавалерийская дивизия – бригадный генерал Маргарон

Персонал штаба – 7 человек.

Полки	Кол-во эск. или рот	В строю
8-й гусарский	3	276
11-й конно-егерский	4	317
26-й конно-егерский	3	331
5-й кон. арт.	1 рота	91
3-й бат. арт. обоза	1	52
Всего		1067

Резерв артиллерии остался позади.

Всего в строю в 5-м корпусе на поле боя – 17 327 человек.

КАВАЛЕРИЙСКИЙ РЕЗЕРВ НА ПОЛЕ БОЯ

2-я драгунская дивизия – дивизионный генерал Вальтер

Персонал штаба – 18 человек.

Бригадные генералы	Полки	Кол-во бат., эск. или рот	В строю
Роже Буссар	10-й драгунский	3 эск.	225
	11-й драгунский	3	347
	3-й драгунский	3	258
	13-й драгунский	3	268
	22-й драгунский	3	152
	6-й драгунский	3	284
	конная арт.	½ роты	
	арт. обоз	½	
Всего			1534

1-я дивизия тяжелой кавалерии – дивизионный генерал Нансути

Персонал штаба – 17 человек.

Бригадные генералы	Полки	Кол-во эск. или рот	В строю
Пистон Лауссе Сен-Жермен	1-й карабинерный	3 эск.	232
	2-й карабинерный	3	239
	1-й кирасирский	3	350
	2-й кирасирский	3	305
	3-й кирасирский	3	291
	5-й кирасирский	3	335
	Конная арт.	½ роты	
	Арт. обоз	½	
Всего			1752

2-я дивизия тяжелой кавалерии – дивизионный генерал д'Опуль

Персонал штаба – 13 человек.

Бригадный генерал	Полки	Кол-во бат., эск. или рот	В строю
Сен-Сюльпис Полковник штаба Фонтен	9-й кирасирский	3 эск.	318
	12-й кирасирский	3	298
	10-й кирасирский	3	260
	11-й кирасирский	3	333
	Конная арт.	½ роты	
	Арт. обоз	½	
Всего			1209

Всего на поле боя резерв кавалерии – 4495 человек.

Всего в строю французских войск на поле боя при Шенграбене – 35 405 человек.

Приложение 12. Боевое расписание Итальянской армии на 18 октября 1805 г.

Главнокомандующий – маршал Массена.

Дивизионный генерал Шарпантье – начальник главного штаба.

Дивизионный генерал Фририон – помощник начальника главного штаба.

Дивизионный генерал Лакомб Сен-Мишель – командующий артиллерией.

Дивизионный генерал Шасслу – командующий инженерными войсками.

Полковник д'Опуль – начальник штаба инженерных войск.

Жубер – комиссар распорядитель.

Полковник Фор – начальник штаба артиллерии.

Бригадный генерал Феликс – инспектор по смотрам.

	Дивизионные генералы	Бригадные генералы	Полки	Кол-во бат. или эск.	
Правое крыло	1-я дивизия Гарданн	Компер	22-й легкий	3 бат.	
			52-й линейный	3	
		Ланшантен	29-й линейный	3	
			101-й линейный	3	
			23-й конно-егерский	3 эск.	
			Пешая артиллерия		
				Всего	12 бат., 3 эск.
	Всего: 6066 человек и 5 орудий				
	2-я дивизия Вердые	Брен	23-й легкий	3 бат.	
			10-й линейный	3	
		Дигоне	56-й линейный	2	
			62-й линейный	4	
			Пешие драгуны	1	
			Сводный отряд драгун	2	
			4-й конно-егерский	4 эск.	
			19-й конно-егерский	3	
			Пешая и конная артиллерия		
					Всего
	Всего 5129 человек и 11 орудий				

	Дивизионные генералы	Бригадные генералы	Полки	Кол-во бат. или эск.	
Центр	3-я дивизия Молистор	Лоне	23-й линейный	4 бат.	
			79-й линейный	2	
		Эрбен	5-й линейный	3	
		Валори	60-й линейный	4	
			Пешая и конная артиллерия		
				Всего	13 бат.
Всего 6812 человек и 12 орудий					
Левое крыло	4-я дивизия Дюэм	Гюлю	14-й легкий	3 бат.	
			20-й линейный	4	
		Камю	1-й линейный	3	
			102-й линейный	3	
			25-й конно-егерский	3 эск.	
			Пешая артиллерия		
				Всего	13 бат., 3 эск.
	Всего 6824 человек и 6 орудий				
	5-я дивизия Сера	Жилли	Корсиканские карабинеры	1 бат.	
			8-й легкий	2	
			53-й линейный	3	
		Гилле	81-й линейный	2	
			106-й линейный	3	
		Малле	13-й линейный	3	
			Драгуны королевы	4 эск.	
Шильд		9-й линейный	2 бат.		
	Пешая артиллерия				
			Всего	16 бат., 4 эск.	
Всего 8016 человек и 6 орудий					
Резерв	Дивизия Партуно	Солиньяк	Сводно-карабинерский бат.	1 бат.	
			Сводно-гренадерские бат.	3	
		Валентен	Сводно-карабинерские бат.	2	
			Сводно-гренадерские бат.	2	
			Пешая артиллерия		
				Всего	8 бат.
Всего 3949 человек и 5 орудий					

	Дивизионные генералы	Бригадные генералы	Полки	Кол-во бат. или эск.
	Дивизия Мерме	Лакур	24-й драгунский	4 эск.
			30-й драгунский	3
		Оффенштейн	7-й кирасирский	4
			8-й кирасирский	4
			Конная артиллерия	
	Всего			15 эск.
	Всего 1702 человека и 4 орудия			
Кавалерия	Дивизия Д'Эспань	Дебель	3-й конно-егерский	4 эск.
			14-й конно-егерский	4
		Морен	15-й конно-егерский	4
			24-й конно-егерский	4
			Конная артиллерия	
	Всего			16 эск.
	Всего 1849 человек и 5 орудий			
	Дивизия Пюлли	Фрезиа	23-й драгунский	3 эск.
			29-й драгунский	3
		Давенэ	4-й кирасирский	3
			6-й кирасирский	2
		Всего		
	Всего 1008 человек			

Общая численность

	Батальонов	Эскадронов	Человек
Правое крыло	27	10	11 195
Центр	13		6812
Левое крыло	29	7	14 840
Резерв	8	15	3949
Кавалерия		27	4559
Всего	77	59	41 355

<i>Кроме того:</i>		человек	
Гарнизоны	Мантуя	900	5733
	Леньяго	1606	
	Верона	250	
	Пескьера	612	
	Рока д'Анфо	300	
	Ливорно	2065	
В госпиталях			5240
В депо, отставшие			12 907
Общая численность			65 235

Материальная часть артиллерии

Полевая артиллерия	54 орудия
	108 зарядных ящиков
	12 повозок
	6 кузниц
Горная артиллерия	24 орудия
	46 повозок
	3 кузницы
В главном парке и в Пьяченце	90 орудий
	36 зарядных ящиков
	12 повозок
	4 кузницы

Вещевой обоз

311 человек	и	92 четырехколесных повозок
543 лошади		33 двухколесных повозок
54 мула		6 вурстов
		2 большие повозки

Приложение 13. Расписание правого крыла под командованием генерал-лейтенанта Гувийона Сен-Сира на 2 ноября 1805 г.

Дивизии	Бригадные генералы	Полки	Кол-во бат. или эск.	В строю
Рейнье	Дигонне Эрбен Гриньи	23-й легкий	3 бат.	1255
		10-й линейный	3 бат.	1061
		56-й линейный	4 бат.	947
		62-й линейный	4 бат.	1200
		4-й бат. 1-го пехотного швейцарского полка	1 бат.	573
		4-й конно-егерский	4 эск.	420
		6-й конно-егерский	4 эск.	489
		17-я рота 2-го полка пешей арт.		86
		3-я рота 2-го полка конной арт.		38
		4-я рота 4-го бат. арт. обоза		112
		5-я и 7-я рота 3-го бат. саперов		88
Лечи	Северолли Оттави	2-й линейный, итальянцы	3 бат.	1057
		4-й линейный, итальянцы	3 бат.	1268
		5-й линейный, итальянцы	3 бат.	1577
		1-й бат. 32-го легкого	1 бат.	410
		1-й полк королевских егерей, итальянцы	4 эск.	482
		4-я рота 1-го полка пешей арт., итальянцы		48
		2-я рота 1-го полка конной арт., итальянцы		59
		1-я и 2-я роты 1-го бат. арт. обоза, итальянцы		84
Резервная бригада главного штаба под командованием бригадного генерала Пейри; бр. ген. Брон		1-й полк польской пехоты	3 бат.	1787
		1-й полк конных егерей, поляки	4 эск.	470
		28-й драгунский	4 эск.	648
		2-я рота 1-го полка конной арт.		58
		3-я, 5-я и 6-я роты 2-го полка пешей арт.		149
Арт. парк под ко- мандованием полк. Дейссотье		Рабочие арт.		11
		6 бат. арт. обоза	1 бат.	571
		1-й полк пешей арт., итальянцы		75
		Обоз и рабочие, итальянцы		94
Всего			29 бат., 20 эск.	15 117

Общая численность

Дивизии	Бат.	Эск.	Пехота	Кавалерия	Арт.	Всего
Рейнье	15	8	5436	509	324	6269
Лечи	10	4	4312	482	191	4985
Пейри	3	8	1787	1108	217	3112
Арт. парк	1				751	751
Всего	29	20	11 535	2099	1483	15 117

Приложение 14. Боевое расписание русского корпуса в Неаполе
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ – ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ АНРЕП

Сибирский гренадерский полк	Генерал-майор Бахметьев	3 бат.	1931 чел.
	Полковник Удом		
	Полковник Попов		
Витебский мушкетерский полк	Генерал-майор Мусин-Пушкин	3 бат.	1862 чел.
	Майор Езерский		
	Майор Вильмах		
Козловский мушкетерский полк	Генерал-майор Макшеев	3 бат.	1408 чел.
	Подполковник Огарев		
	Полковник Падейский		
Кольванский мушкетерский полк	Генерал-майор Жердюи	3 бат.	1620 чел.
	Майор Гамильтон		
	Полковник Лопухин		
13-й егерский полк	Генерал-майор князь Вяземский	3 бат.	1121 чел.
	Майор Велисарев		
	Майор Забелин		
14-й егерский полк	Генерал-майор Штетер	3 бат.	1257 чел.
	Подполковник Бабоедов		
	Полковник Книпер		
Алексопольский мушкетерский полк	Полковой командир полковник Палицын	1 бат	435 чел.

3-й рота 6-го арт. полка	Полковник Буховец		629 чел.
	Майор Иванов		
	Майор Кулешов		
Греческий легион	Сулиотов 1-й и 2-й бат.	5 бат.	1495 чел.
	Эпиротов 3-й и 4-й бат.		
	Пелопонесцев 6-й бат.		
Итого: 11 742 чел.			

Приложение 15. Месячный отчет о состоянии британской армии под командованием генерала сэра Джеймса Генриха Крейджа, Неаполь, 1 января 1806 года

Сэр Джон Стюарт, помощник командующего.

Бригады	Части	Кол-во
	Королевская артиллерия	381
	Королевские инженеры	13
Бригада авангарда. Бригадный генерал Бродрик, майор Освальд	20-й легкий драгунский (2 эск.)	316
	Гренадерский батальон	641
	Батальон легкой пехоты	637
	Королевские корсиканские стрелки	705
		2693
Первая бригада. Бригадный генерал Экланд, майор Хепберн	20-й пехотный полк	645
	35-й пехотный полк	805
	61-й пехотный полк	631
		2081
Вторая бригада. Бригадный генерал Коул, майор Ровери	27-й пехотный полк	860
	58-й пехотный полк	729
	Полк Ватвиль	670
		2259
Вне основных частей	Британские егеря	578
	Royal Staff Corps	18
		7629 чел.
		244 коней

Приложение 16. Численность неаполитанских войск в Неаполитанском королевстве на 1 января 1805 г.

<i>Линейная пехота</i>		
В Неаполе	Королевские гренадеры	800
	Королевский Немецкий	577
	Королевский Албанский	526
	Королевский Саннити	275
	Королевский Калабрийский	614
	Королевский Каролины 1-й	556
	Королевский Фердинанда	371
В Гаэте	Принца Королевский 1-й	506
	Королевский Каролины 2-й	908
	Президии	510
В Капуе	Принца Королевский 2-й	611
	Принцессы Королевский	341
Всего		6595
<i>Кавалерия</i>		
В Неаполе	Принца Королевский	270
	Вальдимацара	280
В Авесе	Короля	250
В С.-Марие	Королевы	266
В Капуе	Принцессы Королевский	216
В Носере	Принца Королевский 2-й	276
В Нале	Вальдинето	300
Всего		1858

Артиллерия в различных местах королевства – 499 человек.

Егерские батальоны

Кампани	219
Калабрийский	350
Апрунтини	199
Саннити	250
Маези	380
Албанский	287
Всего	1685

Общая численность неаполитанских войск – 10 637 человек.

Приложение 17. Русский корпус в Северной Германии под командованием П. А. Толстого на 30 декабря 1805 года

[995]

Лейб-кирасирский Его Величества полк	281
1-й арт полк. 1 бат.	433
1-й егерский полк	1383
20-й егерский полк	1529
Павловский гренадерский полк	1909
Белозерский мушкетерский полк	2026
Рязанский мушкетерский полк	1937
1-й арт. полк. 1 бат.	316
Лейб-казачий Уральский полк	118
Кексгольмский мушкетерский полк	1939
1-й арт. полк. 1 бат.	137
Команда из разных частей	463
Санкт-Петербургский гренадерский полк	2240
2 бат. 3-го Морского полка	1485
Казачьего Фролова полка	641
2 сотни полка Грекова 17-го	
Лейб-кирасирский Его Величества полк	202
1-й арт. полк. 1 бат.	272
Курляндский драгунский полк	933
Изюмский гусарский полк	1697
Казачий Протопопова 1-го	563
Казачий Фролова	570
1 рота 1 конно-артил. бат.	280
Всего	21 354

Приложение 18. Генеральная диспозиция на день 11 фримера

Бивак в Брюнне,

10 фримера XIV (1 декабря 1805).

8 часов 30 минут вечера.

Господин маршал Сульт отдаст приказы, чтобы его три дивизии заняли позиции за оврагом к семи часам утра таким образом, чтобы быть готовыми начать дневной маневр, который должен быть выступлением вперед по-эшелонно, правым крылом вперед. Господин маршал Сульт лично прибудет в 7.30 утра к Императору, на его бивак.

Е. В. принц Мюрат отдаст приказы кавалерии генерала Келлермана, генералов Вальтера, Бомона, Нансути и д'Опуля, чтобы дивизии заняли позиции к семи часам утра между левым флангом маршала Сульта и правым флангом маршала Ланна таким образом, чтобы занимать как можно меньше места и чтобы в тот момент, когда маршал Сульт начнет выдвижение, вся кавалерия под командованием принца Мюрата перешла ручей и заняла позиции в центре боевого порядка армии.

Генералу Кафарелли приказано выступить с его дивизией в семь часов утра, чтобы занять позицию на правом фланге дивизии Сюше, перейдя ручей. Поскольку дивизия Сюше будет построена в две линии, дивизия Кафарелли также построится в две линии, линия представлена одной бригадой, и, таким образом, места, занимаемого сейчас дивизией Сюше, станет достаточно для двух дивизий.

Маршал Ланн проследит, чтобы дивизии Сюше и Кафарелли всегда оставались за холмом, чтобы не быть замеченными неприятелем.

Господин маршал Бернадотт, с его двумя пехотными дивизиями, выступит в семь часов утра на ту позицию, которую занимает сегодня, 10-го, дивизия генерала Кафарелли, таким образом, что левый фланг будет на высоте за Сантоном, и там останется в колонне по полкам.

Господин маршал Ланн отдаст приказ гренадерской дивизии расположиться в развернутой линии перед позицией, которую она сейчас занимает, левый фланг за правым флангом генерала Кафарелли. Генерал Удино распорядится найти переправу, где он сможет пересечь ручей, это будет та же переправа, по которой пройдет маршал Сульт.

Господин маршал Даву с дивизией Фриана и драгунской дивизией генерала Бурсье выйдет в пять часов утра из аббатства Райгерн, чтобы выйти на правый фланг маршала Сульта. Дивизия Гюдена переходит в распоряжение маршала Сульта сразу по прибытии на место.

В 7 часов 30 минут господа маршалы прибудут к Императору, на его бивак, чтобы, исходя из тех передвижений, которые совершит неприятель за ночь, получить новые приказы.

Кавалерия господина маршала Бернадотта, в соответствии с выше изложенной диспозицией, переходит в распоряжение маршала Мюрата, который укажет ей время, когда она должна будет выступить, чтобы быть на позиции в семь часов.

Господин принц Мюрат получит также в свое распоряжение легкую кавалерию маршала Ланна.

Все войска будут на указанных выше позициях до поступления нового приказа.

Поскольку кавалерия господина принца Мюрата должна, в своем начальном положении, занимать как можно меньше места, он построит ее в колонну.

Маршал Даву найдет в аббастве эскадрон с половиной 21-го драгунского полка, который он отправит на бивак.

Каждый из господ маршалов отдаст необходимые приказы в соответствии с настоящей диспозицией.

Маршал Бертье, по приказу Императора

Приложение 19. Диспозиция для сражения при Аустерлице
ДИСПОЗИЦИЯ ДЛЯ СРАЖЕНИЯ ПРИ АУСТЕРЛИЦЕ, СОСТАВЛЕННАЯ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОРОМ АВСТРИЙСКОЙ СЛУЖБЫ ВЕЙРОТЕРОМ, ИСПРАВЛЯЮЩИМ

ДОЛЖНОСТЬ ГЕНЕРАЛ-КВАРТИРМЕЙСТЕРА СОЕДИНЕННЫХ РУССКОЙ И АВСТРИЙСКОЙ АРМИЙ

Левый фланг неприятеля опирается на возвышенности, покрытые лесами, а правый тянется к прудам Кобельница, Сокольница и Тельница; при нашем настоящем положении мы сильно охватываем этот фланг нашим левым крылом; вследствие этого нам выгодно атаковать правое крыло французов и, когда мы зайдем местечки Тельниц, Сокольниц и Кобельниц, мы совершенно обойдем это крыло и можем продолжать атаку по равнине, находящейся между Шлапаницем и рощами Тураса, следуя вдоль дефиле Шлапаница и Беловица, в данную минуту прикрывающих фронт неприятеля.

Следовательно, нужно, чтобы большая часть наших сил как можно ранее (на рассвете) начала атаку правого фланга противника и, наоборот, авангард князя Багратиона должен стараться удержать занимаемую им позицию, а кавалерия князя Иоанна Лихтенштейна должна выбрать удобное место между Кругом и Шлапаницем и по обеим сторонам большой дороги.

Четыре колонны остаются в составе из тех же частей войск, как и вчера.

Первая колонна движется левым флангом из Аугеста в Тельниц; заняв эту деревню и ее дефиле, оставив с этой стороны один батальон для прикрытия своего левого фланга, будет наступать вправо к прудам, пока не выйдет на высоту головы второй колонны.

Вторая колонна двинется левым флангом и перейдет через овраг, находящийся между Сокольницей и Тельницей.

Третья колонна двинется левым флангом, пройдет близ Сокольницкого замка и тогда головы трех колонн, находясь между Сокольницей и прудами левее него, будут наступать к прудам Кобельница.

Четвертая колонна, двигаясь левым флангом, пройдет эту последнюю деревню и выйдет на высоту голов трех вышеуказанных колонн и для того, чтобы головы четырех колонн заняли бы большее пространство, первая займет рощу Тураса, находящуюся на ее левом фланге, и энергично атакует правый фланг противника. Три батальона четвертой колонны займут деревню Шлапаниц. В этот момент авангард князя Багратиона, поддержанный кавалерией князя Лихтенштейна, должен постараться занять артиллерией высоту между Дварошной и корчмою Лечерн; кавалерия, которая станет правее и левее этой корчмы, а также займет высоты по сю сторону оврага Дварошны, поддержит авангард князя Багратиона.

Так как успех сражения зависит от энергии атаки нашего левого фланга на правый фланг противника, согласованный с сильным сопротивлением, которое должен оказать князь Багратион со своей стороны, то кавалерия должна справа от большой дороги, впереди корчмы Лечерн, сильно атаковать и опрокинуть все неприятельские колонны, которые вознамерились бы атаковать левый фланг князя Багратиона.

Кавалерия князя Лихтенштейна с ее конной артиллерией должна занять гребень высот между Шлапаницем и корчмою Лечерн, откуда она будет командовать над оврагом, находящимся перед ней. С этой целью артиллерия должна выдвинуться с рассветом между Блазовицем и Кругом, чтобы облегчить движение четвертой колонны.

Кавалерия генерала Кинмайера должна выдвинуться к Мельнице в тот момент, когда первая колонна пройдет дефиле Тельница и построится на равнине между этими дефиле и прудами Мельница, чтобы прикрыть хвосты всех колонн и выслать разъезды во все деревни, находящиеся впереди и с флангов.

Когда четыре колонны дойдут до Тураса, кавалерия генерала Кинмайера станет на левом фланге первой колонны, и в тот момент, когда пехота займет рощу Тураса, она выдвинется между этой деревней и рощей влево от капеллы Лостейн с тем, чтобы все время прикрывать левый фланг первой колонны, и если бы четверем пехотным колоннам удалось продвинуться до большой дороги между Лостейном и Беловицем, принудив предварительно противника оставить обе эти деревни, то кавалерия будет его преследовать до горы.

Четыре батальона, которые займут рошу Тураса, не должны ее покидать, и в случае, если бы мы были принуждены отступить, они будут служить прикрытием отступления, если бы его надо было произвести через Кобельниц и Пунтовиц на наши биваки.

Когда князь Багратион заметит, что наш левый фланг приближается к нему, он должен постараться потеснить левый фланг противника и войти в связь с другими колоннами.

Вся армия должна сосредоточиться впереди деревни Латеин, около Леша, а кавалерия князя Лихтенштейна, как только дефиле Шлапаница и Беловица будут покинуты противником, должна воспользоваться этим моментом, чтобы броситься вперед и раздавить его при его бегстве к Брюнну.

Главкомандующий армией будет находиться при четвертой колонне; донесения ему следует посылать в начале сражения к Кобельницу, на правый фланг армии, а если успех будет на нашей стороне, то за Шлапаниц.

Граф Буксгевден будет при первой колонне и должен, пройдя дефиле Тельница, равняться все время с головами прочих колонн, развертывать в две линии столько батальонов двух первых колонн, сколько позволит местность между рошей Тураса и деревней Шлапаниц, и построить за второй линией четыре маленькие колонны, которые в продолжение всего сражения будут служить резервом. Корпус Его Императорского Высочества Великого Князя Константина должен занять с рассветом позицию позади Блазовица и служить поддержкой кавалерии князя Лихтенштейна и левому флангу авангарда князя Багратиона.

Обозы каждой колонны пойдут назад на прежние биваки; обоз главной квартиры пойдет в Аустерлиц.

В случае если армия будет совершенно отбита, она отступит в Годмиц-Нетчау, а в случае успеха можно рассчитывать, что авангард будет в состоянии продвинуться за Брюнн.

Все колонны начнут движение в 7 часов утра. Следует наблюдать, чтобы каждая колонна, заняв дефиле, ей предназначенное, дожидалась бы голов других ближайших колонн, чтобы подравняться с ними и в точности выполнить указанную диспозицию.

Приложение 20. Боевое расписание Великой Армии на 2 декабря 1805 г.

ВЕЛИКАЯ АРМИЯ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ ЛИЧНО ИМПЕРАТОРА
НАПОЛЕОНА I,

МАРШАЛ МЮРАТ – ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО,
МАРШАЛ БЕРТЬЕ – НАЧАЛЬНИК ГЛАВНОГО ШТАБА

Дом Императора

Дивизионный генерал Дюрок, гофмаршал, при нем бригадный генерал Макон, гофмейстер генеральной квартиры.

Дивизионный генерал Коленкур, обер-шталмейстер.

Адъютанты Императора: дивизионные генералы Жюно, Кафарелли (выделен для командования 1-й дивизией 3-го корпуса), Савари, бригадные генералы Бертран, Лемаруа, Мутон, Рапп, полковник Лебрэн, бригадный генерал Гарданн, гувернер пажей, и Тиар, исполняющий обязанности адъютанта в ходе кампании 1805 года.

Главный штаб Великой Армии

Под начальством маршала Бертье.

В его состав на 22 ноября 1805 г. входили следующие службы.

Службы	Офицеры штаба	Офицеры	Унтер-офицеры и солдаты	Всего
Службы, приданные начальнику главного штаба				
Главный штаб (адъютанты, полковники штаба, высшие офицеры французские и иностранные, офицеры, приписанные к штабу)	48			48
Военная администрация	17		8	25
Охрана и безопасность (полковник Лауэр), элитная рота 21-го драгунского, состоящая при штабе		27	292	319
Первый помощник начальника главного штаба (дивизионный генерал Андреосси)	29			29
Второй помощник начальника главного штаба (дивизионный генерал Матье Дюма)	9			9
Третий помощник начальника главного штаба директор топографической службы (бригадный генерал Сансон)	24			24
Первый главный инспектор по артиллерии (дивизионный генерал Сонжи)	15			15

Службы	Офицеры штаба	Офицеры	Унтер-офицеры и солдаты	Всего
Первый главный инспектор инженерных войск (дивизионный генерал Мареско)	16			16
Службы при главном интенданте генерале Петие	20	1	39	60
Службы смотров и администрации войск (главный инспектор по смотрам Виллеманзи)	4			4
Всего	182	28	339	549

ВОЙСКА, ДЕЙСТВУЮЩИЕ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ МАРШАЛА ЛАННА, КОМАНДУЮЩЕГО 5-м КОРПУСОМ

Начальник штаба – бригадный генерал Компан, полковники штаба Деку и Умбер.
 Командир артиллерии – бригадный генерал Фуше де Карейль.
 Командир инженерных войск – полковник Киргенер.

3-я пехотная дивизия 5-го корпуса

Дивизионный генерал Сюше.
 Начальник штаба – полковник штаба Аллен.

Командир артиллерии – командир батальона Фрушар.

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
Штаб			22
Клапаред	17-й легкий	Ведель	1450
Бекер	34-й линейный	Дюмутье	1303
	40-й линейный	Лежандр	1361
Роже-Валюбер	64-й линейный	Шовель	855
	88-й линейный	Кюриаль	1586
Артиллерия	5-й пешей (15-я и 16-я роты) и 1-й пешей (5-я рота)		125
Арт. обоз	3-й осн. бат. (4-я рота) и 5-й бат. бис (5-я рота)		125
Всего			6827
Предположительно на 02.12.1805			7000

1-я пехотная дивизия 3-го корпуса, приписанная к 5-му корпусу

Дивизионный генерал Кафарелли.

Начальник штаба – полковник штаба Коорн.

Командир артиллерии – командир батальона Вазерва.

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
Штаб			20
Эпплер	13-й легкий	Кастекс	1382
Демон	17-й линейный	Конру	1449
	30-й линейный	Вальтер	1074
Дебили	51-й линейный	Боне д'Онньер	1195
	61-й линейный	Николя	1212
Артиллерия	7-й полк пешей арт. (1-я рота)		68
Арт. обоз	1-й осн. бат. (1-я рота)		98
Всего			6498
Предположительно на 02.12.1805			6500

Части большого артиллерийского парка, приписанные к 5-му корпусу

Речь идет об артиллерийских частях, призванных усилить защиту позиции у Сантона на левом фланге поля битвы: 18 орудий, взятых из австрийских арсеналов, были поставлены в батарею для защиты этой позиции, доверенной 17-му легкому.

Части	В строю на 22.11.1805
7-й полк пешей арт. (16-я, 17-я и 18-я роты)	230
Арт. обоз 8-й осн. бат. (4-я рота)	95
Всего	325
Предположительно на 02.12.1805	300

Общая численность войск маршала Ланна

Части	В строю на 22.11.1805
Штаб	23
3-я пехотная дивизия 5-го корпуса	6827
1-я пехотная дивизия 3-го корпуса	6498
Части большого арт. парка	325
Всего	13 673
Предположительно на 02.12.1805	13 800

Примечания.

Бригада Трейяра кавалерийской дивизии 5-го корпуса была передана в распоряжение Мюрата на битву 2 декабря 1805 года (см. резерв кавалерии).

13-й конно-егерский полк полковника Пюльтера был сведен с 1-м конно-егерским полком в бригаду под командованием бригадного генерала Фоконне и получил задание разведать дорогу из Брюнна в Цвитау.

21-й конно-егерский полк полковника Берюйе был выделен для рекогносцировки берегов Тайи и Мархи между Никольсбургом и Веной.

ВОЙСКА ПОД КОМАНДОВАНИЕМ МАРШАЛА БЕРНАДОТТА, КОМАНДУЮЩЕГО 1-м КОРПУСОМ

Начальник штаба – дивизионный генерал Леопольд Бертье, полковник штаба Мезон.
 Командир артиллерии – дивизионный генерал Эбле,
 полковник Форно, начальник штаба артиллерии.
 Командир инженерных войск – полковник Морио.

1-я пехотная дивизия 1-го корпуса

Дивизионный генерал Риво.

Начальник штаба – полковник штаба Шодрон-Руссо.

Командир артиллерии – командир батальона Лежандр.

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
Штаб			22
Дюмулен	8-й линейный	Отье	1840
	45-й линейный	Барье	1581
Пакто	54-й линейный	Филиппон	1509
Артиллерия	3-й конной арт. (2-я рота)		80
	8-й пешей арт. (1-я рота)		56
Арт. обоз	2-й осн. бат. (одна рота)		128
Всего			5216

2-я пехотная дивизия 1-го корпуса

Дивизионный генерал Друэ.

Начальник штаба – полковник штаба Лютер.

Командир артиллерии – командир батальона Роло.

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
Штаб			16
Фрер	27-й легкий	Шарноте	2045
Верле	94-й линейный	Разу	1853
	95-й линейный	Решо	2094
Артиллерия	3-й конной арт. (3-я рота) и 8-й пешей арт. (2-я рота)		139
Арт. обоз	2-й осн. бат. (две роты)		171
Всего			6318

Общая численность войск маршала Бернадотта

Части	В строю на 22.11.1805
Штаб	34
Эскорт маршала	74
1-я пехотная дивизия 1-го корпуса	5216
2-я пехотная дивизия 1-го корпуса	6318
Всего	11 642
Предположительно на 02.12.1805	11 500

ВОЙСКА ПОД КОМАНДОВАНИЕМ МАРШАЛА СУЛЬТА, КОМАНДУЮЩЕГО 4-м КОРПУСОМ

Начальник штаба – дивизионный генерал Салиньи.
 Полковники штаба – Лемаруа и Мерьяж.
 Командир артиллерии – бригадный генерал Ларибуазьер.
 Начальник штаба артиллерии – полковник Демарсе.
 Командир артиллерии – полковник Пуатевен.

1-я пехотная дивизия 4-го корпуса

Дивизионный генерал Леблон де Сент-Илер.
 Начальник штаба – полковник штаба Бино.
 Командир артиллерии – командир батальона Фонтене.

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
Штаб			21
Моран	10-й легкий	Пузе	1488
Тьебо	14-й линейный	Маза	1551
	36-й линейный	Удар де Ламотт	1486
Варе	43-й линейный	Вивье	1598
	55-й линейный	Ледрю	1709
Артиллерия	5-й пешей арт. (12-я и 16-я роты)		120
Арт. обоз	1-й бат. бис (1-я рота)		108
	2-й бат. саперов (9-я рота)		47
Всего			8128

2-я пехотная дивизия 4-го корпуса

Дивизионный генерал Вандам.
Начальник штаба – полковник штаба Дюбуа.

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
Штаб			23
Шиннер	24-й легкий	Пурайи	1291
Кандра	4-й линейный	Бигарре	1658
	28-й линейный	Эдигхоффен	1599
Феррей	46-й линейный	Латрий де Лорансе	1350
	57-й линейный	Рей (Жан)	1749
Артиллерия	5-й пешей арт. (13-я и 16-я роты)		117
Арт. обоз	1-й бат. бис (2-я рота)		108
Всего			7913

3-я пехотная дивизия 4-го корпуса

Дивизионный генерал Легран.
Начальник штаба – полковник штаба Коссон.
Командир артиллерии – командир батальона Кюни.
Командир артиллерии – капитан Толозе.

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
Штаб			19
Мерль*	26-й легкий	Пуже	1564
	3-й линейный	Шобер	1644
	Бат. егерей По	Уло ком. бат.	308
Левассер	18-й линейный	Равье	1402
	75-й линейный	Люийе	1688
	Бат. корсиканских егерей	Орнано ком. бат.	519
Артиллерия	5-й пешей арт. (14-я и 16-я роты)		116
Арт. обоз	3-й осн. бат. (4-я рота)		101
Всего			7361

* Генерал Легран с бригадой Мерля сражался под командованием маршала Даву после прибытия на поле боя около 9 часов утра.

Бригада легкой кавалерии 4-го корпуса

Бригадный генерал Маргарон.

Начальник штаба – полковник штаба Камбасерес.

Полки	Полковники	В строю на 22.11.1805
Штаб		7
8-й гусарский	Франчески-Делонн	282
11-й конно-егерский	Бессьер (Бертран)	297
26-й конно-егерский	Дижон (Александр)	235
5-й конной арт. (4-я рота)		81
3-й осн. бат. арт. обоза		51
	Всего	953

Общая численность войск маршала Сульта

Части	В строю на 22.11.1805
Штаб	28
1-я пехотная дивизия 4-го корпуса	8128
2-я пехотная дивизия 4-го корпуса	7913
3-я пехотная дивизия 4-го корпуса	7361
Кавалерийская бригада 4-го корпуса	953
Арт. парк	307
	Всего
	24 690
Предположительно на 02.12.1805	23 600

ВОЙСКА ПОД КОМАНДОВАНИЕМ МАРШАЛА ДАВУ, КОМАНДУЮЩЕГО 3-м КОРПУСОМ

Начальник штаба – бригадный генерал Дотанн.

Полковники штаба – Эрво и Марес.

Командир артиллерии – дивизионный генерал Сорбье.

Командир инженерных войск – полковник Тузар.

2-я пехотная дивизия 3-го корпуса

Дивизионный генерал Фриан.

Начальник штаба – полковник штаба Леклерк.

Командир артиллерии – командир батальона Урие.

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
Штаб			23
Эделе	2 роты вольтижеров 15-го легкого		126
	108-й линейный	Игоне	1637
	1-й драгунский*	Арриги	329
Кистер	15-й легкий	Гейтер майор	628
	33-й линейный	Сен-Рэймон	1214
Лоше	48-й линейный	Барбанегр	1365
	111-й линейный	Ге	1440
	2-й конно-егерский (эскадрон)	Виже ком. эск.	61
Артиллерия	7-й пешей арт. (2-я рота) и 5-й конной арт. (1-я рота)		113
Арт. обоз	1-й осн. бат. (2 роты)		101
Всего			7037
Предположительно на 02.12.1805			3800**

* В своем рапорте от 26 декабря 1805 года маршал Даву указывал, что 1-й драгунский из 1-й драгунской дивизии генерала Клейна был временно выделен в дивизию Фриана.

** Чтобы дойти до Райгерна, дивизии Фриана и Бурсье прошли 120 км за 44 часа, из которых 36 часов форсированного марша. Естественно, были отставшие. Даву мог располагать не более чем 3500–4000 человек из дивизии Фриана и 1200–1500 человек из дивизии Бурсье.

4-я драгунская дивизия

Дивизионный генерал Бурсье^[996].

Начальник штаба – Полковник штаба Друо.

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
Штаб			17
Лапланш	15-й драгунский	Бартелеми	338
	17-й драгунский	Бувье де Эклаз майор	364
Саюк	18-й драгунский	Лефевр-Денуэт	334
	19-й драгунский	Коленкур (Огюст)	412
3-я бригада***	27-й драгунский	Тарейр	347

*** Генерал Вердьер, выделенный для командования кавалерийским депо в Арбурге, не упоминался в рапортах маршала Даву как принявший участие в битве при Аустерлице, однако 25-й драгунский из этой бригады оставался на позиции у Райгерна 2 декабря 1805 года.

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
Артиллерия	2-й конной арт. (3-я рота)		41
Арт. обоз	2-й бат. бис (1/2 роты)		47
Всего			1900
Предположительно на 02.12.1805			1500

Общая численность войск маршала Даву

Части	В строю на 22.11.1805
Штаб	38
2-я пехотная дивизия 3-го корпуса	7037
4-я драгунская дивизия	1900
Всего	8975
Предположительно на 02.12.1805	5300

**КАВАЛЕРИЯ, ДЕЙСТВУЮЩАЯ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ МАРШАЛА МЮРАТА,
КОМАНДУЮЩЕГО КАВАЛЕРИЙСКИМ РЕЗЕРВОМ**

Начальник штаба – дивизионный генерал Бельяр.
Полковники штаба – Жирар и Дарсонваль.
Командир артиллерии – бригадный генерал Моссель.
Командир инженерных войск – полковник Флайель.

1-я дивизия тяжелой кавалерии

Дивизионный генерал Нансути.

Начальник штаба – полковник штаба Пелиссар.

Командир артиллерии – командир батальона Ленури.

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
Штаб			17
Пистон	1-й карабинерский	Кошуа	195
	2-й карабинерский	Морен (Пьер)	182
Лебрен де Лауссе	2-й кирасирский	Ивендорф	249
	9-й кирасирский	Думерк	250
Сен-Жермен	3-й кирасирский	Преваль	279
	12-й кирасирский	Бельфор	232

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
Артиллерия	2-й конной арт. (4-я рота)		92
Арт. обоз	2-й бат. бис (1/2 роты)		
Всего			1496
Предположительно на 02.12.1805			1300

2-я дивизия тяжелой кавалерии

Дивизионный генерал д'Опуль.

Начальник штаба – полковник штаба Фонтен.

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
Штаб			8
Сен-Сюльпис	1-й кирасирский	Гитон	298
	5-й кирасирский	Нуаро	270
Полковник штаба Фонтен	10-й кирасирский	Лате	224
	11-й кирасирский	Фуле	251
Артиллерия	2-й конной арт. (3-я рота)		37
Арт. обоз	2-й бат. бис (5-я рота)		48
Всего			1136
Предположительно на 02.12.1805			1100

2-я драгунская дивизия

Дивизионный генерал Вальтер.

Начальник штаба – полковник штаба Лакруа (Пьер).

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
Штаб			19
Себастиани	3-й драгунский	Фито	184
	6-й драгунский	Лебарон	219
Роже де Беллоге	10-й драгунский	Кавеньяк	207
	11-й драгунский	Лефевр майор	196
Буссар	13-й драгунский	Деброк	306
	22-й драгунский	Карье	125

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
Артиллерия	2-й конной арт. (2-я рота)		31
Арт. обоз	2-й бат. бис (2-я рота)		53
Всего			1340
Предположительно на 02.12.1805			1200

3-я драгунская дивизия^[997]

Дивизионный генерал Буайе.

Начальник штаба – полковник штаба Дево.

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
Штаб			12
Буайе	5-й драгунский	Лакур	297
	8-й драгунский	Домманже майор	329
	12-й драгунский	Пажес	323
Скальфор	9-й драгунский	Мопети	301
	16-й драгунский	Клеман де ла Ронсьер	308
	21-й драгунский	дю Ма де Полар	303
Артиллерия	2-й конной арт. (3-я рота)		45
Арт. обоз	2-й бат. бис (1/2 роты)		51
Всего			1969
Предположительно на 02.12.1805			1300

Бригада легкой кавалерии бригадного генерала Мильо

Полки	Полковники	В строю на 22.11.1805
22-й конно-егерский	Латур-Мобур	218
16-й конно-егерский	Дюронель	205
Всего		423
Предположительно на 02.12.1805		400

Дивизия легкой кавалерии 1-го корпуса Великой Армии

Дивизионный генерал Келлерман.
Начальник штаба – полковник штаба Нуазе.
Командир артиллерии – полковник Навеле.

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
Штаб			17
Маризи	4-й гусарский	Берт	500
	5-й конно-егерский	Корбино (Констан)	384
Пикар	2-й гусарский	Барбье	485
	5-й гусарский	Шварц	487
Артиллерия	3-й конной арт. (1-й рота)		76
Арт. обоз	2-й бат. бис (одна рота)		72
Всего			2021
Предположительно на 02.12.1805			1500

Бригада Трейяра дивизии легкой кавалерии 5-го корпуса

Полки	Полковники	В строю на 22.11.1805
9-й гусарский	Гюйо	145
10-й гусарский	Бомон-Карьер	161
Всего		306
Предположительно на 02.12.1805		300

Общая численность кавалерии под командованием маршала Мюрата

Части	В строю на 22.11.1805	
Штаб	38	
1-я дивизия тяжелой кавалерии	1496	
2-я дивизия тяжелой кавалерии	1136	
2-я драгунская дивизия	1340	
3-я драгунская дивизия	1969	
Бригада легкой кавалерии Мильо	423	
Дивизия легкой кавалерии 1-го корпуса	2021	
Бригада легкой кавалерии 5-го корпуса	306	
Всего		8729
Предположительно на 02.12.1805		7100

Сводно-гренадерская дивизия (1-я пехотная дивизия 5-го корпуса)

Дивизионный генерал Удино^[998].

Начальник штаба – полковник штаба Жарри.

Командир артиллерии – командир эскадрона Бальтюс.

Командир инженерных войск – капитан Барайон.

Бригады	Полки	Полковники		В строю на 22.11.1805
Штаб				22
Лапланш-Мортьер	1-й полк	Фромен	Элитн. бат. 13-го линейн.	340
			Элитн. бат. 58-го линейн.	422
	2-й полк	Брайе майор	Элитн. бат. 9-го линейн.	499
			Элитн. бат. 81-го линейн.	526
Дюпа	3-й полк	Шрамм	Элитн. бат. 2-го легк.	399
			Элитн. бат. 3-го легк.	542
	4-й полк	Кабанес майор	Элитн. бат. 28-го легк.	425
			Элитн. бат. 31-го легк.	432
Рюффен	5-й полк	Дюсайи	Элитн. бат. 12-го легк.	538
			Элитн. бат. 15-го легк.	532
Артиллерия	1-й пешей арт. (1-я рота)			104
	6-й конной арт. (5-я рота)			28
Арт. обоз	5-й бат. бис (2 роты)			174
	2-й бат. саперов (2-я рота)			33
Всего				5016
Предположительно на 02.12.1805				5700

ИМПЕРАТОРСКАЯ ГВАРДИЯ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ МАРШАЛА БЕССЬЕРА

Начальник штаба – бригадный генерал Руссель (Франсуа).

Командующий пехотой – бригадный генерал Сулес.

Командующий кавалерией – бригадный генерал Орденер.

Части	Командиры частей	В строю на 22.11.1805
Штаб		16
Пешие егеря	Бригадный генерал Сулес	1270
Пешие гренандеры	Полковник Дорсенн	1346
Итальянская королевская гвардия	Полковник Лечи	693
Конные егеря	Подполковник Морлан	376
Мамелюки	Капитан Делетр	48
Конные гренандеры	Бригадный генерал Орденер	599
Конная артиллерия	Полковник Куэн	298
Артиллерийский обоз	Капитан Деварен	379
Отряд батальона моряков Гвардии	Капитан фрегата Рокебер (Доминик)	379
	Всего	5025
	Предположительно на 02.12.1805	5500

ОБЩАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ ВЕЛИКОЙ АРМИИ

на 22 ноября 1805 г. и предположительное число на 2 декабря 1805 г.

	В строю на 22.11.1805	Предположительно на 02.12.1805
Войска под командованием маршала Ланна	13 673	13 800
Войска под командованием маршала Бернадотта	11 642	11 500
Войска под командованием маршала Сульта	24 690	23 600
Войска под командованием маршала Даву	8975	5300
Войска под командованием маршала Мюрата	8729	7100
Дивизия объединенных гренандер Удино	5016	5700
Императорская гвардия под командованием Бессьера	5025	5500
Всего	77 750	72 500

Приведенные выше таблицы созданы на основе строевых рапортов частей Великой армии, хранящихся в Историческом архиве французской армии в Венсеннском замке (Service Historique de la Défense) под шифром 2 С 606. Они представляют численность частей на 22 ноября 1805 года.

Строевых рапортов непосредственно на утро 2 декабря 1805 года не существует, поэтому численность войск на 2 декабря дается ориентировочно, с учетом потерь за время, истекшее с 22 ноября.^[999]

Приложение 21. Расписание союзной армии на 2 декабря 1805 года

Русский император Александр I (фактический главнокомандующий).

Генерал-адъютанты императора: генерал-лейтенант князь Долгорукий, генерал-майоры граф Ливен, барон Винценгероде, князь Гагарин.

Генерал-инспектор артиллерии – генерал-лейтенант Аракчеев.

Император Священной Римской империи Германской нации Франц II (находился при штабе).

При особе императора – фельдмаршал-лейтенант Шварценберг. Адъютант императора – фельдмаршал-лейтенант Ламберт.

Эскорт квартиры императора – 2 эскадрона кирасирского Кайзера № 1 полка.

Командующий союзной армией (формальный), собранной в районе Ольмюца, – генерал от инфантерии Кутузов.

Генерал-квартирмейстеры – фельдвахтмейстер, или генерал-майор Вейротер (от австрийской армии), генерал-лейтенант Гергард (от русской армии).

Фельдмаршал-лейтенант князь Иоанн Лихтенштейн – командующий австрийскими войсками в составе союзной армии.

Левое крыло. *Генерал от инфантерии граф Буксгевден.*

Авангард. *Фельдмаршал-лейтенант барон Кинмайер.*

АВСТРИЙСКИЕ ВОЙСКА

Генерал-майор Карневиль	1-й Шеклерский пограничный № 14 полк	2 бат.
	1-й Шеклерский пограничный № 15 полк	2 бат.
	Пограничный Бродера (кроатский) № 7 полк	1 бат.
	2 батареи артиллерии	2 x 6 = 12 ор.
	Пионеры с понтонами	3 роты
Генерал-майор Штуттерхайм	Шевележский О'Релли № 3 полк, <i>ком. полк. Шомбург</i>	8 эск.
	Уланский Мерфельда № 1 полк	0,5 эск.
Генерал-майор граф Ностиц	Гусарский Гессен-Гомбурга № 4 полк, <i>ком. полк. Мор</i>	8 эск.
	Уланский Шварценберга № 2 полк	0,5 эск.
Генерал-майор принц Мориц Лихтенштейн	Гусарский Шеклерский № 11 полк, <i>ком. полк. Герингер</i>	6 эск.

РУССКИЕ ЧАСТИ

	Донской казачий Исаева полк	4 сотни
	Донской казачий Мелентьева полк	5 сотен
Всего 5 бат., 23 эск., 2 каз. п., 12 орудий, 3440 пех., 2940 кав.		

1-я КОЛОННА

Генерал-лейтенант Дохтуров, шеф Московского мушкетерского полка

Г-м Левиз, шеф Ярославского мушк. полка	7-й егерский полк, 1-й бат.	1 бат.
	Новоингерманландский мушк. полк, <i>ком. полк. Лаготино</i>	3 бат.
Г-м князь Урусов, шеф Вятского мушк. полка	Вятский мушк. полк, <i>подполковник Гвоздев</i>	3 бат.
	Московский мушк. полк , <i>ком. полк. Сулима</i>	3 бат.
	Киевский грен. полк, <i>ком. полк. Гессе</i>	3 бат.
Г-м Лидерс, шеф Брянского мушк. полка	Ярославский мушк. полк, <i>ком. подполк. Соколов-ский</i>	2 бат. Сведен в 2 бат. вслед- ствие потерь
	Владимирский мушк. полк, <i>шеф г-м Шевляков,</i> <i>ком. подполк. Збиевский</i>	3 бат.
	Брянский мушк. п., <i>ком. подполк. Рубанов</i>	3 бат.

	Казачий полк Денисова	2,5 сотни
	Две батарейные роты <i>полк. Сиверса и майора Сигизмунда</i>	24 орудия
	Легкие арт. роты, распределенные между полками	40 орудий
	Пионерная рота <i>Куцевича</i> (2-го пионерного полка)	
Всего 21 бат., 2,5 сотни, 64 орудия, 13 800 пех., 200 казаков		

2-я КОЛОННА

Генерал-лейтенант граф Ланжерон, шеф Рязского мушкетерского полка

	8-й егерский полк, 2-й и 3-й бат., <i>шеф полк. Лаптев, ком. подполк. Иванов</i>	2 бат.
	Выборгский мушк. полк, <i>ком. подполк. Пиллар</i>	3 бат.
Г-м Каменский 1-й, шеф Фанагорийско- го грен. полка	Рязский мушк. полк, <i>ком. подполк. Богданов</i>	3 бат.
	Фанагорийский грен. полк, <i>ком. подполк. Гельфрейх</i>	3 бат.
Г-м Олсуфьев 3-й, шеф Выборгского мушк. полка	Пермский мушк. полк, <i>шеф г-л барон Вимпфен, ком. подполк. Иванов</i>	3 бат.
	Курский мушк. полк, <i>ком. полк. Манюкин</i>	3 бат.
	Санкт-Петербургский драг. полк, <i>полк. Балк</i>	2 эск.
	Донской казачий Денисова полк	2,5 сотни
	Донской казачий Исаева полк	1 сотня
	Легкие арт. роты, распределенные между полками	30 орудий
	Пионерная рота <i>майора Берга</i> (2-го пионерного полка)	
Всего 17 бат., 2 эск., 3,5 сотни, 30 орудий, 10 840 пехотинцев, 300 кавалеристов		

3-я КОЛОННА

Генерал-лейтенант Пржибышевский, шеф Курского мушкетерского полка

Г-м Миллер 3-й, шеф 7-го егерского полка	7-й егерский полк, 2-й и 3-й бат., <i>ком. полк. Толбухин</i>	2 бат.
	Галицкий мушк. полк, <i>шеф г-м Лошаков, ком. полк. Воейков 1-й</i>	3 бат.
Г-м Лошаков, шеф Галицкого мушк. полка	Бутырский мушк. полк, <i>ком. подполк. Трескин</i>	3 бат.
	Нарвский мушк. полк, <i>ком. полк. князь Сибирский</i>	3 бат.
Г-м Штрик, шеф Бутырского мушк. полка	8-й егерский полк, 1-й бат.	1 бат.
	Азовский мушк. полк, <i>шеф г-м Селехов, ком. подполк. Штакельберг</i>	3 бат.
	Подольский мушк. полк, <i>шеф г-м Левицкий, ком. подполк. Нечаев</i>	3 бат.
	Легкие арт. роты, распределенные между полками	30 орудий
	Пионерная рота <i>майора Вырубова</i> (2-го пионерного полка)	
Всего 18 бат., 30 орудий, 8000 пех.		

ЦЕНТР

Генерал от инфантерии Голенищев-Кутузов, шеф Псковского мушк. полка

4-я КОЛОННА
РУССКИЕ ВОЙСКА

Генерал-лейтенант Милорадович, шеф Апшеронского мушкетерского полка

Авангард колонны, <i>полк. Монахтин</i>	Апшеронский мушк. полк, мушк. бат.	1 бат.
	Новгородский мушк. полк, мушк. и грен. бат., <i>ком. полк. Монахтин</i>	2 бат.
Г-м Репнинский, шеф Новгородского мушк. полка	Смоленский мушк. полк, <i>шеф г-м Колюбакин,</i> <i>ком. полк. барон фон-дер Остен-Сакен</i>	3 бат.
	Апшеронский мушк. полк, мушк. и грен. бат., <i>ком. подполк. Марченко</i>	2 бат.
Г-м Берг, ком. Мало- российского грен. полка	Новгородский мушк. полк, мушк. бат.	1 бат.
	Малороссийский грен. полк, <i>ком. полк. Денисьев</i>	3 бат.
	Санкт-Петербургский драг. полк, <i>ком. полк. Дехтерев</i>	3 эск.
	Батарейная арт. рота <i>Кудрявцева</i>	12 орудий
	Легкие арт. роты, распределенные между полками	24 орудия

АВСТРИЙСКИЕ ВОЙСКА

Фельдмаршал-лейтенант граф Коловрат

<i>Г-м Роттермунд</i>	Пехотный Зальцбургский № 23 полк	6 бат.
	6-й бат. пех. Кауница № 20 полка	1 бат.
	6-й бат. пех. Ауэрсперга № 24 полка	1 бат.
	2 роты Венских егерей-добровольцев	

<i>Г-м Юрчек</i>	6-й бат. пех. Кайзера, или Императора № 1 полка	1 бат.
	6-й бат. пех. Чарторыйского № 9 полка	1 бат.
	4-й бат. пех. Линденау № 29 полка	1 бат.
	3-й бат. пех. герц. Вюртембергского № 38 полка	1 бат.
	6-й бат. пех. Керпена № 49 полка	1 бат.
	6-й бат. пех. Рейс-Грейца № 55 полка	1 бат.
	3-й бат. пех. Болье № 58 полка	1 бат.
<i>Г-м Воднянский</i>	Драгунский эрцгерцога Иоанна № 1 полк	2 эск.
	2 пешие арт. батареи	2 x 6 = 12 орудий
	Батальонные орудия при пехотных полках	28 орудий
Всего 27 бат., 5 эск., 76 орудий, 15 900 пех., 300 кав.		

5-я КОЛОННА

Фельдмаршал-лейтенант князь Иоанн Лихтенштейн

АВСТРИЙСКАЯ КАВАЛЕРИЯ

Фельдмаршал-лейтенант князь Гогенлоэ

<i>Г-м Карамелли</i>	Кирасирский Нассау № 5 полк, <i>ком. полк. Иоанн Лихтенштейн</i>	6 эск.
	Кирасирский Карла фон Лотарингского № 7 полк, <i>ком. полк. Тюнефельд</i>	6 эск.
<i>Г-м Вебер</i>	Кирасирский Императора Франца II № 1 полк, <i>ком. полк. Мотцен</i>	6 эск.
	Конная батарея	6 орудий

РУССКАЯ КАВАЛЕРИЯ

Генерал-лейтенант Эссен 2-й, шеф Черниговского драгунского полка

<i>Г-м Шепелев, шеф Санкт-Петербургского драг. полка</i>	Его Высочества Цесаревича Уланский полк, <i>ком. г-м Меллер-Закомельский 1-й</i>	10 эск.
	Черниговский драг. полк, <i>ком. полк. Панчулидзе 1-й</i>	5 эск.

Генерал-лейтенант Уваров, шеф Кавалергардского полка

Г-м Гижицкий, шеф Харьковского драг. полка	Елисаветградский гус. полк, <i>шеф г-м барон фон-дер Остен-Сакен 2-й, ком. полк. Лисаневич</i>	10 эск.
	Харьковский драг. полк, <i>ком. подполк. Юзефович</i>	5 эск.

	Конной артиллерии 1,5 роты	18 орудий
	Донской казачий Гордеева 1-го полк	5 сотен
	Донской казачий Сысоева полк	5 сотен
Всего 48 эск., 2 казачьих полка, 24 орудия, 4600 кав.		

ПРАВОЕ КРЫЛО

Генерал-лейтенант князь Багратион, шеф лейб-гвардии Егерского батальона

РУССКИЕ ВОЙСКА

Генерал-адъютант генерал-лейтенант князь Долгорукий

Г-м Уланиус, шеф 6-го егерского полка	5-й егерский полк, <i>шеф полк. Гогель 1-й, ком. майор Пантениус</i>	3 бат.
	6-й егерский полк, <i>ком. полк. Белокопытов</i>	3 бат.
Г-м граф Каменский 2-й, шеф Архангелогородского мушк. полка	Архангелогородский мушк. полк, <i>ком. полк. Берлизеев</i>	3 бат.
	Псковский мушк. полк, <i>ком. г-м Морков, ком. полк. Нестеров</i>	3 бат.
Г-м Энгельгардт 1-й, шеф Староингерманландского мушк. полка	Староингерманландский мушк. полк, <i>ком. подполк. Шкапский</i>	3 бат.
Г-м Чаплиц	Лейб-кирасирский Ее Величества полк, <i>шеф г-м Есипов, ком. полк. граф Витт</i>	5 эск.
	Тверской драг. полк, <i>шеф полк. Бердяев, ком. подполк. Аргамаков 2-й</i>	5 эск.
Г-м граф Витгенштейн, шеф Павлоградского гус. полка	Павлоградский гус. полк, <i>ком. полк. Панчулидзе 2-й</i>	10 эск.
	Мариупольский гус. полк, <i>шеф г-м Мелиссино, ком. полк. Ласкин</i>	10 эск.
	Донской казачий Малахова полк	5 сотен
	Донской казачий Ханженкова 1-го полк	5 сотен
	Донской казачий Киселева	5 сотен
	Конная арт. рота	12 орудий
	Легкие арт. роты, распределенные по полкам	18 орудий

АВСТРИЙСКИЕ ВОЙСКА

	Две конные батареи	12 орудий
	Две батареи, прибывшие из Ольмюца во время сражения после полудня	12 орудий
Всего 12 бат., 30 эск., 42 орудия (затем после полудня — 54 орудия), 3 казачьих п., 8000 пех., 2500 кав.		

РЕЗЕРВ

Цесаревич и Великий князь Константин Павлович, шеф Уланского своего имени полка, командующий всей Российской гвардией

1-я ГВАРДЕЙСКАЯ КОЛОННА

Начальник Цесаревич и Великий князь Константин Павлович

РУССКИЕ ВОЙСКА**ПЕХОТА**

Генерал-майор Депрерадович 1-й, командир 1-й бригады гвардейской пехоты, командир лейб-гвардии Семеновского полка

1-я бригада гвардейской пехоты	Л.-гв. Преображенский полк, ком. полк. Козловский 1-й	2 бат.
	Л.-гв. Семеновский полк, ком. полк. Вельяминов	2 бат.
2-я бригада гвардейской пехоты (часть бригады)	Л.-гв. Измайловский полк, ком. полк. Храповицкий	2 бат.
	Л.-гв. Егерский бат., ком. полк. граф Сен-При	1 бат.

КАВАЛЕРИЯ

Генерал-лейтенант Кологривов, командующий всей гвардейской кавалерией, командир л. – гв. Гусарского полка

	Л.-гв. Конный полк, ком. г-м Янкович-Дмитриево	5 эск.
	Л.-гв. Гусарский полк, ком. полк. Дука 2-й	5 эск.

Артиллерия

Генерал-майор Касперский, командир л. – гв. Артиллерийского батальона

	Л.-гв. Арт. бат. батарейная рота Великого князя Михаила Павловича, <i>ком. полк. Ралль</i>	10 орудий
	Л.-гв. Арт. бат. 1-й легкой арт. рота г-м Касперского 3 взвода, <i>ком. кап. Эйлер</i>	6 орудий
	Л.-гв. Арт. бат. 2-й легкой арт. рота полк. Рейслеина взвод, <i>ком. поручик Сукин 2-й</i>	2 орудия
	Л.-гв. Конная рота полк. Костенецкого, <i>ком. полк. Костенецкий</i>	10 орудий
Всего 7 бат., 10 эск., 28 орудий		

2-я ГВАРДЕЙСКАЯ КОЛОННА

Начальник генерал-лейтенант Малютин, командир лейб-гвардии Измайловского полка и командующий всей гвардейской пехотой

ПЕХОТА

Генерал-майор Лобанов, командир 2-й бригады гвардейской пехоты, командир лейб-гренадерского полка

2-я бригада гвардейской пехоты (часть бригады)	Лейб-гренадерский полк, <i>ком. подполк. Веревкин</i>	3 бат.
--	---	--------

КАВАЛЕРИЯ

Генерал-майор Денрерадович 2-й, командир Кавалергардского полка

	Кавалергардский полк, <i>ком. г-м Денрерадович 2-й</i>	5 эск.
	Л.-гв. Казачий полк, <i>ком. полк. Чернозубов 5-й</i>	2 сотни

Артиллерия

Полковник Рейслеин, шеф 2-й легкой своего имени роты л. – гв. Артиллерийского батальона

	Л.-гв. Арт. батальона 2-й легкой роты полковника Рейслеина 4 взвода	8 орудий
	Л.-гв. Арт. батальона 1-й легкой роты генерал-майора Касперского 2 взвода	4 орудия
Всего 3 бат., 5 эск., 2 сотни, 12 орудий		
Всего в резерве 10 бат., 17 эск., 40 орудий, 7500 пех., 2500 кав.		

Итого: 110 бат., 125 эск., 40 сотен казаков, пехоты 67 480, кавалерии 13 340, 318 орудий в начале сражения, затем после полудня 330 орудий.

Итого в объединенной армии с нестроевыми, но без артиллерии и штабов 80 820 чел.

С артиллерией и штабами – около 84 тысяч.

За вычетом нестроевых налицо – около 79 000 чел.

Источники и литература

Архивы

Архив исторической службы Министерства обороны Франции (S.H.D.):

2С 1–10, 2С 12–17, 2С 221–222, 2С 240–241, 2С 253, 2С 377, 2С 379, 2С 381, 2С 386, 2С 390.

4С 5–6, 4С 31.

1М 627–629, 1М 631–636, 1М 730–733, 1М 905–906, 1М 909, 1М 923–931.

Национальный архив Франции:

AF IV 1696 D. 1, AF IV 1696 D. 2

31 AP 9 D. 39, 95 AP 4 D. 46, 174 AP 4, 173 AP 1 D. 3, 173 AP 9, 384 AP 73

F 12 622

Архив Министерства иностранных дел Франции:

Russie 140–144

Российский государственный исторический архив:

Ф. 549. Оп. 1. № 336; Ф. 549. Оп. 1. № 383–386; Ф. 549. Оп. 1. № 387–395

Ф. 13. Оп. 2. № 714, 938

Ф. 549. Оп. 1. № 258, 361, 362, 335, 339

Ф. 899. Оп. 1. № 994

Ф. 1035. Оп. 1. № 383, 246, 114, 325, 435, 303, 436, 414

Ф. 1101. Оп. 1. № 243, 263, 247, 759

Ф. 1147. Оп. 1. № 262, 268, 270, 279, 280

Ф. 1286. Оп. 1. № 260, 191, 295

Ф. 1286. Оп. 54. № 29, 34, 54, 26

Ф. 1374. Оп. 4. № 47

Ф. 1409. Оп. 4. № 14930, 225

Российский государственный военно-исторический архив:

Фонд Военно-учетного архива (Фонд ВУА) 3108, 3112, 3113, 3115, 3116, 3119

Ф. 1. Оп. 1. № 913, 1053, 984

Ф. 25. Оп. 1/160 № 2, 1646–1650, 1652, 1663, 1637, 1756

Ф. 26. Оп. 1. № 304, 1637, 1560

Ф. 401. Оп. 7929. № 294

Ф. 2000. Оп. 1. № 8512

Архив внешней политики Российской империи:

Ф. 133: Канцелярия МИД. Оп. 468. № 1136, 1145, 1146, 1197, 1205, 7892, 8019, 11518

Российский государственный архив Военно-морского флота:

Ф. 8. Оп. 3. № 67, 72

Ф. 166. № 554

Ф. 193. Оп. 1. № 15

Ф. 194. Оп. 1. № 25

Ф. 212. Оп. 11. № 21

Ф. 315. Оп. 1. № 137, 184

Рукописный фонд Российской национальной библиотеки:

Ф. 73. № 276

Ф. 109. № 6

Ф. 124. № 967

Ф. 151. Оп. 1. № 8

Ф. 526. № 5, 7

Ф. 588. № 122

Ф. 732. № 6, 10

Ф. 762. № 29, 30, 149

Ф. 1000. Оп. 1. № 1387

Ф. 1000. Оп. 2. № 1144

Опубликованные сборники документов

Архив Государственного Совета. Т. 3. Царствование императора Александра I (1801–1810). СПб., 1878.

Архив князя Воронцова. М., 1870–1897.

Архив князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского // Русская старина, 1872, 1874.

Вестник Европы.

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. М., 1960. Т. 1, 2.

Генерал Багратион. Сборник документов. М., 1945.

Григорович Н. И. Канцлер князь Безбородко // Русский Архив, 1877.

Дипломатические отношения России с Францией в эпоху Наполеона I. Под ред. проф. А. Трачевского. СПб., 1890–1893.

Документы штаба М. И. Кутузова 1805–1806. Сборник. Вильнюс, 1951.

Из донесений баварского поверенного в делах Ольри в первые годы царствования (1802–1806) императора Александра I // Исторический вестник, 1917, № 1.

Кутузов М. И. Сборник документов. М., 1951.

Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1876.

Полярная звезда.

Проект сухопутной экспедиции в Индию. СПб., б. д.

Санкт-Петербургские ведомости.

Сборник Императорского Российского исторического общества, т. 70, 77, 80, 82.

Суворов А. Письма. М., 1986.

Archives Parlementaires de 1787 à 1860. Recueil complet... sous la direction de M. J. Mavidal. Deuxième série (1800 à 1860). Paris, 1873.

Aulard A. Recueil des actes du Comité de Salut Public. P., 1893, 1955, 1964, 28 vol.

Bardin. Memorial de l'officier d'infanterie. Paris. 1809.

Beaucour F. E. Lettres, décisions et actes de Napoléon à Pont-de-Briques, an VI (1798) – an XII (1804). Levallois, 1979.

Brotonne L. de. Lettres inédites de Napoléon Ier. P., 1898.

Campagne de la Grande Armée et de l'armée d'Italie en l'An XIV (1805). Paris, 1806.

Correspondance de Napoléon Ier publiée par l'ordre de l'Empereur Napoléon III. Paris, 1858–1870, 32 vol.

Correspondance inédite du Roi Frédéric-Guillaume III et la reine Louise avec l'Empereur Alexandre I d'après les originaux des archives de Berlin et Saint-Pétersbourg. Publiée par P. Bailleu. Leipzig-Paris, 1900.

Coup d'œil sur les relations politiques de la Russie avec la France. Londres, 1804.

Davout. Correspondance du maréchal Davout publiée par Ch. de Mazade. Paris, 1885.

Desbrière E. Projets et tentatives de débarquement aux îles britanniques. Paris, 1900.

De l'Etat de la France à la fin de l'An VIII. Paris, 1800.

Etat militaire de la République française an XI. P., 1802.

Eugène de Beauharnais, Mémoires et correspondance politique et militaire du prince Eugène. Paris, 1858–1860.

Fabry G. Campagne de l'Armée d'Italie, 1796–1797. P., 1900–1902.

Frédéric II. Instruction militaire du roi de Prusse pour ses généraux // Bibliothèque historique et militaire. T. 5. P., 1844.

Joseph Bonaparte. Mémoires et correspondance. Paris, 1833–1854.

Journal de Paris.

Journal des Sciences Militaires.

Lecestre L. Lettres inédites de Napoléon I (an VII – 1815). Paris, 1897, 2 vol.

Liger A. Histoire de la guerre des Coalitions contre la France (1805–1807). Maastricht, 1808.

Manuel d'infanterie ou résumé de tous les réglemens (décrets, usages, renseignements propres à cette arme). P., 1808.

Martens F. Recueil des traités et des conventions conclus par la Russie avec des puissances étrangères, Saint-Pétersbourg, 1876.

Moniteur.

Murat J. Correspondance. Turin, 1899.

Murat J. Lettres et documents pour servir à l'histoire de Joachim Murat. Paris, 1908–1914, 8 vol.

Napoléon Bonaparte, l'œuvre et l'histoire. Sous la direction de Jean Massin. Paris, 1969, 8 vol.

Napoléon Bonaparte. Correspondance générale. P., 2004.

Nelson. The Dispatches and letters. London, 1845–1846.

Observations, London, 1803.

Observation sur l'armée française des derniers temps à partir de 1792 à 1808. Saint-Pétersbourg, 1808.

Règlement concernant l'exercice et les manœuvres de l'infanterie du 1er août 1791. Metz, 1791.

Règlement provisoire sur le service de l'infanterie en campagne du 5 avril 1792. P., 1808.

Relation de la bataille d'Austerlitz gagnée le 2 décembre 1805. Paris, 1879.

Relation de la prise d'Ulm, par M. D..., capitaine d'état-major au service d'Autriche. Journal des sciences militaires des armées de terre et de mer, 1827.

Saint-Just. Discours et rapports. P., 1977.

Stutterheim. La bataille d'Austerlitz. Paris, 1806.

Tableau général de la Russie moderne et situation politique de cet empire au commencement du XIX siècle. Par V. C***, continuateur de l'Abrégé de l'Histoire générale des voyages. Paris, 1807.

Thiébault J.-G. Bataille d'Austerlitz. Paris, 1847.

Thiébault D.-P.-C.-H. Manuel général du service des états-majors généraux et divisionnaires. P., 1813.

Bülow, Heinrich Dietrich von. Der Feldzug von 1805 militärisch-politisch betrachtet, von dem Verfasser des «Geistes des neuern Kriegssystems» und des «Feldzugs von 1800». S. I. 1806.

Мемуары, дневники, воспоминания

Аустерлиц. Воспоминания суворовского солдата. СПб., 1901.

Булгарин Ф. Воспоминания Фаддея Булгарина. СПб., 1846.

Вигель Ф. Ф. Записки Ф. Ф. Вигеля. М., 1891.

Глинка Ф. К. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях и Венгрии. М., 1808.

Глинка Ф. К. Письма русского офицера. Описание похода 1805 года. Москва, 1815.

Гогендорп Д. Из записок графа Гогендорпа // Русский архив.

Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930.

Дивов П. Г. Повествование // Русская старина.

Ермолов А. П. Записки А. П. Ермолова 1798–1826. М., 1991.

Жаркевич И. С. Записки И. С. Жаркевича // Русская старина.

Жихарев С. П. Записки современника. М., 2004.

Журнал биографической моей жизни // Русский архив, 1895б кн. 2, № 6.

Записка графа Ростопчина Ф. В. // Русский архив, 1878.

Записки графа Александра Ивановича Рибопьер // Русский архив, 1877.

Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870.

Левавассёр О. Воспоминания о наполеоновских войнах 1802–1815 / Пер. на русский язык, вступление и научный аппарат Соколова О. В. СПб., 2014.

Мартенс. Из записок старого офицера // Русская старина. 1902, № 1.

Повествование о царствовании Александра I, для него самого писанное. Записка П. Г. Дивова // Русская старина, 1899. Т. 100.

Саблуков Н. А. Записки Н. А. Саблукова о временах императора Павла I и о кончине этого государя. СПб., 1907.

Чарторыйский А. Мемуары князя Чарторыйского и его переписка с императором Александром I. М., 1912.

Abrantès L.-J. duchesse d'. Mémoires de Mme la duchesse d'Abrantès ou souvenirs historiques sur Napoléon, la Révolution, le Directoire, le Consulat, l'Empire et la Restauration. Paris, 1831–1835, 18 vol.

Abrantès L.-J. duchesse d'. Histoire des salons de Paris. Tableaux et portraits du Grande Monde. Paris, 1838.

Ameil A. Notes et documents. In Sabretache, 1906, 1907.

Aubry J. T. Souvenirs du 12e chasseurs (1799–1815). Paris, 1889.

Barrès J.-B. Souvenirs d'un officier la Grande Armée. Paris, 1923.

Belliard A.D. Mémoires du comte Belliard. Paris, 1842.

Berthézene P. Souvenirs militaires de la République et de l'Empire. Paris, 1855, 2 vol.

Bigarré A. Mémoires du général Bigarré, aide de camp du roi Joseph. Paris, 1893.

Blaze E. La vie militaire sous le Premier Empire. P., 1837, 2 vol.

Bourrienne M. de. Mémoires de Bourrienne. Paris, 1829, 10 vol.

Brack F. de. Avant-postes de cavalerie légère. Paris, s. d.

- Broglie V. de.* Souvenirs (1785–1870) du feu duc de Broglie... Paris, 1886.
- Castellane V.-E. B. de.* Journal du maréchal de Castellane (1804–1862). P., 1895–1897, 5 vol.
- Chevillet J.* Souvenirs d'un cavalier de la Grande Armée 1800–1810. Paris, 2004.
- Coignet J.-R.* Cahiers du capitaine Coignet (1799–1815). Paris, 1833.
- Courier P.-L.* Mémoires, correspondance et opuscules inédits. P., 1828, 2 vol.
- Czartoryski A.* Mémoires du prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'Empereur Alexandre Ier. Paris, 1887.
- Damas R.* Mémoires du comte Roger de Damas. Paris, 1912–1914.
- D'Héralde J.-B.* Mémoires d'un chirurgien de la Grand Armée. Paris, 2002.
- Dedem de Gelder A.-B.-G. van.* Un général hollandais sous l'Empire. Mémoires du général baron de Dedem de Gelder. Paris, 1900.
- Desbœufs Ch.* Souvenirs du capitaine Desbœufs. Paris, 1901.
- Drouet d'Erlon J.-B.* Vie militaire écrite par lui-même. Paris, 1844.
- Fantin des Odoards L.-F.* Journal du général Fantin des Odoards. Etapes d'un officier de la Grande Armée, 1800–1830. Paris, 1895.
- Fézensac R.-A.-P.-J de Montesquieu.* Souvenirs militaires. Paris, 1863.
- François C.* Journal du capitaine François (1792–1830). P., 1903, 2 vol.
- Gervais E.-B.* À la conquête de l'Europe. Souvenirs d'un soldat de l'Empire. Paris, 2002.
- Girard E.-F.* Cahiers du colonel Girard (1766–1846). P., 1951.
- Godart R.* Mémoires du général baron Roch Godart (1792–1815). Paris, 1895.
- Gonneville A.-O.* Souvenirs militaires. Paris, 1875.
- Gourgaud G.* Journal de Sainte-Hélène 1815–1818. P., 1947, 2 vol.
- Gouvion Saint-Cyr.* Mémoire pour servir à l'histoire militaire sous le Directoire, le Consulat et l'Empire. Paris, 1831.
- Griois L.* Mémoires du général Griois (1792–1822). Paris, 1909, 2 vol.
- Gruber C.-J.* Ritter von. Souvenirs d'un chevalier Gruber. P., 1909.
- Hohendorp D. van.* Extraits des Carnets du comte Hohendorp. in Rousski Arkhiv.
- Hohendorp D. van.* Mémoires du général Dirk van Hogendorp. Paris, 1887.
- Hugo J.-L.* Mémoires du général Hugo, gouverneur de plusieurs provinces et aide-major des armées en Espagne. Paris, 1828.
- Journal de P.-L. Roederer in Napoléon Bonaparte, l'œuvre et l'Histoire. IV. Napoléon vu et jugé par ses collaborateurs.* Paris, 1971.
- Jurien de la Gravière P.-R.,* Souvenirs d'un amiral. Paris, 1860.
- Larrey D.-J.* Mémoires de chirurgie militaire et campagnes. P., 1812–1817, 4 vol.
- Las Cases M.-J.-E.-D. de.* Mémorial de Sainte-Hélène. P., 1968.
- Lejeune L.-F.* Mémoires du général Lejeune, 1792–1813. Paris, 2001, 2 vol.
- Levasseur O.* Souvenirs militaires (1800–1815). Paris, 2001.
- Louise de Prusse, princesse Antoine Radziwill.* Quarante-cinq années de ma vie (1770–1815) par Louise de Prusse. Paris, 1911.
- Maignal B. H.* Souvenirs d'un sous-lieutenant // Histoire d'un régiment. La 32e demi-brigade (1775–1890).
- Maistre J. de.* Œuvres complètes. Genève, 1979.
- Marbot J.-B.-A.-M. de.* Mémoires du général baron de Marbot (1799–1815). P., 1891, 3 vol.
- Marmont A.-F.-L., duc de Raguse.* Mémoires de 1792 à 1841 imprimés sur le manuscrit original de l'auteur avec plans. Paris, 1856–1857, 9 vol.
- Mémoires d'André Masséna, duc de Rivoli, prince d'Essling, maréchal d'Empire...* Paris., 1966.
- Montesquiou R.-E.-P.-J. de, duc de Fezensac.* Souvenirs militaires de 1804 à 1814, Paris, 1863.
- Ney M.* Mémoires du maréchal Ney, duc d'Elchingen, prince de la Moskowa, publiés par sa famille. Paris, 1833.
- Oyon J.-A.* Campagnes et souvenirs militaires // Carnet de la Sabretache, 1913.
- Pasquier E.-D.* Histoire de mon temps. Mémoires du chancelier Pasquier. Paris, 1893–1894.

- Pelet*. Mémoires sur les guerres de Napoléon en Europe, 1796–1815. Paris, 1824.
- Pelleport P. de*. Souvenirs militaire et intimes du général vicomte de Pelleport de 1793 à 1853. P., 1857, 2 vol.
- Percy P.-F.* Journal des campagnes du baron Percy, chirurgien en chef de la Grande Armée. P., 1904.
- Petiet A.* Mémoires du général Auguste Petiet, hussard de l'Empire, aide de camp du maréchal Soult. Paris, 1996.
- Pils F.* Journal de marche du grenadier Pils (1804–1814). Paris, 1895.
- Pouget*. Souvenirs de guerre du général baron Pouget. Paris, 1895.
- Rapp J.* Mémoires écrits par lui-même et publiés par sa famille. Paris, 1823.
- Ravy D.* Journal d'un engagé volontaire pendant les campagnes de 1805, 1806 et 1807 // Histoire d'un régiment. La 32e demi-brigade (1775–1890).
- Reichardt J.-F.* Un hiver à Paris sous le Consulat (1802–1803). Paris, 2003.
- Relations et rapports officiels de la bataille d'Austerlitz, 1805. Paris, 1998.
- Rochechouart L. V. L.* Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration. Paris, 1889.
- Roguet F.* Mémoires militaires du lieutenant-général comte Roguet, colonel en second des grenadiers à pied de la Vieille Garde. Paris, 1862–1865, 4 vol.
- Saint-Chamans A.-A.-R.* Mémoires du général comte de Saint-Chamans, ancien aide de camp du maréchal Soult (1802–1823). Paris, 1896.
- Saint-Cyr L. de Gouvion*. Mémoires sur les campagnes des armées du Rhin et Rhin-et-Moselle de 1792 jusqu'à la paix de Campo-Formio. Paris, 1829.
- Savary J.-M.-R. A...* duc de Rovigo. Mémoires du duc de Rovigo pour servir à l'histoire de l'empereur Napoléon. Paris, 1828.
- Soult J. D.* Mémoires du maréchal général Soult, duc de Dalmatie, publiés par son fils. Paris, 1854.
- Souvenirs d'un historien de Napoléon. Mémorial de J. de Norvins, 1896.
- Stendhal. Journal (1801–1823) // Oeuvres complètes. P., 1956, t 20–22.
- Suckow K.-F.-E.* Fragments de ma vie. D'Iéna à Moscou. Paris, 1901.
- Talleyrand-Périgord C.-M. de*. Mémoires du prince de Talleyrand publiés avec une préface et des notes, par le duc de Broglie. Paris, 1891–1892.
- Thiard M.-T.* Souvenirs diplomatiques et militaires du général Thiard, chambellan de Napoléon Ier. Paris, 1900.
- Thiébauld J.-G.* Mémoires du général baron Thiébauld, Paris, 1895.
- Van Dedem de Gelder A.-B. G.* Un général hollandais sous l'Empire. Mémoires du général baron de Dedem de Gelder. P., 1900.
- Vigo-Roussillon F.* Campagne 1793–1837 de François Vigo-Roussillon, Grenadier de l'Empire, Paris, 1981.

Литература

- Анисимов Е. В.* Генерал Багратион. Жизнь и война. М., 2011.
- Анненков И. В.* История лейб-гвардии Конного полка. 1731–1848. Ч. 1–4. СПб., 1849.
- Барсков Я.* Россия в 1801 году. М., 1903.
- Безотосный В. М.* Все сражения русской армии 1804–1814. Россия против Наполеона. М., 2012.
- Безотосный В. М.* Россия в Наполеоновских войнах, 1805–1815. М., 2014.
- Бобровский П. О.* История лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка. Т. 1–2. СПб., 1903.
- Богданович М. И.* История царствования Александра I и Россия его времени. СПб., 1869.
- Богуславский.* История 81-го пехотного Апшеронского полка. СПб., 1892.

- Бутовский И.* Фельдмаршал князь Кутузов при конце и начале своего боевого поприща. Первая война императора Александра I с Наполеоном I в 1805 г. СПб., 1857.
- Валишевский К.* Сын Великой Екатерины. СПб., 1914.
- Васильев А. А.* Бой при Шенграбене // Император, 2006, № 9.
- Васильев А. А.* Русская гвардия в сражении при Аустерлице 20 ноября (2 декабря) 1805 г. // Воин, № 3.
- Великий князь Николай Михайлович.* Граф П. А. Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I. СПб., 1903.
- Великий князь Николай Михайлович.* Император Александр I. Опыт исторического исследования. СПб., 1914.
- Воронов П. Н., Бутовский В. Д.* История лейб-гвардии Павловского полка. СПб., 1875.
- Гавловский С. И.* История лейб-гвардии Уланского полка. СПб., 1866.
- Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т.* Фельдмаршал Кутузов. М., 1995.
- Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 1994.
- Дирин П. Н.* История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883.
- Дубасов Н. В.* История лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. Т. 2. (1803–1814 гг.). 1903.
- Жеребков А. Г.* История лейб-гвардии Казачьего полка. СПб., 1876.
- Зноско-Боровский Н. А.* История лейб-гвардии Измайловского полка. 1730–1880. СПб., 1882.
- Золотарев В. А.* Генералиссимус А. В. Суворов: вершины славы. М., 1999.
- Ивченко Л. Л.* Кутузов. М., 2012.
- Исабель де Мадариага.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.
- История кавалергардов и Кавалергардского Ее Величества полка, с 1724 по 1 июля 1851 года. СПб., 1851.
- История лейб-гвардии кирасирского Его Величества полка. Сост. поручик Туган-Мирза-Барановский. СПб., 1872.
- История лейб-гвардии Егерского полка. 1796–1896. Составлена по архивным данным. СПб., 1896.
- История лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка. Сост. офицерами полка. СПб., 1876.
- История лейб-гвардии Преображенского полка. 1683–1883. Т. 3. 1801–1883. СПб., 1888.
- История Первого консула Бонапарте со времен его рождения до заключения Люневильского мира. СПб., 1802.
- Каменский Е. С.* История 2-го Драгунского Санкт-Петербургского фельдмаршала князя Меншикова полка. Т. 2. СПб., 1899–1900.
- Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России.
- Карцов П. П.* История лейб-гвардии Семеновского полка, 1683–1854. СПб., 1852.
- Клаузевиц.* О войне. М., 1936.
- Краткая история 5-го гренадерского Киевского полка. Сост. Тударев. Калуга, 1892.
- Краткая история 9-го пехотного Староингерманландского полка. Сост. К. И. Мрочковский. М., 1892.
- Краткий очерк истории лейб-гвардии Конного полка. СПб., 1907.
- Крестовский В. В.* История лейб-гвардии Уланского Его Величества полка. СПб., 1875.
- Леер Г. А.* Подробный конспект войны 1805 года. Ульмская операция. СПб., 1887.
- Леер Г. А.* Война 1805 года. Аустерлицкая операция. СПб., 1888.
- Лейб-гвардии конная артиллерия в войнах 1805 и 1807 гг. и в Отечественной войне 1812 г. (памятка канонира). Составил А. Т. Борисевич (по архивным данным). СПб., 1912.
- Ливен Д.* Россия против Наполеона. Борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012.
- Лукьянов Л.* 11-й гренадерский Фанагорийский генералиссимуса Суворова, ныне Его Императорского Высочества Великого князя Дмитрия Павловича полк. Москва, 1911.
- Люшковский М.* Полководческое искусство Кутузова в кампаниях 1805–1811 гг. М., 1943.

- Максутов В. П.* История 25-го пехотного Смоленского полка. СПб., 1901.
- Манзей К. Н.* История лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка. 1775–1857. СПб., 1859.
- Манфред А.* Наполеон Бонапарт. М., 1986.
- Марков М. И.* История лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка. СПб., 1884.
- Мезенцев Е. В.* Война России с наполеоновской Францией в 1805 году (действие русской армии в составе 3-й антифранцузской коалиции). М., 2008.
- Милютин Д. А.* История войны России с Францией в царствование Павла I в 1799 году. СПб., 1852–1853.
- Михайловский-Данилевский А. И.* Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 г. СПб., 1844.
- Мордвинов А. А.* История лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка. Т. 2. 1880–1904.
- Мэхэн А. Т.* Влияние морской силы на французскую революцию и империю. М. СПб., 2002.
- Орлов Ф. Ф.* Очерк истории С.-Петербургского гренадерского полка. 1726–1880. СПб., 1881. Очерки из 200-летнего прошлого Выборгского полка. Новгород, 1900.
- Павлов А. В.* Из прошлого. Ист. материалы лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1911.
- Панчулидзе С. А.* История кавалергардов. 1724–1799–1899. СПб., 1899–1912.
- Перечень главных дел и подвигов Выборгского полка в течение его 200-летнего существования. Сост. командир полка полковник Фон-Бекер. Новгород, 1900.
- Покровский А.* 3-й Донской казачий полк. Вильно, 1910.
- Российский М. А.* Очерк истории 3-го пехотного Нарвского полка, 1703–1903. М., 1904.
- Сироткин В. Г.* Наполеон и Александр I. М., 2002.
- Смирнов Я.* История 65-го пехотного Московского полка, 1642–1890. Варшава, 1890.
- Соколов О. В.* Армия Наполеона. СПб., 1999.
- Соколов О. В.* Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа. 1799–1805 гг. М., 2006.
- Соколов О. В.* Битва двух империй. 1805–1812. СПб., 2012.
- Соколов О. В.* Наполеон, pro et contra. СПб., 2012.
- Соколов О. В.* Первая Итальянская кампания Бонапарта, 1796–1797. Часть 1: Битва за Пьемонт, М.; СПб., 2016.
- Соколов О. В.* Наполеон и процессы европейского объединения // (В. Е. Возгрин, Т. Н. Гончарова, О. Ю. Пленков, О. В. Соколов) От национальных государств к единой Европе, проблемы европейской интеграции в XIX–XXI вв. СПб., 2016.
- Станиславская А. М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. М., 1962.
- Троицкий Н. А.* Александр I и Наполеон. М., 1994.
- Ульянов Н. И.* Александр I – император, актер, человек // Родина, 1992.
- Черкасов Р.* Двуглавый орел и королевские лилии. М., 1995.
- Чичерин А. К., Долгов С. Н., Афанасьев А. Н.* История лейб-гвардии Преображенского полка. 1683–1883.
- Шильдер Н. К.* Император Павел I. СПб., 1901.
- Штакельберг К. К.* Полтора века конной гвардии. 1730–1880. СПб., 1881.
- Эйдельман Н. Я.* Грань веков. М., 1982.
- Alombert P.-C.* Campagne de l'an 14 (1805). Combat de Dürrenstein. Paris, 1897.
- Alombert P.-C., Colin J.* La campagne de 1805 en Allemagne. Paris, 1902–1908.
- Alombert P.-C., Colin J.* La campagne de 1805 en Allemagne. Paris, 2002.
- Andolenko S.* Aigles de Napoléon contre Drapeaux du Tsar. Paris, 1969.

- Angeli M. E. von.* Ulm and Austerlitz. Studie auf Grund Archivarische Quellen über den Feldzug 1805 in Deutschland. Österreichische Militärische Zeitschrift. Wien, 1877–1878.
- Aulard A.* Paris sous le Consulat. Paris, 1903–1904.
- Austerlitz.* Napoléon au coeur de l'Europe, Paris, 2007.
- Babeau A.* Les Anglais en France après la paix d'Amiens. Paris, 1898.
- Battesti M.* Trafalgar. Les aléas de la stratégie navale de Napoléon. Paris, 2004.
- Bergerot B.* Daru. Intendant général de la Grande Armée. Paris, 1991.
- Bertaud J.-P.* La place de l'officier dans le régime napoléonien // La bataille, l'armée, la gloire. Actes du colloque de Clermont-Ferrand, 1983. Association des Publications de Clermont II, 1985.
- Bertaud J.-P.* La révolution armée. Les soldats citoyens et la Révolution française. P., 1979.
- Bertaud J.-P.* La vie quotidienne des soldats de la Révolution, 1789–1799. P., 1985.
- Bertaud J.-P.* Les travaux récents sur l'armée de la Révolution et l'Empire // Revue internationale d'histoire militaire. P., 1985.
- Bertaud J. P.* Napoleon's officers. Past and Present. A Journal of historical studies. Oxford. 1986.
- Bessand-Massenet P.* Quand la France attendait Bonaparte, 1794–1800. Paris, 1978.
- Bitva u slavykova a válka roku 1805.* Třebíč, 2005.
- Blocqueville A.-L. de.* Le Maréchal Davout prince d'Eckmühl: correspondance inédite, 1790–1815: Pologne, Russie, Hambourg. Paris, 1887.
- Bowden S.* Napoleon and Austerlitz. Chicago, 1997.
- Camon H.* La bataille napoléonienne. Paris, 1899.
- Camon H.* La guerre napoléonienne – précis des campagnes. Paris, 1925, 2 vol.
- Camon H.* Le système de guerre de Napoléon. P., 1923.
- Castelot A.* Napoléon. Paris, 1968.
- Chandler D.* Austerlitz, 1805. London, 1990.
- Chardignit L.* Les maréchaux de Napoléon. Paris, 1946.
- Chassin C., Hennet L.* Les Volontaires nationaux pendant la Révolution. P., 1893, 3 vol.
- Chassin C.-L.* L'Armée et la Révolution... P., 1867.
- Chaunu P.* La civilisation de l'Europe des Lumières. Paris, 1982.
- Chelard R.* Les armées françaises jugées par les habitants de l'Autriche 1797–1809. P., 1913.
- Clausewitz C. von.* De la guerre. Paris, 1955.
- Colin J.* Eudes sur la campagne de 1796–1797 en Italie. Paris, 1898.
- Colin J.* La surprise des ponts de Vienne en 1805, Austerlitz, et la question des étangs d'Austerlitz. Dans Revue d'histoire, 1905, 1907, 1908.
- Colin J.* La Tactique et la discipline dans les armées de la Révolution. Correspondance du général Schauenbourg du 4 avril au 2 août 1793. P., 1902.
- Colin J.* Les Grands hommes de guerre: Napoléon. P., 1914.
- Colin J.* L'éducation militaire de Napoléon. P., 1900.
- Cronin V.* Napoléon. Paris, 1979.
- Darnay A.* Notice historique sur S.A.R. le prince Eugène, vice-roi d'Italie. P., 1830.
- Davois G.* Bibliographie napoléonienne française jusqu'en 1908. P., 1909–1911, 3 vol.
- Derrecagaix V. B.* Le maréchal Berthier. P., 1905.
- Driault E.* Austerlitz. La Fin du Saint-Empire (1804–1806). Paris, 1912.
- Driault E.* La politique extérieure du premier Consul 1800–1803. Paris, 1910.
- Duffy C.* Austerlitz 1805. London, 1977.
- Dumas M.* Précis des événements militaires... Paris, 1822.
- Dumoulin M.* Précis d'histoire militaire. Paris, 1908.
- Favé.* Etudes sur le passé et l'avenir de l'artillerie. Paris, 1871, 5 vol.
- Fugier.* Napoléon et l'Italie. Paris, 1947.
- Gachot E.* Campagne de 1799, Souvorof en Italie, Jourdan et Brune en Hollande. P., 1903–1906.
- Gachot E.* Histoire militaire de Masséna. P., 1901, 6 vol.

- Gachot E.* La première campagne d'Italie 1795 à 1798. P., s. d.
- Gachot E.* La troisième campagne d'Italie (1805–1806). Paris, 1911.
- Gaulle C. de.* La France et son armée. Paris, 1985.
- Godechot J.* Les Institution de la France sous la Révolution et l'Empire. P., 1985.
- Guibert J.-A.-H. de.* De l'état actuel de la politique et de la science militaire en Europe // Bibliothèque historique et militaire. T. 5. P., 1844.
- Guibert J. A. H. de.* Essai général de tactique. London, 1773, 2 vol.
- Histoire critique et militaire des guerres de la Révolution. Bruxelles, 1840.
- Histoire militaire de la France. Sous la direction de J. Delmas. P., 1992.
- Histoire des relations internationales sous la direction de P. Renouvin. T. 4. *Fugier A.* La Révolution française et l'Empire napoléonien. P., 1954.
- Histoire des relations internationales. T. 4. *A. Fugier.* La Révolution française et l'empire napoléonien. Paris, 1954.
- Hourtoulle F.-G.* Davout, le terrible. Paris, 1975.
- Hourtoulle F.-G.* Ney, le brave des braves. Paris, 1981.
- James W.* Naval history of the Great-Britain. London, 1826.
- John J.-P.* Journal d'un voyage à Paris au mois d'août 1802. Paris, 1913.
- Jomini H. de.* Histoire critique et militaire des guerres de la Révolution. P., 1820–1824, 15 vol.
- Jomini A.-H. de.* Précis de l'art de la guerre // Bibliothèque historique et militaire. T. 5. P., 1844.
- Kirchisen F. M.* Bibliographie napoléonienne, collection de sources, classées par ordre de matières. Paris, Genève, 1903.
- Lachouque H.* La Garde Impériale. Paris, 1982.
- Lachouque H.* Napoléon et la Garde Impériale. P., 1956.
- Lachouque H.* Napoléon à Austerlitz. Paris, 1961.
- Lachouque H.* Napoléon, 20 ans de campagne. P., 1964.
- Lauerma M.* L'Artillerie de campagne française pendant les guerres de la Révolution. Evolution de l'organisation et de la tactique. Helsinki, 1956.
- Lentz T.* Le grand Consulat. Paris, 1999.
- Lombarès M. de.* Devant Austerlitz – sur les traces de la pensée de l'Empereur // Revue historique de l'armée. 1947.
- Madelin L.* Histoire du Consulat et de l'Empire. P., 1937–1954, 16 vol.
- Maizeau E. B.* Vie du maréchal Ney, duc d'Elchingen. Paris, 1816.
- Marches dans les armées de Napoléon // Revue d'Histoire, 1911.
- Marmont A.-F.-L.-V.* Esprit des institutions militaires. P., 1845.
- Martinien A.* Tableaux par corps et par batailles des officiers tués et blessés pendant les guerres de l'Empire (1805–1815). Paris, 1899.
- Masson F.* Le Sacre et le Couronnement de Napoléon. Paris, 1978.
- Mouravieff B.* L'alliance russo-turque au milieu des Guerres Napoléoniennes. Bruxelles, 1954.
- Muller P.* L'espionnage militaire sous Napoléon I. Paris, 1896.
- Nicolay.* Napoléon au camp de Boulogne. Paris, 1907.
- Norman E. Saul.* Russia and the Mediterranean, 1797–1807. Chicago and London, 1970.
- Peyre L.* Napoléon et son temps. L'Empire. Paris, 1888.
- Philip de.* Etudes sur le service d'état-major pendant les guerres du Premier Empire. P., 1910.
- Picard L.* La cavalerie dans les guerres de la Révolution et de l'Empire. Saumur, 1895–1896, 2 vol.
- Picard E., Tuetey L.* Correspondance inédite de Napoléon conservée aux archives de la Guerre, 1804–1810. P., 1912–1913, 5 vol.
- Pigead A.* L'armée napoléonienne 1804–1815. Paris, 1993.
- Poniatowski M.* Talleyrand et le Consulat. Paris, 1986.
- Poniatowski M.* Talleyrand et le Directoire. Paris, 1982.
- Quintin D. et B.* Austerlitz. Dictionnaire biographique des officiers, sous-officiers et soldats tués ou mortellement blessés à Austerlitz. Paris, 2005.

- Quintin D. et B.* Dictionnaire de colonels de Napoléon. Paris, 1996.
- Rambaud A.* Histoire de la Russie. Paris, 1878–1893.
- Rambaud A.* La révolution française et l'aristocratie russe. Paris, 1878.
- Rey M.-P.* Alexandre I. Paris, 2009.
- Rodocanachi E.* Bonaparte et les îles Ioniennes. Paris, 1897.
- Rousset C.* Les volontaires, 1791–1794. Paris, 1892.
- Schönhals C. von,* Der Krieg in Deutschland. Wien, 1873.
- Ségur.* Un Aide de Camp de Napoléon. Mémoires du général comte de Ségur. Paris, 1894.
- Six G.* Dictionnaire biographique des généraux et amiraux français de la Révolution et l'Empire (1792–1814). P., 1934–1938, 2 vol.
- Sokolov O.* L'armée de Napoléon. Saint-Germain-en-Laye, 2003.
- Sokolov O.* Austerlitz. Napoléon, l'Europe et la Russie. Saint-Germain-en-Laye, 2006.
- Sokolov O.* 1805 – Napoléon marche vers Austerlitz (1). Wertingen – Haslach – Elchingen // Gloire & Empire. Revue de l'histoire napoléonienne, № 3, 2005.
- Sokolov O.* Austerlitz 1805. Le plan de Napoléon – la bataille d'Austerlitz – le bilan // Gloire & Empire. Revue de l'histoire napoléonienne, № 27, 2009.
- Sokolov O.* Combat de deux empires. La Russie d'Alexandre I contre la France de Napoléon, 1805–1812. Paris, 2012.
- Sokolov O.* La campagne de 1805 en Italie // Gloire & Empire. Revue de l'histoire napoléonienne, № 72, 2017.
- Sorel A.* L'Europe et la Révolution française. Paris, 1905.
- Sparrow E.* Secret Service: British agents in France 1792–1815. Suffolk, 1799. Secret Service, «Assassination of Paul I».
- Stendhal.* Napoléon // Oeuvres complètes. P., 1956. T. 17.
- Stendhal.* Vie de Napoléon // Oeuvres complètes. P., 1956. T. 17.
- Tatistcheff S.* Alexandre Ier et Napoléon d'après leur correspondance inédite, 1801–1812, par Serge Tatistcheff. Paris, 1891.
- Thiers A.* Histoire du Consulat et de l'Empire. Paris, 1845, 20 vol.
- Tranié J., Carmignani J.-C.* Napoléon et la Russie, les années victorieuses 1805–1807. P., 1980.
- Tulard J.* La vie quotidienne des Français sous Napoléon. P., 1978.
- Tulard J.* Le Grand Empire 1804–1815. P., 1982.
- Tulard J.* Napoléon ou Le mythe du sauveur. P., 1977.
- Tulard J.* Napoléon et la noblesse d'Empire. P., 1979.
- Vachée.* Napoléon en campagne. P., 1913.
- Willing P.* Napoléon et ses soldats. L'apogée de la gloire, 1804–1809. Paris, 1977.
- Zwegintzov V.* L'armée russe. Paris, 1973.
- Zins R.* Le maréchal Lannes. Favori de Napoléon. P., 1994.

Примечания

1

Михайловский-Данилевский А. И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 г. 1844.

2

Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. 1869–1871: В 6 т.

3

Леер Г. А. Война 1805 года. Ульмская операция. 1887; *Леер Г. А.* Война 1805 г. Аустерлицкая операция. 1888.

4

Интересно, что другой выдающийся русский военный историк, также профессор Академии Генерального штаба, трудившийся там в начале XX в., Алексей Константинович Баиов, посвятивший седьмой том истории русского военного искусства времени Александра I, вообще не говорит о войне 1805 г.! Баиов начинает описание боевого пути русского войска в эпоху Александра I сразу с кампании 1807 г.

5

Соколов О. В. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа, 1799–1805 гг. М., 2006.

6

Мезенцев Е. В. Война России с наполеоновской Францией в 1805 г. М., 2008.

7

Pigeard A. L'armée napoléonienne. Paris, 1993. P. 855.

8

В русской военно-исторической литературе – сражение под Кремсом.

9

Alombert P.-C., Colin J. La campagne de 1805 en Allemagne. Paris, 1902–1908. 4 vol.

10

Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. 1994. Т. 1. С. 36.

11

Австралии в момент написания Энциклопедии еще не знали.

12

Chaunu P. La civilisation de l'Europe des Lumières. Paris, 1982. P. 37.

13

Сборник Российского исторического общества. Т. 52. 1886. С. 146.

14

Цит. по: *Анисимов Е.* Россия без Петра. 1994. С. 59.

15

Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии. М., 1995. С. 36.

16

Voltaire, *Correspondance*, t. 10 (octobre 1769 – juin 1772). Paris, 1986.

17

Histoire des relations internationales sous la direction de P. Renouvin. T. 4 // Fugier A. La Révolution française et l'Empire napoléonien. P., 1954. P. 19.

18

Правило, согласно которому все решения на сейме принимались только в случае полного единодушия собравшихся. Достаточно было одному шляхтичу произнести «veto» (лат. «запрещаю»), чтобы заблокировать решение.

19

Цит. по: *Черкасов П. П.* Екатерина II. Людовик XVI. М., 2004. С. 500.

20

Раньше считалось, что под ружье было поставлено более миллиона человек. Современные авторы в большинстве оценивают это количество иначе – около 750 тыс. В любом случае армия достигла небывалой еще в истории численности.

21

Gouvion Saint-Cyr L. de. Mémoires sur les campagnes des armées du Rhin et Rhin-et-Moselle de 1792 jusqu'à paix de Campo-Formio. P., 1829. T. 1. P. LVII, XIX.

22

Soult J. D. Memoires du maréchal-général Soult, duc de Dalmatie, publiés par son fils. P., 1854. T. 1. P. 198–199.

23

Русский архив. 1866. № 3. С. 460.

24

Новые богачи – *pouvaux riches* – нувориши, термин появился во Франции в период термидора.

25

Русский архив. 1878. № 10. С. 219.

26

Суворов А. В. Письма. М., 1986. С. 311–312.

27

6 ноября 1796 г. по старому стилю.

28

Державин Г. Р. Сочинения. СПб., 1871. Т. 6. С. 701.

29

Милютин Д. А. История войны России с Францией в царствование Павла I в 1799 году. 1852–1853. Т. 1. С. 18.

30

Эйдельман Н. Я. Грань веков. М., 1982. С. 118.

31

Анненков И. В. История лейб-гвардии Конного полка, 1731–1848. 1849. С. 118.

32

Милютин Д. А. Указ. соч. Т. 1. С. 13.

33

Ланжерон Александр Федорович (*Луи Александр*) родился в 1763 г. в Париже, умер в 1831 г. в Санкт-Петербурге. Подполковник французской королевской армии. В эпоху революции эмигрировал и был принят на русскую службу. Начиная со штурма Измаила, где он отличился своей отвагой, вплоть до Русско-турецкой войны 1827–1828 гг. Ланжерон в рядах русской армии принял участие почти во всех войнах, которые вела Россия в этот период. В 1811 г. получил звание генерала от инфантерии. Оставил интереснейшие записки, частично опубликованные.

34

Рукописный отдел РНБ. Ф. 73. № 275. Langeron. Journal des campagnes faites au service de la Russie, 1790–1796. Т. 1. Р. 140–141.

35

Цит. по: *Милютин Д. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 10.

36

Мир действительно предполагали подписать в местечке Кампо-Формио, но австрийские уполномоченные в спешке прибыли в резиденцию Бонапарта в Пассариано, и там был подписан договор.

37

Герцогство Моденское, три папских легатства (владения): Ферарское, Равеннское, Болонское, восточная часть бывших венецианских владений с городами Кремона, Бергамо и Брешия.

38

Napoléon Bonaparte. Correspondance générale. Paris, 2004. Т. 1. Р. 1118.

39

1 мессидора VI г. – 19 июня 1798 г.

40

Конец термидора – середина августа 1798 г.

41

Poniatowski M. Talleyrand et le Directoire, 1796–1800. Paris, 1982. Р. 436–437.

42

Napoléon Bonaparte. Op. cit. Р. 1257.

43

Correspondance de Napoléon Ier publiée par l'ordre de l'Empereur Napoléon III. Paris, 1858–1870. Т. 29. Р. 284.

44

Vertot, René Aubert de, Histoire des chevaliers hospitaliers de Saint Jean de Jerusalem, appelez depuis les Chevaliers de Rhodes, et aujourd'hui les Chevaliers de Malte, 4 vol., Paris, 1726.

45

Цит. по: *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. М., 1938. Т. 3. С. 162.

46

Цит. по: *Norman E. Saul.* Russia and the Mediterranean, 1797–1807. Chicago and London, 1970. P. 38.

47

Эйдельман Н. Я. Указ. соч. С. 71.

48

Norman E. Saul. Op. cit. P. 44–45.

49

Цит. по: *Милютин Д. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 75.

50

Со вспомогательными контингентами голландцев, швейцарцев и итальянцев – около 230 тыс. человек.

51

Мюскадены – от слова «мускус» (musc), то есть «надушенные», «расфранченные», – золотая молодежь той эпохи.

52

Цит. по: *Bertaud J. B.* La revolution armée. Les soldats-citoyens et la Révolution française. P., 1979. P. 291–292.

53

Service Historique de la Défense (S. H. D.) 1 B 52.

54

Ibid.

55

Русская эскадра: 6 линейных кораблей, 7 фрегатов, 3 легких судна, общая численность артиллерии 792 орудия, общая численность экипажей 7406 человек.

Турецкая эскадра: 4 линейных корабля, 6 фрегатов, 18 легких судов, общая численность экипажей 6000 человек.

56

Золотарев В. А. Генералиссимус А. В. Суворов: вершины славы. М., 1999. С. 64–65.

57

Милютин Д. А. Указ. соч. Т. 1. С. 470–471.

58

Там же. С. 624.

59

Золотарев В. А. Указ. соч. С. 100.

60

Милютин Д. А. Указ. соч. Т. 2. С. 340.

61

Там же. С. 175.

62

Батавская республика – название дочерней республики, образованной на территории Голландии.

63

Там же. С. 345.

64

Там же. С. 350.

65

Thiébault В.-Р.-С.-Н. Mémoires du general baron Thiébault. Paris, 1893–1895. Т. 3. Р. 56–57.

66

Journal de P.-L. Roederer in Napoléon Bonaparte, l'œuvre et l'Histoire. IV. Napoléon vu et jugé par ses collaborateurs., Paris, 1971. P. 129.

67

16 октября Бонапарт вернулся в Париж и начал подготовку к перевороту, 22 октября Павел направил императору Францу послание о прекращении совместных действий против Франции, 10 ноября произошел переворот, 20 ноября Павел еще раз подтвердил свое решение о выходе из коалиции в письме к Суворову.

68

Archives Nationales. AF, 1696, d. 1.

69

Ibid.

70

Ibid.

71

Уильям Питт – английский премьер-министр.

72

Czartoryski A.-J. Mémoires du prince Czartoryski et correspondance avec l'Empereur Alexandre Ier. Paris, 1887. P. 301–302, 365.

73

Несмотря на официальное смещение с поста посланника, Воронцов, сославшись на болезнь, остался в Лондоне и не вернулся в Россию.

74

Correspondance de Napoléon Ier publiée par l'ordre de l'Empereur Napoléon III. Paris, 1858–1870. T. 6. P. 36.

75

Ibid. T. 6. P. 37.

76

Ibid. Т. 6. Р. 359.

77

Archives Nationales. AF, 1696.

78

Цит. по: *Poniatowski M.* Talleyrand et le Consulat. Paris, 1986. Р. 506.

79

Сборник Российского исторического общества. Т. 70. С. 1, 2.

80

Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1986. С. 310.

81

Как известно, Бонапарт устремился на штурм Аркольского моста, под Лоди он лишь отдал приказ к атаке, которую непосредственно возглавил Бертье. Ошибся либо художник, либо автор записки.

82

По окончании боевых действий в начале 1800 г. корпус Конде получил приказ следовать в Россию. Однако многие «кондейцы» не пожелали возвращаться к месту расквартирования, а сам герцог Энгийенский написал отцу: «Что касается меня, то, если мне велят возвратиться в Россию, я буду в отчаянии. Умереть для гражданской и военной жизни, умереть для всей остальной Европы – вот участь возвратившихся в Россию накануне всеобщего мира». Узнав об этих настроениях, оскорбленный в своих чувствах царь повелел исключить корпус с русской службы. Эмигрантов взяло на содержание английское правительство.

83

Барон Крюденер – русский посол в Берлине.

84

Archives Nationales. AF, 1696.

85

Конец VIII г. Республики – начало 1800 г. Брошюра была написана Талейраном, но непосредственная обработка текста принадлежит д'Отриву.

86

Poniatowski M. Op. cit. P. 127–128.

87

Ibid. P. 131.

88

Записка графа Ростопчина Ф. В. // Русский архив. 1878. Т. 1. С. 104.

89

Там же. С. 105.

90

Там же. С. 106.

91

Там же. С. 110.

92

Сборник Российского исторического общества. Т. 70. С. 11.

93

Там же. С. 15–16.

94

Ministère des affaires étrangères, R 140.

95

Ibid.

96

Обол – мелкая монета в Древней Греции, здесь синоним мелочи.

97

Сборник Российского исторического общества. Т. 70. С. XXV–XXVI.

98

Рукописный отдел РНБ.

99

Над географами я смеюсь и их методике не верю, Берлин, Петербург и Париж очень близки на моей карте [намек на то, что намечался союз Франции, России и Пруссии. – *Примеч. авт.*]... И я утверждаю, что Волга сообщается с Сеной. Я рад видеть на ее берегах гордых русских воинов, ведь среди нас они могут чувствовать себя в своем отечестве. Грозные в боях, сильные, великодушные и полные отваги, разве эти титулы не дают им право считаться лучшими друзьями Франции? (фр.)

100

Сборник Российского исторического общества. Т. 70. С. 24–25.

101

Там же. С. 27–28.

102

Correspondance de Napoléon... Т. 6. P. 585.

103

Сборник Российского исторического общества. Т. 70. С. XXXII.

104

Люневильский мирный договор был подписан 9 февраля 1801 г.

105

Souvenirs d'un historien de Napoléon. Mémorial de J. de Norvins. P., 1896. Т. 2. P. 278.

106

Lecestre L. Lettres inédites de Napoléon I. P., 1897. № 32.

107

Сборник Российского исторического общества. Т. 70. С. 669–670.

108

Там же. С. 32–33.

109

Там же. С. 38–39.

110

Там же. С. 40.

111

Проект сухопутной экспедиции в Индию. СПб., С. 21–22.

112

Там же. С. 27.

113

Шильдер Н. К. Император Павел I. СПб., 1901. С. 419.

114

Окунь С. Б. История СССР. 1796–1825. Л., 1948. С. 86–87.

115

Проект сухопутной экспедиции в Индию. СПб., С. 34–35.

116

Манфред А. З. Указ. соч. С. 299.

117

Саблуков Н. А. Записки Н. А. Саблукова о временах императора Павла I и о кончине этого государя. СПб., 1907. С. 31.

118

Там же. С. 32.

119

Валишевский К. Сын Великой Екатерины. 1914. С. 554.

120

Sparrow E. Secret Services: British agents in France 1792–1815. Suffolk, 1999. Secret Service, Assassination of Paul I. P. 223–240.

121

Цит. по: *Эйдельман Н. Я.* Грань веков. М., 1982. С. 199.

122

Зубову было 24 года в тот момент, когда он стал любовником императрицы, и 29 – в момент ее смерти.

123

Исабель де Мадариага. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 903.

124

Саблуков Н. А. Указ. соч. С. 58.

125

Цит. по: *Эйдельман Н. Я.* Указ. соч. С. 275.

126

Czartoryski A.-J. Op. cit. P. 350.

127

Ibid. P. 251.

128

Саблуков Н. А. Указ. соч. С. 68.

129

Полярная звезда. Кн. V. С. 73.

130

Цит. по: *Talleyrand et le Consulat.* P. 529.

131

Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на французскую революцию и империю. М., 2002. Т. 2. С. 73.

132

Ibid. P. 84.

133

Дата дана ошибочно в связи с неправильным переводом даты с одного стиля на другой.

134

Зунд – пролив, который отделяет Данию от Швеции. Английская эскадра, пройдя Зунд, вышла к Копенгагену.

135

Цит. по: *Lentz T.* Le Grand Consulat. Paris, 1999. P. 291.

136

Цит. по: *Троцкий Н. А.* Александр I и Наполеон. М., 1994. С. 51.

137

Цит. по: *Mouravieff B.* L'alliance Russo-turque an milieu des guerres Napoléoniennes. Bruxelles, 1954. P. 93.

138

В 1801 г. Строганову было 29 лет, Кочубею – 33, Новосильцеву – 40, Чарторыйскому – 31.

139

Czartoryski A.-J. Mémoires du prince Czartoryski et correspondance avec l'Empereur Alexandre Ier. Paris, 1887. Т. 1. P. 298.

140

Archives Nationales. AF IV, 1696, D. 1. Observations fugitives à l'occasion de la mort de Pauller.

141

Сборник Российского исторического общества. Т. 70. С. 178.

142

Archives Nationales. AF IV, 1696, D. 1.

143

Сборник Российского исторического общества. Т. 70. С. 180–181.

144

Сент-джемский кабинет – английское правительство.

145

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. М., 1960. Т. 1. С. 11–12.

146

Сборник Российского исторического общества. Т. 70. С. 43–44.

147

Там же. С. 154.

148

Там же. С. 171.

149

Колычев родился в 1746 г., Морков – в 1747 г.

150

Czartoryski A.-J. Op. cit. P. 357.

151

Correspondance de Napoléon Ier. Paris, 1858–1870. Т. 7. P. 337.

152

Ульянов Н. И. Александр I – император, актер, человек // Родина. 1992. № 6–7. С. 144.

153

Чарторыйский А. Мемуары князя Чарторыйского и его переписка с императором Александром I. М., 1912. Т. 1. С. 249.

154

Дивов П. Г. Повествование... // Русская старина. 1899. Кн. 11. Октябрь. С. 80.

155

Czartoryski A.-J. Op. cit. P. 276.

156

История Первого Консула Бонапарте со времен его рождения до заключения Люневильского мира. СПб., 1802. С. III, IV, VII, VIII.

157

Анекдоты и характеристические черты из жизни Бонапарте, открывающие дух и свойства его, выбранные из всех тех писателей, которые только когда-нибудь писали о сем герое. М., 1803. С. 41.

158

Вестник Европы. 1802. Январь. № 1. С. 77–78.

159

Там же. № 8. С. 343–344.

160

Очень важное замечание авторов журнала. Известно, что мотив невозвращения Пьемонта сардинскому королю выдвигался Александром I как основание для войны с Францией.

161

Там же. № 9. С. 75–76.

162

Сборник Российского исторического общества. Т. 70. С. 705.

163

Сироткин В. Г. Наполеон и Александр I. М., 2002. С. 57–59.

164

Czartoryski A.-J. Op. cit. P. 292–293.

165

Архив кн. Воронцова. М., 1870–1897. Т. 18. С. 241.

166

Внешняя политика России... Т. 1. С. 66.

167

Там же.

168

Из донесений баварского поверенного в делах Ольри в первые годы царствования (1802–1806) императора Александра I // Исторический вестник. 1917. № 1. Январь. С. 125.

169

Journal de Paris, 10 germinal an X, 30 mars 1802.

170

Madelin L. Le Consulat. P., 1939. P. 160.

171

Talleyrand. Mémoires. P., 1953–1955. Т. I. P. 286.

172

Adresse de Napoléon au Conseil d'Etat le 4 mai 1802.

173

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. С. 112.

174

Cité par: M. Guerrini. Napoléon et Paris. P., 1967. P. 105.

175

Ibid.

176

Broglie A.-C.-L. Souvenirs (1785–1870) du feu duc de Broglie. Paris, 1886. T. 1.

177

Correspondance... T. 32. P. 329–330.

178

Сборник Российского исторического общества. Т. 70. С. 706.

179

Tatistcheff S. Alexandre Ier et Napoléon. Paris, 1891. P. 20.

180

Сборник Российского исторического общества. Т. 70. С. 312, 315, 316, 317, 280.

181

Czartoryski A.-J. Op. cit. P. 357–358.

182

Сборник Российского исторического общества. Т. 70. С. 325–327.

183

Очень сложно сопоставить покупательную способность тогдашних денег с современными. Франк, или, как его по старинке часто называли, ливр, содержал в себе 5 граммов серебра. 80 франков стоила корова, 10 франков – баран, на 100 франков можно было отлично одеться, а за 200 тыс. – купить роскошный замок с землями вокруг. Так что подарок, преподнесенный Аркадию Ивановичу, был поистине царским.

184

Там же. С. 341.

185

Там же. С. 362.

186

Там же. С. 371.

187

Там же. С. 345.

188

Там же. С. 359–360.

189

Там же. С. LXXXII.

190

Czartoryski A.-J. Op. cit. P. 338.

191

Сборник Российского исторического общества. Т. 70. С. 724.

192

Czartoryski A.-J. Op. cit. P. 339.

193

Цит. по: *Sorel A.* L'Europe et la Révolution française. P., 1903 P. 235.

194

Сборник Российского исторического общества. Т. 70. С. 577.

195

Correspondance... Т. 7. P. 371–372.

196

Цит. по: *Fugier A.* Napoléon et l'Italie. Paris, 1947. P. 335.

197

Цит. по: Talleyrand et le Consulat. P. 696.

198

Ibid.

199

Alombert P.-C. Colin J. La campagne de 1805 en Allemagne. Paris, 2002. P. 4–6.

200

Вестник Европы. 1802. Ч. 2. № 5. Март. С. 85.

201

Tatistcheff S. Op. cit. P. 43.

202

Внешняя политика России... 1961. Т. 2. С. 142.

203

Там же. Т. 1. С. 331.

204

Там же.

205

Там же. Т. 1. С. 327–328.

206

Там же.

207

Там же.

208

Reichardt J.-F. Un hiver à Paris sous le Consulat (1802–1803). Paris, 2003. P. 255–256.

209

Ibid. P. 349–350.

210

Incroyables – досл.: невообразимые (*фр.*), прозвище модников в эпоху Директории.

211

Sorel A. L'Europe et la Révolution française. P., 1903. P. 241–242.

212

В 1802 г. Англия вывезла на экспорт товаров на сумму 26 993 000 фунтов, из них продукции текстильной промышленности на сумму 15 281 000 фунтов, то есть 56,7 %.

213

D'Abrantes, la duchesse. Histoire des salons de Paris. Tableaux et portraits du Grand Monde. Paris, 1837–1838. T. VI. P. 181.

214

Cronin V. Napoléon. Paris, 1979. P. 252.

215

Цит. по: Histoire des relations internationales. T. 4. A. Fugier. La Révolution française et l'empire napoléonien. Paris, 1954. P. 178.

216

Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. М., 1962. С. 242.

217

Цит. по: *Poniatowski M.* Talleyrand et le Consulat. Paris, 1986. P. 741.

218

Депеша от Уитворта к Хоуксбери от 14 марта 1803 г. Цит. по: *Poniatowski M.* Op. cit. P. 745–746. Депеша Моркова от 4 (16) марта 1803 г. Сборник Российского исторического общества. Т. 77. С. 63–68.

219

Лампедуза – небольшой остров в Средиземном море неподалеку от Мальты. Принадлежал Неаполитанскому королевству.

220

Из донесений баварского поверенного в делах Ольри в первые годы царствования (1802–1806) императора Александра I // Исторический вестник. 1917. № 1. Январь. С. 127.

221

Observations. London, 1803. P. 5–7.

222

Savary A.-J.-M.-R., duc de Rovigo. Mémoires du duc de Rovigo pour servir à l'empereur Napoléon. Paris, 1828. T. 1. P. 465.

223

Ibid.

224

Цит. по: *Thiers A. Histoire du Consulat et de l'empire. Paris, 1874. T. 4. P. 347–348.*

225

Desbrière E. Projets et tentatives de débarquement aux îles britanniques. Paris, 1900. T. 3. P. 304.

226

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. М., 1960. Т. 1. С. 475–482.

227

Correspondance de Napoléon Ier. Paris, 1858–1870. T. 7. P. 486.

228

Цит. по: *Tatistcheff S. Alexandre Ier et Napoléon. Paris, 1891. P. 54.*

229

Ibid. P. 66–67.

230

Ibid. P. 64–65.

231

Внешняя политика России... 1960. Т. 1. С. 532–533.

232

Гогендорн Д. Из записок графа Гогендорпа // Русский архив. 1888. Кн. 3. С. 113–114.

233

Correspondance inedite du roi Frederic-Guillaume III et la Reine Louise avec l'empereur Alexandre I. Leipzig-Paris, 1900. P. 30–31.

234

Ibid. P. 44–45.

235

Архив князя Воронцова. М., 1870–1897. Кн. 10. Бумаги князя Семена Воронцова. Ч. 3. С. 58, 186.

236

Внешняя политика России... Т. 1. С. 522–527.

237

Там же. С. 545–550.

238

Там же. С. 551–552.

239

Цит. по: *Driault E.* La politique extérieure du premier Consul 1800–1803. Paris, 1910. P. 360.

240

Внешняя политика России... Т. 1. С. 600.

241

Там же. С. 602.

242

РГИА. Фонд 549. Оп. 1. № 387. Tagebuch des Kaiserlichen Obersten Karl Freiherr von Stutterheim. P. 23–29.

243

Ibid. P. 32.

244

Ibid. P. 41.

245

Ibid. P. 49.

246

Ibid. P. 60.

247

Ibid. P. 65.

248

Из донесений баварского поверенного в делах Ольри в первые годы царствования (1802–1806) императора Александра I // Исторический вестник. 1917. № 1. Январь. С. 128.

249

Шуаны – название участников вооруженного сопротивления республиканским властям в Вандее и Бретани.

250

Герцог Энгиенский – Людовик-Антуан-Анри герцог Энгиенский (1772–1804), сын Людовика-Анри-Жозефа, герцога Бурбонского, внук принца Людовика-Жозефа де Бурбон Конде (1736–1818), одного из ближайших родственников французского короля Людовика XVI. Принц Конде был командующим эмигрантским корпусом (см. главу 1). По старой монархической традиции до смерти старшего представителя этого дома его младшие отпрыски носили титул герцога Энгиенского.

251

Цит. по: Lentz. Le Grand Consulat. P. 540.

252

Savary A.-J.-M.-R., duc de Rovigo. Op. cit. Т. 2. P. 60.

253

Pasquier E.-D. Histoire de mon temps. Mémoires du chancelier Pasquier. Paris, 1893–1894. P. 185.

254

Correspondance... Т. 32. P.

255

Эта фраза приписывается также Фуше и Буле де ла Мерту.

256

Masson F. Le Sacre et le Couronnement de Napoléon. Paris, 1978. P. 61.

257

Чарторыйский (Чарторийский, Чарторыский, Czartoryski), Адам Адамович (1770–1861) – князь, член Негласного комитета, в 1802–1806 гг. товарищ (заместитель) министра иностранных дел, с января 1804 г. по июнь 1806 г. в связи с тем, что А. Р. Воронцов отошел по болезни от государственных дел, Чарторыйский фактически управлял Министерством иностранных дел.

258

Николай Петрович Румянцев (1754–1826) – граф, известный государственный деятель, с 1801 г. член Государственного совета, в 1802–1810 гг. министр коммерции, с сентября 1807 г. управляющий Министерством иностранных дел, с февраля 1808 г. министр иностранных дел, с 1809 по 1826 г. канцлер Российской империи, с 1810 по 1812 г. председатель Государственного совета, уволен в отставку с поста министра иностранных дел в 1814 г.

259

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. М., 1960. Т. 1. С. 686–691.

260

Там же. Т. 2. С. 23.

261

Там же. С. 7–8.

262

РГИА. Фонд 549. Оп. 1. № 383. Сообщения австрийского посла при русском дворе графа Стадиона своему правительству (май-июнь 1804 г.). С. 9.

263

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J. La campagne de 1805 en Allemagne. Paris, 1902–1908. Т. 3. P. 105–107.*

264

Ibid.

265

РГИА. Фонд 549. Оп. 1. № 383. Сообщения австрийского посла при русском дворе графа Стадиона своему правительству (май-июнь 1804 г.). С. 21.

266

Correspondance de Napoléon Ier. Paris, 1858–1870. Т. 9. P. 359.

267

Цит. по: *Lefebvre A. Histoire de cabinets de l'Europe pendant le Consulat et l'Empire. Paris, 1845. Т. 1. P. 384.*

268

Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 334.

269

Mouravieff B. L'alliance Russo-turque an milieu des guerres napoléoniennes. Bruxelles, 1954. P. 91.

270

Внешняя политика России... Т. 2. С. 33–38.

271

Там же. С. 45–47.

272

Цит. по: *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1876. Т. 1. С. 404.

273

О шевалье Маллиа известно немного. Эмигрант французский или пьемонтский, он работал осведомителем российского Министерства иностранных дел. В архиве АВПРИ сохранились его подробные рапорты о политике австрийского двора и состоянии общественного мнения в австрийской столице.

274

Арпан – старинная французская мера площади, равная 0,34 га.

275

Бачиокки Феликс Паскаль (1762–1841) – зять Наполеона, муж его сестры Элизы. Благодаря родству с императором стал владетельным князем Лукки и Пьомбино.

276

АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия Министерства иностранных дел. Оп. 468. Д. № 11518.

277

Внешняя политика России... Т. 2. С. 100–102.

278

Цит. по: *Sorel A.* L'Europe et la Révolution française. P., 1903. P. 317.

279

S.H.D. 2 C 13.

280

Archives de Ministère des affaires étrangères. Correspondance politique, Russie, 144.

281

«Молодым другом» он был, конечно, лишь относительно – в 1804 г. Новосильцеву исполнилось 43 года.

282

Внешняя политика России... Т. 2. С. 138–154.

283

Там же. С. 121.

284

Rey M.-P. Alexandre I. Paris, 2009. P. 200.

285

Mouravieff B. Op. cit. P. 98.

286

Цит. по: *Станиславская А. М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. М., 1962. С. 368.

287

Desbrière E. Projets et tentatives de débarquement aux îles britanniques. Paris, 1900. Т. 3. P. 634.

288

До этого императоры Габсбургского дома официально именовались императорами Священной Римской империи германской нации. Несмотря на то что уже в течение трех с половиной столетий все императоры Священной Римской империи были выходцами из дома Габсбургов, формально императора избирали на сейме германских князей.

289

Да здравствует король! (*um.*)

290

Thiard M.-T. Souvenirs diplomatiques et militaires du general Thiard, chambellan de Napoléon Ier. Paris, 1900. P. 63–64.

291

Driault E. Austerlitz. La Fin du Saint-Empire (1804–1806). Paris, 1912. P. 183–184.

292

Цит. по: *Driault E. Op. cit. P. 173–174.*

293

Цит. по: *Михайловский-Данилевский А. И. Описание первой войны Императора Александра с Наполеоном в 1805 г. СПб., 1844. С. 10.*

294

Correspondance... Т. 10. P. 135–136.

295

Ibid. P. 136.

296

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J. Op. cit. P. 45.*

297

Thiard M.-T. Op. cit. P. 61.

298

Savary A.-J.-M.-R. Mémoires du duc de Rovigo pour servir à l’histoire de l’empereur Napoléon. Paris, 1828. P. 123.

299

Ну, князь, Генуя и Лукка – поместья фамилии Бонапарте. Нет, я вам вперед говорю, если вы мне не скажете, что у нас война, если вы еще позволите себе защищать все гадости, все ужасы этого Антихриста (право, я верю, что он Антихрист), – я вас больше не знаю, вы уж не друг мой, вы уж не мой верный раб, как вы говорите.

300

Безотосный В. М. Россия в наполеоновских войнах. М., 2014. С. 79–80.

301

Archives Nationales. AF IV 1696. D. 2. d. 2.

302

Ibid. D. 2. d. 3.

303

Девятнадцатый век. Кн. II. С. 87.

304

Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. С. 52, 54, 58.

305

Жихарев С. П. Записки современника. М., 2004. С. 198.

306

Жаркевич И. С. Записки И. С. Жаркевича // Русская старина. 1874. Т. 9. Февраль. С. 218.

307

Жихарев И. С. Указ. соч. С. 137–138.

308

Fantin des Odoards L.-F. Journal du general Fantin des Odoards. Etapes d'un officier de la Grande Armée, 1800–1830. Paris, 1895. P. 40.

309

Остров Мартиника – одна из самых важных французских колоний на Антильских островах.

310

Герцог Федерико Карлос де Гравина (1756–1806) слыл внебрачным сыном короля Карла III, отца правящего тогда в Испании короля Карла IV, которому он, таким образом, приходился сводным братом.

311

Nelson. The dispatches and letters of vice admiral Lord viscount Nelson. London, 1848. Т. 6. P. 406.

312

Ibid. P. 410.

313

Ферроль – крупный порт на северо-западной оконечности Испании.

314

James W. The Naval history of Great Britain. London, 1837. Т. IV. P. 6.

315

Линейные корабли «Сан-Рафаэль», построенный за 34 года до этого, и «Фирме», 51 год.

316

Marmont A.-F.-L., duc de Raguse. Mémoires de 1792 à 1841 imprimés sur le manuscrit original de l'auteur avec plans. Paris, 1856–1857. Т. 2. P. 163.

317

Bigarré A. Mémoires du général Bigarré, aide de camp du roi Joseph. Paris, 1893. P. 163–164.

318

Roguet F. Mémoires militaires du lieutenant-général comte Roguet, colonel en second des grenadiers à pied de la Vieille Garde. Paris, 1862–1865. Т. 3. P. 91.

319

Correspondance... Т. 11. P. 87.

320

Ibid. P. 113.

321

Ségur. Un Aide de Camp de Napoléon. Mémoires général comte de Ségur. Paris, 1894. P. 154.

322

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J.* Op. cit. P. 130.

323

Ibid. P. 135.

324

Correspondance de Napoléon Ier. Paris, 1858–1870. Т. 11. P. 78.

325

Ibid. P. 79.

326

Ibid. P. 81–82.

327

Alombert P.-C., Colin J. Op. cit. Т. 1. Partie 2. P. 3–38.

328

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J.* Op. cit. Т. 1. P.

329

Marmont A.-F.-L., duc de Raguse. Mémoires de 1792 à 1841 imprimés sur le manuscrit original de l'auteur avec plans. Paris, 1856–1857. Т. 2. P. 129.

330

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J.* Op. cit. Т. 1. P. 327.

331

Ibid. P. 328.

332

Численность корпусов дается на конец сентября 1805 г., то время, когда французские войска форсировали Рейн и вступили на территорию Германии.

333

Формально численность корпуса Ланна составляла 25 689 человек и 34 орудия. Однако 3-я дивизия этого корпуса под командованием генерала Сюше (9154 человека и 12 орудий) была временно придана 4-му корпусу.

334

Marmont A.-F.-L., duc de Raguse. Op. cit. T. 2. P. 140–141.

335

Saint-Chamans A.-A.-R. Mémoires du general comte de Saint-Chamans, ancien aide de camp du maréchal Soult (1802–1823). Paris, 1896. P. 18.

336

Alombert P.-C., Colin J. Op. cit. T. 1. P. 170–172.

337

Ibid. P. 177, 196.

338

Brack F. de. Avant-postes de cavalerie légère. Paris, s.d. P. 188.

339

Souvenirs d'un sous-lieutenant (*Maignal B. H.*) // Histoire d'un régiment. La 32e demi-brigade (1775–1890). P. 189–190.

340

D'Héralde J.-B. Mémoires d'un chirurgien de la Grand Armée. Paris, 2002. P. 97–98.

341

Gervais. À la conquête de l'Europe. Souvenirs d'un soldat de l'Empire. Paris, 2002. P. 146.

342

Foy M.-S. Histoire de la guerre de la Péninsule. Bruxelles, 1827. T. 1. P. 91–92.

343

Колонна по отделениям означает колонну, составленную из отделений, идущих на расстоянии друг от друга, указанном командиром. По фронту отделения было от 8 до 12 человек, в глубину – три шеренги.

344

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J.* Op. cit. Т. 1. Р. 351.

345

Ney M. Mémoires du maréchal Ney, duc d'Elchingen, prince de la Moskowa. Bruxelles, 1833. Т. 2. Р. 386.

346

S. H. D. Grande Armée, 1805. 2 С 1.

347

S. H. D. Ibid. 2 С 1.

348

S. H. D. Ibid. 2 С 1.

349

S. H. D. Ibid. 2 С 1.

350

S. H. D. Ibid. 2 С 1.

351

В эпоху Великой французской революции инженером Шаппом был изобретен оптический телеграф, представляющий из себя мачты с движущимися перекладинами на конце. Мачты располагались одна от другой на таком расстоянии, что было возможно видеть в подзорную трубу сигналы, подаваемые с соседней мачты. Сигналы очень напоминали морскую семафорную азбуку.

352

Archives Nationales. AF IV 74–75.

353

Ibid. AF IV 74–75.

354

В австрийской армии вместо привычного для большинства европейских армий звания генерал-лейтенант существовало звание фельдмаршал-лейтенант (F. M. L.).

355

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J.* Op. cit. Т. 3. P. 118–119.

356

Ibid. Т. 3. P. 136–137.

357

Частная компания, поставлявшая лошадей для обозов австрийской армии.

358

Relation de la prise d'Ulm, par M. D..., capitaine d'état-major au service d'Autriche. *Journal des sciences militaires des armées de terre et de mer.* 1827. Т. 8.

359

Correspondance... Т. 11. P. 250.

360

Цит. по: Napoléon Bonaparte, l'œuvre et l'histoire. Sous la direction de Jean Massin. Paris, 1969. Т. 4. P. 148.

361

Correspondance... Т. 11. P. 275.

362

Ibid. P. 263–264.

363

Ségur. Un Aide de Camp de Napoléon. Mémoires general comte de Ségur. Paris, 1894. P. 165.

364

Ibid. P. 166.

365

Alombert P.-C., Colin J. Op. cit. Т. 2. P. 51.

366

Correspondance... Т. 11. P. 281.

367

Drouet d'Erlon J.-B. Vie militaire écrite par lui-même. Paris, 1844. P. 24.

368

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J.* Op. cit. Т. 2. P. 824.

369

Лье – старая французская мера расстояний, приблизительно 4 км.

370

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J.* La campagne de 1805 en Allemagne. Paris, 1902–1908. Т. 3. P. 17.

371

Ibid.

372

Fantin des Odoards L.-F. Journal du général Fantin des Odoards. Etapes d'un officier de la Grande Armée, 1800–1830. Paris, 1895. P. 46.

373

Не вызывает сомнения, что потери какой-либо стороны можно прежде всего оценивать по данным этой стороны, лишь изредка корректируя их по неприятельским источникам.

374

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J.* Op. cit. Т. 3. P. 316–317.

375

Почти все предыдущие награжденные получили орден за боевые подвиги, но совершенные в войнах эпохи революции. Сам же орден, как известно, был учрежден в 1802 г., а первая раздача крестов Почетного легиона состоялась в 1804 г.

376

Ibid. P. 31.

377

Ibid. P. 159.

378

Fézensac R.-E.-P.-J. de Montesquiou, duc de. Souvenirs militaires de 1804 à 1814. P., 1863 P. 56–57.

379

Ibid.

380

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J.* Op. cit. Т. 3. P. 171.

381

Ibid. P. 40.

382

Леер. Война 1805 г. Аустерлицкая операция. СПб., 1888.

383

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J.* Op. cit. Т. 3. P. 42.

384

Fézensac R.-E.-P.-J. de Montesquiou, duc de. Op. cit. P. 139, 118.

385

По состоянию на начало кампании: 9-й легкий – 1763 человека, 32-й линейный – 1662 человека, 96-й линейный – 1721 человек, 15-й и 17-й драгунские – 673 человека, 1-й гусарский – 375 человек, 250 артиллеристов и солдат обоза, итого 6444 человека, с учетом маршевых потерь около 6200 человек.

386

Relation de la prise d'Ulm, par M. D..., capitaine d'état-major au service d'Autriche. Journal des sciences militaires des armées de terre et de mer. 1827. Т. 8.

387

Почти во всех французских рапортах говорится о 4000 пленных австрийцев. Даже если в ходе боя действительно удалось захватить такое количество пленных, нет сомнения, что сохранить удалось лишь малую часть из них.

388

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J.* Op. cit. Т. 3. Р. 54.

389

Ibid. Р. 528.

390

Кутузов М. И. Сборник документов. М., 1951. Т. II. С. 92–93.

391

Relation de la prise d'Ulm...

392

Correspondance de Napoléon Ier. Paris, 1858–1870. Т. 11. Р. 315–316.

393

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J.* Op. cit. Т. 3. Р. 70.

394

Ibid.

395

Ségur. Un Aide de Camp de Napoléon. Mémoires général comte de Ségur. Paris, 1894. Р. 187.

396

Fézensac R.-E.-P.-J. de Montesquiou, duc de. Op. cit. Р. 64.

397

Ravy D. Journal d'un engagé volontaire pendant les campagnes de 1805, 1806 et 1807 // Histoire d'un régiment. La 32e demi-brigade (1775–1890). Р. 134.

398

Ségur. Op. cit. P. 186.

399

Roguet F. Mémoires militaires du lieutenant-général comte Roguet, colonel en second des grenadiers à pied de la Vieille Garde. Paris, 1862–1865. T. 3. P. 125.

400

Ibid. P. 126–127.

401

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J.* Op. cit. T. 3. P. 79–80.

402

Ségur. Op. cit. P. 190–191.

403

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J.* Op. cit. T. 3. P. 189–191.

404

Разумеется, речь идет о военной – тактической и оперативной – разведке. На внешнеполитическом уровне значение разведки и отношение к ней были иными. Посольства за границей, как всегда и везде, выполняли важную роль сбора информации о стране пребывания, что осуществлялось официальным и неофициальным путем. Сведения, полученные по дипломатическим каналам, разумеется, были основой для важных внешнеполитических решений.

405

Драгунские дивизии Клейна и Бомона, легкокавалерийская бригада Фоконе, гвардейские конные егеря.

406

Relation de la prise d’Ulm...

407

Ségur. Op. cit. P. 194. *Thiard M.-T.* Souvenirs diplomatiques et militaires du général Thiard, chambellan de Napoléon Ier. Paris, 1900. P. 159–160.

408

Ségur. Op. cit. P. 194–195.

409

Relation de la prise d'Ulm...

410

Равелин – укрепление, вынесенное вперед по отношению к основной крепостной стене. Обычно имеет треугольную форму. Равелины служили часто для прикрытия крепостных ворот основной стены. Разумеется, в таком случае равелин также имел свои ворота.

411

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J.* Op. cit. Т. 3. P. 217.

412

Ibid. P. 218.

413

Ibid. P. 222.

414

Ségur. Op. cit. P. 202.

415

Relation de la prise d'Ulm... P.

416

Ségur. Op. cit. P. 211.

417

Marmont A.-F.-L., duc de Raguse. Mémoires de 1792 à 1841 imprimés sur le manuscrit original de l'auteur avec plans. Paris, 1856–1857. Т. 2. P. 193.

418

Vogel Fanger – пойманная птица (*нем.*).

419

Relation de la prise d'Ulm... P.

420

Быть может, сейчас все это может показаться забавной условностью. Но в начале XIX в. понятия об офицерской чести были столь высоки, что в подавляющем большинстве случаев слово неукоснительно держалось. Достаточно привести один пример. Молодой офицер французского флота Жюрьен де ла Гравьер попал в плен к англичанам в 1803 г. Его не заключили в тюрьму, а он жил на территории Англии под честное слово не совершать побега. Через год его обменяли – не символически, а вполне реально на соответствующего пленного английского офицера. Однако бумаги, подтверждающие, что честное слово с него снято, пришли во Францию только в 1809 г. До этого, несмотря на отчаянные просьбы молодого офицера в строй, военно-морской министр категорически запретил ему служить на боевых кораблях. Только после получения от неприятеля документа о снятии честного слова Жюрьен де ла Гравьер смог в строй.

421

Correspondance... Т. 11. P. 342–343.

422

Цит. по: *Михайловский-Данилевский А. И.* Указ. соч. С. 27.

423

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. М., 1961. Т. 2. С. 581.

424

Radziwill Louise de Prusse, princesse Antoine. Quarante-cinq années de ma vie (1770–1815) par Louise de Prusse. Paris, 1911. P. 192.

425

Внешняя политика России... Т. 2. С. 605–606.

426

Цит. по: *Михайловский-Данилевский А. И.* Указ. соч. С. 63.

427

Czartoryski A.-J. Mémoires du prince Czartoryski et correspondance avec l'Empereur Alexandre Ier. Paris, 1887. Т. 1. P. 396.

428

Вел. кн. Николай Михайлович. Император Александр I. Т. 1. СПб., 1912. С. 42.

429

Внешняя политика России... Т. 2. С. 606.

430

Там же.

431

Suckow K.-F.-E. Fragments de ma vie. D'Iéna à Moscou. Paris, 1901. P. 47.

432

Внешняя политика России... Т. 2. С. 630.

433

Там же.

434

Там же. С. 618.

435

Кутузов М. И. Сборник документов. М., 1951. Т. 2. С. 69.

436

Цит. по: *Михайловский-Данилевский А. И.* Указ. соч. С. 39.

437

Цесарцы – австрийцы.

438

Глинка Ф. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции. М., 1815. С. 58–59.

439

Цит. по: *Михайловский-Данилевский А. И.* Указ. соч. С. 40–41.

440

Кутузов М. И. Указ. соч. Т. 2. С. 97–98.

441

В начале своего марша Подольская армия насчитывала в своих рядах 53 397 человек. Шестая колонна (9548 человек) была временно отделена от армии и в результате отстала от главных сил. Более 6 тыс. человек заболели вследствие тяжелых переходов и были оставлены по пути. Таким образом, общая численность Подольской армии в это время была примерно 37 тыс. человек. Однако некоторые батареи и отряды еще не присоединились. Округленно реальную численность войск Кутузова, сосредоточенных в Браунау, можно оценивать как 35–36 тыс. человек.

442

Вы видите несчастного Макка (*фр.*).

443

Толстой Л. Н. Война и мир. М., 1983. С. 146–147.

444

Кутузов М. И. Указ. соч. Т. 2. С. 112.

445

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J.* La campagne de 1805 en Allemagne. Paris, 1902–1908. Т. 4. Р. 85.

446

Внешняя политика России... Т. 2. С. 612.

447

Кутузов М. И. Указ. соч. Т. 2. С. 108.

448

Глинка Ф. Указ. соч. С. 62–63.

449

Цит. по: *Михайловский-Данилевский А. И.* Указ. соч. С. 84.

450

Кутузов М. И. Указ. соч. Т. 2. С. 131.

451

Там же. С. 127.

452

Ермолов А. П. Записки А. П. Ермолова. 1798–1826. М., 1991. С. 38.

453

Архив князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского // Русская старина. 1874. Июнь. С. 492–493.

454

Barrés J.-B. Souvenirs d'un officier de la Grande Armée. Paris, 1923. P. 46.

455

Correspondance de Napoléon Ier. Paris, 1858–1870. Т. 11. P. 358–359.

456

Милье – старинная французская мера веса, равная 489,51 кг.

457

Ibid. Т. 11. P. 446.

458

Два батальона 17-го линейного полка и два батальона 30-го линейного.

459

Ермолов А. П. Указ. соч. С. 36.

460

В романе «Война и мир» Л. Н. Толстой дает весьма яркое описание переправы русских войск через Энс, где Николай Ростов получает свое первое боевое крещение. Хотя в зарисовке, данной Толстым, встречаются неизбежные исторические неточности, однако общая картина, как ни странно, ближе к истине, чем напыщенно-героический рассказ Глинки.

461

Кроаты – на самом деле хорваты. В рядах австрийской армии было несколько так называемых пограничных полков, укомплектованных в основном населением хорватских провинций.

462

Глинка Ф. Указ. соч. С. 73–74.

463

Австрийские войска: пограничные полки Бродера и Петервардейнер – 4 батальона, Гессен-Гомбургский гусарский полк – в общей сложности около 2500 человек. Русские войска: 6-й егерский полк – 3 батальона, Азовский мушкетерский полк – 3 батальона, Киевский гренадерский полк – 3 батальона, Павлоградский гусарский полк – 10 эскадронов. В общей сложности около 5500 человек.

464

Ермолов А. П. Указ. соч. С. 39–40.

465

Документы штаба М. И. Кутузова 1805–1806. Сборник. Вильнюс, 1951. С. 122.

466

Там же. С. 123.

467

Lejeune L.-F. Mémoires du général Lejeune, 1792–1813. Paris, 2001. P. 23–24.

468

Отряд Милорадовича – 8 батальонов пехоты (Малороссийский гренадерский полк, Апшеронский мушкетерский полк, Смоленский мушкетерский полк, 8-й егерский полк), 10 эскадронов Мариупольского гусарского полка.

469

Глинка Ф. Указ. соч. С. 75–76.

470

Ермолов А. П. Указ. соч. С. 40.

471

Lejeune L.-F. Op. cit. P. 24.

472

Levasseur O. Souvenirs militaires d'Octave Levasseur, officier d'artillerie, aide de camp du maréchal Ney. Paris, 1914. P. 40.

473

Lejeune L.-F. Op. cit. P. 24.

474

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J.* Op. cit. Т. 4. P. 511.

475

Ермолов А. П. Указ. соч. С. 40.

476

Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Фельдмаршал Кутузов. М., 1995. С. 207.

477

Цит. по: *Михайловский-Данилевский А. И.* Указ. соч. С. 93.

478

Документы штаба М. И. Кутузова... С. 125.

479

Ермолов А. П. Указ. соч. С. 40.

480

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J.* Op. cit. Т. 4. P. 515.

481

Ibid. P. 512.

482

Ibid. P. 507.

483

Fantin des Odoards L.-F. Journal du général Fantin des Odoards. Etapes d'un officier de la Grande Armée, 1800–1830. Paris, 1895. P. 56–57.

484

Correspondance... Т. 11. P. 381.

485

Ibid. P. 376–377.

486

Кутузов дает две датировки – по старому и по новому стилю.

487

Этот документ опубликован во втором томе «Сборника документов» Кутузова. Однако перевод там несколько неточен (Кутузов писал все политические рапорты на французском языке), мы даем перевод с подлинника письма в АВПРИ. Из письма следует, что Кутузов во время отчаянного боя при Амштеттене обедал в роскошном дворце. Увы, Михаил Илларионович при всех его политических и стратегических талантах любил комфорт и не был похож на «доброе дедушку» из романа «Война и мир».

488

АВПРИ. Ф. 133 Канцелярия МИД. Оп. 468. № 1145.

489

Там же.

490

Ibid. P. 386.

491

Thiard M.-T. Souvenirs diplomatiques et militaires du général Thiard, chambellan de Napoléon Ier. Paris, 1900. P. 192.

492

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J.* Op. cit. Т. 4. P. 128.

493

Ibid. P. 109.

494

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J.* La campagne de 1805 en Allemagne. Paris, 1902–1908. Т. 4. P. 109.

495

Lettres et documents pour servir à l'histoire de Joachim Murat. Paris, 1908–1914. Т. 4. P. (*Alombert P.-C., Colin J.* P. 109).

496

Ibid. P. (*Alombert P.-C., Colin J.* P. 109).

497

Ibid. P. (*Alombert P.-C., Colin J.* P. 107).

498

Correspondance de Napoléon Ier. Paris, 1858–1870. Т. 11. P. 387.

499

Lettres et documents... Т. 4. P. (*Alombert P.-C., Colin J.* P. 110).

500

Французские кавалерийские бригады в кампанию 1805 г. были очень маленькими. К ноябрю в среднем бригада насчитывала в своих рядах 500 кавалеристов. Это объяснялось тем, что части имели неполный конский состав в Булонском лагере, сверх того наблюдались значительные потери в конском составе вследствие форсированных маршей.

501

Ibid. P. 133.

502

Фланкер – на русском военном языке начала XIX в. стрелок в передовой цепи. Здесь речь идет о гусарах, которые, оставаясь в конном строю, вели огонь, используя имевшиеся у них короткие карабины.

503

Документы штаба М. И. Кутузова 1805–1806. Сборник. Вильнюс, 1951. С. 134.

504

Gervais E.-B. A la conquête de l'Europe. Souvenirs d'un soldat de la Révolution et de l'Empire. Paris, 1939. P. 151.

505

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J.* Op. cit. Т. 4. P. 100.

506

Lettres et documents... Т. 4. P. 135.

507

Архив князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского // Русская старина. 1874. Июнь. С. 495.

508

Lettres et documents... Т. 4. P. 137.

509

Correspondance... Т. 11. P. 392–393.

510

В этом замке в начале XIII в. находился в заточении знаменитый король Ричард Львиное Сердце. Герцог Леопольд Австрийский приказал схватить его и заключить в замок, когда король с небольшой свитой возвращался домой после Третьего крестового похода.

511

Цит. по: *Михайловский-Данилевский А. И.* Указ. соч. С. 100.

512

Уже в ходе боя Милорадович получит под свою команду еще два эскадрона Мариупольского гусарского полка из состава резерва.

513

Два батальона пехоты: батальон Нарвского мушкетерского полка и батальон Новгородского мушкетерского полка. Два драгунских полка: Черниговский и Санкт-Петербургский. Три казачьих полка: Кирсанова, Грекова 18-го и Грекова 9-го.

514

Клаузевиц К. фон. О войне. М., 1936. Т. 1. С. 78–79.

515

Цит. по: *Alombert P.-C.* Campagne de l'an 14 (1805). Combat de Dürrestein. Paris, 1897. P. 105.

516

Глинка Ф. Указ. соч. С. 58–59.

517

Цит. по: *Alombert P.-C.* Op. cit. P. 107.

518

Документы штаба М. И. Кутузова... С. 147.

519

Цит. по: *Alombert P.-C.* Op. cit. P. 106.

520

Глинка Ф. Указ. соч. С.

521

Цит. по: *Alombert P.-C.* Op. cit. P. 108.

522

Ермолов А. П. Указ. соч. С. 44–45.

523

Цит. по: *Alombert P.-С.* Op. cit. P. 109.

524

2-й и 3-й батальоны 4-го легкого и 3-й батальон 100-го линейного.

525

1-й батальон 4-го легкого, 1-й батальон 100-го линейного полка, 2-й батальон 100-го полка и половина 2-го батальона 103-го полка.

526

1-й батальон 103-го полка, половина 2-го батальона 103-го полка, 3-й батальон 103-го полка и 4-й драгунский.

527

Документы штаба М. И. Кутузова... С. 148.

528

Цит. по: *Alombert P.-С.* Op. cit. P. 125.

529

Документы штаба М. И. Кутузова... С. 156.

530

Ibid. С. 150.

531

Цит. по: *Alombert P.-С.* Op. cit. P. 111.

532

Два батальона 6-го егерского полка, гренадерский батальон Ярославского мушкетерского полка, три батальона Московского мушкетерского полка, один батальон Вятского мушкетерского полка.

533

Согласно боевому расписанию, при дивизии Газана состояло 12 орудий. Какая-то часть

из них находилась на судах флотилии. Возможно, что кроме пушек Фавье были выгружены и другие орудия, о которых не упоминается во французских источниках.

534

Ibid. P. 114–115.

535

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J.* Op. cit. P. 158.

536

Имеется в виду Обер-Лойбен.

537

Документы штаба М. И. Кутузова... С. 142.

538

Ibid. С. 138.

539

Смирнов Я. История 65-го пехотного Московского полка 1642–1890. Варшава, 1890.

540

Цит. по: *Alombert P.-C.* Op. cit. P. 117.

541

Andolenko S. Aigles de Napoléon contre drapeaux du tsar: 1799, 1805–1807, 1812–1814. Drapeaux russes conquis par les Français, emblèmes français pris par les Russes, Paris, 1969. P. 67.

542

Документы штаба М. И. Кутузова... С. 145.

543

Цит. по: *Alombert P.-C.* Op. cit. P. 129.

544

Ibid. P. 132.

545

Документы штаба М. И. Кутузова... С. 146.

546

Ермолов А. П. Указ. соч. С. 46.

547

S.H.D. 2 C 7.

548

Е. В. Мезенцев, автор не так давно вышедшей книги «Война России с наполеоновской Францией в 1805 г.», ссылаясь на свои «изыскания», говорит о том, что французы потеряли в сражении при Кремсе 12 тыс. человек!!! То есть больше, чем их приняло участие в бою! Непонятно, какими документами пользовался Мезенцев, подсчитывая численность французских войск и их потери, только все реальные ведомости и боевые расписания, хранящиеся во французских архивах, дают только те сведения, которые приведены в настоящей работе. В частности, проводя подсчет численности французов, участвовавших в битве, Мезенцев причисляет к ним два полка (45-й и 54-й) из дивизии Риво 1-го корпуса Бернадотта. Но согласно журналу 1-го корпуса дивизия Риво находилась 11 ноября около деревни Маркерсдорф, которая лежит более чем в 30 км от берега Дуная! Чтобы 45-му и 54-му полкам прийти на помощь, им пришлось бы совершить целый дневной марш, а затем каким-то образом переправиться на другой берег Дуная! Совершенно немыслимо, чтобы подобная операция была совершена, да еще не нашла бы отражения в сотнях документов.

549

В 1805 г. каждый батальон французской пехоты и каждый эскадрон кавалерии имел свое знамя с навершием в виде бронзового орла. Поэтому во французских документах знамена и штандарты в то время назывались просто «орлами». Легкая пехота и легкая кавалерия в принципе не должны были брать с собой орлов в поход. Однако источники говорят, что командир батальона 4-го легкого полка Шевилле утопил батальонного орла этой части. Можно предположить, что 4-й легкий, несмотря на распоряжение, взял своих орлов в поход. Таким образом, на поле боя под Дюренштейном в рядах дивизии Газана должно было быть 12 орлов: три орла в 100-м линейном, три орла в 103-м линейном, три орла в 4-м легком и три орла в 4-м драгунском. Русские документы, говоря о трофеях, называют один из них «штандартом». Ясно, что речь идет о знамени своеобразной формы, принадлежавшим 4-му драгунскому полку. На самом деле это не штандарт, а так называемый гидон – знамя с полотнищем с двумя закругленными косицами. Подобные знаки не использовались в русской армии, и поэтому естественно, что документы называют его по русской терминологии «штандартом».

550

В своих мемуарах Тиар говорит о том, что его послали ночью, но на самом деле это было,

очевидно, около пяти часов вечера, не позднее, так как его документально зарегистрированный рапорт датирован 11 ноября в 18 часов 30 минут.

551

Thiard M.-T. Souvenirs diplomatiques et militaires du general Thiard, chambellan de Napoléon Ier. Paris, 1900. P. 183.

552

Correspondance... Т. 11. P. 394.

553

S.H.D. 2 C 7.

554

Correspondance... Т. 11. P. 394–395.

555

Lettres et documents... Т. 4. P. 139.

556

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J.* La campagne de 1805 en Allemagne. Paris, 2002. Т. 5. P. 271.

557

Correspondance... Т. 11. P. 395.

558

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J.* Op. cit. Т. 5. P. 263–264.

559

Ibid. P. 249.

560

Цит. по: *Dumas M.* Précis des événements militaires ou essais historiques sur les campagnes de 1799 à 1814. Paris, 1822. Т. 22. P. 22–23.

561

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J.* La campagne de 1805 en Allemagne. Paris, 2002. Т. 5. Р. 271.

562

На самом деле речь идет о городском, бюргерском ополчении, которое автор по аналогии с Францией называет национальной гвардией.

563

Fantin des Odoards L.-F. Journal du general Fantin des Odoards. Etapes d'un officier de la Grande Armée, 1800–1830. Paris, 1895. Р. 61–62.

564

Thiard M.-T. Op. cit. Р. 188.

565

Фаер – огонь (*нем.*).

566

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J.* Op. cit. Т. 5. Р. 285–286.

567

Levasseur O. Souvenirs militaires d'Octave Levasseur, officier d'artillerie, aide de camp du maréchal Ney. Paris, 1914. Р. 45.

568

Lettres et documents... Т. 4. Р. 147.

569

Глинка Ф. Указ. соч. С. 135.

570

Генерал Багратион. Сборник документов. М., 1945. С. 8–9.

571

Мезенцев Е. В. Война России с наполеоновской Францией в 1805 г. М., 2008. С. 145.

572

Fantin des Odoards L.-F. Journal du général Fantin des Odoards. Etapes d'un officier de la Grande Armée, 1800–1830. Paris, 1895. P. 63.

573

D'Héralde J.-B. Mémoires d'un chirurgien de la Grand Armée. Paris, 2002. P. 81.

574

Bigarré A. Mémoires du général Bigarré, aide de camp du roi Joseph. Paris, 1893. P. 171.

575

Correspondance de Napoléon Ier. Paris, 1858–1870. T. 11. P. 400.

576

Thiard M.-T. Souvenirs diplomatiques et militaires du général Thiard, chambellan de Napoléon Ier. Paris, 1900. P. 189.

577

Lettres et documents pour servir à l'histoire de Joahim Murat. Paris, 1908–1914. T. 4. P. 149.

578

Thiard M.-T. Op. cit. P. 191.

579

Correspondance... T. 11. P. 401.

580

S.H.D. 2 C 7.

581

Correspondance... T. 11. P. 404.

582

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J.* Op. cit. T. 5. P. 29.

583

S.H.D. 2 C 7.

584

Это об этом отряде писал Мюрат: «Мы встретили два австрийских батальона, командир которых проклиняет русское правительство и свое правительство».

585

S.H.D. 2 C 7.

586

S.H.D. 2 C 7.

587

Архив князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского // Русская старина. 1874. Июнь. С. 497–498.

588

Цит. по: *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание первой войны Императора Александра с Наполеоном в 1805 г. СПб., 1844. С. 121.

589

А. А. Васильев в своей основанной на архивных данных статье (Бой при Шенграбене // Император. 2006. № 9. С. 41–49) определяет численность отряда Багратиона в 9 тыс. человек русских и 1 тыс. австрийцев. В приложении мы даем боевое расписание, взятое из этой статьи, однако полагаем, что маршевые потери русских батальонов должны были быть более значительными, чем считает Васильев, а следовательно, общая численность отряда Багратиона была несколько меньшей. Однако нет сомнений, что из всех историков, писавших о Шенграбенском сражении, Васильев дал самое точное и полное расписание отряда Багратиона.

590

Correspondance... Т. 11. Р. 403.

591

Correspondance... Т. 11. Р. 404.

592

Ibid.

593

Документы штаба М. И. Кутузова 1805–1806. Сборник. Вильнюс, 1951. С. 162.

594

О каких повозках идет речь, трудно сказать. Небольшой обоз Багратиона, который не успели увести из Голлабрунна в тыл русской позиции? Остатки австрийских обозов, отходящих от Штокерау?

595

Lettres et documents... Т. 4. Р. 153.

596

Цит. по: *Михайловский-Данилевский А. И.* Указ. соч. С. 125.

597

Lettres et documents... Т. 4. Р. 153.

598

Petiet A. Mémoires du général Auguste Petiet, hussard de l'Empire, aide de camp du maréchal Soult. P., 1996. P. 116.

599

Кутузов М. И. Указ. соч. Т. 2. С. 173.

600

S.H.D. 2 C 7.

601

Lettres et documents... Т. 4. Р. 153.

602

Анисимов Е. В. Генерал Багратион, жизнь воина. М., 2009. С. 155–157.

603

Безотосный В. М. Россия в наполеоновских войнах, 1805–1815. М., 2014. С. 116.

604

Толстой Л. Н. Война и мир М., 1955. Т. 1. С. 216–217.

605

Correspondance... Т. 11. Р. 415.

606

S.H.D. 2 C 240.

607

Ibid.

608

Безотосный В. М. Указ. соч. С. 116–117.

609

Документы штаба М. И. Кутузова... С. 163.

610

Levasseur O. Souvenirs militaires d'Octave Levasseur, officier d'artillerie, aide de camp du maréchal Ney. Paris, 1914. P. 47.

611

S.H.D. 2 C 8.

612

Ibid.

613

Lettres et documents... Т. 4. Р. 153.

614

Thiers A. Histoire du Consulat et de l'Empire. P., 1847. Т. 6. P. 272–273.

615

S.H.D. 2 C 8. Bulletin de la division (2-e division de dragons).

616

Здесь нет ошибки и противоречия с предыдущим текстом. 14 ноября организация кавалерии претерпела временные изменения: «Вы объедините 1-й конно-егерский с двумя полками гусар, – писал начальник штаба Мюрата Белльяр генералу Вальтеру. – Вы дадите командование над этой бригадой генералу Себастиани, который отныне не будет состоять в драгунской дивизии, которую вы сведете в две бригады» (S.H.D. 2C240).

617

Petiet A. Op. cit. P. 116–117.

618

Correspondance... T. 11. P. 415–416.

619

Petiet A. Op. cit. P. 115.

620

Ibid. P. 115.

621

Levasseur O. Op. cit. P. 47–48.

622

О направлениях движения бригад Удино существуют разночтения. Так, «Исторический журнал гренадерской дивизии Удино» говорит, что бригада Рюффена была направлена против левого фланга русских войск. А бригада Дюпа с самого начала шла против правого крыла Багратиона. Приведенная в тексте версия основывается на рапорте майора Брайе, командира 2-го элитного полка (бригада Лапланш-Мортьера).

623

Ермолов А. П. Указ. соч. С. 49.

624

В романе «Война и мир» Л. Н. Толстого в этой атаке принимает участие один из главных героев книги Николай Ростов.

625

Journaux et souvenirs sur la campagne de 1805. Journal historique de la division de grenadiers Oudinot. P., 1997. P. 66.

626

S.H.D. 2 C 8. Bulletin de la division (2-e division de dragons).

627

D'après: *Pils F.* Journal de marche du grenadier Pils. P., 1895. P. 259.

628

Dumas M. Précis des événements militaires ou essais historiques sur les campagnes de 1799 à 1814. P., 1822. T. 4. P. 53.

629

Fantin des Odoards L.-F. Op. cit. P. 63.

630

Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 130.

631

Скорее всего, оба эти батальона принадлежали Киевскому гренадерскому полку. Одним из них командовал майор Экономов, командир второго батальона Киевского гренадерского полка.

632

Petiet A. Op. cit. P. 118.

633

Ермолов А. П. Указ. соч. С. 50.

634

Васильев А. А. Бой при Шенграбене // Император. 2006. № 9. С. 42.

635

Dumas M. Op. cit. T. 4. P. 54.

636

Fantin des Odoards L.-F. Op. cit. P. 66.

637

Pelleport P. Souvenirs militaire et intimes du general vicomte de Pelleport de 1793 à 1853. Paris, 1857. T. 1. P. 213.

638

В рапорте написано 2208 человек, но если сложить количество потерь, указанных в рапорте, то получится 2216. Вероятно, была допущена ошибка либо в одной из цифр, либо при сложении.

639

Ермолов А. П. Указ. соч. С. 49.

640

Journal historique de la division de grenadiers d'Oudinot // Carnet de la Sabretache. 1910. № 213. P. 546.

641

Bowden, S. Napoleon and Austerlitz. Chicago, The Emperor's press, 1997. P. 297.

642

S.H.D. 2 C 8. Journal des opérations du 4-e corps, Journal des opérations du 5-e corps.

643

Fantin des Odoards L.-F. Op. cit. P. 65.

644

S.H.D. 2 C 8.

645

Correspondance... T. 11. P. 425.

646

Ibid. P. 410.

647

Ibid. P. 421.

648

Ibid. P. 421–422.

649

S.H.D. 2 C 8.

650

Petiet A. Op. cit. P. 121.

651

Fantin des Odoards L.-F. Op. cit. P. 67.

652

František J. Holeček, O. M. Francouzská okupační správa Brna. Třetí koaliční válka 1805. Brna, 2004. P. 49.

653

S.H.D. 2 C 8. Etat de l'artillerie trouvée dans la place de Brünn, 20 novembre 1805.

654

Thiard M.-T. Op. cit. P. 198.

655

Savary A.-J.-M.-R., duc de Rovigo. Mémoires du duc de Rovigo pour servir à l'empereur Napoléon. Paris, 1828. T. 2. P. 168.

656

Дивизия Вальтера: бригады: Себастиани (3-й и 6-й драгунские), Роже (10-й и 11-й драгунские), Буссара (13-й и 22-й драгунские) – около 1400 человек; гусарская бригада Трейяра (9-й и 10-й гусарские), бригада Маргарона (8-й гусарский, 11-й конно-егерский),

бригада Мильо (16-й и 22-й конно-егерские), 1-й и 26-й конно-егерские были приданы бригаде Себастиани. Всего легкой кавалерии около 1750 человек.

657

Павлоградский гусарский полк, Мариупольский гусарский полк, Санкт-Петербургский драгунский полк, Тверской драгунский полк – всего 30 эскадронов, Казачий Сысоева полк и Казачий Малахова полк – всего 10 сотен. К этому моменту в эскадронах регулярной кавалерии и казачьих сотнях было менее 100 человек в строю. Ориентировочно можно оценить численность русских кавалеристов в 3–3,5 тыс. человек.

658

Levasseur O. Op. cit. P. 51.

659

Речь может идти только о драгунском «гидоне». Гусары и конные егеря не брали с собой на войну штандартов.

660

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J.* Op. cit. T. 5. P. 57.

661

О том, что маршал был в гуще схватки, говорит то, что его эскорт конных егерей понес серьезные потери, а командир эскорта был ранен.

662

Ibid.

663

Levasseur O. Op. cit. P. 52.

664

Savary A.-J.-M.-R., duc de Rovigo. Op. cit. T. 2. P. 168.

665

Thiard M.-T. Op. cit. P. 200.

666

Correspondance... T. 11. P. 428.

667

Из них 171 батальон, 96 эскадронов – 98 447 человек располагались в Венецианской области, а 41 батальон и 6 эскадронов составляли так называемую армию южного Тироля численностью 21 092 человека.

668

Итальянская армия – по французской терминологии, принятой в ту эпоху, – совокупность войск под французским командованием на территории Италии. Сюда входили как французские полки, так и войска Итальянского королевства.

669

Сейчас этот мост называется мостом Скалигеров.

670

Правое крыло под командованием генерала Бельгарда: 41 батальон, 24 эскадрона, 24 837 человек – Кальдиеро и предместья Вероны (авангард под командованием генерала Вукасовича в Авеза).

Центр генерал-лейтенанта Аржанто: 44 батальона, 40 эскадронов, 26 414 человек – Сан-Григорио (авангард под командованием генерала Нордмана в Альбаредо).

Левое крыло под командованием генерала Давидовича: 21 батальон, 16 эскадронов, 11 071 человек – Монтаньяно (авангард под командованием генерала Радетского в Минербо).

Армия южного Тироля под командованием генерала Гиллера: 41 батальон, 6 эскадронов в Тренто. Гарнизон Венеции: 8 батальонов, 4170 человек.

671

Дивизия Гарданна – 12 батальонов, 3 эскадрона, 6066 человек (в Вероне).

Дивизия Вердье – 15 батальонов, 7 эскадронов, 5129 человек, 11 пушек (в 15 км к югу от Вероны, Валеце).

Дивизия Молитора – 13 батальонов, 6812 человек (в 15 км к юго-западу от Вероны, Виллафранка).

Дивизия Дюэма – 13 батальонов, 3 эскадрона, 6824 человека (позади Вероны).

Дивизия Сера – 16 батальонов, 4 эскадрона, 8016 человек (в горах к северу от Вероны, Риволи и Аффи).

Сводно-гренадерская дивизия Партуно – 8 батальонов, 3949 человек (в 10 км к юго-западу от Вероны, Альпо).

Кавалерийская дивизия Мерме – 15 эскадронов, 1702 человека (в 20 км к югу от Вероны, Изола-делла-Скала).

Кавалерийская дивизия д'Эспаня – 16 эскадронов, 1849 человек (в 10 км к югу от Вероны). Кавалерийская дивизия Пюлли – 11 эскадронов, 1008 человек (в 25 км к юго-западу от Вероны, Ровербелло).

Общая численность активной армии – 77 батальонов, 59 эскадронов, 41 355 человек.

672

Сан-Грегорио находится в нескольких километрах к востоку от деревни Арколе, вокруг которой в 1796 г. кипела знаменитая битва, где покрыл себя славой молодой генерал Бонапарт (см. главу 1).

673

VI год республики – 1798–1799 гг. Вероятно, в исходном тексте допущена ошибка, и речь шла скорее о IV годе республики, то есть кампании 1796–1797 гг. в Италии, отмеченной блистательными победами французов под командованием Бонапарта и Массена.

674

Gachot E. La troisième campagne d'Italie (1805–1806). P., 1911. P. 54.

675

Desbœufs Ch. Souvenirs du capitaine Desbœufs. Paris, 1901. P. 55.

676

Ibid.

677

Ibid. P. 56.

678

Ibid.

679

Dumas M. Précis des événements militaires. P., 1822. T. 13. P. 135–136.

680

Цит. по: *Mémoires d'André Masséna, duc de Rivoli, prince d'Essling, maréchal d'Empire...* P., 1966. T. 5. P. 379–380.

681

Godart R. Mémoires du général baron Roch Godart (1792–1815). P., 1895. P. 91–92.

682

Цит. по: *Mémoires d'André Masséna.* P., 1966. T. 5. P. 380.

683

Hugo J.-L. Mémoires du général Hugo, gouverneur de plusieurs provinces et aide-major des armées en Espagne. P., 1828. T. 1. P. 114.

684

Граната – здесь артиллерийский снаряд, представляющий собой полую чугунную сферу, начиненную порохом.

685

Ibid. P. 115.

686

503 человека убиты, 2209 ранены, 1590 попали в плен, 1310 пропавших без вести.

687

Gachot E. Op. cit. P. 81.

688

Gonneville A.-O. Souvenirs militaires. P., 1875. P. 14.

689

Lecestre L. Lettres inédites de Napoléon Ier. P., 1897. T. 1. P. 62.

690

Клаузевиц К. О войне. М., 1936. Т. 1. С. 205.

691

Desbœufs Ch. Op. cit. P. 57.

692

Генерал Шателер – 10 батальонов, 8 эскадронов у Раттенбурга (на реке Инн); корпус Сен-Юлиана – 1,5 батальона и 1 эскадрон в Инсбруке; 2 батальона в Шарницком укреплении; 1 батальон в форте Лусташ; 4 батальона и 8 эскадронов в Рейте; корпус Фестенберга – 9 батальонов, 6 эскадронов в Инсбруке; 2 эскадрона при генеральной квартире; корпус Шенасси – 6,5 батальона, 2 эскадрона в Верфене; отряд Шпауэра – 1 батальон, 1 эскадрон в Вингау (в верховьях Адидже); корпус Иелачича – 13,5 батальона, 13 эскадронов в Форальберге, перед Фельдкирхом.

693

Roguet F. Mémoires militaires du lieutenant-général comte Roguet, colonel en second des grenadiers à pied de la Vieille Garde. Paris, 1862–1865. T. 3. P. 146–147.

694

Instructions pour les troupes du corps de gauche. Dans: Ney M. mémoires du maréchal Ney, duc d'Elchingen, prince de la Moskowa, publiés par sa famille. P., 1833. T. 2. P. 421, 422, 424.

695

Строго говоря, нужно было бы сказать 76-я полубригада, так как до 1803 г. в армии Французской республики пехотные части назывались не полками, а полубригадами. В 1803 г. название «полк» снова официально вернулось, и вполне естественно, что император употребляет это привычное, вновь вернувшееся название.

696

Correspondance de Napoléon Ier publiée par l'ordre de l'Empereur Napoléon III. Paris, 1858–1870. T. 11. P. 420.

697

Marmont A.-F.-L., duc de Raguse. Mémoires de 1792 à 1841 imprimés sur le manuscrit original de l'auteur avec plans. Paris, 1856–1857. T. 2. P. 199.

698

Ibid. P. 200.

699

Correspondance de Napoléon... T. 11. P. 412.

700

Marmont A.-F.-L., duc de Raguse. Op. cit. T. 2. P. 202–203.

701

Кайзерлит – насмешливое прозвище, которым французские солдаты называли австрийцев.

702

Chevillet J. Souvenirs d'un cavalier de la Grande-Armée 1800–1810. Paris, 2004. P. 86–88.

703

Correspondance de Napoléon... Т. 10. P. 163.

704

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. М., 1961. Т. 2. С. 328.

705

Damas R. Mémoires du comte Roger de Damas. Paris 1912, 1914. Т. 2. P. 376.

706

РГВИА ВУА. № 3119. С. 2.

707

Внешняя политика России XIX и начала XX века... Т. 2. С. 576.

708

Там же.

709

Damas R. Op. cit. P. 390.

710

Gouvion Saint-Cyr. Mémoires pour servir à l'histoire militaire sous le Directoire, le Consulat et l'Empire. Paris, 1831. Т. 4. P. 309.

711

Полки Сибирский гренадерский, Витебский, Козловский и Колыванский мушкетерские, батальон Алексопольского мушкетерского полка, 13-й и 14-й егерские, рота батарейной артиллерии.

712

Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 269, 273.

713

Damas R. Op. cit. P. 406, 410.

714

ЦГА ВМФ. Ф. 8. Оп. 3. Д. 72.

715

РГВИА ВУА. № 3119. С. 5.

716

Дивизия Ренье: 10-й линейный полк – 3 батальона, 56-й линейный полк – 2 батальона, 62-й линейный полк – 4 батальона, 1-й швейцарский полк – 1 батальон; всего 5 тыс. человек. Шестой конно-егерский полк – 4 эскадрона, 489 человек. Бригада Пейри: польский пехотный полк – 3 батальона, 2217 человек. Польский кавалерийский полк – 4 эскадрона, 463 человека. Вместе с артиллерией немного более 8 тыс. человек.

717

Лейб-кирасирский полк Его Величества, Курляндский драгунский полк, Изюмский гусарский полк, два казачьих полка, лейб-казачья Уральская сотня, Павловский и Санкт-Петербургский гренадерские полки, Белозерский, Рязанский и Кексгольмский мушкетерские полки, 3-й морской, 1-й и 20-й егерские полки.

718

Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 260.

719

Журнал биографической моей жизни // Русский архив. 1895. Кн. 2. № 6. С. 200–203.

720

Ibid. P. 204.

721

Цит. по: *Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 261–262.*

722

70 тыс. пехоты и 16 тыс. кавалерии и артиллерии: 93 батальона, 85 эскадронов и пять казачьих полков русских и 26,5 батальона и 43 эскадрона австрийских. Всего 113,5 батальона, 128 эскадронов и 25 казачьих сотен. Численность войск дана с учетом нестроевых. Ко дню Аустерлицкой битвы в союзной армии произошли небольшие изменения. Подробное расписание союзной армии на день битвы см. в приложении.

723

Изначально численность армии Беннигсена составляла 45 тыс. человек, но по непонятным причинам царь отослал часть армии обратно. Были отосланы обратно также войска из первоначального состава армии Буксгевдена и корпуса Эссена. Обратно в Россию был отправлен и генерал Михельсон, который первоначально командовал войсками Буксгевдена и Эссена.

724

Correspondance de Napoléon Ier. Paris, 1858–1870. Т. 11. P. 434–435.

725

Stutterheim La bataille d’Austerlitz. Paris, 1806. P. 19–21.

726

Цит. по: Revue d’histoire. 1907. № 76. P. 65.

727

Ibid. P. 65, 68.

728

Цит. по: Revue d’histoire... P. 66.

729

Ibid. P. 67.

730

В окрестностях Брюнна.

731

Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 154–155.

732

Langeron A. F. Journal des campagnes faites au service de Russie. Рукописный фонд РНБ. Ф. 73. № 276.

733

Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1869. Т. 2. С. 46–47.

734

S.H.D. 2 С 8.

735

Langeron A. F. Journal... Рукописный фонд РНБ. Ф. 73. № 276.

736

Нехватка продовольствия и происходивший вследствие этого грабеж не были привилегией союзной армии. Приказ на день 25 ноября 1805 г. по Великой армии гласил: «Император видит с огорчением беспорядки, которые творятся на тылах армии... дурные люди пытаются обесчестить армию, творя бесчинства и даже преступления» (S.H.D. 2 С 8). В связи с этим был дан приказ организовать пять мобильных колонн, которые должны были прочесывать местность в тылу армии, арестовывать всех мародеров, передавать их специально учрежденным военным трибуналам и без всякого промедления судить и расстреливать.

737

Ibid.

738

Ibid.

739

Savary A.-J.-M.-R., duc de Rovigo. Mémoires du duc de Rovigo pour servir à l'empereur Napoléon. Paris, 1828. Т. 2. Р. 171–172.

740

Правила этикета предписывали, чтобы коронованные особы обращались друг к другу со словами «Брат мой». Наполеон избрал в письме такое обращение, как если бы он стоял в иерархическом ряду ниже Александра.

741

Correspondance de Napoléon I... Т. 11. Р. 436.

742

Savary A.-J.-M.-R., duc de Rovigo. Op. cit. T. 2. P. 192.

743

Ibid. P. 175–176.

744

Ibid. P. 176, 187, 188.

745

Бригадой этот отряд был только по названию. В двух полках, составлявших его (в 16-м и 22-м конно-егерских), по состоянию на 22 ноября насчитывалось всего 423 человека.

746

S.H.D. 2 C 8. Rapport du général Milhaud, 28 novembre 1805.

747

Ibid.

748

Документы штаба М. И. Кутузова... С. 213.

749

Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 161.

750

Ермолов А. П. Указ. соч. С. 53.

751

Langeron A. F. Journal... Рукописный фонд РНБ. Ф. 73. № 276.

752

Ségur. Un Aide de Camp de Napoléon. Mémoires général comte de Ségur. Paris, 1894. P. 239.

753

Mémoires du general baron Thiébault. Paris, 1893–1895. Т. 3. P. 447–448.

754

Речь идет о дивизии Бомона. По причине болезни генерала Бомона дивизией временно командовал генерал Буайе.

755

Savary A.-J.-M.-R., duc de Rovigo. Op. cit. Т. 2. P. 194.

756

Thiébault D.P.C.H. Mémoires du général baron Thiébault. Paris, 1893–1895. Т. 3. P. 448–449.

757

Ségur. Un Aide de Camp de Napoléon. Mémoires du général comte de Ségur. Paris, 1894. P. 243.

758

Savary A.-J.-M.-R., duc de Rovigo. Op. cit. Т. 2. P. 196.

759

Langeron A. F. Journal... Рукописный фонд РНБ. Ф. 73. № 276.

760

Ségur. Op. cit. P. 242–243.

761

Savary A.-J.-M.-R., duc de Rovigo. Op. cit. Т. 2. P. 198.

762

Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 165.

763

Czartoryski A.-J. Mémoires du prince Czartoryski et correspondance avec l'Empereur Alexandre Ier. Paris, 1887. Т. 1. P. 404–405.

764

Цит. по: Revue d'histoire. 1907. № 77. P. 291.

765

Бозениц по-чешски называется Тварожна.

766

Ibid. P. 292.

767

«Le chant du départ» – «Песня выступления в поход» – написана почти в то же время, что и «Марсельеза», когда волонтеры отправлялись на защиту революционной Франции. Эта песня была столь распространена в эпоху революции, что ее называли «второй Марсельезой».

768

D'Héralde J.-B. Mémoires d'un chirurgien de la Grand Armée. Paris, 2002. P. 83.

769

Ibid.

770

Фердинанд Габсбург (1769–1824), курфюрст и великий герцог Зальцбурга в 1803–1806 гг., был младшим братом императора Франца. Наполеон, познакомившись с ним еще в Италии в 1796 г., очень уважал этого просвещенного правителя. Предлагая передать ему Венецию, Наполеон тем самым соглашался на то, что знаменитый город останется за Габсбургами, однако не будет более частью империи.

771

Correspondance de Napoléon... Т. 11. P. 439–440.

772

Ibid. P. 444.

773

Savary A.-J.-M.-R., duc de Rovigo. Op. cit. Т. 2. P. 201.

774

D'Héralde J.-B. Op. cit. P. 84.

775

Thiard M.-T. Souvenirs diplomatiques et militaires du général Thiard, chambellan de Napoléon Ier. Paris, 1900. P. 216–217.

776

Ségur. Op. cit. P. 249.

777

Эта деревня на многих картах именуется по-чешски – Иржиковиц.

778

Dumas M. Précis des événements militaires. P., 1822. T. 14. P. 140.

779

Revue d'histoire. 1907. № 77. P. 301.

780

Ibid.

781

Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 172–173.

782

Цит. по: *Михайловский-Данилевский А. И.* Указ. соч. С. 173.

783

Correspondance de Napoléon... T. 11. P. 442.

784

Revue d'histoire. 1907. № 77. P. 305.

785

Сам автор этого произведения, не раз принимая активное участие в военно-исторических реконструкциях на поле боя при Аустерлице (так, в 200-летний юбилей в 2015 г. был автором сценария и выполнял функции командующего центром Великой армии, то есть

маршала Сульта), не раз проехал всё поле великой битвы на коне. В районе Праценского плато, за исключением совсем небольшого участка с крутыми склонами, никаких трудностей для движения отдельных всадников и кавалерийских отрядов нет.

786

Thiard M.-T. Op. cit. P. 217.

787

Séгур. Op. cit. P. 249–250.

788

В официальной корреспонденции Наполеона вместо выделенной фразы сказано следующее: «...когда они будут идти, чтобы обойти меня справа, они подставят мне свой фланг», но на самом деле в первоначальном варианте эта фраза выглядит так, как она приведена в тексте книги. Фраза была изменена после сражения таким образом, что из достаточно общего высказывания она превратилась в некое провидение и секрет плана битвы, раскрытый целой армии.

789

Correspondance de Napoléon... Т. 11. P. 440–441. Lombarès M. de. Devant Austerlitz – sur les traces de la pensée de l'Empereur // Revue historique de l'armée. 1947. № 3. P. 52.

790

Thiard M.-T. Op. cit. P. 218–219.

791

Barrès J.-B. Souvenirs d'un officier de la Grande Armée. Paris, 1923. P. 55.

792

Petiet A. Mémoires du général Auguste Petiet, hussard de l'Empire, aide de camp du maréchal Soult. P., 1996. P. 132.

793

Глинка Ф. Указ. соч. М., 1808. С. 136.

794

Этот домик существует и поныне. Скромная комната, где собрались генералы, сильно отличается от замкового помещения, которое обычно себе представляют, когда речь идет об этом совете.

795

Langeron A. F. Journal... Рукописный фонд Российской национальной библиотеки. Ф. 73. № 276.

796

Ермолов А. П. Указ. соч. С. 55.

797

Bulov von. Der Feldzug von 1805. Т. 2. Р. 66.

798

Langeron A. F. Journal... Рукописный фонд Российской национальной библиотеки. Ф. 73. № 276.

799

Maistre J. de. Œuvres complets. Т. 10. Р. 291.

800

О нет! Я занимаюсь только соусом и жарким. Война – это ваше дело, так что вы ею и занимайтесь (*фр.*).

801

Ермолов А. П. Указ. соч. С. 54.

802

Relation de la bataille d’Austerlitz gagnée le 2 décembre 1805. Paris., 1879. Р. 55.

803

Saint-Chamans A.-A.-R. de. Mémoires du général comte de Saint-Chamans, ancien aide de camp du maréchal Soult (1802–1823). Paris, 1896. Р. 24.

804

Ségur. Op. cit. Р. 253.

805

Цит. по: Revue d'histoire. 1907. № 77. P. 309.

806

Ibid.

807

Thiébault D.P.C.H. Op. cit. P. 456.

808

D'Héralde J.-B. Mémoires d'un chirurgien de la Grand Armée. Paris, 2002. P. 87.

809

Так как генерал Удино был ранен в бою под Шенграбеном, он был заменен генерал-адъютантом Наполеона Дюроком. Однако накануне битвы Удино прибыл к армии и, несмотря на свое ранение, был готов в строй. Чтобы не обижать ни того ни другого, Наполеон вернул командование Удино, но оставил Дюрока при дивизии.

810

Langeron A. F. Journal des campagnes faites au service de Russie. Рукописный фонд РНБ. Ф. 73. № 276.

811

Stutterheim La bataille d'Austerlitz. Paris, 1806. P. 65.

812

Ibid.

813

S.H.D. 2 C 9.

814

Интересно, что в рапорте, направленном начальнику генерального штаба Бертье, написанном сразу после боя, вечером 2 декабря, Даву просто пишет: «В пять утра дивизия Фриана выступила со своих биваков у Райгерна, согласно приказу [идти на Турас. – *Примеч. авт.*], который вы передали мне от Его Величества, но, узнав во время движения, что 3-й полк атакован в Тельнице, я направил туда эту дивизию» (*Relations et rapports officiels de la bataille d'Austerlitz, 1805, Paris, 1998, p. 4*). А вот в рапорте, написанном несколько дней спустя, говорится, что части Даву шли на Турас, «чтобы выгнать оттуда врага и направиться далее на Сокольниц» (*Relations et rapports officiels...*, p. 5). Но никакого

врага в Турасе не было, и никакого приказа о движении на Сокольниц Даву не получал. Подобный пассаж появился, дабы показать, что движение на Тельниц и Сокольниц было не совсем импровизацией, а почти заранее согласовано с начальством.

815

Не следует удивляться столь малой численности бригады. Вследствие изнурительного форсированного марша из 7 тыс. солдат Фриана только 3800 дошли до поля сражения, а остальные остались по дороге. Таким образом, в среднем в каждом полку было около 700 человек. Соответственно, в одной роте не было и 50 человек.

816

Цит. по: *Revue d'histoire*. 1907. № 78. P. 510.

817

S.H.D. 2 C 9.

818

S.H.D. 2 C 9.

819

Langeron A. F. Journal... Рукописный фонд РНБ. Ф. 73. № 276.

820

Здесь нет противоречия со сказанным в 11-й главе о невозможности противостоять многократно превосходящему неприятелю. Фриан и Легран не разбили 40 тыс. русских и даже не остановили их атаку, они именно сковали их боем. Русские генералы, озадаченные упорным сопротивлением, не осмелились бросить в бой все свои силы. Если бы они это сделали, они, разумеется, разбили бы Фриана и Леграна. Однако искусство французских командиров дивизий состояло именно в том, что своей отвагой и инициативными действиями они настолько озадачили Буксгевдена, что тот не посмел перейти в решительное наступление.

821

Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 181–182.

822

Ségur. *Un Aide de Camp de Napoléon. Mémoires général comte de Ségur*. Paris, 1894. P. 255.

823

Relation de la bataille d'Austerlitz gagnée le 2 décembre 1805. Paris., 1879. P. 57.

824

Relations et rapports officiels... P. 18.

825

Ibid.

826

Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 182.

827

Thiébauld D.P.C.H. Mémoires du général baron Thiébauld. Paris, 1893–1895. Т. 3. P. 468.

828

Кутузов М. И. Указ. соч. Т. 2. С. 265.

829

В Российском военно-историческом архиве хранится целая подшивка бумаг, посвященных разбору обстоятельств, при которых произошло бегство Новгородского полка («Дело о бесславном поведении солдат и офицеров Новгородского мушкетерского полка» РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. № 984). В наказание за малодушие, проявленное на поле битвы, офицеры этого полка были лишены права носить темляки на шпагах, а нижние чины лишились своих тесаков.

830

Relations et rapports officiels... P. 19.

831

Туаз – около 2 м.

832

Thiébauld D.P.C.H. Op. cit. P. 471.

833

Ibid. P. 473–475.

834

Relations et rapports officiels... P. 20.

835

РГВИА. Ф. 26. Оп. 1. № 304.

836

Stutterheim. Op. cit. P. 82.

837

РГВИА. Ф. 26. Оп. 1. № 304.

838

Langeron A. F. Journal... Рукописный фонд РНБ. Ф. 73. № 276.

839

Это было не по их вине; наших солдат учили всему, за исключением того, что нужно было знать. Они не умели стрелять; им великодушно отпускали по три пули в год для стрельбы в цель, а для этого и трехсот не было бы много. Некоторые полковые командиры проводили учения, используя пули из глины, но последние портили ружейные стволы. Вообще, если наши солдаты дурно стреляли, зато безукоризненно делали ружейные приемы.

840

Там же.

841

Там же.

842

Thiébauld D.P.C.H. Op. cit. P. 477–478.

843

Свидетельство Берга очень интересно. Оно опровергает едкие выпады по отношению к маршалу Сульту со стороны его подчиненного генерала Тьебо. «Маршал Сульт не исполнил во время битвы при Аустерлице никаких функций, соответствующих его званию, не разделил ни одну опасность с солдатами 4-го корпуса... Он появился перед дивизией Вандамма только в два часа пополудни, когда все основные бои уже закончились» (*Thiébauld D.P.C.H.* Op. cit. Т. 3. P. 507–508). Как видно, в момент решающего столкновения на

Праценском плато маршал Сульт находился в рядах дивизии Вандамма.

844

РГВИА. Ф. 26. Оп. 1. № 304.

845

Langeron A. F. Journal... Рукописный фонд РНБ. Ф. 73. № 276.

846

Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 186.

847

Документы штаба М. И. Кутузова... С. 226–227.

848

Драгунская дивизия Вальтера – позади пехоты Кафарелли. Каждая бригада построилась в одну колонну, один эскадрон в затылок другому. Дивизия Буайе – правее в районе Гиршковица. Обе кирасирские дивизии – позади Вальтера в развернутом строю. Нансути справа, д'Опуль слева.

849

D'Héralde J.-B. Op. cit. P. 87.

850

Ibid. P. 88.

851

Levasseur O. Souvenirs militaires d'Octave Levasseur, officier d'artillerie, aide de camp du maréchal Ney. Paris, 1914. P. 60–61.

852

Облический – косой шаг. При облическом шаге влево правой ногой шагали вперед, а левой – в сторону. Получалось так, что фронт смещался влево, сохраняя ориентацию по отношению к неприятелю. При облическом шаге вправо происходило то же самое, но в правую сторону.

853

Barrés J.-B. Souvenirs d'un officier de la Grande Armée. Paris, 1923. P. 56.

854

В общей сложности полк насчитывал не более 1380 человек и, следовательно, был примерно равен по численности двум гвардейским батальонам, занимавшим Блазовиц.

855

Уже в момент выступления из лагеря от пятой колонны были отделены три полка русской кавалерии под командованием генерала Уварова: Харьковский и Черниговский драгунские, Елисаветградский гусарский.

856

Гавловский С. И. История лейб-гвардии Уланского полка. СПб., 1866. Ч. 2. С. 4.

857

Согласно строевому рапорту на 1 ноября 1805 г., в полку числилось 1386 строевых. Без сомнения, за месяц это число уменьшилось. Ориентировочно можно считать численность уланского полка 1300 человек.

858

S.H.D. 2 С. 9.

859

Levasseur O. Op. cit. P. 61–62.

860

Гавловский С. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 6.

861

Пехота гвардии к этому времени была ослаблена. Около 10 часов утра по просьбе Кутузова поддержать союзников на Праценском плато великий князь послал батальон Измайловского полка, вокруг которого соберутся остатки разбитых войск. Кроме того, понесли потери батальоны, сражавшиеся в Блазовице.

862

Bigarré A. Mémoires du général Bigarré, aide de camp du roi Joseph. Paris, 1893. P. 175–176.

863

Краткий очерк истории лейб-гвардии Конного полка. СПб., 1907. С. 3–4.

864

Орел 4-го линейного полка был единственным знаменем, отбитым у французов в Аустерлицкой битве. Вплоть до самой революции 1917 года это знамя, как священная реликвия, хранилось в полковой церкви лейб-гвардии Конного полка.

865

По версии большинства русских источников, атака французских гвардейских эскадронов началась еще до разгрома 4-го линейного и 24-го легкого. Согласно этим источникам, атака французов была нацелена против русской пехоты. Когда она была отражена, в бой вступили лейб-гвардии Конный и лейб-гвардии Гусарский полки. Возможно, что поражение пехоты Шиннера и контратака Бессьера происходили примерно в одно время, поэтому участники путаются, определяя последовательность боя.

866

Цит. по: *Revue d'histoire*. 1907. № 80. P. 377.

867

Drouet d'Erlon J.-B. Vie militaire écrite par lui-même. Paris, 1844. P. 27.

868

Ségur. Op. cit. P. 262.

869

Rapp J. Mémoires écrits par lui-même et publiés par sa famille. Paris, 1823. P. 49.

870

Цит. по: *Castelot A. Napoléon*. Paris, 1968. P. 83.

871

Цит. по: *Journal des Sciences Militaires*. Paris, 1827. T. 8. P. 110.

872

Манзей. История лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка 1775–1857. СПб., 1859. Ч. II. С. 17–18.

873

Скорее всего, речь идет о древке без полотнища. Взятие знамени подтверждают только

французские источники.

874

Письмо князя Н. В. Репнина-Волконского. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. № 3115.

875

Панчулидзева С. История Кавалергардов. СПб., 1903. Т. 3. С. 66.

876

Вместе с этими эскадронами в атаке принимал участие первый взвод первого эскадрона под командой корнета Альбрехта. Этот взвод перед началом боя отвез штандарты кавалергардского полка в Аустерлиц. А затем, нагнав полк, встал в хвост колонны и потому оказался вместе с последними эскадронами.

877

Drouet d'Erlon J.-B. Op. cit. P. 27.

878

Из полковых документов известно, что первые три эскадрона потеряли ранеными (все ранения огнестрельные) 19 рядовых. Разумеется, были и убитые, однако известно только общее количество убитых и пропавших без вести. Исходя из количества раненых можно предположить, что в первых трех эскадронах было убито 5–7 человек.

879

Coignet J.-R. Les cahiers du capitaine Coignet. Paris, 1883. P.

880

По одной из версий Сухтелен ответил фразой из трагедии Корнеля: «Да, молод я, но для благородных сердец храбрость не ждет числа годов (Oui, je suis jeune, il est vrai, mais aux cœurs bien né la valeur n'attend pas le nombre des années)».

881

Письмо князя Н. В. Репнина-Волконского. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. № 3115.

882

Документы штаба М. И. Кутузова 1805–1806. Сборник. Вильнюс, 1951. С. 222.

883

Revue d'histoire. 1907. № 78. P. 542.

884

История лейб-гвардии Егерского полка, 1796–1896. Составлена по архивным данным. СПб., 1996. С. 33.

885

Как известно, баварцы не участвовали в битве при Аустерлице, но они были недалеко, сдерживая корпус Фердинанда. Судя по всему, во французской армии многие считали, что баварцы подошли или могли подойти к полю сражения. В любом случае, как только видели какую-то непонятную форму или войска, идущие в странном направлении, сразу говорили, что это баварцы. Тем более что в описанном происшествии участвовали не только русские гусары, но и драгуны, а они, как известно, носили высокие черные каски, очень напоминавшие каски баварской армии.

886

S.H.D. 2 C 9.

887

Документы штаба М. И. Кутузова 1805–1806. Сборник. Вильнюс, 1951. С. 222.

888

Речь идет о небольшом значке, который фланговые носили воткнутым в дуло ружья.

889

D'Héralde J.-B. Op. cit. P. 89.

890

Цит. по: Revue d'histoire. 1907. № 78. P. 545.

891

D'Héralde J.-B. Op. cit. P. 90.

892

Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 197–198.

893

S.H.D. 2 C 9.

894

Ермолов был освобожден полковником Елисаветградского гусарского полка, который во главе нескольких драгун Харьковского полка отбил у нападавших храброго офицера. В этой фразе нет ошибки – гусарский полковник действительно скакал с несколькими драгунами. Рядом с полковником не осталось ни одного человека из его полка, «по чему судить должно о беспорядке», – замечает Ермолов.

895

Ермолов А. П. Указ. соч. С. 57.

896

Цит. по: *Duffy C.* Austerlitz 1805. London, 1977. P. 131.

897

S.H.D. 2 C 9.

898

Langeron A. F. Journal... Рукописный фонд РНБ. Ф. 73. № 276.

899

Кутузов М. И. Указ. соч. Т. 2. С. 262–263.

900

Langeron A. F. Journal... Рукописный фонд РНБ. Ф. 73. № 276.

901

Там же. С. 270.

902

Thiébault D.P.C.H. Op. cit. P. 479–480.

903

S.H.D. 2 C 9.

904

Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 200.

905

Полк имел в строю по ведомости на 1 (13) октября 1805 г. 2209 человек. Можно предположить, что 2 декабря с учетом потерь на марше он насчитывал не многим более 2000 человек. Таким образом, Пермский полк потерял в битве при Аустерлице около 86 % своего состава!

906

Там же. С. 202.

907

Lejeune L.-F. Mémoires du général Lejeune, 1792–1813. Paris, 2001. P. 29.

908

Напомним, что гренадеры Удино были разделены на две части. Эта часть дивизии действовала под командованием генерала Дюрока.

909

Кутузов М. И. Указ. соч. Т. 2. С. 270.

910

S.H.D. 2 C 9.

911

Публикатор мемуаров Огюста Петие, специалист по биографии маршала Сульта Николь Готери, пишет: «Генерал Ланжерон... смущенный присутствием императора французов, не понял, без сомнения, вопрос... ибо армией командовал Кутузов». Как уже отмечалось, пленным генералом был не Ланжерон, а Вимпфен. И он вовсе не смутился, а ответил как раз очень точно, что подтверждает, кстати, подлинность этого эпизода. Для Вимпфена, как и для многих других генералов, командовавших на левом фланге, реальным руководителем был генерал Буксгевден. Он, конечно, не был главнокомандующим, но в день сражения он хотя бездарно, но направлял действия трех первых колонн. Никаких указаний от Кутузова эти войска не получали.

912

Petiet A. Mémoires du général Auguste Petiet, hussard de l'Empire, aide de camp du maréchal Soult. P., 1996. P. 136.

913

Langeron A. F. Journal... Рукописный фонд Российской национальной библиотеки. Ф. 73. № 276.

914

Там же.

915

Saint-Chamans A.-A.-R. de. Mémoires du général comte de Saint-Chamans, ancien aide de camp du maréchal Soult (1802–1823). Paris, 1896. P. 27.

916

Petiet A. Op. cit. P. 137.

917

Ibid. P. 138.

918

S.H.D. 2 C 9.

919

Petiet A. Op. cit. P. 137.

920

Bigarré A. Op. cit. P. 177.

921

Langeron A. F. Journal... Рукописный фонд РНБ. Ф. 73. № 276.

922

Stutterheim. Op. cit. P. 95.

923

Lejeune L.-F. Op. cit. P. 30.

924

Цит. по: *Alombert P.-C., Colin J.* La campagne de 1805 en Allemagne. Paris, 2002. Т. 5. P. 297.

925

Stutterheim. Op. cit. P. 97–98.

926

Dumas M. Précis des événements militaires. P., 1822. Т. 14. P. 201.

927

Stutterheim. Op. cit. P. 98.

928

Langeron A. F. Journal... Рукописный фонд РНБ. Ф. 73. № 276.

929

Цит. по: *Revue d'histoire.* 1907. № 80. P. 397.

930

Рукописный фонд РНБ. Ф. 73. № 276.

931

Revue d'histoire. 1907. № 80. P. 408.

932

Кутузов М. И. Указ. соч. Т. 2. С. 235–236.

933

Там же. С. 237–238.

934

Там же. С. 239.

935

Васильев А. Русская гвардия в сражении при Аустерлице 20 ноября (2 декабря) 1805 г. // Воин. ГОД. № 3.

936

Кутузов М. И. Указ. соч. С. 362–363.

937

Мы считаем, что данные австрийских архивов также могут быть неточными. Кроме того, они не учитывают разбежавшихся, которые, без сомнения, имелись и в австрийских рядах. Понятно, что большая часть разбежавшихся австрийцев вернулась впоследствии к своим частям, но на какое-то время они перестали быть бойцами, и потому их также нужно включить в число потерь.

938

5 знамен Подольского полка, 3 – Азовского, 2 (5?) – Курского, 2 – Нарвского, 1 – Архангелогородского, 1 – Пермского.

939

Andolenko S. Aigles de Napoléon contre Drapeaux du Tsar. Paris, 1969.

940

Revue d'histoire. 1907. № 80. P. 409.

941

Кутузов М. И. Указ. соч. С. 259.

942

Thiers A. Histoire du Consulat et de l'Empire. Paris, 1847. Т. 6. P. 330.

943

Peyre L. Napoléon et son armée. Paris, 1888.

944

Мы не учитываем Курский полк, так как он подошел после разгрома основных сил 4-й колонны.

945

Ермолов А. П. Указ. соч. С. 60.

946

Van Dedem de Gelder A.-B.-G. Un général hollandais sous l'Empire. Mémoires du général baron de Dedem de Gelder. P., 1900. P. 193–194.

947

Gaulle C. de. La France et son armée. P., 1985. P. 130.

948

Stutterheim La bataille d'Austerlitz. Paris, 1806. P. 103–104.

949

Аустерлиц. Воспоминания суворовского солдата. СПб., 1903. С. 14.

950

Клаузевиц К. О войне. М., 1936. Т. 1. С. 84.

951

Там же. С. 186–187.

952

Barrés J.-B. Souvenirs d'un officier de la Grande Armée. Paris, 1923. P. 59.

953

Fantin des Odoards L.-F. Journal du general Fantin des Odoards. Etapes d'un officier de la Grande Armée, 1800–1830. Paris, 1895. P. 73–74.

954

По регламенту, в 1805 г. у французской армии вообще не было шинелей. Правда, солдаты на походе использовали самые разнообразные нерегламентированные виды одежды, чтобы было что надеть поверх мундира в холодное время. Однако таких хороших длинных шинелей, какие были в русской армии, у французов не было. Шинели появились в войсках Наполеона только в 1806 г.

955

Savary A.-J.-M.-R., duc de Rovigo. Mémoires du duc de Rovigo pour servir à l'empereur Napoléon. Paris, 1828. Т. 2. P. 209.

956

Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 221–222.

957

Рукописный фонд РНБ. Ф. 73. № 276.

958

Stutterheim. Указ. соч. С. 106.

959

Ермолов А. П. Указ. соч. С. 59.

960

Czartoryski A.-J. Mémoires du prince Czartoryski et correspondance avec l'Empereur Alexandre Ier. Paris, 1887. Т. 1. P. 410.

961

Revue d'histoire. 1907. № 80. P. 411.

962

Thiard M.-T. Souvenirs diplomatiques et militaires du général Thiard, chambellan de Napoléon Ier. Paris, 1900. P. 239.

963

Ibid. P. 240.

964

Цит. по: Revue d'histoire. 1907. № 80. P. 415.

965

Ibid. P. 448.

966

Цит. по: *Savary A.-J.-M.-R., duc de Rovigo.* Op. cit. P. 223.

967

Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 225.

968

Ségur. Un Aide de Camp de Napoléon. Mémoires general comte de Ségur. Paris, 1894. P. 270.

969

Ibid.

970

Thiard M.-T. Op. cit. P. 243–244.

971

Ségur. Op. cit. P. 272.

972

Savary A.-J.-M.-R., duc de Rovigo. Op. cit. P. 220–221.

973

Ibid. P. 221.

974

Correspondance de Napoléon Ier. Paris, 1858–1870. T. 11. P. 443–444.

975

Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 233.

976

Клаузевиц К. фон. 1806 год. М., 1937. С. 56–57.

977

Кутузов М. И. Указ. соч. Т. 2. С. 306.

978

РГВИА Ф. 846 Оп. 16. Д. № 3115.

979

Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 262.

980

Там же. С. 265.

981

Наиболее распространенным цветом мундиров в русской армии был зеленый, а цвет отделки – красный.

982

Damas R. Mémoires du comte Roger de Damas. Paris, 1912, 1914. Т. 2. Р. 418.

983

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. М., 1961. Т. 2. С. 652.

984

Langeron A. F. Journal des campagnes faites au service de Russie. Рукописный фонд РНБ. Ф. 762. № 149.

985

Damas R. Op. cit. Р. 420.

986

Наполеон имел в виду англичан. Он, разумеется, еще не знал, что эти «жалкие отряды», еще не увидев его армию, сядут на корабли и покинут Неаполь.

987

Correspondance de Napoléon Ier. Paris, 1858–1870. Т. 11. Р. 509.

988

Герцогства Нассау, Нассау-Узинген и Аренберг, княжества Гогенцолерн-Хехинген, Гогенцолерн-Зигмарингерн, Сальм-Сальм, Сальм-Кирбург, Изенбург-Бирштейн, Лихтенштейн и графство Лейен.

989

Thiébauld D.P.C.H. Mémoires du general baron Thiébauld. Paris, 1893–1895. Т. 3. Р. 541.

990

Levasseur O. Souvenirs militaires d'Octave Levasseur, officier d'artillerie, aide de camp du maréchal Ney. Paris, 1914. Р. 67.

991

Такой битвой-образцом в Средневековье являлась битва при Бувине 27 июля 1214 г., где французское рыцарское войско наголову разгромило коалицию феодалов под командованием германского короля.

992

Цит. по: *Sorel A. L'Europe et La Révolution française. Paris, 1905. Т. VII. Р. 13.*

993

Жихарев С. П. Записки современника. М., 2004. С. 137.

994

Не считая 16-го егерского.

995

ЦГВИА. Фонд 846. Оп. 16. № 60.

996

Генерал Вердьер, выделенный для командования кавалерийским депо в Арбурге, не упоминался в рапортах маршала Даву как принявший участие в битве при Аустерлице, однако 25-й драгунский из этой бригады оставался на позиции у Райгерна 2 декабря 1805 года.

997

3-я драгунская дивизия состояла под командованием Буайе по причине болезни генерала Бомона.

998

Надо отметить, что вследствие ранения при Голлабрунне 16 ноября 1805 года Удино был заменен на посту командующего Дюроком; накануне 2 декабря Удино вернулся на свое место, чтобы принять участие в бою. По указанию императора он командовал бригадами

Лапланш-Мортъера и Рюфена, а Дюрок сохранил командование бригадой Дюпа.

999

D. et B. Quintin. Austrelitz. Dictionnaire biographique des oficiers, sous-oficiers et soldats tués ou mortellement blessés à Austerlitz. Paris, Archives & Culture, 2005. P. 10.